

ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
УЧЕНИЙ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Под редакцией
проф. С. Ф. КЕЧЕКЬЯНА и доц. Г. И. ФЕДЬКИНА

Второе издание

ДОПУЩЕНО МИНИСТЕРСТВОМ ВЫСШЕГО
И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНИКА ДЛЯ ЮРИДИЧЕСКИХ
ИНСТИТУТОВ И ФАКУЛЬТЕТОВ

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва — 1960

АВТОРЫ ГЛАВ:

П. Н. Галанза, профессор, гл. гл. III, IV, IX (§ 2), X, XII (§§ 5—7), XVI.

М. П. Карева, доктор юридических наук, профессор, гл. гл. XXIII, XXIV, XXV.

С. Ф. Кечекьян, доктор юридических наук, профессор, гл. гл. I, II, VI, VIII, IX (§§ 1, 3, 4), XII (§§ 1—4, 8—10), XV, XVIII, XXVI, XXXII (§§ 1—7, 9).

В. С. Покровский, кандидат юридических наук, гл. гл. V, VII, XI, XIV, XIX, XX, XXI (§§ 1—4, 7), XXII, XXVII.

С. Л. Ронин, доктор юридических наук, гл. гл. XIII, XVII, XXVIII, XXIX, XXX, XXXI.

Введение написано С. Ф. Кечекьяном и Г. И. Федькиным.

§ 5 гл. XXI написан кандидатами юридических наук А. Н. Таукелевым и Л. В. Дюковым.

§ 6 гл. XXI написан кандидатом юридических наук Х. Вахидовым, профессором М. Д. Луцким и профессором С. А. Раджабовым.

§§ 8 и 10 главы XXXII написаны М. П. Каревой и С. Ф. Кечекьяном.

Заключение написано М. П. Каревой и С. Л. Рониным.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второе издание учебника по курсу истории политических учений подготовлено коллективом научных работников Института государства и права Академии наук СССР и Московского государственного университета в том же составе, какой работал над первым изданием.

В написании главы, посвященной истории передовой политической мысли народов России в XIX веке, приняли участие профессора и преподаватели Казахского, Среднеазиатского и Таджикского государственных университетов.

При подготовке второго издания, особенно глав, посвященных развитию марксистско-ленинского учения, авторы положили в основу своей работы исторические решения XX и XXI съездов партии и последние документы международного рабочего движения.

Авторы приняли во внимание ряд критических замечаний, сделанных при обсуждении первого издания учебника в Институте права АН СССР (см. «Советское государство и право» 1956 г. № 2), а также учли рецензии в печати («Вопросы истории» 1956 г. № 8, «Вопросы философии» 1957 г. № 3).

Некоторые главы учебника подверглись существенной переработке, другие дополнены новым материалом. В целый ряд положений, содержащихся в тексте первого издания, внесены изменения и уточнения.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Задача и значение курса истории политических учений.
§ 2. Предмет истории политических учений. § 3. Метод изучения истории политических учений. § 4. Периодизация истории политических учений. Структура курса

§ 1. Задача и значение курса истории политических учений

Среди общественных наук важное место занимает история политических учений. Задача этой науки состоит в изучении истории идеологической борьбы, происходящей в области политических идей и учений, борьбы передовых мыслителей прошлого с защитниками старых порядков и отживших учреждений. Курс должен показать роль передовых идей и учений в борьбе с идеологиями, враждебными делу демократии и социализма, ознакомить с современной реакционной идеологией и ее историческими корнями.

Курс вооружает знанием истории возникновения и развития марксистско-ленинской политической теории, обогащавшейся и обогащающейся непрестанно все новыми положениями в результате опыта революционной борьбы рабочего класса, в идеологической борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными идеями и учениями.

Марксизм учит, что общественное сознание есть отражение общественного бытия, что различные идеи и учения, в том числе и политические, обусловлены в конечном счете процессами, происходящими в экономике, и являются выражением взглядов борющихся между собой классов. Экономический строй составляет реальный базис общества, от которого зависят и которым определяются различные формы общественного сознания.

Марксизм вместе с тем учит, что политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества, будучи

в конечном счете обусловлены экономикой, сами играют важную роль в жизни общества, оказывают обратное воздействие на базис общества.

В письмах, относящихся к 90 годам прошлого века, Энгельс неоднократно предостерегал против упрощенного понимания исторического материализма, против стремления рассматривать экономический момент как единственно определяющий характер и особенности надстройки. В письме к Блоху от 21—22 сентября 1890 г. он писал: «...Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали»¹. Ход исторической борьбы, отмечал далее Энгельс, преимущественно форму ее, определяют различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, правовые формы, политические, юридические, философские теории и религиозные воззрения².

Старые политические, правовые и иные взгляды, служащие интересам отживающих сил общества, тормозят его развитие, мешают движению общества вперед. Наоборот, новые взгляды, идеи, теории, служащие интересам передовых сил общества, облегчают развитие общества.

Значение новых общественных идей особенно велико в период, когда в недрах старого общества на основе изменения и развития производительных сил созрели условия для революционной ликвидации старых производственных отношений и утверждения новых. В это время наиболее полно развертываются передовые общественные идеи, выражающие потребности и интересы классов, являющихся носителями новых производственных отношений.

Политические идеи передовых классов, которые возглавляют революционную борьбу масс против старого строя, помогают этим классам организовать и сплотить массы на борьбу против отживающих сил общества, создать органы своей революционной власти, использовать завоеванную политическую власть для упразднения старых и утверждения новых производственных отношений. Так было, например, в период буржуазной революции во Франции в конце XVIII века, в ходе которой огромное значение имели политические идеи французских просветителей. Так было в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции, когда во всю мощь развернулась великая мобилизующая, организующая и преобразующая сила передовых, марксистско-ленинских политических идей, и прежде всего сила марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 467.

² См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 467—468.

Передовые идеи и теории возникают и развиваются в борьбе со старыми. История идей есть история борьбы прогрессивных идей, служащих передовым классам, отвечающих назревшим потребностям общества, с реакционными, отражающими интересы и взгляды отживающих классов.

В борьбе идей, идеологической борьбе, проявляется борьба классов, передовых с отжившими и отживающими, трудящихся масс с их угнетателями.

Неоценимым победоносным оружием рабочего класса в его борьбе за освобождение человечества является его революционная теория — марксизм-ленинизм, под знаменем которого советский народ, руководимый Коммунистической партией, одержал свои всемирно-исторические победы, построив социалистическое общество и приступив к развернутому строительству коммунизма. Марксизм-ленинизм освещает путь мировому рабочему классу в его борьбе за мир, демократию и социализм. На XXI съезде КПСС тов. Н. С. Хрущев, отмечая значение марксистско-ленинских идей, говорил: «Марксистско-ленинские идеи имеют для международного рабочего движения, для победы коммунизма такую же животворную силу, как солнечные лучи, как свет и тепло для растений, для жизни на земле. Как сама жизнь беспредельна в своем прогрессивном движении, в своих многообразных проявлениях, так безгранична в своем развитии и обогащении новым опытом и новыми положениями марксистско-ленинская теория»¹.

В идеологической борьбе рабочий класс разоблачает измышления буржуазных идеологов о мнимом «народном» капитализме, о надклассовом якобы характере империалистического государства, о сглаживании классовых противоречий и о затухании классовой борьбы в условиях империализма.

Буржуазная идеология, проникая в ряды рабочего движения, порождает такие явления, как оппортунизм и ревизионизм. Делаются попытки извратить смысл важнейших положений марксизма-ленинизма, оспаривать значение учения марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата, о путях построения социализма, об отмирании государства и права.

Ревизионисты отказываются от марксистско-ленинского учения о сломе буржуазной государственной машины и исторической неизбежности диктатуры пролетариата. Они восхваляют буржуазную демократию как якобы надклассовую организацию, обеспечивающую постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое, игнорируют насильственную сторону буржуазной государственности, фальшивый и антинародный характер буржуазной демократии.

Важнейшей задачей советской общественной науки, и в том числе истории политических учений, является непримиримая борьба

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 129—130.

с буржуазной политической идеологией, со всеми извращениями марксизма и отступлениями от него, борьба с ревизионизмом, составляющим главную опасность для международного рабочего движения. «Наша задача,— говорил В. И. Ленин,— побороть все сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное»¹.

§ 2. Предмет истории политических учений

1. Чтобы определить предмет истории политических учений, необходимо прежде всего уяснить, какой именно круг идей и учений относится к числу политических.

Слово «политический» нередко употребляется как синоним слова «государственный». В этом смысле говорят о политических формах, политической организации, политической централизации, политическом господстве, политической власти. Но чаще слово «политический» берется в более обширном смысле слова, в смысле того, что относится к политике, то есть к борьбе классов, к соотношению классовых сил, к области взаимоотношений между классами. В этом смысле говорят о политических проблемах, политическом значении тех или иных мер, о политических задачах, политических конфликтах и т. п.

Но в политике, в борьбе классов главным является устройство государственной власти. В. И. Ленин говорит: «Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой... *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»². Политика — это область отношений различных классов и слоев к государству и правительству³.

Таким образом, при любом понимании слова «политический» к истории политических учений должны быть прежде всего отнесены идеи и учения, касающиеся государства, его сущности, его формы, его желательной организации. Нельзя не видеть, однако, что эти вопросы теснейшим образом связаны с вопросами общественного строя, с вопросом о соотношении классов, их положении в обществе. Эта связь всегда сказывается и у самих носителей тех или иных политических идей, которые, говоря об организации государственной власти, либо прямо затрагивают вопросы общественного устройства, либо молчаливо предполагают определенное их решение (например, политические мыслители рабовладельческого класса выступают на защиту рабства, политические мыслители класса феодалов пытаются обосновать правомерность крепостничества и т. п.).

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 345.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 97—98.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 392.

От политических взглядов следует отличать правовые, которые, однако, тесно связаны с первыми и подчас неотделимы от них. Правовые взгляды касаются вопроса о правовом закреплении экономического и политического строя, о наилучших способах и формах организации общественных отношений и политической власти при посредстве правовых норм.

Право неотделимо от политики господствующего класса. «Закон есть мера политическая, есть политика»,— говорит В. И. Ленин¹. Право всегда имеет известное политическое содержание. Притом главное в политике, как уже было отмечено, это вопрос о государственной власти, об отношении к государству тех или иных общественных классов, а право и государство неотделимы, они неразрывно связаны друг с другом. Поэтому правовые идеи и учения не отделены непроницаемой гранью от политических идей и учений, но самым тесным образом с ними связаны.

Следует только иметь в виду, что не все правовые взгляды в одинаковой степени могут служить раскрытию сущности политических воззрений того или иного мыслителя или содержания того или иного направления политической мысли. В курсе истории политических учений не требуется останавливать внимание на правовых взглядах по всем отраслям или тем более по всем институтам права, а в каждом случае следует отмечать правовые взгляды, способные наилучшим образом охарактеризовать данное политическое направление, указывая в одних случаях на гражданскоправовые, в других случаях на уголовноправовые или международноправовые взгляды мыслителей.

2. Политические и правовые взгляды, как и вся духовная жизнь общества, являются отражением условий его материальной жизни. Они имеют классовый характер, создаются определенным классом, служат интересам этого класса.

В. И. Ленин подчеркивал: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов»².

При этом господствующими идеями общества являются идеи господствующего класса. Но и другие классы общества создают и выдвигают свои идеи, свои представления о мире, природе и общественной жизни. Возникают идеи, революционизирующие все общество. Это свидетельствует о том, что внутри старого общества образовались элементы нового, что происходит не только разложение старых условий жизни, но и старых идей³.

В эксплуататорском обществе господствующие идеи не выражают и не могут выражать интересов всего общества. Политические

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 36.

² В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 7—8.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 445.

идеи господствующего класса своим острием направлены на оправдание эксплуатации и подавления трудящихся масс. Исключение составляет только период буржуазных революций, когда буржуазные идеологи могли выступать как представители всего общества.

В условиях социализма, как и в условиях борьбы за социализм, политические и правовые идеи рабочего класса, осуществляющего государственное руководство обществом, являются выражением интересов всех трудящихся, всего общества, развитие которого базируется на общественной социалистической собственности.

Из сказанного выше следует, что предметом истории политических учений является история возникновения и развития взглядов и учений борющихся между собой классов относительно сущности государства и политической (государственной) организации общества, а также взглядов, касающихся общественного строя и правовых институтов, поскольку те и другие связаны с политическими, борьба прогрессивных политических взглядов и учений с реакционными.

Взгляды борющихся между собой классов находят свое выражение главным образом в определенных направлениях политической мысли, нередко складывающихся в ходе какого-либо общественного движения, отражающихся в программах борющихся партий.

К какой бы общественно-экономической формации в рамках классового общества мы не обратились, мы видим прежде всего борьбу течений, направлений политической мысли. Так, в феодальном обществе господствующие классы ищут идеологической опоры в господствующей религии и в тех политических идеях и «теориях», которые вырабатывает господствующая феодальная церковь (католичество, православие, ислам, буддизм и т. д.). Протест угнетенных классов находит свое выражение в различных «ересях» (тондракийцы, богумилы, катары, альбигойцы, стригольники, табориты).

Позднее, в период разложения феодального строя, с ростом городов и буржуазии в феодальном обществе разворачивается антифеодальное реформационное движение, выражающее в основном протест бюргерства против феодализма. В Голландии и Англии реформационное движение (кальвинизм) выдвинуло программу революционной ликвидации феодального строя. Кальвинизм послужил идеологическим облачением буржуазии в ранних буржуазных революциях в Западной Европе. Во Франции кальвинисты выступили с политическим учением «монархомахов».

Влиятельным направлением политической мысли в период борьбы буржуазии за политическую власть было учение о естественном праве XVII—XVIII вв., послужившее идеологическим оружием буржуазии в ее борьбе против феодальных производственных

отношений и феодальной монархии. Политические взгляды борющихся классов нашли свое выражение в этот период в программах партий и в различных течениях мысли в английской и французской буржуазных революциях XVII—XVIII вв. Позднее буржуазия отбрасывает естественноправовую идеологию и выступает с идеологией либерализма, знаменующего стремление буржуазии к проведению политики «невмешательства», не ограниченного ничем предпринимательства и эксплуатации наемного труда.

Эти примеры, число которых можно значительно умножить, показывают, что политические учения чаще всего не составляют идейного творчества одного какого-либо лица, идей одного какого-либо мыслителя, а представляют собою выражение требований и интересов целого класса или какой-либо его части на данном этапе развития той или иной общественно-экономической формации.

Маркс, отмечая, что «над различными формами собственности, над социальными условиями существования возвышается целая надстройка различных и своеобразных чувств, иллюзий, образов мысли и мировоззрений», указывает далее: «Весь класс творит и формирует все это на почве своих материальных условий и соответственных общественных отношений»¹.

Это не означает, однако, что идеи и учения должны рассматриваться как нечто безликое, не связанное с отдельными их носителями. Напротив, указание на конкретных представителей того или иного направления, выступающих в качестве выразителей взглядов и интересов того или иного класса, той или иной социальной группы, содействует, возможно, более полной и всесторонней характеристике направления, позволяет указать различные его оттенки, а также лучше вскрыть процесс формирования и развития тех или иных учений.

При этом, разумеется, необходимо найти типичное для данного направления, остановиться на мыслителях, которые с наибольшей определенностью и полнотой передают политические и правовые взгляды того или иного класса или части данного класса.

3. Курс истории политических учений изучает возникновение и развитие политических и правовых взглядов борющихся классов различных общественно-экономических формаций. Он охватывает, следовательно, как историю идей и учений, возникших до появления марксизма, так и историю развития марксистско-ленинской политической мысли.

Надлежащее место в курсе отводится при этом развитию политических идей и учений в России. В дореволюционных курсах по истории политических учений («истории философии права» — как именовали обычно этот предмет) разделы о России, как правило, совершенно отсутствовали. Что касается отдельных работ, посвященных истории политических и правовых учений в России, то в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 145.

них господствовали антинаучное отрицание самостоятельности идейного развития русского общества, стремление представить политические учения в России как продукт простого заимствования у писателей Запада, превосходство которых перед русскими мыслителями принималось за истину, не требующую доказательств. Между тем русская политическая мысль отличается значительной самобытностью, и во многих случаях русские мыслители не уступают западноевропейским по глубине анализа общественных явлений и прогрессивности своих взглядов. Достаточно назвать таких мыслителей, как Радищев, Пестель, русские революционные демократы.

Высшим научным достижением в развитии политической и правовой мысли домарковского периода были политические и правовые взгляды русских революционных демократов.

В России сложился и вырос в непобедимую силу ленинизм — высшее достижение русской и мировой культуры.

Было бы, однако, неправильно изображать развитие политической мысли в России как происходящее вне общемирового движения мысли, отрицать значение идейных связей России с Западом для развития политической мысли.

Передовые мыслители в России изучали и горячо поддерживали все лучшее, прогрессивное, что давала политическая мысль в других странах, и вели непримиримую борьбу с отживающими и реакционными взглядами и идеями Запада.

Важную задачу курса составляет также изложение передовых политических учений народов СССР, особенно революционно-демократических идей, развивавшихся под воздействием революционного движения в России.

Буржуазные курсы истории политических учений принижают значение политической мысли народов Востока (Китай, Индия, арабские страны), нередко совершенно игнорируя сложившиеся у народов этих стран политические учения. Такое отступление от исторической правды порождено высокомерным отношением к народам Востока и антинаучным стремлением отрицать оригинальность и значительность культурного творчества восточных народов.

Марксистско-ленинская история политических учений, осуждая эти предвзятые, совершенно необоснованные точки зрения, имеет своей задачей исследовать и раскрыть политическую идеологию народов Востока как в древнейшие времена, так и в новое время.

4. В курсе истории политических учений рассматривается история возникновения и развития марксистской политической мысли. Возникновение марксизма, обусловленное всем ходом предшествующего развития человеческого общества, было переворотом, революцией в истории мысли. Это учение впервые в истории человечества дало научное выражение коренным интересам угнетенных классов, и прежде всего ведущей силы трудящихся масс — пролетариата.

Маркс и Энгельс доказали, что «способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹. Они вскрыли законы развития капиталистического общества и показали неизбежность революционного низвержения капитализма и перехода человеческого общества к коммунизму.

Маркс и Энгельс создали подлинно научное мировоззрение — диалектический материализм, применение положений которого к изучению общества является необходимым условием познания общественных явлений.

Учение Маркса — Энгельса не только объясняет мир, но благодаря научному познанию объективных законов развития природы и общества указывает пути к его революционному преобразованию.

В курсе истории политических учений не ставится задача охватить историю развития марксизма в целом. Основное внимание сосредоточивается на возникновении и развитии учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о социалистическом государстве как главном орудии строительства социализма и коммунизма и защиты социалистических завоеваний трудящихся от его врагов. Вместе с этим в курсе рассматривается также история развития марксистско-ленинского учения о праве, и прежде всего о социалистическом праве.

Изучение возникновения и развития марксистско-ленинского учения о государстве и праве составляет важнейшую часть истории политических учений как науки.

§ 3. Метод изучения истории политических учений

1. Научное марксистское изучение истории политических учений исходит из необходимости указать связь политических идей и учений с породившими их условиями материальной жизни общества, вскрыть классовое содержание этих идей и учений.

В соответствии с требованиями марксистского диалектического метода история политических учений рассматривает возникновение и развитие тех или иных политических взглядов и теорий не в изолированном виде, не в отрыве от окружающих явлений, не с точки зрения «вечной справедливости» или другой какой-либо предвзятой идеи, а с точки зрения тех условий, с которыми связаны возникновение, развитие и изменение политических идей и теорий.

Наука истории политических учений ставит задачу показать связь политических идей с базисом общества, обусловившим появление этих идей, а также их обратное воздействие на экономику общества, исследовать связь политических идей и учений

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 322.

с правовыми, философскими, религиозными взглядами, а также с учреждениями общества, которые представляют результат сознательного творчества господствующего класса в соответствии с его политическими и правовыми взглядами.

Поэтому необходимо учитывать при объяснении политических учений не только экономический строй общества, но и весь, нередко сложный ход политической борьбы, формы государства, борьбу идеологий, религиозные догмы и т. п. Нельзя забывать, в частности, что сами идеологии приобретают относительную самостоятельность и оказывают обратное воздействие на экономику общества.

2. Развитие новых политических и правовых взглядов общества происходит непрерывно. Так, например, возникнув, непрерывно развивается, совершенствуется политическая идеология рабочего класса, получившая свое выражение в марксизме-ленинизме.

В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, отдельные его положения и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться в отдельных случаях новыми положениями и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм несовместим с догматизмом.

Всякий процесс развития протекает в порядке раскрытия противоречий, свойственных явлениям, в порядке борьбы противоположных тенденций, возникающих как следствие этих противоречий. Распространение этого положения диалектического метода на область общественной жизни приводит к выводу о классовой борьбе как о совершенно закономерном явлении этой жизни, а это позволяет понять характер и значение политических идей в борьбе различных классов за политическую власть, отражение этой борьбы в политических учениях.

История политических учений уделяет поэтому особое внимание изучению борьбы новых, передовых политических идей со старыми, отживающими теориями, и прежде всего борьбы марксистской науки против реакционных идей и теорий, против апологетов современного империализма.

3. Распространяя на изучение общественных явлений положение диалектического материализма о непрерывном движении и развитии, об отмирании старого и нарастании нового, марксистско-ленинская наука отбрасывает учения о «незыблемых» общественных порядках, о «вечных принципах» частной собственности и эксплуатации.

В буржуазной историографии, как правило, идеи изображаются в отрыве от интересов классов, борющихся в обществе, как «всеобщие», «всечеловеческие», «вечные». Характерно, например, что Б. Н. Чичерин, автор пятитомной «Истории политических учений», первые четыре тома которой вышли в свет в 60—70-х годах прошлого столетия, изображает всю историю политических учений как некий круговорот одних и тех же идей. По его мнению, в каж-

дом государстве необходимо различать четыре основных элемента: общественную власть, свободу, закон и общее благо как цель общества. Каждый из этих элементов, по словам Чичерина, «может сделаться точкой отправления для известного воззрения на государство»¹. Эти воззрения, как он полагает, постоянно повторяются в истории и в своей совокупности якобы образуют «полный цикл учений о государстве». Отличие позднейших циклов от предшествующих «состоит в большем или меньшем развитии начал, в методе исследования, иногда в примеси посторонних элементов; но существенное содержание остается то же. Мысль не в состоянии выйти из этих пределов, ибо для нее нет иных элементов, кроме существующих, кроме тех, которые лежат в самой природе государства»².

Б. Н. Чичерин не только отрывает политические идеи от той реальной материальной почвы, на которой они выросли, не только рассматривает их в качестве абстрактно взятых «вечных» принципов организации государства и общества, но и отрицает действительное развитие политических идей, склоняясь к учению о вечном круговороте в истории.

Заметим здесь, что отрицание объективного характера прогресса в последнее время довольно широко распространено среди буржуазных ученых. Социологи Запада утверждают, что прогресс — это не более как субъективная оптимистическая оценка исторического процесса, не соответствующая объективной действительности. Поэтому они предпочитают говорить о социальных изменениях, избегая употреблять не только слово «прогресс», но даже такие выражения, как «эволюция», «развитие». Это было со всей определенностью продемонстрировано в 1956 году на III Международном конгрессе социологов, который был посвящен, как известно, проблеме социальных изменений в XX веке.

Типичной в указанном отношении является книга американского профессора Бэри «Идея прогресса». Прогресс, по словам автора, — это оптимистическое наименование процесса изменения. Когда-то такое же значение имела идея провидения. Придет время, говорит Бэри, когда на более высоком уровне развития наших знаний какая-нибудь новая идея займет место понятия прогресса в качестве руководящей идеи человечества³. В действительности научный анализ исторического процесса необходимо приводит к выводу о том, что понятие о развитии, прогрессе общества отражает объективную закономерность и не составляет произвольной субъективной оценки того или иного мыслителя.

В последнее время в капиталистических странах в большом количестве издаются книги, в которых развитие политической и общественной мысли рассматривается как замкнутый в себе процесс, определяющийся воздействием одних идей на другие, внутренней

¹ Б. Н. Чичерин, История политических учений, ч. 1, М., 1869, стр. 8.

² Там же, стр. 5.

³ См. I. В. Уигу, The Idea of Progress, New York, 1955, p. 352.

связью идей. Согласно представлениям буржуазных философов, историков и юристов идеи развиваются сами по себе, имеют свою самостоятельную историю; они якобы не обусловлены развитием материальной жизни общества и сами по себе определяют ход исторического процесса. Поэтому буржуазные ученые не уделяют необходимого внимания экономическому строю как первичному и определяющему фактору общественной жизни.

Так, например, американец Даннинг, автор обширной истории политических учений, интересуется не связью политических идей с экономикой и порождаемой ею борьбой классов, а главным образом связью их с этикой и философией, отчасти — с политическими учреждениями¹.

В произведениях, появившихся в свет после первой мировой войны, отдельные буржуазные авторы порой признавали значение борьбы «социальных сил», интересов отдельных общественных групп для формирования и развития политических теорий. Так, в вводной главе вышедшей в 1924 году под редакцией профессора Мерриэма и Бернса «Истории политических теорий новейшего времени» признается, что на политические идеи значительное влияние оказывают «промышленные силы», в том числе «распространение экономической предприимчивости на весь мир, организация рабочих, дальнейшее развитие индустриализации и урбанизации». Однако значение идей не раскрывается под углом зрения зависимости их от борьбы указанных социальных сил².

Джордж Сэбин в своей «Истории политических учений» говорит, что политические идеи составляют часть политики и в этом смысле часть «социальной среды», что они развиваются вместе с институтами и органами правительства, моральным и физическим давлением, которое правительство оказывает. Однако связь идей с общественно-экономическим строем не только не вскрывается, а совершенно игнорируется. Достаточно сказать, что автор делит «Историю политических учений» на три раздела: 1) «теория государства-города», 2) «теория универсальной общины», 3) «теория национального государства»³. Совершенно очевидно, что эта периодизация исходит из характера самих политических идей, а не из особенностей экономического базиса общества, и поэтому она не помогает раскрытию причин изменений в политической идеологии.

Вопрос о подлинных материальных и классовых причинах появления тех или иных учений, как правило, в книге не ставится. Так, взгляды Томаса Мора объясняются влиянием Платона и некоторых средневековых учений, рассматриваются как «выражение некоторых старых идеалов». Идеи голландского юриста XVII

¹ См. W. Dunning, A History of Political Theories, Vol. I—III, 1902—1920.

² «A History of Political Theories Recent Times». Edited by Ch. E. Merriam and H. E. Barnes, New York, 1924, p. 1—21.

³ George H. Sabine, A History of Political Theory, London—Calcutta—Sidney, 1937.

века Гуго Гроция рассматриваются в отрыве от революционных событий, имевших место в стране накануне появления его трудов. Они трактуются в главе под названием «Модернизированная теория естественного права». Учение Монтескье, а также теория Руссо не раскрыты с точки зрения причин их возникновения и социального содержания.

Весьма характерной для буржуазной методологии является книга английского автора Чарльза Верекера «Развитие политической теории»¹. Полная самостоятельность, которую автор приписывает развитию идей, подчеркнута здесь тем, что Верекер последовательно останавливается на различных политических идеях, преобладающих, по его мысли, в тот или иной исторический период. Соответственно этому главы книги посвящены идеям: справедливости, порядка и мира, прав личности, счастья, прогресса, свободы. Историческая перспектива в результате такого изложения нарушена, сдвинута, а подлинные причины развития идей остаются нераскрытыми.

Вследствие ненаучного характера методологии произведения буржуазных авторов в области истории политических учений страдают крайней ограниченностью: вместо объяснения причин появления идей, их смысла и значения в общественной жизни дается абстрактный пересказ взглядов тех или иных мыслителей, делается попытка раскрыть взаимосвязь идей различных времен и народов, установить «филиацию идей», факты заимствования политических теорий одними мыслителями у других.

4. Буржуазные ученые нередко стремятся скрыть классовую сущность своих учений о государстве и праве под фальшивым флагом «объективности».

В лекции «О государстве» Ленин, разоблачая подлинное назначение буржуазных учений о государстве, указывал, что они призваны служить оправданием эксплуатации и капитализма. Он говорил: «В вопросе о государстве, в учении о государстве, в теории о государстве, вы всегда увидите, когда познакомитесь с вопросом и вникнете в него достаточно, всегда увидите борьбу различных классов между собой, борьбу, которая отражается или находит свое выражение в борьбе взглядов на государство, в оценке роли и значения государства»².

Буржуазный объективизм — это только маска, под которой скрываются враждебность по отношению к научной истине, преследование узкоэгоистических интересов эксплуататорского класса.

Марксизм-ленинизм учит, что наука партийна, то есть является выражением определенной классовой точки зрения; все попытки буржуазных идеологов доказать аполитичность, беспартийность науки лишены всякого основания.

¹ Charles Vereker, The Development of Political Theory, London, 1957.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 435.

Ленин, раскрывая классовый характер буржуазной философии, писал: «Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад»¹.

Партийность марксистско-ленинской науки означает, что все научные вопросы рассматриваются марксистами в свете интересов рабочего класса, с точки зрения классовых противоречий, раскрывающихся в общественной жизни, в идеологической борьбе.

Марксистско-ленинская наука о государстве и праве возникла, формировалась и развивалась в непримиримой борьбе со всеми реакционными учениями о государстве и праве, с объективизмом, национализмом и расизмом, получившими в капиталистических странах особенно широкий размах в период империализма. Она развивалась и крепла в неустанной борьбе со всякими оппортунистическими взглядами на государство и право, с ревизионизмом, извращающим марксистское понимание сущности государства, характера буржуазной демократии, соотношения демократии и диктатуры.

5. Диалектический метод требует исторического подхода к рассмотрению политических идей и оценке их значения. Одни и те же идеи имеют в одну эпоху прогрессивное значение, а в другую — реакционное.

Необходимо вскрыть роль мыслителя в рамках той исторической обстановки, в которой протекала его деятельность, значение идеологии для классовой борьбы в тот или иной исторический момент в той или иной стране.

Содействуя первоначально развитию базиса общества, идеи могут стать позднее помехой экономическому и политическому развитию. Так, например, защита абсолютизма была прогрессивной в период начавшегося разложения феодализма на Западе и в России и стала реакционной накануне буржуазной революции на Западе и со второй половины XVIII века в России. Буржуазное учение о естественном праве было прогрессивным в период борьбы буржуазии против феодального строя и стало реакционным в некоторых своих разновидностях в период империализма.

Образцы глубокого исторического анализа при определении роли мыслителей прошлого содержатся в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Напомним здесь, например, характеристику роли декабристов, данную Лениным в статье «Памяти Герцена». Отмечая узость круга этих дворянских революционеров и то, что они были страшно далеки от народа, Ленин указывал вместе с тем на значение их деятельности для последующего развития революционного движения в России².

Вскрывая в других работах отдельные слабые стороны взглядов революционных демократов (Герцена, Белинского, Чернышевского), В. И. Ленин вместе с тем высоко оценивал огромную исто-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 343.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14—15.

рическую роль этих мыслителей как предшественников русской социал-демократии¹.

Решающим для оценки мыслителя не может быть его бескорыстие или, наоборот, своекорыстие. Не тем, что мыслители думают о себе, не их самосознанием определяется прогрессивность идей и учений.

Отдельные лица могут вполне искренно и убежденно отстаивать те взгляды и те общественные порядки, которые служат узким классовым интересам.

Было бы, например, неправильно полагать, что мелкая буржуазия всегда сознательно стремится отстоять свои эгоистические классовые интересы. Наоборот, как пишет Маркс, она верит, что «...специальные условия ее освобождения суть в то же время те общие условия, при которых только и может быть спасено современное общество и устранена классовая борьба»².

Следует напомнить (о чем было сказано выше), что буржуазия в период буржуазных революций нередко выступала как представитель всего общества. Происходило это от того, что вначале ее интересы были действительно более или менее связаны с общими интересами всех остальных, негосподствующих классов, не успев еще развиться в особые интересы особого класса.

Бескорыстие буржуазных просветителей в период борьбы с крепостничеством и феодальной монархией объясняется тем, что, как отмечал В. И. Ленин, новые общественно-экономические отношения находились еще в зародышевом состоянии и буржуазные идеологи были далеки от того, чтобы рассматривать интересы буржуазии как особые, отличные от интересов общества в целом³.

Однако было бы неправильно распространять это положение на все те случаи, когда идеологи выдвигали лозунги служения общему благу, общенациональным интересам.

Когда буржуазия прочно стала у власти, ее теоретики, такие, как Бенжамен Констан во Франции, Джон Стюарт Милль в Англии, уже сознательно выдвигали требование о различных ограничениях политических прав трудящихся, опасаясь усиления влияния народных масс на общественную жизнь.

Помимо роли мыслителя в классовой борьбе историческое его место определяется также тем воздействием, которое он оказывает на развитие учений об общественной жизни, о происхождении и назначении политической организации и т. п.

Под этим углом зрения несомненны заслуги Платона, указавшего на роль разделения труда в обществе; Аристотеля, разработавшего вопрос о формах государства и причинах государственных переворотов и своими догадками бросившего свет на классовую сущность государства и права; Бодена и Монтескье, сделавших попытки вскрыть некоторые закономерности общественной жизни;

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 342.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 148.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473.

наконец, значение гегелевской диалектики. Заслуживают высокой оценки гениальные догадки, содержащиеся в трудах утопистов начала XIX века.

Из сказанного ясно, насколько сложной зачастую является оценка мыслителей прошлого. В этой связи интересно отметить, что догадки о роли классовой борьбы и о закономерности развития общества в более определенной форме были выражены в конце XVIII — начале XIX века не у передовых мыслителей, не у просветителей, а у некоторых буржуазных либералов (Гизо, Тьерри), у гегельянцев и даже у таких реакционных писателей, какими были представители исторической школы права.

В. И. Ленин отмечал, что Маркс сумел воспринять и развить дальше, с одной стороны, «дух XVIII века» в его борьбе с феодальной и поповской силой средневековья, а с другой — экономизм и историзм, а также диалектику философов и историков начала XIX века. «Что в учениях реакционеров — историков и философов, — писал В. И. Ленин, — были глубокие мысли относительно законосообразности и борьбы классов в смене политических событий, это Маркс указывал всегда с ясностью, не оставляющей места недоразумениям»¹.

Однако в отличие от мыслителей прошлого, отмечавших значение классовой борьбы в истории, Маркс впервые выдвинул идею диктатуры пролетариата, показал ее историческую неизбежность и ее историческую роль как средства построения коммунистического бесклассового общества.

При оценке мыслителей прошлого следует в особенности помнить слова В. И. Ленина, видевшего в учении Маркса преемника всего лучшего, что создано было в истории человеческой мысли. В. И. Ленин назвал исторические источники марксизма. Это — немецкая философия, английская политическая экономия, французский социализм.

Марксизм, разумеется, не отвергает также демократических принципов, выдвинутых просветителями XVII—XVIII вв.; он углубляет их, требуя полной и широкой реализации этих принципов, их подлинного и всестороннего осуществления, а не формального только провозглашения.

Прогрессивное значение отдельных учений прошлого, их роль в развитии общественной жизни и в прогрессе наших знаний об обществе не снимают необходимости критического отношения к идейному наследию прошлого.

Подлинный историзм в рассмотрении развития политической мысли исключает затушевывание социально-экономических корней тех или иных учений под тем предлогом, что те или иные мыслители объективно отстаивали общенародное дело или рассматривали свои учения как служащие прогрессу или благу всего народа, или под

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 183.

тем предлогом, что они подготовляли условия для выработки научного материалистического понимания исторического процесса.

6. При изучении истории идей, как и при любом ином историческом исследовании, необходимо строго следовать требованиям диалектики в отношении сочетания общего и особенного. Недопустимо подменять конкретное рассмотрение фактов и процессов абстрактными социологическими схемами. Об этом много и хорошо было сказано в свое время в философской и исторической литературе в связи с критикой «социологизма» М. Н. Покровского и его школы.

Однако, с другой стороны, неправильно было бы отрицать значение общих характеристик и обобщений в историческом изложении. История не может представлять собою конгломерата фактов, не собранных и не сведенных к некоторым общим линиям развития, к некоторым общим положениям и выводам.

Буржуазная неокантианская методология, отрицающая необходимость обнаружения закономерностей общественного развития, подчеркивает значение индивидуального, своеобразного, единичного в истории. Риккертская методология истории объявляет задачей истории изучение единичного во всей его неповторимости.

Важным во взглядах мыслителя с этой точки зрения представляется то, что имеет отношение к «ценностям», то есть соответствует идеям, субъективно изображаемым тем или иным ученым в качестве неких «вечных», «общечеловечных» истин. Общие черты, свойственные различным идеям определенной эпохи, при такой установке не привлекают внимания исследователя: оно целиком направлено на выяснение своеобразия взглядов отдельных мыслителей, особенностей, им присущих. Не удивительно, что нередко вместо анализа взглядов того или иного теоретика буржуазные авторы ограничиваются пересказом содержания его произведений в отрыве от исторической обстановки.

С точки зрения марксистской методологии задача состоит не только в том, чтобы передать содержание того или иного учения, но и в том, чтобы вскрыть те общие закономерности, которые в нем обнаруживаются, показать общие черты, характерные для ряда учений, однородных по своей классовой сущности, установить связь идей с другими сторонами общественной жизни данной эпохи, показать их взаимодействие и взаимовлияние.

Разнообразие процесса развития в различных странах не исключает необходимости исторических обобщений. Без них история лишена руководящей нити в оценке многообразия фактов. Поэтому необходимо давать решительный отпор пренебрежительному отношению к общим характеристикам и обобщениям, выступающему под флагом борьбы со «схематизмом» и «социологизмом».

Изучение особенного, связанного с условиями жизни данной страны, должно происходить на базе раскрытия общих закономерностей.

§ 4. Периодизация истории политических учений. Структура курса

1. Деление истории политических учений на периоды производится, исходя из общественно-экономических формаций, сменяющихся в истории общества.

Однако вместе с тем следует иметь в виду, что политические взгляды классов, не располагающих государственной властью, идущих к власти, складываются еще в недрах старого общества. Так, зачатки феодальных политических взглядов появились еще в рамках рабовладельческого общества, буржуазная политическая идеология созрела в передовых странах Европы до буржуазных революций (Макиавелли в Италии, Ла Бозси, а позднее Монтескье и Руссо во Франции, индипенденты в Англии).

Революционная теория пролетариата — марксизм — возникла в рамках капиталистического общества.

Этот важный рубеж в истории философской и политической мысли должен быть отмечен в периодизации курса наряду с делением его на разделы в связи со сменой общественно-экономических формаций. Курс истории политических учений состоит поэтому из двух основных частей: первая часть посвящена истории развития политической мысли до возникновения марксизма, а вторая — развитию марксистско-ленинской политической мысли в ее борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными политическими учениями.

2. Политические и правовые взгляды и теории появляются в рабовладельческом обществе, разделенном на рабов и рабовладельцев. Рабовладельцы могли удерживать в подчинении огромные массы рабов и обездоленного, разоренного свободного населения лишь путем жесточайшего террора. Рабовладельческое государство было мощным орудием этого подавления. Вместе с тем одним из важнейших средств, с помощью которого рабовладельцы древнейших стран Востока, древней Греции и Рима держали в узде рабов, было и идеологическое оружие.

Взгляды и теории класса рабовладельцев были подчинены задаче оправдать существование рабства, доказать, что полное бесправие рабов, признание раба вещью, «говорящим орудием», есть справедливое, «естественное», «божественное» установление. Идеологи господствующих классов обосновывали неизбежность концентрации политической власти в руках рабовладельцев, необходимость всемерного укрепления рабовладельческого государства, бывшего орудием эксплуатации и подавления рабов.

Это, разумеется, не исключало противоречий между отдельными группами рабовладельцев, противоречий, получавших свое отражение и в острой идейной борьбе этих группировок.

Но в основных, коренных вопросах идеология класса рабовладельцев была единой.

Среди рабов, поставленных в нечеловеческие условия существования, не сложилось законченных представлений о новых обще-

ственных порядках, которые должны были бы сменить рабовладельческий строй. Это не значит, однако, что рабы были безразличны к общественным порядкам и отношениям, охраняемым и закрепляемым рабовладельческим государством. Исторические памятники свидетельствуют о том, что на протяжении всего существования рабовладельческого строя рабы вели ожесточенную борьбу против своих поработителей — рабовладельцев.

3. На смену рабовладельческому строю пришел феодальный.

С ликвидацией рабовладельческого строя меняются господствующие взгляды общества. Феодалы выдвигают свои политические идеи и теории.

В многочисленных политических и правовых учениях, созданных в период феодализма, получила отражение жестокая классовая борьба между закрепощенным, подвергавшимся безудержной эксплуатации крестьянством и феодалами, светскими и духовными.

Политические теории духовных и светских феодалов создавались и распространялись прежде всего для внушения трудящимся массам мысли о незыблемости и богоустановленности крепостнических отношений.

Господствующей идеологией в феодальном обществе была религия. Церковь, являвшаяся крупнейшим феодалом, располагавшая огромными земельными богатствами, денежными и иными средствами, освящала и санкционировала существующий феодальный строй¹. Она оправдывала эксплуатацию и закрепощение крестьян, маскировала сугубо земные способы ограбления народов покровом божественных установлений, вселяла и укрепляла в народе веру в неприкосновенность, вечность устоев феодального строя. Церковь была монополистом во всех областях умственной жизни. «В руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, оставались простыми отраслями богословия и к ним были применены те же принципы, которые господствовали в нем. Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона»².

Церковь и светские феодалы огнем и мечом боролись против антифеодальных идей. На кострах инквизиции, в застенках феодальных князей и императоров гибли те, кто осмеливался поднять голос протеста против феодального строя и феодального богословского мировоззрения.

Но эти меры не остановили и не могли остановить развития передовой общественно-политической мысли, появление которой было обусловлено всем ходом экономического развития классового общества.

4. По мере развития производительных сил и превращения феодальных производственных отношений в препятствие для их дальнейшего роста, а также в связи с обострением классовой борьбы стали

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360—361.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360.

получать все большее распространение новые, передовые идеи и теории, оправдывающие борьбу масс против феодального строя. Буржуазия, кровно заинтересованная в уничтожении феодальных порядков и отношений, выступала тогда знаменосцем передовых идей. Она стала во главе масс, боровшихся против феодального гнета, являясь носителем новых производственных отношений. Буржуазия была защитницей передовых политических и правовых идей. Именно в целях борьбы за ниспровержение феодального строя буржуазные идеологи выступали против права-привилегии господствовавших в феодальном обществе классов и провозглашали наличие у человека естественных и неотчуждаемых прав. Ненависть крестьянства к феодальному строю, к феодальному государству, к режиму феодального бесправия проявлялась все более определенно и открыто. Антифеодальные идеи и теории имели большое значение в мобилизации народных масс на революционную борьбу против феодализма. Участие в борьбе против феодального гнета широких народных масс имело решающее значение в подготовке буржуазных революций, обеспечило их победу, победу новых капиталистических производственных отношений.

Политические и правовые взгляды буржуазии, сложившиеся на заре буржуазной революции, и те политические и правовые учреждения, которые буржуазия создала после своей победы, сыграли серьезную роль в укреплении капиталистических производственных отношений. Но в современных условиях развития капитализма империалистическая буржуазия из передовой силы, которой буржуазия была когда-то, превратилась в силу реакционную; она отбросила демократические лозунги и идеи, которые использовала как знамя в период буржуазных революций.

5. Вся история капитализма есть история ожесточенной борьбы рабочего класса — передовой силы и вождя всех трудящихся со своими эксплуататорами.

В непримиримой борьбе с капитализмом величайшей силой в руках рабочего класса является марксизм, как подлинно научное мировоззрение пролетариата, созданное Марксом и Энгельсом.

Опираясь на открытые марксизмом законы развития общества, Коммунистическая партия Советского Союза, организовав союз рабочего класса и трудового крестьянства, добилась в результате Великой Октябрьской социалистической революции свержения власти капиталистов и помещиков, установления диктатуры пролетариата, ликвидации капитализма, уничтожения эксплуатации человека человеком, обеспечила построение социалистического общества и переход к развернутому строительству коммунизма в СССР.

Свержение власти помещиков и капиталистов и организация диктатуры пролетариата означали превращение политических и правовых взглядов рабочего класса и руководимых им трудящихся масс во взгляды, господствующие в советском обществе. В соответствии с этими взглядами образуются, действуют и осуществляют свои задачи и функции все политические и правовые учреждения

советского общества. Политические взгляды советского общества — это взгляды активных строителей нового общественного строя.

Марксизм-ленинизм является ныне теоретической основой огромной созидательной работы, которую ведут трудящиеся народно-демократических стран под руководством коммунистических и рабочих партий по строительству социализма.

Марксизм-ленинизм является оружием в руках трудящихся капиталистических стран, коммунистических и рабочих партий, действующих в условиях буржуазных государств и ведущих борьбу против империализма — этого главного врага освободительного движения.

Агрессивные империалистические круги используют все силы и средства для того, чтобы помешать поступательному движению человечества. Важным орудием в этом деле является находящийся в их руках государственный аппарат. С его помощью они стремятся проводить политику с «позиции силы» в международных отношениях, ведут систематическую подрывную работу против стран социалистического лагеря, расправляются с неугодными им прогрессивными силами внутри страны.

Немалую услугу лагерю империализма и агрессии оказывают современные ревизионисты. Приукрашивая эксплуататорскую сущность современного империалистического государства, они воскрешают давно разгромленную марксизмом теорию надклассового государства. Они утверждают, что в условиях империализма происходит «рассеивание» власти между общественными классами, что буржуазное государство становится силой, стоящей над обществом, и служит как интересам капиталистических монополий, так и рабочего класса. Всячески сглаживая принципиальные различия между двумя в корне противоположными по их классовой сущности типами государства — капиталистическим и социалистическим, — ревизионисты клеветуют на социалистическое государство, изображают его в качестве силы, оторванной от народа. Извращением и прямым отступлением от основных положений марксистско-ленинского учения о государстве и социалистической революции, отрицанием идеи диктатуры пролетариата современные ревизионисты пытаются внести раскол в международное рабочее движение, подорвать веру рабочего класса и трудового народа в социализм. Именно поэтому коммунистические партии всех стран мира клеймят современный ревизионизм как агентуру классового врага в рабочем движении.

6. Периодизация истории политических учений строится, как было указано, применительно к истории смены одного типа производственных отношений другим, к истории развития основных этапов классовой борьбы.

Этим определяется структура курса истории политических учений и учебных руководств по нему. Данный курс охватывает историю политических учений рабовладельческого и феодального общества, историю политических идей и учений в период борьбы

буржуазии с феодалами за утверждение капиталистических порядков и отношений, историю политических учений в капиталистическом обществе в период до возникновения марксизма и историю развития политических взглядов русских революционных демократов.

Курс истории политических учений содержит историю возникновения и развития марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, распространения марксизма в России и возникновения ленинизма, развития марксистско-ленинского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, о социалистическом государстве и праве на различных этапах истории советского общества.

В курс включены также главы, посвященные критике политической идеологии империалистической буржуазии, разоблачению учений, выдвигаемых лидерами правых социалистов и ревизионистских взглядов.

Заключение к курсу посвящено вопросу о международном значении марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., т. 4.

Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3.

Энгельс Ф., Письмо к К. Шмидту от 5/VIII—1890 г., Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма, Госполитиздат, 1953, с. 420—422.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, особ. с. 119—134.

Ленин В. И., О либеральном и марксистском понятии классовой борьбы, Соч., т. 19, с. 97—98.

Хрущев Н. С., Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, М., 1956.

Хрущев Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959.

Жданов А. А., Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., Госполитиздат, 1952.

Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя стран древнего Востока. § 2. Политическая идеология древнего Египта. § 3. Политическая идеология древнего Вавилона. § 4. Политическая идеология древней Индии. § 5. Политическая идеология древнего Китая

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя стран древнего Востока

Первые классовые общества сложились в странах древнего Востока — в Передней, Восточной и Южной Азии и в северо-восточной части Африки. Еще начиная с IV тысячелетия до н. э., в результате разложения первобытно-общинного строя и деления общества на классы — на рабовладельцев и рабов — стали складываться древнейшие рабовладельческие государства — Египет, Вавилон, Индия, Китай и др.

Рабовладельческий строй, образовавшийся в странах древнего Востока, имел свои особенности. Здесь рабовладение некоторое время еще сохраняет примитивные формы, ограничиваясь в основном рамками домашнего рабства. Наряду с рабами подвергалась эксплуатации и масса разорвавшихся общинников. Долгое время остаются пережитки первобытно-общинного строя. Земледелие в большинстве стран древнего Востока в силу особенностей климата и почвы возможно было лишь при условии искусственного орошения и строительства ирригационных сооружений (плотин, дамб, каналов). Это содействовало сохранению семейной, а позднее — сельской общины и образованию государственной собственности на землю.

Государственные и храмовые земли фактически поступали в индивидуальное владение, но номинально составляли, как отчасти

и рабы, как бы коллективную частную собственность рабовладельцев.

Задача организации ирригационных работ, в которых заняты были огромные массы рабов и крестьян, обуславливала необходимость политической централизации и создание сравнительно больших бюрократически организованных монархий.

Рабовладельческое государство складывается в форме восточной деспотии — монархии, в которой вся полнота государственной власти сосредоточивается в руках одного лица — деспота, опирающегося на бюрократически организованный аппарат.

Пытаясь обосновать неограниченные полномочия деспота, идеологи рабовладельцев провозглашают божественное происхождение этой власти. Они оправдывают и отстаивают необходимость общественного неравенства, внушают массам покорность и повиновение, призывают верховную власть к суровому террору. В идеологии же угнетенных отражается сознание несправедливости существующего строя, появляются сомнения в правомерности гнета, в котором пребывают трудящиеся.

§ 2. Политическая идеология древнего Египта

1. Древний Египет со времени образования в нем классов (IV тысячелетие до н. э.) на протяжении тысячелетий представляет собой рабовладельческое общество. В нем продолжают существовать значительные пережитки первобытнообщинного строя. Долгительно сохраняется сельская община. Наряду с эксплуатацией рабов происходит и эксплуатация свободных земледельцев и ремесленников, облагаемых повинностями как в пользу государства, так и в пользу представителей служилой и землевладельческой знати.

Рабовладельческое государство древнего Египта было организовано в форме восточной деспотии во главе с наделенным неограниченной властью фараоном. Появление в древнем Египте именно такой формы правления рабовладельческого государства объясняется тем, что использование вод реки Нила для искусственного орошения требовало создания сложных ирригационных сооружений, поддержание и усовершенствование которых обеспечивались в то время политической централизацией.

Подавляя и эксплуатируя огромные массы рабов, свободных земледельцев и ремесленников, широко применяя внеэкономическое принуждение для извлечения прибавочного продукта, класс рабовладельцев использует и насаждает религиозную идеологию. Низкое развитие техники, ставящее человека в зависимость от сил природы, создает благоприятные условия для укрепления религиозных представлений в сознании людей. Насквозь проникнута религиозными идеями и политическая идеология господствующего рабовладельческого класса Египта.

Идеологи господствующего класса проводят и поддерживают всеми мерами представление о фараоне как о земном боге, прямом

потомке небесных богов. Уже в эпоху Древнего царства сложился настоящий культ фараона. Царь именовался «великим богом», «сыном солнца», потомком богов. Царь не умирает, а «заходит в свой вечный горизонт», он становится после смерти богом Озирисом. Он — «живущий вечно», тот, «которому дана жизнь навеки». Боги, особенно бог Гор, объявляются покровителями земных богов — фараонов. Все политические события изображаются как проявление воли богов, земных и небесных.

Эта идеология отражается в различных надписях, особенно в надписях на внутренних стенах пирамид, в гимнах в честь фараона и других произведениях.

2. Политическую идеологию верхушки египетского рабовладельческого класса раскрывает «П о у ч е н и е П т а х о т е п а», относящееся к III тысячелетию до н. э., но сохранявшее свое значение и позднее, в течение многих столетий.

Птахотеп — один из видных представителей египетской знати, занимавший высокие посты в египетском государстве, вплоть до должности визиря (джати), главы всего административного аппарата. В преклонном возрасте он подводит итоги накопленной за долгие годы житейской мудрости. В «Поучении» отражаются и взгляды Птахотепа по вопросам общественного и государственного строя.

Птахотеп исходит из необходимости общественного неравенства. Для него человек, низший по своему положению в обществе, — плохой; высший — ценный, благородный. Он призывает «низших» относиться с покорностью и смирением к «высшим». «Перед высшим надо опустить руки и согнуть свою спину». Он внушает «низшим», что их благополучие зависит от доброй воли и благожелательности знатных и власть имущих.

Вместе с тем Птахотеп призывает «высших» не быть заносчивыми в своем обращении с «низшими», не унижать их, не нападать на них, не вредить им. Могущество кротости больше могущества силы. Никто не должен стремиться внушать страх, кроме царя и бога, поучает Птахотеп.

Давая немало советов относительно способов приобретения богатства, Птахотеп в то же время осуждает корыстолюбие и жадность, заявляя, что последняя составляет смертельную болезнь, разрушающую семью, уничтожающую добрые отношения между родными. Осуждение жадности — своего рода предостережение, делаемое Птахотепом из опасения возбудить недовольство неимущих.

Птахотеп испытывает страх перед всякого рода переменами. Он высказывается против каких-либо изменений в правилах поведения людей. Достигнув старости, человек не должен обновлять «наставлений отца своего» и должен сказать детям своим то же, что было сказано ему его отцом, — к старым заветам нельзя ничего прибавлять и в них ничего нельзя изменять.

В представлениях Птахотепа о государственной организации ярко отражаются особенности государственного строя Египта. Слово

«бог» часто совершенно отождествляется со словом «фараон». Беспрекословное повиновение начальнику объявляется высшей добродетелью чиновника. «Согни спину, — говорит вельможа Птахотеп, — перед тем, кто начальник твой, начальник твой в доме царя: будет дом твой превосходить по богатству своему, и ты укрепишь дом»¹.

3. С шестой династии (то есть примерно во второй половине III тысячелетия до н. э.) в Египте начинается распад централизованной монархии.

Политическая децентрализация повлекла за собой упадок ирригационного хозяйства, нуждавшегося в постоянном расширении и усовершенствовании сети каналов для орошения и использования «высоких» полей, то есть земельных участков, недоступных ежегодному наводнению от разлива реки, составлявших частную собственность богатых рабовладельцев. В связи с этим вновь возникает необходимость в объединении, инициатива которого исходит от Гераклеопольского нома. Цари этого нома (десятой и одиннадцатой династий) в конце III тысячелетия подчиняют своей власти долину реки Нила от устья до Тиниса. В это время в Египте уже обнаруживаются самые острые противоречия: бедняки поднимают против богатей, разбогатевшие собственники «высоких» полей — против представителей старой служилой знати.

Интересным литературным памятником, отражающим эту ожесточенную борьбу классов и борьбу между отдельными группами господствующего класса, является наставление царя Ахтоя (десятая династия) своему сыну. Этот политический трактат раскрывает идеологию верхушки египетского рабовладельческого общества в критический для нее момент. Вполне возможно, что автором наставления является не сам фараон, а кто-нибудь из его приближенных, вероятнее всего — одно из высших должностных лиц.

Автор наставления советует придерживаться по отношению к трудящимся суровой, но осторожной политики. Он рекомендует, с одной стороны, жестоко расправляться с «мятежниками» и быть беспощадным к беднякам, притязающим на захват имущества рабовладельцев; с другой, — стремиться предотвратить выступления народа, указывает на необходимость некоторых уступок трудящимся.

«Не будь мягким в случае грабежа... да наказываешь ты... за их слова всякие». «Подавляй толпу, уничтожь пламя, которое исходит от нее, не поддерживай (человека, который) враждебен, будучи бедняком (буквально: в качестве бедняка), он — враг»².

Автор считает, что к беднякам необходимо относиться с недоверием, ибо они стремятся к захвату чужой собственности. «Неумущий жаден к тому, что принадлежит другому»³. Бедняку не

¹ Н. П. Гуля, Дидактическая афористика древнего Египта, Л., 1941, стр. 49.

² «Поучение Гераклеопольского царя своему сыну», перевод Р. И. Рубинштейна, «Вестник древней истории» 1950 г. № 2, стр. 126.

³ Там же, стр. 127.

следует верить: он не говорит правды, так как пристрастен к тому, от кого зависит. Бедняков не следует брать в армию: «Бедный — это смута войска»¹. Наоборот, богатый заслуживает полного доверия: «Не пристрастен богатый в доме своем, так как он владыка вещей и не имеет нужды»².

С другой стороны, Ахтой рекомендует не злоупотреблять насилием по отношению к слабым и неимущим и высказывается против несправедливых и суровых наказаний.

Автор советует царю ориентироваться на знать, оказывать своим приближенным всеческую поддержку: «Уважай своих вельмож, охраняй благополучие твоих людей». «Возвеличивай своих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам»³. «Те, которые следуют за царем, это боги»⁴.

Ахтой придает большое значение поддержанию религиозного культа и почитанию покойных царей: он призывает приносить щедрые жертвы богам, сооружать крепкие памятники.

4. В XVIII веке до н. э. в Египте произошло восстание свободной бедноты и рабов, в ходе которого был произведен массовый передел имущества знати и богачей, подверглись разгрому государственные учреждения, но восстание было стихийным и потерпело поражение. За этими событиями последовало вторжение из Азии кочевых племен — гиксосов, утвердивших свое господство в Египте более чем на сто лет.

Восстание и последующие события отражены в Лейденском папирусе, известном под названием «Речения Ипусера» (имя автора раньше читалось Ипувер). В яркой литературной форме автор, принадлежащий к представителям знати, рассказывает о происшедшем перевороте: «Благородные в горе, простолоудины же в радости. Каждый город говорит: «Да будем бить мы сильных (то есть имущих) среди нас». «Земля перевернулась, подобно гончарному кругу. Разбойник (стал) владельцем богатств; богач (превратился) в грабителя... Сильные сердцем (стали) подобно птицам) (из-за страха)».

И далее автор продолжает: «Нет (больше) нигде египтян... Золото, ляпис-лазури, серебро, малахит, сердолик, камень Ибхат... висят на шее рабынь. Благородные женщины (скитаются) по стране. Владычицы дома говорят: «О, если бы мы имели что поесть,... благородные женщины... тела их страдают от лохмотьев, сердца их разрываются, когда они спрашивают о здоровье (того, кто их сам прежде спрашивал о здоровье)».

Свободные бедняки и рабы овладели имуществом богачей и стали обладателями тех богатств, которые раньше принадлежали их угнетателям. Однако в результате восстания не было произведено

¹ «Поучение Гераклеопольского царя своему сыну», перевод Р. И. Рубинштейна, «Вестник древней истории» 1950 г. № 2, стр. 126.

² Там же, стр. 127.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 130.

коренного преобразования рабовладельческих общественных отношений. Рабство сохранилось и после переворота: «Тот, который не имел (даже) временных рабов, стал (теперь) собственником наследственных рабов». Однако восстание нанесло удар традиционным представлениям о различии знатных и незнатных среди свободных людей: «Не различается сын мужа от такого, который не имеет отца».

Ипусер объясняет происшедшее волей богов и бездействием или неумелой деятельностью царя. Для него воля царя — источник всех событий в государстве.

Рассказав с сокрушением о страшных для него событиях, Ипусер в заключение выражает пожелание, чтобы все вернулось к старому порядку, чтобы полностью было восстановлено все, что было раньше. Будет хорошо, говорит он, когда будут восстановлены должности, когда будет в безопасности собственность, когда «знать номов будет стоять и наблюдать за радостью в своих домах».

5. Ярким отражением идеологии египетских рабовладельцев является также «П о у ч е н и е А м е н е м о п е», относящееся к эпохе Нового царства (вероятнее всего к 21-й или 22-й династии — X-IX вв. до н. э.). Оно написано видным сановником, обладавшим широкими полномочиями по управлению государственным хозяйством Египта. «Поучение» обращено автором к своему сыну. Оно отражает настроения египетских рабовладельцев в пору начавшегося упадка Египта. Знать напугана восстаниями рабов и свободных, потрясшими египетское государство, и стремится предотвратить их в будущем.

Аменемопе призывает эксплуататоров к умеренности и осторожности. Он предостерегает их против захватов чужих земель. «Не убирай межевого камня на границах полей», — советует он. «Не присваивай борозд на поле». «Берегись насилловать границы полей, чтобы не навлечь на себя страха»¹.

Аменемопе объявляет того, кто грабит слабых, врагом города, грозит насильнику тяжкими наказаниями: «Берегись грабить бедных и испытывать силу на слабых». Он требует от судей беспристрастия и осуждает их взяточничество. Аменемопе предостерегает против злоупотреблений при сборе податей, против обирания крестьян при взимании натурального налога.

Поучение насквозь пронизано религиозными представлениями. Бог определяет всю судьбу человека, человек бессилен перед его всемогуществом: «Дела человека в руках бога», причем бога нельзя обмануть, так как он проникает в мысли человека: «Сердце человека — нос бога». Поэтому автор призывает к смирению, покорности, внушает мысль о необходимости во всем слепо повиноваться жрецам, игравшим первенствующую роль в формировании политической идеологии древнего Египта.

¹ Здесь и далее цитируется по книге Н. П. Гуля, «Дидактическая афористика древнего Египта», Л., 1941, стр. 197—224.

§ 3. Политическая идеология древнего Вавилона

1. Древний Вавилон, как и древний Египет, представлял собою одно из древнейших рабовладельческих государств, формой которого была восточная деспотия.

Первоначально в долине рек Тигр и Евфрат (Двуречье) было несколько небольших государств, начало которых восходит к IV тысячелетию до н. э. Позднее происходит их политическое объединение под гегемонией одного из городов, приобретающего положение центра страны. В первые столетия второго тысячелетия возвышается город Вавилон, который надолго сохраняет значение политического и культурного центра южного Двуречья.

Своего расцвета Вавилонское государство достигает в XVIII веке до н. э. в царствование Х а м м у р а п и, когда страна объединяется под властью царей Вавилонской династии.

Развитие рабовладельческого общества в Вавилоне сопровождается обострением противоречий и борьбой классов. Разбогатевшие рабовладельцы занимаются ростовщичеством, спекуляцией, сдачей земель и домов в аренду, разоряют и закабаляют бедняков, умножая число рабов в стране.

Политическая идеология Вавилона, как и Египта, насквозь проникнута религиозными представлениями: боги направляют судьбы людей и народов, они дают им все блага и насылают на них все бедствия, отражают врагов и даруют победы. Из религиозных идей исходят и все представления идеологов господствующего класса о государственной власти.

Восхваление и оправдание неограниченной власти восточного деспота содержатся во вводной и заключительной частях законов вавилонского царя Хаммурапи. Здесь прежде всего утверждается божественное происхождение царской власти: боги поставили Хаммурапи править «черноголовыми», это — бог неба Ану, бог земли Энлиль, бог Мардук, покровитель Вавилона, и бог солнца и света Шамаш; все прочие боги неизменно оказывают ему, Хаммурапи, свою помощь и покровительство.

Законы превозносят царя как богоподобное существо. Царь Хаммурапи подобен богу Шамашу, он — божественный царь царей, «связь небес и земли», дарующий богатство и изобилие, мудрый, сильный, всемогущий. Царь восхваляется как носитель справедливости, защитник слабых, хранитель законности, источник всех земных богатств и благополучия своих подданных.

Хаммурапи изображает свои законы, служащие интересам рабовладельцев и направленные на укрепление рабовладельческого государства, как изданные в интересах слабых, для защиты «сирот и вдов». «Для того, чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость, я начертал в Вавилоне... для водворения права в стране, для оказания справедливости притесненному мои драгоценные слова на моем памятнике я

поставил». Угнетенный, вовлеченный в тяжбу «найдет свое право, даст своему сердцу вздохнуть (свободно)», скажет, что Хаммурапи был отцом для своего народа, что он «доставил навсегда благоденствие народу, правил страну справедливо».

Хаммурапи хочет, чтобы законы, им созданные, оставались навсегда неизменными, и поэтому призывает своих преемников не вносить изменений в них. «Не отменять моего законодательства, не искажать моих слов, не изменять моих начертаний» — таков его призыв. Страшные проклятия обрушивает Хаммурапи на голову того, кто ослушается этих его указаний. Он грозит ему опустошением страны, превращением городов в развалины, гибелью народа, смутами и восстаниями, сулит ему потерю трона, физические страдания, неизлечимые болезни, преждевременную смерть.

В законах таким образом отражается стремление увековечить рабовладельческий строй и деспотическое государство.

2. Некоторый свет на настроения рабов и рабовладельцев древнего Шумера бросает проникнутый глубоким пессимизмом философский диалог «Беседа господина с рабом», относящийся к концу IV тысячелетия до н. э.

В этом произведении, составленном неизвестным автором, хозяин раба высказывает одно за другим самые разнообразные и противоречивые желания. Раб неизменно одобряет их и выражает готовность служить господину, отвечая на все покорною фразой: «Да, господин мой, да». Господин последовательно отклоняет намерение участвовать в пиршестве, предпринять охоту, искать утешение в любви. Он не уверен, нужно ли ему добиваться милостей при дворе царя. Он сомневается, может ли он полагаться на благодарность людей за оказанные им услуги и рассчитывать на помертвое воздаяние за оказанные им благодеяния. Царь изображается в этом диалоге в качестве сурового властелина, на милость которого тщетно рассчитывать и против которого бессмысленно поднимать восстание.

Характерно, что скептицизмом звучат даже и слова диалога, посвященные религиозным верованиям. Автор высказывает сомнение относительно целесообразности жертвоприношений. «О раб, я жертву богу моему не хочу принести». — «Не приноси, господин мой. Не приноси. Разве ты думаешь, что научишь бога ходить за тобой, подобно собаке».

Диалог заканчивается пессимистическим выводом: «Теперь, что же хорошо? — Сломать шею мою и шею твою и кинуть в реку, это хорошо». Таков ответ раба. В этих безотрадных словах звучит глубокое возмущение раба нестерпимым гнетом, из которого он не видит выхода.

Таким образом, в «Беседе господина с рабом» отражаются пресыщение рабовладельца земными радостями и его разочарование в них, неуверенность в их прочности, а наряду с этим за иронической покорностью раба слышатся глухое недовольство существующим порядком и сомнение в его устойчивости.

§ 4. Политическая идеология древней Индии

Индия — страна древней культуры. Уже в III тысячелетии до н. э. жители Индии занимались земледелием и пользовались орудиями труда и иными изделиями из меди и бронзы, жили в городах, обнесенных толстыми стенами.

В конце II тысячелетия до н. э. в результате длительного процесса разложения первобытно-общинного строя возникли первые рабовладельческие государства.

Древняя Индия представляла собою рабовладельческое общество с сохранением семейной, позднее — сельской, общины. «Эти организованные по-семейному общины зиждились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер»¹.

Вместе с тем «...эти маленькие общины носили на себе клеймо кастовых различий и рабства...»².

Семейные общины превращаются в территориальные. Однако длительно сохраняется патриархальная семья с неограниченным господством мужчины над женщиной.

Рабовладельческий строй с привилегированным положением верхушки общества и бесправием рабов закреплен был в Индии системой каст и непреодолимыми перегородками между ними. Кастовое деление, порожденное примитивной формой разделения труда, закрепляло привилегии брахманов (жрецов), их господствующее положение в общественной и политической организации. Религиозная идеология поддерживала представление о неизмеримой пропасти, отделяющей высшие касты от низших.

Политическая идеология древней Индии раскрывается уже в древнейших литературных памятниках, религиозных книгах индусов («В е д ы» — конец II тысячелетия до н. э.), в поэме «Ма х а б х а р а т а» и особенно в юридических сборниках, представляющих собою в значительной своей части не столько памятники законодательства и запись обычного права, сколько религиозно-философские и политические трактаты. В этом отношении особенно интересен относящийся к III веку до н. э. сборник, известный под наименованием з а к о н о в М а н у.

Законы Ману откровенно проповедуют резкое общественное неравенство. Деление общества на наследственные касты они изображают как результат божественного творчества.

Высшая каста брахманов создана владыкой мира из его уст, вторую касту — кшатриев — бог создал из своих рук, касту вайшиев — из бедра, а низшая каста — шудры — создана из его ног.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 308.

² Там же, стр. 309.

Главным занятием брахманов объявляется изучение религиозных книг и обучение религии; занятие кшатриев — охрана народа; вайшии должны пасти скот, торговать, ссужать деньги и обрабатывать землю; и, наконец, «одно только занятие Владыка предписал шудре — безропотно служить этим (другим) трем кастам».

На недостижимую высоту пытаются поднять законы Ману брахмана, называя его «божеством». Брахман именуется в законах «господином всего творения», первым между людьми. «Знайте,— гласят законы Ману,— что десятилетний брахман и столетний кшатрий относятся один к другому, как отец и сын; но из них двоих брахман есть отец»¹.

Брахман — владыка всех каст, священная и неприкосновенная личность. Кто грозит «ударить брахмана, будет сто лет блуждать в аду». Брахман — всемогущ. Брахман и кшатрий могут уничтожить всякого, кто вздумает обращаться с ними непочтительно. К брахману неприменимы суровые наказания, предусмотренные законами Ману, его можно наказывать лишь штрафом или изгнанием. Собственность брахмана неприкосновенна: даже государство не вправе отобрать у него имущество.

Шудра противостоит всем остальным кастам как рожденный один раз «дваждырожденным». Шудра — раб. Даже отпущенный своим хозяином, он не освобождается от рабства, ибо оно считается врожденным; шудра не может иметь собственности. «Брахман уверенно может взять имущество (своего) шудры (раба); ибо так как раб не может иметь собственности, то его хозяин может взять его имущество».

Шудра обязан безропотно служить людям высшей касты. За послушание и кротость законы Ману обещают ему перевод в высшую касту в будущей жизни.

Законы Ману содержат апологию власти царя. Перечисляя «составные части» государства, они называют царя на первом месте как самую важную из них. Царь «восседает на троне Индры, он — воплощение владыки мира. Он образован из блеска всех богов. Он создан из частиц богов, он — великий Индра». «Он блеском превосходит все созданные существа». Законы Ману пугают тех, кто пойдет против царя: «Огонь сжигает только того человека, который неосторожно приближается к нему, огонь царского (гнева) уничтожает (все) семейство с его скотом и его накопленным имуществом».

Царь должен быть защитником кастового строя, стоять на страже священного закона, повинуюсь ему в своих сношениях с народом. Он — глава всего административного аппарата, от него исходят все назначения. Он руководит армией, внешней политикой, сбором налогов, он — верховный судья, лично решающий судебные дела или поручающий их рассмотрение им назначаемым

¹ Здесь и далее цитируется по книге: С. Д. Эльманович, «Законы Ману», СПб., 1913.

судьям. «Подобно цапле он должен обдумывать свои дела; подобно льву он должен обнаруживать свою силу; подобно волку он должен брать (свою добычу); подобно зайцу он должен уходить в безопасное место».

Однако царь, по законам Ману, должен совещаться с брахманами, следовать советам брахманов и быть исполнителем их воли, проводником их интересов. «Он не должен, хотя бы подвергся величайшему бедствию, вызывать гнев брахманов; ибо они, когда разгневаются, могут немедленно уничтожить его вместе с его войском и перевозочными средствами». Таким образом, законы исходят из того, что царь должен быть проводником интересов верхушки господствующего класса.

Законы предостерегают против перехода государственной власти в руки представителей низших каст. Законы внушают мысль, что шудра не способен участвовать в разрешении государственных дел. Царь никогда не должен испрашивать у шудры объяснения закона. «Царство того государя, который смотрит, когда шудра производит решение, погибнет, как корова в болоте».

В законах Ману выражается опасение, как бы шудра не положили конец господству брахманов, и поэтому законы рекомендуют по отношению к шудре политику бесчеловечного террора. «Однажды рожденный (шудра), ужасною бранью поносящий дважды рожденного, заслуживает отрезания языка». Если он надменно учит брахманов их долгу, то царь должен приказать влить кипящего масла в его рот и уши.

Оправдывая жестокое подавление трудящихся, законы Ману придают огромное значение наказанию. Памятник содержит подлинный панегирик наказанию. В нем говорится, что наказание имеет божественное происхождение: «Наказание есть (воистину) царь (и) мужчина, это — правитель, это — руководитель, и оно служит залогом повиновения закону...». Из страха наказания все существа исполняют то, что им свойственно, и не уклоняются от своих обязанностей. «Только наказание правит всеми существами, только наказание бодрствует над ними, когда они спят, мудрые считают наказание (тождественным) с законом». «Если бы царь не налагал энергично наказания на тех, которые заслуживают наказания, то сильнейшие испекли бы слабейших, как рыбу на вертеле». Наказанием все держится в порядке, из страха наказания весь мир предается свойственным ему занятиям. Даже боги исполняют свои обязанности из страха наказания.

Законы Ману призывают судей и царей строго соблюдать законы и не освобождать виновных от наказаний. Царь, не обращающий внимание на правила закона, низвергается в ад.

Законы Ману убеждают, что беззаконие не может дать прочного благополучия — рано или поздно наступит возмездие. Если наказание не поразит виновника, то оно распространяется на его сыновей или внуков: «...(раз) совершенное беззаконие никогда не остается без последствий для того, кто совершил его».

Законы Ману отражают в яркой и выразительной форме идеологию рабовладельцев древней Индии, они защищают кастовый строй и террор, при посредстве которого удерживались общественное неравенство и эксплуатация рабов.

Политические проблемы затронуты также в обширном трактате «Артхашастра», относящемся к IV—III вв. до н. э. Его автором считают Каутилью — государственного деятеля, жившего при Чандрагупте I, основателе династии Маурья.

Сочинение это содержит подробные советы царю относительно организации администрации и суда, законодательства и управления, внешней и внутренней политики.

Трактат Каутильи исходит из правомерности рабства и деления общества на касты. В нем восхваляется сильная царская власть. «Царь с грозным жезлом вызывает страх у существ, а у кого жезл мягкий, тем пренебрегают»¹. «Сильная, карающая власть» — таков идеал Каутильи. Царь должен быть смелым и деятельным. Когда царь деятелен, учит Каутилья, то вслед за ним деятельны его слуги.

Царь должен, однако, считаться с законами, ибо «закон основывается на истине», но выше всего он должен все же ставить пользу и, если закон расходится с правительственным распоряжением, то последнему отдается предпочтение². В мотивах его действий на первом месте должна стоять польза. «Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы»³. Главное — говорит Каутилья — польза, ибо и закон и любовь основаны на пользе.

Каутилья подробно останавливается на вопросах внешней политики, перечисляя длинный ряд средств, способных, по его мнению, обеспечить мир с соседями и победу над врагами. Отмечая, что главным бедствием для государя является смута внутренняя или внешняя, Каутилья вместе с тем указывает, что «по сравнению с военной смутой, внутренняя является более злой, т. к. при этом имеется опасность, подобная той, которая возникает при непосредственной близости змей»⁴. Именно опасные «внутренней смуты» побуждают автора трактата со всею обстоятельностью рассмотреть все методы управления и пути законодательства, закрепляющие общественное неравенство и призванные укрепить сильную царскую власть.

§ 5. Политическая идеология древнего Китая

1. Разложение первобытно-общинного строя и образование государства в Китае относятся к середине II тысячелетия до н. э. (первое рабовладельческое государство — Инь или Шан).

¹ «Артхашастра или наука политики», перевод с санскрита, издание подготовил В. И. Кальянов, М.—Л., 1959, стр. 19.

² Там же, стр. 161.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 368.

Политическая идеология древнего Китая находит свое наиболее характерное выражение в философии Конфуция (VI—V вв. до н. э.), его противника Мо-цзы (Мо-ди) (V—IV вв. до н. э.), а также во взглядах «даосизма», изложенных в книге «Дао-Дэ-цзин».

Преобладающей формой эксплуатации в Китае в это время было рабовладение. Наряду с этим крупные землевладельцы, князья, знать эксплуатировали труд свободных земледельцев.

Политический строй Китая представлял военно-бюрократическую монархию.

В VI—III вв. до н. э. китайское государство не было централизованным. Местные правители, приобретавшие нередко значительную долю самостоятельности, вели между собой борьбу за влияние и добычу. Период VII—V вв. до н. э. в истории Китая известен под названием Ле-го, что означает «множество царств». Это был период развала единой чжоуской монархии. За ним следует период Чжань-го — «борющихся царств» (V—III вв. до н. э.), характеризующийся резким обострением классовых противоречий и классовой борьбы. Борьба развертывается между рабами и рабовладельцами, между крупными землевладельцами и крестьянами. Вместе с тем происходит ожесточенная борьба между отдельными княжествами.

Учение Конфуция (551—479 гг. до н. э.) изложено в четырех книгах, из которых самому Конфуцию принадлежит первая — под названием «Великое учение».

Подчеркивая свое уважение к традиционным верованиям, к преданиям старины, Конфуций объявляет, что его учение есть не что иное, как изложение и истолкование древних сочинений. «Я только излагаю, — говорил он, — но не сочиняю».

Конфуций пытается различными доводами обосновать необходимость общественного неравенства. Он различает «высших» и «низших» и противопоставляет первых вторым. «Высшие» — это «просвещенные» правители, достигшие «знания при помощи учения». «Высший» — это человек совершенный и великодушный, почтительный на службе князя, милостивый и справедливый. «Высшие» в интересах собственного благополучия должны стремиться к нравственному совершенству и быть добродетельными. Добродетельное поведение «высших» обуславливает соответствующее поведение «низших».

Конфуций раскрывает цель, которую он имеет в виду, рекомендуя «высшим» примерное поведение. Чтобы хорошо управлять государством, надо учредить хороший порядок в своих семьях. А для этого необходимы нравственное совершенство, правильные представления о добре и зле.

Придавая особенно важное значение повиновению и служению младших старшим, Конфуций объявляет сыновнюю почтительность основой всех добродетелей. Она охватывает не только отношение детей к родителям, но и младших родственников к старшим, а главное — отношение чиновников и подданных к государю. Отношения

родителей и детей истекают из естественного закона и служат первоначалом отношений между государем и подданными. Таким образом, сыновняя почтительность рекомендуется в целях прочности государства. Когда в семье порядок, особенно в семье царя, то и народы хорошо управляются.

Рекомендуя умеренность как средство придания устойчивости существующему строю, Конфуций объявляет принципом морали «середину», он проповедует «постоянство в середине», удаление от «крайностей». Спокойное, невозмутимое состояние духа является следствием «середины», результатом самоусовершенствования.

Конфуций объявляет моральное совершенствование всеобщей обязанностью. Он настаивает на безусловной обязательности и святости нравственного закона.

Весьма важным Конфуций считает точное регламентирование обязанностей каждого гражданина в целях сохранения порядка в обществе. Именно поэтому важное место в его этико-политической системе занимает понятие «гуманности» («жэнь»). Оно охватывает и почитание родителей, и любовь к родственникам, и «верность», то есть покорность подданных и чиновников верховному правителю страны.

Живущий высшей духовной жизнью человек, поучает Конфуций, делает все то, что свойственно тому положению, в котором он находится, он не желает выходить из него: если он богат и в чести, он поступает так, как свойственно поступать, будучи в положении богатого и осыпанного почестями человека; беден он и занимает низкое положение — он поступает так, как свойственно поступать, будучи в положении бедного и незаметного человека.

У Конфуция звучат мотивы восхваления бедности и осуждения богатства. Питаться небольшим количеством риса, говорит он, пить воду, не иметь ничего, кроме своей согнутой руки для поддержания головы, есть состояние, которое имеет также свою приятность.

Большое значение Конфуций придавал обрядам, установившемуся быту — тому, что составляет принцип «ли», соблюдение которого означало прежде всего подчинение «низших» «высшим», неизменное и неуклонное сохранение существующих отношений. Стремясь к сохранению существующего общественного и политического строя, Конфуций учит, что «если не соблюдать издревле установленных обрядов или (тем более) отменить их, то все перемешается и возникнут неурядицы».

Обряды и церемонии должны содействовать постоянству в нравах, помогать сохранению старины. Их назначение — подчеркивать авторитет знати, различие между благородными и простыми людьми.

Конфуций изображает царя в духе патриархальной монархии — как отца своих подданных. Государи должны требовать от подданных того, чего требовал бы отец от своих детей; подданные должны относиться к царю, как почтительные дети к родителю.

Но вместе с тем подчеркивается божественная сущность царя, «сына неба»: «Император получает повеления от неба, чиновники — от государя». «Государь — это ветер, малые — это нива. Ведь наклоняется же хлеб на ниве, когда веет ветер».

Конфуций выступал против междоусобных распрей отдельных правителей, он был убежденным сторонником политической централизации, требуя, чтобы управление государством находилось не в руках крупных сановников, а в руках «сына неба» — единого правителя государства. От него должны исходить все повеления, и ему должны быть подчинены и должны оказывать «верность» все сановники и все его подданные.

Конфуций призывает к такому использованию власти, которое предотвратило бы возмущение народа и содействовало бы укреплению власти монарха. «Достигни любви народной, и ты достигнешь власти; если же потеряешь любовь народную, то потеряешь и власть». «Если добродетельный государь владеет сердцами, то он владеет и страной».

Глава государства обязан своим примером привлекать и других людей к добродетельной жизни.

Как только царь делает то, что требует от него долг отца, сына, старшего, младшего брата, народ тотчас же подражает ему.

Конфуций убеждает царя быть благожелательным к народу и в этом случае обещает ему любовь народную и прочность его власти.

Но Конфуций не допускает никакой критики действий царя, уклонившегося от пути добродетели. Если государство плохо управляется, то мудрый должен молчать и заниматься самим собой. Он предлагает в этих случаях полагаться на наказание божие.

Учение Конфуция, призывавшего к нравственному совершенствованию и просвещению, а также к устранению многовластия местных правителей, первоначально имело прогрессивное значение. Однако позднее это учение с его проповедью смирения и равнодушия к своему положению, осуждающее боевые выступления трудящихся, было использовано господствующим классом в антинародных целях.

Важнейшие идеи философии Конфуция легли в основу целой религиозной системы, которую разработали его последователи. Конфуцианство стало государственной религией Китая, которую широко использовали в течение веков эксплуататорские классы в целях подавления трудящихся масс.

2. Интересы трудового народа отразились в учении М о - ц з ы (Мо-ди) (479—381 гг. до н. э.) — противника Конфуция.

Мо-цзы выдвинул учение о «всеобщей любви», равной ко всем, любви деятельной, выражающейся в осязательных благодеяниях.

Он проповедует взаимную благожелательность людей, и особенно благожелательное отношение господ и правителей к «низшим», сильным — к слабым. Мо-цзы осуждает роскошь вельмож, излишние траты монарха и его приближенных, требует повышения жизненного

и культурного уровня народа. Он мечтает о том, чтобы, по возможности, была сглажена противоположность богатых и бедных, правящих и управляемых. Он заявляет, что от недостатка взаимной любви происходят все грабежи, насилия, угнетение слабых сильными, все беспорядки и волнения.

Критикуя существующий политический строй, он осуждает расточительность государя, непосильные налоги, нечестность и высокомерие министров. Он объявляет обязанностью монарха заботу о благосостоянии и счастье народа.

Мо-цзы выступает против ритуала—«ли», считая его соблюдение несовместимым со справедливостью. Он признает недопустимым, чтобы богатые обижали бедных, чтобы знатные кичились перед незнатными. Он стоит за выдвижение талантов независимо от знатности и родственных отношений. Между знатными и незнатными, говорит он, нет никаких врожденных различий, все одинаково являются «слугами неба».

Для обоснования своего взгляда на задачи и объем власти государя Мо-цзы прибегает к договорному учению о происхождении государственной власти. Некогда, заявляет он, люди жили, не имея ни законов, ни правительства, ни признанного вождя, и, так как они держались различных взглядов, между ними постоянно возникали раздоры. Тогда они выбрали мудрого и способного человека и сделали его своим государем, а в помощь ему придали трех советников — министров.

Поступили они так не для того, чтобы сделать вождей знатными и богатыми, а для того, чтобы они служили народу, приумножая его благосостояние. Отсюда Мо-цзы делает вывод о том, что власть государя не может быть неограниченной, что монарх должен прислушиваться к голосу мудрых советников, совещаться и действовать в согласии с ними. Согласие между народом и государем должно стать основным принципом правления.

Мо-цзы рассматривает захватническую войну как преступление. Он возмущается тем, что, осуждая грабежи частных лиц, никто не осуждает нападения одного государства на другое, и особенно — больших на малые. Он высказывается против превращения народов завоеванных стран в рабов.

Взгляды Мо-цзы имели прогрессивное значение, будучи направлены против беспощадной эксплуатации и угнетения, неограниченной власти монарха, произвола и злоупотреблений чиновничества.

3. В бурный период «Борющихся царств», характеризовавшийся резкими социальными противоречиями и острой классовой борьбой, возникло учение даосизма, основателем которого считается Лао-цзы (VI—V вв. до н. э.). Учение это изложено в книге «Дао-Дэ-цзи-н» («Книга о Дао и Дэ»), относящейся к IV веку до н. э.

Даосизм был в то время передовым учением, отразившим чаяния трудящихся масс.

Даосизм был проявлением материалистической тенденции в китайской философии, в нем обнаруживается стремление объяснить мир не как творение божественной воли, а как результат действия естественных законов. Философии даосизма присущи также элементы диалектики. Даосизм исходит из того, что все в мире движется и приходит к единству через противоречия. «Неполное — становится полным; кривое — становится прямым; пустое — становится наполненным; ветхое — сменяется новым; то, что мало, — становится многим»¹. Однако позднее даосизм был извращен и выродился в идеалистическое и даже мистическое мировоззрение.

В учении, приписываемом Лао-цзы, выражен пассивный протест разоряющихся общинников против угнетения и эксплуатации богатей. В нем звучит призыв вернуться к старым временам, когда люди, по мнению Лао-цзы, следовали естественному закону — дао, царящему в мире, когда они «не стремились к приобретению богатств и преступления прощались».

С осуждением говорится в «Дао-Дэ-цзин» о «разбое и бахвальстве», которые являются нарушением дао и состоят в накоплении богатства, сопровождающемся разорением бедноты. «Если дворец роскошен, то поля покрыты сорняками и хлебохранилища совершенно пусты».

Лао-цзы указывает, что «народ голодает от того, что слишком велики поборы и налоги». Однако он не хочет никаких насильственных перемен, а призывает и правителей, и трудящихся к полной пассивности, проповедуя невмешательство в ход событий, убеждает положиться на действие естественного закона. «Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается все утро, сильный дождь не продержится весь день». Лао-цзы уверяет, что при безразличном и бесстрастном отношении людей к событиям все в мире будет идти наилучшим образом. «Отсутствие желаний принесит покой, и тогда порядок в стране сам собой установится».

Призывая правителей следовать принципу «неделания», Лао-цзы хочет добиться смягчения гнета и эксплуатации, которым подвергались трудящиеся. Народ благоденствует, говорит он, когда правительство спокойно. Лао-цзы рассматривает активность правителей рабовладельческого государства как вредное «мудрствование». Он утверждает, что правители своим вмешательством в «естественный» ход вещей могут лишь ухудшить жизнь народа. Когда правители последуют принципу «неделания», народ будет счастливее во сто крат, заявляет Лао-цзы.

Он выступает против развития культуры, основанной на неравенстве и влекущей за собою роскошь. «Когда в стране множество ненужных вещей, народ становится бедным», — говорит он. Лао-цзы

¹ Здесь и ниже цитируется перевод «Дао-Дэ-цзин», данный в приложении к книге Я н Х и п-ш у н а «Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение», М.— Л., 1950, стр. 115—159.

осуждает правителей, «накапливающих богатство», тех, кто стремится иметь «красивые вещи».

Учение Лао-цзы проникнуто глубоким сочувствием к угнетенным, искренним народолюбием. «Мудрый человек не имеет собственного сердца. Его сердце состоит из сердец народа... Он смотрит на народ, как на своих детей». Горячо сочувствуя народу в его бедствиях, Лао-цзы хочет избавить народ от насилий и угнетения, но думает, что это может произойти само собой, в силу действия естественных законов мироздания. Он призывает к пассивности, не требуя силою уничтожить насилие, однако в его словах звучит уверенность в конечной победе угнетенных. «Самые слабые побеждают самых сильных,— говорит он,— самое мягкое преодолевает самое твердое». «Твердое и крепкое — это то, что погибает, а нежное и слабое есть то, что начинает жить». В других местах Лао-цзы высказывает предвидение, что злые правители будут свергнуты: «...если знать и государи не являются примером благородства, они будут свергнуты».

Лао-цзы мечтает о том времени, когда правители будут соблюдать естественный закон — дао, когда будут уничтожены «хитрость» и «нажива». «Тогда небо и земля сольются в гармонии, наступят счастье и благополучие и народ без приказаний успокоится». «Надо сделать вкусным его (народа.— С. К.) питание, прекрасным его одеяние, устроить ему спокойное жилище, сделать веселой его жизнь».

Сторонник «неделания» и «естественных» взаимоотношений между народами, Лао-цзы осуждает войну и выступает за мир. «Кто служит главе народа посредством дао,— говорит он,— не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы».

В призывах к пассивности, к возвращению назад, к первобытно-общинному строю, когда не было роскоши и «ненужных вещей», обнаруживаются реакционные стороны в целом прогрессивного в тех исторических условиях учения Лао-цзы.

Впоследствии, в период упадка рабовладельческого общества Китая, а также в феодальном Китае, древний даосизм был искажен и превращен в идеалистическое, мистическое учение и реакционные стороны политических взглядов даосизма («неделание», осуждение культурного прогресса и т. п.) были широко использованы идеологами эксплуататорских классов.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Маркс К., Британское владычество в Индии, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, с. 303—309.
Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, с. 151, 168—170, 330.

Источники

Эльманович С. Д., Законы Ману, СПб., 1913.

Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М.—Л., 1950.

«Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства», перевод и комментарии под ред. И. М. Дьяконова, «Вестник древней истории» 1952 г. № 3, 4.

«Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. В. В. Струве, т. I, Учпедгиз, 1950.

Дополнительная

Ян Юн-го, История древнекитайской идеологии, М., 1957.

Данге С. А., Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя, Издательство иностранной литературы, М., 1950.

ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Греции. § 2. Политическая мысль в древней Греции в период образования полисов и их первоначального развития. § 3. Борьба аристократических и демократических идей в Греции в период расцвета древнегреческих государств. § 4. Политическое учение Аристотеля. § 5. Политические учения в период упадка древнегреческих государств. § 6. Учение Полибия о государстве

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Греции

1. Политическая мысль в древней Греции зарождается в VII—VI вв. до н. э. в условиях распада первобытно-общинного строя, возникновения антагонистических классов, появления и развития рабовладельческого государства. Особенно высокого развития она достигает в V—IV вв. главным образом в рабовладельческих демократиях древней Греции (Афины, Абдера и др.).

В древней Греции наряду с земледелием и скотоводством заметное развитие получило и ремесло. Рабов широко эксплуатировали не только в сельском хозяйстве, но и в рабовладельческих мастерских, в которых работали десятки, а иногда и сотни ремесленников-рабов. Особенно развито было производство гончарных и металлических изделий (оружие, посуда, лампы, кровати и т. п.). В Лаврийских серебряных рудниках насчитывалось свыше 600 рабов. В остальных областях (Спарта, Фессалия и др.) труд рабов применялся преимущественно в сельском хозяйстве. Число рабов повсеместно было весьма значительным, нередко превышая число свободных.

Неплодородная почва и недостаток воды во многих частях Греции обуславливали необходимость ввоза хлеба. Это обстоятельство в связи с благоприятными географическими условиями (изрезанность береговой линии, большое число островов, расположенных по всему Эгейскому морю) содействовало развитию мореплавания и заморской торговле.

Рабовладельческое государство в Греции приняло своеобразную форму «полиса» — государства-города, то есть государства, состоящего из города и нескольких прилегающих к нему селений.

Греческие полисы широко раскинулись по всему бассейну Средиземного моря. Небольшие размеры государств древней Греции объясняются тем, что они возникли как непосредственный результат разложения родоплеменных общин, охватывавших сравнительно небольшие коллективы. В то же время не было экономических или иных предпосылок для образования сколько-нибудь обширных политических организаций.

Государственный строй древнегреческих полисов был весьма разнообразен. В одних государствах власть сосредоточивалась в руках одного лица (тирания), в других — созывались народные собрания и правили выборные должностные лица (демократия), в третьих — власть принадлежала немногочисленным представителям знати (аристократия) или закреплялась за представителями богатых граждан (олигархия).

Древнегреческий полис должен был обеспечить господство рабовладельцев над массами рабов, которые были в глазах свободных людей не более как «одушевленными орудиями». Вопрос о том, как сделать господство над рабами возможно более прочным, постоянно занимает внимание политических деятелей и писателей античности, выражавших интересы господствующего класса. Восстания рабов, их постоянная борьба с поработителями обнаруживали неустрашимые противоречия античного общества.

Наряду с антагонизмом рабовладельцев и рабов в греческих государствах-городах наблюдается также и антагонизм богатых и бедных, борьба свободной бедноты с обладателями богатств, приобретенных эксплуатацией рабского труда и военным грабежом. В связи с широким применением дешевого рабского труда создавалась непосильная конкуренция для свободного ремесленника и земледельца, в результате которой свободные производители разорялись, отрывались от средств производства и пополняли собой ряды не имевшей определенных средств существования свободной бедноты. Число свободных бедняков, не занятых определенным трудом, в больших городах Греции неизменно возрастало. Этому способствовало и то, что рабовладельческая система хозяйства создавала в массе свободных пренебрежительное отношение к производительному труду как к делу, недостойному свободного человека.

Внутри господствующего класса рабовладельцев происходит также борьба между городскими торговыми и промышленными кругами и землевладельческой знатью. Это — борьба за разного рода

преимущества, в первую очередь за степень участия в осуществлении политической власти.

Отдельные группы рабовладельцев в этой борьбе нередко используют недовольство разоренных или разоряющихся ремесленников и крестьян. Так, опираясь на массы городской бедноты, промышленные и торговые круги рабовладельческого класса отстаивают рабовладельческую демократию, которая дает им возможность оттеснить от власти землевладельческую знать. Установления рабовладельческой демократии добиваются и массы свободной бедноты, так как этот строй открывает им некоторую возможность участия в политической жизни страны.

2. Одним из наиболее могущественных и экономически развитых государств древней Греции были Афины, которые представляли собою рабовладельческую демократию и в V—IV вв. до н. э. выступали в защиту демократических учреждений в других государствах Греции. Напротив, Спарта с ее отсталыми формами общественного быта и политического строя поддерживала в других полисах аристократический государственный строй, выступала против демократии.

Афины и Спарта были двумя центрами объединения множества других, менее значительных государств-городов. Сложились два больших союза греческих городов: в VI веке до н. э.—Пелопоннесский, объединявший главным образом города южной Греции и возглавлявшийся Спартой, и в V веке до н. э.—Афинский, который по существу представлял собой своеобразную форму господства Афин над множеством греческих государств.

Соперничество Афин и Спарты — этих двух сильнейших государств древней Греции в V веке до н. э.—вызвало продолжительную междоусобную войну (Пелопоннесская война 431—404 гг.).

В этой обстановке ожесточенной борьбы сложился целый ряд политических учений, отражавших интересы борющихся классов и партий. Доминирующими при этом были, разумеется, идеи и учения господствующего рабовладельческого класса, в которых находили отражение позиции и программы различных общественных кругов, входивших в состав этого класса.

При всем разнообразии этих учений в них легко обнаружить общие черты.

Все они исходят из незыблемости рабовладельческого строя с присущим ему полным бесправием рабов. Все они пытаются обосновать необходимость или неизбежность общественного неравенства. Наконец, все они исходят из условий античной политической жизни, приспособляют свой идеал к политическим формам греческого рабовладельческого полиса.

Рабы в Греции, поднимая восстания, ставили целью добиться освобождения. Эти восстания, как, например, восстания илотов в Спарте, нередко принимали широкий, массовый характер, приобретали значение своего рода освободительной войны. Однако в действиях восставших рабов и в заявлениях их руководителей не

было программы ликвидации рабовладельческого строя и замены его новыми общественными отношениями. Характерно, например, что во время восстания на острове Хиос (III в. до н. э.) беглые рабы в своем лагере, расположенном в горах, упразднили рабство, но в то же время вождь восставших Дримак вступил в соглашение с рабовладельцами и возвращал хозяевам тех беглых рабов, которые, по его мнению, неосновательно жаловались на жестокость своих господ.

§ 2. Политическая мысль в древней Греции в период образования полисов и их первоначального развития

1. Греческие полисы возникли в огне ожесточенной борьбы, которую массы городской и деревенской бедноты вели совместно с городскими кругами рабовладельческого класса против старой родовой знати — эвпатридов. Борьба аристократии и демократии была в это время повсеместным явлением в Греции. Она отразилась уже в ранних произведениях древнегреческой литературы.

Поэт Гесиод из Беотии (конец VIII — начало VII в. до н. э.) в поэме «Труды и дни» рисует тяжелое положение крестьянства, тесного и разоряемого знатными людьми, сконцентрировавшими в своих руках земельные богатства. Сравнивая богача с ястребом, а бедняка — с соловьем, попавшим в его когти, Гесиод изображает ястреба, несущего соловья под облака и обращающегося к нему с поучением: «Что ты пицшишь, несчастный! Ведь я бесконечно сильнее тебя. Все равно ты будешь там, куда я тебя унесу, и насколько тебе не поможет, что ты — певец искусный. А сделаю я с тобой, что будет мне угодно: или съем или отпущу на свободу. Безумец тот, кто захочет спорить с сильнейшим. Он уйдет разбитым и вдобавок увидит один позор и муки. — Так говорил быстрокрылый ястреб, ширококрылая птица».

Золотой век, когда не было ни горя, ни забот, ни старости, по Гесиоду, безвозвратно отошел в область преданий. За ним последовал век серебряный, который сменился веком медным. Но и люди медного века, страшные и воинственные, погибли, истребляя друг друга. Теперь — век железный, когда люди обременены непосильным трудом и непрерывными заботами, охвачены взаимной враждой. В железный век раздор разделяет отцов и детей, друзей и союзников, повсюду господствуют обман и насилие. Преисполненный пессимизма, порожденного зрелищем угнетения и разорения трудящихся, Гесиод пророчит: «Никогда более, ни днем, ни ночью, люди не избавятся от непосильного труда и бедствий. Пойдет разлад между друзьями и братьями. Стариков не захотят больше кормить и уважать. Водворится право сильного, и исчезнет совесть. Не честных людей, верных клятве, будут почитать, а злых и наглых». Тем не менее Гесиод верит, что правда в конце концов восторжествует. «Даже и сейчас, гонимая повсюду, она тайно следит за людьми и приносит бедствия тем, кто ее гонит».

В стихах Гесиода, осуждающих насилие и неправду, выражен протест против захватов и притеснения со стороны аристократов — представителей родовой знати.

Память о равенстве и всеобщей свободе, царивших при первобытно-общинном строе («золотой век»), сохранялась в народных преданиях и отразилась в религиозных верованиях. Рабовладельческий класс вынужден был считаться с народным культом Кроноса — этого бога «золотого века» — и допускать празднества в его честь — кронии (римские сатурналии), на время которых рабам предоставлялась свобода. Обычай требовал даже, чтобы господа обслуживали рабов во время праздничных трапез.

Борьба против старой родовой знати — эвпатридов, начатая в VII веке до н. э., почти повсеместно закончилась победой демоса. Родовая аристократия потеряла свои привилегии и была оттеснена от монопольного руководства государством.

В связи с этим во многих греческих государствах водворяется тирания, чаще всего — как временное явление политической жизни, предшествующее другим формам государственного строя, обычно — демократии. В некоторых государствах сразу устанавливается демократия, в некоторых, напротив, удерживается аристократия или водворяется олигархия — господство кучки богатей.

2. Повсюду разворачивается ожесточенная борьба сторонников демократии и приверженцев аристократии. В стихотворениях Ф е о г н и д а М е г а р с к о г о (VI в. до н. э.) отразилась напряженная борьба, происходившая в его родном городе. Поэт-аристократ жалуется на победу низов, лишившую знатных людей их прежнего положения. Сообщая о том, что ему самому пришлось в ходе борьбы променять дом отцов на корабль беглецов, Феогнид рисует перемены, происшедшие в древнем аристократическом строе.

Город наш все еще город, мой Кирн, но люди другие.
Тот, кто не ведал вчера права, законов, судов,
Тот, кто, в козлиные шкуры закутав косматые плечи,
в поле скитался как зверь,
Стен трепеща городских,
Добрый он ныне слывет, ...
А древняя доблесть ныне в презрении. Кто
столько позора снесет.

Поэт призывает к беспощадной расправе с народными массами: «Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни, бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо. Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа, чтоб добровольно терпел крепкие возжи господ».

В конце VII— начале VI века до н. э. в Афинах происходит открытое выступление народных масс против эвпатридов, угнетавших и закабалявших афинское крестьянство. Городские круги рабовладельческого класса стремились использовать это движение для того, чтобы покончить с остатками родового строя.

3. Архонт Солон, принадлежавший по происхождению к афинской знати, но своими занятиями тесно связанный с промышленными и торговыми кругами рабовладельческого класса, в 594 году был наделен чрезвычайными полномочиями и, выступив в роли «посредника» между борющимися сторонами, провел ряд реформ. Он аннулировал все долги, в том числе долги, обеспеченные залогом земельных участков, вернул свободу всем закабаленным за неплатеж долгов и отменил на будущее время долговую кабалу. Вместе с тем, установив деление всех граждан на разряды по имущественному цензу и создав новые органы государственной власти (совет четырехсот, гелиэя, эклесия), он нанес решительный удар старой родо-племенной организации афинского общества.

Однако его реформы были проникнуты духом компромисса. Основного требования крестьянских масс — о переделе земли — Солон не удовлетворил. В то же время, установив в совете четырехсот представительство по племенным филам (по 100 от каждой филы), он сделал серьезную уступку эвпатридам, придав совету четырехсот значение оплота старой родовой аристократии.

Эта половинчатость объясняется тем, что Солон, стремясь укрепить молодое рабовладельческое государство в Афинах, боялся широкого народного движения и усиления роли масс, но в то же время хотел повысить политический вес афинских промышленников и купцов в ущерб старой родовой знати.

Политические взгляды Солона раскрываются в его стихотворениях (элегиях). Он не скрывает того, что делает уступки народу лишь для того, чтобы легче было вести его за собой. Но вместе с тем Солон с осуждением говорит о проекте передела земель, о тех, «кто пришел затем, чтобы грабить, полон был надежд больших и рассчитывал богатство тут великое найти».

Установив умеренную цензовую демократию и издав новые законы, закреплявшие рабовладельческий строй, Солон заявляет, что он написал «законы простому с знатным наравне», это он «праву придал в опору силу».

Впрочем, Солон сам признает, что он дал народу права и свободу в ограниченных размерах. Он ставит себе в заслугу компромиссный характер проведенных им реформ.

Дал я народу из прав лишь такие,
какие ему были нужны,
Чести его не лишил, не дал и лишней зато.
Тем же, что силу имели, богатством
владея огромным,
Тем я дал также понять, где их захватам
предел.
Крепким щитом своим тех и других покрывая,
стоял я.
Не дал в неравной борьбе верх взять одной
из сторон.

Тех представителей господствующего класса, которые находили, что Солон зашел слишком далеко в своих реформах, он уверяет, что иначе нельзя было бы сдержать народ, что «те из граждан, кто повыше и сильнее, меня должны бы чтить и другом называть».

Указывая на острую борьбу, Солон говорит, что он старался не следовать желаниям одной какой-либо стороны: «Я точно волк вертелся среди стаи псов».

В действительности нейтралитет Солона был мнимым. Борясь с аристократической партией и добиваясь ограничения роли эвпатридов, он проводил демократизацию аристократического строя Афин, оставаясь идеологом и защитником интересов рабовладельческого класса, главным образом его промышленных и торговых кругов.

4. В VI веке до н. э. в Греции зарождаются первые философские учения. Древнегреческая философия, как и вся культура древней Греции, опиравшаяся в своем движении вперед на достижения стран Востока (Египет, Вавилон), оказала огромное влияние на духовное развитие Европы. Особенно большое значение имело то, что греки, стремясь постигнуть сущность мироздания, выдвинули материалистическое понимание мира, а также то, что их философии была присуща диалектика. Энгельс говорит: «Древние греческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками...»¹.

Ранние греческие философы обращали главное внимание на вопросы мироздания, стремясь в первую очередь объяснить строение мира в целом. Острая политическая борьба, развернувшаяся в греческих городах в VII—VI вв. до н. э., отразилась как в философских, так и в политических идеях древнейших мыслителей Эллады.

Аристократическая идеология нашла выражение в учении Пифагора и его школы. Пифагор (571—497) — идеолог аристократии, жил долгое время на острове Самосе, но с установлением там тирании Поликрата Самосского покинул остров и поселился в городе Кротоне (Южная Италия). Здесь он объединил местные аристократические круги и создал особый союз, имевший политический характер. Такие союзы — гетерии — нашли повсеместное распространение в Южной Италии. Их члены принимали самое активное участие в политической жизни страны, вследствие чего сторонники демократии, как только им удалось одержать верх над аристократами, разгромили пифагорейские союзы. Однако влияние пифагорейцев сохранялось долгое время, почти в течение двух столетий.

Учение Пифагора — учение идеалистическое. Пифагор утверждал, что все сущее есть число. Аристотель говорит о пифагорейцах, что «элементы чисел они предположили элементами всех вещей и всю вселенную (признали) гармонией и числом». Иными словами, Пифагор берет за основу количественную сторону материи, превращая число в самостоятельную метафизическую сущность.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 20.

Политическое учение Пифагора построено на аристократических началах. Человек нуждается в господине и должен подчиняться порядку, учит Пифагор. Худшее зло для человеческого общества — безначалие. Поэтому необходимо повиноваться правящим, почитать законы, родителей, правителей. Правящие же, составляя обособленную от масс верхушку общества, изображаются Пифагором как лучшие люди по своим нравственным и интеллектуальным качествам, лучшие по доблести, силе, уму. Отсюда, по учению пифагорейцев, вытекает большое значение воспитания. Они проповедовали особый образ жизни, отличавшийся строгостью нравов и направленный на достижение того, что пифагорейцы считали совершенством. В своих союзах они практиковали общие трапезы, общие занятия музыкой, гимнастикой, науками. Это были основанные на строгой дисциплине полурелигиозные, полуполитические организации сторонников аристократического строя. Политическим идеалом Пифагора и его последователей было господство знати над широкими массами демоса.

Политическая идеология родовой знати отразилась также во взглядах другого греческого мыслителя VI—V вв. — замечательного философа Г е р а к л и т а, который был «...один из основоположников диалектики...»¹. Гераклит учит, что в мире все течет, все постепенно изменяется. «Нельзя дважды войти в одну и ту же реку», — говорил он. «Нельзя дважды прикоснуться к одному и тому же телу». Отражая стихийную тягу древних греков к материализму, Гераклит учит, что мир состоит из вечно меняющейся материи. Он выражает эту мысль, объявляя основой всего существующего огонь. «Мир, единый из всего, не создан никем из богов и никем из людей, а был, есть и будет вечно живым огнем, закономерно воспламеняющимся и закономерно угасающим...». Ленин по поводу этого фрагмента замечает: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма»².

Гераклит вместе с тем разрабатывает учение о развитии через противоположности и о диалектическом единстве противоположностей. Все происходит из «противоположного обмена», — говорит он. «Одно и то же в нас — живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое. Ведь это, изменившись, есть то, и обратно, то, изменившись, есть это». При этом борьба, то есть столкновение противоположностей, есть движущее начало всякого изменения. Единство возникает из множественного, гармония — из столкновения противоположных начал и из их борьбы.

Гераклит был защитником рабства. Он пытался оправдать социальное неравенство ссылками на законы вселенной и заявлял, что борьба есть закон вселенной и что одним борьба определила быть богами, другим — людьми, одних она сделала рабами,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 343.

² В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 347.

других — свободными. Раздоры, а в месте с тем и бедствия жизни неустранимы. Попытка истребить бедствия и изгнать раздор из мира богов и людей могла бы лишь способствовать гибели мира.

Гераклит выступает в области политики как приверженец аристократии. Господство немногих он пытается оправдать якобы присущим им превосходством перед массами. «Для меня один стоит десяти тысяч, если он лучший».

Гераклит высмеивает рабовладельческую демократию, которая существовала в то время в его родном городе Эфесе. «Эфесянам следовало бы, — говорил он, — перевешать у себя всех взрослых и предоставить свой город несовершеннолетним».

Однако, опасаясь выступлений против рабовладельческого строя, Гераклит подчеркивает значение соблюдения законов в государстве. Народ, говорит он, должен бороться за свой закон, как за свои стены. Законы государства Гераклит объявлял отражением вечных законов миропорядка. Гераклит призывает смириться перед законом — тушить свое высокомерие, как пожар. Но, имея в виду при этом не закон, установленный демократией, а закон тиранов или олигархов, Гераклит напоминает, что «законом называется также следовать воле одного». Именно этому закону, установленному одним или немногими, — закону неравенства, философ призывает безоговорочно повиноваться.

Таким образом, Гераклит, будучи прогрессивным мыслителем в философских вопросах, оставался тем не менее на реакционных позициях в вопросах политической жизни, был защитником рабовладельческого государства в его аристократической форме.

§ 3. Борьба аристократических и демократических идей в Греции в период расцвета древнегреческих государств

1. Рабовладельческие полисы древней Греции в середине V века достигли значительного развития экономики и культуры. Это относится главным образом к демократическим государствам (Афины, Мегара, Абдера и др.).

Особенно высоким был уровень развития рабовладельческой системы хозяйства и духовной культуры Эллады после греко-персидских войн, когда Афины стали во главе обширного Афинского союза, объединившего до двухсот полисов древней Греции и содействовавшего укреплению могущества Афин.

Вместе с тем большой остроты достигли противоречия древнегреческого рабовладельческого общества. Развернулась непримиримая борьба рабов и рабовладельцев, бедняков и богачей. Ожесточенная борьба шла и внутри господствующего класса.

В то время как его торговые и промышленные круги отстаивали рабовладельческую демократию, предоставлявшую некоторые политические права свободной бедноте, сторонники землевладельческой знати требовали ликвидации рабовладельческой демократии

и установления аристократического строя — открытой диктатуры верхушки рабовладельческого класса.

Политическая борьба отразилась в борьбе идейных течений, особенно в области философии, где передовая материалистическая «линия Демокрита» противостояла реакционной идеалистической «линии Платона».

Демокрит (родился в 470 г. до н. э.) был защитником рабовладельческой демократии, идеологом торговых и промышленных кругов рабовладельческого класса, одним из виднейших представителей античного материализма. Уроженец Абдеры (Фракия), он много путешествовал и обладал весьма обширными познаниями. Им написано большое число сочинений по различным отраслям знаний, но от них дошли до нас лишь отдельные отрывки (фрагменты). Вслед за основателем атомизма Левкиппом Демокрит учил, что все в мире состоит из бесчисленного количества невидимых мельчайших частиц — атомов, движущихся в пустоте. Все вещи образуются из сочетания атомов, все изменения обусловлены их соединением и разъединением, их перемещением.

Демокрит разрабатывает учение о развитии мира. Он пытается изобразить процесс образования вселенной и возникновения земли, рассказывает о происхождении животного мира, происхождении и развитии человека, об образовании общества и государства.

Люди, по учению Демокрита, первоначально вели стадный образ жизни, не имея ни одежды, ни жилищ и не создавая запасов пищи. У них не было ни царей, ни правителей, ни господ, ни войн, ни грабежей. Они вели мирную и чуждую излишеств жизнь. Позднее, научившись пользоваться огнем, они перешли к земледелию, изобрели ремесло и создали государственный порядок.

В борьбе с дикими зверями, говорит Демокрит, люди стали помогать друг другу, их научила этому нужда. «Действительно, сама нужда служила людям учительницей во всем...»¹. Многое дало людям подражание животным. От паука люди научились прядению, от ласточки — постройке домов, от лебедя и соловья — пению.

Демокрит, таким образом, ставя вопрос о происхождении общества и его развитии, делал важную попытку расширить познание явлений общественной жизни. Хотя он и отмечает значение материальных потребностей для развития общества, он далек от материалистического понимания общественного развития. Демокрит изображает производство как продукт произвольного творчества отдельных людей и придает большое значение сознательному подражанию.

От Демокрита сохранилось немало фрагментов, относящихся по своему содержанию к вопросам этики и политики. Основной мотив его моральных наставлений — умеренность в пользовании жизненными благами мира, проповедь «среднего» достатка. «Если

¹ Здесь и далее цитируются фрагменты по переводу А. О. Маковельского в его книге «Древнегреческие атомисты», Баку, 1946, стр. 209—385.

ты не желаешь многого, то и немногое будет казаться тебе многим. Ибо желание малого приравнивает бедность к богатству». Человеку лучше не гнаться за наслаждениями, а довольствоваться тем, что у него есть, не завидуя людям имущим. Зависть есть источник раздора. Недовольство разоренного и обездоленного свободного бедняка, проявлявшего свои настроения все более заметно, не могло не беспокоить греческих рабовладельцев. Отсюда — постоянная проповедь умеренности, самообладания. Демокрит учит, что счастье состоит в хорошем расположении духа. Поэтому и бедный, по Демокриту, может быть счастлив. Призывая бедняка довольствоваться малым и не завидовать богатым, Демокрит осуждает и стремление богачей к наживе, приводящее к безмерному росту богатств и к обострению противоречий в обществе.

Рабовладельческий строй, как известно, вызывал образование большого числа деклассированной бедноты из числа свободных граждан, тяжелое положение которой угрожало устойчивости рабовладельческого полиса. Демокрит, как и многие другие античные политики, предлагал богатым оказывать поддержку беднякам для смятения противоречий между ними. «Если люди состоятельные решаются давать неимущим деньги взаймы, помогать им и оказывать благодеяние, то это значит, что в данном обществе имеется взаимная защита, единомыслие граждан и многие другие блага, которые невозможно перечислить». Он заявляет, что даже «малые услуги, оказанные во-время, являются величайшими благодеяниями для тех, кто их получает».

Демокрита тревожит перспектива вооруженного выступления бедноты. «Гражданская война,— говорит он,— есть бедствие для той и другой враждующей стороны. Ибо и для победителей и для побежденных она одинаково гибельна».

Демокрит считал рабство необходимым и разделял взгляд на раба как на простое орудие его господина.

Государство есть, по Демокриту, величайший оплот, все заключается в нем: пока оно цело — все цело, когда оно гибнет — все гибнет. Подчеркивая такое значение государства, Демокрит отмечает также большое значение закона и законности. Не понимая действительной сущности законов рабовладельческого государства как средства подавления рабов и свободной бедноты, Демокрит объявляет причиной их появления зависть и взаимную вражду людей. Законы были бы излишни, если бы люди не завидовали и не вредили друг другу. «Законы не мешали бы каждому жить, как ему угодно, если бы один не вредил другому». Мудрец, говорит он, мог бы жить свободно, не повинаясь законам. Но так как взаимные отношения людей преисполнены вражды, то законы необходимы, и их следует охранять с беспощадной строгостью. Отсюда — высокое значение политического искусства. Нет искусства выше политики и нет обязанностей выше обязанностей гражданина.

По своим политическим симпатиям Демокрит был сторонником рабовладельческой демократии. «Бедность в демократии,—

заявляет он,— настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства».

Демокрит защищал «умеренную» цензовую демократию, относясь критически к «крайней» демократии, укрепившейся в Афинах во второй половине V века до н. э.

2. Греко-персидские войны повлекли за собой заметную демократизацию государственного строя Афин и некоторых других городов Греции. Поднялась роль народных собраний, которые стали созываться чаще, чем раньше, шире обсуждались политические вопросы. Все это создало потребность в более или менее широком распространении разнообразных знаний в греческом обществе, и в особенности повысило значение ораторского искусства.

Вместе с тем развитие рабовладельческой системы хозяйства и связанное с этим обострение противоречий внутри рабовладельческих полисов подняли значение вопросов о государстве и праве, и в особенности об их происхождении и сущности. Традиционные воззрения и верования подвергались при этом смелой критике.

Новым потребностям удовлетворяют софисты (от греческого слова «софос» — мудрый), главным образом представители их старшего поколения, выступающие в роли популяризаторов знания и учителей красноречия. В середине V века в Греции эти платные учителя мудрости быстро приобретают большую популярность. Знакомя молодых людей с зачатками науки и обучая их ораторскому искусству, они вместе с тем выступают с критикой установившихся взглядов, а многие из них — с защитой передовых для того времени принципов и учений.

Софисты не представляли единого философского направления и не держались единой политической программы. Однако можно отметить некоторые общие черты, присущие в той или иной мере всем софистам. Это, во-первых, дух критики, стремление к пересмотру и даже к разрушению традиционных устоев; во-вторых, интерес к вопросам политическим, смелая критическая постановка вопросов государства и права, до софистов почти не подвергавшихся философскому рассмотрению; наконец, в-третьих, увлечение формальной логикой и внешней убедительностью речи. Софисты — спорщики, стремящиеся во что бы то ни стало одержать верх над противником; в своей аргументации многие из них часто не останавливаются перед чисто словесными ухищрениями, явной игрой понятиями и словами, перед тем, что принято именовать «софистикой». Говоря словами Ленина, софистика — это гибкость понятий, примененная субъективно, то есть без учета реального процесса развития мира. «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, — говорит Ленин, — гибкость, доходящая до тождества противоположностей, — вот в чем суть. Эта гибкость, примененная субъективно, — эклектике и софистике. Гибкость, примененная объективно, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и

единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира»¹.

Софисты не поднялись до диалектики, в их учениях можно отметить только отдельные незначительные ее элементы, они были выразителями чисто субъективной гибкости понятий.

Различают обычно старших софистов и младших. К числу старших, деятельность которых относится к более раннему времени, принадлежит Протагор, Горгий, Гиппий, Антифон, Продик; к числу младших — Ликофрон, Тразимах, Каллик, Алкидам.

Старшие софисты придерживались прогрессивных взглядов и были сторонниками рабовладельческой демократии. Среди младших наряду с представителями демократического направления встречались и защитники реакционных взглядов и течений.

Сочинения софистов до нас не дошли, за исключением некоторых отдельных отрывков. Сведения об их произведениях и их учениях содержатся в трудах других античных мыслителей, главным образом Платона и Аристотеля. Однако оба они, в особенности Платон, относились к софистам враждебно, в силу чего необходимо критически отнестись к этим источникам и подходить с большой осторожностью к утверждениям, исходящим от враждебных софистам писателей.

3. Вопросы государства и права поставлены были прежде всего у прославленного представителя старшего поколения софистов — Протагора.

Его перу принадлежало много произведений, в том числе сочинения «О государстве», «Оборьбе», «О богах», «Истина или ниспровергающие речи». Содержание сочинения «О государстве» остается совершенно неизвестным.

Протагор выдвинул учение об относительности знаний и наших представлений о добре и зле. Таким образом, его философские взгляды проникнуты релятивизмом. По мнению Протагора, все зависит от того, как человек воспринимает и оценивает постигаемую им действительность. «Человек есть мера всех вещей, — учит Протагор, — существующих, как они существуют, и не существующих, как они не существуют». Наши знания получаются от ощущений, а ощущения различны у различных людей. Поэтому нет единой истины. О всякой вещи существует два противоречивых утверждения. По-видимому, Протагор не отрицал объективной реальности, но, считая ощущения единственным источником наших знаний, приходил к выводу о зависимости наших суждений о вещах от наших субъективных восприятий и отсюда делал заключение об относительности и противоречивости наших знаний о природе.

Столь же относительны и противоречивы, по Протагору, наши суждения о добре и зле. Возможны два противоположных мнения об одном и том же поступке, два противоположных решения о

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 98—99.

том, что является справедливым и что несправедливым. Бегство постыдно на войне, но заслуживает одобрения в состязании; убийство сограждан достойно осуждения, но убийство на войне необходимо и похвально. Прекрасное и постыдное, справедливое и несправедливое — все это одно и то же. Все зависит от точки зрения того, кто высказывает суждение.

В вопросах права Протагор, верный своим исходным положениям, также подчеркивает условность и изменчивость юридических норм. Обращаясь к рассмотрению вопроса о происхождении государства и права, Протагор в своем мифе о Прометее, переданном Платоном в его произведении «Протагор», рисует беспомощную жизнь первобытных людей, бессильных перед лицом нужды и неспособных к организованной совместной жизни. Отбрасывая ходячие представления о «золотом» веке, который якобы предшествовал «железному», Протагор пытается дать картину постепенного развития человеческой культуры от самого примитивного ее состояния до уровня, когда люди овладевают огнем, и у них возникают ремесла и когда вслед за тем они переходят к совместной организованной жизни в городах. Для этого, однако, им необходимо было предварительно овладеть политическим искусством — умением судить о справедливом и несправедливом. Это искусство, по Протагору, боги сообщили всем людям. Политическая добродетель, учит он, должна быть достоянием всех, а иначе не было бы и государств. Миф Протагора приводит, таким образом, к демократическим выводам: все граждане должны быть участниками политической жизни, в равной мере принимать участие в решении политических вопросов.

Отмечая разнообразие норм права у различных народов, Протагор обосновывает мысль об условности всяких суждений о справедливом и праведном. Государство само устанавливает, что считать справедливым и прекрасным. «То, что представляется каждому государству справедливым и прекрасным, то и является таковым для него»¹. Закон есть изменчивый и весьма условный продукт человеческого творчества — политического искусства.

Чтобы подчеркнуть эту произвольность и условность закона, Протагор противопоставляет закон человеческий закону естественному. Однако естественное состояние, под которым Протагор понимает догосударственную жизнь людей, по его мнению, не выше и не лучше гражданского состояния. Наоборот, Протагор рисует естественное состояние как войну всех против всех, при которой совершенно невозможна совместная жизнь людей.

Практическим выводом из этой философии мог быть только призыв к неуклонному следованию существующим законам. Протагор имел в виду при этом, вероятно, прежде всего законы демократических Афин и других древнегреческих рабовладельческих демократий, учреждения которых вызывали его одобрение.

¹ Платон, Тезет, 167 с.

4. Вопросам государства и права уделяли внимание также и другие представители старшего поколения софистов — Г о р г и й из Леонтин (Сицилия) и Г и п п и й. Оба они обладали большой эрудицией и красноречием. Учениками Горгия были такие выдающиеся ораторы древности, как Перикл и Исократ.

Горгий и в особенности Гиппий выдвигали мысль об условности и относительности моральных оценок. Столь же относительными они признавали и нормы права: положительный закон есть акт государственной власти, которая устанавливает свои правила, не считаясь с тем, что соответствует природе.

Гиппий противопоставлял справедливое «по природе» справедливому «по закону» и обращал внимание на произвольность законов, устанавливаемых государством. Он находил, что закон — тиран для людей и что его постановления противоречат «человеческой природе». Все люди, говорил он, «сродники, и свойственники, и сограждане по природе — не по закону, ибо подобное подобному по естеству сродно, но закон, будучи тираном над людьми, ко многому принуждает против природы»¹.

Подчеркивая ту же мысль о произвольности и условности законов, софисты А н т и ф о н и Л и к о ф р о н учили, что право является не более как результатом простого соглашения людей между собой. Противопоставляя нормы права абстрактно взятой «природе» человека, Антифон учил, что предписания законов произвольны, веления же природы необходимы. Многие из того, что признают справедливым законы, говорил он, враждебно природе человека.

Развивая свое учение о справедливом по природе, Антифон приходит к весьма радикальным положениям, из которых он, впрочем, не делает, насколько можно судить, практических выводов.

По природе, говорит Антифон, люди во всех отношениях равны, притом одинаково — и варвары, и эллины. У всех людей нужды от природы одинаковы и одинаковы способы удовлетворения этих нужд. Все мы одинаково дышим воздухом через рот и нос и едим все одинаково при помощи рук. А между тем мы придаем значение знатности и тех, кто происходит от знатных родителей, уважаем и чтим в отличие от людей незнатного происхождения. Однако из этого представления о естественном равенстве людей Антифон не делал выводов, ставящих под сомнение правомерность рабовладельческого строя.

Подобно Горгию, Антифон проповедовал единомыслие в духе античных представлений о солидарности всех свободных. Разъясняя в сочинении «Об единомыслии» смысл этого понятия, Антифон заявляет, что единомыслие — это общность и согласие в образе мыслей людей, что единомыслие обнаруживается также в повиновении граждан законам. Таким образом, Антифон стоит за классовый мир и, подобно Протагору, высказывается за сохра-

¹ П л а т о н, Протагор, 337 с.

нение существующего порядка и за повиновение существующим законам,

5. Весьма остро был поставлен теми младшими софистами, которые отражали интересы рабовладельческой знати, вопрос о сущности права. Так, Т р а з и м а х, пытаясь оправдать господство верхушки рабовладельческого класса — ничтожного меньшинства — над массами трудящихся, объявлял, что право есть сила, — то, что полезно сильнейшим, захватившим власть в государстве. Право служит интересам властвующих, а не подвластных. «Правда на самом деле есть чужое благо: она полезна сильнейшему и, напротив, вредна подвластным»¹. Такое положение вещей Тразимах считал вполне естественным. Во всяком случае, он осуждал «вражду и взаимные раздоры», отстаивая «единомыслие», и с неодобрением говорил о том, как «безумствуют» находящиеся в бедственном положении.

Другой представитель младшего поколения софистов — К а л л и к л (как сообщает Платон в диалоге «Горгий»), недовольный, подобно Тразимаху, участием демоса в управлении государством, изображал дело так, будто законы издают не сильные, а слабые. Большинство слабых, говорил он, запугивают сильных людей, внушая им, что существуют правда и неправда и что нужно соблюдать законы. Это противоречит природе. «Согласно же с природой сильнейшему перед слабейшим иметь преимущество. Подтверждение этому мы находим и у животных, и в людских семьях, и в государствах». «Природная правда состоит в том, чтобы все, чем владеют слабейшие, принадлежало сильнейшим»².

Калликл — явный противник демократии, при которой, как он пытается представить дело, большинство «слабейших» диктует свои законы «сильным». Демократия, по его мнению, не соответствует естественному праву, так как сильные люди должны полностью удовлетворять все свои пожелания и ни в чем себя не ограничивать. Такова аристократическая мораль Калликла, выступавшего с идеей сильной личности, игнорирующей все нравственные нормы и попирающей все законы.

6. В 30-х годах V века до н. э. в условиях обозначившегося кризиса, выражением которого явилась вскоре Пелопоннесская война, наряду с софистами в Афинах выступил и приобрел своей деятельностью популярность в известных кругах С о к р а т (469—399 гг. до н. э.).

Подобно софистам, Сократ претендовал на роль учителя мудрости, поучая греческую молодежь. Подобно им, он усвоил критическое отношение к традиционным представлениям и принятым на веру положениям.

Тем не менее многое отличало Сократа от прогрессивных софистов. Он распространял реакционные философские и политические взгляды. Хотя Сократ боролся со скептицизмом и релятивизмом софистов и стремился обосновать возможность объективного

¹ П л а т о н, Государство, 339 а, 343 с.

² П л а т о н, Горгий, 483.

знания, однако в своей полемике с софистами он отстаивал идеалистическую философию, был враждебен материалистическим тенденциям софистов и тем демократическим принципам, которых придерживались многие из них. Все это кладет резкую грань между Сократом и софистами.

Сократ был тесно связан с кругами, враждебными афинской демократии. Его проповедь была направлена против демократической организации государственной власти. Поэтому после окончания Пелопоннесской войны, когда окрепнувшая демократия смогла перейти в наступление против своих врагов, Сократу было предъявлено обвинение в том, что он не признает богов, признаваемых государством, а вводит другие, новые «демонические существа», а также в том, что он развращает юношество. Обвинение повлекло за собой суд над Сократом и его казнь.

Сократ ничего не писал, он ограничивался устным изложением своих взглядов. О нем и его учении известно главным образом из произведений его учеников — Ксенофонта и Платона. Это создает значительные трудности при установлении подлинного содержания учения, которое проповедовал Сократ.

Исходным пунктом философии Сократа было скептическое положение: «Я знаю, что я ничего не знаю». Это утверждение, преисполненное иронического самопринижения, было направлено прежде всего против самоуверенного тона софистов, против их учености, которую Сократ считал мнимой. Вместе с тем это исходное положение было выражением его враждебного отношения к передовой материалистической философии.

Сократ учил, что чувственные восприятия не дают подлинного знания, что они порождают не знание, а мнение. Истинное знание, по Сократу, возможно лишь через посредство общих понятий.

Отрицательно относясь к изучению природы, Сократ заявлял, что занятия естествознанием должны следовать за изучением вопросов общественных. Сократ рекомендует начинать с самопознания. «Познай самого себя», — заявляет он, повторяя известную надпись храма Аполлона в Дельфах, а знать себя — это значит знать, что полезно и что вредно, что справедливо и что несправедливо, что соотвечствует силам человека и что их превосходит. Так пытается обосновать Сократ свое отрицательное отношение к научному познанию природы и определить круг вопросов, которые он исследует, — это вопросы о том, что такое справедливость, право, закон, благочестие и т. п.

Разумное начало составляет, по Сократу, подлинную сущность человека, оно и должно господствовать в человеке. Отсюда Сократ делает вывод, что человеку не следует заботиться о внешних благах мира, таких, как сила, здоровье, богатство. Эта проповедь Сократа в значительной мере была направлена против духа наживы и обогащения, которым были охвачены афинские рабовладельцы.

Сократ критиковал афинскую демократию. Его идеалом была аристократия. Ее он изображал как государство, которым управ-

ляют немногие, знающие люди, подготовленные к делу государственного управления и приобщившиеся к подлинному знанию.

Пытаясь оправдать господство меньшинства, Сократ учил, что властвование есть «царское искусство», к которому должны быть допущены лишь те, кто овладел подлинным знанием, мудростью, «лучшие» люди, предназначенные к этому как своим рождением, так в особенности воспитанием и обучением. «Цари и правители, — говорил Сократ, — не те, которые носят скипетр или избраны кем попало или получили власть по жребию или насилем или обманом, но те, которые умеют управлять»¹.

Поэтому Сократ осуждал принятое в афинской демократии замещение должностей посредством жребия.

Сократ неодобрительно отзывался также и о составе народного собрания — верховного органа афинского государства. Народное собрание, по его словам, состоит из ремесленников и торговцев, «думающих только о том, чтоб им купить что-нибудь подешевле и продать подороже», из людей, которые «никогда не думали о государственных делах...»². Эти и аналогичные заявления Сократа послужили основанием для обвинения его в том, что его речи возбуждают в молодежи презрение к установленному государственному строю и склонность к насильственным действиям³.

В пример афинянам Сократ ставит спартанцев, у которых земледелие было основой хозяйства, а торговля долгое время не получила заметного развития. В духе реакционной партии Сократ выступает в роли поклонника Спарты, призывает подражать тем, кто в настоящее время, то есть после победы, одержанной в Пелопоннесской войне, «являются первыми», и следовать тому же образу жизни.

Сократ развивал идеалистическое учение о естественном праве. Он учил, что существуют неписанные «божественные» законы, установленные не людьми, а богами, и имеющие силу повсеместно, независимо от воли людей. Эти божественные, неписанные законы — «братья законов человеческих». Они составляют как бы нравственную основу действующего в государстве права. Есть положения, повсеместно признаваемые людьми, независимо от того, выражены ли они в писаных законах. Таковы, например, обязанности почитать богов, уважать родителей, быть признательными своим благодетелям и т. п. Естественные, неписанные законы требуют также повиновения писаным законам. Справедливое и законное — одно и то же.

Сократ использует представление о неписанных, естественных законах не для критики действующих законов, а для обоснования необходимости их соблюдения. Любые законы, каковы бы ни были их достоинства, спасительнее беззакония и произвола.

Если верить рассказу Платона, за два дня до смерти Сократа друг его Критон пытался склонить Сократа к побегу из тюрьмы,

¹ К с е н о ф о н т, Воспоминания о Сократе, III, 9, 10.

² Т а м ж е, III, 7, 7.

³ С м. К с е н о ф о н т, Воспоминания о Сократе, III, 1, 2, 9.

но встретил решительное сопротивление. Сократ заявил, что считает обязательным для каждого беспрекословно и неуклонно повиноваться законам: «Пусть мы вознамерились бежать; вдруг приходят законы и, вступаясь за общее дело государства, говорят: скажи нам, Сократ, что ты это задумал? Видно, умышляешь причинить погибель нам, законам, и целому обществу? Разве общество может еще существовать, если судебные решения в нем не имеют никакой силы?»¹

Сократ опасался посягательства на устои рабовладельческого государства и потому обосновывал необходимость строгого соблюдения законов демократических Афин, хотя сам он был несомненным противником демократии и сторонником реакционной политической программы.

7. Противоречия греческого рабовладельческого общества резко обострились к концу V века до н. э. Разорение, принесенное продолжительной войной, вызвало кризис в деревне. Число бедняков, лишенных средств к существованию и живших за счет подачек от государства, в Афинах резко возросло, а денежные ресурсы афинского государства иссякли в результате войны и уничтожения Афинского морского союза, средствами которого Афины бесконтрольно пользовались для своих нужд. Борьба сторонников и противников рабовладельческой демократии в этот период стала особенно ожесточенной.

Реакционные круги выступают с требованием ликвидации демократии и установления аристократического строя. Используя критические моменты в истории афинской демократии, они путем насильственных переворотов дважды захватывают власть в государстве (олигархические перевороты 411 и 404 гг.). Однако в обоих случаях афинский демос дает им энергичный отпор и восстанавливает рабовладельческую демократию.

Видным защитником реакционной программы был П л а т о н.

Платон (427—347 гг. до н. э.) происходил из богатого и знатного рода: по отцу он был потомком царя Кодра, со стороны матери был связан своим происхождением с родом Солона. В двадцатилетнем возрасте он сблизился с Сократом, оказавшим на него большое влияние.

После смерти Сократа Платон покинул Афины и поселился в Мегаре. Отсюда он предпринял путешествие в Африку (Кирена, Египет), а вслед за тем направился в Великую Грецию (Южная Италия) и Сицилию. Здесь он через посредство пифагорейцев сблизился с сиракузским тираном Дионисием Старшим и принял активное участие в политической жизни Сиракуз, пытаясь склонить тирана к осуществлению намеченного им плана социально-политических преобразований. Попытки эти не увенчались успехом. Безуспешной была и новая поездка Платона в Сицилию, предпринятая им после смерти Дионисия Старшего. Возвратившись в Афины, Платон отдался философским занятиям и пропаганде своих идей. Он осно-

¹ П л а т о н, Критон, 50 а—б.

вал свою школу — Академию, которая просуществовала после него около 900 лет и явилась виднейшим центром и рассадником философского идеализма в древнем мире.

Учение Платона сложилось в годы поражения Афин в Пелопоннесской войне, повлекшей за собою обострение противоречий афинского общества. В схватке приверженцев и противников рабовладельческой демократии, происходившей по всей Элладе, Платон стал на сторону аристократических кругов общества, к которым принадлежал по своему рождению. На формирование его идей оказали влияние различные идеалистические течения древнегреческой философии: учение пифагорейцев о числах как особых сущностях, учение Сократа о знании как мышлении в общих понятиях, его реакционные взгляды по вопросам этики и политики.

Свои философские и общественно-политические взгляды Платон изложил в произведениях, имеющих форму диалогов, где одним из собеседников обычно выступает Сократ.

В более ранних диалогах Платон ограничивается передачей взглядов Сократа, по-видимому, не отделяя еще собственных взглядов от воззрений своего учителя, хотя и давая им при этом свою интерпретацию. Позднее Платон выступает со своим собственным философским учением и выдвигает разработанный во всех подробностях план общественного и политического преобразования («Государство»). Наконец, в преклонных годах, усомнившись в возможности осуществить свой общественно-политический идеал, Платон разрабатывает новый проект идеального государства, более близкий к реальным условиям жизни греческих полисов («Законы»).

8. Философия Платона — философия объективного идеализма. Воспринимаемый нашими чувствами «видимый» мир не составляет, по Платону, подлинной реальности.

Подлинной реальностью, по Платону, обладают только идеи — общие родовые понятия. Причем идеи существуют сами по себе, независимо от человеческого сознания, а также помимо отдельных вещей, в которых они только «присутствуют». Они пребывают в некотором «умопостигаемом» месте, образуя особый мир, мир идей, существующий отдельно от мира вещей.

Ленин, характеризуя идеалистическую философию Платона, говорит: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовишно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (совершенно в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); вещь и „нумен“, непознаваемая „вещь в себе“; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, *λόγος*, бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (= религии) даны уже в *первой, элементарной абстракции*

„дом“ вообще и отдельные дома»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 370.

Идеалистическая метафизика Платона пропитана мистикой. Он рисует фантастическую картину мира идей, в котором душа человека якобы пребывает до его рождения и начала его земной жизни. Этим, по мнению Платона, объясняется способность человека к подлинному знанию, к мышлению в общих понятиях. Знание есть воспоминание о том, что душа созерцала некогда в царстве идей.

9. Идеальная организация общества и государства должна, по мысли Платона, служить возможно более полному воплощению идей в «видимом» мире, приближению царства идей к действительности, примирению мира идеального и мира материального. Не удивительно поэтому, что Платон рассматривал свою реформаторскую деятельность как развитие и завершение своей философии, как некоторую прикладную сторону разработанной им теории.

Его взгляды были проникнуты ненавистью к афинской демократии и идеализацией спартанских учреждений. Отражая настроения реакционных кругов афинского рабовладельческого класса, Платон призывал к открытой диктатуре «лучших» людей над массами рабов и свободной бедноты и к организации господствующего класса на началах военно-лагерной жизни во имя солидарности свободных перед лицом рабов.

Необходимой предпосылкой идеального государства Платон признавал рабство.

Выступая в роли защитника аристократического строя и стремясь изобразить демократию как государство, в котором правят люди, к тому не подготовленные, он заявляет, что управление государством должно находиться в руках философов, людей знающих, постигших идеи, овладевших высотами научного познания: «Пока в городах ... не будут или философы царствовать или нынешние цари и властители — искренно и удовлетворительно философствовать, пока государственная сила и философия не совпадут в одно... дотоле ни города, ни даже, думаю, человеческий род не жди конца злу...»¹. Подобно тому, как управление кораблем поручается людям, знающим корабельное дело, управление государством, заявляет Платон, должно поручаться людям, обладающим для этого необходимыми знаниями, овладевшим истинной философией.

Все эти рассуждения направлены против античной демократии, при которой, по словам Платона, правит «демос, большой и сильный зверь», и при которой руководители демоса — ораторы, «демагоги» оттесняли на задний план афинскую аристократию.

Платон подвергает при этом сомнению принцип законности. Он находит, что философы, когда им будет вручена власть, обладая глубокими познаниями, смогут управлять государством, руководствуясь своим усмотрением, а не указаниями закона.

Свободное население в идеальном государстве должно быть разделено на три сословия: философов, правящих государством;

¹ П л а т о н, Государство, 473.

стражей, или воинов, охраняющих государство; ремесленников и земледельцев, доставляющих гражданам все необходимое для жизни. Необходимость такого деления Платон пытается обосновать и оправдать разнообразной аргументацией.

Прежде всего он указывает на разделение труда в обществе и говорит, что каждое дело делается лучше, когда кто-либо занимается им специально: каждый лучше всего делает одно, не хватаясь за многое. Отсюда Платон пытается сделать вывод в пользу деления на сословия и необходимости общественного неравенства.

Другой довод Платона в пользу деления общества на сословия — это утверждение о прирожденном неравенстве людей по их способностям. Души людей до их земного рождения находились в царстве идей, где они овладевали подлинным знанием, знанием истинной действительности — мира идей. Положение души в земной жизни определяется тем, насколько успешно она постигла истину, находясь в царстве идей. Пускаясь в фантастические, проникнутые мистицизмом рассуждения о пребывании души в мире идей, Платон стремится внушить мысль о неравенстве, якобы определенном людям от самого рождения.

Платон пытается подкрепить свое учение о делении свободного населения на сословия еще и аналогией между государством и отдельным человеком. Три сословия идеального государства соответствуют, по Платону, трем частям человеческой души: разумной, «пожелательной» и чувственной. Государство же есть не что иное, как большой человек, отсюда — его сходство с душой человека. Разумной части души соответствует сословие философов, пожелательной — сословие воинов, чувственной — сословие земледельцев и ремесленников. Справедливость состоит в том, чтобы каждый делал свое.

Все учение Платона о справедливости и способах ее осуществления в государстве путем деления общества на сословия направлено своим острием против демократии и в защиту аристократического правления. «Многоделание», против которого предостерегает Платон, есть не что иное, как практикуемое в демократиях предоставление политических прав ремесленникам и земледельцам. Враждебно относясь к демократии, Платон не устает повторять, что государство должно управляться «лучшими» людьми, призванными к этому в силу своих знаний и благородного происхождения.

Касаясь предлагаемого Платоном деления на сословия, Маркс говорит: «...В республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собою лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя...»¹.

Социальное неравенство Платон рекомендует укреплять распространением мифа о том, будто «бог-образователь» к тем из

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 375.

людей, «которые способны начальствовать, при рождении примешал золота... к другим, помощникам их,— серебра, а к земледельцам и прочим работникам — железа и меди».

Высшими сословиями платоновского идеального государства являются, как мы видим, философы и воины. Воины должны целиком отдаться делу военной подготовки и быть свободными от всяких иных занятий. Платон изображает членов этого сословия как физически выносливых, закаленных, стойких людей, привычных к суровой лагерной дисциплине. Платоновские воины-стражи напоминают воспитанных в условиях военного лагеря, с детства подготовлявшихся к военному делу спартанцев.

Из числа стражей в результате испытания и отбора выделяются люди «золотых» дарований — философы-правители, владеющие «политическим искусством» и потому стоящие во главе государства.

Земледельцы и ремесленники, образующие третье сословие, хотя и отнесены Платоном к числу граждан идеального государства, занимают в нем положение, близкое к положению рабов.

10. Совместная, коллективная частная собственность для философов и воинов в глазах Платона есть наилучшее средство установления «единомыслия», солидарности, общности желаний в государстве, средство крепко спаять представителей господствующего класса в единый коллектив. Стремясь обеспечить единство среди свободных и их солидарность перед лицом рабов, а также крепость и силу государства в борьбе с внешними врагами, Платон считает необходимым уничтожить частную собственность отдельных лиц для двух высших сословий идеального государства — философов и стражей-воинов. Стражи не должны, говорит Платон, из сторожевых собак, охранителей города, превращаться в волков, а для этого никто из них не должен иметь ничего, кроме совершенно необходимого. Все, что нужно для удовлетворения их потребностей, они должны получать от прочих граждан. Принимать золото и серебро или даже касаться их стражам должно быть воспрещено. При этом стражи должны жить сообща, целыми лагерями, иметь общие трапезы и общих жен.

Этими мерами Платон стремился устранить все, что способно было вызвать раздоры среди представителей верхушки общества, ослабляющие рабовладельцев перед лицом свободной бедноты и рабов.

Предлагая установить совместную частную собственность, Платон отнюдь не ставил своей задачей облегчить положение масс, поднять жизненный уровень неимущей бедноты. Его задача — укрепить существующую форму эксплуатации, сделать возможно более прочным рабовладельческий строй. Поэтому фальсификаторскими, антинаучными являются попытки буржуазных ученых затушевать эту важнейшую черту учения Платона и представить его учение без всяких оснований как своего рода коммунизм.

Существенной особенностью платоновского идеального государства является государственное воспитание граждан. С раннего

возраста детей обучают и воспитывают назначенные для этого лица по определенной, строго обязательной программе, которую Платон излагает весьма подробно.

Нетрудно заметить, что изображаемый в проекте Платона общественный и государственный строй имеет черты сходства с общественным и политическим строем древней Спарты, в которой при сохранении пережитков первобытно-общинного строя господство над массой поработанного населения — илотами осуществлялось при посредстве открытой военной диктатуры и военной лагерной организации жизни господствующего класса.

Вдохновляясь примером отсталой Спарты, где сохранялись значительные пережитки матриархата и вследствие этого женщины занимали сравнительно высокое положение в обществе, Платон считает, что девушки и юноши должны получать одинаковое воспитание и обучение, как это и происходило в его время в Спарте, и что женщины в идеальном государстве должны быть уравнены в правах и общественном положении с мужчинами.

11. Изобразив устройство идеального государства, Платон обращается к рассмотрению государств, отклоняющихся от идеала, так называемых извращенных форм государства. Все государства Платон располагает в порядке возрастающего отклонения от идеала. Идеал — это а р и с т о к р а т и я, государство, в котором господствуют «лучшие» — мудрые. За аристократией следует т и м о к р а т и я — господство сильнейших и храбрейших. Еще дальше от идеала отклоняется о л и г а р х и я, где осуществляется власть немногих богатых. Затем следует правление демоса, народа, — д е м о к р а т и я. Наконец, худшая из неправильных извращенных форм — т и р а н и я.

Перевороты, влекущие смену форм, происходят, по Платону, от причин идеологического порядка, вследствие порчи характера властвующих и подвластных, от того, что правители из «стражей» становятся «волками», или от того, что в обществе появляются и размножаются «трутни», от алчности, скупости, властолюбия и т. п.

Первая извращенная форма — тимократия возникает непосредственно из разложения идеального государства, «когда железо примешивается к серебру, а медь к золоту». В обществе возникает индивидуальная частная собственность, рождаются раздоры и вражда. На общественные должности проникают люди «горячие и суровые, способные больше к войне, чем к миру». Они приходят к власти на смену философам. В качестве примера такого рода государства Платон называет Спарту.

Тимократия переходит в олигархию — власть немногих богатых, где выше всего ставятся деньги и невысоко расценивается добродетель. В изображении этого государства сказывается враждебное отношение Платона как представителя афинской землевладельческой знати к промышленным и торговым кругам рабовладельческого класса. Государство распадается на два лагеря, образуя

как бы два города в одном: город богатых и город бедных, враждующие друг с другом. Богачи не замечают, как, обременяя должников, они умножают в городе «трутней и нищих». Вместе с числом бедных множится и их сила.

Победа бедняков влечет за собой образование ненавистной Платону демократии, которую он злобно чернит, изображая ее как правление, при котором царят неумеренная свобода и безначалие.

Вслед за демократией возникает тирания — самое худшее из государств: его опора, по Платону, — общественные низы — рабы и «худшие» люди.

Отрицательное отношение Платона к тирании определялось тем, что в древнегреческих полисах тирания нередко была направлена против привилегий родовой знати, являясь орудием в руках торгово-промышленных кругов господствующего класса, которые нередко демагогически шли навстречу требованиям широких кругов свободной бедноты, удовлетворяя в незначительной степени их интересы.

12. В позднейшем произведении — «Законы» — Платон изображает «второе по совершенству» государство, ближе всего подходящее к идеальному. Как бы разочаровавшись в возможности осуществления на практике идеала, изображенного в «Государстве», Платон в этом проекте отступает в ряде существенных положений от требований, выдвинутых в более раннем произведении. Это была попытка философа путем различного рода уступок приблизить идеал к действительности.

Тем не менее проект «Законов» имеет много общего с проектом «Государства». Здесь, как и в «Государстве», отстаивается идеал аграрного замкнутого, «самодостаточного» государства.

Не требуя ликвидации индивидуальной семьи, Платон по-прежнему настаивает на тщательном надзоре за брачно-семейными отношениями и на регламентации брака. По-прежнему он высказывается за равное с мужчинами общественное положение женщин, а также за государственное воспитание граждан. По-прежнему быт верхушки общества проникнут чертами военно-лагерной жизни.

Проект «Законов», как и проект «Государства», закрепляет резкое общественное неравенство, приниженное и бесправное положение трудящихся. Он исходит, как и первый проект, из принципов аристократического государственного строя.

Но вместе с тем следует отметить различия обоих проектов в ряде вопросов, относящихся к важнейшим сторонам общественного строя (собственность, сословия, семья) и политической организации (число и характер правящих лиц, органы власти, должностные лица и пр.).

Платон высказывается здесь за сохранение индивидуальной частной собственности, но с большими ограничениями. Земля составляет собственность государства. Она делится на 5040 участков — по числу граждан государства, и каждый участок состав-

ляет переходящий по наследству надел. Между детьми участок не делится, он целиком переходит к одному из них, другим же детям даются участки бездетных семей. Чтобы предотвратить чрезмерный рост населения, регламентируется деторождение, а если этого окажется недостаточным, Платон рекомендует избыточное население направлять в колонии.

Дома также составляют собственность государства и распределяются между гражданами.

Все граждане по имущественному положению делятся на четыре разряда, причем политические права и почести соизмеряются не только с личной доблестью, но и с имущественным достатком.

В целях устранения резкого контраста богатства и бедности среди свободных Платон рекомендует установить предел, дальше которого не может идти накопление богатства гражданами. Избыток, если он окажется, поступает в пользу государства.

Лица, занятые физическим трудом, исключаются из числа граждан. Ремесленники сохраняют личную свободу, но прав гражданства не имеют; правительство распределяет их по стране в соответствии с потребностью в их труде. Земледельческий труд осуществляется рабами.

Граждане живут, таким образом, за счет труда рабов и ремесленников. Задача Платона состоит в том, чтобы указать средства, способные сделать возможно более прочным рабовладельческий строй, упрочить господство имущих граждан над массой рабов и трудящихся бедняков.

Торговля подвергнута серьезным ограничениям. Гражданам воспрещено заниматься торговлей под страхом наказания: это — дело метэков (граждан других греческих государств) и иностранцев. При этом из-за границы ввозятся только предметы, совершенно необходимые для государства и граждан.

В быту граждан сохраняются некоторые элементы военно-лагерной жизни в виде общих трапез — сисситий, отдельных для мужчин и для женщин.

Равноправие полов, в пользу которого Платон высказался в первом проекте, он поддерживает и теперь, но со значительными ограничениями. На высшие должности в государстве женщины не допускаются. Им отводятся особые отрасли управления — воспитание, обучение, наблюдение за браками и т. д.

Государственный строй предусмотрен аристократический. Правда, в государстве существует народное собрание, в котором могут участвовать все граждане. Однако граждане двух первых разрядов обязаны посещать народные собрания под угрозой штрафов за непосещение, для граждан же остальных двух разрядов посещение собраний не обязательно.

Предлагается выборный орган — Совет 360. Однако принципы его образования весьма далеки от демократических.

Во главе государства Платон ставит теперь не философов, а старейших и наиболее рассудительных граждан. Коллегию высших

должностных лиц государства составляют 37 правителей — «стражей законов», избираемых из 100 заранее намеченных кандидатов. Для занятия должности правителя установлен пятидесятилетний возраст. Срок, на который избираются «стражи законов», — двадцатилетний.

Правители руководствуются в управлении государством не усмотрением, как философы по первому проекту, а законами. Господство законов призвано заменить недостающую мудрость правителей. Законы самым тщательным и мелочным образом регламентируют все стороны жизни граждан, предусматривая все подробности их быта, воспитания и т. п. Их нарушение влечет суровые кары.

Стремясь обеспечить неизменность существующего строя, Платон рекомендует законодателю, а также и правителям проявлять постоянную заботу об укреплении устоев общества. Законодатель должен бороться со всякими новшествами, обеспечивая единообразие в жизни всех граждан. Всякая попытка внести изменения в существующий строй карается смертной казнью.

Большое значение для охраны устоев общества Платон придает в новом проекте религии. Считая, что неверие ведет к смутам, Платон предлагает ввести тяжкие наказания за отступления от веры в богов, в некоторых случаях — даже смертную казнь. В древней Греции религия была государственным делом, все граждане обязаны были придерживаться религиозной идеологии и соблюдать религиозный культ, установленный государством. Платон остается верным этой старой традиции рабовладельческих полисов.

Таков позднейший проект Платона, разработанный им уже на склоне лет.

Здесь уже нет коллективной собственности воинов и общности жен — тех радикальных средств, к которым рекомендовал прибегнуть Платон для укрепления господства аристократической верхушки, однако закрепление привилегий незначительного меньшинства за счет бесправного положения массы трудящихся — это основной принцип, которого Платон держится в обоих своих планах.

Сократ и Платон — выразители реакционной линии в развитии древнегреческой философии и политической мысли. Они — враги рабовладельческой демократии, существовавшей в Афинах, сторонники лишения свободных бедняков всяких политических прав, защитники открытой военной диктатуры реакционных кругов афинского рабовладельческого класса.

§ 4. Политическое учение Аристотеля

1. Сторонником рабовладельческой демократии в годы кризиса и начавшегося упадка греческих полисов был Аристотель (384—322 гг. до н. э.), «...величайший мыслитель древности...»¹, оказавший влияние на развитие самых различных отраслей знания.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 414.

Аристотель родился в городе Стагире. Отец его был придворным врачом македонского царя Аминты. Юношей Аристотель приехал в Афины и здесь вступил в школу Платона, с которым позднее разошелся во взглядах и полемизировал в своих трудах.

По смерти Платона Аристотель открыл в Афинах свою школу. В течение ряда лет он находился в Македонии и был воспитателем наследника македонского престола Александра. Возвратившись в Афины, он вновь основал школу — Лицей, — в которой преподавал в течение 12 лет — до конца своей жизни.

Аристотель написал много сочинений самого разнообразного содержания, относящихся к различным отраслям знания, но значительное число из них утрачено.

Аристотель выступает в своих трудах как внимательный наблюдатель действительности, как исследователь природы, уверенный в реальности внешнего материального мира.

Он отходит от платоновского идеализма и обнаруживает тяготение к материализму. Его философские взгляды отражают колебания между идеализмом и материализмом.

Аристотель отправляется от критики платоновского учения об идеях, в которой он не раз поднимается до уровня критики идеализма вообще.

По Аристотелю, сущностью (то есть реальностью) является каждая отдельная вещь, представляющая собой соединение формы и материи. Материя есть то, из чего создаются все вещи, форма — то, что придает материи определенность. На этом основании форму Аристотель также именуется сущностью. Материя — это нечто потенциальное, то, что может быть и тем и другим, форма же, напротив, есть нечто актуальное, то, что индивидуализирует материю. Форма составляет при этом нечто неотделимое от материи, находящейся в вечном движении, единое с ней.

2. Касаясь взглядов Аристотеля на общественный строй, следует прежде всего сказать о защите и оправдании им рабства.

Рабство Аристотель считает необходимым и вполне естественным, оспаривая утверждение некоторых софистов о естественном равенстве людей. Аристотель утверждал, что существуют люди, по своей природе предназначенные быть рабами. Таковы варвары. Варвар и раб — по природе своей понятия тождественные. Греки нигде не должны быть в положении рабов, напротив, варвары самой природой предназначены быть рабами, которые в такой же степени отличаются от других людей, в какой душа отличается от тела, а человек — от животного. Рабовладельцы изображаются им как существа, превосходящие рабов своими природными качествами, как predeterminedенные самой природой организаторы хозяйства, господство и руководство которых полезны и самим рабам.

Рабство Аристотель считает и общественно необходимым. Граждане государства должны иметь досуг, а для этого они должны быть свободны от забот о предметах первой необходимости. Их досуг должен быть обеспечен рабами. «Если бы ткацкие челноки

сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, то тогда и зодчие при постройке дома не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы», — говорит Аристотель ¹.

Аристотель касается также вопроса о положении раба. Раб — это собственность господина, одушевленная часть его имущества. Раб — одушевленный инструмент, а инструмент — раб без души. Роль раба подобна роли быка — у бедного бык заменяет раба. Раб — вещь, но с телом и душой человека.

В отношении раба не может быть несправедливости, невозможно и дружба: «Ведь дружба и справедливость невозможны по отношению к неодушевленным предметам, так же как по отношению к лошади, или быку, или рабу, поскольку он раб» ².

Останавливается Аристотель также и на вопросе о способах обращения с рабами, рекомендуя в этом деле строгость, а также на вопросе о средствах предотвращения восстаний рабов. Для последней цели он советует заботиться о том, чтобы среди подвластных людей не развивались дружественные чувства.

Аристотель высказывается за индивидуальную частную собственность, против платоновской общности имущества у господствующей верхушки общества. Его аргументы в пользу частной собственности, несмотря на всю их неубедительность, стали ходячими в добуржуазной и буржуазной литературе.

Однако Аристотель — против собственности неограниченной по своим размерам. Он — сторонник среднего достатка, которым обладают «средние» круги общества.

Стремясь достигнуть смятения противоречий между рабовладельцами и свободной беднотой, Аристотель призывает рабовладельцев к умеренности, осуждает их стремление к безудержной наживе, опасаясь обострения классово-борьбы среди свободных.

Он против ростовщичества и широкого размаха торговой деятельности. Богатство и искусство наживать, заявляет он, — не одно и то же, экономика или накопление в области домохозяйства — не то же, что хрематистика, или искусство накопления ради наживы.

Истинное богатство, по Аристотелю, состоит из потребительских ценностей, количество которых, необходимое для жизни, неограничено. Поэтому накопление в области домохозяйства имеет свои пределы, тогда как стремление к наживе с помощью торговли или ростовщичества беспредельно.

Маркс в первом томе «Капитала» говорит: «Аристотель противопоставляет хрематистике экономику. Он исходит из экономики. Поскольку последняя представляет собою искусство приобретения, она ограничивается приобретением благ, необходимых для жизни или полезных для дома и государства» ³.

¹ Аристотель, Политика, I, 1253 б.

² Аристотель, Этика Никомахова, VIII, 1161 б.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитгиздат, 1949, стр. 159 (примечание).

В целях укрепления частной собственности, а также в интересах придания рабовладельческому строю устойчивости Аристотель рекомендует поддерживать свободных бедняков, снабжая их всем необходимым для занятия ремеслом и земледелием. Он советует распределять между немущими также и излишки государственных средств, считая, что это будет служить и интересам имущего класса. «Величайшим благополучием для государства является то, чтобы граждане обладали собственностью среднюю, но достаточную»¹.

3. В учении о сущности государства Аристотель порывает с религиозными представлениями о государстве и ищет естественных основ образования государства. Он объявляет, что человек есть существо политическое и что государство основывается на природном влечении людей к общежитию.

Это влечение приводит прежде всего к образованию семьи, из семей образуются селения, из селений — государство. Не отдавая себе достаточного отчета в подлинной сущности рабовладельческого государства, Аристотель утверждает, что государство есть совершеннейшая форма общежития — такая форма, в которой создаются условия для совершенной, «самодостаточной» жизни.

Он дает такое определение государства: «Государство есть общение... равных друг другу людей ради целей возможно лучшего существования»². Аристотель заявляет также, что в государстве гражданин получает все необходимое для совершенной жизни: досуг, все внешние блага для удовлетворения потребностей человека, надлежащее воспитание.

Государство есть союз свободных людей. Рабы, хотя они и необходимы для государства, стоят вне государственного общения. В идеальном государстве не входят в состав граждан государства и ремесленники.

Государство, по Аристотелю, — необходимая и вечная форма общежития, без которой люди никогда и ни при каких условиях обходиться не могут.

В своем определении государства как союза равных, преследующего цели блаженной жизни, Аристотель выдвигает идеалистическое представление о сущности государства, придавая абстрактно взятой форме решающее значение. Его определение исходит из формального равенства всех свободных, безотносительно к различию богатых и бедных в пределах союза «равных». В этом определении отражается представление о коллективе рабовладельцев, совместно господствующих над рабами и организованных в силу этого в государство-город, греческий полис.

Однако у Аристотеля встречаются ценные догадки о сущности государства, расходящиеся с его приведенным выше определением государства. Так, он указывает, что основными элементами

¹ Аристотель, Политика, IV, 1295 б.

² Аристотель, Политика, VII, 1328 а.

государства следует считать бедных и богатых, что от соотношения имущих и неимущих в обществе зависит форма государства, что государство не может состоять исключительно из людей неимущих или из одних рабов. «Из одинаковых государство не образуется», — пишет он. Перечисляя составные части государства, он называет вооруженную силу, необходимую, как он указывает, не только для отражения притязаний извне, но и для поддержания авторитета власти против неповинующихся внутри государства, известный запас денежных средств, жрецов, ведающих религиозным культом, законодателей и судей, решающих вопрос о том, что полезно и что справедливо во взаимных отношениях граждан между собою ¹.

Право Аристотель самым тесным образом связывает с государством. Право — это политическая справедливость, порядок, установленный в политической организации, то есть в государстве. Далекий от понимания подлинной природы права, Аристотель заявляет, будто задача права состоит в том, чтобы служить общей пользе, обеспечить «автаркию» граждан в государстве, но вместе с тем он добавляет, что право может служить одной только пользе «лучших» и сильнейших.

Право, по Аристотелю, применяется только к людям свободным и равным в смысле полного равенства или соизмеримости. При несоизмеримости субъектов право невозможно. Поэтому права нет во взаимоотношениях господина и раба, а также отца и детей. Права нет также там, где господствует деспот с неограниченной властью.

Отмечая роль закона, Аристотель признает вместе с тем существование неписаных норм права. Неписаное право — это обычное право. Закон сам, вырабатывая определенные привычки у людей, как бы создает обычаи. Но неписаное право у Аристотеля имеет и другое значение: это — право, установленное природой, «естественное» право, которое имеет значение независимо от признания или непризнания его тем или иным государством. Естественное право составляет как бы основу действующего в государстве, установленного законом права. Аристотель исходит из представления о вечности и общеобязательности некоторых исторически преходящих особенностей античного общества и государства. То, что существует по природе, существует повсеместно, находясь в полном соответствии с естественными и нравственными основаниями общезнания. Объявляя действующее право некоторой конкретизацией естественного права, Аристотель, как Сократ и другие античные сторонники учения о естественном праве, пытается тем самым поднять моральный авторитет действующего права.

4. Право Аристотель сближает также со справедливостью.

Справедливость, по Аристотелю, — это прежде всего то, что соответствует законам. Такова так называемая политическая справедливость, то есть справедливость, установленная государством.

¹ Аристотель, Политика, VII, 1328 b, III, 1291a.

Несправедлив в этом смысле всякий, кто нарушает закон. Но вместе с тем, по Аристотелю, справедливость состоит и в равномерности, в равномерном распределении и в уравнивании чего-либо. Поскольку же равномерное — это середина, справедливость есть также середина.

При этом Аристотель различает два вида справедливости — справедливость уравнивающую и справедливость распределяющую. Задача первой заключается в воздаянии равным за равное, «уравнивание того, что составляет предмет обмена», задача второй — в распределении благ каждому по достоинству, в соответствии с особенностями индивидов.

Учение о двух видах справедливости Аристотель ставит на службу своей политической теории.

Уравнивающей справедливости Аристотель отводит область обмена, область гражданско-правовых сделок, присоединяя к ним сферу деятельности судьи, возмещающего своим решением причиненный ущерб или воздающего наказанием за совершенное преступление. Областью применения распределяющей справедливости он считает главным образом область политики, где речь идет о распределении политических прав, почестей, благ разного рода, относительно которых Аристотель открыто высказывается за неравное их предоставление гражданам, за распределение их «по достоинству». Если при обмене справедливым признается применение эквивалента, то в области политики этот масштаб отбрасывается и справедливым объявляется распределение неравное, соответствующее общественному неравенству и его закрепляющее. Учение о распределяющей справедливости у Аристотеля служит, таким образом, теоретическим оправданием неравенства общественного положения и политических прав.

5. Большое значение Аристотель придает форме государства. Форма государства, по Аристотелю, — это организация государственной власти, в первую очередь — организация высшей власти. Форма государства — это вместе с тем его жизненный принцип: он один — у аристократии, другой — у олигархии, третий — у демократии. Принципом аристократии служит добродетель, олигархии — богатство, демократии — свобода.

От формы государства, как от определяющего начала, зависит многое. Прежде всего все законы издаются применительно к форме государственного строя. Далее, форма государства определяет понятие гражданина: то понятие, которое пригодно для демократии, не годится для других форм государства. Формой государства обусловлены также и образ жизни граждан и их воспитание. «Никакой пользы не принесут наиболее полезные законы... если граждане не будут приучены к государственному строю, если они не будут в его духе воспитаны»¹. В зависимости от форм государства различаются, равным образом, характер органов государства и задачи должностных лиц.

¹ Аристотель, Политика, V, 1310a.

Государство остается тем же, пока не меняется его форма, его государственный строй.

Для классификации форм государства Аристотель выдвигает одновременно несколько признаков. Он различает формы государства, во-первых, в зависимости от количества властвующих, исходя из того, властвует ли один, немногие, большинство; во-вторых, — формы правильные и неправильные, или извращенные; при первых — властвующие имеют в виду общее благо, при вторых — только личную пользу. Абстрактное понятие «общего блага» у Аристотеля лишено всякой определенности. Говоря об общем благе, он вовсе не думает, что власть должна одинаково расценивать интересы имущих и неимущих. Поэтому и деление форм государства на правильные и извращенные, которое Аристотель проводит, исходя из отношения властвующих к общему благу, совершенно произвольно. В результате у него получается следующая классификация форм государства: три правильные — монархия, аристократия, полития — и три неправильные — тирания, олигархия, демократия. Власть одного, при которой имеется в виду общая польза, именуется монархией; власть немногих, правящих в интересах общего блага, — аристократией; власть большинства, правящего в тех же интересах, — политией. Им соответствуют три отклонения от правильных форм: отклонение от монархии — тирания, от аристократии — олигархия, от политии — демократия.

Указанная классификация форм государства восполняется у Аристотеля классификацией в зависимости от степени влияния богатых и бедных в государстве. Там, где власть основана на богатстве, — налицо олигархия, где правят неимущие, — демократия, где правят люди, избираемые на должности за их добродетели, — аристократия.

С этой последней точки зрения основными являются две формы государства: демократия, где верховной властью обладают неимущие, составляющие большинство, и олигархия, где власть находится в руках богатых, являющихся меньшинством.

Классификация форм государства, разработанная мыслителями древней Греции, и особенно Аристотелем, оказала влияние на последующую политическую мысль как в средние века, так и в новое время.

Большое внимание Аристотель уделяет вопросу о государственных переворотах, о смене одной формы государства другой. Одной из главных причин государственных переворотов, по Аристотелю, является стремление устранить существующее неравенство, другой — стремление имущих усугубить неравенство и создать для себя новые преимущества. Перевороты, таким образом, рождаются из создавшихся в обществе противоположностей, главным образом из противоположности между богатством и бедностью. Аристотель называет и иные, менее существенные причины переворотов, причины психологического порядка: наглость, корыстолюбие, страх и т. п. Мысли Аристотеля о причинах переворотов

отразились в рассуждениях на эту тему позднейших писателей, например Макиавелли, Бодена и др.

Обнаруживая заботу о сохранении рабовладельческого строя, Аристотель заявляет, что задача политического деятеля состоит в том, чтобы придать устойчивость государству и предотвратить государственный переворот. Он рекомендует соблюдать умеренность, придерживаться середины, обеспечить, по возможности, солидарность среди свободных.

6. Сам Аристотель выступает сторонником «среднего» государственного строя — политии, которая, по его словам, является смешением, сочетанием олигархии и демократии. Это — государство, в котором преобладают «средние», где среди свободного населения нет резкой противоположности богатых и бедных, где может быть обеспечена солидарность свободных перед лицом рабов.

Преобладание «средних» достигается установлением такого ценза, при котором число лиц, наделенных правом участия в государственном управлении, превышало бы число лиц, лишенных этого права.

Полития Аристотеля напоминает «умеренную» конституцию Ферамена, введенную в действие в Афинах вскоре после олигархического переворота 411 года. Сам Аристотель дает понять, что «средним» государственным строем он считает строй, установленный в Афинах Солоном, когда доступ к государственным должностям был обусловлен цензом.

Лучшими из политических деятелей Афин V века Аристотель считает руководителей реакционной партии Никия и Фукидида и особенно Ферамена, сторонника «умеренной», цензовой конституции, которого Аристотель изображает как стойкого поборника законности, установившего в Афинах «действительно хорошее управление». Но наиболее высокую оценку Аристотель давал Солону, которого хвалил за то, что он, установив демократию, сумел соединить в ней принципы олигархический, демократический и аристократический.

К афинской демократии периода ее расцвета Аристотель относился отрицательно. Он осуждал эту форму государства, рассматривая ее как «крайнюю» демократию. Считая правильным, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, а не меньшинства (рабы при этом не принимались во внимание), Аристотель, однако, высказывался против широкого участия народных собраний в государственном управлении и против активной роли бедноты в политической жизни. Такие крупнейшие деятели афинской демократии V века, как Фемистокл, Перикл, не вызывали одобрительных отзывов Аристотеля.

Но, с другой стороны, Аристотель не сочувствовал домогательствам реакционных кругов, которые стремились к полной ликвидации демократических учреждений и установлению в Афинах режима военной диктатуры спартанского типа. Спартанский

олигархический строй Аристотель подвергает обстоятельной критике. Он осуждает жестокий способ обращения с илотами, считая, что это вызывает враждебное отношение илотов к спартамцам и частые их восстания. Он критикует односторонний военный характер воспитания спартамцев.

Аристотель осуждает также антидемократический характер спартамского государственного строя, отмечая пожизненный характер власти геронтов, безответственность геронтов и эфоров, избрание должностных лиц способом, который открывал простор для злоупотреблений, наследственный характер царской власти.

Монархию Аристотель считал уместной в тех случаях, когда в государстве возвышается человек, неизмеримо превосходящий всех граждан, представляющий собою «как бы божество среди людей». В этих суждениях проявилось положительное отношение Аристотеля к Македонской монархии, достигшей небывалого величия при воспитатнике Аристотеля Александре.

Однако, оправдывая в отдельных случаях монархию, Аристотель пытался провести грань между монархией, с одной стороны, и тиранией — с другой. Относя монархию к числу правильных форм государства, он объявлял тиранию «извращенной» государственной формой, самой худшей из всех возможных.

Попытки Аристотеля провести различие между монархией и тиранией не удалось. Тем не менее противопоставление монархии и тирании перешло от него к писателям позднейших времен и было широко использовано в политической борьбе как в средние века, так и в новое время.

Отношение Аристотеля к Македонской монархии в общем было двойственным: великий стагирит не одобрял воспроизведение в империи Александра отдельных черт восточной деспотии и не сочувствовал тому уравнению в правах варваров с эллинами, которое частично осуществлялось в империи Александра. Но вместе с тем он был близок к Македонской партии, образовавшейся в Афинах, и поддерживал тесные личные связи с наместником Александра в Афинах — Антипатром.

7. Не ограничиваясь рассмотрением различных существующих форм государства, Аристотель дает очерк идеального, совершенного государства, по-видимому, следуя в этом Платону.

Его идеал остается целиком в рамках греческого государства-города, «самодовлеющего» коллектива рабовладельцев. Государство не должно быть слишком большим по территории и по количеству населения или слишком малым. Государство с очень малочисленным населением не может быть самодостаточным. Ему не обеспечена «автаркия». Но, с другой стороны, и слишком большое государство не может получить надлежащую организацию. Население, как и территория государства, должно быть небольшим, «легко обозримым».

Для совершенного государства необходимы также благоприятные климатические условия — климат не слишком холодный,

как на севере Европы, но и не слишком жаркий, как в Азии. Мысль Аристотеля о значении климата для государственного строя была воспринята Боденом (XVI в.) и Монтескье (XVIII в.).

В совершенном государстве, по Аристотелю, сохраняются рабство и резкое неравенство среди свободных. Граждане обеспечены всем необходимым, но не занимаются ни ремеслом, ни земледелием. Физический труд — дело рабов и ремесленников. Последние — лично свободны, но не являются гражданами государства. Земля составляет собственность только граждан. Ремесленники и земледельцы не обладают ею.

Что касается политической организации идеального государства, то Аристотель выдвигает принцип поочередного участия всех граждан в осуществлении государственной власти. При этом граждане в молодые годы только подчиняются, с достижением же определенного возраста они привлекаются к участию в управлении государством.

Учение Аристотеля представляет собой, таким образом, идеализацию греческого рабовладельческого полиса, попытку объявить вечным и естественным его основу — рабовладельческий строй. В его произведениях отразились во всем многообразии различные формы и стороны рабовладельческого государства. Вместе с тем, охватив в своей «Политике» огромный круг вопросов общественной и политической жизни, Аристотель сделал ряд важных выводов и наблюдений, а также ценных догадок, подвинувших вперед политическую науку древности. Учение Аристотеля оказало огромное влияние на последующее развитие философской и политической мысли.

§ 5. Политические учения в период упадка древнегреческих государств

1. После Аристотеля политическая мысль древней Греции становится сравнительно мало оригинальной. Хотя в философии больше всего внимания уделяется проблемам этики, однако эти проблемы не связываются теперь неразрывно с вопросами государства и права, как это было у Платона и Аристотеля.

Усталость и апатия, уход от общественных интересов в сторону личной жизни — таковы характерные черты философской мысли в период упадка древнегреческих полисов и чужеземного господства в Элладе.

С установлением господства Македонии греческие государства потеряли свою политическую самостоятельность, хотя и делали безуспешные попытки восстановить ее путем вооруженной борьбы с завоевателями. С конца IV века до н. э. Греция становится ареной вооруженной борьбы, которую ведут между собой преемники Александра (диадохи), а затем их потомки (эпигоны).

Колонизация Востока и образование могущественных эллинистических монархий вызвали перемещение торговых центров

на Восток и повлекли за собой упадок народного хозяйства Греции, разоренной войнами, что обусловило дальнейшее ухудшение положения трудящихся и обострение классовый борьбы (выступления рабов). Среди представителей рабовладельческого класса ширится сознание беспомощности, безнадежности всех усилий укрепить устои общественной и политической организации.

В философии этого периода важнейшими были два направления: эпикурейцы и стоики.

Эпикур (341—270 гг. до н. э.), по имени которого названо первое из этих направлений, родился на острове Самосе. С 307 года до н. э. он поселился в Афинах и основал здесь школу («Сад Эпикура»), где проповедовал свое учение. Он создал очень много произведений, но они дошли до нас только в небольших отрывках. Об учении Эпикура нам известно главным образом по произведению его последователя — римского писателя Лукреция Кара.

Эпикур был последователем материалистической философии Демокрита.

В области этики Эпикур исходил из того, что высшим благом является счастье человека. При этом счастье достигается, по его мнению, умелым выбором наслаждений, предпочтением прочных наслаждений преходящим удовольствиям.

В духе глубокого равнодушия к общественной жизни Эпикур учит, что счастье состоит в полной независимости и спокойствии человека, в невозмутимости его духа («атараксия»).

Касаясь вопросов государства и права, Эпикур учил, что люди, стремясь к общей пользе, вступают между собой в договор и устанавливают законы. Они соглашаются не причинять друг другу вреда, чтобы не испытывать страха друг перед другом. Право не создается природой, его устанавливают люди. Право есть следствие договора о том, чтобы не причинять друг другу вреда — продукт соглашения. Маркс отмечает: «...у Эпикура впервые встречается представление о том, что государство покоится на взаимном договоре людей...»¹.

Эпикурейцы учили строго соблюдать законы. Неразумный старается, говорили они, нарушить закон, чтобы приобрести кое-что в свою пользу. Мудрый исполняет его, так как знает, что за нарушением закона неизбежно следует воздаяние.

Отражая притупление интереса к политической жизни и настроения усталости и безразличия, охватившие значительные круги греческого общества, эпикурейцы рекомендовали по возможности воздерживаться от вмешательства в политику, заявляя, что занятие политикой нарушает безмятежность духа.

Сам Эпикур уклонялся от деятельного участия в политической жизни. Ему приписываются слова: «Проживи незаметно». Эпикурейцы, впрочем, выступали в Греции в защиту умеренной демократии.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 127.

2. Основателем школы стоиков был **Зенон Китийский** (336—264 гг. до н. э.), который родился на острове Кипре, но с молодых лет поселился в Афинах. Здесь он примкнул к философии киников, которые, объявляя себя последователями Сократа, учили, что высшее благо состоит в полном равнодушии к внешним благам («апатия»), в подавлении страстей, в ограничении своих потребностей и даже в отказе от их удовлетворения.

Около 300 года до н. э. Зенон начал преподавание в Афинах, в портике, который назывался «*stoa poikile*» — «пестрый зал». Отсюда — наименование школы **стоической**.

Идеи Зенона получили дальнейшее развитие у его последователя **Хризиппа** (280—205 гг. до н. э.).

Стоики признавали основой всего существующего материю, из которой состоит космос.

Однако последовательными материалистами они не были и наряду с материей выдвигали другое начало мира. Это — божественный разум, логос. Ему они приписывали значение творческого, активного начала. Проявлением этого разума, результатом его воздействия на материю и является природа с ее законами.

Стоики учили, что все в мире подчинено строгой необходимости. Нет ничего случайного в мире, все происходящее представляет собой неразрывную цепь причин и следствий.

Представление оцарящей в мире необходимости приводит стоиков к фатализму, к учению о судьбе, которой подчиняются все люди, о разуме, который управляет всем миром. Стоики учили, что человек подчинен року и ничего не может изменить в мире. Постигая господствующую в мире необходимость, он должен покорно принимать и мужественно переносить все удары и превратности судьбы.

Идеал мудреца состоит в том, чтобы жить сообразно с природой, то есть в соответствии с разумом, царящим в мире. Разумная жизнь есть добродетельная жизнь, а добродетель является высшим благом. Чувственные наслаждения, по учению стоиков, не имеют никакой цены.

Философия стоиков призывала к пассивности и к покорности судьбе. Мудрец, учили стоики, должен стоять выше всяких страстей и волнений, он с полным равнодушием относится ко всяким внешним благам, пребывая в состоянии безразличия ко всему, что не служит добродетели.

В стоицизме искали утешения угнетенные, недовольные своим положением. В нем выражался бессильный протест низов против гнета, которому они подвергались в рабовладельческом обществе. Однако стоическая философия получила распространение позднее и в высших кругах общества.

С основными положениями этики тесно связано учение стоиков о государстве и праве. Государство и право существует, утверждают они, по природе, а не по воле людей. В то время как Эпикур отстаивал договорное происхождение государства, стоики

считали, что общественная жизнь людей возникает по природе, что она имеет естественные основания.

Впадая в противоречие со своим идеалом «самодовлеющего», «бесстрастного», ни в чем не нуждающегося мудреца, стоики подчеркивали значение общения с другими людьми и призывали к активному участию в политической жизни.

Их политический идеал проникнут космополитическими представлениями. Все люди по своему рождению, учили они, принадлежат к единому мировому государству, которое объемлет также и всех богов. Каждый человек по природе — гражданин вселенной, единого мирового государства. Зенон выдвигал при этом идеал государства, в котором не будет ни рабства, ни судов, ни храмов, ни денег.

Стоики учили, что человеческий закон — выражение вечного мирового закона и что он опирается на силу естественных законов, отражающих необходимые требования разума. Право положительное, установленное людьми, должно соответствовать неизменному естественному закону, в котором воплощен царящий в мире разум.

Это учение о естественном праве становится у стоиков средством критики действующего права. Однако критика существующих порядков в стоицизме носит противоречивый характер, поскольку стоицизм призывает проявлять покорность судьбе, свободу от жалости и гнева, полное безразличие и равнодушие к внешним условиям жизни.

§ 6. Учение Полибия о государстве

Вопросов государства и права в этот период упадка древнегреческой философской мысли касался также историк Полибий, автор «Всеобщей истории».

Полибий родился в городе Мегалополе в конце III века и умер во второй половине II века до н. э.

Вслед за Платоном Полибий выдвигает учение о круговороте политических форм. Он исходит из мысли о развитии и изменчивости всего существующего. Однако развитие он извращенно понимает как движение в пределах определенного цикла, который, завершаясь, в дальнейшем повторяется вновь. Применяя свое представление о цикличности развития к государственным формам, он утверждает, что согласно порядку природы формы правления меняются, переходят одна в другую и потом государство снова возвращается к уже испытанным раньше формам¹.

Всякое государство, подобно живому телу, проходит состояние возрастания, потом — расцвета и, наконец, упадка. Эти переходы от одного этапа к другому сопровождаются сменой государственных форм.

¹ Полибий, Всеобщая история, VI, 9 (русский перевод Ф. Г. Мищенко, т. II, М., 1895, стр. 14).

Развитие государства начинается с простейшей формы — монархии. Монархия — управление, основанное на праве, — сменяется тиранией — управлением, основанным на силе. Тирания в свою очередь переходит в аристократию, которая знаменует, по словам Полибия, период расцвета государства. Полибий заявляет, что это — время, когда государство, преодолев многочисленные опасности, достигает прочного благосостояния. Порча нравов в аристократии приводит к олигархии. Частная жизнь становится роскошной, и граждане начинают нарушать меру справедливости в погоне за должностями и в прочих домогательствах. За олигархией следует демократия, которая приходит в упадок и вырождается в охлократию (господство «черни»). На этом заканчивается весь цикл развития государства.

Демократия изображается у Полибия как проявление упадка и разложения. Он заявляет, что в демократиях якобы неизбежно водворяется господство силы, совершаются убийства, изгнания, переделы земли и т. п. Народ сначала пользуется свободой, а потом теряет ее под влиянием предприимчивых честолюбцев. Демократия, вырождаясь, переходит в тиранию, и цикл развития государственных форм, завершаясь, начинается вновь ¹.

Полибий не скрывает своего враждебного отношения к демократии и сочувствия аристократии. Он не жалеет резких слов при изображении афинской демократии и одновременно, будучи сторонником римской гегемонии, расточает похвалы аристократическому строю Рима.

Вместе с тем Полибий выдвигает учение о так называемой смешанной форме правления, следуя в этом отношении за Аристотелем, который считал «умеренную» демократию — политику — смешением, соединением олигархии и демократии.

Восхвалая «смешанную» форму правления, сочетающую элементы монархии, аристократии и демократии, Полибий заявляет, что она способна предотвратить «порчу» государственного строя и тем самым приостановить движение государственных форм, их круговорот.

Обнаруживая свои аристократические симпатии, Полибий заявляет, что примером «смешанной» формы государства являются Спарта и республиканский Рим ².

* * *

Политические идеи, выдвинутые и развитые мыслителями древней Греции были широко использованы как в феодальном, так и в капиталистическом обществе. Это относится не только к философии древних греков, но и к их политическим учениям.

Идеологи класса феодалов, а позднее идеологи буржуазии восприняли из политических учений древней Греции главным образом

¹ Полибий, Всеобщая история, VI, 4; VI, 9 (русский перевод, т. II, стр. 8, 14).

² Там же, VI, 10; VI, 11 (русский перевод, т. II, стр. 15—18).

го, что направлено было на обоснование эксплуатации, неравенства, подавления трудящихся и т. д., все, что могло быть использовано и при других формах эксплуатации, в иных общественно-экономических условиях.

В новейшей буржуазной литературе сохраняется повышенный интерес к политическим учениям древности, особенно к учениям Платона и Аристотеля. Неоднократно возобновляются попытки подкрепить авторитетом этих мыслителей современные буржуазные политические идеи и учения, найти в произведениях греческих мыслителей опору для обоснования реакционных общественно-политических идей.

За последние десятилетия в зарубежной литературе появился целый ряд монографий, в которых делаются попытки поднять значение политических идей Платона и Аристотеля и использовать отдельные их положения для апологии капиталистических отношений (Беркер, Иегер, Дефурни, Фердросс и др.). В них особенно сочувственно излагаются доводы Аристотеля в защиту частной собственности, попытки античных писателей обосновать необходимость общественного неравенства, выпады Платона и Полибия против демократии, ссылки греческих мыслителей на естественное, «божественное» право, отражением, конкретизацией которого якобы является право, действующее в данном государстве, и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., т. 3.
Маркс К., *Капитал*, т. I, Госполитиздат, 1953, с. 374—375.
Маркс К., *Замечания на книгу Адольфа Вагнера*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XV, с. 457.
Энгельс Ф., *Анти-Дюринг*, Госполитиздат, 1953, с. 20, 83, 330.
Ленин В. И., *Философские тетради*, Соч., т. 38.

Источники

- Аристотель, *Политика*, 1910.
Маковельский А. О., *Древнегреческие атомисты*, Баку, 1946.
«Хрестоматия по истории древнего мира», под ред. В. В. Струве, т. II, «Греция и эллинизм», Учпедгиз, 1951.

Дополнительная

- Кечекьян С. Ф., *Учение Аристотеля о государстве и праве*, М., 1947.
-

ГЛАВА III

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

§ 1. Общая характеристика учений о государстве и праве в древнем Риме и основные этапы их развития. § 2. Воззрения на государство и право в период формирования рабовладельческого общества и государства древнего Рима. § 3. Учения о государстве и праве в период наивысшего развития рабовладельческого общества и превращения римского государства в обширную империю (III в. до н. э.—III в. н. э.). § 4. Политические и правовые учения в период разложения и гибели римского рабовладельческого общества (III в. н. э.—V в. н. э.)

§ 1. Общая характеристика учений о государстве и праве в древнем Риме и основные этапы их развития

В учениях о государстве и праве в древнем Риме имеется много сходных черт с соответствующими учениями в древней Греции при решении основных вопросов.

Можно указать на две причины этого сходства.

Во-первых, эти учения возникли и развивались в сходных исторических условиях на почве развитой рабовладельческой общественно-экономической формации; во-вторых, в римской политической и юридической науке видно значительное влияние греческой философии (в частности, стоиков) и греческих теорий государства и права.

Общность этих учений обнаруживается в их классовой сущности, в аналогичном решении вопросов о сущности государства и права, формах государства, его назначении, в учении о естественном праве и отчасти в решении вопроса о соотношении права и нравственности.

Так же, как и в Греции, значительное развитие получили только взгляды представителей господствующего класса. Чаяния

и устремления угнетенных масс не получили в древнем Риме ясного, систематического и последовательного выражения.

Вместе с тем надо указать на отличительные и характерные особенности римских учений о государстве и праве.

Если в греческих концепциях государства во времена эллинистических монархий только еще начался переход от представления о государстве как полисе к идее мирового государства, то в римских политических теориях этот процесс получил свое завершение. Идея мирового государства в Греции носила еще отвлеченный религиозно-философский характер. Римские юристы дают ей юридическое обоснование и создают концепцию цезаризма как мирового господства римского государства, во главе которого стоит император (цезарь) с неограниченной и обожествляемой властью.

Значительно большее развитие в римском правоведении получают общая теория права, государственное право и особенно право гражданское, в котором римские юристы прославились тончайшей разработкой вопросов, имеющих громадное жизненное значение для отношений товаропроизводителей.

Необходимость обеспечить правовое регулирование сложных общественных отношений в римском государстве при широком развитии товарно-денежных отношений и внешней торговли, решать проблемы внешней политики при ее агрессивной направленности определили большой интерес к вопросам права и практицизм римской юриспруденции. Особое развитие науки частного права объясняется, как указывал Энгельс, тем, что римское право было первым всемирным правом общества товаропроизводителей.

Прежде всего следует подчеркнуть, что римские юристы для изыскания юридических оснований беспощадной эксплуатации рабов дали гораздо более детальную разработку вопроса о рабстве, чем греческие философы. В области государственного права значительно большее развитие, чем в Греции, получают понятия власти (*imperium*), должностных лиц и их полномочий и понятие гражданства. В области гражданского права были основательно разработаны понятия правоспособности, собственности и обязательств.

Эти отличительные черты в науке о государстве и праве древнего Рима определяются особенностями развития римского рабовладельческого общества и государства.

Римское рабовладельческое общество представляет собой высшую ступень развития рабовладельческой общественно-экономической формации, в которой присущие ей противоречия обнаруживались с наибольшей обнаженностью и остротой и стали причиной разложения и гибели этого общества. Эксплуатация рабского труда производилась в древнем Риме в неизмеримо более широких масштабах, чем в древней Греции, что было причиной концентрации имущества, в том числе и земли, у верхнего слоя господствующего класса и массовой пролетаризации мелких производителей. Значительно больше, чем в Греции, развиваются товарно-денежные

отношения и кредит. Классовая борьба в древнем Риме имела исключительно ожесточенный характер. Под владычеством римского государства находилось большое количество различных народов.

В учениях о государстве и праве в большей степени, чем в соответствующих учениях древней Греции, отражается непримиримость классовых противоречий. Теория цезаризма возникла в таких условиях, когда Рим уже перерос границы государства-города и превратился в обширную рабовладельческую империю и когда возникла особенно острая необходимость держать в узде огромное количество рабов, подавлять растущее недовольство разорявшихся крестьян и ремесленников и обеспечивать покорность народов завоеванных стран. Это обстоятельство обусловило детальную разработку в римском праве вопроса о положении рабов и правовом положении различных групп свободного населения.

При разложении римского рабовладельческого общества возникают элементы феодальных отношений. Это вызывает появление соответствующих теорий, ставших впоследствии основой феодальной идеологии.

Основные этапы развития учения о государстве и праве в древнем Риме могут быть определены в следующих хронологических границах:

1) воззрения на государство и право в период формирования рабовладельческого общества в древнем Риме и ранней республики (VI—IV вв. до н. э.); 2) учения о государстве и праве в период высшего развития рабовладельческого государства и превращения римского государства в обширную империю (III в. до н. э. — III в. н. э.); 3) учения о государстве и праве в период разложения рабовладельческого общества и упадка римского государства (III в. н. э. — V в. н. э.).

§ 2. Воззрения на государство и право в период формирования рабовладельческого общества и государства древнего Рима

В этот период еще не встречаются учения о государстве и праве в систематическом изложении и даже в каких-нибудь ясных очертах. Идеологами господствующего класса в древнем Риме, как и в других рабовладельческих государствах, в особенности в ранний период их развития, были преимущественно жрецы. Это положение в области идеологии является следствием примитивного в тот период характера рабовладельческого общества, государства и права древнего Рима, в которых еще сохранялись пережитки родового строя. Государству долгое время присущи были черты полисного уклада (*civitas*). Право отличалось формализмом; оно имело замкнутый национальный характер, то есть распространялось только на римских граждан.

О воззрениях на общество и государство можно судить по легендарному повествованию, приведенному у Тита Ливия о римском

консуле Менении Агриппе, который якобы уговорил в 494 году до н. э. плебеев вернуться в Рим, прибегнув к примитивному сравнению общества и государства с организмом.

Знание и толкование права в этот период было монополией жреческой коллегии понтификов. Представления о праве проистекали из религиозных воззрений, и правовые нормы рассматривались как веления богов (*ias*).

Зависимость правовых воззрений от религиозных сказалась в том, что толкование права, которое давалось понтификами, носило непререкаемый характер и было связано с формализмом, присущим римскому праву в этот период. Комментарии права понтификами хранились в строгой тайне.

Однако у римлян очень рано наряду с понятием права как веления богов появилось понятие права как веления светской власти (*jus*). Развитие товарно-денежных отношений потребовало ликвидации монополии понтификов в толковании права. Легенда сообщает о том, что к 300 году до н. э. Гней Флавий, вольноотпущенник и писец известного государственного деятеля Аппия Клавдия, похитил книгу об исках и исковых формулах (*legis actiones*) и опубликовал ее (*jus Flavianum*). Первый верховный жрец (*pontifex maximus*) из плебеев Тиберий Корунканий (253 г. до н. э.) стал публично давать свои консультации. Это были первые удары по монополии жрецов, и с этого времени юридическая наука постепенно становится светской и освобождается от формализма, так же как освобождается от него и само право.

§ 3. Учения о государстве и праве в период наивысшего развития рабовладельческого общества и превращения римского государства в обширную империю (III в. до н. э.—III в. н. э.)

В III—I вв. до н. э. в римском рабовладельческом обществе произошли существенные изменения. Рим превратился из небольшой городской общины в обширное рабовладельческое государство, захватившее в результате агрессивной политики ряд территорий в бассейне Средиземного моря. Развитие рабовладельческого способа производства вызвало обострение классовой борьбы не только между рабовладельцами и рабами, но и между различными классами свободного населения, особенно между крупными землевладельцами и разоряющимися крестьянами.

Обострились взаимоотношения между римлянами и покоренными ими народами, по отношению к которым проводилась политика «разделяй и властвуй» (*divide et impera*).

Существенные изменения в экономике и классовой структуре вызвали обострение классовых противоречий в римском рабовладельческом обществе, что повлекло за собой кризис республикан-

ского строя в I веке до н. э., побудило преобладающую часть рабовладельцев искать выхода из этого кризиса в установлении прямой военной диктатуры для удержания господства над рабами и массами свободной бедноты. Большинство рабовладельцев было готово поступиться даже своей собственной политической свободой и пойти на то, чтобы установить военную диктатуру в форме монархии. Но, так как и в этой среде не было единства и рабовладельцы боялись вызвать недовольство трудящихся масс, в Риме постепенно устанавливается новый государственный строй, получивший название принципата. Этот государственный строй фактически представлял собой монархию, прикрытую республиканской видимостью; он просуществовал с конца I века до н. э. по III век н. э.

В I и II вв. н. э. римское государство стало могущественной державой, в состав которой входили обширные территории. Римская империя считалась в то время мировым государством. Это время отмечается широким развитием торговли, путей сообщения, ростом городов и проникновением римской культуры в самые отдаленные от Рима области.

Вместе с тем в экономике рабовладельческого общества уже с I века до н. э. начался кризис. Эксплуатация рабов становится невыгодной для рабовладельцев, и они начинают предоставлять участки земли колонам, за что последние обязаны были нести определенные повинности.

Население Римской империи, отмечал Энгельс, все больше разделялось на три класса, состоявших из самых разнообразных элементов и национальностей. Господствующее положение занимали богачи, среди которых было немало вольноотпущенников, крупных землевладельцев и ростовщиков или тех и других в одном лице. На нижних ступенях социальной лестницы находились неимущие свободные и, наконец, огромная масса рабов.

Энгельс писал, что по отношению к государству, то есть к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Кризис рабовладельческого строя породил всеобщую апатию и деморализацию среди представителей господствующего класса. Неимущие свободные в Риме жили за счет подачек от государства, а в провинциях были обременены тяжелым трудом. Положение крестьян было тоже очень тяжелым, и они были вынуждены отдавать себя под покровительство крупных земельных магнатов, благодаря чему возникла форма отношений, получившая название патрония, которая представляла собой прообраз феодальной зависимости. Рабы сохранили жгучую, но бессильную ненависть к рабовладельческому гнету, но их революционные попытки освободиться неизменно терпели неудачу.

Изменения в базе рабовладельческого общества древнего Рима, в соотношении классовых сил и в международном положении повлекли за собой изменения в государстве и праве.

Республиканская форма, все еще сохранявшая некоторые пережитки первобытнообщинного строя, оказалась непригодной в данной обстановке. Устанавливается цезаризм, как форма, наиболее приспособленная для обширной Римской империи и возникшая в результате разложения рабовладельческой демократии. В области права происходит процесс вытеснения старого квинритского права новым преторским правом и *jus gentium*. В это время римское право переживает пору своего высшего развития.

О воззрениях на государство и право идеологов господствующего класса можно судить по сочинениям Цицерона, Лукреция Кара и римских юристов. О воззрениях рабов и свободной массы трудящихся во II и I вв. до н. э. можно судить по тем мероприятиям, которые пытались провести вожди восставших рабов в Сицилии, по характеру крупного восстания рабов под предводительством С п а р т а к а, по программным требованиям братьев Г р а к х о в, возглавивших движение разорявшегося крестьянства, и по попытке произвести восстание под руководством К а т и л и н ы со стороны римских пролетариев. Однако все эти факты свидетельствуют о том, что у рабов и свободной массы трудящихся не было ясных перспектив борьбы с эксплуататорами.

В. И. Ленин в своей характеристике борьбы рабов против своих угнетателей отмечает, что рабы «...не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»¹.

Братья Г р а к х и поставили перед собой явно утопическую задачу восстановления мелкого крестьянского землевладения, которое в условиях развития рабовладельческого способа производства в древнем Риме было обречено на гибель. В движении, возглавленном К а т и л и н о й, были намечены ограниченные задачи (аннулирование долгов для бедняков и ограничение власти сената), а сами организаторы его были очень плохо связаны с массами. Попытка Катилины, как и другие аналогичные ей попытки произвести государственный переворот, кончилась неудачей.

В течение I—III вв. н. э. взгляды рабов и свободной массы трудящихся получили в известной мере свое преломление в христианской литературе.

а) Цицерон

Взгляды Цицерона, знаменитого римского оратора и политического деятеля (106—43 гг. до н. э.), изложены в систематическом виде в его трех сочинениях «О государстве» («*De republica*»), «О законах» («*De legibus*») и «Об обязанностях» («*De officiis*»). В начале своей политической деятельности Цицерон примыкал

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

к демократической партии популяров, затем стал сторонником римской аристократии.

В учении о государстве и праве Цицерон исходит из общих теоретических оснований, изложенных в сочинениях Платона, Аристотеля, Полибия и стоиков (главным образом Панетия). В духе учения ранних стоиков он требует от граждан активного участия в жизни государства.

Цицерон не является только последователем учений греческих философов. Он ввел новые и не известные греческим философам юридические понятия гражданина как субъекта права и государства, как правового общения (*juris societatis*). Внесение этих новых понятий было обусловлено теми особыми качествами римского государства, о которых говорилось выше.

Цицерон определяет государство как *дело народное* (*res publica*). Но народом он считает не всякое множество людей. Народ, по его мнению, представляет собой лишь такое соединение людей, которое основано на общности права и на общей пользе. По мнению Цицерона, государство основано на идее справедливости. Он не согласен с теми, кто считает, что государство основано на насилии. Он утверждает, что там, где власть основана на произволе и насилии, там нет государства. Возражает он и против договорной теории происхождения государства, примыкая в решении этого вопроса к Аристотелю, так как полагает, что причиной происхождения государства является присущая людям общительность. Целью всякого государства является охрана имущественных интересов граждан, и первой обязанностью власти является защита частной собственности.

В решении вопроса о формах государства у Цицерона нет полной ясности. С одной стороны, он разделяет взгляды Полибия, отдавая предпочтение смешанной форме государства. С другой стороны, он явно предпочитает другим формам монархию.

В решении вопроса о сущности права Цицерон основывается на учении о естественном праве греческих философов, преимущественно стоиков, причем повторяет свойственное этим учениям смешение права с нравственностью и даже законами природы.

Сущность права он усматривал в истинном разуме, являющемся выражением справедливости и предписывающем людям вечные неизменные законы. Цицерон категорически заявляет, что если законы, действующие в данном государстве, противоречат справедливости, то они не являются законами.

Вместе с тем он считает римское положительное право частью естественного права, хотя в нем имеются законы, противоречащие справедливости. Так называемое «общенародное» право (*jus gentium*), по мнению Цицерона, с одной стороны, совпадает с естественным правом, а с другой — представляет часть положительного права.

Необходимо указать на соображения Цицерона и в области международного права; он различал справедливые и

несправедливые войны. К последним он относил те, которые ведутся без причины и без формального объявления войны.

Таким образом, в учении Цицерона о государстве и праве заметно движение вперед по сравнению с греческой наукой в том, что он ввел ряд очень важных юридических понятий, которых не было у греческих мыслителей. Нельзя отрицать в известной мере прогрессивности мнения Цицерона о необходимости института объявления войны, хотя его мнение о справедливости войны, которая имела причину и сопровождалась формальным актом объявления войны, оправдывало грабительские и захватнические войны древнего Рима.

Учение Цицерона о государстве и праве было основано на идеалистических понятиях о вечной справедливости и находится в полном несоответствии с действительностью.

Таковы его основные положения о государстве как деле народном и о народе как соединении людей, основанном на общности права и общей пользе, так как в древнем Риме право было рабовладельческим по своей классовой сущности и в народе не было общности даже среди свободных. Сам Цицерон раскрывает классовую сущность своих взглядов на государство, высказывая свое мнение о положении в государстве различных классов и общественных групп.

Землевладельцы, по утверждению Цицерона,— наиболее почетная группа в обществе, ибо она посвящает себя выгодному, приятному и наиболее достойному для светского человека занятию. Ростовщики и сборщики податей относятся к категории людей, занятия которых вызывают ненависть народа. Неприличны и низки занятия наемных рабочих, получающих плату за физический труд, так как они продают себя в рабство за деньги. Отрицательно относится Цицерон и к мелким торговцам и ремесленникам. Но он считает почетными занятия архитектурой, медициной и всеми «приличными» предметами, требующими специального образования. Не заслуживают у Цицерона порицания и крупные торговцы при том условии, если они одновременно являются и землевладельцами.

Характерно отношение Цицерона к двум политическим партиям того времени в древнем Риме — оптиматам и популярам¹.

К оптиматам, по его мнению, принадлежат люди, нравственно не испорченные и благоразумные, все те, кого не гнетут долги, кто не злонаравен, не нагл по природе и не одержим исступлением, то есть имущие. К популярам же, по словам Цицерона, примыкают «беспокойные сторонники нововведений, дерзкие отщепенцы, чья

¹ О партиях того времени можно говорить только условно. Эти политические группировки еще не были партиями в современном смысле этого слова. Оптиматы (от *optimus* — лучший) выражали интересы нобилитета, римской аристократии того времени, состоявшей из крупных землевладельцев, а популяры — интересы городского и сельского плебса.

неистовая страстность находит удовлетворение в гражданских междоусобиях и мятеже»¹.

Хотя Цицерон прямо не говорит об этом, но можно предполагать, что, давая такую нелестную характеристику популярам, он имеет в виду Катилину с его приверженцами и других политических деятелей из этой группировки, выступавших с радикальными предложениями, особенно по ограничению размеров землевладения (Публий Сервилий Рулл и др.).

Не менее красноречиво свидетельствует о классовой сущности взглядов Цицерона и его мнение о целях государства, задачей которого он считает охрану собственности граждан, в том числе и собственности на рабов.

Утверждение Цицерона о том, что государство покоится на идее справедливости и что нет государства там, где власть основана на произволе и насилии, несомненно и находится в противоречии с действиями самого Цицерона, когда он был облечен государственной властью. По его настоянию без суда были умерщвлены сторонники Катилины, находившиеся в тюрьме.

В учении Цицерона о государстве и праве отразилась историческая обстановка в древнем Риме в I в. до н. э., когда происходил кризис рабовладельческой демократии и намечался переход к монархии. Это обнаруживается в колебаниях Цицерона между «смешанной» формой государства и монархией и в его несколько неопределенном предложении об учреждении такого государственного строя, при котором «высшая власть была бы вручена спасителю государства», на которого с надеждой смотрели бы «сенат, все благонамеренные граждане, союзники и латины»². В этих словах Цицерона очень отчетливо обнаруживается признание того факта, что старая форма римского государства была уже неудовлетворительной в новых условиях.

б) Т и т Л у к р е ц и й К а р

Представляют большой интерес взгляды на общество и государство Т и т а Л у к р е ц и я К а р а (99—55 гг. до н. э.), гениального представителя материалистической философии в древнем Риме, последователя Демокрита и Эпикура.

Свои взгляды на общество и государство Лукреций изложил в пятой книге своей поэмы «О природе вещей» (*De rerum natura*).

Следуя передовым мыслителям античного мира, Лукреций видит в истории человечества прогресс. Хотя, как и все атомистические материалисты, Лукреций был «материалистом снизу» и «идеалистом сверху», то есть не проводил последовательно материалистических взглядов в области общественных наук, он все же

¹ Цицерон, Речь в защиту Сестия, 45, 99.

² Цицерон, О государстве, VI, 12.

был в этом отношении при решении важных вопросов ближе к материализму, чем Демокрит.

Так, например, причину образования общества он видит не только в инстинкте самосохранения, как Демокрит, но и в том, что человек в отличие от животного стал пользоваться орудиями и активно воздействовать на силы природы. Этим Лукреций объясняет происхождение семьи и общественных союзов.

Лукреций приближается к правильному решению вопроса о происхождении частной собственности, рассматривая ее как результат прогресса производительных сил.

Однако происхождение государства он объясняет идеалистически, так как полагает, что оно возникло в результате договора, поскольку люди утомились от борьбы, происходившей между ними.

в) Римские юристы

В общественно-политической жизни древнего Рима видное место занимали римские юристы, которые пользовались большим почетом у господствующего класса. К ним обращались за консультациями не только частные, но и должностные лица, вплоть до самих императоров. При Августе наиболее выдающиеся юристы получили привилегию, в силу которой их разъяснения стали обязательными для судей по соответствующим делам (*jus respondendi*). Юристы нередко занимали ответственные посты. Так, например, Ульпиан и Папиниан были префектами претория, то есть первыми лицами после императора.

Развитие римской юриспруденции достигло наиболее высокого уровня во времена принципата (I—III вв. н. э.), когда римское государство находилось в зените своего могущества.

Римские юристы, помимо решения большого количества практических вопросов, пытались разрешить и ряд проблем общей теории права, следуя большей частью учению греческих стоиков. Они дали подробную юридическую разработку вопросам, имеющих исключительно важное значение для коренных интересов господствующего класса: о юридическом обосновании рабства и колониата, о лицах и статусах физических лиц, о частной собственности, обязательствах, основах семейного и наследственного права и пр. Когда утвердилась неограниченная военно-бюрократическая монархия, римские юристы создали, по словам Энгельса, самое гнусное государственное право, пытаясь найти юридические основания для неограниченной власти римских цезарей и оправдания их произвола.

Римские юристы, подобно другим идеологам господствующего класса в древнем Риме, стояли на страже интересов эксплуататоров. Но среди них не было единства взглядов, имелись разногласия в решении ряда вопросов. В этих разногласиях обнаруживается борьба прогрессивных и реакционных идей, аристократических и демократических взглядов.

Римские юристы пытались дать ответы на основные вопросы общей теории права.

В определении сущности права они так же, как и Цицерон, были последователями стоической философии. Поэтому они еще не проводили четкой границы между правом и нравственностью и отождествляли их с законами природы. Отсутствие границ между правом и нравственностью видно, например, в определении права Ульпиана: «...предписания права таковы: честно жить, не вредить другим и каждому воздавать свое» (D. I. 1,10).

Римские юристы дали более определенное, чем Цицерон, разделение права на три области: право естественное (*jus naturale*), право народов (*jus gentium*) и право цивильное (*jus civile*).

Естественное право, по их представлениям,— это совокупность правил, которая вытекает из природы всего сущего и определяет поведение не только людей, но и животных.

«Право народов» определялось как совокупность правил, которые естественный разум установил у всех народов и которые являются общими у всех людей. «Право народов» приобретает значение универсального, почти общечеловеческого права, применяемого ко всем участникам торгового оборота, независимо от национальности. Такое понимание *jus gentium* вполне соответствовало тому расширению товарно-денежного хозяйства, которое происходило в рассматриваемый период истории римского государства.

Цивильным правом они называли положительное право, которое установлено у того или иного народа. Это право называется по имени того государства, в котором оно действует.

Это разделение права на три области, конечно, было теоретически порочно, так как исходило из идеалистического и метафизического представления о вечном и неизменном естественном праве. Оно было воспринято в правовых теориях эпохи феодализма в Западной Европе, а позднее—некоторыми идеологами буржуазии.

Римские юристы, политики и ораторы пытались также дать определение юридической нормы, классификацию источников права, установить различие понятий субъективного и объективного права.

По определению Павла, норма (*regula*) — сокращенное определение того или иного положения вещей. Он утверждает, что не право образуется из норм, а, наоборот, нормы образуются из существующего права.

Попытки дать классификацию юридических норм встречаются у Цицерона, оратора Квинтилиана и юриста Модестина.

Цицерон различал нормы, содержащие веления и запреты. Квинтилиан делил нормы на пять групп: воздаяние, ограничение, наказание, запрещение и дозволение. Юрист Модестин синтезировал эти две классификации и установил деление юридических норм на четыре группы:

в е л е н и е , з а п р е щ е н и е , д о з в о л е н и е и н а к а з а н и е .

Классификация источников права дается при определении гражданского права (законы, плебисциты, решения сената, акты принцепсов, эдикты магистратов, разъяснения ученых-юристов и обычаи). У римских юристов были выработаны понятия субъекта права (*persona*), правоспособности (*caput*), физического и юридического лица, хотя последнее понималось ими как фикция. Особенно много сделали римские юристы в разработке важнейших понятий в области частного права.

Ульпиан первый ясно выразил идею разделения права на публичное и частное. Публичным правом он считал все, что относится к интересам государства; частным — то, что имеет отношение к интересам индивида. Это деление в своей основе было воспринято с рядом изменений и буржуазной юриспруденцией.

Поскольку в римском рабовладельческом обществе остро стоял вопрос не только о юридическом обосновании эксплуатации рабов, но и об определении общественного положения различных групп среди свободного населения и о взаимоотношении римлян с покоренными властью Рима народами, римские юристы детально разработали вопрос о субъектах права и правоспособности в виде трех статусов физических лиц в зависимости от трех видов общественного положения человека: статуса свободы, статуса гражданства и статуса, определяющего положение человека в семье (*status libertatis, status civitatis, status familiae*). Определение этих трех статусов дано юристом Павлом (D. 4. 5. 11).

Особенно остро в римской юриспруденции стоял вопрос о рабстве. Юрист Гай (II в. н. э.) заявлял, что основное деление людей при решении вопроса о лицах (субъектах права) состоит в том, что одни являются свободными, а другие — рабами. Гай считал неизбежным это деление людей и не подвергал никакому сомнению причисление рабов к категории вещей.

Но в решении этого коренного вопроса у римских юристов не было единства. Разногласия, возникшие в их среде, были, видимо, вызваны кризисом самого института рабства, начавшимся еще в I веке н. э. Даже идеологи господствующего класса начинают подвергать критике воззрения, оправдывающие причисление рабов к вещам. В Риме широко распространяется влияние философии стоиков. Один из крупнейших представителей стоической философии, воспитатель императора Нерона — Сенека считает, что рабы — такие же люди, хотя не предлагает ликвидировать рабство. Юрист Ульпиан (III в. н. э.), подобно Гаю, причислял рабов к вещам. Но он так же, как и юрист Флорентин, следуя учению стоиков, считал, что по естественному праву все люди рождаются свободными. Рабство существует только по «*jus gentium*».

Таким образом, подобно Сенеке, эти юристы не предлагали ликвидации рабства, что достаточно ясно характеризует их классовую позицию.

Римские юристы дали подробную разработку вопросов, связанных с институтом частной собственности, что тоже отвечало коренным интересам господствующего класса.

Но и в решении вопроса о частной собственности среди римских юристов произошло размежевание, которое, по-видимому, отражает противоречия между крупными собственниками, богатой знатью древнего Рима и группами средних и мелких собственников. Это размежевание видно в решении ряда вопросов двумя школами римских юристов: сабинианцев и прокульянцев (I—II вв. н. э.).

Сабинианцы были сторонниками принцепата. Прокульянцы были сторонниками республики и противопоставляли сабинианцам свою теорию, которая характеризует их как прогрессивных мыслителей. В противоположность большинству идеологов господствующего класса прокульянцы не разделяли презрительного отношения к труду.

Различное отношение к труду обнаружилось в юридическом споре о том, кто является собственником вещи, изготовленной из материала, принадлежащего другому лицу. Сабинианцы, исходя из того, что первенство принадлежит материи, а не форме, решали этот спор в пользу собственника материала. Прокульянцы же считали, что материя приобретает форму в результате человеческого труда. Поэтому собственником вещи должен быть тот, кто приложил труд для переработки материала.

Эти разногласия дают основания предполагать, что прокульянцы защищали интересы той части свободного населения древнего Рима, которая добывала средства к жизни собственным трудом.

Развитие товарно-денежных отношений и кредита в древнем Риме настоятельно требовало совершенствования обязательственного права. Римские юристы прославились тщательной разработкой соответствующей части теории гражданского права. Так, например, еще до сих пор в буржуазной теории гражданского права применяются в классификации договоров понятия реальных и консенсуальных контрактов.

Утверждение монархического строя в древнем Риме потребовало юридического обоснования этого факта.

Гай, будучи сабинианцем и сторонником неограниченной власти римских императоров, вполне оправдывает тот факт, что римские императоры узурпировали у народного собрания право издавать законы под видом издания конституций. Он заявляет, что никогда не было сомнения в праве императоров издавать конституции, которым придавалась сила закона, так как сам император получил свои полномочия в силу закона.

Ульпиан дает еще более изощренное истолкование этой узурпации законодательных полномочий.

«Что угодно принцепсу, имеет силу закона, так как народ свою власть уступил императору». В другом месте Ульпиан утверждает, что принцепс вообще не связан законами.

На эти положения Ульпиана ссылались средневековые юристы (легисты), советники королей и германских императоров, чтобы обосновать притязания последних на абсолютную власть.

Учение римских юристов о праве в целом отвечало интересам господствующего класса. Классовая ограниченность мировоззрения римских юристов не помешала им внести ценный вклад в юридическую науку, в разработку ряда вопросов общей теории права и особенно в область теории гражданского права.

г) Раннее христианство

Протест трудящихся масс против гнета и эксплуатации получил свое выражение в раннем христианстве.

Как указывает Ф. Энгельс, «...христианство при своем зарождении было движением угнетенных: оно выступало сначала как религия рабов и вольноотпущенных, бедняков и бесправных, покоренных или рассеянных Римом народов»¹.

Но эта религия затем распространилась и среди господствующего класса.

Причины победы и широкого распространения этой новой религии показаны Энгельсом в его работе «Бруно Бауэр и раннее христианство».

Подавление восстаний рабов и выступлений свободных людей в провинциях, находившихся под игом римского владычества, не угасило стремления угнетенных трудящихся масс и покоренных Римом народов найти выход из невыносимого положения. Это стремление порождало в тех условиях различные религиозные учения, в которых выражалась надежда на пришествие избавителя от страданий. Такая надежда особенно ярко выражена в образах еврейского Мессии и бога христианской религии Иисуса Христа. Новая религия объединила в себе эти представления и получила широкое распространение среди трудящихся масс.

Господствующий класс в условиях кризиса переживал состояние глубокой моральной деградации. Энгельс указывал, что все классы искали выхода из существующего положения, но не находили его в окружающей действительности и поэтому обращались к религии. Христианство привлекало к себе также более высоким уровнем учения о морали, чем языческие религии.

Но христианство не стало и не могло стать революционной идеологией. Оно только обещало трудящимся избавление от страданий: сначала — в эру так называемого тысячелетнего царствования на земле, которое должно было наступить после ожидаемого верующими второго пришествия Христа и полностью преобразовать весь мир, в дальнейшем же развитии христианства — в потустороннем мире, после воскресения мертвых.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 409.

В воззрениях христианства на общество и государство ярко выступают противоречия, свидетельствующие о том, что политическая идеология его сложилась не сразу и претерпела эволюцию.

С одной стороны, в христианской литературе встречаются выражение ненависти к богатым и даже глухие призывы к борьбе против имущих. Эта сторона христианства связана с периодом его возникновения.

Христианство возникло в I веке н. э. в среде трудящихся масс еврейского народа, которые страдали от двойного гнета: от ига римского рабовладельческого государства, покорившего Иудею еще в I веке до н. э., и от эксплуатации, которой они подвергались со стороны еврейской священнической аристократии. Наиболее характерной чертой раннего христианства было ожидание верующими прихода Мессии, то есть избавителя народа от ига завоевателей. Идеология мессианства получила особенно широкое распространение после разрушения римлянами Иерусалима в 70 году н. э. и нашла свое выражение в христианской литературе. Ее отзвуки сохранились и после того, как христианское духовенство постаралось вытравить из этой литературы все, что свидетельствовало о протесте трудящихся масс против эксплуатации. В христианстве в это время проповедуются ненависть к богатым, примитивный потребительский коммунизм и отрицается частная собственность.

Но по мере распространения христианства среди других народов и различных слоев рабовладельческого общества первоначальные революционные тенденции этого вероучения исчезли и наиболее характерными основными его идеями стали непротивление злу насильем, признание частной собственности, повиновение государственной власти, покорность рабов своим господам и подчинение женщины мужчине.

Эти идеи высказываются еще самым легендарным основателем христианства Иисусом Христом, который призывает лояльно относиться к государственной власти («воздайте кесарю кесарево, а божие богу»).

Наиболее отчетливо отношение к государству и обществу выражено в учении апостола Павла. В своем послании к христианам римской общины он прямо требует безусловного повиновения государственной власти.

Павел пишет, что представителям власти следует повиноваться не за страх, а за совесть: надо совершать даже молитвы за царей, всех начальствующих. Павел санкционирует социальное неравенство, говоря, что одна слава — для солнца, другая — для луны и даже звезды разнятся во славе. Он признает частную собственность.

Такое же отступление от первоначальных революционных идей можно встретить в сочинениях так называемых отцов церкви.

Если такие отцы церкви, как Тертуллиан, Амвросий и Лактанций, еще высказывают мысли о всеобщем равенстве людей и отрицательно относятся к частной собственности, то Климент

Александрийский допускает возможность существования богатых. Он только требует от них, чтобы они помогали бедным.

Все отцы церкви призывали к повиновению власти римских императоров с тем только ограничением, что цезарь не может вмешиваться в дела религии и требовать от христиан поклонения себе, как богу.

В христианских общинах не было единства, а, напротив, шла борьба между различными сектами по самым животрепещущим вопросам, в том числе и по вопросу о собственности. В этой борьбе сект видно отражение классовой борьбы. Спор сект внешне возник в связи с постановкой вопроса об организации христианских общин, в которых ко II веку стала складываться церковная иерархия. Епископы, пресвитеры и диаконы претендовали на привилегированное положение в общине (церкви)¹. Против этих притязаний выступали м о н т а н и с т ы (объявленные «еретиками»), возглавлявшиеся малоазийским проповедником Монтаном, и другие секты. Представители этих сект, выражая интересы трудящихся, требовали восстановления первоначальной демократической организации общин. Эти секты были прообразами средневековых ересей, выражавших интересы трудящихся масс и пользовавшихся аналогичным идеологическим оружием.

Церковный писатель И р и н е й, представлявший интересы аристократии в христианских общинах, пытался дать теоретическое оправдание притязаниям священнослужителей на особое положение в церкви и требовал предоставления неограниченной власти епископам в управлении общиной и признания за ними непрерываемого авторитета в делах веры.

Почти во всех христианских общинах победили сторонники Ириней. Они постарались вытравить из христианского вероучения все, что хотя бы в малейшей степени возбуждало ненависть угнетенных классов к эксплуататорам, сохраняя в христианской литературе лишь те произведения, которые отвечали их взглядам. Таким образом к IV веку сложилась «каноническая» литература, включавшая только те книги, которые были разрешены церковными правилами (канонами) для чтения и богослужебного пользования. Вся остальная литература, не вошедшая в этот «канон», была объявлена «ложной» и «отреченной». Ее называли также а п о к р и ф и ч е с к о й, или тайной, так как после утверждения канона она распространялась нелегально.

Победа этого течения в христианстве была вызвана тем, что представители господствующего класса, охваченные деморализацией, в поисках «духовного спасения» вступали в большом количестве в христианские общины и захватывали в них идейное и организационное руководство. Весьма важной причиной этой победы был также упадок революционной энергии среди трудящихся масс, отчаявшихся после неудач найти выход из бедственного

¹ Слово «церковь» означает общину верующих.

положения и легко поддавшихся гипнозу религиозной отравы, проповеди терпеть зло и страдания на этом свете в ожидании щедрой награды за них в загробной жизни.

Таким образом, уже в начале II века в христианстве победило течение, которое не представляло никакой опасности для римского государства. Господствующему классу впоследствии стало ясно, что христианство в таком виде представляет собой еще более тонкое и совершенное идеологическое средство, чем прежняя государственная религия, для удержания господства и духовного порабощения угнетенных. В таком виде христианство было вполне приемлемо для эксплуататоров, так как проповедь любви к ближнему и помощи бедным возлагала на сторонников христианства только моральные обязанности, не угрожая собственности рабовладельцев.

§ 4. Политические и правовые учения в период разложения и гибели римского рабовладельческого общества (III в. н. э.—V в. н. э.)

1. Рабовладельческое общество древнего Рима в III—IV вв. вступает в полосу разложения. В недрах рабовладельческой системы стали зарождаться феодальные отношения. Разложение рабовладельческой системы вызвало еще большее обострение классовой борьбы, которая подорвала могущество Римской империи. Восстания рабов, колонов и напор на границу империи германских народов побуждают господствующий класс произвести изменения в римском государственном строе и правопорядке для противодействия грозившему империи распаду.

В римском государстве в III веке н. э. устанавливается военно-бюрократическая монархия с неограниченной властью монарха (доминат).

Прежнее могущество империи к IV веку отходит в прошлое. В конце концов разложение рабовладельческого общества Рима и ослабление его государственной мощи заходят так далеко, что в V веке территория Западной империи была захвачена германскими народами, образовавшими ряд королевств, в которых к VIII веку складываются феодальные институты. В восточной части империи, составившей особое государство — Византию, происходил переход от рабовладельческой общественно-экономической формации к феодальному строю.

Для этого этапа развития римского общества были характерны глубокий упадок культуры и всеобщая деморализация.

Римские юристы дают юридическое обоснование колонату, то есть новому способу эксплуатации трудящихся, зародившемуся в условиях разложения рабовладельческого общества и представлявшего собой прообраз крепостничества.

В кодексе Юстиниана дается софистическое толкование вопроса о правовом положении родственников колонов, не проживающих

в земельном владении, к которому прикреплены колонны. Это толкование дается в пользу крупных землевладельцев, так как эти родственники колоннов также считаются колоннами (С. 11,47, 22). С течением времени признается правомерным суд землевладельца над колоннами, что уже полностью приближает их к положению крепостных.

Весьма важными фактами в период разложения римского государства были признание римскими императорами христианства (313 г.) и последовавшее за этим объявление его официальным вероисповеданием. Это было вполне закономерно, ибо христианство к тому времени оказалось вполне приемлемым для господствующего класса.

Для христианства становится характерным проявление фанатизма, изуверства и мракобесия: подвергаются беспощадному уничтожению античные памятники культуры (сожжение в 331 году Серапеума, где погибли остатки Александрийской библиотеки), жестоко преследуются деятели культуры (убийство женщины — философа и математика Ипатии в 395 г.).

С этих пор христианство делается предметом особенно заботливого отношения государственной власти. Римские императоры, главным образом в Византии, проявляют исключительное внимание к вопросам богословия, доходя до личного участия во всех церковных спорах и разногласиях, которых тогда было очень много, и ведут беспощадную борьбу со всякими «ересями».

Когда христианство окончательно восторжествовало, духовенство в союзе с государственной властью постаралось полностью вытравить все первоначальные революционные черты этого вероучения.

В IV веке окончательно складываются официальное церковное вероучение и его политическая доктрина.

2. Политическая доктрина христианства особенно ярко выражена в произведениях константинопольского епископа Иоанна Златоуста (345—401) и епископа Гиппонского (в Африке) Аврелия Августина (354—430).

Златоуст оправдывал неравенство и сложившееся в Римской империи разделение на сословия сравнением общества с человеческим организмом. Он требовал от подданных беспрекословного повиновения государственной власти, угрожая «слушникам» великим наказанием не только от людей, но и от бога. В то же время Златоуст обличал своими проповедями тех богатых, которые извлекают свою выгоду из бедности других, выдумывая благовидный образ хищения и искусно прикрывая любостяжание. Таким образом, Златоуст не отвергал неравенства между богатыми и бедными, но лишь высказывался против тех, кто наживал себе богатства хищениями и взяточничеством.

Касаясь вопроса о соотношении государства и церкви, Златоуст утверждал, что священническая власть по своему достоинству выше царской.

Однако он не был сторонником предоставления церкви светской власти и ограничивал компетенцию духовенства только отправлением религиозного культа и нравственным воспитанием. Златоуст считал также, что царская власть имеет границы. Ей следует повиноваться только в гражданской области, на область же нравственно-религиозную ее права не простираются.

Хотя Златоуст и не посягал на основы существующего строя, но проповеди с обличением богатых и его теория разграничения светской и духовной властей вызвали недовольство высших иерархов церкви и императора Аркадия. Златоуст кончил свою жизнь в ссылке.

3. Совершенно иной характер носит учение о государстве и праве Августина. В этом учении наиболее резко выражены притязания церкви на господствующее положение в мире. Поэтому его теория проникнута воинствующим теократическим духом.

Учение Августина является звеном, связующим в известной мере идеологию господствующих классов рабовладельческого общества в период его разложения и гибели с идеологией средневековой католической церкви, которая была одним из основных устоев феодального строя.

Его теория была использована впоследствии феодалами как орудие идеологического подавления трудящихся масс, а римскими папами — также и для обоснования своих притязаний на господствующее положение церкви в феодальной системе.

Деятельность Августина развернулась в Африке. Ко времени его пребывания епископом в Гиппоне относится обострение классовой борьбы между крестьянами и крупными землевладельцами. Августин яростно выступил против идеологов крестьянства — «агонистиков», в защиту официального христианства против «еретиков».

Стремясь обосновать необходимость подчинения людей церкви, Августин утверждал, что свобода воли выражается у человека только в склонности к греху. Спасение же от греха можно найти только с помощью особой милости бога — благодати, которая дается не всем, а лишь избранным.

Эта идея впоследствии легла в основу религиозного учения швейцарского реформатора Кальвина.

Исходя из этой идеи разделения всего человечества на избранных, то есть predeterminedенных к спасению, и обреченных на гибель, Августин и строит свое учение о государстве, которое он изложил в сочинении «О государстве божием».

По определению Августина, государство — это множество людей, объединенных общественной связью. Государство, ставящее себе задачей только удовлетворение земных целей, лишено правды. Это — только господство силы, и по существу такое государство ничем не отличается от шайки разбойников.

Только государство божие, то есть церковь, обладает истинной правдой, и лишь в нем осуществляется всеобщее стремление к единству и вечному миру.

Августин старается показать, что вся история человечества представляет собой развитие двух противоположных государств — «земного», «греховного», «царства дьявола», и «государства божьего», состоящего из «избранных божьих».

Только со вторым пришествием Христа, когда он устроит страшный суд, произойдет окончательное отделение праведных от грешных и оба государства завершат свое развитие.

На основании этой совершенно фантастической философии, построенной на легендах так называемого священного писания, Августин оправдывает эксплуататорский строй.

Характерно решение Августином вопроса о рабстве. Признавая, что институт рабства противоречит разумной природе человека, Августин оправдывает, однако, существование рабства, заявляя, что оно установлено богом как наказание за грехи. Так, по его мнению, нужно понимать апостола Павла, который требует от рабов безусловного повиновения господам.

Августин считал, что государи должны служить богу своей властью, сурово расправляясь с врагами церкви. Если государство наказывает убийство и другие преступления, то оно не должно оставлять безнаказанными и преступления против бога. Еретиков и сеятелей раздора надо наказывать не меньше, чем отравителей, так как действия тех и других происходят из одного источника — нечестивых и злых помыслов человека.

Августин сформулировал основные положения христианского вероучения о государстве, которые позднее прочно вошли в теоретический арсенал римско-католической церкви и использовались для оправдания не только феодальной системы, но и притязаний церкви на господство в ней.

Теория Августина была использована как идеологическое оружие в борьбе между двумя крупными силами средневековья: римско-католической церковью в лице римских пап и светскими феодалами. Римские папы в своей борьбе за мировое господство опирались на учение Августина и различные его модификации.

Характерно, что представители современных реакционных учений широко пропагандируют идеи Августина.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Энгельс Ф., К истории раннего христианства, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. II, с. 409—431.

Энгельс Ф., Бруно Бауэр и раннее христианство, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XV, с. 602—610.

Энгельс Ф., Книга откровения, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, с. 159—164.

Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955.

Ленин В. И., О государстве, Соч., т. 29.

Источники

Лукреций, О природе вещей, тт. I и II, Статьи, комментарии, фрагменты Эпикура и Эмпедокла, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1947.

«Хрестоматия по древней истории», под ред. В. В. Струве, т. II, Учпедгиз, 1951.

Дополнительная

Утченко С. Л., Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. Из истории политических идей I в. до н. э., М., 1952.

ГЛАВА IV

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

§ 1. Характерные черты учений о государстве и праве в эпоху феодализма в Западной Европе. § 2. Учения о государстве и праве в период образования и первой стадии развития феодального общества в Западной Европе. § 3. Ереси в XI—XIII вв. § 4. Учения о государстве и праве в период развития товарно-денежных отношений и роста городов (общая характеристика). § 5. Учение о государстве и праве Фомы Аквинского. § 6. Идея мировой монархии Данте. § 7. Вильям Оккам, Марсилиус Падуанский и средневековые юристы. § 8. Ереси в XIV—XV вв.

§ 1. Характерные черты учений о государстве и праве в эпоху феодализма в Западной Европе

1. Характерные черты учений о государстве и праве в эпоху феодализма в Западной Европе были в конечном счете обусловлены как общими свойствами, присущими всякому феодализму, так и специфическими особенностями западноевропейского феодализма.

Первой характерной чертой этих учений является господство в них религиозной идеологии, что является типичным для феодализма вообще. В Западной Европе официальным религиозным вероучением было исповедание веры, установленное римско-католической церковью. Являясь сама крупнейшим феодалом (церкви принадлежала $\frac{1}{3}$ земли), римско-католическая церковь была наиболее общим синтезом и санкцией существующего феодального строя и феодальных форм эксплуатации трудящихся. Но особенностью религиозной идеологии в средневековой Европе является резко выраженное притязание римско-католической церкви на непререкаемое господство во всей феодальной системе и на верховенство над светской властью. Эта особенность была обусловлена тем обстоятель-

ством, что на ранней стадии развития феодализма, в условиях временно наступившего экономического и культурного упадка и феодальной раздробленности, римская церковь имела ряд преимуществ своей централизованной организацией, более высокой культурой своих кадров, воспитанных на античном наследстве, перед светскими феодалами, во владениях которых еще сохранились пережитки недавно разрушенного первобытно-общинного строя и которые ослабляли себя непрерывными усобицами. Положение римско-католической церкви в этом отношении значительно отличалось от положения православной церкви в Византии и славянских странах. Господство религиозного мировоззрения в виде христианского вероучения породило специфический для феодализма способ мышления и аргументации — схоластику.

Однако в этом религиозном мировоззрении не было единства. Против притязаний римско-католической церкви выступали трудящиеся массы, которые выражали свой протест против феодальной эксплуатации в виде ересей. В оппозиции к Риму стояли светские феодалы и даже значительная часть духовенства. Характерно, что в этой борьбе идеологическим оружием борющихся сторон было само христианское вероучение. Только по мере развития производительных сил и вызревания в недрах феодального общества капиталистических производственных отношений учение о государстве стало освобождаться от религиозной идеологии.

Второй характерной чертой учений о государстве и праве в это время является использование античного наследства, особенно философии Платона и Аристотеля, а также римской юриспруденции, хотя к языческим верованиям греков и римлян римско-католическая церковь относилась с нетерпимостью. Видно также сильное влияние византийских и арабских философских учений, которые стали проводниками в распространении философии Аристотеля в Западной Европе.

Третьей характерной чертой этих учений было то, что одно время главными проблемами в них были вопросы об отношении светской и духовной власти, а также вопрос об юридическом обосновании феодальной иерархии и правомерности господства феодалов над трудящимися массами. Наблюдаются, так же как и в античном мире, тенденция к построению проектов идеального государства и общества (особенно в ересях) и попытки создать теорию естественного права в соответствующем потребностям времени истолковании. Вместе с тем возникает специальная юридическая литература, которая ставит и пытается разрешить новые вопросы, возникшие в условиях развития феодализма. Развивается наука теории государства и права, государственного и международного права. В возникновении и развитии этой новой юридической литературы, в постановке и попытках решить новые вопросы виден значительный шаг вперед по сравнению с античным миром.

Экономической основой феодализма являются сосредоточение средств производства, главным образом земли, у господствующего

класса и особые формы эксплуатации непосредственного производителя, при которых эксплуататоры получают лишь часть продуктов труда эксплуатируемых. Для обеспечения этого нового вида эксплуатации требуется внеэкономическое принуждение, выступающее в форме крепостной и других видов зависимости трудящихся от их эксплуататоров (феодалов).

В феодальном обществе возникает особый тип государства, обеспечивающий классовое господство феодалов предоставлением им в той или иной степени власти над населением их владений.

Феодальные отношения в Западной Европе начали складываться еще в Римской империи в III—IV вв. Завоевание Западной Римской империи германскими народами ускорило процесс феодализации в самой империи и вызвало переход от первобытно-общинного строя к феодализму, минуя стадию рабовладельческого общества у германских народов, захвативших территорию империи.

Этот переход к феодальному строю у германских народов произошел вследствие усилившегося расслоения в их среде, так как родо-племенная аристократия захватила в свою собственность завоеванную землю и постепенно поставила в зависимость от себя бывшее до этого свободным крестьянское население. При уровне развития производительных сил, который был достигнут в Римской империи, возвращение к рабству было исключено. Господствующие классы во вновь образовавшихся государствах предпочитали использовать колонат и другие более мягкие формы зависимости, сложившиеся у народов, завоевавших Рим.

Как указывает Энгельс, «...у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств»¹. Поэтому органы родового строя должны были превратиться в государственные органы, пополнявшиеся римлянами, которые стали необходимыми для аппарата управления, так как обладали унаследованной от древнего Рима культурой и знанием права. Большое значение имело принятие германскими народами христианства. Франкские короли щедро одаряли церковь и привлекали духовенство в государственный аппарат. В германских государствах в X—XI вв. вполне сложилась феодальная система отношений, построенная на эксплуатации трудящегося населения, находящегося в крепостной и других формах зависимости от феодалов. К XIV веку в Западной Европе сложился сословный строй. К XVI веку начинается разложение феодальных отношений и формирование капиталистического уклада в феодальной экономике. Возникает противоречие между ростом производительных сил и сковывающими их разви-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 301.

тие феодальными производственными отношениями, что является причиной ряда буржуазных революций.

В истории учений о государстве и праве эпохи феодализма можно установить следующие основные три периода:

1) учения о государстве и праве в период образования и первой стадии развития феодального общества (VI—XIII вв.);

2) учения о государстве и праве в период развития товарно-денежных отношений и городов (XIV—XV вв.);

3) учения о государстве и праве в период разложения феодализма (XVI—XVIII вв.).

§ 2. Учения о государстве и праве в период образования и первой стадии развития феодального общества в Западной Европе

1. В учениях о государстве и праве в Западной Европе в VI—XIII вв. ставятся вопросы, которые были вызваны процессом образования феодальных государств и первой стадией их развития.

Во всех этих учениях отражаются особенности образования феодального строя в Западной Европе, которые явились результатом слияния двух процессов: возникновения феодальных отношений в рабовладельческом обществе древнего Рима и разложения первобытно-общинного строя у германских народов, завоевавших Западную Римскую империю к VI веку. Господствующий класс феодалов нуждался в идеологическом оправдании этого нового строя.

Теоретическим оружием для оправдания феодального строя стало христианство, единственное культурное наследие, взятое от погибшего античного мира. Поэтому монополию на образование захватило духовенство. «Догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами, а библейские тексты получили во всяком суде силу закона. Даже тогда, когда образовалось особое сословие юристов, юриспруденция еще долгое время оставалась под опекой богословия»¹.

Но в рядах господствующего класса не было единства, и характерной для всего этого периода является борьба между светскими и духовными феодалами за господствующее положение в феодальном мире, которая получила достаточно яркое выражение в литературе того времени. Общее, что соединяло светских и духовных феодалов, было убеждение в незыблемости феодального строя.

И те и другие считали, что с начала времен народ делится по трем родам занятий: одним положено молиться за всех (*oratores*),

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 360.

другим защищать страну оружием (*bellatores*), третьим работать для пропитания всех (*laboratores*). Это было своеобразное приспособление к феодальным условиям учения Платона о строении общества. В XII веке появляется юридический трактат Жана Ибелина, в котором дается юридическое обоснование феодальной иерархии и отношений вассалитета-сюзеренитета в том виде, в каком оно сложилось в так называемом Иерусалимском королевстве при завоевании Палестины крестоносцами из Северной Франции. С точки зрения отношений сюзеренитета-вассалитета давалось объяснение всем сторонам общественной и государственной жизни. Королевская власть считалась леном, полученным от бога; папа был ленным сюзереном епископов и получал от них денежные взносы (*annates*); собственность на землю, или аллод, сравнивалась с леном солнца; профессора университетов получали вознаграждение в форме лена.

2. Но вместе с тем, как было указано выше, в течение этого времени между светскими и духовными феодалами шла борьба за первенствующее положение в феодальном обществе. Сторонники римско-католической церкви разрабатывают в этой связи ряд теократических теорий.

Еще в процессе образования феодальных государств римские папы неоднократно заявляли свои притязания на верховенство над светской властью. Эти притязания высказываются папой Львом I (440—461), Гелазием I (492—496), Григорием I (596—604) и другими.

Для оправдания своих притязаний папы прибегают даже к подложным документам. Особенно широко использовались лжеисидоровы декреталии и грамота о даре Константина. Первые представляют сборник подложных документов, приписываемых Севильскому епископу Исидору (VII в.) и составленных в IX веке неизвестным автором. Там провозглашались независимость епископов от светской власти, полное подчинение всего духовенства римскому папе, безответственность и непогрешимость папы.

В грамоте о даре Константина говорится, что римский император Константин за наставление в истинной вере и за исцеление от проказы якобы предоставил папе Сильвестру (314—355) власть и почет, равные императорским, главенство над всеми церквями и ряд других привилегий. Подложность этой грамоты была доказана в XV веке гуманистом Лоренцо Валла.

Однако в противовес этим притязаниям пап еще в IX веке были выдвинуты теории, по которым главой церкви считается глава государства.

Такую теорию выдвинул в специально изданном капитулярии в 802 году император Карл Великий, который не признавал папу главой церкви и оставлял ему лишь обязанность молиться за успех императорской деятельности.

До второй половины XI века римские папы и духовенство находились в большой зависимости от светских феодалов и поэтому

свои притязания на господствующее положение в феодальном обществе не выражали еще так резко.

Но со второй половины XI века соотношение сил существенно изменилось в пользу римско-католической церкви. Светские феодалы были ослаблены постоянными усобицами и борьбой по укрощению собственных вассалов. Казна их оскудела, а богатства церкви росли. Папы направляют все усилия на упразднение зависимости духовенства от светской власти, на подчинение духовенству всего общества и установление неограниченной власти папы как в церковных, так и в светских делах.

Используется учение Августина о господстве церкви над светским государством — «света над царством тьмы». Одновременно формулируется учение о «двух мечах», то есть о мечах, якобы данных Христом духовному владыке, который в свою очередь вручает один меч светскому государю и потому имеет преимущество над ним. В учении о ключах, полученных апостолом Петром, которыми он закрывает и открывает небеса, выражается притязание пап на право низлагать императоров, поскольку папы считали себя вначале преемниками апостола Петра. Идея верховенства папской власти ярко выражалась в актах папы Григория VII, в которых провозглашалось, что только римский епископ является вселенским и может низлагать и назначать епископов, издавать указы, учреждать епархии. Он один в мире именуется папой и низлагает даже императоров. Ни один собор не может без его разрешения стать вселенским, ни одна книга без его разрешения не может быть признана канонической. Никто не может отменить его решения, кроме него самого. Никто ему не судья. Подданных он может освобождать от присяги государям.

Церковь в борьбе с императорской властью нередко изображает себя защитницей народа, апеллируя к нему и доходя даже до провозглашения идеи народного суверенитета. Некоторые представители теократических теорий высказывались даже за признание права народа на восстание и цареубийство. Таково, например, учение английского богослова, историка и юриста Иоанна Солсберийского (XII в.), считавшего вполне правомерным убийство тирана.

По «теории солнца и луны» церковь сравнивается с солнцем, а государство — с луной, заимствующей свой свет у солнца. Золото церковной власти противопоставляется свинцу власти светской или день власти священства — ночи власти императорской. На этом основании утверждается, что папе принадлежит право избрания государей. Цари — избранники божьи, но это избрание происходит только через посредство священников, что и выражается в символическом акте благословения и помазания на царство.

Все эти рассуждения сторонников папы о правах народа и филиппики против «тиранов» показывают, что представители теократических теорий стремились использовать в своих целях недовольство трудящихся масс гнетом светских феодалов. Вместе с тем папа

и преданное ему духовенство беспощадно подавляли все движения, возникавшие среди трудящихся масс, если они были направлены против феодальной эксплуатации.

Папы подавляли и стремления городов к самостоятельности. Так, например, **И н н о к е н т и й III** (1198—1216), при котором римская церковь достигла наибольшего могущества, беспощадно расправлялся с итальянскими городами, пытавшимися отстоять свою независимость.

Этот папа стал называть себя уже не наместником апостола Петра, а наместником самого Христа. Он направлял и вдохновлял все европейские войны того времени и организовал поход против альбигойской ереси, особо опасной для господствующего класса.

3. Естественно, что эти претензии пап встретили сильное сопротивление со стороны светских феодалов, особенно европейских монархов, причем в качестве защитников светской власти выступают и представители духовенства. Сторонники светских феодалов прибегали также к аргументации, опирающейся на «священное писание». Так, епископ **В а л ь т р а м Н а у м б у р г с к и й** (XI в.) утверждал, что бог установил две независимые власти, которые должны помогать друг другу. Апостол Павел, как говорит Вальтрам, называет князя слугою божьим, который недаром держит меч. Наказание преступников поручено не служителям церкви, а князьям.

У светских феодалов и их сторонников в борьбе с папами была и своя теория «двух мечей», согласно которой мечи вручаются папе и императору одновременно. Эта же мысль высказывается и в одном из законодательных памятников XIII столетия — «Саксонском зерцале».

При Фридрихе Барбароссе юристы, ставшие ближайшими советниками императора, приписывали ему власть и право собственности на всю государственную территорию. Юристы оправдывали эти притязания положениями римского права, которые давали юридическое обоснование неограниченной власти римских цезарей. Появилась теория, утверждавшая, что императоры — наследники римских цезарей.

В XII веке некоторые богословы приходят к более радикальному выводу и считают, что епископы государства должны быть подчинены государю так же, как дети подчиняются отцу — не по природе, а для порядка, для соблюдения единства (**Г у г о Ф л е р и й с к и й**).

Но особенно резко выражается протест против римско-католической церкви в ересях.

§ 3. Ереси в XI—XIII вв.

1. Недовольство существующими порядками, и особенно господством католической церкви, принимает широкие размеры и получает свое идеологическое выражение главным образом в различ-

ных религиозных учениях, враждебных догматам феодальной католической церкви, — в так называемых ересях.

Энгельс указывает, что в условиях феодального строя «...все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»¹.

Энгельс различает три вида ересей в зависимости от их классового содержания. «Ереси, — говорит он, — представляли собой отчасти реакцию патриархальных альпийских пастухов на проникновение к ним феодализма (вальденсы), отчасти оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов (альбигойцы, Арнольд Брешианский и т. д.), частью же открытое восстание крестьян (Джон Болл, Венгерский проповедник в Пикардии и т. д.)»².

С XI по XII век наиболее распространенной ересью была ересь к а т а р о в (чистых). Первоначально аналогичная ересь получила большое распространение в славянских странах — в Болгарии и Сербии, где ее приверженцы назывались б о г у м и л а м и.

Философской основой учения богумилов было учение о борьбе доброго начала со злым в мире. Эти два начала олицетворялись богумилами в боге и дьяволе. Как указывается в источниках, основатель этой ереси — поп Богумил воспринял это учение от манихеев³ и других еретиков.

Богумилы выступали против эксплуатации трудящихся светскими и духовными феодалами, отрицательно относились к православному духовенству, осуждая его за противный христианской вере образ жизни, за то, что его представители пьянствуют, грабят и творят иное зло. Они учили не повиноваться богачам, ненавидели царя, поносили старейшин, укоряли бояр и не велели рабам работать на своих господ. Феодальные порядки богумилы называли «дьявольскими».

Богумилы выражали интересы эксплуатируемого болгарскими феодалами (боярами и духовенством) трудящегося населения, главным образом крестьянства.

Из Болгарии богумильское учение распространилось за пределы Балканского полуострова. В Западной Европе это учение было воспринято в ереси к а т а р о в, в которой выражался протест трудящихся масс — крестьян и ремесленников против феодальной эксплуатации. К этому движению присоединились и торговцы, а также некоторая часть рыцарства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361.

² Там же.

³ М а н и х е и — религиозная секта, основанная в Иране уроженцем Месопотамии Мани. Учение манихеев широко распространилось в соседних с Ираном странах и проникло в Византию.

Катары имели различные наименования. В Южной Франции их звали альбигойцами (по городу Альби, бывшему центром этой ереси), в Ломбардии — гумилиатами (от humilis — низкий), иногда катарами или катаренами (оборванцы), а в Германии — Ketzer (еретики).

Катары были враждебны католической церкви и проповедовали, что папа — наместник не Христа, а сатаны. Они утверждали, что католическая церковь погрязла в заблуждениях и грехах.

Катары отрицали не только церковь, но и ряд государственных установлений: военную службу, казни и вообще всякое пролитие крови. Отрицали они также брак и семью, которые они считали порождением зла. Папа Иннокентий III организовал против катаров Южной Франции (альбигойцев) крестовый поход (1209—1229), ибо там это учение имело особенно широкое распространение.

Еретическое движение в альденсов (иначе — «лионских бедняков») возникло в начале XII века и названо по имени лионского купца Петра Вальда, раздавшего свои богатства бедным и проповедовавшего бедность и покаяние.

Это учение, возникшее в среде альпийских пастухов, распространилось затем и среди беднейшей части городского населения. Вальденсы отвергали государство и все учение церкви. Среди них произошел раскол, и наиболее радикально настроенная часть слилась с катарами.

В XII веке в Риме произошло восстание беднейших масс городского населения против власти папы. Во главе этого восстания стоял монах Арнольд Брешианский, который проповедовал возвращение к нравам древнехристианской церкви, к апостольской бедности и предлагал отнять у папы всякую светскую власть.

В результате восстания папа был лишен светской власти и была установлена республика. Однако значительная часть городского населения, испугавшись размаха этого движения, вошла в соглашение с папой и обратилась за помощью к императору Фридриху Барбароссе. Движение потерпело неудачу. Фридрих Барбаросса вероломно взял в плен Арнольда и отдал его на расправу папе. Арнольд как «еретик» был сожжен.

Ереси в Западной Европе возникли сначала в городах, а затем распространились и среди сельского населения. Так, например, в Северной Италии вспыхнуло восстание крестьян (1302—1307), возглавлявшееся «еретиком» Дольчино, последователем ремесленника Сегарелли, основателя секты «апостольских братьев» в Парме (около 1260 г.). Дольчино учил, что основа зла — собственность и богатство, требовал введения общности имущества, истребления духовенства и насильственного подавления богатей, в результате чего, как полагал он, должно наступить тысячелетнее царство справедливости, в котором не будет собственности и неравенства.

§ 4. Учения о государстве и праве в период развития товарно-денежных отношений и роста городов (общая характеристика)

В течение XIII—XV вв. в странах Западной Европы наблюдаются общий рост производительных сил, развитие товарно-денежных отношений, дальнейший процесс отделения ремесла от земледелия, связанный с ростом и развитием городов, которые в различной степени освобождаются от власти феодалов. Создаются предпосылки для преодоления феодальной раздробленности и образования централизованных государств, что является необходимым условием для дальнейшего экономического, политического и культурного прогресса. Весьма важным фактом для этого периода является почти повсеместная рецепция римского права.

В этот период значительно колеблется и положение пап, которые попадают в зависимость от французских королей, как это было во время Авиньонского пленения пап (1308—1378).

Соответственно новой обстановке в учениях о государстве и праве данного периода обнаруживаются не только еще более резкие протесты против притязаний римских пап на господствующее положение в феодальной системе, а также против верховенства их власти в церкви, но и призыв к созданию мировой монархии под главенством германских императоров (Данте), высказываются требования лишить духовенство всякой светской власти и даже провозглашается идея свободы совести (Марсилиус Падуанский).

Сама церковь в борьбе с еретиками нуждается в сильном государственном аппарате, и поэтому среди духовенства растет количество сторонников усиления власти монархов. В теократических теориях этого периода наблюдается поворот к компромиссу между духовной и светской властью, хотя идея превосходства церкви перед государством еще сохраняется, что особенно отчетливо видно в учении о государстве и праве Фомы Аквинского.

В XIV—XV вв. происходят в ряде стран крупные восстания крестьян и трудящегося населения городов против феодалов и еще более широкий размах приобретают ереси, которые распространяются не только среди крестьян и ремесленников, но и богатых буржуагов и даже части феодалов (рыцарства). Особенно следует указать на ереси в Англии и Чехии.

Выступление народных масс против феодалов, в том числе и против церкви, вызвало со стороны последней стремление придать более организованный характер борьбе против «еретиков». Эта борьба потребовала и разработки соответствующей теории, которая должна была стать идеологическим оружием против ересей. Для осуществления этой задачи был учрежден монашеский орден доминиканцев (его основатель Доминик Гусман), устав которого был утвержден папой в 1216 году. Доминиканцы становятся специалистами по богословию и захватывают в университетах все

богословские кафедры. Из их среды вышел Фома Аквинский — крупнейший представитель средневекового богословия.

Ереси в XIV—XV вв. были как бы зарницами, предвещавшими мощное и грозное движение против католицизма в XVI веке — Реформацию.

§ 5. Учение о государстве и праве Фомы Аквинского

1. Фома Аквинский (1224—1274) является крупнейшим представителем средневековой схоластики.

Главной задачей схоластики было доказать формально-логическими рассуждениями истинность догматов римско-католического вероучения. Верховной инстанцией в этих рассуждениях были мнения авторитетов, признанных церковью. Философия (под которой тогда понималась наука вообще) должна была играть служебную роль в решении этой задачи («философия — служанка богословия»). Схоластики старались использовать для обоснования догматов христианства и учения античных мыслителей, особенно Аристотеля, который с XIII века становится у схоластиков почти непрекаемым авторитетом.

Фома Аквинский в своей философии опирается на исходное положение о подчиненности разума вере и пытается обосновать свою систему взглядов учением Аристотеля о форме и материи, которое он истолковывает в духе римско-католического богословия.

Учение Фомы Аквинского о государстве и праве изложено главным образом в работе «О правлении князей» (*De regimine principum*), а также в богословском сочинении «Сумма богословия» (*Summa theologiae*) и в комментариях к «Политике» и к «Этике» Аристотеля.

Фома был ревностным защитником интересов господствующего класса, и в первую очередь — духовных феодалов. Подобно Августину, он утверждал, что хотя бог создал людей свободными, но рабство существует как неизбежное наказание за грехи. Фома разделяет мнение римских юристов, утверждавших, что рабство — установление «общенародного» права (*jus gentium*), существующее у всех народов. Рабство основано на законах войны, повелевающих обращаться в рабство побежденного врага. Кроме того, в защиту рабства Фома повторяет соображения Аристотеля о естественном неравенстве и приводит доводы экономического характера — необходимость рабства для нужд домашнего хозяйства.

Фома откровенно защищает неравенство людей в обществе и феодальную иерархию. По его мнению, крестьяне и горожане, добывающие себе средства пропитания земледелием, составляют низшую группу населения. Это — «наемники» и «грязный люд», предназначенные для выполнения низкой работы, они не могут принимать участия в управлении государством. Их существование необходимо для хозяйства, но они не составляют части государства,

а являются как бы придатком к другим его элементам. К этой же группе, по мнению Фома, принадлежат мелкие ремесленники. К среднему классу принадлежат воины, судьи, администраторы, богатые, дворяне, которые, по мнению Фома, хранят в себе родовые наклонности к добродетели.

2. Свое учение о государстве и праве Фома пытается построить, используя для его обоснования теории греческих философов и римских юристов.

Вместе с тем он вносит ряд исправлений в учение Аристотеля соответственно своим богословским воззрениям. В отличие от Аристотеля, который считал, что задача государства состоит в том, чтобы обеспечить блаженство в земной жизни, Фома, следуя Августину, не считает возможным достижение человеком полного блаженства силами государства без помощи церкви, а окончательное достижение этой цели считает возможным только в «загробной жизни».

В своем учении Фома придает решающее значение началу государственной власти и призывает граждан к повиновению ей. Власть, по его мнению, единственный объединяющий государство принцип, без которого оно обречено на распадение. Взаимоотношение власти с государством он уподобляет взаимоотношению бога и мира, души и тела.

По божественному и естественному праву низшие должны повиноваться высшим, так как по законам природы все низшее приводится в движение высшим. Но он считает, что нужно установить границы этого повиновения.

Предвидя возможность столкновения церкви с государством, Фома допускает возможность сопротивления государственной власти вплоть до восстания против нее. Это допустимо при таких обстоятельствах, когда власть приобретена незаконно (например, путем насилия или подкупа) или даже когда при законном приобретении власти ее носители неправильно пользуются или злоупотребляют ею. Поэтому, как утверждает Фома, божественное происхождение власти относится лишь к ее сущности, но приобретение и пользование ею могут быть противны божественной воле. Фома Аквинский признает, что в этих случаях подданные имеют право отказать в повиновении узурпатору или недостойному властителю, а при неправильном пользовании властью или злоупотреблении ею народ имеет право на восстание. Фома считает восстание народа даже обязанностью в тех случаях, когда нарушаются божественные законы, то есть страдают интересы церкви, которая также может и должна оказывать сопротивление в таких случаях. Однако Фома не рекомендует прибегать к цареубийству, так как нельзя позволять каждому произвольную расправу с государем, поскольку это может повлечь за собой большой вред для государства.

Фома считает лучшей и наиболее естественной формой правления монархию. Государь — не только правитель, но и творец государства, так как его волей приводятся в движение все части государственного механизма. Он же олицетворяет собой народ.

Фома различает пять форм правления: монархию, аристократию, олигархию, демократию и смешанную форму — сочетание аристократии и демократии.

Защищая монархию как лучшую форму, Фома проводит излюбленные аналогии: с мировым порядком, в котором царствует один бог; с человеческим организмом, приводящимся в движение одним органом — сердцем; с душой, которой руководит разум; с пчелиным ульем, имеющим царицей матку, и т. п. Исторический опыт, по его мнению, якобы подтверждает преимущество монархии. Государство, где власть принадлежит одному, преуспевает. Там же, где власть принадлежит многим, всегда возникают смуты и беспорядки.

Признавая монархию лучшей формой, Фома считает, что задачей монарха является забота о народном благе, и на этом основании выступает с обличительными тирадами по адресу тиранов.

Вопрос о взаимоотношении духовной и светской властей он решает в пользу первой, утверждая, что папа вполне правомочен в отлучении от церкви императоров и королей.

Как и Августин, Фома требовал беспощадного искоренения государством ересей. Если государство преследует за подделку монеты, то тем более сурово оно должно наказывать за порчу веры — еретики должны предаваться смертной казни. Но церковь должна принять предварительные меры для их вразумления и только тогда, когда эти меры не помогут, предавать еретиков в руки светской власти для приведения приговора в исполнение.

Доминиканец Фома ревниво оберегал «чистоту веры» и пытался теоретически обосновать необходимость инквизиции.

3. Решая вопрос о существовании права, Фома не отличает право от нравственности и пытается найти их основание в законах мироздания.

Фома делит законы, управляющие мировым и общественным порядком, на четыре категории: 1) вечный закон; 2) естественный закон; 3) человеческий закон; 4) божественный закон.

При этом Фома следует учению стоиков и римских юристов, внося в них коррективы согласно догмам римско-католического вероучения.

Вечный закон, по утверждению Фомы, является основным и стоит во главе всех остальных. Это — сам божественный разум, управляющий миром. Он обнаруживается в явлениях природы как их необходимый порядок. Этот закон управляет также естественными склонностями живых существ и деятельностью той стороны мышления, которая открывает самоочевидные истины.

Естественный закон, по учению Фомы, представляет отражение вечного закона во всех живых существах. По этим законам происходит рождение и воспитание детей и т. д. Естественный закон является фундаментом положительного законодательства, и благодаря этому закону существует сходство в правовых нормах у различных народов. Таким образом, естественные законы — это те же законы природы, которые Фома называет вечными законами, но

действующие в области органической природы. Кроме того, естественный закон устанавливает нормы морали.

Человеческий закон — это положительное право. Так, например, требование наказывать за убийство содержится в естественном законе, но характер наказания устанавливается нормами положительного права.

Человеческий закон, как утверждает Фома, может расходиться с естественным. Как и римские юристы, Фома различает «общенародное» право — *jus gentium* — и положительное право — *jus civile*. Последнее представляет собой право, действующее в определенном государстве, причем в специфических его особенностях обнаруживаются положения, которые иногда расходятся с естественным законом.

Божественный закон, по учению Фомы, — откровение, выраженное в священном писании и предназначенное исправлять несовершенство человеческого закона.

Таким образом, Фома еще больше усложняет и запутывает своими богословскими добавлениями классификацию римских юристов.

Воззрения Фомы в области гражданского права показывают, что он учитывал развитие товарно-денежных отношений в то время.

Он считал, что частная собственность не противоречит естественному праву, хотя по тому же праву все принадлежит богу, и не считал порочным занятие торговлей. В то же время он осуждал ростовщичество и считал грехом взимание процентов.

В системе взглядов Фомы Аквинского видно отражение тех процессов, которые происходили в XIII веке в экономике, в политическом строе и культурной жизни народов. Оставаясь на почве церковного мировоззрения, Фома в известной мере выражает мнение тех кругов в среде господствующего класса, которые стремились к преодолению феодальной раздробленности. Это видно в его учении о государственной власти.

Влияние Аристотеля на мировоззрение Фомы свидетельствует о том, что церковное вероучение должно было приспособиться к новой обстановке, которая складывалась в Западной Европе на этой стадии развития феодализма, и использовать для своих целей более высокую по своему теоретическому уровню философию античного мира, знакомство с которой стало более широким в то время вследствие оживленных сношений с Востоком, и в частности с арабами.

§ 6. Идея мировой монархии Данте

Гениальный поэт средневековья — Данте Алигьери (1265—1322) не только выступил против притязаний римских пап на главенство в феодальном мире, но первый решительно поставил вопрос о преодолении феодальной раздробленности путем создания всемирной монархии.

Оставаясь еще целиком на позициях средневекового мировоззрения, Данте в споре пап с германскими императорами становится на сторону последних, но, как ревностный католик, не отрицает вообще папского авторитета.

Систематическое изложение своих взглядов на эту проблему он дает в книге «О монархии» («De monarchia»).

В этой книге доказывается необходимость всемирной монархии под главенством германских императоров, причем главная роль в организации этой монархии должна принадлежать итальянскому народу.

Данте исходит из того, что главная цель человечества — разумная теоретическая и практическая деятельность. Достижение ее возможно не отдельным человеком и не группой людей, а всем человечеством в целом. Но для этого необходимо прекращение вражды и войн и установление всеобщего мира. Разрешение этой задачи, по мнению Данте, возможно только при установлении всемирной монархии. Активная роль в ее организации должна принадлежать итальянцам, как преемникам римлян, а во главе ее должны стоять германские императоры, считавшие себя преемниками римских императоров. Данте настойчиво утверждает, что император получает свою власть непосредственно от бога, а не от папы.

Самое замечательное для того времени утверждение Данте, которое произвело переворот в феодальных представлениях о государственной власти, состоит в том, что император не имеет права отчуждать земли, входящие в империю, так как они не являются его собственностью. Императорская власть — общественная должность, и ее носитель не может распоряжаться ею как своей собственностью.

Таким образом, Данте высказывает совершенно новую в условиях феодализма точку зрения на государственную власть; эта точка зрения была прогрессивной.

§ 7. Вильям Оккам, Марсилий Падуанский и средневековые юристы

1. Из других сторонников светской власти и преодоления феодальной раздробленности следует отметить францисканского монаха Вильяма Оккама и Марсилия Падуанского, принимавших активное участие в конфликте Людовика Баварского, впоследствии германского императора, с римским папой.

Вильям Оккам (около 1300—1350 гг.) обратился к императору со словами: «Защищай меня мечом, я буду защищать тебя пером». Ему принадлежит ряд трактатов, в которых он доказывал необходимость размежевания власти императора и папы, происхождение власти и собственности государей непосредственно

от бога, а не через посредство пап, верховенство государей в светском суде и даже возможность нового устройства самой церкви, а именно замены папы церковным собором.

Особенно резко выступил против папства **Марсилий Падуа́нский** (родился в 1280 г., год смерти не известен) — одно время ректор Парижского университета. Марсилий Падуанский был провозвестником идеи свободы совести.

В работе «Защитник мира» («Defensor pacis») он применяет к своей теории общества и государства учение Аристотеля о материи и форме. Материя в государстве, по учению Марсилия, — люди, форма — законы,

Стремясь возвысить значение государства, Марсилий утверждает, что его целью является физическое и духовное благо всех членов общества, что государство — высшая и наиболее сложная форма общения, которой предшествуют семья, род, племя и город.

Марсилий заявляет, что законодательные полномочия в принципе должны принадлежать только народу.

Он отличает от власти законодательной власть исполнительную, организация которой должна, по его словам, определяться волей народа. Лучшей формой правления он считает монархию. Различая монархию наследственную и избирательную, Марсилий является сторонником избирательной монархии. Он считает необходимым сохранить в государстве сословный строй с определенным положением каждого сословия. В государстве должно быть шесть общественных групп, разделяющихся на две категории: одна — земледельцы, ремесленники и торговцы — заботится о личных интересах; другая — духовенство, администрация и военные — выполняет общественные обязанности.

По его мнению, все будет хорошо, если каждое сословие будет исполнять свое назначение и не будет вмешиваться в дела других сословий. Сословная концепция Марсилия направлена против притязаний духовенства на вмешательство в мирские дела, выходящие за пределы его специфических задач.

Теоретические положения Марсилия привели к важным выводам об отношении светской и духовной властей.

Определяя различия между законами юридическими и религиозными, Марсилий делает вывод, что священники могут действовать советом и убеждением, но не принуждением, поэтому папа не может обладать светской властью и получает ее только по воле императора.

Евангелие — не закон, а только поучение. Поэтому в делах веры не может быть принуждения. Вера — дело совести.

Таким образом, Марсилий делает вывод, далеко опередивший его век: он высказывается за свободу совести и является провозвестником одного из важнейших демократических принципов.

Для обеспечения доверия народа к священнослужителям Марсилий требует выборности верующими священнослужителей всех иерархических степеней вплоть до папы, высказывая довольно смелые для своего времени идеи.

2. В борьбе светских и духовных феодалов, а также в борьбе между приверженцами феодальной раздробленности и сторонниками централизации феодального государства широко использованы учения средневековых юристов.

Среди них образовались три группы: легисты, опиравшиеся на нормы римского права; декретисты — приверженцы канонического права; сторонники обычного права.

Интерес к римскому праву начал пробуждаться в XII—XIII вв. и был вызван развитием товарно-денежных отношений в феодальной экономике. «Как только промышленность и торговля — сперва в Италии, а позже и в других странах — развили дальше частную собственность, тотчас же было восстановлено и вновь получило силу авторитета тщательно разработанное римское частное право»¹.

В применении римского права были заинтересованы не только города, но и феодалы. Императоры и короли находили в римском праве юридическое обоснование своих притязаний на абсолютную власть, пользуясь известной формулой Ульпиана — «угодное государю имеет силу закона». Феодалы использовали римское право для юридического обоснования крепостничества и других форм феодальной зависимости трудящихся.

Очагом распространения римского права стала школа юристов в Болонье (Италия), получивших название глоссаторов. Эта школа ставила своей задачей изучение римского права по первоисточникам и преследовала преимущественно теоретические цели. В XIV веке появляется школа постглоссаторов, или комментаторов, которые не ограничивались одним изучением римского права, а использовали его для применения к новым отношениям, возникавшим в феодальном обществе вследствие развития торговли и промышленности. Глоссаторы и постглоссаторы пытались объяснить различные формы феодального владения земель теорией собственности расщепленной на два вида: верховная собственность (*dominium directum*) и владение (*dominium utile, possessio*).

Сторонники этих двух школ (главным образом комментаторов) получили название легистов и играли большую роль в качестве консультантов императоров, королей и других феодалов высших рангов. В борьбе светских феодалов с духовными легисты стали на сторону первых. Они также усиленно помогали монархам в их борьбе с феодалами за приобретение права собственности на землю для «третьего сословия». «Как короли, так и горожане, — указывал Ф. Энгельс, — нашли могущественную поддержку в сословии юристов, влияние которого возрастало»². В этом была прогрессивная роль легистов. Но они же давали феодалам теоретическое оружие, взятое из арсенала римского права, для оправдания крепостничества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 63.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 445.

ва. Неудивительно, что крестьяне ненавидели легистов, а в Германии даже требовали изгнания их из страны.

Школа декретистов изучала каноническое право, в которое входили решения вселенских соборов (каноны) и декреты — смесь отрывков из римского и местного права, извлечений из произведений «отцов церкви» и посланий епископов. Первый сборник канонического права, составленный монахом Грацианом, получил название декрета Грациана. Это было самое реакционное направление среди средневековых юристов, так как его представители безоговорочно защищали притязания римских пап на мировое господство.

Третья группа юристов опиралась на обычное право, причем эти юристы, подобно легистам, также становились на сторону светской власти в ее борьбе против пап. Некоторые из них, например известный знаток французского обычного права Бомануар, относились отрицательно к крепостничеству, утверждая, что крепостничество противно естественному праву. Та же мысль встречается и в «Саксонском зеркале» — памятнике германского права XIII века, хотя оно в то же время санкционирует крепостную и иные формы зависимости трудящихся от феодалов.

Для юристов всех этих групп характерна одна общая черта — схоластическое мышление.

§ 8. Ереси в XIV — XV вв.

1. Характеризуя ереси этого времени, Энгельс указывает на два их основных вида: ересь бюргерская и крестьянско-плебейская. Первая ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви, упразднения власти папы и его курии, монашества и особого сословия священников. Крестьянско-плебейская ересь, кроме указанных выше требований, выдвигала еще более радикальные предложения о восстановлении раннехристианского равенства между людьми вплоть до равенства имуществ¹.

Некоторые представители этого вида ереси шли еще дальше, предлагая ликвидацию всякого государства и организацию общества на принципах примитивного потребительского коммунизма.

Особенно большое распространение имели ереси в Англии и Чехии. В этих ересьях с достаточной отчетливостью были выражены идеи, получившие свою реализацию во время Реформации.

2. В Англии еретическое движение возникло во второй половине XIV века.

В 1365 году английский парламент вынес постановления о запрещении апелляции к папе на судебные решения духовных лиц, а также об отмене уплаты ежегодной дани папе, которую англичане платили по договору между королем Иоанном Безземельным и папой Иннокентием III. На неоднократные требования папы выполнять эти обязательства парламент отвечал отказом.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361—363.

Профессор Оксфордского университета священник Джон Уиклиф дал теоретическое обоснование этому отказу. В своих произведениях он выступил с рядом предложений, которые были открыто враждебны всему признанному церковью католическому учению. Вначале правительство, враждовавшее с папским престолом, поддерживало его. Но впоследствии, когда в Англии развернулось широкое крестьянское движение, отношение к Уиклифу изменилось, хотя он непосредственно и не оказывал никакого влияния на движение.

Из теории Уиклифа английские короли сделали вывод о своем праве не только отобрать у папы светскую власть, но и конфисковать земли церкви в пользу государства.

Уиклиф утверждал, что единственным источником религиозного учения является священное писание. Никакие разъяснения папы и отцов церкви для верующих не имеют значения. В священном писании ничего не говорится о папской власти, церковной иерархии и праве папы на светскую власть. Поэтому он отрицал верховенство папы в церкви.

Последователи Уиклифа, «бедные священники» (лолларды) сделали из этого учения еще более решительный вывод и проповедовали возвращение к первоначальной простоте жизни христианских общин. Эта проповедь нашла живой отклик в народе, так как высшее духовенство в Англии обладало колоссальными богатствами, вело роскошный и развратный образ жизни и в глазах народа ничем не отличалось от светских феодалов, грабивших крестьян.

Благодаря агитации лоллардов в Англии распространилось стихотворение, в котором задавался вопрос: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?»

Проповедь лоллардов оказала влияние и на требования крестьян во время восстания Уота Тайлера.

3. Еще больший размах получило в XV веке еретическое движение в Чехии, где оно было направлено не только против римско-католической церкви, но и против всех феодалов, а также против национального угнетения со стороны немецких феодалов. Это движение выразилось в борьбе гуситов. Оно было очень сложно по своему классовому составу и предьявляло весьма различные политические и религиозные требования.

Движение гуситов началось со смелых выступлений профессора Пражского университета Яна Гуса. Он бесстрашно изобличал папу, духовенство и городскую аристократию в алчности и стремлении захватить громадные богатства. В своей программе Гус воспринял ряд положений Уиклифа. Он так же, как и последний, отрицал верховную власть папы и считал, что источником религии является только священное писание.

Гус требовал распространения на мирян того же обряда причащения, который был установлен для священнослужителей. Это требование, религиозное по своему характеру, выражало демократическую тенденцию в учении Гуса, поскольку оно было направлено

к ограничению привилегий священнослужителей. Выступая против десятины и церковного землевладения, Гус предлагал отчуждение церковных земель в пользу государства (секуляризацию).

Историческое значение деятельности Гуса состоит в том, что его реформаторская проповедь, тесно связанная с национально-освободительными мотивами, будила сознание народных масс на борьбу с угнетателями.

Гус был вызван на церковный собор, происходивший в 1415 году в городе Констанце. Осужденный на этом соборе за «ересь», Гус был сожжен.

Мученическая смерть Гуса вызвала бурное движение в Чехии. Его последователи возглавили не только религиозное, но и широкое национально-освободительное движение (гуситские войны).

Первоначально руководящую роль среди гуситов играли рыцарство и горожане. Они ограничивались требованием свободной проповеди слова божьего, того же причащения для мирян, как и для священнослужителей, лишения духовенства светской власти и земельной собственности и предоставления светским властям права наказания за смертные грехи, особенно такие, которые представляли собой общественную опасность. Эта группа получила название «ч а ш н и к о в», или «у т р а к в и с т о в» (sub utraque specie)¹.

Представители другого, более радикального течения назывались таборитами — по наименованию укрепленного места, где эта группа организовалась во время борьбы с войсками императора и папы. Табориты отрицали сложившийся церковный культ, поклонение иконам и мощам; они стояли за отмену присяги и смертной казни.

По учению таборитов, основу власти составляют вера и добродетель. Государственное верховенство должно принадлежать «обществу святых», которые вправе дать власть своему избраннику, контролировать его и взять эту власть обратно. Как отмечал Ф. Энгельс, у таборитов «...под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получившая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии»².

Табориты выражали интересы мелкого рыцарства и крестьянства, заинтересованных в разрушении феодального строя. Они требовали уничтожения всех аристократических привилегий и сословных различий. Вождем наиболее умеренных таборитов был известный полководец Я н Ж и ж к а.

Среди таборитов возникло течение, получившее название м и л л е н а р и е в. Они пропагандировали раннее христианское учение

¹ В римско-католической и православной церкви установлен обряд, совершающийся во время богослужения,— вкушение хлеба и вина, которые, по верованию христиан, превращаются в тело и кровь Христа. В католической церкви право вкушать вино и хлеб принадлежит только священнослужителям, миряне же вкушают только хлеб.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 363.

о наступлении тысячелетнего царства Христа на земле, а не в загробной жизни, восстановление общественного строя первоначальных христианских общин, то есть примитивного потребительского коммунизма, уничтожение не только сословного, но также имущественного неравенства и ликвидацию частной собственности.

Это течение выражало интересы беднейшей части горожан и крестьянства.

Проповедь миллениариев имела большой успех. Многие сектанты продавали свое имущество, жгли свои дома и уходили в особо отмеченные города, считавшиеся спасенными, либо в горы и устранивали свою жизнь на принципах потребительского коммунизма.

Вследствие отсутствия единства в движении гуситов оно в конечном счете успеха не имело, хотя войска императора, посланные против таборитов, вели с ними борьбу в течение одиннадцати лет (с 1420 по 1431 г.) и не раз терпели поражение. Измена чашников, ставших на путь компромисса с императором и папой, привела к тому, что табориты оказались изолированными и погибли в неравной борьбе.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., т. 3.

Энгельс Ф., *Крестьянская война в Германии*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. т. 7, с. 360—363.

Энгельс Ф., *Предисловие к итальянскому изданию 1893 года*. Маркс К. и Энгельс Ф., *Манифест Коммунистической партии*, Госполитиздат, 1958, с. 33—34.

Источники

«Хрестоматия по истории средних веков», под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина, т. I, изд. 3-ое, М., 1953, «Борьба пап с императорами», с. 278—319.

ГЛАВА V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Руси. § 2. Идея равноправия и независимости русского государства в «Слове о законе и благодати» Иллариона и русских летописях. § 3. «Поучение» Владимира Мономаха. § 4. Идея общерусского единства в «Слове о полку Игореве». § 5. Идея сильной княжеской власти и протест против боярства в «Молении Даниила Заточника». § 6. Отражение борьбы русского народа против монгольского ига в политической литературе XIII—XV вв.

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Руси

В VI—VIII вв. славяне, представленные многочисленными племенами, населяли не только Среднюю Европу, но и пространства равнин близ берегов Волхова, Ильмень озера, верховьев Волги, Оки и Днепра.

Развитие процесса общественного разделения труда: отделение земледелия от скотоводства, развитие ремесла и торговли, уже в VIII веке привело у восточных славян к распаду родо-племенных отношений и выделению родо-племенной знати, состоящей из князей, воинов, жрецов и торговцев, а затем и к появлению первых княжеств, существование которых предшествовало образованию единого древнерусского раннефеодального государства.

Дальнейшее развитие производительных сил и углубление процесса феодализации привели к тому, что в конце IX века древнейшее новгородское княжество «Славия», бывшее центром северо-восточных славянских племен, и киевское «Куявия», вокруг которого

объединялись племена, расположенные по среднему течению Днепра, слились в одно крупное древнерусское государство.

Древнерусское Киевское государство — колыбель русской, украинской и белорусской народностей — занимало огромную территорию от берегов Балтийского моря, верховьев Днепра и Ильмень озера до берегов Черного моря и от верховьев Северной Двины, Волги и Оки до Карпат и Венгрии.

Быстрое развитие феодальной собственности на землю, получившее свое закрепление в праве и охраняемое законом, свидетельствует о зрелости классовых — феодальных — отношений. Этот процесс подготовил почву для «крещения Руси» (989 г.), провозглашения христианства государственной религией, что способствовало укреплению власти феодальной верхушки. Развитие феодализма сопровождалось нарастанием классовой борьбы, развертывание которой совпало по времени с процессом расширения территории русского раннефеодального государства и с общим подъемом его феодальной культуры.

«Как империя Карла Великого предшествует образованию Франции, Германии и Италии, так и империя Рюриковичей, — указывает Маркс, — предшествует образованию Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самого Московского государства»¹.

Киевская Русь обладала своей самобытной и яркой культурой, сложившейся под известным и неизбежным влиянием Византии и других соседних с нею стран и в то же время оказавшей значительное влияние на культуру других народов.

По уровню экономического развития, государственной мощи и духовной культуры Киевская Русь превосходила многие современные ей раннефеодальные государства. Ее культура сыграла значительную роль в мировой истории.

Мощное феодальное государство являлось орудием классовой диктатуры феодалов, помогало дальнейшему вовлечению в орбиту феодальной эксплуатации все новых и новых слоев свободного населения. Экономической основой Киевской Руси являлась собственность феодалов (князей, бояр, духовных феодалов — епископов, игуменов монастырей) на землю.

Закон защищал феодальную (княжескую, боярскую, церковную) собственность, грозя суровыми наказаниями за покушение на основы феодального строя. Подавленное феодалами население деревни находилось в экономической зависимости от феодалов, поскольку последним принадлежала большая часть земель. Древнерусский закон предусматривал и формы внеэкономического принуждения, ограничивая в правах феодально зависимых крестьян — «смердов», княжеских и боярских рабов — холопов, представителей низших классов населения, попавших в долговую кабалу, — «закупов» и «вдачей».

¹ К. Маркс, Секретная дипломатия XVIII в. (Английское издание 1889 г., стр. 75).

В городах сосредоточивалось ремесленное и посадское население, которое также являлось зависимым и несло ряд феодальных повинностей.

Процесс закрепощения крестьянства и рост феодальной эксплуатации вызывали все большее сопротивление угнетенных масс.

Восстания крестьянских и городских низов в 1024, 1068, 1072, 1113, 1209, 1230, 1259, 1413 годы свидетельствуют о возрастании сопротивления народа его угнетателям.

Древнерусский закон — «Русская Правда» — стоит на страже интересов класса феодалов. Развитие этого памятника права с XI по XIII век и его различные редакции отражают процесс укрепления и развития феодальной собственности на землю, все более и более крепнущую силу княжеской власти и феодальной знати, процесс ликвидации феодалами остатков военной демократии.

Первые политические теории, выраженные в летописях, эпосе, памятниках права и литературы, образцах устного народного творчества, отражали классовую борьбу, кипевшую в древнерусском государстве.

В них получила свое выражение и внешняя борьба, которую в течение сотен лет вела Русь за свое существование, отражая натиск иноземных захватчиков.

Политическая идеология господствующих классов была направлена на то, чтобы внушить массам народа мысль о правомерности феодального угнетения, и при помощи церкви, освящавшей процесс феодализации, внушала массам необходимость покорности, беспрекословного подчинения закону.

Высокий уровень культуры древней Руси характеризуется фактом создания таких трудов, как «Повесть временных лет», «Слово о полку Игореве» и других замечательных произведений того времени.

В письменных памятниках того времени, написанных по социальному заказу князей и других феодалов, выражались преимущественно взгляды господствующего класса, взгляды же и чаяния угнетенных масс находили в них косвенное отражение. Но в устном творчестве (былинах, песнях, сказках) народ с огромной силой выразил свое презрение к наживавшимся за счет его труда и ведшим праздный образ жизни феодалам, духовенству и купечеству, протест против феодальной эксплуатации, свой патриотизм, стремление защищать родную землю от посягательств захватчиков.

В противовес той идеализации княжеских деяний, которой стремились наполнить страницы летописи ее составители, народ увековечил в своем творчестве фигуру труженика-крестьянина, создателя основных благ родной земли (былина о Микеле Селяниновиче), образы простых ратников-богатырей, бескорыстно отдающих жизнь за Русь в битве с жестоким врагом (сказание о Кожемяке), фигуры посадников и тысяцких, ратовавших за сохранение вечевых порядков, картины народных восстаний (Новгородская и Псковская летописи), упование широких слоев населения на справедливость со

стороны князей и ограждение народа от произвола бояр и других феодалов мерами государственной власти сверху («Моление Даниила Заточника»).

Со второй половины XII века единое древнерусское государство начинает распадаться на отдельные независимые друг от друга княжества. Этому способствовали процесс присвоения феодалами общинных, крестьянских земель во всех частях Русской земли и, соответственно, рост экономической силы и политического могущества местных феодалов.

Наступление периода феодальной раздробленности сопровождалось такими фактами, как перенос великокняжеского стола из Киева во Владимир (1169 г.) и образование новгородской феодальной республики на севере России (1136 г.).

Время феодальной раздробленности — XII—XV вв. — совпало с периодом расцвета культуры многих русских городов. Смоленск, Новгород, Псков, Чернигов, Тверь, Владимир, Рязань, Киев превратились в центры административного управления, значительной материальной культуры и пункты сосредоточения элементов духовной культуры независимых друг от друга частей Русской земли.

Экономическая и политическая обособленность отдельных княжеств вызвала ослабление военной мощи древней Руси.

С конца XII века в земли приднепровских княжеств начинают вторгаться половцы. В 1185 году князь Игорь Новгород-Северский терпит поражение от половецкого хана Кончака. В 1224 году монголы наносят тяжелое поражение русским войскам на Калке, а спустя двенадцать лет хан Батый вторгся с монгольским войском в пределы Северо-Восточной Руси и покорил большинство русских княжеств, так как разрозненные военные силы князей не смогли оказать завоевателям необходимого сопротивления.

§ 2. Идея равноправия и независимости Русского государства в «Слове о законе и благодати» Илариона и русских летописях

1. Расцвет русского государства в княжение Ярослава (1019—1054), рост его авторитета в международных отношениях, напряженная и острая дипломатическая борьба с другими государствами нашли отражение в летописях и в другой литературе этого времени. Византийские императоры использовали факт крещения Руси и приобщения ее к греко-православной церкви для обоснования своих претензий на подчинение Киевского государства.

Против этих притязаний было направлено «Слово о законе и благодати» Илариона, которое является первым дошедшим до нас политическим трактатом древней Руси. Оно представляло собой изложенную богословским языком политическую программу независимости русского государства и русской

церкви от притязаний Византии. Основной темой этого трактата является защита идеи равноправия и независимости Киевского государства. Илларион горячо протестует против теорий «богоизбранности» Византии и ее притязаний на создание «вселенской империи» и «вселенской церкви», выражающих стремление Византии к господству над всеми народами, принявшими христианство по православному обряду.

В противовес этим притязаниям «Слово» утверждает, что время «богоизбранности» одного народа прошло и наступило время свободного приобщения всех народов к христианству.

Принятие Русью христианства, по мнению Иллариона, — залог ее равноправия; христианская Русь не нуждается ни в чьей политической опеке. Русскому народу принадлежит великое историческое будущее.

«Слово» достигает особого патриотического пафоса в части, посвященной Владимиру I Святославовичу, при котором произошло «крещение Руси». Похвала князю Владимиру у Иллариона сливается с прославлением могущества и силы древнерусского государства.

2. В основе первых древнерусских летописей лежали патриотические идеи самостоятельности и суверенности Киевского государства.

Возникновение русского летописания, отразившего древнейшее прошлое всей Русской земли, относится к княжению Ярослава Мудрого и связано с первыми попытками русских летописцев утвердить права Руси на церковную самостоятельность.

Крупнейшим центром летописания в XI и XII веках являлся Киево-Печерский монастырь, бывший очагом русского просвещения. Духовники монастыря стояли в оппозиции к константинопольскому патриарху.

В летописях монастыря передавалось содержание всех важнейших политических документов (международных договоров, завещаний князей, их крестоцеловальных и рядных записей, решений междукняжеских съездов). Составители русских летописей были образованными людьми, хорошо знавшими византийские источники, в частности хронику Георгия Амортолы, сочинения Мефодия Патарского и других писателей, скандинавские саги, образцы устной посольской и княжеской речи, материалы народного творчества и дружинной поэзии.

Для составления сводов использовались по мере их написания сказания и жития («Житие Владимира Святого», «Поучение блаженного Феодосия игумена печерского о казнях божьих», «Сказание о Борисе и Глебе» и др.).

Древнейший «Летописный свод 1039 года», написанный по заказу Ярослава, содержал идею равноправия и независимости Киевской Руси. При его составлении летописец стремился восстановить древнейшее прошлое Русской земли, установить по всем доступным ему памятникам, «откуда есть — пошла земля Русская».

Основной политической идеей киевских летописей являлось укрепление сильной княжеской власти в Киеве и подчинение других князей власти киевского князя во имя единства русского государства.

3. Наиболее развернутое изложение истории Русской земли с точки зрения господствовавшей политической идеологии дано в монументальной «Повести временных лет», созданной в конце XI — начале XII века.

Автором «Повести», по предположению большинства исследователей, был монах Киево-Печерского монастыря Нестор.

В начале летописи Нестор дает описание соседних с Русью и отдаленных стран, с тем чтобы обосновать место Киевской Руси в семье других народов. Летописец вспоминает Бактрию, Сирию, Аравию, Ливию, Ефиопию, Киликию, Памфилию, Кападокию, Меотиду, Сарматию, Сицилию, Лесбос, Агнянскую землю (Англию), Готланд, Галицию, Веньдице (Венецию), Хорватию и другие страны.

Среди всех народов мира летописец выделяет славянские племена и рассказывает об их расселении как в Средней, так и Восточной Европе.

После исторического введения о происхождении славян летописец переходит к вопросу об образовании русского государства.

Перед летописцем стояла задача преодоления теорий политической зависимости Руси. По этим теориям, которые распространялись первыми митрополитами на Руси — греками по происхождению, — Русь обязана была своим существованием Византии.

Чтобы нанести удар политическому влиянию Византии и внушить враждующим между собою русским князьям мысль о единстве их интересов, летопись отвергает византийскую теорию происхождения русского государства.

Следуя традиции средневековой историографии, согласно которой правящей династии приписывалось, как правило, иностранное происхождение, летописец включил в свод легенду о призвании варяжских князей. Эта легенда должна была, по мнению летописца, выполнявшего социальный заказ феодальной верхушки, подчеркнуть мнимое беспристрастие княжеской власти, а также доказать ее независимость от власти византийских императоров.

В то же время эта легенда была своеобразной попыткой оправдать эксплуататорское государство, изобразить его происхождение как результат добровольного соглашения, а не подавления народных масс феодалами. По смыслу сказания старейшины передают власть князьям в целях установления «порядка», то есть такого строя, при котором вся общественная жизнь подчиняется известным нормам («уставам» и «правдам»), предписываемым княжеской властью.

В «Повести временных лет» отразилась грозная международная обстановка той эпохи. В середине XI — начале XII века Киевская

Русь испытывала страшные, непрерывные удары кочевников, которые грозили самому ее существованию. Феодалные междоусобицы ослабляли Русскую землю в то время, когда враг постоянно появлялся у границ и вторгался в ее пределы.

«Повесть временных лет» осуждала княжеские междоусобицы, напоминала о внешней опасности, говорила о славе и величии родины, о необходимости ее единства.

В 1116 году «Повесть временных лет» была переработана по поручению Владимира Мономаха игуменом Михайлово-Выдубицкого монастыря Сильвестром. Описывая деятельность Владимира Мономаха, Сильвестр идеализировал его, защищал его политическую программу, направленную на изживание междоусобиц.

В летописи приведены обращения Владимира Мономаха к другим князьям с призывом обеспечить единство, необходимое для дружного отпора врагам, не губить Русскую землю раздорами.

Гордость за великое прошлое русского народа, призыв к единению князей, к защите границ русского государства и забота о его будущем составили идейно-политический стержень всей «Повести».

Авторитет «Повести временных лет» как политического произведения и исторического источника всегда стоял чрезвычайно высоко на Руси.

Последующие летописцы, как правило, начинали свой труд с летописи Нестора. «Повесть временных лет» сыграла значительную политическую роль и в тяжелые годы татаро-монгольского ига, пробуждая чувства русских людей и напоминая им о былом могуществе и независимости родины.

4. К XIII веку в древней Руси сложилась устойчивая традиция ведения летописей. В большинстве городов Киевского государства (Владимире, Новгороде, Пскове, Чернигове, Ростове Великом и др.) велось летописание, содержание которого определялось как особенностями местного характера, так и идеями, общими для всей Руси.

Летопись отобразила развитие классовой борьбы, а также княжеские междоусобицы. Летописец при составлении свода, выполняя волю князя, как правило, давал пристрастную оценку событиям и лицам. Летописцы в большинстве случаев отстаивали идею сильной княжеской власти. В соответствии с этим в летописях мы можем встретить выпады против вечового устройства. Хотя летописи в ряде случаев и признавали вече источником власти, но гораздо чаще летописцы резко осуждали вечевые порядки.

Летописцы стремились воздействовать на народ, призывая его к подчинению. В некоторых летописях содержатся обличения тех князей, которые своим чрезмерным произволом возмущают народные массы и способны вызвать восстание, проводится мысль, что первой обязанностью князей является «правду деяти на этом свете, в правде суд судити».

Идея божественного предопределения, столь характерная для «священного писания», проникает и в русские летописные своды. Все описываемые события (победы и поражения князей, восстания народа, нашествие степных орд), по мнению летописца, совершаются по «смотрению божию».

В то же время составители сводов стремились показать, что предопределение в судьбе человека не исключает его активной деятельности, и призывают представителей власти к тому, чтобы они неусыпно заботились о Русской земле.

В связи с наступлением со второй половины XII века периода феодальной раздробленности и ослаблением силы киевских князей, на севере России ввиду своеобразия развития процесса феодализации в новгородско-псковской земле, сложились благоприятные условия для возникновения Новгородской феодальной республики (1136—1478), а затем и самостоятельной Псковской феодальной республики (1348—1510).

После падения 6 декабря 1240 г. Киева и завоевания ордами Батыя русских княжеств как на северо-востоке, так и на Днепре, «Господин Великий Новгород» и его земли остались единственными частями Русской земли, не занятыми монголами.

Глава русских феодальных республик — Новгород много сотен лет властвовал над русским Севером и, опираясь на военную мощь жителей городских концов — ремесленников, охранял северо-западные рубежи русских земель.

Древнерусские феодальные республики (Новгород и Псков) являлись развитыми феодальными государствами. В политической литературе этих вечевых городов в пору их расцвета (XIV в.) были выражены республиканские идеи: защита выборности и подотчетности городскому вечевому собранию должностных лиц, обоснование верховенства вечевых порядков над княжеской властью.

Новгородская и псковская летописи XIII—XV вв. имеют свои особенности по сравнению с летописными сводами, написанными в Киеве. В них отразилась идеология масс посадского населения и сохранились картины напряженной классовой борьбы, кипевшей в северорусских феодальных республиках.

Народные восстания в Новгороде и Пскове обрисованы в ряде местных новгородских и псковских летописей с позиций защиты прав народных низов и обличения князей и бояр в несправедливости, алчности, жадности, ненасытности.

Многовековая борьба за сохранение старых рубежей Русской земли также получила яркое выражение в новгородском и псковском летописании.

Борьба народных масс Новгорода и Пскова против засилия князей и боярского городского патрициата нашла свое отражение и в замечательных памятниках права древнерусских республик (Новгородской и Псковской судных грамотах), а также житиях канонизированных церковью государственных деятелей этих республик.

Древнейшие новгородские летописные своды, которые носили антикняжеский характер и были проникнуты идеей защиты республиканских порядков, установившихся в Новгородской феодальной республике, до нас не дошли, и об их содержании мы можем судить по отдельным фрагментам и остаткам, обнаруживаемым в позднейших новгородских летописях и их последующих переделках.

§ 3. «Поучение» Владимира Мономаха

К числу памятников политической литературы древней Руси относится и «Поучение» Владимира Мономаха. В лице Мономаха (1053—1125), княжившего в Киеве с 1113 по 1125 год, Русская земля имела энергичного феодального князя.

Владимир Мономах с юных лет был свидетелем княжеских междоусобиц и раздоров, сильно ослабивших единство и мощь древней Руси.

В 1097 и в 1100 годах на междукняжеских съездах в Любече и Витичеве Мономах призывал князей к единению. В 1103 году он явился инициатором соединенного похода группы князей против половцев. Русские одержали тогда победу и на несколько лет ослабили напор кочевых народов на Русь.

Владимир Мономах защищал феодальные порядки, но с целью ослабления классовых противоречий и укрепления княжеской власти принимал отдельные меры, которые выглядели как защита широких масс народа.

В 1113 году в Киеве после смерти князя Святополка произошло восстание, в котором городские низы, эксплуатируемые боярами и ростовщиками, были поддержаны смердами близлежащих деревень.

Размах восстания был так велик, что феодальная знать и «степенные» люди, укрывшись в Софийском соборе, снарядили посольство к Владимиру Мономаху, который, став киевским князем, приступил к проведению мероприятий, направленных на успокоение народа.

Как феодальный князь Владимир Мономах не посягал на привилегии господствующего класса и ограничился снижением процентов, взимаемых ростовщиками по займам, и некоторыми облегчениями положения закупов.

За время княжения Владимир Мономах укрепил древнерусское государство. Он поставил в зависимость от себя князей, сидевших в менее значительных, чем Киев, городах. Во время его княжения укрепился международный авторитет и значение Руси.

Владимир Мономах оставил сыновьям завещание, известное под названием «Поучения».

«Поучение» представляет собой попытку определить программу государственной политики для сыновей Мономаха.

Обеспокоенный ростом народных волнений, связанных с усилением феодальной эксплуатации, Владимир Мономах рекомендует детям осторожную политику, которая способна была бы повысить авторитет княжеской власти.

«Всего же больше убогих не забывайте,—увещевает он детей,— но сколько можете, по силе, кормите и подавайте милостыню сироте, и вдовицу оправдывайте сами, а не позволяйте сильным погубить человека»¹.

Предостерегает он их и от жестокосердия в судебных делах и от неправосудных приговоров.

Воинское дело он считает основным занятием князя и уделяет в «Поучении» большое место описанию военных походов.

«На войну выйдя,— советует он детям,— не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питию, ни еде не потворствуйте, ни сну; сторожевую охрану сами наряжайте...»². Он рекомендует также наблюдать в походе за дружинниками-отроками и не допускать насилий над населением. Князь, по мнению Владимира, должен во все вникать, не давать себе «упокоя».

«Поучение», пронизанное заботой о величии Русской земли, об организации всех ее сил для борьбы с кочевниками, явилось своеобразным уставом княжеской жизни. Оно являлось также и воинским уставом, служившим князю в походе.

§ 4. Идея общерусского единства в «Слове о полку Игореве»

В условиях роста экономической и политической раздробленности попытки Владимира Мономаха сплотить воедино феодальную Русь не увенчались успехом. Бесконечные междоусобицы продолжались.

Развитие феодализма привело к распаду древнерусского государства на отдельные враждовавшие между собой уделы. Это ослабляло силу сопротивления Руси внешним врагам. Со второй половины XI века в летописях, былинах, в народном устном творчестве начинают громче звучать тревога за судьбу родины и скорбь по поводу тяжелых испытаний, выпавших на долю Русской земли.

Призыв к единению русских князей, к борьбе за независимость русского народа получил наиболее яркое выражение в создании древнего русского эпоса XII века—«Слова о полку Игореве», являющегося песней, проникнутой моментами героического характера³.

В 1185 году Новгород-Северским князем Игорем Святославовичем был предпринят неудачный поход на половцев. Этому походу, закончившемуся поражением и пленением князя Игоря половцами,

¹ «Повесть временных лет», ч. I, М.—Л., 1950, стр. 358.

² Там же.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

и было посвящено «Слово». Оно представляло собой патриотическое произведение, проникнутое обличительным пафосом, направленным против княжеских междоусобиц.

Автор ведет рассказ, сопоставляя великое прошлое Русской земли с печальным состоянием ее в период феодальной раздробленности. «Слово» говорит о борьбе против половцев, как о подвиге, который является общерусским делом. Походу Игоря сочувствует вся Русская земля, почему и действие «Слова» развертывается одновременно на всем ее огромном пространстве.

По определению академика Орлова, «героем «Слова» является «Русская земля», добытая и устроенная трудом великим в сего Русского народа»¹.

Несчастье и беды Игоревы войска «Слово» связывает с феодальными усобицами, с тем, что Игорь самонадеянно отправился в поход один. У князей вместо борьбы с погаными — междоусобицы; «...рекоста бо брать брату: «се мое, а то мое же». И начяша князи про малое «се великое» млѣвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а поганию съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую»².

Автор обращается к князьям, которые могли бы помочь зашедшему далеко в чужую землю храброму Олегову потомку: «Вступита, господина,— говорит он им,— въ злата стремена за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы...»³.

«Слово о полку Игореве» представляет, по характеристике Маркса, «...призыв русских князей к единению как раз перед нашепствием монголов»⁴.

Обращение, вложенное автором в уста великого князя киевского Святослава, оканчивается словами: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую...»⁵.

«Слово о полку Игореве» имело большое значение для пробуждения национального самосознания русского народа и получило отражение в ряде патриотических произведений русской литературы XIII—XV вв.

§ 5. Идея сильной княжеской власти и протест против боярства в «Молении Даниила Заточника»

Политическими и социальными мотивами пронизан и один из наиболее интересных памятников XII—XIII вв.— «Моление Даниила Заточника».

¹ А. С. Орлов, Слово о полку Игореве, Издательство Академии наук СССР, 1946, стр. 48.

² «Слово о полку Игореве», издательство «Советский писатель», 1938, стр. 34.

³ Там же, стр. 36.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 122.

⁵ «Слово о полку Игореве», издательство «Советский писатель», 1938, стр. 37.

Автор произведения (предположительно, один из феодально зависимых людей, страдавший от произвола крупных феодалов и находившийся в заточении) обращается к князю, как к носителю сильной государственной власти, который может сдержать произвол подчиненных ему феодалов и защитить Русь от внешних врагов.

Княжескую власть автор считает единственной силой, способной водворить порядок в стране.

Он рисует идеализированный образ мудрого князя, заботящегося о благе подданных: «Вода мати рыбам, а ты, княже, нам, людем своим... Земля плод дает обилия, дрeвеса оwoщ, а ты нам, княже, богатство и славу»¹.

Князь, по представлению автора «Моления» должен быть грозен не только для внешних врагов, но и для своих подданных.

Автор предостерегает князя против усиления значения его «думцев» (бояр): «Не корабль топит человеки, но ветр; тако же и ты, княже, не сам владеши, в печаль введут тя думцы твои»².

Автор «Моления» стремится обратить внимание князя не только на свои личные обиды от бояр, но и на необходимость защиты всех людей его княжества от боярского засилья.

Идеализация княжеской власти Даниилом Заточником очевидна. Все бедствия автор приписывает главным образом действиям бояр и чинов княжеской администрации. В «Молении» Даниил Заточник отстаивал идею сильного государя, могущего как сдержать напор внешнего нашествия, так и оградить своих подданных от злоупотреблений и насилий со стороны бояр.

§ 6. Отражение борьбы русского народа против монгольского ига в политической литературе XIII—XV вв.

1. Тема объединения русских земель, уничтожения феодальных междоусобиц и образования независимого и сильного русского государства получила яркое выражение в летописях, сказаниях и героических воинских повестях XIII—XV вв.

Битва на Калке (1224 г.) и последовавшее за нею опустошение части русских земель монголами явились величайшими бедствиями, которые привели летописцев и составителей русских исторических повестей того времени к мысли «о грозе божьей», ниспосланной на Русскую землю.

После похода хана Батыя, вторгшегося в Рязанское княжество и захватившего в декабре 1240 года Ростово-Суздальскую и Киевскую Русь, на 240 лет установилось тягчайшее монгольское иго. По выражению Маркса, оно оскорбляло и иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой.

¹ «Слово Даниила Заточника», СПб., 1889, стр. 41.

² Там же, стр. 39.

Победители установили режим систематического террора, разоряя русские земли. Они стремились путем устрашений обеспечить себя от возможных восстаний.

2. Нашествие монголов получило отражение в произведениях епископа Серапиона Владимирского (XIII в.).

Сочинения Серапиона Владимирского проникнуты идеей божественного предопределения, верой в «промысел божий»; в них отразилась реакционная политика русской церкви, вступившей в союз с монголами, примирявшейся с монгольским игом и призывавшей народ к смирению и покорности.

В опустошении русских земель монголами, по словам Серапиона, повинны сами русские, погрязшие в безверии и пороках, за что их и наказал бог. Притеснение слабых сильными, зависть, сребролюбие навлекли на них гнев божий.

Поучения Серапиона о татаро-монгольском нашествии отражают приспособленческую политику русского духовенства и иерархов русской церкви по отношению к монголам. В первом поучении, написанном вскоре по установлении ига, когда русская церковь притеснялась монголами, Серапион не видел предела «гневу божьему».

Во втором поучении, написанном после раздачи золотоордынскими ханами тарханских грамот духовенству, он уже обнадеживал своих слушателей, утверждая, что «гнев божий престанет... мы же в радости проживем в земли нашей»¹. В связи с этим Серапион исключает из последних поучений предсказание близкого конца мира.

Татаро-монгольское иго нашло отражение и в литературе Московского и Тверского княжеств, особенно в произведениях летописного характера. В исторических повестях Рязанского княжества также отразилась борьба русского народа против нашествия монголов. Сюда относится «Повесть о разорении Рязани Батыем».

В этой, по форме чисто военной, повести чувствуются мотивы «Слова о полку Игореве».

Повесть является одним из крупнейших патриотических произведений в литературе XIII века.

В ней осуждается поведение князя Юрия Всеволодовича Владимирского, не пожелавшего биться против монголов совместно с другими русскими князьями.

3. С конца XIV века, когда политика московских князей, направленная на собиране русских земель вокруг Москвы, принесла свои первые результаты и Москва стала значительным административным и культурным центром, появилось и московское летописание, основной темой которого становится идеологическая подготовка создания мощного русского централизованного государства.

¹ «История русской литературы», т. II, Издательство Академии наук СССР, 1945, стр. 47.

К этому времени летопись и исторические повести Московского княжества приобретают наибольшее значение в политической литературе древней Руси.

В Москву свяжутся областные летописные своды. Она становится центром русского летописания.

Усиление в конце XIV века интереса к историческому прошлому Русской земли в летописании и появление исторической повести, проникнутой патриотизмом, соответствуют подъему национального самосознания русских людей того времени. Идея единства Русской земли пронизывает общерусский летописный свод 1409 года, в котором освещались история борьбы отдельных русских княжеств между собой и борьба всей Русской земли с татарами. В качестве введения к своду переписана «Повесть временных лет».

Первое литературное произведение, написанное рукой московского летописца,— «Побоище Великого князя Дмитрия Ивановича на Дону с Мамаем» — посвящено Куликовскому сражению (1380 г.).

В начале XV века, когда перед современниками все более и более отчетливо вырисовывалось значение этого события, было составлено «Писание Софония старца-рязанца» под названием «Задонщина Великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Володимира Андреевича», известное в дальнейшем под сокращенным наименованием «З а д о н щ и н а».

«Задонщина» отражает завершение той линии, которой были посвящены летописи и исторические повести древней Руси домонгольского периода,— линии объединения распыленных сил русского народа. В «Задонщине» автор показывает, какие блестящие результаты дало объединение русских военных сил. Поход Дмитрия показан как кровное дело всего русского народа. Мысль о Москве как центре объединения русского народа проходит красной нитью по всему сказанию. «Славный град Москва» стоит во главе движения русского народа против завоевателей.

Во введении к «Задонщине» упомянуто тяжкое поражение, понесенное русскими от монголов на Калке, проведено противопоставление плачевного результата этого боя и победоносного итога Куликовской битвы.

«Туга и печаль», которые начались на Русской земле после поражения на Калке, противопоставлены бодрому настроению, когда Москва, объединив основные военные силы Руси, заставила «пганых повергнуть на землю орудия своя».

Между описанием Куликовской битвы в «Задонщине» и «Словом о полку Игореве» существует тесная идейная связь. Автор «Задонщины» противопоставляет раздираемую усобицами Русь, потерпевшую поражение от половцев, Руси объединяющейся, одержавшей победу над своим вековым врагом.

Вместо обращения ко всем князьям земли Русской, как в «Слове о полку Игореве», автор «Задонщины» обращается только к великому князю Московскому, который, как наиболее сильный из князей, являлся представителем Руси, объединившейся на Куликовом

поле под знаменем Москвы. «Стреляй, князь великий, со своею храброю дружиною Мамая (хановина) за землю Русскую, за веру христианскую. Замкни, князь великий, Оке-реке ворота, чтобы потом поганые к нам не ездили»¹.

Тема единства Русской земли, волновавшая составителя «Слова о полку Игореве», явилась центральной и для автора «Задонщины». Как и в Слове, в тексте «Задонщины» все русские города откликаются на поход Дмитрия: «Кони рьжут на Москве, звенит слава по всей земли Русской. Трубы трубят на Коломне, в бубни бьют в Серпухове, стоят стязи у Дону, у великого на брези»².

«Задонщина», как патриотическая повесть о блестящей победе объединенных русских земель над Ордой, увенчала собой творчество русского народа в период, когда объединение сил являлось основной задачей всей Русской земли. Высоко ценившаяся современниками «Задонщина» в различных своих редакциях вошла в большинство летописных сводов XV—XVII вв.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К., Письмо к Ф. Энгельсу 5 марта 1856 г., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, с. 122.

Источники

«Слово о полку Игореве», М., Издательство Академии наук СССР, 1950.
«Повесть временных лет», ч. I—II, Издательство Академии наук СССР, 1950.

Дополнительная

Лихачев Д. С., «Общественно-политические идеи «Слова о полку Игореве», «Труды отдела древнерусской литературы», т. VIII, 1951.

Будовниц И. У., «Памятник ранней дворянской публицистики (Моление Даниила Заточника)», «Труды отдела древнерусской литературы», т. VIII, 1951.

Будовниц И. У., «Изборник» Святослава 1076 года и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли, «Труды отдела древнерусской литературы», т. X, 1954.

¹ «Воинские повести Древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 40.

² Там же, стр. 39.

ГЛАВА VI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

§ 1. Политические учения в странах Закавказья. § 2. Политические учения в странах Средней Азии. § 3. Политические учения арабского Востока

§ 1. Политические учения в странах Закавказья

1. Феодальные отношения стали складываться в странах Закавказья, на территории современной Грузии, Армении, Азербайджана, еще в IV—VI вв. н. э. Крупные землевладельцы закрепощали свободные крестьянские массы, на что крестьянство отвечало восстаниями против своих угнетателей.

Христианская церковь в этой борьбе выступала в качестве орудия идеологического подавления трудящихся, освящая и идейно поддерживая феодальную эксплуатацию. Поэтому антифеодальные движения были направлены против церкви и религиозных догматов, облекались, как и в странах Европы, в форму ересей.

Передовые мыслители закавказских народов выдвигали учения, не зависящие от богословия, нередко преисполненные критического отношения к догматам веры (Патрадзе, Давид Анхатх и др.).

Идеологи крестьянских масс открыто выступают против феодального строя и формулируют ряд еретических учений.

Там, где господствовал ислам, антифеодальные выступления также сопровождаются критикой господствующего вероучения.

В первой половине IX века в Азербайджане возникает крупное антифеодальное движение. Это было восстание Б а б е к а, которое шло под лозунгом восстановления старых общинных порядков, от-

мены феодальной эксплуатации и господствующей религии — ислама. Восстание было поддержано городскими низами, и для его подавления халифату, господствовавшему в то время в странах Закавказья, пришлось двинуть свои вооруженные силы.

В IX веке в Армении возникла ересь тондракийцев, выражавших чаяния крестьянских масс в их борьбе против феодальной эксплуатации. Под лозунгами тондракийцев развернулось широкое крестьянское движение, сопровождавшееся рядом восстаний и перекинувшееся за пределы Армении.

Зачинателем этого движения был С м б а т З а р е а в а н с к и й, мыслитель, хорошо знакомый с философией и богословием, обучавшийся в Византии и Иране. Странствуя по Армении, он проповедовал свое учение и приобрел немало последователей. Центром пропаганды ереси стало селение Тондрак, по имени которого и было названо движение.

Тондракийцы отвергали церковные обряды, веру в загробную жизнь и божественность Христа, настаивали на демократизации церкви. Они проповедовали общность имущества и организацию жизни на общинных началах.

2. Значительной вехой в истории литературы народов Закавказья является замечательное произведение гениального грузинского поэта Ш о т а Р у с т а в е л и — поэма «Витязь в тигровой шкуре». Творчество Руставели относится к правлению царицы Тамары (XII в.), когда феодальная Грузия, простиравшаяся вместе с вассальными владениями от Черного до Каспийского моря, достигла значительного могущества и высокого уровня развития культуры.

В своих политических взглядах Руставели остается защитником современного ему феодального государственного строя. Он одобряет ту политическую форму, которая существовала в его время в Грузии, — централизованную монархию с феодальной курией при царе, с отношениями сюзеренитета-вассалитета, связывающими феодалов между собой.

Царь — полноправный глава государства, приказы которого являются законом для подданных: «Будь готов ты первым делом выполнять приказ царей». Дидебулы-сановники, окружающие царя, говорят ему: «Будем мы тебе покорны; твой приказ для нас закон».

Руставели — поэт и идеолог феодальной аристократии. Народные массы не участвуют в его произведении. Однако отдельные, вскользь брошенные слова раскрывают его любовь к народу.

Поэма Руставели отражает свободное от религиозных принципов, жизнерадостное, гуманистическое миросозерцание.

Руставели воспеваает верность данному слову, преданность друзьям, храбрость, щедрость, правдивость, патриотизм и ополчается против лжи, трусости, измены, лести. Он призывает своих героев «служить правде». Он убежден в том, что «зло недолговечно, а добро живет века».

«Будь силен в борьбе с врагами, защищай родной предел»,— говорит Руставели. С особой силой обрушивается Руставели на измену и вероломство: «Не жалея добра для верных, вероломным— смерть удел». Он высоко расценивает искреннюю, верную дружбу: «Справедливейшая надпись есть в Китае на горах: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг!»

При этом Руставели проповедует дружбу различных народов, не допуская преимущества одних перед другими.

3. Передовые взгляды выражал гениальный поэт-мыслитель феодального Азербайджана Низами Ганджеви (1141—1203). В своих поэмах Низами осуждал насилия шахов и феодалов, угнетение, которому подвергался народ, призывал правителей к гуманному обращению с трудящимися: «Насилие — зло,— поучает Низами,— тебе же лучше, если ты обласкаешь райатов (крестьян)». «Насилие — разрушитель царства». «Вечное счастье (или могущество) лишь от неугнетения».

Правитель не должен допускать несправедливости и произвола. «Царство становится устойчивым от правосудия. Дела твои устроятся твоим же правосудием». Но, призывая шахов к гуманности, Низами позднее отказывается от своих надежд на справедливого монарха и говорит о том, что все монархи похожи друг на друга и одинаково несут народу лишь насилие и гнет.

В поэме «Искандер-намэ» Низами изображает идеальное общество, где нет монархов, где осуществлено не только политическое, но и имущественное равенство, где все помогают друг другу и никто не знает бедности. «Никогда мы не опасаемся воров,— говорят про себя граждане этого общества.— нет у нас в городе воеводы, в деревне — караульных... Нет у нас в домах замков и запоров, нет сторожей при коровах и овцах... На золото и серебро мы не льстимся, и никому оно не нужно». «В государстве этом нет судов, его граждане не ведут войны, не льют крови». Низами провозглашал равенство рас: «И белый, и черный — все дети земли; эфиоп — черный, как железо, у него черна кожа, но чиста душа!»

4. Значительным явлением в развитии законодательства и правовой мысли Закавказья является творчество армянского монаха Мхитара Гоша (умер в 1213 г.), автора «Басен», составителя судебника, известного под названием «Судебника Мхитара Гоша», применявшегося в различных странах, населенных армянами, вплоть до XIX века.

Мхитар Гош предпослал «Судебнику» введение, в котором выдвигает идеи естественного права, придавая богословскую форму своему учению о праве. Гош говорит, что естественные законы даны богом человеческой природе и существуют вечно, независимо от воли и сознания людей. Эти законы раскрываются в обычаях.

По природе человек — существо свободное, но так как земля и вода закреплены за царем и князьями, то неизбежно возникает феодальная зависимость для всех, кто нуждается в земле и воде. У Гоша не возникает сомнений относительно правомерности такого порядка

вещей, правомерности феодальной эксплуатации. Действующее феодальное право не нарушает, таким образом, по мысли Гоша, вечных, неизменных «естественных» законов. Однако он вовсе не склонен был видеть оправдание всех феодальных насилий в религиозных представлениях о божественном законе, как это делали многие средневековые юристы в Западной Европе. В «Судебнике» Гоша звучит призыв не выходить за пределы того, что установлено обычаем, при взыскании возложенных на крепостных повинностей, не допускать несправедливости по отношению к крепостным, быть умеренным, определить точную меру повинностей.

5. Усиление крепостнической эксплуатации, рост ремесел и торговли в городах привели к обострению противоречий в армянском феодальном обществе. Бедствия трудящихся усугубились завоеванием монголов, которому Армения подверглась в первой половине XIII века. Тяжелое положение крестьянства и городской бедноты отражено в стихотворениях армянского поэта Ф р и к а, жившего в конце XIII — начале XIV века.

Поэт сравнивает князей с волками, которых бог поставил править людьми. Выражая настроения трудящихся масс, он высказывает сомнение в справедливости порядка, установленного богом на земле, и призывает к созданию лучшей жизни для бедняков.

Фрик — прогрессивный мыслитель, заявляющий протест против поработителей и угнетателей народа.

О бедственном положении крепостного крестьянства в XIII—XIV вв. повествует и ученый-монах Григор Татеваци (1346—1409) в своей «Книге проповедей»¹. Он клеймит ненасытную жадность князей, осуждает их неумеренные поборы, говорит о нищете и разорении крепостных. Однако он, как и Мхитар Гош, не подвергает никакому сомнению правомерность феодального строя и феодальной иерархии. Напротив, феодальная лестница, с его точки зрения, это естественное, божественное установление. Он протестует лишь против того, что является, по его мнению, злоупотреблением феодальным правом, и призывает феодалов к умеренности, советует им воздерживаться от чрезмерных поборов, ограбления крестьян, влекущего их разорение, возмущение и бегство с насиженных мест.

Общество Григор Татеваци рассматривает как организм, в котором каждый индивид имеет свое, определенное ему назначение. Сеньоров он уподобляет душе, крепостных крестьян — телу организма. Если тело нуждается в голове, заявляет он, то и голова нуждается в теле. Отсюда он делает вывод, что феодалы в собственных интересах должны заботиться о благополучии крестьян, задача же духовенства, по его мнению, состоит в том, чтобы удерживать феодалов от крайностей, убеждать их не злоупотреблять данною им властью.

¹ См. С. А р е в ш а т я н, Социально-политические воззрения Григора Татеваци, «Известия Академии наук Армянской ССР» № 11, 1955 г., стр. 59—73.

Касаясь вопросов права, Григор Татеваци говорит, что законы установлены людьми и, если они перестают соответствовать своему назначению, люди вправе их изменять, приспособлять законодательство к потребностям времени. Законы должны применяться разумно, они должны служить «общему благу», ибо законы существуют для человека, а не человек для законов. Татеваци протестует против произвола и насилий феодалов, против невежества и взяточничества судей, извращающих законы и допускающих беззакония.

Чтобы сделать законодательство более совершенным, Татеваци считал необходимым участие дворянства и духовенства в образовании законов. Закон должен быть выражением «общей» воли, а не произвола единоличного правителя. Однако в соответствии со своими феодальными представлениями писатель исключает простолюдинов из числа тех, кто должен участвовать в установлении законов. В этих требованиях относительно порядка создания законов, а также в осуждении распрей и междоусобиц князей нельзя не видеть одобрения политической централизации страны и положительного отношения к зачаткам сословного представительства.

§ 2. Политические учения в странах Средней Азии

1. В Средней Азии феодальные отношения стали складываться с V века. В этот период уже выделилась землевладельческая аристократия, закрепощавшая крестьянство. Классовая борьба приняла уже в V веке самые острые формы.

В конце V века в Средней Азии развернулось широкое крестьянское движение, вождем которого был М а з д а к. Исходя из господствовавших в Иране представлений о борьбе двух начал в мире — доброго и злого, Маздак оспаривал правомерность феодальной земельной собственности и заявлял, что частная собственность на землю явилась следствием действия злого начала в мире. Он призывал крестьян захватывать имущество богачей и делить его между собой.

В VII веке началось завоевание среднеазиатских территорий арабами, завершившееся в первой половине VIII века. Завоеватели ввели налог на сельское хозяйство — «харадж», достигавший трети урожая и даже более. Гнет завоевателей, усугубивший гнет местной аристократии, резко ухудшил положение крестьян и городской бедноты. Трудящиеся поднимают ряд восстаний. Из них особенно крупным было восстание, развернувшееся в 70-х годах VIII века под руководством ремесленника из города Мерва Хашим-Ибн-Хакима, по прозвищу М у к а н н а (что означает — «находящийся под покрывалом»). Это движение было направлено против господства арабов и против ислама, к которому склонялась местная знать. В общественно-политических взглядах восставших воспроизводились основные положения маздакизма.

Мусульманское духовенство в борьбе с передовыми идеями, враждебными религиозному мировоззрению ислама, поощряло мисти-

цизм и религиозный фанатизм. Оно широко использовало в этой борьбе особенно в XIII—XIV вв. реакционное мистическое течение суфизма, а позднее — возникшее в XIV веке в Бухаре течение юрицизма. Юрицизм — это наиболее реакционное, агрессивное направление в исламе, пропагандировавшее нетерпимость к иноверцам и призывавшее к захватническим войнам в интересах феодальной верхушки мусульманских стран.

2. Выдающимся мыслителем народов Средней Азии был родоначальник узбекской литературы Алишер Навои (1441—1501). Навои жил во второй половине XV века, когда обширная империя Тимура распалась и когда между его потомками шла борьба за отдельные ее части. Он родился в Герате, столице Хорасана, жил и работал, кроме Герата, в Самарканде и Мешхеде. В то время обычным литературным языком Средней Азии был иранский или арабский. Навои предпочитал писать на родном узбекском языке и положил начало литературе своего народа.

Алишер Навои выступает как передовой деятель и мыслитель своей эпохи, как поборник просвещения, обличая ханжество и лицемерие духовенства, подвергая сомнению отдельные догматы религии, веру в загробную жизнь.

Навои, принадлежа по своему происхождению к феодальной знати и занимая одно время видный пост при дворе правителя Хорасана, не поднимал своего голоса против феодальной эксплуатации и феодальной монархии. Однако он бичевал произвол и насилия правителей, призывая феодалов умерить свой нажим на крестьянские массы, и объявлял задачей правителей служить интересам народа. Далекий от идей народоправства, Навои рисовал образ просвещенного монарха, заботящегося о благе народа и о развитии культуры, питая, таким образом, иллюзии насчет возможности перерождения восточного деспотизма.

Монарх, по словам Навои, должен быть строгим и непреклонным, величественным и щедрым, страшным для злодеев и врагов страны. Царь должен заботиться о подданных, «на страже стоя всенародных благ». Царь — «тень бога на земле»; он — помощник бога, разделяющий все его свойства. Подобно богу, он милосерд, «целитель он, но и воитель он, и мститель он». Царь — источник милостей и наказаний.

Навои бичует властителей, живущих в роскоши и пороках за счет грабежа народа. В их дворцах «ткань ковров из душ людских свита, в рубин и пурпур кровь перелита, за счет народа позолота здесь...». Пируя по ночам, властители днем гнетают обездоленных людей: «...насилые выпускают из ворот и грабят для своих пиров народ. И свозят все, что удалось собрать, и начинают снова пировать».

Таким образом, уже в XI—XV вв. в странах Средней Азии возникли передовые общественные и политические идеи, имевшие серьезное значение в борьбе с религиозным феодальным учением ислама.

§ 3. Политические учения арабского Востока

В VII веке вследствие разложения первобытно-общинного строя, ускоренного быстрым развитием товарно-денежных отношений, образовалось арабское государство (халифат), в короткое время расширившее свои пределы и установившее господство арабов на обширных территориях Передней и Средней Азии, Северной Африки и Юго-Западной Европы (Пиренейский полуостров).

В этом большом государстве высоко развито было городское ремесло, широкий размах получила торговля, значительных успехов добились наука во всех ее отраслях и искусство.

Высокого уровня развития в странах, входивших в состав арабского халифата, достигла философская мысль. У ряда философов обнаруживаются материалистические тенденции, хотя и в непоследовательной и нерешительной форме (Ибн-Баджа, Ибн-Рошд).

Из мыслителей, останавливавшихся на вопросах общественно-политических, наиболее значительными являются И б н - Б а д ж а и И б н - Х а л ь д у н .

И б н - Б а д ж а родился в Сарагоссе в конце XI века, жил в Севилье и Гренаде, позднее занимал высокий пост в Африке при дворе Альморавидов.

Это был передовой мыслитель, враждебный мистике, считавший задачей человека нравственное и умственное совершенствование. Враги упрекали Ибн-Баджа в том, что он пренебрегает священными книгами, занимается одними только математическими науками и не верит в загробную жизнь.

Свои взгляды Ибн-Баджа изложил главным образом в «Образе жизни одинокого». Ибн-Баджа рисует образ идеального государства, в котором не будет надобности ни во врачах, ни в судьях. Врачи не будут нужны потому, что люди не будут допускать излишеств в пище, а судьи — потому, что отношения людей будут основаны на любви, исчезнут угнетение, споры, коварство, не будет нарушения законов и обычаев.

Мудрецы («одинокие») — чужие в семье и в обществе, которое их окружает. Мысленно они пребывают в идеальной республике, которую Ибн-Баджа объявляет их родиной.

Путь к установлению совершенного государства для Ибн-Баджа лежит не через внешние преобразования, а через совершенствование отдельных людей. Ибн-Баджа не считает обязательным для «одиноких» уединение — мудрецы должны поддерживать общение с другими людьми. Но они должны чувствовать себя в несовершенных государствах гражданами будущего государства, как бы ростками, элементами идеального государства.

Ибн-Баджа, таким образом, проповедует пассивное отношение к несовершенствам существующего общественного и политического строя. Он заявляет, что мудрец, сознавая недостатки общественного и политического устройства, не должен быть активным участ-

ником политической жизни, стремясь достигнуть идеала личным совершенствованием.

Историк И б н - Х а л ь д у н (1332—1406) — автор обширной истории арабов, персов, берберов и других народов. Во вводной части своего произведения («Моккадама») Ибн-Хальдун стремится вскрыть закономерности общественного развития, в особенности влияние климата и почвы на нравы и учреждения людей, пытается показать развитие семьи и форм государства.

В своей идеалистической концепции исторического развития он в основном повторяет положения, высказанные еще Аристотелем в его «Политике» относительно значения географических условий, форм правления и некоторых других сторон жизни общества для его развития.

Государство Ибн-Хальдун рассматривает как следствие присущих людям естественных свойств, заявляя, что люди в отличие от других живых существ испытывают потребность в установлении власти и правительства. Изображая государство как организацию, полезную для всех граждан, он утверждает, что объединение людей служит целям их взаимопомощи и возникло для совместного добывания средств существования. Монархию он объявляет формой, соответствующей природе человека, и в качестве политического идеала отстаивает сильную монархическую власть.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

М а р к с К., Британское владычество в Индии, М а р к с К., Э н г е л ь с Ф., Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, с. 303—309.

Источники

Ш о т а Р у с т а в е л и, Витязь в тигровой шкуре, Гослитиздат, 1953.

Н и з а м и Г., Избранные произведения, М., 1947.

Н а в о и А., Избранные сочинения, М.-Л., 1948.

Дополнительная

Б е р т е л ь с Е. Э., Низами, М., 1956.

М а к о в е л ь с к и й А., Прогрессивные общественно-политические и философские идеи в произведениях азербайджанского поэта-мыслителя Низами Ганджеви, «Известия Академии наук Азербайджанской ССР», 1953, № 12.

ГЛАВА VII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (XV — XVII вв.)

§ 1. Общая характеристика общественно-политического строя русского централизованного государства в XV—XVII вв. § 2. Вопрос о независимости русского государства; теории суверенитета государственной власти в политической литературе XV—XVI вв. § 3. Средневековые ереси XV—XVI вв. в России как выражение протеста против усиления феодальной эксплуатации. § 4. Политические учения сторонников централизованного государства. § 5. Политические учения сторонников феодальной реакции. § 6. Политическая идеология времени шведско-польской интервенции. § 7. Прогрессивная идея воссоединения украинского народа с русским в едином централизованном государстве. § 8. Теории нарождающегося абсолютизма конца XVII века в России. § 9. Политическая идеология крестьянских восстаний в XVII веке

§ 1. Общая характеристика общественно-политического строя русского централизованного государства в XV — XVII вв.

Создание русского централизованного государства было обусловлено серьезными изменениями в экономике России. С конца XV по первую половину XVI века завершается процесс объединения вокруг Москвы русских земель, что явилось благоприятным фактором для дальнейшего развития экономических связей между отдельными частями страны, оживления товарно-денежных отношений, роста городской жизни. Не только Москва, но и ряд других городов становились центрами ремесленного производства, оживленными пунктами обмена.

Развитие товарно-денежных отношений и расширение обмена изделий ремесла на продукты сельского хозяйства опирались на подъем

производительных сил в сельском хозяйстве, установление трехпольной системы севооборота, повышение производительности труда и интенсификацию эксплуатации феодально зависимого крестьянства.

На место старых форм феодального землевладения — княженицких и родовых боярских вотчин, в которых господствовали натуральное хозяйство и архаические формы ренты, выдвигается новая форма землевладения — поместье, даваемое царем помещику-дворянину за несение военной службы. С конца XV века поместная система получает повсеместное распространение.

Внутри класса феодалов шла ожесточенная борьба между теми группами, которые поддерживали дело создания централизованного государства, и теми, которые стремились сохранить старые порядки.

Церковь, владевшая значительными землями и обогащавшаяся путем захвата новых земель и организации на них крупных монастырских хозяйств, поддерживала «великих государей всея Руси», но требовала (устаи своих высших иерархов) неприкосновенности церковных имуществ.

Помещики-дворяне составляли в этот период основную группу феодалов, на которую опиралась царская власть, борющаяся за преодоление остатков удельной старины, централизацию управления, организацию единой царской казны и общего войска, унификацию судебной системы и права.

Большое значение для ускорения процесса образования русского централизованного государства имел и внешний фактор, так как интересы обороны от нашествия внешних врагов «...требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»¹.

Большинство населения (крестьянство, жители городов, мелкие и средние феодалы) видело спасение как от феодальных междоусобиц, так и от внешних врагов в сильной великокняжеской или царской власти, которая могла бы объединить Русь.

Объединению русских земель противились только удельные князья и значительная часть боярства, видевшие в процессе усиления централизованной власти угрозу своим обширным земельным владениям и боявшиеся лишиться своих привилегий.

Возвышение Московского княжества и первая значительная победа русского оружия над Золотой Ордой, одержанная под знаменами Москвы на поле Куликовской битвы, имели решающее значение для объединения разрозненных русских земель.

Русское централизованное государство сложилось при Иване III (1462—1505), первом «великом государе всея Руси». При нем произошли наиболее крупные изменения в общественно-политическом строе, была укреплена великокняжеская власть, сломлено сопротивление удельных князей. В 1480 году Русь ликвидировала остатки монгольского ига. Иван III делает успешные попытки заменить

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 34.

устаревшую дворцово-вотчинную систему управления организацией «приказов». В 1497 году был составлен единый для всего русского государства Судебник.

В конце XV века Россия вступила в оживленные дипломатические отношения с Польшей, Австрией, Венгрией, Швецией, Персией, Молдавией, Грузией и другими странами.

Время образования централизованного государства являлось периодом общего подъема культуры в России и расширения ее международных связей. Экономическое и политическое развитие как в Западной Европе, так и на Руси шло в XV—XVI вв. в направлении образования централизованных государств, что создало благоприятную почву для восприятия идеологами борющихся классов отдельных идей реформационного движения.

Ликвидация уделов, расширение прав царской власти и реорганизация Боярской думы, складывание системы приказного управления вели к умалению значения старой родовой боярской знати, постепенно лишавшейся своего бывшего экономического могущества и политического влияния.

К 50—60 годам XVI века рост товарно-денежных отношений, развитие ремесла и увеличение количества городов обусловили возможность дальнейшего усиления центральной власти. Проведение финансовой, судебной, военной и поземельной реформ вызвало крайнее обострение борьбы между дворянством, выходящим на первое место в государстве, и родовитым боярством, терявшим свои привилегии.

Выделение в центральном управлении дворцового ведомства и развитие приказов сопровождалось выдвижением незнатных и «худородных людей». Губная реформа передала следствие и суд по делам о разбое и душегубстве в руки выборных из дворян, что повышало их значение и политическое влияние на местах.

Судебники 1497 и 1550 годов были направлены на укрепление господства феодалов и закрепощение крестьян. Создание разветвленной системы приказного управления содействовало большей централизации органов власти.

Присоединение Сибири, разгром шведско-польской интервенции, воссоединение с Украиной способствовали ускорению процесса образования общенационального рынка. Крупные вотчинные хозяйства отдельных представителей феодальной знати начинают производить продукты сельского хозяйства и ремесла в целях сбыта. Торговые предприятия наиболее богатых купцов охватывают своими операциями многие областные рынки, связывая их воедино.

В экономике феодального общества произошли крупные сдвиги: появилась мануфактура, намечается образование всероссийского единого рынка.

В. И. Ленин отмечает: «... новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием...» областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это

«...вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹.

Рост экономических связей и объединение местных рынков в единый национальный рынок протекают одновременно с процессом консолидации русской народности и образования русской нации.

Ко второй половине XVII века создаются предпосылки для организации абсолютной монархии.

Жесточайшее крепостническое законодательство конца XVI и XVII века вначале отменило право крестьян на переход от одного владельца к другому («Указ о заповедных годах» 1580 г.), затем установило сроки сыска беглых (указы 1597 г.) и, наконец, прикрепило крестьян к земле («Уложение» 1649 г.).

Противоречие между господствующим классом феодалов и крестьянством, характерное для феодального общества, в этот период обостряется еще более. Классовая борьба угнетенного крестьянства и посадского населения получает свое выражение в вооруженных восстаниях и других массовых социальных движениях. В области идейно-политической борьбы наблюдается рост критики феодальных порядков.

Народное творчество создает ряд сатирических произведений: «Повесть о ерше», «Служба кабаку», «Повесть о попе Савве», «Повесть о Шемякином суде», наполненных едким сатирическим содержанием, высмеивающих бояр, купцов и попов.

Развитие экономики России в XVII веке, перестройка аппарата государственной власти и дальнейшее обострение классовых противоречий приводят к появлению теорий, защищающих необходимость создания и укрепления абсолютной монархии.

§ 2. Вопрос о независимости русского государства; теории суверенитета государственной власти в политической литературе XV — XVI вв.

1. Борьба Руси за соби́рание всех русских земель и нерусских народов, нуждавшихся в защите от набегов с Востока и направляемой Ватиканом агрессии с Запада, проходила наряду с укреплением единой и централизованной государственной власти.

Притязания римского папы на господство в «христианском мире», служившие идеологическим обоснованием многовековой агрессии рыцарей Тевтонского ордена против славянских народов, а также народов Прибалтики, получили в XV веке отпор со стороны сторонников возвышения Москвы.

Флорентийская Уния 1439 года, по которой византийский император Иоанн Палеолог (1425—1448), желая получить поддержку

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

феодалных государей Западной Европы в борьбе с турками, согласился на подчинение православной церкви римско-католической, вызвала негодование в Москве.

В заключении этой Унии участвовал и русский митрополит Исидор, но она не была признана русской церковью. В силу своего растущего могущества Москва могла не считаться с теми дипломатическими соображениями, которыми руководствовались византийские императоры, соглашаясь на унижительную Унию.

Для борьбы против экспансионистских устремлений католической церкви понадобилось создание политической теории, которая утверждала бы самостоятельность русской церкви. Ощущалась потребность и в создании теории о суверенных правах московского государя как главы независимого государства.

Произведением, обосновывающим теорию независимости русской церкви и государства, явилась «Повесть о Флорентийском соборе» Симеона Суздальского, содержащая представление о преемственности власти московских князей от византийских императоров.

Автор повести считал, что история возложила на «великого государя всея Руси» обязанность защиты православия во всем мире. Право русских царей ставить на митрополию в Москве представителей русского духовенства он признавал безусловным и неоспоримым.

Политическая теория, развитая в «Повести о Флорентийском соборе», утверждает независимость русской церкви. Русский государь по этой теории как преемник византийских императоров объявлялся главою всех православных во всем мире. Тем самым он получал право рассматривать свою власть как полученную непосредственно «от бога».

В «Повести о Флорентийском соборе» высказаны идеи, которые вскоре были более полно развиты в политической теории «Москва — третий Рим».

В XV—XVI вв., когда еще была жива память о тяжелых годах зависимости Москвы и всей Русской земли от золотоордынских ханов, в целях возвеличения московских государей и укрепления их власти составляются родословные. К концу XV века относится известное «Сказание о князех Владимирских», в котором русские государи объявляются преемниками римского императора Августа. По сказанию, брат Августа — князь Прус сел править на Висле. Сюда-то к племени пруссов и пришли новгородские послы выбирать себе князя и нашли Рюрика, происходившего «от рода Римска Августа царя».

Знаки царского достоинства русских князей, по версии составителя Сказания, от Константина Мономаха достались князю Владимиру Всеволодовичу. «И с того времени, — повествует составитель, — князь Владимир Всеволодович наречется Мономах, царь великия России... Оттоле и доньне тем царьским венцем венчаются великии князи владимерстии, его же прислал греческий царь Кон-

стантин Мономах егда поставятся на великое княжение российское»¹. Сказание подчеркивает и преемственность власти московских князей от Киева, выводя генеалогию Владимира, Ярослава и других киевских князей «от царского рода».

Теория «Москва — третий Рим», возвеличивавшая авторитет Москвы и призванная обосновать правомерность борьбы, которая велась за сплочение русских земель, сложилась в XVI веке в Пскове.

В Новгороде и Пскове во время образования русского государства шла ожесточенная борьба между представителями интересов широких народных низов, посадского населения и купечества, стоявших за подчинение Москве, и боярством, опасавшимся усиления Москвы и ориентировавшимся в борьбе с нею на иноземцев.

Церковь не оставалась безучастной к этой борьбе. Значительная часть церковников не разделяла сепаратистских стремлений бояр и поддерживала идею создания сильного русского государства.

Одним из влиятельных политических писателей XVI века был псковский монах Филофей. Его политическая теория проникнута библейскими мотивами богоизбранности народов и преемственности царств. В кратком виде она сводится к следующему: все происходящее в мире определяется и совершается по воле божьей — божьей волей возводятся на престол цари, воздвигаются, возвеличиваются и разрушаются царства.

Филофей утверждает, что судьбы человечества определяются «божественным промыслом». Вся история есть история трех мировых царств. Когда погибнет третье царство, наступит конец мира. Два царства уже прошли эпоху процветания, а затем разрушились и пали. Пал ветхий Рим, пал новый Рим — Константинополь, пал именно потому, что изменил православию. С падением второго Рима единственным покровителем православной веры остался русский царь в Москве.

Москва, по Филофею, есть богоспасаемый град. Москва — последнее мировое царство, третий Рим.

В заключении послания к великому князю московскому Василию Филофей возвращается к основной идее своего послания и выражает ее в следующей форме: «Глаголю ... внемли благочестивый царю яко вся христианская царства снidoшася в твое едино, яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти, уже твое христианское царство инем не останется...»².

Политическая теория «Москва — третий Рим», облеченная в религиозную форму, поднимала авторитет Москвы и великих московских князей и тем самым сыграла известную роль в объединении русских земель. Однако проповедь «вселенской монархии»,

¹ «Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв.», Учпедгиз, 1947, стр. 228.

² В. Малнин, Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания, Киев, 1901, приложение, стр. 54—55.

вытекавшая из этой теории, была отвергнута московскими князьями, не претендовавшими на мировое господство.

2. Большое политическое значение в борьбе за укрепление русского централизованного многонационального государства имели теории суверенитета царской власти.

Теории государственной власти конца XV и середины XVI века имели характерную для того времени религиозную окраску.

Во времена монгольского завоевания феодальная церковь сумела не только остаться крупнейшим землевладельцем, но благодаря покровительству монголов стала независимой от светской княжеской власти.

По мере централизации русского феодального государства и успешного хода борьбы с Золотой Ордой церковь должна была все более считаться с возрастающей силой власти великих московских князей, так как она могла рассчитывать на сохранение своих владений, только выступая в союзе с великокняжеской властью. Однако «государи всея Руси» Иван III, Василий III, а вслед за ними и Иван IV с неудовольствием смотрели на обширные церковные владения, так как московские правители испытывали острую нужду в свободных землях для наделения поместьями растущего дворянства. В связи с этим Иван III охотно прислушивался к «еретическим» утверждениям тех, кто обличал алчность церкви.

В то же время русские государи нуждались в освящении церковью их борьбы против удельных князей. Церковь, владевшая огромным количеством земли и крепостных, также испытывала потребность в поддержке централизованной власти. В связи с этим церковные теории оправдывали укрепление и усиление царской власти, но в то же время обосновывали независимость духовенства от царской власти в церковных делах и отстаивали неприкосновенность церковных и монастырских имуществ.

Одним из теоретиков сильной государственной власти явился игумен Волоколамского монастыря Иосиф Санин (Волоцкий) (1440—1515), известный политический и церковный деятель конца XV и начала XVI века.

По теории царской власти, проповедуемой Иосифом Саниным, власть дана царю от бога. Бог избрал царей как наместников своих на земле. В соответствии с этим учением Санин считал власть царя по отношению к его подданным неограниченной. «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть вышнему богу»¹, — поучает он в своих сочинениях.

Проповедь божественной по своему происхождению и ничем не ограниченной «в миру» царской власти сочеталась у Санина с назидательными поучениями царям по поводу их «пастырских» обязанностей к подданным и к церкви.

¹ М. К о в а л е н с к и й, Московская политическая литература XVI века, СПб., 1914, стр. 65.

Под пастырскими обязанностями царя Санин подразумевает запрещение какой-либо критики церковных порядков и беспощадное гонение еретиков, что находилось в непосредственной связи с оживлением еретических движений на Руси в XV—XVI вв. Царская власть должна была оказать самую деятельную поддержку церкви в накоплении богатств, в строительстве монастырей, а также охранять и поддерживать ту феодальную эксплуатацию, которая осуществлялась церковью по отношению к зависимым от нее людям и к монастырским крепостным крестьянам.

Одновременно Санин требует отказа царской власти от посягательства на церковную собственность. Он говорит, что царь, который простирает руку на церковные земли, «не божий слуга, но дьявол, и не царь, но мучитель»¹.

Теория Иосифа Санина должна была скрепить союз светской власти с духовной. Необходимость в поддержке церкви заставила русских царей в тот период воздержаться от конфискации церковного и монастырского имущества, возможность которой так пугала русских церковников XVI века.

Утверждение Иосифа Санина о божественном происхождении царской власти обосновывало подчинение удельных князей власти московского государя как «помазанника божия» и сыграло свою роль в укреплении централизованной власти. Призывы Санина к некоторым ограничениям царской власти, связанные с попытками Ивана III отобрать у церкви часть ее земельных богатств, прекратились после церковных соборов 1503—1504 гг., на которых между иосифлянами и царем было достигнуто соглашение о взаимной поддержке.

§ 3. Средневековые ереси XV—XVI вв. в России как выражение протеста против усиления феодальной эксплуатации

1. В русском государстве, как и в других феодальных государствах, антифеодальные движения долгое время облекались в религиозную форму. Усиление тяжести феодальной эксплуатации неминуемо должно было породить протест народных масс, а критика феодальных общественных отношений была невозможна без критики официальной церкви, поскольку сама церковь защищала и освящала феодальный строй.

Местом, где зародились антифеодальные ереси на Руси, являлись северно-русские феодальные республики, имевшие сложное и развитое классовое общество. Новгород и Псков являлись крупными ремесленными и торговыми центрами с многочисленным посадским населением.

Основное классовое противоречие феодального общества, противоречие между феодалом и зависимыми от него земледельцами,

¹ М. К о в а л е н с к и й, Московская политическая литература XVI века, СПб., 1914, стр. 60.

дополнялось в Новгородской земле противоречием между «черными людьми» города (ремесленниками, подмастерьями, мелкими торговцами, повольниками) и боярским патрициатом.

Взрывы классовой борьбы, потрясавшие здание новгородской феодальной республики, сопровождались развертыванием идейно-политической борьбы.

В ходе этой борьбы критике подвергались не только богатства бояр, землевладельцев и ростовщиков, но и доходы Софийского владычного дома и стяжательская деятельность монастырских верхов.

Тяжесть феодального гнета и жестокая эксплуатация труда феодально зависимых людей возбуждали негодование народных масс, которое проявлялось в области идеологии в «религиозных сомнениях» — ересях и в критике феодальных порядков.

Одной из наиболее ранних по своему происхождению городских ересей была ересь стригольников. Эта ересь, выражавшая отрицательное отношение народных масс к представителям феодальной церкви, возникла в Пскове в XIV веке и быстро распространилась в Великом Новгороде, а затем и в других городах русского государства.

Городское население Новгорода, состоявшее главным образом из ремесленников, страдало от боярского засилья и долговой кабалы. Здесь ересь нашла особенно благоприятную почву для распространения. Отправным положением еретического учения стригольников явилось отрицание права церкви взимать деньги за обряд посвящения в священнический сан («поставленье по мзде»), что вскоре привело к отказу признавать право церковников на взимание платы за совершение обрядов.

Стригольники отрицали духовную иерархию, не признавали монашества, тайную исповедь, считали ненужным построение церквей и часовен, говоря: «всевышний не в рукотворных храмах живет», защищали право мирян на организацию отдельных общин со своим упрощенным богослужением. Подвергали сомнению стригольники целесообразность заупокойных молитв и других церковных обрядов. Критически углубляясь в евангельские тексты, еретики отрицали церковную литературу и каноны, создав собственную литературу («на помощь ереси своей»).

Отрицание церковной иерархии и обрядов, острая критика «стяжательской церкви», призыв к возрождению идеалов раннего христианства, получивших отражение в писании, производили глубокое впечатление на широкие массы населения. Ересь глубоко укоренилась в народных массах, составляя существенный и характерный момент той революционной оппозиции, которая постоянно поддерживалась «черными людьми» и была направлена против засилья духовных и светских феодалов.

Причиной возникновения ереси стригольников были социальная дифференциация городского населения Новгорода и Пскова и классовая борьба посадских жителей (торговцев, ремесленников,

наймитов и других плебейских элементов города) против феодалов, за сохранение «городских вольностей».

Ересь стригольников охватывала как основные массы посадского населения, для которых программа прощения церкви и ее обмирщения соединялась с лозунгом «дешевой церкви», так и наиболее обездоленные слои городского населения, подчеркивавшие в ней наиболее радикальные моменты (проповедь раздачи имущества ближним и другие уравнивательные принципы).

В силу особенностей русских городов и ремесленно-торговых центров XIV—XV вв. ересь стригольников не отделила ересь бюргерского содержания от крестьянско-плебейской ереси, приходившей к наиболее радикальным выводам в критике феодального строя.

Стригольничество давало идейную основу для сопротивления феодалам посадских жителей Новгорода и Пскова и сыграло поэтому прогрессивную роль в развитии антифеодального движения на Руси.

Стригольничество, носившее характер гуманистического движения, закономерно укоренилось в тех русских городах, которые по своей материальной и духовной культуре, общественному быту и политическому устройству были наиболее развиты в XV веке.

2. В конце XV и XVI веке в связи с общим ростом городов и посадского населения во всех частях Русской земли борьба «черных людей» города с феодалами обострилась. Усложнение социального состава русского феодального общества сопровождалось усилением феодальной эксплуатации зависимых людей как в городе, так и в деревне.

В процессе складывания и развития централизованного государства церковь обогатилась в результате получения новых земель в местах, присоединяемых к Москве, за счет земель удельных князей, а также за счет монастырской колонизации. Рост церковного землевладения и сосредоточение богатств в руках церковников, выступавших на стороне царской власти, вызывали критические нападки на церковь как со стороны защитников старины, противившихся централизации, так и со стороны демократических слоев посадского населения.

В конце XV века в Новгороде появилась довольно сплоченная группа еретиков. Новые «вольнодумцы» опирались на хорошее знание астрономии своего времени, а также церковно-полюемической и иной литературы и стремились использовать свои знания для нападков на церковь.

Ересь, нападавшая на земельные богатства церкви, вскоре проникла в Москву, где получила признание и распространение среди приказных людей, а также московских купцов.

В отличие от новгородских московские еретики в принципе не отрицали необходимость церкви; они обратили острие своих высказываний в основном против монастырского землевладения, обосновывая возможность конфискации части церковных земель царской властью.

Как отмечено выше (см. § 2), Иван III, конфисковавший во время присоединения Новгорода (1478 г.) значительную часть земельных владений, принадлежавших новгородскому владыке, воздерживался от дальнейших конфискаций лишь под давлением иосифлян. Поэтому он некоторое время охотно прислушивался к дьяку Федору Курицыну и другим еретикам, однако на конфликт с крупными церковниками, поддерживавшими его в борьбе со староудельными порядками, решиться не смог. На церковных соборах 1503 и 1504 годов как новгородские, так и московские еретики были по требованию иосифлян осуждены и вскоре казнены.

3. О проникновении ересей в самые различные слои русского общества в XVI веке свидетельствует выступление боярского сына Матвея Башкина, внесенного в 1550 году в «избранную тысячу» дворян, наделенных поместьями под Москвой.

Матвей Башкин, начитавшись еретических книг, составленных московскими еретиками XVI века ¹, пришел к выводу, что сущность истинной религии заключается в словах евангелия: «возлюби ближнего как самого себя». Вопреки этой заповеди, говорил своим собеседникам Матвей Башкин, мы держим у себя людей в неволе. Про себя же Матвей Башкин говорил, что он всех холопов освободил и они служат у него по доброй воле.

В 1553 году Матвей Башкин поделился своими соображениями с духовником Ивана IV протопопом Сильвестром, стоявшим близко к царю, был обвинен в ереси, осужден церковным собором и приговорен к пожизненному заключению.

4. Как и в Западной Европе в период Реформации, еретические учения в древней Руси охватывали не только посад с его ремесленниками и мелкими торговцами, а также мелкопоместное дворянство, но и социальные низы города и деревни.

Еретиком, выразившим взгляды наиболее угнетаемой части эксплуатируемых феодалами народных масс, давшим наиболее резкую критику феодальных отношений, был беглый холоп одного из московских служилых людей Феодосий Косой.

Убежав от своего господина в Белоозерский край, Феодосий принял иночество и вместе с другими беглыми холопами, принявшими монашество, стал распространять свое еретическое учение.

Взгляды Феодосия Косого приближались к атеизму и к отрицанию феодального государства.

Восставая против догмата церкви о бессмертии души, Феодосий Косой спрашивал: «Что есть сие еже умрет человек? Не умирают ли рыбы великие в море и гады и киты також птицы небесные,

¹ См. отрывок из книги «Еллинский летописец» (приписка Ивана Черного), опубликованный в книге А. Е. В и к т о р о в а, Каталог славяно-русских рукописей Д. В. Пискарева, М., 1871, № 162. (Фотокопия листа летописца помещена в книге Н. А. К а з а к о в о й, Я. С. Л у р ь е «Антифеодальные еретические движения на Руси», Издательство Академии наук СССР, 1955 г., стр. 277—280).

звери и львы и слоны великие на земле. Вся та создания божия якоже и человек».

Феодосий отрицал догмат троицы и считал Христа простым человеком. Феодосий называл церкви «кумирницами», а иконы идолами («иконы бо якоже и идолы, очи им писани»), отрицал поклонение кресту, молитвы, посты и другие обряды. Поричал Феодосий и жития святых, составленные церковниками, указывая, что поскольку никакой загробной жизни нет, не может быть и чудес ни от мощей, ни от икон. Феодосий Косой подверг острой критике попов, с особенной ненавистью отзываясь о игуменах монастырей, епископах и других духовных феодалах, причастных к делу организации монастырских хозяйств и вотчин, причем критика им иерархов русской церкви переросла в призыв к неповиновению всяким властям («не подобает же в христианах влаstem быти»).

Критика Феодосием Косым основных положений, выдвигаемых официальной церковью в защиту феодальной эксплуатации, привлекала сердца простых людей.

Учение Феодосия Косого широко распространялось среди феодально-зависимых людей Белоозерского края, вскоре о нем узнали в Москве. Арестованный и отданный под суд еретик бежал из места заключения в Литву со своими единомышленниками-монахами Вассианом и Игнатом и здесь, сняв монашескую рясу, долгие годы успешно распространял свои критические взгляды на церковь.

§ 4. Политические учения сторонников централизованного государства

1. В конце XV и начале XVI века окончательно сложилось русское централизованное государство. Присоединение к нему Новгорода и Пскова ускорило дальнейшее развитие поместной системы и выдвижение средних феодалов—дворян, владевших поместьями на праве держания, обязанных своим возвышением царской власти и являвшихся на военную службу к царю «конно, людно, оружно».

Ликвидация границ между уделами способствовала возрастанию городов, развитию ремесла, увеличению количества посадского населения, процветанию торговли. Пошлины, вносимые посадским населением и купцами в царскую казну, становятся важнейшим источником дохода русского государства. С середины XVI века начинается периодический созыв Земских соборов.

Относительная прогрессивность взглядов идеологов централизованного государства по сравнению со взглядами защитников удельной раздробленности не исключала крепостнического содержания их идеологии. Крепостное право в России развивается в неразрывной связи с процессом укрепления феодального государства. «Великие государи всея Руси» были жестокими крепостниками,

и перестройка феодального государства сопровождалась изданием сугубо крепостнических законов.

Основным политическим вопросом середины XVI века был вопрос об уничтожении остатков феодальной раздробленности.¹

Защитниками старых порядков являлись княжата и бояре, обладавшие огромными вотчинами. Они приходили на войну с отрядами своих «слуг». В Боярской думе царь был окружен могущественными феодалами — врагами сильной царской власти и противниками прогрессивного дела централизации.

Необходимо было ослабить боярство, без чего дальнейшее укрепление государства было невозможно. Значительное же ограничение экономической и политической силы крупных феодалов было возможно лишь при выдвигении и укреплении дворянства.

2. Виднейшим русским публицистом XVI века был Иван Пересветов, в лице которого дворянство нашло защитника своих интересов. Политическая программа Пересветова изложена в его сочинениях: «Сказание о Магмет-салтане», «Сказание о Петре воеводе волоском», большой и малой «челобитных», поданных им царю Ивану IV, и других произведениях.

Выходец из Литовского княжества, мелкопоместный дворянин Пересветов много лет находился на военной службе в Литве, Польше и Венгрии. Попав в составе дипломатического посольства в Молдавию, Иван Пересветов встретился здесь с выходцами из Московии и возымел желание выехать в Россию для службы русскому царю. В 1539 году Пересветов выехал из Литвы в Россию и тотчас же обратился к царю с предложением использовать его боевой опыт в изготовлении подвижных «гусарских щитов». Его услуги были приняты, он получил поместье и вступил в ряды служилых дворян.

В 1549 году он подал царю сперва написанные им «книжицы» с «малой челобитной», а затем «большую челобитную», в которых изложил план широких государственных преобразований.

Большинство конкретных предложений, выдвинутых Пересветовым, касалось таких вопросов, как дальнейшее возвышение царской власти и умаление власти бояр, реорганизация центрального и местного управления, отмена кормлений и создание единой казны, образование сильной, боеспособной армии, подчиненной непосредственно царю, проведение судебной реформы и издание судебных, уничтожение холопства.

Все эти преобразования не затрагивали основы феодализма — отношений между землевладельцем-феодалом и зависимым от него крестьянином.

Политический идеал Пересветова — сильное централизованное феодальное государство с царской властью во главе. Царь, опираясь на воинов-дворян и на город, должен смирить непокорных бояр, создать гибкий и послушный его воле центральный и местный государственный аппарат, очистить суд от мздоимства, дать всему госу-

дарству правый и скорый суд на основе единых судебных книг, поднять военную мощь государства путем организации подчиненной ему армии, упорядочить фиск и организовать свою, государеву казну. В ходе этих преобразований государство должно разрешить назревшие задачи внешней политики.

Возвышение царской власти и слом сопротивления бояр Пересветов считал необходимым условием проведения предлагаемых им мероприятий. Выражая отрицательное отношение к крупным вельможам и боярам, Пересветов говорил о них, как о людях, которые «сами богатеют и ленивеют, а царство оскужают»¹.

Бояре, по Пересветову, угнетают волости и города, «богатеют от слез и крови хрестыанской». В военном отношении царь на бояр положиться не может: они «крепко за веру хрестыанскую не стоят и люто против недруга смертною игрою не играют тем богу лгут и государю»².

Они ограничивают власть царя и у царя счастье и мудрость отнимают и «мысль царскую отъимают»³. В «Сказании о царе Константине» Пересветов ссылается на пример Константинополя, захваченного турками в 1453 году. По словам Пересветова, основной причиной гибели Константинополя является «засилие вельмож» при последнем византийском императоре Константине. С исключительной для своего времени смелостью Иван Пересветов рисует картины боярского засилья.

Вельможи царя Константина, оставшегося, по словам Пересветова, как и Иван IV, на троне малолетним в возрасте трех лет, все царство его «измытарили и бедами сцепили неправыми суды и особную брань во царстве том учинили»⁴.

Вместо того, чтобы помогать царю, вельможи «сипели друг на друга яко змии»⁵ и заботились только «о кормлениях и о городех и о наместничестве аки голодные псы»⁶. В результате засилия вельмож, с которыми царь не мог управиться, царство Константина оскудело, и, так как в нем не было правды, турки его покорили.

Для того чтобы Русь избежала судьбы греческого царства, по мнению Пересветова, бояр следует «огнем жеши и иные лютые смерти им давати, чтобы лихо не множилось»⁷.

Пересветов писал, что преодолеть сопротивление бояр царь может только с помощью служилых дворян — воинов, на которых царь должен опираться в борьбе с внутренними и внешними врагами.

¹ И. Пересветов, Сочинения, Издательство Академии наук СССР, М.— Л., 1956, стр. 174 (тексты подготовлены А. А. Зминым).

² Там же, стр. 174, 175.

³ Там же, стр. 205.

⁴ Там же, стр. 166.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 179.

⁷ Там же, стр. 178.

Пересветов рекомендует царю «воинникам имена возвышати и сердца им веселити, и жалования из казны своя государевы прибавливати, и иным воинникам сердца возвращати и к себе их близко припущати и во всем им верити, а жалобы их послушати во всем и любить аки отцу детей своих»¹.

Принципу знатности и древности крови, которым родовитые бояре обосновывали свои претензии на первое место в государстве, Пересветов противопоставляет принцип личных заслуг перед царем и государством: «у царя кто против недруга крепко стоит, смертную игрою играет, и полки у недругов разрывает и царю верно служит хотя от меньшого колена и он его на величество поднимает и имя великое дает»².

В соответствии с конкретными условиями политической борьбы XVI века И. Пересветов требует, чтобы царь расправился с изменниками самым суровым образом и царство свое держал «в грозе». При этом Пересветов с одобрением ссылается на пример турецкого царя «Магмет-салтана», которого он называет «мудрым» и «правым» правителем, обуздавшим вельмож.

Усиление власти царя и расправу с вельможами И. Пересветов считал необходимыми для введения в царство «правды» и «мудрости». В соответствии с задачами времени под введением мудрости он подразумевал прежде всего ограничение власти наместников и приведение всех органов власти, всех должностных лиц в зависимость от центра. Царь Магмет-салтан, наставительно сообщает Пересветов, «велел со всего царства все доходы к себе в казну имати, а никому ни в котором городе наместничества не дал вельможам своим для того, чтобы не прелщалися, неправдою бы не судили и оборочил вельмож своих из казны своя царской кто чего достоинт»³.

Пересветов уделяет много внимания критике неправого суда наместников. Он выступает с требованием установления единого суда для всего государства со сбором судебных пошлин в казну. Царь должен дать суд «во все царство»⁴ и «присуд имати к себе в казну для того чтобы судьи не искушались и неправдою не судили бы»⁵.

Требование проведения судебной реформы подкреплялось указанием на необходимость очищения судов от мздоимцев и беспощадной с ними расправы и обновления всего судебного аппарата с посылкой царских судей во все города и дачей им новых судебных книг «по чему им правити и винити»⁶.

Большое место уделяет Пересветов проекту военной реформы. Его идеалом является навербованное из служилых людей, предан-

¹ И. Пересветов, Сочинения, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 33 (тексты подготовлены А. А. Зиминым).

² Там же, стр. 158.

³ Там же, стр. 152.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 155.

ное царю войско, которое «с коня не сседает, николи же и оружия из рук не испущают»¹.

Наибольшая мудрость заключается, по мнению Пересветова, в организации и укреплении сильного войска: «Царь же турский умудрился на всяк день 40 тысяч янычан при себе держать гораздых стрелцов огненныя стрелбы»². Новое войско «с огненным боем» должно быть обеспечено царским жалованием, соблюдать устав и беспрекословно повиноваться царю и назначенным им «мудрым» начальникам.

Выступая с критикой пережитков старофеодального времени, Пересветов восстает против полного, а также «кабального» холопства, в сети которого попадали отдельные захудавшие дворяне. Однако Пересветов не касался вопроса о положении крестьян и считал их эксплуатацию естественной. Критика института холопства Пересветовым не имела ничего общего с критикой его Феодосием Косым.

Требую уничтожения холопства, Пересветов всего-навсего стремился освободить феодальное государство от одного из пережитков старины, ставшего ненужным.

В лице Ивана Пересветова поднимающееся дворянство и служилые люди, возвысившиеся вследствие «таланта и выслуги», получили своего идеолога. Программа преобразований, выдвинутая Пересветовым, затронула основные вопросы политической борьбы между князьями и боярами, защищавшими удельно-вотчинные порядки, с одной стороны, и царской властью, опиравшейся на дворянство, — с другой.

3. Политическая теория суверенной царской власти нашла своего защитника в лице И в а н а IV Г р о з н о г о.

Свои взгляды на самодержавную власть Иван IV изложил в переписке с князем Курбским, в письмах к одному из своих опричников Василию Грязному, попавшему в плен к крымским татарам, в послании в Кирилло-Белозерский монастырь.

Грозный отстаивал идею неограниченной царской власти, ее нераздельности и «богоустановленности». Он считал, что все его предки обладали полнотой самодержавной власти, и потому настойчиво проводил мысль о преемственности своих самодержавных прав.

Всякая мысль об умалении царской власти решительно отвергается Грозным. Ограничение власти царя феодалами, по мнению Грозного, приводит к междоусобицам в государстве.

Феодальная сущность политических взглядов Ивана IV раскрывается и в том, как царь смотрел на своих подданных. Рассматривая подданных как своих холопов, Иван IV безусловным правом царя считал право распоряжаться их жизнью и смертью. «А з божию помощию имеем у себя всевод множество и опричь вас

¹ И. Пересветов, Сочинения, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1956, стр. 155 (тексты подготовлены А. А. Зиминным).

² Там же, стр. 156.

изменников. А жаловати есмя своих холопов вольны, а и казнити вольны же»¹, — заявляет Иван IV Курбскому.

Социально-экономический смысл такого политического мероприятия, как опричнина, Иван Грозный усматривал в разгроме бояр — государевых врагов — ревнителей старины, в воздействии террором на крестьянские массы, постепенно лишавшиеся в XVI веке своих старых крестьянских вольностей и прикреплявшихся феодалами к земле, и в решении других задач, связанных с укреплением централизованного феодального государства.

Подвергая разгрому родовые вотчины княжат, стоявших в оппозиции к царю, опричнина расправлялась жестоко с врагами царя, физически уничтожая их без пощады. В то же время происходила расправа опричников с горожанами и крестьянским населением, что наглядно показывает феодальную и антинародную сущность царской власти, которую опричнина призвана была усилить и охранять.

Иван IV выступал против теократических теорий и, отстаивая идеи суверенитета царской власти, считал недопустимым вмешательство церкви в дела светской власти: «Не подобает священником царская творити». «Ино же святительская власть, ино же царское правление»².

Выступление Ивана Грозного против теократических притязаний духовенства, проведенная им борьба за регламентацию прав церкви и подчинение ее царской власти, наряду с разгромом родовой боярской знати, содействовали укреплению централизованного феодального государства.

4. Развитие ремесла, увеличение числа городов и развитие товарно-денежных отношений порождают необходимость изменений в механизме государственного управления. Разрешение важнейших вопросов государственной жизни в этот период было немыслимо без поддержки царской власти со стороны дворянства и посадского люда. В политической литературе получают свое выражение идеи сословного представительства. В документе, озаглавленном «И н о е с к а з а н и е...», автор защищает мысль о необходимости периодического созыва Земского собора.

Царь, решая вопросы войны и мира, принимая и изменяя законы, должен, по мнению автора, созвать «единомысленный вселенский совет».

Созвав Земский собор с представителями дворянства, посада и «лучших» земских людей, царь должен, по мнению автора «Иного сказания...», «на всяк день» совещаться с ними «о всяком деле мира сего».

«Иное сказание...» является памятником политической литературы XVI века, свидетельствующим о росте значения городов и посадского населения в жизни страны.

¹ «Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 50—51.

² «Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951, стр. 27.

§ 5. Политические учения сторонников феодальной реакции

1. Как отмечено выше, развитие феодальных отношений, поддерживаемых и освящаемых церковью, вызвало появление на Руси еретических движений. Одновременно церковь подвергалась критике и со стороны идеологов феодальной, боярской реакции, стремившихся подрвать силы церкви, которая поддерживала царскую власть в борьбе с пережитками феодальной раздробленности. Эта феодальная, боярская реакция нашла свое отражение в идеологии нестяжательства.

На почве массового разорения крестьянства и нещадной эксплуатации феодально зависимых людей в конце XV и начале XVI века усилилось бегство крестьян на окраины русского государства — за Волгу, на Каму, в Вятку, на Север, куда еще не достигала жадная рука феодала.

Развитие монастырской колонизации на Севере и в других районах России сопровождалось обогащением церковных верхов (игуменов, келарей, казначеев), которые зачастую вели праздную жизнь и презрительно относились к постриженникам из народа, заставляя их работать на себя. В силу этого отдельные чернецы не уживались в монастыре и уходили из него в отдаленный скит, выражая тем самым пассивный протест против стяжательских тенденций церковно-монастырских верхов и неволью становясь на путь критики праздности и суеты, господствовавших среди представителей церкви.

Наметившееся среди монахов-отшельников критическое отношение к церкви и духовенству содержало осуждение установившихся порядков. Оно имело своей основой протест низов, выраженный в пассивной форме ухода от общественной жизни и идеализации патриархальной жизни на лоне природы, и поэтому было реакционным по своей сущности.

Выступления против официальной церкви усилились после того, как царская власть стала применять насильственное пострижение в монахи как метод расправы с наиболее влиятельными и опасными княжичами и боярами. Не имея возможности открыто бороться против централизации русского государства, бояре, против своей воли надевшие чернецкую рясу, использовали идеологию насельников уединенных скитов и их критику неустройств церкви и пороков духовенства для того, чтобы продолжить борьбу с царской властью.

В результате в церковных кругах в XV—XVI вв. образовалось два борющихся между собой идейных течения.

Защитники официальной, «стяжательской» церкви назывались иосифлянами по имени своего главы Иосифа Волоцкого (см. § 2 настоящей главы).

Против централизованной государственной власти выступала вторая группа церковников, отстаивавшая старинные феодальные порядки. Эта группа протестовала против погони церковников-«стяжателей» за мирскими богатствами, боролась с ростовщической

практикой церкви и ее стремлением увеличивать свои земельные владения. «Нестяжатели» считали, что владение большими богатствами лишает церковь независимости, делает ее подчиненной царской власти.

Видным идеологом «нестяжателей» был сын поселянина Нил Сорский (Майков) (1433—1508), принявший монашество и основавший свой скит на реке Соре (за Волгой).

Первоначально проповедь Нила Сорского ограничивалась пассивным осуждением «сребролюбия» и других «мирских страстей» и призывом «бежать от мира» с его «злосмрадием». Однако под влиянием насильственно постриженного в монахи Иваном III князя Василия Ивановича Патрикеева — Вассиана Косого Нил Сорский и другие «заволжские старцы» втянулись в борьбу, которая шла вокруг вопроса о церковно-монастырском землевладении. Осуждая «сребролюбие» монахов и «стяжательство» монастырей, Нил Сорский выступил на соборе 1503 года с требованием, «чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием»¹. Потерпев поражение на соборе 1503 года, «нестяжатели» не прекратили своей борьбы против «стяжателей» — иосифлян. В частности, они возражали против жестоких репрессий, которым после соборов 1503—1504 гг. были подвергнуты новгородские еретики.

Обличая церковное «стяжательство» и эксплуатацию крестьян на церковно-монастырских землях, Нил Сорский, Вассиан Косой и другие «нестяжатели» не были, однако, противниками феодальной эксплуатации вообще. Тяжелое положение крестьян в боярских вотчинах не только не было объектом их критики, но даже, наоборот, приукрашивалось. Их борьба была направлена только против централизованной церкви, поддерживавшей царскую власть, и велась с позиций реакционного боярства.

К числу «нестяжателей» относился и публицист-церковник Максим Грек (1480—1556), один из монахов Афонского монастыря, прибывший в Россию для исправления священных книг.

Сочинения Максима Грека подытоживали выступление «нестяжателей» с их реакционными политическими идеалами, защитой всеильного боярства, вотчинного землевладения и политического строя, при котором власть царей была ограничена боярством. Выступление «нестяжателей» носило реакционный характер, отражая вражду родовитого боярства к прогрессивным переменам, которые происходили в русском государстве.

Использование боярами идеологии старцев, уходивших от мира в далекие скиты, и проповедь «нестяжательства» по существу означали попытку организации независимой от царской власти церкви, которая могла бы обеспечить сохранение старых порядков в интересах княжат и представителей боярской знати.

¹ А. С. Архангельский, Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, 1882, стр. 33.

2. Во второй половине XVI века, при Иване IV, борьба между царской властью и боярами еще более усилилась. Реформы Ивана IV, укрепившие централизованную власть, встретили сопротивление боярства.

В 1564 году, во время Ливонской войны, после поражения под Оршей бежал в Литву князь Курбский. Изменник послал царю письмо, в котором нападал на его внутреннюю политику, обвиняя Грозного в том, что он правит не по старине и истребляет бояр и княжат.

Курбский выступил защитником старобоярских порядков. Идеалом его был царь, который советовался бы во всем с мудрыми вельможами и был бы ограничен во власти их советом, без которого он не мог бы принимать важных решений. При этом «право совета», предоставленное царем своим вельможам, должно было дополняться «правом отъезда» в случае недовольства боярина царем.

Царь, по мнению Курбского, должен считаться с боярами как «светлыми князьями земли русской» и сохранить их феодальные вольности и льготы, а не запырять свое царство «аки адову твердыню»¹. Осуждая боярское засилье, которое наблюдалось во время малолетства Ивана IV, Курбский в то же время всячески идеализирует «Избранную раду» и считает, что именно ее деятельность обеспечила проведение реформ 50-х годов и победу русских войск под Казанью. Курбский протестует против казней знатных бояр и выдвигания Грозным «худородных людей».

Курбский сочувственно относился к «нестяжателям» и выражал порицание иосифлянам, так как не мог примириться с защитой ими сильной царской власти.

Политические идеалы Курбского как защитника отживших порядков были реакционны. В них получила свое выражение антинародная программа защитников старины.

§ 6. Политическая идеология времени шведско-польской интервенции

1. К концу XVI века внешнеполитическое положение русского государства было напряженным. Большую остроту приняли внутренние противоречия. Закрепощение крестьянства и нещадная эксплуатация его светскими и духовными феодалами вызвали массовое бегство крестьян на окраины. 25-летняя Ливонская война (1558—1583) еще более усилила бедствия и страдания народных масс.

Центральные и северные области Русской земли обезлюдели, голод 1601 и 1603 годов привел к массовому бегству крестьян из местностей, подвергшихся этому бедствию. Восшествие на престол самозванца (1606 г.) и измена кучки бояр, продавшихся интервентам, создали угрозу независимости русского государства. Неудачная

¹ «Русская историческая библиотека», т. 31, стбц. 135.

политика боярского царя Василия Шуйского, передача им северо-западных русских городов шведским войскам, занятие Москвы польскими панами поставили русское государство в крайне тяжелое положение.

Спасение Русской земли в тяжелые годы испытаний стало делом широких народных масс.

Стремление освободить Москву породило могучее народное движение, которое привело к полному разгрому интервентов.

Значительную роль в деле освобождения Русской земли от интервентов сыграли население самой Москвы, волжские города, и прежде всего Нижний Новгород, в котором народное движение было возглавлено земским старостой Козьмой Мининым, сумевшим вместе с князем Дмитрием Пожарским собрать народное ополчение и привлечь в него черносошное крестьянство.

Грамоты, принятые на вечевых собраниях всего посадского населения городов, вступивших между собой в тесное общение для спасения Русской земли, являются замечательными историческими памятниками патриотического подъема, охватившего русских людей.

Идея «промысла божьего», характерная для политических произведений XII—XVI вв., вытесняется представлением, что вершителем судеб Русской земли является сам народ.

2. Характерной чертой памятников публицистики времени борьбы с интервентами являются разоблачение бояр-изменников и обличение тогдашней правящей верхушки в отсутствии у нее заботы о спасении Русской земли.

Исторические повести XVII века — «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Новая повесть о преславном русском государстве», «Сказание Авраамия Палицына», «Плач о пленении и конечном разорении Московского царства» — обличают предательскую роль бояр, сотрудничавших с интервентами, и порицают слабое национальное самосознание феодальных верхов.

Подъем национального самосознания, имевший место во время борьбы с интервентами, породил идею необходимости избрания нового царя «всей землей». Ни один из крупных деятелей того времени и ни один из политических писателей не мыслил себе изменения традиционной формы государства, ограничиваясь провозглашением права народа, то есть Земского собора, включающего в себя представителей большинства сословий, участвовать в избрании царя.

Сочетая мысль о верховном праве народа на избрание царя с традиционными понятиями о «божьем усмотрении», политическая литература этого времени ищет выход из противоречия, выдвигая принцип: «глас народа — глас божий», и утверждая, что именно бог внушает мысль народу об избрании нового царя.

Таким образом, борьба русского народа с интервентами способствовала дальнейшему развитию русской политической мысли.

§ 7. Прогрессивная идея воссоединения украинского народа с русским в едином централизованном государстве

Прогрессивное значение для исторических судеб русского и украинского народов, «... столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹, имело воссоединение Украины с Россией. Украинский народ тяжко страдал под гнетом польских феодалов, подвергался набегам со стороны турок и крымских татар и изнемогал в героической, но неравной борьбе за независимость. Соединившись навеки с русским народом, он спас себя от порабощения и сохранил свою национальную культуру.

Идея неразрывного и кровного родства и общности исторических судеб русского и украинского народов никогда не умирала в широких народных массах и подкреплялась воспоминаниями о единой древней Руси, бывшей колыбелью русского, украинского и белорусского народов. Эти идеи проявились с особой силой в XVII веке, когда над Украиной нависла угроза полного порабощения, утраты своей независимости и гибели самобытной культуры украинского народа.

Многовековое развитие экономики, политических и культурных связей России и Украины неизбежно вело к укреплению их дружбы и закономерно завершилось их воссоединением в едином централизованном русском государстве.

Народно-освободительная война украинского народа против национального и социального гнета поработителей захватила все слои населения и выдвинула замечательных военных руководителей и народных героев (Богун, Нечай, Кривонос), поднимавших народные массы на борьбу за освобождение, за воссоединение Украины с Россией.

Деятельность и политическая программа Богдана Хмельницкого, возглавившего борьбу народа за освобождение и воссоединение с Россией, представляют собой замечательный пример того, как вековые надежды и чаяния народных масс могут отразиться в сознании и делах великих людей своего времени.

Будучи выдающимся дипломатом, Богдан Хмельницкий сумел использовать противоречия в лагере врагов и привести украинский народ к воссоединению с Россией.

Предложение о воссоединении было единодушно поддержано в Москве Земским собором 1653 года, решения которого отразили патриотические стремления русского народа. Успешно ведшиеся переговоры закончились постановлениями Переяславской Рады (1654 г.), закрепленными союзным договором, по которому Украина присоединилась к русскому государству. Земский собор в Москве единодушно высказался за оказание помощи братскому украинскому народу.

Союз украинского и русского народов оградил границы Украины от жестоких врагов. Народные массы Украины давали отпор

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 74.

противникам этого союза (Выговский, Брюховецкий, Мазепа), рассматривая их как изменников народу. Слившись с единокровной Россией, Украина «отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке...»¹.

Акт воссоединения Украины с Россией вызвал подъем экономического и культурного развития обоих братских народов. Агрессивным устремлениям султанской Турции и шляхетской Польши, поддержанной Ватиканом, был нанесен сокрушительный удар.

Дальнейшее развитие экономики и культуры как русского, так и украинского народов опиралось на сильный, тесный и неразрывный союз украинского народа с русским, в лице которого украинский народ «обрел великого союзника, верного друга и защитника в борьбе за свое социальное и национальное освобождение»².

§ 8. Теории нарождающегося абсолютизма конца XVII века в России

1. Процесс образования всероссийского рынка и появление первых мануфактур, зарождение буржуазных связей и процесс консолидации народности в нацию создают в середине XVII века предпосылки для образования абсолютной монархии и для внесения существенных изменений в механизм феодального государства. Приказно-воеводская система управления получает свое полное развитие. Увеличением постоянных формирований в составе армии была укреплена военная опора царской власти. Введение новой системы налогового обложения устраняет финансовую зависимость царской власти от посада.

Учреждением Приказа тайных дел Алексей Михайлович сделал шаг к созданию особого, подчиненного только царю аппарата, который позволил бы ему непосредственно контролировать все отрасли управления.

Абсолютная монархия была нужна дворянству как сила, способная более эффективно подавлять сопротивление угнетенных масс, которое после крестьянской войны под водительством Степана Тимофеевича Разина стало особенно опасным для господствующего класса.

Абсолютная монархия являлась необходимой и для осуществления внешнеполитических задач, стоявших перед Россией. Устья рек, протекавших по территории русского государства, находились в руках шведов и турок, что затрудняло развитие экономических и культурных связей с западными государствами.

Вопрос о необходимости проведения государственных реформ и преодоления отсталости России особенно назрел в конце XVII века.

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Избранные философские сочинения, т. 1, Госполитиздат, 1948, стр. 519.

² «Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг)», Госполитиздат, 1954, стр. 11.

2. В XVII веке русское государство было в центре внимания славянских народов, испытывавших гнет иноземцев. Захват немцами Чехии, турецкий гнет на Балканском полуострове заставляли западных и южных славян — чехов, хорватов, болгар — видеть в Русской земле прибежище от иноземного угнетения.

Значительное место среди мыслителей, видевших в России оплот славянства и развивавших идею объединения славянских народов вокруг Москвы, принадлежит Ю р и ю К р и ж а н и ч у (1617—1683) — хорвату, прожившему много лет в России.

Крижанич написал сочинение, известное на Руси под наименованием «Политика» и озаглавленное им самим «Разговоры об владательству» (то есть о государстве). Свое сочинение Крижанич посвятил России. В первой части своего труда Крижанич разбирает вопрос о материальном благополучии государства и средствах увеличения его мощи: об улучшении и развитии земледелия, мануфактур и ремесел, добыче руд, увеличении оборотов торговли. Вторая часть говорит о государственной силе, органах власти и управлении, значении отдельных групп населения, обычаях, языке, одежде.

Крижанич защищал в своих работах неограниченную монархию («совершенное самовладство»), которую он предпочитает олигархии и республике. Монархию Крижанич противопоставляет деспотии («людодержавию») и считает необходимым наличие в ней «добраго законоставия». Крижанич выступает против паразитической части общества («хлебогубцев»). Однако духовных и светских феодалов он причисляет к полезным членам общества.

Желая видеть «светоч славянства» — Русь сильной и несокрушимой, Крижанич подметил в своих сочинениях ряд недостатков русской жизни, устранение которых он считал необходимым. Он указывал в своих сочинениях на тяжелое положение русского крепостного крестьянина, слабое развитие городской жизни, отсутствие городского самоуправления, недостаточное развитие промышленности, обветшалость приказного управления и приказного суда. Вместе с тем Юрий Крижанич решительно протестовал против клеветнических сочинений отдельных иноземцев о России и, указав на недостатки в жизни московского государства, предложил план проведения некоторых реформ общественного и политического строя русского государства, предвосхитив отдельные моменты преобразований Петра I.

3. Одно из первых мест среди политических деятелей второй половины XVII века принадлежит Афанасию Лаврентьевичу О р д и н - Н а щ о к и н у (умер в 1680 г.), занимавшему при Алексее Михайловиче пост главного управителя Посольского приказа.

Ордин-Нащокин критиковал и порицал старые порядки, считая, что русские люди должны многое у себя перестроить, а для этого обязаны присмотреться к тому, что есть на Западе. Но он возражал против рабского и некритического подражания Западу.

Призывая учитывать пример «сторонних чужих земель», он в то же время подчеркивал, что «не все нужно брать без разбора».

«Какое нам дело до иноземных обычаев,— говорил он,— их платье не по нас, а наше не по них»¹.

Приказная администрация и отжившее свой век местничество бояр возмущали Ордин-Нащокина.

В бытность воеводой в Пскове Ордин-Нащокин высказывался за расширение прав местного управления. Он полагал, что воеводам не обязательно при решении всех дел на местах ждать указания из центра, и высказывал мысль, что местная власть лучше может решать ряд дел самостоятельно, приняв во внимание местные особенности. В Пскове им был разработан проект организации городского самоуправления. Статьи об управлении Пскова были составлены им совместно с верхушкой псковского посада, утверждены в земской избе, посланы царю и одобрены последним.

По этим статьям посадское население Пскова выбирало из своей среды на три года пятнадцать человек, которые вели дела в земской избе по очереди в течение года.

В ведение земской избы были переданы городское хозяйственное управление, надзор за продажей нитей и таможенными сборами.

Преобразования городского управления, осуществленные в Пскове, в значительной степени предвосхитили реформы, проведенные в этой области в начале XVIII века.

Ордин-Нащокин содействовал развитию мануфактуры и торговли. Им были организованы под Псковом две ярмарки. Он же был одним из основных авторов Новоторгового устава 1667 года.

По Новоторговому уставу русским купцам предоставляется ряд льгот. Иностранцы купцы были лишены права разъезда с товарами по московскому царству без особого на то в каждом отдельном случае разрешения царя.

Ордин-Нащокин являлся убежденным сторонником развития промышленности и государственного содействия купечеству, но основную опору феодального государства видел в дворянстве. Он был сторонником неограниченной власти царя.

На основе опыта войн с поляками и шведами Ордин-Нащокин считал необходимым укрепление войска и замену конного дворянского ополчения постоянной армией. Ему принадлежит первая попытка постройки русского торгового корабля на Каспийском море. Он организовал регулярное почтовое сообщение с соседними странами.

В области внешней политики Ордин-Нащокин был сторонником тесного союза России со славянскими странами. Он не раз указывал на необходимость возобновления дружеских отношений с Польшей и заключения военного союза с ней против Швеции, захватившей берега Балтики и устье Невы, как бы предвосхитив идею того пути, которым впоследствии пошел Петр I, прорубивший «окно в Европу».

Разногласия Ордин-Нащокина с ближайшим окружением царя по ряду политических вопросов повлекли за собой его отставку, а затем пострижение в монахи в 1672 году.

¹ В. О. К л ю ч е в с к и й, Курс русской истории, т. III, М., 1937, стр. 367.

В лице Ордин-Нащокина русское государство второй половины XVII века имело прогрессивного государственного деятеля, хорошо понявшего необходимость проведения насущно необходимых реформ и борьбы с отсталостью.

§ 9. Политическая идеология крестьянских восстаний в XVII веке

Укрепление русского централизованного многонационального государства проходило на фоне ожесточенной классовой борьбы.

Закрепощенное крестьянство боролось против усиления феодального гнета, стремясь сбросить иго феодалов, и неоднократно восставало против своих мучителей. Но разрозненные и локализованные попытки отдельных крестьянских восстаний жестоко подавлялись государственной властью.

К середине XVII века на почве дальнейшего усугубления феодального гнета резко обострились противоречия между господствующим классом и угнетенными массами.

Введение срока сыска беглых крестьян по Уложению 1649 года в 23 года и установление строгого порядка розыска, утеснение интересов посадских людей — горожан со стороны бояр, церковников и крупных торговцев, введение жестоких смертных казней (колесование, четвертование и пр.) по новым законам накалили обстановку как в городе, так и в деревне.

В 1648 году произошел ряд городских восстаний, в том числе в Москве, Новгороде, Устюге, Ярославле и других городах. В 1650 году восстали посадские люди Пскова. В 1662 году на почве неудачно проведенной денежной реформы произошел «медный бунт» в Москве.

В обстановке крайнего напряжения классовой борьбы всякое нововведение феодального государства вызывало резкую критику его народными массами. Поэтому церковный собор 1666 года, решивший вопрос об исправлении всех богослужебных книг и о введении трехперстного крестного знамения, был осужден значительной частью народа и повлек за собой раскол русской церкви.

На некоторое время раскольниковство стало идейной основой для критики новых порядков, вводимых царской властью, религиозной формой классовой борьбы с угнетателями. Расколом были охвачены не только эксплуатируемые массы, но и отдельные представители господствующих классов, недовольные политикой царской власти (в частности, купцы, не одобрявшие политику покровительства иностранцам).

К наиболее значительным событиям XVII века относятся восстание Ивана Болотникова (1606—1609) и крестьянская война под руководством Степана Разина (1670—1671).

Движение Болотникова было направлено против господствующих классов: бояр, крупных торговцев («гостей»), а также против боярского царя Василия Шуйского и приказных людей, чинивших

«многие обиды» крестьянам и «черным городским людям», против всех «непорядков», падавших тяжким бременем на простых людей.

«...Революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян»¹, — указывал В. И. Ленин. Феодалный гнет был настолько силен и жесток, что в сознании широких слоев народа постоянно жило чувство протеста против несправедливостей, причиняемых народу.

В то же время восставшие крестьяне еще не поднялись до полного и последовательного отрицания всей феодальной системы, что особенно сказалось в наличии у них царистских иллюзий.

Во время восстания Болотникова эти иллюзии сказались с полной определенностью. Восстание проходило под знаком защиты прав царевича Дмитрия. В войске Болотникова до самых последних дней находился самозванец, выдававший себя за царевича и обещавший крестьянам вольность и правление «хорошего царя».

В своих «прелестных» или «подметных» письмах Иван Болотников призывал боярских холопей «побивати» своих бояр.

Массы вовлекались Иваном Болотниковым в восстание обещаниями раздела всех боярских вотчин и дворянских имений.

Значительным политическим событием второй половины XVII века было восстание, возглавленное Степаном Разиным.

К 1670 году относится начало восстания Разина. Центром восстания был Дон, на котором скопилось большое количество беглых людей и казацкой голытьбы.

В Астрахани Степан Разин расположил к себе рыбаков, земских людей, астраханских татар, раскольников, рабочих волжских пристаней. Вскоре он поднял восстание и казнил царского воеводу.

Флот Степана Разина двинулся вверх по Волге, сопровождаемый толпами восставших крестьян. Степан Разин щедро одарял приходивших к нему и обещал избавление от боярско-дворянской и монастырской кабалы.

Все феодальное государство было потрясено крестьянской войной. Письма Разина с призывами к «избиению» господ и оказанию содействия атаману в защите «хорошего царя», «крестьянского царя», распространялись по всей Русской земле.

Для большего успеха восстания Степан Разин распространял слух, что царевич Алексей Алексеевич, умерший 17 января 1670 г., жив, скрылся от бояр и пребывает при нем, что сам царь в неволе у бояр-изменников, а он идет освободить его.

Зависимые народы — башкиры, чуваша, мордва, черемисы приходили целыми отрядами в войско Степана Разина.

Восстание Степана Разина явилось взрывом народного гнева. Помимо истребления бояр, дворян и приказных людей, восставшие повсюду уничтожали приказные избы, сжигали документы, разбивали тюрьмы и выпускали колодников на свободу.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

Восстание Разина имело большое значение для пробуждения самосознания русского народа. В. И. Ленин видел в Разине одного из представителей мятежного крестьянства, который сложил голову в борьбе за свободу¹. Во время восстания Степана Разина казаки, крепостные крестьяне, угнетенные народности России с оружием в руках выступили против разгула крепостников и засилия приказных людей, устанавливая в местах, освобожденных от феодального гнета, самоуправление в виде «вольного казачьего круга» и ставя своих «воевод» и «голов».

Несмотря на царистский характер идеологии крестьянских войн XVII века в России, они при всей неопределенности политической программы восставших имели прогрессивный характер, так как потрясали самые основы феодального государства, расшатывали устои крепостного строя, подрывали господство дворян-помещиков над угнетенными массами, укрепляли в сознании крестьян и социальных низов города веру в возможность организованной борьбы против эксплуататоров.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, с. 134.

Ленин В. И., О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности, Соч., т. 27, с. 291—319.

Сталин И. В., Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе (на X съезде РКП(б)), Соч., т. 5, особ. с. 34.

Сталин И. В., Приветствие Москве в связи с 800-летием, «Правда» 7 сентября 1947 г.

Хрущев Н. С., Десятилетие воссоединения украинского народа в едином Украинском Советском государстве, 1949, с. 28, 29.

«Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией», Госполитиздат, 1954.

Источники

«Послания Ивана Грозного», М.—Л., 1951.

И. Пересветов, Сочинения, М.—Л., 1956.

Н. К. Гудзий, Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв., М., 1955.

Дополнительная

А. А. Зимин, Иван Пересветов и его современники, М.—Л., 1956.

Н. А. Казакова и Я. С. Лурье, Антифеодальные еретические движения на Руси в XIV—XV вв., М.—Л., 1955.

А. Л. Саккетти, Политическая программа И. С. Пересветова, «Вестник Московского университета» 1951 г. № 1.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 304.

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД НАЧАВШЕГОСЯ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

- § 1. Зарождение капиталистических отношений в недрах феодального общества. Общая характеристика идеологии Возрождения. § 2. Политические взгляды Макиавелли. § 3. Политические идеи деятелей Реформации и Крестьянской войны в Германии. § 4. «Тираноборцы». § 5. Политическое учение Бодена. § 6. Общественно-политические воззрения Томаса Мора. § 7. Общественно-политические воззрения Томазо Кампанеллы

§ 1. Зарождение капиталистических отношений в недрах феодального общества. Общая характеристика идеологии Возрождения

В XVI веке в странах Западной Европы начинается период разложения феодализма и первоначального накопления капитала.

Развитие ремесла и сельского хозяйства в странах Западной Европы, рост товарного производства, знаменуя разложение натурального хозяйства, вызывают все более широкие и тесные экономические связи между различными частями отдельных стран и приводят в конечном счете к образованию национальных рынков.

Происходит разложение феодального цехового ремесла. Отдельные мастера быстро обогащаются за счет эксплуатации учеников и подмастерьев. В недрах средневекового города обозначается противоположность интересов городской верхушки — разбогатевших мастеров, образующих городской патрициат, и массы мелких производителей.

Возникают первые капиталистические предприятия — мануфактуры. Зачатки капиталистического производства появляются в средиземноморских городах еще в XIV—XV вв. Особенно это отно-

сится к производству флорентийского текстиля и сукон, венецианского стекла, шелка и т. д. В XVI веке мануфактуры уже достигли значительного развития, особенно в Англии, Голландии, Франции. Мощный толчок развитию капиталистических отношений дали великие географические открытия, повлекшие за собой захват и ограбление обширнейших земель. В 1492 году была открыта Америка, в 1497 году Васко да Гама нашел морской путь в Индию, в 1519—1522 гг. Магеллан совершил первое кругосветное путешествие.

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»¹.

Первоначальное накопление капитала сопровождалось насильственным обезземеливанием крестьян, повлекшим за собой превращение их в наемных рабочих.

Обостряется классовая борьба в городе и деревне. Усиление нажима помещиков на крепостное крестьянство в связи с переходом к денежной ренте вызывает увеличение числа крестьянских восстаний и обуславливает все более широкий их размах. Крестьянское движение выливается в подлинную гражданскую войну в Англии и Франции в XIV веке, в Чехии — в XV веке, в Германии — в XVI веке. Рост противоречий в городах приводит также к открытым выступлениям подмастерьев и стоявшей вне цехов бедноты против городского патрициата. Восстания вспыхивают в городах Италии, Фландрии и других стран Западной Европы.

Развитие производительных сил и капиталистического уклада содействует образованию нового, буржуазного быта и буржуазной идеологии в городах Европы.

Решительный поворот в области идеологии происходит в XIV—XV вв., еще более определенные формы приобретает он в XVI веке. Развитие промышленного производства, кораблестроение, мореплавание, военное дело настоятельно требовали совершенно новых методов научного исследования. Все это обуславливало разрыв со старой схоластикой средневековья.

У представителей нарождающейся буржуазной идеологии пробуждается критическое отношение к догматам веры, рождается стремление к самостоятельному научному исследованию, опирающемуся на опыт и наблюдение природы. На первый план выдвигаются земные интересы, человеческие потребности. Ученые стремятся исследовать природу, чтобы овладеть ее силами и поставить их на службу человеку. Они проникаются верой в творческие возможности человека и в могущество его разума. Эти перемены в состоянии наук и искусства сопровождаются повышением интереса к античной культуре и забытым писателям древности, далеким от теологического мировоззрения.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 754.

Некоторое время ростки новой, буржуазной культуры и идеологии еще сочетались с элементами феодального мировоззрения, сохранившими свое значение в эту переходную эпоху. Рационализм соединялся с мистикой, стремление к изучению природы — с религиозной верой, принципы национального государства — с идеалами мировой феодальной монархии.

Воззрения на природу и человека коренным образом меняются. Аскетизм сменяется откровенным культом человеческой природы. «Божественное» уступает место «естественному», и все человеческое приобретает теперь самостоятельный интерес. Вот почему одно из основных направлений этой эпохи именуют гуманизмом (*humana* — человеческое, в противоположность *divina* — божественное). Культ отшельников и подвижников сменяется почитанием ораторов и поэтов, художников и государственных деятелей. Изучаются подлинники античных авторов. Восхваляются величественные памятники античного зодчества и скульптуры. Наряду с этим писатели и художники эпохи Возрождения обращаются в своих произведениях к народному творчеству. Однако гуманизм не был массовым народным движением. Это было течение, охватившее ограниченные круги образованной части городского населения.

Идейное движение, именуемое Возрождением, охватило и область политической мысли. Буржуазия не могла мириться с широким вмешательством феодальной церкви в политическую жизнь, с попытками духовных феодалов, возглавляемых римским папой, подчинить себе светскую власть. Развитие капиталистических отношений настоятельно требовало также преодоления феодальной раздробленности, препятствовавшей установлению широких экономических связей в масштабе всей страны. Централизация государства в свою очередь содействовала дальнейшему развитию экономики. Это обусловило появление новых политических учений, призванных содействовать разрушению феодального строя, утверждению и развитию зарождающегося буржуазного способа производства. Выдвигается и отстаивается требование чисто светского, независимого от церкви государства, единой и централизованной государственной власти.

Выдающимися защитниками этих новых идей являлись в Италии Макиавелли, во Франции — Боден.

§ 2. Политические взгляды Макиавелли

1. Никколо Макиавелли (1469—1527), один из ранних идеологов буржуазии, родился во Флоренции и происходил из бедной дворянской семьи. В течение четырнадцати лет он занимал должность секретаря Совета десяти — правительственного органа Флорентийской республики. С возвращением к власти тирана Медичи Макиавелли подвергся преследованиям в числе других лиц, близко стоявших к прежним руководителям государ-

ства. Он отошел от государственных дел и отдался работе на литературном поприще. В числе других произведений им были написаны трактаты, посвященные политическим вопросам: «Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия», «Князь» и др.

В начале XVI века народное хозяйство Италии, где ранее всего стали развиваться элементы капиталистических отношений, пришло в состояние упадка. Великие географические открытия повлекли за собой перемещение мировых торговых путей на Атлантический океан; средиземноморская торговля потеряла свое прежнее значение, и торговые республики Италии вступили в полосу кризиса. Итальянская буржуазия, в особенности буржуазия наиболее сильных городских республик — Флоренции и Венеции, стремится облегчить свои затруднения, добившись политического объединения Италии. Выразителем этих настроений и явился Макиавелли.

Он хочет видеть Италию политически объединенной, свободной от подчинения чужеземцам, преодолевшей разрыв между отдельными частями страны, положившей конец губительным раздорам феодалов, борьбе светской и духовной властей.

2. Макиавелли одним из первых прокладывал путь буржуазной политической науке, основанной не на догматах религии, а на наблюдении фактов, на попытках использовать данные истории и познание человеческой психики, — науке, свободной от богословия.

Макиавелли совершенно игнорирует не только догматы церковного учения, но и требования морали. Его политика — опытная наука. Он пытался рассматривать силу как основу права; Маркс писал, что тем самым у Макиавелли (и ряда других мыслителей) «...теоретическое рассмотрение политики освобождено от морали, и по сути дела был выдвинут лишь постулат самостоятельной трактовки политики»¹.

У Макиавелли встречаются робкие попытки вскрыть закономерность общественных явлений. Воспроизводя отдельные мысли Аристотеля, Полибия и других античных писателей, он говорит о влиянии климата на нравы людей, о закономерности в смене государственных форм и о причинах, порождающих эту смену. Он учит о повторяемости исторических явлений, делая вывод, что из внимательного изучения прошлого можно сделать заключение о том, что предстоит в будущем.

Отмечая большое значение имущественных интересов в жизни людей и в борьбе аристократии и народных масс, Макиавелли указывает на противоположность интересов народа и имущих классов.

Задачей политики, которая должна быть основана на опыте, он считает не изображение абстрактного идеала, соответствующего высоким представлениям о справедливости, а определение средств достижения очередных целей государственной власти.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 314.

Макиавелли исходит в своих рассуждениях из идеалистического представления о единой и неизменной «природе» человека. По его мнению, «во всех государствах и у всех народов существовали и существуют одни и те же стремления и страсти»¹.

Их следует изучить и разумно использовать в государственных интересах.

Властолюбие и корыстолюбие, столь характерные для представителей дворянства и городского патрициата, Макиавелли объявляет основными чертами человеческой природы. Он утверждает, что по природе «люди более склонны ко злу, чем к добру...»². По его словам, люди непостоянны, неблагодарны, трусливы, лживы, лицемерны, завистливы, преисполнены ненависти к другим. При ограниченности способностей они обладают неумеренными желаниями. Люди, говорит он, всегда недовольны настоящим и хвалят старые времена; они подражательны, причем пороки перенимают легче, чем достоинства. Макиавелли советует политику считаться с этими свойствами людей, которые он рассматривает как проявление их неизменной «природы». По словам Макиавелли, мудрый политик, учитывая эти свойства человеческого существа и игнорируя при этом принципы морали, легко сможет разрешить свои задачи.

Исходя из представления о «неизменности человеческих страстей», Макиавелли предлагал при организации государства использовать образцы античных республик, наиболее приспособленных, по его мнению, к «природе человека». Целью государства должно быть при этом обеспечение «благ свободы», которые «состоят в том, что каждый может свободно и безбоязненно пользоваться своим имуществом, не страшиться за честь жен и дочерей и не бояться за личную безопасность...»³.

По мнению Макиавелли, осуществление этих требований должно привести к всеобщему благу и процветанию. Макиавелли писал, что «все страны и области, пользующиеся свободой, оказывают во всем чрезвычайные успехи... Богатства, создаваемые земледелием и промышленностью, возрастают в изобилии. Каждый охотно старается приобрести и приумножить достояние, которым надеется свободно пользоваться. Таким образом люди равно заботятся и о частных и об общественных выгодах, и вследствие этого удивительно преуспевают и те и другие»⁴.

3. Макиавелли — сторонник централизованного национального государства.

Ему ненавистно все, что ослабляет государство и разрушает его целостность. Наоборот, он восхваляет все, что содействует росту силы государства, укреплению его единства, расширению его гра-

¹ Макиавелли, Рассуждения о первых десяти книгах Тита Ливия, кн. I, гл. XXXIX. (В дальнейшем указанное сочинение обозначается: «Рассуждения...».)

² Там же, кн. I, гл. IX.

³ Там же, кн. I, гл. XVI.

⁴ Там же, кн. II, гл. II.

ниц. Он высказывает свое полное одобрение политическому объединению Франции. Со всей страстью своего темперамента и силой своего острого пера он обрушивается на светских и духовных феодалов, препятствующих достижению поставленной им цели, на дворянство и церковь. Дворяне вредны во всякой стране, говорит он, особенно в республике. Дворяне — «заклятый враг всякой гражданственности», «честолюбивые бездельники», которые мешают величию государства и благоденствию остального населения. Поэтому «для основания республики в стране, где дворянство многочисленно, необходимо совершенно истребить его»¹.

С ненавистью говорит Макиавелли и о папской власти, которая имеет достаточно силы, чтобы мешать светским государям добиться объединения Италии, но которая не настолько сильна, чтобы самой осуществить это объединение.

Отражая требования буржуазии, Макиавелли высказывается за чисто светское национальное государство, свободное от воздействия на него феодальной католической церкви, независимое от религиозной организации, претендующей на мировое значение. Теократическая идея противоречила политической программе буржуазии и могла вызвать лишь самое суровое осуждение Макиавелли.

Религия в глазах Макиавелли имеет цену лишь как орудие политики, как средство упрочения государственной власти, внедрения и укрепления одобряемых государством нравов. Он находит, что религия древних римлян в этом отношении выгодно отличалась от христианской, которая способствует ослаблению гражданских добродетелей, призывая людей к терпению и смирению и отвлекая их от земных дел ради небесных. По мнению Макиавелли, христианство «обессилило мир и предало его в жертву мерзавцам. Когда люди ради рая предпочитают переносить всякие обиды, чем мстить, мерзавцам открывается обширное и безопасное поприще»².

4. Различая две основные формы государства — монархию (княжество) и республику, Макиавелли в «Рассуждениях о первых десяти книгах Тита Ливия» отдает решительное предпочтение второй. При этом наилучшей он считает такую республику, где к участию в осуществлении власти одновременно призваны, по его словам, представители народа, представители знати, богатство которой, как в Венецианской республике, «состоит в товарах и другой подвижности»³, и выборный глава государства. Макиавелли находит, что такая республика наилучшим образом сочетает в себе принципы: демократический, аристократический и монархический.

Макиавелли подробно говорит о преимуществах республики. Республика — по его мнению, наиболее прочная форма государственного строя, и она лучше приспособляется к различным обстоятельствам времени, более всего способствует росту народного благосостояния.

¹ Макиавелли, Рассуждения..., кн. I, гл. LV.

² Там же, кн. II, гл. II.

³ Там же, кн. I, гл. LV.

В республике в тех случаях, где нужны быстрота и решительность, бездействие народа уравнивается активной деятельностью выборного князя.

Говоря о преимуществах республики, Макиавелли отстаивает и восхваляет также политическую свободу, означавшую в его устах городское самоуправление, дававшее власть городскому патрициату. В республиках, говорит он, нечего опасаться злоупотреблений правителя, так как правители — выборные, а властолюбие знати не опасно, потому что знать находится под контролем народа. Макиавелли, конечно, не имел в виду действительного народовластия и в своих рассуждениях исходил не из интересов народа, а из интересов городского патрициата.

В республике, по его словам, легче осуществить не только свободу, но и равенство, под которым он понимает отмену всех феодальных привилегий, а также смягчение резких имущественных противоречий, подрывающих устойчивость общественного и политического строя. Только свобода и равенство, заявляет Макиавелли, могут развить способности человека, внушить ему любовь к общему благу и все необходимые гражданские добродетели. Не раз в своих «Рассуждениях» Макиавелли берет народ под защиту от упреков в неблагодарности и непостоянстве. Однако Макиавелли сам боится активности масс. «Нет ничего страшнее взволнованной массы без вождя», — пишет он.

Несмотря на то, что в «Рассуждениях» Макиавелли выступает как убежденный сторонник республики, он в «Князе» восхваляет энергичного, смелого князя, который решительной, хотя и беззастенчивой, политикой добивается создания крепкой, сильной власти и быстро расширяет пределы своего государства.

Не раз усматривали в этом противоречие Макиавелли и пробовали по-разному его объяснить.

Противоречие это, однако, мнимое. Это видно уже из слов Макиавелли, стоящих почти в самом начале трактата «Князь». «Я не стану, — пишет Макиавелли, — касаться республик, ибо подробно говорил о них в другом месте. Здесь я займусь исключительно княжествами и постараюсь выяснить... каким образом эти княжества могут быть управляемы и удерживаемы»¹.

Между «Рассуждениями» и «Князем» нет действительного противоречия или расхождения. Оба произведения созданы почти одновременно и направлены на разрешение одних и тех же или сходных задач. Различны лишь темы этих произведений. Трактат «Князь» берет главным образом один частный случай политической жизни, один из самых важных в условиях современной автору Италии — вопрос о путях и средствах образования нового единого государства.

Рассматривая как идеал государственного строя республику, в которой господствующее положение занимала бы торговая и де-

¹ Макиавелли, Князь, гл. II.

нежная знать (то есть по сути дела буржуазия), Макиавелли считал, что для создания единого централизованного государства наиболее подходящей является монархия, единоличная диктатура, которая преодолела бы раздробленность, защитила бы буржуазию от крупных феодалов и вместе с тем была бы достаточно сильной, чтобы держать в подчинении народные массы. Поэтому ближайшую цель он видел в создании монархии, которая осуществила бы централизацию государства.

Власть сильного князя представлялась ему самым надежным средством достижения политического единства. Не везде, говорит Макиавелли, республика возможна, в некоторых случаях предпочтительнее монархия. Для «испорченных» народов единственной подходящей формой правления Макиавелли считает монархию. Республика невозможна также там, где имеется многочисленное дворянство. Но что особенно важно — Макиавелли признает создание нового государства более легким для монарха, чем для республиканского правительства. Макиавелли ждет от князя разрешения задачи освобождения Италии от иноземцев и ее объединения.

Это и заставляет его склоняться на сторону монархии, причем Макиавелли предпочитает князя, избранного народом и опирающегося на его сочувствие, то есть ставленника буржуазии вроде Медичи, наследственному главе феодальной иерархии, какими были в большинстве своем итальянские князья.

5. Поклонник государственного могущества, Макиавелли не останавливается в выборе средств, которые будут служить задаче создания сильного государства. Для достижения конкретной исторической цели он считает возможным пользоваться любыми, в том числе и бесчестными, приемами, противоречащими правилам морали. Макиавелли рекомендует князю быть безжалостным и вероломным. Он призывает князя быть суровым и жестоким, действовать на подданных страхом.

Князь не должен считаться со своими обещаниями. Лукавством должен он опутывать тех, кто полагается на его порядочность. Князь должен быть отважнее льва и хитрее лисы, ибо «нужно быть лисой, чтобы разглядеть змей, и львом, чтобы расправиться с волками».

Как идеолог буржуазии, Макиавелли рекомендует соблюдать неприкосновенность частной собственности: «... больше всего надо воздерживаться от чуждого имущества, потому что люди забудут скорее смерть отца, чем потерю наследства»¹. «Людей,— говорит Макиавелли,— нужно или взять лаской, или же вовсе от них избавиться, ибо, если люди мстят за легкие обиды, то за тяжкие они лишены возможности сделать это, так что обида, нанесенная человеку, должна быть такого рода, чтобы не опасаться за нее мести»².

¹ Макиавелли, Князь, гл. XVII.

² Там же, гл. III.

С одобрением ссылается он на пример Цезаре Борджиа, герцога Валентинского, который, приобретя княжество благодаря покровительству своего отца — папы Александра VI, стал быстро крепить свое могущество, не останавливаясь ни перед какими средствами и широко применяя вероломство, насилие, убийства.

Больше всего Макиавелли рекомендует князю заботиться о силе, так как, по его убеждению, хорошие друзья всегда будут, если будут хорошие войска. Придавая большое значение законам, Макиавелли в то же время писал, что «не может быть хороших законов там, где нет сильного войска, а где есть сильное войско, конечно, будут хорошие законы...»¹. Но, высказываясь за постоянную армию, Макиавелли осуждает практику наемных войск, к которым постоянно прибегали в его время.

Рекомендуя князю быструю расправу со всеми, кто станет на пути к осуществлению его целей, Макиавелли требует от князя прежде всего смелости и решительности. Медлительность и колебания способны погубить любое начинание. Макиавелли советует беспощадно расправляться с теми, кто является врагом создаваемого в государстве нового строя. «Пусть обвиняют его поступки, — писал Макиавелли о правителе, создающем новое государство, — лишь бы оправдывали результаты их, и он всегда будет оправдан, если результаты будут хороши...»².

Цели, которые ставил перед собою Макиавелли, были прогрессивными. Образование централизованного государства исторически назрело. Стремясь к объединению Италии, Макиавелли руководствовался патриотическими побуждениями. Однако Макиавелли был неразборчив в рекомендации средств для достижения поставленных им целей.

Призыв к игнорированию правил морали, цинизм составляют основу той политики, за которой утвердилось название макиавеллизма. Это — политика бесчестная, беспринципная, неразборчивая в средствах, направленная на достижение поставленных целей любой ценой.

Проповедовавшиеся Макиавелли вероломство, лицемерие, культ силы стали типичными для политики, осуществляемой буржуазией. В этом смысле итальянский мыслитель не только отражал современную ему практику, но и предвосхищал некоторые особенности политической жизни позднейшего времени, приемы политики, осуществляемые буржуазией в различные моменты истории буржуазного государства.

Принципы макиавеллизма особенно охотно используются реакционными кругами современной буржуазии в осуществлении внутренней и внешней политики капиталистических государств.

¹ Макиавелли. Князь, гл. XII.

² Макиавелли. Рассуждения..., кн. I, гл. IX.

§ 3. Политические идеи деятелей Реформации и Крестьянской войны в Германии

1. В XVI веке, с началом разложения феодального строя, возникло широкое движение, направленное против феодальной католической церкви, за создание новой религии, объединившее самые различные оппозиционные круги. Это движение, развернувшееся в ряде стран Западной Европы (Германия, Англия, Голландия и др.) и получившее наименование Р е ф о р м а ц и и, представляло собой проявление борьбы буржуазии и других недовольных элементов общества против феодализма.

Бюргерство, как и крестьянство, долго не могло освободиться полностью от влияния богословского мировоззрения и потому пыталось «...приспособить старое теологическое мировоззрение к изменившимся экономическим условиям и положению нового класса»¹.

В Германии начала XVI века образовалось два больших оппозиционных лагеря: лютеровский — бюргерско-реформаторский и революционный — крестьянско-плебейский.

К бюргерско-реформаторскому лагерю, возглавляемому Лютером, примыкали, кроме бюргеров, значительная часть низшего дворянства и часть князей. Требования этой оппозиции были направлены главным образом против феодально-католической церкви и представляли собой разновидность «бюргерской ереси».

Как указывал Энгельс: «Ересь городов... была направлена главным образом против попов, на богатство и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как в настоящее время буржуазия требует *gouvernement à bon marché*, дешевого правительства, точно так же средневековые бюргеры требовали прежде всего *église à bon marché*, дешевой церкви»².

Несравненно радикальнее были требования революционного лагеря, в который входили крестьяне и плебеи (городские низы). Крестьянско-плебейская ересь была направлена не только против феодально-католической церкви, но и против феодализма в целом.

«Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 296.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 361.

³ Там же, стр. 362—363.

Участие в революционном лагере плебейских элементов города, являвшихся «зародышем пролетариата...»¹, обусловило появление отдельных идей утопического социализма в программе Томаса Мюнцера, возглавлявшего наиболее революционную партию народной реформации.

2. Реформация прежде всего стремится подорвать притязания церкви на господство над людьми, выдвигая идею личного отношения человека к богу и этим оспаривая претензии католической церкви на роль посредника в деле «спасения души».

Феодалная католическая церковь учила, что человек «спасается» добрыми делами, под которыми понималось внешнее исполнение закона, устанавливаемого церковью. На этом основании она требовала от верующих безусловного себе повиновения. Протестантская религия объявляет, что верующий свободен от подчинения законам, установленным церковью, что человек греховен и беспомощен в своих делах и спасается единственно верою, а не делами. Поэтому никакими добрыми делами, в том числе покупкой так называемых индульгенций, человек не может приобрести себе прощение грехов.

М а р т и н Л ю т е р (1483—1546), один из зачинателей реформационного движения в Германии, заявлял, что требование «добрых дел» и исполнения закона придумано духовенством, чтобы держать людей в повиновении.

Отсюда протестантизм приходит к отрицанию не только авторитета церкви, но и необходимости церковной иерархии. Лютер развивает учение о всеобщем священстве. Он заявляет, что каждый верующий может быть священником. Лютер отнюдь не порывал с религией и богословием. К. Маркс писал, что «...Лютер победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*. Он разбил веру в авторитет, восстановив авторитет веры. Он превратил попов в мирян, превратив мирян в попов. Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека»².

Допуская свободное толкование священного писания, Реформация внушает человеку веру в его разум и обосновывает требование свободы мысли. Энгельс сравнивал Лютера с Коперником, который «бросил вызов церковному суеверию»³.

Стремясь подорвать притязания католической церкви на всестороннюю опеку, Реформация начинает с защиты свободы мысли и свободы совести. Дело веры свободно, говорил Лютер, и здесь никто не может принуждать. Однако, как только новая религия становится господствующей, она широко пользуется содействием государства в борьбе со своими врагами. В 1529 году в Цюрихском озере

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 413.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 422—423.

³ Ф. Энгельс, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 153.

был утоплен глава цюрихских анабаптистов Феликс Манц, а позднее, в 1553 году, Кальвин сжег Михаила Сервета, и сподвижник Лютера — Меланхтон выразил Кальвину по этому поводу свое полное одобрение. Ближайший сотрудник Кальвина — Теодор Без в сочинении о наказуемости еретиков гражданскими властями («De haereticis a civili magistratu puniendis etc.») пытался оправдать суровую расправу с теми, кто отступал от официального вероучения в странах, где утвердилась новая религия.

Касаясь взаимоотношений церкви и государства, Лютер учил, что государство должно оказывать полное содействие церкви, христиане же должны безоговорочно уважать существующую власть. Терпение и смирение — вот все, что остается христианину в случае злоупотребления властей. «Страдание и муки, муки и страдание — таково единственное право христианина», — таков был ответ Лютера восставшим крестьянам.

Начав с открытого призыва «...напасть на этих вредоносных учителей пагубы, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского содома, напасть на них со всевозможным оружием в руках и омыть наши руки в их крови...»¹, Лютер позднее зовет к мирному улаживанию конфликтов, а когда разразилась Великая крестьянская война 1524—1525 гг., он стал открыто призывать к беспощадной расправе с восставшими крестьянами.

Ф. Энгельс отмечал, что в борьбе против восставших крестьян Лютер «...составил на основании библии настоящий дифирамб установленной богом власти, дифирамб, лучше которого не в состоянии был когда-либо изготвить ни один блюдолиз абсолютной монархии. С помощью библии были санкционированы и княжеская власть божьей милостью, и безропотное повиновение, и даже крепостное право»².

Относясь враждебно к революционному движению масс, Лютер ждет укрепления новой религии от князей, на них он обращает все свои надежды. Он отрекся от народного движения и перешел на сторону бюргеров, дворян и князей, стал выразителем умеренной бюргерской программы в Реформации.

Лютер не был последователен в вопросе о соотношении церкви и государства. Отстаивая необходимость их разделения, Лютер приходил, однако, к выводам, которые по существу означали подчинение церкви государству. Лютеру была нужна поддержка князей. Поэтому он не жалеет слов для возвеличения государства.

Государство, по Лютеру, есть создание разума, и деятельность христианского государства не может расходиться с интересами христианской церкви. Поскольку сферой религии является вера, Лютер проповедует отказ церкви от притязаний на предоставление ей светской власти. Опираясь в своей деятельности, направленной к укреплению новой религии, на князей, Лютер в конечном счете

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 365.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 368.

стал одобрять весь феодальный строй и порядки, существовавшие в то время в Германии.

3. Вождем революционной партии в реформационном движении Германии, идеологом Крестьянской войны был Т о м а с М ю н ц е р (около 1493—1525).

Уже в пятнадцатилетнем возрасте он основал тайный союз, направленный против магдебургского архиепископа и католической церкви. В молодые годы он получил ученую степень доктора и место капеллана в монастыре в Галле. Еще в эти годы Мюнцер обнаруживает скептическое отношение к догматам и обрядам церкви и увлекается средневековыми учениями о грядущем наступлении «тысячелетнего царства» на земле.

В 1520 году Мюнцер отправился в качестве проповедника в Цвиккау. Здесь широко распространилось учение так называемых а н а б а п т и с т о в, или перекрещенцев, которые считали, что человек должен подвергаться крещению не в младенчестве, а в зрелом возрасте. Анабаптисты протестовали против имущественного неравенства и проповедовали идеи примитивного уравнительного коммунизма, призывали к созданию общин, в которых не будет богатых и все будут одинаково бедными.

Мюнцер поддержал движение анабаптистов, хотя никогда не разделял полностью их идей. Уже в это время он связывал борьбу против церкви с общей революционной борьбой против существующей власти. Спасаясь от преследований, Мюнцеру пришлось покинуть Цвиккау, и центром его дальнейшей деятельности явилась сначала Чехия, а затем Тюрингия. Здесь он организовал пропаганду в деревнях, призывая к вооруженному выступлению против попов. Мюнцер решительно отмежевывается от бюргерской реформации и смело переходит от критики церковного учения к политической агитации, развивая программу, близкую к утопическому коммунизму и являющуюся отражением требований плебейских масс. Это ускорило давно назревший открытый разрыв Мюнцера с Лютером, который объявил Мюнцера «орудием сатаны» и стал открыто призывать к расправе с вождями революционной оппозиции.

Мюнцер стал вождем широкого народного движения, развертывающая пропаганду и организационную деятельность в различных частях Германии. В конце февраля или в начале марта 1525 года Мюнцер выступил в Тюрингии, в вольном имперском городе Мюльгаузене, где разыгрался «...эпизод, составивший кульминационный пункт всей Крестьянской войны...»¹. В Мюльгаузене был свергнут старый, патрицианский совет и власть перешла в руки нового, «вечного» совета, которым фактически руководил Мюнцер.

Феодалам во главе с ландграфом Гессенским удалось соединить свои силы и двинуть их против Мюльгаузена. Сопrotивление восставших было сломлено под Франкенгаузеном, где Мюнцер был ранен и взят в плен. Вскоре сдался и Мюльгаузен, после чего Мюнцер был подвергнут пыткам и обезглавлен.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 356.

Мюнцер формулировал смелую радикальную программу. Придавая своему учению религиозную, богословскую форму, по существу он выступал с острой критикой не только римской церкви, но и догматов христианского вероучения. Он отказывался признавать веру в потусторонний мир, в ад, в дьявола, в магическое значение причащения, в осуждение грешников. Христос, по его мнению, был человеком, а не богом, был просто пророком и учителем. Энгельс отмечал, что религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму¹.

Смелой была и политическая программа Мюнцера. Ее характеристика дана Энгельсом. Отметив, что политическая программа Мюнцера была очень близка к коммунизму и представляла собою «гениальное предвосхищение условий освобождения едва начинавших тогда развиваться среди этих плебеев пролетарских элементов», Энгельс продолжает: эта программа «...требовала немедленного установления царства божьего на земле... путем возврата церкви к ее первоначальному состоянию и устранения всех учреждений, находящихся в противоречии с этой якобы раннехристианской, в действительности же совершенно новой церковью. Но под царством божьим Мюнцер понимал не что иное, как общественный строй, в котором больше не будет существовать ни классовых различий, ни частной собственности, ни обособленной, противостоящей членам общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, в случае если они не подчинятся революции и не примкнут к ней, должны быть низложены, все промыслы и имущества становятся общими, устанавливается самое полное равенство»².

Для осуществления этой программы Мюнцер считал необходимым основать союз и полагал, что князьям и господам должно быть предложено присоединиться к этому союзу. Если же они не пожелают этого, Мюнцер призывал напасть на них с оружием в руках и перебить их всех.

Таким образом, Мюнцер открыто призывал к революционному штурму позиций господствующего класса.

В результате победы народной революции должен был установиться согласно программе Мюнцера коммунистический строй в рамках единой и неделимой германской республики³.

Однако в материальных условиях жизни общества не было еще предпосылок для осуществления намеченного им переворота. «Не только тогдашнее движение, но и вся его эпоха еще не созрели для проведения в жизнь тех идей, относительно которых у него самого возникало лишь смутное предчувствие. Представляемый им класс не только далеко не достиг еще достаточного развития и не был еще способен подчинить себе все общество и преобразовать его, но едва лишь зарождался. Общественный переворот, рисовавшийся в его воображении, имел еще совсем мало оснований в

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 371.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 371.

³ См. там же, стр. 382.

наличных материальных условиях, и, наоборот, эти последние подготавливали общественный порядок, прямо противоположный тому, о котором он мечтал»¹.

В силу этого попытки Мюнцера и его сторонников преобразовать общественный и политический строй Мюльгаузена не увенчались успехом.

Напуганное размахом крестьянской войны бюргерство отреклось от ряда радикальных требований, ограничившись умеренной церковной реформой. Предательство бюргерства привело к поражению стихийных, разрозненных крестьянских выступлений. В конечном итоге реформация в Германии привела к усилению власти князей и закреплению феодальной раздробленности. Князья, в руки которых попали огромные богатства, конфискованные у церкви, сделали новую протестантскую церковь средством укрепления своей неограниченной власти.

Реформация содействовала формированию буржуазного учения о государстве и праве. Она выдвинула принцип светского государства, независимого от феодальной церкви. Она подготовила также идейные предпосылки для развития буржуазных учений о неотчуждаемых правах личности и о народном суверенитете.

§ 4. «Тираноборцы»

1. В XVI веке во Франции развивается производство полотняных и шелковых тканей, стеклянных изделий, кружев, ковров. Появляются предприниматели-скупщики, эксплуатирующие труд деревенских кустарей. Возникают уже отдельные мануфактуры, а цеховые мастера становятся руководителями производства, присваивающими львиную долю доходов, добытых трудом подмастерьев. С этим связан был и рост торговли — как внутренней, так и внешней, заморской.

В этих условиях во Франции стала распространяться новая, буржуазная религия — к а л ь в и н и з м, — враждебная феодальной католической церкви и вызывавшая преследования со стороны правительства.

В конце XV века короли объединили под своей властью всю территорию Франции. В начале XVI века во Франции сложился абсолютизм. Дворянство в основной своей массе поддерживало эту новую форму феодального государства, будучи заинтересовано в сильной централизованной власти для подавления эксплуатируемых им крестьян. Буржуазия, за исключением горожан юга, также одобряла образование сильной монархии, которая обеспечивала политическое единство страны и защищала торговые интересы буржуазии за границей. Однако абсолютизм встретил сопротивление со стороны части дворянства, примкнувшей в связи с этим к оппозиционной организации кальвинистов. Это были крупные землевладельцы, недо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 423—424.

вольные утратой независимости своих владений от королевской власти, а также часть мелких землевладельцев, привлекаемых к протестантству перспективой конфискации и раздела церковных земель. Начиная с Генриха II, то есть с 40-х годов XVI века, часть дворянства, особенно на юге Франции, переходит к кальвинизму и начинает борьбу с королем и с феодальной церковью, ставшей на службу королевскому абсолютизму. Во Франции разворачиваются в XVI веке «религиозные войны» между католиками и «гугенотами» (кальвинистами), объединившими в своих рядах широкую оппозицию королю как со стороны буржуазных элементов общества, так и части французского дворянства.

Кальвин, как отметил Ф. Энгельс, «с чисто французской резкостью выдвинул... на первый план буржуазный характер реформации, придав церкви республиканский, демократический характер»¹.

Подчеркивая в особенности моральную сторону религиозного учения, Кальвин утверждал, что нравственное совершенство, необходимое, чтобы сделать людей достойными «спасения», может быть достигнуто лишь совокупными усилиями целой общины верующих. Исходя из этого, он требовал демократической организации церкви и в то же время всемерного содействия религиозной общине со стороны государства в решении задач нравственного воспитания. Кальвин считал обязательным строгое повиновение граждан существующим правителям, не допуская никакого сопротивления им со стороны частных лиц, но признавал право на возмущение за «народными магистратами», призванными охранять свободу народа и бороться против произвола тиранов.

Под знаменем кальвинистской реформации голландцы вели борьбу за свое освобождение от испанского владычества, а английская буржуазия боролась против королевского абсолютизма в буржуазной революции XVII века.

Политическая идеология кальвинистов («гугенотов»), оправдывая открытое выступление против короны, развивала учение о праве на сопротивление «тиранам». Возникает литература так называемых «м о н а р х о м а х о в», или «т и р а н о б о р ц е в»².

Уже К а л ь в и н, как сказано, допускал возможность сопротивления королю со стороны магистратов, поставленных для защиты народа и его свободы. Но в его учении это замечание тонуло как случайное среди призывов к повиновению существующим властям.

У его последователей мысль о сопротивлении королю разрастается в целую теорию, горячо и настойчиво развиваемую в целом ряде памфлетов и трактатов, из которых большинство написано во Франции в годы «религиозных войн» XVI века. В этих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, стр. 675.

² «Монархомахи» означает монархоборцы. Так впервые назвал писателей рассматриваемого направления сторонник абсолютизма Барклай в сочинении против них, вышедшем в Париже в 1600 году. Под этим именем они и сохранились в истории.

сочинениях авторы, пытаясь обосновать право на сопротивление «тиранам», выдвигают чаще всего идеи народного суверенитета и договорного происхождения власти.

Из этих идей «тираноборцы» делают вывод о праве сопротивления королю, которое они приписывают, однако, не народным массам, а должностным лицам — представителям сословий. Их учение в известной мере является предвосхищением позднейшей буржуазной естественноправовой идеологии, хотя в основном воспроизводит все еще теорию и практику феодальной сословно-представительной монархии.

Самое учение о договорном происхождении государственной власти отражает средневековые представления о феодальном договоре между сеньорами и вассалами.

В теориях «монархомахов» воскрешается также выдвинутое еще Аристотелем различие монарха и тирана.

2. К числу писателей рассматриваемого направления относится один из французских юристов XVI века — Ф р а н ц и с к Г о т м а н.

В сочинении «Франко-Галлия», написанном вскоре после Варфоломеевской ночи, Готман пытается, опираясь на исторические данные, доказать, будто королевская власть была во Франции ограничена с незапамятных времен, будто народ всегда выбирал и низлагал своих королей. Отсюда он делает вывод, что верховенство принадлежит во Франции народу и что для неограниченности королевской власти нет исторических оснований, а потому высказывается в пользу сохранения Генеральных штатов, которые с конца XV века в условиях складывающегося абсолютизма созывались редко.

Таким образом, говоря о народе, Готман имеет в виду не подлинный народ, а лишь те ограниченные круги феодального общества, которые были представлены в Генеральных штатах.

Не довольствуясь историческими доводами, Готман отстаивает сословную монархию как воплощение «смешанной» формы правления, в которой якобы соединяются три начала: монархическое, аристократическое и демократическое, и пытается обосновать преимущества этой формы, следуя в этом отношении Аристотелю, Полибию и др. Относясь враждебно к королевскому абсолютизму, он выступает решительным противником такой государственной формы, при которой все зависит от произвола одного лица и где, как он выражается, народ не имеет права составлять собрания и через них участвовать в управлении.

Книга Готмана имела большой успех у современников и сохранила свое влияние на умы до самого начала XVIII века. Этот успех нетрудно объяснить: книга появилась в самый разгар борьбы короля с феодальной и буржуазной оппозицией («гугенотами»), в момент, когда правительство вступило в самый тесный союз с католической церковью для совместного преследования общих врагов.

Объективно эта книга служила интересам феодальной знати, враждебно относившейся к централизации страны и к усилению ко-

ролевской власти, но вместе с тем в ней нашла свое отражение и буржуазная оппозиция королевскому абсолютизму.

3. Вслед за книгой Готмана появился трактат верного ученика Кальвина — Теодора Беза, озаглавленный «О праве магистратов по отношению к подданным». Трактат вышел в свет анонимно.

Теодор Без присоединяется к положению Готмана, что все власти избираются Генеральными штатами и могут быть ими смещены, и, отождествляя узкие круги общества, представленные в Генеральных штатах, с народом, делает вывод о верховенстве народа и о праве его на вооруженное сопротивление. Штаты или другие органы, призванные обуздывать суверенов, могут и должны сопротивляться правителям всеми доступными им средствами, когда правители становятся тиранами, то есть нарушают божеское и естественное право.

К тому же кругу произведений относится вышедшее в 1573 году под псевдонимом Юния Брута сочинение «Защита против тиранов». Враждебно относясь к королевскому абсолютизму, автор исходит из противопоставления монарха тирану и выясняет, как следует относиться к последнему.

Юний Брут заявляет, что народ не только не обязан повиноваться князю, нарушающему закон божий, угнетающему или губящему государство, но вправе оказать ему сопротивление. В защиту этого положения он выдвигает идею народного суверенитета и учение о договорном происхождении власти королей. Но при этом Брут имеет в виду не защиту интересов народных масс, а лишь обоснование прав сословного представительства.

К народным массам Юний Брут питает недоверие и даже ненависть. Он считает, что право восстания принадлежит отнюдь не самому народу, а его организованному представительству, призванному как бы надзирать за королем. Притом не только собрание в целом, но и меньшинство, и даже его отдельные члены могут подать сигнал к восстанию. Этого не вправе делать частные лица, за которыми автор признает в виде исключения только право на восстание против узурпаторов.

Оспаривая правомерность неограниченной королевской власти, он выдвигает положение о выборности и сменяемости органов государства. Вместе с тем Юний Брут делает из принципа народного суверенитета выводы относительно границ королевской власти, заявляя, что она установлена в интересах самого народа, что власть королей является их долгом и призванием и что короли должны охранять и защищать жизнь, свободу и имущество граждан.

К литературе «тираноборцев» принадлежит и яркий памфлет Этъена де Ла Боези (1530—1563) «Рассуждение о добровольном рабстве», содержащий горячий протест против деспотизма королевской власти.

В этом произведении автор клеймит монархию как тиранию, несовместимую с естественной свободой и естественным равенством

людей. Он сетует на то, что народ позабыл о своей свободе, и с возмущением говорит о добровольном подчинении бесконечного числа людей тирании, которая их порабощает и угнетает. Ла Боэси заявляет, что, если бы люди действительно пожелали свободы, они бы ее приобрели.

Это был смелый, пламенный протест идеолога буржуазии против феодальной абсолютистской монархии.

4. Особое место среди «тираноборцев» занимает И о г а н н А л ь т у з и й (1557—1638). Немец по происхождению, он жил в Фрисландии, в городе Эмдене, занимая долгое время должность выборного синдика. До этого преподавал право в различных высших школах. Он опубликовал ряд сочинений на юридические и богословские темы.

В отличие от прочих «монархомахов» Альтузий изложил свое политическое учение с исключительной систематичностью. Его «Политика» представляет собою в сущности целый курс государственной науки, который автор, вероятно, излагал с кафедры в бытность свою профессором.

Почти за 100 лет до Локка и более чем за 150 лет до Руссо Альтузий выдвигает буржуазные принципы науки о государстве, принципы народного суверенитета, общественного договора и т. п.

В основе всякого союза, по мнению Альтузия, лежит явно выраженный или молчаливо предполагаемый договор. Игнорируя противоречия классового общества, Альтузий заявляет, что посредством договора участники его объединяются в общей жизни, создается подлинное общение, простирающееся на вещи, услуги и права.

В государстве, по Альтузию, основным является право верховенства, или, как мы бы сказали ныне, суверенитет. Альтузий утверждает, что верховная власть едина, неделима и неотчуждаема, ибо она подобна душе в физическом теле. Но он решительно не согласен считать ее абсолютной, ибо, во-первых, она подчинена богу и, во-вторых, ограничена правом. Хотя Альтузий, как и другие «тираноборцы», не собирается защищать действительных прав народных масс, он заявляет, что верховенство в любом государстве принадлежит не отдельным индивидам, а народу в целом, имея в виду при этом органы сословного представительства. Поэтому правители — не более как управляющие или опекуны. Их права строго ограничены, подобно правам мандатариев и прокураторов. По Альтузию, их власть и их права производны, у них — чужая власть, потому что обладателем этих прав остается народ как целое.

Кто бы ни был правителем, верховенство принадлежит народу и правитель подчинен суверенному коллективу.

Исходя из верховенства «народа», рядом с высшим магистратом Альтузий ставит народных представителей — эфоров, как называет он их, повторяя выражение Кальвина. Под эфорами подразумеваются органы сословного представительства. Эфоры дают правителю советы, поправляют его, решают наиболее важные дела. А главное их назначение — защищать права «народа» и оказывать

противодействие магистрату, ставшему тираном. Альтузий, подобно другим «тираноборцам», признает законными сопротивление тирану и лишение его власти.

Таким образом, «Политика» Альтузия содержит систематически изложенное и обоснованное рационалистическими доводами учение об общественном договоре и о неотчуждаемости и неделимости народного суверенитета. У Альтузия, как и у других писателей его времени, идеи эти еще тесно связаны с практикой сословно-представительной монархии, и идея договора не столько способствует укреплению принципа государственного единства, сколько, наоборот, представлению о самостоятельности входящих в государство единиц. Альтузий предвосхищает будущих буржуазных идеологов (Спинозу, Гоббса, Руссо), но вместе с тем повторяет и таких идеологов прошлого, как Марсилий Падуанский.

Характерно, что идеи договорного происхождения государства и народного верховенства можно встретить и в некоторых учениях ближайших по времени противников реформации — иезуитов (Суарез, Беллармин, Молина и др.). У этих реакционных идеологов идеи эти используются в демагогических целях против не угодных иезуитам монархов.

§ 5. Политическое учение Бодена

1. Идеологом нарождающейся буржуазии, выступившим на защиту абсолютизма во Франции в XVI веке, был Ж а н Б о д е н (1530—1596). Он родился в Анжере в зажиточной семье. Получив юридическое образование, Боден вступил в адвокатуру в Париже. Позднее занимал должность прокурора. Он был депутатом провинциальных, а позднее Генеральных штатов от третьего сословия. В обстановке ожесточенной борьбы католиков и «гугенотов», не раз приобретающей характер вооруженных столкновений («религиозные войны»), Боден вынужден был менять свои позиции и лавировать между враждующими сторонами. За свою близость к герцогу Алансонскому, занимавшему компромиссную позицию в борьбе католиков с «гугенотами», Боден едва не заплатил жизнью в Варфоломеевскую ночь.

В 1576 году Боден опубликовал свое обширное сочинение о государстве («Six livres de la République»), переведенное позднее им самим с французского на латинский язык.

2. Будучи одним из первых писателей нового, светского направления, Боден ставит задачу вскрыть некоторые закономерности в общественных явлениях. Он развивает учение о влиянии климата на характер народов и их занятия, следуя в этом за Аристотелем. Климат Севера, учит Боден, содействует укреплению храбрости и способствует образованию военных дружин; климат Юга развивает тонкость ума и содействует процветанию наук; умеренный климат обуславливает соединение крайностей — здесь выдвигаются политики и ораторы. Боден исследует также вопрос о влиянии на характер

народов гор и равнин, плодородной и бесплодной почв. Все эти рассуждения исходят из неправильных представлений о решающем влиянии географических условий. Боден далек, однако, от выводов о фатальном влиянии климата. По его мнению, законы, нравы, даже пища могут вносить существенные изменения в положение вещей и смягчать воздействие климата.

Боден развивает учение о прогрессе человеческого общества. Сравнивая современное ему человечество с древними народами, Боден отмечает огромный технический прогресс и делает вывод о несомненном превосходстве новых народов перед древними.

3. Боден с особой силой подчеркивает значение власти в обществе — в семье и государстве.

Считая семью основанием государства и утверждая, что от прочности семейного быта зависит благосостояние политической организации, Боден выступает в роли решительного сторонника крепкой власти отца и мужа. Власть в семье должна быть единой, и поэтому жена должна быть подвластна мужу, а дети — отцу.

Основой семьи Боден считает частную собственность. Общность имущества, по его словам, невозможна и несовместима с правами семьи. Если будут смешаны семья и государство, собственное и общее, публичное и частное, не будет, заявляет Боден, ни государства, ни семьи. Под впечатлением движения анабаптистов, провозгласивших в Мюнстере коммуны, Боден выступает с решительным осуждением коммунизма. Он объявляет общность имущества противоречащей божественному и естественному праву, а осуществление коммунизма считает невозможным.

Следуя Аристотелю, Боден определяет государство как совокупность семей. Однако он подчеркивает, что государство существенно отличается от семьи. Особенность государства Боден усматривает в верховном, суверенном характере государственной власти, в том, что государству присуща высшая суверенная власть (*summa potestas, summum imperium*).

Этим признаком государство отличается, с одной стороны, от семьи, с другой — от всякого иного объединения людей (*congregata multitudo*), которые, не образуя государства, тем самым пребывают в состоянии анархии.

Боден разъясняет, какие свойства принадлежат суверенной власти. Суверенитет един и неделим: он не может быть разделен между королем и народом, между несколькими различными органами или поочередно осуществляться ими. Суверенитет обозначает также постоянный характер власти: его нельзя передать на время или переуступить на известных условиях.

Выступая с защитой королевского абсолютизма, Боден учит, что суверенитет означает вместе с тем верховный, неограниченный, надзаконный характер власти. «Суверенитет, — по определению Бодена, — есть свободная от подчинения законам власть над гражданами и подданными»¹.

¹ Боден, О государстве, кн. I, гл. VIII.

Суверен не связан законами, которые он издает. Это не значит, однако, по словам Бодена, что власть его совершенно ничем не ограничена. Боден отказывается считать государственную власть свободной от подчинения законам божеским (*leges divinae*) и естественным (*leges naturae*), то есть признает религиозно-моральные ограничения для носителей государственной власти. Границу верховной власти ставит также, по мнению Бодена, частная собственность граждан, которую суверен обязан уважать и на которую он не вправе покушаться.

Как выразитель буржуазной идеологии, Боден заявляет, что частная собственность неприкосновенна и что ни один монарх не может посягать на имущество граждан. Поэтому никакой налог не может быть установлен без согласия на то самих граждан. Боден находит, что нет монарха, который был бы вправе взимать налоги и пользоваться имуществом граждан по своему усмотрению.

Выступая сторонником централизованного государства и неограниченной власти короля, Боден утверждает, что, поскольку суверенитет един и неделим, он всегда принадлежит одному лицу или одному собранию. В силу этого Боден отрицает возможность «смешанной» формы государства. Суверенитет может принадлежать либо королю, либо аристократии, либо народу.

Иное дело — правительственная власть. Правительство может быть «смешанным». Правительственная власть может быть вручена одновременно и народному собранию, и монарху. Правительство может быть монархическим, в то время как суверенитет остается в руках народа, и, наоборот, при суверенитете монарха в осуществлении правительственной власти может участвовать народное собрание. Боден считает, что, допуская к осуществлению правительственной власти другие «элементы» государства, верховная власть не уступает ничего из своих суверенных прав и не становится вследствие этого ограниченной.

В учении о «смешанном» правлении отражается представление о совместимости королевского абсолютизма с существованием органов сословного представительства. Генеральные штаты во Франции в XVI веке созывались редко и уже утратили прежнее значение. Их существование отнюдь не препятствовало королям, опираясь на постоянную армию и используя постоянные налоги, осуществлять самостоятельно всю полноту государственной власти. Заявляя, что суверенитет королевской власти ни в коей мере не нарушается созывом Генеральных штатов, Боден лишь отражает в своей теории практику, сложившуюся во Франции в XVI веке.

Боден еще не освободился от некоторых представлений, сложившихся ранее на почве сословного феодального государства. Он высказывается в пользу сохранения различных средневековых организаций — корпораций и т. п., хотя и делает оговорку, что все они могут возникнуть и существовать только с разрешения государства.

Учение Бодена о суверенитете своим острием было направлено против остатков феодальной раздробленности. Оно появилось в

такое время, когда во Франции в результате начавшегося развития капиталистических отношений складывалось централизованное государство.

Учение о суверенитете было вместе с тем направлено и против притязаний пап на светскую власть, оно было призвано обосновать независимость государства от церкви, королевской власти от папского престола.

Однако Боден понимает суверенитет государства лишь как суверенитет отдельного его органа, отождествляет верховенство и независимость государственной власти как таковой с верховенством одного какого-либо органа государства, в первую очередь — короля.

4. Сравнивая между собой различные формы государства, Боден отдает решительное предпочтение монархии. О демократии он говорит с нескрываемой враждебностью. Он заявляет, будто народ неспособен прийти к правильным решениям и иметь здравые суждения. Обнаруживая свою ненависть к демократии, он пытается изобразить ее как наихудшую форму государства, как правление, ближе всего подходящее к анархии.

Аристократия также не вызывает одобрения Бодена. По мнению Бодена, она не составляет надежной защиты против пугающих его пародных восстаний; будучи подвержена постоянным раздорам партий и борьбе честолюбий, она не может справиться с мятежами, если их поднимает народ, отстраненный от управления делами государства.

Под впечатлением «религиозных войн» и крестьянских восстаний Боден мечтает о скорейшем окончании гражданской войны, об установлении единой, твердой власти, способной обеспечить развитие промышленности и торговли в стране.

Поэтому его симпатии целиком на стороне монархии. Монархия привлекает Бодена тем, что она, по его мнению, — единственная форма государства, при которой существует действительно единая и нераздельная государственная власть.

Идеализируя монархию, Боден уверяет, будто монарх, возвышаясь над всеми элементами государства, примиряет противоположные стремления и притязания и создает гармоническое единство различных элементов.

От монархии «законной», или королевской, и монархии сеньориальной (основанной на праве завоевания) Боден отличает тиранию. Но тиранический характер власти обусловлен, по Бодену, не методами управления, а узурпацией власти. Тирани — это тот, кто делается суверенным государем насильственно, не имея на это права ни в силу избрания, ни в силу наследования, ни в результате справедливой войны. Проповедуя безоговорочное повиновение законному монарху, Боден признает допустимыми сопротивление тирани, его низложение и даже убийство.

5. Следуя Аристотелю, Боден рассматривает вопрос о причинах государственных переворотов. Среди этих причин он называет в первую очередь резкое имущественное неравенство — бедность боль-

шинства и исключительное богатство немногих, несправедливое распределение почестей и состояний. Боден указывает и на другие обстоятельства, которые, по его мнению, могут оказаться причинами перемен в государственном строе: жестокости и притеснения тирана, перемены в законах о религии, военные неудачи и др.

Опасность переворота, по мнению Бодена, менее всего угрожает наследственной монархии, как самой прочной форме государства, и более всего грозит демократии.

Боден считает, что политик должен предвидеть и предотвращать перевороты. В страхе перед народным движением он рекомендует прибегать к уступкам и стараться реформами сверху предотвращать насильственные перемены.

Боден изложил в систематической форме свободное от богословия светское учение о государстве и праве. Он порвал с феодальными представлениями о государстве как совокупности сеньорий и обосновал требование политической централизации страны. Отстаивая единство и неделимость суверенитета, Боден выступил в качестве сторонника абсолютной монархии, отражая этим потребности и интересы дворянства и нарождавшейся буржуазии. Он защищал королевский абсолютизм в тот исторический период, когда абсолютизм играл еще прогрессивную роль в развитии западноевропейского общества.

§ 6. Общественно-политические воззрения Томаса Мора

Зарождение и развитие капиталистических отношений в передовых странах Западной Европы вызвали усиление нажима помещиков на крепостное крестьянство, а в Англии в связи с развитием шерстяной промышленности повлекли за собой насильственную экспроприацию крестьян, которые, отрываясь от средств производства, подвергались разорению, терпя ужасающие бедствия. Не менее тяжелым было и положение трудящихся в промышленности. Абсолютистское государство своим террористическим законодательством вынуждало работать при самой ничтожной заработной плате, а полная неорганизованность рабочих открывала широкое поле для самой беззащитной эксплуатации.

Отдельные передовые люди начинали понимать, какое значение имела в разорении крестьян и в создании нищенского положения кустарей и работников мануфактур частная собственность на средства производства.

Тяжелые картины бедствий трудящихся в XVI—XVII вв. рождали у лучших людей этого времени мысли о пагубном значении частной собственности на средства производства, о возможности коренного преобразования общественного строя, утопические планы построения социалистического общества. С такими планами выступают Томас Мор в Англии, Томас Мюнцер в Германии (см. выше, § 3 настоящей главы), Томас Кампанелла в Италии.

1. Томас Мор (1478—1535) был лордом-канцлером Генриха VIII. Он оставался все время убежденным католиком и неодобрительно относился к Реформации. Поэтому, когда король решил на разрыв с папским престолом, Мор ушел в отставку.

В 1516 году появилась в свет широко известная книга Мора «Утопия», или «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

Сочинение имеет внешнюю форму диалога, в котором, кроме автора, участвуют Петр Эгидий, друг Мора, руководивший изданием его произведений, и некто Рафаил Гитлодей, португалец по происхождению, который, якобы будучи спутником известного путешественника Америго Веспуччи, отстал от последнего и проник в совершенно неведомые страны, в том числе и на остров Утопию¹, где провел пять лет.

2. В замечательном произведении Мора ярко отражается экономическое состояние Англии начала XVI века. Оно остается ценнейшим историческим документом, свидетельствующим о беспощадной эксплуатации масс в период первоначального накопления капитала, и вместе с тем дает одно из наиболее ранних в истории общественной мысли изложений идей утопического социализма.

Критикуя современное ему экономическое состояние и политический строй Англии, Мор касается суровости английского законодательства, грозившего смертной казнью ворами. Он указывает на бесполезность и несправедливость жестоких наказаний и высказывает мысль о том, что общество само виновато в создании тех условий, которые побуждают людей к преступлениям. Мор отмечает наличие огромной массы людей, оторванных от средств производства и лишенных возможности вести трудовую жизнь. Он указывает на потерявших способность к труду инвалидов войны, на многочисленную челядь знатных людей, неминуемо остающуюся без куска хлеба со смертью своего хозяина. Но более всего он говорит о главной причине бедственного положения трудящихся современной ему Англии — о беспощадной экспроприации крестьянских масс, которой сопровождалось зарождение капиталистических отношений в Англии.

В связи с развитием шерстяной промышленности в Англии происходил, как известно, стремительный переход от хлебопашества к овцеводству. Земледельцы «огораживали» поля, превращая их в пастбища для овец. Крестьян насильственно сгоняли с насиженных мест, вследствие чего они вынуждены были распродавать за бесценок свой скarb и превращаться в «бродяг», не имеющих средств для существования. Для применения их труда в деревне не было места. Кровавое законодательство конца XV — начала XVI века вынуждало «бродяг» браться за труд в условиях совершенно нищенской заработной платы. Маркс, характеризуя это законодательство, говорит: «Деревенское население, насильственно лишенное земли, из-

¹ В буквальном переводе «место, которого нет».

гнанное, в широких размерах превращенное в бродяг, старались, опираясь на эти чудовищно террористические законы, приучить к дисциплине наемного труда плетью, клеймами, пытками»¹.

Мор обличает «бесчеловечную жадность» немногих, «ненасытную и жестокою скупость», превращающую все в пустыню. «Овцы, — говорит он, — ... обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города»².

3. Нарисовав эту безотрадную картину и движимый глубоким сочувствием к угнетенным массам, Мор высказывает устами Гитлодея смелую для своего времени мысль, что главной причиной всех бедствий народа является частная собственность, а единственным средством обеспечить всеобщее благополучие — ее уничтожение.

Вслед за этим автор переходит к изображению идеального государства, якобы существовавшего в фантастической стране Утопии.

Мор во всех подробностях изображает общественный и политический строй Утопии. Труд для всех обязателен. Женщины работают наравне с мужчинами. От физического труда освобождаются лишь лица, выполняющие общественные обязанности, в течение срока своей службы, а также ученые. Все жители острова занимаются как ремеслами, так и земледелием. Каждый гражданин изучает какое-нибудь ремесло, которое составляет предмет его занятий в городе. Вместе с тем ежегодно из каждой семьи несколько ее членов переселяются на два года в деревню. Здесь они обучаются земледелию и участвуют в сельскохозяйственных работах. В день уборки урожая из города дополнительно направляется в деревню необходимое количество работников. Земледелие, таким образом, становится общим занятием всех утопийцев.

Ремесло — одно и то же для всех членов семьи и переходит от старших к младшим по наследству. Желаящий переменить ремесло должен перейти в другую семью. Семья выступает в качестве производственной единицы; она имеет необычный состав: городская семья охватывает от десяти до шестнадцати взрослых членов, сельскохозяйственная — сорок. Мор высказывается, таким образом, за сохранение ремесленного производства с его несовершенными орудиями производства (ему не могло быть ясно значение крупных промышленных предприятий).

Мор убежден, что всеобщая обязательность труда, отсутствие большого числа праздных людей позволят при непродолжительном рабочем дне (6 часов) удовлетворить основные потребности граждан.

Не предвидя значения технических усовершенствований, Мор считает неизбежными в идеальном обществе неприятные работы.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 741.

² Томас Мор, Утопия, 1947, стр. 57.

В Утопии их выполняют, во-первых, люди, принимающие их на себя по религиозным мотивам, во-вторых, — рабы. Рабами являются осужденные преступники, люди, приговоренные к смертной казни в соседних странах и выкупленные утопийцами, а также военнопленные, взятые в бою. Рабство является пожизненным, но не наследственным.

Все произведения труда свозятся в особые здания. Отсюда каждый отец семейства бесплатно получает все необходимое для него и его семьи, в том числе все продукты питания. Для желающих имеются общие столовые.

Дома и примыкающие к ним сады составляют государственную собственность. Они перераспределяются между гражданами каждые десять лет по жребию. Кроме жилых домов, в городах воздвигнуты большие дворцы, где организована общая трапеза и где утопийцы проводят время отдыха.

Быт утопийцев отличается простотой. Но это не исключает у них любви к радостной и приятной жизни, стремлений к разумному пользованию всеми благами жизни.

Излишки продуктов утопийцы вывозят в другие страны и здесь одну седьмую часть привезенного передают бесплатно туземным беднякам, а остальное продают по умеренной цене. Приобретенное при этом золото и серебро они хранят на случай войны.

Золото у утопийцев не в почете. В мирное время из него изготавливаются кольца, цепи, обручи, предназначенные для граждан, опозоривших себя каким-либо преступлением. Драгоценные камни служат игрушками для детей.

Семья в Утопии патриархальная. Главой семьи является старейший ее член. В семье жены прислуживают мужьям, дети — родителям и вообще младшие — старшим. Убежденный противник развода, выступивший позднее с осуждением второго брака короля Генриха VIII, Мор рассказывает, что браки у утопийцев признаются в принципе нерасторжимыми. Расторгаются они лишь в самых исключительных случаях, причем тот, по чьей вине произошел развод, лишается права вступать в брак вторично.

4. Мор угадывает сущность современного ему государства как организации богатых, созданной в их личных выгодах, и права как средства закрепления их интересов.

Государство, говорит он, является «не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах». Богачи измышляют всякие способы и хитрости, чтобы удержать все нажитое ими нечестным путем и эксплуатировать бедняков как вьючный скот, заставляя их работать на себя за самую низкую плату. Эти ухищрения богачей становятся законами после того, как от имени государства выносятся постановления об их соблюдении»¹.

В Утопии государственная власть организована демократи-

¹ Томас Мор, Утопия, 1947, стр. 214.

чески: все власти выборные, причем все должностные лица избираются на один год, за исключением князя, избираемого пожизненно.

Существует центральный орган — сенат Утопии, в который каждый город посылает трех депутатов. Сенат Утопии осуществляет главным образом экономические функции, наблюдая за правильным распределением в стране продуктов и рабочей силы.

Должностные лица заняты главным образом организацией производства и коллективного потребления. Они наблюдают за тем, чтобы никто не был праздным и чтобы все усердно занимались своим ремеслом. Меняется и самый характер власти. Должностные лица в Утопии не проявляют надменности и не внушают страха. Их называют отцами, им оказывают добровольный почет. Наиболее важные дела решает народное собрание.

Мор осуждает войны. Утопийцы избегают войн; они представляются им чем-то ужасным, остатком звериной грубости. Тем не менее по необходимости им все же приходится воевать.

Законов у утопийцев мало, у них нет бесчисленных томов, содержащих законы и их разъяснения. Они решительно отвергают помощь адвокатов, у утопийцев законоведом является всякий. В этом рассказе Мора нельзя не видеть явного намека на английские порядки и суровой критики английской юриспруденции.

Преступность деяний не предусмотрена законом. Вопрос о преступлениях и наказаниях решается сенатом.

Уголовноправовые взгляды Мора проникнуты гуманизмом. Мор осуждает суровость наказаний в современной ему Англии и решительно высказывается против применения смертной казни в качестве наказания за воровство. «...Простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову...»¹. Несправедливо, говорит Мор, отнимать жизнь у человека за отнятие денег, считать все прегрешения равными, не делая никакой разницы между убийством человека и кражей у него гроша.

Мор стоит за назначение смертной казни рецидивистам. Неисправимых он предлагает закалывать, как неукротимых зверей, которых не могут обуздать ни тюрьма, ни цепь.

Мор высказывается за полную веротерпимость. В Утопии существует одновременно несколько культов и нет никаких ограничений, связанных с принадлежностью к той или иной религии. Выступая в качестве раннегоборника принципа свободы совести, Мор не проводит его до конца. Все граждане Утопии обязаны верить в бога, в бессмертие души, в загробные наказания за пороки и награды за добродетели. И хотя атеисты не подвергаются никакому наказанию, однако им не разрешается занимать государственные должности, и они лишаются всякого уважения в обществе.

По имени «Утопии» слово «утопический» стало нарицательным для обозначения попыток изобразить картину будущего строя без указания действительных путей его осуществления.

¹ Томас Мор, Утопия, 1947, стр. 52.

В материальных условиях жизни английского общества XVI века не было никаких предпосылок для осуществления идей Мора. Не было еще и того класса, который способен был бы совершить общественный переворот,— современного пролетариата. Мор не мог указать путей создания идеального общества. Он остался мыслителем-одиночкой, не связанным с массами.

В построении своего идеала Мор не поднялся над уровнем средневекового ремесла с его низкой техникой и мелким производством и не понял значения промышленного прогресса, который вызывал в его время страшные бедствия народа. Однако уже самое изложение идей утопического социализма имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего развития политической мысли.

§ 7. Общественно-политические воззрения Томазо Кампанеллы

1. Идея утопического социализма, спустя почти столетие, развивается в Италии Томазо Кампанелла (1568—1639).

Литературную деятельность Кампанелла начал в двадцатилетнем возрасте, когда вышла в свет его первая работа по философии.

Вместе с тем Кампанелла выступал как активный участник политической жизни. В 1599 году он организовал заговор против испанского владычества в Калабрии, намереваясь захватить власть и осуществить широкий план преобразования общественного и политического строя своей родины. Заговор был раскрыт вследствие предательства. Кампанелла был присужден к пожизненному тюремному заключению и провел в тюрьме двадцать семь лет. На свободу он вышел только в 1626 году.

Самое замечательное из произведений Кампанеллы — «Город Солнца» («Civitas solis»), написано им под впечатлением тяжелого положения трудящихся масс Италии. В нем Кампанелла, следуя Мору и отражая чаяния народных масс, стремившихся к освобождению от гнета и эксплуатации, дает очерк утопического государства.

Рассказ ведется от имени путешественника, сообщающего о том, что он видел в неведомых странах во время кругосветного плавания. Рассказчик дает описание общественного строя и политической организации «Города Солнца», расположенного где-то у экватора на острове Тапробана.

2. Город раскинулся на холме и разделен на семь больших кругов, прекрасно укрепленных и почти не доступных врагу.

Общественный строй характеризуется обязательностью труда для всех граждан и отсутствием частной собственности. Все общественные должности и работы распределены между всеми гражданами. В отличие от Мора Кампанелла решительно высказывается против рабства.

Занятия предоставляются каждому в соответствии со склонностями, которые обнаруживаются у него с детства. И поскольку

профессия каждого соответствует его естественным влечениям, все исполняют возлагаемые на них поручения весьма охотно. Однако занятия земледелием, скотоводством, а также военным делом обязательны для всех. Наиболее тяжелые работы (например, кузнечное дело или строительство) считаются самыми почетными.

Все создаваемое трудом соляриев считается общим достоянием. Все необходимое для жизни граждане получают от государства.

У соляриев нет никакой собственности, и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им, заключает Кампанелла.

3. В идеальном государстве Кампанеллы можно видеть осуществление некоторых принципов демократии. Два раза в месяц созывается собрание всех граждан, достигших двадцатилетнего возраста, — Большой совет, который намечает кандидатов на высшие должности государства, контролирует должностных лиц и обладает правом их смещения.

Во главе государства стоит первосвященник, которого солярии называют Солнцем, или Гогом. Ему помогают в управлении государством три советника: Пон, Син и Мор, что означает Сила, Мудрость, Любовь. «Сила» управляет делами войны и мира, то есть ведет организацией вооруженных сил и всем, относящимся к обороне страны; «Мудрости» поручены все искусства и науки; на «Любовь» возложена забота о деторождении, воспитании, медицине, земледелии и обо всем, что касается личной жизни и быта.

В изображении политической организации Кампанелла не поднимается над уровнем средневековых феодальных представлений, отражая в своем проекте теократические принципы и практику управления, принятую в католических церковных организациях.

Вместе с тем произведение Кампанеллы отражает известное влияние идей Платона¹. Однако это влияние нельзя переоценивать. Коммунистический проект Кампанеллы коренным образом отличен от проектов Платона, имевших целью укрепить аристократическую диктатуру рабовладельцев.

Большое значение Кампанелла придает военному делу. Оно обязательно для всех, причем женщины обучаются ему наравне с мужчинами, а на войне помогают мужчинам, защищая стены города. Армия у соляриев служит целям обороны страны. Успешному ведению военных операций содействуют высокий патриотизм соляриев, которые пылают такой любовью к родине, «какую и представить себе трудно», их стойкость, выработанная в них воспитанием, а также высокое развитие военной техники, которую Кампанелла признает важным фактором военного успеха.

Относясь враждебно к сложному и запутанному законодательству своего времени, Кампанелла заявляет, что у соляриев «законы...немногочисленны, кратки и ясны». Упрощено и судопроизводство, которое ведется устно.

¹ См. Кампанелла, Город Солнца. Вступительная статья В. П. Вольгина, 1947, стр. 10 и след.

Характерным для Кампанеллы в его трактовке уголовного права является: смешение права с моралью, отождествление понятия преступления и греха и признание за духовными лицами права на осуществление правосудия. Все это свидетельствует о том, что он был не в силах освободиться от средневековой религиозной идеологии.

В городе Солнца судят за малодушие, гордость и нерадивость. Наказания имеют целью исправление преступника — они «являются истинными и верными лекарствами». Поэтому на преступника, прежде чем наказать его, воздействуют убеждением, по-видимому, разъясняя ему значение его поступка и призывая выразить согласие с назначенным ему наказанием. Вместе с тем для умышленных преступлений действует принцип талиона. Наказание у соляриев суровое — в значительном числе случаев применяется смертная казнь, практикуются телесные наказания, изгнание, удаление от общественного стола. Тюрем в городе Солнца нет.

Социалистический идеал, выдвинутый Кампанеллой в его «Городе Солнца», подобно идеалу Мора, был неосуществим в условиях жизни Европы XVII века. Тем не менее произведение Кампанеллы, как и «Утопия» Мора, оказало влияние на последующее развитие идей утопического социализма.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

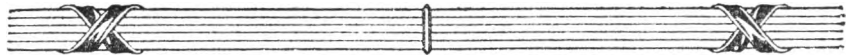
- Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3, с. 314.
Маркс К., Капитал, т. I, гл. XXIV, Госполитиздат, 1953, с. 718—767.
Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, с. 254—269, 333.
Энгельс Ф., Крестьянская война в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 7.
Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1952, с. 83—145.
Энгельс Ф., Юридический социализм, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, с. 295—298.

Источники

- Макиавелли, Сочинения. Вступительная статья А. К. Дживелегова, М.—Л., 1934.
Мор Томас, Утопия. Предисловие В. П. Волгина, М., Издательство Академии наук СССР, 1953.
Кампанелла, Город Солнца. Предисловие В. П. Волгина, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1954.
Ла Боэси Э., Рассуждения о добровольном рабстве. Перевод и комментарии Ф. А. Коган-Бернштейн, Издательство Академии наук СССР, 1952.

Дополнительная

- Смирин М. М., Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война, М., 1955.
Лафарг П., Кампанелла, М.—Л., 1926.
-

ГЛАВА IX

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. Предпосылки ранних буржуазных революций в странах Западной Европы. Естественноправовые теории XVII—XVIII вв.— идеологическое оружие буржуазии в борьбе за власть. § 2. Учение о государстве и праве Гуго Гроция. § 3. Политические воззрения Спинозы. § 4. Политическая идеология в Англии в период буржуазной революции XVII века

§ 1. Предпосылки ранних буржуазных революций в странах Западной Европы. Естественноправовые теории XVII—XVIII вв.— идеологическое оружие буржуазии в борьбе за власть

1. В XVI—XVIII вв. происходит дальнейшее развитие капиталистических отношений в передовых странах Западной Европы.

В Англии, Голландии, Франции крупных успехов достигает шерстяная, хлопчатобумажная, шелковая промышленность. Образуются крупные промышленные предприятия. Вслед за рассеянной мануфактурой с работающими на дому кустарями появляется централизованная мануфактура. Развитие промышленного производства сопровождается ростом торговли. Ширится обмен с колониальными странами, крепнут международные торговые связи в Европе. Франция экспортирует сукно, шелк, металлические изделия, кружева, фарфор, хрусталь, вино и другие товары. Англия вывозит хлопчатобумажные ткани, бумагу, шерсть и т. д., ввозит лес, хлеб, лен. Морская торговля вызывает развитие кораблестроения, создаются большие торговые флоты. Система государственного кредита вместе с системой откупов содействует росту денежных капиталов и широкому развитию кредита, приобретавшему международный

характер. Крупные банки широко кредитуют различные промышленные и торговые начинания.

Однако сохранившиеся феодальные производственные отношения в странах Западной Европы тормозили дальнейшее развитие производительных сил. Этим тормозом была прежде всего феодальная собственность на землю, являвшаяся основой всех феодальных отношений. Развитию капитализма препятствовали также феодальные государство и право, защищавшие и охранявшие феодальные порядки и отношения. Правда, феодальное абсолютистское государство содействует процессу первоначального накопления капитала, предоставляя субсидии, устанавливая покровительственные пошлины. Насильственно экспроприируя крестьян и заставляя безработных наниматься на работу за ничтожную плату, оно обеспечивает промышленности дешевые рабочие руки. Оно привлекает в свою страну выдающихся мастеров и специалистов, заботится о сбыте производимых товаров, охраняет торговые пути, завоевывает новые позиции в мировой торговле.

Но все эти мероприятия, содействующие капиталистическому развитию, сопровождаются мелочной правительственной регламентацией, стеснительной опекой, бюрократическим вмешательством в деятельность предпринимателей.

Осуществляя некоторые меры, способствовавшие развитию капиталистических отношений, абсолютистское государство тем не менее продолжало оставаться силой, защищавшей старый, отживший свой век феодальный базис.

В XVII—XVIII вв. окрепнувшая промышленная и торговая буржуазия — в одних странах раньше, в других позже — уже не считала возможным мириться с существованием абсолютной монархии. Она была недовольна своим приниженным положением, ограничением прав, была заинтересована в ликвидации феодальных отношений и главным образом в превращении феодальной земельной собственности в капиталистическую, чтобы этим расчистить почву для широкого применения наемного труда, более производительного, чем труд крепостных. Буржуазия добивалась устранения препятствий к развитию ее предпринимательской инициативы, отмены налоговых льгот дворянства и духовенства, упразднения всех сословных делений, привилегий, повинностей, присущих феодальному строю.

2. Идеологи буржуазии преподносили ее требования в качестве непреложных выводов из «вечных» принципов естественного права. Новые общественные и политические порядки, которые стремилась утвердить буржуазия, изображались как «естественные», соответствующие природе, находящие свое оправдание в коренных свойствах человеческого естества.

Апелляция к естественному праву означала вместе с тем разрыв с теологическими, богословскими представлениями о государстве и праве, господствовавшими в феодальном обществе. Правда, понятие о естественном праве встречалось также в философии и юриспруденции античного мира и средневековья. Но, в то время как в средние

века естественное право рассматривалось как разновидность или модификация божественного закона, большинство представителей естественноправовой теории XVII—XVIII вв. стремилось освободить учение о естественном праве от всяких религиозных представлений.

Учение о естественном законе и естественных правах людей стало идеологическим оружием буржуазии в ее борьбе за разрушение феодального строя и за овладение властью. Оно наносило удары средневековым представлениям о божественном происхождении королевской власти, разрушало феодальное религиозное мировоззрение, представлявшее идеологическое оружие феодального государства. Естественноправовая доктрина стала оружием критики феодального строя: она объявила неразумными и не отвечающими естественному праву все старые учреждения и порядки и на этом основании требовала их отмены и создания новых общественных отношений и новой политической организации.

Выдвигая идею о естественных правах человека, буржуазия поднимала знамя буржуазно-демократических свобод, которое помогло ей встать во главе общественных сил, борющихся с феодализмом.

§ 2. Учение о государстве и праве Гуго Гроция

1. Первой попыткой систематического изложения теории естественного права соответственно интересам буржуазии в ее борьбе против феодализма является учение о естественном праве голландского юриста Г у г о Г р о ц и я (1583—1645).

Система взглядов Гуго Гроция сложилась под прямым и непосредственным влиянием буржуазной революции в Нидерландах, происшедшей в этой стране как результат борьбы всего нидерландского народа за политическую и религиозную свободу, против испанского владычества.

В первом сочинении—«Свободное море»,—вышедшем в 1609 году, Гуго Гроций защищает в интересах Голландии, ставшей уже в это время могущественной морской и колониальной державой, свободу моря против притязаний Испании, которая объявила своим исключительным правом плавание по океану и торговлю с Индией, мотивируя это тем, что такое право было дано ей римским папой. Гроций выступает и против Англии, которая предъявляла свои притязания на море, пользуясь могуществом своего флота.

Вмешательство в спор между религиозно-политическими партиями повлекло осуждение Гроция к пожизненному заключению, но ему удалось бежать из тюрьмы, после чего он покинул Голландию.

В Париже Гроций написал и издал в 1625 году свою знаменитую книгу «О праве войны и мира».

Эта работа Гроция посвящена главным образом проблемам международного права, но для решения этих проблем он должен был дать ответы на более общие принципиальные вопросы, в частности на вопрос о праве вообще и о субъекте международных отношений, то есть о государстве.

Вопреки феодальным богословским представлениям Гроций учит, что право основывается не на воле бога, а на «природе» человека.

Качество, отличающее людей от животных, выражается в стремлении к общению, притом к мирному, организованному согласно требованиям разума. Это стремление к общению существует только у человека. Оно, по утверждению Гроция, и есть источник права, независимый от существования норм положительного права.

Таким образом, Гроций приходит к выводу, что право коренится в самой природе человека и существует независимо от законов, установленных у различных народов.

Из этого лежащего в природе человека стремления к общению он выводит ряд требований: не трогать чужого добра; возвращать то, что нам не принадлежит; исполнять обещания; вознаграждать за причиненный вред и пр. Эти требования он считает нормами естественного права.

Человек наделен не только стремлением к общению, но и разумом, то есть он понимает, что может быть согласно с этим стремлением к общению и что противоречит ему. Право, по мнению Гроция, должно пониматься как соответствующее природе общественно-разумных существ справедливое действие.

Итак, у Гроция первым источником права является природа человека. Однако, будучи непоследовательным в своем отношении к религии, он оговаривается, что хотя естественное право действовало бы и без бога, но все же бог существует и является творцом всего сущего. Поэтому вторым источником права Гроций признает бога и, таким образом, наряду с естественным правом признает область права божественного.

Так как одним из требований естественного права является обязанность исполнять свои обещания, то и воля людей является источником обязательных правил, установленных соглашением. Это — третий вид права — право человеческое, которое разделяется на внутригосударственное и на право, регулирующее отношения между народами (*jus gentium*). Изменчивое, произвольное божественное и человеческое право противопоставляется естественному, неизменному.

Естественное право не может быть изменено даже богом. Бог не может сделать, чтобы дважды два не было четыре, и помешать дурному быть дурным.

Таким образом, учение Гроция о естественном праве, хотя и повторяет воззрения античных и средневековых мыслителей, но обнаруживает вместе с тем ряд специфических черт, присущих идеологии буржуазии в XVII—XVIII вв. В отличие от стоиков и римских юристов Гуго Гроций считает, что естественное право представляет собой явление, присущее только разумной природе человека. От средневековых мыслителей его отличает тенденция освободить юридическую науку от опеки богословия, хотя и выраженная очень робко и непоследовательно. В учении Гроция видны признаки на-

рождающегося юридического мировоззрения, которое, по характеристике Энгельса, было «обмирщением (Verweltlichung) теологического»¹.

2. Решая вопрос о государстве, Гроций изображает его как организацию, служащую «общей пользе», и дает следующее его определение: «Государство ... есть совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы»².

По Гроцию, государство — результат сознательной деятельности людей и возникло как следствие договора.

Это представление о договорном характере образования государства было вообще типично для всех учений о естественном праве. В то время эта идея играла прогрессивную роль, так как была идеологическим оружием для буржуазии в борьбе с феодалами. Понимая государство как союз людей под властью одного или нескольких лиц, основанный на добровольном соглашении, можно было находить правовые основания для притязаний к верховной власти в случае нарушения ею этого договора.

Взгляды Гроция вполне соответствовали интересам тех кругов голландской буржуазии, которая захватила власть. Гроций отрицает мнение, что носителем суверенитета является народ и что, следовательно, воля народа выше воли государя. По его мнению, можно допустить, что народ был когда-то суверенным, но он передал добровольно свой суверенитет избранным им лицам. Носителем суверенитета Гроций считает государя, то есть в решении этого вопроса примыкает к Бодену.

Взгляды Гроция на верховную власть сохранили следы средневековой юриспруденции. Разрешая вопрос об объекте власти государства, Гроций держится патримониальной теории, по которой объектом власти считается само государство, причем по способу приобретения эта власть является такой же, как и право собственности.

3. Заслуживает внимания точка зрения Гуго Гроция на происхождение частной собственности. Он еще не считает этот институт присущим самой природе человека, как некоторые другие представители учения о естественном праве. Частная собственность, по мнению Гроция, возникла в результате соглашения людей — либо явного, как, например, при разделе имущества, либо молчаливого, как, например, при завладении.

Поскольку право собственности, по учению Гроция, установлено человеческой волей, присвоение чужого против воли собственника неправомерно. Поэтому, как утверждает Гроций, между всеми собственниками существует молчаливое соглашение возвращать случайно попавшие кому-либо вещи их владельцам. Право собственности он определяет как возможность распоряжения вещью и отчуждения ее. Природа требует также возмещать причиненный вред, чтобы устранить нарушенное равновесие. Даже вред, нанесенный чести,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 296.

² Гуго Гроций, О праве войны и мира, кн. I, гл. 1, XIV, М., 1956, стр. 74.

надо возмещать деньгами, так как деньги — мерило всего, имеющего полезность, то есть потребительную ценность. В этом сказывается типично буржуазная точка зрения Гроция.

Гуго Гроций считался раньше основателем науки международного права. Это неверно, так как у него были предшественники, в частности итальянский юрист Джентиле.

Гроций выдвинул в области международного права ряд прогрессивных требований.

Следует особо подчеркнуть ту заслугу Гуго Гроция, что он не побоялся в условиях своей эпохи высказать взгляды, представляющие собой резкое осуждение варварской практики Тридцатилетней войны. Так, он требовал гуманности во время военных действий, требовал щадить женщин и детей и человечно обращаться с военнопленными.

Он отрицает мнение, будто в международных отношениях сила решает все. В основе международных отношений должны лежать, по его словам, право и справедливость. Это и есть «общенародное» право (*jus gentium*). Источниками этого права являются природа и соглашение народов. Гроций считает, что международное право представляет собой часть естественное, частью положительное право.

Хотя учение Гроция о естественном праве еще не получило той остроты, которую оно приобрело впоследствии, и у него не видно еще полного разрыва с религией, тем не менее идеи Гроция оказали большое влияние на развитие учения о естественном праве и вообще на развитие юридической науки, в частности международного права.

§ 3. Политические воззрения Спинозы

1. Другим представителем естественноправовой теории в Голландии XVII века, отражавшим взгляды голландской буржуазии, был известный философ Барух (Бенедикт) Спиноза (1632—1677).

Главное его произведение — «Этика, доказанная геометрическим методом», над которым он работал более двенадцати лет. Свои политические взгляды Спиноза изложил в двух сочинениях — в «Богословско-политическом трактате» и «Политическом трактате».

Спиноза придерживался метафизического, механистического материализма. Он объяснял мир из единого начала. Его положение о единстве мира, о единой субстанции, которая никем не сотворена, вечно существует и должна быть объяснена из самой себя, означает разрыв с религиозными представлениями, согласно которым мир создан богом.

Спиноза говорит, что мир не есть продукт творения. Природа не создана богом. Бог и природа — это одно и то же. Энгельс отмечает как огромное достижение философии XVII—XVIII вв. то, «...что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими

материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого...»¹.

Однако Спиноза рассматривает мир как единую, неизменную субстанцию. Идея развития чужда его учению.

Существенной чертой философии Спинозы, особенно важной для понимания его учения о государстве и праве, является строгий детерминизм. В природе все совершается необходимо, учит Спиноза, все строго детерминировано, имеется неразрывная цепь причин и следствий, нет ничего случайного. Понятия добра, зла, красоты, безобразия, совершенства, несовершенства, обусловленные представлениями о целях, выражающие оценки людей, порожденные их собственными пожеланиями и стремлениями, лишены научного значения. В природе ничего им не соответствует.

Спиноза исходит из того, что действия человека тоже подчинены строгой необходимости и что все в его деятельности совершается в силу определенных причин. Свобода мыслима только в пределах необходимости: человек свободен, когда руководствуется одним только разумом, когда его действия определяются причинами, которые могут быть поняты из его природы.

Человек — такая же часть природы, как и все остальные существа и предметы. Поэтому, учит Спиноза, человека и все его действия нужно рассматривать так же, как если бы речь шла о линиях, телах, плоскостях. Геометрический метод, по его мнению, вполне применим к изучению деятельности человека и человеческих страстей.

2. Сущность государства и права и их происхождение Спиноза пытается объяснить с точки зрения естественной необходимости. Отсюда — обращение к «природе» человека, к естественным основам общежития. Учения о развитии общества у Спинозы совсем нет: он исходит из некоторой вечной и неизменной природы человека, которая должна объяснить происхождение и сущность государства.

Исходным в учении Спинозы о государстве и праве становится понятие естественного права, под которым он подразумевает «сами законы или правила природы, сообразно с которыми совершается все...»². Спиноза говорит о естественном праве любых живых существ и даже о естественном праве любых вещей. «...Рыбы, например, — поясняет он свою мысль, — определены природою к плаванью, большие — к пожиранию меньших; стало быть, рыбы по высшему естественному праву владеют водою, и притом большие пожирают меньших»³.

Естественное право отдельного индивида простирается дотоле, доколе простирается его мощь. Человек имеет столько естественных прав, сколько имеет силы.

Нетрудно видеть, что сила, о которой говорит Спиноза, сила, тождественная праву отдельного человека, не есть физическая сила,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 56.

² Спиноза, Политический трактат, гл. II, 4.

³ Спиноза, Богословско-политический трактат, гл. XVI.

а есть его социальная мощь. Позднейшие буржуазные идеологи прямо сводили все право к силе частных собственников. «Впоследствии, в XVIII веке во Франции и в XIX веке в Англии,— говорил Маркс,— всё право было сведено к частному праву..., а последнее — к вполне определённой силе, к силе частных собственников...»¹.

Стремясь объяснить происхождение государства, Спиноза заявляет, что мощь человека, его самосохранение лучше всего обеспечиваются господством разума, разум же предписывает человеку искать общения с другими людьми, потому что в одиночку он не сможет приобрести все, что нужно ему для жизни. Вне общества человек не может быть в безопасности, его естественные права не обеспечены.

Поэтому люди переходят из естественного состояния в гражданское. Изображая государство как организацию, призванную служить интересам всех членов общества, Спиноза говорит, что люди соединяют свои силы и свои естественные права и создают государственную власть, чтобы жить «безопасно и наилучшим образом». При этом договор совпадает с действительным объединением сил людей. В «Политическом трактате» договор совсем отступает на задний план.

Спиноза объясняет объединение людей и образование государства идеалистически — действием природных влечений и страстей, вынуждающих людей соединять свои силы.

Он отправляется от эгоистического индивида, преследующего своекорыстные интересы, но вынужденного ограничивать себя при столкновении с другими лицами. Самое государство Спиноза рассматривает как продукт этого самоограничения. Не понимая классового характера государства и права, Спиноза утверждает, что с образованием государства создается «общее право», которое определяется мощью всех объединившихся в нем людей. Это — «общее право», которое является результатом объединения естественных прав отдельных людей и соединения людей в одно целое, именуется властью. Общество и государство возникают, когда люди объединяют свои силы и тем самым увеличивается мощь каждого отдельного индивида. Спиноза, как и другие представители естественноправового направления, ставит знак равенства между государством и обществом.

Своеобразие учения Спинозы состоит в том, что в отличие от Гроция и Гоббса (см. ниже, § 4) он понимает естественный закон как закон природы, отождествляет его с естественной необходимостью, которой подчинены все живые существа в мире. Он утверждает, что естественное право не прекращается, а сохраняется с образованием государства, что естественное состояние не устраняется полностью, а лишь преобразуется в государстве.

В изображении естественного состояния у Спинозы отражаются особенности буржуазных общественных отношений со свойственной им взаимной враждой собственников, с их волчьими законами вытеснения и уничтожения экономически более слабых конкурентов.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 314—315.

Отстаивая принципы буржуазной государственности, Спиноза ставит вопрос о пределах государственной власти, о неотчуждаемых естественных правах, на которые не может посягать государство.

Есть нечто, учит Спиноза, чего государство не может добиться ни угрозами, ни наградами. Никто не может отказаться от способности суждения. Нельзя заставить человека полюбить того, кого он ненавидит, и ненавидеть того, кого он любит. Нельзя заставить убивать родителей, нельзя добиться, чтобы люди перестали избегать смерти, и т. п. Есть, следовательно, какие-то пределы для проявления государственной власти.

В некоторых других случаях государственная власть, чтобы лучше обеспечить свою прочность, хотя и может, но не должна обращать к гражданам своих повелений.

Верховная власть, утверждает Спиноза, не должна посягать на свободу человеческой мысли и религиозную свободу. Лицемерие, вероломство, обман будут результатом подавления свободы мысли и совести со стороны государства.

Эти положения Спинозы были в первую очередь направлены против религиозной нетерпимости и фанатизма духовенства.

Однако Спиноза считал, что в некоторых государствах, а именно в аристократиях, религиозная свобода не должна быть безграничной. Здесь религия должна быть в каких-то минимальных пределах обязательной для всех граждан (патрициев). Спиноза, таким образом, выдвинул идею так называемой гражданской религии, обязательной для каждого человека как гражданина. Эта мысль, как увидим дальше, была воспринята Руссо. Известное ограничение вводит Спиноза также и для осуществления культов; практика благочестия, говорит он, должна сообразоваться со спокойствием и пользой государства. Хотя у Спинозы и имеются оговорки о некотором ограничении религиозной свободы, тем не менее значение его учения велико. Спиноза выступает как передовой мыслитель XVII века, который смело высказывается против религиозной нетерпимости, за свободное научное исследование.

Он энергично критикует церковников, которые, проповедуя религию, подавляли всякую свободу мысли, принижали человеческий разум. Он стоит за просвещение, способное расчистить почву для развития науки.

3. Касаясь форм государственного строя, Спиноза объявляет наилучшим строем государства тот, в котором наиболее обеспечены мир и безопасность, а также свобода граждан и которому в наибольшей мере присущи прочность и устойчивость. В этих положениях сказывается стремление Спинозы предотвратить новые перевороты, способные поставить под угрозу приобретения буржуазии.

Ожесточенная политическая борьба продолжалась в Голландии и после революции XVI века. Дворянство и духовенство мечтали о возвращении неограниченной монархии, буржуазные круги

отстаивали республику. При этом буржуазия опасливо относилась к народным массам, и потому в ее идеологии обнаруживалась склонность к компромиссу с дворянством, подчеркивались не столько принципы народоправства, сколько требования личной независимости и свободы.

Спиноза выступает решительным противником неограниченной монархии. Он считает необходимым ограничение власти короля представительными учреждениями и судебными коллегиями. Его симпатии, однако, находятся на стороне демократии, правда урезанной и ограниченной.

Спиноза выдвигает положения, которые позволяют сближать его с Руссо, многие утверждения которого он, несомненно, предвосхищает. Он говорит, например, что в демократии каждый, соединяясь со всеми, повинуетя лишь самому себе, что в демократиях не приходится опасаться нелепых постановлений, так как почти невозможно, чтобы большинство сошлось на каком-либо абсурде.

Глава «Политического трактата», специально посвященная демократии, осталась неоконченной, и мы не знаем всех соображений Спинозы относительно этой формы государства.

Спиноза подробно останавливается на аристократии — строе, где правит привилегированная верхушка — патрициат. Численное отношение патрициев к остальному населению должно быть, по Спинозе, не менее 1 : 50.

Из своей среды патрициат избирает совет синдиков, куда могут входить только лица, достигшие шестидесятилетнего возраста, и сенат для заведования делами управления. Последний выделяет из своего состава коллегия тридцати консулов.

В изображении аристократического строя Спиноза воспроизводит черты различных государств, имевших аристократический строй: Спарты, Рима, Венеции. Некоторые особенности он заимствует у современной ему Голландии, например федеративную организацию республики, которую он считает предпочтительной для аристократии. Однако современного ему политического строя Голландии в целом Спиноза не одобряет, считая его недостаточно прочным в борьбе против феодальной реакции.

Учение Спинозы о государстве свободно от влияния религиозных идей. Стремясь рассматривать все общественные явления под углом зрения естественной необходимости, Спиноза порывает с богословскими концепциями, но он придерживается в то же время весьма ограниченных механистических взглядов на общество. Он выдвигал требование самостоятельного подхода к политике.

В его учении политика освобождалась от религии и от морали и должна была строиться на своих собственных основаниях.

Прогрессивное значение политических идей Спинозы заключается и в том, что он выступал против неограниченной монархии, с защитой некоторых новых, буржуазных принципов организации государственной власти, что он с большой силой и убедительностью отстаивал свободу мысли и совести.

§ 4. Политическая идеология в Англии в период буржуазной революции XVII века

1. XVII век в истории Англии ознаменовался буржуазной революцией, которая закончилась блоком, компромиссом двух классов — дворянства и буржуазии. В обширной политической литературе этого времени отразилась борьба классов и партий, происходившая в ходе революции.

Сторонникам короля — «кавалерам», выражавшим интересы феодалов, противостояли приверженцы парламента, среди которых наметилось несколько партий с различными требованиями — от пресвитериан до индепендентов и левеллеров. Против преобладавших в парламенте защитников буржуазии и нового дворянства поднимается со своими более радикальными требованиями революционная армия, отражавшая непосредственно настроения трудящихся масс. Последние выступают в некоторых течениях политической мысли с программой, выходящей за пределы наличных материальных условий жизни, требуя отмены частной собственности на землю, запрещения торговли, полной реорганизации общественных отношений.

2. Сторонники короля пытались отстаивать абсолютизм королевской власти главным образом образом религиозными доводами. Карл I, как и его предшественник Яков I, и их приверженцы утверждали, будто король является наместником бога на земле и что всякий приказ короля есть веление бога. Распространение получила среди монархистов также патриархальная «теория» происхождения королевской власти. Один из сторонников короля — баронет Роберт Фильмер, отстаивая интересы английской аристократии, выступил в 1646 году с сочинением «Патриарх или естественная власть королей», в котором пытался обосновать неограниченность королевской власти тем, что короли якобы являются преемниками мифического первого человека — Адама, которого бог наделил будто бы не только отеческою, но и королевскою властью над своим потомством. От Адама эта власть перешла к старшему в роде, и в конце концов ее носителями стали короли. Парламент, по словам Фильмера, — это не более как королевский орган, призванный содействовать в издании законов королю, ответственному только перед богом.

Сторонником королевского абсолютизма в Англии в XVII веке был также Томас Гоббс (1588—1679), видный представитель естественноправового учения.

В отличие от других защитников королевской власти Гоббс пытался обосновать абсолютизм с позиций буржуазной доктрины естественного права.

В борьбе короля и парламента, которая развернулась в Англии накануне английской буржуазной революции XVII века, Гоббс сразу стал на сторону короля. В 1640 году, через несколько дней после роспуска Короткого парламента и накануне созыва Долгого, Гоббс опубликовал небольшой трактат «Защита власти и прав короля, необходимых для сохранения мира в государстве». Создавшаяся

в результате этого выступления угроза безопасности Гоббса заставила его бежать из Англии. В течение долгого времени он оставался во Франции в политической эмиграции.

В Париже Гоббс написал сочинение «О гражданине» («De cive»), опубликованное в 1642 году, а также «О теле» (1655 г.) и «О человеке» (1658 г.). Здесь Гоббс опубликовал и другое свое сочинение на политические темы, озаглавленное «Левиафан». Отстаивая неограниченную монархию, Гоббс не встречал, однако, сочувствия и поддержки со стороны монархистов, неодобрительно относившихся к его передовым философским воззрениям и к его способу защиты монархии. В январе 1652 года Гоббс возвратился в Англию, где в этот момент, у власти стоял Оливер Кромвель. Последний предложил Гоббсу высший пост секретаря английской республики, от чего Гоббс отказался.

В период реставрации Гоббс подвергся травле, а после его смерти книги, написанные им, были публично сожжены.

По своим философским взглядам Гоббс был представителем механистического материализма. Он считал, что мир состоит из мельчайших частиц материи — атомов. При этом тела существуют независимо от нашего сознания. Материя не создается и не исчезает. Она существует вечно и познается при помощи наших органов чувств, а также при посредстве разума.

С точки зрения Гоббса, математический, геометрический метод есть универсальный научный метод. Он должен найти применение в области не только естественных наук, но и наук общественных, не только там, где речь идет об естественных телах, но и там, где дело идет об искусственных телах, о «моральном» пространстве, о жизни общества не только в физике, но и в политике.

Такой подход к вопросам общественной науки, конечно, был шагом вперед по сравнению с богословской, религиозной трактовкой общественно-политических вопросов. Заслугой Гоббса, как и Гуго Гроция и Спинозы, является то, что он рассматривал государство и иные явления общественной жизни, пытаясь использовать естественнонаучный метод познания. Названные мыслители стали, как говорит Маркс, «...рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии»¹. Однако абстрактный, антиисторический метод естественного права, который отстаивал Гоббс, разумеется, весьма далек от подлинно научного изучения общественных явлений.

3. Механистические воззрения Гоббса обнаруживаются полностью и в его учении о государстве. Государство он представляет себе как большой механизм, образовавшийся в результате движения и столкновения человеческих стремлений и страстей.

Подобно Гуго Гроцию, Гоббс пытается исследовать прежде всего абстрактно взятую «природу» человека и из нее вывести то, что представляет собой государство.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 111.

Первоначальным элементом государства, из которого надо исходить при его изучении, с его точки зрения, является отдельный изолированный человек, находящийся в естественном состоянии.

Гоббс исследует абстрактно, антиисторически вопрос о том, что представляет собой человек как таковой, какова его природа. Он не согласен с Гуго Гроцием, который утверждал, что по природе человеку свойственно стремление к общению с другими людьми. Гоббс считает, что страх, а не «общежительный» инстинкт порождает общество, что человек по природе, по своей сущности эгоистичен. Наблюдая жизнь современной ему Англии и обобщая свои наблюдения, Гоббс утверждает, что человек ищет не общения, а господства и что к другим людям его влечет не любовь, а жажда славы и удобства. Повсюду человек добивается только своей выгоды и стремится избегать страданий, но так как у всех людей, по словам Гоббса, силы одинаковы, то отсюда он делает вывод, что по природе все люди равны: каждый имеет в естественном состоянии право на все. Природа дала все всем. Поэтому, по учению Гоббса, люди в естественном состоянии пребывают в постоянной вражде друг с другом. Они проникнуты жаждой вредить друг другу. Человек боится другого человека, как своего врага, ненавидит его, старается ему навредить. Эгоистические стремления и страх характеризуют человека в естественном состоянии. «Человек человеку — волк». По словам Гоббса, естественное состояние есть, таким образом, состояние всеобщей войны — войны всех против всех.

В этом изображении естественного состояния отражается картина буржуазного общества с присущими ему острыми антагонизмами и конкурентной борьбой. Вместе с тем в характеристике, даваемой Гоббсом естественному состоянию, нельзя не видеть также отголоска тех враждебных революции настроений, которые он разделял.

Естественное состояние есть самый жалкий удел человечества, говорит Гоббс, жизнь человека в естественном состоянии одинока, бедна, груба, кратковременна. Нельзя желать сохранения этого состояния, учит Гоббс, не становясь в противоречие с самим собой и здравым рассудком. Напротив, следуя разуму, каждый должен стремиться выйти из естественного состояния, искать мира во что бы то ни стало.

Требования разума Гоббс именует естественными законами. Первый, основной, естественный закон гласит: нужно искать мира, нужно положить конец этому состоянию всеобщей вражды человека к человеку. А для этого нужно заключить общественный договор, который позволит выйти из естественного состояния и послужит основанием для новой формы взаимного общения людей — государства.

Но этот договор может стать средством устранения всеобщей войны лишь в том случае, если он будет выполняться. Поэтому второй естественный закон гласит: нужно соблюдать договоры. Это соответствует естественному праву. Из основного закона природы Гоббс выводит и ряд других законов, устанавливающих обязанности человека, соблюдение которых необходимо для достижения мира. Среди

них он называет обязанность проявлять благодарность, прощать прошлые обиды, проявлять уважение к другим, признавать равенство людей по природе и т. п.

Естественные законы в понимании Гоббса — это законы морали. Гоббс заявляет, что естественные законы неизменны и вечны. То, что они запрещают, не может быть никогда дозволено, и то, что они предписывают, никогда не может быть запрещено. Гоббс исходит, таким образом, из идеалистического представления о вечных и неизменных правилах морали, имеющих силу во все времена, для всех обществ и в равной мере применимых ко всем членам любого общества. Однако в естественном состоянии, по Гоббсу, естественные законы бессильны, так как их соблюдение необязательно, пока нет уверенности в том, что и другие будут поступать согласно предписаниям естественных законов. В естественном состоянии нет никаких запретов, и права человека не обеспечены. Чтобы избавиться от невыносимого состояния всеобщей войны, люди, по мнению Гоббса, должны заключить договор, отказаться полностью от всех своих естественных прав в пользу одного лица или одного собрания и безоговорочно подчиниться создаваемой ими государственной власти.

По мнению Гоббса, общественный договор приводит к образованию общества и государства одновременно.

Буржуазные ученые долго отождествляли государство и общество. Лишь позднее, когда развитие капиталистических отношений привело к полному расхождению новых, буржуазных общественных отношений со старой, феодальной государственностью, отдельным представителям буржуазной науки стало ясно, что понятия общества и государства не совпадают.

По Гоббсу, общественный договор представляет собой объединение каждого с каждым, это — своего рода договор объединения, посредством которого масса, толпа превращается в организованное общество и образует единое лицо.

Тем самым рождается государство — новое лицо, «воля которого в силу соглашения многих людей считается за волю их всех, с тем, чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдельных членов в интересах общего мира и защиты»¹.

Ссылаясь на общественный договор, Гоббс изображает возникновение и деятельность эксплуататорского государства как следствие воли, проявленной всеми его гражданами при самом его образовании, воли всех граждан.

Сами государства, однако, в своих взаимоотношениях пребывают, по Гоббсу, в естественном состоянии. Они не подчиняются никаким нормам положительного права.

4. Защищая абсолютизм, Гоббс утверждает, что люди установили государственную власть на условиях полного и безоговорочного подчинения. Поэтому они должны отказаться от всех своих «естественных» прав и во всем целиком подчиниться государственной влас-

¹ Г о б б с, О гражданине, гл. V, IX.

ти, иначе они вынуждены будут вновь вернуться в то естественное состояние, в котором пребывали раньше. Или неограниченная, абсолютная государственная власть, или то состояние анархии, которое, по мнению Гоббса, характеризует жизнь людей до возникновения государства, ничего третьего нет.

Государственная власть, по учению Гоббса, едина и ничем не ограничена. Она действует бесконтрольно и безответственно. Она стоит над законами гражданскими, которые от нее только и могут получить свою силу. Она подобна душе в теле человеческом.

Одна только верховная власть вправе решать, что хорошо и что дурно, и все, что устанавливает в этом направлении государственная власть, обязательно для граждан. Также и собственность, по Гоббсу, устанавливается государством; это то, что предоставляет гражданину государственная власть. Подданные, говорит Гоббс, — те же рабы, с той лишь разницей, что подданный служит государству, а раб, кроме того, — и гражданину.

Организация государственной власти может быть, по Гоббсу, различной. Верховная власть может принадлежать одному лицу (монархия), может принадлежать немногим лучшим (аристократия), может быть организована и демократически. Но во всех случаях вся полнота власти целиком должна находиться в руках того лица или того органа, которому она передана. Никаких «смешанных» правлений, при которых король делил бы свою власть с властью какого-либо собрания, Гоббс не допускает. Никаких «извращенных» форм правления он также не признает, так как этим понятием, по его мнению, дается оценка, а не определяется характер или объем власти. Гоббс считает невозможным также какое-либо разделение власти между различными органами государства. Власть всегда должна быть целиком сосредоточена в руках одного какого-либо органа.

Гоббс был противником революции. Он считал, что ремесло и торговля могут процветать лишь при наличии крепкой, твердой власти, при устранении всяких разногласий, распрей, всякой политической борьбы. Все, что способствует совместной жизни людей в рамках государства, — хорошо. Все, благодаря чему государственная организация может лучше сохраниться, заслуживает, с его точки зрения, одобрения. «Вне государства, — говорит он, — владычество страстей, война, страх, бедность, мерзость, одиночество, дикость, невежество, зверство, в государстве — владычество разума, мир, безопасность, блаженство, благолепие, общество, изысканность, знания, благосклонность»¹. Но все это может осуществиться только ценой полного отказа людей от всех прав, претензий, полного, безоговорочного подчинения их единой государственной власти.

В тот исторический момент, когда в Англии развернулась борьба буржуазии и обуржуазившегося дворянства с королевским абсолютизмом, когда основная масса буржуазии уже не мирилась больше с неограниченной властью короля и претендовала на то, чтобы

¹ Г о б б с, О гражданине, гл. X, I.

разделить власть с дворянством или даже полностью взять ее в свои руки, Гоббс продолжал усматривать в абсолютизме лучшую форму государственного строя.

В Англии в XVII веке абсолютистская королевская власть стала уже тормозить экономическое развитие. Защита абсолютной монархии, которую в своей вражде к революции отстаивал Гоббс, была в его время уже реакционной программой.

Но английские монархисты не были удовлетворены учением Гоббса. Роялисты не одобряли материализм Гоббса, сами они пытались в обосновании абсолютизма опираться на догматы религии.

К тому же, с точки зрения Гоббса, оправдана была абсолютная власть не только короля, но и любого иного носителя верховной государственной власти; его теория не исключала правомерности республики. Это, конечно, не могло прийтись по душе королю и его приверженцам.

Прогрессивная материалистическая философия и передовое для того времени учение об обществе и происхождении государства соединялись у Гоббса с реакционной политической программой.

Энгельс говорит, что материалистическое учение вместе с Гоббсом «...выступило на защиту королевского всемогущества и призывало абсолютную монархию к укрощению... народа»¹.

Материалистическая философия во времена Гоббса была достоянием узкого круга образованных людей, массы же продолжали облекать свою политическую идеологию в религиозную форму. Энгельс говорит об английском материализме XVII века, что это учение «объявило себя философией, единственно подходящей для ученых и образованных людей, в противовес религии, которая достаточно хороша для необразованной большой массы, включая сюда и буржуазию». Он указывает, что «...в противоположность материализму и деизму аристократии, именно протестантские секты... доставляли и знамя и бойцов для борьбы против Стюартов...»².

5. Одной из наиболее влиятельных партий революционного лагеря были и н д е п е н д е н т ы, выражавшие интересы главным образом средней буржуазии и ее союзника — нового дворянства.

Учение индипендентов представляло собой одно из течений пуританства — религиозного учения, направленного против феодальной церкви.

В XVI—XVII вв. влияние религиозного мировоззрения было еще столь велико, что в ранних революциях (Голландия, Англия) борьбу против феодализма, и в первую очередь против феодальной церкви, буржуазия ведет в религиозном облачении. «В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии»³, — говорит Энгельс (первое — Реформация в Германии).

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 95.

Индепенденты разделяли учение Кальвина и из него исходили. Они выступали не только с политическими требованиями, но и с предложениями о реформе церкви и новым вероучением.

Индепенденты выдвигали прежде всего отклоняемый католичеством и англиканской церковью и ненавистный абсолютизму лозунг религиозной свободы. Они требовали самой широкой веротерпимости, протестовали против преследований, которым подвергались в Англии представители пуританства. Индепенденты были сторонниками новой, буржуазной церкви с выборными священниками, с упрощенным, дешевым богослужением, с небольшим количеством праздников. Они выдвинули принципы новой, буржуазной морали, которая в первую очередь предписывала бережливость, аккуратность, умеренность, то есть качества, особенно ценные для буржуазии в период первоначального накопления капитала и первых шагов капиталистического развития.

Объединяя широкие круги буржуазии и нового дворянства, эта партия выдвигала сравнительно умеренную программу: не настаивая на республике, она готова была примириться с ограниченной конституционной монархией.

6. Из писателей-индепендентов следует особо отметить Джона Мильтона (1608—1679), известного английского поэта XVII века, автора поэмы «Потерянный и возвращенный рай».

Мильтон выпустил в свет целый ряд политических памфлетов, первый из которых вышел в 1641 году. Это были небольшие произведения, посвященные очередным, наиболее острым вопросам политической жизни.

Мильтон выступает как сторонник естественноправовой теории, из основных положений которой он делает выводы, направленные на оправдание революции. Все люди, говорит Джон Мильтон в памфлете «О державе королей и сановников» (1649 г.), по природе рождаются свободными. Все они созданы для того, чтобы властвовать, а не повинаться. Однако вследствие грехопадения (Мильтон здесь аргументирует религиозными доводами) между людьми завелась раздора, начались взаимные насилия, и тогда люди решили общими силами охранять мир и совместно защищаться от нападений. Так возникли города и государства. Власть вверили одному или нескольким людям для наказания нарушителей мира и осуществления правосудия. В результате возникла власть королей и сановников в государстве. Люди установили королевскую власть только потому, что им нужно было совместными силами защищаться против нарушителей мира.

Сановники и короли, соблазняясь своей властью, стали творить неправду. Поэтому необходимо было поставить над ними законы, и с королей стали брать присягу в соблюдении законов.

Противопоставляя договорную теорию возникновения государственной власти феодальным представлениям о божественном ее происхождении, Мильтон приходит к выводу, что власть королей и сановников производна, что она дана народом в порядке поручения,

в интересах общего блага. Народ — источник всякой власти. Поэтому титулы короля изобретены гордостью и лестью. У короля нет наследственного права на престол, иначе подданные превратились бы в рабов короля, как если бы они были созданы для короля, а не король — для них.

Мильтон оспаривает также утверждение, будто король обязан отчетом только перед богом; при таком допущении пришлось бы признать, что все законы и гарантии — пустые слова. Король обязан отчетом перед народом, который его поставил. Народ может в любое время, когда захочет, низложить правителей с трона.

Оправдывая суд над Карлом I и его казнь, Мильтон настаивает на праве народа низлагать правителя, свергать короля. Он заявляет, что это — основное право народа, без которого он попадет под власть тирана. Обладая правом свергать монарха, народ тем более вправе самым решительным образом поступить с тираном. Греки и римляне, говорит Мильтон, считали не только законным, но славным и геройским делом, достойным статуи и венков, убийство презренного тирана во всякое время без суда. Тем более правомерно, когда над тираном учиняется открытый и праведный суд, как это сделал английский народ, свергнувший своего короля с трона.

Таким образом, Мильтон выступает как один из ранних буржуазных сторонников принципа народного суверенитета. Он использует этот принцип в борьбе против абсолютизма, добиваясь передачи буржуазии и новому дворянству всей полноты государственной власти.

Обнаруживая недоверие к народным массам, Мильтон призывает сосредоточить власть в руках «лучших и мудрейших», а для этого рекомендует установление избирательного ценза и многостепенных выборов.

Заслуживают внимания также произведения Мильтона, написанные им в защиту свободы мысли и религиозной свободы.

Видным представителем индипендентов был О л ь д ж е р н о н С и д н е й (1622—1683). Он происходил из знатного рода, но во время гражданской войны не только не поддержал короля, но стал на сторону парламента и сражался в рядах его войск. После реставрации Сидней уехал за границу и вернулся на родину лишь в 1677 году. Здесь он был избран в палату общин. В 1681 году Сидней был привлечен к ответственности по обвинению в заговоре против короля, приговорен к смертной казни и казнен в 1683 году.

В сочинении, озаглавленном «Рассуждение о правительстве», Сидней выступает против Фильмера и его попыток обосновать королевский абсолютизм. Исходя из естественноправового учения, Сидней отстаивает принцип народного суверенитета и заявляет, что единственным правомерным основанием власти является свободное соглашение людей ради целей самосохранения. Из договорной теории происхождения государства Сидней делает выводы в пользу демократических принципов, заявляя, что люди, устанавливая государст-

венную власть, ограничивают свою свободу лишь постольку, поскольку это нужно для общей пользы, и что они сохраняют за собой право устанавливать и свергать правительство. Если король нарушает естественные законы, Сидней считает вполне оправданной революцию — всеобщее восстание народа против монарха.

Однако Сидней не был последовательным в своих выводах из принципа верховенства народа и учения о договорном происхождении государственной власти. Наилучшим государственным строем он считает не демократию, а аристократию или правление «смешанное», под которым он понимал, по-видимому, конституционную монархию.

Таким образом, и Мильтон, и Сидней не были последовательными сторонниками демократической формы государства. Отражая настроения крупной и средней буржуазии и примкнувшего к революции дворянства, они, как и вся партия индпендентов, склонны были идти на компромисс с дворянством и на установление конституционной монархии.

7. Интересы мелкой буржуазии и крестьянства выражала партия л е в е л л е р о в («уравнителей»), образовавшаяся к началу 1647 года из левого крыла индпендентов. Левеллеры выступали в защиту демократических принципов, стремясь дать им возможно более последовательное развитие и применение, к чему совершенно неспособны были склонные к компромиссам индпенденты.

Левеллеры — это наиболее радикальная партия английской буржуазной революции.

В армии левеллеры, опираясь на солдатскую массу, повели борьбу против индпендентов, сторонниками которых в армии было главным образом офицерство («гранды»). Выступая против умеренной политики индпендентов, левеллеры выдвинули свою программу, изложенную в «Народном Соглашении» (1647 г.).

Левеллеры стояли за республику и решительно отвергали монархию. Они требовали уничтожения палаты лордов, а нижнюю палату предлагали организовать на демократических началах, установив равенство избирательных округов и выборы в парламент ежегодно или каждые два года. Они стояли также за подотчетность парламенту всех должностных лиц, разделение властей и т. д.

Наиболее значительным из писателей этого лагеря был Д ж о н Л и л ь б е р н (1613—1657), происходивший из мелкопоместных дворян. За свое выступление против господствующей церкви Лильберн еще в молодости был заключен на три года в тюрьму. Когда развернулась гражданская война, Лильберн был уже на свободе и принял участие в борьбе на стороне парламентских войск. За критику Долгого парламента по требованию Кромвеля Лильберн был вновь заключен в тюрьму. Позднее, будучи разочарован деятельностью Кромвеля, он стал решительно выступать против его правительства, открыто указывая на опасности военной диктатуры, и требовал уничтожения созданного Кромвелем Государственного совета. Это повлекло за собой суд над ним и новые репрессии.

Лильберн отстаивает принципы буржуазной государственности. Он, как и индипенденты, исходит из того, что в основе власти лежит договор свободного народа Англии, который путем соглашения устанавливает правительство. Свободный английский народ соглашается уничтожить всякую произвольную власть и ввести ограничение как высшей власти, так и всех подчиненных властей.

Лильберн делает отсюда вывод о подотчетности парламенту всех должностных лиц. Он заключает также, что верхняя палата не имеет под собой никакой почвы, как и монархическая власть. Верхнюю палату он считает тормозом развития английского общества.

Что касается нижней палаты, то она должна избираться на основе всеобщего избирательного права. Избирательный возраст Лильберн предлагал установить в двадцать один год. Высказываясь против предоставления избирательных прав тем, кто служил королю во время гражданской войны оружием или добровольными взносами, он считал необходимым также лишить избирательного права лиц, находящихся в домашнем услужении, и лиц, живущих милостыней, пособиями и т. д.

Лильберн был также решительным сторонником религиозной свободы. Он заявлял, что государство не должно иметь законов, в силу которых люди подвергались бы наказанию за дела веры, религии, или таких законов, по которым не дозволялось бы им исповедовать веру или соблюдать религию соответственно их совести. Церковь должна быть реорганизована на началах самоуправления, и все прихожане сами должны избирать священников.

В вопросах уголовного права Лильберн выдвигал принцип, что нет преступления и не должно быть наказания без соответствующего уголовного закона («*nullum crimen, nulla poena sine lege*»). Он выступал в защиту формального равенства всех перед законом. «Все граждане равны перед законом и одинаково подлежат ответственности перед ним». Лильберн защищал также буржуазную организацию суда. Уголовное правосудие согласно выдвинутой им программе должны осуществлять двенадцать присяжных, избранных народом.

Однако надо сказать, что «уравнение», о котором говорили левеллеры, не касалось частной собственности, а ограничивалось областью политических прав. Левеллеры (по крайней мере основная их масса) подчеркивали, что проповедовать имущественное равенство они отнюдь не собираются. Лильберн даже прямо говорил: «...парламент не имеет права уравнивать состояния людей, разрушать собственность или делать все вещи общими»¹.

Левеллеры оставались еще в пределах чисто буржуазно-демократического понимания равенства. Программа их ограничивалась требованием установления буржуазной государственности. Но в отличие от индипендентов они более решительно, отклоняя всякие соглашения с классом феодалов, настаивали на последовательном осуществлении принципов буржуазной демократии.

¹ Джон Лильберн, Памфлеты, М., 1937, стр. 119.

8. Выразителями идеологии беднейшего крестьянства и предшественников современного пролетариата в английской буржуазной революции XVII века являлись так называемые истинные левеллеры, или диггеры («копатели»), которые требовали отмены частной собственности, в первую очередь — отмены частной собственности на землю. Из их кругов в 1649 году вышел памфлет, принадлежащий перу вдохновителя движения Джерарда Уинстэнли, озаглавленный «Новый закон справедливости». В этом произведении автор пишет: «Никто не должен иметь земли больше, чем может обрабатывать сам или с другими, с которыми работает в любви и согласии и сообща с ними ест хлеб... не давая платы и не получая ее». Он требует прекращения купли-продажи земли и «земных плодов». «Пусть каждый наслаждается плодами рук своих и ест свой собственный хлеб, добытый в поте лица». Частная собственность, как пишет Уинстэнли, довела людей до грабежей, убийств и прочих бедствий.

В памфлете «Закон свободы» Уинстэнли предлагает отменить частную собственность, торговлю, денежную систему. Должно быть уничтожено имущественное неравенство, которое, как он указывает, имеет своим источником присвоение продуктов чужого труда. В новом обществе все обязаны будут трудиться, все будут получать из общественных складов поровну все необходимые для них предметы потребления. Таким образом, Уинстэнли придерживался идеала грубой уравнительности.

И. В. Сталин в беседе с немецким писателем Эмилом Людвигом говорил: «Уравниловка имеет своим источником индивидуально-крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского «коммунизма». Уравниловка не имеет ничего общего с марксистским социализмом... Так представляли себе коммунизм люди вроде примитивных «коммунистов» времен Кромвеля и французской революции»¹.

Диггеры критиковали существующие власти и требовали ликвидации господства одних людей над другими. Это было выражение стихийного протеста угнетенных и разоренных масс против феодальной и буржуазной эксплуатации, против государства, закреплявшего ненавистные беднякам порядки. Выдвинутый ими идеал не имел корней в материальных условиях жизни английского общества XVII века. Появление его объясняется тем тяжелым положением, в котором оказались массы в результате внедрения капиталистических отношений в английское производство.

Энгельс говорит: «...при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата»². Энгельс сопоставляет этих («истинных») левеллеров с бабувистами — французскими коммунистами конца XVIII века³.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 119.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, стр. 18.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 602.

9. Переворот 1688 года и блок буржуазии с дворянством нашли своего идеолога и защитника в лице Джона Локка (1632—1704).

Являясь выразителем интересов буржуазии, Локк выступает в роли сторонника тех общественных и политических порядков, которые укрепились в Англии после 1688 года. Его «Два трактата о правительстве» вышли в свет как раз в 1689 году, когда «Билль о правах» оформил конституционную монархию в Англии.

Локк был «сыном классового компромисса 1688 года»¹, «...представителем новой буржуазии во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовой аристократии против государственных должников...»². Локк выступал на защиту той конституционной монархии, которая утвердилась в Англии после переворота 1688 года.

Джон Локк происходил из старинного купеческого рода; отец Локка был юристом. Он воспитал своего сына в духе строгого пуританства.

В своей философии Локк был непоследовательным материалистом. Наряду с признанием основополагающего значения материи и опытного происхождения человеческого знания он допускал идею бога как некоей первопричины мира (деизм).

В своих рассуждениях об обществе и государстве Локк выступает как типичный буржуазный идеолог. В сочинении «Два трактата о правительстве» Локк, излагая свои взгляды на общественный строй и политическую организацию, подобно целому ряду других писателей своего времени, исходит из так называемого естественного состояния. Критикуя феодальный строй и находя его противоречащим естественному праву, Локк изображает естественное состояние как царство свободы и равенства. В естественном состоянии люди свободно располагали своей личностью, имуществом и все имели равные права на свободу. Свобода и равенство — основное, что характеризует естественное состояние. С точки зрения Локка, естественное состояние вовсе не было состоянием войны, каким изображал его Гоббс. Война могла кончиться порабощением одного человека другим, а в естественном состоянии нет никакого основания для порабощения одних другими. Естественная свобода неотчуждаема.

К числу естественных прав, кроме свободы и равенства, Локк относит и частную собственность. Локк учит, что она возникает до государства и существует независимо от него как некоторое естественное право индивида. В этом раскрывается буржуазная сущность учения Локка.

Подобно другим представителям естественноправовой школы, Локк пользуется учением о естественном праве при попытках ответить на вопрос о происхождении и сущности государства.

Свобода людей и их собственность, заявляет он, не обеспечены

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 429.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. I, стр. 63.

в естественном состоянии, и люди вынуждены отказаться частично от своей прирожденной свободы.

Хотя человек, говорит Локк, в естественном состоянии и располагает собственной личностью и имуществом без каких-либо ограничений, но все это не обеспечено и подвергается риску ежечасного посягательства. Ввиду общего равенства все вправе считать себя одинаково «королями». Но так как большинство не всегда прислушивается к голосу справедливости, то понятно, какие трудности для каждого встречает пользование своей собственностью. Этим Локк пытается объяснить, почему люди ищут общения, устанавливают власть, создают государство. По его словам, высшая цель людей при установлении государства и власти состоит в охране собственности, не обеспеченной в естественном состоянии.

Люди отказываются от своей естественной свободы и права самим защищать себя и свое достоинство и передают это право обществу в целом. Однако в отличие от Гоббса Локк настаивает на том, что полного отказа от естественных прав и естественной свободы быть не может. Индивид ограничивает свою естественную свободу и свои естественные права лишь в той степени, в какой это необходимо для установления и сохранения власти. Господство на началах абсолютизма нельзя даже признать за государство. Абсолютная монархия хуже, чем естественное состояние, так как над абсолютным монархом нет суда и он находится как бы в естественном состоянии по отношению к своим подданным. Променять естественное состояние на абсолютную монархию — это то же, говорит Локк, что во избежание вреда, наносимого лисицей, отдать себя в когти льва.

Заклячая договор об образовании государства, люди обязуются подчиняться решениям большинства и отказываются при этом от своих естественных прав лишь настолько, насколько это нужно для охраны их личности и имущества. Так у Локка учение о естественном праве и общественном договоре становится средством защиты ограниченной, конституционной монархии.

10. В своем обосновании конституционной монархии Локк к рассуждениям о естественном праве присоединяет учение о разделении властей, которое он выдвинул одним из первых в буржуазной политической литературе. Французский писатель XVIII века Монтескье, с именем которого связывают чаще всего теорию разделения властей, дал лишь дальнейшее развитие идей, которые до него были сформулированы Локком.

Разъясняя принцип разделения властей, Локк указывает, что нужно различать три власти — законодательную, исполнительную и союзную (федеративную). Законодательная власть осуществляет право издавать законы, исполнительная — проводит законы в жизнь, а союзная занимается вопросами внешней политики (представительство страны во взаимоотношениях с другими государствами, вопросы войны и мира и т. д.). Судебная власть поглощается у Локка исполнительной.

Названные три власти должны быть разделены. Это означает, что каждая из них должна находиться в руках особого органа: законодательная власть предоставлена парламенту, исполнительная власть вручена правительству, особые органы должны быть созданы для осуществления союзной власти.

Локк допускает, впрочем, что в монархии исполнительная власть и союзная могут быть вручены одному лицу — монарху.

Власти, по мнению Локка, неравноправны. Законодательная власть, на участие в которой в первую очередь претендует буржуазия, — верховная, она должна повелевать другими властями, она стоит во главе всего государства. И все же она не беспредельна, она не имеет неограниченных ничем прав на жизнь и имущество граждан. Собственность — естественное право гражданина, и даже парламент не может отнять это право. Отсюда делается вывод, что правительство не может взимать налога без согласия всего народа или без согласия его представителей — парламента.

Исполнительная власть, как считает Локк, не может находиться в руках парламента, она должна быть отделена от законодательной. Но разделение не исключает единства властей, которое достигается, по Локку, тем, что все власти исходят из законодательной и подчиняются ей.

В монархиях монарх содействует единству государственной власти, так как он участвует и в законодательной, и в исполнительной, и в союзной власти. Кроме того, монарху, по Локку, принадлежит прерогатива, под которой Локк понимает некоторые существенные права исполнительной власти, относящиеся к осуществлению законодательства, а именно право созыва и роспуска парламента, право законодательной инициативы, право утверждать законопроекты, наконец, право действовать помимо закона, смягчая силу закона, который монарх признает клонящимся ко вреду для народа. Локк считает необходимым сохранение прерогативы, но делает оговорку, общую и потому неопределенную, что монарх не должен злоупотреблять своей прерогативой. В защиту прерогативы Локк ссылается на «общее благо», «благо народа», которое якобы требует в некоторых случаях отступления исполнительной власти от закона.

Теория разделения властей выражает стремление буржуазии к компромиссу с дворянством. Согласно этой теории дворянство должно получить исполнительную власть в свои руки, буржуазия же претендует на то, чтобы разделить с дворянством власть законодательную. Она объявляет притом, что это высшая, верховная власть в государстве.

Идея разделения властей была попыткой теоретического оправдания блока двух классов — дворянства и буржуазии, их компромисса, явившегося результатом переворота 1688 года.

Маркс, говоря о разделении властей, отмечает, что это не более, «...как прозаическое деловое разделение труда, примененное к государственному механизму в целях упрощения и контроля»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 203.

Разделение властей должно было, содействуя осуществлению компромисса двух классов, вместе с тем совершенствовать буржуазную государственную машину.

Локк ставит в своей книге вопрос о допустимости сопротивления властям, в частности сопротивления монарху, когда он злоупотребляет своей прерогативой. Он отвечает на этот вопрос утвердительно, признавая в некоторых случаях правомерность восстания. Это объясняется тем, что Локк был идеологом «славной революции» 1688 года. Защищая право на восстание, Локк как бы оправдывал совершившийся переворот, появление на престоле голландского принца Вильгельма Оранского.

Принципы буржуазной государственности, выдвинутые в Англии в XVII веке, получили дальнейшее развитие и яркое выражение во Франции в XVIII столетии.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., т. 3.
Маркс К., Рецензия на книгу Гизо, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 7, с. 218—223.
Маркс К., К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, с. 67—69.
Маркс К., *Капитал*, т. I, М., 1949, с. 727—728.
Энгельс Ф., Положение Англии XVIII в., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, с. 602.
Энгельс Ф., *Юридический социализм*, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XVI, ч. I, с. 295—298.
Энгельс Ф., Введение к «Диалектике природы», Маркс К., Энгельс Ф., *Избранные произведения*, т. II, 1955, с. 56.
Энгельс Ф., Письмо К. Шмидту 27 октября 1890 г., Маркс К., Энгельс Ф., *Избранные произведения*, т. II, 1955, с. 470.

Источники

- Гоббс Т., *Левиафан*, Соцэкгиз, 1936.
Гроций Г., *О праве войны и мира*, Госюриздат, 1956.
Спиноза Б., *Избранные произведения*, т. 2, 1957. (Богословско-политический трактат, Политический трактат.)
Джон Лилльберн, *Памфлеты*, М., 1937.
Уинстэнли Д., *Избранные памфлеты*, М.—Л., 1950.

Дополнительная

- «Английская буржуазная революция XVII в.», т.т. 1—2, М., Академия наук СССР, 1954 («Общественно-политическое движение XVII в. в Англии», т. 1, с. 200—233, 274—331; «Социально-политические идеи в Англии в период буржуазной революции», т. 2, с. 165—214).
-

ГЛАВА X

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ГЕРМАНИИ XVII—XVIII вв.

- § 1. Учения о естественном праве в Германии XVII—XVIII вв.
§ 2. Немецкое просветительство XVIII века. § 3. Немецкие демократы XVIII века

§ 1. Учения о естественном праве в Германии XVII—XVIII вв.

1. Учения о естественном праве в Германии имели ряд особенностей, значительно отличающих эти учения от тех, которые развивались в других странах. У немецких теоретиков естественного права не встречается резкого и смелого выражения протеста против феодальных порядков, а у некоторых можно видеть даже попытки оправдать с помощью естественного права княжеский абсолютизм и режим полицейского государства. Но несмотря на эти отрицательные стороны немецких учений о естественном праве, они сыграли значительную прогрессивную роль в освобождении юридической науки от богословия и схоластики.

Особенности учений о естественном праве в Германии в тот период были обусловлены экономической и политической отсталостью страны, в которой, несмотря на проникновение капитализма, феодальные отношения и порядки были значительно устойчивее, чем, например, в Нидерландах, Англии и Франции. Политическая раздробленность Германии препятствовала консолидации буржуазии, значительная часть которой находилась в зависимости от немецких феодалов.

Крупнейшими представителями немецких учений о естественном праве были в это время Пуфендорф, Томазий, Лейбниц и Вольф.

2. Самуил Пуфендорф (1632—1694) построил свою систему взглядов на государство и право, опираясь на идеи Декарта, Гуго Гроция, Гоббса и Спинозы. Из его работ нужно особенно отметить: «Общий обзор элементарных начал юриспруденции», «О естественном и общеправовом праве», «Об обязанностях человека и гражданина по закону естественному»¹.

В философском обосновании своих взглядов Пуфендорф следует рационалистическому методу Декарта и предлагает пользоваться им в общественных науках, которые он называет нравственными. Пуфендорф считает, что в этих науках, как и в математике, надо исходить из ясных, бесспорных начал (аксиом) и на них построить путем убедительных и точных доказательств все положения науки о государстве и праве.

По учению Пуфендорфа, предметом общественных наук являются так называемые «моральные вещи», которые в отличие от естественных вещей не существуют сами по себе и не воспринимаются человеческими органами чувств, а представляют только определения естественных вещей (*modi*). К таким «моральным вещам» Пуфендорф относит семью, гражданство, право, государство и пр. Источником этих «моральных вещей» является сначала воля бога, а потом — человека.

Хотя Пуфендорф строил свою систему на идеалистических позициях, его стремление пользоваться математическим методом в общественных науках было, безусловно, прогрессивным, так как оно было направлено против господства богословия в юриспруденции.

В учении о государстве и праве Пуфендорф, как и все представители учения о естественном праве, говорит о естественном состоянии, считая его, подобно Гоббсу, не исторической реальностью, а методологическим предположением.

Он отвергает положение Гоббса, что в естественном состоянии «человек человеку — волк». Пуфендорф считает основанием естественного права разум, основным законом которого является требование мирной жизни между людьми.

По мнению Пуфендорфа, в естественном состоянии отсутствуют и божественные, и гражданские законы и действует только естественное право, представляющее собой стремление к свободе, к самосохранению, независимости и имеющее вечное и неизменное содержание.

При решении вопроса о сущности и происхождении государства Пуфендорф отчасти примыкает к Гоббсу в трактовке сущности государственной власти и ее взаимоотношения с гражданами. По его утверждению, государство есть сложное нравственное лицо, воля которого, образованная единением воли многих в силу их соглашения, рассматривается как воля всех, для того, чтобы оно могло использовать силы и способности каждого члена в целях достижения мира и безопасности.

¹ Последняя работа была переведена на русский язык по приказанию Петра I.

Прогрессивной чертой в его воззрениях по этому вопросу является то, что он отвергает феодальные теории происхождения государства — теологическую, патримониальную, патриархальную и теорию завоевания. По его мнению, государство образовалось в результате трех договоров: договора между самими гражданами о соединении, договора о форме правления и договора о подчинении граждан властителю.

Следует подчеркнуть, что, исходя из этих положений, Пуфендорф отрицает, что власть государей происходит непосредственно от бога. Он смело заявляет, что это мнение не только ложно, но и вредно, так как разрушает идею договора между верховной властью и гражданами и подрывает основные законы государства.

Пуфендорф показал себя здесь прогрессивным ученым, особенно если учесть, что он высказал эту идею в условиях, в которых находилась тогда юридическая наука в Германии.

Но в его взглядах обнаруживаются нерешительность и даже нежелание подвергнуть острой критике феодальные порядки, которые он считает возможным оставить в Германии.

Основными признаками государственной власти Пуфендорф считает ее верховенство, независимость и неограниченность. Носитель верховной власти не ответствен за свои действия, стоит выше законов и не подчинен им. Все полномочия верховной власти неразрывно связаны между собой и должны быть сосредоточены в ведении одного лица или собрания лиц.

Пуфендорф не допускает никакого сопротивления и неповиновения верховной власти, которую он считает священной и неприкосновенной. Подданные должны терпеливо переносить все притеснения и капризы государей. Если это становится невыносимым, то он рекомендует подданным либо все же терпеть испытания, либо бежать от государя, но ни в коем случае не обнажать против него меч. Он допускает только некоторое ограничение власти государя сословным представительством.

При решении вопроса о форме правления Пуфендорф отдает предпочтение монархии, хотя в то же время признает и отрицательные качества этой формы.

Очень показательна точка зрения Пуфендорфа на форму государственного устройства Германии, также свидетельствующая о его боязни решительно бороться против феодальных порядков. Еще в одной из своих ранних работ — «О государственном строе германской империи» (*«De statu imperii Germanici»*) — он подверг критике государственное устройство «священной римской империи германской нации». Пуфендорф отмечал бессилие центральной власти и полный произвол феодалов, называя германскую империю «уродливым чудовищем», так как, по его мнению, это государство не подходило ни под одну из правильных форм. Но в то же время он высказал опасение, что всякая попытка изменить это положение не обойдется без потрясений. Поэтому он сам высказался за

ограничение императорской власти в том виде, в каком это сложилось после «Золотой буллы» 1356 года. По мнению Пуфендорфа, при таком положении якобы охранялись свобода и права членов империи. Поэтому войска и крепости должны быть независимыми от императора, а при нем должен быть учрежден постоянный совет из представителей сословий.

Такую же нерешительность показывает Пуфендорф и в решении вопроса о правах граждан государства, которые в Германии всюду были на положении подданных.

В то время особенно остро стоял вопрос о свободе совести. Пуфендорф высказывается в защиту свободы совести, утверждая, что наука должна быть основана на разуме, а не на авторитете, чем вызвал против себя ненависть реакционеров. Но в то же время он резко высказывался против атеизма. Он требовал, чтобы государственным вероисповеданием была так называемая естественная религия, то есть вера в единого бога, творца и правителя мира. Атеизм, открыто выраженный, должен подвергаться преследованию.

Такие же неустойчивость и робость видны во взглядах Пуфендорфа по вопросу о взаимоотношении церкви и государства. Пуфендорф считал, что церковь должна быть свободной организацией без принудительной власти, но государству принадлежит право наблюдения за церковью, чтобы она служила его интересам.

Пуфендорф считает правомерным существование рабства, находя, что оно основано на «добровольном согласии» и «выгодно» для людей, не могущих найти себе работы вследствие либо недостатка ее, либо собственной лени. Он соглашается с излюбленным аргументом эксплуататоров, утверждавших, что отмена рабства якобы была причиной появления большого количества воров, разбойников и нищих. Единственная «поправка», которую он вносит в это мнение, состоит в том, что он протестует против отнесения рабов к категории вещей. Закрепощение крестьян Пуфендорф объяснял тем, что крестьяне, нуждаясь в защите сильных и богатых и в пропитании, попали в зависимость от них. Крепостное состояние, по Пуфендорфу, — обязательство платить постоянными услугами за постоянное пропитание. Так как землевладельцы дают это пропитание не только родителям, но и детям, крепостное состояние передается по наследству.

Следует отметить также воззрения Пуфендорфа по важнейшим вопросам отдельных отраслей права.

При решении коренного вопроса гражданского права — вопроса о праве собственности, Пуфендорф рассматривает частную собственность как учреждение положительного, а не естественного права. По его словам, она была установлена по взаимному соглашению людей во избежание вражды между ними, по соглашению, в котором люди руководствовались соображениями разума.

Во взглядах Пуфендорфа на семью видно, что он в решении данного вопроса не поднялся выше уровня феодальной идеологии.

Женщин он считает низшими существами и в силу этого одобряет законы, запрещающие женщине путешествовать или ночевать вне дома без согласия мужа.

В области уголовного права Пуфендорф высказывает мысль прогрессивную в условиях политической раздробленности, благоприятствующей произволу феодалов, считая, что право наказания должно принадлежать только верховной власти.

В отличие от Гроция Пуфендорф, как и Гоббс, не признает положительного характера международного права и считает его только видом естественного права. Международные трактаты соблюдаются только потому, что естественное право требует соблюдать данное слово. Он отождествляет международное право с моралью. Разумеется, такая концепция ослабляла силу международноправовых норм и была выгодна для германских князей, прославившихся своим бесцеремонным отношением к международному праву.

В воззрениях Пуфендорфа по вопросам государства и права видно отражение слабости немецкой буржуазии и ее зависимости от феодалов. Вместе с тем заслугой Пуфендорфа является то, что основой юриспруденции и законодательства он считал не религию, а разум и человеческую природу.

3. Х р и с т и а н Т о м а з и й (1655—1728), профессор университета в Галле, изложил свои взгляды в работе «Основания естественного и общенародного права» (1713 г.) и в ряде других сочинений. Он первый из немецких юристов стал публиковать свои работы на родном языке.

Томазий считает важнейшей задачей своего времени освобождение философии и государства от влияния религии, приводя те же аргументы о значении разума, которыми пользовался Пуфендорф. Он считает, что государство не должно поддерживать какую-либо религию, так как задача государства ограничивается только обеспечением всякой веры от насилия. Однако в то же время он допускает возможность ограничения и даже запрещения пропаганды какого-нибудь «еретического» вероисповедания. Государь даже может выслать из страны опасного еретика. Но Томазий отвергает возможность уголовного преследования еретиков, ссылаясь на то, что уголовные наказания назначаются лишь за действия как проявления воли, ереси же представляют собой выражение мысли. Таким образом, Томазий истолковывает установившийся в Германии после Аугсбургского мира 1555 года порядок, по которому каждый князь определял религию своих подданных (*cujus regio, ejus religio*), в том смысле, что допускает не уголовное, а только административное преследование ересей.

Томазий, так же как и Пуфендорф, возражает против распространенного тогда учения о божественном происхождении власти государей. Ссылки на изречение апостола Павла («нет власти не от бога») он опровергает словами апостола Петра, называющего государственную власть человеческим учреждением. Божественный характер имеет только правопорядок как таковой, а не власть отдель-

ного государя. В противном случае пришлось бы признать, что и власть цареубийц, узурпаторов и даже восставшего народа также происходит от бога.

Пытаясь оправдать широкие полномочия правящих, он делит людей на «глупых» и «мудрых», причем задачей вторых является установление правил поведения для всех. Характеризуя эти правила, Томазий одним из первых пытался установить различие между правом и нравственностью.

Томазий считает, что главное зло, проистекающее из глупости людей,— нарушение внутреннего и внешнего мира. Задача «мудрых» состоит в восстановлении мира. Для разрешения этой задачи существуют два средства — совет и приказание: первое убеждает, второе принуждает. Нормы права отличаются от норм нравственности по признаку принудительности.

Томазий устанавливает также различия и в средствах осуществления совета и приказания. Эти средства должны применяться различными лицами. Совет применяется учителем, а приказание — государем. Это разграничение имеет то важное значение, что Томазий в своем определении совета и приказания, в отличие от Гоббса, считает необходимым изъять сферу духовной жизни человека из-под государственной власти, то есть высказывается против системы, принятой в полицейском государстве.

Это разграничение имело политический смысл, особенно в условиях Германии, так как в известной мере представляло нерешительный протест идеологов немецкой буржуазии против административной системы полицейского государства, которое тщательно опекало подданных не только в общественной, но и в частной жизни. В этом отношении взгляды Томазия были прогрессивными в тех исторических условиях.

Представляют большой интерес воззрения Томазия на коммунизм. Томазий в своей оценке коммунизма исходит из утверждения, что в естественном состоянии была общественная собственность, которая уступила место частной собственности вследствие испорченности человека. Томазий приходит к выводу, что главной причиной нарушения мира между людьми является неравенство между богатыми и бедными, которое было бы уничтожено при коммунизме. Но Томазий считает, что коммунизм может быть осуществлен только в далеком будущем, когда достигнуто будет нравственное усовершенствование человечества.

4. Видное место среди представителей учения о естественном праве в Германии занимает Г о т ф р и д - В и л ь г е л ь м Л е й б н и ц (1646—1716), философ-идеалист, обладавший энциклопедическими познаниями и открывший почти одновременно с Ньютоном дифференциальное и интегральное исчисление. Разносторонность Лейбница и гениальность многих его идей нашли достойную оценку у классиков марксизма-ленинизма, отметивших в то же время его идеализм и примирительные стремления в политике и религии.

Большой заслугой Лейбница следует считать его попытку поднять на более высокий уровень общую теорию права, которую он впервые называет философией права. Также очень ценным является то, что он в отличие от других представителей естественно-правового учения обнаруживает стремление поставить на научную почву изучение истории права. Лейбниц высказывает плодотворную идею относительно того, что история права не должна представлять собой хронологической регистрации законов и обычаев, а должна содержать в себе разъяснение закономерностей развития права. Лейбниц впервые поставил также и вопрос о сравнительно-историческом изучении права и дал его план.

Лейбниц неоднократно высказывался за единство и независимость Германии. Но отстаивая суверенитет императора, он в то же время оспаривал Бодена и Гоббса и считал суверенитет делимым. Такое мнение, конечно, было очень удобно для князей, стремившихся обеспечить себе полную независимость от императора.

5. Выдающееся место среди представителей немецкого учения о естественном праве занимает последователь Лейбница — Х р и с т и а н В о л ь ф (1679—1754), у которого учился Ломоносов во время своего пребывания в Германии.

Заслугой Вольфа является не только то, что он сделал много по созданию всеобъемлющей системы в немецкой философии, но и его пропаганда естественно-научных знаний, которые он противопоставлял схоластике и богословию. Его лекции вызвали даже преследование со стороны реакционеров, добившихся от солдатского короля Фридриха Вильгельма I высылки Вольфа из Пруссии и запрета его сочинений. Но впоследствии прусский король убедился в безопасности Вольфа и разрешил ему возвратиться в Пруссию.

Воззрения Вольфа на государство и право изложены им в следующих работах: «Разумные мысли о человеческих действиях и воздержаниях от действий», «Разумные мысли об общественной жизни людей», «Естественное право, исследованное научным методом».

В своих работах о государстве и праве Вольф исходит из положений, установленных учением о естественном праве, и придерживается воззрений Пуфендорфа о договорном происхождении государства. Надо подчеркнуть, что он высказывает прогрессивную мысль, особенно в условиях произвола, царившего в Германии, что выше всех форм государства стоят смешанные, так как в них действия власти ограничиваются основными законами, нарушать которые правители не имеют права. В этом отношении он был более решительным, чем Пуфендорф. Эти основные законы определяются договором, по которому правитель получает власть от народа. Вольф считает, что власть правителей должна быть ограничена и представителями от сословий, причем особенно в вопросах об установлении налогов.

Вместе с тем Вольф является сторонником полицейского государства. Исходя из своего учения о том, что государство должно слу-

жить «общему благу» и обеспечить «совершенство» человека, он считает, что государство должно вмешиваться во все сферы общественной и частной жизни и держать их под своей бдительной опекой. Государство обязано заботиться о том, чтобы подданные рано вступали в брак и тщательно воспитывали своих детей, должно привлекать к себе иностранцев и не выпускать от себя своих подданных. Государство также заботится о том, чтобы количество населения было в соответствии с наличием средств существования, борется с праздностью и расточительностью. Оно определяет качество и цены товаров, величину процентов по займам. Государство берет на себя заботу и о нравственном совершенстве подданных. Поэтому оно устраивает школы и академии, подбирает для них хороших преподавателей, следит за религией, строит церкви и устанавливает праздники. Хотя безбожие само по себе не ведет к безнравственной жизни, но так бывает только у разумных людей. А так как большинство людей «неразумно» и их можно сдерживать только страхом наказания в загробной жизни, то атеизм для таких людей представляет опасный соблазн, почему в обществе нельзя терпеть безбожников, когда они явно высказывают свое неверие.

В полицейском государстве Вольфа нет места для личной инициативы и свободы. Характерно в этом отношении и его определение права как свободы действий для исполнения обязанностей. В области уголовного права Вольф оправдывает применение пытки, когда нет другого средства открыть виновного.

Эти взгляды Вольфа соответствовали системе прусского абсолютизма, они получили в значительной степени законодательное выражение в кодексе патриархального деспотизма — в «Прусском земском уложении».

§ 2. Немецкое просветительство XVIII века

1. Представители немецкого просвещения подвергали критике феодальные порядки и феодальное мировоззрение, выступали против деспотизма, полицейского произвола, мелочной, всепроникающей опеки абсолютистского государства, засилья военщины. Они выдвинули лозунг свободы и просвещения и с нескрываемым сочувствием относились к бедствиям угнетенных масс.

Вместе с тем они были противниками революционной борьбы, видели в народе темную, непросвещенную массу и опасались его самостоятельного выступления на исторической арене. Якобинский период французской революции, плебейская расправа масс с врагами народа еще более напугали их и утвердили в стремлении искать решения национальных задач Германии на путях соглашения и примирения с феодальными верхами, воздействуя на них проповедью прогрессивных путей развития страны.

Немецкие просветители были убежденными сторонниками национального единства Германии, врагами политической раздробленности, поддерживаемой феодалами. Они видели в раздробленности

источник слабости Германии, приниженного положения немецкого народа, засилья множества феодального деспотов. Они отрицательно относились к проповеди шовинизма и искусственно разжигаемой вражды к другим народам, которую всемерно культивировали немецкие феодалы, и прежде всего прусская военщина.

2. Родоначальником немецкого просвещения является Г о т т о л ь ф - Э ф р а и м Л е с с и н г (1729—1781). Свое враждебное отношение к княжескому деспотизму, проповедь прогресса, патриотическую идею свободы и независимости Германии он выразил в ряде философских и литературно-критических произведений, а также в драмах «Эмилия Галотти», «Натан Мудрый» и др. По характеристике Чернышевского, если во времена Лессинга саксонец считал себя только саксонцем, а пруссак — пруссаком, то сам Лессинг прежде всего думал о немецком народе, боролся за его консолидацию, за победу прогрессивных сил над политической раздробленностью. Лессинг выступает против религиозной и национальной нетерпимости, выдвигает идею равенства, защищает позиции «третьего сословия». Но Лессинг в своей работе «Воспитание человечества» писал о незаметном движении вечного провидения и не считал нужным бороться за практические цели, так как они — «ничто перед вечностью».

3. Великий деятель немецкого просвещения Ф р и д р и х Ш л л е р (1759—1805) выражает сочувствие крепостным крестьянам, осуждает помещика, «который дерет шкуру с своих крестьян», обличает княжеский абсолютизм, высказывается за право каждого народа на независимость.

Завоевание нидерландцами независимости он считал «одним из замечательнейших политических событий». Но, подобно Лессингу, он ищет выхода не в революционной борьбе масс, а на пути соглашения с феодалами, которых надеялся убедить в преступности проводимой ими политики угнетения.

4. Вершиной немецкого просвещения было творчество гениального ученого и поэта И о г а н н а В о л ь ф г а н г а Г е т е (1749—1832).

Гете велик в своей жизнеутверждающей критике феодальной идеологии, в проповеди гуманизма, творческой активности свободной личности, сбросившей оковы средневековья. Он воспевал борцов за национальную независимость против деспотизма, провозглашал, что «лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой».

Вместе с тем общая для всех просветителей боязнь революционного выступления масс обуславливала противоречивость и непоследовательность взглядов Гете.

§ 3. Немецкие демократы XVIII века

Совершенно особое положение в рядах немецкой интеллигенции занимают виднейшие представители демократического течения в Германии — Шубарт, Форстер и Зейме.

Христиан-Фридрих-Даниэль Шубарт (1739—1791) — видный литературный деятель периода «бури и натиска». Шубарт смело и беспощадно обличал феодальные порядки в Германии, гнет и деспотизм, высокомерие, развращенность и расточительность немецкой аристократии. В своих обличительных статьях Шубарт нередко задевал немецких «вещеносцев», за что и поплатился четырехлетним тюремным заключением по распоряжению герцога Вюртембергского. Революционные настроения Шубарта были выражены открыто в его восторженном отношении к Великой французской буржуазной революции.

Иоганн-Георг-Адам Форстер (1754—1794) был одним из самых энциклопедически образованных деятелей немецкого демократического движения XVIII в. и наиболее последовательным сторонником революции.

Началом деятельности Форстера как публициста являются его «Очерки нижнего Рейна», первый том которых появился в 1791 году. Под влиянием революции Форстер подвергал критике государственной строй Англии, которым раньше восхищался, и полемизировал с английским реакционным писателем Берком, хулившим французскую революцию. Форстер считал революцию делом справедливости и необходимости, так как она оправдана самой историей, поскольку всякий существующий в настоящее время государственный строй возник на развалинах предшествующих ему порядков. Поэтому, — писал Форстер, — мы вправе уничтожить государственный строй, не соответствующий своей цели, сковывающий наши силы и препятствующий нашему моральному совершенству.

Таким образом Форстер еще более откровенно чем Шубарт высказывает идею о праве народа на революцию.

В период якобинской диктатуры Форстер приезжал в Париж; он написал ряд работ, из которых особо замечательными являются «Парижские очерки» (1793 г.), его последнее произведение.

В этом произведении Форстер защищает французскую революцию и разъясняет ее историческое значение. Он полностью оправдывает политику якобинской диктатуры, считая ее неизбежной и необходимой в период борьбы с контрреволюцией. Французская революция, по словам Форстера, самый значительный, самый изумительный из всех переворотов, когда-либо совершившихся в нравственном развитии человечества.

Иоганн-Готфрид Зейме (1763—1810) начал свою публицистическую деятельность в 1796 году описанием событий в России, в которой он был с 1793 по 1797 г.

В своих очерках о России он с симпатией пишет о русском народе, осуждает Павла I и вообще открыто выступает против русского самодержавия и крепостничества.

В своих статьях, опубликованных в 1796—1797 гг., Зейме выступает как сторонник «всеобщей справедливости», которая должна быть основой всякого разумного государственного устройства, как поборник равенства всех перед законом.

В период диктатуры Наполеона I Зейме выразил свое отрицательное отношение к наполеоновскому режиму, задушившему французскую революцию и восстановившему монархию.

Таким образом, выступления этих трех наиболее видных немецких демократов показывают, что в рядах немецкой интеллигенции сформировалось течение, которое не ограничивалось критикой феодальных порядков в Германии, но уже было готово сделать из этой критики практические революционные выводы. Наиболее отчетливо эта тенденция обнаруживается у Форстера.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Энгельс Ф., Рецензия на книгу: К. Маркс, Критика политической экономии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XI, ч. II, с. 353.

Энгельс Ф., Положение в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 2, с. 559—565, 572.

Энгельс Ф., Материалы по истории Франции и Германии, Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 343—348.

Источники

«Немецкие демократы XVIII века», М., 1956.

ГЛАВА XI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ДВОРЯНСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ

§ 1. Государственные реформы первой четверти XVIII века и укрепление абсолютизма в России. § 2. Защита «просвещенного абсолютизма» в произведениях членов «ученой дружины» Петра I (Феофан Прокопович, В. Н. Татищев). § 3. И. Т. Посошков — идеолог нарождающегося класса торговцев. § 4. Политическая идеология народных движений первой половины XVIII века

§ 1. Государственные реформы первой четверти XVIII века и укрепление абсолютизма в России

1. Образование единого национального рынка к концу XVII века и укрепление экономических связей между отдельными частями страны обусловили дальнейший рост товарно-денежных отношений внутри феодального общества. В России появляются первые мануфактуры и нарождается промышленный капитал. Развивающиеся буржуазные производственные отношения к 60 годам XVIII века перерастают в особый уклад, существующий в рамках феодально-крепостнического общества.

Феодально-крепостнические отношения в XVIII веке достигают наибольшего развития. Дворянское государство, вынужденное содействовать развитию промышленности, в то же время стремилось укрепить незыблемую основу феодального строя — собственность помещиков-дворян на землю и основанную на ней эксплуатацию труда крепостных крестьян.

Все реформы Петра I, в том числе направленные к насаждению промышленности, проводились на основе признания необходимости дальнейшего укрепления крепостного права.

На заводах и мануфактурах, создаваемых государственной властью (в виде казенных или купеческих предприятий), господствовал труд крепостных — посессионных крестьян и «работных людей», ряды которых рекрутировались из числа беглых и нищих, отданных под жестокий надзор фабричной администрации, наделенной правом суда и расправы.

Введение подушной подати, заменившей собой подворное обложение (1718 г.), сопровождалось расширением количества тяглых людей и отменой холопства. Наделение помещиков правом взыскивать подать со своих крепостных и самим вносить эту подать в казну расширило право помещиков на личность крестьянина.

Указ 1714 года о единонаследии ликвидировал различие между устаревшими к XVIII веку формами феодального землевладения — вотчиной и поместьем и предоставил помещикам наследственное право на землю и сидевших на ней крепостных людей, усилив тем самым власть крепостников и создав условия, при которых крепостное право в России приобрело «наиболее грубые формы»¹.

Усиление податного гнета, введение системы рекрутских наборов с установлением пожизненного срока службы в армии, насильственная вербовка крестьян на заводы, расширение административных и судебных прав помещиков приводили к массовому бегству крестьян, работных людей, наиболее бедных горожан, солдат на окраины Российской империи. Это вызвало введение паспортной системы и издание ряда жестоких указов, направленных на борьбу с беглыми людьми.

Экономическое развитие России создало необходимые предпосылки для изменений в механизме феодальной монархии и дальнейшего укрепления абсолютизма. Проведенные в первой четверти XVIII века государственные преобразования имели своей целью создание сильной национальной армии, могущественного военного и торгового флотов, дальнейшее развитие русской отечественной промышленности и науки, насаждение ремесел и искусств, подготовку военных специалистов, инженеров-строителей, администраторов, судей для дворянской империи.

Реформы в области государственного управления укрепили феодально-абсолютистское государство и создали более оперативный и гибкий аппарат государственной власти, стоявший на страже интересов класса дворян.

Государственные преобразования изменили механизм русского государства. «...Русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией, — указывал В. И. Ленин, — не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями...»².

При проведении этих реформ Петр I и его помощники в своеобразных формах использовали опыт Западной Европы в деле развития

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439.

² В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 308.

промышленности, науки, культуры и государственного строительства. В. И. Ленин отмечал, что «...Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства»¹.

Преобразования проводились ценою больших жертв со стороны народных масс, и прежде всего крепостного крестьянства, что вызвало дальнейшее обострение классовой борьбы. Восстания крепостных крестьян и «ясачных» народов, а также восстание в Астрахани (1705 г.), восстание донских казаков под предводительством Кондратия Булавина (1707 г.) и ряд других показывают остроту классовой борьбы, разгоревшейся в первой половине XVIII века в России.

В установлении сильного абсолютистского государства во главе с монархом, наделенным неограниченной властью, были заинтересованы как феодалы, опиравшиеся в борьбе против крестьян на регулярную армию и чиновничий аппарат, так и нарождающаяся буржуазия.

Законодательство того времени было направлено на усиление власти дворян-крепостников. Резко усилилась интенсивность эксплуатации крепостных крестьян помещиками.

Потребность в быстрой перестройке всех звеньев механизма крепостнического государства и недостаток деятельных и просвещенных людей среди дворян привели к необходимости издания Табели о рангах (1722 г.), открывавшей доступ в дворянство выходцам из других сословий, отличившимся на службе.

Создание централизованного аппарата управления и сильной армии невозможно без поощрения роста мануфактур, без содействия развитию промышленности, торговли и «ободрения» нарождающейся буржуазии. В начале XVIII века была создана значительная промышленность, организованная на базе крепостного труда. Насаждение отечественной промышленности и введение подушной подати, организация регулярной армии, появление разветвленного аппарата управления и многочисленного чиновничества укрепили абсолютизм. Реформы, несмотря на их крепостнический характер, дали толчок развитию экономики России, росту ее промышленности.

2. Реформы по необходимости были направлены к тому, чтобы повысить уровень русской науки и культуры и поднять степень образованности дворянства. Петром I был разработан проект организации Российской академии наук.

В 1703 году в Москве было открыто училище, в котором Эрнст Глюк начал преподавание этики и политики. Герольдмейстерской инструкцией 1722 года предписывалось открыть краткую школу для изучения гражданских и экономических дел и начать обучение правоведению молодых людей из дворян для определения их по коллегиям «для науки аудиторских дел».

Для развития науки правоведения в нужном для абсолютизма направлении Петром I были использованы сочинения защитников

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 307.

княжеского абсолютизма в Германии. По личному указанию императора в России была переведена книга Пуфендорфа «Об обязанностях человека и гражданина», в которой необходимость абсолютизма и крепостного права доказывается доводами естественного права и морали.

В 1755 году был основан Московский университет и в числе его факультетов — утвержден и юридический, на котором преподавал Филипп Дильтей, доктор прав, приглашенный в Россию из Вены. Дильтей преподавал естественное право, римское право, уголовное, государственное, причем все лекции читал на четырех языках — по выбору слушателей, и издал несколько книг по праву.

Таким образом общий подъем науки и культуры в России, сопровождавший время государственных преобразований XVIII века, коснулся и науки права. В связи с необходимостью подготовки судей и других чиновников, знающих право, при организации первых университетов в России в число наук, подлежащих изучению, были включены и юридические дисциплины.

3. Столкновение прогрессивных кругов дворянства и нарождающейся буржуазии, стоявших за проведение реформ, и реакционных групп феодалов, которые защищали старые порядки, нашло свое выражение в идеологической борьбе. Для сочинений прогрессивных писателей этого времени характерна попытка обосновать идею «просвещенного абсолютизма» как доводами богословия, так и положениями школы естественного права.

Сам Петр и члены его «ученой дружины» хорошо знали политические теории защитников абсолютизма на Западе, имевшие хождение в XVII веке, и читали Гоббса, Пуфендорфа и других писателей, у которых они могли заимствовать доводы в защиту абсолютной монархии.

Вместе со своими помощниками Петр усердно пропагандировал идею абсолютизма. Петр I считал главной «фортецией правды» самодержавную, ничем не ограниченную власть абсолютного монарха, которую он не позволял критиковать, или, как он выражался, под которую не следовало «всякие мины подводить». Ослушание самодержавной воле он считал «продерзостью» и «колебанием правды».

В законах этого времени постоянно проводится мысль о государстве как силе, способной переустроить общество согласно предписаниям разума. Такие указы, как «О заведении фабрик в России» (1723 г.), «Воинский Устав» (1716 г.), «Духовный регламент» и многие из законов, относящихся к преобразованию верховных органов власти в России, написаны непосредственно самим императором или с его участием.

Большинству законов, написанных Петром I, предпосылалось своеобразное введение, которое объясняло смысл и пользу издаваемого закона.

Народ рассматривался Петром I как «непросвещенная» масса, удел которой беспрекословно подчиняться закону, издаваемому правительством к «общему благу».

Для абсолютизма характерно стремление государственной власти подвергнуть регламентации все стороны общественной и частной жизни. Это находит свое отражение в законодательстве, которое пытается регулировать даже быт граждан.

Прогрессивными для своего времени были взгляды Петра I на армию, созданную им не на началах наемничества, как это было принято в Западной Европе, а на основе рекрутской повинности, что повышало боеспособность армии.

Сущность политической идеологии наиболее передовых дворян, входивших в «ученую дружину» Петра, сводилась к защите полновластия абсолютного монарха, обоснованию незыблемости крепостнических отношений и к «сокрушению» старины. Защитники «просвещенного абсолютизма» в России были убежденными крепостниками.

§ 2. Защита «просвещенного абсолютизма» в произведениях членов «ученой дружины» Петра I (Феофан Прокопович, В. Н. Татищев)

1. Сломить сопротивление ревнителей старины, защитников застоя, боявшихся нового, и провести в жизнь реформы возможно было только при условии консолидации дворян, смелого и быстрого выдвижения наиболее талантливых представителей этого класса, а также преданных ему выходцев из других сословий.

Деятельными помощниками Петра явились А. Меншиков, П. Ягужинский, А. Курбатов, П. Шафиров, Ф. Прокопович, В. Татищев и целый ряд других «птенцов гнезда Петрова», трудившихся вместе с ним над идеологическим обоснованием реформ и их проведением в жизнь.

Среди этой плеяды ближайших помощников Петра выделялись как ученые Ф. Прокопович и В. Татищев.

Феофан Прокопович (1681—1737) был выходцем из купцов. Он получил богословское образование в Киеве, а затем в Италии, став впоследствии видным церковным деятелем.

Одним из крупных вопросов начала XVIII века являлся вопрос о церковной реформе, которая должна была окончательно подчинить церковь государству. Часть высшего духовенства, приверженного старине, враждебно относилась к реформам Петра. Поскольку церковь имела большое влияние на народные массы, Петр I всячески старался превратить церковников прежде всего в «государственных богомольцев» и вытравить «папешский» дух, подчинив церковь государственной власти. Феофан Прокопович явился деятельным и усердным помощником Петра в проведении церковной реформы. Он относился непримиримо к защитникам боярских порядков и старины и проводил политику «очищения» церкви от тех, кто противодействовал начинаниям Петра. Он разоблачал поповский обскурантизм и высмеивал догмат о непогрешимости римского папы.

Прокопович ратовал за насаждение просвещения в России, так как считал, что все социальные бедствия — нищета, пороки, преступления — имеют в своей основе невежество.

Ф. Прокопович тщательно изучал не только каноническую, но и светскую политическую литературу своего времени: сочинения Гоббса, Пуфендорфа и других писателей, что сказалось на доводах, с которыми он выступил в защиту абсолютизма.

Отвергнув старую традицию обоснования неограниченной власти монарха только аргументами теологического порядка, что было характерно для теоретиков сильной царской власти в XVI—XVII вв. в России, Ф. Прокопович сочетает богословские доводы с положениями школы естественного права. Он не отвергает и необходимости подкрепить теорию абсолютизма ссылками на священное писание.

По особому заданию Петра Прокопович написал политический трактат «Правда воли монаршей», в котором оправдывается власть абсолютного монарха и защищается наследственная монархия как наилучшая форма государства.

«Правда воли монаршей» явилась самым значительным политическим произведением времени Петра, посвященным вопросам государства и права. Этот трактат явился идейным обоснованием «просвещенного абсолютизма» в России.

Обоснованная прежде всего рационалистическими доводами теория абсолютизма, изложенная Феофаном Прокоповичем, означала известный шаг вперед по сравнению с теологическими теориями власти государей, существовавшими в XVI—XVII вв.

Из произведений идеологов абсолютизма на Западе Прокопович счел возможным использовать в России книги Пуфендорфа, в которых идеи естественного права в сочетании с отдельными богословскими положениями были направлены на утверждение власти государя, неизбежность сословных привилегий дворянства и укрепление крепостничества. В меньшей степени использует Ф. Прокопович книгу Гоббса «Левиафан», так как атеизм Гоббса делал невозможным применение его государственноправовой теории в России.

Основой теоретических построений о государстве и праве, по мнению Прокоповича, следует признать здравый естественный разум. Разум побудил человека сменить состояние природной вольности на общественный союз — государство. Суверенный вначале народ по внушению бога решил передать всю полноту власти одному лицу — монарху. Отдав власть монарху, народ уже не может чем-либо ограничить его власть или расторгнуть заключенный с ним договор.

Внушив народу мысль подчинить себя монарху, бог поставил последнего выше как народа, так и закона.

По Прокоповичу, существуют три формы государства: монархия, аристократия, демократия.

Лучшей и наиболее естественной формой он считает монархию, которая может быть либо наследственной, либо выборной, причем предпочтение он отдает первой.

По мнению Прокоповича, наследственная монархия является более устойчивой и правильной формой государства, чем выборная, так как в ней престол ни одного дня не остается незамещенным; наследник, зная, что он будет непременно царствовать, заранее готовит себя к управлению страной, а правящий монарх стремится к тому, чтобы оставить после себя государство — для сына — процветающим и крепким.

Прокопович находит в наследственной монархии только один изъян: это — переход престола по наследству к старшему сыну даже в случае явной неспособности наследника к управлению государством.

Прокопович обосновывает право монарха самому — при жизни — выбрать себе «доброе и искусное» преемника на троне независимо от степени родства, что и было установлено петровским Указом о престолонаследии (1723 г.). Издание этого указа было вызвано желанием Петра передать престол лицу, способному продолжить начатые им реформы.

В соответствии с общим духом петровского времени Прокопович отвергает право подданных на какую бы то ни было критику действий монарха.

Политические взгляды Прокоповича, несмотря на их ограниченность, имели относительно прогрессивный характер, поскольку они обосновывали необходимость назревших государственных преобразований.

Убедленным сторонником абсолютизма Прокопович оставался и после смерти Петра I. В частности, когда в 1730 году Голицыны и другие вельможные князья попытались навязать императрице Анне Иоанновне «кондиции», согласно которым она должна была править совместно с «Верховным тайным советом», состоявшим из 8 представителей родовитой знати, Прокопович вел деятельную борьбу против реакционной «затейки верховников».

2. Всесторонне образованным деятелем времени государственных преобразований первой четверти XVIII века, разносторонним ученым являлся Василий Никитич Татищев (1686—1750).

Татищев был военным, дипломатом, географом, историком, способным администратором, политическим мыслителем, написавшим значительные труды. На страницах своих сочинений он касался как общих вопросов общественного развития, так и государства и права.

Перу В. Н. Татищева принадлежат многие сочинения, из которых наибольшее значение имеют: «История Российская», «Лексикон Российский исторический, географический, политический и гражданский», «Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ» и др.

Татищев потратил много сил и энергии на то, чтобы обосновать право России на ее старинные земли, отвоеванные в Северной войне и вернувшие ей выход к Балтийскому морю. В географических и

исторических сочинениях Татищев, ссылаясь на памятники новгородской старины, доказывал исконность русских владений в устье Невы. Он усердно разыскивал в архивах наиболее древние русские летописи для опровержения норманской теории происхождения русского государства, служившей в то время оправданию прав шведских феодалов на захваченные ими русские земли.

Татищев был одним из первых русских историков, который использовал богатейшие архивные данные и нашел ряд ценнейших древних исторических документов, в частности — памятников права. Он открыл и подготовил к изданию один из наиболее древних списков «Русской Правды» и «Судебник 1550 года».

Взгляды В. Н. Татищева на государство и право имеют в своей основе теорию естественного права и носят чисто светский характер.

Объясняя возникновение общества и происхождение государства, Татищев стремился доказать «естественность» подчинения низших классов населения дворянству.

Начальным состоянием человека была свобода; однако волей своей человек не умел пользоваться. Поэтому на естественную волю человека непременно должна быть надета «узда неволи для его же пользы»¹.

В учении Н. В. Татищева сказывается влияние идеологов княжеского абсолютизма Германии конца XVII и середины XVIII века, в частности Вольфа. Подобно Вольфу, Татищев начинает с рассмотрения простых и сложных обществ, причем простейшей формой общества он считает семью. «Узда» неволи, без которой не может образоваться общество, по Татищеву, может быть естественной и производной. Власть отца над детьми является уздой естественной, сдерживающей своеволие ребенка, но последний подчиняется родителям для своей собственной пользы. Власть монарха над подданными, по Татищеву, также создана самой природой, ибо монарх относится к своим подданным, как отец к своим детям.

Помимо естественной узды, Татищев различает еще узду договорную, под которой он понимает власть господина над слугой, а также помещика над крепостным.

В целях оправдания крепостничества Татищев проводит мысль о том, что источником крепостничества является договор между крестьянином и землевладельцем, и результатом насилия считает только рабство, возникающее из военного плена.

Понимая невозможность обосновать право помещика на личность и труд крепостного доводами школы естественного права, Татищев обращается в этом вопросе к политике. По его мнению, отменить неволю в России опасно и освобождение крестьянства без земли (как убежденный крепостник, Татищев и не мыслит об освобождении крестьян с землей) может привести и непременно приведет к всеобщему восстанию крестьян и разрушению государства. Воля не может быть предоставлена крепостному потому, что она, по Татищеву,

¹ В. Н. Т а т и щ е в, Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ, М., 1877, стр. 140.

гибельна и вредна для самого крестьянина, как для младенца огонь, которым он может обжечься.

Татищев различал монархическую форму государства, аристократическую — когда правят несколько избранных знатных персон, и демократическую, или общенародную, — когда власть избирается народом. Лучшей формой правления для России он считал неограниченную монархию, возглавляемую просвещенным законодателем.

Татищев доказывал, что государства, небольшие по занимаемой ими территории и не подвергающиеся неприятельским нашествиям, могут «правиться общенародно», то есть иметь демократический образ правления.

«Великие» народы, которым не угрожает нашествие врага, могут управляться аристократически.

«Великие же и от соседей не безопасные государства без самовластного государя быть и в целости сохраниться не могут»¹.

История России, по мнению Татищева, доказывает необходимость сосредоточения самодержавной власти в руках монарха.

Государственный порядок в обществе должен, по Татищеву, направляться законом. Законы естественные следует отличать от гражданских, то есть положительных, устанавливаемых по желанию властей и основывающихся на соображениях политики. Эти положительные законы часто изменяются с изменением нужд государства.

Хотя универсального рецепта для составления законов дать нельзя, объясняет В. Н. Татищев, но существуют определенные правила «законозаписи». Выступая против запутанности и казуичности допетровского законодательства, Татищев требует от закона, чтобы он: 1) был понятен для каждого и известен всем; 2) выполнялся лицами, к коим направлен; 3) не содержал в себе противоречий; 4) выражал преемственность по отношению к древним законам и обычаям.

Обязательное знание законов должно быть установлено для всех подданных в государстве. Особенно настаивает Татищев на знании закона помещиками, поскольку, как он утверждает, они являются по природе судьями над своими крестьянами.

Лучшим законоводителем, по Татищеву, должен быть сам монарх. Он должен отличаться от тирана своими заботами об «общем благе», «свирепство» же тирана колеблет правосудие. Прикрывая классовую сущность абсолютной монархии ссылками на «общее благо», которому она якобы служит, и относясь к народу как к пассивной и темной массе, Татищев объявляет, что задача монарха состоит в заботе о благе подданных.

Как и большинство дворянских идеологов первой половины XVIII века, «общее благо» Татищев видел не только в упорядочении законодательства, но и в проведении экономических мероприятий, направленных на скорейшую организацию отечественных

¹ В. Н. Татищев, Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ, М., 1877. стр. 188.

мануфактур и заводов, развитие внутренней и внешней торговли, поощрение ремесленников, упорядочение сельского хозяйства, оживление ярмарочного торгова внутри страны, введение таможенно-тарифного законодательства по вывозу и ввозу товаров, поощряющего рост отечественной промышленности.

Татищев, бывший сам непосредственно организатором крупных горнозаводских предприятий и главным правителем казенных заводов на Урале, выступал как поборник развития русской промышленности с применением жестких законов крепостнического порядка: организации заводов на базе применения труда крепостных — посессионных крестьян, создания льготных условий для казенной и дворянской вотчинной промышленности, тщательной регламентации со стороны абсолютистского государства всех сторон предпринимательской деятельности.

Крепостнический характер носят и разработанные В. Н. Татищевым «Горный устав», «Заводской устав» и другие документы, связанные со строительством им заводов в России.

Суровым крепостником, ратующим за интересы помещика и уделяющим свое внимание главным образом искусству выколачивать побольше прибавочного продукта из труда крепостных, выступает В. Н. Татищев в сочинении «Краткие экономические до деревни следующие записки», в котором даются подробные наставления помещику о том, как следует управлять хозяйством¹.

Весь труд крестьянина и даже ведение им собственного хозяйства в этом сочинении рекомендуется помещику взять под неослабный надзор старост и приказчиков. Помещик должен заставлять крестьян постоянно трудиться, выходить на барщину тогда, когда это он найдет нужным. Чтобы все члены крестьянской семьи работали бы на своих хозяев-крепостников, рекомендовалось учить их грамоте и различным ремеслам. Нужно поставить дело так, учил Татищев помещиков искусству эксплуатации крестьян, чтобы продукты собственного хозяйства крестьяне продавали бы преимущественно помещику. В неурожайные годы Татищев советовал помещикам вообще запрещать крестьянам продажу хлеба и других продуктов.

Ратуя за безграничное расширение прав помещика на личность крестьянина, В. Н. Татищев утверждает право каждого помещика осуществлять вотчинный суд над своими крепостными, для чего, по его мнению, они должны в каждом имении иметь тюрьмы для наказания ленивых и других не покоряющихся их воле крестьян.

Таким образом, феодально-крепостническая сущность трактовки идеи «общего блага» членами «ученой дружины» Петра I при ближайшем рассмотрении раскрывается как забота о соблюдении преимущественно прав дворянства, привилегированного сословия.

¹ См. «Краткие экономические до деревни следующие записки. Сочинение господина губернатора в Астрахане Василия Никитича Татищева 1742 года» («Временник Московского Общества Истории и Древностей Российских», кн. XI, 1852, стр. 12—32).

Татищев требует строжайшего соблюдения сословных перегородок. Дворянство, по его мнению, должно обладать значительными привилегиями по сравнению с другими сословиями и воспитываться в учебных заведениях, недоступных для людей «низших» сословий. Дело дворянства, пояснял В. Н. Татищев,— нести государственную службу, занимать командные должности в армии, выступать на войне в защиту отечества и занимать первое место в обществе, владея поместьями и крепостными.

Взгляды Татищева на место сословий в обществе отразились и в выдвигаемых им проектах организации просвещения, по которым купцам предлагалось изучать арифметику, а крестьян обучать лишь в начальных школах грамоте и «страху божьему».

Таким образом, и намеченная В. Н. Татищевым программа насаждения просвещения в России носит узкосословный характер.

В 1730 году, когда родовитые князья Голицыны и другие вельможи попытались ограничить власть Анны Иоанновны «Верховным тайным советом», Татищев вместе с Прокоповичем боролся против этой «затейки». В противовес проекту «верховников» им был составлен проект создания при императрице представительного дворянского собрания, состоящего из двух палат. Это собрание мыслилось как опора монарха в борьбе против притязаний на власть крупнейших аристократов. Необходимость осуществления этого проекта отпала после того, как Анна Иоанновна, опираясь на основную массу дворянства, уничтожила «кондиции» и «затейка верховников», таким образом, провалилась.

В. Н. Татищев был одним из видных защитников абсолютизма в России. Он давал оригинальную трактовку идеи «просвещенного абсолютизма», опираясь на доводы естественного права.

В произведениях политической литературы первой половины XVIII века в России проводится усиленная защита идей просвещенного абсолютизма. Ратуя за просвещение, «ободрение промышленности», устанавливая необходимые для этого льготы промышленникам и купцам, Петр и его «ученая дружина» строго следили за тем, чтобы оградить крепостное право и дворянскую империю от малейшей критики, которая могла бы подорвать безраздельное господство помещиков, полноту их власти над крепостным крестьянством.

§ 3. И. Т. Посошков — идеолог нарождающегося класса торговцев

1. Абсолютная монархия в России в период ее становления и укрепления оказывала «...содействие нарождавшемуся классу торговцев...»¹.

Русское купечество ждало от русского абсолютизма возможно более широких льгот для развития отечественной торговли и промышленности. Выразителем взглядов нарождающегося купечества был Иван Тихонович Посошков (1652—1726).

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 105.

Выходец из непашенных оброчных крестьян подмосковного села Покровского, Посошков с детства был приучен отцом — мастером-серебряником к серебряному и ювелирному делу, вскоре стал денежным мастером, а затем изучил винокурение, добычу серы, смолоту начал торговать и к концу жизни, сколотив изрядный капитал, приписался к купечеству.

За время своей жизни, протекавшей в обстановке тяготения наиболее энергичных представителей купечества к предпринимательской деятельности, Посошков неоднократно обращался как непосредственно к Петру, так и в правительственные учреждения с различными предложениями в области экономической политики, военного дела, денежной реформы, по вопросам просвещения, борьбы с раскольниками и по ряду других вопросов, волновавших общественную мысль того времени.

Сочинения талантливого русского писателя-самородка Посошкова затрагивают почти все основные вопросы экономики, политики, государства и права.

Основное сочинение Посошкова — «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.) написана им на склоне лет как итог всей его многогранной хозяйственной, общественной и литературной деятельности. Она охватывает обширный круг вопросов общественной жизни.

В этой книге Посошков писал, что укрепление независимости русского государства лучше всего может быть достигнуто насаждением отечественной промышленности, развитием внутренней и внешней торговли и умножением народного богатства.

Как идеолог и представитель интересов купечества, Посошков подверг критике многие недостатки общественной жизни современной ему России, призвал сильных людей и чиновников, казнокрадство в учреждениях, взяточничество в судах, разорение помещиками крепостных крестьян, тяжесть податной системы, при которой взыскание налогов разоряет народ, и ряд других отрицательных явлений.

Защиту от произвола дворян в отношении купцов и крепостных крестьян Посошков, как типичный представитель экономически и политически слабого и настроенного верноподданнически московского купечества, ищет у самодержавного монарха.

Проекты и записки Посошкова и его политическая программа в целом не выходят за рамки просьб, направленных монарху. «Аз мизирный его императорского величества рабичич,— пишет он в начале сочинения, адресованного Петру,— мнение свое сидевое предлагаю о собрании царских сокровищ»¹.

Во всех своих записках и предложениях Посошков всячески подчеркивал, что он печется о благополучии отечества и одновременно «о здравом и гобзовитом золотом (то есть обильном) и постоянном собрании интересов» монарха².

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951, стр. 13, лист 1.

² Там же, стр. 15.

Посошков писал, что «не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много», но то, «еже бы весь народ по мерностям своим богат был»¹. По каждому из затронутых им вопросов Посошков предлагает подробную программу мероприятий, благодаря которым «не токмо едина царская сокровищница со излишком наполнится но и весь народ обогатится и вражды многие прекратятся»².

Реформы, которые предлагал провести в жизнь Посошков, должны были осуществляться сильным абсолютистским — полицейским государством, причем инициатором проведения их в жизнь должен был явиться император, который при помощи закона и своего попечения заставит аппарат государственной власти вмешаться во все стороны экономической жизни России, устранил несправности, утвердит правду и суд и облегчит положение всех сословий, сделав возможным накопление богатств для купцов и достижение зажиточной жизни для крестьян, что и приведет к процветанию и «общенародному» богатству.

Преобразовательная деятельность Петра I сопровождалась проведением необходимых мер по оказанию помощи купцам, что не могло не порождать иллюзий среди купеческой среды того времени. Посошков, как идеолог купечества петровского времени, полагал возможным установить посредством реформ своеобразную гармонию интересов и классовый мир между сословиями, а именно духовенством, дворянством, купечеством и крестьянством.

Указывая на темноту и малограмотность многих представителей духовенства, Посошков предлагает установить обязательное обучение детей священников в школах, не посвящать в сан без свидетельства об обучении, давать приходы «по разуму и истинного священства достоинству», сурово наказывать священнослужителей, впадающих в пьянство и другие пороки.

Посошков считал необходимым искоренение ересей и борьбу с раскольниками, оказывавшими сопротивление преобразованиям Петра, утверждая, что обучение грамоте и священному писанию церковников нужно для того, чтобы они могли бы и «изоустно еретические челости сокрушати»³.

Не имея возможности прямо критиковать дворянский произвол, Посошков не отвел в своей книге отдельной главы вопросу о положении дворянства, как он это сделал в отношении духовенства, купечества и крестьянства. В то же время, признавая дворянство высшим сословием, имеющим почетные привилегии и право владения землей и крестьянами, Посошков сделал ряд критических замечаний по адресу дворян.

Он обращал внимание на отлынивание отдельных провинциальных дворян от службы государству, на бесчинства, творимые командирами воинских частей над горожанами, на обворовывание ими

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951., стр. 13, 14.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 27.

солдат, на разорение крестьян помещиками. По его мнению, дворяне обязаны состоять на военной и гражданской службе, за что они и пользуются привилегиями. Однако они не должны строить фабрики и заводы и заниматься торговлей; урожай со своих поместий помещики должны оптом продавать купцам.

«Царство воинством расширяется, а купечеством украшается»,— говорит Посошков о купечестве, утверждая, что «без купечества никакое, не токмо великое, но ни малое царство стоять не может»¹. Купечество является жизненно необходимым в государстве сословием, на которое должно быть возложено дело развития промышленности и торговли. В интересах обеспечения предприятий рабочей силой Посошков предлагает дать право купцам задерживать «навечно» на заводах и фабриках всех гулящих нищих и беглых.

Только купечество может вести внешнюю торговлю, основывать предприятия, торговать оптом и в розницу и пользоваться государственным кредитом для организации новых предприятий.

Рассматривая положение крестьян, Посошков указывает на три причины скудости их бытия. На первое место он ставит ленъ, затем «нерассмотрение правителей», то есть небрежность казенной сельской администрации, а уж потом — и насилия помещиков².

Предлагая строго наказывать тех из крестьян, кто «лежебочит», Посошков предлагает и мероприятия в защиту крестьянства, разоряемого помещиками. Размер крестьянских повинностей в пользу помещиков он считает необходимым твердо ограничить.

Посошков напоминает царской власти, что «крестьянам помещики не вековые владельцы»³, и утверждает, что крестьяне принадлежат не помещикам, а царю. Царю следует охранять крестьян, чтобы они «крестьянами были прямыми, а не нищими»⁴, «Крестьянское богатство — богатство царственное»,— говорит Посошков⁵.

Крестьянство должно быть освобождено от подушной подати, налоги должны взыскиваться, по мнению Посошкова, с земли.

Посошков настаивал на закреплении за крестьянами их наделов и доказывал, что крестьянин в этом случае будет более тщательно обрабатывать свою землю.

Вместе с тем Посошков требовал от крестьян усердия в работе на хозяина. Если же крестьяне ленятся, то «не токмо помещикам или приказчикам, но и сотским надлежит за ними смотреть и жестоко их наказывать»⁶.

Размежевание прав и обязанностей между сословиями, по мнению Посошкова, в конце концов приведет к миру и согласию между ними. Монарх будет заботиться о нуждах всех классов и блюсти их

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951, стр. 113.

² См. там же, стр. 166.

³ Там же, стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 179.

интересы. «Твердое смотрение», основанное на тех законах, издать которые предлагал Посошков, обеспечит благосостояние всех сословий и добрый порядок в стране

Посошков рекомендует монарху заменять в суде и аппарате управления знатных и «высокородных» людей людьми простого звания из купцов и крестьян, так как «высокородные на уложенные уставы мало смотрят, но как кто восхощет так и делать будет по своей природной пыхе (т. е. по свойственной дворянам амбиции.—В. П.)»¹.

Антидворянские тенденции прорываются у Посошкова и в выдвинутом им проекте судебной реформы. Следует установить, указывает он, порядок, по которому суд должен быть не сословным, а единым для всех. «Каков земледельцу, таков и купецкому человеку, убогому и богатому, каков солдату, таков и офицеру»².

Упорядочение суда следует начать, указывает Посошков, с введения порядка, по которому каждый судья был бы обязан посещать тюрьмы и расспрашивать каждого заключенного, за что и кем он посажен, «и буде дело до кого невеликое то того же часа и решит его»³.

Обновление суда Посошков связывал с отменой наиболее устарелых статей Уложения 1649 года, упрощением делопроизводства в судах и установлением строгого контроля за их деятельностью через «особливую канцелярию», правитель которой был бы «самой ближней и верной царю»⁴ и никого бы «кроме бога да его императорского величества не боялся»⁵.

Посошков придавал особое значение судебной реформе: «Паче всякого дела надлежит стараться,— указывал он,— о правом суде, и аще правосудие у нас уставится то все люди будут бояться неправды»⁶.

Надлежит строго запретить подъячим и другим судебским чиновникам заниматься волокитою, беспощадно карать за вымогательство и получение взяток, а оклад судьям и приказным людям установить не помесечно, а с дел, определив размер вознаграждения таксой.

Посошков рекомендует отказаться от тех форм процесса в уголовных розыскных делах, которые были приняты по Уложению 1649 года: бесконечных пыток подсудимых, «повального обыска», то есть поголовного допроса всех свидетелей и лиц, проходящих по делу, и в целях гуманности настаивает на принятии укороченных сроков для разбора дел по обвинению в богохульстве, разбое, убийстве и других тяжких преступлениях, за совершение которых закон карал смертною казнью.

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951, стр. 91.

² Там же, стр. 52.

³ Там же, стр. 56.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 86.

⁶ Там же, стр. 80.

Посошков считал необходимым также очистить суд от «мздоимцев», то есть взяточников, и советовал выдвигать в судьи «низкородных» из купцов, ремесленников и чернососных крестьян.

Новый и равный для всех сословий суд потребует составления нового Уложения, для чего Посошков рекомендует созвать выборных от всех чинов: «два или три из духовного чина самых разумных и ученых, такожде от гражданства или в судебных и иных правительных делах искусных от высокого чина... и от niskих чинов кои не высокоумны»¹. Такая новая уложенная книга, написанная с «совершенным общесоветием», будет предложена монарху на одобрение, «не снижая его величества самодержавия но ради самые истинные правды», то есть не отнимая у монарха права окончательно судить о пригодности нового закона.

И. Т. Посошков рассмотрел в своих трудах широкий круг вопросов общественной жизни России начала XVIII века. И. Т. Посошков желал видеть свою родину сильной, процветающей и избавленной от недостатков, стоящих в поле его зрения. Ратуя за интересы купечества, он вместе с тем поднимается в отдельных высказываниях до защиты интересов и крестьянства.

Отмечая недостатки современной ему России, ее экономическую отсталость и слабое развитие промышленности и торговли, засилье и произвол дворян, неправосудность дворянских сословных судов и т. п., И. Т. Посошков высказал ряд критических замечаний в адрес дворянства и чиновников.

Посошков не поднимался до политических обличений самодержавия, указывая лишь на необходимость облегчения положения крестьян и предоставления купечеству более широких прав.

§ 4. Политическая идеология народных движений первой половины XVIII века

1. Государственные преобразования первой четверти XVIII века, затрагивавшие все области хозяйственной и социальной жизни, ложились тяжким бременем на народные массы.

«...Петр Великий, — писал И. В. Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождавшегося купеческого класса... Возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры»². Введение тяжелой подушной подати, мобилизация значительной части населения на строительство городов, флота, пристаней и каналов, приписка крестьян в посессионные для обеспечения рабочей силой вновь создаваемых промышленных предприятий, рост натуральных повинностей, рекрутские наборы, имевшие место во время царствования Петра, и разоритель-

¹ И. Т. Посошков, Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951, стр. 82.

² И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 105.

ные расходы на ведение войн усугубляли тяжесть феодального гнета и вызывали протест и возмущение самых различных групп населения.

Одной из форм пассивного протеста широких масс населения против усиления феодального гнета явилось бегство крестьян, дворовых людей, посессионных-заводских крестьян, что вызвало издание жесточайших указов, направленных на борьбу с беглыми людьми.

В 1703 году произошло восстание на одном из казенных уральских заводов в Кунгуре, где усиление фискального гнета и введение новых повинностей совпали с приездом ненавистного для рабочих людей жестокого царского воеводы А. Калитина. Восстание охватило весь уезд, и Кунгур был осажден поднявшимися на борьбу за свое освобождение рабочими людьми, соединившимися в ходе восстания с крестьянами и ясачным населением уезда. В этом восстании впервые получил свое выражение активный протест народа против крепостнического порядка насаждения новых промышленных предприятий.

2. В 1705 году вспыхнуло восстание посадского населения в Астрахани, где, помимо ремесленников и рыбаков, скопилось много рабочих и беглых людей, кормившихся различными работами в порту, на пристани и соляных промыслах.

Восстание было поддержано стрельцами и солдатами местного гарнизона, страдавшими от насилий воеводы Ржевского, который возбудил против себя недовольство тем, что он возлагал на стрельцов и солдат обязанность трудиться на заводах и промыслах и позволял командирам солдат и стрельцов обворовывать подчиненных, присваивать их жалование, вымогать у рядовых взятки.

В июле 1705 года восставший гарнизон захватил кремль, перебил офицеров и расправился с приказными людьми.

На месте упраздненной царской администрации восставшие учредили вольный казачий круг, на который мог явиться любой житель Астрахани: купец, ремесленник, рыбак, стрелец, рабочий человек как из города, так и из окрестностей.

На первом же заседании круга был выбран совет старшин в составе одного купца, земского бурмистра и стрельца, а также осужден царский воевода Ржевский, который тут же был убит.

Восставшие отменили откупа, налоги и объявили вольную торговлю хлебом. После захвата заводов совет старшин разослал письма с призывом к восстанию в близлежащие нижеволжские города и на Яик в Гурьев, а также к донским казакам. Цель и задачи восстания большой круг изложил в принятом им «Советном письме», под которым было поставлено 127 подписей восставших. Из содержания «Советного письма» видно, что как солдаты и стрельцы, так и примкнувшее к ним посадское население не имели ясно выраженной и четкой программы, так как основное внимание уделяли отмене тяжелых налогов и аннулированию таких указов центральной власти, как указ об обязательном бритье бороды.

Среди восставших имели хождение царистские иллюзии, и восстание направлялось против приказных людей, бояр, иноземных купцов, а не против Петра I, который якобы не знал о произволе воеводы Ржевского и тяжести введенных боярами налогов.

Быстроте подавления Астраханского восстания содействовали не только неясность его целей и отсутствие ясной политической программы у восставших, но и социальная рознь, существовавшая между отдельными группами восставших. Верхушка посадских людей и те командиры, которые примкнули к восставшим, вскоре стали проявлять колебания и, надеясь вымолить себе прощение у царя, отошли от восстания, предав рядовых стрельцов и принявших в нем участие посадских людей в руки карателей.

3. Наибольшего подъема достигли народные восстания в первой четверти XVIII века в период казацко-крестьянского восстания на Дону в 1707—1708 гг., известного под наименованием восстания атамана Кондратия Булавина.

Многочисленные казацьи городки и станицы на Дону, начиная с конца XVII века, принимали к себе непрерывный поток беглых людей: крестьян, холопов, работных людей, бежавших сюда из центральных воеводств как от засилья феодалов, так и от непомерной тяжести «государевой службы».

Углубление социального расслоения казачества, делившегося на низовое — «зажиточных и «голутвенное», то есть казачью гольтубу, селившуюся преимущественно в верховьях Дона, способствовало нарастанию возмущения.

Указы царского правительства, отменявшие существовавшие ранее льготы для казаков и обременявшие их рядом повинностей, возбуждали негодование казаков. Когда царское правительство послало на Дон для поимки беглых военных отряд, он был уничтожен восставшими.

Восстание Кондратия Булавина охватило Дон, Нижнее Поволжье и Слободскую Украину. Основную движущую силу его составляли казаки, беглые крестьяне, мелкий посадский люд и рядовые стрельцы.

Царистский характер идеологии этого антифеодального восстания, направленного на устранение всех «неисправ», против бояр, приказных людей, разыскивавших беглых, прибыльщиков, купцов в целях защиты независимости и свобод населения казачьих городков на Дону, получил свое выражение в письмах, с которыми атаман Булавин обращался к населению.

«От Кондратия Афанасьевича Булавина,— читаем в одном из них,— и от всего съездного Войска Донского в русские города начальным людям добрым, также и в село и в деревни посадским людям и всяким черным людям челобитье. Ведомо вам чиним, что мы всем Войском стали единодушно вкупе в том, что стоять нам со всяким радением за дом пресвятого богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестивое нашего царя и за свои души и головы, сын за отца и брат за брата, друг за друга стоять и умирать заодно.

А вам бы всяким начальным людям добрым и всяким черным людям всем также с нами вкупе стоять вкупе заодно. За дом пресвятые богородицы, за истинную веру христианскую, за благочестивого нашего государя царя и за все великое войско Донское с нами стойте заодно.

А от нас вы всякие посацкие и торговые люди и всякие черные люди обиды никакой ни в чем не опасайтесь и не сомневайтесь отнюдь. А которым худям людям князем и боярам и прибыльщикам и немцем за их злое дело отнюдь бы вам не молчать и не пущать ради того, что они вводят нас и всех вас в елинскую веру, а от истинной веры христианской отворотили всякими своими знаменьями и чудесами прелестными»¹.

Таким образом, объединившее самые разнородные слои населения восстание стояло за «благочестивого царя» и за очистку Дона от людей, разыскивавших беглых, от приказных людей, собиравших подати, от бояр, иноземных купцов и попов, преследовавших раскольников.

После взятия Черкаска Булавин пытался организовать большой военный поход на Москву, чтобы и там «бить бояр». Во всех городах и поселках, занятых восставшими, вместо упраздненной царской администрации вводился вольный казачий круг, передававший управление в руки выборных старшин, отменялись налоги и повинности, устанавливалась вольная торговля с установлением низких цен на хлеб и соль.

На последнем этапе развития восстания остро обозначилась социальная рознь и противоречивость интересов массы казаков.

Гольтыба, лишенная какого-либо имущества, желала расправиться не только с московскими приказными людьми, но и со своими эксплуататорами — наиболее богатыми казаками.

В то время как гольтыба требовала похода на Москву и разграбления имущества богачей, зажиточные казаки добивались главным образом признания автономии Дона от Москвы.

Разногласия между восставшими привели к отходу зажиточного казачества от дела военной борьбы с царскими войсками, что значительно ослабило силы восставших.

После гибели Булавина атаман Н. Голый пытался объединить вокруг себя казацкую гольтыбу и некоторое время успешно вел борьбу, но был разбит, и восстание было подавлено.

Несмотря на царистский характер, казацко-крестьянское восстание 1707—1708 гг. на Дону и Слободской Украине имело прогрессивный характер, так как по своей сущности оно являлось антифеодальным и направлялось против засилья крепостников и злоупотреблений царской администрации. Это восстание содействовало расшатыванию власти феодалов и укрепило традиции революционной борьбы трудящихся против их эксплуататоров.

¹ «Булавинское восстание (1707—1708)», Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, М., 1935, стр. 450—451.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Ленин В. И., О государстве, Соч., т. 29, с. 469.

Ленин В. И., Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам, Соч., т. 15, с. 302—315.

Сталин И. В., Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, Соч., т. 13, с. 104—123.

Источники

Посошков И. Т., Книга о скудости и богатстве и другие сочинения, М., 1951.

Дополнительная

Б. Б. Кафенгауз, Посошков И. Т. Жизнь и деятельность, 1957.

Алиференко П., Социально-политические воззрения В. Н. Татищева, «Вопросы истории» 1951 г. № 10.

ГЛАВА XII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА АБСОЛЮТИЗМА И БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

§ 1. Краткая характеристика общественного и государственного строя Франции накануне революции. § 2. Вольтер. § 3. Монтескье. § 4. Руссо. § 5. Гельвеций. § 6. Дидро. § 7. Поль Гольбах. § 8. Утопические социалисты: Мелье, Морелли, Мабли. § 9. Политические воззрения деятелей французской буржуазной революции XVIII века. § 10. Утопический социализм Бабефа

§ 1. Краткая характеристика общественного и государственного строя Франции накануне революции

1. В XVIII веке, накануне буржуазной революции, Франция была государством феодальным, но в ней происходило быстрое развитие мануфактур и торговли. Французская буржуазия в это время уже стала экономически могущественным классом.

На юге Франции, в Лангедоке, и на востоке, в Шампани, развивалось суконное производство, на западе — хлопчатобумажное. В Туре и Лионе занимались изготовлением шелковых тканей. В долине Соммы появилось множество металлургических заводов. Широкая внутренняя и внешняя торговля. Бордо, Марсель, Нант вели оживленную заморскую торговлю, в том числе с отдаленными колониальными странами.

Разложение феодализма и образование капиталистического уклада в недрах феодального общества повлекли за собой резкое обострение всех присущих ему противоречий.

Крестьяне изнемогали под тяжестью многочисленных феодальных повинностей, под гнетом растущих поборов. Располагая

мелкими наделами и вынужденные отдавать львиную долю урожая помещику и сборщику податей, крестьяне владели жалкое, полуголодное существование. В неурожайные годы многим из них ничего не оставалось, как покинуть свои участки земли, уходить из дому в поисках заработка, жить подаянием.

В то же время феодальная знать утопала в роскоши, щедро одаряемая пенсиями, наградами, огромным жалованьем. Огромные средства поглощали содержание двора и проведение агрессивной внешней политики. Для изыскания новых доходов правительство увеличивало налоги, вся тяжесть которых ложилась на трудящиеся массы.

Дворянство и духовенство все еще сохраняли в своих руках две трети земельных богатств Франции, будучи при этом свободны от платежа налогов за свои владения. Они по-прежнему получали огромные доходы, эксплуатируя зависимое от них крестьянство. Занимая почти монополю должности в армии и административном аппарате и деятельно участвуя в придворной жизни, дворянство продолжало обогащаться за счет государственной казны. Оно сохраняло руководство государством.

В недрах феодального общества уже созрели более или менее готовые формы капиталистического уклада, и буржуазия теперь ставила перед собой задачу овладеть политической властью.

Развитие мануфактур, происходившее в различных отраслях промышленности, приводило к разорению ремесленников, превратившихся в наемных рабочих. Мануфактура поглощала также разорившихся и оторвавшихся от средств производства крестьян. Условия труда на мануфактурах были исключительно тяжелыми.росло противоречие между наемным трудом и капиталом.

2. Политическая идеология буржуазии, направленная против феодально-абсолютистских порядков, складывалась уже за несколько десятилетий до французской буржуазной революции XVIII века. Программные требования буржуазии и многие лозунги революции были сформулированы задолго до событий 1789—1794 гг. К тому же идеологи французской буржуазии имели перед собой английские теории, английские и американские конституционные акты, которые они использовали при разработке своих политических учений.

Политическая мысль идеологов французской буржуазии XVIII века, выступая под знаменем Просвещения, которое несет гибель средневековому суеверию, мракобесию и привилегиям феодальных угнетателей, начинает с острой, беспощадной критики феодальной церкви, феодальной монархии и всех феодальных учреждений.

Энгельс придавал большое значение этой деятельности французских просветителей. В первых строках «Анти-Дюринга» он говорит о людях, которые во Франции «просвещали головы для приближавшейся революции». «Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены, как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками, и все его прошлое достойно лишь сожаления».

ния и презрения. Теперь впервые взошло солнце [наступило царство разума], и с этих пор суеверие, несправедливость, привилегии и угнетение должны уступить место вечной истине, вечной справедливости, равенству, вытекающему из самой природы, и неотъемлемым правам человека.

Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла свое осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к буржуазному равенству перед законом, а одним из самых существенных прав человека провозглашена была — буржуазная собственность¹.

§ 2. Вольтер

1. Выдающимся деятелем французского Просвещения был Вольтер, выступивший в первые десятилетия XVIII века с острой критикой феодального строя.

Вольтер (настоящее имя писателя — Франсуа-Мари Аруэ) (1694—1778) был передовым философом и публицистом, замечательным литератором, драматургом.

В многочисленных памфлетах, научных трактатах, художественных произведениях, в своей общественной деятельности Вольтер выступал как непримиримый борец против феодальной церкви и феодального деспотизма. Он изобличал невежество духовенства, религиозную нетерпимость, сословное неравенство, феодальную юстицию — весь феодальный строй Франции.

В его «Философских письмах», опубликованных в 1733 году после трехлетнего пребывания в Англии и сожженных рукою палача (другое их наименование — «Письма об англичанах»), в романах и повестях («Кандид», «Задиг» и др.), в «Философском словаре» и других сочинениях раскрываются философские и политические взгляды Вольтера, враждебные феодальным общественным отношениям и феодальному государству.

Вольтер энергично выступил против католической церкви, против злодеяний духовенства, мракобесия и фанатизма. Он смело и настойчиво требовал отмены несправедливых приговоров, вынесенных церковными судами, добиваясь реабилитации невинно осужденных жертв церковного изуверства.

Вольтер рассматривал католическую церковь как главный тормоз всякого прогресса. Он разоблачал и высмеивал догматы церкви, жалкую схоластику, которую духовенство преподносило народу.

В своем отношении к католической церкви Вольтер был непримирим. Каждое слово его было проникнуто боевым духом. В борьбе с католической церковью он выдвинул лозунг «Раздавите гадину», призывая всех сражаться с «чудовищем», которое терзает Францию.

Католическое духовенство для Вольтера — это «фанатики и шарлатаны, которые слишком святы, чтобы работать». Религия, с

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 17.

точки зрения Вольтера, — это грандиозный обман с корыстными целями, и христианство не составляет исключения. Вольтер характеризует католичество как «сеть самых пошлых обманов, сочиненных ловкими людьми».

Вольтер разоблачает в своих произведениях суеверия, которыми наполнена библия. Его язык становится язвительным и исполненным сарказма, гнева и ненависти, когда он говорит о католической церкви и католической религии.

Вольтер считал, что все бедствия существующего общества происходят от отсутствия просвещения, от невежества, которое поддерживается церковью. Он призывал к борьбе за науку и прогресс, надеясь, что «союз королей и философов» расчистит почву для развития человеческого общества.

Но хотя Вольтер решительно осуждал католическую церковь и энергично выступал против нее, все же он учитывал значение религии как средства удержания масс в повиновении и считал необходимым создание особой рациональной религии в качестве узды для народа. Ему принадлежат известные слова: «Если бы бога не было, то его надо было бы выдумать».

Вольтер — сторонник рационалистической религии. Он признавал бога как некоторую первопричину мира (деизм) и считал, что это допущение не противоречит научной мысли, научному исследованию.

2. Как и многие другие мыслители своего времени, Вольтер пользовался для критики существующего строя учением о естественном праве. Естественные законы, с его точки зрения, — это законы разума, законы, которые дает человечеству природа. «Быть свободным, иметь вокруг себя только равных — такова истинная жизнь, естественная жизнь человека».

Под свободой Вольтер понимал ликвидацию крепостнических отношений. Под свободой Вольтер понимал также отсутствие всякого произвола: «Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов». Вместе с тем это — свобода мысли, свобода печати, свобода совести.

Когда Вольтер говорил о равенстве, он имел в виду формальное равенство перед законом, то есть отмену феодальных привилегий и установление равной для всех гражданской правоспособности, но отнюдь не равенство общественного положения. «В нашем несчастном мире, — говорил он, — не может быть, чтобы люди, живя в обществе, не разделялись бы на два класса, один класс богатых, другой — бедных».

Частную собственность Вольтер считал необходимым условием благоустроенного общества. Только собственники, по Вольтеру, должны наделяться политическими правами. Вольтер высказывался за «свободу труда», под которой он подразумевает не что иное, как право продавать свой труд тому, кто больше за него предложит, то есть по сути дела свободу капиталистической эксплуатации.

Вольтер предвосхищал буржуазные общественные порядки, которые должны были сменить крепостничество, тормозившее дальнейшее экономическое развитие Франции. «Нужны люди,— говорил Вольтер,— у которых бы не было ничего, кроме их рук и доброй воли... они будут продавать свой труд тому, кто больше заплатит, и это заменит им собственность».

Вольтер отражал позиции той части французской буржуазии, которая не претендовала на власть, а выдвигала лишь требования о реформах и гарантиях, готовая ограничиться программой «просвещенного» абсолютизма. Идеалом этих кругов была конституционная монархия, но они согласны были примириться с сохранением абсолютизма, требуя только, чтобы были устранены произвол королевской администрации и всевластие феодальной церкви, проведены реформы, которые расчистили бы почву для капиталистического развития.

Вольтер — сторонник «просвещенного» абсолютизма. Он считал, что «просвещенный» король, обладающий доброй волей, сможет осуществить всю намеченную им обширную программу реформ. Нельзя не видеть, однако, симпатий Вольтера к английскому государственному строю, к конституционной монархии, которой, по мысли Вольтера, «просвещенный» абсолютизм должен был в результате реформ, без революции, уступить место.

Однако, первоначальной формой государства Вольтер считал не монархию, а республику. Монархия возникает позднее в результате завоевания и возвышения военного вождя.

Готовый примириться с монархией, если она будет «просвещенной» монархией, «просвещенным» абсолютизмом, Вольтер в своей политической программе считал главным реформы, которые были бы направлены на устранение основных феодальных институтов.

Прежде всего он требовал уничтожения привилегий духовенства, упразднения тех особых церковных судов, которые свирепствовали во Франции, изъятия у церкви регистрации актов гражданского состояния с передачей ее органам государства. Он проектировал перевод всего духовенства на жалованье, превращение духовных лиц в государственных чиновников.

Вольтер предлагал отменить феодальные повинности, лежащие на крестьянах, уничтожить бесчисленные таможи, расположенные внутри Франции, на границах крупных феодальных владений. Он требовал единого права вместо бесчисленных кутюмов, то есть систем местного права, различных в каждой провинции.

Вольтер отстаивал принцип соразмерности преступлений и наказаний. Выступая против чрезмерно суровых наказаний, он возмущался их бессмысленной жестокостью и решительно осуждал смертную казнь. Вместе с тем он указывал на необходимость принятия мер для предупреждения преступлений. С огромной силой он выступал против продиктованных фанатизмом и суевериями преследований людей за богохульство, кощунство, колдовство, за

несогласие с догматами веры. С негодованием говорит он о массовых истреблениях «еретиков», совершенных католической церковью.

Вольтер стоял также за реформу уголовного судопроизводства, высказываясь за отмену системы формальных доказательств и за широкое допущение защиты в процессе. Вольтер требовал реформировать юстицию, в частности отменить существовавшую в его время продажу судебных и иных должностей, которые составляли наследственное достояние частных лиц. Он добивался уничтожения инквизиции и пыток, которые продолжали еще применяться во Франции.

Вольтер гневно бичевал бесчеловечные истребления мирного населения, нередко предпринимавшиеся тиранами в различные эпохи истории. Он видел в них «заговоры тиранов против народов». Вольтер был противником войн и надеялся, что они будут редким исключением, когда каждому станет ясно, что даже самые удачные войны могут приносить выгоды только небольшому числу лиц, и когда начавший войну из побуждений честолюбия будет рассматриваться как враг народов. Он клеймит позором безжалостное истребление европейцами туземцев в захваченных ими землях Нового Света.

Программа Вольтера — это программа окончательного уничтожения остатков феодальной раздробленности, крепостнических отношений, которые еще сохранялись во Франции, ликвидации режима бесправия и произвола, свойственных феодальной монархии.

Вместе с тем Вольтер был убежден в том, что политическая власть и руководство обществом должны оставаться в руках меньшинства. О массах он говорил свысока, обнаруживая полное неведение в силы и способности народа. Активность масс пугала Вольтера: «Когда чернь примется рассуждать, все погибло».

Вольтер не хотел революционного переворота и все свои надежды возлагал на реформы сверху. Он не верил в быстрый и резкий поворот к лучшему и не считал возможным коренное улучшение общественных отношений в близком будущем.

Несмотря на это, Вольтер своей энергичной борьбой против деспотизма и мракобесия, своей острой критикой феодальных порядков сделал большой вклад в подготовку назревшего крушения феодального строя и победы буржуазной революции.

§ 3. Монтескье

1. Другим идеологом идущей к власти буржуазии был замечательный французский просветитель XVIII века Шарль Луи Монтескье (1689—1755).

Первое его произведение — «Персидские письма» (1721 г.), имевшее шумный успех, представляет собой едкую сатиру, направленную против порядков и нравов абсолютистской Франции. Монтескье придал произведению форму переписки, которую якобы ведут между собой персы, путешествующие по Европе.

В этой книге Монтескье смело клеймит абсолютизм, при котором «государь, придворные и некоторое количество частных лиц владеют всеми богатствами, в то время как все остальные стонут, живя в крайней бедности»¹. С осуждением говорит он о тяжелых поборках, бессмысленных династических войнах, религиозной нетерпимости, гонениях на свободную мысль, невежестве судей, о праздности и оскорбительной надменности вельмож. Он обрушивается на государственную систему Людовика XIV, приравнивая ее к деспотизму турецкого и иранского султанов. Уже в этом сочинении Монтескье выступает как смелый и убежденный борец за политическую свободу и мир между народами.

Позднее он напечатал книгу «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734 г.) и еще позднее (1748 г.) уже почти в шестидесятилетнем возрасте выпустил в свет произведение, которое принесло ему громкую славу, — «О духе законов» («De l'esprit des lois»). Два года спустя он написал «Защиту духа законов».

Наибольший интерес представляет сочинение «О духе законов». Изложенное в нем учение занимало видное место в политической идеологии Франции XVIII века и оказало большое влияние на дальнейшее развитие государственноправовой мысли и государственных учреждений буржуазного мира.

2. В этой обширной книге Монтескье пытается доказать, что законы всякого народа должны соответствовать и соответствуют неизбежно географическим условиям, экономическому положению, религии народа и в особенности его политическим учреждениям. Есть закономерность, которая определяет содержание права той или иной страны. «Дух» законов обусловлен целым рядом конкретных условий, в которых находится то или иное общество, — такова основная мысль Монтескье.

Монтескье пытался вскрыть закономерность общественных явлений, установить связи между отдельными сторонами жизни общества, уяснить значение условий, в которых живет тот или иной народ.

Много места Монтескье отводит рассмотрению вопроса о том, как, по его мнению, географические условия — климат, почва, рельеф страны и т. п., — влияют на учреждения и нравы, на присущие народам законы. Он следует в этом отношении отчасти Аристотелю, но еще больше писателю XVI века — Жану Бодену.

Законодатель, по мнению Монтескье, должен считаться и неизбежно считается прежде всего с климатом. На Юге климат жаркий, там народ предается лени и изнеженности. Для того, чтобы заставить людей работать, необходим страх наказания. Климат может на Юге породить рабство, хотя рабство, по мнению Монтескье, нигде не соответствует природе и разуму.

Деспотизм также чаще и скорее складывается на Юге, чем на Севере, так как жара изнуряет силы, ослабляет мужество людей и

¹ Монтескье, Персидские письма, М., 1956, стр. 282—283.

создает предпосылки для установления политического рабства. Вот почему в Азии преобладает деспотическое правление.

На законодательство, по словам Монтескье, влияет также почва. Плодородная почва способствует подчинению, так как она содействует развитию земледелия, а земледельцы, поглощенные своими занятиями, не оберегают свою свободу. Кроме того, плодородная почва порождает изнеженность и нежелание рисковать жизнью, парализует энергию. Бесплодная почва, напротив, благоприятствует свободе, так как живущие на ней люди должны сами добывать себе все, в чем отказывает им почва. Условия бесплодной почвы делают людей закаленными, храбрыми, воинственными, склонными отстаивать свою свободу.

Горы и острова Монтескье считает условиями, благоприятными для свободы, так как они преграждают доступ в страну завоевателям.

Монтескье явно преувеличивал значение географических условий (климат, почва) для общественного развития.

Впрочем, важнейшим фактором Монтескье считал фактор политический — форму правления. Он полагал, что политический строй определяет собой и «дух» законов, и содержание законодательства и может даже затормозить действие фактора географического. Совершенно ясно, что Монтескье стоит на идеалистических позициях. Для него важнейшим в жизни общества является политическая организация.

Наряду с климатом и политическими учреждениями он признает значение и других факторов. Так, например, густота населения, по его мнению, тоже влияет на законодательство. Для характера законодательства имеет значение, с его точки зрения, и религия. Так, христианство, проповедуя кротость и уважение к людям, способствует умеренным правлениям, в то время как мусульманство предрасполагает к деспотизму. Из христианских религий католичество ведет к неограниченной монархии, а протестантство более подходит к свободному строю государства.

Как бы мимоходом Монтескье бросает чрезвычайно важную мысль, значение которой остается, по-видимому, для него неясным. «Законы, — заявляет он, — находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых различные народы добывают себе средства к существованию»¹. Но отсюда он не делает сколько-нибудь существенных выводов, и эта мысль не получает у него никакого разъяснения и развития.

3. Именно потому, что Монтескье придает особенно важное значение политическим учреждениям, он и останавливается весьма подробно на формах государства, различая их в зависимости от количества правящих лиц, в зависимости от того, что он называет п р и р о д о й правительства.

В демократии верховная власть принадлежит всей массе народа. В аристократии она принадлежит ограниченному числу лиц, при-

¹ Монтескье, О духе законов, кн. XVIII, гл. VIII.

чем, чем меньше лиц, лишенных политических прав, тем аристократия прочнее, а самая лучшая аристократия — та, которая более всего приближается к демократии. Наконец, в монархии правит одно лицо, руководствуясь законами и опираясь на дворянство. Наличие дворянства — необходимый признак монархии. Оно является, как говорит Монтескье, «посредствующей» властью в монархии. Таковы три правильные формы государства.

Неправильной формой Монтескье считает деспотию, которая противопоставляется всем трем «правильным» формам правления.

Каждая форма государства имеет свой жизненный движущий принцип, некую силу, приводящую ту или иную форму в действие и поддерживающую ее существование. Принцип демократии, говорит Монтескье, — это добродетель, любовь к общему благу. Умеренность есть основной принцип аристократии. Принципом монархии Монтескье считает честь, причем под нею он понимает «стремление к почестям, но с сохранением своей независимости».носителем принципа чести является дворянство. Здесь выражена та мысль, что в феодальном обществе монархия без дворянства немыслима.

Деспотия, по словам Монтескье, держится страхом. Здесь властитель считает себя всем, а всех других ставит ни во что и удерживает власть в своих руках террористическими мерами.

Монтескье не удается показать, в чем состоит различие монархии и деспотии. Ссылка на честь, которую он объявляет принципом монархии, собственно говоря, ничего не объясняет. Маркс в одном из писем к Руге писал: «Принцип монархии вообще — презираемый, презренный, *обесчеловеченный человек*; и Монтескье был совершенно неправ, когда объявил честь принципом монархии. Он старается выйти из затруднения, проводя различие между монархией, деспотией и тиранией; но всё это — обозначения одного и того же понятия, в лучшем случае они указывают на различия в нравах при одном и том же принципе»¹.

Основная мысль Монтескье та, что законодательство зависит от формы правления. Одни законы необходимы в демократии и не годятся для иных форм государства, другие законы нужны в аристократии, третьи — в монархии.

Неодинаковы прежде всего законы о воспитании. Имущественные отношения также регулируются по-разному в зависимости от государственных форм. В демократии уместно запретить скопление богатств в одних руках в результате наследования. Здесь уместны законы, которые предусматривают равенство всех детей при наследовании. В монархии следует содействовать сохранению крупных состояний, чтобы оказать поддержку дворянам, которые имеют силу и влияние, когда располагают имуществом, экономической мощью. Монтескье считает уместной в монархиях продажу судебных должностей, так как, по его словам, это дает судьям независимость от королевского произвола.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 374—375.

В аристократии нужно ограничивать роскошь в частной жизни, чтобы не возбуждать зависть масс, соблюдать умеренность.

В деспотии не нужно никаких законов или, во всяком случае, их должно быть немного, так как здесь царит произвол и законы становятся излишними.

Ополчаясь против деспотизма, Монтескье направляет свои удары против французского абсолютизма. Он заявляет, что деспотизм разрушительно действует на общество, что он до такой степени противен человеческой природе, что нужно удивляться, каким образом народы ему подчинялись.

Монтескье ставит также вопрос, чем вызывается переход от одной формы государства к другой. Однако при свойственных ему взглядах на общественные явления он не мог указать действительных причин изменения политических форм. По его мнению, смена форм государства чаще всего вызывается недостатком или излишком в осуществлении принципов, которыми держится та или иная форма.

Величине государства он тоже приписывает известную роль. Малая республика, говорит он, может погибнуть от внешнего натиска; монархия, обладающая обычно значительной величиной, наоборот, гораздо лучше сопротивляется внешнему врагу. Но вместе с тем Монтескье считает, что она подвержена внутренней порче вследствие своей большой величины, ибо большие государства обнаруживают склонность к деспотизму. Чтобы избежать внешней опасности, республики должны объединиться друг с другом. Монтескье предлагал план создания федеративного государства, в котором, по его словам, соединяются выгоды большого государства с преимуществами малого.

Попытки Монтескье вскрыть закономерности общественной жизни, установить причины, определяющие форму государства и содержание законодательства, были прогрессивными, но они не могли быть успешными, так как все рассуждения Монтескье основаны на идеалистическом понимании общественных явлений. В частности, в них обнаруживается преувеличенное значение, какое Монтескье придает формам государства, отдельным, чисто внешним особенностям государства, при полном непонимании того, что политические формы сами зависят от материальных условий жизни общества.

Монтескье стоит на точке зрения «юридических иллюзий». Он видит не в законе продукт материальных отношений производства, а наоборот, — в отношениях производства продукт закона¹.

4. Свои рассуждения о значении политических учреждений, о «духе» законов Монтескье связывает с соображениями о сущности свободы и путях ее обеспечения.

Монтескье дает два разных, но тесно между собою связанных определения свободы и вслед за тем ставит вопрос о средствах ее обеспечения. Свобода понимается им в основном как осуществление законности: «Свобода есть право делать все, что дозволено зако-

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 621, примечание 73.

нами...». Вместе с тем политическая свобода заключается, по мнению Монтескье, «в нашей безопасности или, по крайней мере, в нашей уверенности, что мы в безопасности»¹. Эта безопасность обеспечивается господством законов в государстве. Законность — важнейшее в государстве; она гарантирует политическую свободу.

Следовательно, основная задача политического деятеля состоит в том, чтобы указать средство для обеспечения законности. Таким средством Монтескье считает разделение властей, которое он отстаивает вслед за Локком. Он говорит, что свобода обеспечена только в государстве, в котором существует разделение властей. Не может быть «умеренного» правления, если власти не разделены; в этом случае государство неизбежно склоняется к деспотизму.

Монтескье различает в государстве три власти — законодательную, исполнительную и судебную. Эти три власти должны принадлежать различным органам государства. В этом и состоит разделение властей. Свобода не допускает соединения двух, а тем более трех властей в руках одного и того же органа государства. Если законодательная власть соединена с исполнительной, то издающий законы, применяя их, не будет строго следовать содержащимся в них указаниям, допуская их нарушение, и в стране создастся произвол. Произвол получится также и в том случае, если в одних руках соединить судебную и исполнительную власть. Тогда судья будет притеснителем, так как он будет одновременно и судьей, и исполнителем законов. Также не должно быть соединения в одних руках судебной и законодательной власти, так как при таком соединении судья, решая дела, не будет строго следовать закону, а сможет, если пожелает, вносить изменения в содержание закона.

По этим соображениям Монтескье и считает необходимым, чтобы указанные три власти были предоставлены различным органам. По его мнению, этот порядок осуществляется в конституционной монархии, где законодательная власть вручается органу народного представительства, король признается носителем одной только исполнительной власти, а суд присяжных — тем органом, которому принадлежит судебная власть.

Исполнительная власть, по Монтескье, должна быть предоставлена одному лицу, так как ее важнейшим свойством он считает быструю действия.

Предлагая создание органов народного представительства, Монтескье вводит одно очень существенное ограничение: наряду с верхней нижней палатой он считает необходимым создание верхней — из представителей аристократии (палата пэров).

В своем политическом идеале Монтескье воспроизводит многие черты современной ему английской конституционной монархии. Прообразом палаты пэров для него послужила, несомненно, английская палата лордов.

Кроме того, Монтескье ссылается на историческое прошлое Франции. Конституционная монархия представляется ему некоторым

¹ Монтескье, О духе законов, кн. XII, гл. II.

дальнейшим развитием сословно-представительной монархии, «готического правления», как он ее называет. В соответствии с сословным строем феодальной Франции Монтескье рекомендует преодолеть дворянству в конституционной монархии положение «посредствующей власти», без которой, по его словам, эта форма правления не может сохраниться. Он говорит: «Уничтожьте в монархии прерогативы сенаторов, духовенства, дворянства и городов, и вы скоро получите в результате государство либо народное, либо деспотическое»¹.

Развивая свое учение о разделении властей Монтескье выдвигает положение, что власти в государстве должны уравновешивать одна другую. Нельзя провести между ними границы, которые целиком исключали бы вмешательство одной власти в деятельность другой. Так, монарх утверждает законы, а законодатель, в свою очередь, решает некоторые вопросы управления, финансовые вопросы, вопросы организации армии и т. д. Монтескье одобряет такое взаимодействие властей, находя, что хотя при нем власти до некоторой степени будут задерживать, тормозить друг друга, но в результате получится согласное движение их вперед.

В Англии, конечно, не было такого разделения властей, о котором говорит Монтескье. Кабинет министров в Англии уже в XVIII веке формировался не помимо парламента, а в согласии с его волей. Парламент и кабинет были орудиями политического господства одних и тех же классов. Но в английской конституционной монархии с ее различием «короля в парламенте» и «короля в совете» осуществился компромисс двух классов — буржуазии и дворянства. Монтескье мечтает именно о таком порядке для Франции. Выдвигая свою теорию разделения властей, он в сущности рекомендует французской буржуазии последовать английскому образцу.

Маркс и Энгельс указывали: «...В стране, где в данный период времени между королевской властью, аристократией и буржуазией идет спор из-за господства, где, таким образом, господство разделено, там господствующей мыслью оказывается учение о разделении властей...»².

Принцип разделения властей своим острием был направлен против королевского абсолютизма, против сосредоточения в руках монарха всей полноты власти. Он означал призыв к созданию представительных органов.

Принцип разделения властей означал, что органы исполнительной власти (король, королевское правительство) не вправе законодательствовать, что законодательные полномочия должны принадлежать представительным учреждениям, что исполнительные органы власти должны быть подзаконны, что суд должен быть независим от администрации. В этом состоит прогрессивное значение этого принципа как технического средства укрепления законности, установления твердых границ полномочиям органов управления. Но вме-

¹ Монтескье, О духе законов, кн. II, гл. IV.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 46.

сте с тем учение о разделении властей оправдывало сохранение королевской власти, независимой от парламента, и таким образом исклѳчало полновластие представительных органов.

Поэтомѳ Руссо, требовавший осуществить в широкой мере народоправство, подвергал критике политические идеи Монтескье и отвергал принцип разделения властей.

Учение Монтескье о разделении властей получило большую популярность у его современников — среди либерального дворянства и либеральной буржуазии. Вольтер называл сочинение Монтескье «кодексом разума и свободы». В Учредительном собрании Франции принцип разделения властей отстаивали Лафайет, Мерсье, Мунье и др., причем у всех этих приверженцев учения Монтескье принцип разделения властей означал защиту конституционной монархии. Учение Монтескье отразилось также в конституционных актах буржуазной революции во Франции конца XVIII века. Так, статья 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 года гласит: «Общество, в котором не обеспечено пользование правами и не установлено разделение властей, не имеет конституции». А конституция 1791 года пыталась дать конкретное осуществление этого принципа в государственном строе Франции. Принцип разделения властей отразился также в конституции США 1787 года. Он послужил идейным обоснованием независимости президента и правительства от представительных учреждений.

5. Прогрессивными были международноправовые взгляды Монтескье. Автор «Духа законов» призывает к неуклонному соблюдению международных договоров и установлению добрых, дружелюбных отношений между народами. Мир, заявляет он, это первый естественный закон человека. «Международное право,— говорит Монтескье,— естественно, основывается на том принципе, согласно которому различные народы должны во время мира делать друг другу как можно больше добра, а во время войны — насколько возможно менее зла».

Выдающийся французский просветитель связывает мирную внешнюю политику с демократическим строем страны: «Дух монархии есть война и завоевание; дух республики — мир и умеренность»¹.

Монтескье с негодованием говорит о безжалостных колониальных захватах европейцев, об истреблении ими колониальных народов, в частности о действиях испанских захватчиков в Новом Свете. Народ, по численности равнявшийся всем народам Европы, вместе взятым, пишет он, исчез с лица земли при появлении варваров, открывших Индию.

Он касается также методов ведения войны. Он предвидит, что будут изобретены еще более жестокие способы истребления людей, чем известные в его время. «Я содрогаюсь при мысли, что в конце концов откроют какой-нибудь секрет, при помощи которого станет

¹ Монтескье, О духе законов, кн. IX, гл. 11.

еще легче уничтожать людей и истреблять целые народы»¹. Но Монтескье верит в то, что международное право запретит использование этого открытия, как средства массового истребления людей.

Монтескье, таким образом, в своих трудах выступает как борец за мирные отношения между народами, как противник агрессии и завоеваний.

§ 4. Руссо

1. Гораздо более радикальной, чем политическая программа Монтескье, является программа Ж а н а Ж а к а Р у с с о (1712—1778), идеолога мелкой буржуазии, выдающегося поборника демократических идей, который оказал огромное влияние на политическую мысль накануне и во время французской буржуазной революции XVIII века.

Сочинения Руссо содержат пламенный протест против феодального угнетения, общественного неравенства, произвола и деспотизма королевской власти. Их появление предвосхищало близкое крушение феодального строя во Франции.

Первый литературный успех принесло Руссо сочинение на конкурс, объявленный Дижонской академией, на тему: «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?» (1750 г.). Тема была историческая: речь шла об эпохе Возрождения и ее влиянии на нравы западноевропейского общества, Руссо же поставил эту тему, как философскую, исследуя общий вопрос о значении просвещения и культуры в развитии человеческого общества.

Через несколько лет Руссо пишет вторую диссертацию, тоже в связи с конкурсом Дижонской академии. Она посвящается вопросу о происхождении и основаниях неравенства между людьми. Эта работа не была удостоена премии, но появление ее содействовало росту известности ее автора. Позднее выходит в свет сочинение «Новая Элоиза», где Руссо продолжает развивать высказанные им еще ранее идеи о ложном направлении культуры.

Затем он пишет «Эмиль или о воспитании» (1762 г.), где рекомендует воспитывать детей сообразно с природой, не пичкая их различными предрассудками.

Одновременно с этим произведением выходит в свет знаменитый «Общественный договор» (1762 г.). Появление «Эмиля» вызвало нападки на Руссо со стороны духовенства. Боязнь репрессий побудила Руссо покинуть Францию. Некоторое время он жил в Швейцарии, позднее переехал в Англию. Незадолго до смерти он вернулся в Париж, где и умер.

2. В своей первой диссертации Руссо защищал парадоксальный тезис: наука, искусство — вся культура не только не приносит пользу, но портит человека. Все пороки происходят от науки и

¹ Монтескье, Персидские письма, М., 1956, стр. 244.

искусства. Так ответил Руссо на вопрос, поставленный Дижонской академией. Знание бесполезно и даже вредно. Культура не увеличивает счастья. Напротив, науки, искусства, литература закрепляют бедствия и порабощение, существующие в обществе.

Главнейший источник зла есть богатство, а наука и искусство порождаются богатством и роскошью, говорит Руссо и этим раскрывает смысл своего выступления против культуры.

Руссо клеймит цивилизацию, основанную на неравенстве, на роскоши, порожденную праздностью и пороками и в свою очередь укрепляющую пороки современного ему общества. В его рассуждениях отчасти нашел свое отражение протест ремесленника, мелкого буржуа, мелкого собственника, которому капиталистическое развитие несет разорение.

Руссо идеализирует примитивные, отсталые патриархальные отношения. Его пугает размах экономического развития, с которым неизбежно сопряжены отрицательные стороны прогресса.

Во второй диссертации вместе с вопросом о происхождении неравенства между людьми Руссо поставил вопрос о происхождении государства.

Руссо исходит из того, что некогда существовало «естественное» состояние, в котором все люди были равны и свободны. Сохранялось только неравенство физическое, происходившее от разницы в возрасте, здоровье и т. п., неравенства же экономического и политического не было. Политическое неравенство появляется позднее, когда люди выходят из того естественного состояния, в котором они первоначально находились.

В естественном состоянии нет частной собственности, нет государственной власти. Людям присуща первобытная нравственная чистота. Руссо рисует естественное состояние людей как некий утраченный золотой век всеобщего счастья. В этот период люди обладают здоровьем, они развиты гармонично. Их связывают между собой дружба и сострадание. Человек, говорит Руссо, по природе — существо доброе, и только учреждения сделали его злым.

При всем своем отрицательном отношении к цивилизации Руссо считал, что человеку свойственна способность к совершенствованию. Совершенствование же, по его словам, неизбежно ведет к изобретению орудий, вызывает переход человека к оседлости, обращение человеческого общества к земледелию. Люди начинают обрабатывать металлы, а металлические орудия улучшают обработку земли. Отсюда возникает частная собственность как результат прогресса общества, совершенствования человека. А частная собственность влечет за собой деление общества на богатых и бедных, стремление одних к обогащению за счет других; возникают борьба, смуты, захваты, и как следствие всего этого образуется государство.

Согласно учению Руссо государство образовалось потому, что возникла частная собственность, а она появилась вследствие того, что

совершенствуются орудия человеческого труда. Правда, не поднявшись до материалистического взгляда на общество, Руссо не доводит эту мысль до конца, ему не ясно, что частная собственность возникает тогда, когда человек начинает производить больше, чем нужно для поддержания своей жизни. Притом Руссо отводил известное место среди причин образования частной собственности порче нравов, а возникновение государства изображал как результат сознательной деятельности отдельных индивидов. Но во всяком случае Руссо отметил, что частная собственность на землю породила деление общества на богатых и бедных, а затем обусловила и возникновение политической организации.

«Первый,— говорит Руссо,— кто напал на мысль, огородив участок земли, сказать: «Это мое», и нашел людей, достаточно простодушных, чтобы этому поверить, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн и убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы род человеческий тот, кто, выдернув колья и засыпав ров, крикнул бы своим ближним: «Не слушайте, лучше, этого обманщика, вы погибли, если способны забыть, что плоды земные принадлежат всем, а земля — никому!»¹.

Государство возникает, по мнению Руссо, для закрепления господства имущих, для охраны частной собственности. Бесконечная борьба между «правом сильного» и «правом первого завладевшего» приводит к столкновениям и убийствам. Чтобы положить этому конец, сильные для порабощения слабых изобретают государство и убеждают их в необходимости создать государственную власть. Руссо изображает государство как результат изобретения богатых, обмана бедняков.

С возникновением государства неравенство между людьми усугубляется. Возникновение государства — это, по Руссо, вторая ступень неравенства, следующая за возникшим раньше имущественным неравенством.

Наконец, третья ступень неравенства — это образование деспотизма, деспотической формы правления, крайняя степень неравенства, когда люди в сущности становятся равными, будучи в равной мере рабами деспота. Все люди теперь одинаково бесправны перед лицом того одного человека, который является носителем всей полноты государственной власти.

Руссо не жалеет резких слов и ярких красок, когда характеризует деспотию. Он говорит, что при деспотическом правлении не может быть речи ни о нравственности, ни о добродетели; голос совести и долга здесь должен навсегда умолкнуть, и рабам остается одна добродетель — слепое повиновение. Это последний предел неравенства, крайняя точка замыкающегося круга; высшее выражение неравенства есть вместе с тем как бы некоторое возвращение к равенству.

¹ Ж. Ж. Руссо, О причинах неравенства, СПб., 1907, стр. 68.

Крайности сходятся — высшее развитие неравенства вновь приводит, в известном смысле, к установлению равенства. Вместе с тем, если насилие поддерживало деспотизм, то насилие его и свергает. «Угнетатели подвергаются угнетению. Это — отрицание отрицания»¹, — говорит Энгельс по поводу рассуждений Руссо. Именно это состояние крайнего неравенства — деспотизм и всю цивилизацию, основанную на неравенстве, Руссо гневно клеймит и, сопоставляя цивилизацию с «естественным» состоянием, отдает предпочтение дикарям перед цивилизованным человечеством.

Энгельс отмечает наличие диалектики в учении Руссо о происхождении неравенства и даже находит, что у Руссо имеется рассуждение, «...как две капли воды схожее с рассуждением Маркса в «Капитале»...»².

3. Руссо ставит вопрос, не следует ли разрушить государство и вернуться к утраченному золотому веку, к тому состоянию невинности и простоты, равенства и свободы, в котором, по его словам, находились некогда люди.

Он отвечает на этот вопрос отрицательно.

«Так что же? — спрашивает Руссо. — Значит нужно разрушить общества, уничтожить различие между моим и твоим, вернуться в леса и жить там вместе с медведями?»³. Не в этом, по его мнению, состоит решение проблемы, не в этом выход из того плачевного состояния, в котором находите теперь человечество.

Чтобы избавить его от бедствий, Руссо считает необходимым уничтожить деспотизм и создать государственный строй, отвечающий условиям общественного договора, заключаемого при переходе из естественного состояния в гражданское, — демократический строй, при котором человек, пребывая в обществе и подчиняясь государственной власти, оставался бы, несмотря на это, свободным.

Эту задачу Руссо пытается решить в своем наиболее прославленном произведении «Общественный договор». «Человек рожден свободным, а между тем везде он в оковах... Каким образом произошла эта перемена? Я не знаю, — говорит Руссо, — что может сделать эту перемену законной? Думаю, что я могу разрешить этот вопрос»⁴.

Правомерна, заявляет Руссо, только демократическая власть, свобода сохраняется только в таком государстве, где весь народ участвует в законодательстве. Только при демократической организации государства человек взамен естественной свободы, утраченной им, приобретает свободу политическую и, подчиняясь власти, не является более рабом, как при деспотизме.

Руссо находит, что участие в законодательстве обеспечивает человеку свободу, потому что здесь каждый дает согласие на те

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 132.

² Там же, стр. 132.

³ Ж. Ж. Руссо, О причинах неравенства, СПб, 1907, стр. 129.

⁴ Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, кн. I, гл. I.

законы, которые регулируют жизнь общества, каждый подчиняется только тем законам, в образовании которых сам участвует.

Руссо выдвигает и другой довод в защиту демократии. Он указывает, что общая воля, если она направлена на общие цели и устанавливает общие положения, касающиеся всех граждан, непогрешима и всегда будет содействовать осуществлению общего блага. Если народ законодательствует, то он всегда будет устанавливать законы, одинаково полезные для всех, для всего народа в целом и для каждого гражданина в отдельности. Руссо не допускает, чтобы закон, установленный народом, мог быть вреден для какого-нибудь отдельного гражданина. Целое никогда не будет вредить самому себе, не будет вредить и никакой своей части. А каждый отдельный гражданин является частью целого.

Здесь нужно отметить, что общая воля есть, в понимании Руссо, не воля всех, а воля большинства. Руссо разъясняет, что общая воля не предполагает согласия всех граждан относительно принимаемого решения. Он отличает общую волю (*la volonté générale*) от воли всех (*la volonté de tous*). Общая воля — это то, на чем сходятся все проявления частной воли каждого индивидуума в отдельности. Это то, что является подлинно общим в них. Воля всех — это совокупность проявлений воли отдельными людьми, каждый из которых преследует свои собственные, особые интересы. Тот, кто при голосовании остался в меньшинстве, наравне с другими участвовал в образовании общей воли, но просто не угадал ее.

Руссо выступает в качестве убежденного сторонника народного суверенитета, демократических принципов. Это — горячий поборник демократических идей, радикальной мелкобуржуазной демократии.

Он учит, что суверенитет единый, неделимый, неотчуждаемый должен принадлежать народу в целом.

В этом состоит основное положение общественного договора, в соответствии с условиями которого должна быть организована государственная власть.

Где нет народного суверенитета, заявляет Руссо, там игнорируется общественный договор, там — деспотизм, неправомерное господство одного лица над всеми остальными.

Руссо верит, что демократия обеспечит благополучие и счастье всех и каждого. Именно поэтому он говорит, что «подданные не нуждаются в гарантии против суверенной власти, ибо невозможно предположить, чтобы организм захотел вредить всем своим членам... он не может вредить никому в отдельности»¹.

Если кто-нибудь откажется повиноваться общей воле и будет вынужден к повиновению всем политическим организмом, это будет означать лишь то, что его силой заставят быть свободным.

¹ Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, кн. I, гл. VII.

В государстве, отвечающем условиям общественного договора, человек приобретает гораздо больше, чем имел в естественном состоянии. Правда, он теряет свою естественную свободу, но зато «его способности упражняются и развиваются, мысль его расширяется, чувства его облагораживаются, и вся его душа возвышается...». Он превращается «из тупого и ограниченного животного в существо мыслящее — в человека»¹. Он приобретает гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет.

Но Руссо не ограничивается этими указаниями. Он говорит, что некоторые естественные права человека неотчуждаемы и сохраняются за ним с переходом в государственное состояние, как бы ни была абсолютна и неограниченна суверенная государственная власть.

В некотором противоречии с идеей неотчуждаемых прав стоит предложение Руссо установить «гражданскую» религию с небольшим количеством простейших догматов. Государству, говорит он, «важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая заставила бы его любить свои обязанности»². В этом сказывается ограниченность взглядов Руссо, не допускавшего возможности полной свободы совести и отмены всякой религии.

Из условий общественного договора Руссо выводит право народа на восстание. Он пытается оправдать грядущую революцию. «Пока народ, принужденный повиноваться, повинуется,— говорит Руссо,— он поступает хорошо; но как только, имея возможность сбросить с себя ярмо, народ сбрасывает его, он поступает еще лучше: так как народ, возвращая себе свою свободу по тому же праву, по какому она была у него отнята, был вправе вернуть себе ее — или же не было никакого основания отнимать ее у него»³.

С точки зрения единого, неделимого народного суверенитета Руссо критикует учение Монтескье о разделении властей. Он сравнивает аргументы сторонников этой теории с приемами японских фокусников, которые на глазах у зрителей разрезают ребенка на части, бросают эти части вверх, после чего ребенок падает живым и целым. «Таковы приблизительно,— говорит Руссо,— и приемы наших политиков: расчленив достойным ярмарки фокусом социальное тело, они неизвестно каким образом собирают вновь куски»⁴.

Руссо является противником народного представительства. Он считает, что каждый гражданин должен лично участвовать в обсуждении и принятии законов. Общая воля, говорит Руссо, не может быть представлена. Депутаты — только приказчики народа, и потому они не могут постановлять окончательно. Их решение может приобрести силу закона лишь после утверждения его народом путем

¹ Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, кн. I, гл. VIII.

² Там же, кн. IV, гл. VIII.

³ Там же, кн. I, гл. I.

⁴ Там же, кн. II, гл. II.

референдума. Идеалом Руссо является небольшая патриархальная республика, где все граждане могут обсуждать и принимать законы сами. Ее прототипом была древнегреческая демократия. Некоторые образцы этого рода демократии Руссо мог наблюдать в современной ему Швейцарии. Здесь сохранились небольшие республики — кантоны, где практиковалось непосредственное обсуждение законов всем взрослым населением — гражданами республики. Его родина, Женева, представляла образец такой небольшой республики с элементами непосредственной демократии. Руссо неоднократно восхваляет государственный строй родного города, хотя его и не удовлетворяла практика политической жизни Женевы, представлявшая собою отступление от ее конституции.

Выдвигая этот своеобразный политический идеал, Руссо обнаруживал непонимание хода и тенденций общественного развития. В этом сказывается мелкобуржуазный характер его политических взглядов.

4. Определив, кому должна принадлежать законодательная власть, Руссо рассматривает вслед за тем вопрос о правительственной власти. Ее установление, по его мнению, есть также дело народа. Народ решает, кому предоставить правительственную власть, и тем самым определяет форму правления. Если правительственная власть будет передана в руки одного лица, установится монархия. Если народ предоставит эту власть нескольким лицам, образуется аристократия, а если он оставит у себя не только законодательную, но и исполнительную власть — это будет демократия, точнее демократическая форма правления. Однако суверенитет всегда должен оставаться в руках народа. В этом — особенность учения Руссо, который считал, что форма государства определяется структурой правительства, и писал, что при сохранении суверенитета в руках народа «даже монархия становится республикой»¹.

Правительственная власть устанавливается, по Руссо, не общественным договором, а декретом, постановлением народа. Декретом определяется форма, или образ правления, и декретами же вслед за тем назначаются те лица, которым вручаются правительственные полномочия.

Чтобы существующий образ правления сохранялся и правительственная власть оставалась в руках тех же лиц, которым она вручена, и чтобы эта власть не покушалась на законодательную власть народа, Руссо рекомендует всякое очередное народное собрание открывать постановкой двух вопросов: 1) угодно ли народу сохранить существующую форму правления и 2) остается ли правительственная власть в руках тех, у кого она в настоящее время находится.

При таких условиях, как думает Руссо, правители всегда будут находиться под угрозой отставки и поэтому будут стараться во всем соблюдать объем полномочий, который им дан, и следовать строго тем указаниям, которые получены ими от народного собрания.

¹ Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, кн. II, гл. VI, примечание.

Исходя из идеалистических представлений об обществе и его развитии, Руссо верил, что с установлением демократической республики произойдет чудодейственное перерождение человеческой природы, совершенно исчезнет угнетение человека человеком, не будет больше резкого имущественного неравенства и водворится всеобщее благоденствие. При этом речь у него шла по существу о буржуазной демократии.

Энгельс говорит: «Разумное государство,— «общественный договор» Руссо,— оказалось и могло оказаться на практике только буржуазной демократической республикой»¹.

Руссо с одобрением относился к проекту создания международной организации государств. В небольшом произведении, посвященном проекту «вечного мира», Руссо выразил полное сочувствие выдвинутому аббатом Сен-Пьером в 1713 году плану образования союза всех европейских государств с общей конституцией и общим сеймом, обладающим законодательными и судебными полномочиями в отношении членов союза. Но Руссо считал, что осуществление этого плана потребует насильственных мер и совершится не иначе как в результате революции².

5. Руссо мечтал о таком обществе, где не будет ни богатых, ни бедных, но частная собственность полностью сохранится. В глазах Руссо частная собственность соответствует общественному договору и должна быть сохранена незыблемой, являясь необходимой в любом обществе. Руссо возражал лишь против той собственности, при которой «горсть людей утопает в роскоши, тогда как огромное большинство народа нуждается в самом необходимом». Руссо мечтал о таком патриархальном небольшом демократическом государстве, в котором каждый будет иметь мелкую собственность, достаточную для удовлетворения элементарных потребностей. Идеал Руссо был типично мелкобуржуазным. Он отстаивал порядок, при котором «ни один гражданин не должен быть настолько богат, чтобы быть в состоянии купить другого, и ни один — настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя». Руссо считал, что этот порядок вполне осуществим, однако реальных средств для его осуществления он не указывал и указать не мог. Капиталистического развития Руссо не одобрял, его пугали связанные с ним резкие противоречия в обществе, он решительно осуждал то угнетение трудящихся, разорение мелких ремесленников и крестьянства, которое нес с собой капитализм. «Вспомните, что стены городов образуются только из развалин сельских домов. При виде каждого дворца, который воздвигается в столице, мне кажется, что я вижу, как целая страна покрывается развалинами»³. И именно поэтому Руссо, не понимая тенденций исторического развития, взывал к хозяйству, основанному на мелкой частной собственности.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 17.

² J. J. Rousseau, Jugement sur le projet de paix perpétuelle de M. l'abbé de Saint-Pierre (Petits chefs-d'oeuvre de J. J. Rousseau, Paris 1899, p. 268 и сл.).

³ Ж. Ж. Руссо, Об общественном договоре, кн. III, гл. XIII.

Руссо не предвидел и не мог предвидеть, что общественное развитее, углубляя общественное неравенство, вместе с тем выдвинет на историческую арену новый общественный класс, который способен будет устранить неравенство, коренным образом переделать общество.

Руссо не нашел выхода из противоречий и трудностей, которые обнаруживала современная ему действительность. Поэтому он обратился в сторону общества, основанного на мелком труде, на мелком хозяйстве ремесленников, в сторону патриархальной демократии, которую он наблюдал еще в родном ему женевском кантоне. Плеханов метко сказал, что Руссо оставалось только повернуться спиной к экономическому прогрессу.

Сравнивая более умеренных, более ранних просветителей XVIII века, и в первую очередь Вольтера, с Руссо, мы видим, насколько Руссо пошел дальше, чем они, в критике современного ему общественного строя, политических порядков и в своей политической программе.

Если Вольтер мирился с просвещенным абсолютизмом, а Монтескье готов был остановиться на конституционной монархии, оформлявшей компромисс буржуазии с дворянством, то Руссо требует такой политической организации, при которой вся полнота власти в государстве целиком перешла бы в руки народа, всего населения в целом. Правда, Руссо пользуется абстрактным понятием «народа», игнорируя классовые различия в обществе, и потому дает типичное для буржуазных идеологов абстрактное, формальное учение о демократии, но тем не менее он выступает как решительный сторонник демократических принципов, мысли которого вдохновят позднее самых передовых деятелей французской буржуазной революции XVIII века и лягут в основу программы якобинцев — самой решительной ее партии.

Неудивительно, что Вольтер не раз выступал с полемическими замечаниями по адресу Руссо, особенно по поводу взглядов женевского мыслителя на цивилизацию и общественное неравенство. Сопоставляя этих двух писателей, Герцен метко говорит: «Вольтер и Руссо — почти современники, а какое расстояние делит их! Вольтер еще борется с невежеством за цивилизацию,— Руссо клеймит уже позором самую эту искусственную цивилизацию. Вольтер — дворянин старого века, отворяющий двери из раздушенной залы рококо в новый век; он в галунах, он придворный, он раз был на большом выходе, и, когда Людовик XV проходил, церемониймейстер назвал по имени Франсуа-Мари-Аруэта; по другую сторону двери стоит плебей Руссо, и в нем уже нет *du bon vieux temps* (от доброго старого времени.— С. К.). Едкие шутки Вольтера напоминают герцога Сен-Симона и герцога Ришелье; остроумие Руссо ничего не напоминает, а предсказывает остроты Комитета общественного благосостояния»¹.

¹ А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, т. III, М., 1954, стр. 313.

§ 5. Гельвеций

Передовые политические идеи отстаивались также французскими материалистами XVIII века — Гельвецием, Дидро и Гольбахом, выражавшими интересы передовой части французской буржуазии.

1. Клод Гельвеций (1715—1771) принадлежит к наиболее прогрессивной части идеологов французской буржуазии, стоявших на позициях метафизического материализма.

Сочинения Гельвеция пользовались большой популярностью у представителей прогрессивной русской интеллигенции и подвергались яростным нападкам со стороны реакционеров. Высоко ценили Гельвеция Радищев, декабристы и другие представители наиболее передовой части русской интеллигенции.

Воззрения Гельвеция на государство и право изложены в его работах «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» и «Об уме».

Гельвеций решает вопрос о человеке и его душевных способностях с позиций метафизического материализма. «Человек, — говорит Гельвеций, — есть машина, которая, будучи приведена в движение физической чувствительностью, должна делать все то, что она выполняет. Это — колесо, которое, будучи приведено в движение потоком, поднимает поршень, а вслед за ним и воду, наливающуюся затем в предназначенные для приемки ее резервуары»¹.

На этом основании Гельвеций строит свое учение о нравственности и политике. Гельвеций утверждает, что единственной причиной наших действий, наших мыслей, наших страстей является физическая чувствительность. К ней можно свести самые разнообразные проявления человеческой психики и даже такие явления, как угрызения совести, дружба, стремление к власти, общительность. Источником последней является интерес и потребность. Человек по своей природе — плотоядное и травоядное существо, но он слаб, плохо вооружен и может стать жертвой прожорливости более сильных животных, чем он. Поэтому в целях самосохранения и добывания средств к существованию ему нужно было объединиться с себе подобными.

Происхождение общества и государства Гельвеций представляет себе, прибегая к излюбленным в то время «робинзонадам» — гипотезам, которые свидетельствуют об отсутствии у него знаний и фактических данных о первобытном состоянии человечества. Гельвеций приближается к пониманию того, что вопиющее неравенство в распределении имущества и роскошь как его следствие неизбежно коренятся в эксплуататорском обществе и ликвидировать это зло нельзя теми наивными мерами, которые предлагал, например, Гольбах. Но сам Гельвеций считает вполне естественным существование частной собственности и экономического неравенства.

¹ К. А. Гельвеций, О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., 1938, стр. 78.

Задача политики, по Гельвецию, состоит в умении управлять человеческими страстями и использовать их в интересах общества. Страсти, как таковые, не могут считаться злом и составляют единственный двигатель общественной жизни. Великие дела совершаются в результате сильных страстей. Поэтому законодатели должны не подавлять страсти, а умело руководить ими. Добродетель и счастье народа — следствие мудрости его законов. Таким образом, Гельвеций, как и другие французские материалисты XVIII века, преувеличивал роль законодателя и законов в жизни общества.

2. Во взглядах Гельвеция на общество и государство не было ясности и последовательности. С одной стороны, он указывает, что причину образования государства надо видеть в неравном распределении имуществ. С другой стороны, причину происхождения одной из форм государства — деспотизма — он видит в стремлении каждого человека быть деспотом.

Гельвеций ненавидит деспотизм, феодальный строй, засилье духовенства и дворянства. Деспотизм влечет пагубные последствия для самих деспотов, так как они не понимают, что вешают над своей головой меч, который должен их поразить. Произвол деспотов возмущает граждан и побуждает их к мести, а также приучает их видеть справедливость только в силе.

Однако Гельвеций не является сторонником революции. Он считает, что правительство может добиться изменения общественного строя и упразднения резких имущественных различий путем непрерывных и незаметных изменений и дать обществу хорошие законы.

По вопросу о сущности права во взглядах Гельвеция также нет ясности и последовательности.

С одной стороны, он расходится с учением естественного права и как будто отрицает неизменность и вечность естественных законов, покоящихся на абсолютной справедливости. Он утверждает, что самые отвратительные обычаи имеют свои причины. Заслуживают ненависти те нравы и законы, которые продолжают существовать после того, как исчезли причины, вызвавшие их, и эти нравы и законы стали вредными для общества. Такие нравы и законы подобны лесам, которые обречены на слом, когда сооружен дворец. Но, с другой стороны, Гельвеций заявляет, что народы приближаются к естественному праву с прогрессом разума, и сам провозглашает естественные законы в своем моральном катехизисе.

Эти законы утверждают необходимость собственности, защиту личности, свободу мысли, безопасность, необходимость наказаний тех, кто нарушает эти права. «Сохранение собственности есть моральный бог государств: она поддерживает здесь домашний мир и заставляет царствовать справедливость... люди объединились для того, чтобы обеспечить себе свою собственность... Различные законы были всегда лишь различными способами обеспечить гражданам это право»¹.

¹ К. А. Гельвеций, О человеке, М., 1938, стр. 414—415.

Гельвеций считает, что имеются неизменные законы, без которых общество не может существовать. Таковы именно основные законы частной собственности. Классовая сущность этих рассуждений вполне очевидна.

В своей политической программе Гельвеций предлагает разделить Францию на тридцать республик с равными территориями. В этих республиках должны быть одинаковые законы, обеспечивающие свободу. Каждая республика должна иметь своих выборных должностных лиц и собственную полицию.

Верховный представительный орган союза составляется путем делегирования от каждой республики четырех депутатов. В его компетенцию входят общая политика и ведение войны. Он должен наблюдать, чтобы законы в республиках менялись только с согласия всех.

Гельвеций вел борьбу с феодальным строем, церковью, дворянскими привилегиями. Но он не был достаточно решительным и последовательным в этой борьбе, возлагая, подобно другим французским материалистам, надежду на короля-философа, мудрые законы и систему воспитания.

§ 6. Дидро

1. Д е н и Д и д р о (1713—1784), по словам Герцена, был умнейшим из энциклопедистов. Он являлся идейным вождем и организатором «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», с помощью которой наносились мощные удары феодальной идеологии, феодальному общественному и государственному строю.

По своему мировоззрению Дидро был типичным представителем французского материализма XVIII века. В решении ряда вопросов философии он стоял выше других французских материалистов.

Дидро основательно критиковал Гельвеция за упрощенное представление о сознании как сумме ощущений. Вместе с тем Дидро не был достаточно последовательным в своем отношении к религии. Он допускал так называемую истинную религию не только в первых своих сочинениях до 1749 года, как это принято считать, но и в более поздних.

2. Взгляды Дидро на государство и право имеют много общего не только со взглядами Гольбаха и Гельвеция, но и со взглядами других французских просветителей и Ж. Ж. Руссо. Их всех объединяет ненависть к феодальному строю, абсолютизму, произволу, насилию над личностью, к религиозной нетерпимости и к церкви как носительнице феодальной идеологии. Более или менее систематически эти взгляды Дидро изложены в статьях по вопросам философии и политики, а также в произведениях, относящихся к России, которую он посетил по приглашению Екатерины II. Взгляды Дидро по этим вопросам содержатся и в других его работах. Из них следует отметить такие, как «Племянник Рамо» и «Монахиня»,

где Дидро дает уничтожающую критику нравов феодального общества во Франции, в частности в среде духовенства.

Дидро, так же как и другие просветители и сторонники учения о естественном праве, не различал общества и государства и считал, что государственная машина, возглавляемая государем, должна служить интересам общества. Люди, по его утверждению, объединились в общество ради приобретения большего счастья. Только для более надежной охраны своего счастья и самосохранения общество избрало себе государей. Чтобы доставить обществу безопасность, свободу и могущество, необходимо было предоставить государю достаточную власть, которая позволила бы ему установить прочный порядок и спокойствие среди граждан, упрочить за ними их имущество, защищать слабых от козней сильных, наказаниями обуздывать страсти, наградами поощрять добродетели.

Он утверждает, что в так называемом естественном состоянии люди жили разбросанно и разобщенно. Он сравнивает это состояние с множеством маленьких и не соединенных общей нитью пружин. Время от времени некоторые пружинки сталкивались и при сильном напоре друг на друга ломались. Наблюдая это, законодатели придумали объединить между собой эти пружинки и составить из них прекрасную машину, которую они назвали обществом.

Происхождение общества Дидро объясняет изобретением законодателей, ярко демонстрируя идеалистическое понимание развития общества.

Критикуя метафизичность теории общественного договора, Дидро сам дает совершенно неудовлетворительное решение вопроса. Вместе с тем, происхождение общества он объясняет, наряду с деятельностью законодателей, необходимостью объединить силы людей в борьбе с враждебными силами природы.

Дидро пытается объяснить различия в формах государства. Он проводит различие между монархией и демократией. Монархией абсолютной, или неограниченной, он считает такую форму государства, при которой верховная власть находится в руках одного человека. Демократия же им рассматривается как форма государства, при которой власть находится в руках всего народа и не подлежит никаким ограничениям. Причину различий в формах государства Дидро видит в особых обстоятельствах, в большей или меньшей привязанности народа к свободе и т. п., не объясняя, чем вызываются мнимые различия в привязанности того или иного народа к свободе.

Он открыто высказывает свою ненависть к феодальному строю, произволу и продажности судей и чиновников, пестроте права во Франции, к религиозной нетерпимости, к духовенству.

Но Дидро, так же как и другие французские материалисты, не был сторонником революции и возлагал свои надежды на просвещенного монарха.

Очень показательны для характеристики взглядов Дидро его взаимоотношения с русской императрицей Екатериной II, по при-

глашению которой он прибыл в Россию в октябре 1773 года, где находился в течение пяти месяцев.

Прежде всего обращают на себя внимание критические замечания Дидро на «Наказ» Екатерины (см. гл. XIV, § 2).

Дидро делает решительный вывод, что русская императрица, несомненно, является деспотом. Этот вывод расходится с теми надеждами, которые возлагал Дидро на Екатерину и лично ей высказывал. Он предлагал ей установить в России конституционную монархию, наподобие английской, и провести ряд необходимых реформ в суде, администрации и народном образовании.

Дидро критикует Екатерину за то, что она начала свой труд с обращения к богу. Лучше было бы, если бы она начала с указания на необходимость законов, составляющих основу благополучия людей, с договора, устанавливающего права свободы и собственности.

Дидро считает совершенно недопустимым ставить политические учреждения под контроль религии и предлагает отвести духовенству такое положение в обществе, которое было бы чуть повыше или пониже положения актеров или торговцев.

В своей критике «Наказа» Екатерины II Дидро прямо говорит, что естественная свобода индивида сведена в России к нулю, а верховная власть не ограничена ничем.

Дидро заявляет, что лишь нация является суверенной. Не произвольные повеления какого-нибудь одного лица, а воля тысяч людей, принявших единое решение по поводу своего благополучия и своей безопасности, является основой законодательства.

«Наказ» Екатерины, по оценке Дидро, продиктован духом «чистой» монархии. Она либо остается сама собой, либо возвращается к деспотизму, в зависимости от характера монарха. Поэтому «чистая» (абсолютная) монархия — дурной вид правления. Дидро отвергает основной абсолютистский принцип «Наказа», что государь является источником всякой власти.

Дидро противопоставляет этому принципу свою точку зрения, по которой источником всякой политической и гражданской власти является согласие народа, представленного своими депутатами или собранием граждан. Он называет нелепой формулу императорских указов: «ибо такова наша воля». Дидро саркастически замечает, что достаточно длительный опыт показывает, как эта добрая воля властителей сводится лишь к тому, чтобы душить свои народы.

Таким образом, Дидро является противником абсолютной монархии. Ненависть его к деспотизму и защита идеи народного суверенитета характеризуют его как прогрессивного, передового мыслителя своего времени.

3. При всей теоретической несостоятельности рассуждений Дидро о роли закона в происхождении общества надо подчеркнуть, что он высказывает ряд прогрессивных положений и требований. При этом, как и все просветители и сторонники теории естественного права, он преувеличивает роль закона. Высказываясь за коренные изменения феодальных законов, Дидро отстаивал

излюбленный тезис просветителей о всемогуществе законов. Будучи идеалистическим, этот тезис в то же время звал к решительному пересмотру старых законов.

Дидро требует равенства всех граждан перед законом, гарантий их политической свободы, причем особенно отмечает необходимость охраны гражданина и общества от посягательств государя. Разумеется, Дидро всюду подчеркивает необходимость охраны собственности. Он считает необходимым предоставить собственность крестьянам и прямо предлагает ликвидировать крепостничество. Он указывает, что наделение нуждающихся земель не будет эффективно, если не будет сопровождаться освобождением личности и предоставлением права собственности на землю. Тем самым Дидро высказывается против монополии феодалов на земельную собственность. Однако Дидро против конфискации помещичьей собственности. Больше того, чтобы предотвратить государственные перевороты, он рекомендует принять меры против разорения знатных семей, считая, что их бедность опаснее их богатства.

Дидро требует свободы торговли как внешней, так и внутренней, пересмотра системы пошлин, акциза, откупов и налогов, чтобы обеспечить нормальное развитие торговли (к откупам он относится отрицательно); осуждает ограничения в области промышленности и бюрократическую опеку государства над производством; считает бесполезными и экономически нецелесообразными мероприятия против роскоши и ростовщичества и требует ограждения интересов кредиторов против злоупотреблений должников. Интересно, что в области наследственного права он высказывается за равный раздел имущества умершего между его детьми и другими родственниками¹ и отрицательно относится к феодальному институту майората.

В области уголовного права он в известной мере разделяет взгляды передового итальянского ученого-юриста Беккариа. Дидро предлагает свести к минимуму смертную казнь, позорящие наказания. Он считал более рациональным использовать преступников на общественных работах и почаще применять денежные наказания, выдавая часть денег потерпевшему.

Проводя последовательно идею разделения властей и верховенства закона, Дидро, вслед за Монтескье и Беккариа, отрицательно относился к толкованию закона судьями.

Хотя Дидро и разделял иллюзии других философов о просвещенном монархе, он принадлежал к передовой группе французской интеллигенции, борющейся против феодальных порядков абсолютной монархии во Франции и в других странах.

§ 7. Поль Гольбах

1. Взгляды П о л я Г о л ь б а х а (1723—1789) на государство и право излагаются в его главной работе — «Система природы» —

¹ Это было осуществлено в Гражданском кодексе Франции (Кодекс Наполеона) 1804 года.

и, кроме того, более подробно в сочинениях: «Всеобщая нравственность» (1776 г.), «Естественная политика» (1773 г.), «Общественная система» (1773 г.).

По своим философским взглядам Гольбах был типичным представителем метафизического материализма XVIII века. Острие его философии было направлено против идеализма и религии как господствующей идеологии феодального общества. В этом отношении Гольбах примыкал к наиболее передовым идеологам буржуазии. Его взгляды резко отличались от взглядов Вольтера, который, отрицательно относясь к материализму, был сторонником деизма, то есть мировоззрения, допускающего существование бога как первопричины мира. Они отличались и от взглядов Руссо, который провозглашал так называемую «религию сердца» и требовал введения в государстве «гражданской религии».

Гольбах, как и все французские материалисты, не распространял материализма на учение об обществе, государстве и праве. Будучи материалистом «снизу», он оставался идеалистом «сверху», давая идеалистическое объяснение процессу общественного развития.

Гольбах не был сторонником революции и высказывал очень умеренные политические взгляды. Тем не менее его взгляды были прогрессивны, особенно в той части, где Гольбах выступал против идеализма, религиозного мракобесия, феодальной системы и абсолютизма.

В учении Гольбаха о морали, обществе, государстве и праве надо отметить ряд прогрессивных сторон, так как оно представляло собой беспощадную критику феодальных порядков. Вместе с тем в этом учении обнаруживаются слабые стороны метафизического материализма.

Человек представляется ему продуктом социальной среды. Но, когда он пытается дать ответ на вопрос, как образуется эта социальная среда, он впадает в порочный круг, так как, по Гольбаху, оказывается, что эта социальная среда создается теми же людьми, но не их производственной деятельностью, а общественным мнением: «Мнение правит миром». Человеческий род стал несчастным вследствие заблуждения.

Таким образом, Гольбах (как и другие французские материалисты) не мог разрешить противоречия, содержащегося в выдвинутых им положениях: мнения людей являются следствием социальной среды, а, в свою очередь, социальная среда определяется мнением. При этом Гольбах считает, что большую роль в формировании этого мнения играют правительство и законы.

При объяснении исторических событий Гольбах не проводит различия между закономерностью явлений в природе и обществе. Он считает, что медицина должна дать ключ к человеческому сердцу и даже объяснить историческое движение человечества. Он заявляет, что настроения и прихоти монархов являются достаточными причинами войн и тех разрушений и бедствий, которые они влекут за собой.

2. В решении вопроса о происхождении и сущности государства и права Гольбах разделяет взгляды представителей учения о естественном праве, но с некоторыми особенностями.

Основным свойством человека Гольбах считает эгоизм, стремление к собственной пользе. Вместе с тем естественным свойством человека, говорит он, является общительность, или склонность человека к совместной жизни с себе подобными существами. Общество — продукт природы. Природа устроила так, что человек должен жить в обществе. Любовь же к обществу или общительность — чувство вторичное. Она представляет собой результат опыта или деятельности разума.

Таким образом, Гольбах пытается вывести все общественные отношения из принципа личной пользы.

Маркс и Энгельс указывали на источник этих взглядов Гольбаха: «...эта по видимости метафизическая абстракция проистекает из того, что в современном буржуазном обществе все отношения практически подчинены только одному абстрактному денежно-торгашескому отношению... Уже у Гельвеция и Гольбаха мы находим идеализацию этого учения, вполне соответствующую оппозиционной роли французской буржуазии перед революцией. У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимном общении, например речь, любовь и т. д., изображается в виде отношений полезности и использования»¹.

Расходясь с мнением ряда представителей учения о естественном праве, Гольбах отрицает реальность так называемого естественного состояния, считая его вымыслом.

Основанием государства Гольбах считает договор, под которым понимает совокупность явных или подразумеваемых условий, связывающих людей в общество. Это — законы общежития, которыми должны подчиняться все люди, так как индивидуум не может ничего требовать от других, не доставляя им со своей стороны никаких выгод. Это предписывается законом самой природы, и выполнение этого требования необходимо для человеческого счастья.

Из этого понятия общественного договора Гольбах выводит все добродетели, в основе которых лежит справедливость. Мы должны делать для других то, что желаем получить от них. Поэтому требуется уважение к чужим правам и к чужой свободе. Эти обязанности распространяются на весь человеческий род, который образует собой самое широкое общение. Гольбах пытается на основании этого вывода установить принципы международного права, утверждая, что все народы связаны друг с другом законом справедливости, воспрещающим им нападать друг на друга.

Из принципа справедливости вытекают требования человеколюбия, сострадания, благотворительности и другие. Совокупность этих требований составляет естественное право, основание которого лежит в природе.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 409.

Из естественных прав наиболее священными являются свобода, собственность и безопасность.

Гольбах считает, что установление общности имущества неразумно и противоречит человеческой природе. Неравенство среди людей, по Гольбаху,— явление вполне естественное, так как проистекает из различия между ними. Оно отнюдь не вредно, а полезно, так как побуждает людей к деятельности в своих интересах. Основой собственности Гольбах считает отношение, возникающее между человеком и продуктом его труда. Но эта трудовая теория собственности не мешает Гольбаху считать купцов и фабрикантов благодетелями, дающими занятие и жизнь целому обществу в процессе собственного обогащения. Больше того, он считает, что общественный договор защищает собственность тех, кто своим трудом приносит пользу обществу, следовательно, с точки зрения Гольбаха, и собственность «купцов и мануфактуристов», феодальная же собственность должна быть уничтожена. Гольбах требует упразднить все привилегии дворянства, феодальные повинности в виде чиншей и барщины, сеньориальную юстицию и пр. Он прямо предлагает монархам отобрать у дворян их права. Требования Гольбаха были прогрессивны, так как феодальная собственность и привилегии дворянства были препятствием для развития более передового по сравнению с феодализмом капиталистического способа производства.

Считая неравенство естественным явлением, Гольбах все же высказывается против слишком большого неравенства в распределении богатств и считает его источником всех социальных бедствий. Он защищает интересы средних и мелких собственников, полагая, что интерес государства связан с интересами большинства, и требуя, чтобы большинство граждан было занято полезным трудом и пользовалось благосостоянием, так как «нет отечества для неимущего».

Гольбах раздражается филиппиками против алчности и роскоши. Он, как и другие идеологи буржуазии того времени, не отдавал себе отчета, что все благие пожелания установить равновесие в пользовании собственностью путем борьбы с роскошью и увеличением количества собственников были утопией. Он апеллировал к справедливости, к идее общего блага, мечтал о царстве разума, не понимая, что «...это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии...»¹.

Образование государства Гольбах объясняет в духе учения о естественном праве. Так как люди рождаются со страстями, из которых одни полезны обществу, а другие вредны, то в обществе может возникнуть опасная борьба этих страстей. Сильные стали бы угнетать слабых, а более ловкие обманывали бы простодушных. Для предотвращения этих опасностей каждое общество нуждается в единой воле и единой силе, одним словом, требуется власть, которая получает право повелевать всеми членами общества. Каждый индивидуум должен отказаться ради собственного блага от своей

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 17.

независимости, которая может оказаться гибельной как для него самого, так и для других. Он подчиняет свою волю центральной силе, правительству.

Гольбах определяет правительство в духе идеалистического понимания общественных явлений как силу, установленную общей волей для того, чтобы управлять действиями всех членов общества и обязывать их служить его цели. Эта цель — безопасность, счастье, сохранение целого и его частей.

Как только устанавливается правительство, возникают новые отношения. Один или несколько индивидуумов повелевают, остальные повинуются. Одни становятся суверенами, другие — подданными.

Границы повиновения Гольбах усматривает в справедливости, в интересах всего общества. Эти границы определяются на началах взаимности. Власть законна, если она действует в интересах общего блага. Повиновение должно быть разумно и добровольно.

3. Гольбах считает, что государственная власть существовала всегда и первое, самое примитивное ее проявление — власть отца в семье.

Первоначальной формой государства, по Гольбаху, была монархия, которая уподобляется власти отца в семье. Характерно, что он, подобно Монтескье, считает, что нельзя установить одну форму правления, подходящую для всех людей. Различие климата, нравов, мнений, предрассудков и всевозможных потребностей делает невозможным установление формы правления, годной при всех обстоятельствах.

Во взглядах Гольбаха на монархию нет полной ясности и последовательности. Он как будто не является ее сторонником. Но в то же время Гольбах не предлагал ликвидации монархии во Франции.

Гольбах ненавидит деспотизм, но он боится революции. Он заявляет, что истина действует мирными, хотя и медленными, путями. Голос разума не требует восстаний и крови. Одно просвещение улучшает состояние человечества. Гольбах боится народа, утверждая, что им обычно верховодят безумство и яростный гнев, и заявляет, что народ следует «держат в узде».

Скорее всего Гольбах является сторонником конституционной монархии, которая, по его мнению, может быть устроена так, чтобы обеспечить гражданам пользование их естественными и неотчуждаемыми правами.

Гольбах считает, что форма правления даже не имеет значения, лишь бы правительство обеспечило счастье наибольшему количеству граждан. Это осуществимо лишь тогда, когда каждому гражданину будет предоставлена свобода в правомерных границах, дающая каждому индивиду возможность добиваться своего счастья, не принося вреда согражданам. В определении свободы Гольбах примыкает к Монтескье. Она обеспечена там, где господствует закон. Свобода не связана с формой правления. В демократии, по мнению Гольбаха, народ часто не имеет никакого понятия о свободе.

Из свободы вытекает ряд прав. Прежде всего необходимо охранять личность и собственность граждан. Поэтому обложение налогами должно устанавливаться с согласия самих граждан, их распределение должно соответствовать требованиям справедливости, и правительство должно отчитываться в расходовании поступающих сумм. Следует всемерно противодействовать расточению народных средств на пышность двора и удовлетворение прихотей придворных и фаворитов.

Гольбах считает необходимой свободу совести и мысли, чтобы ум человеческий не был связан деспотизмом. Нетерпимость — не только насилие над свободой, но и посягательство на общество.

Гольбах требует также свободы печати. Зло, проистекающее от злоупотреблений свободой печати, компенсируется, по его мнению, выгодами для всего общества, которые доставляет ему эта свобода. Преступного писателя наказывает общественное негодование.

Очень характерны взгляды Гольбаха по вопросу об избирательном праве. Избирательное право должно предоставляться только так называемым «истинным гражданам», имеющим интерес в общественном деле и связанным с отечеством своим имуществом, то есть собственникам земли. Полноправным гражданином, обладающим избирательным правом, по проекту Гольбаха, является только отец семейства, владеющий землей. Представители народа не должны получать никаких почестей и наград от монарха. Избирателям предоставляется право сменять и наказывать своих представителей.

При всей своей ограниченности воззрения Гольбаха были во многом прогрессивными и содействовали разрушению феодального строя, произвола, тирании и мракобесия. Особо следует отметить боевой характер атеизма Гольбаха, который резко выделяет его вместе с другими французскими материалистами в группе французских философов XVIII века.

§ 8. Утопические социалисты: Мелье, Морелли, Мабли

1. В XVIII веке во Франции появляются также идеи утопического социализма и коммунизма. С развитием буржуазных отношений численно возрастает пролетариат — развитие капиталистических предприятий немислимо без роста рабочего класса. К концу XVIII века, когда во Франции появились крупные мануфактуры, промышленные предприятия, охватывавшие собой по несколько сот рабочих, капиталистическая эксплуатация уже породила тяжелые бедствия трудящихся.

В условиях острых противоречий отдельные передовые люди Франции задумывались над причинами бедствий, которым подвергались трудящиеся, и над средствами их устранения. Энгельс

говорит, что «...с тех пор, как французская буржуазия, начиная с великой революции, выдвинула на первый план гражданское равенство,— французский пролетариат немедленно вслед за этим ответил требованием социального, экономического равенства...»¹. Однако классовое самосознание работников мануфактур, ремесленников и предпролетариата было еще неразвитым. Рабочий класс еще только складывался. Его чаяния были смутны, его идеалы были продиктованы примитивными представлениями о равенстве и выражались в грубо уравнилельных и аскетически суровых требованиях об организации общественных отношений. Закономерность общественного развития еще не была раскрыта. Путь к осуществлению идеала был неясен. Значение политической борьбы трудящихся как средства их освобождения еще не было осознано массами.

Вот почему французские социалисты XVIII века, выражая интересы «еще не созревшего класса», остаются на уровне утопического социализма. Они являются еще рационалистами, просветителями, полагающимися в осуществлении своего идеала преимущественно на силу убеждения, распространение просвещения и правильных представлений о человеческой «природе» и задачах человеческого общества.

2. С идеями утопического социализма раньше всех выступил во Франции в XVIII веке Мелье.

Жан Мелье (1664 г.— умер около 1733 г.) — сын ткача, родился в деревне Мазерни в Шампани. По окончании духовной семинарии он был назначен священником в один из приходов Шампани, где впоследствии и скончался. Жизнь Мелье окончилась трагически: он вступился за крестьян, в результате чего у него возник острый конфликт с сеньором и епископом; в сознании своего бессилия Мелье уморил себя голодом.

Перу Мелье принадлежит произведение под названием «Завещание». Первоначально оно распространялось в рукописных копиях. Лишь отдельные отрывки из него были напечатаны в XVIII веке Вольтером, а также Гольбахом. Полностью «Завещание» было опубликовано впервые в 1864 году по рукописи, найденной случайно у одного антиквара.

Мелье гневно клеймит зло и несправедливость, царящие в мире. Его «Завещание» представляет собой обличение общественного неравенства, крепостнической эксплуатации, ничем не оправданных привилегий дворянства. Мелье с негодованием бичует крепостнический строй феодальной Франции, страстно обличает беспощадное угнетение крестьян.

Мелье приписывает все бедствия трудящихся заблуждениям, которые господствуют в сознании людей и которые намеренно поддерживаются людьми, извлекающими из них для себя пользу. Мелье считает, что в сохранении и распространении опасных заблуждений огромную роль играет религия.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 100.

«Завещание» Мелье содержит страстное обличение религиозных предрассудков, это суровый обвинительный акт против духовенства. Мелье разоблачает «сумасбродства религии», ее «вздорные и суетверные предписания и обряды», «лживые и воображаемые таинства». «Все религии,— говорит он,— являются лишь заблуждениями, иллюзиями и обманом». «...Всякий культ и поклонение богам,— по словам Мелье,— есть заблуждение, злоупотребление, иллюзия, обман и шарлатанство»¹. Мелье убедительно доказывает, что религиозные предрассудки используются широко в своекорыстных целях «лжепророками, обманщиками и шарлатанами», которые злоупотребляют властью, захваченной ими под предлогом управления людьми. Христианская религия в глазах Мелье не составляет исключения. Напротив, он находит догматы этой религии особенно нелепыми. Он высмеивает культ икон и веру в чудеса.

Христианская религия, говорит Мелье, «терпит, одобряет и даже поощряет злоупотребления, противные справедливости и хорошему управлению»². Она терпит и поощряет много несправедливых притеснений.

«Первым злом является огромное неравенство... между различными состояниями и положениями людей; одни как бы рождены только для того, чтобы деспотически властвовать над другими и вечно пользоваться всеми удовольствиями жизни; другие, наоборот, словно родились только для того, чтобы быть нищими, несчастными и презренными рабами и всю свою жизнь изнывать под гнетом нужды и тяжелого труда»³. Неравенство порождает высокомерие и тщеславие у одних, ненависть и гнев у других.

В духе естественноправового учения Мелье утверждает, что все люди равны от природы, имеют право на свободу и на свою долю в земных благах, но вместе с тем прибавляет, что все должны заниматься полезным трудом. Он сурово осуждает положение, при котором одним достаются все блага и удовольствия, а другим — все тяготы, заботы, тревоги, горести и неприятности жизни.

Мелье разоблачает бессмысленность ходячих представлений о знатности. Знатность, которой кичатся феодалы, означает лишь, что их предками были кровожадные и жестокие угнетатели, тираны, коварные предатели, нарушители общественного закона, воры, отцеубийцы. Он критикует феодальный строй, разоблачая беспощадную эксплуатацию крестьян. С возмущением говорит он о том, что крестьяне всецело являются рабами сильных и знатных мира сего, земли которых они обрабатывают или арендуют.

Мелье сравнивает помещиков с кишечными паразитами, истощающими тело человека. Он говорит, что помещики являются для крестьян самыми злыми дьяволами.

¹ Ж. М е л ь е, Завещание, М., 1954, т. I, стр. 82.

² Т а м ж е, т. II, стр. 153.

³ Т а м ж е, т. II, стр. 154.

Художники и проповедники заблуждаются, изображая дьяволов в виде ужасных и страшных чудовищ. Они должны были бы изображать их «...в виде всех этих власть имущих и знатных, всех этих прекрасных дам и девиц, которых вы видите,— говорит Мелье, обращаясь к крестьянам,— такими разряженными, завитыми, кудрявыми, напудренными, раздушенными, сияющими золотом, серебром и драгоценными камнями. Ибо они — эти дамы и господа ... настоящие дьяволы и дьяволицы, потому что именно они — ваши злейшие враги и больше всех вредят вам»¹.

Вторым злом Мелье считает наличие в обществе большого числа «богатых бездельников», живущих за счет чужого труда. К числу их Мелье в первую очередь относит духовенство.

Мелье разоблачает также роль «служителей правосудия» абсолютистской Франции и относит их к числу людей, которые не только не приносят никакой пользы, но служат «лишь к попираннию, ограблению и мучительству других людей». Такого же рода людьми Мелье считает откупщиков, канцелярских чиновников, сборщиков податей и налогов и, наконец, «бесчисленных плутов, негодяев и мошенников по части соляной и табачной монополии». «Все эти люди,— говорит Мелье,— находят удовольствие только в разорении бедного народа, они в восторге, когда им удастся поймать кого-нибудь в свои сети и заполучить хорошую добычу»².

Мелье критикует основы существующего строя и осуждает частную собственность, наличие которой он рассматривает как одно из злоупотреблений, «принятое и узаконенное почти во всем мире» наряду с неравенством и тунеядством. «Люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть сообща на одинаковом положении»³.

Он предлагает организовать жизнь общества на коммунистических началах. Все жители одной и той же местности должны составить одну семью, жить мирно и сообща, пользоваться одной и той же пищей, иметь одинаково хорошую одежду и обувь, одинаково хорошие жилища. Все должны заниматься каким-нибудь полезным делом, причем занятия распределяются в зависимости от потребности в тех или иных продуктах. При этих условиях каждый будет иметь все необходимое для своего существования, никто не будет испытывать тревоги насчет своего будущего и будущего своих детей, никому не придется опасаться голода и нищеты.

В результате такого преобразования общественного строя не будет обманов, краж, грабежей, судебных процессов. Труд будет распределяться равномерно, и никому не придется выполнять непосильных работ.

¹ Ж. М е л ь е, Завещание, М., 1954, т. II, стр. 167.

² Т а м ж е, стр. 197.

³ Т а м ж е, стр. 198.

Мелье предвидит, что это поднимет уровень развития производительных сил, он говорит о дворцах, об удобных, уютных и прочных домах, о садах, в которых будет много плодов, о больших урожаях и об изобилии всех прочих благ.

Отражая преобладание сельского хозяйства в экономике Франции, Мелье не видит необходимости в широких экономических связях. Производство и потребление он предлагает организовать в узких пределах небольшой сельской общины.

Мелье подвергает суровой критике абсолютизм. С негодованием говорит Мелье о королях, которые, словно боги, становятся неограниченными владыками над всем, не щадят ни жизни, ни имущества своих подданных и приносят их в жертву своей славе, своему честолюбию и своей жадности. Все короли и князья — настоящие тираны, которые не перестают истязать бедные народы, подчиненные им. Мелье с возмущением изображает вероломную и несправедливую внешнюю политику королей. Он разоблачает беспощадную налоговую систему абсолютизма, заявляя, что короли доводят народы до истощения, позволяя откупщикам и сборщикам податей обогащаться за счет населения.

В качестве путей к достижению идеала и к ликвидации зла он указывает прежде всего на просвещение, на распространение правильных представлений о взаимоотношениях людей. Первое условие для ликвидации зла — освобождение от подчинения догматам религии и христианской морали.

Но это лишь предварительное условие. Мелье не считает достаточным ограничиться мирными средствами осуществления идеала. Он открыто призывает к вооруженному выступлению против тиранов, восхваляет тираноубийство. Он зовет к объединению народов, к организованным действиям трудящихся.

В учении Мелье отражаются чаяния и настроения крестьянской бедноты. Он выступает с ограниченным идеалом небольших крестьянских общин, ликвидирующих частную собственность и организуемых производством и потреблением на коммунистических началах. Его коммунизм является утопическим. В условиях Франции XVIII века производительные силы еще не были развиты настолько, чтобы обеспечить распределение по потребностям, а призванный освободить человечество от всякой эксплуатации пролетариат в то время еще был незрелым и не выступил на историческую арену в качестве самостоятельной силы.

3. Идеи утопического коммунизма во Франции XVIII века были развиты также в произведении М о р е л л и «Кодекс природы». Произведение это было опубликовано анонимно в 1755 году и долгое время приписывалось Дидро. Лишь в 1841 году оно вышло в свет под именем автора, о котором до нас не дошло биографических сведений.

Морелли — представитель господствовавшей в XVIII веке просветительской философии, для которой существующий общественный и политический строй основан на невежестве, предрассудках,

противоречит разуму и природе и должен быть заменен новым порядком, соответствующим «природе». Морелли исходит из того, что люди в продолжение веков «находятся во власти заблуждений, беспрерывно смущающих их покой»¹. Считая, что достаточно найти разумные основы общественной организации, чтобы их осуществить в жизни, он ставит своей задачей открыть истину и тем самым указать путь к восстановлению законов природы в общественных отношениях.

Признавая единственной первопричиной всех зол частную собственность, Морелли полемизирует с теми, кто считает, что зло прирождено человеку, что люди от природы порочны и злы. У человека нет, заявляет он, ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей.

Потребности людей порождают их общение и взаимное моральное притяжение в силу того, что «природа мудро соразмерила наши потребности с ростом наших сил;.. она устроила так, чтобы они всегда несколько превышали границы наших возможностей»².

Сближение с другими людьми становится совершенно необходимым для каждого человека. Стремление к удовлетворению потребностей находится в полной гармонии с общественными стремлениями человека. Морелли изображает общество как некий «чудесный автомат», в котором «все подогнано, все взвешено, все предусмотрено», «все стремится к одной общей цели».

Изображая главные пружины этой созданной природой «удивительной машины», Морелли указывает, что природа оставила людям «в нераздельную собственность поле, производящее ее дары, она предоставила всем и каждому пользование ее щедротами. Мир — это стол, на котором достаточно пищи для всех сотрапезников...». Никто поэтому не вправе считать себя его неограниченным хозяином.

Противопоставляя существующему общественному строю, основанному на частной собственности, естественное состояние, в котором действовали законы природы, Морелли утверждает, что в этом состоянии люди жили семьями, без государства и среди них царил согласие и единение, взаимная благожелательность, почтительность к старцам и людям, отличающимся своим разумом и искусством.

Он считает, что этот естественный порядок нарушен установлением частной собственности, которая уничтожает естественную честность и порождает в людях жадность — основной порок, видоизменением которого являются все остальные. Люди начинают противопоставлять свое частное благо общему, тогда как первое есть простое следствие второго. Они преследуют свой частный интерес, эту

¹ Морелли, Кодекс природы, ч. I, М.—Л., 1947, стр. 54.

² Там же, стр. 62.

«всеобщую чуму», «изнурительную лихорадку, эту губительную болезнь всякого общества»¹.

Законодатели же и моралисты, по словам Морелли, только способствуют укреплению порядка, при котором «все поставлено вверх дном». Они не предотвращают, а поддерживают зло, которое порождено было возникновением частной собственности. Критикуя общественный строй, основанный на частной собственности, Морелли заявляет, что законы стоят в прямом противоречии с естественным правом, от которого все они должны заимствовать свою силу. «При таких условиях не следует удивляться их неустойчивости, запутанности и обилию»².

Между тем, если бы не был нарушен естественный порядок вещей, то действительная задача законодателя — предупреждать праздность — была бы, по словам Морелли, легко разрешима, так как человек — существо, созданное для полезной деятельности. «В этом убеждает нас,— говорит Морелли,— пример так называемых богатых и могущественных людей, которые стараются в утомительном шуме удовольствий избавиться от скучной праздности»³.

Пытаясь объяснить отступление от законов природы и переход из естественного состояния в гражданское, то есть по сути дела разложение первобытнообщинного строя, Морелли усматривает причины перехода к «гражданскому состоянию» в увеличении населения и ослаблении кровных уз в связи с ростом числа семей, в переселениях, заставляющих семью порывать узы общности, в возникающих из этого распрях, междоусобицах, войнах и разбоях, не дойдя до понимания того, что разложение патриархальной семьи и всего патриархального быта, равно как войны и захваты, являются не причиной, а следствием укрепления частной собственности.

4. В последней части своего труда Морелли дает «образец законодательства, сообразного с намерениями природы», делая при этом скептическую оговорку о том, что «в настоящее время было бы почти невозможным основать подобного рода республику»⁴. Он формулирует прежде всего три «основных и священных» закона: первый провозглашает отмену частной собственности; второй гарантирует право граждан на труд, устанавливает, что каждый гражданин будет обеспечен работой и будет получать содержание на общественный счет; наконец, третий устанавливает обязанность каждого трудиться в интересах общественной пользы «сообразно своим силам, дарованиям и возрасту».

Занятие земледелием обязательно для всех в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет. Таким путем Морелли предполагает устранить противоположность города и деревни. После оставления

¹ Морелли, Кодекс природы, ч. I, М.— Л., 1947, стр. 69.

² Там же, ч. II, М.— Л., 1947, стр. 108.

³ Там же, ч. II, стр. 100.

⁴ Там же, ч. IV, М.— Л., 1947, стр. 201.

работы в сельском хозяйстве каждый возвращается к своему прежнему ремеслу. Через год он делается мастером своей профессии, и его обязанностью становится обучение молодых рабочих и проверка их работы. По достижении сорокалетнего возраста каждый гражданин может заниматься трудом, который он сам для себя выберет.

Наиболее способных отбирают для занятий наукой, но это не освобождает их от обязанности участвовать в земледельческих работах. Остальные граждане могут посвящать себя науке лишь по достижении тридцатилетнего возраста.

Продукты сельского хозяйства и произведения ремесла поступают на склад в общественные магазины, а скоропортящиеся продукты — на общественные рынки, откуда и распределяются между гражданами.

Каждый получает все необходимое для потребления и для производства: пищу, одежду, сырье (пекарь — муку, портной — материю и т. п.). Купля-продажа и обмен между гражданами воспрещены.

Не будучи свободным от грубо уравнилельных представлений о равенстве, Морелли заявляет, что, если каких-либо предметов не первой необходимости окажется недостаточно для всех, раздача должна приостановиться или снабжение этими видами должно производиться в меньшем размере, пока недостача не будет пополнена.

Морелли не представлял себе перспектив, которые открываются для человечества с техническим прогрессом и повышением производительности труда. Поэтому для сохранения равенства он считал необходимым ограничение потребностей, проповедовал борьбу с роскошью.

Морелли мыслит осуществление коммунистического общества не в виде небольшой общины с ограниченным числом членов, а в масштабе целой страны, где в централизованном порядке производится учет изготавливаемых продуктов и необходимого труда. Для организации производства, распределения и для управления общественными делами население делится на семьи, города и провинции.

5. Политическая организация идеального общества для Морелли безразлична. Народ может установить демократию, то есть руководство всех отцов семей; он может передать власть в руки некоторого числа мудрецов, то есть создать правление аристократическое; он может, наконец, вручить государственную власть одному лицу и создать, таким образом, монархию. Если нет частной собственности, то даже монархия не опасна, ибо она не вырождается в деспотию.

Никто не захочет властвовать в идеальном обществе, заявляет Морелли, «ибо в нем не будет собственности, которая могла бы внушать желания поработать других. Тиранов не может быть в таком обществе, где власть состоит в возложении на себя самых трудных

обязанностей и забот»¹. Извращение государственных форм происходит под воздействием частной собственности: самая мудрая республика окажется в самом плачевном состоянии, если не подрезаны корни у собственности.

Собственность и порождаемая ею жадность, господство частных интересов приводят к установлению деспотизма, ввергающего нацию в состояние варварства, а затем полного упадка.

Вразрез с господствовавшими накануне революции XVIII века представлениями о решающем значении политической формы Морелли говорит: «Истинная политическая свобода человека состоит в беспрепятственном и безбоязненном пользовании всем, что может удовлетворять его естественные и, следовательно, законные желания»². Поэтому Морелли считает существенными не политические перемены, а отмену частной собственности и коренное изменение общественного строя.

Морелли рассчитывает на мирный путь осуществления своего идеала. Борьба с заблуждениями и предрассудками, по его мнению, приведет к тому, что собственность будет низвергнута и будет пресечена «ярость междоусобицы». «Исправьте недостатки политики и морали согласно законам природы»³, — таков призыв Морелли, в котором выражена его вера в неодолимую силу просвещения и убеждения.

Морелли, однако, не свободен от колебаний в вопросе об осуществимости необходимого перевоспитания народов. Жалуясь на силу и закоренелость предрассудков, он опасается, что мудрый законодатель не найдет последователей в своих владениях, хотя бы он имел силу и власть, равную силе и власти Петра I. Но он возлагает надежду на действие законов природы. Законы человеческой природы остаются неизменными. В области морали, говорит Морелли, природа едина, постоянна, неизменна. Поэтому всякий народ может быть приведен в согласие с законами чистой природы, если он будет «точно соблюдать то, что природа требует, и отвергать все, что она осуждает». К тому же Морелли твердо верит в прогресс — он исходит из представления о движении к совершенству, о развитии, происходящем в мире: все вещи постепенно поднимаются до своего совершенства. Все явления, говорит он, вплоть до комариного крылышка, свидетельствуют о наличии последовательного развития. Поэтому и «законы природы лишь постепенно приобретают полную власть над человечеством».

Не имея представления о закономерности общественного развития, Морелли приписывает случайности отпадение человечества от законов природы. Возвращение к господству законов природы он также связывает со случайностью — счастливым открытием истины и надлежащим воспитанием народа в духе этой истины. Лишь после

¹ Морелли, Кодекс природы, ч. II, М.—Л., 1947, стр. 87.

² Там же, стр. 123.

³ Там же, стр. 198.

длинного ряда моральных заблуждений, лишь после тысячи испытаний, образно писал Морелли, человеческий разум открывает, наконец, что ни одно положение не может быть счастливее состояния простой природы.

В такого рода взглядах Морелли на общественное развитие ярко сказывался утопический характер всех его проектов.

6. Идеи утопического социализма выражены также в произведениях Мабли.

Аббат Г а б р и э л ь Б о н н о д е М а б л и (1709—1785) — автор большого числа трудов на исторические, философские и политические темы. Среди них следует отметить в особенности «О правах и обязанностях гражданина» (написано в 1758 г., опубликовано в 1789 г.) и «О законодательстве или принципы законов» (1776 г.).

В духе естественноправового учения Мабли начинает с исследования абстрактно взятой «природы» человека. Стремясь доказать, что человек по природе — существо, способное следовать правилам морали и достигнуть нравственного совершенства, Мабли утверждает, что, хотя основным влечением нашей природы является себялюбие — эгоизм, однако, это свойство человека не мешает ему любить себе подобных, так как по природе, в силу своих потребностей, люди нуждаются друг в друге. Кроме того, в отличие от Гельвеция Мабли не считает эгоизм единственной движущей пружиной наших поступков. Человеку присущи социальные качества, влекущие его к сближению с другими. «Я замечаю в себе чувство жалости, благодарности, потребность к любви, страх, надежду, — писал он, — любовь к славе, соревнование и т. д. Сколько возможностей обуздать наше себялюбие»¹.

Из свойств человеческой «природы» Мабли пытается сделать выводы относительно общественной и политической организации. Об этом он говорит в сочинении «О правах и обязанностях гражданина». По природе людям присущ разум. Второе присущее человеку свойство — свобода, — столь же существенное для нас, как и разум, и неотделимое от него. Эти естественные свойства должны быть сохранены и укреплены с созданием государственной власти.

Выступая против сословных и имущественных различий, Мабли утверждает, что равенство — естественный закон людей.

Природа не произвела ни богатых, ни бедных. Она не создала привилегированных рас. Она не сотворила ни великих, ни малых, она не предназначила одних быть господами других.

Мабли считает, что частная собственность не соответствует «природе» людей и что она не была свойственна людям в «естественном» состоянии. Было время, утверждает он, когда не было частной собственности и все трудились сообща, распределяя продукты по потребностям.

Задачи должностных лиц при отсутствии частной собственности были иными, чем теперь. Они не имели других функций, кроме под-

¹ Г. М а б л и, О законодательстве или принципы законов, кн. I, гл. I.

держания нравственности и распределения между семьями необходимых им вещей.

Установление частной собственности повлекло все бедствия людей и породило пороки. Неравенство — источник наших пороков. «Честолюбие и жадность — не матери, если можно так сказать, а дочери неравенства»¹. Неравенство порождает также деспотизм и рабство.

Мабли считает богатство несовместимым с нравственностью. Его моральный идеал насквозь проникнут аскетизмом. Его образцом является суровая и простая жизнь спартанцев. Мабли указывает, что имущественное равенство объединяет всех людей, возвышает их душу и воспитывает их в чувствах взаимного доброжелательства и дружбы. Поэтому законодатель должен сосредоточить свое внимание на установлении равенства имуществ и состояний граждан. «Неравенство имуществ и состояний разлагает, так сказать, человека и изменяет естественные влечения его сердца», а «бесполезные для его истинного счастья желания заполняют его ум самыми несправедливыми и нелепыми предрассудками или заблуждениями»². «Чем меньше в государстве равенства, тем больше в нем тщеславия, низости, жестокости, жадности и тирании»³.

Мабли считает невозможным возвращение к первобытной общности имущества. Он полагает, что знатные и богатые будут сопротивляться установлению равенства, и вместе с тем, не питая веры в силу и решимость народа, утверждает, что бедные и незнатные не станут его добиваться вследствие унижения и нищеты, в которых они повсеместно пребывают. Поэтому он считает необходимым ограничиться реформами, лишь приближающими современное общество, насколько это возможно, к утраченному «золотому веку» первобытного коммунизма.

Мабли отмечает, что современное ему законодательство служит интересам богатей. Неравенство состояний, по его мнению, препятствует беспристрастности законов. «Мы себе создали два рода мер и весов, и, к стыду нашего разума, богатые карают смертной казнью за кражу, потому что они боятся быть обкраденными, и одобряют завоевания, потому что они сами грабят народы»⁴.

Мабли проникнут убеждением, что законы, соответствующие природе, обеспечат людям счастье. В духе приближения законов к природе Мабли разрабатывает соответствующий проект законодательства.

Вдохновляясь принципами строгого аскетизма, он считает необходимым «уменьшить потребности и благоприятствовать скромным нравам». Мабли проектирует законы против роскоши, которые

¹ Г. Мабли, О законодательстве или принципы законов, кн. I, гл. III.

² Там же, гл. II.

³ Там же, гл. I.

⁴ Там же, гл. II.

должны распространяться на мебель, жилье, стол, одежду. «Чем суровее будут законы,— уверяет он,— тем менее опасным будет неравенство имущества»¹.

Мабли требует ограничить торговлю, которой присущ, по его словам, «дух алчности» и которая порождает всякие излишества и пороки. Необходимо издание законов, затрудняющих куплю-продажу имущества.

Отмечая, что наследственное право содействует накоплению богатств, Мабли проектирует законы, воспрепятствующие передаче наследства не членам семьи и не допускающие установления отцами неравных долей для детей. При отсутствии родных у наследодателя Мабли предлагает делить наследство между неимущими.

Большое значение Мабли придает аграрным законам, призванным ограничивать размеры земельных владений.

7. Вопросы государственного строя Мабли рассматривает, исходя из договорной теории государства. Он указывает, что, покидая естественное состояние и образуя общество, люди вынуждены вместе с тем создать политическую власть, установить правителей, обеспечивающих исполнение законов. Но если они создали правительство, не способное выполнять возложенные на него задачи, если они дали «невежественным и вероломным проводникам завести себя не туда, куда следовало...», то граждане, говорит Мабли, не должны оставаться «вечными жертвами ошибки или заблуждения». Они вправе требовать уважения к своим естественным правам и сопротивляться деспотизму, так как не для подавления своей природы люди отказались от своей естественной независимости и создали правительство и законы.

Мабли делает революционные выводы из договорной теории. Граждане обязаны подчиняться общественному договору лишь до тех пор, пока король свято исполняет его. Они не могут быть лишены права стремиться к счастью, поэтому они вправе оказать сопротивление монарху, который вздумает управлять, руководствуясь своими страстями.

Мабли делает заключение о неправомерности наследственной или даже пожизненной власти. Он высказывается за демократический строй, за передачу государственной власти должностным лицам лишь на определенный срок.

Государственный строй Англии Мабли подвергает суровой критике за те широкие полномочия, которые сохраняются в руках короля. Особенно его возмущает участие короля в управлении финансами, в том числе налоговым делом, участие в законодательстве путем утверждения биллей.

Мабли — сторонник народоправства в духе Руссо, оказавшего на него несомненное влияние, но вместе с тем он приемлет и доктрину разделения властей, придавая ей, однако, иное значение и содержа-

¹ Г. Мабли, О законодательстве или принципы законов, кн. II, гл. I.

ние, чем то, какое она имела у Монтескье. Он выступает решительным противником прерогативы короля и, помимо разделения законодательной и исполнительной властей, считает необходимым осуществить разделение исполнительной власти на различные отрасли. Нельзя сохранить политическую свободу, полагает он, не учреждая столько разрядов различных должностных лиц, сколько общество имеет различных потребностей. За каждым должностным лицом должен быть установлен узкий круг полномочий. В этом смысле разделение исполнительной власти Мабли называет «самым важным искусством политики». Он считает необходимым военное управление отделить от финансового, надзор за нравами выделить особо под наименованием цензуры, объявление войны сделать делом нации, а не должностных лиц.

Идеалистически решая вопрос о развитии общества, Мабли придавал главное значение идеям, возлагая свои надежды на просвещение и устранение заблуждений. Вместе с тем он не исключал и революционного пути преобразования общества. Он оправдывает нидерландскую и английскую революции. Гражданская война, говорит он, бывает иногда великим благом. Он сравнивает гражданскую войну с ампутацией, совершенно необходимой при гангрене руки или ноги. «Политическому обществу, — заявляет Мабли, — необходимо движение, иначе оно становится трупом»¹. Порядок и покой не могут быть предпочтительнее безопасности и счастья граждан. Если гражданская война и причиняет беды, то эти беды преходящи: «Народ никогда не бывает более сильным, более уважаемым и более счастливым, чем после потрясений гражданской войны»².

Однако, допуская революционный путь преобразования общества, Мабли не мог, разумеется, указать, какие именно силы в состоянии будут произвести революционный переворот, способный привести к созданию идеального общественного строя. Вот почему осуществление коммунистического строя, при котором плоды трудов сносятся в общественные магазины и затем распределяются между гражданами согласно потребностям каждого, Мабли относит к некоему неведомому пустынному острову, где люди будут освобождены «от предрассудков и страстей Европы». «Когда я читаю, — говорит Мабли, — описание какого-нибудь путешественника о некоем пустынном острове, над которым расстилается ясное небо и по которому течет полезная для здоровья вода, у меня всегда является желание отправиться туда и основать там республику, где все богаты, все бедны, все равны, все свободны, все братья и где первым законом было бы запрещение владеть собственностью»³.

В этих словах как нельзя лучше раскрывается утопический характер взглядов Мабли.

¹ Г. М а б л и, О правах и обязанностях гражданина, Письмо третье.

² Т а м же.

³ Г. М а б л и, О правах и обязанностях гражданина, Письмо четвертое.

§ 9. Политические воззрения деятелей французской буржуазной революции XVIII века

1. Те идеи, которые были развиты французскими просветителями XVIII века, отразились в выступлениях деятелей французской революции, а также в ее законодательных актах. В речах, которые были произнесены, и документах, которые были составлены виднейшими деятелями французской буржуазной революции конца XVIII века,— в «Декларации прав человека и гражданина», в конституционных актах, изданных во время французской революции,— воспроизводились идеи Монтескье, Руссо, Гельвеция, Гольбаха. Эти идеи оказали непосредственное влияние на возникновение буржуазных политических учреждений, вызванных к жизни революцией 1789 года.

Характеризуя ход французской буржуазной революции XVIII века, Маркс говорит: «В первой французской революции за господством *конституционалистов* следует господство *жирондистов*, за господством *жирондистов* следует господство *якобинцев*... Революция движется, таким образом, по восходящей линии»¹.

Господство «конституционалистов», отражавших интересы крупной буржуазии и искавших компромисса с дворянством, ознаменовалось изданием «Декларации прав человека и гражданина» 1789 года, объявившей собственность неприкосновенным и священным правом и провозгласившей формальное равенство граждан перед законом, а также конституции 1791 года, установившей конституционную монархию. Хотя в конституции и было признано, что суверенитет принадлежит всей нации и что закон должен быть выражением общей воли, тем не менее была сохранена наследственная королевская власть и введено деление граждан на «активных» и «пассивных», то есть имеющих избирательное право и лишенных его, иными словами, введен был имущественный ценз.

Представители крупной буржуазии, господствовавшей в Учредительном собрании, широко использовали идеи французских просветителей при обосновании необходимости тех учреждений, которые должны были обеспечить господство буржуазии.

Так, видный деятель Учредительного собрания аббат Сийес в своих речах ссылаясь на принципы Руссо и положения, выдвинутые Монтескье, не усматривая при этом больших расхождений между идеями этих мыслителей. Сийес, придерживаясь принципов общественного договора, прямо заявлял, что «всякое общество может быть только делом свободного соглашения между его сочленами». В проекте Декларации, который он разработал, говорится: «Нет общества, если оно не основано на свободной воле договаривающихся».

Отстаивая идею общественного договора, Сийес объявлял себя сторонником народного суверенитета. Закон должен быть всегда

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 232.

выражением народной, общей воли. Народная воля, говорил Сийес, всегда законна. Она — источник всякой законности. Какими бы способами народ ни выявлял свою волю, это правомерно. Все способы хороши, и воля народа — верховный закон. Но он внес существенные поправки в положения Руссо, стоявшего за непосредственную демократию. Сийес отстаивал принцип народного представительства, который Руссо допускал лишь с большими оговорками. Сийес следовал Монтескье, заявлявшему, что в больших государствах немислимо обойтись без народного представительства.

У Сийеса народное представительство рассматривалось как воплощение принципа народного суверенитета.

Это не мешало ему отстаивать деление граждан на «активных», то есть имеющих избирательное право, и «пассивных», лишенных его в силу избирательного ценза. Сийес заявлял, что только граждане, платящие налоги, как «акционеры великого социального предприятия» должны пользоваться избирательными правами. Для них существует это предприятие, говорил он, для них оно работает, они дают на него средства, они должны быть и хозяевами.

2. «Конституционалисты» оказались бессильны разрешить задачи буржуазно-демократической революции. Проникнутые духом компромисса и напуганные размахом народного движения, они не решились на безвозмездную отмену всех феодальных повинностей. Не могли довести до конца дело буржуазной революции и представители крупной и средней буржуазии — ж и р о н д и с т ы. Они также не решались с корнем вырвать феодализм в деревне и медлили с разрешением аграрного вопроса. Поскольку буржуазия обогащалась на спекуляции продовольствием, они отстаивали «свободу торговли» и противились установлению твердых цен на хлеб и другие продукты первой необходимости. Наконец, они проявили нерешительность в борьбе с врагами революции, для расправы с которыми массы требовали суровых мер, революционного террора.

Жирондисты также были сторонниками идей Монтескье и Руссо. Будучи первоначально приверженцами конституционной монархии, позднее они склонились к защите буржуазной демократической республики. В речах и документах жирондистов нередко встречаются указания на то, что законы являются выражением общей воли, что суверенитет принадлежит народу, который осуществляет законодательную власть. В конституции, разработанной жирондистами (она не стала действующим законом во Франции), совершенно в духе Руссо сказано, что суверенитет принадлежит народу и что каждый гражданин имеет право участвовать в его осуществлении.

Но жирондисты не были последовательны в своем отношении к принципам буржуазной демократии. Жирондисты колебались между королевской властью и демократией; они тщетно искали компромисса с прошлым, пытались остановить развитие революции. Они пали, народ смел их со своего пути.

3. Идеи Руссо полнее всего отразились в речах и различного рода документах я к о б и н ц е в, которые, опираясь на городскую

и деревенскую бедноту, смели со своего пути жирондистов и довели до конца дело разгрома контрреволюции и ликвидации феодализма во Франции.

В яacobинской «Декларации прав человека и гражданина» 1793 года сказано: «Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли». Статья 10 яacobинской конституции 1793 года гласит: «Народ обсуждает и постановляет законы», и в соответствии с этим в конституции предусмотрено, что законодательные акты («проекты законов»), принятые законодательным корпусом, должны поступать на утверждение избирателей (так называемых «первичных собраний»).

Вождь яacobинцев **Максимилиан Робеспьер** (1758—1794) считал себя учеником Руссо. В своей речи в Учредительном собрании по поводу проекта конституции Робеспьер утверждал, что необходимо исходить из принципа самодержавия народа. «Все должностные лица,— говорил он,— являются лишь уполномоченными народа, его приказчиками, которых он может назначать и смещать в любой момент».

Формой правления во Франции, по его мнению, с точки зрения принципа народного суверенитета может быть только демократическая республика. Робеспьер решительно выступал против введенного в Конституцию 1791 года имущественного ценза. Он высказывался за срочность полномочий должностных лиц, говорил, что они должны нести судебную ответственность за свою деятельность, отчитываться перед народом. Робеспьер выдвинул мысль, что в государстве не должно быть резкого обособления правящих и управляемых. Он высказывался против кастовости чиновничества, против профессиональных политиков, парламентариев, считал, что всякий гражданин, будь он простой земледелец или мелкий ремесленник, может и должен уметь управлять.

Когда контрреволюция, перейдя в наступление, стала угрожать завоеваниям буржуазной революции, Робеспьер со всей энергией выступил на защиту революционного правительства, наделенного более широкими полномочиями, чем обычное, и менее стесненного в своих действиях. «Революция,— говорил Робеспьер в своем докладе Конвенту,— это борьба свободы против ее врагов; конституция — это правление свободы, уже одержавшей победу и установившей мир». При конституции можно почти ограничиться защитой отдельных лиц от насилия государственной власти; при революционном строе сама государственная власть вынуждена защищаться против всех клки, которые на нее нападают. Революционное правительство опирается на самый священный из всех законов — спасение народа, на самый непоколебимый из всех принципов — необходимость.

Подобно Руссо, яacobинцы признавали частную собственность неизблемым принципом общественного строя. По мнению Робеспьера, собственность — это право каждого гражданина пользоваться и располагать той долей благ, которая обеспечена ему законом.

Равенство, на котором Робеспьер так решительно настаивал, было отнюдь не имущественным, а чисто формальным. «Санкюлоты,— говорил Робеспьер,— ... никогда не претендовали на равенство имущества; они настаивали только на равенстве прав и счастья»¹. Это было буржуазное понимание равенства: формальное равенство при фактическом неравенстве людей в обществе. Имущественное равенство Робеспьер объявлял «химерой».

Однако Робеспьер считал необходимым поставить некоторые границы праву частной собственности. В проекте Декларации, им предложенном, говорилось, что право собственности должно быть ограничено обязательством уважать права других лиц, что оно не должно наносить ущерба ни безопасности, ни свободе, ни существованию, ни собственности наших ближних.

Выражая настроения якобинцев, Робеспьер вслед за Руссо высказывался против резкого имущественного неравенства, против того, чтобы богатства сосредоточивались в руках немногих. Критикуя статьи жирондистского проекта Декларации прав человека и гражданина, относящиеся к праву собственности, Робеспьер говорил, обращаясь к авторам проекта: «Вы не сказали ни слова, чтобы определить сущность этого права и его законные границы; поэтому ваша декларация, по-видимому, издается не для всех людей, а только для богатей, скупщиков, тиранов и спекулянтов»².

С негодованием обрушиваясь на махинации торговцев продовольствием, Робеспьер высказывается решительно против свободы торговли предметами первой необходимости. «Никто не имеет права хранить груды ржи,— говорил он,— когда его ближний умирает от голода». Потребность людей в продовольствии также священна, как сама жизнь и все, что необходимо для спасения жизни, является общим достоянием всего общества. «Я вовсе не отнимаю у богатых людей честной прибыли или законной собственности,— говорил он,— я только лишаю их права наносить вред собственности других. Я уничтожаю не торговлю, а разбой монополистов; я осуждаю их лишь на то, чтобы они давали возможность жить своим ближним»³.

Робеспьер включил в свой проект Декларации требование социального обеспечения бедных. «Общество,— гласил его проект,— должно обеспечить существование всех своих членов, доставляя им работу или же обеспечивая средства существования тем из них, которые не в состоянии трудиться. Необходимая помощь тому, у кого недостает необходимого, долг того, у кого есть излишек: закон указывает способ, каким этот долг должен уплачиваться».

4. Выдающимся руководителем якобинцев, неизменно призывавшим к непримиримой борьбе с контрреволюцией, был Ж а н

¹ Новая история в документах и материалах, М., 1935, т. 1, стр. 207.

² Там же, стр. 205.

³ Там же, стр. 154.

Поль Марат (1743—1793). Еще в 1774 году, за пятнадцать лет до революции, он опубликовал в Англии памфлет «Цепи рабства», в котором подверг резкой критике монархический государственный строй и открыто призывал к восстанию.

Происхождение деспотизма Марат связывал с расцветом промышленности и торговли. Вместе с делением общества на богатых и бедных в результате насилия выдвигаются правители, которые, опираясь на богатых, стремятся укрепить существующее неравенство. Короли поддерживают угнетение народа. Пока существуют короли, говорит Марат, народ будет находиться в цепях рабства и не сможет быть счастливым.

Марат открыто призывает к революции и разрабатывает ее программу. Для успеха восстания он считает необходимым, чтобы оно стало всеобщим, чтобы во главе восставших стоял испытанный вождь, которого не могли бы подкупить враги народа, и чтобы строгая дисциплина царила среди восставшего народа.

Марат клеймит монархию в самых уничтожающих выражениях: монарх стремится быть «устрашением человеческого рода», его великое искусство — это «умение истреблять людей», под его жестокой рукой «все трепещет, изнемогает, стонет». Великое множество полицейских приставов, сыщиков, прислужников, наемных шпионов служит ему для порабощения и закрепощения народа. Все это противоречит естественным правам человека и суверенитету народа.

Отстаивая демократические принципы организации государственной власти, Марат выдвигает как основное и бесспорное положение, что верховная власть во всяком государстве принадлежит совокупности всей нации, что нация и есть источник всякой законной власти. Он высказывается поэтому за всеобщее избирательное право и с негодованием обрушивается на декрет Учредительного собрания, вводивший имущественный ценз и устанавливавший деление граждан на «активных» и «пассивных». Он клеймит этот декрет не только как несправедливый и нелепый, но и как «акт неблагодарности, самой черной неблагодарности, о какой только упоминает история какого-либо народа; он безобразит летописи революции французского народа, покрывает позором первый год эры свободы»¹.

Подобно Руссо, Марат считает, что принятие законов народными представителями не является окончательным, законы должны утверждать нация.

Еще до революции Марат разработал план уголовного кодекса. В нем он подверг суровой критике действующее уголовное право и выдвинул принципы нового уголовного права. Марат требует соразмерности наказаний тяжести преступлений и протестует против суровых наказаний, устанавливаемых уголовными законами того времени.

¹ М а р а т, Памфлеты, «Академия», 1934, стр. 466.

В своей критике Марат поднимается до понимания угнетательской сущности права в современном ему обществе. «Окиньте взором все народы мира, и что вы увидите? Никого, кроме презренных рабов и властных, надменных господ. Разве не являются законы приказами тех, которые управляют?» Даже в тех странах, где совершилась революция, «честный человек отдается во власть ловкого мошенника, бедный — на милость богатого... наконец, законы, самые законы склоняются перед сильным»¹. Власть законов является, по словам Марата, «не чем иным, как скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством». «Повсюду бедный не считается ни во что; кажется даже, что законодатели потеряли по отношению к нему всякое чувство человечности»².

После бегства короля Марат требовал назначения верховного диктатора, высказывался за избрание трибуна, призванного расправиться с изменниками и врагами народа. Подобно Робеспьеру, он защищал идею наделенного широчайшими полномочиями революционного правительства и требовал энергичных и самых решительных мер против контрреволюции.

Марат разоблачал половинчатую и нерешительную политику Учредительного собрания — этого «загробного детища деспотизма». Он раскрывал его враждебное отношение к дальнейшему развитию революции и утверждал, что декреты, проводимые этими «мнимыми представителями народа», пагубны и имеют целью лишь вернуть монарху верховную власть и восстановить деспотизм. Он неустанно призывал к бдительности, разоблачал все коварные махинации контрреволюционеров, указывал на их «гнусные козни», заговоры, «бесстыдные интриги» и требовал самых «суровых решений против врагов родины».

После того как контрреволюция перешла в наступление, поднимая восстания в отсталых частях страны, Марат писал: «Я сто раз докладывал Национальному собранию, что ему никогда не удастся упрочить свободу, если оно предварительно не истребит контрреволюционных вожаков. Мудрость моих советов будет понята слишком поздно... лишь тогда, когда будет истреблено пятьсот тысяч патриотов, все поймут, наконец, что только предложенный мною способ мог спасти родину».

Политические идеи якобинцев нашли отражение в якобинской конституции 1793 года, не вступившей в действие из-за войны, начатой врагами революции. Эта конституция вводила всеобщее и равное избирательное право и предусматривала избрание Законодательным корпусом высшего органа исполнительной власти — Исполнительного совета. Это была буржуазно-демократическая конституция, отбрасывавшая принцип разделения властей и пытавшаяся возможно полнее воплотить в жизнь принцип народного суверенитета.

¹ М а р а т, Памфлеты, «Академия», 1934, стр. 166, 167.

² Т а м же, стр. 167, 168.

Великая заслуга якобинцев состоит в том, что в 1793 году они были вместе с революционным народом, прислушивались к требованиям деревенской и городской бедноты и отражали эти требования в своей политической программе. Якобинская диктатура, установившаяся 31 мая — 2 июня 1793 г., опиралась на поддержку народных масс и приняла характер «диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии»¹. «Историческое величие настоящих якобинцев, якобинцев 1793 года, состояло в том, что они были «якобинцы с народом», с революционным *большинством* народа, с *революционными* передовыми классами *своего* времени»².

Однако более непосредственными выразителями интересов плебейских масс в революции были не якобинцы, ограничивавшиеся в своей программе в основном идеями мелкобуржуазной демократии, а «бешеные», требовавшие включения в конституцию социально-экономических требований, в том числе воспрещения спекуляции под страхом смертной казни.

Выступая в Конвенте 25 июня 1793 г., один из руководителей «бешеных» — Жак Ру говорил: «Свобода — лишь пустой призрак, когда один класс людей может морить другой голодом. Равенство — пустой призрак, когда богатый путем скупки получает право над жизнью и смертью своих ближних. Республика — пустой призрак, когда контрреволюция со дня на день завладевает ценами на продукты, к которым три четверти граждан не может прикоснуться, не проливая слез».

Представители «бешеных» (Леклерк, Ру и др.) предлагали осуществить национализацию земли, с тем чтобы участок земли мог быть предоставлен каждому желающему его обрабатывать.

Маркс, указывая, что революционное движение во Франции вызвало к жизни коммунистическую идею, в числе носителей этой идеи называет руководителей «бешеных» — Леклерка и Ру³.

§ 10. Утопический социализм Бабефа

1. После контрреволюционного переворота 9-го термидора идеи утопического социализма отразились в революционном выступлении, выражавшем интересы и настроения французского предпролетариата. Это выступление известно под именем «Заговора во имя равных» и связано с именем Ф р а н с у а (или, как он называл себя, Гракха) Б а б е ф а (1760—1797).

Рано осиротев, Бабеф в молодые годы много скитался, работал одно время в качестве поденщика, затем помощника землемера. С начала революции Бабеф начал энергичную борьбу против феодального строя, феодальных повинностей и за раздел общинных земель. Агитация против косвенных налогов в 1790 году повлекла

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 38.

² В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 495.

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 132.

его заключение в тюрьму, из которой он был освобожден по настоянию Марата.

За свои решительные выступления он неоднократно подвергался арестам. Приступив к изданию «Журнала свободы печати», переименованного им с октября 1794 года в «Народный трибун», Бабеф повел в нем кампанию против термидорианского правительства. В ноябре 1795 года он был арестован за призыв «к мятежу, убийствам и роспуску национального правительства». По освобождении Бабеф возобновил прекратившееся издание «Народного трибуна» и организовал клуб «Пантеон», где широко пропагандировал свои взгляды. Позднее он со своими единомышленниками создал тайную организацию для подготовки восстания против Директории и для установления нового общественного и политического строя. Заговор был раскрыт вследствие доноса проникшего в тайную организацию предателя. Бабеф был арестован и казнен.

Бабеф, как и его сторонники — бабувисты, критиковал формальное, «бумажное» равенство перед законом, «красивую и бесплодную фикцию закона» и противопоставлял формальному равенству имущественное. Он нападал на «фальшивых и корыстных защитников» формального равенства. Его не удовлетворяла буржуазная революция, сохранившая в неприкосновенности противоположность богатства и бедности. Бабувисты призывали к новой, более глубокой революции.

Революция не доведена до конца, говорил Бабеф, так как не сделано ничего для обеспечения народного счастья, и, наоборот, сделано все, чтобы заставить народ проливать свой пот и свою кровь, собираемые в золотые сосуды кучкой ненавистных богачей. Революцию надо продолжать. Ее цель — уничтожить неравенство, установить всеобщее счастье. Бабеф был убежден в том, что «французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней»¹.

Бабеф объявляет равенство первым требованием природы. Это — «главная потребность человека, главный узловой пункт всякой законной ассоциации». «Мы претендуем,— говорит Бабеф в «Манифесте равных»,— на то, чтобы жить и умирать равными, подобно тому, как мы родились ими. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо»².

Причина всякого неравенства — частная собственность. «Несчастья и рабское положение проистекают от неравенства, а неравенство — от собственности. Собственность, следовательно, есть величайший бич общества; это поистине общественное преступление»³.

Забвение естественного равенства повлекло вырождение человеческого рода, насилия, беспорядки, войны, тиранию одних

¹ Ф. Буонаротти, Заговор во имя равенства, т. II, М.—Л., 1948, стр. 142.

² Там же, стр. 141—142.

³ Там же, стр. 156.

и угнетенное положение других. Неравенство и угнетение — синонимы.

Упразднение частной собственности и установление общности имущества и труда — единственное средство навсегда устранить неравенство и искоренить все проистекающие из него предрассудки и бедствия.

Бабеф выдвигает принцип обязательности труда. Труд должен стать обязательным для всех, а продукты его должны признаваться достоянием всего общества. «Природа,— говорит он,— возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не может уклониться от труда, не совершив тем самым преступления». Принцип равенства Бабеф связывает с всеобщей обязанностью труда. Равенство — это «общий для всех труд; общее пользование его плодами»¹.

В обществе, к созданию которого призывает Бабеф, производство и потребление станут общественными, вследствие чего исчезнет навсегда «возмутительное деление на богатых и бедных, больших и малых, господ и слуг, правящих и управляемых».

Бабеф объявляет, что в этом новом обществе исчезнут основания для алчности и вместе с тем отпадет всякий мотив к беспокойству за будущее, «будет устранена причина значительной части забот и печали, терзающих сердце цивилизованного человека»². Общество будет избавлено «от судебных процессов, от ненависти, зависти, от всех пагубных последствий частной собственности»³.

Равенство Бабеф толковал в духе грубой уравнительности. В проекте подготовленного им экономического декрета одна из статей гласит: «Великая национальная община содержит всех своих членов в одинаковом и честном среднем достатке. Она доставляет им все, в чем они нуждаются». Бабеф решительно исключал различия «в ценности и почетности отдельных видов человеческого труда» и в вознаграждении за труд. Он считал недопустимым получение кем-либо продуктов свыше средней доли, приходящейся на члена общины. Равенство он считал несовместимым с учетом интенсивности труда и количества производимых предметов. Он говорил, что новый строй не будет признавать никаких различий, кроме различий возраста и пола.

Эта уравнительность, враждебная экономическому прогрессу и росту производительных сил, находит свое выражение в призывах к простоте быта и снижению уровня потребностей.

Каждому члену общины, по проекту Бабефа, обеспечиваются полезная для здоровья, удобная и прилично меблированная квартира, одежда для работы и отдыха, освещение и отопление, а также достаточное количество пищевых продуктов и прочих предметов, составляющих «умеренный и скромный достаток».

¹ Ф. Буонарроти, Заговор во имя равенства, т. II, М.—Л., 1948, стр. 152.

² Там же, т. I, М.—Л., 1948, стр. 302.

³ Там же, т. II, М.—Л., 1948, стр. 233.

Каждый гражданин должен получить за труд «средства к удовлетворению его естественных потребностей, как и немногих искусственных потребностей, удовлетворять которые могут все»¹.

Больших городов не будет, страна покроется деревнями, легко общающимися между собой. Пышные дворцы уступят место простым, но удобным и чистым жилищам, а великолепные здания будут сохранены для общественных складов, цирков, библиотек и различных государственных учреждений.

Бабеф высказывается за организацию социалистического хозяйства в масштабе целой страны, обширной республики с населением в несколько миллионов человек. Он разрабатывает план создания национальной общины, которой передаются имущества, перешедшие во время революции к государству, общинные земли, а также имущества врагов революции и др. Все вступающие в общину отдают ей добровольно свое имущество. Остальные граждане, то есть те, кто пожелает сохранить свое хозяйство, рассматриваются как иностранцы и не пользуются политическими правами.

Каждый член национальной общины обязан трудиться «в области сельского хозяйства и полезных ремесел, на которые он способен». Лица, занимающиеся одним и тем же промыслом, составляют особый класс общины с особыми должностными лицами, руководящими работами и их распределяющими. Тяжелые работы возлагаются на граждан равномерно, в порядке очереди. Наука должна облегчить человеческий труд путем изобретения новых машин и усовершенствования старых.

2. Бабеф не ограничился изложением принципов будущего общественного строя, а попытался также решить вопрос о путях его осуществления. Практические задачи перехода к новому обществу особенно приковывают внимание бабувистов. Здесь продуманы не только детали революционного переворота, но и все меры, которые должны быть приняты революционным правительством для того, чтобы обеспечить осуществление новых общественных отношений.

Бабеф возглавил созданную для подготовки и организации восстания «тайную директорию общественного спасения». Были предусмотрены мероприятия, способные обеспечить связь революционной организации с народом.

Хотя у бабувистов не было еще правильных представлений о классах общества и об исторической роли пролетариата, однако они рассчитывали на поддержку народных масс и искали связи с рабочими. Но неясные представления о сущности общественных противоречий и непонимание исторической роли рабочего класса приводили к тому, что вместо организации массовой партии пролетариата бабувисты замыкались в рамки тайного общества, подготавливавшего восстание, к которому по сигналу заговорщиков должен будет примкнуть народ.

¹ Ф. Буонаротти, Заговор во имя равенства, т. 1, М.—Л., 1948, стр. 153.

Восставший народ призывался завладеть государственным казначейством, почтой, правительственными зданиями и всеми общественными и частными складами продовольствия и военной амуниции.

В результате переворота бабувисты предполагали установить временную революционную власть, призванную управлять страной в течение всего переходного периода, впредь до установления коммунизма. Это должна была быть революционная диктатура, подобная диктатуре якобинцев.

Бабувисты при этом не считали возможной немедленную отмену частной собственности. Они намечали переходные меры, которые должны были через некоторое время привести к полному торжеству общественной собственности. В числе этих предварительных мер они предполагали раздачу беднякам имущества эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа, вселение неимущих в дома заговорщиков и передачу им мебели последних, возврат неимущим бесплатно всех вещей, заложенных в ломбардах, отмену денег, наследственного права, введение высокого прогрессивного налога и т. д.

Бабувизм возник под непосредственным влиянием событий французской революции 1789—1794 гг. Бабувисты, разделяя присущие всем их предшественникам — утопическим социалистам — идеалистическое представление об общественном развитии и изображая будущий идеальный строй как осуществление «естественного» равенства, признавали, однако, в отличие от Мабли и Морелли, революционный переворот необходимым условием осуществления новых общественных отношений. Они находили недостаточным распространение просвещения, которое считали лишь одним из условий успешной борьбы.

Не отдавая себе отчета в действительной классовой структуре современного общества, Бабеф и его последователи рассматривали тем не менее всю предшествующую историю как непрерывную борьбу «между патрициями и плебеями, между бедными и богатыми», указывая, что временами, когда большинство доведено до нетерпимого положения, эта борьба переходит в открытое восстание бедных против богатых. Бабеф находил, что в его время вполне созрели условия для коренного переворота, что «пагубные последствия права собственности достигли крайних пределов». «Дерево готово рухнуть от первого серьезного толчка», — говорил он.

Заговор Бабефа был самостоятельным революционным выступлением предшественников революционного пролетариата Франции.

Однако бабувизм имел тот же утопический характер, какой имели и все другие рассмотренные нами учения французских социалистов XVIII века. Все они проникнуты чертами мелкобуржуазной ограниченности, проповедуют грубо уравнилельный, аскетический коммунизм, в котором отражался невысокий уровень развития французской промышленности с преобладанием в ней труда мелкого производителя. Все они исходят из отсталых форм

производства, все они, провозглашая принцип уравнительного распределения, стремятся ограничить круг потребностей, соответственно сравнительно невысокому уровню развития производительных сил.

В их учениях явно проглядывает неспособность выйти в своих проектах за пределы мелкого ремесленного производства.

Какаясь ранних социалистических учений, Энгельс говорит: «... при каждом крупном буржуазном движении вспыхивали самостоятельные движения того класса, который был более или менее развитым предшественником современного пролетариата». К числу такого рода движений Энгельс относит и движение Бабефа. Он продолжает: «Эти революционные вооруженные выступления еще не созревшего класса сопровождались соответствующими теоретическими выступлениями; таковы утопические изображения идеального общественного строя в XVI и XVII столетиях, а в XVIII столетии — уже прямо коммунистические теории (Морелли и Мабли). Требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий. Аскетически суровый, спартанский коммунизм [запрещавший всякое наслаждение жизнью] был первой формой проявления нового учения»¹.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К. и Энгельс Ф., Согласительное заседание 4 июля, Соч., т. 5, с. 199—207.

Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., т. 2, с. 132-148.

Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3.

Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 8.

Энгельс Ф., Анти-Дюринг, М., 1957.

Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, М., 1955.

Энгельс Ф., Празднество наций в Лондоне, Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2.

Ленин В. И. Переход контрреволюции в наступление, Соч., т. 24, с. 494—496.

Ленин В. И., О врагах народа, Соч., т. 25, с. 41—42.

Ленин В. И., Можно ли запугать рабочий класс «якобинством?», Соч., т. 25, с. 101.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, с. 473.

Источники

Руссо Ж. Ж., О причинах неравенства, СПб., 1907.

Руссо Ж. Ж., Об общественном договоре, или принципы политического права, М., 1938.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 18.

- Ш. Монтескье, Избранные произведения, М., 1955.
- Гельвеций К. А., О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., Соцэкгиз, 1938.
- Мелье Ж., Завещание. Вступительная статья В. П. Волгина, тт. I—III, М., Издательство Академии наук СССР, 1954.
- Морелли, Кодекс природы или истинный дух ее законов. Вступительная статья В. П. Волгина, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1947.
- Мабли Г., Избранные произведения. Вступительная статья В. П. Волгина, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1950.
- Буонарроти Ф., Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа. Вступительная статья В. П. Волгина, тт. I—II, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1948.
- Вольтер, Избранные произведения. Вступительная статья В. П. Волгина, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1947.
- Вольтер, Избранные произведения по уголовному праву и процессу, Госюриздат, М., 1956.
- Вольтер, Статьи и материалы, под ред. В. П. Волгина, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1948.
- Ж. П. Марат, Избранные произведения, тт. I—III, Издательство Академии наук СССР, М., 1956; Ж. П. Марат, Памфлеты 1934; Ж. П. Марат, План уголовного законодательства, М., 1951.
- «Декларация прав человека и гражданина» 1793 г. («Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII—XIX вв.», М., 1957, с. 330—333).

Д о п о л н и т е л ь н а я

- Волгин В. П., Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в., М., 1958.
- Бернадинер Б. М., Социально-политическая философия Ж. Ж. Руссо, Воронеж, 1940.
- Кечекьян С. Ф., Политические и правовые взгляды Монтескье, «Советское государство и право» 1955 г. № 4.
- Момджян Х. Н., Философия Гельвеция, М., 1955.
-

ГЛАВА XIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В США В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

§ 1. Война американских колоний за независимость и образование Соединенных Штатов Америки. § 2. Александр Гамильтон.
§ 3. Томас Джефферсон. § 4. Томас Пэн

§ 1. Война американских колоний за независимость и образование Соединенных Штатов Америки

1. В английских колониях, созданных на территории современных Соединенных Штатов Америки в XVII веке и первой половине XVIII века, капиталистические отношения развивались более быстрыми темпами, чем в странах европейского материка, где феодальный способ производства еще сохранял свое господствующее положение.

В северных колониях Новой Англии успешно развивались ремесла, мануфактурное производство, судостроение, складывалась и крепла крупная торгово-промышленная буржуазия. Обширные территории колоний на Западе Америки представляли наибольшие удобства для быстрого роста сельского хозяйства, основанного на труде свободных фермеров. Особенностью экономики южных колоний, производивших табак, рис, индиго и другие культуры, являлось то, что она базировалась на варварской эксплуатации европейскими плантаторами труда негров-рабов.

Развитие капитализма как в северных, так и в южных колониях сопровождалось беспощадным ограблением и бесчеловечным истреблением «цивилизованными» европейцами коренного индейского населения.

В административно-политическом отношении большинство колоний (Нью-Гемпшир, Массачусетс, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Виргиния, Северная и Южная Каролина, Джорджия) во второй половине XVIII века было непосредственно подчинено английской короне и управлялось губернаторами, назначаемыми английским королем.

Процесс хозяйственного развития в американских колониях неизбежно приводил ко все усиливавшемуся обострению противоречий между колониями и английской метрополией.

Торговая палата в Лондоне, осуществлявшая функции управления делами колоний, оберегая монопольные права лендлордов и буржуазии английской метрополии, всячески препятствовала росту промышленности, сельского хозяйства и торговли в колониях. Колониям было запрещено основывать новые мануфактуры, способные конкурировать с английскими. Они не имели права торговать вне британских владений, за исключением некоторых, установленных английскими властями, пунктов. Иностранцам не разрешалось также вести торговлю непосредственно с отдельными колониями. Кроме того, ряд неосвоенных земельных массивов в колониях был объявлен собственностью английской короны с запрещением колонистам переселяться на эти земли. Этой мерой преследовалась цель обеспечить торговой буржуазии метрополии монополию торговли с индейцами и воспрепятствовать уходу колонистов с земель крупных английских собственников на свободные земли Запада.

2. К 70-ым годам XVIII века противоречия между английской метрополией и колониями достигли резкого обострения, что и нашло свое яркое проявление в войне американских колоний против Англии за свою независимость (1775—1783).

По своему характеру война за независимость носила прогрессивный характер: «Это была война американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...»¹. Американский народ, отмечал Ленин, дал в этой войне образец революционной войны против феодального рабства². Победоносный исход войны американских колоний против английской метрополии был предрешен активнейшим участием в этой войне широких народных масс, боровшихся за справедливое дело, за завоевание политической независимости своей родины. «Декларация независимости Соединенных Штатов Америки» (4 июля 1776 г.) провозгласила, что «Соединенные колонии суть, и по праву должны быть, свободные и независимые штаты, что они освобождены от всякого подданства британской короне и что всякая политическая связь между ними и государством Великобритании должна быть и является совершенно уничтоженной; и что, как свободные и независимые штаты, они имеют полную власть объявлять войну, заключать мир, вступать в союзы, устанавливать торговлю и со-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 44.

² См. там же, стр. 45.

вершать все другие акты и дела, которые независимые государства могут совершать по праву»¹.

Историческое значение Декларации и заключается в том, что в ней было провозглашено и юридически закреплено право американского народа на образование своего независимого, суверенного государства, оформленного сначала в виде конфедерации штатов, а затем их федерации — Соединенных Штатов Северной Америки.

Однако плодами победы в борьбе за независимость, завоеванной кровью народных масс, воспользовались в первую очередь крупная торгово-промышленная буржуазия Севера и плантаторы-рабовладельцы Юга. Трудящиеся слои населения — мелкие фермеры, ремесленники, рабочие мануфактур — в результате завоевания независимости не добились сколько-нибудь существенного улучшения своего материального положения. Непосредственно после окончания военных действий против английских войск социальные противоречия между участниками борьбы за независимость — мелкими фермерами, ремесленниками, рабочими, с одной стороны, и торгово-промышленной буржуазией и плантаторами, с другой — нередко достигали резкого обострения и выливались в народные восстания. Крупнейшим из этих восстаний было восстание в штате Массачусетс в 1786—1787 гг. под руководством Дениэля Шейса, перекинувшееся вскоре и на соседние штаты.

Восставшие в ряде пунктов захватили власть, изгнали богатей, уничтожили судебные акты о взыскании налогов и продаже земель бедняков за долги и потребовали объявить землю общим достоянием, создать специальные кредитные банки и выпустить бумажные деньги под обеспечение специальных земельных участков и т. д. Восстание Шейса было жестоко подавлено военной силой.

Такова была историческая обстановка, в условиях которой сложились основные направления политической мысли американского общества в период борьбы за независимость. Эта идеология выражала противоречивые интересы различных социальных групп, участвовавших в войне против английской метрополии, и оказала определенное влияние на возникшие в результате победоносного исхода данной войны и закрепленные в конституции США 1787 года буржуазные политические и правовые учреждения.

Антинародные политические устремления крупной американской буржуазии нашли «теоретическое» обоснование и выражение в работах и выступлениях Гамильтона, Мэдисона, Джея и других «федералистов»². Одним из важнейших пунктов политической

¹ Сборник «Конституции буржуазных стран», т. I, М.—Л., 1935, стр. 18.

² Это наименование связано с названием издания «Федералист», в котором в 1787—1788 гг. была напечатана серия статей Гамильтона, Мэдисона и Джея по вопросам организации государственного строя США.

программы «федералистов» являлось требование всемерного упрочения и укрепления централизованной федеральной власти, способной всесторонне охранять интересы крупной буржуазии и быть надежной политической силой в борьбе с демократическим движением трудящихся масс. «Федералисты» стремились максимально ограничить политические права и свободы трудящихся масс, в частности путем создания сильного аппарата исполнительной власти и установления высоких имущественных цензов для избирателей.

В борьбе против антинародной политической идеологии «федералистов» складывалось и выросло прогрессивное, буржуазно-демократическое направление политической мысли. Это направление, представленное именами таких передовых политических мыслителей и деятелей, как Томас Джефферсон и Томас Пэн, отражало чаяния мелкой буржуазии, фермерства, ремесленников и рабочих. Опираясь на массовое движение за принятие демократических поправок к конституции 1787 года, лидеры прогрессивного направления требовали демократизации государственного строя США, расширения прав и свобод граждан, всеобщего избирательного права и т. д. Как известно, именно под давлением массового народного движения в 1791 году к тексту конституции 1787 года были приняты десять поправок, провозглашавшие отдельные буржуазно-демократические права и свободы граждан США.

§ 2. Александр Гамильтон

В статьях Александра Гамильтона (1757—1804), напечатанных в «Федералисте», нашли выражение стремления американской буржуазии закрепить в конституции создание мощной федеральной власти, наделенной чрезвычайно широкими полномочиями для подавления сопротивления народных масс и для обеспечения их беспрепятственной эксплуатации. Так, в № 8 «Федералиста» Гамильтон, обосновывая необходимость крепкой централизованной федеральной власти, откровенно писал: «Крепкий Союз послужит барьером против внутренних раздоров и восстаний». Соратник Гамильтона по «Федералисту» — Мэдисон также подчеркивал: «Мы видим необходимость Союза, как оплота против внешней опасности, как хранителя внутреннего мира, как попечителя нашей торговли и других общих интересов и как надлежащее противодействие против внутренних раздоров».

Гамильтон был сторонником организации в США конституционной монархии по образцу английской. Однако он допускал в порядке исключения и возможность создания в США республики, но при условии, что во главе исполнительной власти будет находиться президент, избираемый пожизненно и наделенный весьма широкими полномочиями.

Требую закрепить в конституции США создание мощной централизованной исполнительной власти, а также сильной федеральной судебной власти, фактически независимых от власти законодательной, Гамильтон пытался теоретически обосновать это требование путем реакционной интерпретации известного положения Монтескье о необходимости разделения властей в государстве. По мнению Гамильтона, осуществление этого положения должно служить гарантией против «случайностей» и против «произвольных» решений, которые могут быть приняты законодательными органами под давлением народных масс.

Страхом перед народными массами и стремлением к всемерному укреплению диктатуры буржуазии обусловлена также нашедшая свою реализацию в государственном строе США и оформленная в конституции 1787 года идея Гамильтона и других «федералистов» о наделении исполнительной власти в лице президента исключительно широкими полномочиями в важнейших вопросах государственной жизни и о фактической безответственности назначаемых президентом министров перед парламентом. Отсюда же берет свои корни и идея организации второй палаты — сената — как тормоза, препятствующего принятию конгрессом нежелательных правительству законов.

Гамильтон откровенно формулировал антидемократический вывод, что для обеспечения государства от последствий «непостоянства» и «неразумности» народных масс имущим, богатым классам должно быть предоставлено руководящее и постоянное участие в государственном управлении путем введения высокого имущественного ценза.

Гамильтон был также защитником рабства негров.

Политическая идеология Гамильтона выражала интересы крупной американской буржуазии, стремившейся в своих узкокорыстных классовых целях подавить сопротивление эксплуатируемых народных масс и максимально использовать плоды победы в борьбе за независимость для окончательного закрепления своего политического господства в стране.

§ 3. Томас Джефферсон

Т о м а с Д ж е ф ф е р с о н (1743—1826) — прогрессивный американский политический мыслитель и деятель, автор проекта «Декларации независимости Соединенных Штатов» 1776 года. Следует отметить, что в проект Декларации Джефферсон включил специальный пункт, осуждавший рабовладение как «противное человеческой природе». Однако под давлением рабовладельческих кругов Юга и других реакционных сил этот пункт был исключен. Лидер прогрессивных кругов населения южных колоний, Джефферсон выступил с резкой критикой антинародной политической концепции Гамильтона и его сторонников.

В своей борьбе против «федералистов» Джефферсон подверг критике положение Монтескье о преимуществах конституционной монархии в сравнении с республикой, положение, на которое опирались «федералисты».

В частности, опровергая тезис Монтескье, что республика как политическая форма встречает затруднения в больших странах, Джефферсон, ссылаясь на опыт первых лет деятельности американской республики, доказывал, что для существования республики как раз жизненно необходимо наличие большой территории.

Джефферсон подверг обстоятельной критике антидемократические черты конституции США 1787 года. В письме к Мэдисону в 1787 году он прямо указывал, что «большим недостатком конституции является отсутствие в ней билля о правах, в частности свободы слова, печати, религии». В другом своем письме, обобщая содержание наиболее существенных возражений, выдвигавшихся демократическими кругами против ряда положений конституции, Джефферсон, разоблачая «федералистов», подчеркивал, что в «конституции не обеспечена свобода печати, что президент может по конституции переизбираться любое число раз и превратиться, таким образом, в пожизненного монарха».

В основе политической идеологии Джефферсона лежала прогрессивная трактовка естественноправовой теории. Джефферсон был хорошо знаком с лучшими произведениями передовой политической мысли того времени, с трудами Мильтона, Локка, Монтескье, Вольтера, Гольбаха, Гельвеция и др. Джефферсон с большим сочувствием относился к политическим взглядам демократического, левого крыла французских просветителей, в частности Мабли. Он подчеркивал превосходство передовой французской политической мысли над английской, «не решающейся задумываться над такими величайшими нелепостями, как алтарь и трон». Джефферсон считал победу французской революции 1789 года одним из самых выдающихся исторических событий своего времени. Он, в частности, считал справедливым актом казнь Людовика XVI, заявляя, что монарх, как и всякий другой человек, совершивший преступное деяние, подлежит наказанию. Джефферсон был горячим поборником идеи народного суверенитета. Опираясь на теорию договорного происхождения государства, Джефферсон последовательно развивал положение о том, что народ является единственным источником государственной власти и образует правительство для своей пользы. В Декларации независимости в этой связи прямо подчеркивалось, что правительство устанавливается с согласия управляемых, в интересах гарантирования и защиты естественных и неотъемлемых прав людей, для их общей пользы. Идеалом Джефферсона было свободное развитие мелкособственнического трудового фермерского хозяйства в условиях демократической республики, которую он считал панацеей от всех социальных противоречий и бедствий.

В произведении «Заметки о Виргинии» Джефферсон заявил, что «все добродетели исходят от земли», что сельское хозяйство играет решающую роль в экономике. Отправляясь от этого положения, он формулирует тезис, что «труженики земли», под которыми он подразумевал свободных фермеров, являются «избранным богом народом», подлинной основой демократической республики. Вместе с тем Джефферсон выступал против антидемократических тенденций учения представителей физиократической школы, в особенности их положения, что политические права должны предоставляться членам общества в соответствии с наличием у них собственности, имущественного ценза.

Критикуя под этим углом зрения проект конституции для южноамериканских республик, подготовленный физиократом Дюпоном де-Немуром, Джефферсон указывал, что в основании общественного устройства должен лежать общественный договор людей в целях наилучшего удовлетворения их потребностей, а поэтому всем участникам этого договора должно быть предоставлено равное право в образовании государственной власти и в контроле над ней. Вы же, писал он, обращаясь к Дюпону де-Немуру, «начинаете с превращения в нули всех индивидуумов, не имеющих земли, а они представляют большинство в обществе, существующем продолжительное время». Джефферсон резко критиковал феодальную собственность на землю. Он считал, что этот институт вообще органически чужд старому англосаксонскому праву, каковым оно было до норманского завоевания.

Английские колонии в Америке, подчеркивал Джефферсон, никогда не подвергались нашествию Вильгельма Завоевателя, а потому английский король не имеет права феодального держания на американские земли. Отсюда следовал революционный вывод о незаконности притязаний английской короны на американские земли, которые должны находиться в свободном распоряжении американских мелких земельных собственников — фермеров.

Джефферсон выдвигал положение о праве членов общества на революцию против тирании. «Дерево свободы,— говорил он,— должно время от времени орошаться кровью патриотов и тиранов». В письме к Мэдисону он указывает на закономерность и необходимость революционных бурь, народных восстаний. «Подобно тому,— писал он,— как в физическом мире необходимы грозы, так и в мире политическом необходимы восстания».

Джефферсон считал, что народ имеет право смещать, а в случае необходимости свергать правительство, если оно вступает в противоречие с его правами и интересами.

Когда какая-либо форма правления, писал он, становится губительной, вредной для интересов народа, то народ «вправе изменить или уничтожить ее и установить новое правительство, основав его на таких принципах и организовав его власть в той форме, которые будут им сочтены за наиболее пригодные для осуществления его безопасности и счастья».

Политическая идеология Джефферсона отражала чаяния трудового фермерства США, интересы которого страдали от развития крупного капиталистического производства, расходились с хищническими интересами крупной буржуазии.

Джефферсон искал выхода из противоречий развивающегося капитализма в возврате к мелкому, в основном сельскохозяйственному, производству. В этом отчетливо сказались отсталость и ограниченность мировоззрения Джефферсона. Поэтому критика капитализма у Джефферсона носит утопический, мелкобуржуазный характер.

Прогрессивные воззрения Джефферсона, одного из лучших представителей американской передовой политической мысли конца XVIII века, ненавистны современной империалистической реакции в США. Вместе с тем сейчас, как никогда, прогрессивные традиции Джефферсона особенно близки и дороги всем демократическим силам США, борющимся против наступления империалистической реакции.

§ 4. Томас Пэн

Наиболее последовательным представителем буржуазно-демократического направления в политической идеологии США периода борьбы за независимость был Т о м а с П э н (1737—1809). В 1774 году Пэн эмигрировал из Англии в Америку, где очень быстро выдвинулся в среде борцов за независимость колоний.

Пэн принимал активнейшее участие в освободительной войне волонтером в рядах революционной армии и выступал в печати с пламенной пропагандой идеи независимости американских колоний от Англии.

В 1776 году он написал памфлет «Здравый смысл», направленный против власти английского короля Георга III, названного им «коронованным разбойником». Идеи памфлета нашли определенное отражение в Декларации независимости 1776 года. В период пребывания в рядах американской армии Пэн написал ряд прокламаций под общим названием «Американский кризис», энергично призывавших американский народ к борьбе за независимость. «Американский кризис» сыграл большую роль в подъеме морального духа бойцов американской армии. Статьи Пэна вдохновляли бойцов, вселяя в них веру в победоносный исход борьбы за независимость их родины. В 1781 году Пэн участвовал в делегации, ведшей от имени восставших колоний переговоры с французским правительством об оказании помощи в борьбе против Англии.

Пэн восторженно приветствовал победу французской буржуазной революции, заставшую его в Англии. В вышедшей в свет в 1791—1792 гг. большой работе «Права человека» Пэн дал подробный анализ французской «Декларации прав человека и гражданина» и, комментируя этот документ, резко критиковал английскую конституцию. Книга Пэна подверглась запрету в Англии, а он сам

был вынужден бежать в революционную Францию, где был избран членом Конвента. Здесь он примыкал к жирондистам.

Последние годы жизни Пэн провел в Америке, где он и умер в атмосфере ожесточенной политической травли, организованной против него реакционными кругами американской буржуазии.

Во всей своей деятельности и в своих произведениях Пэн выступает как последовательный буржуазный демократ. Его политический идеал — это буржуазно-демократическая республика, суверенитет народа, всеобщее избирательное право. Пэн был страстным противником имущественного и других цензов, ограничивающих избирательные права граждан. В частности, следует отметить активную защиту им равноправия женщин с мужчинами в области избирательного права.

В основе политических взглядов Пэна лежало демократическое истолкование доктрины естественного права, которую он использовал для теоретического обоснования права угнетенных на восстание, на вооруженное сопротивление тирании.

Пэн считал, что народ во все времена имеет присущее ему неотъемлемое право уничтожить любую форму правительства, которую он находит неподходящей. Пэн последовательно проводит во всех своих работах мысль о правомерности народных революций против тиранических правительств.

В трудах «Здравый смысл» и «Права человека» Пэн выступает с резкой критикой монархической формы правления, указывая, что она является прямым унижением человеческого достоинства, нарушением естественных прав и свобод человека, насилием над ним. Ссылаясь на опыт истории Англии и других стран, Пэн подчеркивает, что монархия и наследственность короны покрыли кровью и пеплом не только Англию, но и целый мир. У свободного народа, говорит Пэн, не должно быть иного монарха, кроме закона, как выражения народной воли.

Исходя из тезиса, что все люди рождаются равными, обладающими одинаковыми и неотчуждаемыми естественными правами, Пэн считает естественные права человека единственным источником и основанием его гражданских прав, возникающих из необходимости для него жить в обществе. Для Пэна характерна трактовка правительства как политического учреждения, возникающего на базе общественного договора людей в интересах охраны их гражданских прав и свобод. Если бы не было этой необходимости, если бы все люди руководствовались в жизни принципами нравственности, то не нужно было бы и правительство. Наилучшее правительство, по мнению Пэна, то, которое осуществляет охрану гражданских свобод и безопасности с наибольшими выгодами для всех членов общества и с наименьшими издержками для них.

Наиболее целесообразной формой политической организации общества Пэн в этой связи считал демократическую республику.

Большой интерес представляют мысли Пэна о том, что только путем революций, путем свержения реакционных правительств

можно избавить человечество от войны. Политика правительств, заинтересованных в войнах и захватах чужой территории, в получении прибылей и военной добычи, оказывает Пэн в памфлете «Права человека», неизбежно истощает терпение народов. «В таком положении,— пишет он,— и основываясь на существующих примерах, следует ожидать революций. Они стали предметом всеобщего обсуждения и могут считаться стоящими в порядке дня». Пэн энергично и страстно выступает против политики разжигания войн, проводимой реакционными правительствами. Он считает, что всеобщий мир и общественный прогресс могут быть осуществлены лишь путем революционного изменения в системе правления.

Пэн сурово осуждает капиталистическую эксплуатацию, характеризует частную собственность как общественное зло, основу общественного неравенства. Однако Пэн, как мелкобуржуазный демократ, не выдвигает требования ликвидации частной собственности, выступая лишь против несправедливого сосредоточения богатств в руках немногих в ущерб большинству.

Для мировоззрения Пэна характерно враждебное отношение к религиозным предрассудкам и к религиозному мракобесию. В специальной большой работе «Век разума» Пэн подверг резкой критике священное писание, охарактеризовав его как сборник глупых и вредных рассказов и измышлений. Эта работа Пэна была прозвана «Библией для неверующих».

Пэн явился ярким выразителем идеологии радикального, демократического направления в общественно-политическом движении в США периода борьбы за независимость. Имя его до сих пор вызывает ненависть американской реакции и чувство горячего уважения и симпатии в демократических кругах американского народа.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К., Президенту Соединенных Штатов Америки Аврааму Линкольну, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XIII, ч. 1, с. 21—22.

Энгельс Ф., Письмо Н. Ф. Даниельсону 17 октября 1893 г., Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма, Госполитиздат, 1948, с. 466.

Ленин В. И., Письмо к американским рабочим, Соч., т. 28, с. 44—45.

Источники

Конституции буржуазных стран, т. 1, М. — Л., 1935, с. 7—38.

Томас Пейн, Избранные сочинения, Издательство Академии наук СССР, М., 1959.

Дополнительная

Захарова М., О генезисе идей Томаса Джефферсона, «Вопросы истории», 1948 г. № 3, с. 40—59.

Громаков Б. С., Государственно-правовые воззрения Томаса Джефферсона, «Советское государство и право» 1957 г. № 9.

ГЛАВА XIV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА И НАЧАЛА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

§ 1. Возникновение капиталистического уклада и начало разложения феодально-крепостнического строя в России. § 2. Идея просвещенного абсолютизма и доктрина полицейского государства в «Наказе» Екатерины II. § 3. Программа реакционного дворянства в произведениях М. М. Щербатова. § 4. Просветительство XVIII века. Н. И. Новиков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. П. Козельский. § 5. Политическая идеология восстания под предводительством Е. И. Пугачева. § 6. Критика абсолютистского государства и крепостного права в конце XVIII века А. Н. Радищевым

§ 1. Возникновение капиталистического уклада и начало разложения феодально-крепостнического строя в России

1. Во второй половине XVIII века в недрах русского феодального общества зарождается капиталистический уклад.

За время с 1725 года по 1760 год количество мануфактур в России возросло более чем в пять раз. С 50-х годов XVIII века в русской крепостнической мануфактуре наблюдаются новые черты, свидетельствующие о начале процесса ее перерождения в капиталистическую фабрику.

На многих предприятиях, в особенности на предприятиях, принадлежащих купечеству, начинает применяться труд «вольнорабочих» людей, то есть оброчных крестьян, на некоторое время отпущенных помещиками в город. Рост мануфактуры и заводской горной промышленности сопровождался процессом формирования социальной группы «рабочих людей» — предшественников

рабочего класса в России, работавших на казенных, дворянско-вотчинных и купеческих предприятиях.

К концу XVIII века существенно изменяются характер большинства промышленных предприятий и социальный состав их владельцев. Наблюдается увеличение удельного веса купеческих мануфактур, работавших с применением труда оброчных крестьян. Казенные и вотчинные промышленные предприятия все более уступают место купеческим.

Расширение территории Российской империи, значительный прирост населения сопровождаются развитием промышленности и ускорением процесса общественного разделения труда.

Рост оборотов внутренней и внешней торговли вызывает усиленный спрос на продукты сельского хозяйства и побуждает помещиков к расширению барской запашки. Дворянские имения в черноземных губерниях России и на Украине превращаются в хозяйства, производящие товарный хлеб. Это приводит к дальнейшему усилению эксплуатации крестьян.

Начало разложения крепостного хозяйства в России сопровождается резким обострением классово-борьбы. Непрерывные восстания крестьян и «работных людей» происходят в продолжение всего XVIII века и в конце концов выливаются в великую крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева.

После подавления пугачевского восстания, потрясшего здание империи (1773—1775), крепостнический характер законодательства Екатерины II выразился особенно резко. В царствование Екатерины крепостное право в России «приняло наиболее грубые формы» и на деле ничем не отличалось от рабства¹.

Законодательство Екатерины II вынуждено было учитывать необходимость дальнейшего поощрения промышленности, утверждало «свободу коммерции» и отменяло монополии и откупа. В то же время оно поощряло главным образом развитие вотчинной дворянской фабрики и расширяло возможности поместного дворянства в его стремлении обзаводиться собственными заводами и фабриками.

2. Самым болезненным и животрепещущим вопросом русской общественной жизни и политической мысли России второй половины XVIII века был вопрос о крепостном крестьянстве.

Целый ряд просветителей (Н. И. Новиков, Я. П. Козельский, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков и др.) выступают с антикрепостническими по своему содержанию произведениями.

Наиболее ярко протест передовой общественной мысли против ужасов крепостничества выразил Радищев.

«Лучшие люди России,— указывал М. И. Калинин,— отдавали все свои силы, самую жизнь, чтобы помочь крестьянам освободиться от крепостной зависимости. Восстания Степана Разина, Емельяна Пугачева заставляли задуматься наиболее просвещенные умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке поло-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 439.

жения крестьянства и произвола помещиков. Литература XVIII века в России дала первые ростки революционной морали, отчасти под влиянием французских просветителей. Наиболее яркий представитель этой литературы — Радищев — в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подверг уничтожающей критике крепостное право¹.

§ 2. Идея просвещенного абсолютизма и доктрина полицейского государства в «Наказе» Екатерины II

Дворцовый переворот 1762 года, осуществленный верхами столичного дворянства с целью устранения от власти не поладившего с группой вельмож императора Петра III, возвел на престол его супругу Екатерину II — немку по происхождению, не имевшую законных прав на престол.

Незаконно завладев императорской властью, Екатерина II пыталась убедить общественное мнение не только России, но и Европы в том, будто в ее лице Россия получила просвещенного монарха, способного обеспечить процветание государства и заботиться о благе своих подданных.

Пока положение Екатерины II на троне не было прочным, она подвергалась сильному давлению со стороны группы знатных сановников, добивавшихся организации совета вельмож, с помощью которого можно было бы ограничить самодержавную власть и установить в России олигархический образ правления. В докладе графа Панина об управлении государством, поданном императрице вскоре после ее воцарения, доказывалось, что хотя «главное, истинное о всем государстве попечение замыкается в персоне Государевой, он (государь. — В. П.) ничего в нем полезное произвести не может, как разумным ее (власти. — В. П.) разделением между некоторым малым числом избранных к тому единственно персон»².

Панин приложил к своей докладной записке проект манифеста о создании в России императорского совета, учреждаемого, как он писал, «к основанию формы и порядка в правительстве»,³ причем настаивал на том, чтобы этот совет «взял тотчас свою форму и был приведен в действие»⁴.

Манифест был подписан Екатериной после долгого промедления, необходимого для того, чтобы выиграть время и укрепиться на троне. Подписав манифест, Екатерина вскоре надорвала его, и в жизнь он проведен не был.

Отвергнув манифест, Екатерина с присущей ей сметливостью использовала предложение графа Панина, разделив Сенат на

¹ М. И. К а л и н и н, О моральном облике нашего народа, М., 1945, стр. 3.

² Н. И. П а н и н, Доклад о управлении государством, поданный Екатерине II вскоре по восшествии ее на престол, Лейпциг, 1863, стр. 9

³ Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое, СПб., 1830 г. (в дальнейшем — ПСЗ), т. XVI, № 11989, стр. 20.

⁴ Т а м ж е.

несколько департаментов, что значительно ослабляло власть этого высшего органа управления империи.

Обманывая общественное мнение проектами широких мероприятий, проведение которых якобы должно было укрепить в России закон и учесть нужды всех сословий, Екатерина II в то же время успокаивала дворянские верха, показывая им, что в ее лице помещики имеют на троне монарха, пекущегося прежде всего об ограждении их узкосословных интересов и выгод.

В 1766 году был издан манифест о созыве представительной комиссии, собираемой для разработки нового Уложения, а в 1767 году Екатерина II категорически запретила крепостным крестьянам подачу каких бы то ни было жалоб на их хозяев — помещиков.

Желая использовать созыв законодательной комиссии для того, чтобы представить себя в наиболее выгодном свете, Екатерина II написала для депутатов комиссии обширное компилятивное сочинение — «Наказ».

Хотя сама Екатерина громогласно заявляла о том, что в основу статей «Наказа» ею положены сочинения Монтескье, Беккариа и других корифеев Просвещения XVIII века, но на самом деле в нем оправдывалось установление неограниченной власти императрицы и развивались идеи укрепления полицейского государства.

Наибольшее количество статей «Наказа» было заимствовано Екатериной из сочинения Монтескье «Дух законов»¹, причем в зависимости от того, насколько отдельное высказывание французского просветителя являлось пригодным для оправдания абсолютной власти монарха, Екатерина или дословно воспроизводила текст Монтескье, или произвольно искажала его в нужных для себя целях.

Начиная со статьи 9 «Наказа», в которой говорится: «Государь Российский есть самодержец, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть не может действовать сходно со пространством столь великого государства»², Екатерина сознательно искажает Монтескье в целях оправдания неограниченной монархии.

Не желая исходить в обосновании начал власти монарха из доктрины общественного договора, Екатерина помещает перед текстом «Наказа» молитву и дает ссылку на христианский закон, который «научает нас делать друг другу добро, сколько возможно».

Целью самодержавного образа правления, утверждает Екатерина, является не то, «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направляли к получению самого большого от всех добра»³. Утверждая, что «наме-

¹ Из 541 статьи первых 20 глав «Наказа» 284 взяты у Монтескье.

² См. «Памятники русского законодательства 1649—1832», издаваемые Академией наук, т. II, СПб., 1907 г., стр. 3 (далее обозначается: «Наказ»).

³ См. «Наказ», стр. 4.

рение и конец» самодержавия есть «слава граждан, государства и государя», Екатерина пытается доказать, что без самодержавия Россия не смогла бы существовать и худо бы управлялась.

У Монтескье монархия отличается от деспотии тем, что в ней власть монарха ограничена законом и между монархом и народом стоят посредствующие сословия — дворянство, составляющее сущность и сердце монархии, и судебное сословие, охраняющее закон.

В главе XVIII «Наказа» Екатерина в противоречие со взглядами Монтескье утверждает, что государь есть «источник всякие государственные и гражданские власти»¹.

Развивая идею полицейского государства, Екатерина II извращает теорию разделения властей Монтескье, утверждая, что все учреждения империи должны быть не чем иным, как протоками, «чрез которые изливается власть государя»². Униженный и разделенный на департаменты Сенат потерял при Екатерине какое-либо самостоятельное значение. Тем не менее императрица, играя словами, утверждала: «В России Сенат есть хранилище законов»³.

По Монтескье, законодательная власть должна принадлежать народу в лице представительных учреждений, и проведение в жизнь принципа разделения властей обеспечивает политическую свободу граждан.

Екатерина извращает Монтескье, повторяя его слова о политической свободе граждан, но оговаривая, что безопасность их обеспечивается не образом правления, а законом, данным правительством, причем утверждает: «Для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приготовить»⁴.

Статья 512 «Наказа» гласит: «Есть случаи, где власть должна и может действовать без всякой опасности для государства в полном своем течении. Но есть случаи и такие, где она должна действовать пределами себе ею же самою положенными»⁵. Таким образом, ни о каком действительном ограничении власти самодержавного монарха Екатерина не допускает и мысли.

Извращая Монтескье и пытаясь использовать взятые у него положения для обоснования полицейско-абсолютистского государства, Екатерина II опиралась на характерную для абсолютизма идею «общего блага».

Большинство доводов для обоснования полицейского государства Екатерина заимствовала у барона Бильфельда, прусского

¹ См. «Наказ», стр. 5.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 6. Под неопределенным наименованием «Хранилище законов» разумелось то обстоятельство, что Сенат был превращен в высшую судебную апелляционную инстанцию с обширным архивом и лишен власти законодательной. — В. П.

⁴ «Наказ», стр. 13.

⁵ Там же, стр. 139.

советника, знатока полицейского права, приславшего ей свою книгу, когда императрица начинала работу над текстом «Наказа»¹.

Заимствования из книги Бильфельда в «Наказе» начинаются со статьи 124, оправдывающей применение пыток в тех случаях, когда обвиняемый не хочет признать себя виновным и в то же время не может привести доказательств своей невиновности².

Приложенная к тексту «Наказа» XXI глава «О благочинии, называемом инако полицией» почти вся написана по Бильфельду.

С характерной для абсолютистского времени мелочностью Екатерина II требует вмешательства полиции в такие дела, как наблюдение за тем, чтобы все гасили свет в положенное законом время, запирали ворота в домах, не принимали к себе бродяг и пр³.

На полицию возлагалась обязанность запрещать «недозволенные сходбища или собрания», следить за тем, чтобы не наблюдалось «разноски или раздачи писем возмутительных и поносительных».

Изображая полицию как попечительный орган управления, без которого немисливо достижение общего благополучия, Екатерина предписывает ей осуществлять надзор за наемными слугами и поденными работниками «для содержания их в должности», так и с тем, чтобы получали плату за труд своевременно.

Полиция должна следить за нищими и больными, заставляя работать тех из них, кто еще способен трудиться, чтобы дать им «надежное пропитание и лечение».

В таком же духе использовала при составлении «Наказа» Екатерина и сочинения известного в Европе теоретика полицейского права Юсти «Основание силы и благосостояния царств».

Начертав идеал полицейско-абсолютистского государства и прикрыв его массой урезанных, искаженных и по-своему «обработанных» положений из книги Монтескье, Екатерина включила в свое сочинение также многие места из известного трактата Беккариа «О преступлениях и наказаниях» («*Dei delitti e delle pene*»). Вся X глава «Наказа» и многие статьи других его глав представляют собой почти дословное изложение взглядов Беккариа на уголовное судопроизводство и наказание.

Однако, хотя Екатерина, следуя Беккариа, и проповедовала в «Наказе» отмену пыток⁴, разумность и мягкость наказания⁵, желательность сокращения сроков пребывания обвиняемых в тюрьме под следствием, введение гласности судебного приговора, но и эти ее

¹ См. «Сборник Русского Исторического Общества», т. XIII, СПб., 1874, стр. 3—4, Письмо Екатерины II барону Бильфельду от 6/IV 1765 г. с благодарностью за присылку его книги.

² «Наказ», стр. 30.

³ См. «Наказ», ст. ст. 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558 (указанные статьи почти дословно повторяют то, что говорит Бильфельд в гл. VIII (§ 21, 22, 25, 29)).

⁴ Ст. ст. 192, 193 «Наказа».

⁵ Ст. 150 «Наказа».

заявления расходились с практикой времени ее царствования¹, когда в судах вообще и в особенности при разборе уголовных дел господствовало вопиющее беззаконие.

Созывая комиссию для составления нового Уложения, Екатерина вынуждена была коснуться в «Наказе» вопроса о нуждах сословий. Целая глава «Наказа» посвящена вопросу о «среднем роде людей», то есть о горожанах, обязанностью которых Екатерина считает «добронравие и трудолюбие».

Наболевший вопрос того времени — вопрос о крестьянстве рассматривается Екатериной в «Наказе» как вопрос о судьбе рабов, с которыми не следует обходиться чрезмерно жестоко и которым, как утверждает одна из статей «Наказа», закон может утвердить «нечто полезное для рабов имущества»².

Говоря о русском крепостном крестьянстве как о сословии, находящемся в рабском состоянии, Екатерина в «Наказе» вслед за ссылками на древнеафинский закон, якобы строго наказывающий чрезмерно жестоких рабовладельцев³, высказывается против освобождения рабов. «Не должно вдруг и через узаконение общее, — пишет она, — делать великого числа освобожденных»⁴.

Апология неограниченной власти самодержавного государя сливалась в «Наказе» с рассуждениями о том, что следует подразумевать под равенством граждан и как в России должно быть организовано правосудие.

«Равенство всех граждан состоит в том, — пишет Екатерина, — чтобы все были подвержены тем же законам». Однако практика деятельности дворянского правительства того времени, неуклонно осуществлявшего защиту дворянских привилегий в сословных судах, резко противоречила этим статьям «Наказа».

Упоминая в «Наказе» о правах подданных Русской империи, Екатерина избегает даже намека на необходимость предоставления населению хотя бы формальных свобод, сводя вопрос о свободе к доказательствам необходимости подчинения всего населения России сословно-крепостническим законам.

«Наказ» отражает характерные для абсолютизма традиции воспитания подданных в духе «послушания» и в «страхе божьем». В окончательном варианте «Наказа» не было и речи о смягчении крепостнических порядков.

«Наказ» произвел на русское передовое общество впечатлительное, обратное тому, на которое рассчитывала Екатерина II, и дал повод некоторым депутатам Уложенной комиссии, умело прикрываясь статьями «Наказа», критиковать абсолютизм и крепостничество.

¹ За месяц до издания в свет «Наказа», в котором были собраны извлечения из книг Монтескье и Беккариа, по личному указанию императрицы был высечен кнутом на площади купец первой гильдии Иван Диалегов за подачу им челобитных непосредственно императрице.

² «Наказ», ст. 261.

³ «Наказ», ст. 259.

⁴ «Наказ», ст. 260.

Несмотря на то, что комиссия по сочинению нового Уложения носила парадный и показательный характер, а состав депутатов в нее был строго подобран, дебаты в комиссии приняли нежелательный для правительства характер, отражая обострившиеся противоречия русского общества.

В заседании 5 мая 1768 г. депутат — поручик Коробьин — при чтении закона о беглых людях представил ряд возражений. Он указал, что в среде владельцев находятся такие, «кои увидев своего крестьянина, трудами рук своих стяжавшего малый себе достаток, лишают вдруг всех плодов его старания», что, по его мнению, угрожает разорением целому государству¹.

Ссылаясь на 261 статью «Наказа», Коробьин предложил предписать законом «нечто для собственного крестьян имущества»². Он считал, что необходимо точно определить размер ежегодных платежей, следуемых помещику от крестьянина.

Его выступление было поддержано депутатом Я. П. Козельским, предложившим ограничить барщину двумя днями в неделю с соответственным снижением оброка.

Продолжение работы комиссии показалось Екатерине II опасным, и она распустила ее под благовидным предлогом начавшейся войны с Турцией. Прекращение работы комиссии показало истинную сущность либеральных заигрываний Екатерины.

§ 3. Программа реакционного дворянства в произведениях М. М. Щербатова

Политика Екатерины подверглась критике и «справа», со стороны вельможного дворянства в лице Щербатова, Воронцова и других сановных дворян, не одобрявших проявлений хотя бы ограниченного либерализма со стороны самодержавной власти.

Выразителем идеологии дворянских реакционных кругов второй половины XVIII века являлся князь М. М. Щербатов (1733—1790), историк и публицист. Его перу принадлежат: «История Российская от древнейших времен» (пятнадцать книг), «О повреждении нравов в России», «Путешествие в землю Офирскую».

Щербатов яростно ратовал за расширение и укрепление сословных привилегий дворянства. Он защищал установление такого порядка, при котором ни купец, ни разночинец, ни тем более черносотный крестьянин, какие бы заслуги перед государством они ни имели, не могли бы получить дворянства.

Щербатов стремился к ограничению власти монарха, но не в пользу народа, а в пользу вельмож и крупных помещиков.

По Щербатову, наиболее совершенной формой государства является монархия, возникшая, по его мнению, из власти отцов се-

¹ «Сборник Русского Исторического Общества», т. 32, СПб., 1881, стр. 407.

² Там же, стр. 409.

мейств. Лучшей же монархией является та, где власть монарха ограничена советом вельмож.

Наиболее полно свои политические взгляды Щербатов изложил в «Путешествии в землю Офирскую». Здесь от лица дворянина, попавшего после кораблекрушения в неведомую ему до тех пор землю, Щербатов рисует свой идеал аристократического государства.

Государство офирцев — это сословное дворянское государство с резко обозначенным неравенством. Все общество делится на несколько замкнутых сословий, причем переход из одного сословия в другое невозможен. Рабы в Офирской земле отданы в полное владение господ.

Сословие «благородных», то есть дворян, составляет в земле Офирской особую привилегированную группу. Ему принадлежат исключительное право владения населенными имениями и право несения государственной службы.

Среди «благородного» сословия выделена высшая родовитая аристократия. Она составляет замкнутую касту и наделена особыми политическими привилегиями, а именно — разделяет верховную власть с государем.

Законы в земле Офирской издаются не монархом, который возглавляет власть исполнительную и является начальником всех вооруженных сил, а особой властью — «высшим правительством».

«Высшее правительство», разделенное на департаменты, является выборным учреждением, в котором заседают депутаты, разделенные на ряд групп. Выборные от купечества допускаются только в департамент торговли и государственных доходов.

Кроме высшего правительства, Щербатов предлагал создать совет вельмож, состоящий при государе. Этот совет должен был созываться для решения наиболее важных вопросов, как, например, о наступательной войне, объявить которую сам монарх не имеет права. Щербатов предлагал также создать комиссию для исправления и толкования законов.

Щербатов показывает себя непримиримым противником ослабления власти помещиков над крестьянами и предоставления каких-либо льгот купцам.

Даже жалованную грамоту дворянству 1785 года Щербатов считал недостаточной для дворянства, достигшего вершины своего могущества именно в царствование Екатерины II.

§ 4. Просветительство XVIII века. Н. И. Новиков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. П. Козельский

1. Выразителями новой, антифеодальной идеологии явились наиболее передовые, патриотически настроенные выходцы из различных слоев русского общества (дворян, мещан, разночинцев). Они понимали, что крепостное право тормозит развитие России, и поэтому вели против него борьбу в литературе.

Поскольку отмена крепостничества должна была дать простор буржуазному развитию, русские просветители XVIII века объективно защищали именно эти буржуазные тенденции. Не видя еще противоречий буржуазного общества, они полагали, что уничтожение крепостничества принесет с собой всеобщее благополучие. Подвергая резкой критике господство и нравы дворян-крепостников, большинство просветителей того времени не поднялось до принципиального отрицания абсолютистского государства в целом. Однако их плодотворная общественная и литературная деятельность подготовила почву для революционного выступления Радищева.

К числу крупных просветителей следует отнести Н. И. Новикова (1744—1818), бывшего не только видным организатором книжно-издательского дела в России, но и общественным деятелем, положившим в России начало распространению идей Просвещения XVIII века, критике догм просвещенного абсолютизма. Новиков создал русскую сатирическую литературу, останавливавшую внимание читателей на недостатках социально-политического строя Российской империи, и прежде всего на самом больном вопросе русской жизни — вопросе о крепостном праве, бедственном и несправном положении крестьян.

Несмотря на тяжелые условия цензурного и полицейского надзора, Новиков сумел создать ряд журналов: «Трутенъ» (1769—1770), «Пустомеля» (1770), «Живописецъ» (1772—1773), на страницах которых подвергал острой и едкой критике быт помещиков-крепостников и разоблачал крепостное право как зло, приносящее неисчислимые бедствия России.

Новиков боролся против злоупотреблений дворян. Он мечтал об отмене крепостного права и своеобразном классовом мире между сословиями России. До признания революционной борьбы Новиков не дошел.

2. Крупным центром просвещения во второй половине XVIII века являлся основанный М. В. Ломоносовым Московский Университет, в стенах которого на лучших традициях материалистической философии и трудах М. В. Ломоносова воспитался ряд русских ученых.

Из ученых того времени, работавших в области права и продвигавших русскую юридическую науку вперед, следует отметить С. Е. Десницкого и И. А. Третьякова.

С. Е. Десницкий (умер в 1789 г.) был первым русским профессором права, читавшим лекции на русском языке. Лекции его имели огромное влияние на студентов. По его настоянию в число предметов, изучаемых в Московском Университете, было включено русское право.

Десницкий является самобытным ученым. В тот век, когда процветали отвлеченные идеи школы естественного права, Десницкий выступил со своим самостоятельным и оригинальным учением.

Раньше, чем другие ученые Европы, Десницкий пришел к мысли о том, что сходные экономические условия неизбежно порождают у разных народов одинаковые правовые институты.

Вместо господствовавшего в то время разделения истории на детство, юность и зрелость человеческого рода Десницкий устанавливает следующие этапы его развития. Первое состояние человеческого рода — охота и собирательство. Затем идет скотоводство (пастушество), третьим, более высоким состоянием Десницкий считает хлебопашество (земледелие). Последним и окончательным этапом развития человечества Десницкий считает «коммерческое состояние».

Развитие института собственности, по Десницкому, определяется сменой указанных четырех состояний. У народов, которые находятся на первой ступени своего развития, то есть занимаются охотой и собирательством, господствует общая собственность. Появление частной собственности, по мнению Десницкого, связано с переходом к земледелию и установлением оседлого образа жизни. Переход к земледелию вызывает появление собственности, отличной от владения.

Однако только в «коммерческом состоянии» собственность получает свое полное развитие.

По мнению Десницкого, эволюция семьи также связана с прохождением человечества через указанные четыре стадии развития хозяйственного быта.

Схема Десницкого, предусматривающая деление всей истории человечества на отдельные этапы и связывающая с ними развитие института собственности и форм семьи, является значительным шагом вперед по сравнению с абстрактно-рационалистическими взглядами на историю большинства просветителей XVIII века.

Десницкий связывал подчинение большинства меньшинству и происхождение государства с происхождением и развитием собственности, так как богатство, полагал он, является основой власти при всех формах правления.

Основой власти одних людей над другими Десницкий считает: 1) превосходство в качествах телесных, как-то: дебелость и крепость тела; 2) превосходство в качествах душевных, как-то: хитрость, проворство, предвидение, прозорливость и, наконец, 3) превосходство в богатстве и изобилии всего.

Целью общественного союза и задачей государства Десницкий считал достижение «общего блага». По Десницкому, государственная организация крепка только тогда, когда способствует всеобщему процветанию. Если то или иное государство представляет собой организацию, держащуюся лишь на насилии, — оно не долговечно.

Десницкий был одним из первых русских ученых, разрабатывавших принципиальные положения и основы науки государственного и административного права.

Десницкий в проекте, написанном в 1768 году и названном им «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской Империи», защищал теорию разделения властей. Сам Десницкий, ссылаясь на Монтескье, вместе с тем говорит, что при введении в жизнь принципа разделения властей идеи творца книги «О духе законов» следует принимать таким образом, чтобы приспособить их к условиям России.

Законодательная власть по этому проекту должна осуществляться монархом совместно с представительным органом — Сенатом, причем устанавливался такой порядок, по которому монарх без Сената не может издать ни одного закона, а Сенат в свою очередь, приняв законопроект, не может дать ему силы действующего закона. «пока не получит себе на то монаршего изволения и подтверждения».

Правительствующий Сенат, который осуществлял совместно с монархом законодательную власть, по проекту Десницкого, составлялся из 600—800 лиц, выбираемых из числа богатых землевладельцев, купцов, людей свободного труда (по выражению Десницкого, из «художественных людей»), а также представителей от духовенства и учебных заведений с установлением представительства от каждой губернии и провинции. Быть избранными в Сенат могли лишь богатые люди, способные нести все расходы по пребыванию в столице в качестве сенаторов, так как содержания от государства им не полагалось.

Сенат должен был рассматривать наиболее значительные акты, издаваемые монархом как главой исполнительной власти, касающиеся введения налогов, объявления войны, заключения договоров с соседними державами. Он проверял отчеты всех учреждений по расходованию ими средств.

Сенат является, по проекту Десницкого, высшей судебной инстанцией и должен был рассматривать все апелляции на судебные решения.

Судьи должны быть несменяемы и независимы и осуществлять судебное разбирательство в присутствии присяжных, выбираемых из лиц всех сословий. Суд должен осуществляться «публично» и «гласно», при участии в судоговорении адвоката.

Стремясь ограничить произвол местной администрации, Десницкий предлагал установить судебную ответственность воевод перед губернским судом.

Десницкий разработал также проект организации городского самоуправления. В столицах, то есть в Петербурге и в Москве, городская власть должна состоять из семидесяти трех лиц, из них — восемнадцать дворян и пятьдесят пять купцов. В губернских городах органы местного самоуправления должны состоять из семи купцов и пяти дворян, избираемых на два года.

Десницкий понимал, что крепостное право тормозит развитие производительных сил России, и предложил программу постепен-

ного изживания крепостничества мерами, проводимыми сверху. Он предлагал запретить продажу крестьян без земли, запретить помещикам отрывать крестьян от земли и переводить их в дворовые. Он стоял также за отказ от политики национального угнетения и проповедовал веротерпимость.

3. Замечательным русским ученым-просветителем являлся И. А. Третьяков (около 1735—1779), обучавшийся вместе с Десницким в Шотландии, в университете в Глазго, и защитивший в 1767 году диссертацию на доктора прав.

Работая вместе с Десницким в Московском Университете, Третьяков входил здесь в группу прогрессивных русских ученых, следовавших традициям материалистической философии М. В. Ломоносова и борющихся за отмену схоластической системы преподавания, насаждавшейся университетским начальством.

Третьяков, как и Десницкий, широко пользовался в своих лекциях историко-сравнительным методом. Читая на юридическом факультете курс лекций по римскому праву, Третьяков при объяснении истории основных институтов права проводил аналогии с русским правом и стремился приблизить курс к практической работе.

Из сочинений Третьякова известны: «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе» (1768), «Слово о Римском правлении и о разных оног переменах» (1769) и «Рассуждение о причинах изобилия и меллительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов...»¹.

Для Третьякова, как и для Десницкого, характерно стремление объяснить возникновение основных институтов общественной жизни исторически. Появление разделения труда в обществе, по мнению Третьякова, обусловлено историческим процессом; оно углубляется по мере того, как «знание человеческое о разных вещах начинает возрастать и умножаться».

«По разделению трудов — натурально происходит в обществе разделение и самих людей, как-то: на хозяев и работников»², — объясняет Третьяков возникновение общественного неравенства. Появление сперва избытка продуктов труда у человека, затем появление обмена и развитие промышленности, которое обогащает государство, Третьяков также объяснял исторически.

Прослеживая историю развития наук от древности до современности, Третьяков особо останавливался на юридической науке и судебном красноречии. «Сии только и науки были у древних, то есть риторика, юриспруденция и математика, которые для своей пользы и великой надобности в отечестве должны б кажутся на государственном иживлении преподаваемы быть»³.

¹ См. «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, М., 1952, стр. 333—360.

² Там же, стр. 337.

³ Там же, стр. 344—345

Отмечая отрицательную роль католической церкви в средние века как организации, которая препятствовала распространению просвещения, Третьяков указывал на то, что монахи, будучи знатоками догмы римского права, приспособливали в Западной Европе его институты «не для того, что к сим они привыкли, но с намерения, чтоб... приобрести себе великие стяжания»¹.

Третьяков в своих сочинениях возражал против попыток слияния теологии с юриспруденцией, указывая на то, что теологические теории изжили себя и соответствовали феодальному времени, когда церковники «зная свой верный прибыток в том, учили и юриспруденцию по своему вкусу, доказывая, что она с небес ниспослана была и что оной училась и богоматерь»².

Указывая на необходимость преодоления экономической и культурной отсталости России, Третьяков отстаивал дело развития наук, имеющих связь с практическими потребностями промышленности, торговли, установлением правопорядка.

Третьяков критиковал разделение общества на отдельные сословные группы, отделенные друг от друга перегородками, установленными законами.

Восприняв положение Адама Смита о том, что в основе всякой ценности лежит труд, Третьяков подчеркивал, что в основе богатства и изобилия государств лежит труд простого народа, то есть труд крестьянина, «рабочего человека», мастерового, производящий материальную ценность.

Третьяков отрицательно относился к крепостному праву, так как понимал, что оно сковывает экономическое развитие России, приводит к разорению крестьян и препятствует развитию промышленности.

В области вопросов внешней политики Третьяков выступал в своих сочинениях против агрессивной политики и ведения грабительских войн, указывая, что они были характерны для варварских времен, когда война «не меньше зла причиняла», чем голод или мор³.

Таким образом, во взглядах Третьякова было много общего со взглядами Десницкого. Эти замечательные ученые-юристы второй половины XVIII века выступали с критикой наиболее отрицательных сторон русского феодального общества, крепостничества, сословно-дворянского законодательства, вмешательства церкви в государственные дела и в область просвещения и предлагали ряд мер, способных двинуть вперед развитие отечественной промышленности, торговли, искусства, улучшить дело государственного управления, создать представительные учреждения и открыть дорогу к просвещению для выходцев из народа.

¹ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, М., 1952, стр. 349.

² Там же, стр. 351.

³ Там же, стр. 359.

4. Крупным представителем демократических тенденций в литературе XVIII века являлся Яков Павлович Козельский, бывший ученым энциклопедических знаний. В своих произведениях он рассматривал вопросы математики, истории, философии, юриспруденции.

Большое значение имеет основное произведение Козельского — «Философические предложения», — в котором содержится попытка критического изложения целой системы философских взглядов.

«Философия нравоучительная» разделяется Козельским на два больших раздела — юриспруденцию и политику.

Козельский определял юриспруденцию как науку о праве и писал, что философы неправильно называют юриспруденцией изучение законов, которое правильнее называть легиспруденцией, то есть знанием законов, а не юриспруденцией, то есть знанием права. По мнению Козельского, законы отличаются от права тем, что некоторые законы не основываются на справедливости: например, закон позволяет пленника продать, купить, сделать рабом и содержать его произвольным образом.

Нельзя не видеть в этом противопоставлении «права» «закону» попытки отнестись критически к системе действующего крепостного законодательства.

Козельский различает право «натуральное» (то есть естественное), право гражданское, «установленное в гражданах для спокойного их сожития и постоянного благополучия», и «всемирное», то есть международное право¹.

В определении Козельским «натурального закона» легко заметить моменты, оправдывающие возможность самозащиты угнетаемого от угнетателя.

Считая войну величайшим злом, русский гуманист и просветитель XVIII века осуждал захватнические войны и считал правомерным только восстание против угнетателей и войну для защиты родины: «Мне думается, что никто на свете не имеет права к войне кроме таких людей, которые так обижены, что обида их стоит по справедливости войны»².

В высказываниях Козельского об юриспруденции, в трактовке им естественного права пробивается характерное для просветителей XVIII века противопоставление норм естественного права всей системе действующих законов. Это была попытка теоретически оправдать идеями естественного права сопротивление крепостных крестьян, доведенных помещиками до отчаяния.

В «Философических предложениях» Козельского делаются выпады против угнетения простого народа, высокомерного отношения к нему, против издевательств над народом.

¹ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. I, М., 1952, стр. 465.

² Там же.

Появление государства Козельский считает шагом вперед в истории человечества. Хотя человек «... чрез сию перемену,— поясняет автор,— лишается многих натуральных выгод, однако на место того приобретает другие великие качества, способности его беспрепятственно возрастают, понятия распространяются, мысли делаются благороднее, и вся душа его возвышается»¹.

Из форм государства Козельский отдавал явное предпочтение республике.

В «Философических предложениях» Козельского намечен проект организации нового общества с обязательным для всех трудом. «Кажется полезно,— говорит он,— для общества распределить всех без изъятия людей к должностям»². Предлагал он и меры для облегчения участи народа, без чего считал невозможным поднятие его культуры.

В сочинениях Десницкого, Третьякова, Козельского отразились характерные черты, присущие русским просветителям XVIII века: критическое отношение к современной им русской действительности, отрицательное отношение к крепостничеству, стремление содействовать улучшению участи простого народа как путем распространения просвещения, так и предложением проектов реформ. Находясь под сильным влиянием идей западного Просвещения XVIII века, русские ученые под воздействием русской действительности давали свою трактовку основных положений общественной науки своего времени.

§ 5. Политическая идеология восстания под предводительством Е. И. Пугачева

Насилия дворян-помещиков над народом и усиление феодальной эксплуатации вызывали постоянные восстания крестьян. В 1773 году развернулась общая крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева.

Движущей силой восстания были угнетенные помещиками и жаждавшие освобождения крепостные крестьяне, в том числе и работные люди мануфактур. Пугачева поддержали казаки, чернососные крестьяне и угнетенные царизмом народы России. «Весь черный народ,— отмечает Пушкин,— был за Пугачева... одно дворянство было открытым образом на стороне правительства»³.

Напряженная борьба крестьянских масс, выступивших против помещичьей эксплуатации, носила ярко выраженный антикрепостнический характер. Она поколебала феодальное государство «От

¹ «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века», т. 1, М., 1952, стр. 524—525.

² Там же, стр. 536.

³ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VIII, М.—Л., 1949, стр. 354.

Сибири и до Москвы и от Кубани до Муромских лесов»¹. Но эта борьба выразилась в стихийных выступлениях масс, не озаренных светом политического сознания. Тем не менее она оказала огромное влияние на идейную борьбу того времени и была важным этапом в развитии русского революционного движения.

Крестьянские восстания XVII—XVIII вв., в том числе восстание Пугачева, показывают, что, выступая против помещиков и царской администрации, крестьяне еще питали доверие к носителю верховной власти—царю. Замученное помещиками крепостное крестьянство и «рабочие люди» предприятий полагали, что царь не знает об их мучениях, и видели все зло именно в своих хозяевах, бывших их лютыми тиранами и мучителями.

Начиная с конца 60-х годов XVIII века, крестьянские волнения ввиду крайнего усиления произвола помещиков приобретают постоянный характер.

Призывы Пугачева, объявившего себя «крестьянским царем», пали на благоприятную почву. Его манифесты, призывавшие крестьян к расправе с помещиками, оказывали огромное воздействие на страдавшую и истосковавшуюся по земле крестьянскую массу.

Пугачев призывал крестьян быть его «верноподданными» и награждал их в манифестах «вольностию и свободою и вечно казакими, не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами без покупки и без оброку».

В небольшом дошедшем до нас манифесте, написанном арабским шрифтом на татарском языке, один из секретарей военной коллегии Пугачева — Малик сын Муллы Умяра Куликая, обращаясь именем «крестьянского царя» к народу, пишет: «Я, единственный царь всей России, Петр III, объявляю бедному народу, жаждущему свободы, что моя бывшая жена Екатерина в сговоре со своими любовниками лишила меня власти, а я с помощью придворных спасся бегством. Теперь ввиду наличия честных и храбрых и свободолюбивых казаков и при доверии мне со стороны угнетенного русского народа я постепенно стал возвращать свою власть. В ближайшее время всю Россию и престол, доставшийся мне еще от дедов, верну под свое крыло, а моим любимым (уважаемым народам) дам возможность жить свободно, счастливо и мирно.

Поэтому все солдаты, воюющие против моих войск, должны немедленно прекратить войну и перейти на мою сторону. Коменданты городов и крепостей должны сдаться на мою милость. Князья должны прекратить притеснять народ, помещики должны наделить своих крестьян землей и отпустить на свободу. Все, кто немедленно исполнит этот мой приказ и присоединится ко мне, по моей милости,

¹ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, т. VIII, М.—Л., 1949, стр. 268.

будут прощены за борьбу против нас, а кто ослушается и будет продолжать борьбу, впоследствии будут жестоко казнены. Я хочу, чтобы весь народ был свободным. Поэтому и народам иной веры даю свободу. Ликвидирую власть князей над ними. Приказываю им избрать руководителей из своей среды, кого они пожелают.

Казачи, Киргизы, Башкиры, Татары, Чуваши и Черемисы пусть уже сейчас воспользуются моим обещанием. Все угнетенные и ограбленные народы, радуйтесь, пришли дни вашей свободы»¹.

Пугачев обещал крестьянам, казакам, раскольникам, работным людям Урала, повсюду примыкавшим к нему представителям колониальных народов полное освобождение «от злодеев-дворян и градских мздоимцев-судей»².

В качестве средства установления в государстве порядка Пугачев и его сторонники выдвигали такую меру, как повсеместное истребление дворянства и искоренение той неправды, которую терпели крестьяне от помещиков.

По истреблении противников — «злодеев-дворян, — гласили призывы Пугачева, — всякой может почувствовать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжажа будет»³.

«Повеlevаем сим нашим имянным указом, — пишет Пугачев. — кои прежде были дворяне в своих поместях и водчинах, оных противников нашей власти и возмутителей империи и разорителей крестьян ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами»⁴.

С самого начала мятежа эмиссары Пугачева объявили крестьянам волю. «Мы посланы, — объявляли они крестьянам, — из армии государя Петра Федоровича разорять помещичьи дома и давать крестьянам свободу... Смотрите же, мужики, отнюдь на помещика не работайте и никаких податей ему не платите; а если мы вперед застанем вас на помещичьей работе, то всех переколем»⁵.

Учитывая надежды крестьян на «доброе царя», Пугачев назвал себя Петром III, образовал военную коллегию с эмиссарами, посылаемыми от имени царя на места. Это отвечало сознанию крестьянских масс, находившихся в плену царистских иллюзий.

Политическая идеология угнетенных крестьянских масс страдала ограниченностью. Крестьяне считали главу класса феодалов — царя — непричастным к насилиям помещиков над ними.

¹ Документ открыт в одном из архивов, обработан и опубликован в журнале «Москва» (1958, № 6, стр. 291) Т. Тургеневой. Он написан, по-видимому, под диктовку самого Е. И. Пугачева в июле 1773 года, то есть в разгар восстания, когда оно шло на подъем. — В. П.

² Центральный Архив, из Архива Пугачева, манифесты, указы, переписка, ОГИЗ, 1926, стр. 40—41.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Сборник «Великая Реформа», т. II, М., 1911, стр. 47—48.

§ 6. Критика абсолютистского государства и крепостного права в конце XVIII века А. Н. Радищевым

1. Протест лучших передовых людей России против системы массовых насилий дворян над народом нашел свое наиболее яркое выражение в конце XVIII века в творчестве А л е к с а н д р а Н и к о л а е в и ч а Р а д и щ е в а (1749—1802).

Радищев — один из плеяды просветителей XVIII века — являлся наиболее ярким выразителем прогрессивных тенденций передовой части русского общества. Призывая к революционному разрешению самого большого вопроса русской общественной жизни — вопроса о крепостном праве, Радищев указал тем самым путь декабристам, открыл дорогу вольнолюбивому творчеству А. С. Пушкина, стал первой вехой русского революционного освободительного движения на пути к дворянскому этапу его развития.

Радищев являлся одним из наиболее просвещенных и образованных людей своего времени. Большое значение в складывании мировоззрения Радищева имело образование, полученное им в одном из крупнейших университетов Европы.

Английская революция XVII века, борьба английских колонистов за независимость в Северной Америке, первые шаги французской буржуазной революции также сыграли определенную роль в формировании мировоззрения Радищева.

Политические взгляды Радищева складывались под влиянием движения угнетенных крестьянских масс России. Мрачные картины насилий и произвола крепостников пробудили в Радищеве чувство протеста, заставили его «противиться заблуждению» и выступить в защиту народа против самодержавия и крепостничества.

Радищев был одним из крупнейших материалистов России XVIII века, вслед за Ломоносовым развивавшим русскую материалистическую философию.

Он пытался осмыслить историю как закономерный процесс, найти законы исторического развития в аспекте разрешения назревших и больных вопросов общественной жизни. Стремление сочетать науку истории с современностью делает Радищева в ряде вопросов прозорливее его современников.

В произведениях: «Путешествие из Петербурга в Москву», «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске по долгу звания своего», в специальных юридических трудах: «Проект Гражданского уложения», «Записка о законоположении», «О добродетелях и награждениях», «Опыт о законодательстве» Радищев обличает произвол самодержавия и показывает ужасы крепостного права в России.

В лице Радищева революционная и просвещенная Россия впервые вступила на путь открытой борьбы с Россией реакционной.

Отмечая связь Радищева с окружающей его русской действительностью и считая его выразителем общественного протеста против ужасов крепостного права, В. И. Ленин писал: «Нам

больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов...»¹.

2. А. Н. Радищев родился 20 августа 1749 г. в селе Верхнее Аблязово Саратовской губернии в дворянской семье. Он получил хорошее домашнее воспитание. В юные годы Радищев изучал произведения М. В. Ломоносова; он воспитывался русскими учеными, сторонниками взглядов Ломоносова. В 1766—1771 годах Радищев учился в Лейпцигском университете. Юридический факультет Лейпцигского университета пользовался заслуженной славой. В числе его профессоров имелись ученые с европейским именем. Годы, проведенные в Лейпциге, позволили Радищеву основательно изучить сочинения Руссо, Монтескье, Гельвеция, Беккариа, Мабли и других корифеев века Просвещения. Они оставили неизгладимый след в его душе, вооружив писателя на борьбу с несправедливостью.

По возвращении из-за границы Радищев вначале служил в Сенате, затем в штабе главнокомандующего и в Коммерц-коллегии. Впоследствии Радищев был назначен начальником петербургской таможни. В России Радищев занялся литературной деятельностью. Он помещал статьи в журнале «Беседующий гражданин», участвовал в сатирических журналах Н. И. Новикова.

Одной из первых работ Радищева по возвращении в Россию был перевод книги Мабли «Размышления над греческой историей», напечатанный в 1773 году при содействии Новикова. Для Радищева работа над переводом книги Мабли имела глубокий общественный и политический смысл. Радищев снабдил свою книгу примечаниями, многие из которых носили политически острый характер. В особенности обращает на себя внимание примечание к слову «самодержавство», которое получило объяснение в сноске автора как «наипротивнейшее человеческому естеству состояние»².

Появление в 1790 году книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» явилось ударом по самодержавию и господству помещиков.

В «Путешествии» Радищев дал резкую критику русской общественной жизни 80—90-х годов XVIII века. Общее экономическое состояние страны, ужасная нищета задавленных крепостничеством масс, состояние государственного аппарата, продажность чиновников, невежество царских цензоров, жалкое положение просвещения — все стороны государственной и общественной жизни крепостнической России были убедительно разоблачены в книге Радищева.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85.

² А. Н. Радищев, Избранные сочинения, М., 1949, стр. 3.

Книга сразу же обратила на себя внимание Екатерины II, которая испещрила ее рядом злобных пометок и сделала заключение, что автор — «бунтовщик хуже Пугачева».

Радищев был заточен в тюрьму и приговорен раболепными чиновниками к смертной казни. На положении приговоренного к смерти он более месяца просидел в тюрьме, но был «помилован» Екатериной, заменившей ему смертную казнь ссылкой на десять лет в Илимский острог (Сибирь).

При Павле I Радищев был возвращен из Сибири и жил в имении своего отца под полицейским надзором. При Александре I в тот краткий период его царствования, когда царь лицемерно изображал из себя либерала и заигрывал с обществом, Радищев был вызван в Петербург и привлечен к работе в комиссии составления законов.

Радищев и в комиссии продолжал борьбу с самодержавием и крепостничеством. Его юридические сочинения и проекты были проникнуты антикрепостническим духом. Они оказались совершенно неприемлемы для царского правительства. Председатель комиссии граф Завадовский напомнил ему о Сибири.

Затравленный холопами самодержавия Радищев через несколько дней покончил с собой. «Потомство отмстит за меня»¹, — высказал он незадолго до смерти убеждение в неизбежности победы революции в России.

3. Философские взгляды Радищева представляют собой значительный шаг вперед в развитии материалистической философии в России в XVIII веке. Идя вслед за Ломоносовым, Радищев решал основные проблемы философии как убежденный материалист.

Вместе с тем в философском учении Радищева имелись и слабые стороны, присущие метафизическому материализму XVIII века.

Со свойственной метафизикам его времени тенденцией Радищев пытается вывести законы общественного развития из законов природы, оставаясь идеалистом во взглядах на развитие общества.

Защищая позиции, характерные для наиболее последовательных и радикальных просветителей XVIII века, Радищев выдвигает учение о решающей роли общества, о том, что человек силен только в общегитии.

В работе «О добродетелях и награждениях» Радищев пишет, что только в союзе, в обществе, человек может ощутить свое достоинство, свою свободу. «Немощны, дебели, расслаблены во единице, едва ли не всеильны стали в сообщении, творяй чудеса яко боги»².

Человек формируется под влиянием общества. Только в общении с другими мыслимо выявление всех человеческих возможностей. Поэтому общество обязано заботиться о том, чтобы защитить

¹ В. П. Семенников, Радищев. Очерки и исследования, М., 1923, стр. 235.

² А. Н. Радищев, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, 1952, стр. 562.

общие права народа от всех, кто на них покушается, то есть от угнетателей. Смысл и назначение государства Радищев видел в защите слабых. Изолированное существование человека вне общества для Радищева является лишь мысленной абстракцией, как и общественный договор. Этими абстракциями Радищев пользуется для того, чтобы обосновать свои выводы об отношении человека к обществу и государству, о назначении государства и т. д.

4. Исходя из конкретной исторической обстановки конца XVIII века в России, Радищев порвал с традиционными упованиями ряда предшествовавших ему просветителей на «просвещенного» монарха и пришел к полному отрицанию помещичьего, крепостнического государства.

Особенностью критики абсолютизма и крепостничества, данной Радищевым в его «Путешествии» и в других произведениях, было то, что она обращалась им не против отдельных лиц, а против самодержавия как политической формы, обеспечивающей господство помещиков-крепостников.

Радищев показывает неправомерность и вред крепостничества. Крепостное состояние противоречит естественному праву — все люди рождены свободными и равными.

Никакая власть и никакой положительный закон не могут ни умалить, ни истребить естественных, дарованных самой природою прав человека.

Порабощение человеком себе подобных есть «зверский обычай», преступление. Это злодеяние привело к тому, что крестьяне «мертвы в законе», «уподоблены рабочему скоту». «Коварство и насилие» лишили крепостных всех прав и преимуществ человека¹.

Крепостной труд непроизводителен, и «нива рабства, неполный давая плод, мертвит граждан»². Голод, часто посещавший русскую деревню, Радищев объясняет «злыми последствиями рабства», так как только свою землю «крестьянин пашет с великим тщанием»³.

В ярких красках описывает Радищев помещичий гнет и крайнюю степень нищеты доведенного до отчаяния крепостного крестьянства. Изображая в «Путешествии из Петербурга в Москву» убогую обстановку крестьянской избы, Радищев восклицает: «Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? То, чего отнять не можем, — воздух... Закон запрещает отнять у него жизнь. — Но разве мгновенно. Сколько способов отнять ее у него постепенно!»

О помещике, который скопил свое богатство за счет нещадной эксплуатации крепостных, Радищев пишет: «Варвар! недостоин

¹ См. А. Н. Радищев, Собрание сочинений в 3-х томах, т. 1, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1938, стр. 305.

² Там же, стр. 319.

³ Там же, стр. 232.

ты носить имя гражданина. Какая польза государству, что несколько тысяч четвертей в год более родится хлеба, если те, кто его производят, питаются наравне с волом, определенным тяжкую вздирати борозду?».

Вывод Радищева таков: «Богатство сего кровопийца ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания».

В своем учении о естественном праве Радищев весьма близко подходит к крупнейшим просветителям XVIII века, и в особенности к Руссо, у которого он, как убежденный республиканец, взял на вооружение идею народного суверенитета и защиту его неделимости и неотчуждаемости.

В знаменитой оде «Вольность», написанной в 1781 году, быстро разошедшейся в списках и впоследствии включенной в «Путешествие из Петербурга в Москву», он защищает идею суверенитета народа.

Возникновение гражданского общества объясняется в соответствии с идеями школы естественного права.

Возникла обща власть в народе,
Соборной всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю;
Вот что есть в обществе закон¹.

В этих словах Радищева нельзя не усмотреть приближения к учению Руссо о народном суверенитете и общей воле («*volonté g n rale*»), которая лежит в основе закона, издаваемого в республике.

Приближаясь в своем учении о государстве и праве к представителям наиболее радикального крыла французского Просвещения XVIII века, Радищев противопоставлял естественное право положительному закону с позиций защиты интересов крестьянства, наполнив теорию естественного права революционным содержанием.

Среди неотъемлемых, естественных прав человека Радищев особо выделял право самозащиты; он признавал за народом право на восстание против тирана и право расторжения общественного договора, если власть издает законы, нарушающие естественные права человека, и не обеспечивает ему сохранности жизни, чести, неприкосновенности имущества.

Радищев полагал, что, заключая общественный договор, люди передают государству только часть своих прав, в силу чего за

¹ А. Н. Радищев, Собрание сочинений в 3-х томах, т. 1, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1938, стр. 260.

каждым членом общества безусловно сохраняется естественное право защиты жизни, чести и собственности. Таким образом, по Радищеву, если человек не получает в обществе защиты, он имеет право сам защищать свои поправные права. Такая постановка вопроса звала к восстанию, к революции, решающей силой которой должны быть народные массы.

В «Письме к другу, жительствовавшему в Тобольске по долгу звания своего» Радищев объясняет иллюзорность упований на милости царя. «...Нет и до скончания мира примера, может быть, не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своей власти, севая на престоле»¹.

Существующая в России деспотия, по мнению Радищева, изжила себя, она обречена на гибель.

В большинстве сочинений Радищева красной нитью проходит защита положения о неизбежном освобождении народов, свержении тирании и уничтожении рабства в ходе революции в России.

День грядущего и неизбежного свержения самодержавия в России Радищев считал «избраннейшим из дней», мечтая о времени, когда «право мщенное природы» на плаху возведет царя.

Радищев вскрыл в своих произведениях антинародную природу царской власти и показал роль церкви в подавлении народных масс.

Разоблачение поповщины Радищевым и его борьба с церковью — помощницей реакционного самодержавия — имели большое значение для развития революционного движения в России.

Как крупнейший демократ, просветитель и революционный деятель своего времени. Радищев повсюду в своих сочинениях, где только может, обрушивается на крепостное право, доказывая многими доводами, в том числе и юридическими, не только то, что оно противоречит природе, но и его незаконность как института общественной жизни, появившегося на свет в результате торжества грубой силы над разумом².

5. Избавления народа от ужасов крепостничества Радищев ждал от широкой народной революции — восстания крестьян. Из мучительства неминуемо рождается вольность. заявлял он, а мучительство в России достигло крайнего предела.

Радищев понимал, что после тяжкого многовекового угнетения крестьянства взрыв народного гнева должен быть страшен. Но революция крепостных крестьян его не пугала: «...Если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своим, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашу обогрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулись

¹ А. Н. Радищев, Избранные сочинения, ГИХЛ, 1949, стр. 14.

² См. А. Н. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву, гл. «Хотил». «Нет ничего вреднее как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой стороны робость. Тут никакой не может быть связи, разве насилие»

великие мужи, для заступления избитого племени: но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. — Не мечта сия, но взор проникает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие»¹.

Будучи провозвестником крестьянской революции, в результате которой должна утвердиться власть народа, Радищев отчасти видел ограниченность французской и американской буржуазных революций. Радищев обличал колонистов Америки за зверское истребление индейцев, за порабощение невольников-негров. «Сии то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала, отринутые своих домов и семейств, переселенные в неведомые им страны, под тяжким жезлом благоустройства, взлируют обильные нивы Америки, трудов их гнушающейся. И мы страну опустошения назовем блаженною для того, что поля ее не поросли тернием и нивы их изобилуют произращениями разнообразными. Назовем блаженною страну, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова»². В этих словах выражено глубокое сочувствие Радищева угнетенным трудящимся массам Америки.

Радищев, подчеркивая заслугу Кромвеля, казнившего короля, вместе с тем отмечал, что он не дал свободы народным массам.

Радищев приветствовал идеи, которые несла с собой французская революция 1789 года, избавлявшая народ от цепей крепостничества, но вместе с тем он осуждал антинародную политику крупной французской буржуазии и травлю ею «друга народа» Марата и выразил в связи с этим тревогу за дальнейшую судьбу этой революции.

Радищев обличал косность, верноподданничество и отсталость русской буржуазии. В одной из глав «Путешествия» описано купеческое семейство. В групповом портрете, данном Радищевым, нет ни одной светлой черты. Перед нами жадные стяжатели, приспускающие на вершок, когда меряют на аршин. Глава семейства — старый купец, «именитый гражданин», — составил себе капитал на мелких аферах и обмане заимодавцев. Отрицательные черты русской буржуазии способствовали тому, что в мировоззрении Радищева, правда еще в зародыше, усматриваются и некоторые антибуржуазные тенденции.

6. Радищев выступает как последовательный демократ. «Народное правление» должно быть осуществлено не только в малых, но и в больших государствах. Как защитник идеи суверенитета народа он критикует теорию разделения властей Монтескье. Вместо разделения властей, фактически закрепляющего компромисс между дворянством и буржуазией, он выдвигает идею всевластия

¹ А. Н. Радищев, Собрание сочинений в 3-х томах, т. 1, М. — Л., Издательство Академии наук СССР, 1938, стр. 368—369.

² Там же, стр. 317.

народа. Он осуждает также утверждение Руссо, будто демократия может существовать только в небольших государствах. «Монтескию и Руссо, — писал он, — с умствованием много вреда сделали. Один мнимое нашел разделение правлений... Другой, не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»¹.

Радищев выступил как сторонник федеративно-республиканского строя. Идеализируя вечевой строй северно-русских феодальных республик — Новгорода и Пскова, Радищев и будущую Россию представлял себе как свободную, добровольную федерацию вольных городов, на вечевых собраниях которых народ был бы «истинный государь». Во главе народного правления, по Радищеву, должны встать «великие мужи», которые будут выдвинуты народом.

В выступлении против самодержавия Радищев опирался на историю русских древностей. Он изучал летописи, стремясь найти в них подтверждение тому обстоятельству, что народоправство существовало в России с давних пор.

Радищев изучал «Историю» Татищева и летопись Иоакима с той целью, чтобы найти в них обоснование прав русского народа на вольность.

В примечаниях на древние летописи Радищев отметил: «Новгородская летопись стоила вдвое больше Московской и Тверской». Он подчеркивал, что княжеская власть не только в Новгороде, но и во Владимире первоначально зависела от народа.

«Отягченные податями володимерцы, — отметил Радищев, — говорили: мы еси вольнии а князей приняли к себе и крест целовали как на всем».

В факте длительного господства Новгородской республики на Севере России Радищев усматривал доказательство приверженности русского народа к республике как лучшей форме государства.

Как борец против крепостничества, Радищев отвергал притязания помещиков на земельную собственность — земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Защита права собственности у Радищева имела ярко выраженный антифеодальный характер.

Радищев высказывался против эксплуатации трудящихся владельцами мануфактур, купцами, скупщиками и т. д. Он мечтал об имущественном равенстве мелких производителей, об артельной организации мануфактурного производства, об устранении скупщиков. Но эта мечта об имущественном равенстве и всеобщем дольстве производителей при частной собственности на средства производства была несбыточной. Объективно осуществление программы Радищева означало бы уничтожение всех преград для быстрого капиталистического развития России.

¹ А. Н. Радищев, Избранные сочинения, ГИХЛ, 1949, стр. 656—657.

В то же время по последовательности антифеодалных требований радищевская программа была наиболее радикальной из всех выдвинутых в политических теориях России XVIII века.

Общественно-политические идеалы Радищева — свержение самодержавия, установление республиканского, демократического строя, отмена крепостного права и наделение крестьян землей.

7. Радищев был замечательным русским правоведом XVIII века. Он является автором целого ряда юридических трудов и законодательных проектов, в которых затронуты важнейшие вопросы правовой науки. В своих юридических трудах Радищев защищает народ от произвола дворян-помещиков.

Мысль о том, что справедливый закон должен, как щит, прикрывать собой слабых и обиженных, проходит через все юридические труды Радищева. В учении о законе Радищев выступает как убежденный борец против несовместимого с естественным правом законодательства Екатерины II, которое «узаконило» произвол помещиков над крестьянами.

Взгляды Радищева в области гражданского права носят прогрессивный характер. Он защищает полную правоспособность каждого гражданина вне зависимости от принадлежности к тому или другому сословию.

Ограничения правоспособности, установленные крепостническим законодательством, Радищевым категорически отвергаются.

Проблемы уголовного права разрешаются Радищевым с демократических позиций. Его учение о преступлении и наказании проникнуто духом высокого гуманизма. В сфере наказания, по Радищеву, должен действовать только разумный и мягкий закон, ибо, «мщение всегда гнусно». Особенно подробно разработан Радищевым вопрос об институте необходимой обороны. В интерпретации Радищева право необходимой обороны оправдывало как единичную расправу крестьян со своими мучителями, так и их общее восстание.

Юридические труды Радищева составляют значительный шаг вперед в развитии науки права в России и заслуживают тщательного изучения.

8. Радищев положил начало революционно-демократическим тенденциям в России также и в разрешении национального вопроса и проблем науки международного права. Он сурово осуждал стремление оправдать национальное неравенство и критиковал попытки создания расовых теорий, оправдывавших произвол европейцев в колониальных странах и систему «цветного рабства».

Радищев противопоставил расовым теориям идеи полноправности и полноценности всех без исключения народов. Он осуждал захватнические войны, осуществляемые во имя тщеславия, ради присвоения чужих территорий и грабежа.

Радищев был страстным патриотом России. Глубокой, искренней любовью к народу, восхищением перед его великими моральными качествами проникнуты все произведения Радищева. В «Повествовании о приобретении Сибири» он говорит о русском народе: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский. И если бы место было здесь на рассуждение, то бы показать можно было, что предприимчивость и ненарушимость в последовании предпринятого есть и была первою причиною к успехам Россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного, сии качества в них не воздремали»¹.

Вера в мощные силы русского народа и в то, что он, сбросив иго самодержавия и крепостничества, сможет построить свободное отечество, дала возможность Радищеву пророчески указать на великую роль будущей России, освобожденной от оков рабства.

Радищев оказал огромное воздействие не только на современников, но и на последующие поколения борцов с самодержавием.

Влияние Радищева на развитие революционной идеологии в России особенно чувствовалось во времена декабристов и Пушкина, когда война 1812 года разбудила лучшие патриотические чувства передовых русских людей, выступивших «во след Радищеву». Оно сказалось и в творчестве великих русских революционных демократов — Герцена, Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, с. 332.

Ленин В. И., Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам, Соч., т. 15, с. 302—315.

Ленин В. И., О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, с. 84—88.

Источники

Радищев А. Н., Путешествие из Петербурга в Москву. Радищев А. Н., Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, 1952, стр. 49—214.

Радищев А. Н., Опыт о законодательстве. Собрание сочинений в трех томах, т. III, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1952, с. 5—27.

Радищев А. Н., О добродетелях и награждениях. Полное собрание сочинений в трех томах, т. III, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1952, с. 28—31.

Радищев А. Н., О законоположении. Собрание сочинений в трех томах, т. III, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1952, с. 145—165.

¹ А. Н. Радищев, Собрание сочинений в 3-х томах, т. II, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1941, стр. 146—147.

Козельский Я. П., Философические предложения, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I, Госполитиздат, 1952, с. 411—426.

Десницкий С. Е., Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I, Госполитиздат, 1952, с. 187—235.

Десницкий С. Е., Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи, «Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в.», т. I, Госполитиздат, 1952, с. 292—334.

Д о п о л н и т е л ь н а я

Покровский В. С., Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева, «Советское государство и право» 1949 г. № 10.

Покровский В. С., Общественно-политические и правовые взгляды А. Н. Радищева, Киев, 1952.

Покровский С. А. Государственно-правовые взгляды А. Н. Радищева, М., 1955.

Покровский С. А., Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого, Госюриздат, 1955.

ГЛАВА XV

РЕАКЦИОННЫЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ (КОНЕЦ XVIII — СЕРЕДИНА XIX ВЕКА)

§ 1. Реставрация Бурбонов и феодальная реакция во Франции. Теократическая школа (Жозеф де Местр, де Бональд). § 2. Историческая школа права. § 3. Расистская «теория» Гобино

§ 1. Реставрация Бурбонов и феодальная реакция во Франции. Теократическая школа (Жозеф де Местр, де Бональд)

1. Французская буржуазная революция XVIII века вызвала ожесточенное сопротивление феодальной аристократии как внутри страны, так и за ее пределами. Реакционными правительствами Европы была подготовлена вооруженная интервенция, направленная против революционной Франции. Якобинцам пришлось защищать республику против целой коалиции, враждебной революции.

Укрепление буржуазии во Франции вызывало резкое недовольство реакционного дворянства, утратившего свои привилегии и потому враждебного как правительству Директории, так и правительству Наполеона.

Когда власть Наполеона была свергнута и на французском троне водворились Бурбоны, во Франции начался разгул реакции. Правительство открыто покровительствовало бывшим эмигрантам, иезуитам и вообще католическому духовенству, осуществляло террор в отношении прогрессивных сил страны и объявило открытую войну всем либеральным и демократическим принципам.

После Венского конгресса реакция в Европе повсеместно подняла голову. Энгельс указывает, что во всех странах после 1815 года «...антиреволюционная партия держала в своих руках бразды

правления. Феодалные аристократы правили во всех кабинетах от Лондона до Неаполя, от Лиссабона до С.-Петербурга¹. Для совместной борьбы с революционным движением и поддержки существующих тронов образовался союз трех наиболее значительных монархических правительств Европы — России, Австрии, Пруссии, получивший наименование Священного союза. К нему примкнули позднее правительства Англии и Франции. Реакция пыталась удушить повсюду революционное движение и воспрепятствовать распространению в Европе буржуазной государственности.

В этих условиях поднимает голову идеологическая реакция, пытающаяся воскресить феодальное религиозное мировоззрение и открыто призывающая к сохранению существующих феодальных отношений и к восстановлению их там, где они были уничтожены. Многие из реакционных идей этого периода используются современными апологетами империализма.

2. Одним из наиболее ярких идеологов феодальной реакции был Ж о з е ф д е М е с т р (1754—1821), происходивший из французского графского рода. Жозеф де Местр был воспитанником иезуитов, но в молодые годы испытал на себе влияние Руссо и некоторое время придерживался либеральных взглядов. Однако после французской революции XVIII века Жозеф де Местр решительно стал на сторону феодальной реакции и в течение всей своей последующей жизни был ее идейным вдохновителем и выразителем мрачного, реакционного мировоззрения, враждебного всякому прогрессу.

С 1802 года в течение пятнадцати лет он жил в Петербурге в качестве посланника сардинского короля, изгнанного в то время из своих владений. Здесь он вел пропаганду католичества, хлопотал о допущении в Россию ордена иезуитов и вмешивался во внутренние дела России, выступая даже против тех скромных либеральных начинаний, которые проектировались в начале царствования Александра I.

Озлобленный успехами революции, де Местр развивал человеконенавистнические взгляды, не останавливаясь перед самыми нелепыми выводами.

Будучи сторонником феодального религиозного мировоззрения, Жозеф де Местр выступал против просветительской философии XVIII века и оспаривал основы буржуазного мировоззрения и политической идеологии, при помощи которых буржуазия боролась против феодального строя.

Просветительская философия XVIII века исходила из веры в человеческий разум, в силу научного знания. Де Местр, нападая на эти стороны идеологии XVIII века, призывал к мистике, к религии, заявляя, что без религии наука бесплодна и вредна и только в союзе с религией может дать положительные результаты.

Просветительская философия исходила из представления об огромных творческих силах человека, верила в его способность

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 573—574

к переустройству на разумных началах общественных отношений и политической организации.

Враждебно относясь ко всякому преобразованию общества, де Местр уверял, что человек неспособен совершенно к творчеству, что он бессилён, что политический строй не может быть произвольно изменён. Конституцию нельзя написать или создать на принципах разума, поучает де Местр, конституция — дело божественное, и все основное и конституционное в законах не может быть никогда написано.

Возражая американскому прогрессивному писателю Пэну, который, отстаивая необходимость писаных конституций, заявлял, что конституции нет, если её нельзя положить в карман, де Местр утверждал, что подлинная и законная конституция страны — это неписаная конституция. Писаную же конституцию он объявляет признаком слабости учреждений. Тем самым Жозеф де Местр выступал против притязаний буржуазии на ограничение королевской власти путем издания конституционных актов.

3. Де Местр — непримиримый враг революции. Он объявляет революцию «сатанинским» делом, чисто разрушительной, отрицательной деятельностью, не способной ни к какому созиданию.

Враждебный революционным преобразованиям, разрушавшим устои феодализма, Жозеф де Местр проповедует полную пассивность, покорность, рутину, застой. Нужно придерживаться, говорит он, старинных учреждений, ничего в них не менять, ничего не разрушать. Продолжая эти реакционные, враждебные прогрессу рассуждения, де Местр предлагает одобрять без всяких колебаний все старинные учреждения, в особенности те, которые поддержаны церковью. — рыцарство, инквизицию, религиозные ордена, индугенции, войну, крестовые походы.

Де Местр яростно атакует естественноправовую теорию, которую отстаивали буржуазные идеологи XVIII века, и особенно злобно нападает на Руссо, именуя его «одним из самых опасных софистов своего века». Де Местр обрушивается на известный тезис Руссо о том, будто естественное состояние людей было состоянием дикости, и пытается доказать, будто естественным и первобытным состоянием человека была цивилизация, значительно превосходившая современную по своему уровню.

Де Местр обрушивается также на учение французских просветителей о свободе и равенстве как естественных правах человека. Не свободу, а рабство, порабощение одних другими, он объявляет естественным состоянием людей, необходимым условием всякого общежития.

Ссылаясь на слова Аристотеля о людях, от природы предназначенных быть рабами, де Местр оправдывает рабство, заявляя, что человек слишком зол, чтобы быть свободным. По словам де Местра, ни в природе, ни в обществе нет и не может быть равенства. Пытаясь оправдать неравенство и эксплуатацию, де Местр указывает, что в природе одни существа неизбежно живут за счет других

и питаются ими. Основное условие всякой жизни, по его словам, то, что высшие и более сильные организмы поглощают низшие и более слабые.

Стремясь найти обоснование для феодальной эксплуатации и произвола королевской власти, Жозеф де Местр выдвигает идею, что основным законом мироздания является несправедливость. Жизнь во всем мире, утверждает он, поддерживается непрерывным убийством, истреблением одних существ другими. Однако человек настолько превосходит все другие существа на земле, что среди них нет такого, которое могло бы истреблять человека. Поэтому во исполнение мирового закона сам человек призван умерщвлять человека. В этом де Местр находит оправдание войны. Война — это проявление вечного порядка мироздания; солдат — орудие верховного закона, правящего миром.

Оправдывая войны как проявление мирового порядка, де Местр объявляет вместе с тем вечным и необходимым проявлением мирового закона преступления людей и налагаемые государством наказания. Он считает смертную казнь необходимой во всяком обществе и пытается изобразить палача как некоторое живое воплощение того же божественного порядка. Палач — это «связь человеческой ассоциации»¹, — пишет де Местр.

Государственной власти де Местр приписывает божественное происхождение. С его точки зрения, законна только власть абсолютного монарха. Это — лучшая, самая прочная и самая естественная форма правления. Де Местр против всего, что способно ослабить единство или ограничить полноту монархической власти. Он готов сделать лишь одно исключение, допуская подчинение королей авторитету католической церкви и ее главы — римского папы.

Всячески превознося роль папы в истории европейского общества, де Местр отстаивал принцип папской непогрешимости. При этом он разъяснял, что догмат непогрешимости, с его точки зрения, вовсе не означает, что папа неспособен впасть в ошибку. Догмат этот означает лишь, что папа не подлежит обвинению в ошибке, что на его суждение нет апелляции.

Де Местр был выразителем безудержной феодальной реакции. Он яростно защищал обветшалые феодальные учреждения, которые еще сохранялись в Европе. Его идеал — в прошлом, в средневековых феодальных порядках с громадной ролью пап, инквизицией, безграничной и бесконтрольной властью королей.

4. Очень близки к взглядам де Местра воззрения другого французского реакционера конца XVIII — начала XIX века — виконта де Бональда (1753—1840). Во время французской буржуазной революции Бональд эмигрировал из Франции и сражался против французской республики в рядах контрреволюционной армии Кондэ.

¹ Жозеф де Местр, Петербургские вечера, 1854, т. I, стр. 41 (на французском языке).

Он возвратился во Францию при Бонапарте и во время реставрации был видным деятелем крайней правой, «ультрамонтанской» партии. После июльской революции 1830 года Бональд отказался присягнуть новому королю — ставленнику буржуазии и при июльской монархии не принимал активного участия в политической и общественной жизни страны.

Его сочинение — «Теория политической и религиозной власти в гражданском обществе» — вышло в свет в 1796 году. Другое его произведение, посвященное политическим проблемам, — «Первоначальное законодательство» — появилось в 1802 году.

Бональд, как и де Местр, являлся защитником самых реакционных идей, открыто призывал к восстановлению феодальной монархии, крепостничества и господству религиозных представлений в общественном сознании, к подчинению государства церкви.

Подобно де Местру, Бональд исходит из представления о творческом бессилии человека. Человек, утверждает он, не изобрел ни общества, ни семьи, ни языка, ни искусства. Все эти явления имеют божественное происхождение, всему научил людей бог. В попытках объяснить различные стороны жизни люди восходят обычно к «первобытному обществу», но первобытное общество, заявляет Бональд, — это выражение, изобретенное людьми для того, чтобы не называть бога.

Выводом из такого рода представлений является у Бональда призыв к полной пассивности, к застою и реакции.

Человек живет в мире, который дан ему божественными силами. Поэтому не следует пытаться изобретать, ибо люди к этому неспособны, не следует пытаться мыслить, так как люди неспособны к самостоятельному мышлению. Нужно найти и усвоить божественную мысль, покорно внимать богу.

Таков откровенный призыв Бональда к верховенству религии во всех областях жизни. Этот призыв означал стремление остановить общественное развитие, затормозить всякий прогресс, вернуть европейское общество к мрачному средневековью, к уже опрокинутому революцией феодальному строю.

Бональд отстаивал абсолютную монархию. Заявляя, что все в мире устроено «монархически» (единое божество правит миром, единый глава управляет семьей, единая душа руководит человеком), Бональд пытается обосновать вывод, что и государство должно быть монархическим. Он защищает также дворянские привилегии, изображая их как вольности, основанные на неотчуждаемой и неприкосновенной собственности. Люди приобретают свободу службой и собственностью.

Защита религиозного мировоззрения, апология абсолютизма и феодальных привилегий были направлены на то, чтобы отстоять подорванные революцией материальные интересы французского дворянства.

Маркс в речи по польскому вопросу, характеризуя де Местра и Бональда, говорит: «...самая возвышенная метафизика какого-

нибудь Де Местра или Бональда в конечном счете сводится к денежному вопросу... Всем известно, что монархическая преданность не может обойтись без десятины и барщины»¹.

§ 2. Историческая школа права

1. Одним из выражений феодальной реакции на идеи французской революции XVIII века явилось в Германии учение исторической школы права.

Германия в конце XVIII и в начале XIX века по своему экономическому, социальному и политическому строю была одной из самых отсталых стран в Западной Европе. В экономике удерживались феодальные отношения в виде крепостничества и цеховой организации ремесла. Сословные привилегии дворянства полностью сохранились, а крепостное право, почти исчезнувшее во Франции, здесь еще больше укрепилось. Помещики при этом неуклонно расширяли свою запашку за счет крестьянских земель. Лишь незначительную часть крестьянства составляли вполне свободные от той или иной зависимости мелкие собственники.

Хотя в этот период в ряде областей Германии наблюдался уже рост капиталистической промышленности, но это развитие шло медленно и неравномерно в различных частях страны.

Промышленный переворот в Германии произошел поздно, не раньше 40-х годов XIX века. Развитие промышленности задерживалось сохранением феодальных отношений в сельском хозяйстве. Большинство предприятий еще в начале 40-х годов имело сравнительно небольшие размеры; в ряде мест (Южная Германия, Австрия) долго преобладали ремесло и зачаточные формы мануфактуры.

Сельское население численно значительно превосходило городское. Даже в 1840 году число рабочих в Пруссии составляло менее 3 процентов всего населения. В силу экономической отсталости страны буржуазия была слаба и лишена боевого духа. Будучи неспособной вдохновляться широкими национальными задачами, она погрязла в болоте мелких, местных и частных интересов, придерживалась ограниченных, филистерских представлений о задачах личной и общественной жизни.

Отсутствие прочных экономических связей в масштабе всей страны и преобладание чисто местных интересов отразились на государственной организации Германии.

Политический строй ее отличался крайней раздробленностью, бессилием центральной власти (императора и имперских учреждений) и всевластием князей и других феодалов в многочисленных владениях, на которые была разделена тогда вся страна.

Наиболее реакционной была система управления в Пруссии и Австрии, представлявших в то время образцы полицейского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 489—490.

государства со всеилием бюрократии и военщины, с полным подавлением личных прав подданных и с безграничной мелочной опекой над всеми сторонами общественной и личной жизни. Право и законодательство в Германии также сохраняли феодальные черты.

Все указанные условия жизни германского общества содействовали укреплению и распространению реакционных учений — немецкого идеализма, «романтизма», а также учения исторической школы права.

2. Основателем исторической школы права был Густав Гуго (1764—1844), профессор Геттингенского университета. В своем «Учебнике естественного права как философии положительного права» Гуго ставит вопрос о том, как образуется право, и объявляет «юридическим суеверием» мнение, что все в праве решается путем регулирования сверху.

Закон — не единственный источник права. Повсеместно право образуется не только в результате законодательства, но и помимо деятельности законодателя. Так складывалось обычное право, создавалось преторское право в Риме и т. п.

В более поздней статье, озаглавленной «Законы не являются единственным источником юридических истин», Гуго разъяснил эти выдвинутые им ранее положения. Вопреки учению естественнорправовой школы, исходившей из представления о широких творческих возможностях законодателя, Гуго утверждал, что право развивается вместе с языком и что, подобно языку и нравам, оно складывается само по себе, без чьих-либо соглашений и приказов.

Образование права Гуго сравнивает также с образованием правил игры. Он отмечает, что в большинстве игр многие правила складываются независимо от соглашения играющих. Они образуются с течением времени, в результате одинакового решения сомнительных вопросов от случая к случаю. Лишь постепенно, в результате сложившейся практики устанавливаются твердые правила.

Взгляды Гуго были направлены на защиту неписаного феодального права. Это было выступление против нового, буржуазного в своей основе законодательства.

То, что предписано законом, писал Гуго, не всегда совпадает с тем, что осуществляется в действительности. Гуго считает такое положение вполне нормальным. Он пытается доказать, что этим обеспечиваются возможно большая определенность норм права и знакомство с ними населения. Многие, утверждает он, не читали и не знают содержания закона, но фактический распорядок жизни каждому хорошо знаком.

Чтобы сделать более убедительной свою защиту обычного права, Гуго заявляет, что определенность и известность норм права, более всего, по его мнению, достигаемая обычным правом, — важнейшая цель, нередко более важная, чем то или иное содержание правовых норм.

Придавая решающее значение в процессе образования права фактически сложившемуся порядку, Гуго одобряет и оправдывает всякое фактически существующее положение вещей.

Это был полный отказ от критического отношения к неприглядной действительности, безоговорочное одобрение уродливых общественных и политических порядков в Германии. Маркс в статье «Философский манифест исторической школы права» говорит о Гуго: «*Всё, что существует, признаётся им в качестве авторитета, а всякий авторитет берётся им как основание*»¹.

Учение Гуго является откровенной апологией всех существующих институтов. Он оправдывает рабство, ссылаясь на то, что оно существовало тысячелетиями у самых «просвещенных» народов и встречало одобрение мудрейших людей («Философия положительного права»), и вообще объявляет, что всякий институт, утвердившийся и ставший привычным, законен, поскольку он существует.

Маркс в статье «К критике гегелевской философии права» говорит, что историческая школа — это школа, «...которая подлость сегодняшнего дня оправдывает подлостью вчерашнего, которая объявляет мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый, унаследованный, исторический кнут...»².

3. Дальнейшее развитие идеи Гуго получили у Ф р и д р и х а К а р л а С а в и н ь и (1779—1861), известного германского цивилиста, профессора Берлинского университета, автора вышедшей в 40-х годах шеститомной «Системы современного римского права».

Поводом к изложению взглядов на развитие права послужила для Савиньи вышедшая в 1814 году брошюра немецкого юриста Тибо «О необходимости всеобщего гражданского права для Германии», в которой автор выступил с предложением создать единый гражданский кодекс для всей Германии. Кодекс должен был отменить действие отдельных местных обычаев, отражавших сохранявшиеся еще повсеместно в Германии значительные элементы феодальных отношений. Только Австрия и Пруссия имели гражданские кодексы, но эти кодексы не были чисто буржуазными. Австрийский кодекс выражал компромисс буржуазных начал с принципами феодального строя. Прусское земское уложение 1794 года было «...кодексом просвещенного патриархального деспотизма...»³.

Хотя Тибо и не был сторонником политического объединения Германии, однако, отражая буржуазные тенденции, высказывался за кодификацию гражданского права в общегерманском масштабе.

Савиньи выступил против Тибо в брошюре «О призвании нашего времени к законодательству и правоведению», вышедшей в том же 1814 году.

Савиньи усматривал в предложениях Тибо влияние философии XVIII века с ее верой во всемогущество законодателя и благодатные

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 87.

² Там же, стр. 416.

³ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 106.

последствия создания новых кодексов. Он упрекал Тибо в игнорировании исторического прошлого и ставил его предложение о кодификации в прямую связь с представлением о праве, основанном на разуме, об «идеальном законодательстве, пригодном для всех времен и для всех случаев, которое достаточно открыть, чтобы на вечные времена завершить создание положительного права»¹.

В действительности, по мнению Савиньи, право, как и язык, как и нравы, имеет определенный характер, свойственный данному народу. В них находит свое выражение «общее убеждение» народа. Право, по словам Савиньи, — не произвольное установление законодателя, а органический продукт мистического «народного духа», народного сознания. Таковы туманные и абстрактные формулы, прикрываясь которыми Савиньи пытается обосновать национализм и выступает на защиту реакционной политической программы.

Возражая против законодательного творчества, Савиньи заявляет, будто право непрерывно и закономерно развивается как продукт действия внутренних, исподволь действующих сил.

Объявив право выражением народного убеждения, Савиньи не может, однако, отрицать роли юристов в разработке права. Он выпутывается из трудностей, предлагая различать две главные стадии в развитии права: стадию «природного» права (*natürliches Recht*) и стадию «ученого» права (*gelehrtes Recht*). В первой стадии право живет непосредственно в сознании народа и проявляется как обычное право. Во второй стадии оно обнаруживается в сознании ученых-юристов, выступающих в роли представителей народа, выразителей народного правосознания. На этой ступени развития право ведет двойное существование: с одной стороны, как часть жизни народа, с другой — как особая наука в руках юристов. В праве обнаруживается юридино-технический элемент.

Кодификацию Савиньи объявляет делом еще более поздней стадии развития права. Исходя из этого, Савиньи находит предложение о кодификации гражданского права в Германии несвоевременным. Наилучшим источником права он считает не законодательство, а обычай, выступая, таким образом, в защиту феодального обычного права, сохранявшегося в Германии.

Взгляды Савиньи весьма противоречивы. С одной стороны, он заявляет, что всякое право повсеместно является результатом внутренних, исподволь действующих сил, с другой — он признает вполне возможным вмешательство законодателя в развитие права, но только считает такое вмешательство нежелательным. «Живущее в народе право есть единственно разумное», — говорит он. Следовательно, оно — не единственно возможное, а это значит, что право может развиваться и в других формах.

4. Вслед за Савиньи идеи исторической школы права отстаивал его последователь Георг Фридрих Пухта (1798—1846), преемник Савиньи по университетской кафедре в Берлине.

¹ Савиньи, О призвании нашего времени к законодательству и правоведению, 1892, стр. 5 (на немецком языке).

Пухта изложил свои взгляды главным образом в произведении «Обычное право» (1828 г.) и позднее — во вводных главах «Курса институций» (1841 г.).

В том же националистическом духе, как и Савиньи, Пухта утверждает, что право есть результат деятельности народа, продукт народного духа. «Своеобразие народа обнаруживается в его праве так же, как и его языке и нравах»¹.

Игнорируя классовый, феодальный характер современного ему права, Пухта, как и Савиньи, объявляет, что оно есть выражение «общего сознания народа», «общей воли всех участников правового общения». Правовая норма, по его словам, обязательна в силу того признания, которое она встречает в общем убеждении народа. Это означало апелляцию к обычному праву против законодательного творчества. И действительно, Пухта объявляет первоначальным источником права обычай, который, по его словам, ближе всего стоит к основе всякого права — к «народному убеждению».

Представляя собой некоторое органическое целое, право, по словам Пухты, и развивается органически из народного духа. Пухта заявляет, что эта мысль может быть выражена кратко словами: «Право имеет свою историю»². Против этого идеалистического понимания процесса развития права из народного духа Маркс и Энгельс выдвинули в «Немецкой идеологии» свое знаменитое положение: «... право... не имеет своей собственной истории...»³.

Нельзя не указать здесь также и на то, что обычное право в Германии во времена Савиньи и Пухты не представляло чего-либо единого в масштабе всей страны. Оно было различным в зависимости от местности и сословия. Поэтому все рассуждения Савиньи и Пухты об общем убеждении, общей воле стоят в вопиющем противоречии с этим бесспорным и очевидным фактом.

Реакционеры не раз объявляли феодальное «право-привилегию» выражением свободы именно за его партикуляризм, многообразие, отсутствие в нем единства. Маркс и Энгельс, говоря, что свобода — весьма неопределенное понятие, отмечают, что «...именно реакционеры, в особенности историческая школа и романтики... усматривают истинную свободу в особенностях, например в особенностях тирольских крестьян и вообще в своеобразном развитии индивидов, а затем и местностей, провинций, сословий...»⁴. Характерно, что Пухта как раз объявлял свободу основным понятием права.

Настаивая на органическом развитии права, Пухта вынужден был, однако, признать, что мышление ученых-юристов оказывает заметное влияние на развитие права. Он готов даже допустить, что органическая целостность права может быть нарушена диссонансами, поскольку дух народа подвержен «болезненным явлениям» в своем развитии.

¹ Пухта, Курс институций, § 9.

² Там же, § 19.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 64.

⁴ Там же, стр. 307.

Более того, он признает наряду с чисто национальными некоторые «общие» начала в праве, которые делают возможными воздействие одного народа на другой и заимствование чужого права в качестве основы для развития собственного. Этим объясняется, по его мнению, рецепция римского права в странах Западной Европы. Но такое допущение, разумеется, было большой непоследовательностью в учении Пухты.

Таковыми же реакционными чертами, как и учение о праве, отличается и учение Пухты о государстве. Государство, с его точки зрения, создано той же силой, что и право. Оно имеет своей основой тот же мистический «народный дух».

«Дух народа производит государство, как и право»¹. Развитие государства происходит так же органически, как и развитие права. Но в конечном счете и право, и государство имеют божественное происхождение. И правительство, и правительственная власть происходят от бога. Истинная свобода состоит в подчинении божественной воле.

Исходя из этих положений, Пухта защищает монархическое правление, причем полномочия монарха он рассматривает как личное право последнего. Отношения монарха и подданных он считает необходимым строить на средневековых началах «верности». Средством для того, чтобы обеспечить публичные права индивидов, он считает феодальные корпорации. Так Пухта приходит к апологии абсолютной монархии, обставленной средневековыми феодальными учреждениями.

Историческая школа права представляет собой, таким образом, глубоко реакционное учение, которое перекликается в ряде положений с рассмотренными выше учениями французских реакционеров конца XVIII — начала XIX века.

Энгельс говорит об исторической школе как о школе, «...которая питалась идеями Бональда, Де Местра и других писателей из первого поколения французских легитимистов...»².

Вполне понятно, что положения исторической школы с присущим ей национализмом и апологией средневековья были восприняты и повторены идеологами германского фашизма и отразились в некоторых реакционных учениях американских юристов, призывающих исходить при раскрытии права из фактически сложившегося положения, а не из норм права (см. ниже, гл. XXXII, о социологической школе).

§ 3. Расистская «теория» Гобино

Представители аристократических реакционных течений выдвигают и развивают различные националистические идеи и учения. Помимо национализма Фихте, Гегеля (см. ниже) и учения исторической школы права о народном духе, из которого якобы проистекает

¹ Пухта, Курс институций, § 11.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 18.

развитие права, следует упомянуть в этой связи о пресловутой «химии рас» Гобино.

Граф Г о б и н о (1816—1882), автор четырехтомного «Опыта о неравенстве рас», пытается объяснить весь ход человеческой истории, исходя из тех особенностей, которые произвольно приписываются им расам и народам. Важнейшее значение при этом он придает, с одной стороны, «чистоте», с другой — «смещению» рас.

Гобино исходит из того, что некогда не было деления на расы, а существовало единое человечество — первобытный человек, «адамит», нам совершенно неизвестный. Позднее возникает доступное нашему наблюдению деление человечества на три расы: белую, желтую и черную. Смещение этих основных рас порождает дальнейшие расовые деления человечества.

Совершенно без всяких оснований Гобино заявляет, что «чистота» расы имеет решающее значение для физических и психических качеств народов, и не менее произвольно приписывает одним народам расовую «чистоту», а другие — объявляет продуктом «смещения» рас. Чем чище раса, тем она, по его мнению, совершеннее. Пока раса чиста, говорит Гобино, образ мыслей у всех представителей данного народа одинаков, учреждения остаются неизменными.

Гобино — враг всяких перемен, враг общественного развития. Он пытается объяснить французскую буржуазную революцию XVIII века и образование буржуазных демократий в Западной Европе «смещением рас», которое, по его мнению, неуклонно возрастает в истории человечества. Гобино уверяет, что «неоднородность» крови создает расхождение в воззрениях, что вследствие смещения рас происходят вырождение, неурядицы, болезненный застой, обнаруживается, говорит он, «дух легкомыслия», «жалкий изменчивый характер».

Наиболее «чистая» раса, по его утверждению, — белая; она превосходит все остальные своей красотой, умом и силой; она одна ценит жизнь и честь. «Важнейшим пунктом земли, — заявляет Гобино, — является тот, где в данный момент живет наиболее чистая, разумная и сильная группа белых людей. Если бы под влиянием непреодолимых сил она принуждена была переселиться в полярные страны, то и центр умственной жизни склонился бы также в эту сторону»¹.

Наблюдая укрепление буржуазной демократии и предвидя возрастающую роль масс, Гобино преисполнен пессимизма. Он пророчит «крушение» цивилизации, будущие судьбы человечества не внушают ему никаких надежд, так как будет продолжаться роковое влияние неуклонно происходящего «смещения рас».

В этих рассуждениях, лишенных всякого научного значения, отражаются настроения аристократа, который видит бесповоротное крушение феодального мира с его сословным неравенством и привилегиями, связанными с происхождением.

¹ Г о б и н о, Опыт о неравенстве рас, 1853, т. I, стр. 532.

Книга Гобино переполнена совершенно произвольными и вздорными суждениями о мнимых преимуществах одних народов перед другими, о якобы «естественном» неравенстве народов и рас.

Гобино объявляет славянские народы «самым старым, истрепанным, а значит и выродившимся племенем», а германские народы — хотя и не чистыми арийцами, но все же лучшими представителями «высшей», белой расы.

Человеконенавистнические идеи Гобино были подхвачены позднее германскими империалистами и особенно германскими фашистами, а в настоящее время используются идеологами империалистической реакции ряда стран капиталистического мира.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., К критике гегелевской философии права. Введение, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 1.

Маркс К., Философский манифест исторической школы права, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 1.

Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3.

Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955.

Энгельс Ф., Положение в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 2.

Энгельс Ф., Революция и контрреволюция в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч. т. 8, с. 18.

ГЛАВА XVI

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕМЕЦКОГО ИДЕАЛИЗМА КОНЦА XVIII И НАЧАЛА XIX ВЕКА

§ 1. Краткая характеристика общественно-политического строя
Германии в конце XVIII и начале XIX века. § 2. Кант. § 3. Фихте.
§ 4. Гегель

§ 1. Краткая характеристика общественно-политического строя Германии в конце XVIII и начале XIX века

Учения о государстве и праве представителей немецкого идеализма конца XVIII и начала XIX века наиболее полно, ярко и систематично выражены в философии Канта, Фихте и Гегеля.

Соответственно интересам немецкой буржуазии эти немецкие философы предлагали ряд очень умеренных реформ в государственном строе и правопорядке Германии. Развитие капитализма в Германии настоятельно требовало осуществления этих реформ. Но, будучи идеологами буржуазии, которая, как уже было показано выше, находилась в зависимости от феодалов, они так же, как и представители учения о естественном праве в лице Пуфендорфа и др., не проявили достаточной смелости в борьбе против феодальных порядков (за исключением Фихте в ранний период его деятельности).

Политическая направленность немецкого идеализма определялась в конечном счете историческими условиями, в которых он возник и развивался.

Хотя в Германии к этому времени наблюдается дальнейшее развитие капитализма, буржуазия в Германии еще не представляла

собой сплоченного и консолидированного класса. Купцы и фабриканты, рассеянные во множестве мелких государств, экономически были тесно связаны с князьями и придворной знатью — главными потребителями товаров, особенно предметов роскоши, продажа которых была почти единственным источником благосостояния буржуазии.

Все эти обстоятельства были причинами, определявшими зависимость буржуазии от дворянства.

В приниженном положении находилась и немецкая интеллигенция. Идеологи французской буржуазии не были в такой зависимости от короля и знати. Немецкие же ученые и писатели зачастую устраивались при дворах князей и вынуждены были приспосабливаться к их настроениям.

Характерные черты немецкого идеализма имели свою питательную почву в общественном и государственном строе самой Германии и складывались также под воздействием международной обстановки того времени. Особо следует указать на влияние французской буржуазной революции конца XVIII века. Революционный вихрь поколебал основы тех государств, где еще сохранился феодальный общественный и государственный строй.

Буржуазные революционные идеи и теории проникли и в Германию, но у идеологов немецкой буржуазии, за некоторыми исключениями, они не получили явного и полного одобрения, а у некоторых даже встретили противодействие.

Влияние французской просветительной философии в Германии было ограничено и не вызвало в воззрениях немецких просветителей боевого, революционного духа.

Исключением являлись отдельные демократы, о которых было сказано выше (см. гл. X, § 3).

§ 2. Кант

1. Самостоятельные философские взгляды родоначальника немецкого идеализма конца XVIII и начала XIX века **И м м а н у и л а К а н т а** (1724—1804) окончательно сформировались к 1770 году.

Учения об основах этики, о государстве и праве изложены Кантом в работах: «Об основоположении метафизики нравов» (1785), «Критика практического разума» (1788), «Метафизические начала учения о добродетели» (1797) и «Метафизические начала учения о праве» (1797)¹, а также в работе «К вечному миру» (1793) и в ряде других, второстепенных сочинений, написанных по специальным вопросам.

В философии Канта, особенно до 1770 года, содержатся прогрессивные идеи, оказавшие значительное влияние на последующее

¹ Два последних произведения в 1798 году были объединены в одну книгу «Метафизика нравов».

развитие философии. Но когда он отступил от своих первоначальных взглядов, то основной чертой его философии стало «...примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений»¹. За эту половинчатость Канта критиковали и последовательные материалисты, и последовательные идеалисты.

Сам Кант утверждает, что с помощью его философии можно якобы в корне подрезать материализм, фатализм, атеизм, неверие, свободомыслие, мечтательность и суеверие. Главной его задачей было подвергнуть критике учение французского материализма за его боевой атеизм и революционные выводы в области политики. Кант пытается с помощью «критики чистого разума» расчистить путь для нового обоснования идеалистической этики и идеалистического учения о государстве и праве.

Сущность философии Канта, которую он сам называет трансцендентальным идеализмом, состоит в том, что Кант отрицает возможность познания независимого от познающего субъекта объективного мира («вещи в себе»).

По Канту, между познавательной способностью человека и объективной независимой от него действительностью существует непроходимая пропасть. Человек способен познавать только явления, то есть результаты воздействия «вещей в себе» на его познавательную способность.

2. На противопоставлении мира явлений миру «вещей в себе» и строится этика Канта.

Человек, по учению Канта, принадлежит двум мирам. Как существо эмпирическое он находится в мире явлений, следовательно, подчинен закону причинности и поэтому несвободен. Но в то же время он является «вещью в себе». В этом отношении он свободен, и его действия подчиняются закону свободы.

Так в учении Канта создается неразрешимое противоречие между необходимостью и свободой, и он не мог дать разрешения проблемы их взаимоотношения.

По учению Канта, нравственность не зависит от каких-либо внешних причин, чувств и авторитета. Нравственный закон представляет собой веление долга ради самого долга и, поскольку этот закон не зависит от влияния внешних условий, он безусловен, а нравственная воля автономна.

Веление нравственного закона выражается в так называемом категорическом императиве. Это безусловное и общеобязательное требование воли, независимой от внешних влияний; такую волю Кант называет «чистой».

Кант пытается доказать безусловность «категорического императива» тем, что каждый человек, совершая какой-нибудь поступок, должен руководствоваться следующим правилом,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 184.

составляющим первую формулу категорического императива: «поступай так, чтобы максима¹ твоей воли всегда могла быть вместе с тем и принципом всеобщего законодательства».

Поэтому нельзя лгать, посягать на собственность, в отчаянии и нужде кончать жизнь самоубийством, так как надо представить себе последствия таких поступков, если они станут правилами всеобщего поведения.

Примеры, которые приводит Кант, показывают, что ему не удалось доказать безусловность его категорического императива. Еще Гегель в своей критике кантовского учения о морали убедительно показал, что требование уважать частную собственность не может быть безусловным, так как отсутствие частной собственности само по себе столь же мало содержит противоречий, как и то, что будет или не будет существовать тот или другой народ, та или другая семья и т. д.

Основанием категорического императива Кант считает абсолютную цель. Если относительные цели служат чему-нибудь и таким образом являются средством для осуществления каких-либо других целей, то абсолютная цель имеет значение сама по себе. Поэтому другая формула категорического императива выражает следующее требование: «поступай так, чтобы человечество как в твоём лице, так и в лице всякого другого служило тебе не только средством, а вместе и целью».

В этой абстрактной формуле выражена прогрессивная идея о достоинстве человеческой личности. В ней видно также скрытое отрицательное отношение к феодальным порядкам и к крепостничеству. Но Кант в своем учении о государстве и праве не держится последовательно этой идеи.

Из всего этого видно, что учение Канта о морали несостоятельно. Он пытается установить вечные правила морали, общие для всех времен и народов. Учение Канта о морали основано на теоретически несостоятельном противопоставлении необходимости и свободы. Сам Кант пытается разрешить это противоречие тем, что он признает неосуществимость нравственных задач в земной жизни и допускает веру в загробную жизнь, где эти задачи будут разрешены.

Учение Канта о морали было по существу направлено против взглядов на мораль французских материалистов, считавших, что мораль определяется материальными интересами.

Маркс отмечает, что на учении Канта о морали целиком отразилось состояние Германии того времени, то есть бессилие немецкого бюргерства, его неспособность расширить свое политическое и экономическое влияние².

3. На фундаменте своей философии и этики Кант строит учение о развитии общества, о государстве и праве.

¹ То есть правило.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 182.

В учении Канта о государстве и праве особенно ярко выражается преломление идей великой французской буржуазной революции в немецком идеализме соответственно условиям политической и общественной жизни в Германии. Кант, как и другие немецкие идеалисты, воспринял ряд прогрессивных идей французских просветителей и представителей учения о естественном праве. Он в большей степени следовал Монтескье, но отдал дань и Руссо, которого он ценил очень высоко. Вместе с тем Кант обнаруживает свою боязнь революции и нежелание радикально переделать государственный строй и правопорядок в Германии.

Весьма показательны взгляды Канта на всемирную историю, которые тесно связаны с его учением о государстве и праве.

Развитие человеческого общества, по Канту, не может быть постигнуто без понятия цели человеческого рода.

Всемирная история, по Канту, — развитие человеческой свободы. Кант утверждает, что целью человечества являются развитие и осуществление свободы и справедливости в отношениях между людьми и государствами. Однако это развитие не может быть осуществлено путем насильственного переворота, а только — закономерным ходом постепенного развития. Не революция, а эволюция — путь развития, сообразный разуму.

Эти взгляды Канта на постепенный ход развития, исключаящий революцию, были использованы позднее вождями реформизма в рядах социал-демократических партий.

Поскольку Кант строит свое учение о государстве на идеалистических позициях, рассматривая государство как осуществление категорического императива, он начинает с учения о праве, считая, что государство должно обеспечить требования права. Поэтому в целях уяснения хода мыслей Канта приходится держаться принятой им последовательности в изложении вопросов. Такой же последовательности приходится держаться и при изложении взглядов Фихте и Гегеля.

4. Учение Канта о праве стало основой для идеалистического направления в буржуазной юридической науке — н о р м а т и в и з м а, который исходит из представления, что нормы права абсолютно независимы от законов развития общественной жизни и принципиально отличаются от них по своему характеру, так как представляют собой требование «должного», в то время как законы природы и общественной жизни выражают необходимость, в которой воля человека бессильна. С учением Канта тесно связана также теория правового государства, поскольку Кант считал, что целью государства является обеспечение торжества права, требованиям которого должно подчиняться государство.

Право, по Канту, представляет с объективной стороны «совокупность условий, при которых произвол одного может быть согласован с произволом другого по общему закону свободы»¹. С субъективной

¹ И. К а н т, Метафизика нравов, § В, С, D (на немецком языке).

стороны в основе права лежит принцип, выраженный в формуле: действуй внешним образом так, чтобы свободное проявление твоего произвола было согласовано со свободой каждого по общему закону. Основа обязательности этого принципа лежит в категорическом императиве.

Характерным для учения Канта о праве является противопоставление легального и морального. Легальным поступок будет тогда, когда поведение человека внешне согласовано с юридической нормой независимо от мотивов поступка. Моральное же поведение требует исполнения закона ради внутреннего сознания долга. Поэтому право мыслится Кантом как регулятор поведения людей, для которого безразлична субъективная сторона поступка, его побудительные мотивы. Для права характерно принуждение, неприменимое в области нравственности, законы которой основаны на свободном внутреннем сознании долга.

Концепция Канта о различии между легальным и моральным поступком несостоятельна, так как право не ограничивается только внешней формой поведения людей, о чем свидетельствует, например, понятие ответственности, вины и мотивов в различных отраслях права.

В классификации права Канта много неясного и неопределенного. Он различает право положительное, право естественное и справедливость, под которой он понимает притязания, не обеспеченные принуждением и не предусмотренные законом (например, требование слуги уплатить ему вознаграждение соответственно денежному курсу при заключении контракта, когда к моменту расплаты произошло падение курса).

Естественное право у Канта в свою очередь разделяется на частное и публичное право.

Под частным правом Кант понимает совокупность правоотношений в так называемом естественном состоянии, где люди относятся друг к другу только как индивиды. Под публичным правом понимаются правоотношения, существующие в государстве между гражданами как членами политического целого. В сферу публичного права Кант включает государственное, уголовное и международное право.

Сферой частного права является «мое» и «твое». В основе этих отношений лежит частная собственность.

Объектом частного права может быть вещь, действие лица и само лицо. Поэтому Кант делит частное право на вещное, личное и лично-вещное.

Вещное право определяется им как результат первоначального приобретения, которое дает абсолютное право на вещь, то есть право собственника требовать свою вещь у всякого, кто незаконно владеет ею. Виндикация — сущность всякого вещного права.

В учении о собственности Кант защищает кровные интересы буржуазии. Он утверждает, что всякая собственность в государстве должна быть частной собственностью, потому что только в

этом случае каждому предоставляется возможность ее законного приобретения.

Кант не допускает возможности привилегий, соединенных с обладанием собственностью, и поэтому считает противоречащим праву существование собственности рыцарских и духовных орденов. Он утверждает, что государство имеет право секуляризации церковных имений и поместий, но со справедливым вознаграждением лиц, которые потерпят от этого ущерб.

Вместе с тем Кант высказывает взгляды, характерные для рабовладельческой и феодальной идеологии, так как считает, что объектом частного права может быть не только вещь или действие лица, но и само лицо. Так Кант объясняет отношения между мужем и женой в браке, отношения родителей и детей и отношения между господами и слугами (челядь), причем он требует полного подчинения женщины мужчине, что находится в противоречии с его формулой категорического императива.

5. Организация государства, по Канту, — результат соглашения, в силу которого все и каждый отрекаются от естественной свободы, чтобы пользоваться свободой в качестве членов государства. Это соглашение Кант называет первоначальным договором. Кант видит в этом договоре не исторический факт, а только априорную идею¹, позволяющую, с его точки зрения, объяснить то, что недоступно исторической науке.

Кант определяет государство как соединение большего или меньшего числа лиц под действием права, изображая, таким образом, государство как чисто правовую организацию. Цель государства — не счастье граждан, а торжество идеи права. Создание государства — требование категорического императива.

Кант соглашается с утверждением Руссо, что суверенитет принадлежит только народу.

Однако в противоречие с формулами категорического императива он предлагает дать политические права не всем гражданам, а только «активным». К «пассивным» гражданам он относит рабочих, ремесленных подмастерьев, женщин, прислугу и вообще всех тех, кто должен искать себе средства к пропитанию, лишь выполняя распоряжения других.

Работа Канта была опубликована в 1797 году, и по ней видно, что Кант пытался дать в ней оправдание французской конституции 1791 года, которой было установлено деление граждан на «активных» и «пассивных» именно по этому признаку.

В основу классификации форм правления Кант кладет два признака: число законодательствующих лиц и наличие или отсутствие в государстве разделения властей. По первому признаку формы правления разделяются на автократические (абсолютная монархия), аристократические и демократические. По второму признаку Кант

¹ Априорной идеей Кант называет идею, существующую в разуме независимо от опыта и даже обуславливающую самый опыт.

Делит формы правления на республиканские (где проводится разделение властей) и деспотические (без разделения властей).

В этой классификации нет ясности. По первому признаку автократия у Канта означает абсолютную монархию. По второму признаку от абсолютной монархии ничем не отличается непосредственная демократия, так как в ней не проведен принцип разделения властей. По этому же признаку у Канта нет разницы между конституционной монархией и республикой.

Характерно, что Кант считает автократию (абсолютную монархию) лучшей формой, так как она является простейшей, с его точки зрения, а демократию — худшей, как наиболее сложную. Хотя абсолютная монархия имеет тенденцию вырождаться в деспотизм, но король с «высокой душой» может, как уверяет Кант, «обуздывать себя справедливостью» и управлять страной на основе права, строго придерживаясь начал законности. Образцом такой монархии, воплощением начал справедливости Кант считает Пруссию «при великом короле» (Фридрихе II), который якобы тяготился господством над рабами, стремился управлять во имя закона и хотел быть только «первым чиновником государства».

Кант допускает переход от абсолютной монархии к конституционной только путем реформ. Он считает, что допустима только октроированная («дарованная» монархом) конституция. Изменение государственной формы революционным путем недопустимо, так как государственный строй и законы святы и неприкосновенны. Народ, по мнению Канта, не имеет права сопротивляться высшей законодательной власти.

Вопреки своим исходным положениям он считает сувереном уже не народ, а монарха.

Против монарха, патетически восклицает Кант, недопустимы ни возмущение, ни восстание. Суд над монархом — полное извращение идеи права, так как народ выступает в защиту своих интересов, а никто не может быть судьей в своем собственном деле. Кант с душевным содроганием пишет о казни Карла I и Людовика XVI. Эти факты по своей неправомерности, утверждает он, способны поразить ужасом всякого, кто проникнут идеей права. Кант с особым возмущением говорит о цареубийстве и требует смертной казни даже за самое намерение совершить такое деяние.

Государство, по Канту, дает законную силу собственности. Сама же государственная власть не может иметь частной собственности, так как иначе она могла бы забрать всю собственность и тем самым уничтожить ее. Государственная власть может только облагать податью всякую частную собственность и охранять ее. Защиту собственности осуществляет полиция, в обязанности которой входит не только охрана общественной безопасности, но и наблюдение за общественным благополучием вплоть до порога дома. В этих суждениях о собственности Кант совершенно ясно выступает как защитник буржуазной частной собственности против посягательств на нее феодального государства.

Следует заметить, что Кант в своих воззрениях на государство значительно отличался от Вольфа. Он высказывался против полицейского государства, отрицательно относился к сословным привилегиям, хотя и не отрицал необходимости существования дворянства.

Показательно также, что он предпочитал государственный строй Соединенных Штатов Америки английскому. Государство в Англии он называл плутократией.

6. В области уголовного права Кант является ярким выразителем идей классической школы. Преступление — нарушение справедливости, которая должна быть восстановлена, в этом цель наказания. Если безнаказанно нарушается справедливость, заявляет Кант, то не стоит людям жить на земле. Уголовный закон — категорический императив, и его требования безусловны. Если бы, например, какой-нибудь народ, живущий на острове, решил его покинуть и рассеяться, то убийца, содержащийся в тюрьме, должен быть предан смерти раньше, чем будет расторгнут государственный договор, дабы никто не избежал наказания за свое преступление, хотя бы наказание и не вызывалось целесообразностью. Соответственно этому и принцип наказания должен выражаться в равенстве наказания и преступления, то есть по праву талиона: «око за око, зуб за зуб». Следовательно, за убийство преступник должен быть подвергнут смертной казни.

7. В области международного права Кант высказывает прогрессивные идеи.

Кант утверждает, что правомерны только оборонительные войны, так как в них народы отстаивают свою независимость, причем отрицает, что во время войны все дозволено. Он считает необходимым запретить противные праву коварные и низкие средства борьбы с врагом (шпионаж, тайное убийство, грабеж частных лиц и т. п.). Народ имеет право оставаться в состоянии мира, если не видит необходимости вести войну. Из этого права мира вытекает право нейтралитета, право гарантий, право коалиций.

Война не может быть сама по себе целью, утверждает Кант. Она может быть только средством для восстановления мира народов. Цель человечества — вечный мир.

В статье «К вечному миру» Кант выдвинул проект обеспечения вечного мира между народами путем заключения государствами сначала прелиминарного соглашения, устраняющего основные препятствия мирному состоянию, а затем — окончательного соглашения, предусматривающего заключение союза государств и определяющего государственную форму членов этого союза.

Кант предлагал организовать федерацию государств, причем государственный строй каждой страны, входящей в состав федерации, должен быть республиканским. Под республиканским, как было показано выше, Кант понимал такой строй, в котором осуществлено разделение властей. Кант мотивировал это условие теми соображениями, что при «республиканском» строе для объявления

войны или заключения мира нужно, по крайней мере, согласие парламента.

Федеративное объединение необходимо, по его мысли, потому, что нельзя допустить полного слияния государств и подчинения их воле одного государства. Это представляло бы противоречие основным началам права, требующим уважения индивидуальной свободы и самостоятельности народов.

Хотя Кант и не дал ответа на вопрос, чем гарантируется мир в этом союзе, и ограничивался надеждой, что он будет обеспечен «великим художником» — природой, его идеи имеют громадное значение.

8. Итак, в учении о государстве и праве Кант предлагает ряд умеренных буржуазных реформ, не колеблющих господства феодалов, и прогрессивные мероприятия в области международного права. Он является противником революции и отдает предпочтение монархии.

Учение Канта о государстве и праве привлекло к себе внимание некоторых идеологов буржуазии, и особенно реформистов в конце XIX века, когда оно было несколько изменено и предстало в виде неокантианства. При обострении классовых противоречий в эпоху империализма учение Канта об абстрактном категорическом императиве, его отрицательное отношение к революции и идеи постепенного исторического развития стали использоваться для оправдания реформизма и противодействия революционной борьбе пролетариата. Тем не менее ряд прогрессивных идей, высказанных Кантом, в частности в области международного права, не потерял своего значения и в настоящее время, особенно если учесть попытки реакционных кругов буржуазии ликвидировать даже урезанную буржуазную демократию и попираť элементарные требования международного права.

§ 3. Фихте

1. В учении о государстве и праве И о г а н н а - Г о т л и б а Ф и х т е (1762—1814) специфические черты немецкого идеализма получили своеобразное и очень сложное выражение.

Философия и учение о государстве и праве Фихте претерпели в течение его жизни эволюцию.

В первом периоде своей научной деятельности (до 1794 г.) он был учеником и последователем Канта, но в отличие от него высказывал более смелые и радикальные взгляды по вопросам государства и права.

Во второй период (1794 г.— приблизительно 1805 г.) Фихте создает самостоятельную философскую систему субъективного волюнтаристического идеализма, разрабатывает на основе этой философии свое учение о естественном праве и продолжает держаться радикальных взглядов в учении о государстве и праве, хотя и идеализирует одновременно некоторые уже отжившие средневековые учреждения

и порядки (цеховую организацию ремесла и регламентацию экономических отношений государством). В третий период (1805—1814) Фихте переходит на позиции объективного идеализма и, призывая немецкий народ к объединению и сплочению против агрессии Наполеона I, в то же время высказывает реакционные националистические идеи.

В первый период своей деятельности Фихте опубликовал ряд работ, в которых очень смело высказывал яacobинские идеи.

В 1793 году он издал работу под названием «Попытка содействовать исправлению мнения публики о французской революции», в которой в отличие от Канта доказывал правомерность революции и даже оправдывал террор во время яacobинской диктатуры. Вслед за этим трудом появляется однородная с ним по своему духу работа под названием «Требование от правителей Европы возвратить свободу мысли, доселе ими притесняемую». За время пребывания в Иене он опубликовал в 1794 году свои лекции «О назначении ученого», в которых высказывался против сословного неравенства. Он утверждал, что государство в дальнейшем будет стремиться к своему уничтожению.

Когда у Фихте сложилась самостоятельная система взглядов, он взял философию Канта за исходный пункт, но критиковал его за непоследовательный идеализм и за отрыв его теоретической философии от практики. Фихте пытается решить проблему связи теории с практикой в идеалистическом направлении. Он считает, что единственным источником познания является сам субъект — «Я». И субъективный и объективный мир — результат деятельности «Я». Само «Я» есть не что иное, как деятельность. Таким образом, философия Фихте представляет собой одну из разновидностей субъективного идеализма.

Исходя из представления о «Я» как о деятельности, Фихте пытается найти связь между «теоретическим» и «практическим» разумом и на этом основании строит этику и учение о государстве и праве.

Нравственность заключается в постоянном проявлении своего «Я», в его неустанной борьбе против препятствий, которые ставятся ему внешней средой. Но осуществление нравственности немислимо без существования других разумных существ. Во взаимоотношении с этими существами и вырабатываются законы нравственного поведения.

Свое учение о государстве и праве Фихте развивает в духе естественноправовых теорий.

Понятие права у Фихте вытекает из взаимодействия свободных существ, вступающих друг с другом в юридические отношения со взаимным ограничением свободы. Фихте делает вывод, что право основано на разуме. Поэтому если обычное или писаное право противоречит разуму, то его нельзя признать правом.

Фихте еще более настойчиво, чем Кант, утверждает, что о праве может идти речь тогда, когда намерения людей выражаются в действиях. То, что не проявляется внешне и остается в глубине души,

не входит в сферу права. Поэтому нет никакого смысла говорить о праве на свободу мысли, свободу совести, так как, по мнению Фихте, это относится к сфере внутренней, субъективной жизни и якобы не выражается в действиях.

Из этого видно, что Фихте еще более решительно, чем Кант, разрывает связь между правом и нравственностью.

Отношения между людьми на почве естественного права обуславливаются взаимной добросовестностью и доверием. Но последние сами по себе не даны в праве и лежат вне его сферы. При утрате взаимной добросовестности и доверия правовые отношения становятся невозможными без применения силы. Поэтому право для своего существования нуждается в принуждении. Но принуждение не может действовать механически, так как механическое воздействие вообще неприменимо к свободной воле, иначе устраняется свобода разумных существ. Принуждение должно обращаться к самой воле и побуждать ее действовать согласно с ее собственными велениями.

Исходя из такого понимания права, Фихте строит свое учение о государстве. Он утверждает, что люди, желая обеспечить границы своей свободы, стремятся подчинить общее дело своим частным целям и задача заключается в отыскании синтеза частной и общей воли. Этот синтез осуществляется в государстве, образование которого возможно только путем договора.

Цель договора состоит в определении границ свободы каждого индивидуума и в учреждении принудительной власти, для чего каждый предоставляет свою собственность и силы, обязуясь подчиняться целому, которое вправе привлекать к ответственности любого члена общества за нарушение взятых на себя обязанностей.

Этот договор имеет своей целью обеспечение собственности каждого, безопасности индивидуума и безопасности всего целого.

Для обеспечения порядка, созданного действием общей воли, требуется сверхсила, превосходящая силу каждого отдельного индивидуума. С помощью этой сверхсилы государство и осуществляет принуждение. Но осуществление этого принуждения должно быть правомерным — власть должна действовать только в соответствии с гражданскими и уголовными законами.

Фихте считает, что поскольку никто не может быть судьей в своем деле, для решения вопроса о правомерности действий правительства и в случаях его конфликтов с народом должен быть учрежден особый орган — э ф о р а т. При неправомерности действий правительства эфоры объявляют интердикт, приостанавливающий деятельность правительства. Члены правительства становятся частными лицами, которым никто не обязан повиноваться. Одновременно эфоры созывают народ, который выносит суждение о действиях правительства.

Эти идеи Фихте, безусловно, являются прогрессивными, так как Фихте здесь выступает как сторонник самой широкой демократии в духе идеалов и требований якобинского периода великой французской буржуазной революции.

2. В своих последующих работах Фихте уже не является сторонником революции, хотя не отказывается от радикальных воззрений, имеющих по своей классовой сущности мелкобуржуазный характер.

Так, в работе «Замкнутое торговое государство» (1800) Фихте утверждает, что освобождение народа может быть произведено только «сверху», насколько решится на этот шаг правительство. Он даже угрожает правительству, что, если оно не решится на эти действия, они последуют «снизу», то есть от самого народа.

Для этой работы является характерным то, что, выдвигая радикальные требования, Фихте одновременно защищает ряд феодальных учреждений. Провозглашая смелое и неосуществимое в условиях буржуазного государства право каждого члена общества на труд, Фихте в то же время предлагает организацию такого общества, в котором, как в средневековых цехах, вся деятельность граждан подвергается детальной регламентации. Руководство производством и распределением принадлежит государству. Государство должно распределить профессии между гражданами. Исключается всякая свобода в выборе профессий. Государство наделяется широкими полномочиями в регламентации производства и в охране отечественной промышленности от иностранной конкуренции. Фихте считает, что в экономической области государство должно стать замкнутым, и провозглашает идею экономической автаркии. Все, что в стране продается и покупается, должно быть в ней же произведено и потреблено. Тщательно регламентируются труд и даже частная жизнь граждан.

Мнение некоторых буржуазных историков философии, что будто бы Фихте дал в этой работе план социалистического общества, неверно. Фихте в данном случае близок в известной мере к Марату, который требовал сохранения цехового строя для ограждения промышленности от неумелых мастеров. Для идеологов мелкой буржуазии такое переплетение революционных и реакционных идей было вполне закономерно в условиях еще слабо развитых капиталистических отношений.

3. В области уголовного права Фихте высказывает взгляды, которые во многом отличаются от кантовских концепций.

Преступление, по его взглядам, — нарушение общественного договора, посредством которого образуется государство. Кто нарушает этот договор, тот ставит себя вне закона и подлежит исключению из общества. Но это исключение может быть заменено искуплением вины. Преступник имеет право требовать этого, государство обязано удовлетворить его требование. Искупление выражается в наказании, которое должно применяться по принципу талиона.

Так как абсолютной целью государства является обеспечение общественной безопасности, необходимо учреждение органа, прямой задачей которого является раскрытие и предупреждение преступлений. Таким органом является полиция, которая в отличие от

суда не наказывает за преступления, а предупреждает их осуществление.

По вопросу о положении женщин в семье, обществе и государстве Фихте мало чем отличается в своих взглядах от Канта. Он заявляет, что жизнь женщины должна без остатка растворяться в жизни мужчины. Он отрицает право женщины на занятие общественными и государственными делами, допуская исключение только для незамужних женщин, и то только для общественных, а не государственных дел.

В области международного права Фихте исходит из того, что, поскольку создание единого мирового государства невозможно, необходимо установление определенных юридических отношений между государствами, то есть существование международного права.

Государства должны заключать между собой договоры, которые должны быть обеспечены признанием суверенитета заключивших их государств.

Каждое государство заботится о своей безопасности. Нарушение договоров должно влечь за собой применение принуждения к нарушителям. Это право принуждения осуществляется в войне. Так как целью войны является безопасность государства, ведущего войну, то вполне допустимо уничтожение самостоятельности побежденного государства, поскольку последнее представляет собой источник опасности. Высказывая такое мнение, которое очень удобно для оправдания всякой агрессии, Фихте в то же время осуждает нарушение законов и обычаев войны.

Фихте считает необходимым создание международной организации и международного суда для разрешения международных споров. По его мнению, в целях установления длительного мира необходима международная организация, которая может в случае необходимости прибегать к силе, то есть вести войну против государства, нарушившего свои обязательства. Но он утверждает, что не следует вести войну против слабых государств.

4. Наиболее характерными произведениями третьего периода являются: «Основные черты современной эпохи» (1804—1805), «Система учения о праве» и «Речи к немецкому народу» (1808).

При характеристике последнего произведения нужно иметь в виду, что оно появилось в таких исторических условиях, когда Германия находилась под гнетом Наполеона. Национальное чувство немецкого народа было глубоко оскорблено интервенцией Наполеона, что и получило свое отражение в «Речах к немецкому народу».

Но Фихте вместе с тем высказывает реакционные, националистические взгляды и пытается доказать мнимое превосходство германцев над другими народами.

Фихте отрицательно характеризует философию Просвещения и французский материализм, а также итоги французской буржуазной революции. Влияние просветительской философии на немцев

Фихте считает наносным явлением, чуждым духу немецкого народа. Фихте с пренебрежением относится к славянским народам.

Но Фихте не выдвигает агрессивных планов захвата немцами чужих территорий. Он предлагает быть агрессивными только в области идеологии, призывая немцев быть непобедимыми в своих убеждениях. Эти взгляды Фихте существенно отличаются от захватнической идеологии прусского милитаризма, получившей свое развитие в период воссоединения Германии.

§ 4. Гегель

1. Философия Георга-Вильгельма-Фридриха Гегеля (1770—1831) является высшей ступенью в развитии немецкого идеализма.

Классики марксизма-ленинизма высоко ценили его философию. Ленин отмечал, что философия Гегеля явилась одним из источников марксизма, поскольку главным и наиболее положительным в философии Гегеля является диалектика, учение о разв и т и. Гегель поднял на более высокую ступень учение о диалектике по сравнению с тем, что было сделано его предшественниками.

Ф. Энгельс видит в «Философии права» Гегеля значительное богатство мыслей, усматривая в ней наряду с идеалистической формой реалистическое содержание и диалектику¹.

Ленин выражает одобрение ряду положений, высказанных о государстве и праве в «Философии истории» Гегеля².

Философия Гегеля и его учение о государстве и праве оказали громадное влияние на дальнейшее развитие философии и общественных наук. Глубокие следы оставило учение Гегеля и в России. Великие революционные демократы — Белинский, Герцен и Огарев испытали на себе это влияние и дали высокую оценку Гегелю вместе с критикой слабых сторон его философии и консервативных взглядов в политике.

Учение Гегеля о государстве и праве сформировалось в эпоху, богатую крупными историческими событиями. Великая французская буржуазная революция, завершение ее бонапартизмом, реставрация Бурбонов во Франции, реакционная деятельность так называемого Священного союза, направленная на подавление всякого революционного движения в Европе, — важнейшие факты, которые оказали воздействие на формирование и развитие философии Гегеля и его учения о государстве и праве. Но определяющее влияние на Гегеля оказали выше отмеченные особые исторические условия развития Германии, экономическая и политическая слабость немецкой буржуазии. Именно эти обстоятельства обусловили сложность и

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, 1955, стр. 361.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 307.

противоречивость его мировоззрения в целом. Этим объясняется также и кажущееся противоречивым отношение Гегеля к французской буржуазной революции.

Гегель признавал благодетельность результатов этой революции и даже высказывал свое восхищение ею, но только до определенных пределов ее развития, а именно до 31 мая 1793 г., то есть до установления якобинской диктатуры.

Оценка французской революции Гегелем резко отличается от отношения к ней Фихте в ранний период деятельности последнего. В то время как Фихте одобрял деятельность якобинской диктатуры, Гегель высказал о ней отрицательное мнение, назвав ее «фурией исчезновения» («Феноменология духа»). Будучи сам под влиянием идеолога французской революции Руссо, Гегель тем не менее разошелся с учением о естественном праве, в частности во взглядах на сущность государства.

2. Философское учение Гегеля представляет собой попытку дать наиболее последовательную систему идеализма путем преодоления агностицизма Канта и субъективно-волюнтаристического идеализма Фихте.

Классики марксизма-ленинизма не раз отмечали, что в идеалистической философии Гегеля нужно различать систему и метод, что в гегелевской идеалистической диалектике имеется рациональное зерно — учение о развитии, которое усматривает основную движущую силу развития во внутренней борьбе противоположностей, присущей каждому явлению.

Но вместе с тем классики марксизма-ленинизма указывали, что у Гегеля обнаруживается противоречие его системы с его же методом. К тому же у Гегеля диалектика покоится на идеалистической основе. Маркс прямо противопоставляет свой метод гегелевскому. У Гегеля процесс мышления, который он даже превращает под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiург (творец, созидатель) действительного, которое представляет собой лишь внешнее проявление идей.

Система философии Гегеля построена на его основном положении о тождестве мышления и бытия, которое выражено в формуле: «что разумно, то действительно; и что действительно, то разумно»¹. Гегель высказывает здесь глубокую и правильную мысль о том, что человеческий разум познает законы действительности, а сама действительность в практической деятельности представляет собой осуществление того, что познано разумом. Но он делает из этого идеалистический вывод, что мышление является не только свойством человеческого разума и отражением бытия, а — сущностью бытия. Поэтому, по Гегелю, все бытие рассматривается как деятельность некоего разумного мыслящего начала, которое он называет а б с о л ю т н ы м. Природа, общество людей и их духовная деятельность во всех своих проявлениях есть обнаружение этого абсолютного

¹ Гегель, Соч., т. VII, М.—Л., 1934, стр. 15.

начала, которое потому и называется им абсолютным, что оно лежит в основе всего бытия. Само это абсолютное начало подвержено процессу развития и проходит в нем ряд последовательно восходящих ступеней. Движущей силой этого развития является п р о т и в о р е ч и е, которое, по словам Гегеля, в е д е т в п е р е д. Таков основной закон д и а л е к т и к и, то есть процесса развития, который раскрывается в природе, обществе и человеческом мышлении. Гегель различает в понятии развития два состояния: «в себе бытия» и «для себя бытия». Первое представляет собой «задаток», «способность», второе — осуществление этой способности, ее реализацию. Эта мысль Гегеля представляет собой поднятие на новую, высшую ступень известных мыслей Аристотеля о «возможности» и «действительности» и является одним из наиболее ценных и плодотворных достижений его философии.

Эти понятия «в себе» и «для себя» были использованы впоследствии Марксом при характеристике ступеней развития пролетариата от «класса в себе» в «класс для себя», то есть развития пролетариата в класс, вполне сознающий свое положение в капиталистическом обществе и свои классовые интересы.

Высоко оценивая глубину мыслей Гегеля в его понимании диалектики, классики марксизма-ленинизма в то же время отмечают идеалистическую направленность этого понимания.

Законы диалектики у Гегеля не выведены из природы и истории, а навязаны последним как законы мышления. Отсюда вытекает вся вымученная и часто искусственная конструкция: мир — хочет ли он того или нет — должен согласоваться с логической системой, которая сама является лишь продуктом определенной ступени развития человеческого мышления ¹.

У Гегеля даже география сообразуется с его логикой. Он считает наиболее разумно устроенной частью света Европу, в центре которой находится Германия.

Соответственно указанной выше идее восхождения от состояния «в себе бытия» в состояние «для себя бытия» строится вся система философии Гегеля.

Ей предшествует «Феноменология духа», в которой Гегель изображает путь развития человеческого сознания.

Первой степенью развития абсолютного начала является идея, представляющая собой наиболее общее и абстрактное выражение в процессе мышления всего бытия. Она проходит в своем развитии ряд ступеней от «в себе бытия» к «для себя бытия» и становится в результате этого развития а б с о л ю т н о й и д е е й. Этот процесс изображается Гегелем в его «Логике».

Вторая ступень — обнаружение идеи в пространстве и времени. Эта ступень, по словам Гегеля, представляет «отчуждение идеи», то есть существование ее в чем-то для нее чуждом (а именно материальном), ее только внешнее обнаружение, то есть природу. Этот

¹ См. Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы, Госполитиздат, 1955, стр. 38.

процесс изображается Гегелем в философии природы. Наконец, третья ступень в развитии абсолютного начала знаменует переход в область духа, то есть, по словам Гегеля, возвращение идеи к самой себе.

Соответственно этой концепции философия Гегеля делится на четыре основных части: феноменология духа, логика, философия природы и философия духа.

Философия духа в свою очередь состоит из трех главных частей— наук о субъективном, объективном и абсолютном духе. Субъективный дух обнаруживается в развитии индивидуумов; объективный — в обществе, государстве, праве, в народах, их истории вообще; абсолютный дух — в единстве субъективного и объективного духа— в искусстве, религии и философии.

Вся эта система должна показать, по Гегелю, грандиозный путь абсолютного начала, который завершается философией. Философское познание мира появляется тогда, когда действительность поднималась на самую высшую ступень своего развития.

Поэтому конец истории у Гегеля изображается так, что человечество приходит к познанию абсолютной идеи, а это познание достигнуто гегелевской философией¹.

3. Общество, государство и право, по учению Гегеля, представляют собой обнаружение так называемого объективного духа.

Воззрения Гегеля по этим вопросам окончательно сформировались к 1821 году и получили свое систематическое изложение в работе «Основные черты философии права и науки о государстве в сжатом очерке», которую сокращенно называют «Философия права». Надо заметить, что эта работа Гегеля представляет собой итог длительной эволюции его взглядов на государство и право, которые он излагал в более ранних произведениях. Эта эволюция состояла в том, что Гегель разошелся с учением о естественном праве по наиболее коренным вопросам, а также с Кантом и Фихте во взглядах на государство и право.

Гегель строит свою философию на приведенном выше тезисе о тождестве разумного и действительного.

Этот тезис Гегеля, как отмечал Энгельс, вызвал к себе двойственное отношение. С одной стороны, «ни одно из философских положений не было предметом такой признательности со стороны близоруких правительств и такого гнева со стороны не менее близоруких либералов...»².

С другой стороны, писал Энгельс, по всем правилам гегелевского метода мышления (то есть диалектики) тезис, провозглашающий разумность всего существующего, превращается в другой тезис: достойно гибели все то, что существует, так как действительное в области человеческой истории оказывается со временем неразумным

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 344—345.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 341—342.

и всему, что есть разумного в человеческих головах, суждено стать действительным, как бы ни противоречило оно существующей мнимой действительности¹.

4. Исходя из утверждения о тождестве действительного и разумного, Гегель отвергает основной принцип учения о естественном праве, противопоставление естественного права праву положительному.

Право, по определению Гегеля, есть «наличное бытие свободной воли», которая осуществляется в развитии через ряд последовательных восходящих ступеней.

Первая ступень выражается во владении личности вещью (собственность) и во взаимоотношении с другими лицами относительно собственности (договор), а также в правонарушении. Эта ступень называется Гегелем абстрактным правом, которое, собственно, охватывает сферу гражданских правоотношений и основы уголовного права.

Вторая ступень представляет собой отношение личности к ее действиям. Эта ступень называется моралью. Мораль нуждается в объективной оценке субъективных суждений о добре и зле и требует перехода в высшую ступень — нравственность.

В нравственности преодолевается ограниченность индивидуума сначала в семье, затем во взаимоотношении ее членов как самостоятельных лиц в гражданском обществе и, наконец, в высшей ступени развития нравственности — в государстве.

Таким образом, если перевести на более понятный язык запутанную и часто неясную терминологию Гегеля, то можно сделать следующие выводы.

Гегель различает понятие права в узком и широком смысле. Право в узком смысле, или абстрактное право, регулирует главным образом отношения людей в сфере владения вещами. Право в широком смысле определяет всю сферу общественных отношений и включает в себя государство и даже всемирную историю. Мораль и нравственность не совпадают. Мораль — субъективная оценка индивидуумом добра и зла, нравственность — порядок, устанавливаемый в различных видах общения людей — семье, обществе и государстве, а также во взаимоотношении государств.

Для философии права Гегеля характерно глубокое противоречие между учением об абстрактном праве и учением о праве как объективном выражении свободы, высшей ступенью развития которого является государство.

В учении об абстрактном праве Гегель излагает взгляды, характерные для идеологов буржуазии. Это особенно видно в изложении его взглядов на частную собственность, которую он считает неотъемлемой от личности. Но в разделе, посвященном государственному праву, он высказывается в пользу феодальных институтов

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 342—343.

(майорат и др.), которые препятствуют свободному развитию капитализма.

В своем понимании сущности права Гегель расходится с Кантом и Фихте, утверждая, что право представляет собой не ограниченное произволом одного произволом другого на основании закона свободы, а «наличное бытие самой свободы». Личность есть источник всякого права, и основное положение всякого права содержит в себе требование: «будь личностью и уважай всех других как личности». Эта мысль Гегеля являлась прогрессивной. Личность должна обладать внешней сферой свободы, что выражается в ее праве собственности на вещь. Вещью можно владеть, так как она — нечто отличное от духа, несвободное, безличное и бесправное. Право собственности на вещь есть право личности. В этих формулировках сказывается положительное отношение Гегеля к основному принципу буржуазного гражданского права, к принципу неприкосновенности частной собственности.

Гегель защищал существующее неравенство, заявляя, что личности могут быть равны только в юридическом отношении. Гегель отрицает возможность имущественного равенства, объявляя, что особенности личностей неизбежно вызывают неравенство между ними. Гегель утверждал даже, что имущественное равенство было бы несправедливо. Это утверждение объективно было направлено на защиту эксплуатации.

Из права собственности как господства личности над вещью Гегель выводит договор, представляющий собой, по его словам, согласие свободных личностей, которые обладают собственностью и признают ее друг за другом. В договоре выражается общая воля лиц, вступающих в договорные отношения.

Когда частная воля относится к общей воле отрицательно, происходит нарушение права, или неправда. Преступление представляет собой один из видов неправды. Преступление, являясь отрицанием права, требует его восстановления путем отрицания этого отрицания, то есть наказания. Гегель, как и Кант, видит в наказании самоцель и отрицает те теории, которые рассматривают наказание как средство для других целей — устрашения, исправления и т. п.

Поэтому Гегель отвергает теорию Ансельма Фейербаха, который цель наказания усматривал в у с т р а ш е н и и.

Теория устрашения, утверждает Гегель, исходит из понимания человека как несвободного существа, на которое угроза должна действовать подобно палке, которой замахиваются на собаку. Право и справедливость должны иметь своим обиталищем свободу и волю, и поэтому, говорит Гегель, с человеком нельзя обращаться, как с собакой.

Наказание, по Гегелю, есть в о з м е з д и е. Однако Гегель отрицает грубую форму талиона, которая может превратить возмездие в абсурд. Возмездие — не месть, которая является чем-то личным, а неизбежное следствие самого преступления. Наказание осуществляет требование справедливости. Эта форма снятия нарушения

права — не мстящая, а наказующая справедливость — представляет собой выражение не частной, а всеобщей воли. С точки зрения Гегеля, сам преступник должен требовать себе наказания. Гегель утверждает, что наказание — это право преступника, так как оно есть акт его собственной воли, отрицающей право, за которым должно последовать отрицание отрицания, то есть восстановление права путем наказания.

Нельзя не видеть в учении Гегеля о наказании влияния прогрессивных идей о достоинстве человеческой личности. Это обнаруживается в том, что Гегель не хочет видеть в преступнике простой объект юстиции, а поднимает его до ранга свободного самоопределяющегося существа. Но с помощью этой теории Гегель оправдывает карательную политику эксплуататорского общества и дает только более утонченное выражение древнему праву возмездия «*jus talionis*»¹

5. В учении Гегеля о морали высказываются соображения относительно важнейшей категории уголовного права — вины и ее форм, а также дается критика индивидуалистической морали.

В действиях человека Гегель различает действия и поступки и пытается решить вопрос о причинной связи в области уголовного права, а также о субъективной и объективной стороне преступления.

Поступки — это обнаружение моральной воли. Всякое действие человека вызывает известные следствия, но моральная воля может признать своим поступком только такой, какой был задуман ею и был ей желательным. Только в этом случае можно вменить воле то действие, которое вызвало преступные последствия. В этом состоит «умысел и вина». Гегель говорит только об одной форме вины — об умысле, не упоминая о неосторожности. Он считает поступком лишь то действие, в котором есть вина. Поэтому Эдип, убивший своего отца, не зная этого, не подлежит обвинению в отцеубийстве.

Умысел преследует какую-нибудь цель, но главной целью воли является благо личности. Тогда умысел превращается в намерение, содержание которого есть благо. Такое намерение является известной формой морали. Но это еще не высшие ступени морали, так как они имеют относительное, а не абсолютное значение. Благо в абсолютном значении представляет добро, а намерение в абсолютном значении — совесть, то есть такое состояние воли, когда она уверена во «всеобщем» характере своих действий.

Добро как безусловная моральная цель есть долг. Гегель критикует учение Канта и Фихте о морали, считая, что их учение представляет только субъективное понимание добра, принимающее различные формы. Чисто субъективная оценка добра и зла несостоятельна и требует объективного основания. Поэтому необходим переход из области морали в область нравственности, которая, по определению Гегеля, представляет единство субъективного и объективного.

Высокой оценки заслуживают те положения в его «Философии права», в которых он подвергает критике лицемерие, иезуитскую

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 530—531.

мораль («цель оправдывает средства») и индивидуалистические теории морали, по которым критерием моральных поступков является субъективное убеждение.

6. Нравственность — высшая ступень развития объективного духа. Это духовный органический мир, единство всеобщего и единичного. Индивидуумы являются только элементами, органически связанными с этим целым, которое управляет жизнью индивидуумов. Законы целого не чужды им, так как индивидуум признает себя частью целого и считает обязательными для себя его требования.

Нравственность проходит три ступени развития. В своем первоначальном виде природного единства это — семья; дифференциация семьи, образование множества семей порождает гражданское общество как взаимодействие самостоятельных индивидуумов; наконец, высшее единство, законченное и примиряющее все противоречия, дается в государстве.

Гегель говорит о положении женщины в семье в том же духе, как Кант и Фихте. Назначение женщины — жизнь в семье. Женщины могут быть образованными, но для высших наук, как философия, они не созданы. Различие между женщиной и мужчиной таково же, как между растением и животным. Государство подвергается опасности, когда женщины стоят во главе правительства.

В той части философии права, которая посвящена гражданскому обществу, Гегель в некоторых местах приближается к материалистическому пониманию истории. Плеханов заметил, что в этой части Гегель вопреки своему идеалистическому пониманию сущности государства показывает, как оно является само «не чем иным, как *продуктом экономического развития*»¹. Гегель рассматривает в этой части философии права противоречия буржуазного общества, но не дает их правильной оценки. Напротив, он считает правомерным неравенство и классовое расслоение.

Где роскошь на одной стороне достигает своего расцвета, там столь же велики на другой стороне нужда и беспомощность. Появление пролетариата облегчает концентрацию чрезмерных богатств в немногих руках. Бедных, по мнению Гегеля, лучше всего предоставить их судьбе и дать им возможность добывать средства к существованию открытым нищенством.

Гегель считает, что неравенство имуществ вполне естественно, так как оно является следствием обладания капиталом и проистекает от различных телесных и духовных особенностей.

Гегель утверждает, что благодаря дифференциации потребностей и разделению труда необходимо разделение гражданского общества на различные друг от друга массы, системы, между которыми распределены индивидуумы, то есть на сословия. Если семья — первый базис государства, то сословия — его второй базис.

Так как право, по Гегелю, направлено на всеобщее, а в системе благ очень важно и особенное (то есть мое личное) благо, то и оно

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. I, М., 1956, стр. 435.

требует охраны. Эта охрана осуществляется полицией и корпорациями. Задача полиции состоит в противодействии всем опасностям, случайным и необдуманным действиям, нарушающим общественный порядок и безопасность, в предупреждении намеренных нарушений права, в открытии виновников совершенных правонарушений и т. д.

Охрана прав гражданского общества осуществляется не только полицией, которая оберегает внешний порядок, но и корпорациями, то есть особыми общественными союзами, принадлежность к которым определяется деятельностью и способностью к труду. Эти корпорации обеспечивают каждому члену гражданского общества безопасность, попечение о нем, создают значение в обществе и сословную честь.

7. Высшее единство всех этих элементов дается государством. Но государство — не результат, а основание как семьи, так и гражданского общества; оно предшествует этим элементам и является их основой так, как целое предшествует своим частям.

Гегель воспроизводит здесь известную аристотелевскую концепцию государства, согласно которой государство как целое предшествует своим частям.

Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» вскрывает это извращение действительности, проистекающее из идеализма Гегеля, поскольку у него семья и гражданское общество созданы действительной идеей. На самом деле они являются движущим моментом, сами себя превращают в государство¹.

Гегель категорически возражает против естественноправовой концепции государства, которое вовсе не является, по его мнению, страховым учреждением и вовсе не создано для обеспечения охраны свободы личности и собственности. Государство — не средство, служащее интересам отдельных лиц. Такое понимание существа государства снижает, по Гегелю, его действительное значение. Государство не служит, а господствует, государство — не средство, а цель, цель в себе, высшая из всех целей. «Существование государства — это шествие бога в мире»².

Авторитет государства, как утверждает Гегель, не зависит от произвола индивидуума и имеет безусловный и божественный характер.

Идея государства осуществляется: в отдельном государстве, строй которого Гегель называет внутренним государственным правом; далее, — в отношениях государств друг к другу, то есть в международном праве, которое Гегель понимает как внешнее государственное право; наконец — во всеобщей идее, как абсолютной силе, противопоставляющей себя отдельным государствам и проявляющей себя как дух во всемирной истории.

В учении о внутреннем государственном устройстве, которое Гегель называет «политическим государством», он высказывает мысль, что разделение властей в высшей степени важное определение, если

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 225.

² Гегель, Соч., т. VII, М.—Л., стр. 268.

оно взято в своем истинном смысле и может при этом условии рассматриваться как гарантия публичной свободы. Но имея в виду, очевидно, Монтескье, Гегель объявляет неправильным представление об абсолютной самостоятельности властей, только взаимно уравнивающих друг друга. Поэтому он утверждает, что «политическое государство» распадается на следующие субстанциальные (существенные) различия:

а) на власть определять и устанавливать всеобщее, законодательную власть;

б) на власть подводить особенные сферы и отдельные случаи под всеобщее, правительственную власть;

в) на власть субъективности как последнего решения воли, княжескую власть, в которой различные власти объединяются в индивидуальное единство, которое, следовательно, есть вершина и начало конституционной монархии¹.

В этой монархии Гегель видит «реальную разумность», итог мирового исторического процесса. В княжеской власти выражается суверенитет государства. Государство как единство общего, особенного и единичного само является индивидуальностью, а выражением этой индивидуальности служит княжеская власть, которая своим последним «я хочу» ставит точку над «i».

Произвольность этих рассуждений Гегеля блестяще вскрывает Маркс в своей критике гегелевской философии права, обнаруживая противоречие в понятии суверенитета, который у Гегеля раздвигается между народом и монархом.

Законодательная власть, по мнению Гегеля, должна выражать не интересы народа, который не знает, чего он хочет, а интересы сословий. Гегель — сторонник несколько видоизмененного сословного представительства. Целью конституции должен быть разумный государственный строй. Законодательное учреждение должно представлять сословия, а не народ; оно должно состоять из двух палат. Первая служит посредствующим звеном между исполнительной властью и гражданским обществом. В ней представлено так называемое «субстанциональное сословие естественной нравственности», то есть, по-видимому, главным образом дворянство, имущество коего состоит из неотчуждаемых имений. Призвание дворян — консерватизм, так как они уполномочены служить поддержкой трона и «общества». Вторая палата состоит из «подвижной части гражданского общества», то есть сословий ремесленников, торговцев, фабрикантов и т. п. Из этих кругов выходят депутаты, избираемые благодаря доверию общества.

Исполнительная власть осуществляется монархом и чиновниками. Члены правительства и чиновники представляют собой главную часть среднего сословия.

Гегель отдает явное предпочтение юнкерству и бюрократии и требует установления майората для дворянства в целях сохранения

¹ См. Гегель, Соч., т. VII, М.—Л., стр. 293—295.

его удельного веса, что, как уже указывалось выше, находится в противоречии с учением Гегеля, изложенным в разделе «абстрактное право», о неограниченности права частной собственности.

Таким образом, Гегель предлагает сохранить государственный строй, установившийся в Пруссии, с некоторыми поправками в духе буржуазного либерализма.

8. В учении о международном праве Гегель исходит из концепции, лежащей в основе его философии истории.

Во взаимоотношениях государств друг к другу они выступают как «особенные», осуществляют «принципы народных духов». В борьбе этих народных духов выступает «мировой дух», который осуществляет свое право. Но этот мировой дух сам по себе — разум, и потому мировая история есть необходимое развитие моментов разума, а следовательно, и моментов самосознания духа и его свободы. Мировая история — это прогресс в сознании свободы.

Вместе с тем Гегель высказывает в области международного права реакционные взгляды, сделав шаг назад по сравнению с Кантом и Фихте.

Гегель патетически говорит о великой, исцеляющей силе войны. Он видит в ней, в частности, средство для борьбы с революцией, так как нации, внутри которых существуют «непримиримые антагонизмы», обретают «внутреннее спокойствие благодаря внешним войнам». Гегель подвергает критике идею вечного мира Канта и возможность ее реализации. Гегель не считал нужным создавать гарантии международной безопасности.

Но все же Гегель требовал соблюдения международных договоров. Он писал, что во время военных действий не следует нарушать международноправовые нормы, а также надо учитывать, что война не ведется против внутренних учреждений, мирной семейной и частной жизни, против частных лиц.

9. Философия истории Гегеля, как указывалось выше, заслуживает высокую оценку классиков марксизма-ленинизма, так как в ней видно более глубокое понимание исторического процесса, чем у предшественников Гегеля. Как указывает Энгельс, Гегель первый пытался показать развитие и внутреннюю связь в истории и считал историю закономерным процессом¹. Особенно следует подчеркнуть, что движущей силой исторического процесса Гегель считал противоречие, усматривал в этом процессе постоянный прогресс. Ленин отмечал в «Философии истории» зачатки исторического материализма²; вместе с тем Ленин указывал, что именно в области философии истории «... Гегель наиболее устарел и антиквирован»³.

Однако, философия истории Гегеля построена на идеалистическом основании и в ней обнаруживаются националистические

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. II, стр. 359.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 307.

³ Там же, стр. 310.

черты. Характерно также для нее восхваление прусской государственной системы.

Идеалистическое понимание исторического процесса Гегелем видно в его основном положении, согласно которому мировая история есть прогресс в сознании свободы. Исходя из этого положения, он пытается уложить всю мировую историю в произвольные, надуманные им схемы.

Всемирная история направляется с востока на запад. «Всемирная история есть дисциплинирование необузданной естественной воли и возвышение ее до всеобщности и до субъективной свободы». Восток знает, что только один человек свободен (деспот), греческий и римский мир знают, что некоторые свободны, а германский мир знает, что все свободны. Соответственно с этим первая в истории форма государства — деспотия, вторая — аристократия или демократия, третья — монархия.

Однако сам Гегель признает, что рабство не прекратилось непосредственно после принятия христианства, и совершенно игнорирует такие явления, как крепостное право при феодализме и наемное рабство при капитализме, то есть такие факты, которые никак не вяжутся со всеобщей свободой в так называемом германском мире.

Националистические воззрения Гегеля сказываются в том, что он сводит всю новую историю к истории германских народов и с пренебрежением говорит о «низших» народах, в том числе и о славянах.

В философии истории Гегель говорит о французской революции как о великолепном восходе солнца, как об эпохе, которую праздновали все мыслящие существа. Однако в этой же работе он утверждает, что идеи революции обанкротились, и прежде всего во Франции.

Гегель одобряет строй, сложившийся в Германии, и считает необходимым сохранить монархию, утверждая, что не существенно даже, является ли монарх благородным или нет, так как сила этого государства — в его разумности.

Характерно, что Гегель восхваляет Фридриха II, называя его героем протестантизма и королем-философом. Гегель выступил против проекта избирательной реформы в Англии, которая была осуществлена в 1832 году. В своей статье о проекте этой реформы, опубликованном в 1831 году, он становится на защиту английской аристократии против притязаний буржуазии, требовавшей реформы избирательного права и уничтожения «гнилых местечек».

Таким образом, итогом развития абсолютной идеи в области объективного духа, по Гегелю, было осуществление ее в ограниченной сословным представительством монархии, которую король Фридрих-Вильгельм III «... так упорно и так безрезультатно обещал своим подданным...»¹.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 345.

При всем этом надо иметь в виду, что взгляды Гегеля на государство и право существенно отличаются от воззрений реакционеров де Местра, Бональда, Галлера и др. Надо также особенно подчеркнуть его критику реакционных воззрений исторической школы права.

Гегель отрицательно относится к реакционеру Галлеру и критикует его теорию, согласно которой господство сильного есть божественное установление. Он отвергает точку зрения исторической школы юристов о первенстве обычая перед законом, считая, что обычное право страдает случайностью и меньшей определенностью, лишено необходимой всеобщности.

Гегель критикует взгляды одного из видных представителей исторической школы юристов — Савиньи, который отрицал необходимость установления общегерманского законодательства. Гегель, напротив, считал это «бесконечной потребностью нашего времени». Он полагал, что правители, которые, подобно Юстиниану, дали своим народам хотя бы бесформенное собрание законов, а тем более такие правители, которые дали определенный и упорядоченный кодекс, были величайшими благодетелями народов. Он неодобрительно относится к английскому праву, особенно к так называемому общему праву (*common law*), и отмечает в нем путаницу и пестроту, вследствие чего в Англии создались благоприятные условия для производства судей.

Он положительно относится к институту присяжных и гласности судопроизводства.

Эти взгляды Гегеля показывают, что он понимал необходимость таких реформ, которые хотя бы в скромных пределах должны были внести изменения в государственный строй и правопорядок Германии соответственно интересам буржуазии и развивающегося в стране капитализма.

После смерти Гегеля его последователи разделились на правых и левых гегельянцев. Одно время к группе левых гегельянцев примыкали Маркс и Энгельс. Среди значительной части левых гегельянцев философия и учение о государстве и праве Гегеля были использованы для обоснования мелкобуржуазной идеологии (Бруно Бауэр и др.), которая была подвергнута Марксом и Энгельсом критике.

Учение Гегеля о государстве и праве оказало значительное влияние на дальнейшее развитие юридической науки. Так, например, консервативная сторона учения Гегеля о государстве была использована в теории Лоренца фон Штейна, который пытался найти в учении Гегеля о государстве противоядие от коммунизма. Влияние Гегеля видно также в работах государственоведа Гнейста, криминалиста Ганса и др. В России влияние Гегеля обнаружилось в так называемой государственной школе права (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и др.).

Консервативные и реакционные стороны учения Гегеля о государстве и праве пытались использовать для оправдания фашизма в Италии (Джентиле) и в Германии (Биндер, Ларенц и др.). Но

характерно, что наиболее «ортодоксальные» фашисты в Германии отвергали философию Гегеля, ставшую одним из источников марксизма.

Учитывая ряд консервативных и реакционных положений в учении Гегеля о государстве и праве, не надо забывать, что в целом философия Гегеля, как и вся немецкая классическая философия представляет собою ценный вклад в культурное наследие человечества.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К. и Энгельс Ф., *Немецкая идеология*, Соч., т. 3, с. 182—183.

К. Маркс, К критике гегелевской философии права, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, с. 219—368.

Маркс К., К критике гегелевской философии права, Введение, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, с. 414—429.

Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Маркс К., Энгельс Ф., *Избранные произведения*, т. II, Госполитиздат, 1955, с. 339—382.

Источники

Кант, *Идея всеобщей истории*, СПб., 1910.

Кант, *Основоположение к метафизике нравов*, М., 1913.

Кант, *Вечный мир*, М., 1905.

Фихте И. Г., *Замкнутое торговое государство*, М., 1923.

Фихте И. Г., *Основные черты современной эпохи*, СПб., 1903.

Гегель, *Философия права*, Соч., т. VII, 1934.

Гегель, *Философия истории*, Соч., т. VIII, 1935.

Дополнительная

Галанза П. Н., *Об оценке учения Гегеля о государстве и праве*, «Советское государство и право», 1956 г. № 9.

Пионтковский А. А., *Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве*, М., 1947.

ГЛАВА XVII

УЧЕНИЯ УТОПИЧЕСКИХ СОЦИАЛИСТОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Идеи утопических социалистов начала XIX века — отражение протеста трудящихся масс против капиталистического гнета.
§ 2. Сен-Симон. § 3. Фурье. § 4. Оуэн

§ 1. Идеи утопических социалистов начала XIX века — отражение протеста трудящихся масс против капиталистического гнета

Развитие капитализма в начале XIX века вызвало рост нищеты рабочих и мелких производителей, все в большей мере испытывавших на себе последствия анархии производства, кризисов, массовой безработицы и других социальных бедствий, характерных для капиталистического строя.

Стихийное возмущение рабочих и полупролетарских масс новыми, капиталистическими порядками, угнетением и нищетой, мучительные поиски ими путей к иному, справедливому социальному строю нашли свое отражение в учениях великих утопистов-социалистов: Сен-Симона, Фурье, Оуэна.

«Когда было свергнуто крепостничество, — писал Ленин, — и на свет божий явилось «свободное» капиталистическое общество, — сразу обнаружилось, что эта свобода означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся. Различные социалистические учения немедленно стали возникать, как отражение этого гнета и протест против него. Но первоначальный социализм был *утопическим* социализмом. Он критиковал капиталистическое общество, осуждал, проклинал его, мечтал об уничтожении его, фантазировал о лучшем строе, убеждал богатых в безнравственности эксплуатации.

Но утопический социализм не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу*, которая способна стать творцом нового общества»¹.

Сила утопических социалистов состоит в острой, беспощадной критике ими язв и противоречий капитализма, в горячем сочувствии к задавленным нуждой и наемным рабством трудящимся массам, в искреннем желании найти для народных масс путь к новому, справедливому общественному строю, наконец, в ряде гениальных догадок и предположений о контурах этого будущего, социалистического строя.

Учения утопических социалистов были незрелыми в силу недостаточного уровня развития буржуазного общества, незрелости классовых противоречий в ту эпоху.

Великие социалисты-утописты в связи с этим еще не могли понять объективные законы общественного развития, первенствующую роль в этом развитии условий материальной жизни общества.

Основной порок планов социалистического преобразования общества, выдвинутых утопистами, состоял в том, что они были оторваны от реальной действительности, строились на идеалистической основе. Теория утопического социализма не могла еще указать трудящимся массам правильный, научно обоснованный путь их освобождения от капиталистического рабства. Эту историческую миссию смог выполнить лишь *научный социализм*.

Теория утопического социализма в Западной Европе в первой половине XIX века была развита в трудах трех наиболее выдающихся его представителей: Сен-Симона и Фурье — во Франции, Оуэна — в Англии. Отмечая национальное своеобразие учений этих мыслителей, Энгельс писал, что англичане пришли к идеям утопического социализма «... *практическим путём*, вследствие быстрого роста нищеты, деморализации и пауперизма в их собственной стране; французы — *политическим путём*, отправляясь от требования политической свободы и равенства, но, убедившись, что этого недостаточно, они присоединили к своим политическим требованиям требования социальной свободы и социального равенства...»².

§ 2. Сен-Симон

1. Выдающимся представителем французского утопического социализма начала XIX века был К л о д А н р и С е н - С и м о н (1760—1825).

Родители Сен-Симона принадлежали к одному из наиболее древних аристократических родов Франции. Его воспитанием и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 7.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 525—526.

образованием руководили превосходные преподаватели, в том числе известный французский энциклопедист д'Аламбер.

В первые годы французской революции Сен-Симон выступает с пропагандой принципов свободы и политического равноправия граждан, призывает Национальное собрание отменить сословные привилегии дворянства и духовенства, сам слагает с себя дворянское звание и отказывается от графского титула. В дальнейшем Сен-Симон испытывает горькое разочарование итогами французской революции, не разрешившей всех противоречий общественного строя Франции и не облегчившей положение трудящихся. С 1802 года он всю свою энергию и все свое внимание отдает научно-литературной работе, в частности сочинению различного рода проектов переустройства человеческого общества на новой, справедливой основе.

Оставаясь в целом на идеалистических позициях в оценке движущих сил исторического развития, Сен-Симон вместе с тем высказывает ряд гениальных догадок, свидетельствующих об отдельных проблесках научного понимания им исторического процесса. Так, например, Сен-Симон сумел возвыситься до понимания объективной прогрессивности каждой имевшей место в истории человечества новой системы общественного строя в сравнении с предшествующей. В связи с этим он писал, что «золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас»¹.

Замечательной является догадка Сен-Симона о реальном значении института собственности на орудия и средства производства, перехода этой собственности из рук одного класса в руки другого в истории развития человечества. Важнейшие события в политической истории Франции, начиная с XV века и кончая французской революцией конца XVIII века, Сен-Симон пытается объяснить (например, в работе «О промышленной системе») не только общим прогрессом цивилизации, науки и морали, но также и процессом перемещения собственности из рук дворян-феодалов в руки новых социальных групп — городской буржуазии и земледельцев-крестьян.

В труде «Взгляд на собственность и законодательство» Сен-Симон высказывает глубокую мысль о том, что «учреждение собственности — суть; именно этот институт служит основанием общественного здания»² и что «закон, устанавливающий власть и форму правления, не имеет такого значения и такого влияния на благосостояние наций, как закон, устанавливающий собственность и регулирующий пользование ею»³. В этом же труде, давая первоначальные наброски своего проекта будущего справедливого общественного строя, Сен-Симон подчеркивает, что «наиболее важный вопрос, подлежащий разрешению, это вопрос о том, как должна быть организована собственность для наибольшего блага всего общества в отношении

¹ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. II, стр. 273.

² Сен-Симон, Избранные сочинения, т. I, стр. 395.

³ Там же, стр. 354—355.

свободы и в отношении богатства»¹. Таким образом, Сен-Симон выдвинул ряд положений, содержащих в зародышевой форме мысль о том, что «...экономическое положение есть основа политических учреждений...»².

Сен-Симон близко подходит к пониманию классовой структуры современного ему общества и борьбы классов.

В своем первом труде «Письма женеваского обитателя к современникам» Сен-Симон высказывает мысль о том, что французская революция была порождена острой классовой борьбой не только между феодалами и буржуазией, но и между имущими и неимущими. Сен-Симон, в частности, прямо называет господство якобинцев господством неимущих классов. Характеризуя подлинное значение этой замечательной догадки Сен-Симона, Энгельс подчеркивает: «Но понять, что французская революция была классовой борьбой, и не только между дворянством и буржуазией, но также между дворянством, буржуазией и неимущими, — это в 1802 г. было в высшей степени гениальным открытием»³.

В «Письмах женеваского обитателя к современникам» Сен-Симон указывает на разделение общества, по его мнению, на три класса: 1) класс ученых, художников и всех людей, разделяющих либеральные идеи; 2) класс собственников, за исключением лиц, входящих в первый класс; 3) третий класс (неимущие). Этот класс, «объединяемый идеей равенства, включает в себе остальное человечество»⁴.

В своих работах, относящихся к более позднему периоду, Сен-Симон придерживается несколько иного деления общества на классы, подчеркивая, что основным является деление общества на два класса: 1) паразитов и 2) «промышленников». Паразитический класс, по Сен-Симону, — это дворяне, военные, рантье, государственные чиновники и «легислы» (юристы на службе паразитического класса). Этому паразитическому меньшинству противостоит класс «промышленников», составляющий подавляющее большинство нации,²⁴²⁵ общей ее численности. Отходя от ранее высказанного им положения о делении общества в основном на имущих и неимущих, Сен-Симон включает в состав класса «промышленников» не только трудящихся — пролетариев и работников умственного труда, но и фабрикантов, торговцев, банкиров.

Включение Сен-Симоном в класс «трудящихся» наряду с рабочими также и предпринимателей, торговцев и банкиров наиболее ярко отразило незрелость его идей, обусловленную особенностями современной ему эпохи. Эта эпоха характеризовалась тем, что противоположность классовых интересов между буржуазией и проле-

¹ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. I, стр. 355.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 113.

³ Там же, стр. 113.

⁴ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. I, стр. 118.

тариатом еще не успела выявиться с достаточной определенностью и четкостью. Этим и объясняется то, что у Сен-Симона, как отмечает Энгельс, «...рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное...»¹.

2. Сен-Симон в своих сочинениях неустанно критикует несправедливость существующего общественного строя, в условиях которого паразитическое меньшинство господствует над производительными классами, составляющими большинство народа. Вместе с тем Сен-Симон выступает против того, чтобы сами трудящиеся и неимущие массы непосредственно проявили инициативу переустройства общества на новой, справедливой основе. Он полагает, что опыт революции показал несостоятельность непроявленных, неимущих масс руководством обществом. Поэтому свои надежды на успешное проведение необходимых общественных преобразований Сен-Симон возлагал только на наиболее активную, наиболее просвещенную, по его мнению, часть класса «промышленников» в лице фабрикантов, торговцев, банкиров. Сен-Симон полагал, что в интересах обездоленных, но не способных к самостоятельному решению своей судьбы неимущих масс руководство обществом должно перейти из рук «праздных» сословий в руки просвещенных «промышленников». Таким образом, по Сен-Симону, именно фабриканты, торговцы, банкиры — это истинные представители «промышленного» класса, которые «...должны были стать чем-то вроде общественных чиновников, доверенных лиц всего общества, но все же сохранить по отношению к рабочим командуемое и экономически привилегированное положение»². Особенно большое значение Сен-Симон придавал деятельности банкиров. Сен-Симон считал, что именно банкиры призваны при помощи кредита регулировать все общественное производство.

В утопических проектах Сен-Симона, посвященных организации справедливого общественного устройства, содержатся отдельные гениальные догадки о том, что экономической основой будущего строя должна быть организованная на началах научного планирования крупная промышленность, способная обеспечить всестороннее удовлетворение потребностей общества, все члены которого должны в меру своих способностей работать на благо общества. Вместе с тем у Сен-Симона мы еще не встречаем идеи организации общественного крупного производства на базе коллективной собственности на орудия производства. Он не выступает против принципа частной собственности как основы экономического неравенства людей.

Сен-Симон доказывает, что основная задача заключается в переводе общества из феодального режима, который стремится установить между людьми возможно большее неравенство, разделяя их на два класса — управляющих и управляемых, в

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 109.

² Там же, стр. 113.

режим промышленности, который основан на принципе совершенного равенства, отвергает все права, основанные на всякого рода привилегиях. Этот переход от феодального режима к промышленному предполагает, по мнению Сен-Симона, ликвидацию основного противоречия в политическом состоянии французского общества, которое заключается в том, что «нация по существу промышленная имеет правительство по существу феодальное».

Этот переход требует организации новой духовной власти и новой светской власти. Духовная власть из рук духовенства должна перейти в руки ученых, олицетворяющих интеллектуальные силы общества, светская власть — из рук дворянства в руки «промышленников», олицетворяющих материальные силы общества. Сен-Симон считал, что установление наиболее полного и всеобъемлющего политического господства класса промышленников является решающим условием окончательной победы новой, «промышленной» системы над старой, феодальной системой.

«Промышленники», составляющие подавляющее большинство нации, должны, по мнению Сен-Симона, стать первым классом в обществе: «...они будут издавать законы, они будут определять положение, которое должны занимать другие классы по отношению друг к другу; они придадут каждому из них значение, соответственно услугам, оказанным им промышленностью. Таков будет неизбежный конечный результат нынешней революции. Когда этот результат будет достигнут, общественное спокойствие будет вполне обеспечено, благосостояние государства начнет развиваться с той быстротой, какая только возможна, и общество будет обладать всем тем индивидуальным и общественным счастьем, на какое только может претендовать человеческая природа. Таково наше мнение о будущем обществе...»¹.

Необходимо отметить, что Сен-Симон подверг резкой критике политическую систему, установившуюся в Англии в результате революции XVII века, именно потому, что, как он подчеркивал, эта революция не привела к окончательной победе «промышленников» над феодализмом и имела своим результатом установление лишь переходного режима от феодальной к «промышленной» системе. Сен-Симон разоблачал в этой же связи мнимый демократизм и лицемерие английской парламентской системы и английской конституции, прикрывающей фактическое господство лордов и других крупных собственников. «Английская социальная организация, — заявляет Сен-Симон, — в корне порочная, не должна быть представлена французской нации образцом, которому она должна по мере сил подражать»². Сен-Симон отмечал, что Монтескье был неправ, провозгласив английскую конституцию и английские политические учреждения образцом для Франции. Он объяснял эти взгляды Монтескье тем, что последний еще не знал опыта французской революции.

¹ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. II, стр. 153.

² Там же, стр. 191.

Сен-Симон в этой же связи подчеркивал, что окончательная победа провозглашаемой им «промышленной» системы явилась бы громадным шагом вперед в сравнении с компромиссной английской «переходной» системой.

Сен-Симон полагал, что установление политического господства «промышленников» приведет к окончательной ликвидации деления общества на управляющих и управляемых, что политическая власть, бывшая до того властью над людьми, превратится во власть, осуществляющую чисто административные функции — распоряжения и управления производством в целях удовлетворения общественных потребностей.

В вопросе о судьбах и роли политической власти в новом обществе Сен-Симон сумел возвыситься до понимания того, что в условиях этого будущего строя «...политическое управление людьми должно превратиться в распоряжение вещами и в руководство процессами производства...»¹.

По сути дела, здесь у Сен-Симона в зародышевой форме высказана замечательная мысль о том, что в условиях будущего, справедливого общественного строя отпадет необходимость в государстве как особом аппарате принуждения.

Характерной чертой планов общественного переустройства у Сен-Симона является то, что они исходят из идеи мирного разрешения всех социальных противоречий, идеи мирного сотрудничества и солидарности всех классов общества.

Отвечая на вопрос, какими путями и средствами должен быть совершен переход от старого, феодального строя к новому, «промышленному», Сен-Симон во всех своих работах решительно отвергает путь революционного насилия, путь классовой борьбы.

Главным средством преобразования общества Сен-Симон считал мирную проповедь новой морали, «нового христианства». Проповедь эта, по Сен-Симону, должна была быть обращена прежде всего к наиболее просвещенной части общества, а именно к имущим классам, ибо «бедный класс», будучи непросвещенным, отсталым в умственном отношении, не способен добиться своего освобождения.

Утопизм плана общественных преобразований, предложенного Сен-Симоном, особенно ярко проявляется в том, что основным политическим орудием осуществления этих преобразований он считает королевскую власть. Сен-Симон стремится «побудить королей воспользоваться предоставленной им народом властью для осуществления необходимых политических перемен»².

Сен-Симон рассматривает королевскую власть как надклассовый институт, который имеет «всеобщий характер, отличающий его и ставящий его выше всех других институтов», и существование

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 113.

² Сен-Симон, Избранные сочинения, т. II, стр. 93.

которого «не связано ни с какой политической системой вообще»¹. Отсюда Сен-Симон делал вывод, что этот институт «будет подходить одинаково ко всем системам социальной организации, установления которых может потребовать прогресс цивилизации»². Именно поэтому королевская власть, по его мнению, может и должна в тесном союзе с «промышленниками» стать во главе движения за образование новой, более справедливой общественно-политической системы.

В своих проектах политической организации будущего «промышленного» строя Сен-Симон предусматривает сохранение наследственной королевской власти как института, венчающего новую организацию общества, ведущей силой которого является союз «промышленников» и ученых.

В его проектах сохраняются совет министров и двухпалатная парламентская система. Но между властью короля и властью палат должны быть созданы, по его мнению, две новые промежуточные инстанции: 1) совет ученых, образуемый из представителей академий наук и искусств и составляющий совет инициативы при короле; этот совет разрабатывает планы необходимых социальных преобразований и руководит всей умственной жизнью страны; 2) совет промышленников в составе виднейших представителей промышленности, торговли и банковского капитала. Важнейшей задачей этого совета является, помимо рассмотрения проектов социальных преобразований, принятых советом ученых, составление проекта бюджета и проверка его исполнения. Проект бюджета после этого поступает в совет министров и на рассмотрение обеих палат.

Акт королевской власти, призывающий к управлению страной вместо дворян и духовенства «просвещенных промышленников» и ученых, — таков, по Сен-Симону, самый простой, рациональный и бескровный способ осуществления перехода от неразумной, феодальной системы к новой, справедливой, «промышленной» системе, от «правительственной» системы к «административной», управляющей общественным производством, а не людьми.

В этих взглядах Сен-Симона еще очень ярко проявляется идеалистическая концепция о решающей роли устанавливаемого надклассовой государственной властью законодательства в осуществлении коренных социальных преобразований. Эта концепция характеризует позицию Сен-Симона и в вопросе о роли и значении права в целом в жизни общества.

Возлагая свои надежды на чудодейственную силу реформ сверху, осуществляемых королевской властью в интересах всего общества, Сен-Симон адресует свои проекты общественных преобразований французскому королю, а также монархам стран, заключивших реакционный «Священный союз», в том числе и царю Александру I.

¹ Сен-Симон, Избранные сочинения, т. II, стр. 170.

² Там же.

Сен-Симон наивно полагал, что «просвещенные монархи» Европы, ознакомившись с его проектами, восплают желанием немедленно осуществить их и содействовать, во имя подлинно христианской морали, обязывающей заботиться о неимущем и порабощенном «бедном классе», мирному переходу от феодальной системы к «промышленной».

Проекты социальных преобразований, выдвинутые Сен-Симоном, носят явно утопический характер. Но вместе с тем, как отмечает Энгельс, сквозь фантастический покров в трудах великих социалистов-утопистов, в том числе Сен-Симона, на каждом шагу прорываются гениальные догадки о будущем социалистическом строе, его основах, его принципах.

Эти гениальные прозрения в будущее человеческого общества являются драгоценным вкладом Сен-Симона в сокровищницу социалистических идей.

§ 3. Фурье

1. Наряду с Сен-Симоном идеи утопического социализма в начале XIX века выдвинуты были таким замечательным мыслителем, как Фурье.

Франсуа Мари Шарль Фурье (1772—1837) родился в городе Безансон (Франция), в семье богатого коммерсанта. Годы детства и юношества Фурье неразрывно связаны с событиями французской революции, оказавшими огромное влияние на формирование его мировоззрения.

Внимательно изучая первые итоги победы капиталистического строя в результате французской революции, Фурье пришел к выводу, что эта революция вовсе не привела к победе строя «разума и свободы», возвещенного философами-просветителями XVIII века, что капитализм несет с собой величайшие бедствия и лишения трудящемуся большинству народа. Отражая стихийный протест трудящихся масс, попавших после ликвидации феодализма в новое, капиталистическое рабство, их разочарование результатами буржуазной революции, Фурье в своих произведениях подвергает острой критике пороки капиталистического общества, разоблачает его ученых апологетов, стремится найти выход из глубоких противоречий современного ему общественного порядка, отыскать пути организации нового, справедливого, социалистического строя.

Муки и бедствия человечества, запутавшегося в тенетах несправедливой капиталистической «цивилизации», объясняются, по Фурье, тем обстоятельством, что до сих пор общество не сумело познать предусмотренный богом истинно справедливый «социальный кодекс». Этот социальный кодекс исходит, по его мнению, из признания главным и решающим фактором общественного прогресса природных свойств человека, его страстей, являющихся орудием осуществления воли божьей, направленной на благо всего человечества. В учении Фурье о роли естественных, природных свойств и страстей

человека явно чувствуется, несмотря на все своеобразие этого учения, влияние теории «естественного права».

По мнению Фурье, вся история человечества представляет собой лишь совокупность определенных закономерных этапов его развития. Это — путь от социальной «беспорядочности», «бессвязности», «дисгармонии» к социальной гармонии, к справедливому социальному строю.

Несмотря на общую фантастичность схемы развития человеческого общества, у Фурье можно найти при рассмотрении им конкретно-исторических периодов истории человечества отдельные замечательные по глубине научного прозрения положения. Фурье делил всю предшествующую историю человечества на следующие периоды: дикость, варварство, патриархат, цивилизацию. В высшей степени примечательно, что одним из главных факторов, обуславливающих переход от одного периода к другому, Фурье считал наряду с таким фактором, как изменение правового положения женщины в обществе, уровень развития промышленности. В частности, Фурье высказал мысль о прогрессивном значении развития крупной промышленности, а также науки и техники в период буржуазной «цивилизации», как необходимых предпосылок, обеспечивающих возможность перехода от «дисгармонического», «цивилизованного» строя к строю «гармонии» или «ассоциаций».

2. Заслугой Фурье является исключительно глубокая критика капиталистического строя. Фурье гневно обрушивается на капиталистическую «цивилизацию», несущую разорение, нищету и страшные мучения подавляющему большинству населения и богатство и роскошь — ничтожному меньшинству. Эта цивилизация, — заявляет Фурье, — «антипод провиденциальной судьбы, *мир дыбом, социальный ад*»¹.

Фурье указывает на невыносимые страдания и лишения, переживаемые миллионами производителей из-за анархии производства при «цивилизации», из-за мании «производить беспорядочно, безо всякого метода по части пропорционального вознаграждения, безо всякой гарантии приобщения производителя, или рабочего, к растущему богатству»². Несмотря на плодородие почвы и изобилие продуктов, «восемь миллионов французов вовсе не едят хлеба, питаются только каштанами или другими заменителями... 25 миллионов французов не пьют вина, а между тем, вследствие перепроизводства винограда приходится бросать в мусорные ямы целые урожаи»³.

С уничтожающим сарказмом вскрывает Фурье лицемерие и ханжество продавшихся «золотому тельцу» апологетов «цивилизации», стремящихся прикрасить действительность, затушевать остроту социальных контрастов, присущих строю цивилизованного рабства. Несмотря на эти контрасты «ежегодно появляется с дюжину новых

¹ Ш. Фурье, Новый промышленный и общественный мир, М., 1939, стр. 240.

² Там же, стр. 37—38.

³ Там же, стр. 39.

философий, толкующих о национальном богатстве. Сколько богатства в книгах и сколько нищеты в хижинах!»¹.

Подвергая резкой критике «беспорядочный» экономический строй буржуазной цивилизации, Фурье вместе с тем отмечал, что в области государственноправовой жизни этот строй проявляет себя как явная политическая несправедливость, открытая дискриминация в отношении бедняков, составляющих большинство общества.

Государство, правительство при строе «цивилизации», говорил Фурье, фактически находятся на услужении у богатых купцов, торговцев, всячески защищают и охраняют их богатства против бедняков. Интересам богатых, защите их привилегий служат и законы. Для бедняков же законы выступают как акты государственного принуждения, обязывающие их уплачивать все возрастающую массу налогов и поборов. Бедняк, указывал Фурье, не может рассчитывать на справедливость и в суде, ибо он не располагает необходимыми средствами для того, чтобы гарантировать себе судебную защиту в делах против богача.

В своей критике пороков и язв капиталистического строя Фурье возвышается до понимания глубокой фальши и лицемерия абстрактных «прав и свобод» гражданина, «суверенитета народа», «всеобщего» и «равного» избирательного права и т. д., провозглашаемых буржуазными конституциями и подымаемых на щит буржуазными философами, социологами и юристами.

Право ничто, заявляет Фурье, если человек не имеет материальных гарантий для его осуществления. «На деле право является иллюзорным, когда не можешь осуществлять его. Свидетельство тому — конституционное право на суверенитет, которое имеет народ. Вопреки этой блестящей великолепием прерогативе плебей не имеет даже возможности пообедать, если у него нет ни су в кармане. А ведь очень далеко от притязания на суверенитет до притязания пообедать. Так много прав существует на бумаге, но не в действительности, и предоставление их становится оскорблением для того, кто не может достигнуть прав во сто крат меньших»². В своей критике апологетов «цивилизации» Фурье высказывает глубокую мысль о решающем значении права на труд в системе прав человека в обществе; он указывает, что эти апологеты, говоря о правах человека, забывают «выдвинуть в качестве принципа *право на труд*, которое воистину неосуществимо при цивилизации, но без которого ничего не стоят все остальные права»³.

Однако несмотря на отдельные гениальные догадки, Фурье в целом еще не смог установить подлинные объективные закономерности развития капиталистического строя. Острые его критики

¹ Ш. Фурье, Новый промышленный и общественный мир, М., 1939, стр. 39.

² Ш. Фурье, Избранные сочинения, т. I, 1951, стр. 254—255.

³ Ш. Фурье, Теория четырех движений и всеобщих судеб, М., 1938, стр. 199.

направлено по преимуществу лишь на разоблачение пороков и язв, присущих «цивилизации» в сфере товарно-денежного обращения и распределения материальных богатств. Характерно, что Фурье считает основной паразитарной, хищнической социальной группой, занимающей, по его мнению, господствующее положение в обществе, не капиталистов, владельцев промышленных предприятий, а главным образом торговцев-спекулянтов и биржевиков-ростовщиков.

Фурье разоблачал гнусные преступления английских и американских купцов, которые в своем стремлении к обогащению не останавливаются перед физическим истреблением народов и племен колониальных стран, в частности путем войн, предпринимаемых якобы с целью «приобщения варваров и дикарей к цивилизации». Он гневно бичевал преступления американских плантаторов и работорговцев, предупреждая о грядущем справедливом возмездии, которое их ожидает «за туземные расы, уничтожаемые ими»¹.

Фурье обрушивается на отвратительный торгашеский, продажный дух буржуазной цивилизации, на глубокое разложение, вносимое духом торгашества не только в экономическую и политическую жизнь общества, но и в брачно-семейные отношения, в общественную мораль, искусство. Замечательна по своей социальной остроте мысль Фурье о превращении брака в условиях строя буржуазной «цивилизации» в простую коммерческую сделку, приводящую к порабощению и унижению женщины, к фактическому узаконению разврата, проституции, к разложению семьи и семейных отношений. В труде «Святое семейство» Маркс в связи с этим специально отмечает, что Фурье дал мастерскую критику буржуазного брака, положения женщины в буржуазном обществе. Фурье высказал мысль, что в каждом обществе степень освобождения женщины является естественным мерилом всякого освобождения.

Фурье яркими красками рисовал глубокие социальные противоречия, раздирающие строй буржуазной «цивилизации». Он отмечал, что этот строй объективно толкает доведенные до отчаяния, разоряемые капитализмом трудящиеся массы на путь возмущения против существующего несправедливого социального порядка. Основоположники марксизма высоко оценивали критику пороков и язв буржуазной «цивилизации», данную Фурье, и в особенности разоблачение им продажных апологетов этой «цивилизации».

Характерной чертой мировоззрения Фурье является резко отрицательное отношение к политике, политической борьбе, непосредственно навешанное на него тем обстоятельством, что французская буржуазная революция, развернувшаяся под лозунгами народного суверенитета, свободы, равенства и братства, ни в чем существенном не улучшила материального положения угнетенных низов общества.

Отрицательное отношение к революции неимущих масс, революционному насилию побуждает Фурье к поискам мирных путей

¹ Ш. Ф у р ь е. Теория четырех движений и всеобщих судеб, М., 1938, стр. 123.

установления нового социального строя, который «обеспечил бы и самому заурядному из производителей достаточное благосостояние»¹.

Фурье проповедовал мирное сотрудничество всех классов, мирное преобразование существующего неразумного, несправедливого строя «цивилизации» в строй справедливый, где царствует «социальная гармония» на основе дружественного союза всех социальных групп в рамках производительных ассоциаций, или, по терминологии Фурье, ф а л а н г.

3. Каждая фаланга, по проекту Фурье, должна была представлять собой земледельческо-промышленное объединение, охватывающее примерно 1600—1700 человек. Разделение труда в фалангах должно быть приспособлено к индивидуальным склонностям и способностям каждого члена фаланги. Люди, обладающие примерно одними и теми же влечениями, объединяются внутри фаланги в соответствующие производственные «серии» или группы.

Вся производственная, бытовая и культурная жизнь членов фаланги должна регулироваться, по Фурье, механизмом человеческих страстей. Этот механизм включает двенадцать страстей: пять чувственных (вкус, осязание, зрение, слух, обоняние), четыре душевных (дружба, честолюбие, любовь, отцовство) и три «распределительных», или управляющих (страсть к интригам, страсть к разнообразию и страсть, выражающаяся в энтузиазме, воодушевлении). Решающее значение в деятельности механизма страстей Фурье придает именно последним трем, то есть «распределительным» страстям. Только в условиях «строга ассоциаций», основанного на учете природных свойств и влечений каждого ее члена, «все двенадцать страстей будут развиты и удовлетворены у каждого отдельного человека, и, следовательно, каждый достигнет счастья, которое заключается в полном свободном развитии страстей».

Фурье полагал, что строй ассоциаций создает наиболее благоприятные условия для творческого соревнования между представителями всех видов и родов физического и умственного труда. В результате труд, являющийся при строе «цивилизации», как правило, принудительным, внушающим человеку отвращение, превратится для членов фаланги в наслаждение, в естественную жизненную потребность. В этой же связи Фурье указывал, что в фаланге не будут иметь места отношения господства и подчинения, столь характерные для строя «цивилизации», и, соответственно, отпадает необходимость в государстве как аппарате принудительной власти, защищающем интересы богатых против бедняков.

Фурье полагал, что материальные преимущества проповедуемого им устройства фаланг настолько очевидны и привлекательны, что «богатый класс первым восстанет против политического принципа цивилизации: *должно быть много бедных, чтобы было несколько*

¹ Ш. Ф у р ь е, Теория четырех движений и всеобщих судеб, М., 1938, стр. 270.

богатых. Этот принцип вскоре уступит место следующему: надо, чтобы бедные пользовались постепенно увеличивающимся достатком, дабы богатые были счастливы.

Необходимо отметить, что весь проект организации нового строя ассоциаций, или фаланг, у Фурье исходит из принципов примирения и гармонии интересов всех классов общества, как богатых, так и бедных, как имущих, так и неимущих. В этом наиболее ярко проявился утопизм построений Фурье.

Характерно, что распределение доходов и богатств в фаланге должно было, по мнению Фурье, производиться в соответствии как с суммой вложенных ее членами капиталов, так и с количеством и качеством затраченного ими труда, а также с проявляемыми отдельными лицами особыми дарованиями и талантами.

Для полной гармонии интересов всех членов фаланги необходимо, по мнению Фурье, чтобы вся продукция фаланги распределялась следующим образом: капиталу — $\frac{4}{12}$, труду — $\frac{5}{12}$, таланту — $\frac{3}{12}$. Подобного рода распределение Фурье считал единственно справедливым, обеспечивающим гармоническое сотрудничество классов и тесный союз «капитала, труда и таланта». Фурье в этой связи резко выступал против общности имущества в фаланге.

Выступая с проповедью мирной организации строя ассоциаций, Фурье свои надежды возлагал прежде всего на имущие классы, призывая их вкладывать свои капиталы в фонд создания фаланг и обещая им за это высокие постоянные доходы с этих капиталов, спокойную, счастливую жизнь в фаланге. С подобным призывом Фурье, например, обращался к крупнейшему банкиру Франции Ротшильду. Фурье полагал, что весь строй жизни в фаланге — распределение доходов по капиталу, труду и таланту, участие как богатых, так и бедных в «сериях», основанных на общих влечениях, брак по любви, совместное воспитание детей — приведет к полной гармонии социальных интересов, полной ликвидации всяких классовых конфликтов и столкновений.

Фурье, подобно Сен-Симону, преисполнен еще наивной веры в то, что главным орудием установления строя ассоциаций могут явиться... монархи европейских стран. Он адресует свои проекты создания фаланг Наполеону I, а после крушения наполеоновской империи с этими же проектами обращается к правительству Бурбонов.

При всей утопичности и фантастичности проектов установления нового общественного строя в произведениях Фурье в зародышевой форме содержится целый ряд замечательных мыслей, составивших заметный вклад в сокровищницу социалистических идей. Здесь следует прежде всего указать на поистине блестящие страницы трудов Фурье, в которых дана острая и глубокая критика пороков и язв капиталистического общества. Сюда же должны быть отнесены и гениальные догадки Фурье о том, что в будущем, «гармоническом» обществе, которое придет на смену капитализму, труд человека впервые станет свободным и радостным, превратится в жизненную

потребность, в наслаждение, что основным стимулом общественного прогресса здесь станет творческое соревнование работников каждой отрасли и каждого вида физического и умственного труда. Фурье высказал мысль о том, что в грядущем, справедливом социальном строе будет господствовать гармония общественных и личных интересов и каждый член общества получит исключительно благоприятные условия для развития своих способностей и удовлетворения своих потребностей.

Гениальные догадки Фурье о принципах будущего, справедливого общественного строя и дали Марксу основание назвать его одним из «патриархов социализма».

§ 4. Оуэн

1. Мировоззрение Оуэна складывалось в Англии, где промышленное развитие и острота социальных противоречий капитализма достигли в первой половине XIX века более высокой степени, чем во Франции. В Англии на базе промышленного переворота конца XVIII века происходит в этот период мощное развитие капиталистического производства. Мануфактура вытесняется крупным машинным производством. Все быстрее совершается разделение общества на крупных капиталистов и неимущих пролетариев, а масса ремесленников и мелких торговцев обрекается на нищету и разорение.

Выходец из семьи небогатого ремесленника, Р о б е р т О у э н (1771—1858) с детских лет имел возможность непосредственно наблюдать безотрадную картину тяжелой нужды и нищеты трудящихся Англии, которым развивающийся капитализм, несмотря на огромный прогресс техники и рост производительности труда, нес все новые и новые лишения. Вся жизнь Оуэна была посвящена поискам путей преодоления присущих капитализму социальных противоречий, практическим опытам общественных преобразований, способных максимально облегчить, на его взгляд, бедствия рабочих и мелких производителей. В 1800—1829 гг., будучи одним из компаньонов и управляющим крупной бумагопрядильной фабрики в Нью-Лэнарке (Шотландия), Оуэн осуществляет целый ряд филантропических мероприятий, направленных на улучшение материально-бытовых условий жизни рабочих фабрики. Оуэн проводит сокращение рабочего дня на фабрике до $10\frac{1}{2}$ часов вместо обычных в Англии в этот период 13—14 часов. Во время кризиса в хлопчатобумажной промышленности и временной приостановки фабрики Оуэн полностью сохранил заработную плату рабочим. Он впервые в мире организовал для детей рабочих детский сад и ясли. Однако Оуэн вскоре убедился, что одни лишь филантропические мероприятия явно недостаточны для того, чтобы трудящиеся могли пользоваться плодами своего труда, представляющего источник общественного богатства, что одним из главных препятствий здесь является господство частной собственности. Оуэн разрабатывает в связи с этим утопические

планы социальных преобразований, которые предусматривали создание в рамках существующего строя коммунистических поселков, или «колоний». Оуэн полагал, что эти новые производственные объединения должны базироваться на общности имущества и общности труда, что создаст максимально благоприятные условия для существования и нравственного совершенствования каждого человека. В мировоззрении Оуэна происходит перелом. Он переходит от идей социальной филантропии к идеям утопического коммунизма. «Переход к коммунизму был поворотным пунктом в жизни Оуэна»¹.

В 1824 году Оуэн предпринимает попытку создания «коммунистической колонии», организует в штате Индиана (США) трудовую коммуну «Новая гармония». После краха этой попытки Оуэн возвращается в Англию, где продолжает неутомимую пропаганду своих планов. Он принимает в 30-е годы активное участие в создании первых массовых рабочих профессиональных и кооперативных объединений, хотя вместе с тем отрицательно относится к чартизму, как к рабочему движению, носившему преимущественно политический характер. Оуэн полагал, что демократизация избирательного права не только не облегчит тяжелого материального положения трудящихся, но и вызовет «общественные бедствия», так как «непросвещенному» народу опасно предоставить политические права. В последние годы жизни Оуэн отходит от участия в массовом рабочем движении Англии.

Оуэн «...в стране наиболее развитого капиталистического производства и под впечатлением порожденных им противоположностей разработал ряд проектов устранения классовых различий в виде системы, непосредственно примыкавшей к французскому материализму»².

2. Основные причины, порождающие социальные противоречия капитализма, Оуэн усматривал в невежестве общества, в заблуждениях человеческого разума. Отсюда Оуэн делал вывод, что достаточно путем пропаганды просветить общество, ознакомить все его классы с планом разумного, соответствующего законам природы социального устройства, для того чтобы заставить людей отказаться от своих «заблуждений» и «невежества» и покончить с «неразумным», капиталистическим строем. То, что этот строй вопиюще несправедлив и порождает неслыханные бедствия для трудящихся, Оуэн сознавал очень хорошо. Более того, в отличие от Сен-Симона и Фурье он выступал решительным противником частной собственности и экономического неравенства. «Частная собственность была и есть причина бесчисленных преступлений и бедствий, испытываемых человеком...»³. «Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 117.

² Там же, стр. 109.

³ Роберт Оуэн, Избранные сочинения, т. II, стр. 22.

возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к бесчисленным убийствам»¹. Он предвидит наступление того счастливого времени, «когда все, за исключением только предметов чисто личного обихода, превратится в общественное достояние, а общественное достояние будет всегда иметься в избытке для всех»², и когда «будет должным образом понято несравнимое превосходство системы общественной собственности над системой частной собственности с вызываемым ею злом»³.

В связи с этим проекты организации «коммунистических колоний» как основных производственно-бытовых ячеек нового, «разумного» общества у Оуэна исходят из принципа общности имущества и общности труда в этих колониях, справедливого распределения общественной продукции на равных основаниях для всех их членов, наделенных одинаковыми правами и обязанностями.

Однако при всем этом Оуэн основную причину господства частной собственности наивно усматривал лишь в невежестве, заблуждениях и эгоизме собственников. «Современная система,— заявлял Оуэн,— с самого начала основывалась на невежестве и до сих пор поддерживалась только невежеством; поэтому, если это невежество будет заменено подлинным знанием, вся существующая система и организация общества покажутся такими чудовищными, противоречивыми и нелепыми, что по прошествии короткого времени всем людям станет стыдно защищать существование такой разнородной массы греха и нужды, грубой неразумности и препятствий для человеческого счастья»⁴. Оуэн ратует за воспитание человечества в духе нового, разумного сознания, основывающегося на достижениях опытных наук, выступает против заблуждений и предрассудков, насаждаемых официальной религией, освящающей существование частной собственности.

Основной своей задачей Оуэн в этой связи считал пропаганду необходимости установления нового, «разумного» и «справедливого» строя, обращенную ко всем классам общества, и прежде всего к собственникам. Он апеллирует к разуму и чувству имущих классов и существующих правительств.

Оуэн так же, как Сен-Симон и Фурье, был далек от понимания классовой природы эксплуататорских государств. Он видит в существующих правительствах активную силу, способную содействовать мирному осуществлению предусмотренных им проектов организации нового общественного строя. «Геперешние правительства Европы и Америки,— утверждал Оуэн,— за немногими несущественными исключениями, в сущности не враждебны реальному улучшению

¹ Роберт Оуэн, Избранные сочинения, т. II, стр. 24.

² Там же, стр. 25.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 93.

общественных условий; они желают их совершенствования, и когда они вполне поймут, как этого можно достичь, то они не откажут в своем активном содействии»¹. Оуэн в этой связи неоднократно адресовал свои проекты социальных преобразований русскому царю Николаю I, английской королеве Виктории, английскому парламенту и президенту США, пытался апеллировать к Аахенскому конгрессу держав Священного союза.

Подобно Сен-Симону и Фурье, Оуэн отрицал революционный путь ликвидации существующего, несправедливого общественного строя и перехода к социализму. Оуэн считал, что «необходимо предотвратить насильственное разрушение общественной жизни, которое может возникнуть из ежедневно возрастающей нужды и крайней деморализации»². Он призывал имущие классы предупредить революцию трудящихся и неимущих масс путем проведения решительных социальных реформ, направленных на серьезное улучшение материального положения этих масс.

Утопические планы Оуэна о методах и способах постепенного перехода к новому социальному порядку предполагают лишь мирное внедрение в существующий строй опытов и образцов практического строительства элементов нового, «разумного» строя.

Ценными сторонами мировоззрения Оуэна необходимо признать глубокую критику капитализма как строя, несущего нищету, разорение и голод трудящимся, его непримиримо отрицательное отношение к частной собственности, обоснование необходимости общественной собственности в новом, «разумном» строе, решительное разоблачение религиозного мракобесия и религиозных предрассудков. Для Оуэна в высшей степени характерным является неустанное стремление подчинить все содержание разработанных им планов общественных преобразований делу коренного улучшения материального положения рабочего класса и других слоев трудящихся, подъему их культурного уровня.

Деятельность Оуэна, как отмечает Энгельс, сыграла в первой половине XIX века большую роль в просвещении рабочих масс Англии и в их борьбе за улучшение материальных условий своего существования. «Все общественные движения, которые происходили в Англии в интересах рабочего класса, и все их действительные достижения связаны с именем Оуэна»³.

* * *

Наиболее ценные элементы учения великих социалистов-утопистов, их замечательные догадки и прозрения об основах организации будущего, справедливого общественного строя, идущего на

¹ Роберт Оуэн, Избранные сочинения, т. I, стр. 149.

² Там же, стр. 131.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 118.

смену капиталистическому строю, были в дальнейшем критически восприняты и переработаны Марксом и Энгельсом в процессе создания ими теории научного коммунизма. Вместе с тем Маркс и Энгельс всегда проводили четкую принципиальную грань между Сен-Симоном, Фурье и Оуэном — основателями систем утопического социализма, имевших для своего времени в значительной степени революционный характер, и эпигонами этих выдающихся мыслителей, образовавшими различного рода реакционные секты, догматически цеплявшиеся за явно устаревшие — в свете новых исторических условий развития революционного рабочего движения — положения своих учителей.

Так, например, в 40—50 гг. XIX века сен-симонисты Анфантен и другие, игнорируя факты действительности, обострение классовой борьбы между буржуазией и рабочим классом, выступили в роли рьяных проповедников «новой религии всеобщей любви».

Фурьерист Консидеран и его сторонники выдвинули лозунг: «Все классы, соединяйтесь!». Кабэ, выступивший с идеей организации коммунистических общин (в своем утопическом романе «Путешествие в Икарию»), вместе с тем категорически отрицал путь революционного преобразования капиталистического общества в общество коммунистическое.

«Значение критически-утопического социализма и коммунизма, — отмечали в этой связи Маркс и Энгельс, — стоит в обратном отношении к историческому развитию. По мере того как развивается и принимает все более определенные формы борьба классов, это фантастическое стремление возвыситься над ней, это преодоление ее фантастическим путем лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания. Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты. Они крепко держатся старых воззрений своих учителей, невзирая на дальнейшее историческое развитие пролетариата. Поэтому они последовательно стараются вновь притупить классовую борьбу и примирить противоположности. Они все еще мечтают об осуществлении, путем опытов, своих общественных утопий, об учреждении отдельных фаланстеров... и для сооружения всех этих воздушных замков вынуждены обращаться к филантропии буржуазных сердец и кошельков. Они постепенно опускаются в категорию... реакционных или консервативных социалистов, отличаясь от них лишь более систематическим педантизмом и фанатической верой в чудодейственную силу своей социальной науки.

Вот почему они с ожесточением выступают против всякого политического движения рабочих, вызываемого, по их мнению, лишь слепым неверием в новое евангелие»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 70—71.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958.

Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3.

Энгельс Ф., Развитие социализма от утопии к науке, Маркс К. Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955.

Энгельс Ф., Успехи движения за социальное преобразование на континенте, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. I, стр. 525—541.

Ленин В. И., Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. 19, с. 3—8.

Источники

Сен-Симон А., Избранные сочинения, тт. 1—2, М., Издательство Академии наук СССР, 1948.

Фурье Ш., Новый промышленный и общественный мир, М., 1939.

Фурье Ш., Теория четырех движений и всеобщих судеб, М., 1938.

Фурье Ш., Избранные сочинения, т. 1, М.—Л., Издательство Академии наук СССР, 1951.

Оуэн Р., Избранные сочинения, тт. 1—2, М., Издательство Академии наук СССР, 1950.

ГЛАВА XVIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ БУРЖУАЗИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Развитие капитализма после французской буржуазной революции конца XVIII века и особенности буржуазных политических учений первой половины XIX века. § 2. Буржуазный либерализм во Франции (Бенжамен Констан). § 3. Либеральные учения в Англии (Иеремия Бентам). § 4. Позитивизм и учение об общественной «солидарности» (Огюст Конт). § 5. Апология конституционной монархии как «надклассового» государства (Лоренц Штейн)

§ 1. Развитие капитализма после французской буржуазной революции конца XVIII века и особенности буржуазных политических учений первой половины XIX века

С конца XVIII века начинается период победы и утверждения капитализма в передовых странах мира.

Переход к машинному производству (так называемый промышленный переворот) содействовал быстрому росту крупного производства. В начале XIX века развитие промышленности и торговли как в Англии, так и во Франции шагнуло далеко вперед: возросло количество крупных предприятий и резко повысилось число рабочих, занятых на фабриках и заводах, хотя во Франции внедрение машин в производство происходило гораздо медленнее, чем в Англии. Однако и во Франции к началу XIX века буржуазия выросла и окрепла: за время революции сложился значительный слой «новых богачей» из людей, нажившихся на спекуляции «национальными» имуществами, на военных поставках и ссудах правительству.

Развитие капиталистических отношений повлекло за собой разорение ремесленников и деревенских кустарей, обусловило

общее ухудшение положения трудящихся. Рабочие, не объединенные в профсоюзы, не добившиеся еще никакой законодательной регламентации их труда, терпели ужасные бедствия, пребывая в тяжелых жилищных условиях. Они подвергались самой беспощадной эксплуатации. В производстве при чудовищных условиях труда вовлекались не только женщины, но и дети.

Противоречия капиталистического общества приобрели уже значительную остроту. Классовая борьба пролетариата против буржуазии получает все более значительный размах.

Буржуазия, овладевшая политической властью, не могла не видеть в растущем пролетариате грозного врага, выступления которого внушали ей все возрастающий страх.

Если первоначально буржуазия более всего опасалась восстановления феодальных отношений, то с течением времени, чувствуя возрастающую силу пролетариата, она обнаруживает склонность к компромиссу с феодалами, ищет соглашения с дворянством, направленного против народа.

В этих условиях буржуазия перестраивает свою идеологию. Начинается решительный пересмотр естественноправового учения, принципов народного суверенитета, демократических идей, выдвинутых накануне буржуазных революций.

«Когда-то буржуазные революции в борьбе с феодализмом выдвинули заманчивые лозунги свободы, равенства и братства, но выдвинуты они были буржуазией прежде всего для того, чтобы оттеснить аристократическую знать и проложить дорогу капиталу. По мере укрепления своей власти буржуазия все больше отбрасывала эти лозунги»¹.

Идеологи буржуазии подчеркивают теперь принцип личной пользы, свободы предпринимательства и оспаривают правомерность народоправства. Они принимают идеи Просвещения с оговорками и ограничениями, открывающими путь для сохранения отдельных феодальных учреждений. Ленин говорит о французской буржуазии: «Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов»².

Совершая поворот от демократических принципов к либерализму в политической области, идеологи буржуазии отстаивают вместе с тем принцип «невмешательства» государства в экономическую жизнь. Буржуазия жаждет не стесненной ничем свободы эксплуатации и выдвигает в соответствии с этим абстрактное требование «независимости» личности от государственной власти.

Типичной идеологией буржуазии в этот период является буржуазный либерализм — течение политической мысли, характеризующееся, с одной стороны, требованием «невме-

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 97—98.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 368.

шательства» государства в экономическую сферу, признанием широкой свободы договоров, то есть предоставления собственникам неограниченной свободы эксплуатации, и, с другой стороны, программой соглашения, компромисса с дворянством, ограничений разного рода в структуре и правах буржуазных политических учреждений.

Однако рост рабочего движения, крепнущая сила пролетариата, возраставшая по мере развития промышленности, обусловили появление других буржуазных учений, отличных от либерализма («учение о солидарности» и т. п.).

В 30-х годах во Франции вспыхнули известные лионские восстания, в Англии началось широкое социально-политическое движение — чартизм. В 40-х годах рабочее движение стало шириться во всех передовых странах Европы и даже в Германии выразилось в восстании силезских ткачей. Значительное распространение в рабочей среде стали получать идеи утопического социализма. В 40-х годах сложилась и начала развиваться революционная теория пролетариата, гениальное учение Маркса и Энгельса, вооружившее пролетариат правильным пониманием законов общественного развития, раскрывшее подлинный характер капиталистической эксплуатации и указавшее рабочему классу действительные пути его освобождения. Идеологи буржуазии предпринимали в 30-х и особенно в 40-х годах ряд новых попыток обосновать справедливость и неизбежность буржуазного общественного и политического строя.

Значительное распространение получает идея общественной солидарности, то есть солидарности классов, которую пытаются противопоставить теории классовой борьбы. Вместе с тем, развивая учение о якобы надклассовом характере государства, буржуазные идеологи выдвигают представление о государстве, призванном примирять, снимать классовые противоречия в каком-то высшем единстве.

Учению об общественном равенстве буржуазия пытается противопоставить представление о неравенстве людей как якобы естественном законе природы. Буржуазные общественные порядки изображаются как вечные, неизменные, выражающие собою законы природы со всей их естественной необходимостью. Законы развития капиталистического общества пытаются изобразить как следствие действия неизбежных, естественных законов. Идеи революции, зреющей в умах масс, буржуазная идеология пытается противопоставить представление о мирном, постепенном развитии общества, происходящем путем частичных изменений, не затрагивающих существенных сторон его жизни.

Развитие буржуазной идеологии вступает в новый этап. Буржуазные политические учения направлены теперь своим острием не против феодалов, с которыми буржуазия ищет союза для борьбы с революцией, а против пролетариата, подрывающего устойчивость буржуазных порядков.

§ 2. Буржуазный либерализм во Франции (Бенжамен Констан)

1. Марк в сочинении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» отмечает крутую перемену в настроениях французской буржуазии после буржуазной революции конца XVIII века. «Трезво-практическое буржуазное общество,— писал он,— нашло себе истинных истолкователей и глашатаев в Сэях, Кузенах, Руайе-Колларах, Бенжаменах Констанах и Гизо; его настоящие полководцы сидели за конторскими столами, его политическим главой был жирноголовый Людовик XVIII»¹.

Буржуазные идеологи приступили к истолкованию в классовых интересах буржуазии лозунгов равенства и свободы. Они перешли к разъяснению всех конкретных особенностей обещанного революцией царства разума и справедливости, которое на деле должно было стать и стало «царством буржуазии».

Видным представителем буржуазного либерализма, истолкователем политической программы победившей буржуазии в после-революционный период во Франции был Бенжамен Констан (1767—1830).

Его первые сочинения на политические темы появились в свет в 1796—1797 гг., то есть в период Директории. Это было время, когда буржуазия, напуганная выступлениями народных масс в Париже, ополчалась против революционного террора, против избранных народом полновластных собраний, каким был Конвент. В то же самое время ее продолжала пугать перспектива восстановления феодальных порядков в случае победы контрреволюции. Она в первую очередь была заинтересована в сохранении за новыми собственниками конфискованных в процессе революции земель. Поэтому буржуазия выступала против «крайностей» реакции, боялась восстановления королевской власти в прежнем объеме и привилегий феодальной знати.

Эти колебания и страхи буржуазии Констан и отражает в своих ранних произведениях. В сочинении «О действиях террора» (1797) он высказывается против революционной диктатуры якобинцев и «крайностей» революции, а в сочинении «О реакциях», незадолго перед тем написанном, высказывается против феодальной реакции.

С установлением консульства Констан занял место в одной из палат — трибунате, но вскоре был удален оттуда и эмигрировал за границу.

После реставрации Бурбонов Констан возвратился во Францию. В 1814 году появилось в свет его произведение «Размышления о конституциях и об их гарантиях», в котором Констан выступил в защиту конституционной монархии как политической формы компромисса между дворянством и буржуазией.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 120.

Мысли, изложенные в «Размышлениях», Констан повторяет затем в «Принципах политики» и в целом ряде статей и памфлетов, посвященных вопросам государственного строя и текущей политики.

В период Реставрации Констан был членом нижней палаты, где стал активным деятелем либеральной партии.

2. В произведениях Констан лозунги французской революции исправляются и дополняются в соответствии с потребностями буржуазии, которая из класса, идущего к власти, превратилась в класс, осуществляющий свое господство.

Отбрасывая или ограничивая принцип народного суверенитета, буржуазия в первую очередь и в особенности настаивает на индивидуальной свободе, на неотчуждаемых правах индивида, защищая формальную свободу, которая на деле означает ничем не ограниченную и не стесняемую власть денег.

Отсюда вытекают отрицательное отношение буржуазии к демократии и ее ограниченный либерализм. «Буржуазия,— писал Энгельс,— сила которой определяется исключительно деньгами, не может приобрести политическую власть иначе, чем сделав деньги единственным критерием законодательной дееспособности человека. Все феодальные привилегии, все политические монополии минувших веков должны раствориться в одной великой привилегии и монополии *денег*. Вот почему политическому господству буржуазии свойственно принимать *либеральный облик*»¹.

Будучи сторонником принципов либерализма и буржуазных «прав человека», Бенжамен Констан подвергает коренному пересмотру учение Руссо о народном суверенитете. Не решаясь отбросить полностью этот все еще популярный в его время принцип, он придерживается его только на словах, а по существу решительно выступает против демократического содержания доктрины народного суверенитета.

Бенжамен Констан ополчается против учения Руссо о неограниченном суверенитете народа. Не важно, говорит он, кому будет принадлежать власть. Жаловаться надо на степень власти, а не на ее носителей. Между тем революция не разрушила абсолютную власть монарха, а ограничилась тем, что передала ее в другие руки.

Отстаивая главным образом «невмешательство» государства в экономическую область — условие, обеспечивающее простор для конкуренции предпринимателей, Констан заявляет, что для свободы индивида необходимо прежде всего, чтобы власть, кому бы она ни принадлежала, была ограничена индивидуальными правами граждан.

Свобода, по мнению Констан,— не в том, чтобы власть находилась в руках народа, как утверждал Руссо, а в независимости индивида от государственной власти. Отсюда вытекает требование ограничения властей, их разделения и равновесия.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 574.

Относясь отрицательно к демократическим принципам, Констан считает понимание свободы как полновластия народа не соответствующим интересам современного ему общества, то есть развивающегося капиталистического строя. Он пытается доказать, будто такое понимание свободы есть некритическое заимствование античных понятий и образов и их перенесение на современную почву. К этой теме Констан возвращается не раз, повторяя свое противопоставление свободы древних и свободы новых народов.

Свобода древних, поучает Констан, была политической свободой. Она состояла в праве каждого гражданина участвовать в осуществлении государственной власти: в образовании законов, в отправлении правосудия, в избрании должностных лиц, в разрешении вопросов войны и мира. Этим свобода древних народов исчерпывалась.

Свобода новых народов есть по преимуществу свобода личная, гражданская свобода (*la liberté civile*). Она состоит в известной независимости личности от государственной власти.

Констан разъясняет, что он понимает под личной свободой. Это — неприкосновенность от произвольных арестов, право высказывать свое мнение, выбирать себе любой промысел и свободно заниматься им, право распоряжаться своей собственностью и даже злоупотреблять ею, право передвигаться с места на место, не спрашивая разрешения и не отдавая отчета никому в мотивах передвижения. Свобода — это право собраний и право свободного отправления культа. Лишь в последнюю очередь Констан указывает, что свобода включает право воздействовать на правительственные дела путем избрания всех или некоторых должностных лиц или путем подачи петиций. Констан находит, что у древних народов индивид являлся сувереном при разрешении общественных дел и работ в отношении частных дел. У новых народов, наоборот, индивид, будучи свободен в своей частной жизни, ограничен в качестве суверена и даже в самых свободных государствах только кажется сувереном.

В своих рассуждениях о свободе древних и новых народов Констан отражает, по сути дела, не более как требование максимальной свободы конкуренции, которая была желательна буржуазии того времени. Именно ее имеет в виду в первую очередь Констан, когда говорит об индивидуальной независимости, которая, по его словам, составляет первую потребность нового времени.

Констан откровенно раскрывает роль буржуазии в современном ему государстве. В наши дни, говорит он, частные лица сильнее государственной власти; богатство есть сила, применимая во всех случаях, более реальная и более гибкая, чем другие силы. Богатство неминуемо овладевает властью, признается Констан, — и в этом он не видит никакой угрозы для свободы и независимости граждан, потому что свобода, о которой он говорит, есть свобода имущих, есть именно тот порядок, при котором богатство овладевает властью.

Констан резко выступает против демократической идеи — идеи народовластия, развитой в сочинениях Руссо и Мабли. Особенно не нравятся Констану идеи утопического социализма в сочинениях Мабли, его «декламации против богатства и даже против собственности».

Если демократия, говорит он, намерена вмешиваться в имущественную сферу, то это — лишнее основание для возражений против нее.

Буржуазия в эпоху промышленного капитализма боится государственной опеки и свои надежды полностью связывает с господством неограниченной конкуренции. Но еще больше она боится политического влияния масс, попыток контролировать ее имущественные приобретения и ограничивать свободу капиталистической эксплуатации. Вот почему буржуазия враждебна не только «деспотизму феодальной монархии», но и демократическим принципам, которым она теперь противопоставляет свою философию либерализма.

3. Настаивая на необходимости ограничения суверенной государственной власти и установления политических гарантий, Констан предлагает для этого два средства: первое — сила общественного мнения, второе — разделение властей.

Говоря о силе общественного мнения, Констан имеет в виду буржуазный парламент. Вразрез с демократическими принципами Констан считает парламент не органом народного представительства, а формой организации общественного мнения, выразителем мнения буржуазии как представительницы известных общественных интересов.

Такой взгляд на парламент тесно связан у Констанана с защитой цензового избирательного права. Только собственники — достойные выразители общественного мнения, только реальные интересы собственников заслуживают отражения в особом представительном органе. Парламент должен стать представительством не народа в целом, как учила демократическая доктрина, а одной только буржуазии, проводником ее интересов — таков вывод Бенжамена Констанана.

При таких условиях всеобщее избирательное право уже не является необходимым принципом государственного строя. Констан открыто защищает высокий имущественный ценз. Ссылаясь на то, что даже самая демократическая система в буржуазных государствах устраняет от пользования политическими правами иностранцев и лиц, не достигших установленного законом возраста, он пишет: «Те, кого бедность обрекает на постоянную зависимость и кого она осуждает на труд изо дня в день, не обладают большим разумением, нежели дети, и не более, чем иностранцы, заинтересованы в национальном благосостоянии»¹. Чтобы получить знания и выработать правильное суждение, заявляет он, нужен досуг, а досуг дается только богатством. Вместе с тем Констанан откровенно пишет,

¹ Б. Констанан, Принципы политики, гл. VI («Курс конституционной политики», т. I, Париж, 1872, стр. 54 — на французском языке. В дальнейшем ссылки даются на это же издание).

что собственники боятся допущения неимущих в органы власти. Если дать несобственникам политические права, они будут стремиться к захвату собственности. Если среди законодателей будут преобладать несобственники, собственники станут испытывать беспокойство и будут с подозрением относиться ко всем мероприятиям власти и всячески мешать их осуществлению.

Констан высказывается также против уплаты вознаграждения депутатам, которое должно было обеспечить неимущим или малоимущим лицам возможность взять на себя депутатские полномочия. Он заявляет, будто установление вознаграждения для депутатов лишает их необходимой независимости и делает их заинтересованными в увеличении налогов.

Констан выступает также защитником двухпалатной системы, высказываясь за создание верхней палаты из наследственных пэров. Это было, разумеется, открытым отступлением от принципа народного суверенитета. Опасаясь полновластия палаты народных представителей, Констан стремится образованием верхней палаты ограничить палату, избранную народом. Создание двух палат означало по существу осуществление компромисса буржуазии с дворянством.

Когда Наполеон возвратился к власти в период «ста дней» и Констану поручено было составить новый конституционный акт, он выдвинул план создания верхней палаты из наследственных пэров и энергично его защищал. Констан не встретил сначала сочувствия Наполеона. Ему удалось, однако, переубедить императора, и в «Дополнительном акте» была предусмотрена наследственная палата пэров.

Другой гарантией свободы в его понимании Констан считал принцип разделения и равновесия властей. Констан подвергает пересмотру учение Монтескье по этому вопросу, приспособлявая его к новым условиям, сложившимся во Франции после реставрации Бурбонов.

Он объявляет, что королевская власть есть особая власть, которую никак нельзя отождествлять с исполнительной. Это — «нейтральная» власть, которая стоит не рядом с другими властями, а выше всех остальных, над ними. Король, по словам Констан, — это существо, возвышающееся над различиями мнений, не имеющее иных интересов, кроме интересов охраны порядка и свободы, недоступное тем страстям, которые порождаются обыденными условиями жизни. «Он, — говорит Констан, — как бы парит над человеческими тревожностями», образуя некоторую «сферу величия и беспристрастия»¹.

Вместо трех властей, которые различал Монтескье, у Констан получается пять властей «различной природы»: 1) власть королевская, 2) власть исполнительная, 3) представительная власть постоянная (власть верхней палаты), 4) власть, представляющая

¹ Б. Констан, Принципы политики, гл. II, стр. 21—22.

общественное мнение (власть нижней палаты), 5) власть судебная. К этим пяти властям Констан присоединяет еще муниципальную, которая, по его мнению, должна быть независимой от других властей.

Рассматривая королевскую власть как особую и притом нейтральную, Констан тем самым становится на защиту конституционной монархии с широкими правами монарха.

Констан развивал свою теорию, когда во Франции происходила реставрация Бурбонов после разгрома Наполеона. Только что была издана Хартия 1814 года — плод компромисса буржуазии со старой Францией. Буржуазные политики сошлись с «легитимистами» в отрицательном отношении к принципу народного суверенитета, в общем страхе перед революцией и активностью масс, и это облегчило их соглашение. Благодаря конституционной монархии буржуазия рассчитывала как можно дальше отойти от всего, что напоминало 1793 год.

Констан был защитником Хартии 1814 года. Не будучи легитимистом, он защищал монархию реставрированных Бурбонов, потому что ждал от нее осуществления принципов буржуазного либерализма.

4. Свобода, по мнению Констан, обеспечивается ограничением государственной власти, ее невмешательством в частную жизнь индивидов. Идея «прирожденных» и «неотчуждаемых» прав индивида занимает одно из центральных мест в его политическом учении.

Характерно, однако, что собственность не фигурирует в нем в числе естественных, «прирожденных» прав. Собственность — не прирожденное, а приобретенное право, по мнению Констан. Она не предшествует обществу, а создается в нем. Подчеркивая значение частной собственности, ее «священный и неприкосновенный» характер, Бенжамен Констан отказывается считать ее естественным правом. Нетрудно объяснить, чем вызвана была такая концепция. В ходе буржуазной революции XVIII века только что была произведена конфискация земель и, следовательно, признано, что земельная собственность не составляет «прирожденного, неотчуждаемого права». Не зависящая от государственной власти «прирожденная» собственность — это могло бы звучать как призыв к сохранению в полной неприкосновенности феодальной земельной собственности.

Вот почему Констан, для которого священной была лишь буржуазная, а не феодальная собственность, не включает собственность в число природных прав.

Особенно много внимания уделяет Констан вопросу о «промышленной» свободе, то есть свободной конкуренции и свободе капиталистической эксплуатации.

Раскрывая содержание понятия «промышленной» свободы, Констан высказывается против цехов, цеховых мастеров и ученичества, «системы столь же несправедливой, как и абсурдной —

ябсурдной потому, что она создает препятствия для конкуренции, наиболее надежного средства совершенствования всех промыслов»¹.

Констан выступает как противник какого бы то ни было вмешательства государства в хозяйственную деятельность индивидов, хотя бы это вмешательство производилось для того, «чтобы предохранить индивидов от их собственных ошибок». Он против каких бы то ни было монополий, привилегий, корпораций — всего, что ущемляет инициативу отдельного индивида. Он стоит за ничем не ограниченную конкуренцию предпринимателей.

Отдельно затрагивает Констан вопрос о регламентации заработной платы рабочих. Он называет эту регламентацию «возмутительным насилием» и пытается доказать, что она вредна не только для капиталистов, но и для рабочих. Его аргументация обращена главным образом к капиталистам, которым Констан доказывает, что им выгодно отсутствие всякого нормирования заработной платы. Он указывает на голод, который давит на рабочего и заставляет его продавать свои силы и свое время ниже их стоимости. «Разве конкуренция не низводит стоимость труда на самый низкий уровень, какой только совместим с поддержанием физического существования?»².

Таким образом, «промышленная свобода» у Констан сводится, во-первых, к ничем не ограниченной свободе конкуренции и, во-вторых, к полному отсутствию какого бы то ни было регулирования взаимоотношений капитала и труда, то есть к свободе эксплуатации.

Констан остается верен себе как идеолог собственников, как идеолог победившей буржуазии.

Характеризуя позицию буржуазного либерализма, Энгельс говорит: «Свободная конкуренция не терпит никаких ограничений, никакого государственного контроля, всё государство ей в тягость, для неё всего лучше было бы отсутствие всякой государственности — положение, при котором каждый мог бы эксплуатировать другого, сколько ему вздумается... Но так как буржуазия не может обойтись без государства, хотя бы для того, чтобы обуздывать столь необходимых ей пролетариев, то она обращает государство против них, по возможности стараясь держать его от себя подальше»³.

Политическое учение Констан, как в фокусе, отражает настроения, характерные для либеральной буржуазии. Оно целиком проникнуто страхом перед ростом политической активности эксплуатируемых масс, стремлением укрепить позиции буржуазии перед лицом рабочего класса путем соглашения с дворянством.

¹ Б. Констан, Принципы политики, Дополнения и примечания, примечание V, стр. 360.

² Там же, стр. 362.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 498.

§ 3. Либеральные учения в Англии (Иеремия Бентам)

1. В Англии идеи буржуазного либерализма нашли свое выражение в сочинениях И е р е м и и Б е н т а м а (1748—1832).

Бентам выступил почти через столетие после переворота 1688 года, который вместе с Вильгельмом III Оранским поставил у власти наживал из землевладельцев и капиталистов¹. С тех пор Англия сделала значительные успехи в деле развития капиталистического производства. Во второй половине XVIII века начался промышленный переворот, введение машин и парового двигателя в различные отрасли производства.

Количество крупных предприятий стало быстро расти, резко повысились ввоз и вывоз товаров, возросло число рабочих, занятых в крупных предприятиях. Буржуазия приобретала в обществе все больше и больше силы. Она заинтересована была в широком применении принципа «невмешательства», неограниченного господства свободной конкуренции. Однако в Англии все еще продолжали сохраняться феодальные пережитки в государственном строе, архаические институты судебного процесса, значительные элементы феодальных форм в правовой системе.

Английская буржуазия на рубеже XVIII и XIX веков уже не довольствуется тем объемом политических прав и той долей участия в политической власти, какая была предоставлена ей в конце XVII века, хотя в то же время в борьбе за расширение своих прав она уже не обнаруживает прежнего революционного пыла.

Бентам явился выразителем интересов английской буржуазии на этом, новом этапе ее развития.

Он родился в Лондоне в семье адвоката. С молодых лет Бентам занялся литературной деятельностью, регулярно и много писал, причем стремился педантично, во всех подробностях излагать свои мысли.

Идеи Бентама при его жизни пользовались большим влиянием и популярностью. Его успех легко объяснить тем, что он выражал идеологию буржуазии, уже завоевавшей политическое господство. Бентам был мыслителем, особенно удачно выразившим ведущие, преобладающие идеи буржуазии своего времени.

Маркс метко характеризует Бентама как «родоначальника филистеров», «трезво-педантичного, тоскливо-болтливую оракула пошлого буржуазного рассудка XIX в.»².

2. В своем учении о морали и в учении о государстве и праве Бентам исходил из принципа пользы. Важнейшей своей заслугой Бентам считал то, что всю моральную философию и политическую идеологию он систематизировал и развил на основе этого принципа. Подобно Гельвецию и Гольбаху Бентам утверждал, что человек в своей деятельности руководствуется только принципом пользы, то

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 728.

² Там же, стр. 615.

есть ищет удовольствий и избегает страданий, добивается полезного для себя и избегает вредного. Человек в своей деятельности находится под властью удовольствий и страданий. Это положение Бентам считал аксиомой.

Цель всякого разумного существа состоит в том, чтобы получить для себя самого наибольшее количество счастья. Это единственный принцип, которым, по мнению Бентама, руководствуются и должны руководствоваться люди. Все побуждения сводятся к одному основному — личному интересу, наибольшему счастью, к пользе. «Самые порочные люди и самые добродетельные,— говорит Бентам,— имеют совершенно одинаковые мотивы действия; и те и другие хотят увеличить сумму своего счастья»¹.

Как замечает Маркс, получается «полное подчинение всех существующих отношений отношению полезности...»².

Бентам считает, что главная задача морали и главная задача законодателя — указать каждому, в чем состоит для него наибольшая польза. Таким образом, мораль сводится к измерению, подсчету удовольствий и страданий. Мораль в понимании Бентама — это моральная арифметика, как выразился его последователь Дюмон. Нужно подсчитать, какое поведение дает наилучшие результаты, больше принесет пользы и счастья человеку.

Выдвинув личную пользу, выгоду в качестве основания общественных отношений и критерия морали, Бентам цинично и откровенно выразил воззрения буржуазии, достигшей господства. Однако ему было необходимо представить стремления буржуа к выгоде, его погоню за прибылью в качестве «всеобщего интереса». Поэтому он заявляет, что стремление к личной выгоде соответствует принципу наибольшего счастья наибольшего числа людей. Он пытается уверить, что в буржуазном обществе интересы собственников совпадают с интересами общества в целом или, по крайней мере, с интересами большинства. Бентам не допускает сомнения в том, что польза частных собственников является вместе с тем и общей пользой. «С самой наивной тупостью он отождествляет современного филлистера,— говорит Маркс о Бентаме,— и притом в частности английского филлистера — с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека в окружающем его мире, принимается за полезное само по себе»³.

Бентам придавал огромное значение выдвинутому им принципу пользы, в особенности формуле «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Он считал, что этот принцип не только должен стать руководящим в жизни отдельных индивидов, но должен направлять в качестве цели деятельность законодателя.

Законодатель должен учесть все удовольствия и все страдания, которые могут получиться от издания закона. Он должен принять

¹ И. Бентам, Деонтология, т. II, гл. 3.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 413.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 615, примечание 63.

во внимание при этом, что самое издание закона есть некоторое зло, ибо всякий закон, по мнению Бентама, стесняет в какой-то мере свободу индивида.

Принцип пользы Бентам считал универсальным ключом, пригодным для разрешения любых проблем. Поэтому он самонадеянно рекомендовал себя в качестве человека, владеющего искусством кодификации, и уверенно предлагал свои услуги в этом направлении коронованным особам различных стран.

Бентам стоит на позициях экономического либерализма, столь характерного для буржуазии в ранний период ее господства. Подобно Бенжамену Констану, он считает нежелательной и вредной всякую регламентацию хозяйственной жизни органами государства. Он стоит за невмешательство, за ничем не стесненную конкуренцию, уверяя, что свобода конкуренции обеспечит наилучшие результаты для народного хозяйства.

Он находит, что правительственная деятельность должна быть по возможности ограничена, что необходимо предоставить полный простор людям «в такой области, где они могут причинить вред только самим себе». Развивая последовательно принцип невмешательства, Бентам написал специальное сочинение в защиту договорной свободы в отношении размера процентов.

По Бентаму, законодательство должно ограничиваться заботой о «безопасности» граждан, то есть охраной их личности и собственности. Охрана собственности, — подчеркивает Бентам, — главный предмет безопасности. Закон и собственность — неразрывны; они родились и умрут вместе. Напротив, равенство и безопасность, по словам Бентама, не всегда совместимы, ибо безопасность — это прежде всего существующее распределение собственности.

Сочинения Бентама содержат вульгарную апологию буржуазных порядков, подлинный панегирик частной собственности. Если поверить Бентаму, то при отсутствии частной собственности люди питали бы отвращение к труду, не ведали бы любви к отечеству и потомству, прекратилось бы накопление богатств, приостановился бы прогресс.

Лишение собственности, уверяет Бентам, причиняет самое страшное страдание, ибо собственность, по его словам, может сделаться и действительно делается частью нас самих.

Бентам выступает решительным противником обобществления имуществ. «Ничто так не противно принципу пользы, — заявляет он, — как общность имущества»¹.

По мнению Бентама, бедность есть первоначальное состояние человечества; в обществе всегда должны существовать бедные. Бентам пытается уверить, что бедные выигрывают от роста богатств и от существования богатых людей. Раскрывая свою филистерскую сущность, Бентам рекомендует два иллюзорных средства для борьбы с бедностью: бережливость и филантропию.

¹ И. Бентам, Соч., т. I, СПб., 1867, стр. 417.

Характерно, что, когда дело идет не о собственниках, а о трудящихся, Бентам отказывается полагаться на самостоятельность индивидов и проектирует особую организацию наблюдения, при которой легко можно в любой момент следить одновременно за большим числом лиц. Эту систему наблюдения он разработал применительно к тюрьмам, но ту же организацию надзора проектировал распространить и на все другие места, где объединено большое число людей, — на работные дома, фабрики, заводы, школы. Это план так называемого «паноптикума». Паноптикум представляет собой круглое здание с внутренним двором и башней в его центре. С внутренней стороны камеры не должны иметь никаких стен, а только решетки, так что надзиратель одновременно может видеть все, что делается внутри каждой камеры. Этот реакционный проект Бентам подробно изложил в обширном сочинении.

3. Взгляды Бентама по вопросам государства и права представляют собой типичную идеологию буржуазии, уже ставшей господствующим классом и утратившей свою былую революционность. Неудивительно поэтому, что Бентам не разделяет боевой фразеологии естественноправового учения и начинает с решительной критики его основных положений. В одном из своих ранних произведений («Отрывок о правительстве») он подвергает критике взгляды английского юриста Блэкстона, приверженца естественноправового учения. Он оспаривает учение об общественном договоре и о естественных правах индивида, то есть самые основы революционного мировоззрения XVII—XVIII вв. Общественный договор, по его мнению, — это фикция, неспособная дать ответ на вопрос об основаниях и пределах государственной власти. Естественный закон и естественное право, заявляет Бентам, — это также фикции, существует только положительное право, из которого проистекают все права.

В «Анархических софизмах», опубликованных в 1816 году, но написанных еще в конце XVIII века, Бентам подвергает критике «Декларацию прав человека и гражданина». Обнаруживая свой страх перед революцией, он утверждает, будто содержащееся в Декларации учение о естественных правах, предшествующих государству и положительному праву, подготавливает полную анархию в общественной жизни. Он находит, что Декларация полна противоречий и не делает последовательных выводов из установленных ею же принципов. Он подвергает также критике содержащийся в ней принцип разделения властей и формулу: «закон есть выражение общей воли».

Несмотря на свое критическое отношение к естественноправовому учению, Бентам выступал за буржуазную государственность и был противником многих из феодальных пережитков, сохранявшихся в Англии. Но в то же время, как типичный либерал, он обнаруживал постоянные колебания в этом вопросе и явную склонность к компромиссу.

Он колебался в вопросе о двухпалатной системе, высказываясь в некоторых своих произведениях за то, чтобы «государственный

корабль был укреплен двумя якорями», способными придать ему должную «силу сопротивления». Будучи сторонником избирательной реформы и выступая за отмену открытого голосования, которое существовало в то время в Англии, он стоял, однако, за сохранение имущественного ценза. Он предлагал также лишить избирательного права неграмотных. Предоставление избирательного права женщинам Бентам считал «преждевременным». Он находил также необходимым сохранение залога за кандидата в депутаты.

Поскольку буржуазия уже приобрела значительный вес в парламенте, а массы не получили туда доступа, Бентам отстаивал ответственность министров перед парламентом и высказывался за то, чтобы премьер-министр избирался представительным органом. Под предлогом проведения экономии в государственных финансах он предлагал при замещении государственных должностей оказывать предпочтение тем, кто согласится служить за меньшее вознаграждение. Это, конечно, должно было создать дополнительные преимущества для представителей имущих классов.

Бентам выступил с обоснованием прогрессивных для того времени буржуазных принципов уголовного права и уголовного судопроизводства. Применяя принцип пользы к вопросам уголовного права, Бентам утверждал, что целью наказания является общее и частное предупреждение преступлений. Бентам требовал «соразмерности наказаний и преступлений», умеренности наказаний. Однако и в этих вопросах Бентам обнаруживал явную непоследовательность. Он высказывался за преследование религиозных преступлений, считал возможным сохранить калечащие наказания за некоторые преступления, отстаивал такие меры, как клеймение и выставление у позорного столба. Для определения меры наказания Бентам считал возможным применять принцип талиона. Смертную казнь он считал необходимым сохранить для руководителей народных восстаний. Характерно для Бентама, как буржуазного идеолога, что он восставал против конфискации имущества преступника под тем предлогом, что конфискация обрушивается не только на преступника, но и на его близких и потомков.

Бентам выступал с защитой идеи буржуазного пацифизма. В эпоху промышленного капитализма, когда войны за раздел и передел мира еще не развернулись, английская буржуазия, сознавая экономическую мощь Англии, надеялась, что она сможет обеспечить свое экономическое господство, не прибегая к войнам и новым насильственным захватам чужих территорий. Отражая эти взгляды, Бентам считал войну злом и признавал ее допустимой лишь при непосредственной угрозе существованию государства. Он стоял за наказание правителей, личные интересы которых привели к войне. В целях предупреждения войн он рекомендовал, во-первых, уничтожить колониальный режим и отказаться от образования новых колоний, во-вторых, установить широкую гласность в международной политике с целью контроля за деятельностью дипломатов.

Вместе с тем он выдвинул план международной организации, призванной устранить войны и обеспечить мир. В качестве органа международного союза государств Бентам предлагал образовать международный конгресс из представителей всех участников союза, по два от каждого. Конгресс призван определять максимальное количество войск, которое вправе иметь у себя каждое государство, входящее в международное объединение. С течением времени в распоряжение конгресса должны были поступить вооруженные силы из частей войск, выделенных конгрессу его членами.

В последние годы жизни Бентам высказался за кодификацию международного права и вновь обратился в связи с этим к вопросам международной организации. Он приступил к составлению проекта кодекса международного права. В восьми написанных им статьях кодекса он выдвинул принцип равенства государств и полной независимости их во внутренних делах.

В новом проекте международной организации Бентам предусматривает превращение дипломатических корпусов различных стран в комиссии международного конгресса. Он высказывается также за образование международного трибунала для разрешения международных конфликтов. Во втором проекте он находит неосуществимым предоставление вооруженных сил в распоряжение конгресса для принудительного исполнения его решений, считая это несовместимым с суверенитетом отдельных государств.

Таким образом, в самых различных отраслях права Бентам выступает с программой буржуазного либерализма.

§ 4. Позитивизм и учение об общественной «солидарности» (Огюст Конт)

1. Среди идеологов буржуазии середины XIX века, пропагандировавших классовый мир и неизбежность капиталистических отношений, следует прежде всего назвать Огюста Конта (1798—1857), изложившего свои взгляды в шеститомном «Курсе положительной философии» (1830—1842) и в четырехтомной «Системе положительной политики» (1851—1854).

Конт—основатель так называемого позитивизма, философского направления, сущность которого сводится к безнадежным попыткам соединить материализм с идеализмом. Вслед за Кантом Конт заявляет, что людям недоступно постижение сущностей, что познание ограничивается опытом, описанием явлений и установлением связи и отношений, существующих между ними. Абсолютное знание невозможно, всякое знание — относительно. Все относительно — вот единственный абсолютный принцип, заявляет Конт.

Позитивизм объявляет себя на этом основании врагом «метафизики», понимая под нею всякую философию, отбрасывающую идеалистическое представление о невозможности познания действительного мира.

Ленин характеризует позитивизм как «...агностицизм, отрицающий объективную необходимость природы, существующую до и вне всякого «познания» и всякого человека...»¹, и, отмечая эти идеалистические черты позитивизма, говорит о нем: «...жалкая кашлица, презренная *партия середины* в философии, путающая по каждому отдельному вопросу материалистическое и идеалистическое направление»².

Положение об ограниченности человеческого познания Конт считал одним из важнейших достижений в развитии человечества и потому в самых преувеличенных выражениях говорил о значении созданной им «позитивной» философии.

Выступая в роли «преобразователя наук», особое внимание Конт уделял наукам общественным. Он выдвинул идею с о ц и о л о г и и как науки о законах связи и развития общественных явлений. По мысли Конта, это должна быть абстрактная, обобщающая наука о явлениях общественной жизни.

Он говорит, что в своей области социология должна разрешить такие же задачи, какие в других областях знания разрешают физика, химия, биология, в отличие от конкретных наук (минералогии, ботаники, зоологии), задачей которых является описание конкретных явлений, а не установление их законов.

Социология мыслится Контом как наука об общественных явлениях вообще, законы которой одинаково применимы ко всем временам и ко всем народам. Сам Конт не чужд был исторического подхода к явлениям общественной жизни, но у его последователей социология превратилась в антиисторическое обобщение фактов, заимствованных из различных эпох, у народов, находящихся на самых разнообразных ступенях исторического развития.

Социология призвана была обосновать своими мнимонаучными «законами» неизбежность и «естественный» характер отношений капиталистического общества.

Конт делит социологию на две основные части: с т а т и к у, которая изучает условия сосуществования общественных явлений, и д и н а м и к у, которая занята изучением последовательного движения общественных явлений, излагает учение о прогрессе человеческого общества.

«Порядок и прогресс» — эти слова стоят на обложке «Системы позитивной политики» Конта. Это две главные темы его социальной философии. Он стоит за «порядок», то есть за сохранение существующего общественного строя, за неизбежность капиталистических отношений, и за прогресс, то есть за мирное, не прерываемое революционным преобразованием, развитие буржуазного общества.

Конт придерживается идеалистического понимания исторического процесса. Развитие человеческого духа он считает причиной развития общества в целом.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 155.

² Там же, стр. 325.

Подметив несомненный факт изменения общественного сознания, происходящий в истории человеческого общества, Конт не сумел вскрыть действительные причины этого факта. Более того, он объявил движение общественного сознания основой всего общественного развития в целом и потому дал извращенное представление о сущности и движущих силах исторического процесса.

«Идеи управляют миром,— заявляет Конт,— и вызывают в нем потрясения... Весь социальный механизм опирается в конечном счете на мнения людей»¹. Общественное развитие, по его мнению, обусловлено преобладанием более высоких способностей в человеке над более низкими, преобладанием человечности над животными побуждениями. Усиление умственной деятельности и возбуждение общественных чувств — главные факторы социальной эволюции.

Исходя из этого, Конт совершенно произвольно различает три основные ступени в развитии человеческого общества. Человеческий дух в своем развитии проходит, по учению Конта, воспроизводящего мысли Сен-Симона, через три ступени или через три состояния: т е о л о г и ч е с к о е, которое характеризуется, по его словам, тем, что явления мира рассматриваются как следствие деятельности сверхъестественных существ; м е т а ф и з и ч е с к о е, при котором явления пытаются объяснить разного рода отвлеченными сущностями, природа наделяется воображаемыми свойствами, например «боязнь пустоты», предпочтением простого сложному и т. д., и п о з и т и в н о е, то есть то, начало которому, по собственному убеждению Конта, кладет он сам. При позитивном состоянии человеческий ум «отказывается от исследования происхождения и цели вселенной и внутренних причин явлений» и ограничивается «установлением связи между различными частными явлениями».

В области политики теологическое состояние духа выражают, по Конту, реакционные теории, призывающие к соединению светской и духовной власти, все монархические теории; метафизическое состояние представляют республиканские теории, учение Руссо об общественном договоре и др. Переход к позитивной философии обуславливает появление новой, «позитивной» политики — политики, основанной, по мнению Конта, на подлинной науке.

При помощи закона трех состояний Конт пытается понять весь ход общественного развития в целом.

Переход от теологического состояния к метафизическому, а затем — к позитивному сопровождается, по Конту, сменой теократического и военного быта промышленным; особенно же глубокие перемены в общественной жизни связаны с переходом к позитивному состоянию.

Классовые антагонизмы капиталистического общества Конт объясняет отсутствием идейного единства, разбродом в мнениях, идейной анархией, которая возникает, по его словам, с разрушением

¹ О. Конт. Курс положительной философии, т. I, 1839, стр. 48 (на французском языке).

феодалного общества, особенно с распространением «революционной метафизики». Конт заявляет, что одна только положительная (позитивная) философия и положительная политика способны обуздать «революционный дух» и укрепить общественный порядок, развывая «мудрую покорность в отношении неисцелимых политических зол». Конт обещает, что позитивизм поставит в центр интересов реальную земную жизнь и организует общество на началах гармонии и солидарности. Позитивизм, говорит он, создаст твердую и устойчивую систему понятий, приведет общество к подлинному умственному единству.

Положительная философия должна, по словам Конта, внушить стойкие и всеобщие убеждения, а положительная политика — обеспечить устойчивость буржуазного «порядка», создав правильное сочетание начала «порядка» с началом прогресса.

С укреплением позитивизма западноевропейское общество, по Конту, будет освобождено одновременно от «анархической республики» и от «реакционной аристократии». Установится, как он говорит, гармоническая организация общества — с о ц и о к р а т и я.

Будучи апологетом капиталистических отношений, Конт предлагает рассматривать общество как единое органическое целое, в котором все части должны составлять гармоническое единство и где каждый индивид как составная часть целого должен выполнять свою определенную функцию. Индивид, взятый как «отдельное существо», — абстракция.

В действительности Конт непоследователен в своей критике индивидуализма. Преисполненный враждебности к коммунизму, он по сути дела берет под защиту буржуазный индивидуализм.

Конт не отрицает деления современного общества на классы — на капиталистов и пролетариев; он отрицает лишь неизбежность борьбы этих классов и призывает их к солидарности.

2. Идея солидарности является основной в контовской социологии и позитивной политике. «Солидарность» и гармония, утверждает Конт, представляют собой закон вселенной. В общественной жизни этот закон должен получить особенно полное и ясное выражение. Задача политики, по Конту, состоит в том, чтобы укреплять общественную солидарность и установить гармонию между целым и частями общественной системы¹.

Осуждая классовую борьбу пролетариата и выступая с проповедью общественной солидарности, Конт утверждает, что всякое общество характеризуется наличием общей цели и представляет собой некоторое гармоническое единство. Гармония существует всюду, где есть какая-либо система.

Эти рассуждения Конта о гармонии и солидарности, свойственных якобы всякому общественному целому, стояли в вопиющем противоречии с фактом острых антагонизмов, назревших в капиталистическом обществе, особенно к началу 40-х годов прошлого века,

¹ См. О. Конт, Курс положительной философии, т. IV, 1839, стр. 234 (на французском языке).

когда Конт выступил со своим учением. Однако Конт надеялся устранить все противоречия без коренного изменения общественного строя, в результате одних только изменений общественного сознания, перемен в области умственного и морального состояния общества. Так как, по Конту, идеи определяют общественное развитие, то все зависит от внедрения высоких моральных принципов, преодоления эгоизма, развития альтруизма.

Подчеркивание роли моральных обязанностей и моральных связей приводит Конта к отрицанию значения права. Заявляя, что все профессии, считавшиеся ранее частными, должны стать общественными, он обрушивается на права личности, объявляет, что позитивная политика не признает никаких прав, кроме права исполнять свой долг. Понятие права, говорит Конт, должно исчезнуть из области политики, как понятие причины — из области философии. Люди рождаются с обязанностями и с обязанностями проводят всю жизнь. Все права должны быть уничтожены. Эти положения Конта в эпоху империализма были восприняты реакционными идеологами буржуазии для обоснования наступления империалистической буржуазии на права трудящихся.

Пытаясь изобразить деятельность капиталистов как имеющую положительное значение для общества, Конт заявляет, что все члены общества выполняют определенные общественные функции. Подразделение функций на общественные и частные должно быть устранено.

Всякий член общества, в том числе банкиры, коммерсанты, фабриканты, может и должен считаться, по Конту, настоящим общественным деятелем.

Обладание капиталом Конт расценивал как положительное явление, как общественную заслугу. Капитал, по его мнению, оплодотворяет промышленность, умножает производство, развивает альтруистические силы. Собственность — основное условие нашей деятельности, говорит Конт, основа наших успехов.

Однако Конта не удовлетворяют анархия буржуазного общества, политика невмешательства, продиктованная эгоизмом собственников. Его недовольство вызывают острые противоречия, классовая борьба. Воспроизводя отдельные мысли Сен-Симона, Конт мечтает об обществе, в котором при руководящем положении ученых осуществлено было бы планомерное развитие промышленности. Он стремится добиться такой организации общества, при которой правительство осуществляло бы широкие воспитательные и производственные задачи. Глубина противоречий капиталистического общества в силу идеалистического исходного пункта учения Конта оставалась ему неясной. Отсюда иллюзорные надежды на моральное просветление банкиров и промышленников и на спасительные для пролетариата результаты их диктатуры, осуществляемой в пресловутой социократии.

В духе этих идей разработана **п о з и т и в н а я п о л и т и к а**, которая представляла собой не что иное, как попытку оправдания

капиталистической системы и разработку мероприятий, направленных на ее укрепление. Конт придавал большое значение своим фантастическим планам укрепления существующего общественного строя. Он рассматривал себя не только как новатора в науке, но и как социального реформатора. Со своими проектами он обращался к царю Николаю I, к Решид-паше, к иезуитам.

В обществе, заявляет Конт, преобладание имеют две силы, и соответственно этому — два класса: концентрированная сила богатства и рассеянная сила числа масс, богатый патрициат и масса пролетариата. Солидарная деятельность этих двух сил, двух классов и составляет идеал Конта.

Проект новой организации капиталистического общества сводится у Конта к следующему. Парижскому населению предоставляется избрать некоторых выдающихся пролетариев, которые будут возведены в звание верховных начальников французской республики и облечены диктаторской властью. Однако при них будет состоять собрание из капиталистов, располагающих всеми материальными средствами. Преемниками пролетариев на посту диктаторов явятся уже крупные промышленники, перевоспитанные в духе новых принципов диктаторами-пролетариями. Власть пролетариата должна иметь главным образом моральный характер и проявляться в чисто нравственном воспитательном воздействии на другие группы общества. Пролетариат дает указания жрецам — руководителям духовной стороны жизни общества и патрициату — капиталистам. Реальная сила, однако, остается в руках капиталистов. Но и моральная сила принадлежит не только одному пролетариату: он сам находится под воспитательным воздействием других классов. И если пролетариат не подчинится никакому влиянию, а будет преследовать только свои цели, правительство по указанию жрецов должно будет образовать «материальную силу, способную изменить не прямым образом их (т. е. пролетариев. — С.К.) намерения», — по видимому, имеется в виду использование находящихся в руках господствующего класса 80 тысяч жандармов, которыми Конт рекомендует заменить армию.

Таким образом, «социократия» изображается Контом как «сотрудничество» классов, основанное на их взаимодействии, при котором сохраняются в полной неприкосновенности капиталистическая эксплуатация и подавление трудящихся буржуазией, поскольку воздействие пролетариата остается чисто моральным, в то время как капиталисты могут опираться на свое богатство и пускать в ход вооруженную силу.

В действительности Конт выступает в роли откровенного защитника открытой насильственной диктатуры капиталистов, для укрепления которой широко используется социальная демагогия.

Конт не был поклонником буржуазной демократии. Неудивительно поэтому, что он дал положительную оценку государственному перевороту 1852 года, а в молодости высказал даже одобрение созданию реакционного Священного союза.

Маркс, характеризуя Конта, говорит: «Конт известен парижским рабочим как пророк империи (личной диктатуры) в политике, господства капиталистов в политической экономии, иерархии во всех сферах человеческой деятельности, даже в сфере науки...»¹.

Следует отметить, что Конт отстаивал передовые взгляды на международные отношения и международное право. С большой силой он подчеркивал мысль о единстве человеческого рода и о тесных связях народов между собой. «Ни один народ,— говорил он,— не отделен реально от других. Нельзя существовать изолированно, не теряя своих подлинных моральных, интеллектуальных и даже физических свойств»². Прогресс, утверждал Конт, есть всегда прогресс всего человечества в целом, а не отдельного изолированного народа.

Конт мечтает, что осуществление позитивной системы повлечет за собой ликвидацию войн, что человечество получит единую прочную организацию. Пятьсот «социократий», которые, по плану Конта, должны возникнуть на нашей планете, образуют всемирную республику на основе их свободного сотрудничества. Свободное соглашение социократий приведет, по мысли Конта, к созданию постоянного органа, задачей которого будет предупреждать и разрешать конфликты, содействовать сотрудничеству народов.

С большой силой и решительностью Конт клеймит колониализм. Колониальный гнет он рассматривает как преступление, в течение трех веков позорящее Запад. Конт зовет к полной ликвидации колониализма. Он призывает отдать Алжир арабам, провозгласить независимость Корсики и всех французских колоний. Он рассматривает как тяжелую историческую аномалию судьбу индейцев и негров в США. Ликвидация колониализма, согласно идеалистической концепции Конта, должна явиться результатом внутреннего морального возрождения народов, которое отвратит их от внешней экспансии.

Эти взгляды при всей их иллюзорности были свидетельством пацифизма Конта, его сочувствия идеям мира и равенства народов.

В позднейшем изложении своей системы Конт находит необходимым начинать с религиозных представлений для обоснования своих идей. Он пытается разработать новое религиозное учение, основой которого должен стать культ человечества как особого, «великого существа», объемлющего всех людей, когда-либо живших, живущих, и тех, которым предстоит жить в будущем. Конт пробовал создать особую позитивистскую церковь со своей догмой, особым культом и особым календарем.

Кроме человечества, предметом поклонения должны были стать земля, на которой живет человечество, и небесное пространство, в котором земля движется.

¹ К. Маркс, Первый набросок «Гражданской войны во Франции», Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. III (VIII), Партиздат, 1934, стр. 247.

² О. Конт, Система положительной политики, т. IV, 1854, стр. 32 (на французском языке).

Этот культ человечества должен был в мистической, фидеистической форме обосновать все ту же излюбленную Контom идею гармонии и солидарности, на которой должна, по его мнению, покоиться общественная жизнь.

В «Системе позитивной политики» Конт продолжает в основном развивать тот же круг идей, какой изложен был в «Курсе позитивной философии», хотя и допускает некоторые отступления от отдельных своих положений в связи с проектом создания новой религии. Поэтому неправильно считать, как делают это некоторые последователи контовского позитивизма, будто в позднейших произведениях Конт дал совершенно новую систему, отказавшись полностью от своих первоначальных взглядов.

§ 5. Апология конституционной монархии как «надклассового» государства (Лоренц Штейн)

Идея надклассового государства, призванного примирять классовые антагонизмы, была выдвинута в буржуазной политической литературе с особенной силой в 40-х годах прошлого столетия. В роли ее защитника выступил германский профессор Л о р е н ц Ш т е й н (1815—1890).

Штейн стоял на гегельянских позициях. Подобно Гегелю, он различал общество и государство.

В своем определении общества он придавал универсальное значение буржуазному гражданскому обществу, в котором господствует частная собственность. Форму отношений капиталистического общества он изображал как вечную, присущую всем временам и народам.

Штейн отмечает присущее капиталистическому обществу деление на классы и не отрицает наличия в нем классовой борьбы. Он говорит о том, что развитие общества неизбежно приводит к образованию двух состояний: рабочих, выполняющих труд, и владельцев, обладающих собственностью. Он признает, что собственность дает владельцам преимущество перед рабочими. Будучи обладателями высших благ, они овладевают и высшей властью в обществе. Последствием этого является зависимость тех, кто лишен собственности, от тех, кто владеет ею. В обществе создается подчинение одних другим. Так Штейн пытается объяснить возникновение и характер капиталистической эксплуатации и образование государственной власти. Но он отмечает также, что подчиненные стремятся освободиться от зависимости и, в свою очередь, захватить власть. Возникает борьба за власть, которая влечет за собою общественные перевороты.

Характеризуя соотношение классов в современном ему обществе, Штейн указывает, что пролетарии, лишенные собственности, осознали себя как единое целое и стали требовать не только уравнения их в политических правах, но и общественного равенства, стали добиваться уничтожения частной собственности.

Однако Штейн игнорирует тот факт, что любая государственная власть в современном ему обществе неизбежно является орудием имущих классов. В духе Гегеля он изображает государство как фактор, организующий гражданское общество. Он пытается представить дело так, что государство не отвечает своему назначению, если служит интересам одного какого-либо класса, и считает задачей государства примирение противоположных интересов.

В обществе, говорит Штейн, с одной стороны, высшие классы притязают на господство, на «исключительность», с другой стороны, низшие предъявляют свои «односторонние» требования. Возникает борьба, порождается взаимная ненависть. Примирение должно осуществляться государством, которое Штейн считает носителем «общих» интересов.

Разрешение всех общественных противоречий достигается в «независимой государственной власти». Государство, заявляет Штейн, имеет в виду не выгоды одного какого-либо класса, а «пользу всех». Это — «естественный защитник притесненных».

Отстаивая идею «надклассового» государства, Лоренц Штейн вынужден, однако, признать, что далеко не всегда государство удовлетворяет тем требованиям, которые должны быть к нему предъявлены. В действительности нередко в государстве складывается господство имущих классов — «владычество высших». Неизбежным следствием этого являются притеснение слабейших и разложение государства, которое перестает быть представителем общих интересов. С точки зрения Штейна, такое положение является как бы извращением идеи государства.

Штейн осуждает июльскую монархию во Франции, которая, по его мнению, соединила свои интересы с интересами имущих классов, тогда как должна была занять самостоятельную позицию в происходившей во Франции борьбе классов.

Особенно резко Штейн отзываяется о «владычестве низших» в государстве, которое, по его мнению, ведет к «грубому деспотизму»: народное полновластие — это «негосударственная форма общежития». Впрочем, всякая республика представляется ему извращением идеи государства: это — государство, подчиненное обществу (при цензе — имущим, при всеобщем избирательном праве — неимущим).

Штейн утверждает, что свое подлинное осуществление идея государства получает в монархии, и притом не в абсолютной, а в конституционной, которую он считает государством, не зависимым от общественных сил. Только в конституционной монархии, говорит Штейн, государство находит свою самостоятельность как союз, возвышающийся над обществом.

Он не жалеет слов для восхваления конституционной монархии для того, чтобы представить ее как подлинное воплощение той надклассовой сущности, которую он приписывает государству. Он пытается доказать, будто конституционная монархия стоит выше всяких частных интересов, предупреждает притеснение од-

ного класса другим, осуществляет общие интересы и приводит всю жизнь народа к «гармоническому единству».

Монарх в представлении Штейна — это верховное средоточие государства, личное начало, соединяющее в себе и законодательство, и управление. Конституционная монархия должна быть «правовым» государством, в котором «развитому и сильному организму» правительственной власти противопоставляются закон, самоуправление и право отдельного гражданина. Однако Штейн расширил понятие управления, считая, что деятельность государственных органов, охватываемая этим понятием, выходит далеко за пределы простого исполнения законов, и поэтому выдвигал не требование соответствия административной деятельности закону, а требование ее соответствия конституции.

Штейн пытался представить полуфеодалную юнкерскую прусскую монархию как «правовое» государство.

В монархии он искал противоядие от коммунизма. Монархия должна была «нейтрализовать» острую классовую борьбу, примирить противоречивые интересы, стать надклассовым государством. Конституционная монархия, которая была формой компромисса буржуазии с дворянством, по сути дела объявляется средством борьбы с революционным движением рабочего класса. При посредстве монархии Штейн надеялся, пользуясь методом либеральных уступок, ослабить революционную активность масс. К этой фальшивой идее «социальной» монархии не раз обращались позднее германские реакционеры.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Маркс К., Капитал, т. I, 1949, с. 182—183, 615 и примечание 63 к с. 615.
Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3, стр. 412—414.
Маркс К., Письмо Энгельсу от 7 июля 1866 г., Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма, Госполитиздат, 1948, с. 179.
Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 8.
Энгельс Ф., Положение Англии. Восемнадцатый век, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 1.
Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957.
Энгельс Ф., Положение в Германии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 2.
Энгельс Ф., Письмо Ф. Теннису 24 января 1895 г., Маркс К. и Энгельс Ф., Избранные письма, 1948, с. 479—480.

Дополнительная

- Кечекьян С. Ф., Политическое учение Бенжамена Констана, «Проблемы социалистического права» 1938 г. № 5.
Кечекьян С. Ф., Социологические взгляды Огюста Конта, «Советское государство и право» 1957 г. № 12.
-

ГЛАВА XIX

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ И НАЧАЛА КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

§ 1. Краткая характеристика общественно-политического строя России в начале XIX века. § 2. Политические взгляды и проекты реформ М. М. Сперанского. § 3. Политическая программа реакционного дворянства. § 4. Политические взгляды дворянских революционеров (декабристов). § 5. Реакционные учения 30—40-х годов. Славянофилы. § 6. Просветители 30—40-х годов. П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский

§ 1. Краткая характеристика общественно-политического строя России в начале XIX века

К концу XVIII века в России еще более обострились противоречия между феодальными производственными отношениями и новыми по своему характеру производительными силами.

Сельское хозяйство России представляло собой в первой половине XIX века основную отрасль ее народного хозяйства и находилось в состоянии упадка, так как велось примитивным способом на базе крепостного труда. Крестьянство, бывшее податным сословием, платило подушную подать государству, работало на барщине или платило оброк помещику, несло повинности (военную, дорожные работы, ямскую гоньбу и др.). Оно являлось классом, который выносил на себе всю тяжесть расходов по содержанию администрации и государственного аппарата империи.

Помещичье хозяйство, основанное на барщине и примитивном способе ведения хозяйства, понемногу втягивалось в рыночные связи, что заставляло помещиков в поисках новых источников дохода еще более усилить нажим на своих крепостных.

Стремясь произвести как можно больше товарного хлеба, помещики увеличивали барскую запашку, сгоняя крестьян с земель и отсылая их в город на заработки для добычи оброка, что увеличивало предложение рабочей силы и содействовало росту купеческой мануфактуры, основанной на базе наемного труда.

Угнетение крестьянства сказывалось не только в отягощении крестьянских хозяйств подушной податью, барщиной и оброком, что приводило к массовому обнищанию крестьян, но и в усилении личной зависимости их от помещика. Закон не гарантировал крепостному крестьянину неприкосновенность имущества, разрешал помещикам продажу крестьян без земли, фактически сводил положение крепостного к положению раба.

Разорение и обнищание крестьянства приводило к тому, что неурожаи и голодовки стали в России обычным явлением. Все это способствовало нарастанию крестьянских волнений.

В области промышленности наблюдается рост купеческой мануфактуры с применением труда оброчных крестьян, причем этот процесс особенно сильно был выражен в новых, создававшихся в XIX веке отраслях легкой промышленности.

Развитие промышленности и увеличение оборотов внутренней и внешней торговли, а также вовлечение помещичьих хозяйств в рыночные связи и рост их товарности расшатывали феодальные формы эксплуатации крепостного крестьянства.

В XIX веке наблюдаются развитие промыслов, оживление ярмарочной торговли, рост городов при непрерывном увеличении их населения, увеличение государственных доходов, что наряду с другими факторами свидетельствует о непрерывном укреплении капиталистического уклада, зародившегося в недрах феодального общества.

Не только сила экономического развития толкала Россию на путь ослабления крепостнического гнета и настоятельно требовала отмены крепостного права, но и внешняя обстановка.

Промышленный переворот в Англии, победа буржуазной революции во Франции, отмена крепостного права во многих странах Европы (Франции, Италии, в Германии — на Рейне) и бурный рост промышленности в этих странах резко ставили вопрос о необходимости развития отечественной промышленности, поскольку создавалась реальная угроза ослабления военной мощи русского государства.

Даже дворянское монархическое правительство должно было в этих условиях осознать необходимость принятия ряда мер, содействующих развитию буржуазных отношений.

Рост оборотов внутренней и внешней торговли, увеличение емкости рынка и потребности строительства фабрик и заводов, необходимых для оснащения армии и флота новейшей военной техникой, настоятельно требовали изменения крепостнических порядков и раскрепощения крестьян.

В начале царствования Александра I несколько «просвещенных»

вельмож-крепостников составили законодательные проекты, сущность которых сводилась к проведению некоторых реформ при сохранении крепостничества и самодержавия.

Консервативность проектов, предлагавшихся представителями дворянства, и показной характер «либеральных» начинаний царя-крепостника вполне соответствовали времени, когда «...монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых»¹.

Мероприятия Александра I свелись к жалким и ничтожным по своему значению указам, как, например, указ 1801 года «О предоставлении права покупки населенной земли лицам недворянского звания» и указ 1803 года «О вольных хлебопашцах», закрепивший за помещиками их право отпускать крепостных людей на волю за произвольно назначаемую ими цену.

В первый период своего правления «властитель слабый и лукавый»² — Александр I в области реорганизации государственного аппарата ограничился частными преобразованиями. В 1803 г. было ликвидировано старое коллегиальное управление и учреждено восемь министерств с установлением ответственности министров за свою деятельность перед Сенатом и императором.

К 1804 году, когда Александр достаточно укрепился на троне, политика заигрывания с либерализмом была им прекращена.

Неудачи в войне 1805—1807 гг., когда Россия в коалиции с Пруссией и Австрией потерпела тяжкое поражение от войск Наполеона, жестокий экономический и финансовый кризис и недовольство всех слоев общества позорным Тильзитским миром вновь заставили царя искать выход в реформах.

Но вскоре царь-крепостник — Александр I полностью разоблачил себя, утвердив в России после войны 1812 года режим Аракчеева — душителя передовой русской общественности и деспота, имя которого стало на многие годы символом реакции.

§ 2. Политические взгляды и проекты реформ М. М. Сперанского

1. Одной из особенностей процесса развития капиталистического уклада в недрах русского феодального общества являлось то, что это развитие не повлекло за собой появления сильной буржуазии, способной на выступление против самодержавия и крепостничества.

Слабая, настроенная верноподданнически русская буржуазия заискивала перед феодалами. Ее политическая программа ограничивалась пожеланием весьма умеренных и ограниченных реформ, проведенных «сверху», направленных на поощрение ее предприни-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 28.

² А. С. Пушкин, Эпиграмма на Александра I.

мательской деятельности и установление правовых (и материальных) гарантий, которые позволили бы развиваться капиталистическим отношениям и в то же время дали бы ей возможность совместно с феодалами эксплуатировать народ.

Необходимость проведения хотя бы умеренных реформ «сверху» осознавалась в это время идеологами самых различных социальных кругов: представителями обуржуазившихся дворян, проповедовавшими идеологию дворянского либерализма (Н. П. Румянцев, Н. С. Мордвинов), выходцами из разночинцев, выступавших с проектами реформ, по своему содержанию близких к идеологии дворянского либерализма (М. М. Сперанский), верноподданнически настроенными купцами, выступавшими со своими сочинениями, в которых они также требовали проведения некоторых реформ¹.

Среди этих проектов выделяются своей полнотой, тщательностью разработки, наличием аргументов, подчеркивающих факт экономической и политической отсталости России и необходимость проведения в ней хотя бы умеренных преобразований, проекты М. М. Сперанского (1772—1839).

Сын бедного сельского священника, окончивший Петербургскую духовную академию, Сперанский был оставлен в Академии преподавателем словесности и красноречия, но вскоре перешел на государственную службу в канцелярию генерал-прокурора. В первые годы царствования Александра I, когда русский царь разыгрывал роль героя либерализма во всей Европе, Сперанский сумел обратить на себя внимание царя.

Вскоре Сперанский был переведен в собственную канцелярию императора и принял участие в составлении многих законодательных проектов, а также в редактировании новых законодательных актов, поступавших на утверждение государю.

Сперанский является автором значительного числа проектов государственных реформ, записок, касающихся государственного устройства, финансов, денежного обращения, а также отчетов Государственного совета, учрежденного в 1810 году по его же проекту.

В сочинениях Сперанского легко обнаружить след высокой образованности автора и его хорошего знакомства с философской и политической литературой своего времени. Идеи Юма, Бентама, Блэкстона, Монтескье были положены в основу взглядов Сперанского на государство и право. Идеология просветительской философии и школы естественного права отразилась в мировоззрении Сперанского.

Однако для Сперанского теория естественного права была не оправданием революционных действий, а служила средством для теоретического обоснования идей либерализма и умеренных реформ.

¹ См. О. Свешников, Рассуждение о внешней Российской торговле, Архив графов Мордвиновых, т. VI.

Политическая программа, выработанная Сперанским, объективно сводилась к требованиям предоставления более широких возможностей для промышленного — буржуазного развития России.

В эпоху, когда слабая русская буржуазия не могла претендовать на то, чтобы разделить власть с дворянством, Сперанский весьма осторожно выдвигал в проектах, адресованных им монарху, идею применения в России теории разделения властей путем ослабления «деспотизма» и введения «истинной» (то есть конституционной. — *В. П.*) монархии.

В творчестве и деятельности Сперанского следует различать отдельные этапы. В годы своего возвышения (1802—1811) Сперанский высказывался более радикально, что сказалось на содержании многих его сочинений, в том числе на представленном императору в 1809 году «Введении к Уложению Государственных законов».

Александр I в этот период, как дальновидный и гибкий политик, стоявший на страже интересов класса помещиков и в то же время понимавший необходимость проведения умеренно-либеральных реформ, настоятельно необходимых для Российской самодержавно-крепостнической империи, умело отбирал в проектах Сперанского предложения, казавшиеся ему приемлемыми (в частности, предложение о введении министерской системы управления вместо старой, коллегияльной XVIII века и учреждении Государственного совета), но откидывал и оставлял без последствий все то, что казалось ему опасным для самодержавия.

В 1811 году, накануне войны с Францией, лидеры реакционного вельможно-крепостнического дворянства — граф Растропчин и видный историк Карамзин обрушились на Сперанского в докладных записках, обвиняя его в вольнодумстве. Это заставило царя резко изменить курс внутренней политики и бросить заигрывание с либерализмом.

Сперанский был сослан в Нижний Новгород, а затем в Пермь. В 1816 году после унижительного обращения к временщику Аракчееву он был назначен пензенским губернатором, а с 1821 года, когда Сперанский был возвращен в Петербург рядовым членом Государственного совета, начинается второй этап его деятельности, резко отличный от первого.

2. В проектах, посвященных преобразованиям государственного устройства в России, написанных в первый период своей деятельности, Сперанский допускал критику современной ему России и осуждал крепостное право.

Из его сочинений этого времени значительный интерес представляют: «Записка об основных законах» (1801), «Отрывок о Комиссии Уложения. Введение» (1801), «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» (1803), «План Финансов на 1810 год» (1809), «План Государственных преобразований» (1809), озаглавленный им «Введение к Уложению Государственных Законов».

Уже в ранних сочинениях Сперанского, несмотря на умеренный и верноподданнический характер его записок, можно усмотреть критику самодержавного образа правления. В записке, составленной в 1803 году, Сперанский обращает внимание императора на неудобство порядка, при котором государь, «соединяющий в своей особе все роды сил — единый законодатель, судия и исполнитель своих законов», а первые государственные места — Сенат, Совет, комитет министров и министры бездействуют и ни одно из высших государственных учреждений «собственной политической силы не имеет; все они зависят и в начале и в конце и в бытии и в действии их от единой воли и мановения силы самодержавной»¹.

Неограниченность власти монарха, по мнению Сперанского, является одним из основных недостатков системы управления, существующей в России, так как «начало сие не имеет никаких существенных пределов» и только «умственные границы (то есть воля самого самодержца. — В. П.) полагают предел этой власти».

В «Записке об основных законах» Сперанский выступает с типичной для идеологов буржуазии того времени идеалистической концепцией возникновения и сущности государства — договорной теорией.

Народ, как совокупность всех отдельных лиц, своим волеизъявлением создает власть, которой и передает свои права, отдавая свои физические силы, разум, богатство и уважение, с тем чтобы получить от правительства безопасность и гарантию своих прав.

Следует отметить, что все это построение Сперанского представляет собой не просто переложение хорошо известной в начале XIX века договорной теории происхождения государства, но изложение, явно приспособленное к условиям России.

Характерно, что, обосновывая необходимость для государства заботиться об ограждении законом собственности, чести, прав личности, автор не упоминает в ссылках сочинения французских материалистов или Руссо, но охотно ссылается на Бентама, Блэкстона и других, приемлемых для царя и дворянских кругов модных идеологов буржуазного либерализма.

Основная мысль, проводимая Сперанским в сочинениях, написанных в 1801—1803 гг., сводится к следующему: «С тех пор как учредились человеческие общества, — говорит он, — существует в них непрерывное борение между силами личного самолюбия, все к себе влекущего, и силами закона, все относящего к общему благу». ² Дело правительства, пишет он, учредить добрую монархическую конституцию, при которой сила эгоизма отдельных личностей «покрывается силою коренных законов»³.

¹ См. М. М. Сперанский, Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России, 1803. Историческое Обозрение, т. XI, СПб, 1901, «О Разуме настоящего управления в России», стр. 31.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 26.

Под «коренными законами» Сперанский разумел те из законодательных актов государственной власти, которые устанавливали основные и наиболее общие нормы права, так как закон «имеет предметом отношения постоянные и не переменяемые»¹.

Полагая, что установление коренных, непрменных законов приведет к созданию в России твердого конституционного порядка и обеспечит незыблемость прав собственности и других прав граждан, Сперанский подчеркивает: государь благонамеренный не найдет, конечно, в сих установлениях никаких препятствий к совершению своих предположений, но самодержец, который захотел бы употребить во зло неограниченную волю, встретил бы твердую преграду своим насилиям.

Строго отделяя законодательную власть от исполнительной, Сперанский проводит мысль о необходимости отграничения законов от «учреждений» (регламентов), сфера действия которых должна распространяться на «действия и происшествия, непрестанной перемене подлежащие».

Разграничение Сперанским законов, актов исполнительной власти, издаваемых в развитие закона, и административных распоряжений для начала XIX века было новым словом в науке права.

Непрменным условием введения в России «доброй монархической конституции» проект, представленный Сперанским в 1803 году, считает разграничение компетенции законодательной и исполнительной власти.

Законодательная власть должна установить: 1) закон государственный (конституционный), 2) закон гражданский, 3) закон уголовный. Это будет способствовать созданию такого порядка, при котором никто, кроме органов этой власти, не мог бы издавать законов.

Постановления органов исполнительной власти «должны быть сообразны закону», но в то же время органы исполнительной власти должны действовать без того, чтобы перед исполнением по всякому случаю обращаться к императору или в Сенат.

Указал Сперанский в своих записках 1801—1803 гг. и на необходимость разработки правильной теории гражданского и уголовного закона, а также «судебных форм и образов», подчеркнув отсутствие вполне отвечающего требованиям современности уголовного и гражданского закона не только в России, но и во всех странах Европы.

¹ М. М. Сперанский, Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России, 1803. Историческое Обозрение, т. XI, СПб., 1901, стр. 18. Такое же по существу определение «коренных законов» Сперанским мы видим в его «Плане Государственного Преобразования», СПб., 1905, «Законы коренные состоят в началах неподвижных и неизменяемых, с коими все другие законы должны быть соображаемы».

Наиболее полно изложил свои политические и правовые взгляды Сперанский в проектах, составленных им в 1808—1812 гг., когда для правительства Александра I создалась настоятельная необходимость ввиду экономического кризиса и острой внешней обстановки, а также недовольства дворянства континентальной блокадой вновь прибегнуть к политике либерализма.

В это время Сперанский выступил с записками, посвященными вопросам просвещения и воспитания, отдельным вопросам государственного управления, и обширным «Планом Государственного преобразования» (1809).

В этих сочинениях содержится критика не только системы управления, существовавшей в России, но и ее общественного строя.

Сперанский осуждает крепостное право, при котором «половина населения находится в совершенном рабстве»¹, и подчеркивает его устарелость для большинства стран, приходя к выводу: «...нет никакого основания полагать, чтобы в России не могло оно уничтожиться, если приняты будут к тому действительные меры»².

«Плану»³ предпослано обширное введение, в котором на большом историческом материале доказывается необходимость для каждого государства сообразовываться в своих законах с общим направлением современности, поскольку «время есть первое начало и источник всех политических обновлений» и «никакое правительство с духом времени несообразное, против всемогущего его действия устоять не может»⁴.

Все политические превращения в Европе, по его мнению, представляют непрерывную борьбу системы республики с системой феодальной.

«По мере того, как государства просвещались, первая приходила в силу, а вторая — в изнеможение»⁵.

Из рассмотрения основных фактов русской истории Сперанский делал вывод, что Россия вполне подготовлена к принятию конституции.

Задачу государственных преобразований в России Сперанский видит в том, чтобы, избежав революции, установить в России «истинную монархию», основанную на твердых «коренных», или «непременных», законах.

«Коренные», или «непременные», законы Сперанского и в «Плане» отличаются от «законов преходящих», к которым он относил постановления и распоряжения власти по вопросам войны и мира,

¹ План Государственного Преобразования графа М. М. Сперанского, М., 1905, стр. 187. (В дальнейшем ссылки даются сокращенно «План».)

² Там же, стр. 54.

³ Сам Сперанский назвал свой план «Введение к Уложению Государственных Законов».

⁴ «План», стр. 16.

⁵ «План», стр. 17.

установления налогов и сборов, введение уставов отдельных учреждений.

«Коренные» законы вырабатываются и принимаются с участием выборной Государственной думы.

Собранные вместе «коренные» законы, по мнению Сперанского, должны представить собой конституцию, принятие которой должно было положить, хотя бы формально, пределы ничем не ограниченной власти государя.

Правительство должно опираться в исполнении законов на «народное мнение». Чтобы последнее могло оказывать действительное воздействие, необходимо ввести гласность действий правительства и свободу печати с исключениями в отдельных случаях, предусмотренными законом.

Сперанский проектировал по «Плану» организацию системы представительных органов. Низшим звеном этой системы должна была быть волостная дума, в состав которой включались представители владельцев недвижимой собственности (помещиков и горожан), а также ограниченное количество представителей государственных крестьян.

Волостная дума избирает членов волостного правления и депутатов окружной думы и представляет последней ходатайства об общественных нуждах волости.

Окружные думы избирают депутатов в губернскую думу.

Система выборных дум увенчана в проекте Сперанского Государственной думой, избираемой губернскими думами.

Государственная дума собирается ежегодно в сентябре месяце. Сперанский предусматривал право царя отсрочить созыв и досрочно распустить Думу.

Государственной думе должно принадлежать лишь право внесения поправок в текст обсуждаемых ею проектов новых законов. Она участвует в обсуждении законов, но утверждает их император, не будучи связан мнением Думы.

Для избежания «коллизий» между представительными учреждениями и императором Сперанский считал необходимым создание Государственного совета с широкой компетенцией.

Государственный совет, состоящий из членов, назначенных императором, должен рассматривать законопроекты, положения, уставы, вопрос об объявлении чрезвычайных мер, отчеты всех министерств и ежегодный бюджет государства. Сперанский намечал разделение Государственного совета на департаменты: законов, военных дел, гражданских и духовных дел и публичной экономии.

Рассмотренные Государственным советом и одобренные императором законопроекты должны идти на обсуждение в Государственную думу, после чего утверждаться императором.

Высшей судебной инстанцией, по проекту Сперанского, должен быть Сенат. Сенату подчиняются суды губернский, окружной и волостной. В состав Сената входят «отличнейшие граждане», список которых намечается губернскими думами. Для рассмотрения особо важ-

ных дел, а именно преступлений, совершенных членами Государственного совета, Государственной думы, Сената, а также иными высшими должностными лицами, в составе Сената должен быть организован верховный уголовный суд, который составляется из членов Государственного совета, министров, одной трети сенаторов и известного числа депутатов Государственной думы.

Сперанский предлагает ввести обязательность представления министрами отчетов в Государственный совет и в Государственную думу и допустить некоторую свободу печати в целях критики действий министров и подчиненных им чиновников.

Сперанский считал необходимым установить ответственность министров перед Государственной думой. За нарушение принципов законности ответственность должны нести министры, скрепляющие своей подписью акты высшей государственной власти.

Проект Сперанского являлся попыткой провести некоторые реформы с целью установления более твердых законов с тем, чтобы создать более благоприятные условия для развития буржуазных отношений, не затрагивая устоев самодержавия и крепостничества.

Вся полнота власти оставляется, по проекту Сперанского, за монархом, державшим в своих руках все нити управления. Теория разделения властей использовалась Сперанским лишь для того, чтобы обеспечить в рамках феодальной монархии какой-то минимум законности, необходимый для развития промышленной и торговой деятельности, основанной на частной инициативе.

3. Переход России от деспотии к «истинной» монархии Сперанский связывает с вопросом о постепенном изменении сословного деления общества.

В связи с этим Сперанский обращается к вопросу о правах граждан. Он различает права гражданские — «безопасность лица и имущества» — и права политические. Гражданская свобода, по его мнению, состоит: а) в свободе личной, которая должна заключаться в том, что никто не может быть наказан без суда и принужден к службе государству и отдельным лицам иначе как по закону; б) в свободе вещественной, то есть в праве собственника распоряжаться собственностью по своему желанию, и в установлении порядка, при котором собственник не может быть лишен имущества без суда и не облагается податями иначе как по закону.

Сперанский разделял права гражданские на общие всем поданным Российской империи и другие — «особенные некоторым состояниям».

Права политические состоят, по Сперанскому, в избирательном (активном и пассивном) праве, праве занимать должности и участвовать в составлении законов.

Принцип предоставления политических прав только собственникам приобретает в плане Сперанского феодальную окраску, так как политическими правами наделяются исключительно собственники недвижимости.

Сперанский считал невозможным дать политические права ремесленникам, рабочим людям, поденщикам, домашним слугам, хотя бы они и имели собственность, состоящую в капиталах.

Сперанский проектирует после проведения реформ сохранение трех сословий:

1) дворянства, пользующегося всеми гражданскими и политическими правами и имеющего ряд особенных прав, в частности право владения «населенными землями», право «вступать в купеческие и другие звания», не теряя своего состояния, и т. д. Единственной обязанностью дворян Сперанский считал государственную службу по личному выбору сроком не менее десяти лет;

2) среднего состояния, составляемого из купцов, однодворцев, мешан и всех поселян, имеющих недвижимую собственность в известном размере. Подданные, принадлежащие к среднему состоянию, имеют общие гражданские права, но не имеют особенных; политические же права предоставляются им по наличию у них собственности в соответствующем размере;

3) народа рабочего, к составу которого были отнесены все поместные крестьяне, мастеровые, работники и домашние слуги. Эти категории населения лишены прав политических.

Переход из одного сословия в другое становится возможным в результате приобретения лицом, добивающимся перевода в другое состояние, недвижимой собственности в известном количестве.

Сперанский указывал на противоестественность крепостного состояния и произвола помещиков и царских чиновников: «...противно природе человека предполагать, чтобы кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены»¹.

Он обосновывал необходимость постепенной отмены крепостного права и экономическими соображениями.

Однако Сперанский боялся открыто выступить против крепостного права — основы современной ему Российской империи и проектировал реформистский путь отмены крепостного права посредством постепенного проведения ряда мероприятий «сверху».

Мысли Сперанского по вопросу о крепостном праве могут быть сформулированы так: рабство немисливо в правильно устроенном государстве, и оно будет в России отменено, однако отмена должна быть осуществлена постепенно, путем реформ «сверху», чтобы избежать возможных волнений «снизу». Вопрос о сроках освобождения крестьян Сперанский старательно обходил.

Однако и ограниченный план преобразования государственных учреждений был неприемлем для лицемерно игравшего в либерализм императора. Александр I отклонил его. В исполнение были приведены лишь отдельные наименее значительные части проекта. В 1810 году был учрежден Государственный совет и в 1811 году был издан новый закон о министерствах.

¹ «План», стр. 53.

Половинчатость проектов Сперанского позволила царизму выбрать из них отдельные предложения, которые способствовали укреплению самодержавия.

Реакционные дворянские круги, как отмечалось выше, заставили Александра I бросить заигрывание с либерализмом.

Политические сочинения Сперанского последнего этапа его деятельности, после его возвращения в Петербург в 1821 году, не представляют собой значительной ценности. Как след его отхода от либерализма и сближения с Аракчеевым осталась книга «О военных поселениях», в которой доводами «общей государственной пользы» защищается план Аракчеева.

После подавления восстания декабристов Сперанский стал членом суда, творившего расправу над декабристами. В своей кодификационной деятельности Сперанский также стремился угодить царизму, и его «Свод законов», полукрепостнический по содержанию, способствовал укреплению крепостнической империи.

§ 3. Политическая программа реакционного дворянства

Стоявший у власти класс феодалов-помещиков в первой половине XIX века принимал все меры к тому, чтобы обеспечить свое господство и в области идеологии.

Крепостническое правительство щедро финансировало журналы консервативного направления, в которых публиковались официозные статьи, защищавшие незыблемость самодержавия, неприкосновенность собственности помещиков на землю, необходимость крепостного права в России.

Одним из значительных идеологов реакции того времени являлся придворный историограф Н. М. Карамзин (1766—1826), бывший видным литератором и историком.

Содержание статей и ученых трудов Карамзина, помещаемых им в «Вестнике Европы», главным редактором которого он был с момента основания журнала, и написанной им многотомной «Истории Государства Российского» в основном было посвящено доказательству благодетельности неограниченной самодержавной власти для России, доказательству полезности крепостного права, идеализации помещичьего строя.

В одном из произведений Карамзина — «Записка о Древней и Новой России» идеология русского реакционного дворянства получила свое наиболее полное выражение. В этом произведении отразились настроения класса помещиков-крепостников, боявшихся ущемления своих интересов.

Это была реакция помещицкой аристократии на революционное движение в Европе и рост крестьянских волнений в России.

Рассматривая в «Записке», поданной им в начале 1811 года царю, историческое прошлое России, Карамзин воспроизводит в ней ту реакционную и идеализированную схему русской истории,

которая пронизывает содержание его «Истории Государства Российского».

От самых первых киевских князей он считает русский народ управляемым монархически и процветание Киевской Руси относит ко времени мнимого и придуманного им единения народа и власти, когда «государь пировал с вельможами и народом как отец среди семейства многочисленного»¹.

Защищая положение «самодержавие есть палладиум России, — целость его необходима»², Карамзин высказывает отрицательное отношение даже к умеренным реформам и подвергает резкой критике мероприятия, проведенные по проектам Сперанского: изменение системы правительственных учреждений, создание Государственного совета и министерств.

Идеалом политического строя Карамзин считает самодержавие, которое должно защищать крепостничество и монопольные права дворянства. Дворянство, по Карамзину, есть прежде всего не что иное, как «братство знаменитых слуг, великокняжеских или царских».

Все государственные чиновники, в том числе и министры, — не что иное, как слуги, руки государя. Карамзин отвергает даже возможность постановки вопроса об ответственности министров перед кем-либо, кроме монарха.

Мероприятия Сперанского получают под пером Карамзина карикатурное освещение. Критикует Карамзин и результаты работы законодательных комиссий, разрабатывавших при участии Сперанского проект нового Гражданского уложения.

Под личиной дворянского «патриотизма» Карамзин резко выступает против возможных нововведений в праве.

Карамзин — решительный противник освобождения крестьян. Он не допускает и мысли об освобождении крестьян с землей, а освобождение без земли считает бессмысленным и опасным.

Если освободить крестьян, то, по мнению Карамзина, поля останутся необработанными, житницы пустыми. Дворяне же «наиболее снабжают у нас рынки хлебом». Лишенные опеки помещиков, крестьяне, заявлял Карамзин, станут пьянствовать, злодействовать, что будет худо для нравов и безопасности государства.

Помещиков Карамзин изображает попечителями крестьян, ревностно заботящимися о крестьянском благе. Идиллически рисуя отношения помещиков и крепостных, Карамзин уверяет, что крестьяне должны были быть счастливы, имея в помещике «попечителя и заступника».

Фальшиво и предвзято воспеваемая Карамзиным «патриархальность» русского деспотизма означала на деле апологию крепостного права, бесправия и темноты народных масс.

¹ См. «О Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношении». Сочинение Н. М. Карамзина. Русский Архив. 1870, № XII, стбц. 2231.

² Там же, стбц. 2343.

«Записка» Карамзина послужила идеологическим обоснованием реакционной политики русского абсолютизма и ненавистного народу режима аракчеевщины. Практика государственной жизни империи Александра I и Николая I соответствовала реакционным идеалам Карамзина.

§ 4. Политические взгляды дворянских революционеров (декабристов)

1. Движение и восстание декабристов прошло под знаком горячего и искреннего протеста против угнетения, которому подвергался народ со стороны помещиков-крепостников. Хотя сами декабристы как дворянские революционеры были далеки от народа, их выступление отражало интересы народа и направлялось в первую очередь против самодержавия и крепостничества.

Декабристы принадлежали к поколению русских революционеров-дворян, действовавших в период первого этапа развития русского революционного движения. В работе «Памяти Герцена» Ленин указывал: «...мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала — дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа. Но их дело не пропало. Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен. Но это не была еще сама буря.

Буря, это — движение самих масс. Пролетариат, единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян. Первый натиск бури был в 1905 году»¹.

Герои 14 декабря 1825 г. были истинными патриотами; все их движение выросло органически на русской почве в условиях исторической действительности первой четверти XIX века в России.

Война 1812 года явилась величайшим событием для России. Ее народный характер и проявленные в ней патриотизм и подлинный героизм русской армии и широких народных масс оставили глубокий след в сознании современников.

Создание Священного союза трех феодальных государей — русского, австрийского и прусского, подавление военной силой революции в Испании (1820), господство в России тупого и сурового временщика Аракчеева, гонение на просвещение и печать — все это вызывало негодование передовых людей России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 14—15.

Походы 1813—1814 гг., когда многочисленная русская армия прошла как победительница по странам Европы, освобождая их от ига Наполеона, содействовали пробуждению сознания русских людей.

Герои полей под Бородиным, Красным, Лейпцигом — боевые командиры великого похода, бывшие водителями «народных наших сил», видели страны, где крепостное право отсутствовало, охотно читали книги европейских ученых, проникая идеями свободолюбия. Дух протеста против крепостничества усилился и среди солдат. Участники войны — рядовые солдаты, крестьяне-ополченцы, побывавшие в тех европейских странах, где ярмо крепостного права было разбито вдребезги, — говорили, вернувшись с войны: «Мы проливали кровь, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас вновь тиранят господа».

Крестьянские волнения, нараставшие после войны 1812 года, жестоко подавлялись царизмом. Они были тем более опасны для самодержавия, что переплетались с волнениями в армии и проходили на фоне европейской революционной ситуации 1818—1820 гг.

В этих условиях восстания военных поселений в 1819 году, восстания на Дону, охватившие целую область, возмущение гвардейского Семеновского полка в 1820 году в самой столице создавали благоприятную обстановку для попыток свержения самодержавия.

Творчество величайшего поэта России Пушкина в этот период органически связано с развитием революционных идей. Оно призывало к установлению политических свобод, укрепляло правосознание борцов с самодержавием и давало тон обличительно-гражданской поэзии того времени.

Наиболее передовые из патриотов, воспитанных в войне 1812 года, грудью защищавших родину от врагов с оружием в руках, самым ходом событий закалились в ненависти к крепостничеству и рабству. «В 1812 году не имел я образа мыслей, кроме пламенной любви к отечеству», — говорил декабрист Никита Муравьев. «Мы были дети 1812 года», — отвечал на следствии Матвей Муравьев-Апостол.

Национальное самосознание передовых русских людей того времени связывало воедино патриотизм с борьбой угнетенных народов за свое освобождение и делом борьбы против крепостничества в России.

«Взирая на помещика Русского, — писал В. Ф. Раевский в своем произведении «О рабстве крестьян», — я всегда воображаю, что он вспоен слезами и кровавым потом своих подданных; что атмосфера, которою он дышит, составлена из вздохов сих несчастных; что элемент его есть корысть и бесчувствие. Предки наши свободные, предки с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков. Они в трепетном изумлении не дерзали бы верить, что

русские сделались рабами...»¹. Раевский считал позором для каждого патриота «видеть вериги, наложенные на народ»².

Декабрист Н. М. Муравьев подверг уничтожающей критике общую концепцию русской истории, развитую Н. М. Карамзиным в его «Истории Государства Российского». В противовес утверждению Карамзина: «история принадлежит царям» — Н. М. Муравьев высказал тезис: «история принадлежит народам»³.

Карамзин, развивая в своей «Истории Государства Российского» идею защиты самодержавия, утверждал, что целью историка является достижение красоты и силы повествования. Эти установки придворного историографа были решительно отвергнуты Н. М. Муравьевым. «Не мир, — пишет декабрист Муравьев, — но брань вечная должна существовать между злом и благом; добродетельные граждане должны быть в вечном союзе противу заблуждений и пороков»⁴.

Декабристы выступили с протестом против самодержавия и крепостничества в период, когда революционные силы в России были еще слабы. «Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ»⁵.

Первые тайные общества дворян-революционеров возникли в 1816 году («Союз спасения»). Организация тайных обществ была закономерным итогом деятельности ряда просветительных и литературных кружков, созданных офицерами-патриотами тотчас же по возвращении в Россию из заграничных походов 1813—1814 гг.

Наиболее активное ядро членов «Союза спасения» объединялось в организацию, готовившую втайне государственный переворот, который должен был осуществиться путем «военной революции», то есть с помощью воинских частей, находившихся под командованием офицеров — членов общества.

Вскоре «Союз спасения» был преобразован в более широкую тайную политическую организацию — «Союз благоденствия».

В 1821 году по инициативе П. И. Пестеля было создано Южное общество, поставившее своей целью тайную подготовку и организацию вооруженного восстания для свержения самодержавия и уничтожения крепостного права в России.

В 1822 году в Петербурге было создано Северное общество во главе с К. Ф. Рылевым, Н. М. Муравьевым, С. П. Трубецким, И. И. Пущиным.

Душою Северного общества были капитан генерального штаба Н. М. Муравьев и поэт-гражданин К. Ф. Рылев. Рылев привлек в общество Николая и Александра Бестужевых, Каховского, установил связь с тайной политической организацией офицеров-

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, 1951, стр. 364.

² Там же.

³ Там же, стр. 333.

⁴ Там же, стр. 334.

⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 294—295.

моряков. Он стоял в центре товарищеской среды декабристов Петербурга. Взгляды Рыльева были более радикальны, чем взгляды Н. Муравьева, и он вскоре увлек общество на путь восстания.

Декабристы решительно выступили против самодержавия и крепостничества. Реакционная идеология защитников монархии и крепостничества подвергалась уничтожающей критике в произведениях декабристов, среди которых были экономисты, философы, государствоведы, писатели, поэты.

В то же время идеология декабристов носит на себе след дворянской ограниченности и показывает, насколько они были далекими от народа.

Декабристы опирались на критику русской крепостнической действительности, данную Радищевым, лучшие образцы свободолюбивой поэзии Пушкина, просветительскую философию своего времени и тщательное изучение современных им политических учений.

2. Политические взгляды наиболее революционно настроенной части декабристов выражены в знаменитом проекте Пестеля, названном им в честь древнейшего русского закона «Русская Правда». Это был план коренных преобразований всего социального и политического строя русской жизни.

П а в е л И в а н о в и ч П е с т е л ь (1793—1826) являлся выдающимся теоретиком государственного права.

Как и Радищев, он обосновывал свои теоретические построения доводами школы естественного права и являлся поклонником республики. «История Великого Новгорода меня также утверждала в республиканском образе мыслей»¹,— говорил он в показаниях перед следственной комиссией.

Пестель подчеркивал свои республиканские симпатии, говоря: «Я сделался в душе республиканец и ни в чем не видел большего благоденствия и высшего блаженства для России, как в республиканском правлении»².

В показании, данном на следствии, Пестель достаточно определенно высказался по поводу того, как тесно связывался процесс формирования революционного сознания декабристов с общей обстановкой в Европе: «Происшествия 1812, 1813, 1814 и 1815 годов, равно как предшествовавших и следовавших времен, показали столько престолов низверженных, столько других постановленных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, столько возвратившихся или призванных и столько опять изгнанных, столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что сии происшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оныя производить. К тому же имеет каждый век свою от-

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, СПб., 1906, стр. XII.

² Там же, стр. XIII.

личительную черту. Нынешний ознаменовывается мыслями революционными»¹.

Основная мысль Пестеля, развитая им в его «Русской Правде»: «правительство существует для блага народа, в то время как народ существует для собственного своего блага...»². Для обеспечения этого принципа он считал необходимым создать государство могущественное, цельное, неразделимое, связывающее своих граждан единством патриотического духа и имеющее формой организации республику.

Историческое прошлое русских народоправств по проекту Пестеля должно было получить свое отражение в новом государственном устройстве и организации системы органов власти, опирающихся на широкую сеть представительных учреждений.

Свержение самодержавия должно быть произведено путем военного переворота, после чего создается диктатура Временного верховного правления, которое за десять-пятнадцать лет приготовит народ к конституции и обеспечит созыв Народного веча.

Для содействия победе республиканского правления и искоренения возможности восстановления монархии Пестель предлагал царевбийство и истребление всех членов императорской фамилии.

Верховное правление должно было провозгласить республику, издав немедленно ряд законодательных актов, направленных на закрепление нового общественного и государственного строя.

Прежде всего должно быть введено равенство всех граждан перед законом.

Пестель предлагал уничтожить звание дворян, купцов, мещан и крестьян и всех именовать одним именем гражданина. Одновременно уничтожались сословные привилегии, которые «только одним пристрастьем дышат» и только «некоторым членам народа выгоды дают, в коих другим отказывают без всякой причины и без всякой для государства пользы»³.

Предоставление преимуществ богатым, писал Пестель, создаст вреднейшую «аристокрацию богатств», а богатые собственники — «самые суть безрассудные и зловредные, потому что, имея основанием своего бытия богатство, они все желания и помышления обращают единственно на деньги»⁴, производя порчу в нравах.

Провозглашая тезис, что «все люди в государстве должны непременно быть перед законом совершенно равны и что всякое постановление, нарушающее сие равенство всех перед законом, есть нестерпимое зловластие, долженствующее непременно быть уничтоженным»⁵, Пестель подчеркивал свое отрицательное отношение

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, 1951, стр. 175.

² П. И. Пестель, Русская Правда, СПб., 1906, стр. VI.

³ Там же, стр. 60.

⁴ Там же, стр. 58.

⁵ Там же, стр. 60.

к сословным привилегиям дворянства, а также необходимость немедленной ликвидации крепостнических порядков.

Крепостное право, по мнению Пестеля, противоречит нормам естественного права и потому должно быть обязательно уничтожено. Пестель утверждал неизбежность норм естественного права: «Сии законы глубоко впечатлены в сердца наших. Каждый человек им подвластен, никто не в силах их низвергнуть и потому постановления государственные должны быть в согласии с неизменными законами природы»¹.

Освобождение крестьянства возлагалось Пестелем на Временное верховное правление «яко священная и непременная его обязанность». Обладать другими людьми как собственностью своей, писал Пестель, «продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещи, употреблять их по собственному произволу, без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной прибыли всегда, а иногда и прихоти — есть дело постыдное, противное человечеству».

Пестель защищал положение о необходимости освобождения крестьян с землей, так как «должно крестьянам доставлять лучшее положение, противу теперешнего, а не мнимую свободу им даровать».

Поскольку, утверждал Пестель, «человек находится на земле, только на земле он может жить, только от земли может он пропитание получить».

Земли, отобранные у помещиков, Пестель предлагал в каждой волости разделить на две части: одну из них считать общественной землей; эта часть должна принадлежать обществу и не может быть ни продана, ни заложена, она назначается «для доставления необходимого всем гражданам без изъятия и будет подлежать обладанию всех и каждого». В каждой волости эта земля делится на отдельные участки такой величины, чтобы каждый из них мог доставлять средства существования одному наделу, то есть мужу с женой и тремя детьми.

Участки общественной земли раздаются членам волостного общества не в собственность, а только в пользование сроком на один год. Участки земли переходят из рук в руки в следующих случаях: если кто не пожелает более заниматься земледелием или хочет переменить участок на свободный; если пользователь не может быть удовлетворен размером участка по причине увеличения числа членов его семьи; когда он лишен прав за преступления.

Введение этого порядка обеспечения граждан землей из общественного фонда Пестель придавал решающее значение. Обладая землей и не боясь нужды, «будет каждый гражданин сильнее к целому составу государства привержен, каждый будет видеть, что он в государстве находится для своего блага, что государство о благоденствии каждого помышляет».

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. II, Госполитиздат, 1951, стр. 79.

Следует отметить, что Пестель предлагал отобрать у помещиков только половину принадлежащих им земель. Та часть земли, которая сохранялась за помещиками, оставалась в гражданском обороте.

Несмотря на то, что аграрный проект Пестеля был намного радикальнее проектов других декабристов, все же и на нем сказались до известной степени ограниченность дворянских революционеров.

Пестель идеализировал современное ему русское дворянство, полагая, что акт Временного верховного правления об освобождении крестьян будет встречен огромным большинством дворянства с восторгом: «нельзя ожидать, чтобы нашелся хотя один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния».

Пестель считал необходимым немедленно уничтожить и военные поселения, одна мысль о которых, «наполняет каждую благомыслящую душу терзанием и ужасом»¹.

Временное верховное правление по плану Пестеля должно провозгласить ряд свобод: свободу слова, печати, вероисповедания, одновременно приняв меры, исключающие возможность использования этих свобод против революционной власти.

Разрабатывая проект нового государственного строя, Пестель указывал, что верховная законодательная власть должна принадлежать собранию представителей народа — однопалатному Народному вечу.

Народное вече должно было выбираться из числа граждан, достигших двадцатилетнего возраста, за исключением лиц, работающих в личном услужении у других. Высказываясь против «аристократии богатств», Пестель был противником установления имущественного ценза. Всеобщее избирательное право, по мысли Пестеля, должно было обеспечить выбор просвещеннейших и самых достойных людей. Выборы в высший законодательный орган страны Пестель предлагал сделать двухступенными.

Пестель проектировал предоставить верховную исполнительную власть Державной думе из пяти лиц, избираемых Народным вечем на пятилетний срок. Один из ее членов выбирается составом Державной думы в президенты сроком на один год и является главой государства. По истечении года президент выбывает из состава Державной думы и возвращается в состав Народного веча, а на его место избирается другой из членов Державной думы. Одновременно состав Державной думы пополняется.

В волости созывалось земское собрание, состоящее из всех граждан, постоянно в ней проживающих. Земское волостное собрание выбирало наместное собрание в волости и одновременно депутатов в уездное и окружное (губернское) наместные собрания.

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, СПб., 1906, стр. 75.

Волостные и уездные наместные собрания ежегодно заслушивают отчеты волостных и уездных правлений, принимают и рассматривают жалобы на них, замещают вакансии выбором новых чиновников, разрешают различные предприятия «для общественной пользы». Окружные (губернские) наместные собрания, помимо этого, избирали депутатов в Народное вече.

Административное деление России, по «Русской Правде», должно претерпеть значительные изменения. Столица переносится в Нижний Новгород.

Характерны мотивы в обоснование этого мероприятия. «Все воспоминания о древности нижегородской дышат свободой и прямою любовью к отечеству, а не к тиранам его», и освобождение России «от ига иноплеменного через Минина и Пожарского из сего города изошло»¹.

Национальный вопрос явился одним из слабых мест в «Русской Правде» Пестеля и в ней не разрешен. Пестель был защитником унитарного государства и считал федерацию неприменимой к России «при обширном ее пространстве и большом количестве различных племен и народов, ее населяющих»².

По мнению Пестеля, федерация для России была бы пагубной. Боясь раздробления России, Пестель считал, что федеративный строй поведет к восстановлению удельных порядков и отложению от России отдельных ее частей, тем более что они «различными языками говорят»³.

Как и все декабристы, Пестель признавал право на отделение и национальную независимость за Польшей при непременно условии уничтожения в ней сословного неравенства, организации демократического республиканского устройства, что обеспечило бы ее тесный союз с Россией при взаимной гарантии неприкосновенности границ.

Что касается других национальностей, то Пестель не признавал за ними права даже на развитие национальной культуры, объясняя это тем, что интересы этих народов «не могут ограждаться правом народности, ибо оно есть для них мнимое и не существующее»⁴.

Пестель настаивал на том, чтобы закон, принятый центральным правительством, распространялся бы на всю Россию и был бы на всей ее территории единым. Законы должны быть едиными и тем создавать будут «крепкую и истинно тесную политическую связь в государстве»⁵.

В составленной ранее «Русской Правды» другой работе — «Записка о государственном правлении» Пестель предлагал ряд

¹ П. И. Пестель, Русская Правда, СПб., 1906, стр. 26.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 38.

мероприятий в области организации суда и процесса: установить несменяемость судей и порядок отстранения их от должностей только по приговору суда; ввести письменное производство по судебным делам и гласность суда; установить институт присяжных, которым должно быть передано решение вопроса о виновности или невиновности подсудимого.

Проект Пестеля являлся наиболее радикальным среди проектов дворянских революционеров.

3. Составленный видным членом Северного общества декабристов Никитой Михайловичем Муравьевым (1795—1843) проект конституции отличается от проекта Пестеля большей умеренностью и ограниченностью требований по ряду вопросов.

В основе политических взглядов Муравьева лежит доктрина школы естественного права.

«Опыт всех народов и всех времен,— указывал он,— доказал, что власть самодержавная равно губительна для правителей и для обществ, что она не согласна ни с правами святой веры нашей, ни с началами здравого рассудка»¹, и далее: «Все народы европейские достигают законов и свободы. Более всего народ Российский их заслуживает». Непримиимо относится Муравьев и к крепостному праву. «Крепостное состояние и рабство,— пишет он в проекте конституции,— отменяется. Раб, прикоснувшийся к русской земле, становится свободным»².

Единственным источником власти и сувереном Муравьев признает народ, подчеркивая, что «русский народ свободный и независимый, не есть и не может быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства»³.

Направленность проекта Муравьева против самодержавной власти и крепостного права очевидна. Конституция провозглашает равенство всех перед законом, отмену сословных различий, табели о рангах, подушной подати, провозглашает свободу слова, печати, собраний, союзов, вероисповедания. В целом же конституция Муравьева страдала большими чертами дворянской ограниченности, чем проект Пестеля, и отвергалась не только Пестелем и членами Южного общества, но и большинством членов Северного общества декабристов.

В качестве формы государства устанавливалась конституционная монархия и вводился высокий имущественный ценз (для выборных должностей и представительных учреждений).

Исходя из теории разделения и равновесия властей, Муравьев проектировал вручить законодательную власть Народному вечу из двух палат.

¹ Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 303.

² Там же, стр. 322.

³ Там же, стр. 304.

Палата народных представителей по первому проекту¹ составлялась из депутатов, избираемых в округах, включающих 50 тысяч лиц мужского пола. Правом участвовать в выборах наделялись лишь лица, имеющие недвижимого имущества не менее чем на 500 рублей или движимого — на сумму не менее 1000 рублей.

Вторая палата, имеющая название Верховной думы, выбиралась от каждой из тринадцати держав, составляющих Россию как федерацию (по второму проекту). Для того, чтобы быть выбранным в нее, требовался возрастной ценз не менее чем в тридцать лет, девять лет гражданства и обладание высоким имущественным цензом.

Верховная дума имеет право суда над министрами, верховными судьями и всеми сановниками империи. Обвинение должно быть в этом случае возбуждено палатой народных представителей большинством не менее двух третей голосов.

Народное вече в составе двух палат собирается ежегодно в первый вторник декабря. Заседания обеих палат публичны, и протоколы заседаний публикуются во всеобщее сведение.

Законодательная инициатива принадлежит членам палат Народного веча. Всякий законодательный проект должен быть принят обеими палатами и, чтобы получить силу закона, нуждается в одобрении императора.

Император имеет право отлагательного, но не абсолютного вето. Если император не одобрил предложенного закона, он отправляет его обратно в ту палату, откуда закон поступил. Если обе палаты примут его вторично большинством в две трети голосов каждая, проект становится законом.

Компетенция Народного веча, по конституции Муравьева, весьма велика, и к ней относятся как законодательная деятельность, так и право общей и частной амнистии, роспуск представительных собраний отдельных держав, превысивших свою компетенцию, установление налогов и заключение внешних займов, утверждение порядка несения службы чиновниками.

Вече может издать закон о назначении регентства вследствие телесной или нравственной болезни императора, при нарушении им присяги, законов, его кончины, отречения.

Народное вече, по конституции Муравьева, не имело права изменять конституцию. Установление и изменение ее должно было производиться особым Государственным собором, который собирается специально для рассмотрения вопроса об изменении конституции.

Исполнительная власть вручалась наследственному монарху, который «есть верховный чиновник Российского правительства»². Император при вступлении его в должность приносит в На-

¹ Н. Муравьевым были составлены в разное время три проекта конституции. Эти проекты различным образом решают вопросы о размерах имущественного ценза, о наделении крестьян землей и др.

² Н. Д р у ж и н и н, Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 334.

родном вече присягу в том, что будет сохранять и защищать конституцию.

Император надзирает за деятельностью министерств, но все такие выражения, как «быть по сему» или «по высочайшему соизволению», уничтожаются как «неприличные и не имеющие никакого значения». Члены императорской семьи не имеют никаких преимуществ по отношению к прочим гражданам. «Так называемый «двор» не может иметь существования в земле благоустроенной»¹.

Придворные чины уничтожаются, кабинет, ведавший собственностью императорской фамилии, также. Император как глава государства и исполнительной власти получает ежегодно два миллиона рублей на содержание свое и своего семейства, в которых никому не отдает отчета. Он может иметь чиновников в личном услужении и жаловать им чины, но их содержание оплачивается самим императором, они лишаются избирательных прав как находящиеся в частном услужении. Император не имеет права покидать пределы России. Выезд его за границу должен считаться оставлением страны навсегда и отречением от престола.

Следует оговорить, что, разрабатывая проект конституции, в котором император оставался главой исполнительной власти и «верховным чиновником» правительства, Н. М. Муравьев отнюдь не отвергал возможности организации в России и республиканской формы правления.

Для организации судебной власти учреждается Верховное судилище, состоящее из пяти или семи верховных судей, избранных Народным вечем из числа лиц, владеющих имуществом не менее 150 тысяч рублей. В основу организации судебной власти положены принцип отделения суда от администрации, участие адвокатуры в суде и введении суда присяжных как по уголовным, так и по гражданским делам. Подозреваемый в злоумышлении или совершении преступления может быть взят под стражу в соответствии с порядком, установленным законом, но в 24 часа ему должно быть объявлено письменно о причине задержания; в противном случае он немедленно освобождается. Заключенный, если он обвинен не по уголовному делу, должен быть освобожден, если за него найдутся поручители.

В отличие от Пестеля Муравьев не был сторонником унитарного государства и предлагал установить в России федерацию. Вся Россия делилась на тринадцать держав и две области (по второму проекту).

Державы не имеют самостоятельных конституций, их управление и устройство унифицированы и определяются единой союзной конституцией.

Каждая держава имеет свои представительные учреждения, в которых сосредоточена верховная власть в лице Державной думы и

¹ Н. Дружинин, Декабрист Никита Муравьев, М., 1933, стр. 337.

палаты выборных. Власть исполнительная возглавляется правителем державы, назначаемым союзным Народным вечем из кандидатов, выдвигаемых членами представительных палат державы.

Конституция Муравьева фактически ограничивается предоставлением незначительной доли автономии отдельным «держavam» в вопросах местного управления.

Дворянская ограниченность Муравьева сказалась особенно ярко в том, как он разрешал крестьянский вопрос. Будучи сторонником уничтожения крепостного права, он предлагает дать крестьянам ничтожный земельный надел (по две десятины на двор) и оставляет помещицье землевладение нетронутым.

Несмотря на различие Пестеля и Муравьева во взглядах на форму государства и другие вопросы, их проекты имели много общего. Общим для политических взглядов всех декабристов было признание необходимости уничтожения самодержавия, крепостного права, военных поселений, отмены телесных наказаний, введения буржуазных свобод. Осуществление проектов декабристов нанесло бы смертельный удар феодально-абсолютистским порядкам в России и открыло бы простор для развития капитализма.

4. Кроме Северного и Южного обществ декабристов, на юге существовало также «Общество соединенных славян», возникшее в 1823 году.

«Общество соединенных славян» по составу своих членов включало в себя более широкие и демократические круги, чем Северное и Южное общества. В него входили главным образом мелкие армейские дворяне, более близкие по своему демократическому духу к народу и пытавшиеся проводить революционную агитацию непосредственно среди солдат.

Организаторы общества ставили перед собой определенные политические цели: свержение самодержавия путем организации массового восстания армии с привлечением к нему народа; уничтожение крепостного права; организацию теснейшего союза славянских народов в форме добровольного федеративного объединения в равноправном, демократическом союзе свободных и суверенных республик.

«Славяне» предусматривали создание демократического представительного правления. Славянские государства должны были объединяться конгрессом, управляющим делами союза. Конгресс должен был издавать общие для всей федерации законы, предоставляя каждому государству заняться самостоятельно внутренним устройством и быть независимым в составлении своих частных законов.

Ратуя за развитие промышленности и распространение просвещения, «вернейшего сподвижника в борьбе против зол», наиболее передовые представители «славян» приходили к убеждению, что «никакой переворот не может быть успешен без согласия и содействия целой нации» и что «военные революции быстрее достигают цели,

но следствия оных опасны: они бывают не колыбелью, а гробом свободы, именем которой совершаются»¹.

В августе 1825 года, во время больших осенних маневров, члены «Общества соединенных славян» узнали о существовании Южного общества, и в сентябре произошло формальное слияние двух обществ декабристов.

5. Декабристы считали необходимым тотчас же после свержения царя обратиться с манифестом к русскому народу.

Накануне выступления члены Северного общества написали «Манифест к русскому народу», содержащий изложение основных мероприятий, которые должны быть немедленно проведены Временным верховным правлением. Манифест объявлял: 1) уничтожение бывшего правления, 2) уничтожение права собственности, распространяющегося на людей, 3) равенство всех перед законом, то есть уничтожение сословного строя, 4) ряд свобод: свободу слова, печати, совести, а также объявлял гласность суда, вводил суд присяжных.

Манифест провозглашал уничтожение постоянной армии и введение внутренней «народной стражи», уничтожал подушную подать, отменял недоимки и уничтожал монополию на соль, вино.

Манифест объявлял учреждение временного правления из трех лиц, которому должны быть подчинены все министерства, Сенат, Комитет министров, армия, флот.

Временному верховному правлению поручалось: немедленно привести в исполнение уравнение прав всех сословий, образовать внутреннюю народную стражу, суд с присяжными, уничтожить постоянную армию и уравнивать воинскую повинность для всех сословий, а также разработать и утвердить порядок избрания органов народного представительства, которые совокупно должны были разработать новое законодательство и принять новую конституцию.

Манифест тщательно обходит вопрос о земле, который по-разному разрешается в конституционных проектах Пестеля и Муравьева.

Можно утверждать, что непосредственно перед днем восстания декабристы пришли к убеждению о необходимости немедленного обращения к народу с таким документом, опубликование которого затронуло бы интересы большинства населения и особенно армии (некоторые статьи: отмена рекрутства, сокращение срока военной службы, отставка прослуживших более пятнадцати лет — прямо относятся к наболевшим вопросам жизни армии).

Неудача декабристского движения объясняется тем, что декабристы считали военный переворот единственным приемлемым средством свержения самодержавия.

¹ «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 23.

В день восстания сказались оторванность дворянских революционеров от народа и ограниченный характер революционности декабристов. Подготовленное конспиративно, не нашедшее поддержки народных масс, восстание закончилось неудачей и было разгромлено.

Дворяне-революционеры были далеки от народа и не сумели найти единения с ним. Однако защищаемая ими программа свержения самодержавия и уничтожения крепостничества в России была продиктована стремлением улучшить положение народных масс.

Выступление декабристов имело огромное значение в развитии русской революции. Уроки этого восстания помогли последующим поколениям революционеров в России, боровшимся за свободу и счастье всего трудового народа.

«В 1825 году,— отметил Ленин,— Россия впервые видела революционное движение против царизма...»¹.

§ 5. Реакционные учения 30—40-х годов. Славянофилы

1. Подавление восстания декабристов привело к торжеству беспросветной реакции и установлению полицейского режима, введенного Николаем I, жестоким и тупым крепостником, не признававшим необходимости каких-либо реформ в стране.

Царь и помещики свирепо расправились с декабристами и торжествовали свою победу над революционной Россией. Однако они были бессильны помешать дальнейшему развитию капиталистического уклада и росту новых по своему характеру производительных сил.

Поставив государственный аппарат, науку, литературу, школу под контроль третьего отделения «собственной его величества канцелярии», реакционное монархическое правительство всячески тормозило разрешение наболевших вопросов общественной жизни. Господствующий класс не мог не видеть, что крепостное право тормозит экономическое развитие страны, учитывал факт капиталистического развития европейских государств, но вместе с тем всячески цеплялся за сохранение основы феодализма — собственности помещиков на землю, боялся ослабить власть помещиков над крестьянством.

Рост промышленности и переход от мануфактуры к капиталистической фабрике с применением машинного труда делал невыгодным труд посессионных крестьян, что вынудило дворянское правительство по настойчивым просьбам заводчиков отменить положение о посессионных крестьянах. Вопрос об отмене крепостного права приобрел к 40-м годам такую остроту (в связи с ростом крестьянских волнений), что даже шеф корпуса жандармов остзейский барон Бенкендорф доносил царю в секретном докладе, что

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 234.

«крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войска составлены из крестьян же»¹.

Николай I вынужден был признать, что крепостное право «является для всех очевидным злом», но заявлял, что всякие попытки разращения крестьянского вопроса были бы «делом еще более гибельным». Будучи представителем класса помещиков на престоле и рьяным защитником интересов дворян-крепостников, Николай I всячески стремился упрочить крепостнические отношения.

В условиях продолжающегося распада крепостнических отношений реакционное дворянство выступило с откровенной защитой позиций правительства, провозглашая «незыблемость» устоев самодержавия и крепостничества.

Министр просвещения граф С. Уваров, бывший верным исполнителем царских приказов, явился душителем просвещения и вместе с другими защитниками царизма заявлял, что «православие, самодержавие, народность» являются основами русской монархии. Одновременно с Уваровым выступал и защитник царизма и помещиков историк М. П. Погодин, бывший последователем норманской теории происхождения русского государства.

Защищая абсолютизм, Погодин искажал историческое прошлое русского народа и ревностно отстаивал «патриархальные устои» русской жизни.

При описании исторического прошлого России Погодин тщательно замалчивал факты классовой борьбы и изображал отношения между князьями, боярами, дворянством, с одной стороны, и народом — с другой, чисто идиллически, как отцовски-патриархальные, уверяя, что «религиозное смирение», «безусловная покорность» якобы являются исконными и вечными качествами русского народа.

2. С л а в я н о ф и л ы. Виднейшими идеологами славянофилов были К. С. и И. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, выступавшие на страницах «Русской беседы» и «Московитянина».

Во взглядах славянофилов отражался страх помещиков как перед революцией на Западе, так и перед ростом крестьянского движения в стране. Славянофилы ставили своей целью доказать самобытный, особый путь развития России, при котором непременно сохранится власть помещиков в деревне.

Взгляды отдельных славянофилов были недалеки от взглядов официальных защитников крепостнических порядков в России.

Проповедь воспитания народа в слепом и беспрекословном послушании помещикам, воспевание крепостнических порядков в России, желание изобразить эксплуатацию крестьян помещиками как патриархальную отцовскую опеку, неправильная оценка роли и значения крестьянской общины, раздувание панславистских

¹ Центральный архив. Крестьянское движение 1827—1869 гг., вып. 1, Соцэкгиз, 1931, стр. 31.

идей и пренебрежительное отношение к другим народам — вот что характеризует славянофилов.

Среди славянофилов были различные течения. Часть из них находилась в умеренной оппозиции по отношению к откровенно крепостнической политике Николая I, требуя от правительства проведения ряда реформ. Эта часть славянофилов дошла до признания необходимости отмены крепостного права, конечно, при обязательном сохранении крупного помещичьего землевладения (К. Аксаков, Киреевский, Хомяков). «Реформаторские» предложения славянофилов отнюдь не свидетельствуют об их любви к народу. Это было одной из форм реакции помещиков на развитие революционного движения в России и на Западе.

Выдвигая глубоко антинародную и лживую теорию развития России, славянофилы пытались оправдать русское самодержавие и помещичье землевладение, которому угрожало развитие капиталистических отношений. Для всех славянофилов был ненавистен капиталистический путь развития, которым шел Запад. Мысль о превращении России в буржуазную монархию их пугала, так как они боялись «язвы пролетариата».

Охранительно-консервативная тенденция философии истории, развиваемой славянофилами, очевидна. История западных стран, по их мнению, коренным образом отличается от истории России. На Западе государство было основано на насилии и завоевании, у нас — на мнимом единении власти с землей, общиной, народом. Власть князей, а впоследствии царей, по мнению славянофилов, базировалась на призвании их народом.

Славянофилы утверждали, что весь путь исторического развития Западной Европы — это путь непрерывных социальных потрясений, путь нагромождения социальных язв, болезней и лжи.

Славянофилы писали, что русский народ, исполненный смирения и покорности, никогда не искал политической власти и не восставал против царизма. В восстаниях Ивана Болотникова, Степана Разина, Пугачева славянофилы усматривали главным образом разбойничество, а выступления Радищева, Пушкина, декабристов против самодержавия объясняли западной «заразой», западным влиянием, «плодом нерусских начал».

Концепция славянофилов имела целью создание барьера против роста революционного движения в России. Для славянофилов характерна идеализация Московской Руси XVII века, которая, по их мнению, представляла собой не что иное, как союз земледельческих общин с самодержавной властью царя. Идеальным государственным учреждением того времени, как они утверждали, был Земский собор, в котором осуществлялось якобы единение царя с «Землей».

Славянофилы приписывали русскому народу такие якобы «исконные» качества, как смирение, покорность, приверженность ко всему патриархальному, а также религиозность. Все эти качества русской природы, по мнению славянофилов, нашли свое наиболее полное выражение в допетровской Руси.

Славянофилы утверждали, что реформы Петра I плохи и что в целом они ничего не дали России. Идиллически изображая допетровскую Русь, славянофилы считали, что крепостное право введено в России Петром I и что русская история до него есть история патриархально-семейных отношений между помещиками и крестьянами, когда между ними существовали «совет да любовь».

Славянофилы были убежденными монархистами. Некоторые из них особенно во время Крымской войны критиковали аппарат николаевской империи. Но эта критика шла по линии обличения бюрократических канцелярских порядков, судебной волокиты, работы чиновничьего аппарата, взяточничества и казнокрадства.

Подобная критика не подрывала крепостнических устоев царизма и прекрасно уживалась со славянофильской формулой: «сила власти — царю, сила мнения — народу».

§ 6. Просветители 30—40-х годов. П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский

1. Реакционные учения, стоявшие за сохранение самодержавия и крепостнической эксплуатации крестьян помещиками, смотревшие назад, в допетровскую Русь, вызвали отпор со стороны революционных демократов 40-х годов XIX века, были заклеены в произведениях В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Деятельности революционных демократов предшествовало выступление просветителей 30—40-х годов. Характеризуя сущность просветительства, В. И. Ленин писал, что его представители были одушевлены «...горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области»¹, что они были горячими защитниками «просвещения, самоуправления, свободы». Для просветителей была характерна «...искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние...»².

К просветителям 30—40-х годов принадлежал П. Я. Чаадаев (1794—1856).

Его «Философические письма» были направлены против крепостного права и самодержавия. В сентябре 1836 года в журнале «Телескоп» появилось первое из этих писем. Страстное обличение самодержавного произвола и крепостного права в письме Чаадаева побудило Николая I по ознакомлении с ним наложить следующую резолюцию: «Прочитав статью, нахожу, что содержание оной — смесь дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного...». Чаадаев был объявлен сумасшедшим, у него была отобрана подписка «ничего

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 472.

² Там же

не писать». Надеждин — редактор журнала «Телескоп», в котором была опубликована статья, был отправлен в ссылку.

«Философическое письмо» Чаадаева явилось суровым осуждением крепостничества и деспотизма.

По образному выражению Герцена, оно явилось выстрелом, раздавшимся в темной ночи.

Чаадаев подверг резкой критике утверждение идеологов реакции о великолепном настоящем России, показал, что это настоящее было «великолепным» только для России дворянской, правительственной, императорской, вооруженной штыками и охраняемой полицией.

Критика крепостного права как системы насилия одной части населения над другой проведена Чаадаевым в его письмах с исключительной силой.

Обращаясь к дворянам, он в одном из писем говорит: «Эти рабы, которые вам прислуживают, разве они не составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем мы все гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели»¹.

Разоблачая попытки славянофилов изобразить отношения помещиков и крестьян как некую патриархальную идиллию, Чаадаев показывает, до какого состояния прозябания и темноты были доведены народные массы в России.

Выступление Чаадаева имело большое значение для пробуждения новой волны протеста в обществе в годы, когда реакция торжествовала свою победу.

2. Будучи свидетелем гибели декабристов, Чаадаев пришел к глубоко пессимистическим выводам, не сумев разглядеть в русском народе силы, могущей спасти Россию.

Избранный декабристами путь военного переворота Чаадаев почел неправильным и несбыточным. Когда-то востергавшийся испанской революцией 1821 года и принимавший участие в тайном обществе, Чаадаев видел теперь путь к спасению России не в революции, а в распространении просвещения.

Письмо Чаадаева было продиктовано горячей любовью к России. Однако утверждение Чаадаева, что русский народ, подавленный рабством, не сумел сделать никакого вклада в человеческую культуру, являлось глубоко ошибочным и вызвало отповедь передовой части русского общества. Протестуя против этого утверждения, А. С. Пушкин отвечал Чаадаеву: «Ни за что на свете я не захотел бы ни переменить своего отечества, ни иметь другой истории,

¹ «Литературное наследство», тт. 22—24, М., 1935, стр. 23.

как историю наших предков...». Указывал Пушкин Чаадаеву и на то, что Россия не раз играла в истории спасительную роль, прикрыв Европу от удара монголов и свергнув иго Наполеона.

«Философическое письмо» Чаадаева резко поставило вопрос не только об оценке исторического прошлого и настоящего России, но и о путях ее развития, о ее будущем.

Объявив крепостничество худшим видом рабства, Чаадаев сравнивал Европу с Россией и с горечью и болью подчеркивал отсталость России, особенно ощутительно сказывавшуюся в середине XIX века. Задачей России он считал развитие промышленности. Жители России, по мнению Чаадаева, должны с такой же быстротой строить железные дороги, как и остальные страны, для того чтобы просвещение распространялось с такой же быстротой, как и в Западной Европе.

Чаадаев высказал глубоко ошибочное утверждение, что, если бы Россия была единой с Европой, то есть католической, она не оторвалась бы в своем развитии от других стран и могла бы преодолеть отсталость.

Неверная и несправедливая оценка истории русского народа, непонимание значения национальной культуры и космополитические тенденции являлись отрицательными сторонами противоречивого мировоззрения Чаадаева. Революционные демократы, беря под защиту антикрепостнические идеи Чаадаева, решительно осуждали реакционные стороны его мировоззрения.

Из содержания произведений Чаадаева «Письма к друзьям» и «Апологии сумасшедшего», написанных вскоре после издания первого «Философического письма», видно, что он сам понял неправильность своей оценки исторического прошлого русского народа.

Но, признавая свои ошибки, Чаадаев оговаривал, что сделанные им преувеличения были выражением сознания «наших немощей», о которых и следовало говорить с такой болью и горечью.

«Я не научился,— пишет он,— любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами»¹.

В период революции 1848 года Чаадаев пишет прокламацию к русскому народу (вложенную впоследствии в одну из книг его библиотеки и найденную советскими историками). В ней мы видим попытку обратиться к народу и довести освободительные идеи до масс русского крестьянства. «Братия любезные, братия горемычные, люди русские, православные,— читаем мы в прокламации,— дошла ли до вас весточка, весточка громогласная, что народы выступили, народы крестьянские взволновались, сколебались, аки волны океана-моря, моря синего? Дошел ли до вас слух с земель далеких, что братья ваши разных племен на своих царей-государей поднялись все, восстали все до единого человека? Не хотим, говорят,

¹ «Сочинения и письма П. Я. Чаадаева», т. II, М., 1914, стр. 226.

своих царей, государей, не хотим их слушаться. Долго они нас угнетали, поработали, часто горькую чашу испивать заставляли. Не хотим царя другого, окромя царя небесного»¹.

В последние годы своей жизни в связи с опытом революций 1830 и 1848 гг. Чаадаев высказал ряд критических замечаний по поводу капиталистических порядков. Он считал справедливой борьбу рабочих против буржуазии. «Странное дело,— говорил он,— в конце концов признали справедливым возмущение против привилегий рождения... Между тем все еще находят несправедливым возмущение против наглых притязаний капитала, в тысячу раз более стеснительных и грубых»².

Письма Чаадаева и последующие его произведения, хотя и не опубликованные в печати, имели широкое распространение в России и служили предметом горячего обсуждения.

3. Видным представителем просветительства 40-х годов был профессор Московского университета историк Т. Н. Грановский (1813—1855). По характеристике Чернышевского, Грановский был «одним из первых историков нашего века». Особую заслугу Грановского Чернышевский видел в том, что он понимал необходимость исторического изучения не только политической и умственной жизни, но и отношения человека к природе.

В годы самой жестокой реакции Грановский превратил университетскую кафедру в центр просветительной пропаганды, в средство воспитания молодежи, которая должна была способствовать просвещению России и ее освобождению от деспотии и рабства.

Грановского воодушевляло в его деятельности глубокое патриотическое чувство, стремление видеть свою родину избавленной от угнетения, могучей и процветающей.

В лекциях по всеобщей истории Грановский осуждал крепостничество.

Считая, что один из самых важных вопросов исторической науки — показать жизнь «низших классов», Грановский широко освещал в своих лекциях тяжелое положение крепостных в средневековой Франции.

Говоря о насилии французских крепостников над народом, Грановский приковывал внимание своих слушателей к крепостному праву в России. В характерном для феодализма произволе гуманист Грановский усматривал «презрение к человечеству».

Грановский рассматривал крестьянскую войну в Германии как правомерный ответ угнетенных крестьян на насилия феодалов. Сочувственно излагая программу Мюнцера, Грановский подчеркивал, что вождь восставших крестьян требовал уничтожения всех сословных привилегий и возвращения свободы крепостным.

¹ «Литературное наследство», тт. 22—24, стр. 680.

² Там же.

Грановский учил, что народ является единственным искренним защитником национальной независимости и носителем идеи патриотизма.

С глубоким сочувствием отнесся Грановский к французским рабочим, кровью которых в июньские дни 1848 года были обагрены мостовые Парижа. Кровавая бойня, устроенная буржуазией, вызвала его гневное возмущение.

Вместе с тем Грановский опасался революции масс, ошибочно полагая, что она может нанести ущерб культуре. Горячо сочувствуя страданиям народа и желая его освобождения от крепостного рабства, он считал желательным добиться освобождения сверху или получить его из рук «просвещенных людей». Он отдает предпочтение Жиронде перед якобинцами, считая, что именно она определила все вопросы, о которых теперь размышляет Европа. Грановский мечтал о буржуазном обществе, «очищенном» от противоречий и воплотившем идеалы французской буржуазной революции. Отсюда — тот крен к либерализму, который был характерен для Грановского в 50-х годах.

Разгром декабристского движения и казнь пяти декабристов все еще болезненно переживались русскими передовыми людьми, когда Грановский заявил с трибуны о том, что в новейшей истории мы часто видим неизбежность победы одних сил над другими, но не можем отказать ни в симпатии к побежденным, ни в презрении к победителю, дав понять горячо воспринявшей его слова аудитории, насколько ему дорога память о декабристах.

Протест против крепостничества и абсолютистского произвола, содержащийся в произведениях Чаадаева и Грановского, делал их выступления прогрессивными для того времени. Однако просветители не рассчитывали на силы самого народа.

Чаянная и стремления угнетенных крестьянских масс наиболее ярко выразили революционные демократы — Герцен, Огарев, Белинский. В борьбе против крепостничества и самодержавия они подняли знамя народной, крестьянской революции. Революционные демократы не только критиковали славянофилов и буржуазных либералов, но и показывали слабость, непоследовательность и противоречия узко просветительных теорий. В 40-е годы наметилось размежевание революционно-демократической и либеральной тенденций политической мысли в России.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Ленин В. И. Памяти Герцена, Соч., т. 18, с. 9—15.

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, с. 223—224.

Ленин В. И. Роль сословий и классов в освободительном движении, Соч., т. 19, с. 294—296.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, с. 84—88.

Источники

- Пестель П. И. Русская Правда, Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. II, Госполитиздат, 1951, с. 73—162.
Муравьев П. М. Проект конституции, там же, с. 295—329.
Сперанский М. М., План государственного преобразования, М., 1905.

Дополнительная

- Нечкина М. В. Движение декабристов, тт. I—II, М., 1955.
Дружинин Н. М., Программа северных декабристов, «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. VIII, 1951, № 1.
Покровский В. С. Государственно-правовые взгляды декабристов, Київський Державний університет ім. Т. Г. Шевченка, Юридичний Збірник, 1952 г. № 5.
Прозорова Н. С. Государственно-правовые идеи декабристов, «Советское государство и право» 1956 г. № 6.
-

ГЛАВА XX

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ XIX ВЕКА

§ 1. Кризис феодально-крепостнического строя и революционная ситуация 1859—1861 гг. § 2. А. И. Герцен. § 3. Н. П. Огарев. § 4. В. Г. Белинский. § 5. Политические и правовые взгляды Н. Г. Чернышевского. § 6. Политические и правовые взгляды Н. А. Добролюбова. § 7. Заключение

§ 1. Кризис феодально-крепостнического строя и революционная ситуация 1859—1861 гг.

1. Классовая борьба в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года, идейно-политическая борьба между революционно-демократическим лагерем и лагерем крепостников и буржуазных либералов могут быть объяснены, исчерпывающе поняты лишь при учете конфликта между развитием производительных сил и производственными отношениями в России середины XIX века.

Царская власть, являвшаяся по своей классовой сущности господством помещиков-крепостников, дворянская бюрократия, сами помещики стремились всеми силами сохранить феодальную собственность на землю и крепостную зависимость крестьян, но ход экономического развития все более подрывал устои крепостничества.

В первой половине XIX века происходит промышленный переворот, повлекший за собой постепенное вытеснение старой мануфактуры фабрикой, основанной на применении машинного оборудования и вольнонаемного труда.

Фабрично-заводское производство непрерывно росло. За время с 1825 по 1860 гг. число занятых в промышленном производстве

рабочих увеличилось более чем в два раза. Однако возможности дальнейшего развития промышленного производства сковывались отсутствием достаточного количества свободных рабочих рук.

Погоня помещиков и купцов за прибылью вызвала усиленный нажим с их стороны на крестьян и рабочих. Увеличение повинностей, обнищание крестьянства, поставленного дворянами-помещиками в исключительно бедственное положение, привели к подъему крестьянского движения. Учащаются случаи разгрома и поджога помещичьих имений, сопротивления крестьян помещикам, невыхода на барщину, побегов. Доведенное помещиками до отчаяния крестьянство восставало целыми деревнями.

Рост крестьянского движения оказывал огромное воздействие на общественную мысль.

Разложение феодальных отношений в 40-х годах XIX века, развитие классовой борьбы в России обусловили появление революционного творчества Герцена и Огарева. В 40-х же годах выступает великий русский критик Белинский, являвшийся предшественником полного вытеснения дворян в освободительном движении разночинцами¹.

Основным вопросом общественной жизни в этот период, волновавшим всех передовых людей России, был вопрос об освобождении крестьян от крепостной зависимости.

2. В 50—60-х годах XIX века происходит дальнейшее углубление процесса разложения феодально-крепостнических отношений в России и еще большее обострение классовой борьбы, выразившейся в новой волне крестьянских восстаний.

После поражения в Крымской войне, которая показала гнилость и бессилие самодержавной России, даже царизм вынужден был признать невозможность сохранения крепостного права.

Рост классовых противоречий привел к возникновению революционной ситуации.

В. И. Ленин дал блестящее определение и характеристику революционной ситуации 1859—1861 гг.: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»².

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26—27.

«Освобождение» крестьян, осуществленное царским крепостническим правительством в 1861 году, было «...бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹.

Реформа 1861 года сохранила основу феодализма — помещичью собственность на землю.

«Выкупная операция» расхваливалась помещиками-крепостниками и буржуазными либералами, этими послушными холопами самодержавия, как «освобождение крестьян с землей *при помощи государственного выкупа*»². В действительности наложенные на крестьян выкупные платежи представляли собой «...не что иное как прикрытое законными формами и чиновническими фразами ограбление крестьян помещиками и правительством, не что иное как дань крепостникам за освобождение их рабов»³.

Ограбленное до нитки крестьянство не могло спокойно принять такое «освобождение». Обнародование Положения, по которому крестьяне за урезанные наделы обязаны были платить огромный выкуп, отбывать барщину и повинности до неопределенного срока, вызвало широкое возмущение.

Стремившиеся получить «всю землю» и «всю волю» крестьяне восстали в ряде губерний. Они объявляли Манифест и Положение 19 февраля подложными.

Однако восстания крестьян были обречены на неудачу ввиду отсутствия в то время в России организованного рабочего класса, то есть единственного класса, который смог бы в условиях России того времени повести крестьянство к победе. Тем не менее крестьянское движение 60-х годов имело огромное революционное значение.

3. Классовая борьба в России в период проведения крестьянской реформы разделила русские общественные силы на два враждебных лагеря. В одном находились откровенные защитники помещичье-крепостнических порядков и буржуазные либералы, в другом — противники самодержавия и крепостничества, истинные защитники интересов трудящегося крестьянства.

Если в лагере крепостников и либералов и были какие-либо разногласия, то эти разногласия касались лишь меры уступок натиску масс на феодальные устои. Либералы хотели «освободить» крестьян «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к уступкам духу времени.

По своим государственно-правовым взглядам представители этого верноподданнического либерализма примыкали к философии права Гегеля и брали на вооружение консервативную сторону его социально-политических взглядов.

Настоящими защитниками крестьянства явились в этот период революционные демократы, «...стоявшие на стороне крестьянства и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 94—95.

² В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 394.

³ Там же, стр. 398.

понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский»¹.

В. И. Ленин в 1911 году писал: «Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию»².

Ученые защитники самодержавия — представители охранительно-консервативного направления русской официальной юридической науки, бывшие основателями так называемой «государственно-правовой» школы права в России, занимали кафедры в крупнейших университетах.

К их числу относились К. Д. Кавелин, А. Д. Градовский, Б. Н. Чичерин и др., стремившиеся в этот период облегчить отживающему свой век царизму борьбу с нараставшим революционным движением. Опираясь на идеализм, они ратовали за сохранение реакционной политики царского правительства.

Либералы оправдывали расправы полиции и верноподданных чиновников царя с лучшими людьми России ссылками на «извечность государства» и надклассовый характер верховной власти, проповедовали необходимость соблюдения «твердого порядка» в стране, обосновывали путь медленных и «разумных» реформ, проводимых «сверху», как якобы единственно возможный путь развития России и всячески стремились привить учащейся молодежи дух раболепия, покорности и примирения с действительностью.

Революционные демократы в борьбе с самодержавием и крепостничеством разоблачали государственно-правовые теории буржуазных либералов. Они подвергли в своих произведениях суровой и резкой критике защитников реакции во всех областях науки: философии, истории, литературе, эстетике и в области науки о государстве и праве.

Творчество Белинского, Герцена, Добролюбова, Некрасова, Чернышевского, Шевченко и других революционных демократов сыграло огромную роль в пробуждении сознания передовых людей России и подготовило почву для образования Российской социал-демократической рабочей партии. В. И. Ленин писал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»³.

Труды революционных демократов России оказывали значительное влияние на формирование революционной мысли в таких сла-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 342.

вянских странах, как Болгария, Польша, Сербия, Чехословакия, в которых процесс развития классовой борьбы и национально-освободительного движения совпал, как и в России, с ростом крестьянского движения.

§ 2. А. И. Герцен

1. В. И. Ленин указывает, что русское освободительное движение в своем развитии прошло три главных этапа: 1) дворянский этап примерно с 1825 по 1861 гг., 2) разночинный, или буржуазно-демократический — приблизительно с 1861 по 1895 гг., 3) пролетарский с 1895 года.

«Самыми выдающимися деятелями дворянского периода,— писал В. И. Ленин,— были декабристы и Герцен»¹.

А л е к с а н д р И в а н о в и ч Г е р ц е н (1812—1870) был замечательным представителем новой, революционной России, философом-материалистом, публицистом, продолжившим традиции освободительной борьбы декабристов против царя и помещиков.

Высоко оценивая революционную деятельность декабристов, А. И. Герцен еще в студенческие годы, обучаясь в Московском университете, поставил своей целью революционную борьбу с самодержавием и крепостничеством. Изучение трудов Радищева, декабристов, вольнолюбивых произведений Пушкина и хорошее знакомство с замечательным наследием французских просветителей XVIII века, сочинениями Сен-Симона и других великих социалистов-утопистов Запада идейно вооружили молодого Герцена и определили его жизненный путь как путь революционера и борца со всякой неправдой.

С юных лет подвергаясь преследованию со стороны царизма за участие в революционном движении среди учащейся молодежи, Герцен в 1847 году покинул Россию и, обратившись к литературной и политической деятельности, создал замечательные произведения, посвященные проблеме исторического развития России и критике капитализма в Европе.

Будучи создателем Вольной русской типографии в Лондоне, Герцен с 1855 года приступил к изданию журнала «Полярная Звезда», с 1857 года — газеты «Колокол», сыгравших значительную роль в развитии русской общественно-политической мысли. «Герцен,— писал Ленин,— создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная Звезда» подняла традицию декабристов. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено»².

Со страниц «Колокола» Герцен и его друг Огарев смело обличали произвол самодержавной власти, показывали бесправие широких народных масс в России, вели борьбу за освобождение крестьян от гнета помещиков.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 12.

В период подготовки крестьянской реформы Герцен проявил ряд колебаний от революционного демократизма к либерализму. Революционеры-разночинцы Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич справедливо упрекали его за эти отступления от революционного демократизма. Увидев, что под видом «освобождения» проводится новое ограбление крестьянства, Герцен под влиянием революционного подъема масс рвет с либералами и поднимает знамя революции.

В. И. Ленин писал по этому поводу: «...справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх». «Не вина Герцена, а беда его, что он не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах. Когда он увидал его в 60-х — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма»¹.

Герцен поднимает свой голос в защиту идущих вслед за ним «молодых штурманов будущей бури», как он называл революционных демократов, выходцев из разночинцев.

«Колокол» Герцена резко критиковал русских либералов. Статьей Огарева «Надгробное слово» «Колокол» разоблачал Кавелина, бывшего, по определению В. И. Ленина, одним из «отвратительнейших типов либерального хамства»².

После подавления царизмом польского восстания 1863 года, «когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии»³.

В последние годы жизни Герцен окончательно порывает с мелкобуржуазным анархистом Бакуниным, оказывавшим ранее на него некоторое влияние. Ленин писал: «Герцен рвет с анархистом Бакуниным. Правда, Герцен видит еще в этом разрыве только разногласие в тактике, а не пропасть между миросозерцанием уверенного в победе своего класса пролетария и отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа... Но все же-таки, разрывая с Бакуниным, Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс,— к тому Интернационалу, который начал *«сбирать полки»* пролетариата, объединять *«мир рабочий»*, «покидающий мир пользующихся без работы!»⁴.

2. Герцен выступал в своих сочинениях как убежденный материалист. Материальный мир, по Герцену является основой всего сущего, а процессы природы протекают независимо от воли человека.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 12, 14.

² Там же, стр. 13.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 11.

Стоя на позициях философского материализма, Герцен стремился соединить его с диалектикой. Герцен рассматривал жизнь как непрерывное движение, развитие, источником которого является борьба противоположностей. Он видел в истории природы и общества непрерывную борьбу нового со старым и был убежден в неодолимости нового.

Разгром идеалистической философии, разоблачение религии, являвшихся идейной опорой крепостничества, имели большое политическое значение в условиях господства реакции в николаевской России.

Для Герцена характерны мысли о закономерности хода истории, признание не эволюционного, а революционного характера развития общества. Герцен верил в неизбежную и ничем не отвратимую победу разумных общественных отношений, идеал которых он видел в социализме.

В то же время, следуя просветителям конца XVIII и начала XIX веков, Герцен полагал, что общий ход истории зависит от нравственного совершенствования и умственного роста народных масс, что определяет возможность прогресса.

Герцен писал, что ход истории неизбежно приводит к освобождению народов, что формы организации человеческого общества исторически ведут от одного освобождения к другому.

Сильной стороной исторических взглядов Герцена является признание неизбежности революционной победы социалистических отношений, справедливая и резкая критика современных Герцену форм государственного строя.

По поводу философских взглядов Герцена Ленин писал: «Он усвоил диалектику Гегеля. Он понял, что она представляет из себя «алгебру революции». Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом. Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездн современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуйдеалистов. Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом»¹.

3. Произведения Герцена сыграли огромную роль в развитии революционных идей в России, в борьбе с самодержавием и крепостным правом.

Общественно-литературная деятельность Герцена в годы, которые предшествовали крестьянской реформе, имела большое значение. На страницах «Колокола» Герцен выступает с энергичной проповедью уничтожения крепостного права в России.

Герцен клеймил николаевскую империю во главе с «высочайшим фельдфебелем», разоблачал произвол и издевательства царя, его вельможного окружения, варваров-помещиков и чиновников над народом.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10.

В. И. Ленин указывал, что Герцен боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем, и значение борьбы Герцена с самодержавием исчерпывающе охарактеризовал в статье «Из прошлого рабочей печати в России»: «В ту пору, при крепостном праве, о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» сословия не могло быть и речи. Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее.

Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству. Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении был еще при крепостном праве В. Г. Белинский¹.

4. Давая критику самодержавно-крепостнического строя в России, Герцен отмечал и историческую ограниченность буржуазного строя в Западной Европе, который хотя и являлся шагом вперед по сравнению с феодальным строем, но представлял собой лишь новую форму эксплуатации трудящихся.

Герцен был очевидцем первых крупных классовых боев между буржуазией и пролетариатом и расстрелов рабочих. Революция 1848 года и расправа буржуазии с трудящимися раскрыли ему глаза на буржуазную демократию, заставили пережить глубокий духовный кризис.

«Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848-го года был крахом *буржуазных иллюзий* в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не созрела*»².

Герцен критикует буржуазное законодательство как антинародное и по существу ничем не отличающееся от царского: «Различие между вашими законами и нашими указами,— говорит он, обращаясь к французскому публицисту Мишле,— заключается только в заглавной формуле. Указы начинаются подавляюще истинно: «царь соизволил повелеть»; ваши законы начинаются возмутительно ложью: ироническим злоупотреблением имени французского народа и словами «свобода, братство и равенство». Николаевский свод рассчитан против подданных и в пользу самодержавия. Наполеоновский свод имеет решительно тот же характер»³.

Герцен подчеркивает отсутствие элементарных свобод в буржуазной Европе. Он отмечает, что все эксплуататорские правитель-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10.

³ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, стр. 160.

ства независимо от форм государства объединяют свои усилия в борьбе против народа. «Правительства, по-видимому, самые враждебные, сливаются в единую, вселенскую полицию. Русский император, не скрывая своей ненависти к французам, награждает парижского префекта полиции; король неаполитанский жалует орден президенту республики»¹.

Герцен обрушивался в ряде произведений на показной либерализм буржуазии, которая, декларируя свободы, расстреливала рабочих в 1848 году, восстанавливала разрушенные троны, рукоплескала Наполеону III.

Однако Герцен до конца своей жизни не смог понять классовой природы буржуазного либерализма, хотя и проклинал его представителей².

Буржуазный строй, по Герцену, обречен на неизбежную гибель, и его нельзя спасти ни осадным положением, ни репрессиями, ни благотворительностью, ни даже разделением полей. Герцен считал, что новая революция (на Западе) будет означать «экономический переворот», то есть поставит своей целью установление социализма.

Герцен видел в народе движущую силу истории и утверждал, что капитализм будет побежден социализмом, ибо на очередь дня история поставила вопрос о коренном улучшении материальных условий жизни крестьян и рабочих.

С исключительной силой подчеркивал Герцен и неизбежность гибели политических учреждений, защищающих буржуазное общество. Он утверждал, что «революционная идея нашего времени несовместима с европейским государственным устройством, они друг другу идут так, как английские законы к Японии или бранденбургское право к Древней Греции»³.

Герцен считал, что социалистическая революция уже не за горами. Рабочий класс Европы, указывает он, ищет связи с крестьянами. В груди же крестьянина собирается буря. Он ничего не знает ни о тексте конституции, ни о разделении властей, но он мрачно поглядывает на богатого собственника, на нотариуса, на ростовщика. Когда крестьянин послушает рабочего, он взвесит свои силы, а потом сметет с лица земли старое общественное устройство. И это будет настоящая революция народных масс.

Критика буржуазной демократии Герценом является одной из ярких страниц истории русской революционной мысли.

5. Герцен явился родоначальником и основоположником теории «русского социализма»⁴.

По мнению Герцена, переход России к социализму облегчен тем, что в ней сохранилась крестьянская община. «Община спасла

¹ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, стр. 137.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 10.

³ А. И. Герцен, Избранные сочинения, 1937, стр. 245.

⁴ Эта теория получила впервые свое развитие в таких произведениях А. И. Герцена, как «О развитии революционных идей в России» (1851), «Крещенная собственность» (1853), «Русский народ и социализм» (1855).

русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательств власти; она благополучно дожидается развития социализма в Европе.

Это обстоятельство бесконечно важно для России»¹.

Социализм рисовался Герцену, идеализировавшему русское крестьянство и его «общинные», «мирские» порядки, как строй, при котором господствуют патриархальные отношения, основанные на началах безграничного взаимного доверия людей.

Утопический характер этих идеалов Герцена исчерпывающе объяснен В. И. Лениным. «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю»... На деле в этом учении Герцена, как и во всем русском народничестве — вплоть до полинявшего народничества теперешних «социалистов-революционеров» — нет ни грани социализма. Это — такая же прекраснородная фраза, такое же доброе мечтание, облакающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России, как и разные формы «социализма 48-го года» на Западе. Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861-ом году и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников-помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения»².

6. Идеалистическая трактовка общественных явлений проявилась и при решении Герценом вопросов государства и права.

Государство Герцен понимал как общественный союз между людьми, возникший в результате добровольного соглашения; его происхождение он объяснял врожденной общительностью человека и присущим ему разумным эгоизмом.

Стремление объяснить происхождение государства врожденными качествами человека отражало влияние идей французского Просвещения XVIII века на мирозерцание Герцена. Герцен пытался вывести из теории «разумного эгоизма» разрешение проблемы сочетания личного интереса с общественным.

«...Эгоизм и общительность (братство и любовь) — не добродетели и не пороки, это — основные стихии жизни человеческой, без которых не было бы ни истории, ни развития»³.

Вместе с тем Герцен подчеркивал, что если без разумного эгоизма развитого, культурного, мыслящего человека нет личности, обладающей чувством независимости, собственного достоинства, то «чистый» эгоизм, приводящий человека к отрыву от коллектива,

¹ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, стр. 150.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11—12.

³ А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, стр. 121.

враждебен гуманизму и низводит человека до уровня животного. Таким образом, Герцен признает примат коллектива над личностью, хотя и исходит из идеалистической теории разумного эгоизма.

Наилучшим обществом, в котором будет существовать полная гармония между интересами личности и общества, Герцен считал социалистическое общество, которое придет на смену существующему строю.

Герцен понимал, что социализм может восторжествовать лишь в результате революционного переворота, и это позволило ему дойти до признания необходимости организации подлинно демократической республики трудящихся. «Мы глубоко убеждены,— писал Герцен,— что социальное развитие возможно только при полной республиканской свободе, при полном демократическом равенстве. Республика, которая не вела бы к социализму, кажется нам нелепой»¹.

Если в первый период своей деятельности Герцен не замечал ошибок Бакунина по вопросу о государстве, то тем с большей силой обрушился он на его анархическую программу в конце жизни.

К 1869 году, разорвав с Бакуниным и обратив свои взоры к Интернационалу, которым руководил Маркс, Герцен пересмотрел свои взгляды на государство.

В «Письмах к старому товарищу» он высказал мысль о необходимости сохранения государственной организации для народа и использования нового государства после победоносной революции для установления социалистических отношений. «Из того, что государство — форма п р е х о д я щ а я, не следует, что эта форма уже п р о ш е д ш а я. С какого народа, в самом деле, может быть снята государственная опека, как лишняя перевязка, без раскрытия таких артерий и внутренностей, которые т е п е р ь наделают страшных бедствий, а п о т о м спадут сами?»².

Вывод о невозможности скорого наступления безгосударственного строя в случае победы социализма в некоторых странах связывался Герценом также с невозможностью скорого уничтожения милитаристского характера буржуазных государств. «Можно ли говорить о скорой неминуемости безгосударственного устройства, когда уничтожение постоянных войск и обезоружение составляют дальние идеалы?»³.

Он высказал ряд замечательных положений об историческом характере государства, о необходимости сохранения самого принципа государственной власти после социалистической революции.

Однако до самых последних дней Герцен не смог полностью преодолеть слабых сторон своего мировоззрения. В тех же «Письмах» он заявляет, что социализм должен выступать с проповедью, равно обращенной к работнику и хозяину, земледельцу и мещанину.

¹ А. И. Герцен, Полное собрание сочинений и писем, т. XX, стр. 136.

² А. И. Герцен, Избранные философские произведения, т. II, стр. 135.

³ Там же.

7. Как истинный демократ, Герцен бы интернационалистом. Национальный вопрос занимает большое место в его творчестве.

Герцен был врагом национального угнетения и защищал право каждой национальности на самостоятельное государственное существование. В «Колоколе» Герцена помещались статьи, посвященные положению киргизов, финнов, грузин, армян, латышей, эстляндцев, евреев, причем нужды и страдания каждого из народов вызывают живейшее сочувствие Герцена.

Польский вопрос был тем пробным камнем, на котором полностью проявил себя широчайший демократизм Герцена в разрешении национального вопроса.

Герцен протестовал против смешения понятий отечества и государства, смешения любви к своему народу с готовностью бессмысленно повиноваться всякому правительству.

Герцен был врагом национализма и ложного «патриотизма» славянофилов, у которых «любовь к своим» сбивалась на «ненависть ко всем другим».

Герцен являлся патриотом и во всех своих произведениях подчеркивал великую и прогрессивную роль русского народа. Он разоблачал теории космополитов, падавших ниц перед буржуазной западноевропейской культурой.

Осуждая самодержавие и крепостничество, Герцен восставал против тех буржуазных писателей, которые, умалчивая об антинациональном характере буржуазной культуры и капиталистической эксплуатации, критиковали одну лишь царскую Россию.

Одну из своих задач Герцен видел в том, чтобы показать передовым деятелям Западной Европы нарастание революционных сил русского народа.

Герцен раскрыл глаза передовым людям Запада на новую, революционную, до сих пор неизвестную им Россию, много и плодотворно работал над тем, чтобы рассказать всему миру о героической борьбе революционной России со старой, самодержавной Россией.

8. Значение революционной борьбы и творчества А. И. Герцена для развития революционного движения в России огромно.

Герцен поднял знамя революции и повел борьбу с самодержавием и крепостничеством в тяжелые годы реакции после разгрома движения декабристов.

Герцен дал яркую и блестящую критику буржуазной Европы. Впервые в Европе зазвучало обличительное свободное слово новой, революционной России.

В России «Колокол» Герцена будил и звал тысячи людей на борьбу с самодержавием и крепостничеством. О месте и значении Герцена в истории русской политической мысли В. И. Ленин говорил: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной про-

поведью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции»¹.

§ 3. Н. П. Огарев

1. Большое значение в развитии революционно-демократической мысли в России имела деятельность одного из выдающихся идеологов крестьянской революции — Н. П. Огарева. По своему происхождению Николай Платонович Огарев (1813—1877) принадлежал к помещичье-барской среде. События 1812 года, патриотическая вольнолюбивая литература и восстание декабристов сыграли огромную роль в формировании мировоззрения как Герцена, так и Огарева.

Литературная деятельность Огарева имела большое значение в период подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года. Изжив либеральные колебания, Огарев, как и Герцен, встал на сторону крестьянской революции. Именно Огарев явился теоретиком «Колокола», наиболее подробно разработавшим основные вопросы крестьянской революции.

Лучшие публикации Вольной русской типографии в Лондоне, наиболее решительные выступления «Полярной Звезды» и «Колокола» против самодержавия, крепостничества, против грабительской реформы 1861 года были задуманы и претворены в жизнь Герценом совместно с Огаревым.

Дружба Герцена с Огаревым, имевшая своей основой совместную борьбу за революционное обновление России, продолжалась до самых последних дней жизни Герцена.

2. Творчество Огарева было посвящено защите интересов простого народа и прежде всего русского крестьянства.

В 40-х годах, находясь в России, Огарев внимательно изучал условия быта крестьянского населения и отмечал жестокую эксплуатацию крестьян помещиками.

В 1856 году Огарев начал публикацию во втором номере «Полярной Звезды» большой работы «Русские вопросы», посвященной проблемам отмены крепостного права в России.

Огарев утверждал, что освобождение должно быть проведено с обязательным наделением крестьян землей, и настаивал также на сохранении общинного землевладения, видя в нем залог и основу социалистического развития России.

Огарев хотя и указывал на то, что правомерно и необходимо отпустить крестьян на волю с землей без всякого ее выкупа, но, стараясь привлечь дворянство на сторону реформы, соглашался на выкуп как на вынужденную и крайнюю уступку помещикам.

Рескрипты царского правительства 1857 года о подготовке крестьянской реформы были встречены как Герценом, так и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

Огаревым положительно, хотя «Колокол» критиковал их содержание и указывал на дворянский состав губернских комитетов, которым было поручено разработать проекты освобождения крестьян «сверху».

В 1859 году Огарев начинает помещать в «Колоколе» статьи с резким разоблачением деятельности дворянских губернских комитетов. В статье «Письмо к автору» (1859) Огарев прямо заявляет, что комитеты хотят обмануть народ и что этот факт становится совершенно очевидным.

Как один из деятелей русского революционного движения, Огарев разработал ряд значительных по своему содержанию документов. В рукописи «Идеалы», составленной в 1859 году, формулируются цели тайного конспиративного общества в России и развиваются республиканские идеи.

В соответствии с программным требованием о предоставлении возможно большей самостоятельности местам Российская республика должна была представлять собой федерацию с единым центральным правительством.

Огарев отстаивал принцип выборности и подотчетности правительства народу.

Центральное правительство должно было состоять из выборных министров во главе с президентом, который выбирается министрами.

Органом законодательной власти должен был явиться Земский собор из посланцев от уездов, выбранных всем народом без различия сословий «для всеобщего нового устройства России». Земский собор должен был приступить к мероприятиям, сущность которых заключалась:

- 1) В немедленном уничтожении крепостного права.
- 2) В передаче крестьянским общинам земли, им принадлежащей, с установлением денежного вознаграждения помещикам из доходов государства без каких-либо дополнительных денежных повинностей, возложенных на крестьян.
- 3) Во введении равноправия и уничтожения всяких сословных различий.
- 4) В упразднении чиновничества и введении системы управления выборными из народа.
- 5) В учреждении новых народных судов.
- 6) В организации федерации с выборной общегосударственной земской думой¹.

Огарев подробно разработал план организации всероссийского тайного общества, которое должно было поставить своей ближайшей целью подготовку восстания против самодержавия.

Во главе тайного общества должен был находиться строго конспирированный руководящий революционный центр, опирающийся на ряд филиалов на местах и отделений за границей.

¹ См. «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 501.

Восстание против царизма должно было начаться одновременно во многих пунктах. Общество, имея агентов среди революционных офицеров, должно было взять командование над войсками и вести их со всех концов на Москву и Петербург, подымая повсюду народ на восстание.

В 1861 году, после проведения крепостнической по своему существу реформы, Огарев рвет с последними остатками своих колебаний в сторону либерализма. Он разоблачает со страниц «Колокола» грабительский характер реформы. В большой и обстоятельной статье «Разбор нового крепостного права» Огарев решительно становится на сторону крестьян, восставших в ряде мест после объявления обиравшего крестьян «Положения».

Из подробного разбора реформы, названной им «новым крепостным правом», Огарев делал ясный и отчетливый вывод: «народ царем обманут».

В 1862 году в статье «Что надо делать народу» Огарев доказывает необходимость довести дело освобождения до конца. Он говорит: «...Надо, чтобы воля была настоящая, а не то, что теперь — полукрепость, полукабала, надо, чтоб земля была не урезана и не продана, а отдана народу, потому что она не барская и не казенная, а народная, мирская, земская»¹. Огарев настаивает на полной ликвидации помещичьего землевладения и на разделе помещичьих земель между крестьянами.

Огарев много работал над созданием революционной организации «Земля и воля» и входил в ее центральный комитет.

3. В произведениях Огарева содержится критика современного ему буржуазного государства, разоблачение ограниченных результатов буржуазных революций в Англии и во Франции и эксплуататорского характера капиталистической «цивилизации».

Указывая на результаты английской буржуазной революции, Огарев отмечал, что буржуазия освятила законом лишь свободу собственности и приобретения.

Социальный же переворот должен иметь, подчеркивает Огарев, «экономическое содержание», подразумевая под этим коренное улучшение жизни трудящихся.

4. Национальный вопрос также получил освещение в трудах Огарева. Огарев выступал против идеализации славянофилами помещичьих порядков на Руси и их предложений сохранить «помещичий полицейский надзор» за крестьянами и после «освобождения». Он разоблачал их наигранный и фальшивый патриотизм.

Замечательны по своей глубине мысли Огарева о единстве интересов всех народов царской России в их общей борьбе с самодержавием.

Понимал Огарев и то обстоятельство, что польское восстание может привести к победе только при условии, если оно перерастет

¹ Н. П. Огарев, Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1, стр. 579—580.

в общероссийское крестьянское восстание. Для этого, по его мнению, необходимо, чтобы оно имело не только национальный, но и крестьянский характер.

Связывая вопрос об освобождении национальностей царской России с вопросом о социальном освобождении, Огарев проектировал создание ряда тайных обществ, организованных по национальному признаку и в то же время сплоченных вокруг русского народа. Польское, литовское, украинское и русское общества, указывал Огарев, должны представлять каждое одну из составных сил общего и действовать совместно.

Огарев верил в то, что революционная борьба русского народа в конечном счете принесет ему освобождение, хотя, подобно Герцену, не смог увидеть в пролетариате ту общественную силу, которая способна в союзе с крестьянством уничтожить мир угнетения и эксплуатации.

§ 4. В. Г. Белинский

1. Революционный демократ В и с с а р и о н Г р и г о р ь е в и ч Б е л и н с к и й (1811—1848) являлся центральной фигурой общественного движения в России 40-х годов.

Творчество Белинского было пропитано ненавистью к самодержавному произволу и крепостничеству.

Трудами В. Г. Белинского было основано критическое направление в русской литературе, которое, по определению Энгельса, стояло «...бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой»¹.

Деятельность Белинского протекала в невероятно тяжелой обстановке реакции.

Несмотря на жестокие преследования царизма, Белинский своим самоотверженным трудом содействовал развитию передовой русской литературы и расчистил путь революционно-демократическому направлению в области политической мысли в России.

Он много способствовал тому, чтобы поднять литературу в России до уровня политического обличения, раскрывающего до дна всю убогость и мерзость русской крепостнической действительности, и сделать литературную критику орудием политической борьбы.

Страстная и непримиримая натура борца, строгая принципиальность, моральная чистота — все эти качества в соединении с любовью к народу сделали из Белинского воспитателя ряда поколений революционеров России.

Царское правительство усматривало в Белинском не просто литературного критика, а прежде всего критика тех устоев, на которые оно опиралось.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 277.

2. В своих философских взглядах Белинский сумел значительно развить и укрепить материалистические традиции русской философии, заложенные трудами Ломоносова и Радищева.

На первом этапе развития своих философских взглядов, в 30-х годах, Белинский еще стоял на позициях идеализма. В это время он уповал на просвещение, нравственное совершенствование и отрицал значение политической борьбы. Ошибочно полагая в этот период своей деятельности, что абсолютизм еще не исчерпал своего прогрессивного значения, Белинский пытался найти примирение с действительностью.

В конце 1839 и начале 1840 гг. Белинский пересмотрел свои взгляды и стал на позиции материализма. Он преодолел к этому времени и систему социально-политических взглядов Гегеля, придя к твердому убеждению, что русское самодержавие и господство крепостников не могут быть оправданы никакими философскими построениями.

Белинский положил начало тому размежеванию двух лагерей — лагеря крепостников и либералов и лагеря революционеров-демократов, которое так резко обозначилось во время борьбы Чернышевского и Добролюбова за революционный путь развития России.

Вокруг Белинского сгруппировались в 40-х годах все силы революционной демократии, противостоявшие не только крепостникам, но и либералам (Боткину, Коршу, Кавелину и др.).

Белинский разоблачал буржуазных либералов за их прислужничество реакции, холопство перед царизмом.

Он внимательно следил за развитием современной ему философии как в России, так и на Западе. Позитивизм Огюста Конта был определен Белинским как идеализм чистейшей воды.

В 40-х годах XIX столетия в Россию начали проникать ранние работы Маркса и Энгельса. Из русских деятелей, знакомых с этими трудами, следует упомянуть прежде всего Анненкова, одно время находившегося в переписке с Марксом и Энгельсом и бывшего в тесном общении с Белинским. Известное письмо Маркса Анненкову с изложением материалистического понимания истории оживленно обсуждалось последним с его друзьями.

Белинского не мог не привлекать революционный дух трудов молодого Маркса. Ему были известны «Критика гегелевской философии права» и некоторые другие ранние произведения Маркса.

Будучи, как все мыслители до Маркса, идеалистом в объяснении исторического развития, Белинский, однако, поднялся до правильного понимания и оценки отдельных исторических событий. Для него, как и для Герцена, характерно представление о закономерности и прогрессивности исторического процесса.

История является, по Белинскому, одной из величайших наук, охватывающей все стороны жизни человечества в прошлом и указывающей ему дорогу в будущее. Он высказал ряд замечательных

положений о связи, существующей между материальными условиями жизни и духовной жизнью людей.

Мысли Белинского о движущих силах истории, о значении материального производства для духовной жизни, о связи между старым и новым, о непрерывности прогрессивного развития истории, моменты диалектики в объяснении отдельных исторических событий и фактов показывают, как близко подошел он к материалистическому пониманию отдельных вопросов истории.

3. Основным для Белинского был вопрос об освобождении крестьян от помещиков, причем разрешение его он видел в крестьянской революции. Величие работ Белинского заключалось именно в том, что в условиях николаевской России он был ярким выразителем чаяний крепостного крестьянства, ибо призывал к революции, которая должна была покончить с крепостным правом в России.

Демократизм и любовь к народу пропитывают каждую строку произведений Белинского.

Наиболее полно свой взгляд на современную ему Россию Белинский выразил в «Письме к Гоголю» (1847). Белинский необычайно высоко ценил творчество Гоголя, который дал в своих произведениях потрясающую картину самодержавного гнета, царства чиновников, бездушных крепостников-помещиков и вдохновенно воспел труд, борьбу русского и украинского народов за свободу. Тем с большей страстью критиковал Белинский последние произведения Гоголя, в которых писатель, поддавшись влиянию религиозно-мистических идей, проповедовал взгляды, шедшие вразрез с лучшими образцами его реалистического творчества. В «Письме к Гоголю» Белинский обрушился на самодержавие и церковь, являвшуюся верной помощницей царизма. Россия, писал Белинский, «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»¹.

Центральным местом этого замечательного письма является требование Белинского разрешить «самые живые, современные национальные вопросы в России», которыми, по его мнению, являются: «уничтожение крепостного права, отмена телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть».

В. И. Ленин называл письмо Белинского к Гоголю «...одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»²

¹ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. II, Госполитиздат, 1948, стр. 514.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 223—224.

Будучи идеологом крестьянской революции, Белинский положил начало тому радикальному, революционному направлению, которое выдвигало программу отмены крепостного права и свержения самодержавия путем народной революции.

Не имея возможности открыто пропагандировать революцию в печати, Белинский высказывает идеи вооруженного восстания в переписке с друзьями.

В руки николаевских цензоров из всей переписки Белинского попало лишь «Письмо к Гоголю», но и этого было достаточно, чтобы произвести его автора посмертно в государственные преступники.

4. Белинский подверг острой критике современный ему общественный строй не только царской России, но и буржуазной Европы. Он внимательно следил за событиями в Европе и понимал истинную цену буржуазной демократии.

В рецензии на роман известного французского писателя Эжена Сю «Парижские тайны», привлекавшего также внимание Маркса и Энгельса, он с позиций революционного демократизма дает острую критику буржуазного общества.

«Конституционно-мещанская гражданственность», как именует Белинский буржуазный общественно-политический строй, показана им в этой рецензии во всем убожестве ее формального «равенства». «Французский пролетарий перед законом равен с самым богатым собственником (progrétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату... Хорошо равенство!»¹.

Разоблачая лицемерие буржуазного парламентаризма, Белинский указывал на покупку «душ» на «свободных парламентских выборах».

Ненависть к несправедливости буржуазного строя и понимание формального характера буржуазных свобод позволили Белинскому подняться до осуждения буржуазного государства в целом.

«...Я сказал,— заключает он,— что не годится государству быть в руках капиталистов, а теперь прибавлю: горе государству, которое в руках капиталистов. Это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов — далее этого они ничего не видят»².

Критикуя буржуазию и установленный ею порядок эксплуатации, лицемерно прикрытой формами парламентской республики. Белинский в то же время отдавал себе отчет в том, какое место занимает буржуазный этап в историческом развитии. «Я понимаю,—

¹ В. Г. Б е л и н с к и й, Собрание сочинений в трех томах, т. 2, М., 1948, стр. 630—631.

² В. Г. Б е л и н с к и й, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 547.

пишет он, — что буржуазия явление не случайное, а вызванное историей, что она явилась не вчера, словно гриб выросла, и что, наконец, она имела свое великое прошедшее, свою блестящую историю, оказала человечеству величайшие услуги... Теперь она сознательно ассервировала народ голодом и капиталом, но ведь теперь она — буржуазия не борющаяся, а торжествующая»¹.

Миру капиталистов, захвативших в свои руки государственную власть, утративших чувство чести, достоинство и патриотизм, Белинский противопоставляет народ, подразумевая под ним трудящихся. Именно народу, полагал Белинский, принадлежит будущее, «потому что в народе есть вера, есть энтузиазм, есть сила нравственности»².

В отличие от Герцена Белинский не отрицал неизбежности капиталистического пути развития для России, но вместе с тем он отдавал себе отчет в том, что буржуазный этап развития является проходящим.

Современную ему буржуазию, торжествовавшую победу в Западной Европе, он считает классом, изжившим себя, мешающим дальнейшему общественному развитию.

5. В результате длительных поисков правильной теории Белинский становится убежденным сторонником социализма. «...Настанет время, — высказывает он свою мечту об обществе будущего, — когда никого не будут жечь, никому не будут рубить головы... Не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди...»³. Социализм, по мнению Белинского, может победить только в результате революции народных масс.

Мечтая о социалистическом обществе, об обществе без эксплуатации и имущественного неравенства, Белинский не мог видеть в то время в крепостнической России в лице пролетариата реальной силы, способной уничтожить царство насилия и несправия, и не мог научно обосновать учение о социалистическом обществе. Но уже то, что он пришел к мысли о неизбежности социализма и революционного пути к нему, что он отверг не только полицейско-самодержавное государство, но и буржуазный строй, было крупнейшим достижением русской революционно-демократической мысли.

6. Белинский, так же как и Герцен, дал образец демократически-революционного подхода к решению национального вопроса в России.

Белинский защищал мысль о значении каждой национальной культуры, мысль о том, что продвижение вперед по пути прогресса неразрывно связано с укреплением, а не отрицанием культуры каждой нации.

¹ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 546—547.

² В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. 2, стр. 633.

³ В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. I, стр. 590—591.

Общечеловеческое для Белинского всегда было заключено в национальную форму и выражено наиболее ярко только как национальное.

«Человеческое присуще человеку потому, что он человек, но оно проявляется в нем не иначе, как, во-первых, на основании его собственной личности и в той мере, в какой она может его вместить в себе, а во-вторых, на основании его национальности»¹.

Белинский выступал против космополитизма буржуазных либералов, порожденного раболепием перед капиталистическим Западом и барским презрением к собственному народу.

Изобличая буржуа-торгаша как космополита, для которого нет отечества, нет родины, Белинский показал, что отсутствие чувства национальной гордости и достоинства присуще именно буржуазии и что космополитизм есть поэтому идеология буржуазии.

Белинский был страстным патриотом и верил в неисчерпаемые силы русского народа, который, по его мнению, разобьет цепи рабства, свергнет самодержавие и крепостничество, построит новую и свободную социалистическую Россию.

«Завидуем внукам и правнукам нашим,— писал Белинский,— которым суждено видеть Россию в 1940-м году,— стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества»².

§ 5. Политические и правовые взгляды Н. Г. Чернышевского

1. Творчество великого писателя и революционного демократа Николая Гавриловича Чернышевского (1828—1889), выступившего защитником русского крестьянства, укрепило материалистические традиции русской философии и подняло на новую, более высокую ступень русскую революционно-демократическую мысль.

Чернышевский выступил как идейный вождь разночинского этапа русской революции и организатор борьбы передовых людей России против самодержавия в период острых классовых столкновений крестьян с помещиками.

Творчество Чернышевского, который ближе других социалистов-утопистов подошел к научному социализму, явилось закономерным отражением русской исторической действительности 60-х годов.

Революционные демократы России группировались вокруг Чернышевского. Со страниц журнала «Современник», редактировавшегося Чернышевским, пропагандировались идеи крестьянской революции, в нем разоблачался буржуазный либерализм.

¹ В. Г. Белинский, Собрание сочинений в трех томах, т. 3, стр. 662.

² В. Г. Белинский, Избранные философские сочинения, т. 1, стр. 51.

В 1861 году Чернышевским была написана замечательная прокламация к крестьянам под заголовком «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», в которой простым народным языком объяснялась грабительская сущность реформы.

В период подготовки крестьянской реформы и революционной ситуации 1859—1861 гг. Чернышевский вел активную подпольную работу по созданию всероссийской революционной организации, имевшей самые тесные связи с революционными организациями Польши, Украины, Литвы, Армении, а также с революционными организациями в армии.

Когда «Колокол» Герцена напечатал статьи, в которых проявились колебания Герцена в сторону либерализма, то Чернышевский конспиративно посетил в Лондоне (1859) редакцию «Колокола» с тем, чтобы установить общую линию революционной борьбы с царизмом.

Царизм боялся и ненавидел великого революционного ученого как наиболее яркого и талантливое представителя молодой демократической России и поэтому расправился с ним. Чернышевский был заключен в Петропавловскую крепость, а в феврале 1864 года был осужден на 7 лет каторжных работ (первоначально — 14) с последующей пожизненной ссылкой на поселение в Сибирь. Великий революционный демократ 19 лет пробыл в заключении и в ссылке.

Несмотря на жестокие лишения и страдания, Чернышевский не пал духом и остался непреклонным борцом с самодержавием.

В период заключения в страшнейшей царской тюрьме—Алексеевском рavelине Петропавловской крепости—Чернышевский создал известный роман «Что делать?». Находясь на каторге в Сибири, Чернышевский написал роман «Пролог», в котором ярко изложил свои революционно-демократические убеждения.

Расправа самодержавия с величайшим революционным мыслителем России вызвала негодование Маркса и Энгельса. Энгельс, говоря о Чернышевском, называет его мыслителем, «...которому Россия обязана бесконечно многим и чье медленное убийство долголетней ссылкой ...навечно останется позорным пятном на памяти Александра II «Освободителя»»¹.

2. Вопрос о свержении самодержавия и отмене крепостного права в России революционным путем являлся для Чернышевского основным.

Его труды содержат критику феодальной монархии и проявлений крепостничества в экономической, социальной и юридической областях, разоблачение буржуазного либерализма, развенчание и критику всех видов и разновидностей идеализма и религии — этих верных союзников самодержавия.

¹ «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», Госполитиздат, 1951, стр. 286.

По мнению Чернышевского, монархия, прикрывающая господство помещиков-крепостников, является отжившей и устарелой формой государства, обреченной на гибель.

Назвав из цензурных соображений российское самодержавие «азиатством», Чернышевский вслед за Белинским рисует картину полицейско-самодержавного разгула, свирепствовавшего в его время в России.

Крепостное право, по Чернышевскому, являлось одним из основных источников отсталости России, «ослабляющих народную энергию». В то же время Чернышевский подчеркивает, что, кроме крепостного права, существует много причин, «подавляющих энергию труда в русском народе». Намеренное подавление царским правительством стремления народа к образованию, система управления, при которой беззаконие доставляет доход чиновнику, безответственность всей корпорации чиновников перед обществом и беззащитность самих чиновников перед сильнейшим и начальством — все это, писал Чернышевский, ведет к подавлению нравственной энергии в народе. Упадок нравственных сил народа соединяется со страшной бедностью народных масс.

Крепостное право, поясняет Чернышевский, ведет к произволу и в области судопроизводства. «...Спросите какого угодно дельного чиновника, он скажет вам, что удовлетворительные формы ведения процессов гражданских и уголовных были невозможны при крепостном праве»¹.

Чернышевский подчеркивал необходимость коренной перестройки всей общественной жизни России путем революционного уничтожения крепостничества.

В статьях, посвященных крестьянскому вопросу в России². Чернышевский выступает как борец за крестьянскую революцию. Он был глубоко убежден в том, что освобождение крестьянам может принести только революция.

Деятельность Чернышевского в период проведения реформы 1861 года заслужила высокую оценку В. И. Ленина, особо подчеркнувшего те места из произведений писателя, «...которые рельефнее показывают глубокое и превосходное понимание Чернышевским современной ему действительности, понимание того, что такое крестьянские платежи, понимание антагонистичности русских общественных классов»³. Ленин отметил, что Чернышевский ясно видел, что от царя и помещиков нельзя ожидать действительно удовлетворительной реформы. «Нужна была именно гениальность Чернышевского, чтобы тогда, в эпоху самого совершения крестьянской реформы (когда

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. V, стр. 708—709.

² См. Н. Г. Чернышевский, «О поземельной собственности» (1857), «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), «О новых условиях сельского быта» (1858), «Устройство быта помещичьих крестьян» (1858), «Леность грубого простонародья» (1859) и др.

³ В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 263.

еще не была достаточно освещена она даже на Западе), понимать с такой ясностью ее основной буржуазный характер, — чтобы понимать, что уже тогда в русском «обществе» и «государстве» царили и правили общественные классы, бесповоротно враждебные трудящемуся и безусловно предопределявшие разорение и экспроприацию крестьянства»¹.

Зная, что царь и помещики обманут ожидания народа, Чернышевский в период подготовки реформы давал убийственную характеристику мероприятиям царя по подготовке реформы:

*«Кто кроме глупца может хлопотать о сохранении собственности в известных руках, не удостоверившись предварительно, что собственность достанется в эти руки и достанется на выгодных условиях?... Лучше пропадай все дело, которое приносит вам только разорение!»*².

Глубокую и верную оценку сущности реформы 1861 года дают написанные Чернышевским в 1862 году «Письма без адреса», высоко оцененные Марксом³.

Как истинный революционер, Чернышевский разоблачает в своих произведениях не только крепостников, но и либералов, искавших сговора с царизмом за счет крестьянства. «Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *«болтунами, хвастунами и дурачьем»*, ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед властью имущими»⁴.

Программа самого Чернышевского в крестьянском вопросе была выражена им словами одного из героев романа «Пролог»: «*Вся земля мужицкая и выкупа никакого. Убирайся, помещики, пока живы»*⁵.

Революционность и действенность произведений Чернышевского живо ощущалась современниками. Его отлично понимали борцы за освобождение народа, читая между строк его произведений революционное отрицание самодержавной власти в России.

3. Чернышевский был крупнейшим представителем русской материалистической философии XIX века и наиболее выдающимся философом-материалистом домарковского периода.

Философия была для Чернышевского прежде всего философией жизни, философией борьбы и революционного дела. Его материализм являлся фундаментом и основанием реальной программы борьбы против самодержавно-крепостнического строя.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 263.

² Там же, стр. 262—263.

³ См. «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, 1948, стр. 3—20. Предназначенные для «Современника» «Письма без адреса» при непосредственном содействии Маркса были напечатаны в 1874 году в Цюрихе (поскольку они не были пропущены царской цензурой). В этом произведении Чернышевский разоблачал крепостнический характер крестьянской реформы 1861 года.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

⁵ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XII, стр. 202.

В своих философских сочинениях Чернышевский вскрывал реакционный характер идеализма и поповщины. Чернышевский ясно видел и отлично сознавал, что все разновидности идеализма служат закабалению и одурманиванию трудящихся масс.

По определению В. И. Ленина, «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹.

В развитии материалистической философии в России, в критике самодержавия и крепостного права, в разоблачении буржуазного либерализма Чернышевский значительно продвинулся вперед по сравнению с Герценом и Белинским.

Развивая русскую материалистическую философию в обстановке революционной ситуации 1859—1861 гг., гениальный русский мыслитель исходил из революционной программы и материализма Герцена и Белинского. Внимательно и критически изучал он вместе с этим и произведения современных ему западноевропейских философов и политических мыслителей, из которых он особо выделял Фейербаха. Отдавая должное Фейербаху как одному из выдающихся философов материализма, Чернышевский пошел дальше Фейербаха, утверждая связь теории с политической борьбой. В отличие от Фейербаха Чернышевский близко подходил к пониманию того, что философия призвана не только объяснить мир, но и указать пути к его изменению.

Отзываясь о диалектике Гегеля как о «гениальной» и «изумительно сильной», Чернышевский в то же время критикует систему Гегеля, отмечая уозсть его политических взглядов, оправдывающих прусскую монархию.

Чернышевский критиковал Канта с позиций последовательного материализма. Говоря о критике Чернышевским кантианства, Ленин указывает: «...Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение «вещи в себе», а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника...»².

Чернышевский показывает зависимость взглядов философов от их общественного положения.

«Политические теории,— писал он,— да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 14, стр. 346.

² Там же, стр. 345.

того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, борющихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ... Гоббс был абсолютист, Локк был виг, Мильтон — республиканец, Монтескье — либерал в английском вкусе...»¹. Эти положения о партийности идеологии придавали философским взглядам Чернышевского боевой, наступательный характер.

Философские взгляды Чернышевского всецело подчинены делу освобождения «простолюдинов» от гнета, эксплуатации и насилия. В период, когда в России 60-х годов в официальной науке усердно защищалось самодержавие, господствовали идеалистические теории, стремившиеся к тому, чтобы оторвать науку от вопросов общественной жизни и практики, он выступил с тезисами о необходимости разрешения основных вопросов философии с позиций материализма.

В своих взглядах на исторический процесс Чернышевский сделал также значительный шаг вперед по сравнению с Герценом и Белинским. Как отмечал В. И. Ленин, во взглядах Чернышевского можно усмотреть зачаток исторического материализма.

Характеристики классово-борьбы при рабовладении, феодализме и буржуазном строе и степени угнетения трудящихся господствующими классами (на отдельных этапах исторического процесса), в произведениях Чернышевского свидетельствуют о том, что он приближался к понятию общественно-экономической формации.

Чернышевский подошел к правильному пониманию решающей роли в истории народных масс, которые «своими руками производят все национальное богатство», и рассматривал весь ход исторического процесса как историю борьбы народных масс за свое освобождение.

Деятельность выдающихся людей Чернышевский считал полезной только в том случае, если их действия способствуют разрешению назревших задач и совпадают с прогрессивным ходом истории.

Чернышевский весьма близко подошел к пониманию того, что в основе исторического процесса лежит развитие материальных условий жизни общества.

Чернышевский признавал наличие классово-борьбы как движущей силы общественной жизни. Движение истории, указывал он, неизбежно приведет к раскрепощению народных масс от каких бы то ни было форм эксплуатации. Поэтому, подобно тому, как ликвидирована была «феодально-аристократическая система», так и капитализм со временем неизбежно должен будет уступить свое место социализму.

Чернышевский высоко оценивал опыт революционной борьбы западноевропейских рабочих. Неудача восстания парижского про-

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, стр. 163—164.

летариата в июне 1848 года не помешала Чернышевскому высоко и положительно оценить самый факт восстания, и он заклеил попытку мелкобуржуазных социалистов совлечь «простолюды» Парижа с пути прямой революционной борьбы.

Чернышевский считал, что историческое развитие совершается революционным путем и ломка старого, как правило, сопровождается насильственным переворотом, в ходе которого уничтожаются старые политические учреждения и утверждаются новые. «История движется медленно, но все-таки почти все свое движение производит скачок за скачком»¹, — писал Чернышевский, подразумевая под скачками революционное преобразование общества. Хотя путь прогресса в развитии общества тяжел и не представляет собой прямолинейного движения вперед, но вместе с тем отрицать непрерывность прогресса, по его мнению, так же нелепо, как отвергать силу тяготения.

Чернышевский приблизился вплотную к правильному пониманию хода истории, но все же оставался под влиянием идеалистических взглядов на общественно-исторический процесс. Движущей силой истории Чернышевский считал рост научных знаний и распространение просвещения: «История все-таки свидетельствует, что знание, — основная сила, которой подчинены и политика, и промышленность, и все остальное в человеческой жизни»². Таким образом, можно сказать, что если по своим философским воззрениям Чернышевский был убежденным материалистом, то в области истории над ним еще довлеют идеалистические представления.

4. Глубина мировоззрения Чернышевского сказывалась в оценке им исторической роли буржуазного общества и в той критике, которой он подверг капитализм.

Критика капитализма, данная в произведениях Чернышевского, показывает, что он приблизился к правильному пониманию антинародного характера государственной власти, созданной буржуазией.

Буржуазный либерализм был ненавистен Чернышевскому и беспощадно им разоблачался. «Не люблю я этих господ, — писал он, — которые говорят свобода, свобода, — и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором $\frac{9}{10}$ народа — рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»³.

Критика капитализма Чернышевским имела свои слабые стороны. Подчеркивая роль широких народных масс в истории, Чернышевский не в состоянии был выделить из угнетаемой массы рабочий

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 13.

² Там же, т. IV, стр. 6.

³ Там же, т. I, стр. 110.

класс как революционный класс, несущий освобождение всем угнетенным. Он не смог также раскрыть объективный экономический закон прибавочной стоимости, что было сделано только Марксом.

Чернышевский не смог дать исчерпывающей и всесторонней критики капитализма и буржуазного государства. Подлинную научную критику всех сторон как экономического строя (базиса) капиталистического общества, так и его надстройки впервые дали в своих произведениях К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

5. Взгляды Чернышевского на государство и право тесно связаны с его воззрениями на исторический процесс. Для Чернышевского характерен исторический, конкретный подход к объяснению таких явлений, как государство и право.

По мнению Чернышевского, государство — категория историческая. Все народы прошли прежде всего стадию безгосударственного состояния.

Первой ступенью к образованию государственности Чернышевский считает переход от отдельных кочевых общин к их союзам между собой и образованию племенных организаций. «От кочевого состояния, — подчеркивает он, — ведет начало связь земли с племенами и впоследствии с государственными правами»¹.

«Мало-помалу, — пишет он, — мелкие племена сливаются и сливаются, так что наконец исчезают в административном смысле в громадных государствах, каковы, например, Франция, Австрия, Пруссия и т. д. Административный характер обществ на этой ступени развития — бюрократия, составляющая полнейший контраст первобытному племенному быту... Всем заведуют особенные люди, называющиеся чиновниками и полицейскими, по своему происхождению и личным отношениям не имеющие связи с населением округа»².

Решая вопрос о происхождении государства, Чернышевский исходит из учения о естественных, врожденных склонностях абстрактно взятого человека.

В своем объяснении происхождения государства Чернышевский не вскрывал сущности явлений, так как не подчеркивал связи между происхождением государства и фактом раскола общества на непримиримо враждебные друг другу классы, появлением частной собственности.

Развитие цивилизации, по мнению Чернышевского, приводит к слиянию племен и образованию наций. В соответствии с этим положением Чернышевский дает чисто идеалистическое определение государства: «Все люди, составляющие нацию, рассматриваемые как одно целое, называются государством»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. II, стр. 573.

² Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 467.

³ Там же, стр. 617.

Определение государства, даваемое Чернышевским, направлено против гегельянской трактовки государства как действительности нравственной идеи. Утверждая, что в с е люди, составляющие нацию и рассматриваемые как одно целое, называются государством, Чернышевский подчеркивает необходимость предоставления прав и свобод всем гражданам.

6. Не преодолев идеалистические концепции в объяснении п р о с х о ж д е н и я государства и права, Чернышевский близко подходит к научному пониманию вопроса о с у щ н о с т и государства и права. Связь экономической стороны жизни общества с государством и правом для него — факт очевидный и бесспорный.

Государство, подчеркивает Чернышевский, является организацией, вся деятельность которой теснейшим образом связана с материальными сторонами жизни общества. «...Каждое действие государственной власти, к какой бы сфере ни относилось оно прямым образом, к военной или дипломатической, к полицейской или судебной, непременно производит соответствующую перемену в экономических отношениях, непременно сопровождается передачей известной массы дохода и, следовательно, капитала из рук одних частных людей в руки других частных людей...»¹.

Рассматривая конкретные формы современных ему государств, Чернышевский приближается к правильному пониманию классовой природы государственной власти.

В произведениях Чернышевского, посвященных критике феодального государства, опровергнуты лживые теории надклассовости абсолютизма и раскрыта его сущность как классового господства дворян-помещиков. Механизм государства периода абсолютизма показан Чернышевским как разветвленная военно-полицейская машина, во главе которой стоит монарх, окруженный бесчестной и алчной толпой царедворцев.

Уничтожающая характеристика абсолютной монархии в Австрии и Пруссии, разоблачение политики Луи-Наполеона во Франции подвели читателя вплотную к разоблачению русского самодержавия. Чернышевский обрушился на буржуазно-помещичье либерала Чичерина, оспаривая выдвинутое им положение о надклассовости монархии и указывая, что абсолютные короли отнюдь не расположены к уничтожению сословных привилегий. В своих произведениях Чернышевский вскрывает антинародную сущность абсолютизма. Он показывает, что при абсолютизме все подати лежат на «простолюдинах» и почти вся масса «простолудинов» обязана сверх того личными повинностями дворянству. Одни дворяне имеют значение, и только они одни пользуются покровительством государственной власти.

Чернышевский показывает, что в условиях царизма не может идти речь о повышении материального благосостояния народных масс и поднятии их культуры. Невежество, нищета и темнота

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 586.

народных масс выгодны для царя и помещиков, так как обуславливают низкий уровень политического сознания народа.

Острой критике подверг Чернышевский и современное ему буржуазное государство.

Чернышевский подвергает основательной критике деятельность буржуазных политических партий от «демократов» до открытых защитников монархии.

Разоблачая буржуазные партии, Чернышевский указывает, что искушенные в политике вожди этих партий вначале используют народ как грозную силу против феодалов — своих политических противников, а затем обманывают ожидания народных масс.

Чернышевский совершенно ясно выражает мысль о бесполезности наделения народа правами при отсутствии материальных гарантий, дающих возможность реализации полученных прав.

Подходя к пониманию связи между экономикой общества и государством и правом, Чернышевский выдвигает положение о том, что целью и задачей разумного законодательства, отвечающего интересам народа, должно явиться устранение социальных причин, которые порождают высокую смертность, эпидемии, нищету и преступность.

Мысль о необходимости революционного свержения капиталистического строя на Западе и самодержавно-крепостнического строя в России соединялась у Чернышевского с убеждением в возможности создания государства трудящихся.

В работе «Экономическая деятельность и законодательство» Чернышевский обрушился на модную тогда теорию «невмешательства» государства в отношения между трудом и капиталом, за которую яростно ратовали буржуазные либералы, защищая «свободу» частной собственности и промышленной инициативы, то есть свободу ничем не ограниченного грабежа рабочих капиталистами. Государство, поясняет Чернышевский, должно стремиться к тому, чтобы равномерно распределять выгоды общественной жизни между членами общества. Новое законодательство, по мнению Чернышевского, должно способствовать разрушению еще существующих средневековых учреждений, которые находятся в нелепом противоречии с современными потребностями.

К естественным и разумным потребностям человека, которые обязано удовлетворить государство, Чернышевский относил: 1) неотъемлемые потребности человека, куда относится потребность в чистом, теплом, просторном жилище; потребность в пище, теплой одежде и «удовлетворении любознательности» (то есть право на образование) и 2) потребности, вызванные необходимостью уничтожения противоестественных условий существования, то есть эксплуатации и нищеты.

Удовлетворение этих потребностей государство, по Чернышевскому, должно непременно гарантировать каждому члену общества, причем гарантировать не только юридически, путем декларации, но и на деле.

Ссылаясь на естественные и неотъемлемые права человека, Чернышевский защищал ограбленное помещиками русское крепостное крестьянство и пролетариат Запада, обреченный торжествующей буржуазией на полуголодное и нищенское существование. Государство, подчеркивал Чернышевский, должно направлять все свои силы на уничтожение «противоестественных условий жизни».

Высказывания Чернышевского о том, чем должно заниматься государство и каким путем государственная власть должна защищать интересы народа, относятся к тому будущему государству трудящихся, которое будет организовано после победы народной революции, когда государственная власть перейдет в руки народа.

Убеждение в неотвратимости прогрессивного хода истории укрепило Чернышевского в мысли о неизбежной победе народных масс над своими эксплуататорами путем революции и построения нового общества свободного труда без эксплуатации; «...надежда на такое время, — поясняет он, — простой арифметический расчет»¹.

7. Разработку вопросов о контурах нового, социалистического общества Чернышевский считал одной из важнейших задач. Необходимость познания исторического пути движения общества к социализму Чернышевский поясняет следующим сравнением: «Отплыть из Англии в Америку пароход; он не делает своего пути ни в один день, ни в два дня, но ведь с первой же минуты надобно капитану знать и помнить, куда должен приплыть пароход»².

Чернышевский был отлично знаком с историей развития идей утопического социализма, защищал основные его идеи от нападок идеологов буржуазии, но критиковал многие из слабых сторон учения утопистов.

Непримиримое отношение обнаруживает Чернышевский к творчеству эпигонов утопического социализма, выступивших с теориями мирного «обновления» капитализма.

Луи Блана Чернышевский справедливо ставил ниже великих социалистов-утопистов Запада — Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Отмечает он сбивчивость и неопределенность понятий у Прудона — представителя мелкобуржуазного социализма и анархизма.

Однако сам Чернышевский не мог выйти за пределы утопического социализма. Чернышевский, указывает В. И. Ленин, «...не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма»³.

Чернышевский усматривал революционную силу в «простолюдинах», под которыми подразумевал всю массу трудящихся, не выделяя из нее рабочего класса.

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 598.

² Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. III, ч. 2, стр. 656.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

Социалистическое общество будет, по мнению Чернышевского, состоять из федерации товариществ, организованных в виде крупных производственных единиц с количеством участников от 1500 до 2000. Они вступают между собой в договорные отношения, образуя в целом единый хозяйственный и политический коллектив. Товарищества есть единственная форма, при которой, в представлении Чернышевского, возможно удовлетворение стремления трудящихся к самостоятельности. Поэтому, подчеркивает Чернышевский, производство должно иметь форму товарищества трудящихся.

При кооперативной форме производства, организованной в виде товарищества, по мнению Чернышевского, невозможны ни перепроизводство, ни кризисы.

Производительность труда при социализме, по Чернышевскому, вырастет настолько, что какого благосостояния ни ожидал бы народ от формы товарищества между трудящимися, он «не в силах вообразить себе ничего равного высокому благосостоянию, которое произведет она в действительности»¹.

Программа кооперативного производства в сельском хозяйстве, основанного на машинной технике, показывает, как далеко ушел Чернышевский вперед от утопического социализма Герцена и от мелкобуржуазного социализма, считавшего патриархальное хозяйство и ремесло экономической базой нового общества.

Чернышевский защищал положение о том, что создателем и руководителем социалистического общества может быть только народ. Только работник должен быть хозяином производства, заявлял Чернышевский.

Близко подошел Чернышевский и к пониманию различия между социализмом и коммунизмом.

Наступление коммунистического общества Чернышевский прямо связывает с временем, когда человек вполне подчинит себе внешнюю природу.

Тогда-то, объясняет Чернышевский, «возникнут для общественной жизни совершенно иные условия, и, между прочим, прекратится нужда в существовании законов для экономической деятельности»².

Чернышевский любовно и проникновенно рисует в своем романе «Что делать?» картины жизни свободных людей при коммунизме. «Тайны будущего» откроются новому поколению счастливых и свободных людей. Все будет принадлежать трудящимся, и сама природа будет изменяться, покоренная людьми. Большинство трудовых процессов в новом обществе будет осуществляться не людьми, а машинами: «...почти все делают за них машины,— и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их,— люди почти только ходят, ездят, управляют машинами»³.

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 749—750.

² Н. Г. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. II, стр. 170.

³ Н. Г. Чернышевский, Что делать?, Госполитиздат, 1947, стр. 278.

Показывая счастливую жизнь свободных людей в коммунистическом обществе, где нет ни эксплуатации, ни угнетения, Чернышевский связывает появление такого общества с революционной борьбой широких народных масс, которая непременно сокрушит самодержавие и крепостничество и выведет Россию на широкий путь социалистических преобразований.

Однако Чернышевский считал возможным переход России к социализму, минуя капиталистический путь развития. «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодалную, крестьянскую общину...»¹.

В учении Чернышевского о социализме слились воедино его революционный демократизм и утопический социализм. Из всех социалистов до Маркса и Энгельса Чернышевский ближе всех подошел к научному социализму.

8. Творчество Чернышевского глубоко патриотично и пронизано любовью к русскому народу. «Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями — спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы... и другого ига — французов и Наполеона... Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую; выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни — науке... Содействовать славе, не преходящей, а вечной, своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого»². Патриотизм и любовь к русскому народу сочетались у Чернышевского с интернационализмом и уважением к культуре каждой нации.

Теория «неисторичности» и «неполноценности» отдельных народов, а также расовые теории, начавшие распространяться в середине XIX века, подверглись жестокой критике Чернышевского.

В противовес рассуждениям буржуазных расистов об извечных и врожденных качествах того или иного народа Чернышевский защищал научное положение о единстве человеческой природы.

Чернышевский критикует известное положение буржуазных ученых о «биологической ограниченности» отдельных национальностей. Утверждая способность каждого народа, хотя бы и повергнутого колонизаторами в бездну одичания и вырождения, к восприятию культуры и совершенствованию, Чернышевский указывает, что отдельные народы отличаются друг от друга исключительно вследствие различия их исторической судьбы.

«Рабовладельцы были люди белой расы, невольники — негры; потому защита рабства в ученых трактатах приняла форму теории

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 97.

² Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. XIV, стр. 48.

о коренном различии между разными расами людей»¹, — объясняет Чернышевский распространение расовых теорий.

В качестве фактора, обуславливающего наличие устойчивых различий между народами по живости и силе умственных способностей, Чернышевский на первое место выдвигает условия исторической жизни.

Подчеркивая, что различия по языку имеют громадную важность в практической жизни, и положительно относясь к тому факту, что «каждый из народов Западной Европы имеет особый язык и особый национальный патриотизм»², Чернышевский отмечает единство интересов представителей «сословных и профессиональных отделов» в рамках каждой нации.

Чернышевский справедливо усматривал в нации наличие разнородных групп с различными сословно-классовыми интересами и решительно протестовал против спекуляции общим понятием «народ», характерной для буржуазных ученых, которые под этим понятием стремятся скрыть факт классового расслоения общества.

Борясь против расовых теорий и отстаивая принцип уважения к суверенитету и независимости каждой нации, Чернышевский в ряде своих произведений клеймит хищнические, агрессивные войны и политику насильственного закабаления народов Востока капиталистическими странами. «Некоторые из ученых, — говорит он, — стыдящиеся требовать насилий над жизнью своего народа, не считают постыдным говорить, что правительство цивилизованной нации имеет обязанность принимать насильственные меры для улучшения обычаев подвластных ему нецивилизованных иноплемеников»³.

Указывая на то, что власть над чужими землями приобретает и поддерживается военной силой, Чернышевский осуждает агрессивные, захватнические войны.

«Человеку трудящемуся, — объясняет Чернышевский, — разорительна всякая война; полезна для него только та война, которая ведется для отражения врагов от пределов отечества»⁴.

Войны, которые велись современными ему европейскими правительствами, по мнению Чернышевского, не имеют ничего общего с интересами народов.

Прекращение несправедливых и захватнических войн Чернышевский связывает с вопросом о приходе трудящихся к власти.

Чернышевский отрицал не всякую войну вообще, а именно войну несправедливую, захватническую. «Пагубна или благотворна война?.. Вообще, нельзя отвечать на это решительным образом;

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. III, стр. 559.

² Там же, стр. 611.

³ Там же, стр. 629.

⁴ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. II, стр. 198.

надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места... Например, война 1812 года была спасительна для русского народа; марафонская битва была благодетельнейшим событием в истории человечества»¹.

Великому патриоту русского народа Чернышевскому было чуждо какое-либо пренебрежительное отношение к культуре других народов. Патриотизм Чернышевского соединялся с его убеждением в праве каждой нации на независимое существование. Разоблачение Чернышевским различных космополитических теорий сочеталось в его трудах с разоблачением буржуазного национализма.

Идея революционной борьбы за светлое будущее России и всего человечества пронизывает все творчество Чернышевского: его патриотизм был неотделим от этой борьбы.

Деятельность Чернышевского была высоко оценена В. И. Лениным. «...Чернышевский, развивший вслед за Герценом народнические взгляды,— писал В. И. Ленин,— сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классовой борьбы. Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, которая доньше ненавистна кадетам и ликвидаторам. Он был замечательно глубоким критиком капитализма несмотря на свой утопический социализм»².

Имя Чернышевского по праву занимает одно из выдающихся мест в ряду имен лучших представителей революционной демократии русского народа.

§ 6. Политические и правовые взгляды Н. А. Добролюбова

1. Крупнейшим революционным демократом 60-х годов и видным представителем русской материалистической философии является соратник Чернышевского Н и к о л а й А л е к с а н д р о в и ч Д о б р о л ю б о в (1836—1861), автор замечательных работ в области философии и социологии, эстетики и литературной критики, яркий представитель революционной публицистики.

Несмотря на краткость своей жизни и литературной деятельности, Добролюбов создал выдающиеся произведения.

2. Философские взгляды Добролюбова вырабатывались под прямым влиянием Белинского, Герцена и Чернышевского.

Добролюбов признавал первичность материи и познаваемость объективного мира. С позиций материализма рассматривал он и процесс человеческого познания. Добролюбов вел ожесточенную борьбу против реакционных идеалистических учений, разоблачая метафизические и религиозно-мистические теории, которыми реакция

¹ Н. Г. Чернышевский, Избранные философские сочинения, т. 1, стр. 667.

² В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 224.

отравляла сознание народа и которые усиленно насаждались и поддерживались царизмом.

Добролюбов подверг сокрушительной критике консервативные стороны философии Гегеля и ту интерпретацию, которую давали ей буржуазные либералы (Кавелин, Боткин, Анненков и др.).

Изгоняя идеализм из всех его убежищ, беспощадно разоблачая попытки отыскать в организме человека некую отдельную от материи силу (то есть бесплотную и не связанную с органами тела душу), Добролюбов своими произведениями помогал русским ученым, и в частности великому русскому физиологу И. М. Сеченову, освободиться от пут идеализма.

Защищая положение о неразрывной связи между материальным и духовным, о теснейшей зависимости мира духовного от мира материального, Добролюбов боролся и против вульгарных материалистов, стоявших на точке зрения отождествления мысли и материи.

3. Демократизм Добролюбова ярко сказался в его выступлениях против консервативного и либерального направления в русской исторической науке в 50-х и 60-х годах XIX века.

К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин и другие представители так называемой «государственной школы» для оправдания царской власти и крепостничества взяли на вооружение худшие стороны системы Гегеля, воспевая сильную государственную власть, игнорируя роль народных масс в истории.

Исторические и политические взгляды представителей «государственной школы» были направлены на то, чтобы призвать народ к повиновению и послушанию и имели консервативно-охранительный характер.

Добролюбов вместе с Чернышевским выступал в своих работах против реакционных выводов «государственной школы», проповедовавшей «надклассовость» самодержавия и затушевывавшей тем самым его антинародную природу.

По мнению Добролюбова, именно народ является основной силой истории. Он подверг резкому осуждению апологетов самодержавия (Карамзина и др.), у которых «вся история народа пожертвована строгому и последовательному проведению одной идеи — об образовании и развитии государства Российского», а «самое развитие этого государства вовсе не представляется вытекающим из условий народной жизни, а является каким-то чуть не административным делом нескольких лиц»¹.

Добролюбов критиковал современных ему буржуазных идеологов, пытавшихся рассматривать вопрос о замене одной формы государства другой вне связи с вопросом о ходе развития классовой борьбы. Добролюбов показывает, что в основе политической борьбы, происходящей в истории, лежит борьба производителей, живущих своим трудом и создающих все общественные ценности, против паразитических классов, присваивающих себе плоды чужого труда.

¹ Н. А. Добролюбов, Соч., т. 3, стр. 121.

Добролюбов делал вывод, что с распространением просвещения форма эксплуатации меняется и делается более ловкой и утонченной, но сущность все-таки остается та же, пока по-прежнему остается возможность эксплуатации.

В силу отсталости общественно-экономического развития России того времени Добролюбов еще не выделял пролетариат из общей массы «рабочих классов».

К рабочим классам Добролюбов относил крестьянство, рабочих, ремесленников, трудовую разночинную интеллигенцию. Добролюбов совместно с Чернышевским был идеологом не пролетарской, а крестьянской революции, полагая, что она может привести к социализму.

Высказав ряд отдельных замечательных мыслей о ходе исторического процесса, близко подойдя к пониманию сущности классовой борьбы, роли народных масс, Добролюбов, однако, как и все мыслители домарковского периода, оставался на идеалистических позициях при рассмотрении и истолковании закономерностей развития общества.

Вместе с тем, как убежденный революционер-демократ, Добролюбов признавал, что развитие просвещения в массе народа может быть достигнуто лишь в случае освобождения его от оков всякой эксплуатации.

4. Добролюбов являлся наряду с Чернышевским непримиримым борцом против самодержавия и крепостничества в России. Революционная критика Добролюбовым феодально-крепостнических отношений направлялась против реакционной царской России, против царя и всех холопов и прислужников самодержавия. Добролюбов энергично боролся за революционное переустройство общественной жизни.

В статье «Темное царство» Добролюбов гневно изобличает гнусность самодержавных порядков. Темное царство самодуров-купцов, чиновников и помещиков находится, по Добролюбову, в непрерывной борьбе с волной новой жизни, которая, конечно, зальет когда-нибудь всю издавна накопленную грязь и превратит топкое болото в светлую и величавую реку.

В период подготовки крестьянской реформы Добролюбов вместе с Чернышевским выступал на страницах «Современника» и других журналов за революционное разрешение крестьянского вопроса. Он призывал к борьбе против «врага внутреннего», против царизма.

В отзыве на роман Тургенева «Накануне» Добролюбов бичует либералов: «...Наши гражданские деятели лишены сердца и часто крепколобы; наши умники палец о палец не ударят, чтобы доставить торжество своим убеждениям, наши либералы и реформаторы отправляются в своих проектах от юридических тонкостей, а не от стона и вопля несчастных братьев»¹.

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 293.

Добролюбов мечтал о времени, когда Россия выдвинет поколение людей, с детства «охваченных одной идеей, сжившихся с ней так, что им нужно — или доставить торжество этой идеи, или умереть»¹. Если общественная среда до сих пор не благоприятствовала появлению таких людей в России, то «от этой среды, от ее пошлости и мелочности и должны освободить нас новые люди, которых появление так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее, все свежее в нашем обществе»².

Новое поколение борцов против самодержавия уже поднимается, указывает Добролюбов, и подрастает, «напитываясь надеждами и мечтами лучшего будущего, а не привязываясь насильно к труплу отжившего прошедшего»³.

Добролюбов был убежден, что скоро настанет день освобождения России. «Придет же он, наконец, этот день! И, во всяком случае, канун не далек...!»⁴.

5. Проповедуя путь революционного преобразования России, Добролюбов в своих произведениях показывает истинное лицо буржуазной Европы. По мнению Добролюбова, произвол, насилие и грабеж, существовавшие при феодализме, не уничтожены и при господстве буржуазии.

Парламентский строй западноевропейских государств был подвергнут критике в статьях Добролюбова, написанных в Италии. Добролюбов вскрывал сущность парламентских приемов, употребляемых для того, чтобы «составилась» камера депутатов — смиренная, покорная, мало того, «экзальтированная поклонница» лидеров правительственной партии, людей, делающих обороты за кулисами парламента и добывающих миллионные состояния путем мошенничества.

Добролюбов указывал на отсутствие в составе парламента подлинных представителей интересов народа.

Добролюбов рассматривал парламента современной ему Италии как «говорильню» и обличал лицемерие парламентских ораторов, распевающих с трибуны о даровании свобод народу и боящихся на деле что-либо уступить ему.

6. Добролюбов считал неизбежным наступление революции и в странах Западной Европы, где «между грубым произволом и просвещенным капиталом, несмотря на их видимый разлад, существует тайный, невыговоренный союз, вследствие которого они и делают друг другу разные деликатные и трогательные уступки, и щадят друг друга, и прощают мелкие оскорбления, имея в виду одно: общими силами противостоять рабочим классам, чтобы те не вздумали потребовать своих прав...»⁵.

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 294.

² Там же, стр. 294—295.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Там же.

⁵ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 192.

Не отрицая преимуществ капиталистического строя перед феодальным, но видя, что и он является царством наживы и грубой силы, Добролюбов приходит к выводу о необходимости для России максимально сократить капиталистический этап развития. «Присматриваясь к ходу развития народов Западной Европы и представляя себе то, до чего они теперь дошли, мы можем питать себя лестною надеждою, что наш путь будет лучше. Что и мы должны пройти тем же путем, это несомненно и даже нисколько не прискорбно для нас... Но все-таки наш путь облегчен; все-таки наше гражданское развитие может несколько скорее перейти те фазисы, которые так медленно переходило оно в западной Европе»¹.

В работе «Роберт Оуэн и его попытки общественных реформ» Добролюбов признает благородство побуждений и идеалов Оуэна. Вместе с тем он указывает на утопичность его взглядов. Мысль Оуэна о возможности мирного преобразования капиталистического строя Добролюбов считал наивной.

Проповедуя революционный путь борьбы за новое, социалистическое общество, Добролюбов представлял себе будущий государственный строй этого общества в форме демократической республики, обеспечивающей участие в управлении представителям трудового народа. Он требовал передачи средств производства в промышленности и в сельском хозяйстве в руки трудящихся, лишения эксплуататоров возможности вести паразитический образ жизни.

Будучи патриотом России, Добролюбов в то же время являлся интернационалистом. Любовь к России и русскому народу соединялась в его творчестве с любовью к другим национальностям. «Настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, — указывал Добролюбов, — не уживается с неприязнью к отдельным народностям». «Патриотизм живой, деятельный именно и отличается тем, что он исключает всякую международную вражду, и человек, одушевленный таким патриотизмом, готов трудиться для всего человечества...»².

Добролюбов решительно выступал как против космополитизма и низкопоклонничества перед Западом, так и против реакционного славянофильства.

Н. А. Добролюбов отдал все свои силы и энергию борьбе с реакцией за светлое будущее трудящихся, и его имя по праву занимает почетное место в ряду революционных демократов России.

§ 7. Заключение

Выступив в период обострения классовой борьбы в России и всей Европе, великие русские революционные демократы Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов и их соратники дали образцы

¹ Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 196—197.

² Н. А. Добролюбов, Избранные философские произведения, т. II, стр. 567.

революционно-демократического разрешения вопроса о свержении самодержавия, об «отмене» самим народом крепостного права, подвергли критике капиталистический строй как неразумный, отживший свой век и подлежащий уничтожению в ходе революции.

Общественно-политические воззрения русских революционных демократов явились теоретическим выражением кровных интересов и чаяний крестьянства, боровшегося за освобождение из-под невыносимого ига феодально-крепостнических порядков, господствовавших в России. Это была идеология крестьянской, демократической революции.

Русские революционные демократы в силу отсталости общественно-политического развития России не смогли еще преодолеть рамок утопического социализма и дойти до теории н а у ч н о г о социализма. Тем не менее они сделали значительный шаг вперед в развитии революционной политической мысли России. Русские революционные демократы были пламенными глашатаями революционной борьбы трудящихся против эксплуататоров, призывали народные массы России ликвидировать феодально-крепостнические порядки путем революции.

Россия Белинского и Чернышевского была предшественницей свободной и могучей социалистической России. На произведениях Белинского, Герцена и в особенности Чернышевского воспитывались целые поколения революционеров в России и смежных с нею странах.

Идеология революционного демократизма, идеология крестьянской антифеодальной революции была явлением не только чисто русским, но и интернациональным. Она отображала растущее революционное движение угнетенного крестьянства и других слоев трудящихся как в России, так и в Польше, Болгарии, Сербии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Китае и в других странах против крепостничества, а в условиях ряда этих стран также и против национального гнета.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

«Архив Маркса и Энгельса», т. XI, М., 1948, с. 3—20.

Энгельс Ф., Эмигрантская литература, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. XV, с. 235.

Ленин В. И., Памяти Герцена, Соч., т. 18, с. 9—15.

Ленин В. И., О национальной гордости великороссов, Соч., т. 21, с. 84—88.

Ленин В. И., Из прошлого рабочей печати в России, Соч., т. 20, с. 223—230.

Ленин В. И., «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция, Соч., т. 17, с. 93—101.

Ленин В. И., От какого наследства мы отказываемся?, Соч., т. 2, с. 472—473.

Ленин В. И., Что делать?, Соч., т. 5, с. 342.

Сталин И. В., Тов. Демьяну Бедному, Соч., т. 13, с. 25.

Источники

Герцен А. И., Избранные философские произведения, т. 2, Госполитиздат, 1948.

Огарев Н. П., Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1, М., Издательство Академии наук СССР, 1952.

Белинский В. Г., Избранные философские произведения, тт. I—II, Госполитиздат, 1948.

Чернышевский Н. Г., Избранные философские произведения, тт. I—III, Госполитиздат, 1950—1951.

Добролюбов Н. А., Избранные философские сочинения, тт. I—II, Госполитиздат, 1948.

Дополнительная

Желудков А. А., Взгляды А. И. Герцена на государство, «Советское государство и право» 1957 г. № 7.

Покровский В. С., Социально-политические взгляды В. Г. Белинского, «Известия Академии наук СССР, Отделение экономики и права» 1949 г. № 2.

Зевин В. Я., Политические взгляды и политическая программа Н. Г. Чернышевского, М., 1953.

Покровский В. С., История русской политической мысли, вып. 4, М., 1954.

Покровский С. А., Политические и правовые взгляды Чернышевского и Добролюбова, М., 1952.

Бурлацкий Ф. М., Политические взгляды Н. А. Добролюбова, М., 1954.

Покровский В. С., Критика капитализма в трудах русских революционных демократов, «Вестник Академии наук СССР» 1950 г. № 10.

ГЛАВА XXI

ПЕРЕДОВАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ НАРОДОВ РОССИИ В XIX ВЕКЕ

§ 1. Значение идей великих русских революционеров-демократов в формировании передовой общественно-политической мысли народов России. § 2. Развитие революционно-демократических идей на Украине. Т. Г. Шевченко и И. Я. Франко. § 3. Революционный демократ Белоруссии К. С. Калиновский. § 4. Передовая общественно-политическая мысль в Грузии, Армении и Азербайджане в XIX веке. И. Чавчавадзе, А. Церетели, Э. Ниношвили, Хачатур Абовян, Микаэль Налбандян, Мирза Фатали Ахундов. § 5. Политические взгляды казахских просветителей XIX века. § 6. Политические взгляды просветителей народов Средней Азии. Мукими. Фуркат. Дониш. Шахин. Бердах. § 7. Прогрессивная общественно-политическая мысль в Латвии, Эстонии и Литве

§ 1. Значение идей великих русских революционеров-демократов в формировании передовой общественно-политической мысли народов России

Борьба русских революционных демократов являлась борьбой за освобождение не только угнетенного царизмом русского крестьянства, рабочих, разночинцев — она была борьбой за освобождение крестьян и рабочих всех национальностей, находившихся под игом самодержавия.

Творчество русских революционных демократов, звавших на борьбу с царизмом, крепостным правом и проповедовавших народную крестьянскую революцию, имело большое значение для пробуждения политического самосознания лучших людей всех национальностей царской России. Союз передовых людей различных национальностей с русскими революционными демократами сложил-

ся в ходе их совместной борьбы против самодержавия и крепостничества, против угнетательской политики царизма в отношении национальных меньшинств, а также и против всевозможных форм проявления буржуазного национализма.

Произведения Белинского, «Колокол» Герцена, революционная агитация Чернышевского и Добролюбова скрепляли союз русского трудового народа, в первую очередь крестьянства и нарождавшегося рабочего класса, с трудящимися других национальностей.

Идеология русской революционной демократии оказала благотворное влияние на творчество величайших писателей Украины Тараса Шевченко и Ивана Франко, вождя восставших крестьян Белоруссии Калиновского, лучших поэтов Грузии — Важи Пшавели, Эгнатэ Ниношвили. Под большим влиянием произведений Чернышевского и Добролюбова сложилось мировоззрение и были написаны лучшие труды великого революционного писателя Армении Микаэля Налбандяна, выдающегося писателя-просветителя казахского народа Абая Кунанбаева.

«Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве,— но есть также великорусская культура, характеризующаяся именами Чернышевского и Плеханова»¹, — указывал В. И. Ленин.

К передовой русской культуре тяготели все лучшие сыны народов России.

§ 2. Развитие революционно-демократических идей на Украине. Т. Г. Шевченко и И. Я. Франко

1. Прогрессивные идеи великих русских революционных демократов имели особенно большой отклик на Украине, исторические судьбы которой с незапамятных времен были тесно связаны с судьбою русского народа.

Основоположником демократической литературы на Украине является боевой соратник, друг и единомышленник русских революционных демократов, народный поэт Украины Т. Г. Шевченко, творчество которого сыграло огромную роль в пробуждении сознания украинского народа.

Вслед за Тарасом Шевченко идеи революционной борьбы развивали И. Я. Франко, М. Коцюбинский, Леся Украинка, Панас Мирный и целый ряд других писателей, чье творчество вошло навеки в сокровищницу мировой демократической культуры как символ единства русского и украинского народов в борьбе с самодержавием, реакцией и крепостничеством.

2. Общественная, политическая, литературная и художественная деятельность великого народного поэта украинского народа

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

связана с непрерывной борьбой, которую он вел против самодержавия и помещиков за освобождение русского и украинского крепостного крестьянства. Образцы для своего глубоко народного по содержанию творчества Шевченко черпал в произведениях русских революционных демократов и народных поэтов России.

Родившись 25 марта 1814 г. в селении Моринцы Киевской губернии в семье бедного крепостного крестьянина, Шевченко рано испытал тяжелые лишения.

Мать Шевченко умерла от непосильного труда и безысходной нужды. Отец также умер рано, не вынеся тяжести крепостничества, и дети разошлись по чужим людям, как наймиты и батраки. Оставшись двенадцати лет круглым сиротой, Тарас работал у «заможных поселян», то есть у кулаков, и у попа. В качестве лакея помещика Энгельгардта Шевченко попадает с ним в Петербург, где хозяин отдает его в обучение «разных живописных дел мастеру» Ширяеву, жестоко тиранившему своего ученика. Обладая незаурядным талантом художника и страстно желая приобщиться к культуре русского народа, Шевченко посещает художественную студию, где обращает на себя внимание Брюллова и Венецианова, знакомится через них с Жуковским и Григоровичем. Вскоре Шевченко становится одним из любимых учеников знаменитого русского художника Брюллова.

Высоко оценившие талант, трудолюбие и кристальную чистоту Шевченко, друзья в 1838 году выкупают его у помещика на волю. С этого времени начинается литературная деятельность Шевченко. В 1840 году выходит в свет «Кобзарь», восторженно встреченный русской передовой общественностью и вызвавший нападки дворянских писателей, сразу разглядевших в Шевченко «мужицкого поэта». В 1841 году выходит поэма «Гайдамаки», написанная на основе песен об Устине Кармелюке, Максиме Зализняке, Иване Гонте и других героях народного гайдамацкого движения. Поэма проникнута ненавистью к дворянству и прославляет народное восстание. В 1843 году Шевченко вернулся на Украину. Наблюдая здесь картины произвола помещиков, он еще более проникается ненавистью к царскому самодержавию и крепостному праву. По возвращении в Петербург Шевченко пишет в 1844 году поэму «Сон», направленную против крепостничества и царизма. В 1845 году Шевченко снова на Украине после окончания курса в Академии художеств. Им написан ряд поэм и стихотворений, ставших навсегда достоянием украинского народа. Шевченко идет в села, в гущу народа, читает поселянам свои свободолюбивые стихи, стремится разбудить революционную энергию и жажду борьбы в народных массах, зовя к революции и расправе с помещиками. Произведения Шевченко и его имя передаются из уст в уста как имя борца за волю.

В 1846 году Шевченко вступает в Кирилло-Мефодиевское братство и составляет там вместе с наиболее радикальными его представителями левое крыло.

Руководящая группа членов Кирилло-Мефодиевского общества во главе с Н. И. Костомаровым и П. Кулишом выражала интересы развивающейся украинской буржуазии и капитализирующегося украинского дворянства. Однако, выступая против самодержавия, крепостного права и национального угнетения, она одновременно боялась крестьянской революции. Костомаров и Кулиш, как и другие буржуазные националисты, рассчитывали добиться освобождения крестьян при содействии самих помещиков. Вместо пропаганды идеи свержения ига как собственных украинских, так и русских помещиков, то есть идеи классовой борьбы, украинские буржуазные либералы-националисты распространяли выгодные для эксплуататорских классов домыслы о якобы исконной вражде между отдельными народами.

Стихи Шевченко, наполненные революционным содержанием, его проповедь народной революции плохо уживались с христианско-евангельской программой общества. Как подлинный революционный демократ, Шевченко резко выступал против либерально-соглашательских взглядов Костомарова и Кулиша, разоблачая живые версии о мнимой бесклассовости украинского народа.

В противовес украинским националистам Шевченко указывал на то, что освобождение Украины от национального угнетения может быть достигнуто только совместными усилиями трудящихся русского, украинского и других народов, населяющих царскую Россию.

По доносу одного из членов общества в 1847 году Шевченко был арестован. Он был приговорен к сдаче в солдаты «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений». С 1847 по 1857 гг. длилась каторга николаевской солдатчины для поэта-революционера. Только в 1858 году Шевченко возвратился в Петербург, где сразу же сблизился с Чернышевским, Добролюбовым и возглавляемым ими кругом революционных демократов. На Украину Шевченко попал в 1859 году, но тотчас же был выслан обратно в Петербург за агитацию среди крестьян и попытки убедить их в том, что «не нужно ни царя, ни панов, ни попов». В 1860 году под непосредственным воздействием Чернышевского Шевченко с большим подъемом работает над новым изданием «Кобзаря».

Популярность Шевченко в этот период возрастает в такой степени, что он становится наиболее любимым широкими массами народным поэтом Украины.

В 1861 году Шевченко умер на 47-м году жизни, не сломленный духовно, но убитый царизмом физически многими годами тюрем, солдатчины и ссылки. Прах Шевченко, согласно завещанию великого поэта, был похоронен на Украине.

Похороны его и проводы тела до места погребения превратились в грозную демонстрацию народных масс против царизма и помещиков.

Шевченко горячо сочувствовал революционной борьбе русского народа против самодержавия. Революционные демократы России

в свою очередь справедливо считали Шевченко не только великим украинским, но и общерусским поэтом. Шевченко благоговел перед памятью декабристов, называл их «первозванными нашими апостолами».

Шевченко с восторгом отзывался о деятельности Герцена. «Современник», издаваемый Чернышевским, был для Шевченко наиболее авторитетным журналом именно потому, что он являлся боевым органом русской революционной демократии, борющимся за освобождение крепостного крестьянства.

Революционная демократия России оказывала в свою очередь поддержку Шевченко в его борьбе с царизмом.

Воспитанный на идеалах русской революционной демократии, Шевченко был интернационалистом в лучшем смысле этого слова. Любой протест против самодержавия и борьба передовых людей каждой национальности царской России за свержение царизма и освобождение встречались Шевченко с восторгом.

Свои симпатии к угнетенным народностям России поэт выразил в стихотворении «Кавказ», в котором обличается национальный гнет в царской России, где «от молдованина до финна на всех языках все молчит, бо благоденствует». Национальный вопрос разрешался Шевченко в революционно-демократическом духе. Низшие массы населения — крепостные крестьяне, чернослоное крестьянство и рабочий трудовой люд городов, по его мнению, неповинны в той ненависти, которая существует между народами. Украинский помещик для Шевченко — такой же классовый враг, как и русский.

Избавления народа от ужасов крепостничества Шевченко ожидал только от революции. Героем произведений Шевченко является простой угнетенный народ — «громада в сермягах». Глубоко реалистическая по своему содержанию поэзия Шевченко складывалась под определяющим влиянием революционной борьбы 50—60-х годов XIX века в России и могучей проповеди русских революционных демократов. Подобно своим учителям Чернышевскому и Добролюбову, Шевченко являлся «мужицким демократом» и в каждую строку своего произведения вкладывал весь свой боевой «мужицкий темперамент», острую ненависть к самодержавному произволу и крепостному праву. Борьба Чернышевского, Герцена, Добролюбова и Шевченко против царизма протекала в одно и то же время, и узы взаимной дружбы, взаимопонимания и симпатии связывали их всех в единый лагерь борцов.

Шевченко полностью разделял взгляды «мужицких демократов» России о необходимости широкой народной крестьянской революции и, переключаясь с призывом революционных демократов: «К топору зовите Русь», писал о необходимости «добре выгострить сокиру» и обратить это орудие народной мести против угнетателей.

По своим философским взглядам Шевченко являлся материалистом и убежденным атеистом. Он резко критиковал идеализм и обличал религию как союзницу самодержавия. Призыв к народному

восстанию и крестьянской революции достиг особенной силы в произведениях Шевченко, написанных в последние годы его жизни. Грозя помещикам-крепостникам неизбежной карой, Шевченко рисует время победы народа и картины расправы его с угнетателями.

Подлинно народная поэзия Шевченко вдохновляла на борьбу революционных деятелей всех народов России.

Ныне имя Шевченко, величайшего печальника и заступника крепостного крестьянства всей многонациональной России, прославлено на языках всех свободных и счастливых народов Советского Союза.

3. Принципы и заветы революционной борьбы, выдвинутые революционными демократами России, получили яркое выражение в творчестве одного из наиболее видных публицистов Украины Ивана Яковлевича Франко (1856—1916), философа, поэта, мыслителя и революционного борца за освобождение трудящихся от эксплуатации.

Деятельность И. Я. Франко протекала в Галиции в период, когда национальное угнетение в многонациональной Австро-Венгрии особенно жестоко проявлялось по отношению к украинцам. Австрийское монархическое правительство поставило своей целью уничтожение национальной культуры закарпатских украинцев.

Революционная ситуация и крестьянские волнения заставили правительство Фердинанда I в 1848 году отменить крепостное право.

Реформа была произведена по прусскому образцу, и галицийское крестьянство было ограблено помещиками так же бессовестно, как впоследствии русское в 1861 году. Полукрепостническая реформа 1848 года сохранила панское землевладение и хотя и приоткрыла дорогу для развития капиталистических отношений, но отдала массы обезземеленного крестьянства на расправу помещикам в деревне и всякого рода барышникам — предпринимателям и основателям капиталистических предприятий в городе.

В условиях социального и национального гнета в Галичине особенно злободневно звучала проповедь русских революционных демократов, а тяготение к русской демократической культуре лучших людей Галиции на деле означало протест против всех форм социального и национального угнетения со стороны австрийского монархического правительства.

Сын бедного деревенского кузнеца И. Я. Франко прошел жестокую школу борьбы за существование.

В школе он выучил наизусть «Кобзарь» Шевченко. Мотивы гражданской поэзии — защита угнетенных помещиками крестьян и ненависть ко всякому насилию и эксплуатации — глубоко запали в разум и сердце Франко, навсегда запечатлевшись в его сознании, и стали основным содержанием его творчества и революционной борьбы.

В школьные годы Франко изучил ряд лучших произведений русской классической литературы. Уже в этот период он хорошо знал сочинения Пушкина, Льва Толстого, Тургенева, Помяловского.

Окончив прогимназию, Франко поступает на философский факультет Львовского университета (тогда университет имени Яна Казимира, ныне Львовский государственный университет имени И. Я. Франко). Будучи в университете, Франко знакомится с произведениями Белинского, Герцена, Добролюбова и Чернышевского, оказавшими особенное влияние на формирование его мировоззрения.

Изучение произведений великих русских революционных демократов сыграло основную и решающую роль в складывании материалистического мировоззрения Франко.

Франко вместе с друзьями организует издание студенческого журнала «Друг» (1874), в котором печатаются его ранние стихи, а также переведенный им с русского на украинский язык роман Чернышевского «Что делать?».

Как в эти годы, так и впоследствии он никогда не упускал случая заявить о своей полной солидарности «з наилучшими сынами российского народа». Влияние русских революционных демократов на молодого Франко было исключительно благотворным.

В 1877 году редакторы журнала «Друг» были арестованы по обвинению в организации тайного общества и распространении социалистических идей. Восемь месяцев пробыл Франко в тюрьме, где он написал два революционных стихотворения «Товарищам из тюрьмы» и «Каменщики», ставшие тотчас достоянием всей революционной Западной Украины.

Еще более сильным призывом к борьбе является стихотворение «Я бачив дивный сон» («Я видел дивный сон»).

Уже в этот период Иван Франко являлся убежденным заступником угнетенного и униженного помещиками-панами галицийского крестьянина, и всю жизнь он оставался выразителем прежде всего его желаний, чаяний и дум. Процесс разорения крестьянских масс ярко отразился в творчестве Франко, которое для Украины в период развития в ней капитализма имело то же значение, что и творчество Т. Г. Шевченко в период, предшествовавший падению крепостного права.

Образ батрака-наймита, пашущего землю, арендованную им у помещика на кабальных условиях, нарисован Франко с огромной силой.

По выходе из тюрьмы Франко организует ряд журналов («Молот», «Громадський друг»). Эти журналы один за другим конфискуются и закрываются правительством, увидевшим в Франко опасного деятеля революционно-демократического движения.

Борясь против националистов, Франко помешал в этих журналах статьи, в которых разоблачал попытки не допустить сближения между русским и украинским народами и посеять вражду между ними.

В статье «Російська література і російська монархія», помещенной в журнале «Молот» (1878), Франко дал резкую отповедь статье буржуазного националиста Левицкого, принижавшего

роль и значение русской прогрессивной культуры и русской литературы в Западной Украине.

«Автор, очевидно, в своей статье нарочито смешал литературу с государством, — говорит Франко, — т. е. с государственным строем и жандармами и именно там, где говорит про гнет московщины на Украине... Разумеется, держава московская с ее жандармами, чиновниками и угнетением ими всякой свободной мысли — одно дело, а литература Российская с Гоголем, Белинским, Тургеневым, Добролюбовым, Писаревым, Щаповым, Решетниковым и Некрасовым — совсем другое дело.

Подобно Шевченко, Франко никогда не терял связи с крестьянскими массами.

В 1880 году он был арестован вторично в связи с начавшимся процессом ряда селян, обвиненных в преступлениях против властей.

На этот раз он пробыл в тюрьме около трех месяцев. В заточении он создал такие произведения, как «На суде», «Земля моя всеплодящая мати», «Гимн» и другие.

По выходе из тюрьмы Иван Франко пылливо изучает произведения Маркса и Энгельса. Он переводит на украинский язык XXIV главу «Капитала», а также отдельные разделы книги Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». В предисловиях к изданию этих работ он указывает на огромное историческое значение трудов основоположников научного социализма.

С 1881 по 1890 гг. протекает период наиболее плодотворной и широкой по своему размаху деятельности великого украинского революционера-демократа. В журнале «Свет» и в целом ряде других периодических изданий Франко публикует научные статьи, обнаруживая огромный талант, разносторонность и эрудицию.

В 1889 году Франко арестовывают в третий раз на два с половиной месяца. После ареста Франко в 1890 году вместе с рядом друзей организует русско-украинскую леводемократическую партию, бывшую одной из тех организаций, которые предшествовали появлению революционной социал-демократии на Украине.

Издаваемый группой крестьянских демократов журнал «Народ» (одним из редакторов которого был Франко) еще в первом номере провозгласил: «Наша первая и основная цель была издавна помочь на деле материально народу и просветить наш народ... мы будем усиленно стараться объяснять народу, почему наш народ такой бедный и темный, что в нем самом есть доброго и злого, кто о нем заботится и как ему избежать его горя»¹.

Статьи, помещенные Франко в «Народе», посвящены тому же основному мотиву, которому посвящена вся его революционно-общественная деятельность, то есть вопросу о судьбе крестьянства.

В статье «В поте чела» Франко описывает современную ему Галицию, раздавленную тяжестью податей, налогов, с ее обессиленным крестьянством: «Тоскливо и невесело выглядят общественные

¹ «Народ», Рік I, 1890.

порядки по всей нашей Руси — Украине. Народ придавлен неволею, изнурен тяжким трудом на своей и чужой земле, понурил голову до земли, согнувшись под тяжестью работы до пашни, которая одна как губка впитала в себя все его думы, все его надежды. К земле прижались и хаты невысокие, с небольшими тускло блистающими от солнца окнами, с низкими, глиняными стенами, с душным воздухом внутри».¹ В таких красках рисует Франко сельщину Западной Украины, стонущую после «освобождения» крестьян от земли под игом богатых панов-помещиков.

Франко разоблачает буржуазную конституцию 1848 года, не отменившую, а укрепившую рабство в Галиции: «Не в такие уж давние часы и для наших галицийских сел заблестали лучшие надежды и разнеслась весточка, что панщину отменят. И панщину отменили, но не отменили неволи. Она осталась такая, как была раньше. Правда, правоверные демократы страх как ликуют и нахвалиться не могут на те щедроты и ласки, которыми мужик осыпан с 1848 года. По их мнению, нашему мужику так хорошо, что он только и делает, что «отпускает ремень», а если он беден, говорят они, то только через пьянство, распущенность и лень»².

Разоблачая грабительский характер законов, «отменявших» повинности крестьян, Франко пишет: «Рабство совсем не ушло с отменой панщины, только рамки его стали более широкими, изменилась форма, пришла большая политическая свобода, независимость личности по отношению до других людей, но экономически работа осталась как и была прежде при панщине».

Видя спасение для безземельного крестьянства только в организации коллективного труда, в организации коллективного хозяйства, Иван Франко с первых же номеров «Народа» пропагандирует идеи создания артельного крестьянского хозяйства в деревне.

В статье «Что такое громада и чем она должна быть», помещенной в одном из первых номеров журнала, он пишет: «Наши законы говорят, что громада (община.—В. П.)—это есть первая и наименьшая административная единица. Из общины складываются поветы, из поветов края, из краев государство. Если сравнить государство с устройством человеческого тела, то можно сказать, что государство это целый человек, край это его отдельные части тела, поветы разные органы в частях тела, вроде костей, жил, сухожилий, а громада есть та наименьшая клетка, из которой складывается целое тело»³.

Стремясь отвести подозрения цензоров, что пропагандируемый им идеал является социалистическим, Франко пишет: «Не следует вызывать подозрения в том, что это есть социализм, запрещенный нашими законами. Мы же скажем, что это есть социализм, такой же социализм, как всякое общество ремеслен-

¹ См. «Народ», 1891, Рік II, ч. 3, стр. 47.

² Там же.

³ «Народ», 1890 г., Рік I, ч. 5, стр. 61.

ников, торговцев и банков. Мы хотим лишь одного, чтобы каждая громада для лучшего хозяйствования объединилась в одно или несколько обществ, добровольных и организованных на основе легального договора между ее членами»¹.

Социализм повсюду в произведениях Франко разъясняется как общество, основанное на общественной собственности с коллективным трудом и распределением и с выборными органами власти, создаваемыми на основе широчайшей демократии. «Для уничтожения неравенства,— поясняет он,— необходима общественная власть и общественный труд — вот основы, на которых будет зиждиться новый общественный строй».

По мнению Франко, в сельском хозяйстве земля должна быть обязательно объединена в одно общее поле и все должны работать на нем сообща; урожай будет находиться в распоряжении всего крестьянского мира и распределяться по количеству вложенного каждым членом коллектива труда.

Контурь нового, социалистического общества, как их рисует Франко, весьма близки идеалам великого русского революционера-демократа Чернышевского, оказавшего на него сильное влияние. Однако Франко в отличие от Чернышевского считал, что осуществление социалистического переустройства общества возможно и мирным путем, без революции.

Пропагандируемый Франко идеал организации общинного хозяйства, которое, по его мнению, должно было избавить крестьянство Западной Украины от нищеты и вывести к социализму, носил утопический характер.

Как явствует из статей, помещаемых Франко в журнале, его основная политическая программа — это раздел помещичьей земли между крестьянами и предоставление возможно больших прав по управлению «громаде» (крестьянскому миру).

Будучи далек в своих представлениях о путях перехода к социализму и организации социалистического общества, от научного социализма и лишь приближаясь к нему, Франко, однако, делал правильный вывод о необходимости передачи заводов и фабрик в городе в руки рабочих и помещичьей земли в деревне в руки крестьян. Он писал, что «... фабрики, машины, шахты должны быть общественной собственностью тех, кто в них работает; тогда мы изгоним основную болячку теперешнего строя и обеспечим всем людям достаток и равномерное развитие. Таковы основные мысли, которые так логично изложил в своих трудах великий социалист Карл Маркс»².

Однако в силу отсталости общественно-экономического развития современной ему Галиции Франко не сумел преодолеть до конца свои утопические взгляды и стать на путь научного социализма.

¹ «Народ», 1890 г., стр. 63.

² И. Франко, Твори (в двадцати томах), т. XIX, Киев, 1950, стр. 190 («Что такое прогресс»).

Поэтому в его творчестве даже в последний период жизни имеются отдельные противоречивые мотивы.

Франко не сумел сделать надлежащие выводы из тех произведений Ленина, с которыми он был знаком, и не пошел далее революционного демократизма. До конца дней не осознал Франко и необходимости организации на Украине марксистской рабочей партии.

В. И. Ленин критиковал отдельные проявления национальной ограниченности в мировоззрении Франко, указывая на явное преувеличение им действительной роли национального момента в освободительном движении на Украине¹.

При всей утопичности взглядов Франко, он, как убежденный революционер, все же был бесконечно выше современных ему либеральных народников 90-х годов, разменявших знамя революционной борьбы на чечевичную похлебку узкой программы либеральных преобразований, которые должны прийти по указке царя сверху.

Значение творчества Франко заключается в том, что он как демократ в каждой строке своих произведений, посвященных народу, боролся за освобождение трудящихся, бичевал национализм, космополитизм и очень много сделал для укрепления дружбы украинского народа с русским.

Франко всю жизнь не переставал резко критиковать злейшего врага украинского и русского народа — буржуазного националиста М. Грушевского и вскрывал реакционную сущность его взглядов.

Всякие попытки украинских националистов изобразить историю русского и украинского народов таким образом, чтобы противопоставить их интересы, беспощадно разоблачались Франко. Он с восторгом приветствовал революцию 1905 года, потому что она была направлена против русского самодержавия и вместе с тем открывала перспективу воссоединения Западной Украины со свободной Россией.

Философские взгляды Франко изложены в ряде произведений: «Мысли о эволюции в истории человечества»², «Критические письма о галицийской интеллигенции», «Тайны поэтического творчества». Франко был убежденным материалистом. В своих философских сочинениях Франко выступал против агностицизма, неокантианства, эмпириокритицизма.

Подобно Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову, бывших его первыми учителями, Франко проявляет в своих произведениях начатки материалистического понимания истории. История, по его мнению, развивается закономерно, и законы общественного развития познаваемы.

Хотя Франко переоценивал роль разума в историческом развитии, сильной стороной его исторических взглядов являлось признание классовой борьбы в обществе, отрицание разумности и веч-

¹ См. Ленинский сборник XXX, стр. 10—12.

² См. «Світ», Львов, 1881 год., № 3, стр. 54.

ности капиталистических порядков и всепобеждающий оптимизм, основанный на глубоком убеждении в победе социализма.

Франко прекрасно понимал огромное прогрессивное значение единения Украины с Россией в связи с нарастанием широкой народной революции. Назревание народной революции в Галиции и ее удачное разрешение связывались в представлении Франко с победоносной революцией в России, которая должна была одним ударом покончить с помещиками в России и на Украине.

Творчество Франко, одного из самых блестящих и талантливых представителей революционной демократии на Украине, является ценным вкладом в сокровищницу передовой культуры народов СССР.

§ 3. Революционный демократ Белоруссии К. С. Калиновский

Освободительное движение в Белоруссии в 60-х годах XIX столетия связано с борьбой белорусского и польского крестьянства за отмену крепостного права, с ростом крестьянских восстаний против помещичьей кабалы.

Вождем крепостных крестьян Белоруссии, восставших в 1863 году, был замечательный революционер-демократ К о н с т а н т и н С е м е н о в и ч К а л и н о в с к и й (1838—1864), происходивший из семьи мелкопоместного дворянина. Калиновский еще с детства сблизился с крестьянством, хорошо знал его быт и нужды. В 1856 году Калиновский поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Годы, проведенные в университете, были годами кипучей революционной деятельности Калиновского. Передовая часть студентов, среди которых находились будущие деятели польского революционного движения, жадно впитывала революционное учение Чернышевского, Добролюбова, читала статьи Шелгунова и Антоновича в «Современнике». Под этим благотворным влиянием и формировались революционные взгляды Калиновского.

Калиновский был активным участником кружка Сераковского наряду с Врублевским и Домбровским — будущими военными руководителями Парижской Коммуны.

Калиновский являлся последовательным защитником угнетенного крестьянства. Он был организатором и редактором первой революционно-демократической газеты в Белоруссии, издававшейся под наименованием «Мужицкая правда». Его перу принадлежат замечательные, проникнутые революционной страстью обращения к народу, содержащие непримиримый протест против произвола и горячий призыв к восстанию.

Калиновский, подобно Чернышевскому, призывал литовских и белорусских крестьян «к топору».

Статьи Калиновского, опубликованные в газете «Мужицкая правда», написаны простым народным языком, доступным широким массам, и посвящены защите интересов крестьянства.

Калиновский подверг уничтожающей критике всю систему государственного управления царской России, администрацию, суд,

царское «просвещение», запрещавшее преподавание в школе на родном языке, систему рекрутчины. Основной идеей, которую Калиновский внушал крестьянству и которую защищал в своих статьях, была идея крестьянской революции.

В своей революционной работе Калиновский был тесно связан с русской организацией «Земля и воля».

Политическая программа, выдвинутая Калиновским в ходе подготовки крестьянского восстания в Белоруссии, включала свержение царизма, ликвидацию помещичьего землевладения и раздел земли между крестьянами, уничтожение чиновничье-бюрократического аппарата царской России.

Во время польского восстания 1863 года, когда Калиновский решил поднять на его поддержку крестьян Литвы и Белоруссии, обнаружились резкие разногласия между ним и боявшимся крестьянской революции буржуазно-помещичьим крылом в главном повстанческом комитете.

Используя подъем революционного крестьянского движения, Калиновский сумел отстранить представителей буржуазно-помещичьего крыла комитета от руководства и непосредственно возглавил восстание в Белоруссии и Литве.

В чрезвычайно трудных условиях спада революционного движения, борясь против крупных военных сил, которые бросило царское правительство на подавление восстания в Литве и Белоруссии, Калиновский призывал к партизанской борьбе.

К осени 1863 года из-за отсутствия оружия, провианта, невозможности правильной организации сопротивления часть партизанских отрядов пришлось распустить. К началу 1864 года положение сделалось критическим. Были взяты в плен ближайшие помощники Калиновского, а вскоре одним из предателей был выдан и сам вождь крестьянского восстания. 10 марта 1864 г. крупнейший белорусский революционер Константин Семенович Калиновский был казнен по приговору царского военно-полевого суда.

Деятельность Калиновского — прекрасный образец того, каких беззаветных борцов за освобождение трудящихся масс воспитывали русские революционные демократы в среде передовых людей различных национальностей.

§ 4. Передовая общественно-политическая мысль в Грузии, Армении и Азербайджане в XIX веке. И. Чавчавадзе, А. Церетели, Э. Ниношвили, Хачатур Абовян, Микаэль Налбандян, Мирза Фатали Ахундов

А. Грузия

1. После присоединения к России, на основе тесных экономических связей с ней Грузия смогла преодолеть феодальную раздробленность. С этого времени, в особенности после отмены крепостного права, начинается процесс консолидации грузинской народности в нацию.

Культурные связи на протяжении веков роднили между собой Россию и Грузию. После присоединения Грузии к России связи грузинского народа с русским стали еще более тесными и постоянными.

2. Одним из наиболее крупных деятелей национально-освободительного движения в Грузии, получивших воспитание в России и находившихся под сильным влиянием русской культуры, был Илья Григорьевич Чавчавадзе (1837—1907).

В своих сочинениях он выступил с резкой критикой колониаторской политики царизма и крепостнических порядков, тормозивших хозяйственное и культурное развитие Грузии.

После проведения в Грузии полукрепостнической аграрной реформы 1864 года, установившей для крестьян выкупные платежи за землю, Чавчавадзе отдал принадлежавшие ему земли безвозмездно крестьянам.

Чавчавадзе много сделал для успеха демократической печати в Грузии. Деятельность Чавчавадзе вызывала озлобление грузинских реакционеров, верных слуг царского самодержавия.

Чавчавадзе в своих произведениях различал две России: Россию Романовых, которая порабощала грузинский народ, преследовала всякое проявление национальной культуры и тем самым оскорбляла национальное достоинство грузин, и Россию Белинского и Чернышевского, к которой он тяготел всем своим сердцем. Он был страстным патриотом своей страны, последовательным борцом за ее свободу и независимость. Чавчавадзе отстаивал право Грузии на национальное самоопределение. Он не видел, однако, непримиримости классовых противоречий, существовавших внутри грузинской национальности.

По мере развития капитализма, приведшего к возникновению массового рабочего движения, с полной ясностью выявилась дворянская ограниченность воззрений Чавчавадзе, пропагандировавшего идеи национального возрождения Грузии на основе «примирения» всех сословий и их «сотрудничества» в строительстве новой Грузии.

Идеал Чавчавадзе, выдвинутый им в философском трактате «Жизнь и закон»,— это организация и насаждение в Грузии бессловной общины, в которой были бы сглажены и примирены все классовые противоречия между крестьянами и дворянством. Идея Чавчавадзе, его политические идеалы не вышли за рамки дворянского либерализма.

3. К писателям, находившимся под сильным влиянием русской культуры и прогрессивной общественно-политической мысли России, относится и грузинский поэт Акакий Церетели (1840—1915).

Творчество Акакия Церетели насыщено значительным социально-политическим содержанием. Хотя А. Церетели и не смог возвыситься до проповеди революционной борьбы, он в то же время своими произведениями страстно бичевал произвол и насилие

царских сатрапов, чиновников и их лакеев в Грузии, мечтая о том, что правда силой просвещения победит ложь и наступит время, когда «все будут равны», будет уничтожено угнетение и девизом общества станет «братство, единение, любовь».

Произведения Акакия Церетели отмечены печатью большого таланта и народности. Его отзывчивость к страданиям угнетенных завоевала ему широчайшую любовь и всенародное признание.

4. Выразителем интересов беднейшего крестьянства Грузии выступает Э г н а т э Н и н о ш в и л и (1861—1894). Сын бедного грузинского крестьянина, он прожил жизнь, полную лишений. Характерные для Ильи Чавчавадзе призывы к единению интересов всех классов Грузии и апелляция к «общечеловеческому» отсутствуют у Эгнатэ Ниношвили. В своем историческом романе «Джанки Гуриаши» («Восстание в Гурии») Ниношвили не идеализирует прошлое Грузии, а старательно подчеркивает острые противоречия между помещиками и тружениками-крестьянами. В произведениях Ниношвили ярко отразился процесс дифференциации крестьянства в Грузии.

Все творчество Ниношвили обращено к грядущей революции. Оно производило огромное впечатление на современников и способствовало складыванию первых революционных организаций в Закавказье.

Б. А р м е н и я

1. Присоединение Восточной Армении к России в 1828 году было спасительным для армянского народа. Оно обеспечило ему прочную безопасность от варварских нападений и угрозы физического истребления со стороны иранских сатрапов, сделало возможным непосредственное воздействие на Армению русской передовой культуры, хотя отнюдь не избавило армянский народ от социального и национального угнетения.

Первым писателем-просветителем, на которого оказала свое воздействие передовая культура русского народа, явился Х а ч а т у р А б о в я н (1805—1848), ставший одним из создателей армянского литературного языка.

Творчество Абовяна было направлено против клерикальных тенденций современной ему армянской культуры. Он был создателем первых образцов армянской народной демократической литературы.

Особенно большую роль в этом отношении сыграл роман Абовяна «Раны Армении», рисующий освободительную борьбу армянского народа, выступившего в союзе с русским народом против иранских завоевателей (1826—1828). Роман посвящен теме дружбы закавказских народов, рука об руку борющихся за свободу Армении. В тесном сотрудничестве с русским народом Абовян видел залог национального, политического и культурного развития армян.

В этом произведении бичуются алчность, жадность духовенства и помещиков, косность торгашеской буржуазии. Герой романа Агаси воплощает в себе лучшие качества патриота, не жалеющего жизни за свободу отчизны. Абовян любовно воспеваает союз Армении с великим русским народом, воины которого освободили армянский народ от тяжкого ига Ирана.

Абовян не раз выступал открыто против армянского духовенства и местной националистической буржуазии. Демократизм Абовяна, однако, не выходил за рамки страстной пропаганды дела просвещения и обличения феодальной верхушки Армении и местной буржуазии.

2. Крупнейший общественный деятель и революционный демократ Армении **Микаэль Налбандян** (1829—1866) еще в юные годы вступил в острую борьбу, которая шла между крупной армянской буржуазией и духовенством, с одной стороны, и нарождающейся армянской разночинной интеллигенцией и беднотой—с другой. Налбандян в своих ранних произведениях осмеивает армянское духовенство и буржуазию, поддерживавших царизм и засыле крепостников.

В годы напряженной борьбы за отмену крепостного права и проведения крестьянской реформы в России Налбандян решительно примкнул к русской революционной демократии.

Мировоззрение Налбандяна складывается непосредственно под влиянием произведений Герцена, Чернышевского и их сподвижников.

В 1860 году Налбандян предпринял поездку за границу. Он побывал в Калькутте, Вене, Берлине, Париже, Лондоне, Венеции, Константинополе.

В Лондоне Налбандян знакомится с Герценом и Огаревым и поддерживает с ними постоянное общение. В написанном за границей большом произведении «Земледелие как верный путь» Налбандян выступает как материалист и демократ.

Он отстаивает интересы народных масс. Значительная часть сочинения посвящена критике капитализма, формальной буржуазной демократии, критике крестьянской реформы 1861 года как крепостнической и проповеди крестьянской революции. Единственным справедливым строем Налбандян считал социалистический.

Находясь в Лондоне, Налбандян принял активное участие в революционной деятельности. Есть основание считать Налбандяна одним из организаторов революционной «Земли и воли». Программная статья Огарева «Что нужно народу?» написана была с участием Н. А. Серно-Соловьевича, М. Налбандяна, Н. Н. Обручева, А. А. Слепцова и др.

По возвращении из-за границы в Петербург Налбандян в июле 1862 года был арестован и заключен в Петропавловскую крепость ¹.

¹ Приказ об аресте Налбандяна был отдан 7 июля 1862 г. одновременно с приказом об аресте Чернышевского и Серно-Соловьевича.

Пламенный революционер, сподвижник Чернышевского, Налбандян не сдался и продолжал работать в заключении, где среди других работ он написал произведение «Гегель и его время».

По своим философским воззрениям Микаэль Налбандян является убежденным материалистом. Статья Налбандяна «Гегель и его время» наглядно показывает, как близко он стоял по своим философским убеждениям к Н. Г. Чернышевскому.

Отрицательно относясь вслед за Беллинским и Чернышевским к консервативной системе философии Гегеля, Налбандян выделяет, как и они, присущую философии Гегеля идею движения и развития как рациональное ее зерно. Налбандян остро критиковал крепостнические порядки в России, а также капиталистический строй Западной Европы.

Считая крестьянскую революцию правильным путем освобождения Армении, Налбандян неустанно разоблачал конституционные иллюзии либералов.

Революционно-демократическое содержание произведений Налбандяна наглядно проявляется в его высказываниях о государстве и праве.

Антинародный характер буржуазного государства и права не укрылся от зорких глаз революционного демократа Армении. На примере буржуазных государств Западной Европы Налбандян показывает классовую направленность буржуазного государства как орудия эксплуатации богачами народных масс.

Для Налбандяна, проповедовавшего переход к социализму через организацию крестьянского труда на национализированной земле, буржуазное государство есть «тирания, которая равносильна разбою».

Налбандян считал, что как бы ни менялась форма правления, если сохраняются порядки, при которых одна часть общества продолжает владеть землей, а другая остается нищей — это не приведет к отмене насилия и общественного неравенства.

Призывая трудящихся армян стать на путь решительной борьбы совместно с русским народом, Налбандян высказывался против утверждений буржуазных националистов о том, что армяне могут обрести счастливую жизнь в результате эмиграции.

Налбандян понимал, что революция в России принесет свободу не одному русскому народу, а всем народам России.

Прогресс, по мнению Налбандяна, достигается содружеством равноправных наций, максимальным развитием духовных сил каждой из них. Налбандян признавал за каждой нацией безусловное право на независимое существование.

Налбандян критикует систему колониального угнетения, осуществляемого английскими капиталистами, и подавление ими национальной культуры колониальных народов.

Защита прав каждой нации на независимость соединялась у Налбандяна с борьбой против всякого национального фанатизма, всякой национальной замкнутости.

Крепостнический характер крестьянской реформы 1861 года, по Налбандяну, объясняется тем, что она проводилась сверху, крепостниками-помещиками, стоявшими во главе органов власти дворянского государства.

Конфликт между крепостническим государством и реальными нуждами крестьянства, указывал Налбандян, нельзя было разрешить с обоюдного согласия, и поэтому после манифеста 19 февраля 1861 г. в различных уездах «имели место сопротивление и восстание, если, выражаясь в ы с о к и м с т и л е м, можно назвать восстанием требование своих прав. Против них правительство употребило оружие но кровь убитых обильно оросила и взрастила древо сопротивления. И теперь, каждую минуту все дальше отходят друг от друга народ и правительство»¹.

Для Налбандяна только простой народ есть подлинный носитель как нравственной, так и материальной силы нации, а простой народ в буржуазных государствах подавлен и бедствует. «Под словом нация надо понимать простой народ, а не несколько богачей из его среды, его кровью и потом выдвинувшихся»².

По мнению Налбандяна, «свобода сама по себе — одни лишь слова и не может быть осуществлена без разрешения экономического вопроса. Ни одно свободное правительство, ни одно свободное законодательство не может спасти человека от рабства, пока этот человек не будет признан имеющим право на землю. А пока этого нет, всеобщая нищета будет усиливаться и достигнет гигантских размеров»³.

Налбандян указывал, что вопрос о земле народ разрешит сам «при помощи топора», то есть путем революции.

Вопрос «о человеке и хлебе» и в России и в Европе разрешится, говорил Налбандян, «...рано или поздно, хотя бы и с ужасными бурями. И ничто не сможет помешать этому — никакое насилие, никакой консерватизм, никакое противодействие, с какой бы то ни было стороны, как бы сегодня ни преследовались и ссылались пророки и апостолы будущего»⁴. После революции «исчезнут существующие государственные системы»⁵, появится новый строй, несущий с собой разрешение всех наболевших вопросов. Это неизбежно, так как «будущее — наследник настоящего, и если человек исследует настоящее, то перед ним тотчас же раскроется завеса будущего»⁶.

Мощным словом, согретым любовью к страдающему армянскому простому народу, Налбандян активно влиял на дальнейший подъем революционного движения в Армении, развивавшегося в

¹ М. Налбандян, Избранные сочинения, Ереван, 1941, стр. 161.

² Там же, стр. 144—145.

³ Там же, стр. 162—163.

⁴ Там же, стр. 190.

⁵ Там же, стр. 190—191.

⁶ Там же, стр. 210.

теснейшей связи с борьбой братского русского народа против своих угнетателей.

Однако мировоззрение Налбандяна страдало ограниченностью, присущей всем революционным демократам, не сумевшим понять историческую роль рабочего класса.

В. А з е р б а й д ж а н

1. По Гюлистанскому договору 1813 года и Туркманчайскому договору 1828 года Северный Азербайджан был присоединен к России.

Это событие сыграло прогрессивную роль в жизни азербайджанского народа, так как избавило его от векового гнета и порабощения со стороны феодальной Турции и Ирана с их деспотическим режимом.

Присоединение к России было величайшим благом для Северного Азербайджана. «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку»¹,— указывал Ф. Энгельс.

Феодально-патриархальный общественный и политический строй Азербайджана, состоявшего из нескольких десятков ханств, власть в которых сосредоточивалась в руках незначительной кучки ханов и беков, подвергся плодотворному воздействию относительно более прогрессивного крупного централизованного государства. Одновременно создавалась возможность приобщения лучших прогрессивных людей азербайджанского народа к передовой русской культуре.

В то же время борьба азербайджанского народа за социальное и национальное освобождение не прекращалась. В 1830, 1837, 1863 гг. в Азербайджане происходит ряд восстаний угнетенного крестьянства, направленных одновременно как против местных феодалов, так и против царской колониальной администрации.

Борясь против национально-колониального угнетения со стороны царизма, против своих собственных крепостников-феодалов, мулл, державших народ в темноте, лучшие люди Азербайджана черпали духовные силы в произведениях великих революционных демократов России.

2. Наиболее крупным просветителем-демократом, философом-материалистом и атеистом Азербайджана, чье мировоззрение подверглось весьма значительному влиянию прогрессивной русской культуры, являлся Мирза Фатали Ахундов (1812—1878).

Ахундов написал большое количество философских очерков, критических статей, пьес, поэм, стихотворений. В своих произведениях Ахундов сумел дать глубокие решения вопросов философии,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 211.

а также общественно-политической жизни современного ему Азербайджана.

Крупнейшим событием в литературе Азербайджана была поэма Ахундова, написанная им в 1837 году по поводу гибели Пушкина. Декабрист Александр Бестужев (Марлинский), перевел эту поэму на русский язык.

В 1856 году Ахундов опубликовал в газете «Кавказ» большую повесть под названием «Обманутые звезды», в которой остро критиковал многие стороны жизни феодального Востока. Вся повесть направлена против самодурства неграмотных правителей, лицемерия, бесстыдства, взяточничества и невежества чиновников. Персидский шах Аббас, его придворные, визирь, сардар, неграмотные и косные муллы, астрологи и звездочеты показаны как злейшие враги и угнетатели простого народа.

Наиболее крупным философским сочинением Ахундова, в котором изложено материалистическое понимание природы, является его трактат «Три письма индийского принца Кемал-Уд-Довле к персидскому принцу Джалал-Уд-Довле и ответ сего последнего».

Ахундов доказывает первичность материи и вторичность сознания, признает объективность существования материи. Ахундов выступает как воинствующий атеист.

Острые своего произведения Ахундов направлял против старой схоластики Востока, того невежества и мрака, в котором много веков прозябал мусульманский Восток.

Ахундов был решительным сторонником проведения демократических реформ на Востоке. Однако великий просветитель азербайджанского народа не мог еще возвыситься до признания классовой борьбы движущей силой общественного развития.

Великая заслуга Ахундова заключается в разоблачении реакционной роли ислама. «Исламизм,— писал он,— со времени возникновения своего и доселе не принес нашему отечеству ни малейшей пользы, кроме вреда»¹. Ахундов видел, что ислам является сильнейшим оружием в руках как султанской Турции и шахского Ирана, так и английских колонизаторов, стремившихся к порабощению народов Кавказа. Особо опасную для развития кавказских народов силу он усматривал в мюридизме как орудии феодально-клерикальной реакции. Злейшего врага народов Востока, в частности Азербайджана, Ахундов видел в «цивилизованных» английских колонизаторах.

§ 5. Политические взгляды казахских просветителей XIX века

1. Важнейшим событием в истории Казахстана XVIII—XIX вв. явилось присоединение его к России, сыгравшее большую роль в экономическом и политическом развитии казахского народа.

¹ «Литературный Азербайджан» 1938 г. № 12, стр. 66.

Присоединение Казахстана к России, закончившееся в середине XIX века, навсегда избавило его население от истребительных набегов джунгар, от угрозы полного поглощения отсталыми среднеазиатскими ханствами, за спиной которых стояли английские колонизаторы.

В Казахстане начинают постепенно развиваться земледелие, ремесла и особенно торговля. Значительные изменения произошли в политическом устройстве. После ограничения прав реакционной ханской власти (начало XIX века) в Казахстане было введено территориально-административное деление, существенно ограничена межродовая борьба. Наряду с этим был создан чиновничий колониальный аппарат.

Огромное влияние на общественное развитие Казахстана стало оказывать освободительное движение в России и ее великая гуманистическая культура. Начались совместные выступления русских и казахских трудящихся против их общих врагов — царизма, феодалов и других эксплуататоров, развивалась и крепла связь между передовыми людьми России и Казахстана.

Наиболее реакционная часть казахских феодалов хотела оторвать Казахстан от России и восстановить свое государство. Защитники феодально-реакционных порядков Казахстана поэты Насым-бай, Доскходжа идеализировали прошлое Казахстана, прославляли ханскую власть. Вожак этих феодалов в 40-е годы XIX века — султан Кенесары Касимов вслед за своим предшественником султаном Арынгазы стремился усилить свою власть, превратить ее в ханскую, использовать ислам для разжигания вражды между казахским и русским народом. Его неоднократные попытки, предпринятые при помощи английских колонизаторов, действовавших через посредство правителей среднеазиатских ханств, поднять всеобщее восстание казахов против России потерпели полный провал: казахский народ не разделял феодально-монархических устремлений реакционного феодала.

Другая часть казахских феодалов установила тесный союз с колониальной администрацией царизма и существенно укрепила свои позиции в Казахстане. Примирившись с потерей политической самостоятельности, эта часть феодального класса также считала для себя выгодным держать народ в темноте и невежестве, всячески культивировала старые обычаи и формы патриархально-феодальной идеологии.

Беспросветная нищета и бесправие казахского народа содействовали нарастанию его непрерывной борьбы против угнетателей. Постоянные откочевки от феодалов и непрерывные стихийные восстания характеризуют наличие этой борьбы и в XVIII и XIX вв.

Прогрессивный и демократический путь развития своего народа указали великие казахские просветители Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин, Абай Кунанбаев. Это был путь укрепления дружбы с великим русским народом, путь борьбы за просвещение и прогресс.

2. Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865) был первым казахским ученым-энциклопедистом (географом, историком, этнографом), публицистом-демократом и общественным деятелем.

Огромное влияние на формирование мировоззрения Валиханова оказала русская революционно-демократическая литература. Валиханов был постоянным читателем «Современника», глубоко изучал произведения Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина. Он был атеистом и отчетливо видел тот вред, который приносила религия народу, в том числе и религия мусульманская.

Валиханов отмечал, что интересы знатных и богатых людей, «даже в обществах высокоцивилизованных», бывают «большую частью враждебны интересам массы, большинства».

Первым в Казахстане Валиханов подметил общность интересов царских колонизаторов и местных феодалов. Вскрывая антинародную сущность проектируемых царским правительством судебной и иных реформ в Казахстане, Валиханов указывал, что в основу этих реформ положены пожелания султанов, биев и других знатных киргизов и что целью их является учреждение такой системы органов власти, которая позволит степным властям не мешать друг другу эксплуатировать простой народ. В своих письмах к русским друзьям, в письменных заявлениях властям Валиханов разоблачал злоупотребления, взяточничество и прямой грабег народа администрацией и казахскими феодалами, при помощи которых осуществлялось управление в степи.

Наступившая в России после крестьянской реформы общая реакция помешала Валиханову опубликовать материалы, разоблачающие гнет феодальной верхушки в Казахстане.

Валиханов много раз обращался к властям с предложениями об осуществлении в Казахстане демократических преобразований, что еще ближе и глубже приобщило бы казахский народ к русской культуре.

Валиханов настойчиво предлагал правительству преобразовать мусульманские школы в светские, а казахам рекомендовал посылать своих детей учиться в русские школы.

Валиханов идеализировал некоторые остатки «самоуправления» у казахов — общинные порядки, суд биев и т. д. Валиханов считал возможным использовать эти учреждения для социалистического будущего.

Формы нашего общественного развития, писал он, употребляя терминологию революционных демократов, представляют наибольшую аналогию с результатами высшего культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее.

Под «результатами высшего культурного развития» Валиханов понимал именно демократические, народные учреждения общества будущего. Эти учреждения он противопоставлял современным выборным учреждениям не только пореформенной России,

но и других европейских государств, в которых, несмотря на всю их «демократию», Валиханов ясно видел бюрократизм, формализм и другие антинародные черты.

Борясь за приобщение казахов к демократической русской культуре, за светлое будущее своего народа, Валиханов впервые утверждал материалистическую традицию в казахской общественной мысли под непосредственным влиянием русской материалистической философии и политических идей революционных демократов, хотя материалистические воззрения Валиханова были непоследовательны. Вся его просветительская деятельность была наполнена горячим стремлением помочь родному казахскому народу преодолеть реакционную националистическую идеализацию патриархальности, покончить с вековой отсталостью.

3. Выдающимся политическим мыслителем Казахстана был великий казахский поэт — просветитель **Абай** (**Ибрагим Кунанбаев** (1845—1904).

Решающее значение в формировании мировоззрения Абая имели русская гуманистическая художественная литература и освободительные идеи русских революционных демократов и их последователей.

Произведения русских революционных демократов — Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова-Щедрина, Писарева помогли Абаю Кунанбаеву в его борьбе с вековой отсталостью, феодализмом, исламом в Казахстане. Абай активно пропагандировал передовые демократические идеи русской прогрессивной литературы. Им были переведены на казахский язык отрывки из «Евгения Онегина», ряд стихотворений Лермонтова, многие басни Крылова. Он призывал молодежь изучать произведения Льва Толстого, Салтыкова-Щедрина.

Абай Кунанбаев подверг глубокой критике различные стороны общественной жизни Казахстана, основываясь на своих демократических и просветительских взглядах, пропагандировал программу общественного развития, в которой отстаивал идею дружбы русского и казахского народов.

В произведениях Абая большое место занимает критика ислама, схоластики и высмеиваются невежество, тупость мулл, ишанов.

Одной из главных причин векового отставания казахского общества Абай считал односторонность его кочевой скотоводческой экономики и предлагал казахам заниматься новыми для них промыслами — ремеслом, торговлей, земледелием.

Абай в своих произведениях дал обширную программу приобщения казахского народа к более передовым для того времени формам хозяйства и к развивающейся культуре русского народа.

В ряде своих произведений Абай разъяснял казахам, что они должны полагаться не на подачки феодала-«сородича», а на личный труд как на источник существования. При этом Абай

вскрывал истинную сущность помощи «сородичей» и предупреждал крестьян о том, что бай не поможет бедняку, а скорее расправится с ним плетью.

Разоблачая погоню феодалов за наживой, ради которой они прибегали к насилию и грабежу, Абай воспевает труд свободного от патриархально-феодальных оков работника. Он призывает казахов переходить к прогрессивным формам хозяйственной и общественной жизни: оседлости и труду на земле.

Ненавистью к угнетателям пронизаны многие произведения Абая, в которых он разоблачает антинародную деятельность царской администрации и степной аристократии в Казахстане. Он видел общность интересов «своей» и царской администрации:

Управитель начальству рад
Он не может от счастья дохнуть
Если русский ¹ дарит халат
И большую медаль на грудь ².

Во многих своих произведениях Абай показывал пагубность межродовых, межплеменных и феодальных раздоров и тот вред, который они приносили казахам. Он призывал к тому, чтобы прекратить раздоры феодалов, мешающие выходу казахского народа из состояния отсталости и патриархальщины, призывал к миру и дружбе, чтобы «для труда рукава засучить». Он мечтал о таком политическом строе, который дал бы возможность казахскому народу вступить на путь прогресса и культуры. Однако в силу существовавших тогда условий господства кочевого хозяйства и засилия феодалов ничего иного, кроме использования некоторых старых учреждений (суда биев, обычного права, некоторых общинных порядков), предложить он не мог. Он полагал, что если бы казахский народ располагал умными правителями, внедряющими новый быт и культуру, то он мог бы преуспевать в культурном и экономическом отношениях.

Абай стоял за сохранение добровольного избрания тяжущимися сторонами биев-судей, чем пытался оградить интересы трудящихся от произвола официальных биев — ставленников феодалов.

Под влиянием идей Абая из обычного права были устранены наиболее реакционные нормы, а также нормы, заимствованные из шариата.

Идеи Абая носили антифеодальный характер. Абай доказывал прогрессивность новых общественных отношений, складывавшихся в его время в Казахстане под влиянием передовой русской экономики, культуры и русского освободительного движения.

¹ То есть царский чиновник.

² А б а й К у н а н б а е в, Избранное, М., 1945, стр. 71.

§ 6. Политические взгляды просветителей народов Средней Азии. Муками. Фуркат. Дониш. Шахин. Бердах

1. Во второй половине XIX века Средняя Азия была присоединена к России, что явилось поворотным пунктом в истории населявших ее народов.

Присоединение к России положило конец пагубным феодальным междоусобным войнам и имело огромное прогрессивное значение для народов Средней Азии.

Благодаря присоединению к России создавались более благоприятные условия для хозяйственного развития Средней Азии; успешно стали расти такие отрасли сельского хозяйства, как хлопководство, промышленное виноградарство, садоводство, бахчеводство, каракулеводство. Народы Средней Азии были избавлены от постоянной угрозы порабощения их со стороны английского империализма, который пытался прибрать Среднюю Азию к своим рукам. Средняя Азия оказалась втянутой в сферу капиталистического, передового по сравнению с феодальным, способа производства. Создавались более благоприятные условия для ее экономического развития, расшатывались устои средневековья.

И самое главное, благодаря присоединению к России узбекский, таджикский и другие народы Средней Азии приобщились к передовой русской культуре, связали свою судьбу с русским народом, с русским рабочим классом, ставшим к концу XIX и началу XX вв. авангардом революционного движения во всем мире.

Если царизм вместе с ханами и баями, вместе с местными феодалами нещадно угнетал бесправные народные массы, то в противовес этому складывался и укреплялся союз народных масс Средней Азии с трудовым русским народом.

Передовые представители народов Средней Азии, боровшиеся против средневековья, феодального деспотизма и религиозного мракобесия, понимали прогрессивное значение присоединения к России и призывали к дружбе с русским народом. Они видели, что наряду с Россией колонизаторов, Россией царя и чиновников, стоящих на страже угнетателей, как русских, так и местных, имеется Россия прогрессивная, Россия революционная, Россия передовой науки и культуры.

Представители прогрессивной общественной мысли народов Средней Азии являлись выразителями чаяний и дум народных масс. Они подвергли критике современные им общественные порядки в Средней Азии, разоблачая «своих собственных» эксплуататоров и царских чиновников.

2. Виднейшим представителем прогрессивной общественно-политической мысли узбекского народа второй половины XIX в. был популярнейший поэт-демократ М у к и м и (1850—1903).

Мухаммед Амин-ходжа Мирза-ходжа, выступавший под псевдонимом Муками (что означает «постоянно живущий на одном

месте), родился в городе Коканде (Ферганская долина Узбекистана) в семье бедняка-хлебопека. По обычаю того времени он получил духовное образование: в детстве обучался в мектебе (школе) в Коканде, а затем в медресе (высшем мусульманском духовном училище) в Бухаре. По окончании бухарского медресе он вернулся в Коканд, где прожил до конца своей жизни.

Мукими выражал чаяния и думы трудового народа, с которым он был кровно связан. Ни ненависть богачей, ни преследования «власть имущих», ни материальная нужда не сломили духа Мукими. «Пусть мне меч грозит, — писал он, — все же буду говорить правду. Словам правдивым и прямым кто может возразить?»

Мукими не писал специальных политических трактатов. Свои взгляды он выражал в стихах, в своем богатом поэтическом творчестве.

Характерной чертой общественно-политических взглядов Мукими является то, что он видел в современном ему обществе разнородные социальные группы с противоположными интересами: крестьян, трудящихся бедняков, задавленных гнетом и нуждой, с одной стороны, и «людей с собачьими нравами» — баев, чиновников, торговцев, служителей культа и прочих угнетателей, с другой. Он понимал, что тщетны все надежды на улучшение положения трудового народа, пока правят богачи. «Кто правит, тот и прав, — мы никогда. И в этом наша главная беда», — писал Мукими, обращаясь к дехканину (крестьянину).

Все его творчество проникнуто любовью и горячим сочувствием к труженикам города и деревни. В таких произведениях, как «Прощение хану от жителей селения Хафалак», «Землемеры», «Вексель», «Новоявленный бай», «Святой», в своих известных «Путевых зарисовках» и в ряде других Мукими выразил свою глубокую ненависть к миру гнета и насилия, дал исключительно яркое описание тяжелого положения крестьян и ремесленников, деспотизма и произвола баев, мулл, ишанов и чиновников в дореволюционном Узбекистане.

Надо отметить, что Мукими сумел увидеть наряду со светскими и духовными феодалами новый тип хищника-капиталиста, так же жестоко эксплуатирующего обездоленные трудящиеся массы. В связи с этим в произведениях Мукими виден протест не только против феодальной, но и против капиталистической эксплуатации.

Мукими разоблачает царских чиновников, представителей местной администрации — хакимов, мингбаши, волостных управителей, отмечая, что наряду с произволом и обманом во всех звеньях государственного аппарата процветает взяточничество. Он показал, что суд всецело находится на службе угнетателей, что обманчива иллюзия найти правду у судей, выполняющих волю богачей и охраняющих их интересы. «Где правду искать беднякам, если деньги — кинжал, режущий все», — гневно восклицает он.

Мукими вел непримиримую борьбу против феодально-клерикальной идеологии, против проповедников ислама. Он разоблачал

мусульманское духовенство не только как рассадник мистики и обскурантизма, но и как силу, которая оправдывает и освящает угнетение человека человеком. «Ложь в поведении, ложь во всем, чем человек жив,— таково лицо духовенства»,— с ненавистью отмечал Мукими¹.

Мукими — горячий пропагандист дружбы с русским народом. Он много сделал для распространения среди узбекского народа передовой русской культуры.

Разоблачая пороки современного ему общественного строя и протестуя против эксплуатации и угнетения человека человеком, Мукими, однако, не сумел разобраться в классовой сущности как феодальных, так и буржуазных общественных отношений, не увидел той силы, которая могла бы ликвидировать ненавистный эксплуататорский общественный строй, и до конца жизни оставался на просветительских позициях. Эта ограниченность его мировоззрения была обусловлена отсталостью общественных отношений Узбекистана того периода.

Творчество Мукими, несмотря на непоследовательность и ограниченность его мировоззрения, представляет собой одну из самых ярких страниц в истории общественной мысли и культуры узбекского народа.

Как поэт он считал своим долгом служить народу. «Хороши те стихи,— писал он,— которые по душе народу и дают ему духовную пищу».

3. Видное место в истории общественно-политической мысли народов Средней Азии второй половины XIX века занимает узбекский поэт-просветитель Ф у р к а т (1858—1909).

Закирджан Халимухаммед (псевдоним Фуркат) родился в Коканде, в семье мелкого торговца. Учился сначала в мектебе, затем в медресе. В медресе он основательно изучил арабский и персидский языки. С молодых лет увлекался лучшими образцами классической поэзии Востока. Неизгладимое впечатление на него произвело творчество гениального узбекского поэта Алишера Навои. Довольно рано Фуркат сам начал писать стихи. В 80-х годах он уже был признанным поэтом. В 1882 году он входит в кружок Мукими, составленный из известных в то время в Узбекистане поэтов.

В 1889 году Фуркат приехал в Ташкент. Период пребывания в Ташкенте сыграл важную роль в жизни Фурката. Он знакомится с произведениями русских писателей, с русской культурой, устанавливает личные дружественные связи с демократически настроенными представителями русской интеллигенции. Значительное количество произведений Фурката печатается в это время на страницах «Туркестанской туземной газеты».

В 1891 году Фуркат из-за преследования со стороны клерикального духовенства был вынужден покинуть родину и последние

¹ М у к и м и, Рукописный сборник (баез). Хранится в рукописном фонде иррасведческого музея в Коканде, инв. № 3969.

годы своей жизни провел на чужбине. Он путешествовал по Индии, Аравии, Турции, Греции, Болгарии, Китаю. Страстное желание поэта вернуться на родину не осуществилось. Умер он в эмиграции.

Общественно-политические взгляды Фурката получили свое отражение в его поэтических произведениях, публицистических статьях и письмах.

Все творчество Фурката пронизано жизнеутверждающими прогрессивными идеями.

В противоположность представителям клерикального направления в литературе и общественной мысли, пропагандировавшим мистику, мусульманскую идеологию предопределения, Фуркат воспевал земную жизнь, страстно желал, чтобы его народ не в загробной жизни, а здесь, на земле, обрел бы свободу и счастье.

Определяющим в мировоззрении и творчестве Фурката явилось то, что он в науке, просвещении видел путь к расцвету родной страны, которую так горячо любил.

Фуркат не смог познать закономерностей развития общества и подлинных причин, порождающих «общественное зло», и не видел, как и все просветители, истинных путей к уничтожению эксплуатации человека человеком, к ликвидации темноты и невежества масс. Спасение народа он видел в просвещении и распространении в массах народа научных знаний. Но у него был острый глаз, он наблюдал тяжелую жизнь трудящихся, произвол баев, ишанов, царских чиновников, богачей и в своем творчестве отражал ненависть к угнетателям, чувства и переживания представителей простого трудового народа.

С большой силой он клеймил тунеядцев, богачей, грабивших трудовой народ, разоблачал мусульманское духовенство, которое оправдывает бесправие и темноту масс. Он резко осуждал угнетение женщин Востока и их рабское положение в семье. Разоблачая феодалов и богачей, Фуркат показывал в своих произведениях, что их богатство принадлежит им не по праву, что оно краденое, так как они ограбили тех, кто на деле создает все блага жизни, — тружеников.

Горячо сочувствуя тяжелому положению трудового народа, Фуркат негодует против социального строя, при котором наиболее полезные члены общества обречены на голод и вымирание, при котором трудящиеся массы работают для хищной и жадной своры паразитов. С ненавистью писал он о ханах и беках, которые «весь свой век проводили праздно, в поисках услад».

Фуркат был врагом национального гнета и неравноправия народов. С глубокой болью в сердце он писал о бесправном положении индусов, афганцев, угнетаемых английским империализмом. Он клеймил политику английских империалистов в Индии, их стремление натравить друг на друга мусульман (пакистанцев) и индусов. Он писал о героической борьбе афганцев, восставших против английского владычества, и с гордостью описывал их мужество в борьбе за свободу и национальную независимость.

Разоблачая насилие китайских феодалов над уйгурским народом, Фуркат вместе с тем с горячей любовью относился к великому китайскому народу и мечтал о союзе Китая и России в борьбе за мир и дружбу между народами.

Близки они — Россия и Китай,
Он будет с нами — тот великий край.
В единстве нашем — всей земли расцвет,
Навеки мир! Так говорит поэт.

Фуркат был неутомимым пропагандистом дружбы узбекского и русского народов. Он писал о том, что благодаря присоединению Средней Азии к России прекратились страдания и бедствия, связанные с междоусобными войнами. «Мы избавились от этих страданий,—писалон,—как только к нам пришел русский народ»¹.

Творчество Фурката сыграло большую роль в развитии передовой демократической общественной мысли и литературы Узбекистана во второй половине XIX и начала XX вв.

Фуркат, как и Муками, оказал в свое время огромное влияние на крупнейшего узбекского поэта и общественного деятеля Хамза Хаким-заде Ниязи (1889—1929), ставшего после Великой Октябрьской социалистической революции основателем узбекской советской поэзии и драматургии, борцом за социализм.

4. Крупнейшим представителем прогрессивной общественной мысли народов Средней Азии второй половины XIX века является замечательный мыслитель таджикского народа Ахмад Дониш (1827—1897).

Жизнь и деятельность Ахмада Махмуда (псевдоним Дониш, то есть Мудрый) протекала в Бухаре.

В XIX веке в Бухарском эмирате господствовали патриархально-феодальные отношения. Органы государственного управления Бухары, ее судебная система соответствовали характеру отсталой восточной деспотии. «Священная Бухара» являлась тогда не только столицей эмирата, но и духовным центром мусульманского мира. В ней ревностно охранялись догмы шариата.

Рычаги идеологического воздействия на массы были сосредоточены в руках мусульманского духовенства, которое помогало эмиру и его приближенным осуществлять грубые и циничные методы подавления трудового народа. Малейшее проявление свободомыслия, пропаганда светских знаний рассматривались как ересь, как подрыв «государственных устоев» и жестоко преследовались духовенством и эмиром. В тяжелых условиях засилия религиозного фанатизма выступил Ахмад Дониш — поэт, ученый, художник, родоначальник просветительства в общественно-политической мысли таджикского народа XIX века. Будучи передовым мыслителем своего народа, Дониш выступил с критикой деспотизма бухарского эмира и его чиновников, с протестом против мракобе-

¹ «Туркестанская туземная газета» 1903 г. № 22.

ся, с пропагандой научных знаний, с выражением сочувствия трудящимся массам, с требованием коренного изменения общественных порядков.

Огромное влияние на формирование мировоззрения Дониша оказало его знакомство с передовой русской культурой. Трижды побывав в России, Дониш отмечал прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России и горячо пропагандировал дружбу таджикского народа с русским народом.

Общественно-политические взгляды Ахмада Дониша выражены в таких трудах, как «Редчайшие происшествия», «Жизнеописание эмиров благородной Бухары» и др.

Дониш ясно видел экономическую и культурную отсталость своей страны, понимал, что народные массы эмирской Бухары при господстве феодалов обречены на обнищание, темноту и невежество. Он пытался наметить путь освобождения народа от эксплуатации и гнета, ошибочно полагая, что этого можно добиться путем реформ. Он считал, что появление просвещенного и мудрого правителя может положить конец бедствиям народа. Он обращался к эмиру с подробным проектом реформ. Дониш указывает на необходимые качества правителя: он должен быть справедливым, мудрым, просвещенным и действовать в интересах своих подданных. Важные государственные вопросы правитель должен решать, советуясь с опытными и справедливыми людьми; с их мнением он должен считаться, ибо ум нескольких лиц гораздо больше, чем ум одного. Для этого Дониш предлагает учредить Государственный совет с совещательными функциями. В Совете должны быть представители всех слоев населения. По мнению Дониша, государь должен уделять особое внимание вопросам ирригации, ибо от этого зависит благоустройство страны.

Правитель, по мнению Дониша, должен использовать свою власть на благо народа. Это его прямая обязанность как главы государства. Правитель отвечает за весь государственный аппарат, за всех своих чиновников. Эмир не должен вручать власть над подданными людям жадным и коварным, «угнетателям с волчьими нравами». На государственные посты нужно назначать людей благородных, заботящихся об общем благе. А между тем, утверждал Дониш, в эмирате царят «порядки и обычаи, бывшие уместными при Чингис-хане».

Характеризуя порядки в эмирате во время правления эмира Данияла, Дониш писал о том, что мангытские правители, «пользуясь неблагоустройством в управлении, овладели всем, что они находили: похитили огонь из очага вдовы, украли хлеб из благотворительных фондов, жили в свое удовольствие, некому было их осудить. Азартные игры, пьянство и разврат процветали среди правителей и чиновников, а подданным некуда было деваться»¹. Разу-

¹ А х м а д Д о н и ш, Жизнеописание эмиров благородной Бухары. Рукописный фонд института литературы и языка Академии наук Таджикской ССР, инв. № 1152.

меется, эта характеристика относится ко всем эмирам и их чиновникам, ибо произвол и деспотизм, по мнению Дониша, коренятся в самой политической системе эмирата. «Эмир и везир, отцы духовные и вельможи — все они одна шайка; рука руку моет», — писал он.

Все попытки Дониша воздействовать на эмира оказались тщетными, и в последние годы своей жизни он все больше и больше утверждался в мысли, что реформы не помогут, что нужно радикальное переустройство всего общественного и государственного строя Бухары. Он начинает апеллировать к народу, возлагать надежды на борьбу трудового народа за справедливый строй, предсказывает неизбежную гибель тиранов, эмиров и всех угнетателей. Но каковы реальные пути освобождения от произвола и деспотизма? Этого Дониш не знал. Он не сумел разобраться в подлинной сущности «общественной справедливости» и в тех путях, которые могут установить разумный и справедливый строй.

Однако протест Ахмада Дониша против деспотизма и религиозного мракобесия, его просветительская деятельность, его пропаганда передовой русской культуры сыграли огромную роль в развитии передовой общественной мысли Средней Азии.

Ахмад Дониш был создателем целого направления прогрессивной мысли таджикского народа второй половины XIX и начала XX вв. Некоторые из учеников Дониша потом плодотворно работали в условиях Советского Таджикистана, как, например, видный таджикский писатель и ученый Садриддин Айни, первый президент Таджикской Академии наук.

5. Учеником и последователем Дониша был и талантливый таджикский поэт и мыслитель XIX века Шахин.

Шамсиддин Махмуд (псевдоним Шахин, то есть Сокол) (1859—1894) родился в семье имама. Одиннадцати лет лишился отца. Воспитывался после смерти отца у чужих людей, терпел материальную нужду и лишения. Учился сначала в мектебе, затем в медресе.

С детства Шахин проявил любовь к поэзии и рано начал сам писать стихи. Его поэтический дар быстро созрел и он становится известным поэтом.

В таких известных произведениях, как «Лейли и Меджнун», «Подарок друзьям», «Чудеса искусства», он разоблачает феодальный гнет, характеризует эмиров как «злых шутов», клеймит развращенность нравов придворных кругов.

Шахин указывал, что государственный строй должен базироваться на началах разума и справедливости. Для этого правители и государственные чиновники должны быть просвещенными, образованными и умными людьми. Государственным чиновником должен быть человек с чистой совестью и доброй душой. На государственные должности надо назначать людей, имеющих знания и способности и, кроме того, имеющих склонность к этому «ремеслу» — к управлению государством.

Шахин критиковал деспотические порядки, при которых женщина оказывается фактически в положении рабыни. В поэме «Лейли и Меджнун» он дает трогательный образ смелой, свободолюбивой и независимой девушки, готовой до конца бороться за свое счастье, за свободу.

Шахин был страстным пропагандистом просвещения, научных знаний.

6. К числу просветителей народов Средней Азии относится и крупнейший поэт каракалпакского народа Бердах (Берды-Мурад Каргабай-углы, 1827—1900), творчество которого достигло наивысшего расцвета и зрелости в последние десятилетия XIX века.

Бердах был тесно связан с трудящимися массами, весь смысл своей жизни он видел в служении народу и, призывая к этому своих слушателей, говорил:

Достойные народу отдают
Все без остатка — разум свой и труд,
Родной народ свой к счастью ведут ¹.

Бердах решительно выступал против светских и духовных феодалов, не разделял их на злых и добрых, не ждал от них снисхождения и облегчения тяжелой участи народных масс. Он понимал, что «все богачи живут чужим трудом»². Обращаясь к обездоленным беднякам, Бердах предупреждал:

Богач тебя продаст наверняка,
Он — враг тебе и твоему народу ³.

Разоблачая мусульманское духовенство, Бердах говорил, что его представители — враги народа, «кровь сосущие во имя великого бога»:

Аллах врагам народа силу дал,
Зато людей достойных в грязь втоптал,
Ишан по воле бога вором стал.
Ишаны все приносят вред народу ⁴.

Страстный противник религиозного мракобесия и изуверства, Бердах выступал за освобождение женщин, звал их к активной борьбе за свое раскрепощение.

Вдохновенная поэзия Бердаха способствовала пробуждению каракалпакского народа, сближению его с русским народом и его передовой культурой в деле совместной борьбы против угнетателей.

¹ Бердах, Избранные произведения, Ташкент, 1951, стр. 16.

² Там же, стр. 19.

³ Там же.

⁴ Там же.

§ 7. Прогрессивная общественно-политическая мысль в Латвии, Эстонии и Литве

1. История народов Восточной Прибалтики, и в том числе латышей и эстов, тесным образом связана с той борьбой, которую они вели вместе с русскими много веков против агрессии Ливонского ордена и Тевтонского ордена, захвативших при помощи Ватикана исконные земли латышей и эстонцев и на много лет лишивших эти народы их государственности и национальной независимости.

Агрессия крестоносцев, совпавшая по времени с наступлением периода феодальной раздробленности на Руси и натиском половцев на южнорусские княжества, привела к порабощению местных народов. Ливонский орден, слившийся в 1237 году с Тевтонским, являлся военно-агрессивным органом немецких феодалов и воинствующей католической церкви. Сотни лет Орден душил культуру латышей, ливов, эстов и других народов Прибалтики. Одновременно Ливонский орден стремился к уничтожению русских северных городов, захвату торговых путей и насильственному обращению в католичество всего населения Прибалтики.

Зверства крестоносцев и покорение ими местного населения привели к губительным последствиям. Засилье помещичьего землевладения, оказавшегося в руках немецких феодалов, надолго задержало экономическое развитие страны и сопровождалось национальным угнетением латышей и эстов.

Ярким представителем идей просвещения XVIII века и страстным защитником латвийского крепостного крестьянства, ввергнутого немецкими феодалами в бесправие и нищету, явился замечательный историк латышского народа и просветитель — публицист Г а р л и б М е р к е л (1769—1850), выступивший в своих сочинениях в защиту латышского народа. Меркел доказывал в своих трудах значительную высоту и развитость культуры латышей и эстов, ее гуманистический характер и подчеркивал ее преимущество перед военной культурой немецких феодалов-завоевателей. Он сравнивал завоевание Прибалтики рыцарями-крестоносцами с хищническим вторжением испанских конкистадоров в Мексику.

Впервые среди всех историков Прибалтики Меркел указал на ту помощь, которую оказывали русские латышам в борьбе последних с рыцарями-крестоносцами, и оценил факт уничтожения Ливонского ордена в XVI веке как прогрессивный, облегчивший положение латышей и обеспечивший возможность дальнейшего развития культуры латышского народа.

2. Социально-экономическое развитие народов Прибалтики во второй половине XIX века характеризуется ростом капиталистических отношений. Развитие этих новых производственных отношений серьезно тормозилось политикой социального и национального угнетения народов Прибалтики со стороны немецких феодалов.

Формально освобождение крестьян от крепостного права было произведено здесь значительно раньше, чем в России (1816—1819), однако это не сняло цепей зависимости крестьян от помещиков.

Законы 1816—1819 гг. провозгласили личную свободу крестьянина, но не дали ему права ухода на новое местожительство без разрешения помещика.

Земля, уголья, сбыт сельскохозяйственной продукции на ярмарках, винокурение, пивоварение остались монополией помещиков, огромное большинство которых было немецкими баронами.

Земельные владения немецких баронов составляли около 48 процентов всей земли. Помещики богатели, сдавая свои земли крестьянам в аренду на кабальных условиях и заставляя умирающих с голода крестьян-арендаторов «отрабатывать» на помещичьем поле долги и арендную плату.

После проведения крестьянской реформы 1861 года латвийское и эстонское крестьянство находилось все в том же тяжелом положении, которое было закреплено законами 1816—1819 гг.

Особенно тяжелым было положение безземельных батраков, которых помещики всеми силами стремились заставить работать на хозяев неограниченное количество лет.

В годы назревания революционной ситуации 1859—1861 гг. в России классовая борьба крестьян с помещиками приняла в Латвии и Эстонии особо острые формы. Волнения крестьян шли непрерывно в продолжение всей Крымской войны и достигли своего кульминационного подъема в 1858 году, когда в Эстонии в уезде Харьюмаа поднялось крупнейшее восстание, известное в истории под названием «войны в Мхатра».

3. Развитие классовой борьбы в Прибалтике получило свое отражение и в идейно-политической области.

Развитие капитализма в Латвии и Эстонии, начавшееся интенсивно с 50—70-х годов XIX века, привело к появлению национальной буржуазии.

В 50-х годах в Латвии возникает относительно прогрессивное для того периода так называемое младолатышское движение.

Представители национальной буржуазии — «младолатыши» (К. Барон, К. Безбард и др.) выступили под лозунгами, имевшими антифеодальный характер, и ратовали за свободное развитие латышской национальной промышленности, за прекращение преследований латышской культуры, за создание латышских культурных учреждений, то есть с требованиями, импонировавшими народным массам Латвии.

В движении младолатышей в Латвии следует различать два периода. В 60—70-х годах это движение имело относительно прогрессивный характер и способствовало пробуждению национального самосознания.

Политическая программа младолатышей на всех этапах развития их движения носила умеренный буржуазный характер. Младолатыши не были революционерами и ратовали за проведение реформ

«сверху», которые позволили бы развиваться буржуазным отношениям в Латвии.

В 80—90-х годах XIX века младолатышское национально-буржуазное движение окончательно утратило свое прогрессивное содержание. В условиях обострившейся классовой борьбы между латвийской буржуазией и рабочим классом это движение приняло откровенно буржуазно-националистический характер, выродилось в чисто реакционное течение, культивировавшее патриархальный застой, старину и преклонявшееся перед немецкими баронами, перед западной буржуазной культурой.

В этот период выдающийся революционный писатель и поэт Латвии Я н Р а й н и с (1865—1929) выступает против буржуазии и ее космополитических тенденций.

Изучение произведений русских революционных демократов и знакомство с передовой русской литературой (Райнис обучался на юридическом факультете С.-Петербургского университета) способствовали формированию его мировоззрения. В условиях роста рабочего движения в Латвии Райнис быстро прошел путь развития от революционной демократии к марксизму.

Изданный Райнисом совместно с П. Стучкой сборник «Маленькие оводы» (1888), а также редактируемая им газета «Диемас Лапа» были направлены против младолатышского движения.

Деятельность Райниса, начиная с 80-х годов XIX века, содействовала распространению в Латвии революционно-демократических идей, а позднее, в 90-е годы, популяризации марксизма.

Начиная с 1903 — 1905 гг. Райнис выступает в ряде своих произведений как марксист.

4. Среди наиболее радикальных деятелей эстонской культуры, выступивших в тот период против засилья немецких баронов, пережитков крепостного права, защищавших национальную культуру эстонского народа от ее уничтожения, следует указать на демократа-просветителя эстонского народа Ф. Р. К р е й ц в а л ь д а (1803—1882).

Творчество Крейцвальда проникнуто ненавистью ко всякому угнетению, демократизмом, любовью к народу.

Крейцвальд известен как поэт, воспевавший в своих поэмах дружбу эстонского народа с русским и указывавший на положительное влияние России и русской культуры на развитие Эстонии.

Вместе с Крейцвальдом выступали и другие видные деятели эстонского народа — Якобсон, М. Веске, А. Рейнвальд.

Крейцвальд и Якобсон вели большую работу по пропаганде русской демократической культуры, содействовали насаждению просвещения в Эстонии, выступали против тех идеологов эстонской буржуазии, которые восхваляли и идеализировали старину и засилье немецких феодалов в Прибалтике, стремились подчинить эстонский народ иноземцам, изолировать его от России и ее демократической культуры.

На мировоззрении и политической программе деятелей демократического направления, выступавших в XIX веке в Эстонии, сказались общая экономическая отсталость Прибалтики.

Даже такие наиболее последовательные демократы-просветители, как Крейцвальд, не пришли в условиях Эстонии 60—70-х годов к идее революционного свержения самодержавия и не выступили с проповедью крестьянской революции, ошибочно уповав на то, что эстонский народ сможет отстоять и развить свою национальную демократическую культуру путем распространения просвещения и проведением «сверху» различных мероприятий и реформ в области администрации, суда, просвещения, здравоохранения и других сторон общественной жизни и быта.

5. Присоединение Литвы к России явилось прогрессивным фактором для исторических судеб литовского народа. Оно спасло его от угрозы насильственного порабощения Пруссией и обеспечило возможность сохранения литовского языка и всей национальной литовской культуры.

Экономика Литвы оказалась вовлеченной в общее развитие экономики России, что способствовало созреванию капиталистических отношений в недрах феодального общества и в Литве.

Однако развитию новых производительных сил в Литве, как и во всей России, в XIX веке мешали старые, феодальные производственные отношения.

Царская администрация стремилась подавить культуру литовского народа и опиралась в этой политике на литовских помещиков и католическую церковь.

В 40—50-х годах крепостническая эксплуатация, которой подвергались крестьяне в Литве, усилилась. Помещики по своему произволу определяли и увеличивали количество барщинных дней, устанавливали по своей прихоти крестьянские повинности, сгоняли крестьян с земли, превращая их в подневольных батраков.

Тяжесть крепостного гнета в Литве усугублялась тем, что помещики, используя старое, феодальное литовское обычное право, требовали от крестьян выполнения таких повинностей, как работа на смолокурнях и винокуренных заводах, дорожные повинности, рубка и вывозка леса, работа в других поместьях в интересах своего хозяина, производство тяжелых земляных работ и т. д.

В 1856 году волнения крестьян охватили многие уезды Ковенской и многие имения Виленской губерний. В 1858 году недовольство крестьян выразилось в почти повсеместном отказе крестьян от выполнения феодальных повинностей и в массовой подаче жалоб на помещиков, а также в неподчинении крестьян распоряжениям земской полиции.

В годы революционной ситуации, а именно в 1859—1861 гг., крестьянские волнения в Литве приняли почти всеобщий характер.

В 1863 году, когда польское восстание распространилось на Литву и Белоруссию, литовское крестьянство поднялось против крепостничества.

Восстание было подавлено, и крупнейшие вожди литовских крестьян (Сераковский, Мацкявичюс и др.) казнены. Массовый характер крестьянского движения в Литве и та героическая борьба, которую вело литовское крестьянство за свое освобождение, подрывали устои феодально-крепостнической системы и содействовали быстрейшему освобождению крестьянских масс от крепостного гнета.

6. Идеология русской революционной демократии оказала сильное революционизирующее влияние на подъем революционного движения в Литве в XIX веке. «Колокол» Герцена, «Современник», издаваемый Чернышевским, распространялись в Литве, и передовые мыслители Литвы жадно воспринимали идеи крестьянской революции.

Среди замечательных демократов Литвы XIX века, чья деятельность развивалась под непосредственным воздействием творчества русских революционных демократов, выделяются вожди крестьянского восстания 1863 года, сложившие свои головы в борьбе за свободу литовского народа, — С и г и з м у н д С е р а к о в с к и й (1826—1863) и А н т а н а с М а ц к я в и ч ю с (1826—1863).

Сераковский явился наиболее талантливым и одаренным вождем демократического крыла в Литовском восстании 1863 года. Он объединил отряды восставших в большое народное войско и повел его против царской армии.

Возглавляя крестьянское восстание, Сераковский выдвинул революционную программу передачи земли помещиков крестьянам, организации народного правления, создания свободного федеративного государства из Литвы, Польши и России.

Под влиянием идеи крестьянской революции, которую проповедовала русская революционная демократия, находился и Антанас Мацкявичюс, который был выходцем из бедной шляхетской семьи.

С началом восстания 1863 года Мацкявичюс с отрядом восставших крестьян ушел в лес и, пока Сераковский не присоединился к восставшим, руководил всеми крестьянскими отрядами.

Мацкявичюс резко критиковал проведенную помещиками грабительскую реформу 1861 года и указывал, что она не освободила народ, а дала ему лишь возможность сменить одного хозяина на другого.

Главным виновником бедственного положения литовского крестьянина Мацкявичюс считал русское самодержавное правительство и всю систему, которая установила «угнетение народа административным управлением, полицией и панамипомещиками».

Поднимая литовский народ на восстание, Мацкявичюс указывал на необходимость изгнания помещиков и раздела всей помещичьей земли «в собственность народу без различия веры». Мацкявичюс подчеркивал, что его революционное выступление было продиктовано стремлением облегчить судьбу литовского крестьянина,

горячей любовью к своему народу. Как Сераковский, так и Мацьявичюс представляют собой прекрасный пример того, каких преданных своему народу борцов выдвигало освободительное движение второй половины XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Энгельс Ф., Письмо К. Марксу 23 мая 1851 г., Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. XXI, с. 211.
Ленин В. И., К вопросу о национальной политике, Соч., т. 20, с. 199—200.
Сталин И. В., Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, с. 295.

Источники

- Шевченко Т. Г., Избранные сочинения, М.—Л., 1939.
Шевченко Т. Г., Кобзарь, М., 1947.
Франко И. Я., Избранные сочинения, М., 1954.
Чавчавадзе И. Г., Избранные произведения, М., 1950.
Церетели А. Р., Избранное, Госполитиздат, 1940.
Ниношвили Э., Повести и рассказы, М., 1936.
Налбандян М., Избранные философские и общественно-политические произведения, М., 1954.
Ахундов Мирза Фатали, Философско-политические произведения, Баку, 1940.
Кунанбаев Абай, Избранное, Алма-Ата, 1945.
Мукими, Избранные произведения, Ташкент, 1951.
Фуркат, Избранные произведения, Ташкент, 1951.
Бердах, Избранные произведения, Ташкент, 1951.

Дополнительная

- Дмитерко Я. Д., Общественно-политические и философские взгляды Т. Г. Шевченко, М., 1954.
Гусейнов Г., Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX в., Баку, 1949.
Меликова М., Общественно-политические взгляды Мирза Фатали Ахундова, Баку, 1958.
Муминов Ибрагим, Из истории развития общественно-философской мысли в Узбекистане, Ташкент, 1957.
Момджян Х. Н. Общественно-политические воззрения Микаэла Налбандяна, «Вопросы философии», 1954 г. № 2.
Раджабов Э., Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX в. и начале XX в., Сталинабад, 1951.
Чивададзе Ш. И., О философских и социально-политических воззрениях Ильи Чавчавадзе, «Вопросы философии» 1951 г. № 4.
Касумов М., К вопросу о влиянии передовых идей России XIX века на развитие общественной мысли в Азербайджане, «Труды Азербайджанского института истории и философии», Серия философская, 1951, вып. 2.
Михайлов С. И., О роли русской революционно-демократической идеологии в формировании передовой общественной мысли народов России в XIX в., «Вопросы философии» 1952 г. № 5.
-

ГЛАВА XXII

ПЕРЕДОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН В XIX ВЕКЕ

§ 1. Исторические особенности развития политической мысли западных и южных славян в XIX веке. § 2. Передовая политическая мысль в Болгарии. § 3. Политические взгляды Светозара Марковича — выражение идеологии угнетенного крестьянства Сербии. § 4. Развитие передовой политической мысли в Польше. § 5. Национально-освободительное направление передовой политической мысли в Чехии

§ 1. Исторические особенности развития политической мысли западных и южных славян в XIX веке

Творчество революционных демократов Болгарии, Сербии, Польши, Чехословакии было вызвано к жизни развитием классовой и национально-освободительной борьбы в этих странах. В замечательных трудах Герцена, Белинского и особенно Чернышевского, Добролюбова и их соратников идеология крестьянской революции нашла наиболее глубокое и всестороннее обоснование и выражение, что и обусловило огромное и плодотворное воздействие этих трудов на развитие революционно-демократической политической мысли в славянских странах и других странах Европы и Азии.

Политические взгляды передовых мыслителей южных и западных славян (болгар, сербов, поляков, чехов, словаков) в XIX веке складывались и созревали в чрезвычайно сложных и своеобразных исторических условиях. Характерными моментами, отличавшими эти страны в экономическом и политическом отношениях, были: господство феодально-крепостнических общественных отношений, замедленность темпов развития капитализма (за исключением Чехии и

отдельных районов Польши), наконец, теснейшее переплетение социального гнета с гнетом национальным. Западные и южные славяне (за исключением Сербии, являвшейся самостоятельным княжеством) находились под игоземным владычеством и не имели своей национальной государственности. Болгарский народ страдал под деспотическим турецким игом и лишь в результате освобождения Болгарии русской армией, нанесшей решительный удар турецкой империи в войне 1877—1878 гг., получил свою национальную государственность. Чехи и словаки находились под пятой монархии Габсбургов. Польша с конца XVIII века была поделена между Пруссией, Австрией и царской Россией.

В этой обстановке борьба за национально-государственную независимость приобрела для южных и западных славян особую остроту и актуальность.

В национально-освободительном движении в этих странах, направленном против чужеземного ига, принимают участие почти все слои населения. Угнетенные народные массы — крестьянство, городская беднота, являвшиеся основной силой национально-освободительного движения, были заинтересованы в наиболее радикальных методах борьбы за национальное и социальное освобождение. Они добивались как освобождения от иностранного гнета, так и уничтожения крепостнических порядков. Национальная же буржуазия, испытывая страх перед массовым народным движением, хотела лишь укрепить свои классовые позиции в экономической и политической области путем реформ, на основе компромисса с феодальной реакцией собственной страны и господствующими классами угнетающих наций.

Соответственно этому в политической идеологии западных и южных славян формировались цели и задачи национально-освободительной борьбы, определялись два борющихся между собой направления: революционно-демократическое и буржуазно-либеральное, реформистское.

Революционно-демократическое крыло политической мысли было представлено в Болгарии именами Василия Левского и Христо Ботева; в Сербии — Светозара Марковича; в Польше — Иохима Левеля, Станислава Ворцеля, Эдуарда Дембовского; в Чехии революционно-демократическое направление получило свое выражение в произведениях руководителей Пражского восстания 1848 года.

§ 2. Передовая политическая мысль в Болгарии

1. Турецкое владычество в Болгарии означало господство жестокого режима как социального, так и национального угнетения. Оно, естественно, вызывало непрерывное нарастание болгарского национально-освободительного движения, волну стихийных крестьянских восстаний.

Выразителями интересов и чаяний трудящихся масс, глашатаями идеи народной революции, борцами за социальное и национальное раскрепощение многострадавшего болгарского народа во второй половине XIX века явились такие передовые мыслители, как Василь Левский и Христо Ботев.

2. Василь Левский (1837—1873) был сторонником организации всенародного восстания против турецкого владычества в целях ликвидации феодальных порядков и создания Болгарской народной республики.

В рамках этой демократической республики могли бы мирно и дружно сотрудничать, по мнению Левского, как славянские, так и неславянские народности, не исключая и турецкого трудового народа.

Василь Левский был принципиальным и последовательным сторонником идей великих русских революционеров-демократов, а их борьбу против крепостничества и царского самодержавия ставил в пример болгарским революционерам.

3. Крупнейшим представителем революционно-демократического направления, мыслителем и выдающимся народным поэтом-патриотом Болгарии был Христо Ботев (1848—1876).

Большое влияние на формирование мировоззрения Ботева оказала передовая русская культура. Ботев с глубоким увлечением и любовью изучал произведения Рыльева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова и особенно труды великих русских революционных демократов: Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова. Огромное впечатление на Ботева произвел знаменитый роман Чернышевского «Что делать?».

Ботев был проповедником народной революции в Болгарии. Он хорошо понимал неразрывную связь борьбы трудящихся масс против турецкого иноземного ига с борьбой против собственных, «национальных», эксплуататорских классов.

Ботев разоблачил ограниченность болгарского буржуазного просветительства, идеологи которого (Петко Славейков, Иаким Груев и другие) пытались отвлечь народные массы от революционной борьбы за социальное и национальное раскрепощение родины, выдвигая лозунги борьбы за «духовную свободу», за распространение культуры и т. д.

Главными врагами народных масс, указывал Ботев, являются прежде всего антинародные правительства и паразитические, то есть эксплуататорские, классы.

Формулируя политическую программу народной революции, движущей силой которой должно было стать крестьянство, Ботев полагал, что в результате этой революции будет создано народное правительство, способное возглавить массы и осуществить коренные общественные преобразования.

Ботев являлся убежденным сторонником революции народных масс. Он подчеркивал необходимость руководства освободительным движением.

В 1874 году Ботев возглавляет Болгарский революционный центральный комитет, который вел энергичную подготовку всенародного восстания против турецкого ига.

Ботев в силу недостаточной зрелости общественных отношений современной ему Болгарии, отсутствия в ней массового рабочего движения не смог еще возвыситься до научного социализма. Он не сумел до конца преодолеть идеалистическое представление о крестьянских общинах и ремесленных цеховых гильдиях как опорных пунктах строительства социалистического общества после победы народной революции. Ботев, как и русские революционные демократы, не смог еще осознать историческую роль пролетариата как единственного класса, способного возглавить все трудящиеся массы в борьбе за социалистическую революцию и построение нового, социалистического общества. Он еще не выделяет пролетариат как особый класс из общей массы трудящихся и угнетенных. Однако следует иметь в виду, что в последние годы своей жизни Ботев под влиянием развития революционного рабочего движения в странах Западной Европы сделал ряд шагов к правильному пониманию исторической роли пролетариата.

Ботев с глубоким вниманием и сочувствием относился к деятельности I Интернационала, руководимого Марксом и Энгельсом, и высоко оценил борьбу парижских коммунаров.

По своему философскому мировоззрению Ботев являлся убежденным материалистом и воинствующим атеистом.

В своих произведениях Ботев подверг острой критике буржуазную демократию и разоблачал пресловутый закон народонаселения Мальтуса.

По меткой характеристике основателя коммунистической партии Болгарии Д. Благоева, Ботев был предтечей научного социализма в Болгарии.

В своем публицистическом и поэтическом творчестве Ботев выступал как последовательный борец за теснейшую дружбу болгарского народа с великим русским народом и со всеми славянскими нациями. Будучи великим патриотом своей родины, Ботев, подобно своим учителям — Белинскому, Герцену, Чернышевскому и Добролюбову, стоял на позициях последовательного демократического интернационализма. Интернационализм Ботева ярче всего сказался в том, что, будучи вождем национально-освободительной борьбы против турецкого ига, он неустанно призывал болгарский народ не смешивать турецкий трудовой народ с его деспотическим правительством. Ботев выступил глашатаем идеи братского союза трудовых масс Болгарии и Турции в борьбе против их общего врага. В 1876 году Ботев пал смертью храбрых, участвуя во главе отряда болгарских революционеров в боях против турецких карательных отрядов. Незадолго до своей гибели Ботев издал единственный номер демократической газеты «Молодая Болгария».

Творчество Христо Ботева по праву занимает первое место в сокровищнице передовой политической мысли Болгарии XIX века.

Выдающаяся роль Христо Ботева в освободительном движении в Болгарии как прямого предшественника болгарских марксистов охарактеризована вождем болгарского народа Георгием Димитровым в следующих словах: «Наш великий национальный герой, революционер и поэт Христо Ботев всегда останется высоким примером для болгарского народа, для его молодежи и народного студенчества. В нынешней борьбе за демократию, народную республику и национальную независимость, за прогресс и подъем болгарской нации Христо Ботев — знамя, которое все выше и выше будет развеваться над новой демократической Болгарией»¹.

§ 3. Политические взгляды Светозара Марковича — выражение идеологии угнетенного крестьянства Сербии

1. В первой половине XIX века Сербия в результате целого ряда народных восстаний против турецкого ига, а также благодаря помощи русских войск в борьбе против Турции оформилась в самостоятельное феодальное княжество. Однако полной независимости от Турции это княжество не получило.

Отдельные территории, населенные сербами, входили также в состав Австро-Венгерской монархии. Развитие капитализма в аграрной стране, где господствовал в основном феодально-крепостнический строй и в экономике которой еще сохранилось много пережитков полупатриархальных отношений, шло вплоть до конца XIX века крайне медленными темпами. Рабочий класс Сербии делал лишь первые шаги по пути своей политической организации, был крайне малочисленным и распыленным.

2. Наиболее ярким выражением нужд и чаяний угнетенного сербского крестьянства и других слоев трудящихся, подвергавшихся жестокому социальному угнетению, являлись общественно-политические взгляды Светозара Марковича (1846—1875).

Биография Светозара Марковича характерна для выходца из народа. Каждый шаг его жизни куплен ценой тяжелого труда. Маркович рано лишился родителей и перенес большие материальные лишения. Несмотря на многие трудности, он сумел получить разностороннее образование, критически освоить достижения науки того времени. С 1866 по март 1869 года Маркович учился в Институте инженеров путей сообщения в России. Тогда-то и завязал он прочные связи с русским революционным подпольем.

Пребывание в России и знакомство с идеологией русской революционной демократии оставили глубокий след в мировоззрении и общественной деятельности Марковича. Он не прерывал связи с русскими революционными деятелями и после возвращения на

¹ Г. М. Д и м и т р о в, За литературата, изкуството и науката, София, 1949, стр. 105.

родину. Маркович находился в числе активных участников русской секции I Интернационала и в своих произведениях, в письмах к друзьям горячо пропагандировал идеи русских революционных демократов и в особенности наиболее близкого ему Чернышевского.

Первые же выступления Светозара Марковича, в которых он бичевал либеральную партию — прислужницу реакции, привлекли внимание сербского правительства, и на защитника интересов народа обрушились репрессии. Потеряв стипендию, подвергаясь постоянным преследованиям, изнуренный лишениями, больной Маркович не прервал активной пропаганды революционных идей. Пять лет общественно-революционной и литературной деятельности (1870—1875) поставили его во главе революционного движения в Сербии. Умер Маркович молодым, едва достигнув 29 лет. Однако его идейное наследство настолько значительно, что позволяет поставить его в один ряд с крупнейшими революционными демократами других стран.

В начале своей общественно-политической деятельности Маркович выступал как радикальный сторонник либеральных идей, но очень скоро он перешел на позиции последовательного революционного демократизма и утопического социализма. Изучение произведений Маркса и Энгельса, активное участие в деятельности I Интернационала оказали большое влияние на развитие мировоззрения Марковича в сторону научного социализма. Если он не смог стать последовательным марксистом, то это объясняется прежде всего неразвитостью, отсталостью общественных отношений в Сербии того времени, почти полным отсутствием в ней рабочего движения.

Как и все революционные демократы, Маркович не смог выйти за рамки утопического социализма. Стремясь теоретически обосновать программу социалистических преобразований страны, где сельское хозяйство и ремесло являлись основой экономики, он защищал идеи социального преобразования «на основе народного суверенитета и общинного самоуправления». Революционную, преобразующую общество силу он видел в крестьянстве и ремесленниках и уповал на возможность прихода к социализму через крестьянскую общину «задругу» в деревне и организацию коллективного труда ремесленников в городе.

Подчеркивая патриархальность «задруги», представляющей собой «первобытную ассоциацию по производству и потреблению одновременно», Маркович отмечает коллективное владение пастбищами, землей, движимым имуществом (за исключением личных орудий труда). Известная идеализация общинных порядков, свойственная всем революционным демократам аграрных стран, сказывается у него и в описании быта сербского сельского общества.

Общине принадлежит одно из первых мест в обширном плане демократизации всего строя Сербии, развитом в ряде произведений Марковича. Освобожденная от полицейского надзора и организованная на коллективном труде община должна самоуправляться:

общее собрание выбирает членов исполнительного комитета, членов общинного суда.

Много внимания уделил Маркович теоретическому обоснованию производственных кооперативов ремесленников, потребительских кооперативов и практической их организации. Способом решения рабочего вопроса для Сербии он считал такое преобразование производства, при котором принцип труда был бы признан «в качестве основы общественной организации»; при этом рабочим он называл любого человека, занимающегося производительным трудом, а не только заводского рабочего.

Реформа государственного аппарата должна была, по мысли Марковича, затронуть систему образования, суд, финансы и в конечном счете служить делу повышения материального благосостояния широких масс народа. Необходимо, говорил он, приблизить государственные учреждения к народу; организация народного суда и народного банка и уничтожение старого законодательства, обременяющего народ, будут способствовать его освобождению. Маркович стоял за передачу законодательной власти в руки скупщины, организуемой на началах широкого народного представительства.

Маркович утверждал, что предлагаемые им социальные преобразования не являются плодом фантазии, и стремился научно обосновать их. Однако по существу его взгляды на общественное развитие были идеалистическими, а план реформ базировался на идеалах утопического социализма.

Говоря о слабых сторонах мировоззрения Марковича, об утопичности многих его представлений, нельзя забывать революционно-демократического содержания выдвинутой им политической программы и того положительного влияния, которое она оказала на революционную борьбу в Сербии.

Маркович подверг решительной критике помещичье-буржуазный строй Сербии. Статья «Сербские обманы» разоблачала монархическое правительство, а также либералов, стремившихся оправдать засилье бюрократии ссылками на необходимость примирения династии и народа. В этом, как и в некоторых других своих произведениях, Светозар Маркович опирался не только на лучшие критические работы Чернышевского, но и на ставшие известными ему произведения Маркса и Энгельса. Статья разоблачает сербскую конституцию 1869 года и показывает, что за пышными фразами о суверенитете народа скрывается произвол монархистов и крупной чиновной бюрократии, тех «интеллигентных господ», которые, по выражению Марковича, быть может, ради того и в Гейдельберге и в Париже побывали, чтобы изучить, как с помощью государственного аппарата взнуздывать народ, чтобы удобнее было на нем ехать.

Маркович выступил против буржуазно-националистической идеи создания «Великой Сербии» путем насильственного объединения балканских народов в рамках сербской монархии. Эту на-

ционалистическую программу поддерживала значительная часть «великашей» (то есть крупных помещиков) и крупных торговцев.

Большой интерес представляет критика Марковичем буржуазной государственности, буржуазной законности и порядка. Он подходил к правильному пониманию классовой сущности государства и обосновывал идею революционной борьбы против буржуазного государства и буржуазного правопорядка. В статье «Кто ниспровергает порядок и собственность?», анализируя исторический опыт социальных движений и классовых битв, Маркович отмечает, что не было случая в истории, чтобы те, кто являются действительными тиранами народа, не пытались оправдать жестокою расправу ссылками на то, что они защищают «порядок». «Когда в 1848 году кровопийца генерал Кавеньяк рубил и колол героев июньской революции, он делал это «во имя порядка», «во имя собственности».., когда Галифе и другие палачи в 1871 году расстреливали борцов Парижской Коммуны и завалили Париж трупами 40 тысяч убитых рабочих, они это делали «во имя порядка», «во имя собственности». Страшен так называемый «буржуазный порядок», при котором хозяева-фабриканты выбрасывают рабочих на улицу и оставляют их умирать с голоду, «потому что они были трудолюбивы и слишком много произвели».

В ряде блестящих статей и памфлетов Маркович изобличает буржуазное государство, буржуазный правопорядок как систему «организованного господства буржуазии над народом». «Капиталисты, — пишет Маркович, — которые имеют экономическую власть, естественно, имеют и власть политическую. Представительства, «избранные» народом, ответственность министров, свобода печати и другие либеральные институты являются на деле только ширмой, с помощью которой прикрывается власть денежной аристократии в Европе».

Эта критика буржуазного общественного и государственного строя оказала решающее влияние на воспитание поколений революционеров в Сербии и не утратила своего значения в настоящее время.

Маркович считал, что преобразование общества на социалистических началах может быть осуществлено лишь революционным путем. Эта идея наиболее полно отражена в такой его статье, как «Общественная и политическая борьба в Европе», в которой дается оценка революционных событий 1789 и 1848 гг. во Франции, картина происходившей тогда классовой борьбы и показана неизбежность ее нарастания, а также в статье «Социализм или общественный вопрос». Эти работы, безусловно, стоят в ряду лучших произведений демократической публицистики. Они сыграли видную роль в пробуждении сознания передовых людей Сербии.

Революции в истории неизбежны. «Недовольство прошлым и стремление к лучшему — вот что было настоящим двигателем революций». Буржуазные либералы, обманывая рабочих, утверждали, что коммунизм, социальная революция имеют основным своим содержанием не созидание, а лишь разрушение. Маркович вскрыл лживость

этих утверждений. Социальная революция, объяснял он, имеет две стороны: рухнет старое, но поднимается новое.

Признавая революцию средством взятия власти народом и свержения власти эксплуататоров, Маркович вместе с тем подчеркивал, что «...сила может быть употреблена только для отрицания, для ниспровержения старого общества, но организация нового общества не может осуществиться насильем, против воли большинства...».

Маркович проводил мысль, что для справедливой организации общества необходимо, чтобы в народе имелось «сильное инициативное меньшинство», пользующееся доверием народа, которое сумело бы дать направление народному движению и «обеспечить твердый путь общественному преобразованию». И свою публицистику и практическую революционную работу он подчинил делу создания «радикальной партии», могущей встать во главе народа и руководить революцией в Сербии.

Первоочередной задачей создаваемой им радикальной партии Маркович считал пропаганду идей социализма. «...Эти идеи тем раньше проникнут в массу народа, чем больше будет стараться образованное меньшинство объяснить их народу и распространить их. В этом и заключается задача социалистической литературы в Сербии».

Интернационализм, любовь к трудящимся всех наций и уважение к культуре всех народов пронитывают каждую строку произведений Марковича. Верность принципам интернационализма, социалистическим идеалам, высоко поднятым I Интернационалом, сказались в страстной защите Марковичем революционных борцов Парижской Коммуны.

После разгрома Парижской Коммуны буржуазная пресса в Европе, в том числе реакционная печать и либеральные журналы Сербии, обрушились на героев Коммуны и коммунизм, всячески их пороча. В статьях «Парижская Коммуна», «Гибель Парижской Коммуны», «Парижская Коммуна и Интернационал» Светозар Маркович смело выступил в защиту коммунаров, их героической попытки свергнуть господство буржуазии и освободить трудящихся от гнета капитала. Идеи защиты Парижской Коммуны Марковичем представляет собой одну из славных страниц истории революционной мысли югославского народа.

Образование Парижской Коммуны и истинная причина возникновения гражданской войны, указывал Маркович, лежат «в самом общественном расколе французского народа». Нужда и ужасные условия труда привели рабочих к восстанию. «Пусть каждый поставит себя в положение рабочего и члена Парижской Коммуны. Как он жил в условиях того «законного порядка», который вооруженной силой навязало ему правительство? Тот, кто производил тончайший шелк и бархат, не имел и приличной рубашки; тот, кто строил прекраснейшие дворцы — чудеса строительного искусства, не знал, куда преклонить голову; тот, кто,

работая на многочисленных фабриках, создавал все блага для образованного мира, не мог досыта наесться хлеба».

Маркович указывал, что, обвиняя Коммуну в преступлениях, которых она никогда не совершала, враги замалчивают ее подлинную деятельность. Коммуна отменила смертную казнь, причем сделала это в осажденном городе, наполненном ее врагами и тайными агентами различных династических групп. Коммуна обложила чрезвычайным налогом не всех, а только богачей, акционеров железнодорожных обществ, и это было одним из справедливейших дел, которые совершила Коммуна, так как эти акционеры обогатились благодаря тому, что ограбили весь французский народ». Коммуна провозгласила свободу совести, чтобы каждый мог верить, во что он хочет. «Для улучшения положения рабочих Коммуна употребляла самые законные средства, которые были в ее власти».

Демократизм Марковича, его готовность страстно защищать героев Коммуны от нападок реакционной прессы, оправдывавшей зверскую расправу над коммунарами, ярко проявились в большой статье «Белый террор». В ней говорится, что принципы коммунизма, которые проводились Коммуной в жизнь и которые «теперь временно побеждены грубой силою», являются принципами современной науки об обществе. Коммуна стремилась не к утопии, а к таким общественным преобразованиям, которые возможны.

Особо нужно отметить борьбу Светозара Марковича против анархизма; она имела большое значение для Сербии, где Бакунин пробовал насадить организацию анархистов в виде «Славянской секции». Маркович писал о «вывернутой наизнанку прудоновской анархии» и называл Бакунина «неудачливым революционером».

Вся жизнь замечательного сына Югославии Светозара Марковича — убедительный пример того, как тесно были связаны между собою судьбы революционного движения России и Сербии в 70-х годах XIX века. Труды Светозара Марковича пронизаны глубокой верой в неизбежную победу дела освобождения трудящихся масс от всякого гнета и порабощения.

§ 4. Развитие передовой политической мысли в Польше

1. Выступление передовых мыслителей Польши проходило в обстановке нарастания классовой борьбы и принятия конституции Польши, утвержденной 3 мая 1791 г. под давлением прогрессивных элементов и направленной на укрепление польского государства.

В конце XVIII века польское феодальное государство — Речь Посполитая — переживало период тяжелого политического кризиса. Экономическое развитие страны шло по линии вызревания и укрепления капиталистического уклада в недрах феодального общества. В то же время вся система политических и правовых

учреждений была направлена на сохранение власти феодалов-магнатов и укрепление крепостного права. В это время с критикой феодальных порядков выступают деятели польского просвещения (Г. Колонтай, Ю. Мейер и др.).

Боясь прогрессивного движения внутри страны, феодальная знать прибегала к помощи монархов Австрии, Пруссии и России и способствовала разделу территории Польши этими сильными государствами.

Широкое патриотическое движение, вспыхнувшее среди самых разнообразных слоев населения, имевшее своим кульминационным пунктом восстание Тадеуша Костюшко, было сорвано шляхтой, не соглашавшейся на борьбу за национальную независимость с привлечением крестьян. В результате восстание было подавлено и совершился окончательный раздел Польши, который, как указывается в одной из статей К. Маркса и Ф. Энгельса, «...являлся для крупной аристократии последним средством спасения от революции...»¹ и был поэтому реакционным.

В борьбе против польских магнатов и чужеземного ига в Польше с начала XIX века сложился весьма широкий по социальному составу участников фронт национально-освободительной борьбы.

«Последствием уже первого раздела был, совершенно естественно, союз остальных классов, т. е. дворянства, городского бюргерства и отчасти крестьянства, как против угнетателей Польши, так и против крупной аристократии своей собственной страны»².

Неоднородность классового состава участников национально-освободительного движения в Польше обусловила и различия в политических взглядах, отображавших интересы различных социальных групп, представленных в этом движении.

Представители среднего шляхетства, боясь роста массового народного движения, активного выступления широких крестьянских масс, в наиболее острые моменты политической борьбы проявляли тенденцию к сговору с австрийскими и прусскими властями, с царским правительством.

Наряду с этим складывается и развивается левое, радикальное крыло национально-освободительного движения, выражавшее интересы и чаяния угнетенного крестьянства, городской бедноты, а также мелкопоместного разорявшегося шляхетства. Лучшие представители этого крыла ориентировались на союз с трудящимися массами русского народа в интересах совместной борьбы против царизма и феодально-крепостнического строя.

Так, например, наиболее радикальные круги мелкопоместного шляхетства, игравшего главную роль в польском восстании 1830—1831 гг., в ходе этого восстания выдвинули лозунг братского

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 352.

² Там же.

единства с русскими революционерами («За вашу и нашу свободу»). Они выражали свое искреннее восхищение героическим революционным выступлением декабристов. Политическая мысль декабристов и вольнолюбивая поэзия А. С. Пушкина сыграли немаловажную роль в формировании мировоззрения великого польского поэта-патриота Адама Мицкевича. Поколение польских революционеров, участников восстания 1863 года, представленное такими деятелями, как Я. Домбровский и С. Сераковский, находилось под сильнейшим воздействием идей Герцена и Чернышевского.

2. А да м Ми ц к е в и ч (1798—1858) — гениальный польский поэт, один из выдающихся участников польского национально-освободительного движения. Политические взгляды Мицкевича нашли отражение в ряде статей, напечатанных в издававшейся в 1849 году в Париже газете «Трибуна народов». В этих статьях Мицкевич выступает с проповедью идей утопического социализма, призывает революционные силы польского и других народов к совместной борьбе против «царя, королей и капиталистов», выступает с лозунгом организации демократической республики. Следует отметить, что, оставаясь в целом в рамках концепции утопического социализма, Мицкевич подверг критике отдельные недостатки учения Сен-Симона и Фурье.

Политическая программа, развивавшаяся Мицкевичем, страдала большой нечеткостью и противоречивостью. Проповедь активной революционной борьбы народных масс сочетается в ней с призывом к слиянию «моральной силы» революции с «религиозной идеей». Эта программа не была свободна от религиозно-мистической концепции «польского мессианизма».

При всей противоречивости мировоззрения Мицкевич остается одним из благороднейших представителей поколения польских дворянских революционеров, видевших главную задачу своей деятельности в беззаветном служении делу социального и национального освобождения польского народа.

3. Видное место в истории развития передовой политической мысли в Польше в первой половине XIX века занимает И о а х и м Л е л е в е л ь (1786—1861) — один из выдающихся деятелей польского восстания 1830—1831 гг., представитель наиболее революционного крыла в руководстве этим восстанием. В отличие от консервативного шляхетского большинства участников восстания, боявшихся политической активности угнетенных крестьянских масс, Лелевель выдвинул демократическую политическую программу. «Он предложил действительно революционные меры, смелый характер которых перепугал аристократов сейма. В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предоставлении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в

борьбу за свободу; он стремился отождествить интересы всех народов с интересами польского народа»¹.

В своих трудах, написанных в 30—40-х годах XIX века, Лелевель утверждал, что основной движущей силой в истории развития Польши является борьба классов: феодалов-землевладельцев и порабощенного крестьянства. Применительно к условиям Западной Европы Лелевель признавал справедливость и правомерность борьбы рабочего класса против новой, «буржуазной аристократии». Лелевель подчеркивал большое значение народных масс в ходе исторического развития. Его политические взгляды являлись теоретическим обоснованием политической программы революционно-освободительного движения в Польше.

4. В 30-х годах XIX века на арену политической жизни Польши выступил Станислав Ворцель (1799—1857) — руководитель польских эмигрантских революционных организаций «Грундзэндз», а затем «Польский народ», программным требованием которых являлась ликвидация частной собственности на землю. Политические взгляды Ворцеля отображены в его реферате «О собственности» (1836). Ворцель считал, что на смену эксплуататорским формам собственности должна прийти коллективная собственность на средства производства. В грядущем социалистическом обществе, указывал Ворцель, прекратится, наконец, эгоистическая борьба людей за собственность, исчезнут эксплуатация и экономическое неравенство, все будет на равных основаниях участвовать в управлении государством.

Ворцель считал, что социалистическое общество будет организовано на началах федеративного объединения равноправных наций. Он беспощадно разоблачал национализм и антинародную сущность космополитизма.

Ворцель выступил страстным поборником братской дружбы польского народа с великим русским народом и совместной их борьбы против царизма и крепостнического строя. Находясь в тесном идейном общении с Герценом, он много сделал для усиления связей между польским и русским революционным движением и помогал Герцену в деле основания русской вольной типографии в Лондоне.

Несмотря на отдельные ошибки и противоречия в общественно-политических взглядах, Ворцель был выдающимся демократом, патриотом, всю свою жизнь посвятившим делу освобождения Польши от социального и национального гнета.

5. Одним из крупнейших деятелей национально-освободительного движения в Польше в первой половине XIX века был Эдуард Дембовский (1822—1846).

В 1842 году Дембовский стал соредактором и одним из основателей журнала «Научное обозрение», который выходил в Варшаве и сыграл выдающуюся роль в формировании революционных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 492.

взглядов польской молодежи. Дембовским были написаны статьи «Польская самородная философия», «Мысли о будущей философии» и ряд других произведений. В них он критиковал политическое учение Гегеля и его апологетику прусской монархии. Дембовский подверг критике также отдельные взгляды Сен-Симона и Фурье как недостаточно последовательные. Дембовский указывал, что в будущем социалистическом общественном строе частной собственности на средства производства не должно существовать. Общественно полезный труд должен стать обязательным для всех, а распределение общественного продукта должно производиться по труду.

Дембовский был одним из первых в ряду польских революционных деятелей, решительно порвавших с религиозными идеями, от которых не были полностью свободны ни Адам Мицкевич, ни Ворцель. В статьях Дембовского содержится ряд положений, говорящих о религии как орудии подавления народа и о католицизме как реакционной силе, тормозящей развитие революционного сознания польских крестьян.

Однако Дембовский все же не смог в силу отсталости общественно-экономических отношений в современной ему Польше возвыситься до подлинно материалистического понимания законов общественного развития.

Дембовский был активнейшим участником борьбы за социальное и национальное раскрепощение своей родины. Он состоял в тайных революционных организациях — «Союзе польской нации» и в «Союзе плебеев».

Когда в феврале 1846 года вспыхнуло краковское вооруженное восстание, Дембовский стал одним из самых выдающихся его руководителей.

Политические воззрения Дембовского нашли отражение в программе краковского «народного правительства», прежде всего выдвинувшего требование отмены крепостного права и наделения крестьян землей.

Краковское восстание вызвало положительную оценку в отзывах Маркса и Энгельса именно потому, что национальное освобождение неразрывно связывалось повстанцами с борьбой за социальные преобразования. Маркс указывал, что краковская революция «...дала славный пример всей Европе, отождествив национальное дело с делом демократии и с освобождением угнетенного класса»¹.

Маркс и Энгельс высоко оценили прогрессивное значение деятельности Дембовского и боевой характер его революционного демократизма.

6. Одним из самых видных революционных деятелей Польши, безоговорочно принявших политическую программу революционной демократии, являлся Я р о с л а в Д о м б р о в с к и й (1836—1871). Во время пребывания в России он сблизился с

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 490.

русскими революционными демократами и вступил в тайный политический кружок, в котором принимали участие Сераковский, Калиновский, Врублевский. Кружок этот находился под сильным влиянием идей Белинского, Герцена и Чернышевского. В 1859 году Домбровский поступил в академию генерального штаба. В период учения в академии он еще более сблизился с Сераковским и через него с революционными польскими организациями.

После окончания академии Домбровский был направлен в Варшаву и здесь вошел в тайную организацию «красных», ставивших своей целью организацию революционного переворота в Польше. Политическая программа «Центрального национального комитета», куда входил Домбровский, была в этот период близкой по содержанию к программе революционной «Земли и воли» 70-х годов. Основными ее требованиями являлись организация вооруженного крестьянского восстания против царизма и раздел помещичьей земли между крестьянами. В 1862 году Домбровский был арестован и приговорен к 15 годам каторжных работ. Ему удалось бежать из тюрьмы, и некоторое время, скрываясь от царской жандармерии, он принимал самое активное участие в русских подпольных революционных организациях. В 1865 году он эмигрировал в Париж.

Во время Парижской Коммуны Домбровский сражался в рядах восставших рабочих и был назначен главнокомандующим вооруженных сил Коммуны.

Героическое поведение Домбровского на этом славном посту сделало его наиболее популярным генералом Коммуны, любимцем коммунаров.

§ 5. Национально-освободительное направление передовой политической мысли в Чехии

Начиная с XVI века Чехия подпала под власть габсбургской монархии, и чешский народ, испытывавший жестокую феодальную эксплуатацию, подвергся усиленному воздействию ассимиляторской политики австрийских властей.

В Словакии господствовал гнет венгерских феодалов-магнатов, всячески тормозивших хозяйственный и культурный подъем страны и душивших свободу национального развития словаков. Быстрый рост капиталистических отношений в Чехии наметился с первой половины XIX века. Он способствовал обострению классовых и национальных противоречий в стране, росту сопротивления трудящихся масс режиму социального и национального угнетения. Обострялись также противоречия и конкурентная борьба между экономически крепнувшей чешской буржуазией и крупной немецкой торгово-промышленной буржуазией, владевшей ключевыми позициями в экономике страны.

Идеологи значительной части чешской буржуазии (Ян Коллар, Павл Шафарик, Антон Марек) в интересах теоретического «обоснования» борьбы против сильного немецкого конкурента выдвигают идею панславизма, призывают к объединению славянских народов, в том числе чехов и словаков, под эгидой русского царизма. Наиболее отчетливо идеи крайнего панславизма были выражены в политических воззрениях Ганки (Чехия) и Штура (Словакия).

Другая часть чешской буржуазии, державшая курс на соглашение с господствующими классами габсбургской монархии (Франтишек Палацкий), защищала в противовес «русскому панславизму» принцип «австрославизма», то есть лозунг объединения славянских народов Центральной Европы под эгидой габсбургской монархии.

Оба названных направления в идеологии чешской буржуазии в одинаковой мере пытались подчинить своему влиянию национально-освободительное движение, имея целью совлечь трудящиеся массы с революционного пути борьбы. Однако революционное движение рабочих и крестьянских масс против социального и национального угнетения не укладывалось в рамки, предназначавшиеся ему идеологами двух этих буржуазных направлений. С особой яркостью это обстоятельство сказалось в мартовско-июльский период революции 1848 года, когда рабочие и крестьянские массы в Чехии открыто выступили с радикально-демократическими требованиями. Главной революционной силой в период событий 1848 года в Чехии был молодой чешский рабочий класс. Однако в силу незрелости рабочего движения в этот период оно еще не смогло выдвинуть самостоятельной пролетарской политической программы. Революционное движение трудящихся масс фактически возглавляли мелкобуржуазные радикальные демократы.

Наиболее видными представителями мелкобуржуазного радикального демократизма в период революции 1848 года были И. Фрич, Карел Сабина, К. Сладковский и Ф. Копп.

На политические воззрения чешских радикальных демократов большое влияние оказали произведения великих русских революционеров-демократов Белинского и особенно Герцена.

Один из выдающихся руководителей пражского восстания в июне 1848 года И. Ф р и ч (1804—1876) сформулировал политическую программу, требовавшую немедленной революционной ликвидации всех феодальных повинностей крестьянства. Однако лозунга надения крестьян помещичьей землей программа все же не выдвигала, а поэтому и не смогла привлечь широкие слои угнетенного чешского крестьянства к активному участию в июньском восстании 1848 года.

Фрич вел непримиримую борьбу с реакционной националистической партией «старочехов».

Лидеры пражского восстания Карел Сабина (1811—1877) и К. Сладковский (1823—1880) развивали идеи утопического социализма. В ряде статей, опубликованных в газете «Пчели» и журнале «Табор», Сабина выдвинул лозунги борьбы не только против феодально-крепостнических порядков, но и против чешской буржуазии и подверг резкой критике чешских буржуазных либералов. Сабина энергично отстаивал идею суверенности народа, ратовал за необходимость реального обеспечения равноправия всех граждан во всей общественной жизни.

Сладковский выдвинул политическую программу, требовавшую ликвидации революционным путем феодальных пережитков и проведения широких демократических реформ. Он был демократом-интернационалистом и стремился к установлению братских связей между чешским революционным движением и революционным движением в других странах.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

К. Маркс и Ф. Энгельс, Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте, Соч., т. 5, с. 352.

К. Маркс и Ф. Энгельс, О польском вопросе, Соч., т. 4, с. 490, 492.

Источники

Светозар Маркович, Избранные сочинения, Госполитиздат, 1959.
А. Мицкевич, Избранные произведения, М.—Л., 1929.

Дополнительная

Ерихонов Л., Русские революционные демократы и общественная мысль южных славян в 60—70-х годах XIX в., М., 1950.

Нарский И. С., Эдуард Дембовский — прогрессивный польский философ XIX в., «Вопросы философии» 1952 г. № 3.

Удальцов И. И., К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого, «Вопросы истории» 1950 г. № 10.

Клима А., 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения, М., 1949.

В. Покровский, Выдающийся революционный демократ Югославии, «Коммунист» 1957 г. № 12.

ГЛАВА XXIII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ. УЧЕНИЕ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА — ГЛАВНОЕ В МАРКСИЗМЕ

§ 1. Исторические условия возникновения марксизма. § 2. Возникновение марксизма—революционный переворот в области философии и общественной науки. § 3. Формирование политических взглядов Маркса и Энгельса. § 4. «Манифест Коммунистической партии» — научно обоснованная программа борьбы пролетариата за свое освобождение. Идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата в «Манифесте Коммунистической партии»

§ 1. Исторические условия возникновения марксизма

1. В конце первой половины XIX столетия численно возросший к тому времени пролетариат получил такое непобедимое идеологическое оружие, как марксизм.

Марксизм представляет собою научно-обоснованное мировоззрение самого передового класса общества — рабочего класса, стройную единую систему философских, экономических, социологических, политических, правовых, этических и иных взглядов, в своей совокупности обеспечивающих правильное понимание объективных законов природы и общества и использование этих законов в интересах трудящихся, в интересах прогрессивного развития человечества.

Основателями марксизма, создателями теории научного коммунизма являются великие учителя и вожди рабочего класса, организаторы революционной пролетарской партии Карл Маркс (1818—1883) и Фридрих Энгельс (1820—1895).

Марксизм — это знамя борьбы за освобождение рабочего класса и всего человечества от всякой эксплуатации, знамя борьбы за коммунизм.

Отличительной чертой марксизма является то, что он представляет собой научное обобщение опыта революционного рабочего движения, единственное строго научное учение, указывающее путь освобождения рабочего класса и всех трудящихся, путь революционного преобразования общества.

Сила марксизма — в теснейшей и неразрывной связи с жизнью, с революционной практической деятельностью угнетенных и эксплуатируемых масс, в сочетании подлинной научности с революционностью. Характеризуя марксизм, Ленин отмечал: «Непреодолимая привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно. В самом деле, задачей теории, целью науки — прямо ставится тут содействие классу угнетенных в его действительно происходящей экономической борьбе»¹. В этих словах Ленина нашла свое классическое определение партийности марксистско-ленинской теории как теории, являющейся подлинно научным руководством для рабочего класса в его борьбе за преобразование мира, за победу коммунизма.

2. Марксизм как научное мировоззрение пролетариата закономерно, с исторической необходимостью возник в 40-х годах XIX столетия, в условиях, когда капитализм вполне утвердился в ряде стран Европы и в Северной Америке. К этому времени отчетливее проявились антагонистические противоречия капитализма, обострилась классовая борьба пролетариата и буржуазии.

В своей борьбе против капиталистической эксплуатации, невыносимых условий труда и политического бесправия пролетариат к указанному времени начал переходить к таким формам борьбы, как стачки и восстания.

В 40-х годах XIX века центр революционного движения переместился в Германию. Это определялось тем, что в Германии назревала буржуазная революция при более высоком уровне развития капитализма и гораздо более развитом пролетариате, чем в Англии XVII и Франции XVIII вв. В силу этого именно Германия, несмотря на ее отставание по уровню развития капитализма от ряда других стран, явилась родиной научного социализма, а вожди германского пролетариата — Маркс и Энгельс — его творцами².

Вся обстановка в Германии того времени, произвол полуфеодального правительства, невероятно тяжелое положение трудящих-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 308.

² См. И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 78.

ся масс, изнывавших под двойным гнетом помещичье-феодальной и капиталистической эксплуатации, выступления рабочего класса Германии, носившие антикапиталистический характер,— все это несомненно способствовало в большой мере формированию мировоззрения Маркса и Энгельса. Однако нельзя рассматривать марксизм как явление, выросшее исключительно на немецкой почве.

Марксизм, зародившись в Германии в период перемещения туда центра революционного движения, явился обобщением опыта мирового рабочего движения.

Назревшие задачи развития материальной жизни общества настоятельно требовали создания новой теории, способной дать пролетариату правильный ответ на вопросы, поставленные самой жизнью, теории, указывающей пролетариату путь освобождения его и всех трудящихся от эксплуатации и угнетения. Учения, подвергавшие резкой критике капиталистический строй и выдвигавшие планы социалистического преобразования общества, существовали и до Маркса и Энгельса, но это были утопические учения, остававшиеся в стороне от массового революционного движения пролетариата. Утопический социализм «...не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту общественную силу, которая способна стать творцом нового общества»¹. А между тем в 30—40-х годах XIX века в лице пролетариата, начавшего выделяться как особый класс из общей «массы бедняков», уже формировалась эта общественная сила, способная стать творцом нового социалистического и коммунистического общества.

С развитием промышленности увеличивается численный состав пролетариата, растут его силы и классовое самосознание. В 30—40-х годах прошлого века возникают рабочие объединения, имевшие своей целью совместную борьбу рабочих против буржуазии. Это свидетельствовало о революционизировании рабочего класса, его стремлении к организации своих рядов. Крепнущая сила рабочего класса была ярко продемонстрирована в многочисленных стачках и восстаниях в Англии, Франции, Германии.

Регулярно повторявшиеся экономические кризисы, всей своей тяжестью обрушившиеся на рабочие массы, рост безработицы, нищеты и пауперизация трудящихся — все это обусловило обострение классовой борьбы в 30—40-е годы XIX века.

На опыте этой классовой борьбы рабочий класс начал постепенно понимать, что нельзя ограничиваться чисто экономической борьбой против отдельных фабрикантов. Рабочий класс стал все чаще сочетать экономическую борьбу с борьбой за завоевание политических прав, с борьбой против политического гнета, то есть с политической борьбой.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 7.

В лице своей передовой части рабочий класс искал в социалистических учениях того времени решения волновавших его проблем, однако домарксов социализм был бессилён помочь пролетариату.

Подлинно научный ответ на поставленные развитием материальной жизни общества вопросы впервые в истории был дан основоположниками научного коммунизма — Марксом и Энгельсом.

§ 2. Возникновение марксизма — революционный переворот в области философии и общественной науки

1. Созданное Марксом и Энгельсом учение качественно отличается от всех предыдущих учений. С Маркса начинается совершенно новый период истории философии, общественной науки, политической мысли. Этот революционный переворот в указанной области явился выражением исторических сдвигов, происходивших в Европе и Северной Америке в первой половине XIX века в связи с интенсивным ростом капиталистического производства и выявлением антагонистических противоречий капиталистического общества, в связи с ростом численности и силы пролетариата.

Марксизм вооружил рабочий класс научной теорией, указывающей путь построения социализма и коммунизма.

Указание на то, что возникновение марксизма представляет собой подлинный революционный переворот в области идеологии, нельзя понимать в том смысле, будто марксизм возник и сложился вне всякой связи с предшествующими ему философскими, экономическими, политическими и другими учениями. В. И. Ленин постоянно подчеркивал несостоятельность, грубую ошибочность такого представления. В статье «Три источника и три составных части марксизма», имеющей особо важное значение для уяснения этого вопроса, Ленин писал: «История философии и история социальной науки показывают с полной ясностью, что в марксизме нет ничего похожего на «сектантство» в смысле какого-то замкнутого, застывшего учения, возникшего *в стороне* от столбовой дороги развития мировой цивилизации. Напротив, вся гениальность Маркса состоит именно в том, что он дал ответы на вопросы, которые передовая мысль человечества уже поставила. Его учение возникло как прямое и непосредственное *продолжение* учения величайших представителей философии, политической экономии и социализма... Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

В то же время Ленин особо отмечал принципиальное отличие марксизма от его теоретических источников.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 3—4.

«Все то, что было создано человеческим обществом, он,— писал Ленин о Марксе,— переработал критически, ни одного пункта не оставив без внимания. Все то, что человеческою мыслью было создано, он переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанные буржуазными предрассудками люди сделать не могли»¹.

В своем критическом пересмотре идейного наследия прошлого Маркс и Энгельс исходили из интересов рабочего класса, научно обосновывая революционную борьбу его за освобождение от капиталистического гнета и преобразование общества. Результатом этого пересмотра явился коренной переворот в области как философии, так и всей общественной науки, создание качественно новой, впервые в истории научно обоснованной системы не только философских, но и экономических, политических, правовых и иных взглядов.

Буржуазные и ревизионистские «исследователи» марксизма при его фальсификации широко используют следующие два приема.

Один из них заключается в игнорировании, в прямом отрицании или же в смазывании, затушевывании принципиальных отличий марксистского учения от предшествующих ему учений. Более того, они нередко пытаются отождествить соответствующую область марксистского учения (философии, экономического учения, политического учения) с каким-либо домарксистским учением, например, марксистскую диалектику с гегелевской диалектикой, диалектический и исторический материализм с домарксовым метафизическим материализмом, экономическое учение Маркса с экономическим учением Рикардо и т. д. Марксистская теория государства и права нередко отождествляется фальсификаторами марксизма то с гегелевским учением о государстве и праве, то с прудоновским или бакунинским вариантом анархистского отрицания государства.

Путем подобного приема враги марксизма пытаются опровергнуть тот очевидный факт, что появление марксизма означало подлинный революционный переворот в области философии и общественной науки, в области политической мысли, породить сомнения в оригинальности, новизне учения марксизма.

Другой прием фальсификации состоит в том, что марксизм изображается как своеобразное «сектанство», как учение, характеризующееся нигилистическим отношением ко всему, созданному в прошлом философской и научной мыслью, отрицающее что-либо ценное во всех без исключения философских, общественных, политических учениях, пренебрегающее прогрессивными традициями в области истории философии и общественной науки. При всей своей на первый взгляд противоположности оба эти приема одинаково клеветают на марксизм, извращают действительное

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 262.

соотношение марксизма с предшествовавшими ему учениями; они являются тщетной попыткой помешать все большему распространению влияния марксизма во всем мире¹.

2. Важнейшими составными частями марксизма являются: марксистская философия (диалектический и исторический материализм), марксистское экономическое учение, теория научного коммунизма. Именно в этих трех основных частях марксизма находит свое глубокое и всестороннее теоретическое обоснование система политических взглядов, идей, выводов марксизма.

Не случайно открытые и замаскированные враги марксизма с таким пылом обрушиваются на диалектический и исторический материализм, на экономическое учение марксизма и на теорию научного коммунизма. Они пытаются тем самым «опровергнуть» или фальсифицировать научную основу того, что составляет ядро, главную идею марксизма — учение о диктатуре пролетариата.

Приемом, используемым в тех же целях врагами марксизма, является также попытка изобразить систему политических взглядов, идей, выводов марксизма как некую автономную часть марксизма, не связанную органически с марксистской философией, марксистским экономическим учением и теорией научного коммунизма, не вытекающую с непреложностью из них, а продиктованную революционным темпераментом основоположников марксизма, их эмоциями, чувствами, то есть как не имеющую своего научного обоснования.

В действительности сила и жизненность марксизма как раз состоят в том, что он представляет собою единое, стройное целое, в котором все его части, одинаково характеризуясь строгой научностью, находятся во взаимозависимости, взаимопроникновении, неразрывной связи. Поэтому нельзя, не изменяя марксизму в целом, отказываться от какой-либо из входящих в него составных частей и тем более нельзя, не изменяя марксизму, отказываться от того, что составляет главный вывод из его философских, экономических, теоретических основ и ядро его политической доктрины — учения о диктатуре пролетариата.

Все сказанное выше показывает, что глубокое изучение политических взглядов, идей, выводов марксизма требует уяснения того, что составляет их теоретическую, научную основу, то есть изучения всех составных частей марксизма.

Любое политическое учение как домарковского периода, так и в современном капиталистическом мире пытается опереться на какую-либо философскую систему в качестве своей основы. Но как домарксистские философские учения, так и современные философские буржуазные учения либо прямо отрицают наличие объектив-

¹ Подробнее см. критику этих фальсификаторских приемов врагов марксизма во вступительной статье проф. Ойзермана в книге О. Корню «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность», Издательство иллюстрированной литературы, М., 1959.

ных законов истории общества, либо же произвольно формулируют таковые, так как уже в силу своей идеалистической методологии они неспособны открыть действительные законы общественного развития. Поэтому эти философские учения не могли и не могут стать научной базой для соответствующих политических учений, дать правильную ориентировку для политических обобщений, выводов.

Маркс и Энгельс, распространив на область общественных явлений положения созданного ими диалектического материализма, дали материалистическое объяснение истории и тем самым создали незыблемый, строго научный фундамент для политических взглядов, идей, выводов.

Экономическое учение марксизма раскрыло анатомию общества и выявило объективные экономические законы, как общие для всех или нескольких социально-экономических формаций, так и присущие лишь капиталистическому обществу. Оно научно доказало объективную необходимость смены капиталистической экономики экономикой социалистической и обосновало историческую миссию пролетариата как носителя передового способа производства, приходящего на смену капиталистическому способу производства. Этим была создана основа для дальнейшего развития марксистской философии и для формулирования важнейших политических положений и выводов марксизма.

Теория научного коммунизма, опираясь на марксистскую философию и марксистское экономическое учение, выработала научно обоснованное представление об основах (материальных и духовных) коммунизма как высшей ступени развития человечества, о фазах развития коммунизма, о путях и способах перехода к коммунизму.

Марксизм впервые превратил социализм из утопии в науку. Он раскрыл эксплуататорскую сущность буржуазного экономического и политического строя и показал, что все развитие капитализма создает условия, делающие возможным и необходимым революционное низвержение капитализма и построение социализма и коммунизма. Он научил видеть под покровом укоренившихся обычаев, политических интриг, замысловатых законов, хитроумных учений—классовую борьбу между имущими классами и массой неимущих, борьбу между буржуазией и пролетариатом, стоящим во главе всех неимущих.

Марксизм выяснил настоящую задачу революционной пролетарской партии, показав, что этой задачей является руководство классовой борьбой пролетариата, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и построение бесклассового коммунистического общества.

Созданный Марксом и Энгельсом материалистический диалектический метод явился ключом к познанию всех явлений природы и общества. Нет ни одной отрасли общественной науки, в которой Маркс и Энгельс не сказали бы нового слова.

С возникновением марксизма, как отмечал Ленин, хаос и произвол, царившие до сих пор во взглядах на историю и на политику, сменились поразительно цельной и стройной научной теорией общественного развития.

3. Главным в марксистском учении является вывод о необходимости и неизбежности диктатуры пролетариата как государства переходного от капитализма к коммунизму периода.

В учении о диктатуре пролетариата нашла концентрированное выражение революционная суть марксизма как учения, призванного не только объяснить общественные явления, но и помочь коренному переустройству общества. В учении о диктатуре пролетариата дана научно обоснованная программа практических действий пролетариата в его борьбе против капиталистического строя, указаны необходимость и неизбежность пролетарской революции, насильственного низвержения буржуазного государства и взятия пролетариатом государственной власти в свои руки. Марксизм показал, что классовая борьба в капиталистическом обществе необходимо ведет к диктатуре пролетариата и что последняя составляет лишь переход к обществу бесклассовому — коммунистическому обществу.

Социал-оппортунисты и ревизионисты всех мастей приложили и прилагают немало сил, чтобы фальсифицировать марксизм, затушевать, скрыть от рабочего класса, что главное в марксизме есть учение о диктатуре пролетариата. Более того, они стараются представить дело так, будто Маркс вообще не говорил о диктатуре пролетариата, а что главное в марксизме — учение о классовой борьбе. В. И. Ленин, разоблачая социал-оппортунизм, указывал: «Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто *распространяет* признание борьбы классов до признания *диктатуры пролетариата*. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа. На этом оселке надо испытывать *действительное* понимание и признание марксизма»¹.

§ 3. Формирование политических взглядов Маркса и Энгельса²

1. Родиной Маркса и Энгельса была Рейнская провинция, то есть та часть Германии, на которую французская революция оказала наибольшее влияние и которая по степени своего капиталистического развития превосходила все остальные части Германии. В Рейнской провинции были уничтожены крепостная зависимость и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 384.

² См. об этом подробнее в книге Г. Менде «Путь К. Маркса от революционного демократа к коммунисту», Издательство иностранной литературы, М., 1957.

феодалная политическая раздробленность, упразднены церковные владения, реформированы по французскому образцу административное деление, суд, финансы, гражданское право. Хотя многие из этих прогрессивных мероприятий после победы реакции были ликвидированы, тем не менее они оказали глубокое влияние на последующее развитие экономики, политической жизни, на взгляды общества в Германии.

Карл Маркс родился в Трире в 1818 году в семье адвоката. По окончании юридического факультета Берлинского университета он в апреле 1841 года блестяще защитил докторскую диссертацию о различии натурфилософии Демокрита и Эпикура. Хотя в этой работе Маркс стоит еще на идеалистически-гегельянской точке зрения, однако уже здесь проявляется расхождение молодого Маркса с Гегелем. Маркс не мог примириться с консервативными выводами системы Гегеля и религиозной направленностью его философии. Уже здесь Маркс проявляет свой революционный демократизм, стремление подчинить философию политической борьбе против германского абсолютизма. Учитывая, что реакционная политика правительства исключала возможность работать в университете не поступаясь своими взглядами, Маркс отказался от намерения стать профессором.

С 1842 года Маркс начал работать сначала одним из главных сотрудников, а затем редактором оппозиционной «Рейнской газеты», издававшейся в Кельне. Благодаря руководству Маркса газета заняла революционно-демократическую позицию. В период работы в «Рейнской газете» начали складываться материалистические и коммунистические воззрения Маркса.

Фридрих Энгельс родился в Бармене в 1820 году в семье текстильного фабриканта. Отец взял его из гимназии за год до окончания курса и заставил работать в конторе. Энгельс так и не смог поступить в университет. Работая в конторе, он в то же время усердно занимался самообразованием. В 1839 году он опубликовал свое первое произведение «Письма из Вупперталя», проникнутые революционно-демократическим духом, сочувствием к рабочим, беспощадно эксплуатировавшимся вупперталяскими фабрикантами. С конца 1842 года Энгельс работал в Англии в качестве служащего на прядильной фабрике, пайщиком которой был его отец. Здесь он внимательно изучал положение английского пролетариата и начал заниматься вопросами политической экономии, одновременно принимая активное участие в классовой борьбе английского пролетариата, в чартистском движении.

Молодые Карл Маркс и Фридрих Энгельс участвовали в оживленных философских и литературных дебатах, которые в условиях назревавшей тогда буржуазной революции происходили среди оппозиционно настроенных кругов германской интеллигенции.

В эти начальные годы своей деятельности Маркс и Энгельс находились под сильным влиянием идеалистической гегелевской философии. Однако они никогда не были ортодоксальными

гегельянцами и расходились в существенных пунктах с младогегельянцами, пытавшимися использовать учение Гегеля для обоснования необходимости буржуазного преобразования Германии. В отличие от младогегельянцев Маркс и Энгельс пытались истолковать гегелевскую философию не в либеральном, а в революционно-демократическом духе. Критическое отношение молодых Маркса и Энгельса к гегелевской философии усиливалось все более по мере того, как революционная практика, имевшая решающее значение в формировании взглядов Маркса и Энгельса, выдвигала перед ними такие вопросы, на которые гегелевская философия не могла дать удовлетворительного ответа.

2. По политическим взглядам в этот начальный период своей деятельности Маркс и Энгельс являлись революционными демократами, выступавшими активными борцами за политическую свободу, смело бичевавшими реакцию и произвол.

Критикуя младогегельянцев, считавших, что вопрос о государстве подчинен вопросу о религии и поэтому его необходимо рассматривать исключительно в плане антитеологической критики, молодой Маркс заявлял, что критика неба должна быть превращена в критику земли, *критика религии — в критику права, критика теологии — в критику политики*¹.

В течение 1842—1844 гг. постепенно осуществился переход Маркса и Энгельса от идеализма на позиции материализма и от революционного демократизма к коммунизму.

а) Статьи Маркса, написанные в период работы в «Рейнской газете»

В период работы в «Рейнской газете» Маркс постепенно убеждается в несостоятельности гегелевской идеалистической философии и гегелевской теории государства и права. Статьи Маркса этого периода (например, «Дебаты о свободе печати», «Философский манифест исторической школы права», «Дебаты по поводу закона о краже леса», «Оправдание мозельского корреспондента» и др.) показывают, как формировались материалистические взгляды Маркса на государство и право. Хотя на этих статьях еще лежит печать гегельянства, что проявляется особенно в стиле и терминологии, но критика помещичье-юнкерского прусского государства и его законов, исторической школы права, различных реакционных идей ведется Марксом здесь с позиций революционного демократизма.

Маркс выступал в «Рейнской газете» как решительный сторонник создания единого демократического государства в Германии. Вместе с тем Маркс не только подвергает беспощадной критике институты полуфеодальной Германии, но и проявляет свое критическое отношение к буржуазной демократии, которая пред-

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 415.

ставлялась буржуазным немецким либералам пределом мечтаний, идеалом. Так, в статье «Дебаты о свободе печати», возражая консервативному оратору, ссылавшемуся на свободу печати во Франции как на образец того «зла», которое несет с собой свобода печати, Маркс указывает, что оратор видит зло не там, где оно есть. Зло, пишет он, как раз заключается в том, что «французская печать отнюдь не слишком свободна,— она недостаточно свободна. Хотя она и не подлежит духовной цензуре, но зато она подлежит материальной цензуре, высокому денежному залoгу»¹. Отмечая далее, что французская печать «вовлечена в сферу крупных торговых спекуляций», Маркс тем самым разоблачал сущность «свободы» печати в буржуазной Франции.

В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» Маркс показывает эксплуататорскую сущность государства и права, стоящих на защите интересов привилегированных классов, связь между материальными интересами господствующих классов и законами. Анализ конкретного закона о краже леса близко подводит Маркса к выводу о классовой сущности государства, о защите государством интересов имущих классов. «Все органы государства,— писал он,— становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегаёт»².

Государственная власть разоблачается здесь как прислужница имущих классов. В процессе разоблачения прусского государства Маркс вплотную подходит к материалистическому истолкованию государства и права, сосредоточивая все более свое внимание на выявлении их материальных основ³.

Критикуя современные ему германское государство и право, Маркс указывает, что законы жестоки именно в силу того, что выражают частный эксплуататорский интерес, которому присущи одновременно и трусость и жестокость. Жестокость же, пишет Маркс, характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой. Частный интерес всегда труслив, ибо его сердце, его душа есть внешний предмет, который всегда может быть отнят или поврежден⁴. Напоминая слова одной французской газеты в адрес Гизо: «когда он боится, он страшен», Маркс указывает, что «эти слова могут служить эпитафией ко всем законодательствам *свокорыстия*, а следовательно и *трусости*»⁵. В результате, отмечает Маркс с едкой горечью, закон обращается в нож, которым частные собственники поражают бедняков — своих классовых противников, заявляя одновременно,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 68.

² Там же, стр. 142.

³ См. об этом подробнее в книге: В. А. Турецкий. Развитие взглядов Маркса и Энгельса на государство, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949.

⁴ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 133.

⁵ Там же.

чтобы отклонить от себя ненависть жертв, что это нож не их, а государства. Однако Маркс тогда еще не знал выхода из этого положения.

Как правильно пишет в своем исследовании Г. Менде, «его (Маркса.— М. К.) сердце билось для бедных и бесправных людей, но он еще не знал, что им нельзя помочь взыванием к праву»¹. Но именно работа Маркса в «Рейнской газете» привела его к выводу о необходимости глубокого изучения материальных основ государства и права, выявления экономических причин бесправия масс. Уже в статьях этого периода высказывается идея возвышения низшего класса, идея устранения социальных и политических условий, мешающих этому низшему классу возвыситься.

Революционной страстностью пронизана статья Маркса о мозельских виноградарях («Оправдание мозельского корреспондента»). В этой статье Маркс показывает безвыходность положения мозельских крестьян, отмечая одновременно связь между экономическими отношениями, господствующими в Примозельском крае, и государственным строем. Маркс глубоко вскрывает бюрократическую природу эксплуататорского государственного управления, оторванность его органов от народа, их враждебность народу и равнодушные к отчаянному положению масс, отношение к народу лишь как к объекту управления.

В ряде статей, написанных за период работы в «Рейнской газете», Маркс поставил вопрос о необходимости революционной борьбы против существующих в Германии реакционных порядков, впервые сформулировал мысль о необходимости создания революционной партии.

Здесь еще нет ясного ответа на вопрос, о какой партии какого класса идет речь, но уже нашла свое выражение мысль о том, что успешная революционная борьба за ниспровержение существующего порядка требует наличия революционной партии. Четко выражена в этих статьях и мысль о партийности философии как идеологической силы в революционной борьбе.

Ленин, анализируя деятельность Маркса в «Рейнской газете», следующим образом охарактеризовал значение этого этапа в жизни Маркса, в формировании его взглядов: «Здесь намечается переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму»².

б) Критика гегелевской философии государства и права

Если в статьях «Рейнской газеты» подвергается критике главным образом полуфеодальное немецкое государство, то в статье «К еврейскому вопросу», опубликованной в начале 1844 года в

¹ Г. М. Менде. Путь К. Маркса от революционного демократа к коммунисту, Издательство иностранной литературы, М., 1957, стр. 61.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 63.

«Немецко-французском ежегоднике», Маркс дает острую критику буржуазного государства, доказывая, что частнособственнический характер буржуазного общества обуславливает собой и специфику буржуазной государственности, буржуазные конституции, буржуазные демократические свободы.

Анализируя «Декларацию прав человека и гражданина», французские конституции 1793 и 1795 гг., а также конституции двух штатов Северной Америки, Маркс вскрывает их классовую сущность как актов, обусловленных господством частной собственности и закрепляющих это господство. Маркс разоблачал формальность и урезанность буржуазной демократии, но в то же время указывал и на ее преимущества перед режимом прусского полицейско-бюрократического, полуабсолютистского государства.

В 1843 году Маркс вплотную приступил к критическому пересмотру философии права Гегеля с материалистических позиций. Результатом этого явилась незаконченная рукопись Маркса «Критика философии государственного права Гегеля», а также опубликованная в начале 1844 года в журнале «Немецко-французский ежегодник» статья «К критике гегелевской философии права. Введение», которые свидетельствуют об окончательном переходе Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму¹.

В первом из названных выше трудов содержится подробная критика, параграф за параграфом, того раздела гегелевской «Философии права», который посвящен непосредственно государству, его взаимоотношению с гражданским обществом, государственному праву.

Маркс разоблачает несостоятельность идеалистической гегелевской философии, рассматривающей государство как развитие абсолютной идеи, как высший нравственный организм, и противопоставляющей его «гражданскому обществу» как сфере материальных интересов.

В противоположность Гегелю Маркс выводит государство и право из материальных общественных отношений.

Маркс опровергает гегелевское толкование семьи и гражданского общества, указывая, что у Гегеля дается превратное объяснение действительного соотношения семьи и гражданского общества, с одной стороны, и государства — с другой.

Маркс разоблачает реакционность гегелевского учения о монархии, о суверенитете, о взаимоотношении народа и монарха.

Особенно резкой критике Маркс подвергает гегелевскую апологию прусского монархического государства, как якобы идеального государства, усматривая в этом приспособление Гегеля к прусскому реакционному режиму.

Маркс категорически возражает против возвеличения Гегелем государства и принижения человека: «Подобно тому как не

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 63.

религия создаёт человека, а человек создаёт религию,— подобно этому не государственный строй создаёт народ, а народ создаёт государственный строй»¹.

Вопреки Гегелю, утверждавшему, что суверенитет народа произведен от суверенитета князя, Маркс выставляет положение, что суверенитет князя произведен от суверенитета народа.

Большое значение имеет статья Маркса «К критике гегелевской философии права». Давая в этом произведении критическую оценку гегелевской философии, Маркс формулирует ряд чрезвычайно важных положений научного социализма. Это первая из работ Маркса, где уже содержится указание на историческую миссию рабочего класса, как класса, который до сих пор был «ничем», но в результате революции «должен стать всем».

Только этот класс, указывает Маркс, может изменить затхлую немецкую действительность.

Ясно выражена здесь также мысль Маркса о необходимости соединения философии с политикой, теории с революционной практикой. Пролетариат должен найти в философии свое духовное оружие, а философия должна найти в пролетариате свое материальное оружие.

«Оружие критики,— писал Маркс,— не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами»².

Именно в ходе критического пересмотра гегелевской философии права Маркс уже в 1844 году пришел к знаменательному для науки основному положению материалистического понимания истории. «Мои исследования,— писал он позднее, имея в виду труды, посвященные критике государственноправовых взглядов Гегеля,— привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии»³.

В труде «К критике гегелевской философии права» выражено материалистическое понимание государства. В противовес гегелевскому утверждению о господстве государства над частной собственностью Маркс подчеркивает, что само государство есть выражение господства частной собственности, и делает вывод о необходимости уничтожения такого государства, а вместе с ним и общества, в котором господствует частная собственность.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 252.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 422.

³ К. Маркс. Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 321.

3. С 1844 года начинается новый этап в развитии взглядов Маркса и Энгельса. Твердо став на позиции научного социализма и материализма, они усиленно разрабатывают философское, теоретическое обоснование социализма. Это было тем более необходимо, что в условиях назревания революционной ситуации не только в Германии, но и во Франции и ряде других стран получили большое распространение многочисленные мелкобуржуазные и утопические социалистические учения.

Маркс весной 1843 года вынужден был прекратить редактирование «Рейнской газеты», так как издатели в связи со строжайшей цензурой потребовали придать газете угодное правительству направление.

Переехав в ноябре 1843 года в Париж, Маркс основательно знакомится с французским рабочим движением. Одновременно он изучает труды великих утопических социалистов. Маркс все более и более убеждается в том, что эти учения при всей их гениальности не имеют под собой научной основы, что наряду с гениальными мыслями в них содержится много ошибочных, фантастических и даже прямо вредных для рабочего класса положений. Маркс приходит к выводу о необходимости разработать строго научную социалистическую теорию, которая могла бы служить надежной путеводной звездой в борьбе за переустройство общества. Переход Маркса на позиции пролетариата, на позиции научного коммунизма имел своим естественным последствием также острую критику различных течений младогегельянства, буржуазных по своей природе и устремлениям. Критика этих течений Марксом являет собой блестящий пример пролетарской партийности.

Наряду с напряженной научной работой Маркс ведет во Франции коммунистическую пропаганду среди немецких рабочих-эмигрантов, критикует крепостнические порядки в Германии. Прусское правительство, стремясь пресечь революционную деятельность Маркса, отдало приказ об аресте Маркса в случае перехода его через границу, а к концу 1845 года добилось от французского правительства удаления его из Франции.

в) Вопросы государства и права в работе Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»

В первые годы своей деятельности Энгельс, как и Маркс, критиковал политический строй феодализма и капитализма еще с позиций революционного демократизма и идеализма. Но уже в 1844 году эта критика ведется им с позиций коммунизма и диалектического материализма.

В своих ранних работах Энгельс уделяет большое внимание разоблачению лицемерия буржуазной демократии. Особенно остро Энгельс критикует государственный строй Англии. Ряд статей об английской конституции и особенно его большой труд

«Положение рабочего класса в Англии» вскрывают подлинную сущность буржуазного государства.

Этот труд, вышедший в свет в 1845 году, сыграл важную роль в развитии марксистской теории, в частности теории государства и права.

Ленин высоко оценил книгу Энгельса. Ленин отмечал, что на страдания пролетариата и на необходимость помощи ему указывали очень многие и до Энгельса, Энгельс же первый сказал, что пролетариат не только страдающий класс, но что именно само экономическое положение, в котором находится пролетариат, неужели толкает его вперед и заставляет бороться за свое конечное освобождение. Борющийся пролетариат сам поможет себе. Политическое движение рабочего класса неизбежно приведет рабочих к сознанию того, что у них нет выхода вне социализма. С другой стороны, социализм будет только тогда силой, когда он станет целью политической борьбы рабочего класса. В этом, подчеркивал Ленин, и заключаются основные идеи книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», теперь усвоенные всем мыслящим и борющимся пролетариатом, но тогда совершенно новые. Увлекательно написанная, полная самых достоверных и потрясающих картин бедствий английского пролетариата книга эта явилась ужасным обвинением капитализма и буржуазии¹.

Показав наличие глубочайших противоречий капиталистического общества, основанного на привилегии частной собственности, перед которой «все другие привилегии — ничто», Энгельс делает вывод, непосредственно относящийся к государству. Он убедительно показывает, что, пока власть в руках богатых, положение рабочих не может быть изменено к лучшему, ибо государство, законы, суд выражают интересы эксплуататорского класса, то есть буржуазии.

Указав на то, что английские идеологи и политики любят хвастаться «всеобщим» уважением к закону в Англии, «святостью закона», якобы беспристрастно относящегося ко всем классам общества, Энгельс с изумительной силой разрушает этот миф.

«Английский буржуа,— говорит Энгельс,— находит в законе, как и в своём боге, самого себя и потому закон для него свят, потому и дубинка полицейского, которая в сущности является его дубинкой, обладает такой поразительно умиротворяющей силой в его глазах. Но, конечно, не в глазах рабочего. Рабочий слишком хорошо знает, он слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетённый буржуазией, и потому он прибегает к закону только в том случае, когда его к этому вынуждают»².

В этом труде Энгельса выразительно показаны не только беспросветная нищета рабочих масс самой богатой тогда капиталистической страны, но и политический гнет, эксплуататорская сущность

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 8—9.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 451.

буржуазного государства, его законов, его суда. Энгельс в своей работе приходит к выводу о неизбежности пролетарской революции.

Это произведение Энгельса — первое произведение марксизма, где с такой отчетливостью раскрыта классовая сущность буржуазного государства и права.

г) Первые совместные произведения
Маркса и Энгельса — «Святое семейство»
и «Немецкая идеология»

Осенью 1844 года в Париже произошла встреча Маркса и Энгельса, положившая начало их тесному сотрудничеству, совместной политической борьбе и совместной разработке теории научного социализма.

Крупный шаг в формировании марксизма в целом и, в частности, марксистского учения о государстве и праве представляют совместные работы Маркса и Энгельса «Святое семейство» (1844) и особенно «Немецкая идеология» (1845—1846).

Огромное значение этих работ состоит в том, что в них сформулированы (особенно в «Немецкой идеологии») основные положения материалистического понимания истории, теоретически обобщается опыт классовой борьбы пролетариата в первой половине XIX века.

Большое место отведено в этих трудах обстоятельной критике гегелевской философии, выявлению реакционности системы философии Гегеля и творческой переработке того, что составляет рациональное зерно этой философии — диалектики. Маркс и Энгельс здесь указывают, что если Гегель являлся диалектиком только в области так называемой «чистой» философии, оторванной от практических потребностей жизни и с презрением отвергавшей самую мысль об использовании ее для изменения существующего общества, то рабочий класс является диалектиком на практике, стремясь переделать общественные отношения.

Уже в «Святом семействе» Маркс и Энгельс вплотную подходят к важнейшему положению исторического материализма — об определяющем значении производственных отношений в развитии общества. Они выступают как пролетарские революционеры, требующие уничтожения частной собственности.

Вопреки Гегелю, Бруно Бауэру и другим гегельянкам, рассматривавшим народ как пассивный элемент истории, Маркс и Энгельс подчеркивают, что подлинным творцом истории являются не выдающиеся личности, одиночки, а народные массы, непосредственные создатели материальных ценностей. Личность только тогда играет определенную роль в истории, когда она выражает потребности своей эпохи, своего класса, исходит из окружающих ее жизненных условий общества. В «Святом семействе» находит свое дальнейшее развитие мысль об исторической миссии пролетариата.

«Немецкая идеология» завершила критический пересмотр Марксом и Энгельсом гегелевской философии. Маркс и Энгельс в этих трудах нанесли сокрушительный удар по распространенным в то время буржуазным и мелкобуржуазным философским и политическим учениям. Так, например, они показали всю антинаучность анархистского учения Макса Штирнера.

Под литературным псевдонимом Макс Штирнер выступал немецкий философ-младогегельянец Каспар Шмидт (1806—1856), один из наиболее крикливых и претенциозных идеологов индивидуалистического мелкобуржуазного анархизма, автор нашумевшей в 40-х годах XIX столетия книги «Единственный и его собственность».

Штирнер исходил из идеалистического тезиса о самосознании каждой отдельной личности как творческой силе истории и прославлял эгоизм как единственную разумную точку зрения. Он подвергал критике с позиций мелкобуржуазного бунтарства право, государство, мораль, семью, общество в целом, принципы, идеи, объявляя, что все это препятствует развитию единственной и неповторимой личности, связывает ее внутренний мир, не дает возможности проявлению «я». Таким образом Штирнер выступал не против буржуазного или иного эксплуататорского государства и права, буржуазной или иной эксплуататорской морали, принципов и идей эксплуататорского господствующего класса, а вообще против государства и права, против всяких норм, против всяких претендующих на общезначимость для всех индивидуумов принципов и идей. По Штирнеру, каждая личность должна в интересах своего проявления, в интересах развития своего самосознания быть вполне автономной, не связанной никакими социальными нормами, принципами, идеями, общественными установлениями. Однако для института частной собственности Макс Штирнер делает исключение, всячески превознося частную собственность как якобы необходимую форму реализации личностью своего «я». Эта апология частной собственности чрезвычайно характерна для индивидуалистического анархизма, который если и выступает с критикой капитализма, то исключительно с позиций мелкого частного собственника, разоряющегося в процессе развития капитализма. Критикуя капитализм с этих позиций мелкобуржуазного бунтарства, Макс Штирнер в то же время выступал против борьбы народных масс за демократию, в особенности против революционных методов этой борьбы. Штирнер был непримиримым врагом идей коммунизма.

Начиная с середины 40-х годов, учение Макса Штирнера распространялось в среде мелкобуржуазной интеллигенции, через которую оно могло проникнуть в широкие слои рабочего класса и иных трудящихся. Это заставило Маркса и Энгельса уделить внимание критике учения Штирнера, разоблачить мещанское, мелкобуржуазное содержание этого учения, что и было сделано Марксом и Энгельсом в «Святом семействе», а особенно в «Немецкой идеоло-

гии». Здесь же Маркс и Энгельс разоблачили подлинное лицо так называемых «истинных социалистов», являвшихся реакционными идеологами немецкого мещанства.

Получивший свое распространение с 1844 года в Германии в среде интеллигенции «истинный социализм» выражал взгляды разоряющейся под влиянием капитализма немецкой мелкой буржуазии. По существу «истинный социализм» представляет собою одну из разновидностей мелкобуржуазных утопических учений, враждебных пролетарскому движению, исходящих из представления о возможности примирения противоречий между буржуазией и пролетариатом при сохранении капиталистического строя.

Энгельс характеризовал «истинный социализм» как учение, в котором научное исследование подменено беллетристической фразой, а на место освобождения пролетариата путем экономического преобразования производства ставится освобождение человечества посредством «всеобщей любви»¹.

Идеологами «истинного социализма» являлись К. Грюн, М. Гесс, Г. Криге и др. Уничтожающая критика «истинных социалистов» Марксом и Энгельсом привела к изгнанию этих псевдосоциалистов из революционных рабочих организаций. Представители этого течения окончательно сошли со сцены после революции 1848 года.

В указанных трудах Маркса и Энгельса также содержится глубокая критика Фейербаха за созерцательность его философии, за метафизический характер его материализма, за его идеалистические взгляды на общество, выражающиеся в антропологическом подходе к явлениям общественной жизни и в проповеди этики «всеобщей любви».

Маркс и Энгельс, критикуя Фейербаха, подчеркивают одновременно то важное влияние, которое имела его философия на формирование их материалистических взглядов. Но в отличие от Фейербаха Маркс и Энгельс выступают как представители материалистической диалектической философии, ставящей своей задачей революционное переустройство общества, доказывают неизбежность и необходимость пролетарской революции.

«Немецкая идеология» явилась первым систематизированным и обстоятельным изложением материалистического понимания истории, теоретическим обоснованием научного коммунизма.

В этом труде большое внимание уделено соотношению производительных сил и форм общения (под которыми здесь надо понимать производственные отношения), дающему ключ к уяснению развития общества, зависимости общественных учреждений и идей, в частности политических идей, от материальных основ общества. Именно в этом труде содержится следующее классическое положение марксизма, имеющее особое значение для правильного

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 349.

подхода к политическим и иным учениям: «Мысли господствующего класса, — писали Маркс и Энгельс, — являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчинёнными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения; следовательно, это — выражение тех отношений, которые и делают один этот класс господствующим, это, следовательно, мысли его господства»¹.

Большое место в этой работе отведено теории классов и классово-вой борьбы. Здесь также впервые дан развернутый материалистический анализ сущности государства и права. Разоблачая идеалистическую трактовку государства, Маркс и Энгельс убедительно доказывают, что определяющую основу государства и права составляют не идеи, не сознание, а определенные материальные, экономические отношения.

Государство представляет собой ту форму, в которой индивиды, принадлежащие к господствующему классу, осуществляют свои общие интересы и в которой все гражданское общество данной эпохи находит свое сосредоточение. Буржуазное государство определяется в этом труде как «...форма организации, которую неизбежно должны принять буржуа, чтобы — как вовне, так и внутри государства — взаимно гарантировать свою собственность и свои интересы»².

В «Немецкой идеологии» имеется специальная глава, посвященная анализу отношений государства и права к собственности. Здесь вскрывается классовая суть буржуазного государства как организации, служащей делу защиты буржуазной собственности и интересов буржуазии.

В этом же труде Маркс и Энгельс разоблачают юридическую иллюзию, будто закон основывается на воле, и притом на оторванной от своей реальной основы, свободной воле, вскрывают антинаучность волюнтаристских концепций буржуазных и добуржуазных юристов, подчеркивая обусловленность воли, выражаемой в праве, материальными основами общества.

Маркс и Энгельс подчеркивают зависимость развития права от развития частной собственности, от изменений в способе производства. В этой работе опровергается миф о вечности права частной собственности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 45—46.

² Там же, стр. 62.

Особенно велика роль «Немецкой идеологии» в разработке вопроса о революции. Маркс и Энгельс говорят здесь об объективной необходимости революции, рассматривают ее как неизбежный результат противоречий между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями. В центре их внимания стоит вопрос о пролетарской революции, необходимости революционного перехода к новому обществу. Пролетариат характеризуется как выразитель потребностей дальнейшего развития производительных сил, скованных буржуазной формой частной собственности. Пролетарская революция, писали Маркс и Энгельс, в отличие от всех прошлых революций имеет своей целью не переход частной собственности из рук одного класса в руки другого класса, а полное уничтожение частной собственности на средства производства, уничтожение эксплуатации и классового деления.

Основоположники марксизма указывают, что пролетарская революция «...необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества»¹.

Особенно важно отметить, что в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс формулируют положение о том, что коммунистическое преобразование общества пролетариат совершит путем захвата в свои руки политической власти, установления своего политического господства. В этом положении уже нашла свое выражение основная идея марксизма — идея диктатуры пролетариата как государства переходного от капитализма к коммунизму периода, идея, получившая дальнейшее развитие в последующих трудах Маркса и Энгельса.

Уже в этом труде Маркс и Энгельс приближаются к теоретическому решению вопроса о судьбе государства и права в будущем обществе, где не будет частной собственности, классов, эксплуатации, к выводу об отмирании государства и права при коммунизме.

Рассмотренные совместные труды Маркса и Энгельса ярко свидетельствуют, что марксизм формировался в условиях ожесточенной идеологической борьбы его основоположников со всеми теми философскими и политическими учениями, которые искажали действительное положение вещей и так или иначе служили идеологическим средством закрепления существующих эксплуататорских общественных порядков.

Маркс и Энгельс выступают в этих работах с позиций пролетарской партийности, громят реакционные утверждения об «отрицательной» роли народных масс, разрабатывают учение о борьбе классов как движущей силе общественного развития, выделяя пролетариат как последовательно революционный класс, выдвигают учение о пролетарской революции и завоевании власти пролетариатом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 70.

д) «Нищета философии»

С еще большей ясностью идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата выражены в труде Маркса «Нищета философии» (1847). Критикуя Прудона за то, что он и его сторонники видят в нищете только нищету, не замечая ее революционной стороны, низвергающей старое общество, Маркс разъясняет, почему антагонизм между пролетариатом и буржуазией на определенной стадии развития классовой борьбы неизбежно выливается в форму революции.

Хотя здесь нет еще термина «диктатура пролетариата», но все сказанное об исторической миссии пролетариата в деле переустройства общества уже включает по существу эту идею.

Эта работа сыграла огромную роль в разоблачении анархистских и мелкобуржуазно-социалистических взглядов Прудона и его единомышленников, их проповеди воздержания от политической борьбы.

Один из основоположников анархизма — Пьер Жозеф Прудон (1809—1865), французский мелкобуржуазный публицист и социолог получил известность со времени выхода его на шумевшей книги (1840) «Что такое собственность?», где им было выдвинуто положение: «собственность есть кража». Однако при этом Прудон имел в виду не всякую частную собственность, а лишь крупную капиталистическую собственность. Мелкая же частная собственность им всячески превозносилась и отстаивалась. Прудон подвергал критике капиталистическую собственность с позиций мелкого буржуа, исходя при этом из отвлеченных представлений о морали и справедливости.

Для Прудона характерно понимание категорий товарного хозяйства как вечных и абсолютных, полное игнорирование исторического подхода, апелляция к «вечной справедливости», характерное для буржуазных идеологов чисто юридическое рассмотрение экономических отношений.

Эклектический характер его мировоззрения, оставшегося идеалистическим, неспособность подняться на уровень действительно научного анализа капиталистического строя и лежащей в его основе частной капиталистической собственности, свойственная мелкому буржуа узость политического кругозора ярко сказались уже на этой первой и, несомненно, лучшей из всех написанных Прудоном работе. Однако в ту пору еще были основания надеяться, что из Прудона со временем может выработаться революционный социалист, а выраженная в этом произведении ненависть к крупной капиталистической собственности и страстность, с которой обрушивался на нее Прудон, придавали его книге известное положительное значение. Вот почему Маркс пытался сначала помочь Прудону преодолеть путаницу в его мировоззрении и встать на правильный путь. Однако уже ближайшие годы показали, что Прудон скатывается все далее в реакционное болото. В 1846 году

Прудон опубликовал книгу «Система экономических противоречий или философия нищеты», в которой открыто объявил себя противником коммунизма, рабочего движения, политической борьбы, государства.

Учение Прудона о возможности переустройства общества без революционной борьбы, провозглашение им принципиальной враждебности к государственности вообще, то есть отрицание и государства диктатуры пролетариата, все это, отражая чаяния мелких буржуа, было не только утопично, но и реакционно и представляло серьезную опасность для революционного рабочего движения.

Необходимо было вскрыть реакционную сущность учения Прудона. Эта задача и была блестяще выполнена Марксом в труде «Нищета философии».

Критикуя учение Прудона, Маркс одновременно развивал основы научного мировоззрения пролетариата. Маркс глубоко исследует связь общественных, в частности, политических отношений с производительными силами, подчеркивает решающую роль производственных отношений в системе общественных отношений, в жизни общества, формулирует такой важнейший общесоциологический закон, как закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

С огромной силой доказывает Маркс, что антагонизм классов буржуазного общества и политическая борьба между ними объективно обусловлены, что революционное преобразование буржуазного общества имеет объективную основу и столь же необходимо требует политической борьбы рабочего класса, без которой угнетенный класс не может освободить себя. Но само это освобождение возможно и необходимо именно потому, что приобретенные обществом в результате его развития производительные силы и наличные общественные отношения не могут далее существовать рядом.

Особенное внимание Маркс уделяет в этом труде раскрытию всемирно-исторической роли пролетариата как той реальной силы, которая может уничтожить капиталистический строй, свергнуть политическое господство буржуазии, привести общественные отношения в соответствие с производительными силами. Проследив развитие пролетариата как класса, противостоящего буржуазии, Маркс указывает, что в ходе борьбы за свои экономические интересы пролетариат начинает осознавать свои общеклассовые интересы и его борьба против буржуазии неизбежно приобретает политический характер, перерастая в открытую политическую революцию. Разоблачая несостоятельность и вредность прудоновского учения, отрицавшего необходимость политической революции, признающего лишь социальную эволюцию, осуществляемую без всякой политической борьбы, Маркс подчеркивает, что только с исчезновением классов социальные эволюции будут возможны без политической революции.

§ 4. «Манифест Коммунистической партии» — научно обоснованная программа борьбы пролетариата за свое освобождение. Идеи пролетарской революции и диктатуры пролетариата в «Манифесте Коммунистической партии»

1. Появление «Манифеста Коммунистической партии», написанного Марксом и Энгельсом по поручению состоявшегося в ноябре-декабре 1847 года второго конгресса созданного ими «Союза коммунистов», было событием огромной важности в истории борьбы рабочего класса.

«Манифест» представляет собой систематическое изложение основных положений научного социализма, сочетающее теоретическую глубину с общедоступностью. Он является в то же время выдающимся программным документом революционного рабочего движения. В нем пролетариат всего мира впервые получил научно обоснованную программу практической борьбы, имеющей целью победу пролетарской революции и установление диктатуры пролетариата.

«Манифест» создал эпоху в науке и революционной практике. «Манифест» прозвучал как приговор капитализму, возвестивший его неизбежный конец, неминуемую замену строя, основанного на эксплуатации человека человеком, новым общественным строем, свободным от всякой эксплуатации и угнетения.

Порожденный насущными потребностями практической революционной борьбы рабочего класса «Манифест» вооружил трудящихся пониманием открытых Марксом и Энгельсом объективных законов общественного развития, сознанием исторической миссии пролетариата.

Научное значение «Манифеста» ярко охарактеризовано В. И. Лениным в следующих словах: «В этом произведении с гениальной ясностью и яркостью обрисовано новое миросозерцание, последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества»¹.

Ленин писал, что эта небольшая книжечка стоит целых томов, что ее духом живет и движется весь организованный и борющийся пролетариат.

2. Основной мыслью, пронизывающей все содержание «Манифеста», является мысль о том, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу его политической и умственной истории, что в соответствии с этим вся история (со времени разложения первобытного общинного землевладения) была историей классовой борьбы, борьбы между эксплуатируемыми и эксплуати-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 32.

рующими, подчиненными и господствующими классами на различных ступенях общественного развития и что теперь эта борьба достигла ступени, на которой эксплуатируемый и угнетенный класс (пролетариат) не может уже освободиться от эксплуатирующего и угнетающего его класса (буржуазии), не освобождая в то же время всего общества навсегда от эксплуатации, угнетения и классовой борьбы.

«Манифест» показал роль революции — этой наиболее острой и решительной формы классовой борьбы — в прогрессивном развитии общества, в смене одной общественно-экономической формации другой, в осуществлении требований экономического закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Характеризуя противоречия, раздирающие капиталистическое общество, «Манифест» делает вывод, что буржуазные производственные отношения превращаются в оковы для общества, что буржуазия неспособна уже оставаться долее господствующим классом общества, так как она неспособна обеспечить своему рабу даже рабского уровня существования.

Сложившийся в условиях буржуазного общества единственный подлинно и последовательно революционный класс — пролетариат — самой историей подготовлен для роли преобразователя капиталистического общества в общество коммунистическое. Пролетариат — единственный последовательно революционный класс общества, не только не заинтересованный в сохранении частной собственности, в сохранении способа производства, основанного на эксплуатации человека человеком, но являющийся сам носителем нового, высшего способа производства. Отсюда его историческая миссия — положить конец эксплуататорскому строю путем революционного свержения господства буржуазии и взятия власти в свои руки.

3. В «Манифесте» раскрыта классовая сущность буржуазного государства. Маркс и Энгельс характеризуют государственную власть в капиталистическом обществе как «комитет, управляющий общими делами всего класса буржуазии». Маркс и Энгельс указывают в «Манифесте», что развитие материальных основ общества, производительных сил обуславливает неизбежность революционной замены буржуазного государства диктатурой пролетариата, что «...первым шагом в рабочей революции является превращение пролетариата в господствующий класс, завоевание демократии»¹.

Хотя сам термин д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а здесь еще не употребляется, но, — как подчеркивал Ленин,² — словами «политическое господство пролетариата», «пролетариат, организованный как господствующий класс» выражается именно идея диктатуры пролетариата.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 59.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 374.

В «Манифесте» подчеркивается демократический характер диктатуры пролетариата в отличие от диктатуры всех предшествующих господствующих классов, указывается, что речь идет об установлении господства такого класса, который представляет большинство населения и действует в интересах большинства. «Манифест» раскрывает роль власти пролетариата как важнейшего орудия в деле преобразования экономического базиса общества.

«Пролетариат, — говорится в «Манифесте», — использует свое политическое господство для того, чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс, и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил»¹.

В «Манифесте» указывается, что для этого с самого начала потребуются деспотическое вмешательство в право собственности и в буржуазные производственные отношения. В «Манифесте» перечисляется ряд начальных конкретных мероприятий пролетарской власти по осуществлению этого преобразования, причем делается оговорка, что эти мероприятия будут, конечно, различны в разных странах.

В «Манифесте» дается определение классовой сущности политической власти.

«Политическая власть, — пишут Маркс и Энгельс, — в собственном смысле слова — это организованное насилие одного класса для подавления другого»². Исходя из этого, Маркс и Энгельс разъясняют, что с исчезновением в ходе развития общества после захвата власти пролетариатом классовых различий и сосредоточения всего производства в руках ассоциации индивидов публичная власть потеряет свой политический характер. Таким образом, здесь разъясняется, что государство есть не вечное явление, а исторически преходящее, связанное с существованием классов и классовых различий. Пролетариат, придя к власти и используя ее для преобразования общества, для построения коммунизма, тем самым prepares условия для будущего полного отмирания государства.

4. «Манифест» имеет громадное значение для развития марксистского учения о праве.

В «Манифесте» разъясняется исторически преходящий характер частной собственности — этой основы эксплуататорского государства и права, неизбежность ее уничтожения. Право, как и государство, представляет собой надстроечное явление, обусловленное материальными основами общества и его классовой структурой,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 59.

² Там же, стр. 60.

тем, какой класс держит в своих руках основные средства производства.

В «Манифесте» содержится классическая характеристика буржуазного права, которая вскрывает сущность не только этого права, но дает ключ к пониманию классово-экономической сущности права других исторических типов. «Ваши идеи, — писали Маркс и Энгельс, обращаясь к буржуазии, — сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных отношений собственности, точно так же как ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»¹.

Это определение, развивающее мысли, содержащиеся уже в «Немецкой идеологии», подчеркивает надстроечный характер права по отношению к экономическому базису и противопоставляет как подлинно научное определение всем идеалистическим, в частности волюнтаристским, определениям, извращенно трактующим право.

5. С огромной силой в «Манифесте» разоблачаются имевшиеся в то время разновидности ненаучных «социалистических» учений — феодального, мелкобуржуазного, немецкого или «истинного», буржуазного социализма.

В «Манифесте» дается также критика и общая оценка утопического социализма.

В заключительном разделе «Манифеста» — «Отношение коммунистов к различным оппозиционным партиям» — четко формулируется то положение, что коммунисты поддерживают повсюду всякое революционное движение, направленное против существующих эксплуататорских общественных отношений и обусловленных ими политических отношений.

«Коммунисты, — говорится в конце «Манифеста», — считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир». «Манифест» заканчивается призывом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

6. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс сформулировали основные положения своего учения, основы научной теории государства и права как органической части марксистского мировоззрения, марксистского учения об обществе.

Дав изложение выработанного ими к тому времени материалистического учения об обществе, классах, государстве и праве, они нанесли смертельный удар буржуазным и лжесоциалистическим политическим учениям.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 55.

Появление «Манифеста Коммунистической партии» открыло собой новую эпоху объединения и политического роста пролетариата под знаменем марксизма.

«Манифест», правильно ориентируя рабочий класс, вооружил его знанием своей исторической миссии, знанием своих задач в отношении государства, стал тем знаменем, под которым росло, развивалось и крепло рабочее движение во всем мире.

Гениальные идеи «Манифеста» получили дальнейшее развитие и обогащение в ходе революционной борьбы рабочего класса, в опыте последующей исторической эпохи — эпохи империализма и пролетарских революций, обобщенном в трудах В. И. Ленина.

Именно потому, что в «Манифесте Коммунистической партии» нашли в яркой и общедоступной форме свое выражение животворные идеи марксизма и этот важный программный документ продолжает оказывать свое вдохновляющее воздействие на трудящихся во всем мире, социал-оппортунисты и ревизионисты прилагают все усилия, чтобы «доказать» якобы устарелость этого программного документа, объявляют его лишь историческим памятником прошлого, утратившим ныне свое значение.

Вопреки фактам социал-оппортунисты и ревизионисты всех мастей объявляют неоправдавшимся содержащийся в этом документе научный прогноз о судьбах капитализма, о неизбежности его краха в силу внутренних противоречий, об усилении эксплуатации рабочего класса капиталистами и о дальнейшем обнищании рабочего класса. Всячески приукрашивая современный капитализм, как якобы совершенно новый капитализм, к которому уже не применимы выводы Маркса, социал-оппортунисты и ревизионисты имеют своей главной задачей отвергнуть идею социалистической революции и диктатуры пролетариата, то есть центральную идею марксизма.

Подвергается пересмотру знаменитое положение «Манифеста» о том, что рабочим нечего терять кроме своих цепей, а приобретут они весь мир. Так, в проекте программы австрийской социалистической партии прямо заявляется, что эта идея «Манифеста» уже неправильна в современных условиях, так как положение рабочего класса в современном капиталистическом обществе якобы настолько улучшилось по сравнению с тем, каково оно было во времена Маркса, что к нему никак не относятся слова «Манифеста» о том, что ему «нечего терять кроме своих цепей». Смысл всех этих рассуждений — отвлечь рабочий класс от революционного пути, направив его на путь борьбы за половинчатые реформы, на путь сговора с буржуазией, якобы проникшейся идеями социализма и заинтересованной в «эволюционном» продвижении к социализму. Революционный же путь, к которому призывает «Манифест», может якобы привести лишь к потере тех благ, которыми пользуется современный рабочий класс и которые, по уверению правых социалистов, обеспечивают сами по себе «эволюционный» переход к социализму, без всякой революции.

Нападкам подвергается со стороны этой агентуры буржуазии в рядах рабочего класса и классический лозунг марксизма: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», выставленный «Манифестом». В этом лозунге находит свое выражение как признание за пролетариатом ведущего, руководящего значения в борьбе за социализм и коммунизм, так и характерный для этого передового класса пролетарский интернационализм. Вопреки этому марксистскому лозунгу на страницах, например, французского правосоциалистического журнала «Ля ревю сосиалист» выдвигается требование замены его лозунгом, зовущим к объединению всех вообще, кто борется за прогресс, против реакции.

Бесспорно, что на современном этапе весьма важным является объединение во всем мире сил, борющихся против реакции за прогрессивное развитие общества. Коммунистические партии первыми начали борьбу за объединение прогрессивных людей во всем мире для противодействия планам поджигателей новой войны, для борьбы с силами реакции. Но разве можно такое объединение противопоставлять объединению пролетариев всех стран? Если первое объединение носит общедемократический характер и отнюдь не ставит себе целью борьбу за социализм и не может этого ставить, так как включает в себя и противников социализма, то лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» указывает на основное условие успешной борьбы за социализм и коммунизм, основное требование подлинно революционного международного рабочего движения.

Особенно усиленным нападкам ревизионистов подвергается выраженная в «Манифесте» идея пролетарского интернационализма. Пущенные в ход за последние годы «теорийки» «национального коммунизма», националистические по своему характеру, преувеличивают национальные особенности отдельных стран и направлены на ослабление международных связей и единства социалистических стран, на отрицание общих для всех стран закономерностей движения к социализму, на разъединение братских коммунистических партий всего мира.

Однако ревизионистам не удалось поколебать пролетарского интернационализма как одного из важнейших принципов международного пролетариата и его авангарда — коммунистических партий, идущих под знаменем марксизма. Об этом, в частности, свидетельствует Декларация совещания представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшегося в 1957 году, а равно решения, принятые на XXI съезде КПСС и на последних съездах братских компартий различных стран, где был дан достойный ответ всем, кто пытался и пытается подменить пролетарский интернационализм национализмом.

Тщетны все усилия правых социалистов и ревизионистов новой формации превратить «Манифест Коммунистической партии» в музейный экспонат, якобы утративший свое значение для нашего времени. Он продолжает оставаться на вооружении рабочего класса

и трудящихся всего мира. Великую жизненную силу его идей, получивших дальнейшее свое развитие в трудах Ленина и других руководителей КПСС и братских коммунистических партий, с каждым днем подтверждают и усиливают успехи могучего социалистического лагеря и в первую очередь Советского Союза, где столь полно и ярко нашли свое претворение в жизнь идеи «Манифеста Коммунистической партии», идеи марксизма-ленинизма.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К. и Энгельс Ф., Святое семейство, Соч., т. 2, с. 3—230.

Маркс К. и Энгельс Ф., Немецкая идеология, Соч., т. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф., Манифест Коммунистической партии, Соч., т. 4, с. 419—459.

Маркс К., К критике гегелевской философии права. Введение, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 1, с. 414—429.

Маркс К., Ницета философии, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 4, с. 65—185.

Энгельс Ф., Положение рабочего класса в Англии. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 2, с. 231—517.

Ленин В. И., Три источника и три составные части марксизма, Соч., т. 19, с. 3—8.

Ленин В. И., Карл Маркс, Соч., т. 21, с. 27—74.

Ленин В. И., Фридрих Энгельс, Соч., т. 2, с. 1—13.

Ленин В. И., Государство и революция, Соч., т. 25, с. 353—462.

Сталин И. В., Об основах ленинизма, Соч., т. 6, с. 69—188.

Дополнительная

О. Корню, К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, Издательство иностранной литературы, 1959.

В. А. Турецкий, Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на государство, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1949.

Г. Менде, Путь Карла Маркса от революционного демократа к коммунисту, Издательство иностранной литературы, 1957.

ГЛАВА XXIV

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД ОТ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1851 гг. ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

§ 1. Общая характеристика периода. § 2. Политическая деятельность Маркса и Энгельса в революциях 1848—1851 гг. § 3. Развитие марксистского учения о государстве и праве на основе опыта революций 1848—1851 гг. Вывод о сломе буржуазной государственной машины как предварительном условии всякой подлинно народной революции. § 4. Обоснование неизбежности пролетарской революции и диктатуры пролетариата в экономических трудах Маркса. § 5. Маркс и Энгельс — организаторы и руководители I Интернационала. Их борьба с антимарксистскими течениями в рабочем движении. § 6. Маркс и Энгельс о международных отношениях

§ 1. Общая характеристика периода

1. Новый этап в развитии марксизма охватывает два с небольшим десятилетия, начиная с революций 1848—1851 гг. и вплоть до Парижской Коммуны 1871 года.

1848—1871 гг. составляют особый этап в пределах более обширного периода победы и утверждения капитализма в передовых странах, периода сравнительно «плавного» и «мирного» развития капитализма, начавшегося еще со времени французской революции 1789—1794 гг. Характерными чертами этого этапа являются бурное развитие торговли и промышленности, повсеместное укрепление экономических позиций буржуазии, завершение буржуазных революций в передовых странах, попытки буржуазии ряда отсталых стран завоевать политическую власть, широкое национально-освободительное движение в ряде стран Западной Европы.

Одновременно это был период быстрого возрастания численности, сознательности и организованности рабочего класса, возникновения и развития массовых рабочих организаций, создания и укрепления международных связей пролетариата.

Уже в рамках этих двух с небольшим десятилетий развитие капитализма вызвало большое обострение социального неравенства и классовых антагонизмов. Относительное и абсолютное обнищание рабочего класса неуклонно возрастало. Периодически повторяющиеся экономические кризисы всей своей тяжестью ложились на трудящиеся массы и в первую очередь на пролетариат. Незавершенность буржуазных революций в одних странах Западной Европы и запаздывание буржуазных революций в других усиливали недовольство существующим строем не только буржуазии, но и рабочего класса и вообще широких масс трудящихся. Революционная ситуация, сложившаяся к 1848 году в ряде стран Западной Европы, вызывалась как экономическими, так и политическими условиями, была подготовлена всем предшествующим развитием стран Западной Европы.

2. Революции 1848—1851 гг. охватили ряд стран Европы: Францию, Германию, Италию, Австрию, Венгрию и др.

Эти революции, буржуазные по своему характеру, отличались от всех буржуазных революций прошлого. Они совершались при более высоком уровне развития капиталистических отношений, чем в Англии XVII или Франции XVIII вв., в условиях непрерывно обострявшегося антагонизма между пролетариатом и буржуазией, несравненно большей зрелости и организованности рабочего класса. Буржуазия этого периода боялась полной победы революции над силами феодальной реакции, предвидя, что пролетариат сможет воспользоваться этой победой против нее самой. В этом кроются причины стремления буржуазии закончить буржуазную революцию на полпути сделкой со старой властью и с помещиками. В. И. Ленин, анализируя революцию 1848 года, подчеркивал, что «...измена пролетариату со стороны массы мелкой буржуазии вызвала поражение революции»¹.

Необходимо, разумеется, учитывать различия, которые характерны для революций 1848—1851 гг. в отдельных странах в силу неодинаковости в них уровня развития капитализма, расстановки классовых сил, политического режима.

Так, во Франции установившаяся там монархия ко времени революции 1848 года была буржуазной по своей классовой сущности. Однако господствовала в этой монархии только одна фракция буржуазии — так называемая финансовая аристократия (банкиры, биржевые и железнодорожные короли, владельцы угольных копей и железных рудников и лесов, крупные землевладельцы). Промышленная буржуазия составляла оппозицию правительству июльской монархии, а мелкая буржуазия и крестьянство были совершенно

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 379.

лишены политических прав. Эти общественные круги были враждебны июльской монархии и требовали предоставления им участия в политической власти. К. Маркс писал, что «...февральская республика прежде всего должна была сделать более полным господство буржуазии: благодаря ей рядом с финансовой аристократией все имущие классы получили доступ к политической власти»¹. Рабочий класс, доведенный до отчаяния экономическим и политическим гнетом, боролся тоже за республику, но потому, что видел в «социальной республике» средство улучшения условий своего существования, средство обуздания буржуазии.

В феврале 1848 года пролетариат добился провозглашения республики во Франции. Буржуазия была вынуждена в демагогических целях согласиться на ряд требований французского пролетариата, в частности, о создании министерства труда, издании декрета о праве на труд. Вместе с тем в страхе перед пролетариатом она с первых же дней провозглашения республики стала в сговоре с силами реакции готовить контрнаступление на пролетариат.

Кульминационным пунктом революции 1848 года во Франции явилось мощное июньское восстание рабочего класса в Париже. Оно представляло собой, как указывал Маркс, первую великую битву между обоими классами капиталистического общества, борьбу за сохранение или уничтожение буржуазного строя. Но условия для победы рабочего класса тогда еще не созрели, что и предредило исход этого восстания, его кровавое подавление.

В полуфеодальной Германии революция 1848 года имела своей задачей привести буржуазию к власти, покончить с полуфеодальным политическим строем, тормозившим развитие капиталистического способа производства.

В Венгрии, Чехии и Италии, находившихся под австрийским гнетом, революция носила характер национально-освободительного движения, возглавляемого национальной буржуазией.

3. Революции 1848—1851 гг. дали возможность пролетариату узнать, с одной стороны, свою силу, с другой — свою слабость, состоящую прежде всего в недостаточном в то время уровне его сознательности, в отсутствии пролетарской партии, в отсутствии тесных связей с крестьянскими массами.

Разгром революций 1848—1851 гг. силами реакции объясняется тем, что капитализм при всем обострении его внутренних противоречий шел тогда еще по линии восходящего развития, а пролетариат был еще недостаточно силен и организован, не имел своей политической партии, чтобы стать гегемоном в этих революциях и довести их до победного конца.

Следующие за разгромом революции 1848—1851 гг. два десятилетия являются одними из наиболее «спокойных», «мирных» в истории капиталистического общества. Однако уже в 1871 году

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 14—15.

героическое восстание парижских коммунаров делает ясным, что период «плавного», «мирного» развития капитализма заканчивается.

Поражение революций 1848—1851 гг. и победа реакции не приостановили рабочее движение. Оно продолжало крепнуть и развиваться. Неуклонно повышался уровень политической сознательности и организованности пролетариата, численность которого продолжала увеличиваться в связи с быстрым ростом промышленности. В различных странах создаются самостоятельные пролетарские партии. Особенно важное значение для развития международного рабочего движения имело создание в 1864 году I Интернационала (Международного Товарищества Рабочих).

Революции 1848—1851 гг. и весь последующий ход событий с предельной ясностью подтвердили правильность уничтожающей критики Марксом и Энгельсом господствовавших ранее на Западе форм мелкобуржуазного социализма, а равно критики буржуазного государства и права, буржуазной демократии.

Если до 1848 года главное внимание основоположников марксизма уделялось разработке философских основ своего учения, а именно диалектического и исторического материализма, то теперь в центре внимания Маркса и Энгельса оказываются анализ политических событий, теоретическое обобщение опыта революции 1848—1851 гг., разработка экономического и политического учения марксизма¹.

Именно в этот период начинается процесс превращения марксизма в учение, господствующее в среде пролетариата. В непримиримой борьбе со всеми враждебными пролетариату учениями марксизм неуклонно развивается на базе обобщения опыта революционного движения рабочего класса, становится достоянием все более широких кругов его.

§ 2. Политическая деятельность Маркса и Энгельса в революциях 1848—1851 гг.

Маркс и Энгельс с первых дней революции 1848 года отдавали все силы на то, чтобы внести необходимую организованность в ряды пролетариата, вооружить его программой и тактикой борьбы. Личное участие Маркса в организации бельгийских рабочих и подготовке вооруженного восстания в Брюсселе привело к высылке его из Бельгии. Маркс переехал в Париж, куда вместе с ним направился и Энгельс, так как этого требовали назревавшие революционные события 1848 года. Как только началась революция в Германии, Маркс и Энгельс возвратились туда для активного участия в революции.

¹ См. Т. И. Ойзерман, Развитие марксистской теории на опыте революций 1848 года, Госполитиздат, 1955, стр. 5 и далее.

Отдавая себе отчет в буржуазном характере революции 1848 года, Маркс и Энгельс исходили из того, что она явится прологом пролетарской революции. Маркс и Энгельс возглавляли центральный партийный орган «Союза Коммунистов» — «Новую Рейнскую газету» и развернули большую агитационную и организационную деятельность. В противовес буржуазному лозунгу — «борьба за имперскую конституцию» — «Новая Рейнская газета» пропагандировала лозунг «социальной» или «красной» республики. Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» бичевали немецкую буржуазию за ее трусливость, требовали разрешения крестьянского вопроса, ликвидации господства крупных землевладельцев, решительной демократизации государственного строя. Они клеймили и разоблачали мелкобуржуазных болтунов из франкфуртского национального собрания. Маркс и Энгельс боролись за радикальное решение задач буржуазно-демократической революции на данном этапе, за завоевание пролетариатом руководящей роли в революции, что единственно могло обеспечить доведение ее до конца.

Принципиальная, последовательно революционная линия, проводившаяся Марксом и Энгельсом в «Новой Рейнской газете», выступавшей как орган революционного пролетариата, привела к ее запрещению. Поражение революции в Германии вынудило Маркса и Энгельса эмигрировать из Германии.

Как указывал Ленин, «в деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты»¹.

§ 3. Развитие марксистского учения о государстве и праве на основе опыта революций 1848—1851 гг.

Вывод о сломе буржуазной государственной машины как предварительном условии всякой подлинно народной революции

1. После революций 1848—1851 гг. Маркс и Энгельс продолжали наряду с огромной теоретической работой, также и практическую, политическую работу по укреплению международных связей пролетариата, всемерно содействовали усилению «Союза коммунистов», а затем развернули борьбу за создание I Интернационала.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 22.

Маркс и Энгельс, являвшиеся активными участниками революции 1848 года, прекрасно понимали, какое значение имеет обобщение опыта этой революции. Как подлинныe революционеры, уверенные в конечном торжестве своего дела, они призывают пролетариат не впадать в уныние в связи с победой реакции, а готовиться к новому этапу революций, учитывая уроки революции 1848 года.

Всякое революционное потрясение, говорили Маркс и Энгельс, вызывается общественной потребностью, удовлетворение которой тормозится отжившими политическими учреждениями. Всякая попытка насильственного подавления этой жизненной общественной потребности лишь заставит ее выступать вновь с возрастающей силой, пока она, наконец, не разобьет свои оковы.

Естественно, что начиная с революций 1848—1851 гг. выдвигаются вперед политические идеи марксизма. Уже в ходе революции Маркс и Энгельс в «Новой Рейнской газете» гениально обосновали положение о том, что главным вопросом всякой революции является вопрос о власти.

Еще в конце 1848 года Маркс и Энгельс писали в «Новой Рейнской газете», что главным результатом революционного движения 1848 года является утрата народными массами иллюзий о возможности сотрудничества с буржуазией и о буржуазном парламентаризме.

2. Подробная характеристика и глубокий анализ соотношения классов в революции 1848 года в Германии даны в работе Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», в написании которой непосредственное участие принимал Маркс. В этой работе вскрываются причины поражения революции в Германии.

Ф. Энгельс убедительно вскрывает предательский характер политики буржуазии в революции 1848 года, неизбежность превращения либерализма в контрреволюционную силу. Огромное значение имеют сформулированные здесь выводы о задачах пролетариата в буржуазной революции, о закономерностях развития буржуазной революции, о необходимости для пролетариата добиваться гегемонии в этой революции в целях углубления ее и доведения до конца, о привлечении пролетариатом на свою сторону крестьянских масс в целях расширения социальной базы революционной борьбы.

Именно в этом труде содержатся знаменитые положения марксизма о революции как высшей форме классовой борьбы и о восстании как революционном искусстве. Восстание, указывают Маркс и Энгельс, есть такое же искусство, как война или всякое другое искусство, подчиняющееся определенным правилам. Пренебрежение к этим правилам приводит к гибели восстания. Основные правила восстания ими формулируются следующим образом: «Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости идти до конца», «во-вторых, раз восстание начато, тогда надо

действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания...»¹.

В своих работах Маркс и Энгельс подчеркивают первостепенную роль революционной власти, опирающейся на поддержку народных масс, необходимость неразрывной связи между действиями этой власти и действиями народных масс. Уже одно это ясно показывало принципиальное отличие марксистского учения о революции как от анархистского, так и от бланкистского понимания ее.

3. В речи на судебном процессе против «Новой Рейнской газеты» Маркс специально остановился на вопросе об отношении революции к государственному аппарату, подчеркивая глубоко враждебное отношение старого государственного аппарата к революции. Этот вопрос получил у него в дальнейшем развитие и решение на основе глубокого изучения и обобщения опыта революций 1848—1851 гг.

На судебном процессе против Рейнского окружного комитета демократов Маркс выдвигает проблему соотношения революции и действовавшего до революции права.

В условиях революции, когда происходит борьба между различными общественными классами, спор между ними может разрешить только сила. Революция, ниспровергая старую власть, естественно, не может опираться на старые законы. Маркс с сарказмом обрушивается на тех, кто считает возможным говорить о пресловутой «правовой почве» в революции. Под сохранением правовой почвы в революции понимается обычно, как это разъясняет Маркс, «сохранение законов, относящихся к предшествовавшей общественной эпохе, созданных представителями исчезнувших или исчезающих общественных интересов,— это означает возведение в закон только этих интересов, находящихся в противоречии с общими потребностями»².

«Но общество основывается не на законе. Это — фантазия юристов. Наоборот, закон должен основываться на обществе, он должен быть выражением его общих, вытекающих из данного материального способа производства интересов и потребностей, в противоположность произволу отдельного индивидуума. Вот этот Code Napoléon, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII веке и продолжавшее развиваться в XIX веке, находит в этом Кодексе только свое юридическое выражение. Как только он перестанет соответствовать общественным отношениям, он превратится просто в пачку бумаги»³.

Таким образом, рассматривая вопрос о соотношении революции и права, Маркс разъясняет и вопрос о соотношении законов и реальных общественных отношений, которые требуют правового урегулирования.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 100.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 6, стр. 259.

³ Там же.

4. Если в названных выше работах Маркса и Энгельса мы находим тщательное исследование исторических уроков революции 1848 года в Германии, то в таких работах Маркса, как «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарт», объектом столь же глубокого анализа является революция 1848—1851 гг. во Франции.

Еще в «Коммунистическом манифесте» указывалось, что при определенных исторических условиях буржуазная революция может стать прологом пролетарской революции. В этом положении уже содержался зародыш той идеи перманентной (непрерывной) революции, которая получает свое развитие в годы обобщения Марксом и Энгельсом опыта революций 1848—1851 гг. Хотя этот опыт не оправдал надежд Маркса и Энгельса на то, что в Германии буржуазная революция явится прологом пролетарской революции, тем не менее уроки ее, особенно во Франции, давали материал для дальнейшего развития идеи непрерывной революции. В произведении «Классовая борьба во Франции» Маркс дал блестящее обоснование этой идеи, показав развитие пролетариата в ходе революции, принципиальное отличие пролетарского, революционного социализма от социализма буржуазного и мелкобуржуазного. Характеризуя пролетарский революционный социализм, Маркс пишет: «Этот социализм есть *объявление непрерывной революции, классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная ступень к уничтожению классовых различий вообще, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений*»¹.

Та же идея непрерывной революции содержится в написанном Марксом и Энгельсом в 1850 году «Обращении Центрального комитета к Союзу Коммунистов». «В то время как демократические мелкие буржуа,— указывалось в нем,— хотя возможно быстрее закончить революцию..., наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоеует государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями в этих странах прекратится и что, по крайней мере, решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев»². И обращение заканчивается указанием, что боевой лозунг рабочих должен гласить: «Непрерывная революция».

В ряде работ рассматриваемого периода Маркс и Энгельс останавливаются специально на вопросе об отношении рабочего класса к крестьянству, развивают положение, что пролетарская

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 91.

² Там же, стр. 261.

революция победит лишь в том случае, если будет поддержана «вторым изданием» Крестьянской войны¹, указывают на необходимость привлечения крестьянства на сторону пролетариата. Маркс и Энгельс подчеркивали, что именно в городском пролетариате, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок, крестьяне находят своего естественного союзника и вождя, что победа пролетариата означает для крестьянства единственный выход из того положения, на которое обрекает его господство буржуазии. «Только падение капитала,— писал Маркс,— может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации»².

Маркс показывает изменения, происходившие в экономике, соотношении классов во Франции, в политических взглядах и учреждениях, в формах, механизме и роли французского государства в ходе революции и в ее итоге, и формулирует теоретические выводы о буржуазном государстве, буржуазной демократии, буржуазной республике.

В «Классовой борьбе во Франции» Маркс, анализируя изменения в расстановке сил различных фракций в лагере французской буржуазии и влияние этих изменений на политическую власть, дал замечательный образец применения метода материалистической диалектики к изучению конкретных исторических разновидностей буржуазного государства.

Маркс разоблачил тот цинизм, который характеризует отношение буржуазии к основным лозунгам ее собственной, то есть буржуазной, демократии. Он показал подлинный смысл буржуазной республики, как одной из форм буржуазного государства, бесцеремонно отбрасываемой буржуазией всякий раз, когда ей выгодно использование монархической формы.

Маркс показал, что парламентарная республика и всеобщее избирательное право не являются панацеей от зол капитализма, что в условиях эксплуататорского строя всеобщее избирательное право может при определенных условиях служить целям реакции, целям контрреволюционного переворота.

Эти положения нашли подробное обоснование в работе Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», где Маркс глубоко вскрывает сущность буржуазной конституции, формальность и урезанность буржуазной демократии.

Маркс иронически замечает: «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»³.

¹ См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 86.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 86.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 132.

Подвергая критике буржуазную демократию, Маркс и Энгельс широко использовали опыт революций 1848—1851 гг. для разработки вопроса о соотношении между борьбой за социализм и борьбой за демократию, вскрывая при этом принципиальное отличие между пролетарской и буржуазной борьбой за демократию.

5. Анализируя характерные черты буржуазного парламентаризма, Маркс отмечает его преимущества перед абсолютистским государством и вместе с тем разоблачает его классовую, эксплуататорскую сущность. Особенно важны для дальнейшего развития марксистского учения о государстве указания на взаимоотношение исполнительной власти и власти парламента, вскрывающие сущность, значение и роль аппарата исполнительной власти в механизме буржуазного государства.

«Эта исполнительная власть с ее громадной бюрократической и военной организацией, с ее многосложной и искусственной государственной машиной, с этим войском чиновников в полмиллиона человек рядом с армией еще в полмиллиона, этот ужасный организм-паразит, обвивающий точно сеть все тело французского общества и затыкающий все его поры, возник в эпоху абсолютной монархии, при упадке феодализма, упадке, который этот организм помогал ускорять... Наполеон завершил эту государственную машину... Все перевороты усовершенствовали эту машину вместо того, чтобы сломать ее. Партии, которые, сменяя друг друга, боролись за господство, рассматривали захват этого огромного государственного здания, как главную добычу при своей победе»¹.

Ленин, подчеркивая особо важное значение этого положения Маркса, писал в труде «Государство и революция»: «В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»². И Ленин здесь же подчеркивает, что как раз этот вывод Маркса не только забыт социал-оппортунистами, но и прямо извращен виднейшим теоретиком II Интернационала К. Каутским.

Таким образом, обобщение Марксом опыта революций 1848—1851 гг. позволило обогатить марксистское учение о государстве выводом о необходимости для пролетариата, идущего к власти, сломать, разбить старый, эксплуататорский государственный аппарат.

В этот же период Марксом было четко определено то значение, которое сам Маркс отводил в своем учении идее диктатуры пролетариата. В письме к Вейдемейеру 5 марта 1852 г. Маркс писал:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 205—206.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 378.

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни та, что я открыл их борьбу между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»¹.

Как указывал Ленин в «Государстве и революции», «в этих словах Марксу удалось выразить с поразительной рельефностью, во-первых, главное и коренное отличие его учения от учения передовых и наиболее глубоких мыслителей буржуазии, а во-вторых, суть его учения о государстве»². Неудивительно, что именно это главное положение марксизма отрицается, фальсифицируется как старым ревизионизмом, разоблаченным Лениным, так и современным. Весь опыт истории рабочего движения подтверждает сформулированное Лениным еще в 1917 году положение, что «марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата»³.

Маркс и Энгельс, обобщая опыт революционной борьбы рабочего класса, уделяют огромное внимание в своих трудах идее гегемонии пролетариата в революции, учению о необходимости и неизбежности пролетарской революции. Они подчеркивают при этом значение пролетарской партии и союза пролетариата с крестьянством как необходимых условий для победы пролетарской революции.

Ленин указывал впоследствии, что высвобождение народных масс и особенно крестьянства из-под влияния «соглашательской» буржуазии Маркс считал составной частью основной задачи пролетариата, четко сформулировав это уже на основе обобщения опыта немецкой буржуазной революции 1848 года⁴.

§ 4. Обоснование неизбежности пролетарской революции и диктатуры пролетариата в экономических трудах Маркса

1. Главный труд Маркса «Капитал»⁵ — это величайшее политико-экономическое произведение, основное сочинение, в котором излагается научный социализм. Революционный переворот, совершенный

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 63.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 383.

³ Там же, стр. 384.

⁴ См. В. И. Ленин, Соч., т. 12, стр. 348.

⁵ Первый том «Капитала» был издан в 1867 году в Гамбурге. Второй и третий тома были опубликованы Ф. Энгельсом уже после смерти Маркса в 1885 и 1894 гг.

Марксом в общественной науке, в огромной степени связан именно с этим гениальным трудом.

Давая глубокое и всестороннее обоснование тех положений, которые были выдвинуты уже в «Манифесте Коммунистической партии», подтверждая на огромном фактическом материале правильность основ научного коммунизма и развивая его далее, «Капитал» явился для международного пролетариата могучим идейным оружием в борьбе за свержение капитализма. Энгельс говорил, что с тех пор как на земле существуют капиталисты и рабочие, не появлялось еще ни одной книги, которая имела бы такое значение для рабочих, как «Капитал».

Прежде чем перейти к характеристике значения «Капитала» в дальнейшем развитии марксизма в целом, и в частности, его политических идей, необходимо кратко остановиться на другом труде Маркса, на книге «К критике политической экономии», впервые изданной в 1859 году. Эта небольшая по объему книга занимает весьма важное место среди произведений основоположников марксизма.

На основе тщательного изучения экономических основ капиталистического общества, критического анализа буржуазной политической экономии Маркс в этой книге сформулировал ряд важнейших положений своего экономического учения, которое было им позднее с такой всесторонностью и глубиной изложено в «Капитале».

По первоначальному замыслу Маркса книга «К критике политической экономии» должна была стать началом первой из шести книг огромного труда: 1) капитал, 2) земельная собственность, 3) наемный труд, 4) государство, 5) международная торговля, 6) мировой рынок. Но в дальнейшем Маркс решил вместо намеченных шести книг написать четырехтомный труд «Капитал», а основные положения книги «К критике политической экономии» в переработанном виде использовал в первом томе «Капитала».

Работу по подготовке книги «К критике политической экономии» (а затем и «Капитала») Маркс считал ответственным и почетным заданием пролетарской партии. Он писал перед выходом в свет книги «К критике политической экономии» в письме к Вейдемейеру: «Я надеюсь добиться для нашей партии научной победы»¹. Уже в предисловии к этому труду Маркс, подытоживая результат разработки своего метода в применении к общественным явлениям, формулирует следующие классические положения исторического материализма: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и полити-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Письма о «Капитале», 1948, стр. 74.

ческая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития, — говорится в этом труде, — материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение»¹.

Эти основные положения исторического материализма, раскрывающие суть метода материалистической диалектики в применении к общественным явлениям, получили блестящее подтверждение, конкретизацию и дальнейшее обогащение в процессе исследования Марксом в «Капитале» закономерностей становления и развития буржуазного общества. Вот почему «Капитал» имеет огромное значение не только как экономическое обоснование научного коммунизма, но и как классическое доказательство силы, жизненности марксистской философии.

2. В «Капитале» Маркс раскрыл экономические законы, действующие в современном ему капиталистическом обществе и неизбежно ведущие к его крушению. В «Капитале» Маркс разоблачил тайну капиталистической эксплуатации, вскрыл присущие капитализму антагонистические классовые противоречия, сущность буржуазной политической надстройки, охраняющей господство класса капиталистов, ярко показал лицемерие буржуазных лозунгов свободы и равенства.

В «Капитале» всесторонне доказан преходящий характер капиталистического способа производства; тем самым доказана вздорность буржуазных измышлений, представляющих капиталистический строй как абсолютную, конечную форму общественного производства. «Капитал», дав обоснование классовой борьбы пролетариата против капитализма, нанес смертельный удар буржуазной политической экономии.

Всесторонний анализ экономических кризисов, установление факта концентрации капитала и обнищания пролетариата позволили обосновать вывод, что буржуазные отношения становятся тормозом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6—7.

развития производительных сил и что в силу этого пролетарская революция становится неизбежной.

Главным выводом «Капитала» является идея необходимости и неизбежности пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Уже одно это убедительно показывает, какое значение имеет «Капитал» в деле развития марксистских политических идей, марксистского учения о государстве.

3. «Капитал» дает ясный ответ на ряд вопросов о государстве и праве: о роли государства и права как частей надстройки, о классовой сущности государства и права, о буржуазном государстве и праве, о сущности правовых отношений, института частной собственности и т. д. Маркс выявляет не только обусловленность государства и права базисом общества, но и обратное воздействие этих частей надстройки на экономический базис. Маркс показывает, например, как в период первоначального накопления капитала нарождающаяся буржуазия использовала помощь феодальной государственной власти для того, чтобы принудительно удерживать заработную плату в границах, благоприятствующих выколачиванию прибавочной стоимости, чтобы удлинять рабочий день, удерживать рабочего в зависимости от капитала.

Анализируя кровавое законодательство той эпохи, направленное против экспроприированных трудящихся масс в Англии, Маркс на примерах, относящихся к эпохе первоначального накопления капитала, показывает обратное влияние эксплуататорского государства и права на экономику. Маркс анализирует здесь бесчеловечные законы против бродяжничества, имеющие целью обеспечить нужные для капиталистического способа производства рабочие руки, приучить деревенское население, насильственно лишенное земли и превращенное в бродяг, к дисциплине наемного труда.

Издавая эти законы, способствующие развитию капиталистического производства, феодальное государство тем самым усиливало восходящий класс того времени — буржуазию и ускоряло вопреки своим интересам приход ее к власти. Но феодальное государство вынуждено было издавать законы, укрепляющие буржуазию, в силу экономической необходимости, так как оно нуждалось в укреплении своей финансовой базы, в росте промышленности, торговли, в оснащении своей армии лучшим вооружением. В то же время феодальное государство принимало меры для охраны приходящих в упадок феодальных производственных отношений. Помогая буржуазии в одних вопросах, феодальная власть в других ставила ей препятствия, тормозя развитие капиталистического способа производства, закрепляя и охраняя феодальную земельную собственность, многочисленные привилегии класса феодалов.

Еще более подробно показано в «Капитале» обратное воздействие на экономику капиталистического государства.

В главе VIII «Капитала» — «Рабочий день» — Маркс анализирует английское фабричное законодательство в связи с вопросом о борьбе за нормальный рабочий день.

В «Капитале» показана классовая сущность фабричных законов, которые хотя и представляют собой завоевания рабочего класса, вырванные им у буржуазии, но используются последней в целях укрепления своего экономического и политического господства. Несмотря на это, данные законы настолько важны для самих рабочих, что борьба за их издание является во всех капиталистических странах насущной задачей рабочего класса.

4. Маркс раскрывает в «Капитале» подлинную сущность и значение договора найма рабочей силы. Маркс иронически замечает, что в сфере обращения или обмена товаров, в рамках которых осуществляется купля-продажа рабочей силы, господствуют свобода, равенство, собственность. Покупатель и продавец рабочей силы вступают в договор как свободные, юридически равноправные лица. Они относятся друг к другу лишь как товаровладельцы и обменивают эквивалент на эквивалент. Каждый из них располагает лишь тем, что ему принадлежит.

Однако, пишет Маркс, после заключения договора купли-продажи рабочей силы «...мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших *dramatis personae* [действующих лиц]. Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»¹.

Таким образом, анализируя договор найма рабочей силы в капиталистическом обществе, Маркс указывает на необходимость отличать юридическую форму договора от опосредствуемого им социально-экономического содержания. Маркс дал ключ к правильно пониманию не только указанных буржуазных правовых отношений, но и буржуазного права в целом как юридического закрепления капиталистической эксплуатации. В «Капитале» Маркс глубоко обосновал одно из основных положений своего учения о праве: нельзя понять права, не выяснив те материальные основы, которые это право обусловили.

5. Маркс подчеркивает в «Капитале», что эксплуатация человека человеком предполагает наличие частной собственности на средства производства. Частная капиталистическая собственность на средства производства представляет собой основу буржуазного государства. Соответственно этому и право частной собственности — основной институт буржуазного права. Маркс, исследуя в «Капитале» капиталистическое общество, показывает становление капиталистической собственности, процесс ее утверждения.

Маркс дает уничтожающую критику гегелевского учения о частной собственности как об отношении человека к природе, как

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 183.

об абсолютном праве человека на присвоение вещей. Он разоблачает характерные для буржуазных идеологов юридические представления о частной собственности как имеющие силу якобы для всех эпох.

Маркс доказал, что собственность есть общественное отношение, а не отношение человека к природе, к вещам, что право частной собственности отнюдь не вечно, а, будучи обусловлено определенным способом производства, возникает лишь с появлением соответствующих экономических условий и прекращает свое существование с изменением условий, породивших это право.

Маркс показывает отличие буржуазного права собственности от права частной собственности предшествующих эпох, роль государства в утверждении и развитии соответствующей формы частной собственности, дает материалистическое объяснение государства и права, развивая те мысли, которые были изложены в «Немецкой идеологии».

Главное значение «Капитала» состоит во всестороннем исследовании экономических закономерностей капиталистического общества, в обосновании его неизбежной замены социалистическим обществом, в доказательстве объективной необходимости социалистической революции. В конце I тома «Капитала» Маркс дает следующее классическое положение:

«Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса, который обучается, объединяется и организуется механизмом самого процесса капиталистического производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»¹.

Это знаменитое место «Капитала» — главный вывод экономического учения марксизма, и одновременно обоснование главного политического вывода марксизма — вывода о необходимости революционного захвата политической власти рабочим классом для осуществления экспроприации экспроприаторов и приведения производственных отношений в соответствие с производительными силами путем построения социализма, а затем полного коммунизма.

Создание Советского государства, победа социализма в СССР, возникновение мировой системы социализма разоблачили всю вздорность уверений буржуазных критиков марксизма, а равно социал-

¹ К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 766.

оппортунистов и ревизионистов о якобы устарелости экономического учения Маркса, а тем самым и политических выводов, вытекающих из этого учения.

Сама жизнь подтвердила жизненность, истинность марксизма в целом, в частности, его политических выводов и их экономического обоснования.

§ 5. Маркс и Энгельс — организаторы и руководители I Интернационала. Их борьба с антимарксистскими течениями в рабочем движении

1. В 1864 году был создан I Интернационал («Международное Товарищество Рабочих»), заложивший фундамент международного объединения рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал и сыгравший большую роль в деле соединения научного социализма с рабочим движением и в деле воспитания рабочего класса в духе пролетарского интернационализма.

Создание I Интернационала было подготовлено всей предшествующей деятельностью Маркса и Энгельса по объединению рабочего движения различных стран. Основоположники марксизма явились подлинными его основателями, вдохновителями и руководителями всей его деятельности, авторами его важнейших программных документов. Попытки создания международной организации рабочего класса имели место и ранее. Так, в Германии в 1836 году был основан «Союз справедливых», в Англии в 1841 году — «Союз братских демократов». Особенно большую роль сыграл «Союз коммунистов», возникший в 1847 году в условиях начинавшегося революционного подъема и созданный при непосредственном и активном участии Маркса и Энгельса.

«Манифест Коммунистической партии» был написан Марксом и Энгельсом, как было указано выше, именно в качестве программы «Союза коммунистов». Но попытка создания международной организации рабочего класса тогда не увенчалась успехом. Не успев организационно укрепнуть, «Союз коммунистов» был вынужден в 1852 году прекратить свое существование под ударами реакции, подавившей революцию 1848 года.

Учитывая необходимость установления международных связей пролетариата, Маркс и Энгельс уделяли огромное внимание созданию боевой классовой организации пролетариата, способной направить борьбу рабочего класса различных стран в единое русло, объединить его идейно и организационно, отмежевать рабочий класс от заигрывающих с ним буржуазных организаций, освободить его от влияния буржуазной националистической идеологии. I Интернационал и должен был стать таким идейным и организационным центром.

Несмотря на кратковременность существования I Интернационала, его значение для рабочего движения всего мира было

огромно. I Интернационал положил начало сплочению пролетариата различных стран. Уже одно его возникновение означало огромный шаг вперед в деле развития мирового рабочего движения.

Марксу как члену подкомиссии, избранной для выработки программы и устава I Интернационала, пришлось вести энергичную борьбу против попыток лишить новую организацию пролетарского, классового характера, направить ее деятельность по неправильному, вредному для пролетариата пути. Разработанные Марксом документы I Интернационала сыграли большую роль в деле распространения влияния марксистского учения на пролетариат во всех странах мира.

Утвержденные 1 ноября 1864 г. Генеральным советом I Интернационала Учредительный Манифест и Временный Устав содержали определение основной цели рабочего класса и его международной организации.

В основу обоих документов Марксом были положены идеи «Манифеста Коммунистической партии».

Учредительный Манифест начинался с анализа развития капитализма после 1848 года и состояния рабочего движения за время с 1848 до 1864 гг. Таким образом, этот документ является как бы продолжением соответствующей части «Манифеста Коммунистической партии», где анализ капиталистического общества доведен до 1848 года. Приводя фактические данные, Маркс здесь четко формулирует, что развитие капитализма необходимо сопровождается ростом богатств на одном полюсе общества и увеличением нищеты на другом.

Маркс отмечает, что опыт кооперативного движения, в частности опыт введения в Англии Робертом Оуэном начатков кооперативной системы, доказал, что «...производство в крупных размерах, и притом ведущееся в соответствии с требованиями современной науки, осуществимо при отсутствии класса хозяев, пользующихся трудом класса наемных рабочих...», что «...для производства продуктов нет нужды в том, чтобы орудия труда были монополизированы в качестве орудия господства над самим трудящимся человеком и для его ограбления, и что наемный труд, подобно рабскому и крепостному труду, это лишь переходная и низшая форма, которая должна уступить место ассоциированному труду, выполняемому добровольно, с воодушевлением и радостью»¹. Но тут же Маркс подчеркивает, что этот же опыт кооперативных фабрик, накопленный за период с 1848 по 1864 гг. «...несомненно доказал, что, как бы ни был кооперативный труд превосходен в принципе и полезен на практике, он никогда не будет в состоянии ни задержать происходящего в геометрической прогрессии роста монополии, ни освободить массы, ни даже заметно облегчить бремя их нищеты, поскольку он ограничивается узким кругом случайных усилий отдельных

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 11.

рабочих»¹. Маркс разоблачает здесь тех, кто сеет в рабочем классе вредные для него иллюзии о возможности путем организации кооперативных фабрик добиться экономического освобождения рабочего класса без всякой борьбы. Маркс подчеркивает, что таким путем экономическое освобождение рабочего класса и всех трудящихся недостижимо. «Чтобы освободить трудящиеся массы,— пишет Маркс,— кооперативный труд необходимо развить до национальных размеров и, следовательно, поощрять его при помощи национальных средств. Но хозяева земли и капитала всегда будут пользоваться своими политическими привилегиями для защиты и увековечения своей экономической монополии. Они не только не будут содействовать делу освобождения труда, но, напротив, будут выдвигать всевозможные препятствия на его пути»².

В подтверждение этого Маркс напоминает о том, с каким издевательством был встречен на парламентской сессии в Англии законопроект о правах ирландских фермеров, как устами лорда Пальмерстона на этой сессии было прямо заявлено, что палата общин есть палата землевладельцев. И Маркс делает четкий вывод: «Завоевание политической власти стало поэтому великою обязанностью рабочего класса»³. В этих словах нашла свое выражение идея диктатуры пролетариата, хотя этот термин в Учредительном Манифесте не употребляется. Главная задача Учредительного Манифеста заключалась в подведении рабочего класса к восприятию им идеи о необходимости завоевания политической власти, в разъяснении, что освобождение рабочего класса и всех трудящихся от эксплуатации недостижимо одними средствами экономической борьбы, что решающее значение в этом освобождении принадлежит политической борьбе, завоеванию политической власти, с помощью которой наемный труд может быть заменен ассоциированным трудом, трудом на себя, на общество в целом, а не на эксплуататорское меньшинство.

Подчеркивая значение организации рабочего класса не только в масштабе национальном, но и в международном, Маркс пишет: «Один из элементов успеха — численность — у рабочих уже есть; но численность только тогда решает дело, когда она объединена организацией и когда ею руководит знание. Опыт прошлого показал, что недостаточно внимательное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их к взаимной поддержке в борьбе за освобождение, карается общим поражением их разрозненных усилий»⁴. Маркс отмечает, что именно эта мысль и побудила рабочих различных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. в Лондоне на публичный митинг, основать Международное Товарищество Рабочих. Учредительный Манифест заканчивается призывом: «Пролетарии всех

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 11—12.

² Там же, стр. 12.

³ Там же.

⁴ Там же.

стран, соединяйтесь!», впервые прозвучавшим со страниц «Манифеста Коммунистической партии» в 1848 году. Он содержит глубокое обоснование идеи пролетарского интернационализма, как основополагающей идеи, как ведущего принципа рабочего движения во всем мире.

В связи с обоснованием принципа пролетарского интернационализма в Учредительном Манифесте говорится об обязанностях рабочего класса в области внешней политики. Маркс призывает рабочий класс «...самому овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми находящимися в его распоряжении средствами; в случае же невозможности предотвратить ее — объединиться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководиться в своих взаимоотношениях частные лица, стали бы господствующими нормами и в международных отношениях.

Борьба за такую иностранную политику — это часть общей борьбы за освобождение рабочего класса»¹.

Выраженные здесь мысли не утратили своей актуальности и в нашу эпоху, когда реакционные круги стран империалистического лагеря пытаются отстоять обанкротившуюся политику «холодной войны».

Именно рабочий класс во всех странах мира и его коммунистические партии являются той силой, которая последовательно борется против антинародной внешней политики реакционных правительств.

В Уставе I Интернационала, подготовленном и принятом одновременно с Учредительным Манифестом, имеется развернутая преамбула, в которой разъясняются цели рабочего движения и их международное объединение. После этого в Уставе излагаются организационные основы Международного Товарищества Рабочих, строившегося по принципу демократического централизма.

В преамбуле содержатся, в частности, такие чрезвычайно важные программные положения: «...освобождение рабочего класса должно быть завоевано самим рабочим классом», «...борьба за освобождение рабочего класса означает борьбу не за классовые привилегии и монополии, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства...»². Здесь же указывается, что экономическое освобождение рабочего класса есть «... великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство...»³. В Уставе, как и в Учредительном Манифесте, со всей силой подчеркивается необходимость братского союза рабочего класса всех стран.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. 1, стр. 13.

² Там же.

³ Там же.

На протяжении существования I Интернационала, в борьбе за его укрепление на позициях научного социализма, оттачивались и развивались положения марксизма, его политические идеи, выводы, его стратегия и тактика.

Маркс и Энгельс, приложившие много усилий для организации и сплочения рядов I Интернационала, всегда боролись против попыток поставить только им в заслугу появление и развитие I Интернационала. Они указывали, что успех I Интернационала отнюдь не порожден усилиями отдельных одаренных политических деятелей, а является следствием мощи самого рабочего движения. Они всегда подчеркивали огромную революционную силу широких народных масс.

Обосновывая решающую роль народных масс в истории, Маркс и Энгельс использовали все свое влияние в рабочем движении для борьбы с вредным культом личности, для разъяснения рабочим массам материалистического учения о роли личности в истории.

2. Марксизм развивался в непримиримой борьбе со всеми антимарксистскими учениями в рабочем движении того времени.

Уже на первых этапах его развития было проведено четкое отмежевание научного мировоззрения пролетариата от буржуазного мировоззрения, от псевдосоциалистических течений, являвшихся проводниками буржуазной, а в некоторых случаях феодальной («феодальный социализм») идеологии в среде пролетариата, а также и от утопического социализма. Одним из таких псевдосоциалистических течений было сформировавшееся в 40-х годах учение Прудона, одного из родоначальников анархизма и социал-оппортунизма.

Выше уже говорилось о том, что в книге «Нищета философии», вышедшей в 1847 году, Маркс глубоко раскрыл реакционную сущность мелкобуржуазной идеологии Прудона. В частности, указанный труд Маркса помог пролетариату освободиться от влияния дезориентирующей прудоновской идеи дарового кредита и народного банка. Эта идея отвлекала пролетариат от политической борьбы и внушала вредные иллюзии о возможности посредством народного банка и дарового кредита преобразовать существующий строй. В годы после революции 1848 года Маркс и Энгельс, учитывая вредное влияние, оказываемое Прудонам и его последователями на рабочий класс, продолжали уделять большое внимание критике прудонизма. Это было тем более необходимо, что после революций 1848—1851 гг., в ходе которых резко упало влияние различных утопических, реформистских учений, прудонисты стали привлекать к себе все большее внимание тех слоев трудящихся, которых разгром революций 1848—1851 гг. поверг в уныние.

В прудонизме, равно противопоставлявшем себя и буржуазному либерализму и научному коммунизму, наиболее ярко и полно отразилась, как это доказал Маркс, идеология французского мелкого

крестьянства и городского мелкого буржуа. Выступая против капиталистической собственности, Прудон в то же время отстаивал идею увековечения мелкой частной собственности. Мелкобуржуазный радикализм Прудона привел его к анархистским взглядам, к проповеди пассивного бойкота государственной власти. Прудон проповедовал, что граждане ничего не должны требовать от государства, что социальный вопрос должен быть разрешен помимо государства. Выступая против участия рабочего класса в политической борьбе, Прудон нанес немалый вред рабочему движению во Франции и некоторых других странах, куда проникали его идеи. Анархистские взгляды Прудона наиболее полно выражены в его книге «Общая идея революции в XIX веке» (1851).

Вышедшую после бонапартистского переворота книгу Прудона «Государственный переворот» Маркс расценил как прямую подлость, как стремление примирить рабочих с бонапартистским режимом. Маркс писал, что для Прудона характерно сочетание шарлатанства в науке с политическим приспособленчеством. Борьба Маркса и Энгельса против Прудона имела огромное значение для освобождения пролетариата от влияния этой чуждой его интересам и антинаучной системы взглядов.

Борьба против прудонизма особенно усилилась со времени возникновения I Интернационала, так как прудонисты возглавляли ряд местных секций Интернационала, главным образом во Франции. Их отрицательное отношение к политической борьбе, к стачкам, забастовкам рабочих, их ошибки сектантского порядка наносили значительный ущерб рабочему движению и затрудняли деятельность его Международного объединения.

Прудонисты многократно выступали в I Интернационале, пытаясь сорвать принятие им правильных решений, навязать ему свою линию.

Так, французские и бельгийские прудонисты еще перед созывом первого конгресса I Интернационала требовали снятия с его повестки политических вопросов, считая, что таковым не должно быть места на рабочем конгрессе. В дискуссии весной 1866 года на Генеральном совете I Интернационала по национальному вопросу Маркс и Энгельс резко выступили против прудонистов, показав вредность их позиций для рабочего движения.

Главный удар по прудонистам был нанесен Марксом в подготовленном к первому конгрессу (созванному 3—8 сентября 1866 г.) документе — «Инструкция делегатам временного Центрального совета по отдельным вопросам». Прудонисты пришли на конгресс со своей анархистской программой, содержащей семь реформистских и анархистских положений. Эта программа проповедовала, говоря словами Маркса, прудонистски идеализированное обыкновенное буржуазное хозяйство и требовала отказа от политической борьбы пролетариата, а также от организации стачек. Принятие первым конгрессом Интернационала предложений Маркса означало поражение прудонистов. На третьем (1868) и на четвертом

(1869) конгрессах I Интернационала прудонисты потерпели новые поражения и окончательно отошли после этого от I Интернационала, тем самым полностью разоблачив себя как врагов научного социализма и рабочего революционного движения.

3. Еще более напряженную и острую борьбу пришлось вести Марксу и Энгельсу с бакунистами и прежде всего с возглавлявшим это течение Михаилом Бакуниным (1814—1876), видным русским идеологом анархизма, игравшим большую роль в международном анархистском движении.

Маркс еще в 40-х годах подвергал критике реакционные взгляды Бакунина в славянском вопросе, его идею создания всеславянского государства во главе с русским царем. В конце 60-х годов Бакунин окончательно сформировал свою анархистскую систему взглядов, враждебную марксизму. Тогда же Бакуниным была развернута в широких масштабах деятельность по созданию тайной международной организации анархистов и подрыву I Интернационала. В этих условиях стала очевидной необходимость резко выступить против Бакунина и его сторонников не по какому-либо одному вопросу, а разоблачить всю систему их взглядов, их программу, теоретические и тактические установки, их деятельность, вредную для рабочего класса и объективно помогавшую силам реакции в их борьбе против международного объединения рабочего класса.

Бакунизм, как одна из разновидностей анархистского мелкобуржуазного учения, весьма близок прудонизму. Как и всякий анархизм, прудонизм и бакунизм одинаково представляют собой мирозерцание «отчаявшегося в своем спасении мелкого буржуа»¹. Однако в отличие от прудонизма бакунизм восхвалял тактику заговоров, ставил своей целью поднять «немедленное», стихийное, анархическое, разрушительное и дикое восстание. Для его подготовки Бакуниным был создан в 1865—1866 гг. тайный заговорщический союз «Альянс интернациональных братьев». В отличие от Прудона Бакунин не был защитником частной собственности; он придерживался идеи «коллективистической собственности» как основы будущего анархического общества.

Начиная с 1868 года Марксу пришлось вести с Бакуниным острую борьбу главным образом по вопросам организационным, по вопросам стратегии и тактики рабочего движения, так как в это время деятельность Бакунина была направлена прежде всего на захват руководства в I Интернационале и на разложение его изнутри. При этом Бакунин опирался на созданный им в 1868 году «Альянс социалистической демократии», включивший в себя тайный заговорщический союз «Альянс интернациональных братьев».

Эта деятельность Бакунина нанесла немалый вред I Интернационалу и всему международному рабочему движению.

Ввиду того что основная работа Бакунина «Государственность и анархия» вышла в свет после 1871 года, а самая борьба против

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11.

Бакунина достигла своего апогея в 70-е годы, подробное изложение критики Марксом и Энгельсом учения Бакунина будет дано в следующей главе. Однако необходимо подчеркнуть, что уже в рамках рассматриваемого периода Маркс и Энгельс разоблачали антинаучную и реакционную суть анархистских взглядов и деятельности бакунистов. В частности, когда Бакунин выступил на четвертом конгрессе I Интернационала в Брюсселе с утверждением, что важнейшей мерой преобразования общества является отмена права наследования земли, что эта отмена должна рассматриваться как исходный пункт социального переворота, этот реформистский и утопический план «преобразования общества» был всесторонне разоблачен Марксом. Маркс подготовил для конгресса доклад о праве наследования, где убедительно доказал неосуществимость предлагаемой Бакуниным меры в условиях принадлежности власти капиталистам и землевладельцам и ненужности этой меры после победы социалистической революции и осуществления ею перехода средств производства из рук частных собственников в руки народа.

Резкая критика Бакунина и его сторонников дается также в таких составленных Марксом по поручению Генерального совета I Интернационала документах, как «Международное Товарищество Рабочих» и «Альянс социалистической демократии» (помечен 28 декабря 1868 г.) и «Конфиденциальное сообщение» (28 марта 1870 г.).

Борьба Маркса и Энгельса за создание и укрепление I Интернационала была борьбой за пролетарскую партию, стоящую на позициях научного социализма, за единство международного рабочего движения, борьбой против всех и всяческих проявлений влияния буржуазной идеологии на рабочий класс.

4. Наряду с борьбой против анархизма в его различных разновидностях Маркс и Энгельс вели неустанную борьбу с различными видами социал-соглашательства, социал-оппортунизма. В частности, много внимания уделяли основоположники марксизма разоблачению соглашательской линии тред-юнионистов.

Лидеры английских тред-юнионистов, входившие в Генеральный совет I Интернационала, пытались столкнуть эту международную организацию рабочего класса на путь оппортунизма. Поскольку они не могли этого добиться благодаря сопротивлению Маркса и его последователей, тред-юнионисты, вопреки требованиям низовых тред-юнионистских организаций, противились присоединению Лондонского совета тред-юнионов к I Интернационалу. Борьба Маркса и Энгельса против тред-юнионистов достигла особой остроты в 1867 году в связи с обсуждением на Генеральном совете I Интернационала вопроса о национально-освободительной борьбе в Ирландии, так как английские тред-юнионисты отказывались призвать рабочий класс Англии к поддержке требования независимости Ирландии.

Не меньше внимания требовали к себе и оппортунистические, реформистские течения в континентальной Европе. Для распространения этих течений в рабочем движении в период «плавного»

развития капитализма, идущего по восходящей линии, существовали благоприятные условия. Правда, результаты революций 1848—1851 гг. подорвали в рабочих кругах авторитет «социалистических» деятелей типа Луи Блана и ему подобных. Однако то обстоятельство, что Луи Блан (1811—1882) и ряд других социал-реформистов оказались после окончания революций 1848—1851 гг. в эмиграции, преследовались правительствами своих стран, сохраняло за ними ореол людей, пострадавших за свои социалистические идеи. Это мешало правильной оценке их позиции, вредной для рабочего класса.

Маркс и Энгельс разоблачали мелкобуржуазные, реформистские взгляды Луи Блана и других реформистов, проповедовавших возможность мирного социалистического переустройства общества с помощью реформ, осуществляемых буржуазным государством. Маркс и Энгельс, критикуя эти мелкобуржуазные иллюзии, раскрывали сущность буржуазного государства, буржуазной демократии.

В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс разъяснял, что «социальная республика» 1848 года, которая, как уверял рабочих Луи Блан, должна была создать кооперацию всех классов и смягчить классовые противоречия, на деле оказалась, и не могла не оказаться, буржуазной республикой, прикрывавшей эксплуатацию рабочих социальными учреждениями¹.

В ряде работ Маркса и Энгельса дается четкая характеристика политического облика Луи Блана как представителя сентиментального фразерствующего социализма, проповедника мира между пролетариатом и буржуазией, типичного представителя мелкобуржуазного социализма, стоящего на позициях соглашательства, реформизма. Маркс напоминал, что еще до февральской революции 1848 года Луи Блан в течение ряда лет проповедовал идею мира с буржуазией, что эта идея лежит в основе его широко известных в то время трудов «История десяти лет» и «История революции»². Маркс и Энгельс разъясняли, что деятельность Луи Блана в период февральской революции 1848 года во Франции в качестве члена временного правительства и председателя печальной известности Люксембургской комиссии (комиссия по вопросам труда) была проведением на практике этой идеи классового мира между буржуазией и пролетариатом. Не дав никаких практических результатов, эта комиссия отвлекала часть рабочих от революционной борьбы, внедряла в их сознание вредные иллюзии о возможности осуществления буржуазным государством мероприятий по коренному улучшению положения рабочего класса.

Когда уже после революции 1848 года Луи Блан, будучи в эмиграции в Англии, выступил с клеветническими заявлениями против находившегося в тюрьме О. Бланки, Маркс и Энгельс добились

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 15—16.

² См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 5, стр. 302.

опубликования в Англии письма О. Бланки, в котором последний клеймил Луи Блана как изменника делу рабочего класса¹.

5. Луи Огюст Бланки (1805—1881) — французский революционер, бескорыстно преданный интересам пролетариата, не был марксистом. Будучи по своим взглядам утопистом-коммунистом, находившимся под влиянием некоторых идей сен-симонизма и бабувизма, он посвятил всю свою жизнь той же благородной цели, что и Маркс и Энгельс — борьбе за освобождение пролетариата, за коммунизм. Поэтому Маркс и Энгельс в 1848 году сочли полезным для дела рабочего класса объединиться с бланкистами в целях совместной борьбы за коммунизм. Марксом и Энгельсом был даже подписан договор с бланкистами. Согласно этому договору английские, французские и немецкие коммунисты объединялись во «Всемирное общество коммунистов-революционеров». Целью этого союза, как указывалось в его уставе, являлось: свержение буржуазии, господство пролетариата, уничтожение старого, основанного на антагонизме классов, буржуазного общества и основание нового общества без классов и без частной собственности. Заключение Бланки в тюрьму и раскол «Союза коммунистов» помешали начавшемуся политическому сближению бланкистов с основоположниками марксизма и их последователями.

Маркс и Энгельс отдавали должное Бланки, как пламенному революционеру и убежденному стороннику коммунизма, как «благородному мученику революционного коммунизма»², подавляющую часть своей жизни проведшему в тюрьмах и до конца своей жизни остававшемуся непримиримым врагом эксплуататорского строя. В то же время Маркс и Энгельс разъясняли рабочим массам губительность и порочность бланкистской тактики.

Бланкисты не понимали необходимости постоянной разъяснительной и организационной работы в массах, важности создания пролетарской партии, опирающейся на массовое рабочее движение, подменяли деятельность революционной партии, ведущей за собой массы, выступлениями малочисленных кучек заговорщиков, оторванных от народных масс. Энгельс подчеркивал, что основная ошибка бланкистов состоит в том, что они полагали, будто «...сравнительно небольшое число решительных, хорошо организованных людей в состоянии в благоприятный момент не только захватить власть, но и удержать ее в своих руках посредством самых энергичных и решительных мер до тех пор, пока не удастся вовлечь народ в революцию...»³.

Таким образом, Бланки и его последователи не верили в силу масс, не понимали исторической роли пролетариата и ожидали избавления человечества от наемного рабства не путем классовой

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 493—494, 569—570.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 7, стр. 569.

³ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, 1955, Госполитиздат, стр. 442.

борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства¹. Марксу и Энгельсу принадлежит историческая заслуга в деле предостережения рабочего класса от той тактики борьбы, которая характеризовала бланкистов, в деле выработки единственно правильной тактики классовой борьбы пролетариата, нацеленной на упрочение связи пролетариата с широкими массами, на вовлечение масс в русло революционного рабочего движения.

§ 6. Маркс и Энгельс о международных отношениях

Среди трудов, написанных Марксом и Энгельсом в рассматриваемый период, большое место принадлежит их статьям о международных отношениях и колониальной политике капиталистических государств, о национально-освободительной борьбе угнетенных народов. Анализ международной обстановки, внешней политики государств, взаимоотношений народов на международной арене являлся для Маркса и Энгельса не самоцелью, а составной частью их теоретической работы над проблемой пролетарской революции, ее предпосылок и условий ее подготовки. Подвергая всесторонней критике внешнюю политику эксплуататорских государств, Маркс и Энгельс углубляли в ходе этой критики свое учение о сущности этих государств, раскрывали подлинный характер внешней политики буржуазного государства, неразрывную связь ее с внутренней политикой, показывали, что насилие, угнетение, колониальный разбой и т. п. вытекают из самой сущности буржуазного и вообще эксплуататорского государства. Работы Маркса и Энгельса, содержащие анализ международных отношений того времени, имеют огромное значение для теории государства и права.

Особенно большой материал содержат эти работы для характеристики внешней функции буржуазного государства. Маркс делает важный вывод, что только после социалистической революции, то есть после свержения господства буржуазии, «...человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»². До тех пор, пока буржуазия остается господствующим классом, она заставляет целые народы идти тяжелым путем закабаления и нищеты, используя находящуюся в ее руках государственную власть для развязывания войн, для колониальных захватов, для эксплуатации народов слабых стран.

Экономические основы капитализма предопределяют и характер внешней функции буржуазного государства в той же мере, как и его внутренней функции, порождают политику натравливания одних наций на другие, стремление к порабощению и эксплуатации других народов, борьбу эксплуататорских государств за «сферы влияния», за колонии, за прибыли.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 360.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 230.

Маркс и Энгельс разоблачают тщательно замаскированные красивыми фразами подлинные устремления эксплуататорских государств на международной арене. Основоположники марксизма сурово критикуют ту систему международных отношений, которая была создана усилиями реакционных правительств на Венском конгрессе, а также колониальную практику капиталистических государств в Китае, Индии и других странах.

Много внимания уделяют Маркс и Энгельс разоблачению внешней политики Англии, Франции, царской России, в особенности их колониальной политики. На примере Индии, Китая и других колониальных и полуколониальных стран Маркс показывает губительные последствия хищнической политики Англии, а также Франции и США в этих азиатских странах, подчеркивая, что эксплуататорская сущность капитализма нигде так отчетливо не проявляется, как в колониях. «Глубокое лицемерие и присущее буржуазной цивилизации варварство предстают пред нашим взором в обнаженном виде, когда мы эту цивилизацию наблюдаем не у себя дома, где она принимает respectable формы, а в колониях, где она выступает без всяких покровов»¹.

Гневно клеймил Маркс политику вмешательства во внутренние дела слабых государств, политику закабаления сильными государствами слабых государств путем неравноправных, кабальных договоров, политику диктата и силы.

Еще в «Манифесте Коммунистической партии» было сформулировано положение марксизма, гласящее, что «в той же мере, в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой. Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой». В этот период развития марксизма данное положение получает свое дальнейшее подкрепление и обоснование, в процессе чего формулируется ряд важных положений марксизма по национальному вопросу и международным отношениям. Так, в 60-х годах, когда в центре политической жизни Англии встал ирландский вопрос, Маркс разъяснял английскому рабочему классу, что освобождение Ирландии является первым условием его собственного освобождения. «Народ, поработавший другой народ, кует свои собственные цепи», — писал Маркс².

Маркс и Энгельс горячо приветствовали назревающие перемены в колониальных и полуколониальных странах Азии, особенно в Китае и Индии, указывая на то революционизирующее значение, которое будет иметь для Европы национально-освободительное движение в этих странах, завоевание ими своей независимости.

Как нельзя более современно звучат слова Маркса о том, что революция в Китае будет иметь громадное значение для всего капиталистического мира.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 9, стр. 229.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 363.

Разрабатывая вопрос о национальной политике, Маркс и Энгельс учили рабочий класс всего мира рассматривать этот вопрос под углом зрения интересов пролетарской революции. Гневно обрушивается Маркс на прудонистов за их игнорирование национального вопроса и за объявление нации «устарелым предрассудком». Эта критика и ныне бьет по тем идеологам буржуазии и ревизионистам, которые объявляют нацию, а равно национальный суверенитет «устарелыми понятиями», «предрассудками».

Одновременно Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу против буржуазного национализма. Принцип пролетарского интернационализма одинаково враждебен как буржуазному национализму, так и буржуазному космополитизму. Воспитывая массы в духе пролетарского интернационализма, Маркс и Энгельс выдвинули те основные идеи, которые, будучи развиты далее Лениным, получили свое осуществление в политике Советского государства.

С полным основанием рассматривая царизм как главный оплот европейской реакции в то время, Маркс и Энгельс в усилении царизма видели серьезную опасность для революционного движения в Европе и вели энергичную борьбу против русского царизма и его реакционной внешней политики, а равно против тех сил реакции в Европе, которые использовали царизм в качестве орудия подавления революционного движения.

В то же время Маркс горячо приветствовал рост революционного движения в России.

Веря в победу революции в России, Маркс и Энгельс предсказывали, что Петербург превратится в один из аванпостов ближайшей революции.

Большой интерес, который Маркс и Энгельс проявляли в те годы к анализу международной обстановки и к национально-освободительной борьбе в Китае и других колониальных странах, объясняется тем, что основоположники марксизма считали неизбежным нарастание нового экономического и политического кризиса и предвидели огромное революционизирующее влияние на Европу назревающих перемен в колониальных странах Азии. Маркс и Энгельс разъясняли пролетариату, что для подготовки грядущей пролетарской революции необходимо хорошо ориентироваться в международной обстановке, оказывать свое влияние на внешнюю политику правительств своих стран и выработать те принципы, которые будут осуществляться в области международных отношений после победы пролетарской революции.

Разоблачая применяемые буржуазной дипломатией методы натравливания одних наций на другие, методы запугивания и шантажа, грубого вмешательства во внутренние дела слабых государств, Маркс и Энгельс указывали, что рабочий класс должен в условиях капиталистического общества разбираться в тонкостях внешней политики, в кознях дипломатии господствующих классов, овладевать тайнами международной политики, чтобы своевременно

срывать или хотя бы затруднять осуществление реакционных планов правительств своих стран.

При этом Маркс и Энгельс исходили из того, что именно пролетариат представляет собою реальную силу, способную оказывать противодействие агрессивным и шовинистическим замыслам господствующих классов. Основоположники марксизма учили пролетариат, что для него необходимо придерживаться и в международных конфликтах собственной, а не навязанной буржуазией линии, что в любом международном конфликте рабочий класс каждой капиталистической страны должен стремиться к осуществлению буржуазно-демократических преобразований и к подготовке условий для победоносной пролетарской революции.

Эти мысли Маркса и Энгельса о задачах пролетариата в области международных отношений нашли свое выражение и в программных документах I Интернационала.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг., Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 7, с. 5—110.

Маркс К., Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта, Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 8, с. 115—217.

Маркс К., Письмо к И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г., Маркс К., Энгельс Ф., Избранные письма, Госполитиздат, 1948, с. 61.

Маркс К., К критике политической экономии. Предисловие. Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 13, с. 5—9.

Ленин В. И., Государство и революция, Соч., т. 25, с. 353—462.

Сталин И. В., Об основах ленинизма, Соч., т. 6, с. 69—188.

ГЛАВА XXV

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

§ 1. Общая характеристика периода. § 2. Изучение и обобщение Марксом и Энгельсом опыта Парижской Коммуны. Вывод Маркса о Парижской Коммуне как политической форме диктатуры пролетариата. § 3. Значение труда Маркса «Критика Готской программы». § 4. Борьба Маркса и Энгельса против анархизма. § 5. Вопросы государства и права в трудах Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». § 6. Значение труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в развитии и систематизации марксистского учения о государстве и праве. § 7. Борьба Энгельса против оппортунизма и ревизионизма в защиту идеи диктатуры пролетариата

§ 1. Общая характеристика периода

1. С 1871 года наступает новый период истории — период начавшегося упадка капитализма, перерастания его в империализм, период неуклонного возрастания сил пролетариата.

Новый период истории начинается с Парижской Коммуны и продолжается до победы Великой Октябрьской социалистической революции в России, открывшей новую эру в истории человечества. Парижская Коммуна в 1871 году нанесла первый мощный удар по капитализму, удар, показавший начало упадка капитализма, ослабление его основ и возросшую силу пролетариата. И хотя капитализм оказался тогда достаточно сильным, чтобы путем объединения сил реакции различных стран отразить этот первый удар, начавшийся его упадок не мог быть остановлен.

В последней трети XIX века усиливается процесс концентрации производства и капитала, возникают монополии, складывается финансовый капитал, усиливаются вывоз капитала в колонии и борьба за раздел мира. Все это показывает, что стадия промышленного капитализма подходила к своему концу, что промышленный капитализм был накануне превращения в капитализм монополистический.

2. Последняя треть XIX века — время распространения парламентарных форм буржуазного государства в ряде стран Европы.

В этом нашли отражение как рост влияния и организованности рабочего класса, бывшего той главной силой, которая заставляла буржуазию идти на расширение демократии, так и то обстоятельство, что буржуазия еще чувствовала себя достаточно прочно, чтобы властвовать, пользуясь приемами буржуазной демократии.

Расширение колониальных владений и усиление их эксплуатации позволило буржуазии многих стран за счет сверхприбылей подкупать и развращать верхушку рабочего класса, создавать из нее свою агентуру в рабочем движении. Рабочая аристократия поддерживала буржуазную политику и распространяла идеологию, угодную буржуазии.

Перед рабочим классом в условиях этого периода на первый план выдвигалась задача создания в отдельных странах массовых пролетарских партий, стоящих на позициях научного коммунизма.

3. Разгул реакции после подавления Парижской Коммуны не смог воспрепятствовать дальнейшему развитию массового рабочего движения.

Ленин писал: «I Интернационал кончил свою историческую роль, уступив место эпохе неизмеримо более крупного роста рабочего движения во всех странах мира, именно эпохе роста его *вширь*, создания *массовых* социалистических рабочих партий на базе отдельных национальных государств»¹.

В этот период массовые пролетарские партии были созданы во многих странах. Маркс и Энгельс принимали самое активное участие в организации этих партий и руководстве ими. Они вели ожесточенную борьбу как против оппортунизма, филистерства и мещанского социализма, так и против сектантства в революционном движении, против отрывков анархизма, а равно против примиренческого отношения к антипролетарским течениям. В этой борьбе оттачивалось и совершенствовалось идеологическое оружие рабочего класса — марксистское учение об обществе, государстве и праве, получало свое дальнейшее развитие учение о диктатуре пролетариата.

Маркс и Энгельс широко использовали опыт революционного движения последней трети XIX века для дальнейшего развития своего учения. Именно в этот последний период жизни и деятельности Маркса и Энгельса были созданы такие классические произве-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 33.

дения, как «Гражданская война во Франции» Маркса, его «Критика Готской программы», второй и третий томы «Капитала» (труд, доведенный до конца после смерти Маркса Энгельсом); труды Энгельса «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и ряд других произведений. Наряду с этим Маркс и Энгельс, как и ранее, уделяют огромное внимание практической революционной деятельности.

§ 2. Изучение и обобщение Марксом и Энгельсом опыта Парижской Коммуны. Вывод Маркса о Парижской Коммуне как политической форме диктатуры пролетариата

1. Величайшей заслугой Маркса является то, что он помог пролетариату разобраться в подлинном значении Коммуны 1871 года, извлечь из опыта ее существования урок огромной ценности.

Внимательно изучая исторические события во Франции, начиная с объявления франко-прусской войны и особенно с момента свержения бонапартизма и образования республики, Маркс предвидел, что дело идет к пролетарскому восстанию.

Он указывал вождям парижского пролетариата на то, что восставших рабочих Парижа ожидают громадные трудности в обстановке войны, в условиях изоляции осажденного Парижа от всей страны, при отсутствии крепкой и сильной пролетарской партии и засилии в парижской секции Интернационала прудонистов. Маркс отмечал отсутствие условий, необходимых для победы пролетариата.

Когда же восстание стало фактом и в результате победы этого восстания 18 марта 1871 г. власть перешла в руки пролетариата, Маркс, как подлинный революционер, выступил с горячей поддержкой парижских коммунаров и через Генеральный совет Интернационала, и путем непосредственной связи с деятелями Парижской Коммуны и с рабочими других стран. Он давал практические советы деятелям Парижской Коммуны, предупреждал их о неминуемом сговоре Тьера с Бисмарком, о намерении последних подавить Коммуну, разоблачал изменников парижскому пролетариату и сурово критиковал ошибки руководителей Коммуны. Маркс сделал очень много для того, чтобы помочь Парижской Коммуне и разъяснить международному пролетариату ее значение.

С первых же шагов Коммуны Маркс разглядел то новое, что содержит в себе восстание парижан, понял колоссальное значение этого восстания для международного пролетариата. Глубокий анализ Парижской Коммуны и обобщение ее опыта Маркс дал в своей книге «Гражданская война во Франции», вышедшей в свет в 1871 году в Лондоне на английском языке. Маркс в этом труде наглядно показал, что Парижская Коммуна по своей сущности представляла государственную организацию нового, высшего типа, за которой стояло будущее. Она знаменовала собой начало новой эпохи в истории борьбы рабочего класса.

Значение Парижской Коммуны чрезвычайно велико еще и потому, что она представляла собой зародыш не только нового высшего типа государства, но и новой формы государства, принципиально отличной от буржуазной парламентской республики.

«...Она,— писал Маркс о Парижской Коммуне,— была, по сути дела, *правительством рабочего класса*, результатом борьбы производительного класса против класса присваивающего; она была открытой, наконец, политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда»¹.

В письме к Кугельману, написанном в первый месяц существования Парижской Коммуны, Маркс писал: «Если ты заглянешь в последнюю главу моего «18-го Брюмера», ты увидишь, что следующей попыткой французской революции я объявляю: не передать из одних рук в другие бюрократически-военную машину, как бывало до сих пор, а *сломать* ее, и именно таково предварительное условие всякой действительной народной революции на континенте. Как раз в этом и состоит попытка наших геройских парижских товарищей»²

Коммуна явилась прямой противоположностью старой государственной власти с ее паразитическим исполнительным аппаратом и антинародными формами правления.

Маркс с огромным удовлетворением констатировал, что Коммуна не только отказалась от использования старой государственной машины, но что, приступив к слому последней, она дала ответ на вопрос о том, чем заменить эту старую государственную машину, создав совершенно новую по своей классовой сущности и по своей форме политическую организацию.

В Коммуне заседали почти исключительно рабочие промышленных предприятий и другие подлинные представители интересов рабочего класса.

Постоянное войско, оторванное от масс и враждебное им, Коммуна заменила отрядами вооруженного народа, она лишила полицию всех ее политических функций и заменила ее ответственным перед Коммуной органом, сменяемым в любое время. Коммуна отказалась от профессионального чиновничества, уничтожила старый суд и заменила его новым, построенным на принципах открытого избрания судей, их ответственности перед Коммуной и сменяемости. Этими и другими мероприятиями Коммуна создала фундамент действительно демократических учреждений.

Суть Коммуны в том, что в отличие от всех прежних форм правительства, которые являлись по своему существу эксплуататорскими, Коммуна явила собой новый и высший, пролетарский тип государственной организации.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 481

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 443.

Коммуна как по своему составу, так и по своей деятельности была подлинным правительством рабочего класса. Несмотря на кратковременность своего существования, она успела провести ряд социально-экономических мероприятий, направленных на улучшение условий жизни трудящихся слоев населения. Огромный интерес представляют такие мероприятия Коммуны, как декреты об охране труда рабочих и служащих, о конфискации брошенных или приостановленных собственниками фабрик, заводов и мастерских и передаче их товариществам рабочих для возобновления производства, о системе государственного и рабочего контроля на ряде предприятий. Коммуна готовила проект общенациональной политической организации, в котором предусматривалось, что Коммуна должна стать политической формой даже самой маленькой деревни, что постоянное войско должно быть заменено по всей стране народной милицией с самым кратким сроком службы.

Как подчеркнул Энгельс в труде «К жилищному вопросу», мероприятия Коммуны соответствовали духу научного социализма¹.

2. Революционный опыт парижских коммунаров, тщательно изученный и проанализированный Марксом в книге «Гражданская война во Франции» позволил ему развить далее учение о государстве, учение о диктатуре пролетариата. На основании этого опыта Маркс и Энгельс сочли необходимым в предисловии к новому немецкому изданию «Манифеста Коммунистической партии», вышедшему в 1872 году, внести поправку к «Манифесту». Маркс и Энгельс, указывая, что к этому времени программа «Манифеста» местами устарела, писали: «В особенности Коммуна доказала, что рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей»².

В. И. Ленин подчеркивал, что в этом состоит основной и главный урок Парижской Коммуны и что в сформулированном Марксом требовании для пролетариата, берущего власть, — сломать бюрократически-военную государственную машину и создать новый государственный аппарат типа Парижской Коммуны — заключается главное в вопросе о задачах пролетариата в отношении государства. Между тем, как указывал Ленин, именно эта существенная поправка была грубо искажена социал-оппортунистами и ревизионистами, которые истолковывали эту фразу из предисловия к «Манифесту» в том смысле, что якобы Маркс подчеркивал идею медленного развития в противоположность идее революционного захвата власти.

В действительности же Маркс в этих словах подытоживал опыт Парижской Коммуны в деле революционного слома старой государственной машины и замены ее системой новых политических учреждений, принципиально отличающихся от старых.

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 54—60.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 2.

Маркс детально изучал все мероприятия Парижской Коммуны, особенно организацию политической власти. Маркс подчеркивал значение такого мероприятия Коммуны, как упразднение чиновнического бюрократизма, превращение должностных лиц Коммуны в слуг народа, установление для чиновников максимума заработной платы, не превышающего заработка квалифицированных рабочих.

Внимательно изучив введенное Парижской Коммуной всеобщее избирательное право, Маркс особенно обращает внимание на то, что пролетариат использует его для выдвижения из среды трудящихся лучших людей, способных управлять государством. В противовес буржуазным парламентским порядкам коммунары установили подлинно демократические принципы отзыва депутатов избирателями и сменяемости избранных депутатов.

Маркс отмечает также ту особенность Коммуны, что она была не парламентской, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы.

Если в 1852 году в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс, сделав вывод о необходимости слома старой государственной машины, еще не мог за отсутствием исторического опыта указать, чем надо заменить ее, то в 1871 году на основе анализа опыта Парижской Коммуны он обогащает свое учение о государстве таким важным выводом, что не парламентарная республика, а политическая организация типа Парижской Коммуны является наиболее целесообразной формой диктатуры пролетариата.

Социал-оппортунисты длительное время замалчивали это положение. Лишь в результате восстановления Лениным подлинных выводов Маркса из опыта Парижской Коммуны и разоблачения им фальсификаций марксизма социал-оппортунистами и ревизионистами указанное положение Маркса стало достоянием широких масс.

3. Парижская Коммуна подтвердила правильность основных политических идей марксизма, основных положений учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, о тактике классовой борьбы и дала большой материал для дальнейшего развития марксизма.

Опыт Парижской Коммуны, изученный и обобщенный Марксом и Энгельсом, имел огромное значение для всего мирового рабочего движения.

Говоря о значении Парижской Коммуны, необходимо учесть, кроме отмеченных выше, и те выводы, которые сделал Маркс, анализируя слабые стороны Парижской Коммуны и допущенные ею ошибки. Еще до крушения Парижской Коммуны в письмах к Либкнехту и Кугельману Маркс указывал на две основные ошибки, допущенные революционными парижанами. Первой ошибкой Маркс считал недостаточную решительность коммунаров по отношению к врагам. Вторая ошибка коммунаров состояла в том, что Центральный комитет национальной гвардии, который первоначально (до выборов Коммуны) осуществлял власть, слишком рано сложил свои полномочия.

Маркс и Энгельс указали и на другие серьезные ошибки, допущенные Коммуной. Так, не взяв под влиянием прудонистов французский банк в свои руки, Парижская Коммуна совершила ошибку, явившуюся одной из причин ее гибели.

Слабость Коммуны, бывшей неполной и непрочной диктатурой пролетариата, допущенные ею промахи и ошибки объясняются прежде всего тем, что во главе ее не было крепкой пролетарской, теоретически подготовленной партии. Большинство членов Коммуны состояло из бланкистов, являвшихся, по словам Энгельса, социалистами лишь по революционному пролетарскому инстинкту и невооруженных еще подлинно научной революционной теорией, ясным пониманием своих задач. Остальные члены Коммуны были преимущественно прудонисты. На примере Парижской Коммуны рабочий класс всех стран мог убедиться, что без сильной, сплоченной пролетарской партии, вооруженной передовой, подлинно научной теорией, невозможна сколько-нибудь прочная победа пролетарской революции.

Анализ уроков и ошибок Парижской Коммуны, данный Марксом, имел большое значение для дальнейшего развития революционного рабочего движения во всех странах.

§ 3. Значение труда Маркса «Критика Готской программы»

1. Огромное значение для дальнейшего развития марксистского учения о социализме и коммунизме имеет труд Маркса «Критика Готской программы» (1875).

В этом труде Маркс дает уничтожающую критику Готской программы германской социалистической партии, принятой в 1875 году на съезде лассальянцев и эйзенахцев при их объединении в одну партию.

Лассальянцы были представлены Всеобщим германским рабочим союзом, основанным Лассалем в 1863 году, а эйзенахцы — Социал-демократической рабочей партией, основанной Бебелем и Либкнехтом в 1869 году на съезде в Эйзенахе.

Хотя в программных установках эйзенахцев было немало путаных положений, все же они признавали основные идеи марксизма.

Лассальянский же рабочий союз, возглавлявшийся после смерти Лассалья его убежденным последователем Швейцером, имел теоретические и практические установки, во многом прямо враждебные марксизму.

Фердинанд Лассаль (1825—1864), видный немецкий мелкобуржуазный социалист, являлся гегельянцем по своим философским взглядам. Он был родоначальником оппортунизма в германском социалистическом движении. В революции 1848 года в Германии Лассаль выступал преимущественно в качестве буржуазного демократа. Именно в эти годы он познакомился с Марксом и

объявил себя его сторонником, хотя, как это показала вся дальнейшая деятельность Лассалья, он оставался чуждым марксизму по своим философским и социально-экономическим воззрениям. В то время как Маркс и Энгельс вели борьбу за революционный путь объединения Германии, «Лассаль приспособлялся к победе Пруссии и Бисмарка, к отсутствию достаточной силы у демократических национальных движений Италии и Германии. Тем самым Лассаль шатался в сторону национально-либеральной рабочей политики»¹. Примкнув в начале 60-х годов к развернувшемуся в Германии рабочему движению и будучи избран президентом Всеобщего германского рабочего союза, созданного в 1863 году, Лассаль повел эту рабочую организацию по оппортунистическому пути. В «Программе работников», а также в «Гласном ответе» (1863) Лассаль в качестве основного положения своей программы выдвинул не разрушение прусского реакционного государства, а «социалистическое» вмешательство государства Пруссии в разрешение рабочего вопроса, превращение постепенно прусского государства в «свободное народное государство».

Лассаль, как стало известно впоследствии, вел тайные переговоры с Бисмарком, заключил с ним соглашение. Поэтому он напал только на класс капиталистов, но не на землевладельцев, сохранявших в Пруссии господствующее положение.

Маркс и Энгельс еще при жизни Лассалья делали все от них зависящее и возможное, чтобы оградить рабочий класс от влияния глубоко ошибочных и вредных установок Лассалья. В частности, они разоблачили взгляды Лассалья на крестьянство как на реакционное сословие, недооценку им революционных возможностей крестьянства, отрицание возможности союза пролетариата с крестьянством.

Лассаль отрицал необходимость пролетарской революции и диктатуры пролетариата. Единственной задачей пролетариата он считал завоевание и использование всеобщего избирательного права, видя в нем своего рода панацею от всех социальных зол. Он полагал, что прусское юнкерское государство в условиях установления всеобщего избирательного права и объединения вокруг этого государства и под его гегемонией всей Германии окажется той силой, которая без всякой революции обеспечит освобождение рабочего класса от эксплуатации путем организации государственного кредита производственным товариществам. Отрицая классовую сущность государственных и рассматривая его как вечную категорию, а государственные формы как «объективные формы прогресса в сознании свободы», Лассаль пытался насадить в германском рабочем классе суеверное почтение перед юнкерски-буржуазным государством.

Не случайно в «Критике Готской программы» Маркс так много места уделил разоблачению лассальянства. Маркс показал, что на всей этой программе лежит печать верноподданнической веры лассальянцев в государство как во что-то надклассовое и всесильное, печать идеализации ими ультрареакционного германского государства. Маркс подверг уничтожающей критике содержащиеся в программе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 121 (подстрочное примечание).

грубо ошибочные лассальянские лозунги и агитационные фразы, показал антинаучность и вредность политических требований программы, бессодержательность лассальянской идеи «свободного народного государства».

В «Критике Готской программы» Маркс углубляет и развивает учение о диктатуре пролетариата. В этом труде содержится классическое положение Маркса о диктатуре пролетариата: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»¹.

Сопоставляя эту формулировку с ранними формулировками о диктатуре пролетариата, можно убедиться, как развивается и оттачивается эта идея. В «Критике Готской программы» диктатура пролетариата определяется как государство, существование которого связывается с целым историческим периодом — периодом перехода от капитализма к коммунизму.

В «Критике Готской программы» Маркс как бы подвел итог всему предшествующему развитию своего учения о диктатуре пролетариата и своей борьбе как с анархистским отрицанием государства, так и лассальянским учением о «свободном народном государстве», которым Лассаль подменял идею диктатуры пролетариата.

Характерно, что «Критика Готской программы» была опубликована германскими социал-оппортунистами только в 1891 году по категорическому требованию Энгельса, причем оппортунистические лидеры германской социал-демократии открыто заявили о своем несогласии с этим гениальным произведением. Каутский дошел до такого подлога, что заявил, будто в «Критике Готской программы» Маркс впервые употребляет термин диктатура пролетариата, и что это «случайно брошенное словечко». Это утверждал человек, который не мог не знать, что в течение десятилетий Маркс последовательно развивал идею о диктатуре пролетариата, рассматривая вывод о необходимости диктатуры пролетариата как главное во всем своем учении.

Один из существенных недостатков Готской программы Маркс видел в том, что программа даже не ставит вопроса о государстве переходного от капитализма к коммунизму периода, а также вопроса о судьбах государственности в коммунистическом обществе, не говорит о том, какие общественные функции, аналогичные действующим государственным функциям, останутся при коммунизме, в условиях, когда государство отомрет.

2. Критикуя экономические требования программы, содержавшие всякий лассальянский вздор, вроде «неурезанного дохода труда», ссылок на «железный закон» заработной платы и тому подобное.

¹ К. Маркс. Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 23.

разъясняя антинаучность и политический вред всех этих требований, Маркс в «Критике Готской программы» выдвигает теоретические положения, составившие основу марксистско-ленинского учения о двух фазах коммунизма. Маркс указывает, что первой, или нижней, фазой коммунизма является социализм. При социализме содержание и форма распределения труда и предметов потребления коренным образом изменились из-за отсутствия частной собственности и эксплуатации. Однако здесь еще остается закрепляемое правом неравенство в распределении ввиду необходимости строгого соответствия между мерой труда и потребления по принципу социализма: «от каждого по способностям — каждому по его труду».

Это, указывает Маркс, неизбежно в первой фазе коммунистического общества, «...в том его виде, как оно выходит, после долгих мук родов, из капиталистического общества. Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹.

Характеризуя высшую фазу коммунистического общества, Маркс пишет: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!»².

В «Критике Готской программы» показано, что необходимость права как регулятора меры труда и потребления обусловлена самими экономическими основами социалистического общества, уровнем развития материальной жизни общества.

Ленин, характеризуя «Критику Готской программы», писал, что «вся теория Маркса есть применение теории развития — в ее наиболее последовательной полной продуманной и богатой содержанием форме — к современному капитализму». «Маркс, не пускаясь в утопии, определил подробнее то, что можно *теперь* определить, относительно этого будущего, именно: различие нижней и высшей фазы (ступени, этапа) коммунистического общества»³.

Маркс и Энгельс, развивая учение о социалистическом государстве и праве в условиях, когда отсутствовал какой-либо практический опыт строительства социализма, ставили лишь такие вопросы, для разрешения которых они располагали надежным материалом.

¹ К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 15.

² Т а м ж е.

³ В. И. Л е н и н, Соч., т. 25, стр. 430, 436.

Развернутое учение о социалистическом государстве и праве было создано в дальнейшем Лениным на основе гениальных положений основоположников марксизма и обобщения нового опыта. Это учение развивается далее учениками и продолжателями дела Ленина на основе обобщения опыта социалистического строительства и развернутого строительства коммунизма в СССР, а равно опыта социалистического строительства в великом Китае и других странах народной демократии. Особо важное значение в деле дальнейшего развития марксистско-ленинского учения о государстве и праве в переходный от капитализма к коммунизму период имеют решения XX и XXI съездов КПСС. Каждый шаг вперед в деле строительства социализма и коммунизма подтверждает истинность и жизненную силу марксистско-ленинского учения.

§ 4. Борьба Маркса и Энгельса против анархизма

1. Большое значение для дальнейшего развития марксистского учения о диктатуре пролетариата имела борьба, которую вели Маркс и Энгельс против анархистов. Эта борьба началась, как было показано выше, еще в 40-х годах XIX века; особую остроту она получает в начале 70-х годов. К этому времени влияние прудонистов было подорвано, на их место выдвинулись бакунисты.

Именно в этот период Бакунин, открыто выступая против идеи диктатуры пролетариата и самостоятельной политической партии рабочего класса, не брезгуя никакими средствами, особенно ожесточенно боролся против Маркса, стремясь расколоть руководимый Марксом Интернационал. Исключенный за свою дезорганизаторскую деятельность из I Интернационала (на Гаагском конгрессе в 1872 году), Бакунин не прекращал борьбы против него.

В 1872 году в Женеве был издан написанный Марксом циркуляр Генерального совета Международного Товарищества Рабочих под заглавием «Мнимые расколы в Интернационале». В этом циркуляре разоблачались интриги Бакунина и давалась острая критика организованного Бакуниным «Международного альянса социалистической демократии».

В 1873 году в Лондоне вышла совместная работа Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», опубликованная по постановлению Гаагского международного конгресса. В этой работе Маркс и Энгельс разъясняли, почему Бакунин и его единомышленник Джеймс Гильом были исключены конгрессом из Интернационала. Маркс и Энгельс подвергли здесь критике основные теоретические взгляды Бакунина по вопросу о государстве, а равно требование программы «Альянса» об отмене государства как первом акте революции. В том же году опубликована работа Энгельса «К жилищному вопросу», в большей части направленная против Прудона.

Осенью 1873 года в газете «Дер фольксштаат» была напечатана большая статья Энгельса «Бакунисты за работой», показывавшая, какую отрицательную роль бакунисты играли в восстании, поднявшемся в Испании летом 1873 года. В 1874 году была опубликована статья Энгельса «Об авторитете». В том же году Маркс составил содержащий многочисленные критические замечания конспект книги Бакунина «Государственность и анархия».

Вскоре Марксом была опубликована статья «Политический индифферентизм», подвергавшая критике работу Прудона «О политической дееспособности рабочего класса», а также работы учеников Прудона.

Уже этот далеко не полный перечень работ Маркса и Энгельса показывает, какое огромное внимание они уделяли в начале 70-х годов борьбе с прудонизмом, а особенно с бакунизмом. Если по прудонизму сокрушительный удар был нанесен Марксом еще в 1847 году в книге «Нищета философии», то против бакунистов основной удар был нанесен в начале 70-х годов, когда бакунисты, против которых борьба велась и ранее, особенно активизировали свою деятельность и когда появились основные теоретические работы Бакунина.

2. Бакунисты, как и прудонисты, выполняли роль агентуры буржуазии в рабочем движении, отвлекая рабочий класс от единственно верного пути, указываемого марксизмом, на ложный путь. Под видом отрицания политики бакунисты, так же как и прудонисты, стремились подчинить рабочий класс буржуазной политике.

Основное, что объединяло оба течения анархизма — прудонизм и бакунизм — это отрицательное отношение к государству.

Отличительными чертами бакунизма в сравнении с прудонизмом являлись следующие: 1) в отличие от прудонистов, стоявших на позиции защиты частной собственности, бакунисты заимствовали от коммунизма идею коллективной собственности; 2) в отличие от прудонистов, отрицавших необходимость насильственной революции, бакунисты отстаивали идею насильственного свержения эксплуататорского государства и существующего строя. Однако сама трактовка этой революции бакунистами служила в конечном счете интересам реакции, так как они отрицали необходимость пролетарской партии, политической организации пролетариата, необходимость гегемонии пролетариата в революции, установления диктатуры пролетариата и представляли революцию как стихийный бунт мелкобуржуазных масс и деклассированных слоев (люмпен-пролетариата), как акт, преследующий исключительно разрушительные, а не творческие цели.

Таким образом, между бакунистами, призывавшими к общему разрушению, и прудонистами, проповедовавшими пассивное сопротивление власти, имелась существенная разница. И тем не менее бакунисты и прудонисты имеют и общую классовую основу и очень много общего в своих взглядах. Следует подчеркнуть прежде всего общность их взглядов на государство как на абсолютное зло и равно

враждебное отношение тех и других к пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Энгельс, говоря о том, что объединяет бакунизм и прудонизм и что их отличает друг от друга, писал: «У Бакунина своеобразная теория — смесь прудонизма с коммунизмом, причем в его прудонизме самым существенным является то, что главным злом, которое следует устранить, он считает не капитал, а следовательно, и не классовую противоположность между капиталистами и наемными рабочими, возникшую в результате общественного развития, а *государство*... Бакунин утверждает, что *государство* создало капитал, что капиталист обладает своим капиталом *только по милости государства*. Так как, следовательно, государство является главным злом, то необходимо прежде всего уничтожить государство, и тогда капитал сам собой полетит к чорту»¹.

Главное и основное, что отличает марксизм от анархизма (безразлично, о какой разновидности последнего идет речь) — это отношение к государству. Вот почему Маркс, Энгельс и Ленин, разоблачая анархизм, главное внимание уделяют показу вредности анархистского отрицания государственности вообще и особенно пролетарской государственности, подчеркивают необходимость видеть коренное различие между эксплуататорским государством и государством диктатуры пролетариата.

Рассматривая государство как абсолютное зло, Бакунин и его последователи имеют в виду всякую политическую власть, как реакционную, так и революционную, заявляя, что для анархистов «...неважно, называется ли эта власть церковью, монархией, конституционным государством, буржуазной республикой или даже революционной диктатурой»². Любая власть с точки зрения анархистов есть источник эксплуатации и деспотизма. Бакунин заявлял, что те революционеры, которые хотят на следующий день после революции «строить революционное государство», в его глазах гораздо опаснее всех существующих правительств, что созданный им «Альянс» объединяет «интернациональных братьев — естественных врагов этих революционеров»³.

Таким образом, «принципиальная враждебность к государству» анархистов обращается своим острием именно против диктатуры пролетариата.

В конспекте книги Бакунина «Государственность и анархия» Маркс отмечает вредность анархистской позиции в отношении государства диктатуры пролетариата.

Маркс пишет, что господствующий пролетариат до тех пор, пока существуют другие классы, в особенности класс капиталистический (ибо с приходом пролетариата к власти еще не исчезают его враги, не исчезает старый общественный строй), должен в борьбе с этим

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 277.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 548.

³ Там же.

классом применять меры насилия, стало быть, правительственные меры. Если сам пролетариат остается еще классом и если еще не исчезли экономические условия, на которых основываются классовая борьба и существование классов, они должны быть насильственно устранены или преобразованы и процесс их преобразования должен быть насильственно ускорен.

По поводу слов Бакунина, будто бы марксисты «утешают себя мыслью», что диктатура пролетариата будет временной и короткой, Маркс пишет: «*Классовое господство рабочих над сопротивляющимися им прослойками старого мира должно длиться до тех самых пор, пока не будут уничтожены экономические основы существования классов...*»¹.

Исключительно важны выдвинутые здесь же Марксом положения о союзе пролетариата с крестьянством и руководящей роли в этом союзе пролетариата, о проведении диктатурой пролетариата таких мероприятий, которые непосредственно улучшат положение крестьянства и привлекут его на сторону революции. Маркс разоблачает клеветнический характер утверждения Бакунина, будто политическое господство рабочих включает в себя порабощение сельскохозяйственного труда, то есть крестьянства.

В своей борьбе против государственности вообще бакунисты дошли до отрицания необходимости для общества признавать какой-либо авторитет, объявили войну против «принципа авторитета», пропагандируя свой идеал будущего общества как «безначальную анархию», то есть как общество, не признающее никакого авторитета.

Маркс и Энгельс всесторонне разоблачили антинаучность идей бакунистов о «чистой анархии» (безначалии), их проповедь безгосударственности, «свободной федерации автономных групп» как формы будущего общества, их представления о способе, о пути и методе преобразования общества.

Энгельс в опубликованной в 1874 году статье «Об авторитете» разоблачил несостоятельность и вредность огульного отрицания бакунистами всякого авторитета. Энгельс формулирует вопрос об авторитете следующим образом: «Авторитет в том смысле, о котором здесь идет речь, означает навязывание нам чужой воли; с другой стороны, авторитет предполагает подчинение. Но поскольку оба эти выражения звучат неприятно, и выражаемое ими отношение тягостно для подчиненной стороны, спрашивается, нельзя ли обойтись без этого отношения, не можем ли мы — при современном состоянии общества — создать иной общественный строй, при котором этот авторитет окажется бесцельным и, следовательно, должен будет исчезнуть»².

Разъясняя этот вопрос, Энгельс пишет, что развитие экономики, производства ведет все более к замене независимой деятельности отдельных лиц комбинированной деятельностью многих

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 192.

² Там же, стр. 134.

людей, к усложнению процессов производственной деятельности, зависящих друг от друга. «Но,— говорит Энгельс,— комбинированная деятельность означает организацию, а возможна ли организация без авторитета?»¹

Предположим, что социальная революция свергла капиталистов, в руках которых находится ныне производство и обращение богатств. Предположим, становясь вполне на точку зрения антиавторитаристов, что земля и орудия труда стали коллективной собственностью пользующихся ими рабочих. Исчезнет ли авторитет или же он только изменит свою форму?»¹

На примерах производственного процесса Энгельс показывает, как в этом процессе возникают организационные вопросы (относительно часов труда или распределения материалов или организации производства и т. д.), требующие своего авторитарного решения. Он пишет: «И как бы ни разрешались эти вопросы, решением ли выборного лица, возглавляющего каждую отрасль труда, или, где это возможно, большинством голосов, воля каждого во всяком случае должна подчиняться, а это означает, что вопросы будут разрешаться авторитарно»². Беря в качестве примера железную дорогу, где безусловной необходимостью является сотрудничество многих людей, осуществляемое во избежание несчастных случаев в строго определенном порядке, Энгельс пишет: «И здесь первым условием дела является господствующая воля, решающая всякий подчиненный вопрос,— представлена ли эта воля одним выборным лицом или целым комитетом, который уполномочен выполнять постановления большинства заинтересованных лиц. И в том и в другом случае мы имеем резко выраженный авторитет»³.

Разъяснив, таким образом, абсурдность отрицания авторитета вообще, то есть любого авторитета, Энгельс указывает, что известный авторитет и известное подчинение необходимы в любой общественной организации в силу материальных условий, при которых происходит производство и обращение продуктов. «Нелепо поэтому,— пишет Энгельс,— изображать принцип авторитета абсолютно плохим, а принцип автономии — абсолютно хорошим. Авторитет и автономия вещи относительные, и область их применения меняется вместе с различными фазами общественного развития»⁴.

Энгельс разъясняет здесь как недопустимость сведения понятия авторитета исключительно к политическому авторитету, к государству, так и недопустимость отрицания необходимости политического авторитета, то есть государства, для организации нового общества, приходящего на смену буржуазному обществу, то есть для условий переходного от капитализма к коммунизму периода. Энгельс пишет: «Все социалисты согласны с тем, что политическое государство, а вместе с ним политический авторитет исчезнут в

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 134—135.

² Там же, стр. 135.

³ Там же, стр. 135—136.

⁴ Там же, стр. 136.

результате будущей социальной революции, т. е. что общественные функции потеряют свой политический характер и превратятся в простые административные функции, охраняющие истинные интересы общества. Но антиавторитаристы требуют, чтобы авторитарное политическое государство было отменено немедленно же, еще прежде, чем будут отменены социальные отношения, его породившие. Они требуют, чтобы первым актом социальной революции была отмена авторитета»¹.

И здесь следует знаменитая отповедь Энгельса анархистам, вскрывающая порочность их основной позиции, позиции враждебности к диктатуре пролетариата, отрицания ее необходимости. Энгельс пишет об анархистах: «Видали ли эти люди когда-нибудь революцию? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков и пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных; и если победившая партия не хочет потерять плоды своих усилий, она должна удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве она продержалась бы дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»².

Энгельс заканчивает свою статью выводом, что либо антиавторитаристы (то есть анархисты.— М. К.) не знают сами, что они говорят, и в этом случае они лишь сеют путаницу, либо они это знают, и в этом случае они изменяют движению пролетариата. «В том и в другом случае они служат реакции»³.

В этой статье Энгельса содержится не только глубокая критика анархизма, но и развитие далее в ходе этой критики учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, а также учения о будущем коммунистическом обществе.

Энгельс ясно показывает в статье не только необходимость политического авторитета, а именно пролетарской государственности, как орудия социалистической революции, как авторитарной политической организации, без которой невозможно охранять завоевания революции и осуществлять ее цели, но и необходимость особого, не имеющего уже политического характера, авторитета в будущем, безгосударственном коммунистическом обществе.

Ныне, когда наша страна вступила уже в период развернутого строительства коммунизма, приобретают особый интерес мысли Маркса и Энгельса о будущем, безгосударственном обществе, о необходимости и в нем авторитета, уже не имеющего политического характера. Выступая на XXI съезде КПСС Н. С. Хрущев специ-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 136—137.

² Там же, стр. 137.

³ Там же.

ально остановился на этом вопросе. Он говорил: «Некоторые вульгарно представляют себе коммунистическое общество как бесформенную и неорганизованную, анархическую массу людей. Нет, это будет высокоорганизованное и слаженное содружество людей труда. Для того, чтобы управлять машинами, каждый должен будет в определенное время и в установленном порядке выполнять свои трудовые функции и общественные обязанности»¹.

Наличие общественного порядка, выполнение людьми своих трудовых функций, наличие определенных обязанностей перед обществом всех его членов предполагает необходимость соответствующего авторитета в лице общественных органов, решающих вопросы, относящиеся к организации трудовых процессов и определению обязанностей членов общества.

Разоблачением анархистов как злейших врагов революционного рабочего движения и научного социализма Маркс и Энгельс оказали огромную услугу одновременно и теории и практике рабочего движения не только своего времени, но и наших дней. Марксом и Энгельсом была разгромлена вредная платформа анархистов, в частности, их идеологов Прудона и Бакунина, сорван с них незаслуженный ореол «теоретиков» и «вождей» пролетариата. Но и ныне есть еще люди, находящиеся под влиянием анархистских идей (в особенности среди ревизионистов). Поэтому критика Марксом и Энгельсом анархизма бьет и сегодняшних пропагандистов анархистских идей.

Если своим резко отрицательным отношением к буржуазному государству анархисты отличаются от социал-оппортунистов, то своим резко отрицательным отношением к диктатуре пролетариата анархисты оказываются стоящими в одном ряду с социал-оппортунистами.

Не случайно ревизионизм в наше время в ряде стран черпает свою аргументацию не только из правосоциалистических источников, но и из источников анархо-синдикалистских. Примером может служить программа Союза коммунистов Югославии с ее выпадами против «этатизации» как якобы главной опасности для социализма и с ее вредной путаницей в вопросе об отмирании государства. Под видом отстаивания марксистского учения об отмирании государства программа Союза коммунистов Югославии нацелена объективно на ослабление, отмирание диктатуры пролетариата в условиях, когда первым требованием должно являться укрепление диктатуры пролетариата как главного орудия построения социализма и коммунизма.

Борьба против современного ревизионизма делает особенно наглядным большое значение и непреходящую актуальность борьбы Маркса и Энгельса как против социал-оппортунизма с его суеверным почтением к буржуазному государству, так и против всех

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Госполитиздат 1959, стр. 117.

разновидностей анархизма с их принципиально враждебным отношением ко всякой государственности и с их пропагандой «безначальной анархии» как идеала будущего общества.

§ 5. Вопросы государства и права в трудах Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»

1. Книга Энгельса «Анти-Дюринг» составлена из ряда статей, опубликованных им в 1877—1878 гг. и направленных против вошедшего тогда среди германских социал-демократов в моду немецкого буржуазного философа Дюринга. Последний выступил против марксизма, соединив в своей «концепции» вульгарный материализм, махровый идеализм и мелкобуржуазный «социализм».

Энгельс при всей загруженности счел необходимым отложить на время в сторону другие работы, чтобы разоблачить антинаучные и вредные писания Дюринга.

Маркс еще до сдачи в печать указанной работы Энгельса против Дюринга внимательно ознакомился с ней, а главу X отдела «Политическая экономия» написал сам. Таким образом, эта книга может рассматриваться как совместный труд Энгельса и Маркса.

В этой работе, принадлежащей к числу крупнейших произведений основоположников научного коммунизма и затрагивающей ряд научных областей, нашли свое освещение и главные вопросы государства и права. Именно здесь нанесен сокрушительный удар теории насилия, объясняющей происхождение государства исключительно насилием одних людей над другими и игнорирующей роль экономики.

Дюринг проповедовал, что «первичным фактором» общественно-го развития является «непосредственное» политическое насилие. Он выступал против учения марксизма о решающей в конечном счете роли экономики в развитии общества, то есть, другими словами, задался целью опровергнуть материалистическое понимание истории. Дюринг утверждал, что политический строй возникает в результате насильственного порабощения одних людей другими и что не политический строй обуславливается экономикой, а, наоборот, экономика обуславливается политическим строем. С тех же идеалистических, антинаучных позиций Дюринг подходил и к праву, провозглашая вечные принципы права, а также морали. В результате этого закономерности, действующие в обществе и обуславливающие его политическую и правовую надстройку, подменялись метафизическими «вечными» истинами права и нравственности.

Энгельс не оставил камня на камне от всей лжефилософии Дюринга. Он показал, насколько смехотворны претензии Дюринга на оригинальность, а равно на социалистический характер своих взглядов. В процессе этой критики, в порядке противопоставления ложным положениям Дюринга о государстве и праве единственно

верных научных понятий Энгельс систематизировал и творчески развил основные положения марксистского учения.

Порабощение, разъяснял Энгельс, никогда не было самоцелью. Для возникновения у человека самой потребности в порабощении себе других людей необходимо должны быть соответствующие экономические предпосылки. Нужно иметь не только средства порабощения, но и средства, позволяющие использовать раба.

Свои положения Энгельс обосновывает многочисленными историческими фактами. Он доказывает, что развитие производительных сил и производственных отношений играет первенствующую и в конечном счете решающую роль не только в первичном происхождении частной собственности и отношений господства и подчинения, но и в современных формах порабощения и подчинения. Даже в войнах «первичным» оказывается экономическая мощь, обладание значительными средствами современной промышленности. Энгельс доказывает, что само появление и существование в течение тысячелетий господствующих эксплуататорских классов, захватывавших в свои руки управление государственными делами, было обусловлено определенными экономическими условиями.

Только громадный рост производительных сил, достигнутый крупной промышленностью, делает излишним всякий господствующий и эксплуатирующий класс. Более того, последний становится прямым препятствием для общественного развития и поэтому будет неумолимо устранен, каким бы «непосредственным насилием» он ни располагал.

Парируя упреки Дюринга по адресу греческого общества в том, что оно основано на рабстве, Энгельс указывает, что с таким же правом грекам может быть брошен упрек в отсутствии у них паровых машин и электрического телеграфа. Рабство было не грехопадением, а экономической необходимостью. «Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и науки; без рабства не было бы и римского государства. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы»¹.

Очень важно указание Энгельса в данном труде на то, что политическая власть может воздействовать на экономику различным образом. Она действует либо в духе и направлении закономерного экономического развития, и тогда между ней и этим развитием не возникает никакого конфликта, и экономическое развитие ускоряется. Либо политическая власть действует наперекор закономерному экономическому развитию, и тогда она, как правило, падает под давлением экономического развития².

Подвергая всесторонней критике дюринговскую теорию насилия, Энгельс замечает, что Дюринг напрасно считает насилие, роль

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 169.

² Эта же мысль об обратном воздействии политической надстройки на базис общества получила свое изложение в письме Энгельса к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. (К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 424—431).

которого им так преувеличена, абсолютным злом, своего рода грехопадением. Насилие, указывает Энгельс, может сыграть и благотворную, а именно революционную роль. В этих случаях «...насилие является тем орудием, посредством которого общественное движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы...»¹. Энгельс показывает всю смехотворность претензий Дюринга выдать свою «плоскую и оракульскую болтовню» за оригинальную научную концепцию.

В процессе критики взглядов Дюринга Энгельс сформулировал основные положения марксистского учения о морали, показал классовый характер морали в классовом обществе.

Вопросы морали Энгельс рассматривает в самой тесной связи с вопросами права. Право, как и мораль, обусловлено в конечном счете материальными условиями жизни общества и изменяется с их развитием.

Критикуя рассуждения Дюринга о равенстве, Энгельс дает замечательные разъяснения происхождения буржуазного понятия равенства, раскрывает это понятие и исторические условия, породившие требование равенства. Носителем требования равенства, говорит Энгельс, выступала сложившаяся в недрах феодального общества буржуазия на том этапе, когда общество становилось все более буржуазным, а государственный строй оставался еще феодальным, с характерным для него закреплением сословных привилегий. Буржуазия в силу потребности развивающегося капиталистического способа производства и товарообмена требовала свободы от цепей крепостной зависимости, свободы от цеховых пут, свободы передвижения, равных прав для участников товарообмена, равенства шансов для буржуазных конкурентов.

Требование равенства приняло всеобщий, выходящий за пределы отдельного государства характер, свобода и равенство были провозглашены правами человека. «Притом для специфически буржуазного характера этих прав весьма показательны то обстоятельство, что американская конституция, которая первая выступила с признанием прав человека, в то же самое время подтверждает существующее в Америке невольничество цветных рас; классовые привилегии были заклеены, расовые привилегии — освящены»².

Энгельс раскрывает принципиально новое содержание того понятия равенства, которое выдвигает пролетариат. Пролетариат не удовлетворяется требованием равноправия, то есть равенства перед законом, но требует равенства и в сфере общественной, экономической. Реальное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию уничтожения классов. Энгельс добавляет, что всякое требование равенства, идущее дальше этого, неизбежно приводит к нелепости.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 172.

² Там же, стр. 100.

Таким образом, Энгельс показал, что подлинно пролетарское требование равенства не только глубоко отлично от того, которое выдвинула буржуазия в своей борьбе против феодальных привилегий, но и не имеет ничего общего с мелкобуржуазным, поддельвающимся под социализм требованием равенства в смысле «уравниловки». Эти глубокие мысли Энгельса о марксистском понимании равенства были позднее развиты Лениным и подтверждены на опыте построения социализма в нашей стране.

Энгельс разоблачает дюринговскую идею вечности государства и высмеивает его планы создания «свободного народного государства» для будущего бесклассового общества, доказывая, что необходимость в государстве отпадает при коммунизме в силу новых материальных условий жизни общества и отсутствия классов. Энгельс подчеркивает, что путь к этому бесклассовому и безгосударственному обществу лежит через диктатуру пролетариата, которая и подготавливает, обеспечит переход к коммунизму.

*«Пролетариат,— пишет Энгельс,— берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство... Когда не будет общественных классов, которые нужно держать в подчинении, когда не будет господства одного класса над другим и борьбы за существование, коренящейся в современной анархии производства, когда будут устранены вытекающие отсюда столкновения и насилия, тогда уже некого будет подавлять и сдерживать, тогда исчезнет надобность в государственной власти, исполняющей ныне эту функцию. Первый акт, в котором государство выступит действительным представителем всего общества — обращение средств производства в общественную собственность,— будет его последним самостоятельным действием в качестве государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения станет мало-помалу излишним и прекратится само собою. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», оно *отмирает*»¹.*

Здесь ясно показано, что диктатура пролетариата представляет собой государство нового, высшего типа. Оно коренным образом отлично от всех эксплуататорских государств уже в силу того, что не только не ставит своей целью закрепление «навечно» господства определенного класса, но, напротив, всей своей деятельностью подготавливает переход к полному коммунизму, при котором государство делается излишним, отмирает. Здесь показано также, что государство диктатуры пролетариата (в отличие от буржуазного государства, подлежащего насильственной отмене, слому в ходе революции пролетариата) не «отменяется», а *отмирает* постепенно,

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 264—265.

по мере того как будет «мало-помалу» становиться излишним вмешательство государственной власти в общественные отношения. Коммунистическое общество, таким образом, будет безгосударственным обществом. При этом Энгельс подчеркивает, что речь идет не о том, что в обществе не будет никакого аппарата управления. То руководство вещами и производственными процессами, о котором он говорит в отношении коммунистического общества, естественно, потребует и соответственного аппарата управления и необходимой централизации, без которых неммыслимо плановое руководство народным хозяйством. Но не будет аппарата политического управления, аппарата классового господства, каковым является государство.

Ленин высоко оценил этот вывод, ясно показывающий, насколько марксистское учение о государстве чуждо как анархистской теории, требующей отмены государства с сегодня на завтра, так и социал-оппортунистическим теориям, которые утверждают, что буржуазную государственную машину не нужно насильственно «разбивать», так как буржуазное государство будто бы само постепенно отомрет.

Ленину принадлежит большая заслуга в деле разъяснения длительности, постепенности процесса отмирания государства, необходимости всемерного усиления государства диктатуры пролетариата для построения социализма и коммунизма, в критике всяких искусственных и вредных для дела рабочего класса схем отмирания государства. Ленинская критика анархистских учений о государстве бьет и по современным теориям югославских и иных ревизионистов, требующих преждевременного отмирания социалистического государства, поскольку в основе этих теорий лежит анархистская или полуанархистская трактовка государства.

Дальнейшее развитие марксистского учения о судьбах государства при коммунизме было дано в трудах учеников и продолжателей дела Ленина, решениях партийных съездов, на основе обобщения опыта построения социализма в СССР и в других странах. Этот опыт позволил сделать вывод, что и при коммунизме, если к тому времени останется капиталистический лагерь, государство сохранится в силу необходимости обеспечить страны коммунизма от военного нападения со стороны капиталистических государств.

2. Несколько лет спустя после выхода в свет «Анти-Дюринга», уже после смерти Маркса, Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии»¹ вновь возвращается в числе других вопросов, освещаемых в этой работе, к государству и праву, их экономической и классовой основам. Критикуя воззрения Гегеля на государство как на определяющий момент, а на «гражданское общество», то есть экономический строй, как на подчиненный, зависящий от государства, Энгельс указывает, что государ-

¹ Эта работа Энгельса первоначально опубликована в № 4 и 5 журнала «Нейе Цейт» за 1886 год. Отдельной книгой издана в 1888 году.

ственная воля всегда определялась изменяющимися потребностями гражданского общества, преобладанием того или другого класса, а в последнем счете — развитием производительных сил и условий обмена.

На примере гражданского права Энгельс показывает в этой работе взаимоотношение права и экономики и разъясняет, что формы права могут быть весьма различны.

Роль гражданского права, замечает Энгельс, в сущности сводится к законодательному освящению существующих при данных обстоятельствах нормальных экономических отношений. Но формы, в которых происходит это освящение, могут быть очень различны. Это различие не является произвольным, а обусловливается особенностями исторического развития каждой данной страны, в первую очередь тем, что представляет собой на данном этапе экономическая, а следовательно, и классовая структура общества. Подчеркивая обусловленность государства и права в конечном счете экономическим фактором, Энгельс в то же время предостерегает от признания государства и права чем-то пассивным, послушно регистрирующим всякую экономическую потребность общества.

Энгельс здесь же выдвигает известное положение о государстве как первой идеологической силе, подчиняющей себе людей. «Общество создает себе орган, — пишет он, — для защиты своих общих интересов от внутренних и внешних нападений. Этот орган есть государственная власть. Едва возникнув, он приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более он становится органом одного определенного класса и чем более прямо он осуществляет господство этого класса»¹.

Именно потому, что государство выступает как внешне самостоятельная по отношению к обществу сила, создается впечатление о полной независимости его от общества и от экономических основ общества. В той же мере ослабевает, а иногда исчезает полностью сознание связи политической борьбы с экономической основой, как равно исчезает из вида и экономическая обусловленность права в создании профессиональных политиков, теоретиков государственного права, юристов, занимающихся гражданским правом. Для них экономические факты, чтобы получить санкцию закона, должны в каждом отдельном случае принимать вид юридических мотивов. При этом приходится, разумеется, считаться со всей системой уже существующего права. Вот почему юридическая форма кажется всем, экономическое содержание — ничем. Государственное и частное право рассматриваются как независимые области, которые имеют свое отдельное, независимое развитие.

3. В письмах к К. Шмидту и И. Блоху (1890) Энгельс, развивая марксистское учение о соотношении базиса и надстройки, особо подчеркивает роль государства и его политических форм в

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 376—377.

развитии человеческого общества. «Экономическое положение,— пишет Энгельс,— это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают также влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Тут имеется налицо взаимодействие всех этих моментов, в котором, в конце концов, экономическое движение как необходимое прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей (т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдаленна или настолько трудно определяема, что мы можем забыть о ней, считать, что ее не существует). В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени»¹.

В письме к К. Шмидту Энгельс опровергает приписываемое марксизму его вульгаризаторами и противниками положение о том, будто экономический фактор является единственным, всеопределяющим фактором. «К чему же мы тогда,— пишет Энгельс,— бьемся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это есть тоже экономическая сила!»².

§ 6. Значение труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в развитии и систематизации марксистского учения о государстве и праве

1. Вышедший в 1884 году труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» составил эпоху в области науки о государстве. В этом труде не только систематизированы теоретические выводы Маркса и Энгельса на протяжении всей их предшествующей совместной работы, не только подведен итог этой работы над вопросами государства и права, но и на основе новых данных исторической науки о первых ступенях развития общества сделан огромный шаг вперед в развитии учения о государстве, праве и обществе в целом. Энгельс указывал в предисловии к первому изданию названного труда, что работу над этим произведением он рассматривает как выполнение завещания Маркса, поскольку Маркс собирался написать труд на аналогичную тему.

Ленин в лекции «О государстве» писал об этом труде Энгельса: «Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнести к каждой фразе, с доверием,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 467—468.

² Там же, стр. 476.

что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала¹.

2. Книга Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» дает ясное представление о тех причинах, которые обусловили возникновение государства и права.

На основе анализа процесса возникновения таких государств прошлого, как афинское, римское и германское, Энгельс рассматривает три главные формы, в которых государство возникает в результате крушения первобытнообщинного строя. Наиболее чистую форму, не усложненную завоеваниями, представляет собой возникновение государств в древних Афинах. Но как бы ни отличались различные пути возникновения государства, все они имеют общее, что и дает возможность выяснить главные причины происхождения государства, где бы оно ни возникло.

Подводя итог рассмотрению различных путей возникновения государства, Энгельс формулирует свой вывод в следующих словах: «Итак, государство никоим образом не представляет из себя силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, повидимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»². Вместе с государством появилось и право, пришедшее на смену обычаям первобытнообщинного строя.

Государство, делает вывод Энгельс, по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса. Так, античное государство было прежде всего государством рабовладельцев для подавления рабов, феодальное государство — органом дворянства для подавления крепостных крестьян, а современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом.

3. Чрезвычайно важны в рассматриваемой книге положения, относящиеся к буржуазно-демократической республике и содержащие

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 436.

² К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 302.

глубокий анализ ее сущности как формы закрепления политического господства буржуазии. Энгельс указывает, что в буржуазно-демократической республике богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее: с одной стороны, в форме прямого подкупа чиновников (классический образец — Америка), с другой — в форме союза правительства и биржи.

Останавливаясь специально на всеобщем избирательном праве и отношении к нему пролетариата, Энгельс выдвигает следующее классическое положение марксизма: «Всеобщее избирательное право — показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве; но и этого достаточно. В тот день, когда термометр всеобщего избирательного права будет показывать точку кипения у рабочих, они, как и капиталисты, будут знать, что делать»¹.

Таким образом, в период наибольшего распространения иллюзий насчет демократической республики, бывшей во второй половине XIX века предметом чаяния для народов тех стран Европы, в которых еще существовали полуфеодальные полицейские государства, Энгельс выступает против этих иллюзий, разоблачая классовый характер буржуазной демократической республики. Говоря о неизбежности и необходимости для того времени этой формы буржуазного государства, указывая, что именно в этой республике борьба пролетариата против буржуазии может быть доведена до конца, то есть до победы пролетарской революции, Энгельс сосредоточивает центр тяжести на разоблачении эксплуататорской сущности буржуазной республики.

Показательно, что уже тогда, в конце XIX века, Энгельс указывает на США как на наиболее яркий пример того, насколько буржуазно-демократическая республика характеризуется господством плутократии, продажностью чиновничества, союзом правительства с биржей.

Весь этот труд Энгельса содержит глубокое обоснование на основе исторического материала вывода о неизбежности и необходимости революционной замены эксплуататорского строя строем социалистическим и коммунистическим.

§ 7. Борьба Энгельса против оппортунизма и ревизионизма в защиту идеи диктатуры пролетариата

1. В 80—90-е годы XIX века усиливается влияние оппортунистического направления в руководстве социал-демократических и социалистических партий Англии, Франции, Германии. В Германии росту оппортунизма способствовали успехи социал-демократии на выборах и общая обстановка в стране, бурное развитие промыш-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 305.

ленности, рост заработной платы, социальное законодательство, вся проводившаяся господствовавшим классом Германии политика «кнута и пряника».

Энгельс, оставшийся после смерти Маркса единственным общепризнанным авторитетом в вопросах марксистской теории и стратегии революционной борьбы, делал все для того, чтобы помешать росту оппортунизма, разоблачал все его проявления. В частности, учитывая рост влияния лассальянства — этого идейного источника оппортунизма, Энгельс добился вопреки сопротивлению Каутского и прочих вождей социал-демократии опубликования в 1891 году работы Маркса «Критика Готской программы».

2. Большое значение для борьбы против оппортунизма имела статья Энгельса «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года», где шла речь об Эрфуртской программе германской социал-демократии. Находя, что этот проект выгодно отличается от прежней Готской программы, Энгельс в то же время отмечал наличие и в нем оппортунистических ошибок, особенно в части конкретных политических требований. Энгельс считал одним из недостатков программы отсутствие в ней требования демократической республики.

В этой статье содержится известное положение Энгельса, что демократическая республика является специфической формой диктатуры пролетариата.

Само собой разумеется, что, говоря о демократической республике для эпохи диктатуры пролетариата, Энгельс имел в виду не буржуазную демократическую республику с ее ограниченной, фальшивой и лживой демократией. Энгельс всегда указывал, что буржуазно-демократическая республика обеспечивает демократию лишь для меньшинства, а именно для правящего эксплуататорского класса. Но, борясь против оппортунистов, трусливо отказывавшихся от выставления такого требования, как замена германского полицейского государства, прикрытого фиговым листком жалкого подобия парламентаризма, демократической республикой, Энгельс в этой статье не ставил своей задачей показать различие между демократической республикой при диктатуре пролетариата и буржуазно-демократической республикой. Это он сделал позднее в другой работе, а именно в 1891 году в «Введении» к 3-му изданию труда Маркса «Гражданская война во Франции». В указанной же выше статье Энгельс стремился лишь подчеркнуть недопустимость в конкретных условиях германского монархического строя того времени умалчивать в программе о требовании демократической республики.

Подлинные марксисты того времени восприняли слова Энгельса о специфической форме диктатуры пролетариата в том смысле, что победивший пролетариат, сломав буржуазный государственный аппарат и устанавливая свою диктатуру, избирает такую политическую форму своей диктатуры, которая была бы республиканской и подлинно демократической. Совершенно иначе пытались

истолковать эти слова Энгельса оппортунисты. Наличие в той или иной стране парламентарной республики, по их мнению, снимало всякую необходимость в сломе буржуазного государственного аппарата, в насильственной пролетарской революции.

На протяжении всей своей жизни Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу с фетишизацией парламентарной демократической республики, уделяли огромное внимание критике буржуазной демократической республики и всех институтов буржуазной демократии. Указывая на прогрессивность этих институтов и форм по сравнению с феодальными и полуфеодальными, они в то же время неустанно разоблачали всякие иллюзии в отношении буржуазных форм и институтов. Поэтому трактовка социал-оппортунистами и ревизионистами указанного выше положения Энгельса, трактовка, снимающая вопрос о сломе буржуазного государственного аппарата и означающая идеализацию буржуазной демократической республики (что свойственно и современным правым социалистам, как и ревизионистам), представляет собой самое грубое и беззастенчивое искажение мысли Энгельса.

3. Среди многочисленных выступлений Энгельса против социал-оппортунизма особенно важно отметить написанное им в 1891 году «Введение» к 3-му изданию труда Маркса «Гражданская война во Франции».

Как указывал Ленин, в этом труде Энгельс дает замечательно рельефную сводку уроков Коммуны. «Эта сводка, углубленная всем опытом двадцатилетнего периода, отделявшего автора от Коммуны, и специально направленная против распространенной в Германии «суеверной веры в государство», может быть по справедливости названа *последним словом* марксизма по рассматриваемому вопросу»¹. Ленин тут же отмечал ценность сделанных в этом труде Энгельсом замечаний по вопросам, связанным с отношением к государству.

Не случайно Энгельс счел нужным выступить в начале 90-х годов с такой развернутой характеристикой значения опыта Парижской Коммуны и направить эту характеристику против суеверного почтения к государству, в частности, против переоценки буржуазной демократической республики.

Это объяснялось именно тем, что «суеверная вера в государство» и идеализация одной из форм буржуазного государства, а именно парламентарной республики, страх перед диктатурой пролетариата стали характерной чертой социал-оппортунизма и ревизионизма. Энгельс высмеивает здесь тех людей, которые «...воображают, что делают необыкновенно смелый шаг вперед, если они отделяются от веры в наследственную монархию и становятся сторонниками демократической республики. В действительности же,— разъясняет он,— государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 421.

не меньше, чем в монархии»¹. Это не значит, что Энгельс не видел различий для пролетариата между монархией и республикой. Ленин в труде «Государство и революция» специально предостерегает против такого истолкования этого высказывания Энгельса, который подчеркивал здесь лишь одну и ту же социальную сущность как монархии, так и демократической республики при капитализме. Энгельс показывает на примере самой передовой в то время буржуазной демократической республики, а именно республики США, что, несмотря на отсутствие тогда в Америке не только династий, дворянства, но и постоянного войска и бюрократии, народ там угнетен.

В то же время Энгельс подчеркивает подлинный демократизм Парижской Коммуны, преимущества созданной парижскими коммунарами политической формы. Заканчивает Энгельс эту работу словами, ясно раскрывающими ее направленность. «В последнее время, — пишет он, — социал-демократический филистер опять начинает испытывать спасительный страх при словах: диктатура пролетариата. Хотите ли знать, милостивые государи, как эта диктатура выглядит? Посмотрите на Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата»².

4. После смерти Маркса Энгельсу пришлось одному возглавлять борьбу против оппортунизма. Ему принадлежит, в частности, заслуга разоблачения первых ревизионистских выступлений, начавшихся уже в 80-х годах (Бернштейна и др.).

Энгельс внимательно следил за руководством германской социал-демократии, являвшейся крупнейшим отрядом международной социал-демократии той эпохи. Характерно то недоверие, которое Маркс и Энгельс питали к молодому тогда Каутскому. Еще в 1881 году мы встречаем в письмах Маркса и Энгельса характеристику Каутского как посредственного, недалекого и самонадеянного человека из породы филистеров, педанта и схоласта. Не доверяя Каутскому, Энгельс (уже после смерти Маркса) отводит его кандидатуру на пост редактора «Социал-демократа» и критически относится уже к его редакторской работе в газете «Нейе цейт». Он резко критикует Каутского как автора проекта Эрфуртской программы за содержащуюся в ней лассальянскую фразу о крестьянстве, как об «одной реакционной массе», противостоящей якобы пролетариату, за отсутствие в программе важнейших политических требований. Именно серьезные принципиальные разногласия между Энгельсом и Каутским объясняют то, что Энгельс в своем завещании отстранил Каутского от участия в издании литературного наследия Маркса и своих работ.

В течение всей своей жизни Маркс и Энгельс вели непримиримую борьбу за чистоту теории научного коммунизма против всех

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 444.

² Там же.

вредных для рабочего класса идей и учений, какими бы ярлыками эти идеи и учения ни прикрывались, отстаивали революционное, строго научное мировоззрение пролетариата.

Борясь против всяких проявлений оппортунизма в социалистических партиях, Маркс и Энгельс в то же время вели борьбу против анархистских течений. Вместе с тем они боролись и против сектантских тенденций и догматизма, которые при жизни основоположников марксизма особенно сильно сказывались у социалистов Англии и Америки. Резко возражая против начетнического, догматического подхода к созданному ими учению, Маркс и Энгельс разъясняли, что их теория — «не догма, а руководство к действию». Сами они дали великолепный пример того, как надо неуклонно творчески развивать и совершенствовать эту теорию посредством критической переработки все новых достижений науки и обобщения нового опыта классовой борьбы пролетариата, как надо вести беспощадную борьбу за чистоту революционной теории против явных и скрытых врагов рабочего класса. В то же время Маркс и Энгельс на примере всей своей жизни учат практической борьбе за укрепление подлинно пролетарских партий — носителей революционной теории, связей этих партий с массами, за единство рабочего движения, за пролетарский интернационализм, борьбе против всех, кто стремится расколоть рабочее движение, подменить принцип пролетарского интернационализма принципом национализма.

Коммунистические партии всех стран, ведущие борьбу против современного социал-оппортунизма и ревизионизма как главной опасности ныне для рабочего движения, а также борьбу против догматизма, начетничества, против всех вообще отклонений от марксизма, черпают в учении Маркса и Энгельса, получившем свое дальнейшее развитие в трудах Ленина, вдохновляющие их идеи, сила и жизненность которых доказаны всесторонне фактом существования и неуклонного укрепления социалистического лагеря, охватывающего уже более трети населения всего земного шара.

ЛИТЕРАТУРА

Маркс К., Гражданская война во Франции, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, с. 445—503.

Маркс К., Критика Готской программы, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, с. 5—38.

Энгельс Ф., Происхождение семьи, частной собственности и государства, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, с. 160—310.

Энгельс Ф., Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, с. 339—382.

Ф. Энгельс, Об авторитете, Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, с. 588—591.

Ф. Энгельс, Введение к «Гражданской войне во Франции», Маркс К., Энгельс Ф., Избранные произведения, т. I, Госполитиздат, 1955, с. 433—444.

Ф. Э н г е л ь с, Введение к «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 г.», М а р к с К., Э н г е л ь с Ф., Избранные произведения, т. I. Госполитиздат, 1955, с. 91—110.

Э н г е л ь с Ф., К критике проекта социал-демократической программы 1891 г., М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф., Соч. т. XVI, ч. II, с. 103—116.

Л е н и н В. И., Исторические судьбы учения Карла Маркса, Соч., т. 18, с. 544—547.

Л е н и н В. И., Марксизм и ревизионизм, Соч., т. 15, с. 15—25.

Л е н и н В. И., Разногласия в европейском рабочем движении, Соч., т. 16, с. 317—322.

Л е н и н В. И., Государство и революция, Соч., т. 25, с. 385—428.

Л е н и н В. И., Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, с. 207—302.

С т а л и н И. В., Об основах ленинизма, Соч., т. 6, с. 69—188.

Х р у щ е в Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959.

Г Л А В А XXVI

БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Учение Иеринга о государстве и праве. § 2. «Органическое» учение о государстве и «социальный дарвинизм». § 3. Националистические и расистские теории. § 4. Политические идеи неокантианства. § 5. Политические учения либеральных государствоведов

Вторая половина XIX века, особенно период после 1871 года, ознаменовалась усиленным ростом капиталистической промышленности в Англии, США, Германии, Франции и ряде других капиталистических стран. С 70-х годов XIX века промышленный капитализм начинает перерастать в монополистический. Усиливается роль банков, создаются гигантские тресты, синдикаты, картели, подчиняющие себе целые отрасли производства. Приобретает исключительно острый характер борьба за колонии, за рынки сбыта товаров и источники сырья. Развертывается в новых, исключительно острых формах борьба за раздел мира, в ходе которой капиталистические державы делят между собой и делают предметом беззащитной эксплуатации целые материки, населенные «колониальными» и «отсталыми» народами.

Новый период в развитии капитализма приносит с собой небывалое обострение противоречий капиталистического общества. Рабочий класс, достигнув высокой организованности и сознательности, переходит к решительной борьбе со своими угнетателями.

Парижская Коммуна была «...первой, славной, героической, но все же безуспешной попыткой пролетариата повернуть историю против капитализма»¹. Ее подавление было началом заката буржуаз-

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 239.

ной демократии, поворота к реакции, характерным для периода монополистического капитализма.

Буржуазная идеология отражает указанные изменения в экономике и соотношении классовых сил. В своих учениях о государстве и праве буржуазия, придерживаясь в основном тех же идей, которые были пущены ею в оборот еще в первой половине XIX века, выступает с более реакционной и откровенной апологией капиталистических отношений и буржуазного государства. Идеологи буржуазии пытаются в биологической и этнографической науке найти опору для оправдания эксплуатации, порабощения народов и захвата чужих территорий. Политические идеи буржуазии еще более заостряются против пролетариата и против его революционной теории — марксизма, получающей все более широкое распространение и признание.

§ 1. Учение Иеринга о государстве и праве

1. Ко второй половине XIX века относится политическое объединение Германии, вопрос о котором был поставлен еще в ходе революции 1848—1849 гг. Но объединение было достигнуто не через посредство революции и создание единой Германской республики, а действиями реакционных сил сверху. Ленин говорил: «...1848—1871 гг. в Германии были эпохой революционной и контрреволюционной борьбы двух путей объединения... пути *через* великогерманскую республику и пути *через* прусскую монархию. *Только к 1871-м у* году второй путь *скончательно... победил*»¹.

Воссоединение Германии было осуществлено средствами бисмарковской политики «железа и крови». Победоносные войны с Данией и Австрией, а затем франко-прусская война 1870—1871 гг. расчистили путь к объединению Германии под гегемонией Пруссии. Буржуазия получила из рук Бисмарка, типичного представителя юнкерской касты, то, что составляло предмет ее длительных домогательств и настойчивых воцелений. Германская империя образовалась не как чисто буржуазное, а как буржуазно-помещичье государство. По меткой характеристике Маркса, она представляла собой «...общитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм...»².

С 70-х годов обозначился стремительный рост германской промышленности, которая к концу XIX века начинает догонять промышленность Англии, наиболее развитой капиталистической страны Западной Европы. Германия быстро увеличивает свою и без того значительную военную мощь, приступает к постройке сильного

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 104.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 284.

морского флота, захватывает колонии в Африке, на Тихом океане и самым активным образом включается в борьбу капиталистических держав за источники сырья и рынки сбыта.

Политическая идеология отражает самоуверенность и агрессивные настроения германской буржуазии, упоенной достижениями прусско-германской буржуазно-помещичьей империи.

В ряде учений о государстве и праве буржуазные идеологи открыто превозносят силу, призывают к борьбе и захватам. Будучи враждебны пролетариату и его передовой идеологии, они откровенно отстаивают общественное неравенство, открыто обосновывают необходимость защиты интересов буржуазии со стороны государства.

2. Видным выразителем взглядов крупной германской буржуазии, выступавшей в тесном блоке с прусским юнкерством, был Рудольф Иеринг (1818—1892), профессор, читавший курс римского права в ряде немецких университетов. Иеринг приобрел известность своим трехтомным сочинением «Дух римского права» (1852—1865 гг.), в котором делалась попытка вскрыть значение римского права для буржуазного общества.

В 70-х годах Иеринг развил свои взгляды на сущность государства и права в сочинениях «Борьба за право» (1872) и «Цель в праве» (первый том вышел в свет в 1872 году, последний — в 1883 году).

Иеринг решительно возражает против представлений исторической школы о мирном, безболезненном развитии права и, отрицательно относясь к феодальному обычному праву, утверждает, что право является результатом сознательной деятельности индивидов, продуктом борьбы.

Хотя Иеринг был весьма далек от правильного понимания закономерностей общественного развития и оставался на почве идеалистического понимания общественных явлений, он все же выдвигал положение, что право рождается в конфликтах, из столкновения старого с новым, что оно развивается через противоречия и борьбу. Новое прогрессивное право опрокидывает все препятствия в своем движении.

Самые простые истины явились результатом долгого и утомительного процесса, утверждает Иеринг. Достижения римлян в области права, говорит он, сохраняют на себе «следы пота и крови», которых не могло уничтожить время.

Будучи выразителем националистических и шовинистических настроений, характерных для современной ему германской буржуазии и прусского юнкерства, Иеринг отбрасывает, однако, попытки объяснить право из мистического «народного духа», замкнутого в себе и свободного от внешних воздействий.

Вопреки представителям исторической школы права, настаивавшим на национальном своеобразии права, Иеринг подчеркивает его общие, «универсальные» черты, то есть, по существу, призывает к реализации в праве буржуазных принципов, общих для всех стран, вступивших на путь капиталистического развития.

Иеринг порывает, таким образом, с феодальной мистикой и романтикой «народного духа» ради трезвой оценки потребностей современной ему буржуазии и интересов укрепления буржуазного права.

Выдвигая мысль о борьбе, приводящей к образованию нового права, и об интересах, лежащих в основе этой борьбы, Иеринг не говорит о важнейшем — классовой борьбе и классовых интересах. Понятие «борьбы за право» в рассуждениях Иеринга остается неопределенным и двусмысленным: иногда речь идет о борьбе за новые нормы и институты права, в других случаях — о борьбе индивида, отстаивающего свое субъективное право. Остается нераскрытой в его учении также и формула «защищенного интереса», которой он пользуется для характеристики права.

Иеринг считает сознательную, направленную на определенную цель деятельность людей решающим фактором в развитии права. Иеринг заявляет: «Цель есть творец всего права»¹.

Как нет действия без причины, так нет воли, нет поступка без цели. В этом понятии цели, по Иерингу, «заключается человек, человечество, история».

Это представление о целях, направляющих деятельность людей в соответствии с их интересами, отвечало настроениям германской буржуазии, претендующей на осуществление своих целей и добивающейся закрепления своих интересов в законодательстве.

Обращаясь к вопросу о целях, которыми определяется образование права, Иеринг объявляет эгоизм, своекорыстие буржуа общим свойством всех индивидов, он уверяет, что «не бывает деяний для других, при которых субъект не желал бы чего-нибудь и для себя»².

Подобно многим предшествующим ему идеологам буржуазии, Иеринг заявляет, что люди преследуют прежде всего цели личного самосохранения. Из осуществления этой цели возникает потребность в имуществе, а задача охраны личности и имущества обуславливает необходимость государства и права. Государство и право, следовательно, служат, по Иерингу, целям самосохранения индивидов, то есть изображаются как что-то, отвечающее целям всех и каждого, хотя в то же самое время Иеринг вынужден признать, что целью государства и права является сохранение имущества, то есть частной собственности, которой практически лишены трудящиеся.

Изображая интересы собственников как интересы общества в целом, Иеринг заявляет, что целью государства и права является «обеспечение условий существования» общества. Право Иеринг определяет как совокупность жизненных условий общества, обеспечиваемых внешним принуждением, то есть государственной властью. Право, по Иерингу, есть продукт борьбы интересов — защищенный

¹ Р. И е р и н г, Цель в праве, т. 1, СПб., 1881, эпиграф.

² Т а м ж е, стр. 45.

государством интерес. Эти положения содействовали тому, что за учением Иеринга утвердилось название «реалистической» теории права, наименование, которое он сам дал своим взглядам, назвав «реалистической» свою этику. В действительности учение Иеринга представляет собой одну из разновидностей буржуазных социологических концепций, пытающихся объявить вечными и неизблемыми капиталистические отношения.

Отвлекаясь от имущественных различий и классовых делений, Иеринг абстрактно говорит об «интересах общества» в целом, о «жизненных условиях общества», об «эгоизме общества», о «социальной деятельности индивидов» и т. п., хотя фактически имеются в виду индивиды господствующего класса, их интересы и цели. Последнее изображаются как цели и интересы общества в целом.

Рассматривая государство и право как результат целей, сознательно поставленных себе людьми, Иеринг утверждает вместе с тем, что государство и право сами целесообразно направляют поведение людей, используя для этого особенности человеческой природы, воздействуя на волю человека и его поведение при помощи двух важнейших двигателей: вознаграждения и принуждения.

Иеринг подчеркивает значение принуждения в государстве. Государство является, по Иерингу, аппаратом принуждения, проявлением власти сильнейшего, а право — это совокупность действующих в государстве принудительных норм. Признавая, таким образом, важнейшее значение насилия, осуществляемого государством, Иеринг игнорирует, однако, то обстоятельство, что это насилие является выражением классовой сущности государства.

Иеринг допускает, что государственная власть, применяя принуждение, может сама ограничить себя и умерять в разумно понятых собственных интересах. Он утверждает, будто с ходом исторического развития право, создаваемое государством, начинает служить целям ограничения власти и силы, будто власть, осознавая собственные выгоды, ограничивает себя нормами права.

Право есть разумно понятая политика власти, заявляет Иеринг. Он пытается представить дело так, будто это «самоограничение» власти, осуществляемое через посредство норм права, служит не интересам господствующего класса, а «общим» интересам, «интересам общества» против угрожающего ему частного интереса. Он договаривается до утверждения, будто право дает обеспеченное существование слабейшему и беднейшему рядом с сильнейшим.

Иеринг считает, что наряду с государством общество со своей стороны дисциплинирует и укрощает человеческую волю. Оно делает это, воздействуя на эгоизм индивида при посредстве оборота, то есть товарно-денежных отношений.

3. Всячески восхваляя буржуазное государство, Иеринг откровенно защищает капиталистические отношения. По его словам, игра эгоистических сил обеспечивает независимость личности. Торговля в его глазах есть один из важнейших двигателей общест-

венной жизни, а оборот в целом есть не что иное, как «организация обеспеченного удовлетворения индивидуальных потребностей»¹.

Стремясь оправдать капиталистический строй, он заявляет, будто оборот обеспечивает независимость индивидов и осуществление справедливости в силу принципа эквивалентности, лежащего в его основе. Деньги он называет «подлинным апостолом равенства»².

Мы видим, что Иеринг в своем учении о государстве и праве признает значение борьбы интересов и определяет право как защищенный интерес, а государство — как аппарат принуждения. Однако все эти формулировки остаются абстрактными и затушевывают действительную сущность буржуазных общественных отношений и буржуазного государства и права.

Давая извращенное представление о государстве и праве, Иеринг по сути дела оправдывает политику, проводимую буржуазно-помещичьим блоком в Германии, как политику, якобы представляющую собой самоограничение государственной власти в интересах общества в целом, а не в интересах одних собственников. Его теория в силу этого превращается в апологию буржуазного строя и буржуазного государства.

§ 2. «Органическое» учение о государстве и «социальный дарвинизм»

1. Стремясь изобразить капиталистические порядки как общие и вечные, буржуазные идеологи пытаются создать абстрактную науку об обществе, охватывающую общественную жизнь различных времен и народов, независимо от уровня ее развития. Общие законы общественных явлений у буржуазных социологов воспроизводят при этом черты, присущие капиталистическому строю.

«Это — самая характерная черта буржуазных философов — принимать категории буржуазного режима за вечные и естественные...»³.

Хотячей социологической концепцией, получившей значительное распространение среди буржуазных идеологов еще в эпоху промышленного капитализма и широко используемой и в эпоху империализма, является органическое учение об обществе и государстве.

Сторонники этого учения пытаются изобразить общественные явления как своеобразный вид биологических явлений и тем самым стремятся представить буржуазные общественные отношения как выражение неизменных естественных биологических законов⁴.

¹ Р. И е р и н г, *Цель в праве*, т. 1, СПб., 1881, стр. 77.

² Т а м ж е, стр. 175.

³ В. И. Л е н и н, *Соч.*, т. 1, стр. 201.

⁴ Органическая концепция общества и государства не нова. Еще Платон говорил, что государство представляет собой как бы большого человека. Римские историки рассказывают, будто римский патриций Менений Агриппа, угоняя плебеев вернуться в Рим, прибегнул к сравнению государства с большим организмом. Сравнения государства с животным организмом встречаются у Гоббса, Руссо и др.

2. Наиболее видным представителем рассматриваемого направления в XIX веке был английский буржуазный социолог Герберт Спенсер (1820—1903).

В своих философских взглядах Спенсер примыкает к позитивизму. Подобно Конту, он считает, что познаваемы только явления, сущность же вещей непознаваема. Наука ограничивается тем, что признает существование непознаваемого. «Непознаваемое», по Спенсеру, составляет предмет веры, область религии. Позитивизм у Спенсера выступает, таким образом, как философия непознаваемого, как агностицизм — мировоззрение, получившее значительное распространение среди буржуазных ученых Англии.

Спенсер отставал вульгарное учение о развитии как о постепенном количественном изменении без скачков (эволюция). Эволюция, по Спенсеру, — общий закон всех непрерывно происходящих в мире изменений, это — постепенное изменение, которое приводит к некоторому «подвижному равновесию». Только внешнее воздействие выводит агрегат из состояния равновесия и вызывает его разрушение, вслед за чем вновь начинается процесс эволюции.

Эволюция состоит в концентрации материи, укреплении связей между ее частями (интеграция) и сопровождающей ее дифференциации, переходе от однородного к разнородному. Эволюция, по Спенсеру, есть переход от «несвязной однородности к связанной разнородности». В силу этого эволюция представляет собой непрерывное изменение от менее определенного к более определенному состоянию.

Закон эволюции Спенсер считает вполне применимым и к общественным явлениям. Буржуазное общество в силу того, что в нем высоко развито разделение труда (дифференциация) и большие массы людей подчиняются единой политической организации (интеграция), изображается им как высшая ступень в развитии человечества, при которой осуществляется устойчивое «подвижное равновесие».

Касаясь эволюции государства, Спенсер говорит о «политической интеграции» и «политической дифференциации», происходящей в истории.

Стремясь изобразить буржуазные общественные отношения как выражение незыблемых биологических законов, Спенсер исходит из аналогии общества (и государства как одной из его разновидностей) с животным организмом, объявляет, что общество, а следовательно, и государство есть не что иное, как особый «социальный» организм. Делая вульгарные сопоставления, Спенсер сравнивает деньги с кровью, а пути сообщения, железные дороги — с кровеносными сосудами организма. Законы развития общества Спенсер объявляет тождественными с законами развития животных организмов.

Пытаясь обосновать необходимость и незыблемость буржуазных общественных отношений и буржуазного государства, Спенсер использует открытие клетки, сделанное в биологической науке в 30—

40-х годах XIX столетия, в результате которого тело животного стали рассматривать как совокупность бесчисленного количества мелких частиц — клеток.

Человек, по мнению Спенсера, занимает в обществе такое же положение, какое в организме занимает клетка. Нетрудно догадаться, какие выводы попытается сделать отсюда этот буржуазный социолог: если общество сходно с организмом, а человек занимает в нем положение клетки, то не может быть никакого противоречия между интересами личности и интересами общественными ни в каком обществе, не может быть никакой борьбы между индивидами или группами индивидов, а следовательно, и между классами. В обществе каждый человек помогает (как это делает клетка в организме) удовлетворению нужд целого и за это «потребляет выпадающую на его долю часть из произведений, которые обращаются в общественном организме»¹.

Его «теория», таким образом, призвана обосновать классовый мир. Она изображает буржуазные общественные отношения, при которых рабочий получает ничтожную часть «произведений, обращающихся в общественном организме», как проявление вечных, неизменных биологических законов.

Спенсер указывает, какими чертами общество, по его мнению, напоминает организм. Общество, по Спенсеру, растет и развивается подобно животному организму. Спенсер находит также, что существует сходство в структуре животных и «социальных» организмов, что в последних различаются те же два основных слоя — внешний и внутренний, какие присущи животным организмам, и третий, средний, постепенно выделяющийся из внутреннего слоя, служащий определению того, что усвоено организмом.

В противоречии со своим представлением о государстве как о «политическом» теле и об индивиде как о клеточке этого тела Спенсер пытается сохранить позиции традиционного буржуазного либерализма и высказывается против какого бы то ни было расширения активности государства по отношению к индивиду. Он отступает при этом от последовательного проведения своего взгляда на общество и государство как на организм. В результате критики, которой подвергнуты были его первоначальные утверждения, он даже признал сравнение общества с организмом «мнимой аналогией» и сам указал на ряд существенных отличий общества от организма, и главное, на отсутствие у общества единого сознания. В обществе, как он сам отметил, «все отдельные единицы обладают способностью к наслаждению и страданию приблизительно в равной степени» и поэтому не может быть целью благосостояние агрегата, взятое отдельно от благосостояния составляющих его единиц.

Спенсер находит, что историческое развитие ведет к такой форме общества, при которой частная деятельность, направляемая индивидуальной волей, все более теряет свое место и

¹ Г. С п е н с е р, Социальная статика, ч. IV, гл. XXX, СПб., 1906, стр. 508.

значение в общественной жизни, но он продолжает в духе либеральной доктрины «невмешательства» высказываться против всякой правительственной регламентации. Он заявляет, что государство во имя индивидуальной свободы должно предоставить каждому свободу самостоятельно использовать свои природные способности.

Спенсер не скрывает своего враждебного отношения к социализму, заявляя, что это — «гибельное с биологической точки зрения» учение. Частная собственность, по его словам, «лежит глубоко не только в природе человека, но и в природе животного».

В действительности нет никакого сходства ни в строении, ни в ходе развития организма, с одной стороны, и общества — с другой. Сравнение индивида с клеткой организма не выдерживает никакой критики. Оно преследует цели, не имеющие ничего общего с задачей подлинной науки.

Пытаясь перенести биологические законы в область общественных явлений, буржуазные идеологи игнорируют коренные отличия социального мира от мира животного.

С помощью органической концепции они пытаются доказать вечность классового общества, необходимость подчинения трудящихся классов эксплуататорской верхушке общества, внушить представление о невозможности или бесцельности классовой борьбы. Характерно, что эта «теория» используется правыми социал-демократами для обоснования их оппортунистической политики.

В статье «Международный характер Октябрьской революции» И. В. Сталин писал: «Старая «теория» о том, что эксплуатируемые не могут обойтись без эксплуатирующих, так же как голова и прочие части тела не могут обойтись без желудка, — не есть достойное только лишь известного римского сенатора в древней истории, Менения Агриппы. Эта «теория» является теперь краеугольным камнем политической «философии» социал-демократии вообще, социал-демократической политики коалиции с империалистической буржуазией — в особенности. Эта «теория», приобретшая характер предрассудка, представляет теперь одну из самых серьезных преград на пути к революционизированию пролетариата капиталистических стран. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой лживой «теории» смертельный удар»¹.

3. Основные идеи органической теории имеют хождение и в современных капиталистических странах, в том числе и в США. Для обоснования их широко используются выводы реакционных буржуазных биологов.

Для буржуазных, в том числе англо-американских, социологов характерными являются попытки, кроме того, использовать учение Дарвина о борьбе за существование и естественном отборе для оправдания капиталистической эксплуатации.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 242.

Так, американец У о р д в своей «Динамической социологии», появившейся в 80-х годах прошлого столетия и позднее перенздававшейся, разделяя в общем взгляды Спенсера, вместе с тем прибегает к понятию «естественного отбора» для объяснения происхождения общества и отдельных сторон его развития.

На естественный отбор ссылался и другой американский реакционный социолог, расист Г и д д и н г с (см. ниже, § 3).

Английский социолог Б е н ж а м е н К и д д в «Социальной эволюции» заявляет, что прекращение соперничества и состояние всеобщей гармонии невозможны, потому что не может прекратиться естественный отбор, предполагающий борьбу и столкновение индивидов.

Все эти ссылки на «естественный отбор» представляют собой попытки изобразить общественную жизнь как проявление биологических законов, действие которых якобы неустранимо, показать капиталистический строй как проявление естественной необходимости. Из этих положений названные англо-американские социологи и особенно их позднейшие последователи делают самые реакционные выводы вплоть до отрицания прогресса и оправдания расового угнетения.

Все порочность попыток перенести биологические учения на рассмотрение общественных явлений была еще ранее разоблачена Марксом и Энгельсом, научно доказавшими, что биологические законы не могут быть применены к изучению явлений общественной жизни.

§ 3. Националистические и расистские теории

1. В рассматриваемый период широкое распространение получают во всех капиталистических странах националистические и расистские теории. Основная аргументация, используемая для обоснования этих теорий, выработана совместными усилиями идеологов самых различных капиталистических стран. В настоящем учебнике рассматриваются главным образом германские и англо-саксонские расистские учения. Это объясняется тем, что именно этим учениям принадлежит особенно реакционная роль и пропаганда их получила особенно большой размах, выйдя далеко за пределы Германии, Англии и США.

2. В 70-х годах XIX века австрийский реакционный юрист и социолог, расист, злейший враг марксизма Л ю д в и г Г у м п л о в и ч (1838—1909) выступил с учением, в котором пытался важнейшие явления общественной жизни — образование классов, частной собственности, государства и права — изобразить как следствие борьбы племен и рас, как результат завоевания одних племен другими.

Вслед за Иерингом Гумплович признает государство организацией властвования, основанной на силе. Однако он пытается затушевать тот факт, что государство есть организация насильственного

подавления одного класса другим, и для этого настаивает на решающем значении борьбы рас, а не борьбы классов.

Извращая действительный ход исторического развития, Гумплович считает основным движущим началом исторического процесса отношения между расами, которые «поддерживают и ускоряют весь прогресс человеческой истории, образуют вечное движение развития человечества»¹. Затушеванная роль классовой борьбы в капиталистическом обществе, Гумплович пытается свести все социальные противоречия к антагонизму враждебных друг другу племен и рас. Вечная борьба рас за господство, по Гумпловичу, — важнейший фактор социального развития. Пытаясь изобразить насилие и завоевание как первичный фактор исторического развития, он утверждает, что избыток населения принуждает народы бороться за расширение своих границ. Победа одних приводит к подчинению других и к образованию государства и классов. Победители, по его словам, образуют правящий класс, а побежденные — класс порабощенный. Государство возникает вследствие насилия и завоевания. «История не предъявляет нам ни одного примера, где бы государство возникло не при помощи акта насилия, а как-нибудь иначе», — утверждает этот защитник теории насилия².

Теория насилия оставляет без ответа вопрос, почему одни стали более сильными, а другие — более слабыми, почему сильные захотели и сумели подчинить себе слабых. А между тем завоевание само является лишь следствием достижения завоевателем определенного уровня развития, оно может произойти лишь при наличии определенных производительных сил и такой производительности труда, при которой возможной становится эксплуатация человека человеком.

Частная собственность должна предшествовать акту насилия, иначе насилие окажется лишенным всякого основания. Энгельс говорит: «...институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может *присвоить* себе чужое добро.., следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую»³. Также и разделение на классы и связанное с ним возникновение государства предполагают определенный уровень развития производства. Для деления общества на классы нет оснований в условиях низкой производительности труда, исключающей образование прибавочного продукта. «Не всякому раб приносит пользу, — говорит Энгельс. — Чтобы быть в состоянии извлечь из него пользу, нужно располагать вещами двоякого рода: во-первых, орудиями и предметами труда и, во-вторых, средствами для скудного пропитания раба. Следовательно, прежде чем рабство становится возможным, должна быть уже достигнута известная ступень в развитии произ-

¹ Л. Г у м п л о в и ч, Борьба рас, Иннсбрук, 1883, стр. 164 (на немецком языке).

² Л. Г у м п л о в и ч, Общее учение о государстве, СПб., 1910, стр. 47.

³ Ф. Э н г е л ь с, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 152.

водства и известная ступень неравенства в распределении»¹. Государство возникает лишь как следствие противоречий, образующихся в расколывшемся на классы обществе, когда разделение труда и классовые противоречия приводят к выделению в обществе лиц, занятых исключительно управлением людьми. Акт насилия сам по себе не может объяснить ни возникновения государства, ни появления частной собственности, ни образования классов.

Исходя из неправильного представления о происхождении государства, Гумплович дает вместе с тем извращенное идеалистическое определение его сущности. Государство, по Гумпловичу,— естественно возникающая организация властвования, предназначенная для охраны определенного правопорядка².

Восторженные похвалы расточает он по адресу «современного культурного государства», то есть буржуазного государства, изображая его как организацию власти на началах законности и участия широких масс в законодательстве и управлении, как организацию, всесторонне служащую народному благу и «всем высшим идеальным человеческим целям»³.

В целях апологии капиталистического общества и буржуазного государства Гумплович пытается доказать, будто всякое стремление двинуть вперед общественное развитие грозит гибелью современной культуре и возвращением к исходным этапам «исторического круговорота».

Взгляды Гумпловича получили значительное распространение в буржуазной литературе эпохи империализма. Представления о якобы неустранимой борьбе рас, происходящей в истории человеческого общества, и о завоевании как причине происхождения государства повторяются у американских социологов XX века.

В качестве сторонника теории насилия выступил и ренегат Каутский. Стремясь затушевать значение противоречий, возникающих внутри общества, Каутский утверждает, что классы и государство образуются в результате столкновения племен и покорения одних племен другими. Одна община становится господствующим классом, говорит он, другая — угнетенным и эксплуатируемым, а принудительный аппарат, созданный победителем для управления побежденными, превращается в государство.

Каутский оспаривает тот факт, что государство является продуктом возникающих в обществе непримиримых классовых противоречий, и утверждает, будто родоплеменная организация сменилась государственной не в результате разложения первобытнообщинного строя и возникновения в нем непримиримых противоречий, а под ударами извне, в результате войны.

Каутский отстаивает теорию завоевания ввиду тесной связи, какую вопрос о происхождении государства имеет с вопросом о его сущности.

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 150.

² См. Л. Гумплович, Общее учение о государстве, СПб., 1910, стр. 36.

³ Там же, стр. 248.

Игнорируя роль классовой борьбы в обществе, сторонники теории насилия пытаются изобразить и самое возникновение государства не как результат возникновения в обществе непримиримых внутренних противоречий, а как следствие внешнего толчка. Заявляя, будто государство впервые возникает в результате завоевания одного племени другим, то есть вследствие акта насилия, Каутский пытается, таким образом, изобразить буржуазное государство как мирное, которое можно противопоставить добуржуазным государствам, основывавшимся, по его мнению, на насилии.

3. Германские буржуазные учения о государстве и праве в последние десятилетия XIX века отражают реакционные, националистические, шовинистические настроения германской буржуазии.

Культ силы, преклонение перед прусской военщиной, одобрение монархического государственного строя, призывы к игнорированию норм международного права, к агрессии и захватам, апология войны — вот что характерно для реакционных течений германской политической мысли этого времени, отражавших устремления прусского юнкерства и окрепшей немецкой буржуазии.

Характерными идеологами этого направления являются прежде всего реакционный немецкий философ Ф р и д р и х Н и ц ш е (1844—1900), огромное внимание уделявший в своих произведениях социально-политическим вопросам, и реакционный немецкий историк и публицист Г е н р и х Т р е й ч к е (1834—1896).

Ницше явился одним из наиболее откровенных идеологов помещичье-буржуазной реакции в Германии периода складывающегося империализма. Ярый враг демократии, революционного пролетариата, марксизма, Ницше в своих произведениях «Человеческое — слышком человеческое» (1878), «Так говорил Заратустра», «По ту сторону добра и зла», «Происхождение морали» (1886), «Воля к власти» (1888) предвосхитил поворот империалистической буржуазии к реакции по всем линиям, обрушиваясь с реакционных позиций на идеи и принципы буржуазной демократии, с невероятным цинизмом восхваляя принцип неравенства людей, господство узкой касты избранных, «расы господ», над массами, презрительно именуемыми им чернью, стадом, расой рабов.

Социально-политические проблемы рассматриваются Ницше с позиций субъективного идеализма и вульгарнейшего «социального дарвинизма». Краеугольным камнем его человеконенавистнического учения, обосновывающего апологию «сверхчеловека», «белокурого зверя», является утверждение, что неравенство людей представляет собой высший закон общественной жизни. К разряду «сверхчеловеков» к касте «избранных» Ницше в современной истории относил германскую и японскую аристократию.

Современник Ницше, ярый поклонник Бисмарка — Трейчке идеализировал реакционную прусскую монархию и считал необходимым всемерно укреплять власть прусского короля.

Трейчке — убежденный монархист. Оспаривая принцип народного суверенитета, он заявляет, что власть монарху никем не

вручена и покинута на собственном его праве. Так как государство есть сила, говорит Трейчке, то лучше всего такое государство, в котором сила концентрируется в одних руках. Монархия, по его словам, ощутительно и наглядно выражает силу и единство народа. Восхваляя германскую монархию, Трейчке видит ее достоинство в том, что здесь идея единого отечества олицетворяется в личности единого императора.

Вместе с тем монархия изображается в духе Лоренца Штейна как надклассовая организация, а монархическая власть — как нейтральная и беспартийная, стоящая выше всех противоречий и частных интересов, призванная их примирять.

Трейчке демагогически говорит о «демократической» силе монархии. Игнорируя ее классовую сущность, он изображает дело так, будто монарх, возвышаясь над всеми частными отношениями, созерцает где-то далеко внизу под собой сословия и партии и потому якобы склоняется в своих решениях в пользу социально слабых. Трейчке заявляет, будто монарх превосходит средних людей своим политическим кругозором и может лучше судить о внешнеполитических делах, чем отдельные граждане, что монархи — естественные полководцы, и многое другое в этом же роде.

Трейчке проповедует национализм и шовинизм. Он настаивает на превосходстве германцев как политических организаторов и цивилизаторов. Его национализм связан с культом государства вообще и германского государства в особенности.

Он преисполнен веры в божественную миссию германского государства. Он преклоняется перед Пруссией, загипнотизирован ее военной мощью и верит в ее мировое призвание.

Трейчке выступает, таким образом, как откровенный защитник буржуазно-помещичьей монархии, прусской армии, ее захватнических планов и созданной ею военно-бюрократической машины.

4. Говоря о националистических учениях в Германии второй половины XIX века, необходимо остановиться еще на взглядах реакционного германского юриста Отто Гирке (1841—1921).

Гирке выступает как последователь, вернее эпигон, исторической школы права. Подобно ее представителям, он заявляет, что право есть создание мистического «народного духа».

Реакционные черты германского права, отражение в нем феодальных пережитков Гирке рассматривает как проявление его особых национальных черт, выражение восхваляемого им «германизма».

Гирке идеализирует феодальный строй (сословия, цехи и т. п.) и делает попытку втиснуть продукты новейшего, капиталистического развития в старые средневековые рамки.

Изображая товарищества (Genossenschaften), то есть различного рода сословные, торговые и иные объединения, как организации, в которых якобы преодолевается обособленность индивида и личность приходит в тесную связь с обществом, Гирке обрушивается на приспособленное к буржуазным условиям римское право с его индивидуализмом и выдвигает идею особого «социального» права,

характерного, по его словам, для Германии. Германское частное право, по Гирке, есть «социальное» право, проникнутое идеей общности. Гирке демагогически заявляет, что в германское «социальное» право просочилась «капля социалистического масла». Идеализируя средневековье, он высказывается против централизации государственного аппарата. Германская государственная идея, по его словам,— это идея государства, составленного из различных объединений и представляющего ступенчатый ряд этих объединений. Германское государство есть «корпоративно» организованный союз свободных германцев.

Разделяя органические представления об обществе, Гирке рассматривает возникающие в его пределах объединения как реальные личности, обладающие особым сознанием и волей, отличными от сознания и воли его членов. Эти объединения — союзы, а также право этих союзов образуются независимо от государства.

Гирке хочет целиком подчинить индивидов этим объединениям, из которых складывается, по его словам, государство. Человек, говорит он, утверждает себя через объединения, которые, являясь «социальными организмами», представляют собой личности высшего порядка, более важные, чем индивиды. Вступая в эти объединения, индивид находит удовлетворение своих потребностей.

Отстаивая средневековые представления о государстве, Гирке оспаривает идею суверенитета государства, пропагандируя независимое от государства право союзов, «социальное» право. Он с реакционных позиций критикует индивидуализм буржуазной естественноправовой школы. Нет ни суверенного государства, ни суверенной личности, заявляет Гирке.

Идеи Гирке, как и ряда других упомянутых выше реакционных писателей, были восприняты и использованы фашистами в гитлеровской Германии.

5. Национализм, шовинизм органически связаны с прославлением войны. Апология войны была излюбленной темой германской философской и политической литературы реакционного направления накануне и после франко-прусской войны.

В произведениях Ницше война восхваляется как благодетельный акт «очищения культуры». У Трейчке превознесение прусского государства сочетается с отвратительным культом войны, которой он цинически приписывает огромное положительное моральное значение и оздоравливающее действие.

В трактатах националистов победоносная война изображается как «социальный идеал», а сила рассматривается как достаточное основание для правомерного нападения. Профессор международного права Эрих Кауфман выразил свою концепцию международных отношений в словах: «Кто может, тот прав».

Тезис «сила и есть право» занимает видное место, как мы видели, в учении Рудольфа Иеринга, одного из наиболее типичных выразителей чаяний крупной германской буржуазии, выступавшей в тесном блоке с прусским юнкерством.

Характерно, что в эпоху империализма в Германии учение Иеринга, произведения которого относились еще к эпохе домонополистического капитализма, получило широкое использование главным образом в этой своей части, то есть в прославлении ее силы, в отождествлении ее с правом.

Реакционные расистские теории нашли себе благоприятную почву в Германии в конце XIX века. Бредовое учение Ницше о делении человечества на расу господ и расу рабов и человеконенавистническая «химия рас» француза Гобино получают признание и распространение в агрессивно настроенных реакционных кругах немецкого дворянства и немецкой буржуазии.

6. Одним из яростных пропагандистов расизма был онемечившийся английский аристократ Х а у с т о н С т ю а р т Чемберлен (1855—1926), который в своих сочинениях, написанных по-немецки, главным образом в многословных «Основах XIX века», проповедовал расовое превосходство «тевтонов», говорил о значении «возрождающего и реорганизирующего гения тевтонского народа», обосновывал немецкий национализм и шовинизм.

Чемберлен не пользуется термином «арийцы», считая это понятие условным. Для обозначения превозносимой им «северной» расы он предпочитает говорить о тевтонах. Тевтонская «северная» раса, по его словам, омолодила и спасла западную цивилизацию. Она призвана создать новый мир с новым общественным порядком.

Однако понятие «тевтоны» оказывается у него совершенно расплывчатым и неопределенным, включая народы с различными внешними признаками и с различной исторической судьбой.

Все фантастические и лишённые научной почвы измышления Чемберлена проникнуты аристократическим пренебрежением к «отсталым» народам и «низшим» расам.

Последователем Чемберлена явился реакционный немецкий социолог и антрополог Л ю д в и г В о л ь т м а н (1871—1907), который в своих многочисленных сочинениях пытался обосновать расовое превосходство «тевтонов», причем тевтонами он объявлял индивидов определенного «северного» физического типа. Однако, когда речь идет о великих людях, Вольтман причисляет их к «тевтонам», несмотря на отсутствие у них необходимых внешних признаков, без всяких оснований объявляет, что в этих случаях тевтонами были предки этих людей, давшие им «тевтонскую кровь».

Как и его французский единомышленник де Лапуж, Вольтман пытался обосновать «расизм» учением Дарвина о естественном отборе и происходящей в животном мире борьбе за существование. Но вместе с тем он предлагал от бессознательного естественного отбора перейти к сознательному совершенствованию «высшей» расы. Вольтман пытался также к расовым различиям отнести социальные, в том числе классовые, различия. Его учение представляет собой реакционную попытку использовать учение Дарвина (о естественном отборе и борьбе за существование) для обоснования неустранимости классовых различий и проникнуто аристократическим

пренебрежением к трудящимся массам как к существам «низшей» расы. Примыкая к ревизионистам, Вольтман был врагом социалистической революции и марксизма и призывал рабочих ограничиться экономической борьбой в рамках капитализма.

7. Расистскими являются также взгляды американского буржуазного социолога Франклина Гиддингса (1855—1931). Придерживаясь в основном психологического направления в социологии, Гиддингс считает вместе с тем, что в обществе проявляется действие естественного отбора. Ссылками на естественный отбор Гиддингс пытается обосновать превосходство, якобы присущее «высшим» расам перед «низшими». Стремясь оправдать порабощение колониальных народов и дискриминацию негров в США, он заявляет, что негры якобы сами нуждаются в «поддержке» более сильных рас, без которой они якобы впадут в дикое состояние, в то время как соприкосновение с белыми помогает им усвоить «внешнее воздействие цивилизации».

Действием естественного отбора Гиддингс пытается объяснить и возникновение классов.

При этом классы общества Гиддингс различает по степени умственных дарований индивидов: первый класс — «социальный» — охватывает людей с наиболее высоким уровнем развития сознания; второй — «несоциальный» — это средние люди, сознание которых «нейтрально»; третий — «псевдосоциальный» — это люди, «обедневшие по собственной вине», и, наконец, четвертый — «антисоциальный» — состоит из преступников по склонности и привычке¹.

Гиддингс и его последователи пытаются объяснить явления общественной жизни психикой отдельных индивидов, прогресс человеческого общества — совершенствованием индивидуального сознания, ростом «сознания рода» в человеке и т. п. Этим они пытаются затушевать наличие классовой борьбы в обществе. Они считают страх, в частности страх перед завтрашним днем, необходимым условием прогресса.

Как было указано выше, Маркс и Энгельс доказали несостоятельность попыток буржуазных социологов опереться на биологическую науку и недопустимость распространения биологических законов на явления общественной жизни.

Еще в середине XIX века ряд передовых русских ученых и путешественников (особенно важно указать на таких русских исследователей XIX века, как академик Бэр, антрополог Е. П. Ковалевский, путешественник Миклухо-Маклай) на основе огромного собранного ими материала из жизни отставших в своем развитии народов доказали несостоятельность расистских учений, отказывающихся признать способность к развитию у этих народов. Передовые представители биологической науки давно опровергли миф о том, будто биологические различия между народами (в цвете кожи,

¹ См. Ф. Гиддингс, Основание социологии, М., 1893, стр. 136—137.

в разрезе глаз и т. п.) могут рассматриваться как основание для утверждения превосходства одних рас над другими.

Русские революционные демократы, особенно Чернышевский и Добролюбов, опираясь на данные современной им передовой науки, еще в середине XIX века раскрыли антинаучную суть расистских учений как средства оправдания колониального порабощения слабых народов.

§ 4. Политические идеи неокантианства

1. Неокантианство как философское направление возникло в последние десятилетия XIX века в Германии (Ланге, Либман и др.) и получило широкое распространение в ряде других стран, в том числе и в России (Кистяковский, Савальский и др.).

Неокантианцы были носителями реакционной идеалистической философии, «выродившимся потомством классической немецкой философии»¹. Они выступали против материалистических элементов учения Канта.

Буржуазные идеологи хватаются за философию Канта перед лицом растущего влияния марксизма, пытаются насаждать оппортунизм и реформизм, распространяя неокантианскую концепцию «этического социализма», направленного на замазывание социальных противоречий, выдвигающего программу «усовершенствования», а следовательно, укрепления капитализма. Буржуазия была заинтересована в возрождении философии Канта потому, что, как отмечал Г. В. Плеханов, она рассчитывала, что эта философия поможет ей усыпить пролетариат.

В. И. Ленин разоблачил реакционную сущность неокантианства, используемого буржуазией в ее борьбе против диалектического и исторического материализма.

Характерным для неокантианцев является утверждение об ограниченности человеческого познания, стремление установить «границы естественнонаучного образования понятий», выделить особую область «ценностей», «культуры», «духа», недоступную естественнонаучному познанию. Неокантианцы пытаются идеалистически истолковать кантовское понятие «вещи в себе», дают место фидеистическим представлениям (абсолютное сознание, абсолютный дух и т. п.). Вслед за Кантом они пытаются принизить разум, чтобы расчистить место вере.

Изображая должествование как нечто противоположное бытию, неокантианцы отрывают нормы морали и права от общественных отношений и пытаются обосновать «априорность» юриспруденции, ее полную независимость от наук, изучающих социальную действительность.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 358.

Право рассматривается неокантианцами как долженствование, независимое от действительности, от сущего. Наука о праве, по их мнению, призвана рассматривать нормы права как нечто самодовлеющее и притом произвольно установленное законодателем в соответствии с его представлениями о справедливости.

2. Один из представителей неокантианства среди буржуазных юристов — Рудольф Штаммлер (1856—1938), враг марксизма, посвятивший пухлую книгу «опровержению» материалистического понимания истории, пытался доказать, будто в общественных явлениях не может быть вскрыта закономерность причин и следствий. Он выступил с отрицанием возможности научного познания общественной жизни путем установления причинных связей между явлениями. Общественные явления, по Штаммлеру, следует рассматривать лишь под углом зрения целей, которые сознательно ставятся и осуществляются или должны осуществляться людьми. По Штаммлеру, общественные науки должны быть построены на соображениях о соотношении целей и средств. Закономерность социальной жизни есть «уразумение и следование конечной цели человеческого общества».

Исходя из этого, Штаммлер пытается доказать невозможность научного предвидения хода общественного развития.

Для определения конечной цели общественного развития Штаммлер прибегает к пустой, бессодержательной формуле: «общество свободно ходящих людей».

Штаммлер прямо заявляет, что эта цель не есть цель эмпирическая, почерпнутая из опыта. Она устанавливается априорно, но она должна служить «путеводной звездой» для всех общественных мероприятий. С точки зрения этого абстрактного идеала должны оцениваться все события общественной жизни, а также все действующие и проектируемые нормы права. Штаммлер избегает указаний на то, каким должен быть идеальный общественный строй, предпочитая оставаться в тумане совершенно неопределенных, абстрактных формулировок.

Поэтому, заимствуя у буржуазных идеологов XVII—XVIII вв. понятие «естественного права», служившего идеологическим оружием в борьбе буржуазии за совершенно определенный идеал буржуазных общественных отношений и буржуазной государственности, Штаммлер пытается придать идее «естественного права» значение масштаба для мелких, проводимых постепенно, частного значения изменений, осуществляемых в системе права. Он выдвигает идею «естественного права с меняющимся содержанием». Его учение о «естественном праве» становится идеологическим оправданием реформизма и оппортунизма.

Подлинные причины изменений в системе права он игнорирует. В духе субъективизма и волюнтаризма он представляет себе дело так, что право может произвольно меняться по усмотрению законодателя. Отсюда Штаммлер делает вывод, что «естественное право» представляет собой метод, «посредством которого можно было бы

направлять и определять меняющийся материал исторически обусловленного права, чтобы он приобрел свойства объективно справедливого».

В эпоху империализма реакционная буржуазия в поисках идеологического оружия против пролетариата вновь обращается к идее естественного права. В конце XIX и в начале XX вв. в буржуазной литературе наблюдается явление, которое буржуазные юристы именуют «возрождением» естественного права.

Стремление использовать когда-то популярный и прогрессивный лозунг для целей идеологической борьбы за сохранение капиталистической эксплуатации было связано с реакционным течением — неокантианством, выступившим под лозунгом: «назад к Канту».

Отдельные круги оппортунистов II Интернационала, извращая марксизм, подхватили этот реакционный лозунг и предприняли ряд безнадежных попыток «пополнить» марксизм кантианством (Шмидт, Бернштейн и др.).

С помощью философии Канта оппортунисты пытались оправдать свой отказ от борьбы за социализм. Подобно Канту, ревизионисты объявляли идеал никогда не осуществимым сполна и рассматривали его лишь как указание на направление пути («путеводная звезда»).

Обращение к учению Канта было отказом от революционного марксизма, подменой марксизма реформизмом, попыткой оправдать трусливый оппортунизм.

§ 5. Политические учения либеральных государствоведов

1. Отстаивая незыблемость институтов буржуазной демократии, буржуазные либеральные государствоведы обосновывали принцип буржуазной законности, подчеркивали значение правового начала в организации и деятельности политических учреждений буржуазных стран.

Из английских ученых в этой связи следует назвать А. В. Дайси (1835—1922), автора ряда работ по вопросам государственного права, опубликованных в 60—80-х годах прошлого столетия, из которых особенно важной является книга «Основы государственного права Англии».

Подчеркивая значение, которое имеет в Англии «верховенство парламента», Дайси выступает вместе с тем апологетом буржуазной законности, того «господства права», которое, по его мнению, воплощается в английском государственном строе.

Господство права означает, по Дайси, прежде всего, что «Англия управляется законом», что «никто не может быть наказан и поплатиться лично или своим состоянием иначе, как за определенное нарушение закона, доказанное обычным законным способом перед обыкновенными судами страны»¹. Во-вторых, господство

¹ А. В. Дайси, Основы государственного права Англии, М., 1906, стр. 209—210.

права означает, по Дайси, что «нет никого, кто был бы выше закона», и что «всякий человек, каково бы ни было его звание или положение, подчиняется обыкновенным законам государства и подлежит юрисдикции обыкновенных судов»¹. Дайси считает существенным проявлением принципа «верховенства или господства права» то, что «всякое должностное лицо, начиная от первого министра и кончая последним констеблем или сборщиком податей, подлежит такой же ответственности, как и всякий другой гражданин за поступок, не оправдываемый законом»².

В этом отношении существует, по его мнению, контраст между Англией и Францией, где должностные лица не подчиняются обыкновенному праву страны, изъяты из юрисдикции обыкновенных судов и во многих отношениях подчиняются только административному праву, применяемому административными учреждениями. Дайси имеет в виду систему особых административных судов, существующую во Франции для претензий, обращенных к должностным лицам.

Наконец, господство права Дайси усматривает еще и в том, что общие принципы английской конституции являются результатом судебных решений, определяющих права частных лиц в отдельных случаях, представляемых на рассмотрение судов. Некоторые формы государственного строя не были созданы сразу и являются результатом не законодательства в обычном смысле слова, а тех состязаний, которые велись в судах из-за прав отдельных лиц³. Конституционное право, отмечает Дайси, является не источником, но следствием прав частных лиц, определяемых и защищаемых судами.

Подчеркивая некоторые отдельные стороны английского строя, существенные для режима буржуазной законности, Дайси игнорирует в то же время ряд других, не менее важных, а именно, ограниченное избирательное право, не всеобщее в то время, когда писал Дайси, наличие верхней палаты парламента с наследственными членами, антидемократический состав суда и его связанность архаическими прецедентами и многое другое. Все указанные стороны английского государственного строя неизбежно придают принципу «верховенства права» весьма ограниченный характер при его практическом воплощении. Английская действительность не оправдывает широковещательных выводов Дайси.

2. Из учений германских буржуазных государствоведов этого времени заслуживает внимания учение Е л л и н е к а (1851—1911), опубликовавшего ряд больших работ по государственному праву, в том числе «Право современного государства» (1900), «Правовая природа международных договоров» (1880), «Закон и указ» (1887), «Система субъективных публичных прав» (1892) и др.

¹ А. В. Д а й с и, Основы государственного права Англии, М., 1906, стр. 217.

² Т а м ж е, стр. 217.

³ Т а м ж е, стр. 220.

Отправляясь от иеринговского понимания права как некоторого самоограничения государства, Еллинек развивает учение о связанности государства нормами права. Право, по Еллинеку, есть следствие и выражение самоограничения государства. Именно это самоограничение является основанием связанности государства его правом.

Самоограничение государства достигается признанием за подчиненными государству лицами значения субъектов права. Сила государства приобретает, таким образом, характер правовой силы, а его интересы — характер правовых интересов. Государство, заявляет Еллинек, само становится «ограниченной в правовом отношении личностью»¹. «Лишь поскольку государство,— говорит Еллинек,— рассматривает себя как ограниченное в правовом отношении, оно становится субъектом права. Действующее существо, не являющееся носителем обязанностей, есть субъект силы, а не субъект права. В понятии права уже содержится понятие некоторого ограничения»².

Субъективные публичные права граждан, как и права государства, возможны лишь через признание правовых обязанностей государства. Признание субъективных публичных прав граждан неразрывно связано, по Еллинеку, с рассмотрением государства как юридического субъекта, с признанием его субъектом прав и обязанностей.

Еллинек объявляет, что государство может и должно изучаться не только как определенное социальное явление, но и как явление юридическое. Он пытается изобразить связь граждан с органами государства и с государством в целом как правовую связь и обосновать, таким образом, субъективные публичные права граждан.

Еллинек дает классификацию прав граждан по отношению к государству. Он предлагает различать: а) негативный статус, то есть права на свободную сферу, независимую от воздействия органов государства, б) активный статус, то есть права граждан на участие в осуществлении государственной власти, в) позитивный статус, то есть права индивида на содействие и помощь государства.

Не касаясь недостатков указанной классификации, отметим, что главной мыслью Еллинека является идея чисто правовых взаимоотношений граждан и органов государства. Это было выражением стремления Еллинека охватить политическую власть буржуазного государства юридическими категориями и таким путем обосновать принцип буржуазной законности.

Учение Еллинека игнорирует, что самоограничение буржуазного государства являлось в действительности мнимым, что права

¹ Георг Еллинек, Система субъективных публичных прав, второе издание, Тюбинген, 1905, стр. 194 (на немецком языке).

² Там же, стр. 195.

граждан оставались ничем не обеспеченными и не имели ни материальных, ни достаточных юридических гарантий.

Помимо этого попытка охватить юридическими категориями все взаимоотношения органов государственной власти с гражданами в условиях Германии и Австрии того времени могла только послужить прихорашиванию полуполицейского режима этих стран.

ЛИТЕРАТУРА

Энгельс Ф., Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1953, с. 152.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, с. 201.

Сталин И. В., Международный характер Октябрьской революции, Соч., т. 10, с. 242.

ГЛАВА XXVII

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ И БОРЬБА ПЕРВЫХ РУССКИХ МАРКСИСТОВ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ НАРОДНИЧЕСТВА И РЕВИЗИОНИЗМОМ В 90-х ГОДАХ XIX ВЕКА

§ 1. Развитие капитализма и обострение классовой борьбы в России после крестьянской реформы 1861 года. § 2. Распространение трудов Маркса и Энгельса в России. § 3. Идеология либеральных народников 90-х годов. § 4. Роль Плеханова в пропаганде марксизма и его борьба с народничеством. § 5. Критика Плехановым государственноправовых взглядов современных ему ревизионистов

§ 1. Развитие капитализма и обострение классовой борьбы в России после крестьянской реформы 1861 года

1. Крестьянская реформа 1861 года и проведенные вслед за ней буржуазные реформы 60—70-х годов означали первый шаг на пути превращения царской России в буржуазную монархию. Несмотря на половинчатый и узкий характер реформ, проведенных «сверху», они способствовали развитию капитализма.

«Поражения во время Крымской войны,— указывал Энгельс,— ясно показали необходимость для России быстрого промышленного развития. Прежде всего нужны были железные дороги, а их сооружение неосуществимо в большом масштабе без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней явилось так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра...»¹.

¹ Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Об общественных отношениях в России». Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1951, стр. 291—292.

Развитие капиталистических отношений в России протекало в обстановке сохранения крепостнических пережитков как в городе, так и в деревне и сопровождалось классовым расслоением крестьянства и всеобщим обнищанием и разорением широких народных масс.

Притесняемое помещиками, барышниками, купцами и фабрикантами крестьянство быстро разорялось. В его среде происходили глубокие социальные изменения, сущность которых заключалась в выделении, с одной стороны, сельской буржуазии, концентрирующей в своих руках землю, рабочий скот, уголья, и, с другой стороны, разоряющихся крестьянских дворов.

Пореформенный строй русской деревни характеризовался наличием переходной системы, соединявшей в себе как черты барщинного, так и капиталистического хозяйства. Помещики в ходе реформы сделали все возможное, чтобы оставить факторы внеэкономического принуждения в силе и после «освобождения». Разнообразные виды отработок в деревне сочетались с отдельными чертами, присущими капиталистическим отношениям: применением машин, расширением наемного труда в земледелии.

Неисчерпаемый рынок дешевых рабочих рук вызвал к жизни быструю организацию промышленных предприятий в самых различных отраслях производства и волну предпринимательской горячки. «Выращивание миллионеров» в России шло гигантскими шагами за счет появления тысяч обнищавших трудящихся¹.

Несмотря на рост городов, быстрое образование промышленных центров, развитие процесса общественного разделения труда, разрушение старых форм общественной жизни, Россия продолжала оставаться преимущественно сельскохозяйственной страной.

Наиболее страдающим и в то же время самым многочисленным классом ее населения являлось крестьянство.

По этой причине всякая действенная революционная борьба в 70-х годах XIX века против самодержавия и пережитков крепостничества в России исторически связывалась с защитой интересов крестьянства и исходила из положения о возможности совершения крестьянской революции в стране.

Носителями новой революционной идеологии в 70-х годах были представители революционно настроенной разночинной интеллигенции, которые печалились о народе, задумывались над его судьбой и готовы были жертвовать собой в борьбе с царизмом за освобождение народа от угнетения.

2. Идеология революционных народников 70-х годов, считавших возможным поднять русское крестьянство на массовую вооруженную борьбу с царизмом, являлась противоречивой, так как народники того времени по существу выражали «...представитель-

¹ См. Ф. Э н г е л ь с, Письмо Н. Ф. Даниельсону от 29—31 октября 1891 года. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1951, стр. 145.

ство интересов производителей с точки зрения мелкого производителя, мелкого буржуа...»¹. Призывая народ к революции, они выступали с программой, объективно расчищавшей путь для развития капиталистических отношений.

Идея крестьянской революции в сознании революционных радикалов 70-х годов неизбежно сливалась с представлением о победе социалистических отношений.

«...Неразвитость экономики,— поясняет В. И. Ленин,— вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений. Масса крестьян не сознает и не может сознавать того, что самая полная «воля» и самое «справедливое» распределение хотя бы даже и всей земли не только не уничтожит капитализма, а, напротив, создаст условия для особенно широкого и могучего его развития. И в то время, как социал-демократия выделяет и поддерживает только революционно-демократическое содержание этих мужицких стремлений, мелкобуржуазный социализм возводит в теорию крестьянскую бессознательность, смешивая или сливая воедино условия и задачи действительного демократического и фантазированного социалистического переворота»².

Характеризуя сущность народнической идеологии, В. И. Ленин особо отметил, что у народников 70-х годов теория революции и борьбы с самодержавием опиралась на утопическое представление о возможности «крестьянского социализма». Это ложное положение привело их к отказу от организации планомерной работы по созданию революционных организаций в среде уже вышедшего на историческую сцену рабочего класса. Ленин отмечал далее, что народники не сознавали необходимости организации политической борьбы масс с царизмом и что их социализм носил мелкобуржуазный характер, так как был органически связан с полуанархистскими представлениями о возможности снятия классовых противоречий и изживания всякой эксплуатации вообще через освобождение крестьянской общины от надзора и опеки со стороны государственной власти.

Говоря о сущности народнической идеологии 70—80-х годов, В. И. Ленин особо отмечал отсталость, слабость, утопичность проповедуемой народниками теории мелкобуржуазного «крестьянского» социализма.

Ленин указывал, что народничество как система воззрений держало в себе следующие три черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом — отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и тому подобные реакционные вопли; 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 375.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 282.

с его общиной, артелью и тому подобным в частности; 3) игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов¹.

Займствовав у Н. Г. Чернышевского и других великих революционных демократов России их учение о крестьянской общине как ячейке социализма, народники не видели в первых шагах рабочего движения в России того нового революционного элемента, наличие которого в корне меняло историческую обстановку.

Народники 70—80-х годов считали главной революционной силой крестьянство, а единственным способом ликвидации власти царя и гнета помещиков — крестьянскую революцию; они не понимали руководящей роли рабочего класса как единственного класса, способного в союзе с трудящимся крестьянством осуществить победоносную социалистическую революцию и создать новый, справедливый, социалистический строй.

Не понимая буржуазного характера крестьянской революции и наивно уповая на «коммунистические инстинкты» русского крестьянина, на «старорусские» общинные порядки, революционные народники 70-х годов были воодушевлены искренней верой в возможность крестьянской социалистической революции, были уверены в том, что они борются за социалистическую программу.

3. Общая обстановка в России после крестьянской реформы способствовала обострению классовых борьбы как в городе, так и в деревне. Поскольку классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией в значительной мере затушевывались наличием пережитков крепостничества, народничество, несмотря на все его слабости, являлось господствующей идеологией в русском революционном движении 70-х годов XIX века.

Народничество в 70-х годах делилось на несколько идейных течений, объединенных общим признанием возможности крестьянской революции в России. Значительное влияние среди народников имели идеи мелкобуржуазного анархиста Бакунина, проповедовавшего бунт и уповавшего на врожденные чувства русского мужика, являющегося, по его мнению, по самой своей натуре бунтарем.

Обманывая себя и своих последователей, Бакунин выдвинул ложное и ошибочное положение о всегдашней готовности мужика взбунтоваться и не видел того, насколько сильны были в то время среди крестьянства царской России царистские иллюзии.

Те из народников, которые следовали за Бакуниным и проповедовали при осуществлении программы «хождения в народ» поднять мужика на бунт, неизменно терпели провал и платились многими годами каторги и тюрьмы.

Видный социолог народничества П. Л. Лавров в 1869 году опубликовал книгу «Исторические письма», в которой дал идеалистиче-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 481.

скую и субъективистскую оценку общего хода истории, направляемого, по его мнению, «критически мыслящими» личностями, которые и творят прогресс путем пропаганды передовых идей в обществе.

Лавров призывал учащуюся молодежь России идти в народ для осуществления пропаганды идей социализма и призывал к тому, чтобы воздержаться от непосредственной политической борьбы: участия в демонстрациях, забастовках, протестах против произвола жандармерии и царских чиновников и т. п.

Известным влиянием среди народников пользовались также идеи П. Н. Ткачева, уверявшего, что российское самодержавие можно свергнуть путем заговорщической деятельности. Российская империя, уверяет Ткачев, может быть взорвана, так как своими корнями и происхождением находится в прошлом и «висит в воздухе».

Выступление Ткачева и его взгляды были убедительно разоблачены Ф. Энгельсом.

В отдельной брошюре, напечатанной в 1875 году, Энгельс разоблачил ложность представления Ткачева о том, что в России якобы отсутствует городской пролетариат, что община в деревне обязана своим существованием государственной власти, а также совершенно неверное представление Ткачева о том, что русское самодержавие «не имеет ничего общего с существующим общественным строем».

Полемизируя с Ткачевым, Энгельс дал глубокую характеристику крестьянской реформы 1861 года, в результате проведения которой крестьяне «... оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении»¹. Он показал, что разорение деревни в России и эксплуатация крестьян помещиками и кулаками приобрели столь широкие размеры, что вся масса народа в русской деревне служила объектом бессовестной эксплуатации.

«...Нет другой такой страны,— указывает Энгельс,— в которой при всей первобытной дикости буржуазного общества был бы так развит капиталистический паразитизм, как именно в России, где вся страна, вся народная масса подавлена и опутана его сетями»².

Русское самодержавное государство, законы и суды которого охраняют всю систему безудержной эксплуатации и разорения народа, крупная промышленность, «существующая только благодаря пожалованным ей государством охранительным пошлинам», а также наличие бесчисленной армии чиновников, «наводняющей и обворовывающей Россию»³,— все это доказывает наличие органических и кровных связей между русским абсолютистским государством и существующим положением в стране.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, Госполитиздат, 1955, стр. 41.

² Там же, стр. 42.

³ Там же.

Когда г. Ткачев уверяет, пишет Энгельс, что «русское государство» «не имеет никаких корней в экономической жизни народа, не воплощает в себе интересов никакого сословия», что оно «висит в воздухе», то нам начинает казаться, что оно «русское государство, а скорее сам г. Ткачев висит в воздухе»¹.

4. Пытаясь поднять крестьянство на борьбу против самодержавия, революционная народническая интеллигенция организовала «хождение в народ». Эта тактика не могла иметь практических успехов, так как народники не понимали подлинных интересов и психологии крестьянства. Крестьянство не пошло за ними.

Провал «хождения в народ» привел в дальнейшем к изменению форм и методов политической деятельности народников. Образованная ими организация «Народная воля» (1879) взяла установку на метод индивидуального террора в борьбе с самодержавием. Народовольцы исходили при этом из неправильной теории, согласно которой только отдельные выдающиеся личности делают историю, а массы, народ, класс, «толпа», как пренебрежительно выражались народнические писатели, неспособны к сознательным, организованным действиям, они могут только слепо идти за «героями».

Бесполезными для революции убийствами отдельных представителей царского правительства народники только отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей в целом. Они тормозили развитие революционной инициативы и активности рабочего класса и крестьянства.

1 марта 1881 г. народникам удалось убить царя Александра II. Это был высший, кульминационный пункт деятельности «Народной воли». И вместе с тем убийство Александра II обнаружило полную бесплодность тактики индивидуального террора.

После событий 1 марта и ареста большинства членов комитета «Народной воли» часть оставшихся на свободе народовольцев обратилась в письме к Александру III с просьбой обнародования конституции, созыва Земского собора и обещанием прекратить террор, если царь пойдет на «уступки». Начиная с этого времени, происходит процесс вырождения революционных народников 70-х годов в либеральных народников.

Несмотря на сделанные ими ошибки и неправильные теоретические положения, от которых они отпавлялись, народники 70-х годов вписали славные страницы в историю борьбы новой революционной России с самодержавием. Имена Софьи Перовской, Желябова, Кибальчича и других героев «Народной воли» останутся навечно вписанными в историю революционного движения России.

5. Маркс и Энгельс, относясь с неодобрением к программам таких партий, как народники, если они выступали в странах с развитым рабочим движением, в то же время с большим вниманием следили за героической борьбой народовольцев в России. Указывая на уто-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. II, М., 1955, стр. 42.

пичность их программы, основанной на идеалах крестьянского социализма, они одновременно с глубоким уважением отзывались об их демократизме и готовности к самоотверженной борьбе с самодержавием.

Подчеркивая, что в России 70-х годов XIX века самостоятельное пролетарское движение еще отсутствовало, Энгельс указывал, что «Народная воля» являлась единственной организованной силой, ведущей героическую борьбу с самодержавием: «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно притти социальное возрождение, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и об ее условиях, — таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции. Но это вовсе не обязывает нас разделять их иллюзии»¹.

Разоблачая утопические иллюзии народников, В. И. Ленин в то же время отмечал «...прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма «прусского»»².

Народничество 70-х годов сыграло важную роль в развитии революционного движения в России³.

§ 2. Распространение трудов Маркса и Энгельса в России

1. Знакомство русских общественных деятелей с идеями марксизма и распространение работ Маркса и Энгельса в России началось задолго до появления первых переводов их работ на русский язык и относится еще к 40-м годам XIX века.

Интерес передовых людей русского общества к произведениям Маркса и Энгельса значительно вырастает в период революционной ситуации 1859—1861 гг.

На страницах передовой русской печати появляются статьи, ставящие своей целью дать изложение содержания отдельных работ Маркса и Энгельса без ссылки на их авторов ввиду цензурных запретов.

¹ Ф. Энгельс, Послесловие к статье «Об общественных отношениях в России». Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1951, стр. 296.

² В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 102.

³ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959, стр. 15.

Н. Г. Чернышевскому, редактировавшему в это время «Современник», удалось обмануть бдительность царских цензоров. В 90-м томе «Современника» была напечатана статья Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», которая в первой своей части представляла сокращенный перевод книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». В этой статье Шелгунов стремился к тому, чтобы популяризировать и пропагандировать в России положения книги Энгельса.

В 80-х годах в России вышло несколько нелегальных изданий «Манифеста Коммунистической партии». В Петербурге «Манифест» был переведен и опубликован группой студентов, издававших журнал «Студенчество».

В «Архиве судебной медицины и общественной гигиены», издававшемся в Петербурге, в 1870 году была опубликована статья под инициалами П. И. — «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения». Об этой статье Маркс писал Зигфриду Мейеру 21 января 1871 г.:

«... В Петербурге выходит полуофициальный *«Архив судебной медицины»* (на русском языке). Один из сотрудничающих в этом журнале врачей поместил в номере за последний квартал статью *«О гигиенических условиях, в которых живет западно-европейский пролетариат»*, в которой главным образом — но с указанием источника — цитирует мою книгу. В результате произошло следующее несчастье: цензор получил сильный нагоняй от министра внутренних дел, главный редактор смещен, а самый номер журнала — все экземпляры, которые еще можно было захватить, — предан сожжению!»¹.

До издания «Капитала» на русском языке в «Отечественных записках» в 1870 году была опубликована статья экономиста-статистика В. Покровского на тему «Что такое рабочий день?». Статья полностью представляла собой изложение той главы «Капитала», которая посвящена рабочему дню.

С «Капиталом» Маркса были прекрасно знакомы не только публицисты, но и передовые представители русского ученого мира (например, К. А. Тимирязев).

Таким образом, едва успел выйти из печати «Капитал» Маркса, как уже через несколько недель после своего появления он попадает в Россию и становится предметом оживленного обсуждения.

В 1872 году в Петербурге вышел русский перевод первого тома «Капитала». В первые же 50 дней разошлось более 900 экземпляров книги, что свидетельствовало об огромной популярности Маркса в России.

Россия была первой страной, в которой был издан «Капитал» в переводе. Появление «Капитала» было праздником для передовой русской общественной мысли.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 256.

В революционной среде «Капитал» сразу завоевал себе широкую известность. «... Для русских социалистов,— отметил Ленин,— почти тотчас же после появления «Капитала» главным теоретическим вопросом сделался вопрос о «судьбах капитализма в России»; около этого вопроса сосредоточивались самые жгучие прения, в зависимости от него решались самые важные программные положения»¹.

«Капитал» зажигал в сердцах русской молодежи ненависть к эксплуататорам, энтузиазм и готовность к борьбе. Положения «Капитала» Маркса подверглись страстному обсуждению.

В этот период народники официально не выражали своего несогласия с учением Маркса, но нередко стремились «по Марксу» опровергнуть какую бы то ни было возможность приложения к России теории Маркса.

Народнические журналы «Отечественные записки», «Знание», «Слово» всячески старались извратить марксизм, внося в него свои «поправки». В августе 1872 года Михайловский на страницах «Отечественных записок» выступил с критикой «Капитала», пытаясь доказать с позиций народников, что указанный марксизмом путь революционного преобразования капиталистического общества относится якобы лишь к Западной Европе и не имеет никакого отношения к России.

Маркс в своем письме в редакцию «Отечественных записок» горячо протестовал против попыток такой «трактовки» Михайловским законов развития общества, извращения им материалистического понимания истории.

2. Маркс и Энгельс уделяли большое внимание распространению идей научного социализма в России.

Маркс и Энгельс глубоко интересовались Россией и революционной борьбой, происходившей в ней, находились в тесном и систематическом общении с виднейшими передовыми русскими политическими мыслителями и деятелями.

Маркс и Энгельс высоко оценили мощные революционные силы, тающиеся в русском народе, предсказывали России великое будущее.

Убеждение в том, что развитие классовых противоречий и классовой борьбы в России неминуемо вызовет революцию, в ходе которой русский народ свергнет самодержавие, было для Маркса и Энгельса источником непрестанного интереса к революционному движению в России.

Переписка Маркса и Энгельса с русскими революционными политическими деятелями наглядно показывает, как активно и действенно помогали эти великие мыслители зарождению в России марксистских организаций, устанавливая непрерывную связь с деятелями революционной России, просвещая их и указывая правильные пути революционной борьбы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 249.

Русские революционные деятели снабжали Маркса литературой, издаваемой в России. Через них Маркс получил книгу Флеровского «Положение рабочего класса в России», книги Чернышевского, произведения Добролюбова, Щедрина и ряд периодических изданий. Маркс и Энгельс пользовались огромной симпатией и поддержкой со стороны передовых деятелей русского революционного движения.

Создание «Международного Товарищества Рабочих» и организация русской секции I Интернационала во многом способствовали распространению идей марксизма в России. Организаторы русской секции I Интернационала в Женеве А. А. Серно-Соловьевич и Н. И. Утин читли Маркса как своего учителя. Секция избрала Маркса своим представителем в Генеральном совете «Международного Товарищества Рабочих» в Лондоне, помогла Марксу в разоблачении подрывной деятельности Бакунина, пытавшегося расколоть I Интернационал, знакомила русских читателей через свой журнал «Народное дело» с идеями марксизма.

После смерти Маркса Энгельс оказывал непосредственную помощь возникшей в 1883 году группе «Освобождение труда».

В письмах к Марксу и Энгельсу представители русской передовой науки и общественности, представители русской революционной молодежи не раз выражали основоположникам научного социализма чувство глубокого уважения за огромную работу, сделанную ими для развития революционного движения во всех странах, и в том числе непосредственно в России.

3. Основным вопросом, занимавшим русскую общественно-политическую мысль, начиная с 70-х годов XIX века, явился вопрос о судьбах исторического развития России. Вопрос о том, должна ли Россия пройти капиталистическую фазу развития или же у нее есть пути развития особые, отличные от тех, по которым пошла Западная Европа, много раз ставился на обсуждение русскими политическими деятелями.

От разрешения этого основного вопроса зависели и все остальные также очень важные вопросы: о создании революционной партии и ее тактике, о политической борьбе и ее значении и ряд других.

Понятно, что многие русские политические деятели искали в произведениях основоположников марксизма и в переписке с ними прежде всего ответа на эти вопросы.

Начиная со времени крестьянской реформы 1861 года, Маркс и Энгельс считали, что в России нарастает широкая народная революция и были глубоко убеждены в неизбежности падения царизма.

Маркс и Энгельс никогда не рассматривали вопрос о судьбах русской революции изолированно от судеб рабочего движения в Западной Европе, от проблемы общеевропейской революции. Они считали, что свержение царизма в России, лишив европейскую реакцию опоры в лице русского самодержавия, развяжет силы

революционного пролетариата Европы и приблизит срок победы пролетарской революции во всем мире.

Вопрос о судьбах исторического развития России рассматривался Марксом и Энгельсом в теснейшей связи с вопросом о том, может ли в эпоху пролетарских революций та или иная отсталая страна прийти к социализму, минуя стадию капиталистического развития, при помощи передового пролетариата тех стран, где пролетарская революция произойдет ранее.

Вопрос о возможности победоносной революции в России, которая могла бы как свергнуть самодержавие, так и освободить народ от всякой эксплуатации, связывался Марксом и Энгельсом с вопросом о победе пролетарской революции в Западной Европе.

В предисловии к русскому изданию 1882 г. «Манифеста Коммунистической партии» Маркс и Энгельс писали:

«Задачей «Коммунистического Манифеста» было провозгласить неизбежно предстоящую гибель современной буржуазной собственности. Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?»

Единственный возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития¹.

Положение Маркса и Энгельса о том, что Россия в случае победы общеевропейской революции и свержения царизма могла бы миновать капиталистический путь развития и перейти непосредственно к социализму, отвечало духу творческого, революционного марксизма.

Основоположники марксизма высоко оценивали героическую борьбу революционных народников 70-х годов против царизма.

Отдавая должное революционной борьбе народовольцев против самодержавия, Маркс и Энгельс вместе с тем последовательно критиковали утопическое содержание народничества.

Маркс и Энгельс подвергли резкой критике прежде всего идеализацию народниками русского крестьянства и русской крестьянской общины. Они первые начали дело разоблачения и критики народничества и показали ошибочность утверждений русских

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1958, стр. 14.

народников о том, что русский крестьянин будто бы уже готов к социалистической революции.

Глубокая и принципиальная критика, которой Маркс и Энгельс подвергли утопическое содержание народничества, вытекала из той критики мещанского, утопического, мелкобуржуазного социализма, которая была дана ими еще в «Манифесте Коммунистической партии».

Маркс и Энгельс первые выступили как борцы против русских народников. Взгляды Ткачева, Лаврова подверглись разоблачению и острой критике с их стороны.

Маркс и Энгельс видели опасность проникновения в западноевропейское рабочее движение тех «идей» и методов заговорщической борьбы, выразителями которых являлись Бакунин и Нечаев.

Создавая организационные и идейные основы I Интернационала, Маркс и Энгельс вели долгую и ожесточенную борьбу против анархизма Бакунина. После смерти Маркса Энгельс в своих сочинениях и письмах разоблачал народников 90-х годов, ставших к этому времени либеральными защитниками кулачества.

Разоблачение Марксом и Энгельсом мелкобуржуазного содержания народничества, их борьба с Лавровым, Ткачевым, Бакуниным имели большое значение для общего хода борьбы революционного марксизма с мелкобуржуазным социализмом и анархизмом в России.

§ 3. Идеология либеральных народников 90-х годов

К 80—90-м годам XIX века экономические процессы в России ушли далеко вперед. Сказывалось внедрение капиталистических отношений во все сферы производства, в промышленность и сельское хозяйство.

Расслоение крестьянства, распад общины, попавшей к концу XIX века в долговую кабалу и находившуюся в руках у кулаков-мироедов, формирование пролетариата указывали на изменение в расстановке классовых сил в России.

Выделение беднейших крестьянских дворов, отход беднейшего крестьянства в город и быстрое развитие промышленности — все говорило о том, что Россия на деле вступила на путь капиталистического развития. Вопросы рабочего движения все более начали выдвигаться на первое место и в русской революции.

С 1880 по 1884 гг. в России произошло 145 волнений и стачек. В 1885 году вспыхнула стачка текстильных рабочих на фабрике Морозова в Орехово-Зуеве, перекинувшаяся на крупнейшие фабрики Московской области. В 1887 году вспыхнули крупные волнения в шахтах Донбасса и на заводах Белоруссии. За первые пять лет 90-х годов произошло 232 стачки на рабочих предприятиях. Основные отряды молодого русского рабочего класса — металлисты, горнорабочие, нефтяники, текстильщики — начали втягиваться в рабочее движение.

Народническая идеология оказалась несостоятельной и в условиях растущего рабочего движения все менее и менее удовлетворяла потребности революционного движения в России.

Народники 90-х годов упорно не замечали первых шагов рабочего движения в России. Они отказывались видеть основное: выход рабочего класса на историческую арену классово-борьбы. Народники отказывались от политической работы среди рабочих, не замечали факта дифференциации крестьянства, противились созданию революционной рабочей организации в России.

Лучшая и незначительная по своему количеству часть народников того времени пыталась восстановить борьбу с самодержавием методами индивидуального террора. В то же время эта часть народников пыталась сделать шаг в сторону социал-демократии (группа Александра Ульянова).

Большинство народников 90-х годов отошло от дела революционной борьбы и скатилось на путь проповеди постепенных реформ, восхваляя «зажиточного крестьянина», отрицая наличие классовых противоречий в среде русского крестьянства.

Разложение народнической идеологии и появление либерального народничества были обусловлены процессом развития капитализма в России и глубоким расслоением крестьянства. «... Деревня,— писал В. И. Ленин, обличая либеральных народников,— давно уже совершенно раскололась. Вместе с ней раскололся и старый русский крестьянский социализм, уступив место, с одной стороны, рабочему социализму; с другой — выродившись в пошлый мещанский радикализм... Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества* — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*¹.

Отказавшись от революционно-демократических стремлений старого русского народничества и не видя, что причиной угнетения и бедствий народа являются существующие производственные отношения, народники 90-х годов упорно держались за самую крупную из ошибок ранних народников: непонимание процесса расслоения деревни и классовых антагонизмов среди крестьянства, а так как этот процесс укреплял кулака, то они, выдвигая программу мелких реформ, стали выразителями интересов кулачества.

Призывая царское правительство к реформам министерств, отмене прямых налогов, «сохранению принципов солидарности», либеральные народники не разоблачали крестьянскую реформу 1861 года, ограбившую крестьян, а восхваляли ее, указывая на последующую отмену подушной подати как на шаг, «облегчивший народное бремя», причем доходили в своих реформистских предложениях до изъявления верноподданнических чувств.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 246—247.

«Гг. «друзья народа», — указывал В. И. Ленин, — за пояс заткнут всех либералов. Они не только просят правительство, не только славословят, они прямо-таки молятся на это правительство, молятся с земными поклонами, молятся с таким усердием, что вчуже жутко становится, когда слышишь, как трещат их верноподданнические лбы»¹.

Идеология либерального народничества 90-х годов XIX века являлась одним из главных тормозов, препятствовавших проникновению в массовое революционное движение России марксистской теории — теории научного социализма.

Народники не давали возможности рабочему классу осознать его организующую, ведущую роль в революции и тормозили создание самостоятельной партии рабочего класса.

Без разгрома народничества нельзя было обеспечить превращение марксизма в господствующую идеологию в русском революционном рабочем движении и создать подлинно пролетарскую марксистскую партию.

§ 4. Роль Плеханова в пропаганде марксизма и его борьба с народничеством

1. Распространение идей марксизма в России в первоначальный период развития рабочего движения связано с именем Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918). Плеханов первый из передовых русских политических деятелей понял и усвоил марксизм как теорию пролетариата, противоположную всяким буржуазным и мелкобуржуазным учениям.

Деятельность Г. В. Плеханова развернулась в период бурного роста революционного рабочего движения в России.

Плеханов с молодых лет участвовал в студенческом движении и быстро выдвинулся благодаря огромным знаниям и темпераменту политического борца в число видных народников. Во время своих попыток «хождения в народ» Плеханов был дважды арестован.

В 1880 году преследуемый царской полицией Плеханов уезжает за границу. Здесь Плеханов глубоко изучил ряд произведений Маркса и Энгельса и постепенно перешел от народничества к революционному марксизму.

2. В 1883 году Плехановым была организована группа «Освобождение труда», поставившая своей целью:

1) распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса, Энгельса и других сочинений;

2) критику господствующих в среде русских революционеров учений и разработку важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 244.

Группа «Освобождение труда» перевела на русский язык ряд классических произведений Маркса и Энгельса, в том числе «Развитие социализма от утопии к науке», «Наемный труд и капитал», «Нищета философии». Плеханов в 1882 году перевел на русский язык «Манифест Коммунистической партии».

Специально для этого издания «Манифеста» Марксом и Энгельсом было написано предисловие.

С появлением перевода Плеханова русский читатель получил действительно близкий к подлиннику и верно передающий его содержание текст «Манифеста», написанный боевым языком революционного марксизма.

Плеханов и другие участники группы «Освобождение труда» написали ряд работ, посвященных пропаганде идей научного социализма.

3. Идеинный разгром народничества был одной из важнейших задач первых русских марксистских организаций, возникших в России с началом широкого массового рабочего движения в 80-е годы. Эта задача в значительной мере определила все содержание деятельности Плеханова и организованной им в Женеве в 1883 году первой русской марксистской группы «Освобождение труда». При осуществлении этой задачи группа «Освобождение труда» опиралась на труды Маркса и Энгельса, уделявших большое внимание вопросам развития революционного движения в России и внесших ценный вклад в дело разоблачения мелкобуржуазной сущности народнической идеологии.

Группа «Освобождение труда» продолжала начатую Марксом и Энгельсом критику утопических идей русского народничества.

Однако эта группа лишь теоретически подготовила образование социал-демократии и сделала только первый шаг навстречу рабочему движению.

Задача соединения марксизма с рабочим движением в России, а также исправления ошибок группы «Освобождение труда» была разрешена Лениным. На соединение марксизма с рабочим движением была направлена вся деятельность возглавленного Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (1895), который явился зачатком революционной пролетарской партии в России.

4. Плеханов в своих работах выступил с защитой коренных положений марксизма и содействовал их популяризации среди русских революционеров. Наиболее крупными произведениями Плеханова, написанными в 80—90-х годах, были «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Эти работы Плеханова расчистили почву для победы марксизма в России. Они указывали русским революционерам их первую задачу: образование революционной рабочей партии, ближайшей целью которой является низвержение абсолютизма.

Книга «Социализм и политическая борьба» была написана в 1883 году. Она представляет собой первый марксистский труд Плеханова.

В этой книге Плеханов дал характеристику основных положений научного социализма, сформулировал задачи политической борьбы рабочего класса России и показал ее конечную цель.

Эпиграфом к своему труду Плеханов взял положение Коммунистического Манифеста: «всякая классовая борьба есть борьба политическая». Главное внимание в этом исследовании Плеханов уделил обоснованию необходимости борьбы рабочего класса против царизма за завоевание политических свобод.

Плеханов дал в своем труде сжатый критический очерк, посвященный отдельным течениям мелкобуржуазного социализма вообще и русского в частности, и показал, что коренной ошибкой русского народничества являлся отказ от политической борьбы.

Плеханов раскрыл грубую ошибочность отождествления народниками политической борьбы с заговорщицеством и индивидуальным террором.

Разоблачив в своей книге народников 80-х годов и их положение о том, что революционная работа среди народа якобы бесплодна, Плеханов показал, что народники, игнорируя рабочий класс, по существу встали на путь отказа от революционной борьбы с самодержавием.

Развернутую критику народников и их взглядов дал Плеханов и в работе «Наши разногласия», написанной в 1884 году. Работе было предпослано открытое письмо Плеханова к Лаврову, в котором было показано, что революционное будущее принадлежит рабочему классу. В этой работе одновременно с детальной критикой народничества дается изложение основ научного социализма.

Защита классических положений марксизма в период господства и широкого распространения идеологии народников в России составляет заслугу Плеханова. Особо важное значение имела его книга «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданная в 1895 году. Ленин указывал, что на этой книге «воспитывалось целое поколение русских марксистов». В этой книге, как и в других произведениях, Плеханов подверг сокрушительной критике субъективную социологию народников и вытекающие из нее культ «критически мыслящей личности», пренебрежительное отношение к народу как к «толпе», проповедь индивидуального террора и другие ошибки.

Критика Плехановым философских, экономических и политических взглядов народников и их тактики сыграла значительную роль в развитии революционного марксизма в России. Плеханов подметил коренное различие между революционным народничеством 70-х годов и либеральным народничеством 90-х годов, разоблачил лживую и ненаучную интерпретацию либеральными народниками взглядов Маркса и Энгельса. Плеханов называл либеральных народников 90-х годов людьми, которые возлагают свои надежды и упова-

ния уже не на мужицкий бунт, а на законодательную деятельность царского правительства, которые мечтают о помпадурах, своей мощной рукой укрепляющих устои самодержавия.

«Теоретические труды Плеханова обогатили русскую культуру. Марксизм стал течением русской общественной и революционной мысли»¹.

Борьба Плеханова с народниками основательно подорвала их влияние как в рабочем классе, так и среди революционной интеллигенции. Но идейный разгром народничества далеко еще не был завершен. Эту задачу, задачу разгрома народничества, выполнил В. И. Ленин.

§ 5. Критика Плехановым государственноправовых взглядов современных ему ревизионистов

1. В конце XIX и начале XX вв. буржуазные философы и социологи усилили нападки на марксизм. Апологеты капиталистического общества в период его вступления в империалистическую стадию развития мобилизовали все силы и средства для того, чтобы обезвредить и исказить великое учение Маркса.

Откровенным защитникам капитализма вторили ревизионисты из II Интернационала, отошедшие после смерти Маркса от материализма и также желавшие внести «поправки» к марксизму путем соединения его с философским идеализмом и буржуазным либерализмом.

Плеханов решительно выступал против ревизионистов в защиту революционного марксизма.

Многие видные деятели немецкой социал-демократии, шедшие во время жизни Маркса и Энгельса рука об руку с основоположниками марксизма, недооценивали опасность ревизионизма (П. Лафарг, Вильгельм Либкнехт), другие же скатились к нему (К. Каутский).

Плеханов проделал в это время большую и значительную работу по защите научных основ марксизма. Работы Плеханова «Очерки по истории материализма» (1896), «Несколько слов в защиту экономического материализма» (1896), речь, произнесенная в Женеве в начале 1898 года, посвященная теме «Философские и социальные воззрения Маркса», и другие его выступления во Франции, собиравшие значительную аудиторию, сыграли свою роль в деле ограждения идеологии рабочих от влияния ревизионистов.

Борьба Плеханова, ведшаяся им как против европейского ревизионизма, так и его подголоска — «легального марксизма» в России, имела большое значение для судеб международного рабочего движения.

2. Плеханов защищал идеи исторического материализма от современных ему ревизионистов и вульгаризаторов марксизма. Он отстаивал правильное решение вопроса о месте надстройки над

¹ «История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959, стр. 25.

базисом в целом и, в частности, государственноправовой надстройкой и ее роли в общем ходе исторического процесса.

«Движение человечества,— говорил Плеханов,— от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., вплоть до точки S, *никогда не совершается в плоскости одной экономики*. Чтобы перейти от точки А до точки В, от точки В до точки С и т. д., нужно каждый раз подняться в «надстройку» и совершить там некоторые переделки. Только совершив эти переделки, можно достигнуть желанной точки»¹.

В связи с критикой идеалистического определения права, как «нормы разграничения интересов», даваемого буржуазным профессором права Н. М. Коркуновым, Плеханов пишет: «Всякая норма положительного права защищает известный интерес. Откуда берутся эти интересы? Представляют ли они собой продукт человеческой воли и человеческого сознания? Нет, они создаются экономическими отношениями людей. Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании людей. Чтобы защищать известный интерес, нужно сознавать его. Поэтому всякую систему положительного права можно и должно рассматривать как продукт сознания. Не сознанием людей вызываются к существованию те интересы, которые право защищает, следовательно, не им определяется содержание права, но состоянием общественного сознания (общественной психологии) в данную эпоху определяется та форма, которую примет в человеческих головах отражение данного интереса. Не приняв в соображение состояние общественного сознания, мы совершенно не могли бы объяснить себе историю права»².

Выступая против «теории факторов», развиваемой позитивистами, последователями Конта, а также буржуазными учеными — приверженцами экономического материализма, Плеханов на примере такой существенной части надстройки, какой является государственноправовая, показывает несостоятельность попыток объяснить законы общественного развития одновременно совокупностью многих причин.

Указывая на то, что в истории права для того, чтобы правильно вскрыть его сущность, необходимо различать форму и содержание, Плеханов говорит: «С *формальной* стороны право, подобно всем другим идеологиям, испытывает на себе влияние всех, или, по крайней мере, некоторой части других идеологий: религиозных верований, философских понятий и проч. Уже одно это обстоятельство до известной, — иногда очень значительной, — степени затрудняет открытие зависимости, существующей между правовыми понятиями людей и их взаимными отношениями в общественном процессе производства»³.

Разъясняя выдвинутое Марксом положение о том, что в связи с ростом производительных сил неизбежно со временем наступает

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 216.

² Там же, стр. 260.

³ Там же.

момент, когда производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, Плеханов защищал теорию социалистической революции и доказывал неизбежность революционных скачков в истории общества. Он вскрыл несостоятельность утверждений Штаммлера о примате права перед экономикой, и разоблачил Струве, пытавшегося изобразить дело таким образом, будто Маркс представлял социальную революцию как процесс столкновения хозяйства с правом.

Плеханов исчерпывающе объяснил, что всякая система права является по своему содержанию классовой и, вырастая на основе экономической структуры общества, в то же время является частью идеологической надстройки над ним.

«Возьмите *кризисы*, — разъясняет Плеханов, — на которые «Манифест Коммунистической партии» указывает, как на явление, служащее наиболее ярким подтверждением той мысли, что производительные силы буржуазного общества переросли свойственные ему *имущественные отношения*, или *его экономическую структуру*, и скажите, читатель, противоречит ли это хозяйственное явление *праву*, выросшему на почве буржуазных имущественных отношений, например, хоть *французскому кодексу 1804 года*? Наивный и смешной вопрос! *Кризисы* так же мало противоречат *гражданскому праву* буржуазного общества, как *вексельный курс* — его *уголовному праву*. Не кризисы противоречат Code Civil, а производительные силы противоречат экономической структуре («имущественным отношениям»), *лежащей в основе этого кодекса*»¹.

3. Критикуя ревизионистов, Плеханов вскрыл, что ревизия марксизма как в области философских основ, так и в вопросах исторического материализма и вытекающей из него теории социалистической революции имеет своей целью подрыв учения Маркса о нестертимости прогрессивного хода истории, неизбежности победы социализма и диктатуре пролетариата как необходимым пути для освобождения трудящихся от гнета эксплуатации².

Отречение от материализма, поворот в сторону идеалистической философии, пересмотр научных выводов Маркса о грядущей социалистической революции и отрицание идеи насильственного свержения господства буржуазии путем революции — все эти моменты ревизионизма есть не что иное, как предательство интересов рабочего класса и выражение тенденции к сближению с передовыми слоями буржуазии, характерной для представителей мелкой буржуазии, то есть «того класса, который самым положением своим осужден колебаться между пролетариатом и буржуазией»³.

В речи, произнесенной в день двадцатипятилетия со дня смерти Маркса, Плеханов обрушился на критиков его учения, сказав,

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 521—522.

² Там же, стр. 546.

³ Там же.

что критика Маркса, которою занимались в течение последних десяти лет так называемые ревизионисты и синдикалисты, — «эта критика была лишь нескритическим повторением того, что говорилось в более или менее ясно сознаваемых целях апологетики нынешними идеологами буржуазии»¹.

Несмотря на сопротивление Каутского, всячески препятствовавшего появлению в печати статей Плеханова, ему удалось опубликовать значительные работы, разоблачающие буржуазно-либеральную сущность ревизионистских взглядов Бернштейна, К. Шмидта, П. Струве и др.

Критика взглядов современных ему ревизионистов велась Плехановым с использованием итогов работ буржуазных ученых, в том числе и видных юристов, если данные, приводимые в их трудах, помогали разоблачению защитников капитализма.

Возражая Струве, доказывавшему в статье «Маркова теория социального развития», что будто бы рабочий класс в большинстве капиталистических стран не только не терпит нужды, но благоденствует, Плеханов в обстоятельной работе «Критика наших критиков» дает почти исчерпывающую статистику роста преступности во всех основных капиталистических странах, убедительно используя при этом данные, собранные Францем Листом, Ферри, Паулем Гиршем и другими специалистами в области науки уголовного права².

Почти все основные и характерные для ревизионистов взгляды были подвергнуты критике Плехановым.

В. И. Ленин, всегда отмечавший заслуги Плеханова в деле распространения марксизма в России и теоретической защите его основных положений, ставил Плеханову в особую заслугу борьбу с ревизионистами, проведенную им в 90-х годах XIX века. «...Единственным марксистом в международной социал-демократии, — указывал Ленин, — давшим критику тех невероятных пошлостей, которые наговорили здесь ревизионисты, с точки зрения последовательного диалектического материализма, был Плеханов»³.

Даже после 1903 года, когда Плеханов проявил оппортунизм и перешел от большевиков к меньшевикам, и позднее, в годы столыпинской реакции, В. И. Ленин, критикуя Плеханова за допущенные им ошибки, не забывал указывать на его заслуги в области теоретической борьбы за чистоту марксизма, которую вел Плеханов в трудное для европейского и русского рабочего движения время. «Его личные заслуги, — писал В. И. Ленин, — громадны в прошлом. За 20 лет, 1883—1903, он дал массу превосходных сочинений, особенно против оппортунистов, махистов, народников»⁴.

¹ Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. III, М., 1957, стр. 199.

² См. Г. В. Плеханов, Избранные философские произведения, т. II, М., 1956, стр. 595—596.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 19.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 333.

4. Борьба, которую вел Плеханов с попытками ревизии марксизма в период, когда еще не стал меньшевиком, то есть до 1903 года, имела положительное значение в деле идейного разгрома ревизионистов, оппортунистов, народников, пытавшихся подчинить своему влиянию нараставшее революционное движение рабочего класса.

Однако Плеханов проявил ряд колебаний в борьбе с ревизионизмом и не всегда был в ней до конца последователен. Так, он не сразу, а со значительным опозданием выступил против «легальных марксистов» в России.

Плеханов проявил отдельные колебания и в идейной борьбе с Бернштейном. Он не разоблачил его ложное утверждение о том, что взгляды Маркса на уничтожение эксплуататорского, паразитического государства якобы сходятся со взглядами Прудона на государство. Не проявил достаточной четкости и политической остроты Плеханов и в критике тезиса Бернштейна о том, что социал-демократия якобы не нуждается в диктатуре пролетариата, а должна стоять только на почве парламентарной борьбы.

В опубликованной в 1894 году на немецком языке брошюре «Анархизм и социализм» Плеханов обошел самый актуальный, злободневный и политически существенный вопрос в борьбе против анархизма, а именно вопрос об отношении революции к государству и вопрос о государстве вообще. Бичуя ревизионистов за их отношение к коренному вопросу марксизма — вопросу о диктатуре пролетариата, сам Плеханов «опустил» этот вопрос в своем проекте программы РСДРП. В период старой «Искры» В. И. Ленин вынужден был дать отрицательную характеристику плехановскому проекту, охарактеризовав его не как проект программы борющегося пролетариата, а как программу экономического учебника, изложенную объективистски, академически бесстрастно.

Плеханов проглядел качественные изменения в экономике капитализма последней четверти XIX века; он не заметил, что они сделали Россию узловым пунктом всех противоречий империализма и что буржуазная революция в России не может продвигаться к победе теми же путями и развиваться при той же расстановке классовых сил, как французская революция 1789 года.

Непоследовательность Плеханова в отдельных вопросах борьбы с ревизионизмом связана с остатками не изжитых им народнических взглядов и остатками иллюзий относительно того, что русская буржуазия еще сможет сыграть прогрессивную роль в истории; это привело к тому, что в области разработки тактики и вопросов практической революционной борьбы Плеханов не стоял на достаточной высоте.

Плеханов не учитывал, что в ходе революции пролетариат может и должен повести за собой крестьянство, что только в союзе с крестьянством пролетариат сможет одержать победу над царизмом. В первом проекте программы группы «Освобождение труда» были еще остатки народнических взглядов, допускалась тактика индивидуального террора.

Эти ошибочные взгляды Плеханова были зародышем его оудущих меньшевистских взглядов.

5. На II съезде партии Плеханов шел вместе с Лениным. После II съезда Плеханов решил «помириться» с меньшевиками, дав запугать себя угрозой «раскола». В результате своей примиренческой политики по отношению к меньшевикам Плеханов скатился к оппортунизму и из примиренца стал меньшевиком.

В период революции 1905 года Плеханов разделял тактическую линию меньшевиков, считая не пролетариат, а либеральную буржуазию гегемоном буржуазно-демократической революции в России, и выступал против ленинской программы союза рабочего класса с крестьянством в этой революции.

Известно, что Плеханов по-меньшевистски «оценил» уроки декабрьского восстания 1905 года, указав на «ошибку», по его мнению, московских рабочих, которым «не надо было браться за оружие».

Тактическая установка Плеханова была меньшевистской установкой отрицания гегемонии пролетариата. Плеханов выступал против изоляции либеральной буржуазии, за политику соглашения с либеральной буржуазией, против политики союза пролетариата с крестьянством.

Ошибки Плеханова были связаны с его отрицанием роли крестьянства как силы, способной подняться на борьбу с самодержавием, поскольку Плеханов видел в крестьянстве того времени лишь консервативную сторону и в некоторых своих работах совсем скидывал со счета крестьянство как революционную силу.

Плеханов был одним из пролетарских вождей мирного времени, слабых в делах организации и практической работы, сходящих со сцены, уступающих место новым людям с наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, когда, чтобы удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии, необходимо сочетать в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом пролетарского движения¹.

Таким именно вождем был Владимир Ильич Ленин — великий основатель Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, продолжатель дела Маркса и Энгельса, вождь и учитель трудящихся всего мира.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

Маркс К., Письмо в редакцию «Отечественных записок», Маркс К. и Энгельс Ф., Переписка с русскими политическими деятелями, Госполитиздат, 1951, с. 220—223.

¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 314.

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, с. 111—313.

Ленин В. И., Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Соч., т. 1, с. 315—484.

Ленин В. И., Гонители земства и аннибалы либерализма, Соч., т. 5, с. 19—65.

Ленин В. И., Идеиная борьба в рабочем движении, Соч., т. 20, с. 254—257.

История Коммунистической партии Советского Союза, М., 1959.

Плеханов Г. В., К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, Госполитиздат, 1949.

Д о п о л н и т е л ь н а я

В. Фомина, Философские взгляды Г. В. Плеханова, М., 1955.

Е. А. Скрипильев, Правовые воззрения Г. В. Плеханова, «Советское государство и право» 1956 г. № 10.

В. В. Широкова, К вопросу об оценке деятельности «Народной воли», «Вопросы истории» 1959 г. № 8.

ГЛАВА XXVIII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА. РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

§ 1. Россия — родина ленинизма. § 2. Разработка В. И. Лениным вопроса о партии нового типа и ее роли в борьбе за победу диктатуры пролетариата. В. И. Ленин о диктатуре пролетариата как важнейшем и определяющем пункте программы партии нового типа. § 3. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата в период первой русской революции. § 4. Разработка В. И. Лениным вопроса об использовании буржуазной законности в интересах революционной борьбы рабочего класса. § 5. Разработка В. И. Лениным национального вопроса как составной части теории социалистической революции. § 6. Развитие теории социалистической революции в трудах В. И. Ленина периода первой мировой войны. § 7. Развитие марксистско-ленинской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата в период февраля — октября 1917 года. § 8. Победа Великой Октябрьской социалистической революции — торжество марксистско-ленинской теории пролетарской революции

§ 1. Россия — родина ленинизма

1. В конце XIX и начале XX вв. капитализм вступил в высшую и вместе с тем последнюю стадию своего развития — стадию империализма. В эпоху империализма резко обострились все антагонистические противоречия капиталистической системы. Начался процесс упадка, загнивания этой системы, превращения ее в тормоз, в силу, препятствующую дальнейшему прогрессивному развитию человеческого общества. В новых исторических условиях задача ликвидации капиталистической системы и революционной замены

ее новым, передовым, социалистическим строем выдвигается как важнейшая задача международного рабочего революционного движения. В связи с этим насущнейшей жизненной потребностью для марксистов всех стран становится всесторонняя, опирающаяся на научный анализ особенностей новой исторической эпохи разработка всех основных проблем социалистической революции и диктатуры рабочего класса.

Историческая миссия творческой разработки этих важнейших проблем марксистской теории выпала в силу конкретно-исторических условий в первую очередь на долю рабочего класса России и его марксистской партии во главе с В. И. Лениным.

В конце XIX и начале XX вв. в связи с неравномерностью экономического и политического развития отдельных капиталистических стран в эпоху империализма именно царская Россия оказалась страной, в которой все основные противоречия капитализма, объективно ведущие к социалистической революции, достигли наибольшего обострения.

В России в рассматриваемый период назревала величайшая по размаху народная буржуазно-демократическая революция.

Непосредственно направленная против царизма и пережитков феодально-крепостнического строя эта революция неизбежно в своем дальнейшем развитии должна была перерасти в революцию против империализма, в революцию социалистическую, поскольку царская Россия уже была составной частью международной системы империализма.

Центр мирового революционного движения переместился в Россию. Русский рабочий класс выдвигался на передовые позиции революционной борьбы. Не случайно поэтому, что именно Россия явилась родиной ленинизма, марксизма эпохи империализма и пролетарских революций.

2. С самого своего возникновения ленинизм представлял собой явление интернациональное, имеющее международное значение. Исключительно боевой, революционный характер ленинизма определяется тем, что ленинизм вырос и окреп в боевых схватках, в непрестанной борьбе с различного рода оппортунистическими, ревизионистскими извращениями марксистской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата и с другими враждебными марксизму идеологическими течениями.

Ленинизм, возникший на нерушимой основе революционной теории Маркса и Энгельса, явился вершиной передовой международной политической мысли, научным выражением опыта мирового рабочего революционного движения. В то же время ленинизм представлял собой высшее достижение русской политической мысли, русской культуры. Ленинизм критически переработал и творчески воспринял все самое лучшее и ценное из богатейшего опыта революционного движения в России.

По ленинскому определению, марксизм, как единственно правильную революционную теорию, «...Россия поистине *выстрадала*

полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы»¹.

В силу конкретно-исторических условий, благодаря «...вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»².

Опираясь на опыт международного и русского революционного движения, В. И. Ленин творчески развил марксистскую теорию социалистической революции и диктатуры пролетариата, обогатил ее новыми идеями и положениями, имеющими неоценимое значение для революционной борьбы международного пролетариата.

§ 2. Разработка В. И. Лениным вопроса о партии нового типа и ее роли в борьбе за победу диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин о диктатуре пролетариата как важнейшем и определяющем пункте программы партии нового типа

1. Развивая в свете нового исторического опыта марксистскую теорию и опираясь на ряд основных положений Маркса и Энгельса, В. И. Ленин всесторонне разработал учение о партии нового типа, партии, являющейся руководящей силой в борьбе рабочего класса за победу социалистической революции и установление диктатуры пролетариата.

В эпоху империализма и пролетарских революций перед рабочим классом встали новые задачи, связанные с необходимостью подготовки сил для свержения империализма и захвата власти в свои руки, для утверждения диктатуры пролетариата в исторически новых условиях.

Сложившиеся к концу XIX века социалистические партии крупнейших стран Западной Европы, несмотря на ряд их бесспорных достижений в области политического просвещения и сплочения широких рабочих масс, оказались явно непригодными для решения этих новых задач. В условиях относительно плавного, мирного развития капитализма в Англии, Франции и Германии в конце XIX века эти партии по преимуществу представляли собой организации, приспособленные лишь к легальной парламентской борьбе рабочего класса в рамках капиталистического государства, буржуазной демократии.

В организационном отношении социалистические партии в Западной Европе не представляли собой монолитных политических организаций, спаянных единством принципов и действий. Зна-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 9.

² Там же.

чительный удельный вес мелкобуржуазных элементов в рядах этих партий, наличие привилегированной верхушки («аристократии») рабочего класса, подкупаемой и подкармливаемой империалистической буржуазией за счет колониальных сверхприбылей, успеха социалистов, особенно в Германии, в мирной парламентской борьбе — все это создавало благоприятные условия для возникновения и распространения в рабочем движении на Западе различного рода реформистских, оппортунистических теорий «мирного изживания» капитализма.

В последние годы XIX века представитель оппортунизма в германском социал-демократическом рабочем движении Эдуард Бернштейн выступил с прямой ревизией марксизма, призывая к отказу от борьбы за социалистическую революцию и диктатуру пролетариата и ограничивая задачи социалистических партий осуществлением «мирных реформ» в рамках существующего капиталистического строя.

Идеи «социальной эволюции», мирного и постепенного осуществления отдельных социальных реформ, не затрагивающих основ капиталистического строя, пропагандировали и фабианцы в Англии, в которой в последней трети XIX века рабочее движение развивалось по преимуществу по пути реформизма, тред-юнионизма. Во Франции после поражения героической Парижской Коммуны также получили большое развитие реформистские тенденции в социалистическом рабочем движении. Это ярко сказалось, в частности, в практике так называемого мильеранизма, то есть в фактах прямого участия социалистов в буржуазных правительствах Франции.

В этих условиях социалистические партии стран Западной Европы, партии II Интернационала, в руководстве которых сильно было влияние оппортунизма, оказались непригодными для осуществления задач революционного преобразования капиталистического строя. В новых исторических условиях эпохи империализма и пролетарских революций необходима была боевая пролетарская партия нового типа.

Такой партией нового типа и явилась боевая революционная партия рабочего класса России, созданная В. И. Лениным, великим продолжателем дела Маркса — Энгельса, в процессе ожесточенной борьбы с различного рода антимарксистскими течениями, с носителями буржуазной реакционной идеологии, с реформизмом и оппортунизмом в международном и русском рабочем движении.

2. При разрешении задачи организации партии нового типа необходимо было прежде всего окончательно разгромить идеологию народничества, критика которой была начата, но не завершена группой «Освобождение труда».

Либеральные народники 90-х годов и их идеолог Михайловский всячески затушевывали подлинную классовую природу царского самодержавия, трактуя его как явление надклассовое, как орган примирения классовых противоречий, ратовали за соглашение

с царским правительством. Так, например, Михайловский утверждал, что самодержавие якобы играет роль надклассового «регулятора общественной жизни», способствующего проведению существенных социальных реформ «в интересах всеобщего мира и счастья». В своем труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) Ленин показал истинное лицо народников 90-х годов, докатившихся до роли либеральных защитников интересов растущего деревенского кулачества, защитников царского самодержавия. Народники 90-х годов, подчеркивал Ленин, отказались от революционных методов борьбы против самодержавия, которые применяла «Народная воля».

Вместе с тем Ленин до конца вскрыл порочность тактики индивидуального террора, выдвигавшейся в свое время народовольцами. Эта тактика, указывал Ленин, является выражением неверия народников в народное революционное массовое движение. Ленин разоблачил вредность для судеб массового революционного движения в России пропаганды народниками решающей роли личности в истории.

Ленин обосновал историческую роль пролетариата и его политической, марксистской партии как руководителя и вождя всех трудящихся масс в их борьбе против власти помещиков и буржуазии за социализм.

Свой труд В. И. Ленин закончил поистине пророческими словами: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ*¹».

Книга В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» нанесла смертельный удар политической идеологии народничества.

3. Серьезным препятствием на пути создания в России революционной марксистской рабочей партии нового типа являлся также в конце XIX века «легальный марксизм».

«Легальные марксисты» в лице П. Струве и его единомышленников были проводниками идеологии либеральной буржуазии в рабочем движении России. Прикрываясь марксистской фразеологией, «легальные марксисты» на деле брали из марксистского учения только одно положение: об объективной прогрессивности капитализма в сравнении с патриархальным хозяйством и феодализмом.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 282.

В то же время они всячески замалчивали антагонистические противоречия капиталистического строя. «Легальные марксисты» в связи с этим выбрасывали из теории марксизма самое главное и основное в нем — учение о диктатуре пролетариата, о неизбежной гибели капитализма и победе в результате пролетарской революции нового, социалистического строя.

В. И. Ленин до конца разоблачил попытку Струве ревизовать марксистское учение о государстве, доказать, что государство носит якобы надклассовый характер и существует извечно. В борьбе со Струве и К^о В. И. Ленин подчеркивал и развивал марксистское положение о том, что само возникновение государства связано с расколом общества на непримиримо враждебные, антагонистические классы.

В. И. Ленин показал, что идеология «легального марксизма» пропитана духом буржуазного объективизма, скрашивающего и замазывающего непримиримые противоречия капитализма.

Разоблачение В. И. Лениным реакционной идеологии «легального марксизма» имело огромное международное значение, было крупнейшим ударом по международному ревизионизму.

4. Наряду с идейным разгромом «легального марксизма» нецеликом значение имела сокрушительная критика Лениным «экономистов», являвшихся русским отрядом международного ревизионизма, предтечами меньшевизма в России.

Сущность программы «экономистов», основные требования которой были впервые сформулированы в пресловутом «Кредо» Прокоповича — Кусковой и др. в 1899 году, сводилась к предоставлению всей сферы политической борьбы исключительно буржуазии, к превращению рабочего класса в охвостье либеральной буржуазии. «Экономисты» призывали рабочий класс отказаться от выдвижения самостоятельных, революционных политических требований, а следовательно, и от организации своей самостоятельной боевой политической партии. Вместо борьбы за завоевание политической власти пролетариатом они призывали к «реформированию современного общества в демократическом направлении» и т. п. Это была теория отказа от борьбы за свержение капитализма, за победу социалистической революции. Это была теория отказа от главного и решающего положения марксизма — от идеи диктатуры пролетариата.

Разгром враждебной целям революционного рабочего движения идеологии «экономистов» являлся задачей первостепенной важности. Без разрешения этой насущной задачи нельзя было успешно осуществить создание подлинно революционной партии рабочего класса России.

5. В ходе непримиримой борьбы с «экономистами» и другими проводниками буржуазной идеологии в рабочем движении и их всестороннего разоблачения В. И. Ленин в своих трудах «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад» развил и обогатил марксистское учение о партии пролетариата, ее идеологических, программных и организационных принципах.

В труде «Что делать?» (1902) Ленин с особой силой подчеркнул вывод, что руководящим принципом партии пролетариата должно быть осуществление взаимосвязи революционной теории и революционной практики, соединение массового рабочего движения с научным социализмом в интересах успешного осуществления конечной цели борьбы рабочего класса — установления диктатуры пролетариата и построения социалистического и коммунистического общества.

Ленин смело и решительно поднял знамя непримиримой борьбы за чистоту марксистской теории, отстоял и творчески развил в борьбе с врагами марксизма главное в этой теории — учение о диктатуре пролетариата. В. И. Ленин неустанно подчеркивал, что задача борьбы за диктатуру пролетариата должна стать основным и решающим пунктом революционной программы российской социал-демократии. Это положение было четко сформулировано в программе РСДРП, принятой на II съезде в 1903 году.

В работе «Шаг вперед, два шага назад» (1904) Ленин полностью разоблачил антимарксистскую линию меньшевиков, этих эпигонов «экономизма», как в вопросе о программе партии рабочего класса, так и в организационных вопросах. Ленин со всей силой подчеркнул, что оппортунизм программный (отрицание диктатуры пролетариата) имеет своим следствием у меньшевиков и оппортунизм организационный, выражающийся в отказе от централизованной, дисциплинированной, боевой, революционной партии пролетариата¹.

В этой работе В. И. Ленин впервые в истории марксизма сформулировал ряд основных положений о коммунистической партии как высшей форме политической организации рабочего класса, руководящей силе среди всех других пролетарских организаций, основном оружии в руках пролетариата, без которого невозможно победить в борьбе за пролетарскую диктатуру, за построение социализма и коммунизма.

В борьбе с бундовцами, армянскими «федералистами» и другими носителями буржуазно-националистической идеологии в рабочем движении В. И. Ленин всесторонне обосновал также положение о том, что одной из важнейших идеологических и организационных основ партии нового типа должен быть принцип пролетарского интернационализма.

Партия рабочего класса, учил В. И. Ленин, должна быть мощной, единой, централизованной политической организацией, сплачивающей в своих рядах передовых рабочих различных национальностей и рас, объединенных единой целью, единой задачей борьбы за социалистическую революцию, диктатуру пролетариата.

Этот ленинский принцип также нашел выражение и закрепление в решениях II съезда РСДРП.

¹ См. «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)», Госполитиздат, 1953, стр. 7.

В. И. Ленин дал на II съезде РСДРП решительный отпор бундовцам и польским социал-демократам, возражавшим против включения в программу партии пункта о праве наций на самоопределение, отстаивая принципы пролетарского интернационализма¹.

Таким образом, в непримиримой принципиальной схватке с врагами марксизма в международном и русском рабочем движении В. И. Ленин еще накануне первой русской революции 1905—1907 гг. разработал ряд важнейших идеологических, а также организационных принципов марксистской партии рабочего класса в ее борьбе за диктатуру пролетариата.

§ 3. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата в период первой русской революции

1. Важнейшим своеобразием буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России в отличие от революций в Западной Европе XVII—XIX вв. было то, что она происходила в период, когда мировая капиталистическая система вступила уже в последнюю, империалистическую стадию своего развития. Диалектика исторического развития России привела к тому, что революция, непосредственно направленная на разрешение задач буржуазно-демократических преобразований, разрешение в первую очередь аграрного вопроса в пользу крестьянства, оказалась пролетарской по методам и средствам борьбы против самодержавия в связи с тем, что ее гегемоном была не русская буржуазия, являвшаяся в этот период реакционной силой, а рабочий класс. В ходе революции 1905—1907 гг. именно пролетарские методы борьбы — массовые стачки, вооруженное восстание — сами собою ставили на очередь вопрос о революционной власти и о диктатуре.

Именно потому, как указывал В. И. Ленин, революция 1905—1907 гг. и явилась генеральной репетицией Великой Октябрьской социалистической революции.

Эпоха первой русской революции принесла с собой новый богатейший опыт борьбы классов и партий в России.

В трудах В. И. Ленина, относящихся к этой эпохе, дано обобщение ценнейшего опыта событий 1905—1907 гг., опыта массового революционного движения, творческое развитие марксистского учения о социалистической революции, о диктатуре пролетариата, о государстве и праве.

2. В обогащении марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата новыми выводами и положениями огромное значение имел труд В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905).

¹ См. «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)», Госполитиздат, 1953, стр. 8.

В этом труде В. И. Ленин дал гениальное теоретическое обоснование решений III съезда РСДРП, стратегического плана и тактической линии большевиков в революции. Здесь впервые в истории марксизма получил глубокую разработку вопрос об особенностях буржуазно-демократической революции в эпоху империализма, ее движущих силах и перспективах, о значении гегемонии в ней пролетариата.

В. И. Ленину принадлежит заслуга всестороннего обоснования идеи союза рабочего класса и крестьянства при руководящей роли пролетариата. Эта идея была выдвинута и развита Лениным еще в его труде «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Ленин показал, что союз этих классов является непременным условием победы народной революции.

Огромное значение имело глубокое обоснование Лениным вопроса о конкретных формах и средствах борьбы трудящихся масс за победу революции. Ленин, обобщая практику революционного стачечного движения рабочего класса России, убедительно показал, что массовая политическая стачка представляет собой могучее средство революционной мобилизации масс и вовлечения их в открытую борьбу с царизмом. Важнейшим средством свержения царизма и завоевания демократической республики Ленин, исходя из опыта Парижской Коммуны, считал вооруженное восстание народа.

«Ленин доказал, что победоносная буржуазно-демократическая революция, в которой руководителем и главной движущей силой выступает пролетариат, должна привести не к диктатуре буржуазии, как это было в буржуазных революциях прошлого, а к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства. Так по-новому решался основной вопрос революции — вопрос о государственной власти. Политическим органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства должно было явиться временное революционное правительство, опирающееся на вооруженный народ»¹.

3. Исходя из глубокого анализа экономического и политического развития России, опираясь на положения Маркса о непрерывной революции и необходимости сочетания крестьянского революционного движения с пролетарской революцией, В. И. Ленин обосновал и развил теорию перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Ленинское учение о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства и о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую нашло классическое подтверждение в дальнейшем ходе событий, завершившихся всемирно-исторической победой рабочего класса России в октябре 1917 года.

¹ «Пятьдесят лет первой русской революции» (тезисы), «Правда» 22 января 1955 г.

В отличие от русских меньшевиков и западноевропейских оппортунистов из лагеря II Интернационала, ограничивавших задачу буржуазно-демократической революции завоеванием политических свобод и установлением буржуазной республики, Ленин в самом начале революции 1905 года подчеркивал необходимость не только изменения формы государственной власти, но и прежде всего осуществления глубоких демократических преобразований в социально-экономической области.

В. И. Ленин дал классически ясное, новое решение вопроса о сущности демократической революции в эпоху империализма.

Он указывал, что сущность подлинно демократической республики, которая должна быть установлена в России после свержения самодержавия, заключается в революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства.

В. И. Ленин выдвинул и развил положение, что для достижения полной победы демократической революции, то есть доведения ее до конца, необходима не «конституционная» замена абсолютной монархии в России буржуазной монархией или буржуазно-парламентарной республикой, а создание — на основе победоносного всенародного вооруженного восстания против самодержавия — временного революционного правительства.

Временное революционное правительство, указывал Ленин, должно быть органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Это ленинское положение опрокидывало меньшевистскую теорию о буржуазном временном правительстве, на политику которого рабочему классу разрешалось только «воздействовать».

Временное революционное правительство, подчеркивал В. И. Ленин, в своей деятельности не может ограничиться только завоеваниями в политической области, установлением и укреплением демократических политических свобод, а должно принять все меры к доведению до конца буржуазно-демократических преобразований также и в области социально-экономической. Полное же доведение до конца этих преобразований расчистит пролетариату пути борьбы за немедленное перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Ленинская программа деятельности революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства принципиально отличалась от лозунгов меньшевиков, которые ограничивали задачу временного революционного правительства созывом всенародного учредительного собрания и изменением парламентским путем государственного строя в России.

4. Творчески обобщая опыт массового рабочего и крестьянского движения в период первой русской революции, Ленин разработал и учение о новых средствах и организационных формах борьбы

рабочего класса и руководимых им непролетарских трудящихся масс за доведение до конца буржуазно-демократической революции и ее перерастание в революцию социалистическую.

Очень ценным новым положением явился ленинский тезис о действенной роли и значении массовых стачек, всеобщих забастовок в политической борьбе рабочего класса. Это положение являло собой творческое обобщение Лениным опыта массового стачечного рабочего движения России, развернувшегося с особой силой в первые годы XX века.

Большое теоретическое и практическое значение имели новые тактические лозунги, выдвинутые В. И. Лениным и одобренные III съездом РСДРП. Эти лозунги предусматривали всемерное развертывание политической и практически-организационной подготовки рабочих масс к вооруженному восстанию против царизма, разъяснение рабочему классу роли массовых политических стачек в начале и в самом ходе вооруженного восстания, а также организацию крестьянских комитетов для ликвидации революционным путем крепостнических порядков в деревне, вплоть до конфискации помещичьих земель¹.

В ходе революционных событий 1905 года ленинская тактика создания и развития новых организационных форм борьбы рабочих и крестьянских масс полностью оправдалась. Осуществление этих лозунгов имело своим результатом создание в ходе классовых битв 1905 года революционных стачечных комитетов в городе и революционных крестьянских комитетов в деревне, из которых первые в дальнейшем превратились в Советы рабочих депутатов, а вторые — в Советы крестьянских депутатов.

Тщательно изучая и обобщая опыт массового революционного рабочего движения в 1905 году, в ходе которого как результат творческой инициативы самих трудящихся масс возникли новые формы политической организации и политической борьбы пролетариата — Советы рабочих депутатов, Ленин еще в ноябре 1905 года предвидел великое историческое будущее этих новых форм. В статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов» (ноябрь 1905 г.) Ленин впервые охарактеризовал значение Советов как органов новой, революционной власти, как зародышевой формы временного революционного правительства.

В. И. Ленин в этой же статье впервые выдвинул вопрос о роли Советов как наиболее всеобъемлющей формы революционной организации трудящихся масс, как органов, сплачивающих не только рабочие массы, но и революционное крестьянство, солдат, матросов, демократическую интеллигенцию.

Анализируя и обобщая деятельность Советов рабочих депутатов в период кульминационного развития первой русской революции

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 77, 80, 81.

(октябрь — декабрь 1905 г.), Ленин уже тогда дал высокую оценку Советов как органов революционного действия трудящихся масс, органов вооруженного восстания, превращающихся в ходе этого восстания и с его победой в новую, революционную, народную власть.

Характеристику этой исторической роли Советов Ленин дал в статьях: «Умирающее самодержавие и новые органы народной власти», «Социализм и анархизм», «Этапы, направления и перспективы революции» и, в особенности, в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Принципиальную особенность Советов как органов новой, выдвинутой непосредственным почином, творчеством трудящихся, революционной власти Ленин видел в том, что они представляют собой наиболее жизненную и целесообразную форму привлечения самых широких народных масс к действительному участию в государственном управлении, что они доступны для народных масс и теснейшим образом связаны с ними.

Опираясь на опыт Парижской Коммуны, В. И. Ленин еще при зарождении Советов сумел подметить наиболее характерные черты этих новых форм политической организации трудящихся масс и в значительной мере предвидеть их будущую выдающуюся всемирно-историческую роль в процессе дальнейшей борьбы за социалистическую революцию, за социализм и коммунизм.

В ленинских характеристиках Советов как органов революционного восстания, зародышевых органов новой, революционной государственной власти, несомненно, содержались уже некоторые первоначальные выводы и обобщения, необходимые для выработки им в последующем, в апреле 1917 года, в связи с опытом второй русской революции, гениальной формулировки о Республике Советов как новой политической форме диктатуры пролетариата.

Таковы были важнейшие новые положения марксистской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата, разработанные Лениным в период первой русской революции, в ожесточенной борьбе с врагами марксизма в России и Западной Европе.

§ 4. Разработка В. И. Лениным вопроса об использовании буржуазной законности в интересах революционной борьбы рабочего класса

Если в период первой русской революции первостепенный теоретический и практический интерес представляли собой выдвинутые В. И. Лениным проблемы организации революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, создания в процессе вооруженного восстания против самодержавия органов новой, революционной власти в лице Советов, то после временного поражения революции жизненно важное значение для марксистской партии рабочего класса приобретает разработка ряда новых

вопросов теоретического и практического порядка. В новых исторических условиях особо актуальным становится решение таких проблем, как соотношение революции и реформы, правильное сочетание нелегальных и легальных форм и методов революционной борьбы рабочего класса, революционное использование в этих целях буржуазной законности, в частности, использование трибуны буржуазно-помещичьего парламента — Государственной думы.

В процессе разработки и решения этих проблем В. И. Ленин дал суровую и принципиальную критику тактики меньшевиков-ликвидаторов, троцкистов и других оппортунистов, звавших рабочий класс к «мирному» парламентскому сотрудничеству с царизмом и буржуазией, к полному отказу от нелегальных методов революционной деятельности, от программы борьбы за социалистическую революцию. Столь же последовательной и непримиримой критике была подвергнута Лениным и левацкая тактика так называемых бойкотистов, ультиматистов, отзовистов, игнорировавших роль и значение легальных методов борьбы и толкавших партию рабочего класса на путь сектантства, отрыва от широких слоев непролетарских трудящихся масс.

В борьбе с врагами марксизма «справа» и «слева», против ликвидаторов, как открытых, так и замаскированных, Ленин отстаивал революционное учение Маркса о государстве и праве и развил его дальше.

В условиях думского периода В. И. Ленин всесторонне разработал вопрос об отношении рабочего класса к буржуазной законности и буржуазному конституционализму и о пределах их использования в интересах борьбы за социалистическую революцию. Не вступая в какие-либо парламентские сделки с правящими эксплуататорскими классами, партия рабочего класса, подчеркивал Ленин, должна вместе с тем использовать малейшие возможности царского «конституционализма» и, в частности, думскую всероссийскую трибуну для систематической легальной пропаганды основных лозунгов революции 1905 года.

Ленин особо отмечал важность использования большевиками думской трибуны для высвобождения крестьянских масс, главного союзника рабочего класса в народной революции, из-под идейного влияния кадетов, партии монархической либеральной буржуазии.

Призывая рабочий класс и его партию умело использовать в интересах революционной борьбы малейшие легальные возможности, предоставляемые буржуазной законностью, Ленин вместе с тем последовательно и систематически подчеркивал узкоклассовый, ограниченный характер этой законности, буржуазной демократии в целом.

Ленин учил большевиков никоим образом не переоценивать значения буржуазно-помещичьего конституционализма.

Вместе с тем Ленин указывал на необходимость трезвого учета партией рабочего класса того объективного факта, что обострение классовой борьбы в эпоху империализма приводит к

тому, что буржуазия начинает стремиться к отказу от ею же созданной законности.

На основе глубокого анализа растущих противоречий капиталистического строя, вступившего в свою последнюю, империалистическую стадию развития, Ленин сумел еще в 1910 году предвидеть и ясно показать, что эпоха относительного расцвета и укрепления буржуазной демократии и буржуазной законности, характерная для периода домонополистического капитализма в странах Западной Европы и в США, приходит к концу. Она начинает сменяться эпохой, когда империалистическая буржуазия в смертельном страхе перед назревающими величайшими революционными битвами пролетариата, направленными против самих основ ее существования, пытается отбросить, сломать, ликвидировать свою собственную буржуазную законность. Эти революционные битвы, указывал Ленин, «...по сути дела будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, а по форме должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимую законности!»¹.

В этом ленинском положении содержится мысль о том, что не исключена возможность в определенных конкретно-исторических условиях использования пролетариатом буржуазной законности в борьбе против империалистической буржуазии, стремящейся сломать, отбросить прочь даже эту, ограниченную законность, созданную в свое время в борьбе против феодализма.

Несколько позднее, в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин, опираясь на всесторонний анализ растущей роли монополистического капитала в экономике капиталистических стран, показал, что этим процессом объективно предопределяется характерное для эпохи империализма всевластие капиталистических монополий не только в экономической, но и в политической области.

В связи с этим Лениным и был сформулирован известный вывод о том, что с господством монополий неизбежно связан поворот к реакции по всей линии в политической жизни капиталистических стран и, в частности, открытый поход империалистической буржуазии против буржуазной демократии, буржуазной законности как институтов, в какой-то мере облегчающих борьбу трудящихся масс за элементарные права и свободы.

§ 5. Разработка В. И. Лениным национального вопроса как составной части теории социалистической революции

В период после революции 1905—1907 гг., продолжая творчески развивать теорию социалистической революции, В. И. Ленин уделял также большое внимание разработке марксистского учения по национальному вопросу.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 284.

Опираясь на ряд основных положений Маркса и Энгельса, В. И. Ленин разработал программу Коммунистической партии по национальному вопросу.

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин разоблачил реакционную сущность буржуазного национализма, в частности, теории национально-культурной автономии, выдвинутой К. Реннером и О. Бауэром.

В. И. Ленин убедительно показал, что эта теория в угоду буржуазии направлена на отвлечение рабочих и трудящихся масс различных национальностей от задач совместной революционной борьбы против общих классовых врагов. Опираясь на опыт истории, Ленин указал, что при всяком политически серьезном и глубоком вопросе группировка идет по классам, а не по нациям.

В. И. Ленин подчеркнул, что буржуазный национализм и пролетарский интернационализм являются двумя непримиримо враждебными принципами, соответствующими двум великим классовым лагерям и выражающими две политики, более того, два мирозерцания в национальном вопросе¹.

В своей статье Ленин обосновал весьма важное новое положение о двух исторических тенденциях в национальном вопросе, закономерных и характерных для капитализма. Первая тенденция заключается в пробуждении национальной жизни и национальных движений, в борьбе против всякого национального гнета, в создании национальных государств. Для второй тенденции характерно развитие и учащение всяческих сношений между нациями, насильственная ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала и т. д.

Обе эти тенденции, указывал Ленин, представляют мировой закон капитализма. Первая тенденция преобладает в начале развития капитализма, вторая характеризует зрелый и идущий к своей гибели капитализм. Национальная программа марксистской партии должна полностью учитывать обе эти тенденции, говорил Ленин, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении, а также право наций на самоопределение вплоть до отделения, а во-вторых, принцип интернационализма и непримиримой борьбы против буржуазного национализма.

В статье «О праве наций на самоопределение» Ленин показал, что полное равноправие наций, право наций на самоопределение, единение рабочих всех наций являются основными и неотъемлемыми требованиями программы революционной социал-демократии по национальному вопросу как программы, учитывающей опыт всего мира и опыт России.

Громадное значение имело указание Ленина на то, что самоопределение наций в программе марксистов не может иметь, с историко-экономической точки зрения, иного значения, кроме как

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 10.

политическое самоопределение, государственная самостоятельность, образование национального государства.

Это были положения, обеспечившие Коммунистической партии подлинно научный подход к решению национального вопроса, рассматриваемого как часть общего вопроса о революции.

Разработанная в трудах Ленина марксистская теория нации сыграла крупнейшую роль в обосновании известного положения программы партии о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Марксистская теория нации всесторонне обосновала вывод о том, что каждая нация суверенна и все нации равноправны во всех областях жизни, что нация может устроиться по своему желанию, то есть имеет право устроить свою жизнь на началах автономии, либо вступить с другими нациями на добровольных и равноправных основаниях в федеративные отношения, или же совершенно отделиться и образовать обособленное национальное государство.

Ленин вместе с тем систематически и последовательно разъяснял, что право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства вовсе не означает обязанности их отделения. С точки зрения общих классовых интересов трудящихся всех наций, указывал Ленин, гораздо более целесообразно создание централизованного демократического многонационального государства, нежели обособление наций, их отделение от многонационального государства, образование отдельных мелких национальных государств, либо даже федеративного государства. Допустимость последнего Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, признавал в порядке особого исключения.

Выдвигавшиеся Лениным, Коммунистической партией положения по национальному вопросу в период до первой мировой войны исходили из того, что этот вопрос является составной частью вопроса о буржуазно-демократическом преобразовании общественного и государственного строя многонациональной России. В этот период большевистская партия рассматривала национальный вопрос в качестве составной части вопроса о демократическом перевороте как необходимом этапе на пути перехода к социалистической революции.

В период первой мировой войны и назревания социалистической революции в России постановка национального вопроса в марксистской теории и в программе марксистской рабочей партии получила дальнейшее развитие.

В условиях этого периода, в процессе последовательной и непримиримой борьбы с социал-шовинистами, прямыми защитниками империалистической буржуазии в рядах II Интернационала, а также с «центристами», троцкистами и бухаринцами, Ленин развил основные положения о сущности и роли лозунга о праве наций на самоопределение в эпоху империализма и пролетарских революций.

Ленин подверг уничтожающей критике политически вредные утверждения троцкистов и бухаринцев о невозможности якобы в

условиях империализма национально-освободительных войн и о «реакционности» лозунга права наций на самоопределение.

Ленин одновременно разоблачил и лицемерие «центристов» типа Каутского и К^о, которые демагогически выступали за самоопределение наций, угнетавшихся военными противниками Германии и Австро-Венгрии, и совершенно умалчивали о борьбе за самоопределение наций, угнетаемых буржуазией собственной страны.

В отличие от социал-реформистов и шовинистов из лагеря II Интернационала, распространявших с теми или иными оговорками право на самоопределение лишь на узкий круг «культурных», «цивилизованных» европейских наций, Ленин убедительно показал, что интересы социалистической борьбы пролетариата против империализма обязательно требуют признания права на самоопределение за всеми угнетенными империализмом народами, в том числе и народами колониальных и зависимых стран мира.

На основе анализа экономики крупнейших империалистических держав мира Ленин показал, что развитие империализма характеризуется усилением зависимости от крупных империалистических держав также и ряда слабых стран, хотя и сохраняющих формально юридическую независимость и суверенитет, но на деле теряющих свою самостоятельность. В. И. Ленин отмечал, что финансовый капитал и соответствующая ему империалистическая международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический раздел и политический передел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Для эпохи империализма типичными являются, как подчеркивал В. И. Ленин, не только две основные группы стран — владеющие колониями и колонии. Для этой эпохи характерно и наличие стран, юридически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и иной зависимости от крупных империалистических держав.

Опираясь на всесторонний анализ объективных закономерностей развития капиталистического общества в его последней, империалистической стадии, Ленин показал, что в условиях империализма национальный вопрос превращается из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий, международный, в вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма и тем самым в составную часть вопроса о социалистической, антиимпериалистической революции.

§ 6. Развитие теории социалистической революции в трудах В. И. Ленина периода первой мировой войны

1. В 1914 году вспыхнула первая мировая война, обусловленная коренными противоречиями капиталистической системы, вступившей в последнюю, империалистическую стадию своего развития. Эта война свидетельствовала о начавшемся общем кризисе капиталистической системы.

Как известно, в первые же дни войны лидеры II Интернационала, возглавлявшие социалистические партии ряда стран Западной Европы (Германии, Франции, Англии и др.), открыто изменили знамени пролетарского интернационализма, встали на позиции прямой поддержки империалистической буржуазии своих стран, защиты империалистического «отечества». Проповедуя необходимость отказа во имя «обороны отечества» от классовой борьбы и призывая рабочий класс к сотрудничеству с буржуазией своей страны, социал-шовинисты отравляли сознание рабочих масс ядом буржуазного национализма.

Скрытыми защитниками идеологии социал-шовинизма явились и так называемые центристы (К. Каутский, Л. Троцкий, Л. Мартов и др.).

Несмотря на демагогическую критику социал-шовинизма и проповедь беззубо-пацифистских лозунгов, центристы на деле стояли на точке зрения необходимости поддержки идеи «социального мира» рабочего класса с буржуазией в условиях войны.

Единственной политической партией рабочего класса, оставшейся верной принципу пролетарского интернационализма, последовательно и решительно борющейся против империалистической войны, за свержение власти империалистической буржуазии и установление диктатуры пролетариата, были большевиколенинцы.

В первые же дни войны в Манифесте ЦК РСДРП(б) была выдвинута ленинская программа борьбы за превращение войны империалистической в войну гражданскую. Это был боевой призыв к рабочим, трудящимся массам всех воюющих государств повернуть оружие против буржуазии собственных стран в интересах низвержения империалистического государства, победы пролетарской революции.

Большевики во главе с Лениным, решительно разоблачая измену лидеров II Интернационала знамени пролетарского интернационализма, развернули борьбу за организацию нового, III Интернационала, сплочение в его рядах всех лучших, способных к революционной деятельности сил среди левых групп социалистических партий стран Западной Европы.

В сложных условиях первой мировой империалистической войны особую остроту и актуальность для международного революционного рабочего движения приобрела задача дальнейшего творческого развития марксистской теории социалистической революции, диктатуры пролетариата.

Основы этой теории были заложены, как отмечалось в предшествующем изложении, Марксом и Энгельсом еще в эпоху домонополистического капитализма и развиты Лениным на опыте русской революции 1905 года. Обобщение опыта последующего исторического периода дало В. И. Ленину возможность успешно разрешить задачу дальнейшей разработки теории социалистической революции, всесторонне учитывающей особенности

экономического и политического развития капиталистического общества в эпоху империализма.

В этом творческом развитии теории социалистической революции выдающуюся роль сыграли произведения В. И. Ленина: «Империализм, как высшая стадия капитализма», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» и «Военная программа пролетарской революции».

2. В труде «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916) Ленин дал развернутый анализ империализма, его характерных признаков, основных противоречий и закономерностей, показал, что империализм есть высшая и в то же время последняя стадия в развитии капитализма, что «империализм есть канун социальной революции пролетариата».

На основе изучения богатейшего фактического материала по экономике и внешней политике крупнейших капиталистических стран за последнюю треть XIX века и первое десятилетие XX века В. И. Ленин развил высказывание Маркса, гласившее, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на определенной ступени своего развития ведет к монополии. Ленин убедительно доказал неизбежность и закономерность возникновения монополистического капитала в силу объективного процесса растущей концентрации капиталистического производства и неизбежность дальнейшего углубления и обострения основных противоречий капиталистического общества в условиях последней, империалистической стадии его развития.

Подчеркивая ведущую роль монополистического капитала в народном хозяйстве крупнейших капиталистических стран, Ленин показал, что этим по сути дела предопределяется характерное для эпохи империализма всевластие кучки руководителей капиталистических монополий не только в области экономической, но и в области политической.

Это обстоятельство, подчеркивал Ленин, находит свое проявление, в частности, в процессе все растущего подчинения буржуазного государства капиталистическим монополиям, в усилении удельного веса бюрократии и милитаризма в буржуазном государственном аппарате, во все более и более явно реакционном, антинародном характере внутренней и внешней политики империалистических правительств.

В этой связи Ленин сформулировал важное положение о том, что с господством монополий, с империалистической стадией развития капитализма неразрывно связан резкий поворот к реакции по всей линии в политической жизни капиталистических стран, глубокий кризис буржуазной демократии и буржуазной законности. Это, говорил Ленин, является характерной чертой новой исторической полосы всеобщего упадка и кризиса капиталистической системы, усиливает контрреволюционную роль буржуазии, тормозящей движение человеческого общества вперед, к социализму. Другой характерной чертой этого периода, как отмечал Ленин, являет-

ся также рост сопротивления народных масс наступлению империалистической реакции на их элементарные демократические права и свободы.

При анализе изменений в политической надстройке капиталистического общества в эпоху империализма Ленин уделил особое внимание вопросу о реакционной внешней политике империалистических держав, направляемой крупнейшими капиталистическими монополиями, — политике ограбления и удушения свободы народов зависимых, полуколониальных и колониальных стран. Ленин указывал, что эта политика неизбежно ведет, с одной стороны, к крайнему усилению национально-колониального гнета, подавлению империалистическими государствами независимости и свободы малых и слабых наций и государств, а с другой стороны, порождает бурный рост национально-освободительного движения в странах, угнетенных империализмом.

В результате всестороннего анализа монополистического капитализма В. И. Ленин пришел к выводу о том, что в условиях империализма имеется налицо уже такая степень обобществления производства, которая объективно является материальным преддверием, материально-технической предпосылкой для перехода к социализму. В условиях империализма, отмечал в этой связи Ленин, развитие вперед, если не иметь в виду возможных временных шагов назад, «...осуществимо лишь к *социалистическому обществу, к социалистической революции*»¹.

3. На основе открытого им закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма Ленин сделал гениальный вывод, имевший решающее значение во всей последующей борьбе рабочего класса, о том, что одновременная победа социализма во всех капиталистических странах в условиях этой неравномерности становится невозможной и что, наоборот, возможна победа социализма первоначально именно в немногих или даже в одной, отдельно взятой стране.

Это важнейшее новое положение творческого марксизма получило изложение в статьях В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915) и «Военная программа пролетарской революции» (1916).

«Неравномерность экономического и политического развития, — писал Ленин в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы», — есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»².

Рассматривая этот же вопрос позднее, в статье «Военная программа пролетарской революции», Ленин сформулировал следующее положение:

«Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах. Иначе и не может быть при товарном

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 302.

² В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 311.

производстве. Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно во всех странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными»¹.

Это ленинское положение явилось громадным новым шагом в развитии марксистской теории социалистической революции. Оно представляло собой творческий пересмотр прежнего положения Маркса и Энгельса, соответствовавшего условиям домонополистического, доимпериалистического капитализма,—положения об одновременной победе социализма во всех или в большинстве капиталистических стран или, иначе говоря, о невозможности победы социализма в одной или немногих капиталистических странах.

Всесторонне обосновывая тезис о возможности победы социализма первоначально в одной или немногих капиталистических странах, Ленин вместе с тем непрестанно подчеркивал в качестве общей закономерности перехода от капитализма к социализму для всех стран мира, что единственным путем свержения власти империалистической буржуазии и построения социализма в каждой отдельной стране является только путь социалистической революции и диктатуры пролетариата. Одновременно Ленин указывал, что успешное проведение социалистической революции и диктатуры пролетариата в каждой отдельной стране требует от революционных марксистов всестороннего учета конкретно-исторических условий развития данной страны и, соответственно, применения разнообразных специфических форм диктатуры пролетариата, форм перехода к социализму.

В работе «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» (1916), Ленин писал: «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни»².

В статье «Военная программа пролетарской революции» Ленин также обосновал необходимость для рабочего класса той страны, в которой первой победит социалистическая революция, организовать мощную оборону против враждебного, капиталистического окружения, вести против него справедливую войну в интересах защиты социалистических завоеваний.

Победа социализма в одной стране, указывал Ленин, неизбежно должна вызвать «... не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного пролетариата социалистического государства»³.

Исходя из всестороннего анализа империализма как последней стадии капитализма, Ленин разработал, таким образом, теорию со-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 67.

² Там же, стр. 58.

³ Там же, стр. 67.

циалистической революции, основанную на всестороннем учете конкретно-исторических особенностей эпохи империализма, действия закона неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран в эту эпоху.

Эта теория вооружила рабочий класс всех стран мира четкой и ясной программой борьбы за свержение власти империалистической буржуазии путем социалистической революции, за установление диктатуры пролетариата.

4. Теория социалистической революции была развита Лениным в процессе острой борьбы с ревизионистской теорией К. Каутского об «ультраимпериализме», сводившей сущность империализма только к определенной «форме политики» финансового капитала, носящей якобы случайный, временный характер.

К теории «ультраимпериализма» Каутского весьма близко примыкали и космополитические идеи Троцкого о «перерастании капитализмом его национальной ограниченности», «отмирании» капиталистического национального государства, о грядущем создании единого «империалистического треста» капиталистических государств и т. д. Как и Каутский, Троцкий отрицал закон неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма и возможность победы социализма в одной, отдельно взятой стране. Троцкий подменял ленинский лозунг борьбы за социалистическую революцию реакционным космополитическим лозунгом борьбы за «республиканские Соединенные Штаты Европы» как якобы необходимую предпосылку «социалистической организации» мирового хозяйства.

Ленин подверг сокрушительной критике эти ревизионистские теории К. Каутского и Троцкого.

Разоблачив подлинную подоплеку троцкистского лозунга «Соединенных Штатов Европы», В. И. Ленин одновременно полностью вскрыл и разоблачил антимарксистскую сущность «концепции» Бухарина в вопросе об отношении рабочего класса к империалистическому государству. В своей статье «Интернационал молодежи» (декабрь 1916 г.) Ленин подверг уничтожающей критике вредную, по существу анархистскую теорию Бухарина о «взрыве» государства. Ленин показал, что эта теория в конечном счете ориентирует рабочий класс на отказ от борьбы за диктатуру пролетариата. Бухарин проповедовал по существу анархистский лозунг о «принципиальной враждебности» рабочего класса ко всякому государству, лозунг отрицания необходимости в с я к о й государственности вообще, следовательно, и диктатуры пролетариата, в условиях переходного от капитализма к коммунизму периода. Как известно, этот лозунг использует до сих пор международный ревизионизм. В частности, это находит отражение и в ряде ревизионистских положений, содержащихся в программе Союза коммунистов Югославии.

В статье «Интернационал молодежи» В. И. Ленин отметил назревшую настоятельную необходимость теоретической разработки

вопроса об отношении революционных марксистов к буржуазному государству и к использованию нового, то есть пролетарского, государства против буржуазии, для ее свержения и для построения социализма. В последующем, осенью 1917 года, этот вопрос получил всестороннее освещение в гениальном ленинском труде «Государство и революция».

§ 7. Развитие марксистско-ленинской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата в период февраля — октября 1917 года

1. Первая мировая война ослабила мировой капитализм и ускорила назревание новой мощной народной революции в России. Рабочий класс России, руководимый Коммунистической партией, первый в мире успешно использовал слабость капиталистической системы, расшатанной войной, и прорвал фронт империализма.

В России в феврале 1917 года победила буржуазно-демократическая революция, которая в несколько дней покончила с царским самодержавием. Эта революция победила потому, что ее застрельщиком был рабочий класс, возглавлявший движение миллионных масс крестьян, переодетых в солдатские шинели, за мир, за хлеб, за свободу.

Руководимая В. И. Лениным партия большевиков возглавила борьбу рабочего класса и всех трудящихся масс за перерастание февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в социалистическую, за свержение власти Временного правительства капиталистов и помещиков и создание Советского социалистического государства.

Ленин идейно и организационно вооружил большевистскую партию и вдохновил рабочий класс России на великий штурм помещичье-капиталистического строя.

2. В ряду замечательных ленинских документов периода февраля — октября 1917 года, имевших огромное значение в борьбе за победу социалистической революции, выдающееся место занимают исторические «Апрельские тезисы», опубликованные В. И. Лениным в «Правде»¹.

В «Апрельских тезисах» была дана ясная и четкая программа борьбы рабочего класса за перерастание буржуазно-демократической революции в России в социалистическую, за переход всей полноты государственной власти из рук буржуазии и помещиков в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. «Апрельские тезисы» ориентировали Коммунистическую партию на переход от старого лозунга — союза рабочего класса со всем крестьянством, соответствовавшего

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 1—7, статья «О задачах пролетариата в данной революции».

пройденному этапу буржуазно-демократической революции, к новому лозунгу — союза рабочего класса с деревенской беднотой, нейтрализации середняка, борьбы против городской и деревенской буржуазии, за с о ц и а л и с т и ч е с к у ю революцию.

В этом программном ленинском документе было выдвинуто новое теоретическое положение марксизма по вопросу о политической форме диктатуры пролетариата. В «Апрельских тезисах» Ленин сформулировал положение о Республике Советов как наиболее целесообразной государственной форме диктатуры пролетариата. В свое время Маркс, обобщая опыт Парижской Коммуны, высказал мысль о том, что политической формой диктатуры пролетариата должна быть не парламентарная демократическая республика, а государственная власть «типа Парижской Коммуны». Это положение Маркса было в дальнейшем извращено лидерами II Интернационала Каутским, Плехановым и др., которые считали, что наилучшей формой государства в переходный период от капитализма к социализму является парламентарная республика¹. На этих же позициях стояли и русские меньшевики в период февраля — октября 1917 года.

Всесторонне изучив и обобщив опыт Парижской Коммуны и последующий опыт двух русских революций 1905 и 1917 гг., в ходе которых возникли Советы, порожденные творчеством трудящихся масс, Ленин в борьбе с оппортунистами и ревизионистами показал, что жизнь выявила новый, «высший тип демократического государства» по сравнению с буржуазной парламентарной республикой, а именно Р е с п у б л и к у С о в е т о в, государство типа Парижской Коммуны.

«Не парламентарная республика,— указывалось в п. 5 «Апрельских тезисов»,— возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад,— а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»².

Открытие Лениным Республики Советов явилось новым шагом вперед в развитии марксистского учения о формах политической организации общества в переходный период от капитализма к коммунизму. Это ленинское открытие имело величайшее значение для обеспечения победы социалистической революции в нашей стране, для возникновения Советского социалистического государства, государства нового, особого, высшего исторического типа.

Неоценимое значение ленинского открытия Республики Советов состояло в том, что оно вооружило большевистскую партию и трудящиеся массы революционным учением о Советах как н о в о м государственном аппарате диктатуры пролетариата, способном заменить старую эксплуататорскую государственную машину, подвергающуюся полному слому, ликвидации в ходе социалистической революции.

¹ См. «История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959, стр. 203.

² В. И. Л е н и н, Соч., т. 24, стр. 5.

Говоря о ленинской программе свержения власти империалистической буржуазии и установления диктатуры пролетариата в форме Республики Советов, следует иметь в виду указание Ленина о возможности,— в порядке исключения, в силу особых конкретно-исторических условий периода двоевластия в России,— мирного перехода государственной власти в руки Советов. В этой связи Ленин подчеркивал, что задачей большевиков в указанный период должно быть терпеливое и систематическое разъяснение трудящимся массам несостоятельности и гибельности политики соглашения с империалистической буржуазией, проводимой меньшевистско-эсеровским руководством Советов, очищение Советов от этого руководства, мирное взятие Советами в свои руки всей полноты власти. Однако эта возможность мирного перехода власти к Советам не смогла осуществиться вследствие того, что русская буржуазия, использовав предательство меньшевиков и эсеров в июльские дни 1917 года, ликвидировала двоевластие в стране.

В сложившихся новых исторических условиях, когда вся полнота государственной власти перешла в руки буржуазии, единственным возможным путем победы социалистической революции и создания Советской республики явилось вооруженное восстание рабочих и крестьян против буржуазного Временного правительства. Тем не менее, Октябрьская социалистическая революция, поддержанная подавляющим большинством населения России, фактически оказалась почти бескровной революцией. Лишь ожесточенное вооруженное сопротивление свергнутых эксплуататорских классов Советской власти, поддержанное иностранными интервентами, обусловило в дальнейшем развертывание гражданской войны.

Положения, сформулированные в «Апрельских тезисах», встретили одобрение большевистской партии на VII (Апрельской) партийной конференции 1917 года вопреки ожесточенному сопротивлению правых оппортунистов Каменева, Рыкова и троцкиста Пятакова. Партийная конференция по докладу В. И. Ленина признала необходимым пересмотреть партийную программу: дать оценку империализма и эпохи империалистических войн в связи с надвигающейся социалистической революцией в России, внести в программу положение о Республике Советов, изменить и исправить ряд пунктов по аграрному вопросу, выдвинуть требования о национализации капиталистических монополий и т. д.

В июне 1917 года была опубликована в связи с этим ленинская брошюра «Материалы по пересмотру партийной программы», в которой был сформулирован проект основных изменений и поправок к старой программе партии.

Важнейшее значение имели предложенные Лениным изменения во вводной части программы. В них подчеркивалось, что перед партией пролетариата встает непосредственная задача борьбы за государственное устройство, наилучше обеспечивающее как экономиче-

ское развитие и права народа вообще, так и возможность наиболее безболезненного перехода к социализму в особенности».

Партия пролетариата, указывал Ленин, не может «ограничиться буржуазно-парламентарной демократической республикой, которая везде в мире сохраняет и стремится увековечить монархические орудия угнетения масс, именно: полицию, постоянную армию, привилегированное чиновничество».

В связи с этим, писал Ленин, в новом тексте программы следует указать, что партия борется «...за более демократическую пролетарски-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией; все должностные лица становятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей; плата всем, без изъятия, должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошему рабочему; парламентарно-представительные учреждения заменяются постепенно Советами представителей от народа (от разных классов и профессий или от разных мест), в одно и то же время законодательствующими и проводящими в жизнь свои законы»¹.

Таким образом, здесь, в этой новой редакции вводной части программы партии, Ленин, конкретизируя содержание «Апрельских тезисов», подчеркнул важнейшее значение борьбы партии за слом старой, эксплуататорской государственной машины и замену ее принципиально новым государством, создаваемым непосредственно самими трудящимися массами, — пролетарско-крестьянской Республикой Советов, то есть государством «типа Парижской Коммуны».

В соответствии с положением о Республике Советов, как наиболее целесообразной государственной форме диктатуры пролетариата в России, а также с учетом сложности форм и размаха национального движения в стране в период после февральской революции Ленин предложил изменить и дополнить п. 9 программы партии, уточнить позицию партии по вопросу о форме государственного устройства Республики Советов.

Предложенный В. И. Лениным текст проекта этой статьи гласил:

«Право на свободное отделение и на образование своего государства за всеми нациями, входящими в состав государства. Республика русского народа должна привлекать к себе другие народы или народности не насильем, а исключительно добровольным соглашением на создание общего государства. Единство и братский союз рабочих всех стран не мирятся ни с прямым, ни с косвенным насильем над другими народностями»².

В этом положении уже содержалось признание Лениным в принципе целесообразности в конкретно-исторических условиях

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 433—434.

² Там же, стр. 435.

России федерации как добровольного объединения равноправных национальных государств народов России в одном общем, союзном государстве на базе Республики Советов. Как известно, в старой программе партии еще не говорилось о допустимости федерации применительно к решению национального вопроса.

В статье «Финляндия и Россия» Ленин, резко критикуя великодержавно-шовинистическую политику Временного правительства по отношению к Финляндии, Курляндии, Украине, писал:

«Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика (Ленин имеет в виду Республику Советов в отличие от «Республики Милокова». — С. Р.) свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее *потянутся* к союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее — в конечном счете — братский союз пролетарски-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации»¹.

Таким образом, в непосредственной связи с осуществлением задачи перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую Ленин, большевистская партия неустанно творчески развивали и обогащали марксистское учение о политических формах организации общества в период перехода от капитализма к коммунизму, в том числе о наиболее целесообразных для этого периода формах государственного устройства в условиях многонациональной страны.

3. Обобщая опыт Парижской Коммуны и опыт деятельности Советов в революциях 1905 и 1917 гг., Ленин обосновал положение, что Республика Советов должна быть государством нового, высшего исторического типа, государством без эксплуататоров и против эксплуататоров.

Характеристику исторической роли Советов как государственного аппарата нового типа Ленин дал в работе «Удержат ли большевики государственную власть?», где он указал, что если бы «народное творчество революционных классов не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат, несомненно, удержать власть не смог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя».

Ленин отмечал ту особенность Советов как самого демократического в мире государственного аппарата, что они по самой своей природе являются наилучшей организационной формой привлечения широких трудящихся масс к непосредственному участию в государственном управлении. Ленин охарактеризовал эту особенность Советов, это их преимущество как «чудесное средство», которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 304.

Опыт классовой борьбы в период от февраля до октября 1917 года вместе с тем убедительно показал, что взятая сама по себе, в отрыве от конкретных исторических условий своего развития, от своего классово-политического содержания, советская форма организации трудящихся масс еще не дает гарантии превращения Советов в органы борьбы за социалистическую революцию, органы диктатуры пролетариата.

Подлинное значение Советов как органов политической власти пролетариата, подчеркивал Ленин, определяется правильным политическим направлением и содержанием их деятельности и, в конечном счете, наличием у руководства Советами боевой революционной партии рабочего класса — авангарда борьбы за социализм.

Вот почему после июльских дней 1917 года и фактической ликвидации двоевластия Коммунистическая партия выдвинула на первый план ленинский лозунг б о л ь ш е в и з а ц и и С о в е т о в как необходимого условия превращения их в подлинно революционные органы борьбы трудящихся масс за захват государственной власти, способные стать готовым государственным аппаратом диктатуры пролетариата после победы социалистической революции.

Ленинское учение о Советах оказало неоценимую услугу рабочему классу России при проведении им в ходе социалистической революции решительной ломки буржуазно-помещичьей эксплуататорской машины и замены ее новым, с о в е т с к и м социалистическим государственным аппаратом.

4. В творческом развитии марксистской теории государства и права огромное значение имеют положения, разработанные Лениным в труде «Государство и революция», написанном в августе — сентябре 1917 года. В этом труде Ленин на основе всестороннего анализа опыта международного революционного движения сформулировал выводы о роли нового, социалистического государства в условиях переходного от капитализма к коммунизму периода.

Ревизионисты из лагеря II Интернационала отрицали и извращали положения Маркса о сломе буржуазной государственной машины проповедуя возможность постепенного, плавного перехода к социализму в рамках существующего капиталистического общественного и государственного строя. Каутский и К^о стали по сути дела на путь отрицания необходимости социалистической революции и борьбы за диктатуру пролетариата. Ревизионисты всячески замалчивали известное указание Маркса (в его «Критике Готской программы» и др.) о том, что государство переходного от капитализма к коммунизму периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата.

В борьбе с каутскианско-бернштейнианскими и анархистскими извращениями марксизма Ленин полностью восстановил подлинное, революционное содержание учения Маркса о необходимости для рабочего класса насильственного слома старой, эксплуататорской государственной машины и творчески развил дальше это учение.

Указывая на то, что в эпоху империализма гигантски вырастает военно-бюрократический аппарат буржуазного государства, Ленин всесторонне обосновал тезис о том, что революционный слом старой государственной машины является обязательным для пролетариата в с е х капиталистических стран. В связи с этим Ленин указал на устарелость замечания Маркса о возможных исключениях для Англии и США, которое исходило из некоторых особенностей исторического развития этих стран в 70-х годах XIX века.

5. Ленин не ограничился одним лишь восстановлением подлинного смысла учения Маркса о сломе буржуазной государственной машины. Заслугой Ленина явилось и то, что он в своем труде дал ответ на практически выдвинутый нарастающей в России социалистической революцией основной вопрос — о том, какой же должна быть конкретно та новая государственная машина, которой победивший рабочий класс заменит ликвидируемую социалистической революцией старую, эксплуататорскую государственную машину.

Ленин всесторонне развил в связи с этим в своем труде выдвинутое им еще в «Апрельских тезисах» положение о Республике Советов как новой политической форме диктатуры пролетариата. Ленин раскрыл принципиальную особенность Советского государства как государства, являющегося по-новому демократическим (для пролетариата и неимущих вообще) и по-новому диктаторским (против буржуазии).

В труде «Государство и революция» Ленин осветил вопрос о советской пролетарской демократии как новом, высшем по сравнению с буржуазной демократией типе демократии, которая обеспечивает впервые в истории максимум политических свобод для трудящихся масс и гарантирует на основе ликвидации господства капиталистической частной собственности активное участие этих масс в управлении своим государством.

Ленин указывал, что только после завоевания государственной власти рабочим классом, в условиях диктатуры пролетариата впервые в истории масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосовании и выборах, но и в повседневном управлении государством. Только в этих условиях, писал Ленин, начнется «... быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни»¹.

Ленин с особой силой подчеркнул характер Советов как полномочных представителей трудящегося большинства народа, носителей его полновластия. Он охарактеризовал Советы как активную, действенную демократию громадного большинства народа, как подлинно представительное учреждение трудящихся масс, как работающую, а не «болтающую» корпорацию.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 443.

В «Государстве и революции» Ленин дал глубокое и ясное определение сущности и исторического назначения диктатуры пролетариата. Он по-новому раскрыл сущность этой диктатуры, охарактеризовав ее как государственное руководство со стороны рабочего класса идущими в союзе с ним непролетарскими (в первую очередь крестьянскими) трудящимися массами, имеющее своей целью подавление эксплуататоров и построение социалистического и коммунистического общества.

Подчеркивая историческое значение Республики Советов как новой государственной формы диктатуры пролетариата, рожденной всем ходом развития революции в конкретно-исторических условиях России, В. И. Ленин сформулировал вместе с тем в своем труде и вывод о том, что переход от капитализма к коммунизму в силу своеобразия развития каждой отдельной страны «...не может не дать громадного обилия и разнообразия политических форм, но сущность будет при этом неизбежно одна: *диктатура пролетариата*»¹.

Указанный вывод В. И. Ленина целиком подтвердился в ходе дальнейших исторических событий, приведших к возникновению и развитию, наряду с первым в мире социалистическим государством — Республикой Советов — такой новой формы диктатуры пролетариата, как народно-демократическая республика в ряде стран Европы и Азии.

Ленинский вывод о многообразии форм диктатуры пролетариата нашел свое дальнейшее развитие в решениях XX съезда КПСС в 1956 году и в Декларации совещания коммунистических и рабочих партий социалистических государств в ноябре 1957 года.

6. Огромное теоретическое и практическое значение имеют указания Ленина по вопросу об отмирании государства.

Бернштейн, Каутский и другие ревизионисты марксизма пытались истолковать известные слова Энгельса (сказанные им в «Анти-Дюринге» в полемике против анархистского требования «немедленной отмены государства с сегодня на завтра») о постепенном «отмирании» государства после победы социалистической революции, как якобы относящиеся к буржуазному государству. Тем самым ревизионисты противопоставили идею мирного «отмирания» капиталистического государства задаче борьбы за насильственный слом буржуазного государства путем социалистической революции и за организацию диктатуры пролетариата.

Ленин не оставил камня на камне от всех этих извращений основ марксистского учения о государстве.

В главе V своего труда, носящей название «Экономические основы отмирания государства», Ленин, руководствуясь гениальными указаниями Маркса в «Критике Готской программы», дал анализ особенностей низшей и высшей фаз коммунистического общества. Он убедительно показал, что только с переходом к высшей фазе

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 385.

создаются условия для полного отмирания социалистического государства. Это государство, писал В. И. Ленин, будучи направлено против эксплуататоров, с момента своего возникновения в ходе социалистической революции не является уже «государством в собственном смысле слова», то есть орудием угнетения трудящегося большинства нетрудящимся меньшинством.

Только коммунизм, подчеркивал Ленин, создает полную ненужность государства, ибо некого подавлять — «некого» в смысле класса, в смысле систематической борьбы с определенной частью населения.

В связи с разработкой вопроса о значении подготовки экономических предпосылок «отмирания» государства Ленин, опираясь на замечательные указания Маркса в «Критике Готской программы», осветил также вопрос о роли и назначении нового, революционного права в условиях первой фазы коммунизма (социализма) как необходимого регулятора меры труда и распределения продуктов труда между членами социалистического общества.

Исходя из этих указаний Маркса, Ленин показал, что на нижней фазе коммунизма право призвано выполнять весьма важную роль. С одной стороны, оно закрепляет новый, справедливый социальный строй, в котором нет больше капиталистической частной собственности как основы эксплуатации человека человеком и в котором господствует общественная собственность на средства производства, то есть осуществляется равенство всех членов общества по отношению к средствам производства. Однако, с другой стороны, при социализме еще сохраняется некоторое неравенство в распределении продуктов труда между членами общества, ибо здесь еще действует принцип распределения предметов потребления не по потребности, а по труду. Поэтому и право в условиях нижней фазы коммунизма выступает как одинаковый масштаб, прилагаемый к неравным людям. Вместе с тем для обеспечения норм права необходимо еще государственное принуждение. В. И. Ленин подчеркнул, что право — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению норм права¹. Поэтому и остается еще необходимость в государстве, которое, охраняя общую собственность на средства производства, охраняло бы вместе с тем и равенство труда и равенство дележа продукта².

Только при полном коммунизме, который характеризуется огромным подъемом производительных сил, господством принципа: «от каждого — по способности, каждому — по потребностям», а также высоким уровнем коммунистического сознания людей, отпадает необходимость в правовом регулировании распределения труда и его продуктов. Поэтому, говорил Ленин, только в условиях полного коммунизма создадутся предпосылки, необходи-

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 442.

² См. там же, стр. 439.

мые для отмирания как государства, так и права. Ленин тем самым подчеркивал, что в условиях низшей фазы коммунизма (социализма) остается необходимость в социалистическом государстве и в устанавливаемой этим государством определенной системе правовых норм. Эти замечательные ленинские положения имеют исключительную актуальность. Жизненность и актуальность этих ленинских положений со всей силой подчеркнуты в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС применительно к условиям современного этапа развернутого строительства коммунистического общества в СССР. Эти ленинские положения являются могучим идейным оружием и в борьбе с различными современными ревизионистскими теориями о немедленном «отмирании», ненужности и даже вредности диктатуры пролетариата для осуществления перехода к коммунизму.

Ленин предполагал написать вторую часть работы «Государство и революция», специально посвященную обобщению опыта русских революций 1905—1907 и 1917 гг., учению о Советском государстве. Однако, необходимость сосредоточения, после победы Октябрьской революции, главного внимания на вопросах непосредственного руководства делом социалистического преобразования нашей Родины, помешала Ленину выполнить эту задачу.

Выводы В. И. Ленина, сделанные им в труде «Государство и революция», явились для рабочего класса России научно обоснованной программой революционной борьбы, прямым руководством к действию в процессе проведения слома буржуазно-помещичьей государственной машины в ходе Октябрьской революции и создания первого в мире социалистического государства.

§ 8. Победа Великой Октябрьской социалистической революции — торжество марксистско-ленинской теории пролетарской революции

1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции явилась торжеством марксистско-ленинского учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Октябрьская революция полностью подтвердила правильность и жизненность гениального ленинского положения, вытекавшего из анализа объективных закономерностей развития капитализма в эпоху империализма, — о возможности победы социалистической революции в одной, отдельно взятой стране, о необходимости создания и укрепления в стране победившей пролетарской революции государства нового, высшего исторического типа, государства диктатуры пролетариата — главного орудия построения социализма и коммунизма.

Важнейшее значение Великой Октябрьской социалистической революции состояло в том, что она привела к образованию первого в мире социалистического государства, созданного непосредственно

трудящимися массами во главе с рабочим классом в интересах полной ликвидации старого, буржуазного, эксплуататорского строя и построения нового, социалистического общества.

Победа Октябрьской социалистической революции подтвердила жизненность и правильность ленинского учения о союзе рабочего класса с крестьянством и его значении как величайшей революционной силы, способной сломить сопротивление эксплуататорских классов, свергнуть власть помещиков и капиталистов, создать новое, антиэксплуататорское, социалистическое государство, новое, социалистическое общество.

Октябрьская революция нанесла смертельный удар всем реакционным теориям, пытавшимся в угоду эксплуататорам доказать, что народные массы якобы не могут управлять государством, неспособны к самостоятельному творчеству новых форм общественной и политической жизни. Октябрьская революция, расчистившая путь к победе социализма в СССР, неопровержимо доказала, что именно народные массы являются подлинным творцом истории, что им принадлежит решающая роль в ликвидации старого, капиталистического строя и в создании нового, социалистического общества.

Победа Октябрьской социалистической революции явилась победой ленинского принципа пролетарского интернационализма.

В борьбе за революционное свержение власти помещиков и капиталистов, ликвидацию режима национального угнетения и неравноправия, за создание и укрепление нового, социалистического многонационального государства трудящиеся массы всех народов России сплотились вокруг русского рабочего класса — вождя и организатора октябрьского переворота.

Великая Октябрьская революция явилась классическим подтверждением правильности и действительности марксистско-ленинского учения о роли и значении Коммунистической партии, партии нового типа, как руководящей и организующей силы в борьбе трудящихся масс за победу социалистической революции и утверждение диктатуры пролетариата.

Величайшая в истории человечества революция, происшедшая в России в октябре 1917 года, увенчалась полной победой только потому, что во главе ее стояла такая испытанная и закаленная в классовых боях, тесно связанная с народными массами политическая партия, как Коммунистическая партия, вооруженная могучими, всепобеждающими идеями марксизма-ленинизма.

Октябрьская революция наглядно подтвердила правильность ленинского положения, что только социалистическая революция, свергнувшая власть империалистической буржуазии и утвердившая диктатуру пролетариата, способна покончить с бедствиями, которые приносят империалистические войны, обеспечить успешную борьбу народов за прочный демократический мир.

Осуществив победоносную социалистическую революцию, Коммунистическая партия вывела нашу страну из империалистической войны, спасла ее от национальной катастрофы. Победа социалисти-

ческой революции освободила нашу Родину от положения полуколониальной страны, зависимой от мирового империализма, и вывела ее народы на широкую дорогу невиданных еще в истории человечества социалистических преобразований.

Победа социалистической революции в нашей стране означала замену старых, эксплуататорских, капиталистических производственных отношений новыми, социалистическими производственными отношениями. Эта замена была произведена путем осуществления социалистическим государством основных положений экономической программы Коммунистической партии, разработанной еще накануне Октября 1917 года.

Основные пункты этой экономической программы, утвержденные VI съездом РСДРП(б), предусматривали проведение таких коренных мероприятий, как конфискация помещичьей земли и национализация всей земли в стране, национализация банков, национализация крупной трестированной и синдицированной промышленности, введение рабочего контроля над производством и распределением как переходной меры к национализации всей крупной промышленности.

Октябрьская социалистическая революция впервые в истории обеспечила все условия для непрерывного повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся на базе ликвидации капиталистической частной собственности, превращения основных орудий и средств производства в собственность социалистического государства, в общенародное достояние. Она открыла народным массам путь к свободной, счастливой жизни. В этом — сила и непобедимость этой величайшей в истории человечества революции.

2. Величайшее значение Октябрьской социалистической революции заключается в том, что она была революцией не только в области экономических и общественно-политических отношений.

Она означала вместе с тем и революцию в умах, революцию во всей идеологии рабочего класса, трудящихся масс.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции означала коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира¹.

Великое международное значение Октябрьской социалистической революции состояло в том, что она впервые выявила на опыте борьбы трудящихся масс нашей Родины, руководимых ленинской Коммунистической партией, ряд основных закономерностей, общих и единых для всех стран, для всех народов, идущих по пути революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое, несмотря на наличие некоторого

¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 240.

своеобразия, обусловленного конкретно-историческими особенностями этих стран.

В своем труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920) Ленин особо отмечал в данной связи:

«Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение»¹. «И я говорю здесь, — указывал Ленин далее, — о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т. е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое значение за некоторыми основными чертами нашей революции»².

После победы Октябрьской социалистической революции с особой полнотой и убедительностью раскрылась великая творческая роль идей марксизма-ленинизма, выражающих объективные закономерности общественного развития и являющихся научной программой социалистического и коммунистического строительства. Марксистско-ленинская теория стала научной основой творческой, организующей деятельности Советского социалистического государства в деле создания социалистического и коммунистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин В. И., Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?, Соч., т. 1, с. 111—313.

Ленин В. И., Что делать?, Соч., т. 5, с. 319—494.

Ленин В. И., Шаг вперед, два шага назад, Соч., т. 7, с. 185—392.

Ленин В. И., Две тактики социал-демократии в демократической революции, Соч., т. 9, с. 1—119.

Ленин В. И., О лозунге Соединенных Штатов Европы, Соч., т. 21, с. 308—311.

Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, с. 173—290.

Ленин В. И., Военная программа пролетарской революции, Соч., т. 23, с. 65—76.

Ленин В. И., О задачах пролетариата в данной революции. Апрельские тезисы, Соч., т. 24, с. 1—7.

Ленин В. И., Государство и революция, Соч., т. 25, с. 353—462.

Сталин И. В., Международный характер Октябрьской революции, Соч., т. 10, с. 239—250.

«Ленин Владимир Ильич. Краткая биография», изд. 2-е, Госполитиздат, 1935.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 5.

² Там же.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, М., 1953.

«Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза (1903—1953)», Госполитиздат, 1953.

Хрущев Н. С., Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, Госполитиздат, 1956.

«Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза», М., 1956.

«Резолюции внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959.

Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., М., 1957.

Хрущев Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959.

ГЛАВА XXIX

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА В СССР

§ 1. В. И. Ленин о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к коммунизму. § 2. В. И. Ленин о соотношении диктатуры пролетариата и социалистической демократии. § 3. В. И. Ленин о системе диктатуры пролетариата и о руководящей роли Коммунистической партии в этой системе. § 4. Ленинский принцип демократического централизма в организации и деятельности советского государственного аппарата. § 5. Ленинские принципы устройства Советского многонационального государства. § 6. В. И. Ленин о роли советского права и советской законности в укреплении социалистического общественного и государственного строя. § 7. Дальнейшее творческое развитие Коммунистической партией Советского Союза марксистско-ленинской теории государства и права

§ 1. В. И. Ленин о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к коммунизму

В период после победы Великой Октябрьской социалистической революции начинается новый, исключительно важный этап в развитии марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата, когда основные ее положения становятся прямым руководством, конкретной программой творческой деятельности миллионов трудящихся, непрерывно обогащаются опытом непосредственного участия трудящихся масс в строительстве нового, социалистического и коммунистического общества.

«...Социализм живой, творческий,— писал Ленин в первые же дни Октябрьской социалистической революции,— есть создание самих народных масс»¹.

Изучая и обобщая опыт социалистической революции, Ленин обогатил марксистское учение о диктатуре пролетариата и социалистическом государстве рядом новых положений и выводов, имевших и имеющих не только теоретическое, но и первостепенное практическое значение в ходе построения социалистического и коммунистического общества в СССР.

В своих трудах послеоктябрьского периода В. И. Ленин уделил особое внимание вопросу о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата, социалистического государства в условиях переходного периода от капитализма к социализму.

В конспекте работы «О диктатуре пролетариата» (1919) Ленин особо отмечал, что сразу же после победы социалистической революции перед диктатурой пролетариата неизбежно встают следующие основные задачи: а) подавление сопротивления эксплуататоров; б) гражданская война как особая форма классовой борьбы, обусловленная обострением сопротивления эксплуататоров после их свержения; в) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства; г) «использование» буржуазии (вопрос об использовании буржуазных специалистов); д) воспитание новой дисциплины. В. И. Ленин, характеризуя формы классовой борьбы в начальный период существования Советской власти, подчеркивает, что эти новые формы классовой борьбы предполагают использование пролетариатом государственной власти для решения стоящих перед ним задач.

В статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919) Ленин отмечал, что пролетариат стал, «...свергнув буржуазию и завоевав политическую власть, *господствующим* классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров. Все это — *особые* задачи классовой борьбы, задачи, которых раньше пролетариат не ставил и не мог ставить»².

Определяя сущность диктатуры пролетариата и ее основные задачи, Ленин в труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920) писал, что «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества»³.

Всесторонне анализируя содержание неразрывно связанных друг с другом задач диктатуры пролетариата, Ленин сформулировал следующие обобщающие выводы:

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 255.

² В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 94—95.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 27.

«Диктатура пролетариата есть наиболее решительная и революционная форма классовой борьбы пролетариата с буржуазией»¹.

«Диктатура пролетариата есть самое полное осуществление руководства всеми трудящимися и эксплуатируемыми, которые угнетены, забиты, задавлены, запуганы, раздроблены, обмануты классом капиталистов, со стороны единственного класса, подготовленного к такой руководящей роли всей историей капитализма»².

В «Тезисах об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала» (1920) Ленин, исходя из практического опыта первых лет существования Советской власти, сформулировал вывод о том, что победа социализма над капитализмом требует решительного осуществления диктатурой пролетариата беспощадного подавления сопротивления эксплуататорских классов и их попыток с помощью вооруженной интервенции империалистических государств реставрировать капиталистический строй.

Из этих ленинских положений вытекал вывод, что подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов и оборона Советской страны от агрессии со стороны капиталистического окружения составляют существенно важные функции Советского социалистического государства, без осуществления которых невозможно успешное решение задачи построения социалистического общества.

В тесной взаимосвязи с этим выводом В. И. Ленин с первых же дней победы Октябрьской социалистической революции подчеркивал также огромное значение миролюбивой, подлинно демократической внешней политики Советской власти, ее последовательной борьбы за мир между народами.

Сущность и основные принципы внешней политики Советского социалистического государства получили выражение в историческом ленинском Декрете о мире, принятом II Всероссийским съездом Советов 8 ноября 1917 г.

С первых же дней своего существования Советское государство в своей внешней политике неизменно руководствовалось ленинским положением о возможности мирного сосуществования и мирного соревнования на международной арене государств и стран с различными общественно-политическими системами.

В своих трудах послеоктябрьского периода Ленин всесторонне обосновал, далее, вывод о том, что государственная власть в руках рабочего класса представляет собой могучее орудие социалистического преобразования многоукладной экономики Советской страны, орудие построения социалистического и коммунистического общества. В результате победы социалистической революции, неоднократно указывал Ленин, рабочий класс впервые превращается из эксплуатируемого класса в господствующий класс, не только в чисто политическом, но и в экономическом отношении. Установление дик-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 166.

² Там же, стр. 167.

татуры пролетариата означает в этой связи не только лишь захват пролетариатом политической власти, но и ликвидацию капиталистической частной собственности на основные орудия и средства производства, превращение их в собственность пролетарского государства, в общенародное достояние.

В этих условиях хозяйственно-организаторская деятельность социалистического государства становится активнейшим орудием творческого воздействия на экономический базис общества, орудием его коренного социалистического преобразования.

Ленин особо отмечал, что в ликвидации вековой экономической отсталости России, в разрешении задачи превращения ее в страну социалистическую огромная роль принадлежит государственному плановому руководству развитием народного хозяйства.

Ликвидация частной собственности на основные орудия и средства производства, сосредоточение в руках пролетарского государства важнейших командных высот, рычагов управления народным хозяйством, указывал Ленин, превращает власть рабочего класса в могучую преобразующую силу, способную систематически и организованно, действуя на основе единого общегосударственного плана, умело применяя познанные объективные закономерности общественного развития, направлять движение народнохозяйственной жизни по пути к социализму и коммунизму.

Ленин неустанно подчеркивал при этом, что активная, преобразующая экономическая роль диктатуры пролетариата закономерно обусловлена объективно назревшими потребностями ликвидации старого капиталистического базиса, ставшего тормозом для дальнейшего развития производительных сил, и построения нового, социалистического базиса, дающего полный простор развитию этих сил в интересах миллионов трудящихся, раскрепощенных социалистической революцией от ига частной собственности и эксплуатации.

Величие задач, стоящих перед Советским государством в области социалистических преобразований, определяется, как указывал Ленин, конечной целью этих преобразований, которая заключается в создании коммунистического общества.

«...Начиная социалистические преобразования,— говорил Ленин на VII съезде РКП(б),— мы должны ясно поставить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, направлены, именно цель создания коммунистического общества...»¹.

В работе «Очередные задачи Советской власти» (1918), в которой была обоснована программа социалистического строительства в России, Ленин указывал на необходимость практической организации по-новому самых глубоких экономических основ жизни миллионов людей в качестве главной и решающей задачи Советского государства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 103.

«Создав новый, советский, тип государства,— писал Ленин,— открывающий возможность для трудящихся и угнетенных масс принять деятельнейшее участие в самостоятельном строительстве нового общества, мы разрешили только небольшую часть трудной задачи. Главная трудность лежит в экономической области: осуществить строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повысить производительность труда, *обобществить* производство на деле»¹. Ленин указывал, что организация по-новому экономических основ общества представляет труднейшую задачу социалистического переворота. Но это, продолжал Ленин, вместе с тем и «...самая благодарная задача, ибо лишь *после* ее решения (в главных и основных чертах) можно будет сказать, что Россия *стала* не только советской, но и социалистической республикой»².

Важнейшей задачей Советского государства, как указывал В. И. Ленин в работе «Очередные задачи Советской власти», является построение фундамента социалистической экономики, организация новых, социалистических производственных отношений, нового, социалистического базиса.

Особое значение Ленин придавал задачам диктатуры пролетариата в борьбе за повышение производительности труда, за воспитание трудящихся в духе новой, социалистической трудовой дисциплины, основанной на добросовестном и сознательном активном участии работников в производственном процессе.

«Подъем производительности труда,— подчеркивал Ленин,— требует, прежде всего, обеспечения материальной основы крупной индустрии: развития производства топлива, железа, машиностроения, химической промышленности»³. «Другим условием повышения производительности труда,— писал Ленин далее,— является, во-первых, образовательный и культурный подъем массы населения... Во-вторых, условием экономического подъема является и повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорости, интенсивности труда, лучшей его организации»⁴.

В трудах Ленина нашло глубоко научное обоснование положение о величайшем значении в процессе решения основных задач переходного периода от капитализма к социализму хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной функций Советского социалистического государства, а также таких его функций, как контроль за мерой труда и мерой потребления, охрана социалистической собственности, социалистического правопорядка.

Одним из важнейших источников преобразующей роли Советского государства в процессе социалистического строительства

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 213.

² Там же, стр. 214.

³ Там же, стр. 228.

⁴ Там же.

Ленин считал то обстоятельство, что Советская власть — это государственная власть самих рабочих и трудовых крестьян, то есть подавляющего большинства народа, которое впервые в истории человечества под водительством авангарда рабочего класса до роли организатора в общегосударственном масштабе общественного производства.

«Советская власть,— говорил Ленин,— есть аппарат — аппарат для того, чтобы масса начала немедленно учиться управлению государством и организации производства в общенациональном масштабе. Это гигантски трудная задача»¹.

Указывая на величайшее и все растущее значение хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства в процессе создания основ социалистической экономики в нашей стране, Ленин в связи с этим особо отмечал в своей речи на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства:

«Нет никакого сомнения, что, чем дальше будут двигаться завоевания Октябрьской революции, чем глубже пойдет этот переворот, который начат ею, чем прочнее будут закладываться основы завоеваний социалистической революции и упрочение социалистического строя, тем больше, тем выше будет становиться роль советов народного хозяйства, которым предстоит одним только из всех государственных учреждений сохранить за собой прочное место, которое будет тем более прочно, чем ближе мы будем к установлению социалистического порядка, чем меньше будет надобности в аппарате чисто административном, в аппарате, ведающем собственно только управлением. Этому аппарату суждено, после того как сломлено будет окончательно сопротивление эксплуататоров, после того как трудящиеся научатся организовывать социалистическое производство,— этому аппарату управления в собственном, тесном, узком смысле слова, аппарату старого государства суждено умереть, а аппарату типа Высшего совета народного хозяйства суждено расти, развиваться и крепнуть, заполняя собой всю главнейшую деятельность организованного общества»².

§ 2. В. И. Ленин о соотношении диктатуры пролетариата и социалистической демократии

Анализ высказываний В. И. Ленина о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата ясно показывает, что главным, определяющим, специфическим для диктатуры пролетариата Ленин всегда считал не только и не столько осуществление насилия по отношению к эксплуататорскому меньшинству, а прежде всего ее созидательную, организаторскую и преобразующую деятельность в процессе решения важнейших задач переходного периода от капитализма к коммунизму.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 110.

² Там же, стр. 372.

Диктатура пролетариата, писал Ленин в статье «Великий почин» (1919), «...не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма»¹.

В этой связи Ленин неустанно разоблачал клеветнические измышления Каутского и других изменников марксизму из лагеря II Интернационала о том, что якобы диктатура пролетариата — это голое «насилие», что она несовместима с демократией.

В труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский» Ленин убедительно вскрыл и показал полную несостоятельность и лживость утверждений Каутского и К^о о том, что Советская власть — это, де, сплошное нарушение так называемой «чистой» демократии, под которой враги диктатуры пролетариата подразумевали старую, буржуазную демократию.

Буржуазная демократия, писал Ленин, «будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных»².

Поэтому никакой «чистой» демократии, указывал Ленин, нет, не существует в природе. «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой демократии*»³.

В. И. Ленин всесторонне обосновал положение о том, что лишь диктатура пролетариата обеспечивает развитие подлинной демократии, ибо именно она олицетворяет власть трудящегося большинства народа во главе с рабочим классом, впервые в истории человечества раскрепощаемого социалистической революцией от эксплуатации со стороны паразитического меньшинства — капиталистов и помещиков.

Опираясь на опыт первых лет деятельности Советского социалистического государства и развивая в свете этого опыта марксистскую теорию диктатуры пролетариата, Ленин убедительно показал объективную обусловленность демократизма социалистического государства тем обстоятельством, что это государство непосредственно создано трудящимся большинством народа, выражает его коренные интересы и волю и является орудием осуществления исторической миссии рабочего класса — создания нового, справедливого общественного строя, не знающего более деления на анта-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 386.

² В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 222.

³ Там же, стр. 221.

гонистические классы и эксплуатации человека человеком. Диктатура пролетариата, подчеркивал Ленин, это и есть пролетарская, социалистическая демократия, демократия для рабочих, крестьян, всех трудящихся.

Большевизм, указывал Ленин в 1918 г., показал «...на примере Советской власти, что рабочие и беднейшие крестьяне *даже* отсталой страны, даже наименее опытные, образованные, привычные к организации, *в состоянии* были целый год, среди гигантских трудностей, в борьбе с эксплуататорами (коих поддерживала буржуазия *всего* мира), сохранить власть трудящихся, создать демократию, неизмеримо более высокую и широкую, чем все прежние демократии мира, *начать* творчество десятков миллионов рабочих и крестьян по практическому осуществлению социализма»¹.

Демократическая природа диктатуры пролетариата, Советской власти, писал Ленин, обусловлена тем, что «Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплуатируемых масс, *облегчающая* им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно»², что советская организация автоматически «...*облегчает* объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг их авангарда, пролетариата»³, что Советская власть ликвидировала основу эксплуатации человека человеком — частную капиталистическую собственность на основные орудия и средства производства, ставшие в силу этого общенародным достоянием.

В труде «Пролетарская революция и ренегат Каутский», в лекции «О государстве» и ряде других работ Ленин полностью разоблачил антинародную сущность империалистического государства как орудия угнетения и порабощения трудящихся масс горсткой крупнейших капиталистических монополий и концернов, как реакционной силы, тормозящей ход общественного развития. В какие бы демократические парламентские формы ни было облечено то или иное буржуазное государство, подчеркивал Ленин, сущность его остается одна: это классовая диктатура буржуазного, эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством народа.

«Капитал, раз он существует, господствует над всем обществом, и никакая демократическая республика, никакое избирательное право сущности дела не меняют»⁴.

На основе сопоставления диктатуры буржуазии и буржуазной демократии, с одной стороны, и диктатуры пролетариата и советской социалистической демократии, с другой, Ленин сформулировал известное положение о неизмеримых преимуществах советской социалистической демократии перед буржуазной демократией.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 270.

² Там же, стр. 227.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 449.

«Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики»¹.

§ 3. В. И. Ленин о системе диктатуры пролетариата и о руководящей роли Коммунистической партии в этой системе

В теснейшей связи с анализом вопроса о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата В. И. Ленин, опираясь на опыт первых лет существования Советской власти, дал глубокий и развернутый анализ самой системы, механизма диктатуры пролетариата. Ленин определил эту систему как совокупность государственных и общественных организаций трудящихся масс, объединенных под руководством Коммунистической партии — авангарда рабочего класса, стоящего у руля государственной власти — едиными задачами в борьбе за построение социалистического и коммунистического общества.

Вопросу о механизме диктатуры пролетариата и о руководящей роли в нем Коммунистической партии Ленин уделил значительное внимание в целом ряде своих работ и особенно в труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920).

Диктатуру пролетариата, писал Ленин, «...осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков...»².

Определяя суть руководящей роли Коммунистической партии в Советском государстве, Ленин отмечал прежде всего то обстоятельство, что ни один важный политический или организационный вопрос не решается ни одним государственным учреждением в нашей республике без руководящих указаний ЦК партии³.

Исходя из опыта самой жизни, опыта борьбы за укрепление диктатуры пролетариата, Ленин с исключительной убедительностью сформулировал вывод о том, что нельзя успешно осуществлять основные задачи и функции диктатуры пролетариата без «...партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него...»⁴.

Ленин подверг резкой критике всякого рода демагогические выступления представителей различных антипартийных групп, направленные против руководящей роли партии в Советском государстве. Заклеймив эти выступления как равносильные призыву к разоружению пролетариата в пользу буржуазии⁵, Ленин разоблачил вместе с тем клеветническую суть демагогических измышлений вра-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 227.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 29.

³ См. там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 27.

⁵ См. там же, стр. 26.

гов партии о том, что диктатура пролетариата якобы равнозначна диктатуре вождей Коммунистической партии.

Ленин с исчерпывающей ясностью показал, что решение исторических задач, стоящих перед диктатурой пролетариата, объективно невозможно без привлечения к активному участию в социалистическом строительстве всей толщи, всей массы трудящихся, и прежде всего рабочего класса, как господствующего класса, организатора, руководителя и воспитателя широких непролетарских трудящихся масс. Отсюда, говорил Ленин, огромное значение, которое играют в системе диктатуры пролетариата наряду с Советами такие массовые организации трудящихся, как профсоюзы, охватывающие поголовно весь рабочий класс.

Всемерно подчеркивая важнейшую роль профсоюзов в осуществлении задач диктатуры пролетариата, Ленин вместе с тем указывал на принципиальную недопустимость сведения профсоюзов к роли простых придатков советского государственного аппарата. Ленин, как известно, в этой именно связи подверг сокрушительной критике лозунг Троцкого об «огосударствлении» профсоюзов, а также «буферную» платформу Бухарина в вопросе о профсоюзах.

Профсоюзы, писал Ленин, являются самой массовой организацией рабочего класса, представляющего собой в условиях диктатуры пролетариата правящий класс, стоящий у руля государственной власти. В этом специфика профсоюзов, новое в их положении и сущности после победы социалистической революции. «Но это не есть организация государственная, это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма»¹.

Ленин считал важнейшими задачами профсоюзов их активное участие в строительстве социалистического хозяйства, заботу о материальных и духовных интересах рабочих, воспитание рабочей массы в духе борьбы за повышение производительности труда и укрепление трудовой дисциплины, развертывание рабочей демократии. Профсоюзы должны быть, по мысли Ленина, школой подготовки пролетарских кадров для государственного и особенно хозяйственного аппарата.

Вместе с тем Ленин подверг принципиальной критике и анархосиндикалистские по сути своей предложения представителей группы «рабочей» оппозиции, требовавшей передать все функции государственного управления народным хозяйством профсоюзам или, по их терминологии, «всероссийскому съезду производителей». Эти требования объективно противопоставляли профсоюзы пролетарскому государству и Коммунистической партии, отрицали решающее значение руководящей роли Коммунистической партии и социалистического государства в управлении народным хозяйством и тем самым были направлены на подрыв и ослабление диктатуры пролетариата.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 2.

Ленинской критике в этой же связи были подвергнуты, как известно, и близко примыкавшие к анархо-синдикалистской платформе высказывания «децистов».

Ленин с исчерпывающей ясностью показал, что всякого рода анархо-синдикалистские требования изъятия у пролетарского государства функции управления социалистической собственностью, распыления этой собственности, передачи ее в ведение отдельных коллективов «производителей» являются грубым извращением марксистской теории диктатуры пролетариата, могут нанести в случае их осуществления величайший вред делу социалистического строительства. В этой связи следует обратить внимание на то, что в недавно опубликованном ленинском документе, относящемся еще к первой половине апреля 1918 года, специально подчеркивается, что «величайшим искажением основных начал советской власти и полным отказом от социализма является всякое, прямое или косвенное, узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство, или их права ослаблять или тормозить распоряжения общегосударственной власти»¹.

Это ленинское указание является исключительно ценным и актуальным и в наши дни как идейное оружие в борьбе с современными анархо-синдикалистскими, ревизионистскими извращениями марксистской теории, нашедшими выражение, в частности, в программе СКЮ.

Характеризуя в целом значение профсоюзов как приводного ремня от Коммунистической партии ко всей рабочей массе, Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» указывал:

«Получается, в общем и целом, формально не коммунистический, гибкий и сравнительно широкий, весьма могучий, пролетарский аппарат, посредством которого партия связана тесно с *классом* и с *массой* и посредством которого, при руководстве партии, осуществляется *диктатура класса*»².

Важной составной частью механизма диктатуры пролетариата, приводным ремнем от Коммунистической партии к широчайшим слоям рабочей и крестьянской молодежи, организацией коммунистического воспитания подрастающего поколения Ленин считал Коммунистический союз молодежи. Задачу членов Коммунистического союза молодежи Ленин видел прежде всего в том, чтобы «... помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество»³.

Обращаясь к делегатам III Всероссийского съезда Российского коммунистического союза молодежи (1920), Ленин в своей известной речи «Задачи союзов молодежи» говорил:

«Вы должны быть первыми строителями коммунистического общества среди миллионов строителей, которыми должны быть

¹ Впервые опубликовано в газете «Правда» № 112 (14141) 22 апреля 1957 г.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 30.

³ Там же, стр. 265.

всякий молодой человек, всякая молодая девушка. Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте»¹.

Наряду с Советами, профсоюзами и Коммунистическим союзом молодежи Ленин придавал большое значение роли в механизме диктатуры пролетариата массовых кооперативных организаций, охватывающих самые широкие слои трудящегося крестьянства.

Громадная роль кооперативной организации как приводного ремня от Коммунистической партии и рабочего класса к самым широким крестьянским массам в борьбе за построение социализма обусловлена, как подчеркивал Ленин, такими объективными факторами, как «...власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.»².

В статье «О кооперации» (1923) Ленин глубоко обосновал положение о том, что в условиях диктатуры пролетариата кооперация вообще и сельскохозяйственная в особенности приобретает огромное значение в качестве организационной формы, наиболее приспособленной к задаче вовлечения миллионов мелких производителей, в первую голову крестьянства, в русло социалистического строительства.

«...Строй цивилизованных кооператоров,— подчеркивал Ленин,— при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма»³.

Широко опираясь во всей своей деятельности на профессиональные союзы, Коммунистический союз молодежи, кооперацию, Коммунистическая партия, как неоднократно отмечал Ленин, непосредственно осуществляет свою руководящую роль в системе диктатуры пролетариата через Советы. Советы, указывал Ленин, есть прямое выражение пролетарской диктатуры, органы государственной власти, образуемые самими трудящимися массами, органы государственного союза пролетариата с трудящимся крестьянством под руководством рабочего класса, союза, являющегося высшим принципом диктатуры пролетариата.

«Союз рабочих и крестьян,— писал Ленин,— вот что дала нам Советская власть. Вот в чем ее сила. Вот в чем залог наших успехов и нашей окончательной победы»⁴.

Укрепление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, укрепление Советов, улучшение их повседневных связей с рабочими и особенно крестьянскими массами Ленин всегда рассматривал как

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 265.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 428.

³ Там же, стр. 431.

⁴ Там же, стр. 221.

одну из важнейших сторон руководящей деятельности Коммунистической партии.

Исходя из ленинских положений, VIII съезд РКП(б), как известно, в своих решениях закрепил курс Коммунистической партии на установление и укрепление союза рабочего класса со средним крестьянством в борьбе против кулачества, при опоре на бедноту. В своей резолюции по организационному вопросу VIII съезд РКП(б) особо подчеркнул необходимость правильной организации под указанным углом зрения взаимоотношений между Коммунистической партией и массовыми организациями трудящихся, и прежде всего Советами, которые «...объединяют в своих рядах десятки миллионов трудящихся и должны стремиться к тому, чтобы объединить в своих рядах весь рабочий класс и все беднейшее и среднее крестьянство»¹.

Отметив, что Коммунистическая партия ставит себе задачей завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д., съезд указал, что «Коммунистическая партия особенно добивается проведения своей программы и своего полного господства в современных государственных организациях, какими являются Советы»².

Успешно решить эту задачу, говорилось в резолюции съезда, Коммунистическая партия может только своей практической, повседневной, самоотверженной работой в Советах, выдвижением на все советские посты своих наиболее стойких и преданных членов. Съезд вместе с тем сформулировал принципиально важное положение о недопустимости каких-либо смешений функций партийных организаций с функциями Советов как государственных органов.

«Свои решения,— подчеркивалось в резолюции съезда,— партия должна проводить через советские органы, в рамках Советской конституции. Партия старается *руководить* деятельностью Советов, но не заменять их»³.

Рассматривая вопрос о том, что конкретно представляет собою «...общий механизм пролетарской государственной власти...»⁴, исходя из практики осуществления диктатуры пролетариата в первые годы после Октябрьской социалистической революции, Ленин ясно формулировал вывод, что руководящей силой этого механизма закономерно и объективно является Коммунистическая партия как авангард трудящихся и что осуществление руководящей роли партии возможно только при самой тесной опоре партии на массовые общественные и государственные организации трудящихся, объединяющие и сплачивающие в своих рядах самые широкие слои рабочего класса и трудящегося крестьянства.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7-е, М., 1954, стр. 446.

² Там же.

³ Там же.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 31.

§ 4. Ленинский принцип демократического централизма в организации и деятельности советского государственного аппарата

1. Механизм диктатуры пролетариата, говорил Ленин, должен быть максимально приурочен, приспособлен к тому, чтобы успешно решать основные задачи и функции диктатуры пролетариата в борьбе за построение социалистического и коммунистического общества.

Под этим углом зрения Ленин подходил и к вопросу о том, каковы должны быть основные принципы организации и деятельности советского государственного аппарата, аппарата нового, высшего исторического типа, создаваемого непосредственно самими трудящимися массами, как власть «...их собственного объединения...»¹.

Коренное преимущество Советского государства в сравнении с буржуазным Ленин и видел прежде всего в том, что Советы — это органы государственной власти нового типа, впервые в истории человечества уже не стоящие над трудящимися в виде особого аппарата насилия над ними, а непосредственно связанные с рабоче-крестьянскими массами и объединяющие их лучших, наиболее сознательных и передовых представителей в борьбе за построение социализма и коммунизма.

Советское государство,— говорил в этой связи Ленин, означает замену буржуазной демократии «...новой демократией,— демократией, которая выдвигает авангард трудящихся масс, делая из них законодателя, и исполнителя, и военную охрану, и создает аппарат, который может перевоспитать массы»².

Советская власть как демократия нового, высшего исторического типа, писал Ленин, обладает следующими отличительными чертами и преимуществами:

а) Она представляет собою «...объединение наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически»³.

б) Советская организация означает «уничтожение парламентаризма (как отделение законодательной работы от исполнительной); соединение законодательной и исполнительной государственной работы. Слияние управления с законодательством»⁴.

в) Для советской организации характерной является «более тесная связь с массами всего аппарата государственной власти и государственного управления, чем прежние формы демократизма»⁵.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 390.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 109.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 129.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

г) Советская власть в целях охраны социалистических завоеваний трудящихся от покушений на них со стороны внешних и внутренних врагов советского строя обеспечивает создание «...вооруженной силы рабочих и крестьян, наименее оторванной от народа (Советы = вооруженные рабочие и крестьяне)»¹.

д) Советская организация обеспечивает более полный демократизм в силу меньшей формальности, большей легкости выбора и отзыва депутатов избирателями.

е) Тесная и непосредственная связь Советов с рабоче-крестьянскими массами — источником государственной власти — «...дает возможность осуществлять глубокие социалистические преобразования», обеспечивает «...возможность устранить бюрократию, обойтись без нее, начало реализации этой возможности»².

ж) Отличительной чертой советской демократии является: «перенесение центра тяжести в вопросах демократизма с формального признания формального равенства буржуазии и пролетариата, бедных и богатых на практическую осуществимость пользования свободой (демократией) трудящейся и эксплуатируемой массой населения»³.

Конкретно-исторической особенностью Советов в России, говорил Ленин, обусловленной ожесточенным сопротивлением свергнутых социалистической революцией эксплуататорских классов мероприятиям Советской власти, является то, что Советы первоначально представляют собой объединение и организацию «угнетенных капитализмом трудящихся и эксплуатируемых масс и только их. т. е. только рабочих и беднейших крестьян, полупролетариев, при автоматическом исключении эксплуататорских классов и богатых представителей мелкой буржуазии»⁴. Исключение эксплуататоров из Советов, лишение их избирательных прав в Советы было, как известно, закреплено первой Советской конституцией в 1918 году.

Лишение эксплуататоров избирательного права в Советы, участия в Советах, однако, — как неоднократно указывал Ленин, — вовсе не составляет какого-либо органического признака диктатуры пролетариата, советской демократии. Это — мера временного, переходящего порядка. В «Черновом наброске проекта программы» к VII съезду РКП(б) Ленин писал, что одной из важнейших задач Советской власти является «...распространение советской конституции, по мере прекращения сопротивления эксплуататоров, на все население»⁵.

В своей «Вставке к политической части программы» на VIII съезде партии Ленин также специально указывал, что развитие советской демократии в прямом соответствии с успехами со-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 129.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 130.

циалистического строительства и решением задачи ликвидации эксплуататорских классов неизбежно и закономерно должно привести к введению всеобщего избирательного права без всяких ограничений¹.

Определяя общие закономерности развития советской демократии, ее цели и задачи, Ленин подчеркивал: «Дальнейшее развитие советской организации государства должно состоять в том, чтобы каждый член Совета обязательно нес постоянную работу по управлению государством, наряду с участием в собраниях Совета; — а затем в том, чтобы все население поголовно привлекалось постепенно как к участию в советской организации (при условии подчинения организациям трудящихся), так и к несению службы государственно-го управления»².

Конечную цель советской социалистической демократии, путь ее наиболее полного и всестороннего развития Ленин определил как переход «...через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством»³.

2. Касаясь вопроса о принципах организации и деятельности Советов как органов государственной власти, Ленин особо подчеркивал, что организационно-политической основой построения и развития советского государственного аппарата является демократический централизм.

Сущность демократического централизма, говорил Ленин, его противоположность централизму бюрократическому, характеризующему буржуазное государство, определяется самой природой Советского социалистического государства, которое выражает коренные интересы и волю трудящегося большинства народа в борьбе за построение нового, коммунистического общества.

В условиях Советского государства, советской демократии, подчеркивал неоднократно Ленин, нет и не может быть какого-либо противопоставления центральных, руководящих органов государственной власти местным Советам, непосредственно избираемым трудящимися массами, ибо в этих условиях центральные органы власти представляют собою впервые в истории человечества не нечто чужеродное, стоящее над народом и его подавляющее, а являются властью собственного объединения трудящихся, которой они сознательно подчиняются и предписания которой всецело поддерживают и активно, инициативно проводят в жизнь.

«Буржуазия только тогда признает государство сильным, — говорил Ленин в первые же дни после победы Октябрьской революции, — когда оно может всей мощью правительственного

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 105.

² В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 129—130.

³ Там же, стр. 130.

аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. Наше понятие о силе иное. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно»¹.

Демократический централизм применительно к организации и деятельности Советского государства проявляется, как указывал Ленин, в следующем:

а) В политическом и организационном единстве системы высших, центральных и местных органов государственной власти, в том, что Советы, непосредственно образуемые трудящимися массами, сочетают функции полновластных государственных органов с функциями органов подлинного самоуправления трудящихся. Эта характерная черта демократического централизма подчеркнута в программе РКП(б), принятой на VIII съезде партии в 1919 году, в которой указывалось, что Советское государство осуществило «...в несравненно более широком виде, чем где бы то ни было, местное и областное самоуправление, без каких бы то ни было сверху назначаемых властей»².

б) В неуклонном проведении в жизнь принципа выборности и сменяемости депутатов Советов, систематической их отчетности в своей деятельности перед избирателями, в осуществлении трудящимися права отзыва непригодных депутатов и замены их более достойными лицами.

в) В обязательности выполнения нижестоящими органами государственной власти и государственного управления директив и распоряжений вышестоящих органов; в гибком сочетании единого, централизованного в общегосударственном масштабе планового руководства всеми сторонами государственного и общественного строительства с максимальным развертыванием местной инициативы, местного творчества в решении общих задач социалистического строительства.

Демократический централизм, писал Ленин, «...предполагает в первый раз историей созданную возможность полного и беспрепятственного развития не только местных особенностей, но и местного почина, местной инициативы, разнообразия путей, приемов и средств движения к общей цели»³.

г) Одну из характерных черт демократического централизма применительно к деятельности советского государственного аппарата Ленин видел в сочетании к о л л е г и а л ь н о с т и и е д и н о н а ч а л и я в государственном управлении.

В наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» Ленин убедительно показал полную несостоятельность всякого рода утверждений о том, что единоначалие якобы несовместимо ни с демо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 224.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1, изд. 7-е, М., 1954, стр. 413.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 181.

кратизмом, ни с советским типом государства, ни с коллегиальностью управления.

Демократический принцип организации советского государственного управления означает, писал Ленин, что «...каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь. Но из этого вовсе не следует, чтобы допустим был малейший хаос или малейший беспорядок насчет того, кто ответствен в каждом отдельном случае за определенные исполнительные функции, за проведение в жизнь определенных распоряжений, за руководство определенным процессом общего труда в известный промежуток времени»¹.

В соответствии с демократической природой Советского государства трудящиеся массы должны, указывал Ленин, иметь право выбирать себе ответственных руководителей, иметь право сменять их, право знать и проверять каждый, самый малый шаг их деятельности. «Масса должна иметь право выдвигать всех без изъятия рабочих членов массы на распорядительные функции»².

«Но это нисколько не означает, — говорил Ленин далее, — чтобы процесс коллективного труда мог оставаться без определенного руководства, без точного установления ответственности руководителя, без строжайшего порядка, создаваемого единством воли руководителя. Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма»³. Таким образом, подчеркивал Ленин, демократизм организации советского государственного управления и особенно управления в области крупной промышленности должен сочетаться с формами централизованного единоличного руководства. Однако, с другой стороны, осуществление этого централизованного руководства возможно только в том случае, как отмечал Ленин, если оно опирается на инициативу и творческую самодеятельность трудящихся масс, впервые в условиях советской демократии становящихся сознательными и активными строителями нового, социалистического строя. Демократический централизм Ленин рассматривал как важнейший принцип правильной организации и проведения политики Советского государства, направленной на социалистическое преобразование народного хозяйства.

Особое значение в интересах совершенствования советского государственного аппарата Ленин придавал укреплению тесных повседневных связей органов Советской власти с рабоче-крестьянскими массами, систематическому привлечению этих масс к действительному

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 185—186.

² Там же, стр. 186.

³ Там же.

контролю через органы рабоче-крестьянской инспекции над деятельностью государственного аппарата.

Ленин указывал, что в работе советского государственного аппарата сверху донизу центр внимания должен быть перенесен на умелый подбор и расстановку кадров и проверку фактического исполнения, на беспощадную борьбу со всякого рода бюрократическими извращениями в деятельности государственного аппарата, сго систематическое совершенствование, на соблюдение величайшей экономии в расходовании средств на содержание аппарата.

Важнейшей задачей и главной целью совершенствования работы советского государственного аппарата Ленин считал дальнейшее укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством. В конечном счете, писал Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин» (1923), «...судьба нашей республики будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т.е. новой буржуазии, разединить себя с рабочими, расколоть себя с ними»¹.

В статье «Лучше меньше, да лучше» (1923) Ленин в этой же связи отмечал:

«Мы должны постараться построить государство, в котором рабочие сохранили бы свое руководство над крестьянами, доверие крестьян по отношению к себе и с величайшей экономией изгнали бы из своих общественных отношений всякие следы каких бы то ни было излишеств.

Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата»².

Красной нитью через все высказывания В. И. Ленина о принципах организации и деятельности Советского государственного аппарата проходит мысль о том, что это — государственный аппарат нового, высшего исторического типа, не противостоящий трудящимся массам в качестве бюрократической централизованной машины в руках эксплуататорских классов для подавления этих масс, а являющийся впервые в истории созданием самих трудящихся, могучим орудием в их борьбе за построение нового, социалистического и коммунистического общества. Эта ленинская мысль, оправданная всей историей развития Советского государства, не в бровь, а в глаз бьет по всякого рода ревизионистским извращениям марксистской теории и, в частности, по измышлениям современных югославских ревизионистов, отрицающих великую преобразующую роль социалистического государства и значение принципа демократического централизма в процессе осуществления трудящимися массами коренных задач социалистического и коммунистического строительства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 444.

² Там же, стр. 459.

§ 5. Ленинские принципы устройства Советского многонационального государства

В. И. Ленин, Коммунистическая партия с первых же дней социалистической революции уделяли особое внимание организации и развитию советского многонационального государства на базе социалистических принципов советской федерации.

Ленинские принципы добровольного объединения равноправных национальных советских республик в одном государстве, развитые им, как уже отмечалось выше, еще в период февраля — октября 1917 года, с победой Октябрьской социалистической революции нашли свое воплощение в таком важнейшем конституционном акте Советской власти, как Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа (январь 1918 г.).

«Советская Российская Республика, — говорилось в Декларации, — учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик». Декларация вместе с тем установила, что конкретные формы организации этого союза могут быть определены лишь свободным волеизъявлением трудящихся масс каждой из национальных советских республик.

В. И. Ленин теоретически обосновал создание и укрепление тесного военного и военно-хозяйственного союза народов Советской страны и непосредственно руководил процессом установления братских связей между РСФСР, Украинской, Белорусской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской и другими советскими республиками.

Советскую федерацию Ленин рассматривал как целесообразную, оправданную жизнью форму теснейшего объединения народов России на базе общности их интересов в борьбе против империализма, за строительство социализма в едином Советском многонациональном государстве¹.

Ленин неоднократно подчеркивал при этом, что советская федерация вполне совместима с принципом демократического централизма.

«Противники централизма, — указывал Ленин, — постоянно выдвигают автономию и федерацию, как средства борьбы со случайностями централизма. На самом деле демократический централизм нисколько не исключает автономию, а напротив — предполагает ее необходимость. На самом деле даже федерация, если она проведена в разумных, с экономической точки зрения, пределах, если она основывается на серьезных национальных отличиях, вызывающих действительную необходимость в известной государственной обособленности, — даже федерация нисколько не противоречит

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 181.

демократическому централизму. Сплошь и рядом федерация при действительно демократическом строе, а тем более при советской организации государственного устройства, является лишь переходным шагом к действительно демократическому централизму»¹.

В годы гражданской войны и иностранной интервенции В. И. Ленин вел огромную работу по сплочению сил всех народов России на основе советской федерации и автономии в интересах совместной борьбы советских наций против белогвардейцев и интервентов, в интересах успешного социалистического строительства.

В проекте резолюции ЦК РКП(б) о Советской власти на Украине, принятом Пленумом ЦК, а затем VIII Всероссийской конференцией РКП(б), в «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу победы над Денкиным», в статье «Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам» и в других работах Ленин особо подчеркивал значение принципа интернациональной общности интересов трудящихся различных национальностей, жизненной необходимости создания и укрепления добровольных федеративных связей братских советских национальных республик, образования свободного и равноправного государственного союза советских наций.

Исходя из опыта развития федеративных взаимоотношений между РСФСР и другими независимыми Советскими республиками, складывавшихся в суровых условиях периода гражданской войны и иностранной военной интервенции, Ленин еще в июне 1920 года сформулировал вывод о том, что трудящиеся массы всех народов советских республик должны «... стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся...»².

В 1922 году Ленин выдвинул в борьбе с великодержавным шовинизмом и местным национализмом идею образования Союза ССР — единого союзного советского многонационального государства в составе РСФСР, УССР, БССР и ЗСФСР.

Ленин подверг принципиальной критике точку зрения так называемых «автономистов», которой некоторое время придерживался И. В. Сталин. «Автономисты» предлагали ограничить создаваемый союз советских республик рамками РСФСР с тем, чтобы все остальные независимые братские советские республики входили в состав РСФСР лишь на правах ее автономных республик. Ленин убедитель-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 180—181.

² В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 125.

но показал, что этот проект ставит РСФСР в привилегированное положение в сравнении с другими республиками и тем самым играет на руку великодержавным шовинистам, являясь отходом от принципа пролетарского интернационализма.

Исходя из принципа пролетарского интернационализма, Ленин обосновал идею создания Союза ССР как братского и добровольного объединения совершенно равноправных советских социалистических республик, в котором РСФСР не должна занимать какого-либо привилегированного положения в сравнении с другими республиками. В письме к членам Политбюро ЦК РКП(б) от 27 сентября 1922 г. Ленин в данной связи особо отмечал: «...Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию...»¹.

Одной из важных организационно-политических мер борьбы против великодержавного шовинизма В. И. Ленин считал обеспечение полного равноправия всех советских союзных республик в руководстве общесоюзным Центральным Исполнительным Комитетом, высшим органом государственной власти в период между съездами Советов СССР.

В своей «Записке в Политбюро о борьбе с великодержавным шовинизмом» от 6 октября 1922 г. В. И. Ленин в связи с этим категорически указывал:

«Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть...»

Надо *абсолютно* настоять, чтобы в союзном ЦИКе *председательствовали* по очереди

русский

украинец

грузин и т. д.

Абсолютно!»².

Ленин, несмотря на тяжкую болезнь, непосредственно руководил работой специальной комиссии ЦК РКП(б), разрабатывавшей основные принципы создания Союза ССР на началах полного равенства и подлинно добровольного волеизъявления народов всех суверенных национальных республик. Эти ленинские принципы нашли свое правовое воплощение в исторических актах I съезда Советов Союза ССР — Декларации и Договоре об образовании СССР, составивших основу первой Конституции Советского союзного многонационального государства.

Создание Союза Советских Социалистических Республик в 1922 году явилось замечательной победой ленинской национальной политики Коммунистической партии. Это была победа ленинских идей пролетарского интернационализма в строительстве Советского социалистического государства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 671 (примечание 664).

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 335.

§ 6. В. И. Ленин о роли советского права и советской законности в укреплении социалистического общественного и государственного строя

1. В. И. Ленин неустанно подчеркивал, что социалистическое право является могучим средством в борьбе за укрепление созданных социалистической революцией новых, прогрессивных экономических и политических порядков, в борьбе за построение социализма и коммунизма.

Укреплению советского права и советской законности, разъяснению трудящимся массам того обстоятельства, что в социалистическом государстве закон, выражая коренные, жизненные интересы рабочих и крестьян, их волю, надежды и стремления, является активным орудием общественных преобразований, В. И. Ленин уделял неослабное внимание с первых же дней социалистической революции.

Исторические декреты Октября, законодательно закрепившие основы строительства советского общественного и государственного строя, самого демократического в мире, явились убедительным подтверждением творческой роли новых, передовых политических и правовых идей, идей научного коммунизма, которые овладели массами.

В первые месяцы социалистической революции, указывал Ленин, декреты Советской власти «...служили формой пропаганды»¹. Это был период, когда «...большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в народных массах»².

Однако, говорил Ленин, это была отнюдь не пропаганда общих истин, абстрактных лозунгов. «Наш декрет есть призыв, но не призыв в прежнем духе: «Рабочие, поднимайтесь, свергайте буржуазию!». Нет, это — призыв к массам, призыв их к практическому делу. Декреты, это — инструкции, зовущие к массовому практическому делу. Вот что важно. Пусть в этих декретах многое негодно, много такого, что в жизнь не пройдет. Но в них есть материал для практического дела, и задача декрета состоит в том, чтобы научить практическим шагам те сотни, тысячи и миллионы людей, которые прислушиваются к голосу Советской власти»³. В этих ленинских высказываниях, таким образом, подчеркивается значение советского права как активной преобразующей силы, организующей трудящиеся массы на практическое проведение в жизнь поли-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 272.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 185—186.

тики Советского государства, направленной на построение социалистического общества.

Исключительное значение В. И. Ленин в этой же связи придавал законодательному закреплению в Советской конституции социалистических завоеваний победивших в революции трудящихся масс.

Советская конституция, как указывал Ленин, сложилась в ходе острой классовой борьбы трудящегося большинства народа против эксплуататоров. Она появилась на свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной социалистической революции. Ее целью было закрепление социальных и политических порядков, выражающих коренные интересы и волю трудящихся масс. Эта конституция явилась законодательным выражением победы диктатуры пролетариата и Советской власти как ее государственной формы.

Значение Советской конституции, отмечал Ленин далее, состоит в том, что она юридически закрепила то, что решила жизнь, — отмену капиталистической и помещичьей собственности, ее превращение в собственность пролетарского государства, общенародное достояние. В этой связи Ленин особо подчеркивал, что после захвата власти рабочий класс держит, сохраняет власть и укрепляет ее, как всякий класс, изменением отношения к собственности и новой конституцией¹.

Ленин видел основную особенность Советской конституции в том, что она впервые в истории законодательно закрепила реальные права и политические свободы, завоеванные рабочим классом и идущими за ним трудовыми крестьянскими массами в процессе социалистической революции, в процессе подавления ожесточенного сопротивления низвергнутых эксплуататорских классов.

В Советской конституции, говорил Ленин, законодательно закреплена прочный, нерушимый союз рабочего класса с трудящимся крестьянством в борьбе за создание нового, социалистического общества.

Первая Советская конституция — образец Основного закона государства нового, высшего исторического типа, государства без эксплуататоров и против эксплуататоров. Исходя из этого, Ленин неоднократно указывал на великое международное значение Советской конституции как самой демократической в мире, отражающей идеалы пролетариата всего мира².

Международное значение первой Советской конституции было обусловлено тем, что она убедительно и ясно выявила перед миллионами простых трудящихся людей во всем мире преимущества нового, советского общественного и государственного строя, характеризующегося, по ленинской оценке, «...гигантским, всемирно-историческим расширением демократии, превращением ее из лжи в правду,

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 30, стр. 441.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 512.

освобождением человечества от оков капитала, *искажающего и урезывающего* всякую, даже и самую «демократическую» и республиканскую, *буржуазную* демократию»¹.

Наконец, принципиальной особенностью Советской конституции является, как указывал Ленин, то, что она представляет собой законодательную основу существования и развития нового государственного и общественного строя, создаемого трудящимися массами по единому научному плану, ибо строительство социализма проводится этими массами сознательно, под руководством и по программе Коммунистической партии.

2. В борьбе против врагов социализма В. И. Ленин не раз указывал, что органы Советского государства, осуществляя основные задачи и функции диктатуры пролетариата, действуют в полном соответствии с выраженной в законах волей рабочего класса и руководимых им трудящихся масс, на основе и в рамках Советской конституции, руководствуются принципами революционной законности.

В. И. Ленин всегда призывал трудящиеся массы к неуклонному соблюдению законов Советской власти.

Ленинские положения по этому вопросу получили свое воплощение в известном постановлении Чрезвычайного VI Всероссийского съезда Советов «О точном соблюдении законов» (1918), которое обязывало всех граждан Республики, все органы и всех должностных лиц Советской власти к строжайшему соблюдению законов, а также изданных и издаваемых центральной властью постановлений, положений и распоряжений.

Подчеркивая роль и значение строжайшего соблюдения революционной законности в условиях гражданской войны, В. И. Ленин в августе 1919 года в «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» особо отмечал: «Малейшее беззаконие, малейшее нарушение советского порядка есть уже дыра, которую медленно используют враги трудящихся, — есть *зацепка* для побед Колчака и Деникина»².

Революционная законность явилась мощным средством в руках Советского государства в осуществлении им его задач и функций в период гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Роль и значение советского права и революционной законности еще более ярко выявились в период перехода к мирной работе по восстановлению народного хозяйства страны.

В. И. Ленин после победоносного окончания гражданской войны выдвинул в качестве одной из важнейших задач партии и Советского государства всемерное укрепление и совершенствование советского социалистического правопорядка, советской революционной законности.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 348.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 515.

Важнейшими задачами социалистической законности Ленин считал всемерное содействие успешному осуществлению новой экономической политики, борьбу с административным произволом и бюрократизмом в работе советского государственного аппарата, усиление охраны прав трудящихся. Особо важное значение Ленин придавал роли социалистической законности в укреплении политической и экономической основы союза рабочего класса с крестьянством.

В. И. Ленин обращал особое внимание на необходимость тщательного и неуклонного соблюдения всеми органами государственной власти и управления норм советского закона, единых и обязательных для всей Советской страны. В письме И. В. Сталину для Политбюро «О «двойном» подчинении и законности» (1922) В. И. Ленин подчеркивал, что законность должна быть единой всероссийской и даже единой для всей федерации советских республик.

В этом письме Ленин с особой силой подчеркнул, что интересы социалистического строительства объективно диктуют необходимость самой твердой и последовательной борьбы за единообразное понимание и применение законов на всей территории советских республик. В этой связи Ленин, в частности, решительно возражал против осуществления начал «двойного подчинения» применительно к организации и деятельности советской прокуратуры как специального органа надзора за проведением в жизнь советской законности. Ленин категорически настаивал на подчинении местных органов прокуратуры только центру с тем, чтобы они были полностью независимы от местных властей и местных влияний. Ленин беспощадно высмеял доводы тех, кто пытался доказать, что сугубая централизация органов прокуратуры есть якобы проявление «высокомерия» со стороны центральных органов по отношению к местным работникам. «Есть ли высокомерие, — писал Ленин, — в том взгляде, что законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже единая для всей федерации Советских республик?»¹.

Давая исчерпывающий ответ на этот вопрос, Ленин указывал: ««Двойное» подчинение необходимо там, где надо уметь учитывать действительно существующую неизбежность различия. Земледелие в Калужской губернии не то, что в Казанской. То же относится ко всей промышленности. То же относится ко всему администрированию или управлению. Не учитывать во всех этих вопросах местных отличий значило бы впасть в бюрократический централизм и т. п., значило бы мешать местным работникам в том учете местных различий, который является основой разумной работы. Между тем, законность должна быть одна, и основным злом во всей нашей жизни и во всей нашей некультурности является попустительство исконно-русского взгляда и привычки полудикарей, желающих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 326.

сохранить законность калужскую в отличие от законности казанской»¹.

Подчинение местной прокурорской власти только центру, указывал вместе с тем Ленин, вовсе не представляет собой какого-либо отступления от принципа демократического централизма, ибо «...прокурорский надзор никакой административной власти не имеет... Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям»².

Ленинский тезис о единстве законности, ее единообразном понимании и применении на территории всех советских республик получил свое всестороннее юридическое закрепление и воплощение в первой Конституции Союза ССР.

Огромное значение в интересах укрепления социалистической законности и правопорядка Ленин придавал кодификации советского права.

Ленинские указания и директивы сыграли огромную роль в процессе осуществления сложной задачи кодификации советского права в 1922—1923 гг. Особенно важное значение эти ленинские указания имели при подготовке гражданского и уголовного кодексов РСФСР.

Ленин, как известно, внимательнейшим образом следил, несмотря на тяжелую болезнь, за ходом работ по подготовке Гражданского кодекса РСФСР, подчеркивал принципиальную важность выработки основ нового, советского гражданского права, предостерегал против опасности увлечения конструкциями буржуазного гражданского права, неприемлемыми в условиях советского строя. В письме к Д. И. Курскому от 20 февраля 1922 г. Ленин в этой связи указывал:

«Мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное». Отсюда, указывал Ленин, вытекает задача «... расширить применение государственного вмешательства в «частно-правовые» отношения, расширить право государства отменять «частные» договоры, применять не *сopus jurgis hominū* к «гражданским правоотношениям», а наше *революционное правосознание*...»³.

В письме к Д. И. Курскому 28 февраля 1922 г. Ленин обращал особое внимание на то, чтобы при подготовке Гражданского кодекса Наркомюстом были учтены следующие моменты:

1) НКом Юст должен проследить и проверить *лично*, кто именно отвечает за каждый важный отдел гражданского кодекса.

2) Все, что есть в литературе и опыте западноевропейских стран *в защиту* трудящихся, взять непременно.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 327.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 36, стр. 518.

3) Не ограничиться этим (это самое важное)...*Не угодать Европе, а продвигаться дальше в усилении вмешательства государства в частноправовые отношения, в гражданские дела*¹.

Эти принципиальные ленинские указания легли в основу Гражданского кодекса РСФСР, принятого IV сессией ВЦИК в октябре 1922 года.

В. И. Ленин внес в проект отдельных статей Уголовного кодекса РСФСР ряд существенных поправок и дополнений, которые были направлены на усиление роли советского уголовного законодательства в подавлении контрреволюционного сопротивления классовых врагов Советской власти.

В. И. Ленин указывал на необходимость систематического усовершенствования советского законодательства и укрепления советского правопорядка в интересах успешного социалистического строительства, обороны страны, подавления сопротивления эксплуататоров, укрепления политических и экономических основ союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, всемерной охраны социалистических завоеваний трудящихся масс, их прав и свобод, гарантированных Советской конституцией.

§ 7. Дальнейшее творческое развитие Коммунистической партией Советского Союза марксистско-ленинской теории государства и права

Правильность ленинских положений о роли и значении социалистического государства и права в осуществлении основных задач переходного периода от капитализма к коммунизму была подтверждена всем ходом успешного социалистического строительства в СССР. В практике этого строительства Коммунистическая партия в борьбе с врагами ленинизма непрестанно совершенствовала и творчески развивала марксистско-ленинское учение о диктатуре пролетариата.

Общеизвестно огромное теоретическое и практически-политическое значение решений XIV партийной конференции, XIV, XV, XVI и XVII партийных съездов в деле всестороннего обоснования и конкретизации ленинского учения о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, находящейся в капиталистическом окружении, в осуществлении ленинской программы всемерного укрепления и совершенствования деятельности Советского государства, в идейном разгроме различного рода троцкистско-бухаринских, антиленинских теорий.

В борьбе с антиленинскими группами, в разгроме их «идейных» позиций большую роль сыграли такие труды И. В. Сталина, как, например, «Об основах ленинизма», «К вопросам ленинизма».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 176—177.

В работе «Об основах ленинизма» (1924) И. В. Сталин дал известное определение ленинизма, ставшее ценным достоянием мировой марксистской мысли, как марксизма эпохи империализма и пролетарских революций.

В работе было показано, что ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности, имеющая своей целью построение социалистического общества в стране победившей социалистической революции.

В труде «К вопросам ленинизма» (1925) было подчеркнуто, что главное в марксизме-ленинизме состоит именно в учении о диктатуре пролетариата, в творческой разработке, конкретизации и правильном применении на практике этого учения.

На базе ленинских отправных идей в этой работе И. В. Сталина была проведена ценная в теоретическом отношении конкретизация таких существенно важных для марксистско-ленинской общественной науки вопросов, как вопросы о характерных отличиях пролетарской революции от буржуазной, о целях, задачах и основных сторонах диктатуры пролетариата, о системе (механизме) диктатуры пролетариата и руководящей роли в ней Коммунистической партии. В работе «К вопросам ленинизма» была убедительно вскрыта вместе с тем полная несостоятельность троцкистско-зиновьевских клеветнических измышлений о том, что якобы диктатура пролетариата в СССР сводится «к диктатуре партии», что руководящая роль партии равнозначна диктатуре партии.

И. В. Сталин показал в этом труде, что Коммунистическая партия осуществляет основные задачи диктатуры пролетариата не непосредственно, а через посредство Советов как органов государственной власти, опираясь при этом на общественные организации трудящихся, но ни в коей мере не подменяя собой государственных и общественных организаций рабочего класса и трудящегося крестьянства. Сила Коммунистической партии, значение ее руководящей роли определяются, обусловлены именно тем, что партия неразрывно связана с народными массами, что она правильно выражает кровные интересы, волю и сознание рабочего класса и всех трудящихся, что она, опираясь на марксистско-ленинскую теорию общественного развития, намечает и указывает конкретные пути и перспективы строительства социализма и коммунизма, определяет политику, характер и направление деятельности социалистического государства по осуществлению основных целей диктатуры пролетариата.

В борьбе с антиленинской бухаринской идеей «ослабления» диктатуры пролетариата по мере продвижения к социализму в решениях руководящих партийных органов и в трудах И. В. Сталина было развито и обогащено ленинское положение о всемерном укреплении диктатуры пролетариата и ее высшего принципа — союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, о непрестанном совершенствовании Советского социалистического государства

и советского права, повышении их организующей роли в процессе осуществления задач строительства социализма и коммунизма в СССР.

Вопросам усовершенствования советского государственного аппарата, в особенности усиления повседневных связей Советов с рабоче-крестьянскими массами, оживления их деятельности во всех областях общественного, хозяйственного и культурного строительства, а также укрепления социалистической законности было уделено большое внимание в резолюциях ряда партконференций, в решениях XIV, XV, XVI и XVII съездов партии.

Так, например, в резолюции XIV конференции РКП(б) «О партийном строительстве» (апрель 1925 г.) в развитие ленинских принципов всемерного укрепления тесных связей советского государственного аппарата с трудящимися массами особо подчеркивалось, что основной директивой партии в области политической «...должно быть оживление Советов и улучшение пролетарского руководства крестьянством через советские органы власти...»¹. В резолюции далее отмечалось, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства «...требуют максимального упрочения революционной законности...»². Эти же положения были подтверждены и развиты и в резолюции XIV съезда ВКП(б) (декабрь 1925 г.), утвердившего в борьбе с троцкистско-зиновьевской оппозицией ленинскую генеральную линию партии на индустриализацию СССР³.

В резолюции о работе ЦКК и РКИ XIV съезд партии уделил большое внимание вопросам усовершенствования и рационализации работы советского государственного аппарата, подбора его кадров, борьбе с бюрократизмом, широкому привлечению трудящихся масс к борьбе с недостатками в работе Советов и т. д. В резолюциях XIV съезда ВКП(б) о работе профсоюзов и о работе комсомола была также подчеркнута вся важность оживления и укрепления деятельности профсоюзных и комсомольских организаций как важнейших приводных ремней от Коммунистической партии к трудящимся массам.

Точно так же и XV съезд ВКП(б) (1927 г.), съезд коллективизации сельского хозяйства, в своих решениях и, в частности, в резолюции о работе ЦКК—РКИ указал, что одной из важнейших задач партии является мобилизация трудящихся масс на неукоснительное проведение в жизнь ленинских принципов развертывания советской демократии, на совершенствование государственного аппарата, ликвидацию различного рода бюрократических извращений в его работе, проверку исполнения советских законов.

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7-е, М., 1954, стр. 132.

² Там же, стр. 162.

³ См. там же, стр. 193—199, 200.

Съезд указал, что «...развитие пролетарской демократии, оживление и укрепление Советов, вовлечение новых сотен тысяч рабочих и крестьян в дело управления государством, наконец, подъем культурного уровня рабочих и вообще трудящихся масс есть основное условие успешности нашей борьбы с бюрократизмом и улучшения нашего государственного аппарата»¹.

Съезд обратил внимание партийных организаций на необходимость усилить «...согласно неоднократным указаниям Ленина и ленинской партии, проверку исполнения советских законов, обеспечив с помощью рабочих и крестьян массовую проверку проведения в жизнь всех важнейших мероприятий правительства и установив строжайшую ответственность лиц и органов, виновных в задержке и невыполнении законов правительства»².

В резолюции XVI конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.) «Об итогах и ближайших задачах борьбы с бюрократизмом» были также четко намечены следующие очередные задачи партии в области улучшения государственного аппарата и борьбы с бюрократизмом: а) проверка исполнения; б) улучшение личного состава государственного аппарата; в) приведение системы управления в соответствие с системой нашего хозяйства и требованиями, предъявляемыми хозяйственным развитием к государственному аппарату»³.

Особую важность этих задач в условиях развернутого социалистического строительства на базе проведения в жизнь ленинской программы индустриализации СССР и коллективизации сельского хозяйства подчеркнул и XVI съезд партии в своих резолюциях по отчету ЦК ВКП(б) и по отчету ЦКК—РКИ.

Вся работа органов ЦКК—РКИ, отмечалось в решениях XVI съезда партии, должна быть подчинена осуществлению «...основной поставленной Лениным задачи приспособления государственного аппарата к наилучшему обслуживанию масс и к сохранению и укреплению союза рабочего класса с крестьянством на основе индустриализации страны и социалистического переустройства сельского хозяйства»⁴.

Конкретная программа дальнейшей перестройки и совершенствования работы всего механизма диктатуры пролетариата в соответствии с новыми условиями, созданными успешной социалистической реконструкцией всего народного хозяйства страны, была намечена и в резолюции XVII съезда ВКП(б) в 1934 году по организационным вопросам.

Руководствуясь ленинскими идеями о необходимости непрерывного укрепления и совершенствования механизма диктатуры пролетариата, повседневно обеспечивая тесную и неразрывную

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, изд. 7-е, М., 1954, стр. 446.

² Там же, стр. 444.

³ Там же, стр. 591—592.

⁴ Там же, стр. 24.

связь партийных и советских органов с рабоче-крестьянскими массами, систематически развивая и направляя творческую инициативу и самостоятельность этих масс, Коммунистическая партия смогла успешно решить историческую задачу построения социалистического общества в нашей стране.

Победа социализма в СССР с исчерпывающей убедительностью показала правильность и жизненность марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и ее творческую преобразующую роль в решении основных задач переходного периода от капитализма к социализму — первой фазе коммунистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Ленин В. И., Очередные задачи Советской власти, Соч., т. 27, с. 207—246.
Ленин В. И., Пролетарская революция и ренегат Каутский, Соч., т. 28, с. 207—302.
Ленин В. И., набросок правил об управлении советскими учреждениями, Соч., т. 28, с. 326—329.
Ленин В. И., Письмо к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, Соч., т. 29, с. 511—518.
Ленин В. И., Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата, Соч., т. 30, с. 87—96.
Ленин В. И., О диктатуре пролетариата, Соч., т. 30, с. 73—86.
Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, с. 1—97.
Ленин В. И., Письмо Д. И. Курскому, Соч., т. 33, с. 176—177.
Ленин В. И., О «двойном» подчинении и законности, Соч., т. 33, с. 326—330.
Ленин В. И., О кооперации, Соч., т. 33, с. 427—435.
Ленин В. И., О нашей революции, Соч., т. 33, с. 436—439.
Ленин В. И., Как нам реорганизовать Рабкрин, Соч., т. 33, с. 440—444.
Ленин В. И., Лучше меньше, да лучше, Соч., т. 33, с. 445—460.
Ленин В. И., К вопросу о национальностях или об «автономизации», Соч., т. 36, с. 553—559.
Сталин И. В., Октябрьская революция и тактика русских коммунистов, Соч., т. 6, с. 358—401.
Сталин И. В., Об основах ленинизма, Соч., т. 6, с. 69—188.
Сталин И. В., К вопросам ленинизма, Соч., т. 8, с. 13—90.
«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», М., 1954, ч. I—II.
«История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959.

ГЛАВА XXX

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА И ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ В СССР

§ 1. Победа социализма в СССР — торжество марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. § 2. Развитие учения о социалистическом государстве в решениях XVIII съезда ВКП(б). § 3. Развитие марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистического государства в период после второй мировой войны в решениях XX съезда КПСС и в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. § 4. Решения XXI съезда КПСС — новый выдающийся вклад в марксистско-ленинскую теорию

§ 1. Победа социализма в СССР — торжество марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата

Победа социализма в СССР имеет всемирно-историческое значение. Впервые на опыте СССР были практически доказаны правильность и жизненность марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата и о закономерностях ее развития, о ее творческой, организующей, мобилизующей и преобразующей роли в построении социалистического общества. Это была победа ленинского учения о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, находящейся в капиталистическом окружении.

Победа социализма в СССР практически доказала правильность ленинского учения о Советском государстве как главном орудии

построения социализма и защиты Советской страны от агрессии со стороны капиталистического окружения.

На основе утверждения социалистического строя в СССР в классовой структуре советского общества произошли коренные изменения. Были ликвидированы эксплуататорские классы, а с ними антагонистические противоречия внутри советского общества. В СССР остались только дружественные классы трудящихся: рабочий класс как руководящая сила советского общества и крестьяне, в подавляющей своей массе прочно вставшие на путь колхозного строительства. Осталась советская трудовая интеллигенция, неразрывно связавшая свою судьбу с рабочим классом и колхозным крестьянством. Сложилось морально-политическое единство советского народа. Окрепла и расцвела на базе ленинских принципов пролетарского интернационализма братская дружба народов СССР. Победа социализма обусловила огромный подъем советского патриотизма. Таким образом, на основе победы социализма возникли и утвердились новые движущие силы советского общества.

Коренные изменения в общественно-политической жизни СССР, вызванные победой социализма, обусловили необходимость дальнейшего всестороннего усовершенствования Советского социалистического государства и права, существенной перестройки системы и форм деятельности государственных органов, всемерного развития социалистического демократизма, укрепления социалистической законности.

Важнейшие основы этой перестройки и усовершенствования советской государственной и правовой системы в соответствии с новыми историческими условиями развития советского общества были закреплены в Конституции СССР, разработанной по инициативе и под руководством Коммунистической партии и принятой Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов в декабре 1936 года.

В докладе И. В. Сталина о проекте Конституции СССР, сделанном на этом съезде, была дана развернутая характеристика основных принципов и особенностей новой Конституции, ее значения для перестройки государственно-правовой системы СССР в соответствии с коренными изменениями в экономическом базисе страны. В докладе была подчеркнута роль Конституции в законодательном утверждении основ социалистического общественного устройства СССР на базе безраздельного господства социалистической собственности и социалистической системы хозяйства, в осуществлении начал развернутого социалистического демократизма, в закреплении системы экономических, политических и юридических гарантий реализации гражданами СССР их незыблемых прав и свобод. Великое международное значение новой Конституции СССР, говорил И. В. Сталин, заключается в том, что она является документом, свидетельствующим о реальных фактах победы социализма в Советском Союзе, фактах окончательного освобождения

трудящихся СССР от капиталистического рабства, о непобедимой жизненной силе советского социалистического общественного и государственного строя. И именно поэтому она является обвинительным актом против фашизма и империалистической реакции во всем мире, моральным подспорьем для всех борцов против фашистского варварства.

Конституция СССР 1936 года, законодательно закрепившая победу социализма, явилась документом выдающегося международного значения, документом творческого марксизма-ленинизма.

§ 2. Развитие учения о социалистическом государстве в решениях XVIII съезда ВКП(б)

Условия новой исторической эпохи настоятельно требовали дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории социалистического государства.

Коммунистическая партия в решениях своих руководящих органов неустанно подчеркивала, что победа социализма обуславливает развитие на ее основе принципов социалистического демократизма, законодательно воплощенных в Конституции СССР, дальнейшее развитие прочных и нерушимых связей Коммунистической партии, Советского государства и советского народа, усиление ответственности советских государственных органов перед трудящимися массами, дальнейшее совершенствование Советского государства как главного орудия построения коммунизма.

Так, например, в резолюции Пленума ЦК ВКП(б) от 27 февраля 1937 г по вопросу о подготовке партийных организаций к выборам в Верховный Совет СССР особое внимание партии было обращено на то, что следствием введения в жизнь всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании будет дальнейшее усиление политической активности масс, вовлечение новых слоев трудящихся в управление государством. «Тем самым, — говорилось в резолюции, — диктатура пролетариата становится более гибкой, а стало быть, более мощной системой государственного руководства рабочего класса обществом, база диктатуры рабочего класса расширяется, ее основа становится более прочной»¹.

Вывод о необходимости всемерного укрепления Советского социалистического государства в интересах успешной борьбы за коммунизм красной нитью проходит через все содержание постановления ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. В постановлении особо отмечалась необходимость положить конец антимарксистской, вульгаризаторской путанице, выражающейся «в распространении

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 291.

неправильных взглядов на Советское государство, в принижении роли и значения социалистического государства как главного оружия в руках рабочих и крестьян для победы социализма и для защиты социалистических завоеваний трудящихся от капиталистического окружения»¹.

Взгляды Коммунистической партии Советского Союза по вопросу о необходимости дальнейшего укрепления и совершенствования Советского социалистического государства как главного орудия построения коммунизма нашли свое выражение в отчетном докладе ЦК ВКП(б) на XVIII съезде партии (1939).

В докладе И. В. Сталина на этом съезде на основе ленинских указаний и обобщения огромного опыта Советского государства по строительству социализма в СССР был сделан ряд ценных выводов о главных фазах развития Советского социалистического государства, об обусловленности развития его основных задач, функций и форм важнейшими изменениями в жизни советского общества, а также международной обстановкой.

Из факта ликвидации в СССР последних эксплуататорских классов закономерно и объективно вытекает, как подчеркивалось в докладе, отпадение у Советского государства такой его функции, как функция подавления эксплуататоров внутри страны, ибо подавлять больше некого в смысле класса. В связи с этим в условиях окончательного упрочения социалистического строя роль важнейших функций социалистического государства во все более и более возрастающей степени приобретают хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная деятельность его органов, а также функция охраны социалистической собственности². Вместе с тем, как отмечалось далее в докладе, наличие агрессивного капиталистического окружения, наличие постоянной угрозы военного нападения империалистических государств на Советский Союз диктует необходимость полного сохранения такой важной функции Советского государства, как функция обороны Советской

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 318.

² Следует иметь при этом в виду, что в разделе доклада И. В. Сталина, посвященном вопросу об основных функциях Советского государства, сохранились отдельные формулировки, догматическое восприятие которых в свое время приводило многих авторов к ошибочным утверждениям. Так, например, долгое время в советской литературе имела хождение догматическая формула о том, что функция охраны социалистической собственности якобы возникла у Советского государства только лишь со вступлением во вторую главную фазу его развития, между тем, как В. И. Ленин еще с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции подчеркивал огромное значение деятельности Советского государства по охране общественного достояния от покушений на него со стороны различного рода антиобщественных элементов. Точно так же догматическая трактовка положения И. В. Сталина о единой функции хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности органов Советского государства приводила ряд авторов к определенной недооценке важнейшего самостоятельного значения культурно-воспитательной деятельности Советского государства, ее роли в решении задачи коммунистического воспитания трудящихся.

страны, укрепления и совершенствования ее вооруженных сил, а также борьбы за мир.

При наличии капиталистического окружения, указывал И. В. Сталин, страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, разведку, армию, если страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением.

В связи с этим в докладе на XVIII съезде партии было выдвинуто новое положение марксистско-ленинской теории социалистического государства: о возможности и необходимости сохранения государства и при коммунизме, при том условии, если сохранится капиталистическое окружение. В отчетном докладе ЦК ВКП(б) и в решениях XVIII партийного съезда было ясно и четко сформулировано положение о том, что с осуществлением в основном первой фазы коммунизма — социализма перед партией и Советским государством в качестве непосредственной, первоочередной задачи встает задача организации и подготовки всех предпосылок, обеспечивающих дальнейшее развитие советского общества по пути постепенного перехода к коммунизму.

Исходя из необходимости обеспечить окончательный успех коммунизма в его историческом соревновании с капитализмом, XVIII съезд партии определил основную экономическую задачу СССР на ближайший период — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки ¹. Из этой задачи, поставленной съездом партии, вытекал вывод о всемерном развертывании и совершенствовании хозяйственно-организаторской деятельности Советского государства.

XVIII съезд партии указывал, далее, что в условиях вступления СССР в новую полосу развития, в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму решающее значение приобретает дело коммунистического воспитания трудящихся, преодоление пережитков капитализма в сознании людей — строителей коммунизма ².

Тем самым XVIII съезд партии подчеркнул все растущее значение культурно-воспитательной деятельности Советского государства.

Решения XVIII съезда партии, обобщившие практику победоносного построения социализма в СССР, конкретизировали и развили марксистско-ленинское учение о строительстве коммунистического общества и роли социалистического государства в этом строительстве. Руководствуясь намеченной съездом программой, Коммунистическая партия и Советское государство мобилизовали

¹ См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 341—342.

² Там же, стр. 340.

творческую энергию советских людей, вдохновили их на новые трудовые успехи в деле завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму в СССР.

В 1941 году мирное строительство в Советской стране было, как известно, насильственно прервано вероломным нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков, угрожавших самому существованию первого и единственного в то время в мире социалистического государства.

Годы Отечественной войны явились периодом самого сурового испытания, суровой проверки в огне величайших военных трудностей правильности и жизненности ленинских принципов социализации советского социалистического общественного и государственного строя, ленинского учения о диктатуре пролетариата.

Ход и исход Отечественной войны 1941—1945 гг. убедительно выявили принципиальные, коренные преимущества советской социалистической общественной и политической системы в сравнении с буржуазной, капиталистической.

В ходе войны перед лицом всего мира полностью раскрылись необоримая жизненная мощь диктатуры пролетариата и величайшее значение Коммунистической партии Советского Союза как руководящей и направляющей силы в ее системе. Полностью подтвердились незыблемость и прочность ленинских принципов союза рабочих и крестьян, дружбы народов СССР, советского патриотизма.

Советский народ под руководством своей Коммунистической партии сыграл решающую роль в разгроме во второй мировой войне гитлеровской Германии и милитаристской Японии, создав тем самым благоприятную обстановку для окончательного освобождения ряда народов Европы и Азии от ярма империализма, установления строя народной демократии, вступления этих народов на путь социалистического строительства.

§ 3. Развитие марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистического государства в период после второй мировой войны в решениях XX съезда КПСС и в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран

В результате победы советского народа и других свободолюбивых народов во второй мировой войне над силами фашизма и мировой реакции коренным образом изменилось соотношение сил капитализма и социализма на международной арене.

Важнейшим следствием этой победы явилось превращение социализма в мировую систему, непрерывно развивающуюся, крепнущую и объединяющую ныне свыше одной трети человечества.

После победы Октябрьской революции и успешного построения социализма в СССР победа великой Китайской народной революции, народно-демократических революций в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании, Вьетнаме, Северной Корее, создание Германской Демократической Республики — явились новым триумфом марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата. Полностью подтвердилась правильность гениального предвидения В. И. Ленина о том, что все страны мира так или иначе, своеобразными путями и методами неизбежно придут к социализму, но что, несмотря на изобилие и разнообразие политических форм, сущность указанных форм во всех странах в период перехода этих стран от капитализма к социализму будет одна — диктатура пролетариата.

Опыт Коммунистической партии Советского Союза в руководстве успешной борьбой народов СССР за осуществление задач коммунистического строительства, опыт коммунистических и рабочих партий народно-демократических стран в проведении социалистических преобразований в этих странах, опыт всего международного коммунистического движения в период после второй мировой войны творчески обогатил и развил дальше марксистско-ленинскую теорию диктатуры пролетариата и социалистического государства.

Ценнейшим вкладом в сокровищницу марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата являются исторические решения XX и XXI съездов КПСС, опирающиеся на глубокое изучение и обобщение исторических событий послевоенного периода.

В отчетном докладе ЦК КПСС, с которым на XX съезде партии выступил товарищ Н. С. Хрущев, и в резолюции съезда по докладу были проанализированы и обобщены основные итоги созидательной работы советского народа в деле строительства коммунизма в СССР. В докладе и в решениях XX съезда партии была намечена развернутая программа мер, необходимых для решения главной экономической задачи Советского государства — в кратчайшие исторические сроки догнать и перегнать передовые капиталистические страны по объему продукции — объему производства средств производства и продуктов потребления на душу населения. В соответствии с грандиозными задачами дальнейшего успешного движения советского общества по пути к коммунизму в решениях XX съезда КПСС была особо подчеркнута необходимость серьезного улучшения и усовершенствования всей деятельности советского государственного аппарата, развертывания советского социалистического демократизма, творческой инициативы и самостоятельности трудящихся масс, существенного расширения прав союзных республик, укрепления социалистической законности и правопорядка.

XX съезд КПСС полностью одобрил мероприятия ЦК партии, направленные на ликвидацию серьезных нарушений социалистиче-

ского демократизма, норм Советской Конституции и социалистической законности, имевших место в последний период жизни и деятельности И. В. Сталина и обусловленных культом его личности.

Съезд признал важнейшей обязанностью всех партийных и советских органов последовательно стоять на страже советской законности, принимать все необходимые меры для решительного пресечения нарушений социалистического правопорядка и для всемерной охраны демократических прав граждан СССР, закрепленных в Советской Конституции.

XX съезд КПСС осудил культ личности И. В. Сталина и его вредные последствия, подчеркнув, что культ личности является принципиально чуждым духу марксизма-ленинизма и природе социалистического общественного строя.

В решениях XX съезда КПСС, в постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. было подчеркнуто, что систематическое развертывание социалистического демократизма, укрепление социалистической законности и правопорядка, рост творческой инициативы и самостоятельности трудящихся масс, все более и более активное их участие в управлении своим государством и в строительстве коммунизма являются важнейшей закономерностью общественно-политической жизни СССР, объективно порождаемой самой природой социалистического строя.

Опираясь на глубокий марксистско-ленинский анализ современной международной и внутренней обстановки, XX съезд КПСС указал, что главной чертой нашей эпохи составляет «...выход социализма за рамки одной страны и превращение его в мировую систему, причем капитализм оказался бессильным помешать этому всемирно-историческому процессу»¹.

Съезд отметил также, что в послевоенный период из-под колониальной и полуколониальной зависимости освободилось более одного миллиарда двухсот миллионов человек — почти половина населения земного шара. XX съезд КПСС с полным основанием смог подчеркнуть в связи с этим в своей резолюции вывод о том, что ныне наступил «...предвиденный великим Лениным новый период всемирной истории, когда народы Востока принимают активное участие в решении судеб всего мира, становятся новым мощным фактором международных отношений»², оказывающим огромное воздействие на нормализацию этих отношений, укрепление дела мира во всем мире. XX съезд КПСС отметил, что в результате указанных коренных изменений в международном развитии в настоящее время создалась обширная зона мира, включающая как социалистические, так и несоциалистические миролюбивые государства Европы и Азии и охватывающая больше половины

¹ «Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 4.

² Там же, стр. 7.

населения земного шара. Съезд указал также на значение и такого фактора укрепления миролюбивых сил, как все более и более растущая роль коммунистических партий капиталистических стран в руководстве массовым движением трудящихся, направленным против империалистических войн, на защиту демократических прав трудящихся, сохранение и укрепление национально-государственной независимости в борьбе против сил империалистической агрессии.

XX съезд КПСС указал, что совокупность всех этих факторов создает особо благоприятные условия для успешного осуществления ленинского принципа мирного сосуществования государств с различным социальным строем и позволяет сделать вывод, что в настоящее время уже нет фатальной неизбежности новых войн. «Теперь,— говорится в резолюции XX съезда КПСС,— имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать,— дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы»¹.

События истекших после XX съезда КПСС лет, ознаменовавшихся позорным крахом англо-франко-израильской агрессии против Египта, провалом контрреволюционного путча в Венгрии, а также срывом империалистической агрессии против Сирии и Иракской республики явились блестящим подтверждением правильности и жизненности приведенного выше положения.

В исторических решениях XX съезда КПСС было выдвинуто новое творческое большой принципиальной важности положение марксистско-ленинской теории — о возможности мирного развития социалистической революции в отдельных капиталистических странах и использования, при наличии определенных конкретно-исторических условий, парламентских форм для перехода к социализму.

Возможность мирного развития социалистической революции и использования парламентских форм для перехода к социализму в отдельных капиталистических странах определяется, как подчеркнуто в решениях XX съезда КПСС, тем, что для этого в настоящее время победой социализма в СССР и успешным социалистическим строительством в других странах мировой социалистической системы созданы объективные условия. Съезд указал, что в результате коренных сдвигов в пользу социализма на международной арене и огромного возрастания притягательной силы идей социализма среди трудящихся масс всех стран мира складываются более благоприятные условия для победы социалистической революции в капиталистических странах.

¹ «Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 11—12.

В ряде капиталистических стран, говорится в резолюции XX съезда КПСС, рабочий класс, возглавляемый его передовой частью, имеет в современных условиях реальную возможность объединить под своим руководством подавляющее большинство народа и обеспечить переход основных средств производства в руки народа. Рабочий класс, объединяя вокруг себя трудящееся крестьянство, широкие круги интеллигенции, все патриотические силы и давая решительный отпор оппортунистическим элементам, неспособным отказаться от политики соглашательства с капиталистами и помещиками, имеет возможность нанести поражение реакционным, антинародным силам, завоевать прочное большинство в парламенте и превратить его из органа буржуазной демократии в орудие действительной народной воли ¹.

Решения XX съезда КПСС, обобщившие опыт строительства коммунизма в СССР, а также опыт строительства социализма в других странах мировой социалистической системы, опыт мирового коммунистического движения в целом, обогатили, таким образом, марксистско-ленинскую теорию диктатуры пролетариата и социалистического государства рядом новых ценных выводов и положений. Эти новые теоретические положения встретили одобрение и горячую поддержку коммунистических и рабочих партий всех стран мира, каждая из которых вносила и вносит свой вклад в общее дело дальнейшей творческой разработки марксистско-ленинского учения.

VIII съезд Коммунистической партии Китая, XIV съезд Коммунистической партии Франции, VIII съезд Коммунистической партии Италии, съезды коммунистических и рабочих партий других стран выразили свою полную солидарность с решениями XX съезда КПСС. Все коммунистические и рабочие партии подчеркнули, что единство взглядов и действий марксистско-ленинских партий на основе марксистско-ленинской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата является важнейшей гарантией полного торжества дела коммунизма и мира во всем мире.

В решениях XX съезда КПСС и решениях съездов коммунистических и рабочих партий других стран был убедительно обоснован важный вывод о наличии общих закономерностей процесса развития социалистической революции и социалистического строительства, объективно присущих всем странам мира, несмотря на различия в конкретно-исторической обстановке, наличие специфических национальных традиций и особенностей каждой из этих стран.

Свое обобщенное выражение этот вывод получил в исторической Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, состоявшегося в Москве 14—16 ноября 1957 г., в дни, когда все прогрессивное человечество

¹ См. «Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу ЦК КПСС», Госполитиздат, 1956, стр. 13—14.

отмечало всемирно-исторические итоги 40-летнего развития Советского социалистического государства.

Опыт СССР и других социалистических стран, говорится в Декларации, полностью подтвердил правильность положения марксистско-ленинской теории о том, что процессы социалистической революции и социалистического строительства основываются на ряде общих закономерностей, одинаково присущих всем странам, вступающим на путь социализма. Эти закономерности проявляются всюду при наличии большого разнообразия исторически сложившихся национальных особенностей и традиций, которые следует непременно учитывать¹.

Декларация подчеркнула, что такими общими для всех стран закономерностями являются: руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции в той или иной форме и установлении диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся, ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на построение социализма и коммунизма, на повышение жизненного уровня трудящихся, осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарский интернационализм².

Вместе с тем в Декларации было особо подчеркнуто, что коммунистические и рабочие партии во всей своей деятельности должны твердо и последовательно руководствоваться принципом умелого сочетания всеобщих закономерностей, всеобщих истин марксизма-ленинизма с конкретной практикой революции и социалистического строительства в каждой отдельной стране. Коммунистические и рабочие партии, указывалось в Декларации, должны творчески применять общие закономерности социалистической революции и социалистического строительства в соответствии с конкретными условиями своих стран, учиться друг у друга и обмениваться опытом.

«Творческое применение проверенных опытом жизни общих закономерностей социалистического строительства и разнообразие

¹ См. «Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», Госполитиздат, 1957, стр. 13—14.

² См. там же, стр. 14.

форм и методов строительства социализма в разных странах являются коллективным вкладом в теорию марксизма-ленинизма», — таков важнейший вывод, сформулированный в исторической Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

Решения XX съезда КПСС и Декларация Совещания коммунистических и рабочих партий социалистических стран сыграли выдающуюся роль в борьбе как с догматизмом и начетничеством, так и, в особенности, с главной опасностью для современного международного коммунистического движения — ревизионизмом, яростно выступающим против марксистско-ленинских принципов социалистической революции и диктатуры пролетариата.

Современные ревизионистские взгляды нашли, как известно, свое выражение, в частности, в партийной программе, принятой на VII съезде Союза коммунистов Югославии (1958).

Многие положения этой программы представляют собою отход от марксизма-ленинизма. Они близки к теориям правых социал-демократов о «мирном вращении» капитализма в социализм через государственно-монополистический капитализм, о якобы надклассовом характере буржуазного государства и буржуазной демократии в настоящее время. Программа СКЮ в ряде мест фактически стирает принципиальную грань между социалистической и капиталистической системами, отрицает необходимость и закономерность диктатуры пролетариата и руководящей роли коммунистических партий в переходный период от капитализма к коммунизму. Более того, программа объявляет социалистическое государство чуть ли не главным общественным злом, якобы препятствующим развитию настоящей демократии для трудящихся. В ней проповедуется неправильная теория отмирания пролетарского государства сразу же после победы социалистической революции. Программа СКЮ содержит отступление от принципов пролетарского интернационализма. Она отрицает наличие общих объективных закономерностей развития, присущих всем странам в условиях переходного периода от капитализма к социализму. В этой программе отражается так называемая теория национального коммунизма, направленная на подрыв интернационального единства трудящихся стран социалистической системы и потому поднятая на шит империалистической пропагандой.

Эти ревизионистские ошибки программы СКЮ справедливо подвергались острой принципиальной критике со стороны коммунистических и рабочих партий всех стран мира, и прежде всего со стороны коммунистических и рабочих партий социалистических стран.

Решения XX съезда КПСС и Декларация Совещания коммунистических и рабочих партий социалистических стран являются ярким выражением и воплощением творческого применения и развития марксистско-ленинской теории, ее непрерывного обогащения опытом жизни, реальной действительности.

§ 4. Решения XXI съезда КПСС — новый выдающийся вклад в марксистско-ленинскую теорию

На основе решений XX съезда КПСС народы СССР, руководимые ленинской Коммунистической партией, добились за последние годы новых замечательных успехов в области коммунистического строительства, в развитии социалистического демократизма, усовершенствовании форм и методов партийного и государственного руководства всеми сторонами жизни советского общества. На основе решений XX съезда КПСС Коммунистическая партия и Советское государство осуществили коренную перестройку организационных форм руководства промышленностью, строительством, сельским хозяйством; значительно расширили права союзных республик и местных Советов; еще больше укрепили свои связи с народными массами города и деревни, создали еще более благоприятные условия для развития активности и самодеятельности трудящихся масс во всех областях коммунистического строительства.

Коммунистическая партия Советского Союза единодушно осудила и разгромила беспринципную антипартийную группировку Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина и Шепилова, выступившую против ленинского курса партии, утвержденного XX съездом КПСС, пытавшуюся помешать проведению в жизнь важнейших партийных директив, направленных на решение основных задач коммунистического строительства.

Успешное проведение в жизнь решений XX съезда КПСС обеспечило в настоящий момент вступление СССР в новый исторический период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества. Величественную программу этого развернутого коммунистического строительства наметил внеочередной XXI съезд КПСС (январь—февраль 1959 г.), утвердивший контрольные цифры семилетнего плана развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг.

В докладе товарища Н. С. Хрущева на этом съезде и в решениях съезда получил свое дальнейшее обогащение и творческое развитие ряд важнейших положений марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистического государства применительно к конкретным условиям периода развернутого строительства коммунизма в СССР.

В докладе товарища Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС по-новому поставлены и конкретно разработаны такие кардинальные проблемы марксистско-ленинской теории, как вопрос об окончательной победе социализма в СССР, о двух фазах коммунистического общества и о закономерностях перехода от социализма к коммунизму, о роли социалистического государства, его основных задачах и функциях, тенденциях его развития в период развернутого коммунистического строительства. В этих доку-

ментах выдвинут также новый важный тезис об общих закономерностях развития всех стран социалистической системы по пути к коммунизму.

Непосредственным выводом из опыта успешного развития коммунистического строительства в СССР в современных условиях, из коренного изменения соотношения сил на международной арене между капиталистической и социалистической системами в пользу социализма является развитое в докладе товарища Н. С. Хрущева новое положение о том, что в настоящее время опасность реставрации капитализма в СССР в результате военной агрессии капиталистических держав исключена, что означает не только полную, но и окончательную победу социализма в СССР.

В тесной и неразрывной связи с этим выводом находится также содержащееся в докладе товарища Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС новое положение о том, что «...страны социализма, успешно используя заложенные в социалистическом строе возможности, более или менее одновременно будут переходить в высшую фазу коммунистического общества»¹.

Этот вывод непосредственно опирается на плодотворный опыт все растущих и крепнущих братских взаимосвязей и братской взаимопомощи всех стран социалистической системы в осуществлении общих задач социалистического и коммунистического строительства, которые открывают максимально благоприятные перспективы для действия закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства этих стран.

В документах XXI съезда КПСС со всей силой подчеркнут вывод о том, что в результате успешного выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР, успешного развития экономики всех стран социалистической системы на основе заложенных в этой системе объективных преимуществ в сравнении со странами капитализма в недалеком будущем может быть полностью обеспечен решающий перевес сил мира на международной арене. Все это в ближайшей перспективе создает возможность окончательно устранить войну как средство решения международных вопросов.

Важнейшее теоретическое и практическое значение имеют содержащиеся в документах XXI съезда КПСС новые положения, развивающие и конкретизирующие марксистско-ленинское учение о двух фазах коммунистического общества. В этих документах указываются основные закономерности перерастания социализма в коммунизм, главные задачи периода развернутого коммунистического строительства в СССР, характеризуется роль социалистического государства в решении этих задач.

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 126.

В докладе товарища Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС особо подчеркивается, что переход от социализма к коммунизму — это объективный и закономерный исторический процесс. Теория марксизма-ленинизма и практический опыт строительства социалистического общества дают основания для вывода, что, во-первых, нельзя сразу и произвольно перейти от капитализма к коммунизму, минуя социалистическую фазу развития; во-вторых, что при всех различиях между низшей и высшей фазами коммунизма между ними нет какой-либо непроходимой стены, что коммунизм вырастает из социализма, являясь результатом всестороннего развития социалистического общества; в-третьих, что характерной чертой постепенного перехода от социализма к коммунизму являются высокие темпы роста социалистического народного хозяйства и социалистической культуры на базе достижений современной науки и техники, все возрастающее активное и сознательное участие миллионов трудящихся в решении важнейших задач коммунистического строительства.

В теснейшей связи с указанными закономерностями перехода от социализма к коммунизму в документах XXI съезда КПСС сформулированы и главные задачи периода развернутого строительства коммунистического общества в СССР.

«Главные задачи этого периода,— как указывается в докладе товарища Н. С. Хрущева,— создание материально-технической базы коммунизма, дальнейшее укрепление экономической и оборонной мощи СССР и одновременно все более полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей народа. Практически должна быть решена историческая задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения»¹.

Выдающаяся роль в деле решения важнейших задач периода развернутого строительства коммунистического общества в СССР принадлежит, как подчеркнуто в документах XXI съезда КПСС, Советскому социалистическому государству.

«Самым главным результатом героической борьбы и труда советского народа,— говорится в резолюции XXI съезда КПСС,— является созданное им новое общество — социализм и соответствующий ему политический строй — Советское социалистическое государство»².

В докладе товарища Н. С. Хрущева, в документах XXI съезда КПСС в связи с этим уделено особое внимание творческой разработке таких важнейших вопросов марксистско-ленинской теории,

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 15—16.

² «Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959, стр. 6.

как вопросы политической организации общества, государственного устройства и управления в период развернутого строительства коммунизма.

В докладе товарища Н. С. Хрущева получило новое, творческое развитие известное положение марксизма-ленинизма о том, что при коммунизме государство отомрет, что функции общественного управления утратят свой политический характер и превратятся в непосредственное народное управление делами общества. Товарищ Хрущев, исходя из ленинских идей и опираясь на всесторонний анализ реальной роли Советского социалистического государства в осуществлении основных задач перехода от социализма к коммунизму, убедительно показал, что вопрос об отмирании государства, если его понимать диалектически — это «вопрос о развитии социалистической государственности в коммунистическое общественное самоуправление»¹.

В своем труде «Государство и революция» В. И. Ленин, рассматривая проблему отмирания государства при коммунизме, ясно указал, что реальный путь постепенного осуществления этого отмирания лежит через максимальное развертывание социалистической демократии.

В «Десяти тезисах о Советской власти» В. И. Ленин со всей силой подчеркнул значение систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению тягот по управлению государством².

Как показал опыт СССР, период перехода от социализма к коммунизму создает максимально благоприятные условия для всемерного развития советской социалистической демократии по этому, указанному Лениным, пути.

В докладе товарища Н. С. Хрущева в связи с этим особо отмечается, что «главным направлением в развитии социалистической государственности является всемерное развертывание демократии, вовлечение самых широких слоев населения в управление всеми делами страны, привлечение всех граждан к участию в руководстве хозяйственным и культурным строительством»³.

В докладе товарища Н. С. Хрущева и документах XXI съезда КПСС сделан конкретный практический вывод, имеющий вместе с тем огромное теоретическое значение, о том, что в интересах всемерного развития советской демократии многие функции, выполняемые государственными органами, постепенно должны переходить в ведение общественных организаций. Речь идет, как отмечается в докладе товарища Хрущева, о функциях государственных органов, связанных с вопросами культурного обслуживания

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 119.

² См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 130.

³ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 120.

населения, организации здравоохранения и курортного обслуживания, руководства физкультурным движением.

Особое значение приобретает деятельность общественных организаций в области обеспечения общественного порядка и соблюдения правил социалистического общежития. В документах XXI съезда КПСС прямо поставлена задача привлечения общественных организаций трудящихся к делу обеспечения общественного порядка и безопасности наряду с органами милиции и судами, развертывания деятельности таких добровольных организаций трудящихся, как народная милиция, товарищеские суды.

Из решений XXI съезда КПСС непосредственно вытекает задача максимальной активизации работы профсоюзных, комсомольских и других общественных организаций трудящихся по выполнению некоторых функций государственных органов, а также всестороннее оживление деятельности местных Советов, всей массы их депутатов и общественного актива Советов в различных областях государственного управления.

В документах съезда со всей силой подчеркнут вывод о том, что выполнение общественными организациями ряда функций государственных органов обеспечит расширение и укрепление политической основы социалистического общества, дальнейшее развитие социалистической демократии и тем самым будет способствовать укреплению социалистического государства, успешному выполнению им его основных задач и функций в условиях периода развернутого коммунистического строительства.

В докладе товарища Н. С. Хрущева и в решениях XXI съезда КПСС обращено вместе с тем особое внимание на всестороннее обоснование важного тезиса о том, что переход отдельных функций от государственных органов к общественным организациям вовсе не означает ослабления роли социалистического государства в строительстве коммунизма.

«Ленинизм учит,— говорил товарищ Н. С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС,— что отмирание государства произойдет при полной победе коммунизма. В настоящих условиях ослаблять социалистическое государство — значит помогать врагам. Если империалисты нас не могут сейчас разбить, то ревизионисты, по существу, предлагают нам самим разоружиться, уничтожить государственные органы, которые обеспечивают оборону страны, и отдаться таким образом на милость врагов. Функции защиты социалистического отечества, выполняемые ныне государством, могут отмереть лишь тогда, когда полностью будет устранена опасность нападения со стороны империалистов на нашу страну или на союзные с нами страны»¹.

¹ Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959, стр. 124.

Такие основные функции социалистического государства, как функция защиты социалистического отечества, а также функция борьбы за мирное сосуществование стран с различными социальными системами, полностью сохраняют, как подчеркивается в документах XXI съезда КПСС, свое значение и в условиях современного периода развернутого коммунистического строительства в СССР и требуют к себе неослабного внимания со стороны Коммунистической партии и советского народа.

Деятельность Советского государства по осуществлению миролюбивой внешней политики и обеспечению обороноспособности Советской страны представляет собой, как подчеркнул XXI съезд КПСС, существенно важный фактор успешного решения задачи коммунистического строительства, являющейся главной задачей Советского государства.

В решениях XXI съезда КПСС в развитие положений, выдвинутых XX съездом партии, обоснован важный в теоретическом и практическом отношении вывод о том, что в условиях периода развернутого коммунистического строительства все более решающее значение приобретает задача дальнейшего укрепления и развития хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности Советского социалистического государства.

В «Контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», утвержденных XXI съездом КПСС, в связи с этим указывается: «Важнейшим условием успешного выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства СССР является дальнейшее укрепление нашего государства, усиление его хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельности»¹.

Хозяйственно-организаторская деятельность Советского социалистического государства в современных условиях имеет своей непосредственной целью мобилизацию и организацию творческой активности миллионов советских людей в интересах успешного решения задачи создания материально-технической основы коммунистического общества.

В процессе развернутого коммунистического строительства все более и более возрастает значение культурно-воспитательной деятельности Советского социалистического государства, направленной на коммунистическое воспитание трудящихся. Осуществление грандиозного плана коммунистического строительства, как указано в резолюции XXI съезда КПСС, «требует от партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций дальнейшего улучшения всей работы по воспитанию советских людей, повышению их сознательности и активности, формированию нового человека в духе коллективизма и трудолюбия, сознания

¹ Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет, т. II, Госполитиздат, 1959, стр. 544.

общественного долга, в духе социалистического интернационализма и патриотизма, неуклонного соблюдения высоких принципов коммунистической морали»¹.

В документах XXI съезда КПСС обращено внимание также на необходимость дальнейшего сохранения и развития таких важных функций Советского социалистического государства, как функция охраны социалистической собственности, функция контроля за мерой труда и мерой потребления.

В свое время В. И. Ленин, касаясь в труде «Государство и революция» проблемы отмирания государства, указывал, что при социализме, после решения задачи подавления сопротивления эксплуататоров, отпадающей в результате ликвидации эксплуататорских классов, все еще остается необходимость в государстве как орудии охраны социалистической собственности и охраны социалистического принципа распределения по труду. Осуществляя эти ленинские указания, социалистическое государство охраняет социалистическую собственность — источник благосостояния всего общества и каждого его члена — от посягательств на нее со стороны отдельных малосознательных, антиобщественных элементов. Социалистическое государство обеспечивает осуществление принципа социалистического распределения по труду, борется со злостными нарушителями этого принципа, исходя из того, что для всех трудоспособных членов общества нерушимым правилом является ленинское положение: «кто не работает, тот не ест».

В период развернутого строительства коммунизма расцветает советский социалистический демократизм и получает дальнейшее развитие, как отмечается в материалах XXI съезда КПСС, деятельность Советского государства, направленная на охрану социалистического правопорядка, прав и законных интересов граждан, дальнейшее укрепление социалистической законности. Это является выражением объективных закономерностей развития советского социалистического государства. Решения XXI съезда КПСС нацеливают партию, Советское государство на дальнейшее всестороннее развитие политической линии, намеченной XX съездом КПСС, линии, направленной на всемерное укрепление ленинских принципов социалистической законности и систематическое усовершенствование советского законодательства, советского права — важных факторов успешного осуществления задач коммунистического строительства.

В документах XXI съезда КПСС особо подчеркнуто также растущее значение такой новой функции Советского государства, а также государств других социалистических стран (условия для

¹ «Резолюция XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959, стр. 23—24.

которой были созданы с образованием мировой социалистической системы), как функция организации сотрудничества, взаимопомощи и обмена опытом между социалистическими государствами. Осуществление этой функции содействует более или менее равномерному движению всех стран социалистической системы к коммунизму, способствует убыстрению темпов этого закономерного и объективного процесса.

Существенное теоретическое и практическое значение имеет также выдвинутый в докладе товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС тезис, подчеркивающий, что весь опыт борьбы за победу социализма и коммунизма в нашей стране и в других социалистических странах подтверждает одно из важнейших положений ленинизма о том, что в процессе строительства коммунистического общества роль партии должна возрастать, а не ослабляться, как это утверждают современные ревизионисты. Руководство всеми сторонами процесса коммунистического строительства со стороны Коммунистической партии, теснейшим образом связанной с народными массами и вооруженной творческой марксистско-ленинской теорией общественного развития, является важнейшим условием победы коммунизма, объективной закономерностью современной эпохи.

* * *

Решения XXI съезда КПСС наносят новый сокрушительный удар как по догматизму и начетничеству, так и по ревизионизму, злостно искажающему и извращающему сущность марксистско-ленинского учения.

Эти решения являются новым выдающимся образцом творческого развития марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистического государства, обогащают ее рядом новых положений и выводов, почерпнутых из родника живого опыта трудящихся масс СССР и других стран социалистической системы в строительстве социализма и коммунизма. Эти решения являются еще одним убедительным свидетельством великой жизненной, преобразующей силы марксистско-ленинской теории общественного развития.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Сталин И. В., Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 г. «О проекте Конституции Союза ССР», Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, 1953, с. 545—573.

Сталин И. В., Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, 1953, с. 640—646.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. III, М., 1954.

Резолюция XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, Госполитиздат, 1956.

О преодолении культа личности и его последствий. Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., М., 1956.

Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 г., М., 1957.

Хрущев Н. С., Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии, М., 1956.

Хрущев Н. С., Сорок лет Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1957.

Хрущев Н. С., О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, Госполитиздат, 1959.

Резолюция внеочередного XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза по докладу товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы», Госполитиздат, 1959.

«История Коммунистической партии Советского Союза», Госполитиздат, 1959.

ГЛАВА XXXI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ И КИТАЕ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

§ 1. Общая характеристика. § 2. Политическая идеология национально-освободительного движения в Индии. Ганди. § 3. Политическая идеология антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае. Сунь Ят-сен

§ 1. Общая характеристика

В эпоху империализма резко усиливаются противоречия между горстью так называемых великих капиталистических держав и народами стран Востока, находящимися в колониальном рабстве. Это обуславливает значительный рост национально-освободительного, антиколониального движения народов Востока, которое особенно усиливается под влиянием событий первой русской революции, давшей, по ленинскому определению, толчок к пробуждению Азии.

Огромное влияние на революционное движение в колониальных и зависимых странах оказала победа Великой Октябрьской социалистической революции в России. Об этом с несомненностью свидетельствовал рост революционного движения угнетенных народов в Китае, в Индонезии, в Индии и в других странах.

После второй мировой войны сбросил ярмо империализма и колониального гнета и встал на путь новой жизни великий китайский народ, образовавший свое могучее социалистическое государство — Китайскую Народную Республику, основанную на союзе рабочих и крестьян.

Народно-демократический строй установили также народы Корейской Народно-Демократической Республики и Демократической Республики Вьетнам.

Освободились от колониального гнета народы Индии, Индонезии, Бирмы, Египта, Судана, Марокко, Туниса и других стран.

Наиболее значительными событиями современного этапа развития международных отношений являются крах колониальной системы империализма, великие победы национально-освободительного, антиимпериалистического движения народов Азии и Африки.

В обеспечении этих великих побед, в пробуждении масс на борьбу с империалистическим и колониальным гнетом большое значение имели передовые политические идеи национально-освободительного движения.

Так, в процессе развития национального движения в Индии крупную роль сыграли идеи и руководство выдающегося вождя этого движения Махатмы Ганди.

В Китае значительное влияние на ход революционно-освободительной борьбы китайских народных масс в первой четверти XX века против иностранного империализма и за свержение господства феодального строя оказали политические идеи великого революционера-демократа Сунь Ят-сена.

При весьма существенных различиях между учениями Ганди и Сунь Ят-сена общей и объединяющей чертой этих политических учений являются идеи национально-освободительного, патриотического движения широких народных масс, поднимающихся на решительную борьбу против колониализма.

§ 2. Политическая идеология национально-освободительного движения в Индии. Ганди

1. В результате многолетнего владычества английских колонизаторов, многовекового господства феодально-кастового строя Индия в конце XIX и начале XX века представляла собою отсталую, колониальную, типично аграрную страну с примитивными, экстенсивными формами земледелия. При относительно широком распространении мелкого кустарного производства в Индии весьма слабое развитие в силу противодействия английских колонизаторов получила крупная промышленность. Господствующее положение почти во всех отраслях экономики занимал иностранный, по преимуществу английский, капитал.

В своих узкокорыстных интересах английские империалисты сохраняли феодальную раздробленность Индии.

Английскими империалистами для подрыва и раскола единого фронта участников антиимпериалистического движения широко использовались социальная раздробленность и обособленность различных слоев населения Индии, обусловленные господством кастового строя, а также и религиозные трения между последователями индуизма и мусульманами.

Все эти особенности исторического развития Индии наложили серьезный отпечаток на ход национально-освободительного движения в стране и нашли свое отражение и в политической идеологии этого движения, в частности в гандизме.

2. Махатма Ганди (1868—1948) по своему происхождению и воспитанию, мировоззрению и характеру политической деятельности был теснейшим образом связан с индийской буржуазной интеллигенцией, сыгравшей крупную роль в руководстве патриотическим движением за независимость Индии от английского империализма. По профессии Ганди был адвокатом. Специальное юридическое образование он получил в Англии. Свыше двадцати лет (1893—1914) Ганди провел в Южной Африке. Там он возглавлял движение своих соотечественников-эмигрантов против режима национально-расовой дискриминации, который был установлен для них европейскими колонизаторами — бурами и англичанами.

После возвращения в Индию Ганди становится одним из виднейших идеологов и руководителей индийской патриотической организации — Индийского Национального Конгресса.

Ганди, как и другие руководители Индийского Национального Конгресса, неоднократно подвергался аресту и преследованиям со стороны английских колониальных властей. В 1948 году Ганди был убит членом террористической полуфашистской индийской организации.

До настоящего времени идеи Ганди продолжают оказывать влияние на политическую программу Индийского Национального Конгресса — правящей партии Индийской Республики.

3. Главной задачей своей политической деятельности Ганди считал объединение народов Индии и образование независимого индийского государства.

Философско-этические основы учения Ганди теснейшим образом связаны с положениями индуистской религии — религии большинства населения Индии.

Ганди призывал к неустанному нравственному совершенствованию личности, к аскетизму, отказу от материальных благ во имя стремления к правде и справедливости. Он выдвигал и развивал тезис о «ненасилии», о недопустимости отвечать насилием на насилие со стороны иностранных колонизаторов и других носителей общественного зла и социальной несправедливости.

Насилию и кровавому террору европейских колонизаторов, «английской стали», Ганди призывает противопоставить «индийскую душу», то есть нравственное самоусовершенствование индийского народа, презрение к страданиям и смерти.

Ганди осуждает применение революционного насилия. Насилие «толпы» недопустимо, по Ганди, даже «в ответ на грубую провокацию».

Лучший ответ на вооруженное насилие англичан, учит Ганди, это нравственное превосходство индийского народа.

Ганди неустанно призывал привилегированные классы и группы к умеренности и облегчению тяжелых условий жизни трудящихся.

Ганди решительно ратовал за смягчение связанного с господством кастового строя режима дискриминации и несправедливости, причиняющего столь мучительные страдания и унижения низшим кастам (отверженным, париям). Ганди считал, что «принцип отвержения» унизил Индию. Полагая, что кастовая система порождена в основе своей естественными принципами целесообразного, освященного религией общественного разделения труда, Ганди, однако, призывал к уравниванию обязанностей между кастами, ликвидации привилегированного положения одних каст и приниженого состояния других.

«Я буду бороться за такую Индию,— указывал Ганди,— в которой беднейшие люди будут чувствовать, что это действительно их страна, в строительстве которой они будут иметь решающий голос, за Индию, где не будет высшего и низшего класса людей, где все общины будут жить в полном согласии...»¹.

Из теории «ненасилия» Ганди делал вывод о мирной гармонии и мирном сотрудничестве всех классов и каст, всех индийцев, независимо от национальных и вероисповедных различий, на ниве совместной борьбы за нравственное самоусовершенствование и за единую, независимую Индию. Ганди был убежденным сторонником мирного и дружественного сотрудничества индийского народа со всеми народами. Он призывал освободиться от ненависти и насилия в международных отношениях.

Исходя из теории ненасилия, Ганди в течение многих лет обосновывал специфические способы и методы политической борьбы индийского народа, необходимые, по его мнению, для достижения независимости Индии от колониального господства.

Отрицая путь революционной борьбы индийского народа против английских империалистов как путь насилия, Ганди полагал, что единственно правильный метод борьбы за независимость Индии — это метод мирного, пассивного сопротивления.

Ссылаясь на опыт мирного движения индийского населения Южной Африки против расовой дискриминации, Ганди выдвигал следующие формы осуществления пассивного сопротивления: 1) экономический бойкот в виде отказа от покупки английских товаров; 2) политический бойкот, или гражданское «несотрудничество» и «неповиновение» (отказ от участия в законодательных, судебных и административных органах, контролируемых англичанами, бойкот английских учебных заведений, отказ от уплаты налогов, в частности поземельного, и т. д.).

Эти лозунги Ганди были официально приняты сессией Индийского Национального Конгресса в Нагпуре в конце 1920 года. В ответ на отказ английского правительства выполнить свое обещание о предоставлении Индии после окончания первой мировой

¹ Дж. Неру, Открытие Индии, М., 1955, стр. 391.

войны прав доминиона, наглурская сессия Конгресса приняла решение начать в интересах осуществления Индией права на национальное самоопределение («сварадж») кампанию «гражданского неповиновения». Конгресс призвал индийцев отказываться от английских почетных титулов и званий, от государственной службы и занятий в учебных заведениях, подконтрольных колониальной администрации, а также воздерживаться от уплаты налогов и покупки английских товаров. Эти лозунги нашли широкий отклик в массах. Кампании «гражданского неповиновения» имели место и на последующих этапах подъема национально-освободительного движения: в 1929—1933 гг. и в 1940 году.

4. Несмотря на свою ограниченность рамками пассивного сопротивления, выдвинутые Ганди и принятые Индийским Национальным Конгрессом тактические лозунги политической борьбы за достижение независимости Индии сыграли объективно прогрессивную роль. Они способствовали пробуждению и развитию общественной активности самых широких, отсталых в политическом отношении народных масс Индии, приобщению этих масс к национально-освободительной борьбе вне зависимости от их принадлежности к той или иной касте, от их национальных и вероисповедных различий.

Необходимо вместе с тем отметить, что в ходе осуществления кампаний «гражданского неповиновения» народные массы, как правило, не ограничивались рамками чисто пассивного сопротивления, намеченного учением Ганди, а переходили к активным действиям и в ряде случаев к вооруженным столкновениям с английской колониальной администрацией. Этим боевым наступательным действиям народных масс и, в частности, растущей политической активности и сознательности молодого индийского рабочего класса принадлежит решающая заслуга в завоевании Индией независимости.

Огромное вдохновляющее воздействие на весь ход национально-освободительного движения индийского народа оказали победа Великой Октябрьской социалистической революции и опыт разрешения национального вопроса в СССР. По признанию выдающегося государственного деятеля современной Индии и последователя Ганди—Джавахарлала Неру, «...советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир»¹.

Последовательную энергичную борьбу за сплочение вокруг рабочего класса широких масс индийского народа под знаменем борьбы за мир, демократию, социализм ведет Коммунистическая партия Индии, творчески применяющая положения марксизма-ленинизма к конкретно-историческим условиям и особенностям экономического и политического развития современной Индии.

¹ Дж. Н е р у, Открытие Индии, М., 1955, стр. 24.

§ 3. Политическая идеология антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае. Сунь Ят-сен

1. К началу XX века Китай представлял собой отсталую полуколониальную страну, фактически лишенную национально-государственной независимости. Иностранные империалисты подчинили своему контролю командные высоты в китайской экономике.

Вторжение иностранного капитала в Китай в известной мере способствовало приобщению экономики страны к мировому рынку, ликвидации ее вековой замкнутости и привело к некоторому развитию капиталистических отношений. Господство иностранного капитала обусловило вместе с тем усиление эксплуатации народных масс со стороны китайских помещиков и крупной торгово-ростовщической буржуазии.

Для трудящихся масс китайского народа наступили чрезвычайно тяжелые дни. «Но именно в то же время китайский народ начал героическую революционную борьбу против иностранного капитализма и китайского феодализма. Лучшие, передовые представители китайского народа прилагали большие усилия в поисках истины ради спасения Китая, ради изменения судеб своей страны»¹.

В 80—90-х годах XIX века складывается политическая идеология буржуазно-реформаторского движения в Китае, направленного против иностранного господства и против феодально-абсолютистской монархии. Кан Ю-вэй и другие идеологи китайской буржуазной интеллигенции стремились к установлению в Китае конституционного правления по образцу западноевропейских стран путем мирных реформ, в частности, путем изменений законодательства, не затрагивающих, однако, самых основ существования феодального строя. «Реформаторы» выступали также за развитие отечественной экономики и ограждение ее от контроля со стороны иностранного капитала, за укрепление вооруженных сил Китая, проведение реформ в области просвещения и т. д.

Несмотря на свою ограниченность, идеология реформаторского движения в конкретно-исторической обстановке конца XIX века в Китае объективно имела прогрессивное значение и вызвала ненависть господствующей феодальной верхушки. В 1898 году деятельность «реформаторов» была подавлена и их организация разгромлена реакционерами во главе с императрицей Цы Си.

Однако это не могло приостановить растущего массового антиимпериалистического и антифеодального движения. В условиях нарастания народного движения возникает и развивается революционно-демократическое направление политической идеологии в Китае, представленное именем Сунь Ят-сена (1866—1925).

¹ Лю Шао-ци, О проекте Конституции Китайской Народной Республики. Сб. «Материалы первой сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей», М., 1954, стр. 7.

2. Великий китайский революционер-демократ Сунь Ят-сен родился 12 ноября 1866 г. в бедной крестьянской семье в провинции Гуандун. Закончив школу при христианской духовной миссии в Гонолулу, Сунь Ят-сен поступает в медицинский институт в Гонконге. По выходе из института в 1892 году он в течение некоторого времени занимается врачебной практикой в Макао и Кантоне. На формирование его революционной идеологии огромное воздействие оказали события, связанные с героическим восстанием тайпинов (середина XIX в.), память о котором прочно удерживалась в сознании крестьянских масс.

В начале 90-х годов Сунь Ят-сен некоторое время находился под влиянием идей «реформаторов» — Кан Ю-вэя и его последователей. Однако очень скоро он приходит к выводу об ограниченности политической программы «реформаторов» и становится убежденным сторонником и проповедником революционно-демократического пути борьбы за свержение феодально-монархического строя и ликвидацию господства иностранных империалистов в Китае.

Представители революционного течения, возглавляемого Сунь Ят-сеном, стремились установить в Китае буржуазно-демократическую республику, вели революционную борьбу за свержение господства маньчжурской цинской династии, превратившейся в орудие иностранного империализма. Тем самым они сделали большой шаг вперед в сравнении с реформаторским течением Кан Ю-вэя¹.

Под влиянием событий русской революции 1905 года, вызвавшей огромный подъем антиимпериалистического, антифеодального национально-освободительного движения в странах Востока, в том числе и в Китае, Сунь Ят-сен и его сторонники создают объединенную революционную организацию — Союзную лигу Китая («Чжунго Тунмынхуэй»).

Под руководством Сунь Ят-сена Союзная лига превратилась вскоре в общенациональную буржуазно-демократическую партию. Союзная лига сыграла значительную роль в подготовке революции 1911 года.

Союзная лига разработала революционную программу, в основу которой легли принципы, сформулированные Сунь Ят-сеном.

В содержании этой программы нашли свое воплощение четыре призыва из торжественной клятвы, которую обязан был давать каждый, кто вступал в ряды организации «Тунмынхуэй»: «Свержение маньчжурского ига, возрождение Китая, учреждение республики и уравнение прав на землю».

Революция 1911 года была направлена на свержение феодально-абсолютистской монархии как опоры империализма и ликвидацию феодального строя в Китае. Однако антиимпериалистические и антифеодальные задачи революции отнюдь не были разрешены. Успех революции 1911 года заключался в том, что она

¹ См. Лю Шао-ци, О проекте Конституции Китайской Народной Республики, указанный сборник, стр. 3.

покончила с монархическим строем в Китае, что она изгнала императора¹.

1 января 1912 г. было официально провозглашено создание Китайской Республики. Первым, временным президентом Китайской Республики был избран Сунь Ят-сен. В апреле 1912 года Сунь Ят-сен под давлением крупной буржуазии и милитаристских кругов, напуганных размахом революционного движения трудящихся масс, вынужден был отказаться от поста президента в пользу лидера реакционных сил Юань Ши-кая, вскоре открыто изменившего делу революции.

Несмотря на временное свое поражение, Сунь Ят-сен продолжал вести упорную борьбу за осуществление программы буржуазно-демократического преобразования Китая и освобождение его от иностранной зависимости. В годы первой мировой войны Сунь Ят-сен реорганизовал Союзную лигу в новую политическую партию — «Чженхуа гоминдан» («Китайскую революционную партию»).

Под прямым воздействием Октябрьской социалистической революции в 1919 году в Китае возникает качественно новое по своему содержанию и целенаправленности антиимпериалистическое и антифеодальное движение «4 мая», которое было связано с выступлением на арену политической жизни молодого китайского рабочего класса. В 1921 году образовывается Коммунистическая партия Китая, которая вскоре становится руководителем и организатором всех подлинно революционных сил в стране. Сунь Ят-сен как великий патриот и революционер-демократ сумел увидеть в лице рабочего класса Китая и его Коммунистической партии новую могучую политическую силу, последовательно борющуюся за социальное и национальное раскрепощение китайского народа. Он горячо откликается на призыв коммунистов создать единый антиимпериалистический, антифеодальный демократический фронт всех революционных классов Китая.

Огромной революционной страстью и горячей верой в несокрушимость союза революционного Китая и СССР пронизаны замечательные строки предсмертного обращения Сунь Ят-сена к ЦИК СССР.

«Прощаясь с Вами, дорогие товарищи,— писал он,— я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем свободном Китае друга и союзника, и что в великой борьбе за освобождение угнетенных народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

3. Характерной чертой Сунь Ят-сена как мыслителя и политического деятеля является неразрывная связь его революционной теории с революционной деятельностью. Его мировоззрение выражает и воплощает насущные потребности антиимпериалистического и антифеодального движения народных масс Китая конца XIX и первой четверти XX вв.

¹ См. Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 19.

Положительной стороной своей политической теории Сунь Ят-сен считал то, что она исходит из «потребности эпохи», выражает «тенденции мирового развития».

Придавая большое значение революционной творческой практике, Сунь Ят-сен в процессе развития китайской революции приблизился (особенно ясно это выразилось после победы Октябрьской социалистической революции в России) к пониманию значения народных масс и их революционной деятельности как основной движущей силы общественного прогресса.

4. Общественно-политические взгляды Сунь Ят-сена пронизаны идеями борьбы за буржуазно-демократическое преобразование Китая и, в частности, за буржуазно-демократическую республику.

Эти идеи были изложены и всесторонне обоснованы Сунь Ят-сеном в политической программе, выдвинутой им в процессе подготовки и проведения китайской революции 1911 года.

В. И. Ленин, ознакомившись с содержанием этой программы, охарактеризовал ее как платформу великой китайской демократии¹. «Боевой, искренний демократизм,— указывал Ленин,— пропитывает каждую строчку платформы Сун Ят-сена. Полное понимание недостаточности «расовой» революции². «Ни капли аполитицизма или хотя бы пренебрежения к политической свободе, хотя бы допущения мысли о совместимости китайского самодержавия с китайской «социальной реформой», с китайскими конституционными преобразованиями и т. п. Цельный демократизм с требованием республики. Прямая постановка вопроса о положении масс, о массовой борьбе, горячее сочувствие трудящимся и эксплуатируемым, вера в их правоту, в их силу»³.

Выдающееся прогрессивное значение политической программы Сунь Ят-сена состояло и в том, что она носила не только антифеодальный, но и антиимпериалистический характер, так как одним из важнейших ее лозунгов было революционное свержение цинской феодально-абсолютистской династии, являвшейся орудием в руках иностранных империалистов в их политике закабаления Китая.

Основными исходными началами политической программы Сунь Ят-сена являются выдвинутые и разработанные им три народных принципа: а) принцип нации («национализм»), б) принцип народовластия («демократизм») и в) принцип народного благоденствия («социализм»).

Эти три принципа являются у Сунь Ят-сена идеологическим выражением основных политических задач и требований, выдвинутых народными массами Китая в ходе революции 1911 года.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 143.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 144. В. И. Ленин имеет здесь в виду борьбу китайского народа за свержение иноземной, маньчжурской династии.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 144.

Это были требования осуществления «национальной революции», то есть свержения антинациональной и антинародной цинской династии, «политической революции», то есть установления буржуазно-демократической республики и буржуазно-демократических политических свобод, и «социальной революции», то есть осуществления глубоких демократических общественных преобразований в интересах народа.

Характеризуя сущность и значение политических взглядов Сунь Ят-сена и его соратников в период революции 1911 года в Китае, В. И. Ленин отмечал: «Перед нами действительно великая идеология действительно великого народа, который умеет не только оплакивать свое вековое рабство, не только мечтать о свободе и равенстве, но и *бороться* с вековыми угнетателями Китая»¹.

Под воздействием всемирно-исторической победы социалистической революции в России и выхода на арену политической жизни китайского рабочего класса в качестве руководящей силы национально-освободительного движения Сунь Ят-сен значительно углубляет свою прежнюю политическую программу, направляя ее не только против империализма и феодализма, но и к частичному ограничению капитала внутри Китая.

Так, в процессе развития революционного, антиимпериалистического и антифеодалного движения китайского народа Сунь Ят-сен непрестанно развивал и обогащал содержание принципов своей политической программы.

а) В период до Октябрьской социалистической революции принцип нации был непосредственно нацелен против маньчжурской абсолютной монархии. После свержения цинской династии в революции 1911 года Сунь Ят-сен обогащает содержание этого принципа новым пунктом о национальном объединении Китая, сплочении воедино всех населяющих его народов, хотя первоначально Сунь Ят-сен и не видел другого пути объединения народов Китая, кроме пути добровольного слияния, ассимиляции всех малых некитайских народов с китайской нацией.

В послеоктябрьский период Сунь Ят-сен придает принципу нации последовательно и особенно ярко выраженный антиимпериалистический характер. В Манифесте I конгресса гоминдана Сунь Ят-сен ясно формулирует положение о том, что главным врагом, главным препятствием на пути национального раскрепощения народов Китая являются иностранный империализм и его феодально-милитаристская агентура внутри страны. Для достижения победы над этим врагом необходимо, указывал Сунь Ят-сен, бороться за создание единого национального китайского государства на базе добровольного союза всех его народов.

В Манифесте Сунь Ят-сен, раскрывая новое содержание принципа нации, в связи с этим выдвигает следующие два программных

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 144.

требования: 1) борьба китайского народа за свое национальное освобождение от ига империализма и 2) полное равенство всех национальностей Китая или, иначе, признание их права на самоопределение.

Сунь Ят-сен, таким образом, последовательно пересматривает свою старую программу по национальному вопросу, поворачивается «...лицом к революционному национализму...»¹.

Принцип нации или «национализма» в новых исторических условиях стал прямым призывом ко всем народам Китая решительно подняться на совместную борьбу против колониализма и милитаризма.

«Пропагандируя национализм,— подчеркивал Сунь Ят-сен,— мы должны сделать так, чтобы 400 миллионов китайцев доняли, что им грозит смертельная опасность, а почувствовав смертельную опасность, даже загнанный зверь станет отчаянно бороться».

Лозунг антиимпериалистического «национализма» Сунь Ят-сен открыто противопоставляет лозунгу космополитизма, разоблачая его империалистическую подоплеку, его направленность против национально-государственной независимости угнетенных народов. «Самые могущественные державы,— гневно восклицает Сунь Ят-сен,— уже установили силой свое господство над миром и монополизировали права и привилегии других государств и народов. Надеясь закрепить за собой навеки свое исключительное положение и воспрепятствовать малым и слабым народам восстановить свою национальную независимость, они воспевали космополитизм, утверждая, что национализм слишком узок. На самом деле, космополитизм, который они проповедают, есть не что иное как империализм и агрессия в другом одеянии».

Новым в содержании принципа нации в послеоктябрьский период является также стремление Сунь Ят-сена к тесному союзу народов Китая с народами СССР и других стран, активно борющимися против империализма и колониализма.

Перед самой своей кончиной, весной 1925 года, Сунь Ят-сен восторженно приветствовал разрешение национального вопроса в СССР.

«Этот свободный союз республик,— писал он,— является подлинным наследством бессмертного Ленина миру угнетенных народов. Жертвы империализма будут опираться на него, защищая свою свободу и стремясь к освобождению от международной системы, которая с древних времен основывалась на порабощении, войне и нетерпимости»².

Говоря о новом, последовательно революционном антиимпериалистическом содержании принципа нации, товарищ Мао Цзэ-дун особенно подчеркивает: «Сунь Ят-сен придерживался иного

¹ Лю Шао-ци, Об интернационализме и национализме, Госполитиздат, 1949, стр. 32.

² Лю Шао-ци, Об интернационализме и национализме, Госполитиздат, 1949, стр. 26.

мировоззрения, чем мы, и исходил с иной классовой точки зрения при определении и разрешении проблем, но в проблеме борьбы против империализма в XX веке он пришёл к выводу, который в основном соответствовал нашим выводам»¹.

б) В теснейшей и неразрывной связи с принципом нации находится второй принцип политической программы Сунь Ят-сена — принцип народовластия, являвшийся, по определению Сунь Ят-сена, «основой политической революции в Китае».

В период революции 1911 года конкретное содержание этого принципа сводилось к признанию полной несовместимости феодально-абсолютистской монархии с народным суверенитетом и к требованию установления буржуазно-демократической республики и демократического парламентарного строя.

Выражая требования широких народных масс в революции 1911 года, политическая программа Сунь Ят-сена решительно выдвигала в соответствии с конкретно-историческими условиями того времени прогрессивный лозунг осуществления революционным путем демократического конституционного правления, то есть конституционного правления буржуазного характера².

Демократический политический строй должен был, по мнению Сунь Ят-сена, обеспечить реальное и непосредственное участие народных масс в государственном управлении. Демократическая республика должна была гарантировать всем гражданам возможность использовать свои неотъемлемые права и свободы.

«Без демократии,— говорил Сунь Ят-сен,— свобода и равенство пустые звуки». Высшим принципом будущей Китайской демократической республики, по Сунь Ят-сену, должен быть принцип народного суверенитета. «Народный суверенитет означает контроль народа над правительством»,— подчеркивал он.

Отправляясь от идей буржуазной демократии, Сунь Ят-сен вместе с тем вовсе не стремился в своих проектах демократического государственного преобразования Китая слепо копировать готовые образцы западноевропейского и американского буржуазно-республиканского парламентарного строя. Он искренне озабочен был тем, чтобы внести в эти образцы существенные коррективы, обеспечивающие, по его мнению, реальный суверенитет народа. В соответствии с этим строился и его план организации Китайской республики, изложенный им в проекте «Конституции пяти видов». Беря в этом проекте за отправные начала принцип разделения властей в государстве на законодательную, исполнительную и судебную, Сунь Ят-сен дополнял, однако, систему трех властей еще двумя властями: властью наказания и властью проверочной. «Власть наказания» должна быть независимой от других властей и обладать полномочиями принимать карательные меры в отношении совершающих

¹ Мао Цзэ-дун, О диктатуре народной демократии, М., 1949, стр. 7.

² См. Лю Шао-ци, О проекте Конституции Китайской Народной Республики. Сб. «Материалы первой сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей», М., 1954, стр. 9.

преступления членов парламента, государственных чиновников и т. д. Обязанность «проверочной власти» состоит в систематической проверке специальных знаний и степени подготовленности работников государственной службы к выполнению возложенных на них функций. Таковы средства, долженствовавшие, по мнению Сунь Ят-сена, обеспечить действенный контроль народа над работой государственного аппарата.

Следует отметить, что в проекте «Конституции пяти видов» Сунь Ят-сен первоначально намечал три последовательных этапа проведения демократического переустройства Китая на основе победы «национальной революции»: 1) период революционной военной диктатуры — «период военной власти», главной задачей которого, по его мнению, является «полное уничтожение реакционных сил и распространение революционных идей среди народных масс»; 2) второй период — период «политической опеки», задачей которого является создание «местного самоуправления в целях развития демократии»; 3) третий, завершающий период — «период конституционного правления».

В теории «военной власти» и «политической опеки» у Сунь Ят-сена еще находило известное отражение ошибочное его представление о неподготовленности народных масс Китая сразу же после победы национальной революции к тому, чтобы непосредственно и самостоятельно осуществлять народовластие. Необходимо, однако, иметь в виду, что в последний период своей деятельности, опираясь на опыт громадного роста политической активности трудящихся масс, обусловленного победой Октябрьской революции в России, Сунь Ят-сен фактически отказался от этой ошибочной теории.

Последовательно прогрессивной чертой плана «Конституции пяти видов» у Сунь Ят-сена следует считать его тезис о том, что основой Китайской демократической республики должно быть свободное местное народное самоуправление, то есть низовые органы власти, непосредственно выражающие волю народа. Создание органов местного самоуправления Сунь Ят-сен считал первым, решающим шагом в деле демократизации Китая.

«Без уездного самоуправления, — указывал Сунь Ят-сен, — народу не на что было бы опираться, и политическое правление всего народа никоим образом не могло быть претворено в жизнь. А при отсутствии политического правления всего народа Национальное Собрание даже при наличии системы разделения власти на пять частей не могло бы обеспечить народ суверенными правами. Вот почему я в своем революционном плане давно уже определил, что работу по строительству государства следует начинать с уезда»¹.

Боевой, искренний демократизм политической доктрины Сунь Ят-сена, отображавший громадный революционный подъем

¹ Цитировано по книге Н. Г. Сенина «Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена», Издательство Академии наук СССР, 1956, стр. 97.

народных масс Китая, не укладывался в узкие рамки традиционного буржуазного демократизма в том виде, в каком он практически сложился в странах Западной Европы и США.

Имеется целый ряд высказываний Сунь Ят-сена, свидетельствующих о том, что он понимал ограниченный характер современной ему западной буржуазной демократии и подвергал суровой критике ее существенные пороки. Он неоднократно отмечал, что в условиях буржуазной демократии в странах Западной Европы и США громадное число граждан, хотя и наделено формальными правами, на деле не пользуется ни свободой, ни равенством. В этой связи Сунь Ят-сен особенно резко критиковал отрицательные черты государственного строя США.

Под прямым воздействием победы социалистической революции в России и рождения новой, советской, подлинно народной демократии Сунь Ят-сен подверг еще более последовательной критике классово ограниченный, буржуазный характер западной демократии.

В Манифесте I конгресса гоминдана в этой связи уже прямо указывалось, что в капиталистических странах так называемая демократическая система «...часто монополизирована классом буржуазии и превращается в орудие угнетения народа»¹.

В последние годы своей жизни Сунь Ят-сен приближается к пониманию ограниченной, классовой природы буржуазного права, заявляя, что законы в буржуазном обществе, по сути дела, защищают лишь «особые интересы капиталистов и помещиков», в то время как трудящееся большинство общества «не в состоянии обеспечить своего существования».

В Манифесте I конгресса гоминдана Сунь Ят-сен по-новому раскрывает содержание принципа народовластия, указывая, «...что власть должна быть общим достоянием всего простого народа, а не присваиваться кучкой людей»².

В это же время Сунь Ят-сен непосредственно обращает свои взоры к опыту советского государственного строя, внимательно изучая его как образец подлинного народовластия. «...Мы надеемся,— писал Сунь Ят-сен в письме к Г. В. Чичерину от 16 февраля 1924 г.,— со временем проделать в Китае то, что ваша партия была в состоянии совершить в России, в смысле создания новой концепции государства и новой системы управления».

в) Существенные изменения в послеоктябрьский период были внесены Сунь Ят-сеном и в третий принцип его политической доктрины — в принцип народного благоденствия, характеризующий сущность предлагаемой им экономической программы.

В предоктябрьский период главным в содержании этой программы было требование осуществления коренной антифеодальной, аграрной революции в интересах крестьянства, уравнивания прав

¹ Ма о Цзэ-дун, О диктатуре народной демократии, М., 1949, стр. 13.

² Ма о Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 175—176.

на землю, проведения, по существу, национализации земли. Сунь Ят-сен еще отождествлял тогда свою антифеодальную аграрную программу обеспечения «народного благоденствия» с социализмом.

В частности, Сунь Ят-сен, сочувствуя социализму, ошибочно полагал, что, оставаясь в рамках буржуазно-демократической республики, можно путем национализации земли избавить китайский народ от необходимости проходить этап капиталистического развития и обеспечить ему условия для непосредственного перехода к социализму. Это ошибочное положение в политической программе Сунь Ят-сена придавало ей, по ленинской оценке, народнический, утопический характер. Оно не соответствовало объективным условиям Китая, являвшегося в рассматриваемый период отсталой, земледельческой, полуфеодальной страной¹.

После Октябрьской социалистической революции Сунь Ят-сен в известной мере осознал недостатки старой программы «народного благоденствия».

В Манифесте I конгресса гоминдана Сунь Ят-сен, учитывая новые исторические условия и, в частности, необходимость борьбы с монополистическим иностранным и национальным капиталом, обогащает принцип народного благоденствия новым содержанием, выдвигая лозунг «ограничения капитала». Основной смысл принципа «ограничения капитала» заключался, как указывалось в Манифесте, в том, что все принадлежащие «...китайцам и иностранцам предприятия, которые либо носят монополистический характер, либо очень велики по своим масштабам и не могут управляться частными лицами, как, например, банки, железные дороги, воздушные сообщения и т. п., эксплуатируются и управляются государством, дабы частный капитал не мог держать в своих руках жизнь народа»².

В новых условиях принцип народного благоденствия приобретает у Сунь Ят-сена уже не только антифеодальный, но в известной мере и антикапиталистический характер.

В связи с этим Сунь Ят-сен выдвигал в качестве главной цели I конгресса реорганизованного им гоминдана «...продолжить и завершить начатую в 1911 году революцию и добиться, таким образом, возрождения Китая, освободив его от угнетения милитаризмом и капитализмом».

В своей работе «О новой демократии», написанной в январе 1940 года, товарищ Мао Цзэ-дун особо отмечал близость и прямое совпадение новой трактовки принципа народного благоденствия Сунь Ят-сеном с программой-минимум Коммунистической партии Китая, с основами экономической программы будущего китайского новодемократического государства. «Китайская экономика,— указывал товарищ Мао Цзэ-дун,— непременно пойдет по пути «ограничения капитала» и «уравнения права на землю». Совершенно

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 146.

² См. Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 176.

недопустимо, чтобы она была «присвоена кучкой людей». Совершенно недопустимо, чтобы небольшая группа капиталистов и помещиков «держала в своих руках жизнь народа». Строить капиталистическое общество американско-европейского образца точно так же недопустимо, как и сохранять старое, полуфеодальное общество»¹.

5. Сунь Ят-сен не был коммунистом и не сумел подняться до понимания необходимости установления диктатуры пролетариата для построения социалистического общества, способного обеспечить подлинное благоденствие народных масс.

Величие Сунь Ят-сена как революционного мыслителя и революционного деятеля состоит в том, что он стоял на позициях защиты интересов трудящихся масс Китая и сумел учесть новые исторические условия, возникшие в результате победы Октябрьской социалистической революции.

Революционная смелость Сунь Ят-сена проявилась в том, что в соответствии с новыми историческими условиями он обновил и углубил содержание своих основных политических принципов тремя новыми политическими установками: 1) о союзе с СССР в общей борьбе против империализма и колониализма, 2) о союзе с коммунистами Китая в осуществлении общенациональных и общедемократических задач китайской народной революции, 3) о поддержке рабочих и крестьян. Эти новые политические установки, провозглашенные Сунь Ят-сеном в Манифесте I конгресса гоминдана, ознаменовали качественно новый этап в истории развития трех его народных принципов.

«До этого три народных принципа были тремя народными принципами старого типа, тремя народными принципами старой буржуазно-демократической революции в полуколониальной стране, тремя народными принципами старой демократии, старыми тремя народными принципами.

После этого три народных принципа стали тремя народными принципами нового типа, тремя народными принципами новой буржуазно-демократической революции в полуколониальной стране, тремя народными принципами новой демократии, новыми тремя народными принципами. Только эти три народных принципа являются революционными тремя народными принципами нового периода»².

В результате радикального обновления Сунь Ят-сеном с учетом новой исторической обстановки содержания трех его принципов «... был создан единый фронт трех народных принципов и коммунизма, установлено первое сотрудничество между гоминданом и коммунистической партией, завоеваны симпатии всего китайского народа и осуществлена революция 1924—1927 годов»³.

¹ Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, стр. 225.

² Там же, стр. 242—243.

³ Там же, стр. 249.

Новая трактовка трех народных принципов, данная Сунь Ят-сеном в 1924 году,—наглядный пример политической дальновидности и мудрости этого великого китайского революционер-демократа, буревестника китайской народной революции.

Несмотря на предательство и измену правого крыла гоминдана во главе с контрреволюционером и агентом империализма Чан Кай-ши принципам Сунь Ят-сена, народные массы Китая под испытанным руководством своей Коммунистической партии, вдохновляемые животворными идеями марксизма-ленинизма, добились в длительной самоотверженной борьбе против сил иностранного империализма и внутренней реакции исторической победы китайской революции. В результате этой великой победы 1 октября 1949 г. было провозглашено образование Китайской Народной Республики.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Маркс К., Хронологические выписки по истории Индии, Госполитиздат, 1947.

«Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1947, с. 90.

Ленин В. И., Горючий материал в мировой политике, Соч., т. 15, с. 159—165.

Ленин В. И., Демократия и народничество в Китае, Соч., т. 18, с. 143—149.

Сталин И. В., ЦК РКП(б) — Центральному Исполнительному Комитету Гоминдана, Соч., т. 7, с. 50.

Сталин И. В., Революция в Китае и задачи Коминтерна, Соч., т. 9, с. 282—312.

Мао Цзэ-дун, О диктатуре народной демократии, Госполитиздат, 1949.

Мао Цзэ-дун, Избранные произведения, т. 3, М., 1953, с. 175—176, 225, 242—243, 249.

Лю Шао-ци, О проекте Конституции Китайской Народной Республики, «Материалы первой сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей», М., 1954, с. 8—15.

«Неопубликованные документы Сунь Ят-сена», «Международная жизнь» 1955 г. № 10, с. 155—156.

Н. Г. Сенин, Общественно-политические и философские взгляды Сунь Ят-сена, М., 1956.

ГЛАВА XXXII

БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА

§ 1. Общая характеристика. § 2. Биологические учения о государстве и праве. § 3. Нормативистские теории. § 4. Психологические концепции государства и права. § 5. «Солидаризм» и «институционализм». § 6. Естественноправовые учения. § 7. Социологическое направление в учениях о праве («прагматисты», «социологи», «реалисты»). § 8. Национализм и расизм—оружие империалистической реакции. § 9. Буржуазный космополитизм. § 10. Социал-оппортунисты и ревизионисты:—проводники влияния буржуазной идеологии на пролетариат

§ 1. Общая характеристика

Империализм есть высшая, последняя стадия в развитии капитализма. Это капитализм умирающий, гнивающий. Характерным для него является образование крупных монополистических объединений. Империализм — это монополистическая стадия капитализма. Для империализма характерно слияние банковского капитала с промышленным, на базе чего создается финансовый капитал, финансовая олигархия. Империализм — это господство финансового капитала. Огромнейшее значение приобретает в эту эпоху вывоз капитала. Происходит экономический раздел мира между союзами капиталистов — международными монополистическими объединениями, и заканчивается раздел всей территории земли крупнейшими державами. Разворачивается борьба между последними за передел уже поделенной территории земного шара.

При империализме происходит небывалое обострение противоречий капиталистического общества. Рабочий класс, достигнув

высокой организованности и сознательности, переходит к решительной борьбе со своими угнетателями. В то же время буржуазия открыто поворачивает от демократии к реакции, усиливая подавление трудящихся, ограничивая и даже ликвидируя буржуазно-демократические свободы.

Обострение противоречий между империалистическими государствами привело к первой мировой войне. Война ослабила мировой капитализм. Цепь империалистических стран была прорвана во время войны в наиболее слабом звене, и Россия отпала от капиталистического мира. Российский пролетариат сверг иго помещиков и капиталистов и в союзе с крестьянской беднотой под руководством Коммунистической партии создал первое в мире социалистическое государство.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала огромный подъем рабочего движения во всех странах капиталистического мира, содействовала небывалому размаху национально-освободительного движения в колониях.

Образование Советского государства явилось наиболее ярким выражением общего кризиса капиталистической системы.

В условиях этого кризиса буржуазия не в силах удерживаться у власти при помощи средств, к которым она прибегала раньше. Все более и более выступают на первый план открытое насилие, террористические методы осуществления диктатуры империалистической буржуазии, все шире используется предательство правых социал-демократов, вносящих раскол в ряды рабочего класса, в международное рабочее движение.

В то же время растет и крепнет революционное движение рабочего класса в капиталистических странах. Все более широкие массы вовлекаются в борьбу за мир, демократию и социализм.

Вторая мировая война имела своим следствием дальнейшее углубление общего кризиса капитализма. В результате второй мировой войны от империалистической системы отпал ряд стран Европы и Азии, укрепился лагерь демократии и социализма, возглавляемый СССР. Произошел распад колониальной системы.

Буржуазная идеология отражает указанные изменения, происходящие в экономике и расстановке классовых сил. В своих учениях о государстве и праве империалистическая буржуазия использует многочисленные реакционные теории прошлого, придает более реакционный и откровенный характер той апологии капиталистических отношений и буржуазного государства, которая проводилась буржуазными идеологами и раньше при посредстве лженаучных представлений о солидарности классов, надклассовой сущности государства, о воплощении в жизни капиталистического общества вечных, неизменных «естественных» законов. Она объявляет непреложным законом природы неравенство людей и рас и обращается к биологии и этнографии в поисках идеологической опоры для оправдания эксплуатации и порабощения народов.

Характерной чертой буржуазной политической мысли эпохи империализма, как, впрочем, и более ранних периодов истории капиталистического общества, является многообразие учений и теорий.

Это явление объяснить нетрудно. Буржуазия не представляет собой чего-то монолитного, в ее составе различаются отдельные группы, и идеология ее отражает взгляды различных частей класса капиталистов.

Притом, задачей буржуазии является не разъяснение вопроса о государстве и праве, а затемнение, запутывание его. Поэтому буржуазия вовсе не стремится к выработке единого, цельного учения.

Однако, несмотря на это, в основных, коренных вопросах все буржуазные учения о государстве и праве сходятся, и можно отметить некоторые общие черты, сближающие их между собой.

При всем разнообразии этих теорий они придерживаются ненаучного, идеалистического представления об общественных явлениях, в том числе о государстве и праве, со всеми последствиями, вытекающими из этого, с отрывом государства и права от экономики, выхолащиванием классового содержания изучаемых явлений. Антиисторическое представление о вечности государства и права, абстрактное рассмотрение государственно-правовых явлений — вот что неразрывно связано с идеалистическим представлением об общественных явлениях и что характерно для всех буржуазных теорий.

Все эти теории представляют собой попытку оправдать и обосновать неизбежность буржуазного государства и буржуазного права. Эта черта также является общей для самых различных буржуазных концепций.

Буржуазные ученые говорят о надклассовом характере, якобы присущем государству и праву. Это излюбленная идея буржуазных учений о государстве и праве. Буржуазные юристы и политики отрицают и затушевывают насильственные моменты в организации и функционировании государства, утверждают, что государство (имеется в виду буржуазное государство) представляет собой организацию, которая руководствуется нормами права и не осуществляет никакого насилия над гражданами. Это, по сути дела, игнорирование или затушевывание той диктатуры, которую осуществляет буржуазия в капиталистическом обществе.

Буржуазные учения настаивают также на солидарности классов, которая якобы обеспечивается буржуазным государством и правом, и пытаются при посредстве этого рода представлений обосновать свой призыв к классовому миру, противопоставить этот призыв растущей и принимающей все более ожесточенные формы классовой борьбе пролетариата против капиталистов.

В последнее время широко пропагандируется идея о том, что капитализм стал «народным капитализмом», при котором будто бы не существует непримиримых противоречий между капиталистами и рабочими, в силу чего якобы происходит ослабление классовой борьбы в мире капитализма. Отстаивается

лживая идея о том, будто бы деление общества на классы теряет в настоящее время свое значение, уступая место другим различиям отдельных социальных групп («статусы», «страты») со множеством разнообразных интересов.

Широко пропагандируется также идея о том, что буржуазное государство якобы становится «государством благоденствия», проявляющим заботу о всех членах общества, активно вмешивающимся в экономическую жизнь страны в интересах всех граждан, в том числе в интересах трудящихся.

Для буржуазных политических учений характерен страх перед революцией, ненависть к пролетарской идеологии, откровенная, нескрываемая вражда к гениальному учению марксизма-ленинизма и к социалистическому государству.

Реакционная сущность буржуазных учений эпохи империализма с особой силой сказала после Великой Октябрьской социалистической революции, когда буржуазные идеологи открыто выступают против марксизма, коммунизма, подлинной демократии, в то время как раньше марксизм предпочитали просто замалчивать, пытались пройти мимо него, не говорить о нем совсем или говорить невнятно.

Все шире распространяются теории, открыто выступающие против учреждений буржуазной демократии и за отказ от буржуазной законности.

Все реакционное, что раньше использовалось различными эксплуататорскими классами, берется на вооружение идеологами империализма. Не только реакционные буржуазные учения эпохи промышленного капитализма, но и реакционные учения Платона, Августина, Фомы Аквинского и других идеологов рабовладельческого и феодального общества используются идеологами империалистической реакции, выступающими в роли защитников средневекового мракобесия и человеконенавистничества.

Ученые слуги империалистов, стараясь оправдать колониальные захваты и насилия над угнетенными народами, объявляют борьбу рас и расовое неравенство «естественным» и «вечным» законом общественной жизни.

В своей непримиримой вражде к социализму они подвергают сомнению прогресс человеческого общества, не допуская мысли о переходе человечества от капитализма к иному, более совершенному общественному строю. Они толкуют о кризисе цивилизации, пророчат «новое средневековье», стремясь внушить людям представление о невозможности выхода за пределы буржуазных отношений, ликвидации эксплуатации человека человеком.

Различные течения используются для того, чтобы отвлечь внимание народных масс от подлинных причин, обуславливающих прогрессирующее ухудшение положения трудящихся в капиталистическом мире, заставить примириться с существующим порядком как с неизбежным и неизменным. Если причины социальной несправедливости, войн, нищеты, голода кроются в наследственных

генах, как уверяют одни буржуазные социологи, или в климате, в атмосферном давлении, как уверяют другие, или же непостижимы для человеческого разума, как уверяют третьи, то тем самым теряют смысл всякие попытки преобразования общественной жизни.

Коммунистические партии капиталистических стран ведут непримиримую борьбу против реакционной политической идеологии империализма, отстаивая мир и независимость народов, защищая демократические принципы политической организации (всеобщее избирательное право, сохранение конституционных прав и свобод граждан и т. д.).

Против реакционной идеологии империализма борются все прогрессивные ученые и общественные деятели этих стран, выступающие за мир между народами, за суверенитет государств, за сохранение демократических прав и свобод и разоблачающие фашизм, расизм, национализм, космополитизм и другие реакционные учения.

§ 2. Биологические учения о государстве и праве

Широкое распространение в современной буржуазной литературе, посвященной вопросам общества, государства и права, имеют реакционные биологические концепции. Сторонники «биологической» социологии в США (Сэпфорд, Уинстон и др.) воспроизводят реакционные построения буржуазной биологии для того, чтобы оспаривать развитие общества и пропагандировать неустранимость социального неравенства. Они пытаются использовать учение Дарвина о борьбе за существование для того, чтобы объявить капиталистическое общество с его волчьими законами и войнами между капиталистическими государствами неустранимым следствием действия биологических законов. Они пытаются оправдать общественное неравенство ссылками на действие биологических законов (Лассвелл и др.)

Продолжают прибегать буржуазные идеологи и к аналогиям общества с организмом (Уинстон и др.). Шведский буржуазный ученый Ч е л л е н в книге «Государство как форма жизни» пытался рассматривать государство как особого рода организм и использовал эти аналогии для обоснования агрессивной, захватнической внешней политики.

Буржуазные идеологи эпохи империализма берут на свое вооружение и такую реакционную концепцию, какой является теория Мальтуса, выдвинутая более полутора веков назад. Стремясь снять с буржуазии ответственность за бедственное положение трудящихся масс, Мальтус объявил, что нищета народа является не следствием капиталистических общественных отношений, а результатом действия закона природы, согласно которому население земного шара возрастает быстрее, чем средства существования людей. Для устранения нищеты Мальтус объявлял необходимым воздержание от браков и рождения детей, заявляя, вместе

с тем, что голод и эпидемии, влекущие массовое истребление людей, являются благодетельными для человечества.

Маркс и Энгельс разоблачили учение Мальтуса как попытку грубо фальсифицировать науку в интересах господствующих классов.

В настоящее время в США широко пропагандируются человеконенавистнические взгляды неомальтузианцев, не останавливающихся перед прямыми призывами к массовому истреблению людей. Так, в 1948 году вышла книга Фогта «Путь к спасению», в которой автор, ссылаясь на мнимый закон «убывающего плодородия земли», требует освободить человечество от «излишков» населения и для этого призывает к планомерному истреблению свободолюбивых народов и к захвату их земель американскими империалистами. Фогт открыто требует развязать новую мировую войну, в которой должны быть применены все чудовищные средства массового уничтожения людей. Он пишет, что следует резко уменьшить население таких стран, как СССР, Китай, Япония и др.

Вслед за Фогтом Пендел в книге «Безудержный рост населения», ссылаясь на тот же закон «убывающего плодородия земли», лживый характер которого был разоблачен В. И. Лениным в работе «Аграрный вопрос и «критики» Маркса», призывает к сокращению рождаемости. Пендел, как и другие неомальтузианцы, пытается доказать, будто причина нищеты и бедствий трудящихся лежит не в капиталистическом способе производства, обрекающем массы на голод и лишения, порождающем безработицу и беспощадную эксплуатацию, а в «чрезмерном» росте населения, в «перенаселенности». Пендел цинично обрушивается на многодетность бедняков в США и объявляет благодетельными войны, уносящие в могилу массы трудящихся.

Измышления неомальтузианцев встречают сокрушительную критику и отпор у всех передовых ученых мира¹.

§ 3. Нормативистские теории

Формализм буржуазной юриспруденции, отрыв формы от содержания сказывается в том ее направлении, которое получило наименование **н о р м а т и в и з м а**.

1. Наиболее видным представителем нормативизма в буржуазной юриспруденции эпохи империализма является Ганс Кельзен — автор ряда книг по вопросам теории государства и права, государственного и международного права. Он выступал сначала в Австрии и Германии, позднее в США, где поставил на службу американскому империализму свое «чистое» учение о праве.

Исходя из кантовского противопоставления «сущего» и «должного», Кельзен отрывает право от реальной действительности и заявляет, что оно есть долженствование, а долженствование —

¹ См. например, Файв, Мальтус и мальтузианство, в сборнике «Общественные деятели Англии в борьбе за передовую идеологию», Издательство иностранной литературы, М., 1954.

всегда что-то отличное от действительности, от бытия. Не ставя вопроса о реальных, подлинных корнях буржуазного права и игнорируя его действительную эксплуататорскую сущность, Кельзен заявляет, что право представляет собой оторванную от действительности норму долженствования, некоторое определенное «смысловое содержание».

Наука о праве, по Кельзену, не должна интересоваться вопросом о причинах возникновения и целях юридических норм. Правоведение должно быть нормативной наукой, соблюдающей методологическую «чистоту» и избегающей смешения долженствования с бытием. Его задача — исследовать только выраженное в нормах долженствование. Юристы не должны обращаться к политике или заниматься «социологией» — исследованием общественной роли правовых норм и факторов, обуславливающих правотворчество. Все это должно оставаться вне их поля зрения.

В действительности никакая общественная наука не может отвлечься от политики, и, разумеется, «чистая» наука о праве Кельзена — фикция, а его аполитичность мнима, призвана маскировать реакционность всей его концепции. Это достаточно ясно вытекает из враждебных, клеветнических выпадов Кельзена против Советского Союза, содержащихся в его работах, вышедших в США.

Кельзен призывает ограничиться чисто формальным анализом норм, раскрытием значения тех понятий, которые в них содержатся, заниматься познанием одной только формы права. Юрист должен ограничиваться такого рода обработкой нормативного материала. Вскрывая логический смысл нормы, он должен устанавливать связь одних норм с другими, приводить их в систему, чем и исчерпывается его задача. Изображая нормы права как нечто пребывающее вне времени и пространства, Кельзен предлагает игнорировать причины, породившие право, как чуждые ему элементы и утверждает, что в «социологии» право как таковое не изучается.

Важное значение Кельзен придает систематизации юридических норм. Не понимая того, что внутренне согласованное единство норм, то есть их система, является следствием их общей, одинаковой классовой сущности, Кельзен дает формалистическую концепцию системы. Он считает возможным вывести всю совокупность норм данной системы из некоей единой «основной» нормы, в которой, однако, не могут не отражаться особенности общественного и государственного строя. В этом наглядно обнаруживается мнимая «чистота» учения Кельзена и его мнимая аполитичность.

Право, по Кельзену, находит свое обоснование в себе самом, а не в чем-либо, находящемся за его пределами. Это характерно для идеалистической, формалистической концепции буржуазных юристов.

Как указывает Энгельс, буржуазные юристы объявляют, будто «...правовые нормы обязаны своим возникновением не экономическим отношениям, а формальным установлениям государства»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 296.

Отсюда проистекает отрыв норм права от материальных условий общественной жизни, от факторов, которые вызвали эти нормы к жизни, отрыв, приводящий к замалчиванию, затушевыванию эксплуататорской сущности империалистического права.

Нормативизм Кельзена состоит не в том, что он понимает право как систему норм, а в том, что эту систему он отрывает от реальной жизни, от реальных общественных отношений, что он пытается изучать ее как нечто замкнутое в себе, самодовлеющее.

Нормативисты рассматривают право как некоторую не связанную с действительностью совокупность норм, черпающую свое начало в себе самой. Они пытаются объяснить нормы права исходя из них самих, понять их, оставаясь в рамках только самой системы правовых норм.

Кельзен вслед за своим учеником Мерклем выдвигает положение о «ступенчатой» структуре правопорядка. Он считает, что все юридические нормы одной и той же правовой системы располагаются как бы по ступеням в порядке возрастающей конкретизации их содержания. Последней ступенью правопорядка являются «индивидуальные» правовые нормы, под которыми Кельзен понимает судебные решения и распоряжения администрации по отдельным конкретным делам. Право конкретизируется от конституции через закон и иные нормативные акты до низшего звена — судебного решения и вообще акта применения норм права. Сама же конституция покоится на некоторой «основной» норме, некоторой предпосылке всего буржуазного правопорядка. Что представляет собой эта «основная» неписаная норма, Кельзен не раскрывает.

Это учение о «ступенчатости» права направлено на то, чтобы представить любую норму права и даже любое распоряжение какого-либо органа буржуазного государства (судебного или административного) в конечном счете как непререкаемый и непреложный вывод из конституции и даже из некоторой «основной» нормы.

Вместе с тем своей концепцией «ступенчатости» права Кельзен делает попытку оправдать то расшатывание буржуазной законности, отказ буржуазии от ее соблюдения, которые столь характерны для эпохи империализма. Он оправдывает отступление от закона, если для этого можно найти какое-то обоснование в конституции. Он ставит в один ряд с законом, на одну ступень с ним административные акты, если эти акты «непосредственно вытекают» из конституции. В книге, вышедшей в США в 1945 году, Кельзен пытается оправдать судейский произвол, имеющий место в американской действительности, ссылками на то, что он якобы допущен нормами права, следовательно, может рассматриваться как вывод из норм права, стоящих выше в иерархии правовых норм.

Функцией юридических норм Кельзен считает установление обязанностей. Это — первичное в праве. Кельзен допускает, что норма права может наделять и правомочиями. Однако это он считает несущественным для правовых норм, вторичным. Реальные нормы

и обязанности. Субъективное право есть только отражение нормы и установленной ею обязанности, а субъект права есть не что иное, как персонификация правовых норм.

В этом затушевывании субъективных прав и подчеркивании первичной роли обязанностей обнаруживается тенденция представить имущих как носителей обязанностей, возлагаемых на них, как и на неимущих, нормами права. Кельзен пытается внушить читателю неправильные представления о вторичном, производном и юридически второстепенном значении субъективных прав. Самые субъекты права поглощены в его теории нормой права. Отрицание субъективных прав служит идеологическим обоснованием наступления империалистической реакции на демократические права трудящихся.

Формализмом и нормативизмом проникнуто и учение Кельзена о государстве. Государство, с его точки зрения, есть не что иное, как система правовых норм. Государство тождественно праву. Это — правопорядок, персонификация правопорядка, правопорядок, достигший определенной степени централизации.

Кельзен возражает против того, чтобы юриспруденция изучала государство как социальное явление. Затушевывая насильственные моменты, присущие государству, он ставит знак равенства между государством и правом и заявляет, что сила государства — это сила права. Учение Кельзена о государстве есть, таким образом, попытка завуалировать насильственный характер диктатуры буржуазии, представить буржуазное государство как чисто «правовую» организацию, в которой насилие не имеет самостоятельного значения, а подчинено праву. Кельзен прямо заявляет, что государственная власть есть результат действия правопорядка, то есть действия определенной системы правовых норм.

Кельзен, таким образом, пытается и государство и право представить как систему не связанных с реальностью норм. Он хочет увести читателя на такие высоты абстракции, при которых исчезают из виду важнейшие явления общественной жизни: угнетение одного класса другим, насилие, классовая борьба, эксплуатация.

2. Для характеристики учения Кельзена весьма важно также коснуться его взглядов на международное право.

Кельзен выступает сторонником «примата» международного права перед внутригосударственным, защитником идеи «мирового» права и с этих позиций яростно атакует принцип суверенитета государства. Отражая агрессивные тенденции крупнейших империалистических держав, стремящихся к экономическому и политическому подчинению малых стран, Кельзен заявляет, что международное право стоит как бы над внутригосударственным и что государственный правопорядок есть как бы часть универсального мирового правопорядка. Международное право и правовые системы государств составляют единое целое. Все правовые нормы должны быть выведены из одной основной нормы, «гипотезы», из одной первоначальной нормы — «Grundnorm». Из нее вытекает вся система норм между-

народного права, а вслед за ней — и правовые системы отдельных государств, которые рассматриваются как части мирового правопорядка. Стремясь оправдать агрессию империалистических государств, обосновать подчинение отдельных государств империалистическим державам, претендующим на роль заправил в международных объединениях различного рода, Кельзен заявляет, что государство есть орган «международноправовой общности». Государство — это частичный правопорядок с ограниченной территориальной сферой действия норм права.

Отправляясь от этих исходных положений, Кельзен приходит к отрицанию суверенитета государства. Суверенитет он понимает чисто формалистически, не как реальную независимость государства, а как независимость одной правовой системы норм от других нормативных систем. Суверенитет означает высший правопорядок, не выводимый ни из какого другого правопорядка. Но так как Кельзен вместе с тем пытается обосновать «приоритет» международного права и единство «мировой» системы права, то правопорядок отдельного государства ставится им в зависимость от норм международного права, и понятие государственного суверенитета, таким образом, не может иметь места ни в теории, ни в практике международной жизни.

В вышедшей в 1950 году книге «Право Объединенных Наций» Кельзен заявляет, что догма суверенитета несовместима с международным правопорядком.

Теория Кельзена призвана обосновать возможность посягательств на действительную независимость государств под предлогом признания «мирового» права и приоритета норм международного права перед внутригосударственными.

§ 4. Психологические концепции государства и права

1. Характерным для буржуазных учений о государстве и праве эпохи империализма является широкое распространение различных психологических концепций государства и права. В этих учениях обнаруживается стремление свести право к некоторым иррациональным моментам психики.

Еще историческая школа права пыталась вывести право из мистического «народного духа». В XX веке продолжают попытки объяснить право как некоторое явление психики. Одни буржуазные юристы стремятся понять право из «правового чувства» (Шлоссман, Лёнинг), из «чувства справедливости» (Ле-Фюр), из «социальных верований» (Леви), расчистить в области права место для интуиции (Жени).

Наиболее полно и оригинально разработано психологическое учение о государстве и праве русским ученым Л. И. Петражицким (1867—1931). Им выпущена в свет двухтомная «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907), а в качестве

введения к этому сочинению книга—«Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» (1905).

Философские взгляды Петражицкого сложились под несомненным влиянием кантианства и эмпириокритицизма. Его учение представляет собой попытку распространить субъективный идеализм на область общественных явлений.

Основное положение, выдвинутое Петражицким, состоит в том, что право представляет собою психическое явление, что «место нахождения права», как он выражается, есть психика отдельного индивида. Из того, что право, как и другие идеологические явления, проходит через сознание людей, Петражицкий делает неверный вывод, будто право есть только часть нашего сознания и не имеет никакой реальности за пределами психики отдельного человека.

Если помещик Тамбовской губернии А., поясняет свою мысль Петражицкий, имеет право получить от арендатора Б. арендную плату в сумме 500 руб., то это не значит, что право находится где-то в Тамбовской губернии. Оно находится в психике третьего индивида—В., который полагает, что помещик А. имеет право получить 500 руб., а арендатор обязан их уплатить. Петражицкий, таким образом, откровенно отказывается рассматривать право как общественное явление и тем самым закрывает путь к пониманию подлинной сущности права. Он пытается с позиций субъективного идеализма представить государство и право, как разновидность и следствие психических переживаний индивида.

В то время как в действительности сознание людей является отражением тех общественных отношений, в которых люди состоят, Петражицкий пытается изобразить эти общественные отношения как отражение особого психического состояния отдельных индивидов, им порожденное и обусловленное.

Петражицкий считает, что право относится к особому разряду психических явлений, к числу так называемых эмоций, которые, как он считает, оставались доселе неизвестными «традиционной» психологии. В отличие от односторонне активных (воля) и односторонне пассивных психических явлений (познание, чувство) эмоции, по Петражицкому, имеют двустороннюю, пассивно-активную природу, представляя собою и пассивные и активные переживания одновременно. В качестве примера эмоций Петражицкий указывает на голод-аппетит, особенностью которого является одновременное и нераздельное появление в психике как пассивных, страдательных, так и активных, «моторных» переживаний, а также любопытство, отвращение, переживания охотника, спортсмена и т. д.

«Эмоциям» Петражицкий приписывает огромную роль в жизни человека, утверждая, что они управляют нашим телом и психикой, вызывают определенные телодвижения, представления и мысли, что весь психофизический аппарат перестраивается в зависимости от наличия или отсутствия тех или иных эмоций.

Игнорируя общественный характер правовых явлений и утверждая, что право относится к особому разряду психических

переживаний — «эмоций», Петражицкий пытается выяснить специфические особенности интересующих юриста «правовых эмоций». Он именует правовые переживания императивно-атрибутивными эмоциями и считает существенной особенностью этих переживаний, во-первых, «мистико-авторитетный характер понукания к известному поведению», «твердое давление в сторону соответствующего поведения, переживаемое как состояние связанности нашей воли» («императивность»), во-вторых, представление о том, что поведение, к которому индивид считает себя обязанным, закреплено за другим, причитается другому как нечто ему должное, следующее ему от обязанного лица («атрибутивность»). Этот элемент атрибутивности, по Петражицкому, отсутствует в нравственных эмоциях, в которых «наш долг сознается как свободный по отношению к другим», и то, к чему мы считаем себя обязанными, не причитается другому как ему должное от нас.

Извращенно представляя себе соотношение общественных явлений и индивидуальной психики, Петражицкий изображает нормы права, а также всякие приказы государственной власти как явления, порождаемые эмоциями. Представления об особых нормах, велениях и запретах, о принадлежащей тем или иным лицам власти и т. п. Петражицкий рассматривает как «проекции» переживаний, как некоторое порождение эмоций и как их отражение в общественной жизни. Вместо того, чтобы признать, что акты государственной власти, отражая экономику общества, воздействуют на сознание и определяют содержание и характер наших представлений о правах и обязанностях, Петражицкий объявляет все это продуктом, отражением правовых эмоций — «проекциями», «фантазмами». Образование государства, представляющего собою организацию насилия в руках господствующего класса с вполне реальным аппаратом насильственного подавления, Петражицкий пытается изобразить как продукт явлений индивидуальной психики.

Он допускает, однако, что правовые эмоции могут возникать и без представлений о тех или иных актах государства, считает, что право может существовать помимо и независимо от государства.

Это извращенное, неправильное представление о соотношении государства и права приводит Петражицкого к ошибочному противопоставлению «официального» и «неофициального» права, то есть права, установленного государством, и права, возникшего помимо государства и независимо от него. Последовательно развивая психологическую концепцию, согласно которой право возникает везде, где образуются в сознании людей императивно-атрибутивные переживания, Петражицкий допускает, что «неофициальное» право может создаваться в самых различных общественных кругах. Получается, что каждый класс может иметь свое право, что профессиональные союзы, например, формируют свое право наряду с «официальным» правом. Он доходит до того, что признает существование особого «детского» права, складывающегося в психике детей,

«разбойного» права, образующегося в психике разбойников, делящих добычу и т. п.

У некоторых последователей Петражицкого его исходные положения послужили основанием для защиты особой «плюралистической» теории права, являющейся попыткой отрицать монопольное использование государственной власти буржуазией и доказать участие общественных организаций, представляющих интересы других классов, в управлении буржуазным государством и в установлении норм права.

У самого Петражицкого противопоставление «официального» и «неофициального» права было главным образом выражением либеральной оппозиции против «официального» права царской России во имя «неофициального» права, сложившегося в сознании либеральных кругов дворянства и либеральной буржуазии.

Это особенно явственно выступает в выдвинутой Петражицким идее «интуитивного» права, то есть права, при котором представление об обязанности того или иного поведения не связано с представлением о каких-либо нормативных актах государства. «Интуитивное» право, как легко понять, весьма родственно буржуазному «естественному» праву, которое, по мнению его защитников, в отличие от «положительного» права, имеет силу независимо от каких-либо актов государственных органов или каких-нибудь иных постановлений или приказов тех или иных авторитетов.

Однако, критически относясь к «официальному» праву, Петражицкий является противником его коренных изменений. Он выдвигает план постепенных реформ, производимых на основе особой «политики права», которую он считает необходимым разработать как вывод из предлагаемого им психологического изучения права. Он сводит борьбу за преобразование государства и права к борьбе за изменение сознания, к воспитательной работе, своего рода «социальной педагогике», столь близкой сердцу либералов и реформистов.

Учение Петражицкого о государстве и праве является, таким образом, идеалистическим. Его автор пытается объяснить государство и право психикой отдельного индивида, взятого изолированно, в отрыве от общественных связей, общественной среды. Он игнорирует зависимость сознания от общественного бытия, от экономики, отражением которой оно является. Ложный исходный пункт приводит Петражицкого к извращенному представлению о множественности правовых систем в пределах одного и того же общества, о возможности существования права независимо от государства, к идеалистическому представлению об особом «интуитивном» праве, возникающем в сознании независимо от государства и используемом в качестве оружия критики действующего «официального» права.

2. Психологическое понимание права характерно также для так называемой скандинавской школы права (Хёгерштрём, Лундштед, Росс, Оливекрона и др.). Ее представители, подобно

Петражицкому, пытаются изобразить правовые явления как отражение психических переживаний отдельных индивидов. Так, например, Альф Росс, критикуя нормативистское понимание права, призывает для объяснения правовых явлений к изучению «социальной психологии», рассматривает правовые явления как следствие присущих людям психологических «импульсов», различного рода побуждений, возникающих в психике людей.

Карл Оливекрона, изложивший свои взгляды в книгах «Право и факт» (1939) и «Закон и государство» (1940) также пытается свести государство и право к явлениям психики. Идея о правовом должновании, о «связующей силе» права есть, по его мнению, психологическая реальность. Психологическая основа этой идеи — сильное чувство связанности, которое мы питаем по отношению к правопорядку. К этому присоединяется инстинктивное понимание необходимости твердого порядка. Ни нормам права, ни субъективному праву, ни правовой обязанности не соответствует никакой объективной реальности.

Нормам права, заявляет Оливекрона, нельзя приписывать постоянного существования. «Норма права существует лишь как содержание возникающих в разное время представлений различных индивидов»¹. Представление о постоянстве нормы права возникает потому, что предпринимаются вспомогательные меры, чтобы систематически возбуждать соответствующие представления путем публикации кодексов и наблюдения за тем, чтобы те, кто призван иметь дело с законами, придерживались того, что написано в кодексах.

Содержание уголовных законов входит в сознание судьи и побуждает его к определенным действиям. Оно входит также в сознание других людей и влияет на их образ действий.

Субъективное право также не является объективной реальностью. За субъективным правом стоит целый комплекс представлений и чувств, из которых в различных случаях выступает то одна, то другая сторона этого комплекса.

Из этих рассуждений Оливекрона делает тот же вывод, какой встречается и у Петражицкого: правопорядок создается не государством, а иными «естественными» причинами, среди которых главными являются сознание индивидов, их чувства и представления. Правопорядок, по Оливекрона, возникает как результат психических явлений, протекающих в сознании индивида.

В учении Оливекрона обнаруживается то же стремление к отрицанию объективной реальности правовых явлений, какое характеризует теорию Петражицкого. Здесь также общественная сущность этих явлений оспаривается и выдвигается субъективистская концепция, придающая решающее значение чувствам и представлениям и, следовательно, психологическому, воспитательному воздействию на индивидов, а не реальной организации власти и классового господства.

¹ Карл Оливекрона, Закон и государство, Копенгаген, 1940, стр. 46 (на немецком языке).

§ 5. «Солидаризм» и «институционализм»

1. Буржуазные идеологи, уже давно пропагандировавшие солидарность классов, в эпоху империализма с новой силой начали звать к солидарности по мере роста сил рабочего класса и обострения классовой борьбы.

Идею солидарности классов и демагогическое отрицание полновластия буржуазии в целях апологии буржуазного государства выдвигают в особенности французские «солидаристы».

Еще в конце XIX века буржуазный социолог Эмиль Дюркгейм, игнорируя классовые антагонизмы, утверждал, что в капиталистическом обществе якобы существует «органическая» солидарность, основанная на возрастающем разделении труда и связанном с этим «умножении и уплотнении духовных сил».

В 1902 году появилась книга Леона Буржуа, французского политического деятеля, бывшего одно время министром, под названием «Солидарность». Солидарность, заявляет Буржуа, есть факт и вместе с тем долг по отношению к обществу. Однако, не очень полагаясь на то, что солидарность есть факт, Буржуа призывает к воспитанию солидарности, заявляя, что нужно подготавливать людей к солидарности, что «социальная проблема есть проблема воспитания».

Л. Буржуа призывает распространять идеи солидаризма при помощи науки и изящных искусств.

В страхе перед революцией он проповедует реформизм. Чтобы предохранить себя от революционных потрясений, говорит он, нужно осуществить справедливость (при этом имеются в виду реформы частного значения). Тогда замолкнет ненависть и воцарится мир. Стремясь укрепить капитализм, он призывает буржуазию к уступкам, говорит о необходимости «стать поистине существом общественным», уплатить «социальный долг», к декларации прав прибавить декларацию обязанностей.

2. Наиболее известным представителем этого направления был Леон Дюги (1859—1928) — реакционный юрист, который выступал с откровенной защитой империалистического государства в сочинениях «Государство, объективное право и положительный закон» (1902), «Курс конституционного права» в пяти томах (1921—1926) и др.

Игнорируя противоречия капиталистического общества, особенно обострившиеся в эпоху империализма, Дюги пропагандирует классовый мир, солидарность классов. Он объявляет солидарность основным принципом общественной и политической жизни, призывая тем самым сохранить и увековечить капиталистическую эксплуатацию.

Дюги, как и Буржуа, утверждает, что солидарность есть факт, а вместе с тем и долг, не замечая противоречия между этими утверждениями. Солидарность, по Дюги, — это «факт взаимозависимости,

соединяющей друг с другом в силу общности потребностей и разделения труда членов человечества и, в частности, членов одной и той же социальной группы»¹. «Люди подчинены социальной норме, основанной на соединяющей их взаимозависимости»². Дюги игнорирует значение классовых делений в обществе и в общей, абстрактной форме говорит о взаимозависимости индивидов. Получается, что зависимость рабочего от капиталиста составляет некоторый неустраняемый «естественный» факт, обусловленный «общностью потребностей» и разделением труда в обществе.

Из своего основного положения о значении солидарности в обществе Дюги делает вывод, что правом является все то и только то, что соответствует норме солидарности. Нормы права, говорит он, существуют независимо от государства, они покоятся на факте общественной солидарности. Это дает Дюги основание обрушиться на представление о субъективных правах, о правах индивида, к которым взывала в свое время буржуазия.

Ни у кого нет прав, а есть только определенное положение, определенные социальные функции, заявляет Дюги. Он сочувственно цитирует слова Конта: «Идея права безвозвратно исчезает. Каждый имеет долг, и притом по отношению ко всем, но никто не имеет права в собственном смысле слова». Дюги объявляет, что понятие субъективного права есть понятие метафизическое, которому не должно быть места в современном обществе. Индивиды не имеют прав, не имеют их и коллективы, но все индивиды как социальные существа обязаны подчиняться социальной норме.

«Никто не имеет в социальном мире другого полномочия, кроме выполнения задачи, возлагаемой на него социальной нормой или, если угодно, положением, занимаемым им в системе взаимозависимости, соединяющей членов одной социальной группы»³.

Это отрицание субъективных прав создает теоретические предпосылки для отрицания политических прав трудящихся. Вместе с тем оно представляет собой демагогическую попытку изобразить деятельность капиталистов как некую полезную для общества «социальную функцию», представить дело так, будто собственники в буржуазном обществе не имеют никаких прав, а только выполняют свой долг, полезный обществу. Собственность, говорит Дюги, перестает быть индивидуальным правом, а становится социальной функцией.

Столь же демагогическими являются рассуждения Дюги о современном буржуазном государстве. Приукрашивая и маскируя диктатуру буржуазии, Дюги уверяет, что государственная власть — понятие бесполезное и опасное, утратившее якобы свое значение. Он яростно атакует понятие суверенитета, заявляя, что власть в современном империалистическом государстве подвергается

¹ Л. Дюги, Право социальное, право индивидуальное и преобразование государства, М., 1909, стр. 22.

² Там же.

³ Там же, стр. 25.

существенной трансформации; умирает мало-помалу римская, якобинская, наполеоновская форма, создается другая, более мирная, эластичная, человеческая форма государства.

Используя свои представления об особой, стоящей над индивидуальными нормами солидарности, Дюги заявляет, что власть сама по себе не дает никаких прав правящим. Власть есть факт, а не право. Она становится правом лишь в меру соответствия норме солидарности. Властвующие, как члены общества, подчинены норме права. Поэтому Дюги считает, что все акты органов власти имеют силу лишь постольку, поскольку они соответствуют норме солидарности. Даже законы обязательны лишь в меру их соответствия норме солидарности¹. Однако это положение не означает ни критического отношения к существующим законам, ни тем более призыва к неповиновению им. Напротив, Дюги исходит из того, что законы буржуазного государства и все акты его органов отвечают требованиям солидарности. Все его учение о солидарности представляет собой не что иное, как попытку оправдать государство и право империалистических стран, изобразив их как выражение и воплощение социальной солидарности.

Дюги отрицает полновластие одного класса в империалистическом государстве. Он уверяет, что все классы общества могут принимать и принимают участие в управлении буржуазным государством. Это достигается, по его словам, децентрализацией власти и участием «синдикатов», то есть особых организаций, объединяющих в своем составе рабочих и капиталистов, в осуществлении государственной власти. Синдикаты будут объединяться на договорных началах. Такое «преобразование» власти сделает излишним понятие суверенитета.

Эти идеи Дюги были широко использованы фашистами в их лозунгах «корпоративного» и «сословного» государства.

Дюги объявляет, что новое, «синдикалистское» государство будет надклассовым.

«Классовое господство должно кончиться,— говорит Дюги.— Мы отвергаем господство пролетарского класса, как и господство класса буржуазии»².

Дюги даже пытается оспаривать наличие двух антагонистических классов в буржуазном обществе. Он заявляет, что существует много лиц, может быть, даже большинство, которые одновременно являются и капиталистами и рабочими, имея в виду мелких собственников, делающих вклады в акционерные капиталы и банки и т. п.

Синдикатам Дюги приписывает способность «стать гарантией против всемогущества правящих лиц»³. Он уверяет, что с их раз-

¹ Л. Дюги, Государство, объективное право и положительный закон, 1902, стр. 124; 265 и сл. (на французском языке).

² Л. Дюги, Право социальное, право индивидуальное и преобразование государства, М., 1909, стр. 56.

³ Там же, стр. 125—126.

витием роль правящих должна будет уменьшаться с каждым днем и будет сведена к надзору и контролю. «Благодаря развитию синдикализма все остальное отойдет от государства».

Дюги боится революции и надеется ее предотвратить своевременной «трансформацией» государства и демагогической пропагандой. В синдикатах он видит средство против «насильственного революционного скачка»¹.

Реакционная и антинародная сущность этого учения очевидна. Дюги затушевывает насилие и подавление, осуществляемое буржуазией, дает неприкрытую апологию буржуазных отношений как соответствующих норме солидарности, хочет парализовать борьбу рабочего класса созданием синдикатов с участием предпринимателей, вроде позднее созданных фашистских корпораций, враждебно относится к революционной борьбе рабочего класса.

Идеи солидаризма продолжают и поныне использоваться реакционными юристами как Франции, так и США, которые пытаются доказать, будто в условиях современного империализма противоречия между капиталистами и рабочими сглаживаются, что собственность преобразуется и т. п.

3. В роли откровенного защитника империалистического государства выступает в начале XX века французский административист М о р и с О р и у, зачинатель того направления буржуазной юриспруденции, которое именуется «институционализмом».

Ориу, восхваляя капиталистические отношения, отмечает прежде всего их преимущество перед феодальными. В отмене сословных привилегий и установлении равной для всех правоспособности он усматривает существенную особенность буржуазного общества, которую он превозносит под наименованием «правовой общности». Формальное равенство, как известно, прекрасно уживается в капиталистическом обществе с резким имущественным неравенством, нищетой, эксплуатацией. Но Ориу закрывает глаза на существо отношений и ограничивается формальной стороной дела. Хотя средства производства уже стали собственностью ничтожной горстки монополистов, Ориу продолжает утверждать, что право собственности есть право открытое, свободное и доступное всем, кто обладает возможностью его приобретения. Правовая общность, говорит он, создает как бы общий резервуар возможностей.

Ориу не может представить себе иных стимулов для деятельности человека, кроме стремления к наживе, «инстинкта приобретения», как он выражается. Свободу личности он понимает как свободу предпринимательства. Исходя из извращенных представлений о природе человека и не допуская возможности благородных побуждений к труду, Ориу пытается критиковать принципы социализма.

¹ Л. Дюги, Право социальное, право индивидуальное и преобразование государства, М., 1909, стр. 125.

Общественное неравенство Ориу считает вечным и неустрашимым. Он заявляет, что общество организовано таким образом, что тяжелый труд ложится на плечи одного — обреченного в жертву класса, а выгоды предоставляются другому — привилегированному классу. Такое положение облегчается в буржуазном обществе, по собственному признанию Ориу, тем, что «промежуточные слои» — мелкая буржуазия, «перебежчики», рабочая верхушка — «квази-собственники», как он называет их, поддерживают существующий строй. «Всякий, начинающий приобретать имущество, оказывается удовлетворенным»¹.

Ориу понимает, что государственная организация определяется экономическими явлениями. Государство призвано охранять существующие общественные отношения. Вся политическая организация служит гражданскому режиму. Публичная жизнь и публичное право стоят на службе частной жизни и частного права — явлений, в существе своем экономических. «Бесспорно, — говорит он, — что экономические явления наиболее важны и что политические явления «служат» им так же, как тело служит душе»².

Однако Ориу все же изображает государство как организацию нации в целом, а не одних только собственников. Он рассматривает государство как организацию не только «правлящего», но и «народного класса», то есть как надклассовую организацию.

Большое внимание Ориу уделяет средствам придания устойчивости капиталистического строя. Важнейшим из таких средств Ориу считает укрепление и развитие в обществе так называемых институтов. Если жизнь социальной группы наделена известной организацией и известным постоянством, говорит Ориу, то образуется институт. Спокойное, длительное существование какого-либо положения вещей превращает его в институт. Семья, церковь, община, профсоюз и т. п. — это институты.

Ориу выделяет среди институтов в качестве особого их вида корпорации. Это — институты, обладающие «внутренней свободой, позволяющей им самим преследовать свои цели и самим выполнять свои функции и делающей из них живые индивидуальности»³. Корпорация сама разрабатывает и пересматривает свои статуты. Это — общественная организация, обладающая определенной «автономией». Другую категорию институтов составляют институты-вещи, «лишенные автономии».

Некоторые из институтов существуют века, длительные периоды истории, испытывая время от времени те или иные изменения, другие возникли недавно и имеют непродолжительную историю существования (различные кредитные, кооперативные товарищества и т. п.). Нужно организовать государство так, заявляет Ориу, чтобы учитывались вес, влияние, значение различных институтов.

¹ М. Ориу, Основы публичного права, М., 1929, стр. 401.

² Там же, стр. 113 (примечание).

³ Там же, стр. 114—115.

В институтах-корпорациях Ориу усматривает спасительное средство против пролетарской революции. Опасность, по словам Ориу, состоит в том, что развитие общества ведет к революционному состоянию, при котором изменяющие силы приобретают большее влияние, чем силы устойчивости. Запутывая вопрос о государственной организации при помощи различных религиозных представлений, Ориу заявляет, что «корпоративная социальная организация» есть высшая из мыслимых типов организаций, так как она соответствует «образу человеческого существа, созданного по образу и подобию бога».

Ориу говорит о «божественном праве организованной корпорации». В страхе перед революцией он взывает к социальному равновесию. «Равновесие» вообще играет заметную роль в его поисках способов сопротивления революции. Особенно характерно, что он предлагает установить равновесие между экономическими силами и политическими. В его устах это означает неприкосновенность частной собственности и «свободу торговли» от всякого вмешательства государственных органов.

Ориу отдает себе отчет в том, что в буржуазном обществе происходит классовая борьба, которую рабочий класс ведет против капиталистов, но как идеолог империализма он призывает к борьбе с революционным духом и предлагает серьезно заняться «социальным воспитанием», то есть идеологической обработкой масс, при которой должны быть использованы семья, государство, церковь. «Нельзя пренебрегать ни одной из этих сил», — поучает Ориу.

Но одного идеологического воздействия мало. По-видимому, недостаточны и «новые формы собственности» (дюгистская «трансформация собственности») которые будут «равнодействующей» в борьбе сил. Нужна реальная сила, чтобы противостоять рабочему классу. Нужно усилить и заинтересовать «промежуточные слои» — «перебежчиков», мелких собственников и т. п., запретить стачки, но не ограничиваться этим, а пустить в ход капитал и вооруженную силу.

В арсенале оружия, с помощью которого Ориу при наступлении «кризиса» предлагает бороться с революцией, мы находим испытанные буржуазией меры, сводящиеся к ликвидации буржуазной демократии. Ориу предлагает отмену выборов, отмену ответственности министров, назначение диктатора. Он советует также создать вооруженные отряды, «специально организовать для защиты». И все же, изложив эту боевую программу защиты буржуазии. Ориу скептически прибавляет: «В тот день, когда массы целиком перейдут к делу, не хватит жандармов».

4. Вслед за Ориу реакционный французский юрист Р е н а р пытался в обширном сочинении развить целую «теорию» институтов — «и н с т и т у ц и о н а л и з м».

Теория институтов является не чем иным, как попыткой доказать, что империалистическое государство будто бы не

является единственной организацией, которая направляет общественную жизнь, руководит обществом и устанавливает правовые нормы.

Институт, по Ренару, — это всякое длительное существование какого-либо объединения людей, какой-либо общественной организации. Каждый из нас, говорит он, входит в состав нескольких институтов: каждый является членом семьи, входит в состав нации, известной производственной корпорации, принадлежит к определенной религиозной организации.

В качестве примера институтов Ренар называет также университеты, госпитали, радиокомпания и т. п. Отношения индивидов друг к другу, по Ренару, определяются тем, что они включены в те или иные институты.

В духе идеалистического истолкования общественных явлений Ренар заявляет, что институты представляют собой соединение некоторых идей и некоторого количества людей, единство людей и идей, в котором людской состав меняется подобно тому, как вода меняется в реке.

Совокупность этих институтов и образует порядок, а государство есть один из институтов среди множества других, которые координированы и подчинены один другому.

Объявляя государство одним из институтов и выдвигая демагогическое утверждение, будто все общественные организационно-институты, в том числе и организации трудящихся, помимо государства участвуют в управлении обществом, организуют общественную жизнь наряду с государством, институционалисты хотят замаскировать полновластие буржуазии, осуществляемое при посредстве империалистического государства. Подобно Дюги, они объявляют излишним понятие государственного суверенитета.

С помощью этих и подобных им соображений буржуазные юристы пытаются изобразить дело так, будто не только буржуазия, но и другие классы общества участвуют в управлении обществом, в установлении правовых норм, в направлении человеческого поведения и т. д. Такова демагогия учения об «институтах».

Если вникнуть в смысл того, что пишет Ренар, то получается, что профессиональные организации, партии, церковь — все эти различные организации в некоторых отношениях поделили между собой власть; нет монопольной силы в руках буржуазного государства, нет его суверенитета, имеется лишь ряд институтов, в которые включаются индивидуумы. В число институтов входит и государство.

Это учение об институтах отражает также стремление империалистической буржуазии получить, кроме государства, некоторые дополнительные средства воздействия на массы, поставить на службу этому семью, церковь, привлечь профсоюзную верхушку и все вообще «промежуточные слои» на сторону буржуазии в классовой борьбе между рабочими и капиталистами.

§ 6. Естественнопровые учения

а) Возрождение естественного права

Возрождение естественного права относится к самому концу XIX — началу XX в. Наиболее значительными защитниками идеи естественного права являлись во Франции Жени и Салейль, позднее Буастель и Шармон, в Германии — Штаммлер, Коген, Ласк и другие представители неокантианства, в России — Е. Н. Трубецкой, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский и др.

Учение о естественном праве в различных его вариантах занимает видное место и в современной буржуазной литературе по теории государства и права.

Близкое к неокантианству учение о естественном праве развивает итальянский теоретик права дель Веккио, обширная книга которого под заглавием «Философия права» вышла в свет на французском языке в 1953 году, на итальянском — впервые в 1936 году под названием «Лекции по философии права».

Право, по дель Веккио, это «суждения ценности», это оценка действительности с точки зрения представлений о справедливости. Однако в нормах права выражены лишь относительные, а не абсолютные суждения о справедливости. Но идея абсолютной справедливости составляет необходимое требование сознания. Отсюда рождается идея «естественного» права, выражающая абсолютный критерий справедливости, покоящийся на «природе вещей», а не на произволе законодателя.

Естественное право — критерий, дающий возможность оценивать действующее право и судить о его справедливости или несправедливости. Такая оценка, по дель Веккио, составляет неустрашимое требование разума и чувства.

Дель Веккио поясняет свои мысли примером. Рабство, говорит он, отвечает понятию права, и оно естественно в том смысле, что обусловлено достаточными эмпирическими обстоятельствами, но оно противоречит идее права. Оно правомерно, но оно несправедливо.

Рассуждения эти, как легко усмотреть, совершенно лишены исторического подхода к правовым институтам. Они покоятся на абстрактном представлении о некоей единой справедливости, одинаковой для всех времен и классов. В действительности самые представления об «абсолютной» справедливости исторически изменчивы, они зависят от классовой позиции мыслителя и представляют собой лишь «... идеологизированное, вознесенное в небеса выражение существующих экономических отношений либо с их консервативной, либо с их революционной стороны»¹.

Признавая за естественным правом значение критерия для оценки действующего права, дель Веккио, как сам он отмечает,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, 1955, стр. 577.

в отличие от старых теоретиков естественного права XVII—XVIII вв. не считает необходимым немедленное осуществление всех требований естественного права в правовом порядке данной страны. Подобно неокантианцам, дель Веккио выдвигает реформистскую программу постепенных изменений, частичных незначительных поправок к существующему праву. В этом смысле дель Веккио говорит о «прогрессивной реализации естественного права в положительном праве»¹.

Дель Веккио находит, что частично естественное право уже реализуется в действующем праве, а частично должно постепенно воплощаться в нем в результате соответствующего толкования старых законов и издания новых. Те принципы, которые он перечисляет как принципы естественного права, осуществляемые в действующем праве, представляют собою не что иное, как некоторые общие начала буржуазного права и буржуазной демократии. Это — всеобщая правоспособность, то есть недопустимость рабства и крепостничества, абстрактное представление о свободе, которая должна «находить границу в ее совместности со свободой других лиц», право участвовать в образовании того закона, которому обязаны повиноваться граждане, принцип буржуазной законности и т. п.

Своим учением о естественном праве дель Веккио призывает к постепенному совершенствованию буржуазного права без его коренной ломки, оправдывает и требует сохранить в неприкосновенности его основу — частную капиталистическую собственность на средства и орудия производства.

С защитой «подвижного» естественного права выступает западногерманский юрист Гельмут Коинг в книге «Основные черты философии права» (1950).

Кроме действующего права существует, заявляет Коинг, еще «идея права» — «нравственная цель, осуществлению которой должен служить правовой порядок»². Из этой идеи права вытекают нормы естественного права, которые различны в зависимости от той или иной ситуации, определенного состояния общественной жизни в данный момент в данной стране. В этом смысле нормы естественного права исходят из «природы вещей».

Естественное право, как разъясняет Коинг, образно говоря, находится между идеей права и позитивным, действующим правом.

Заявляя, что требования естественного права изменчивы, меняются в зависимости от конкретных условий жизни данного общества, Коинг делает естественное право весьма произвольным и неустойчивым критерием оценки действующего права, пригодным для оправдания любых правовых институтов и норм права.

¹ Дель Веккио, Философия права, 1953, стр. 440 (на французском языке).

² Г. Коинг, Основные черты философии права, Берлин, 1950, стр. 151 (на немецком языке).

б) Католические учения

В отличие от рассмотренных теорий католические естественно-правовые учения открыто вьывают к религии как основе теории государства и права и пытаются доказать полное соответствие существующего общественного и политического строя требованиям естественного права.

Характерной в этом отношении является концепция естественного права бельгийского профессора Ж а н а Д а б е н а.

В «Общей теории права», вышедшей в свет в 1944 году, Дабен выступает на защиту единого и неизменного естественного права. Естественное право, по Дабену, это правила поведения, выводимые из неизменной природы человека, раскрывающейся в его основных склонностях.

Природа человека, по Дабену, у всех одинакова и не меняется. Поэтому у предписания естественного права всеобщи и неизменны, несмотря на различие индивидуальных условий, исторической и географической среды, цивилизации и культуры. Некоторые из этих предписаний относятся к «первым принципам», другие составляют выводы из них, учитывающие те или иные конкретные особенности жизни.

Естественное право «дает основание положительному закону и оправдывает долг повиновения граждан» — таково понимание естественного права у Дабена. Это не критерий для оценки действующего права, а его основа, освящение и оправдание всех его норм.

«Все правила, учреждения и любые положительные предписания человеческие и даже божественные,— заявляет Дабен,— зависят и происходят известным образом от естественного права, как право положительное, так и моральные правила, установленные богом и церковью»¹.

На мораль естественное право влияет непосредственно, прямым образом, на позитивное право — косвенным образом через посредство морали.

В этих рассуждениях Дабен стремится обосновать связь норм права с нормами морали, которая является якобы единой и неизменной и, как утверждает Дабен, составляет основу всякого действующего права.

Это — попытка дать моральное оправдание существующему капиталистическому государству и действующему в нем праву, придать этому праву моральный ореол и обосновать моральную обязательность соблюдения его норм, вывести действующее право из «естественного права», которое, по утверждению автора, предусматривает не только обязанности перед другими людьми, но и обязанности перед богом, перед самим собой, обязанности, вытекающие из идеи семьи и из политического порядка.

¹ Ж. Д а б е н, Общая теория права, Брюссель, 1944, стр. 215 (на французском языке).

В то же время учение Дабена исключает всякую оценку действующего права в духе «традиционного», как он выражается, естественного права. Именно поэтому Дабен возражает против идеи естественного права «юридического» в смысле решения или директивы, обязательных для носителей власти, устанавливающих нормы положительного права.

Нетрудно видеть, что учение Дабена о естественном праве не имеет ничего общего ни с философией просветителей XVIII века, ни с неокантианским учением о естественном праве. Первые противопоставляли естественное право положительному как некоторый идеал, который законодатель должен полностью и немедленно воплотить в жизнь; неокантианские оппортунисты рассматривали естественное право как некоторый масштаб для оценки действующего права, для его постепенного частичного усовершенствования. Дабен же отказывается от оценки действующего права, объявляя наперед о его соответствии естественному праву, рассматривает действующее право капиталистических стран как реализацию, конкретизацию некоего неизменного, божественного, естественного права. Эта позиция характерна не только для Дабена, но едва ли не для всех сторонников католического учения о естественном праве.

2. Католические писатели, выступая в качестве идеологов империализма, проявляют в настоящее время большую активность. Они усиленно пропагандируют философию Фомы Аквинского и его учение о естественном праве.

Этот средневековый богослов является сейчас авторитетом в глазах ряда реакционных юристов западноевропейских стран и США. Они цитируют его высказывания, приспособляя их к условиям капиталистического общества эпохи империализма. Характерно, что американские юристы этого направления откровенно именуют свою концепцию неосхоластицизмом, признавая тем самым ее прямую связь со схоластическим учением Фомы Аквинского.

Современные последователи Фомы Аквинского воскрешают средневековое учение о божественном происхождении государственной власти. Они реставрируют представление о естественном праве как о чем-то, соответствующем вечному, неизменному божественному миропорядку. Действующее в империалистических странах право провозглашается выражением этого порядка. Напротив, правовые системы, существующие в странах социализма, объявляются противоречащими естественному праву.

Американец Кеннеди, один из представителей «неосхоластицизма», утверждая, что естественное право — это право, установленное богом, уверяет, что американская демократия находится в полном соответствии с естественным правом. Естественное право, по его словам, требует служения общему благу и обеспечения прав личности, а эти принципы, по уверению неосхоластиков, якобы обеспечиваются лживой американской «демократией».

Кларк, другой сторонник этого католического естественно-правового учения в Америке, написал в 1942 году большую книгу «Дух права», где воспроизводит учение Фомы Аквинского об общем благе (*bonum commune*), которому якобы служит всякое право, и о естественном законе, который якобы установлен богом.

Он настойчиво подчеркивает, что право обеспечивает порядок и гармонию в обществе.

3. Лебафф и Хейс в книге «Американская философия права» откровенно предлагают исходить из наличия в мире божественного плана, который управляет существующим правопорядком. Выдвигая идею о божественном происхождении государства, они пытаются придать религиозный ореол действующему буржуазному праву. Действующее право, заявляют они, происходит от высшей власти в государстве, а эта последняя — от бога. Действующее право, говорят они, является необходимым результатом приведения в действие врожденных человеку богом общественных склонностей.

Следуя Фоме Аквинскому, Лебафф и Хейс объявляют, что в «божественном откровении» выражено божественное право и что естественное право тесно связано с божественным, поскольку естественное право находит свое подтверждение в «божественном откровении».

Всякое позитивное право, по их мнению, в конечном счете происходит от естественного, все права и обязанности вытекают непосредственно или более отдаленным образом из естественного права. Естественное же право, как уже было указано выше, названные авторы сближают с «божественным» правом.

Такого рода взгляды представляют собой попытку подвести религиозную основу под учение о государстве и праве, затемнить мистикой сознание масс, внушить им представление, будто действующее в империалистических государствах право является не чем иным, как выражением божественной воли.

Хотя утверждается, что всякое положительное право происходит от естественного, это положение явно не распространяется на право социалистических государств. Последнее рассматривается как противоречащее естественному праву и потому не заслуживающее признания и повиновения его требованиям. Право, противоречащее естественному праву, говорят Лебафф и Хейс, не связывает граждан; законодатель, который противоречит естественному праву, — враг общества.

Им нетрудно обосновать расхождение социалистического права с правом естественным, поскольку в естественное право они включают право частной собственности. Частная собственность, по утверждению Лебаффа и Хейса, есть единственное средство удовлетворять индивидуальные и социальные цели человеческой природы.

Предвидя указание на то, что первоначально, при первобытнообщинном строе не было частной собственности, авторы заявляют, что частная собственность представляет собой естественное право,

которое не прямо дано природой, а является «приобретенным» естественным правом.

Против правительства, нарушающего нормы естественного права, признается допустимым восстание. Более того, «сопротивление законному восстанию» объявляется мятежом. Этим заранее подготавливается оправдание для вмешательства во внутренние дела демократических государств с целью организации заговоров и мятежей против законных правительств.

У Фомы Аквинского заимствуется демагогическое положение о том, что право должно служить и служит общему благу. Известно, что мысль эта восходит к Аристотелю. Утверждение, будто право служит общему благу, является обычным в писаниях современных приверженцев схоластической философии Фомы Аквинского. Оно имеет целью оправдать и представить в наиболее выгодном свете право империалистических государств.

Лебафф и Хейс, объявляя общее благо целью, которую преследует действующее право, заявляют, что если право противоречит общему благу, то оно не связывает граждан, и если его нужно соблюдать, то только из благоразумия, чтобы избежать скандала или нарушения общественного порядка.

Трудно представить себе понятие более расплывчатое и неопределенное, чем понятие общего блага в том виде, как оно здесь используется. Означает ли общее благо — благо всех и каждого, или благо общества в целом, или благо какой-то части общества? Означает ли оно равное благо всех или оно совместимо с неравенством? На эти вопросы у рассматриваемых авторов нет, разумеется, прямого ответа.

Правда, ссылки на общее благо сопровождаются указанием на необходимость соблюдать справедливость, то есть, если следовать Аристотелю и Фоме Аквинскому, «каждому воздавать свое». Но совершенно очевидно, что и этот принцип абстрактен и формален. Капиталистический строй, при котором средства производства принадлежат одним, а тяжелый труд выполняется другими, можно представить как вполне совместимый с принципом «каждому воздавать свое». Между тем совершенно очевидно, что общее благо, если понимать под ним благополучие всех членов общества, неосуществимо в условиях антагонистических формаций.

Естественное право выступает в католических учениях как призыв к сохранению в неизменности общественных отношений и политической организации капитализма. Католические представители учения о естественном праве настойчиво подчеркивают, что право призвано обеспечить и обеспечивает социальный мир и порядок. Идеи порядка, гармонии в общественных отношениях, равновесия — излюбленные идеи, которыми оперируют католические теоретики естественноправового учения. Так, Лебафф и Хейс заявляют, что непосредственной целью государства с точки зрения естественного права является социальный мир, то есть «органическое соединение деятельности индивида с деятельностью общества,

так что достигается социальная гармония». Целью государства является «предупреждение и устранение социального беспорядка»¹.

Смысл всех этих формулировок совершенно очевиден. Все утверждения о гармонии и порядке, все призывы к социальному миру выражают страх империалистической буржуазии перед революцией. Это есть призыв к соблюдению классового мира, к сохранению существующей капиталистической эксплуатации. Характерно, что буржуазный юрист Фридмен в своей книге «Теория права», вышедшей в 1945 году, пишет, что на практике эта идея гармонии понимается как идея антиреволюционная и особенно антикоммунистическая.

Касаясь вопроса о форме государства, католические представители школы естественного права рядятся в тогу демократов, хотя Фома Аквинский, допуская правомерность различных форм правления, отдавал предпочтение монархии. Лебафф и Хейс, опираясь в этом вопросе на Фому Аквинского, готовы считать оправданной любую форму правления. Какая лучше для данного народа, заявляют они, это зависит от условий его жизни.

Католические писатели используют идею естественного права также для атак на принцип суверенитета государств. Они выступают против права государства на полную самостоятельность и независимость, объявляя, что над государством стоят нормы естественного права, для него обязательные. Государство не является последним источником права, заявляют Лебафф и Хейс. Суверенные права государств на правотворчество они оспаривают. Они именуют «государственным абсолютизмом» положение, при котором государство признается единственным первоисточником и арбитром абсолютно всех прав. В этих положениях нельзя не видеть попытки обосновать вмешательство империалистических держав во внутренние дела других государств.

У Фомы Аквинского заимствуется и то положение, будто в мире все покоится на иерархии, на подчинении низших высшим, что в этом и состоит божественный миропорядок. Иерархический порядок царит во всем мире, он должен существовать и в мире общественных явлений.

4. Сторонником идеи естественного права является также К о с т Ф л о р е, один из активных членов французской католической партии — МРП. В книге «Основные проблемы права», вышедшей в свет в 1946 году, он заявляет, будто нормы положительного права опираются на нормы естественного права и в них черпают свою силу и что естественное право — это нормы верховные, установленные богом. Они познаются либо интуитивно, либо путем выводов из принципов разума.

¹ Лебафф и Хейс, Американская философия права, Нью-Йорк, 1947, стр. 332 (на английском языке).

Взгляды Кост-Флоре на право представляют собой попытку связать учение о праве с антинаучными, религиозными представлениями.

Игнорируя подлинную сущность буржуазного права эпохи империализма, Кост-Флоре утверждает, будто право служит целям общего блага, что оно выступает как орудие социального мира. В то же время он делает возможным в одних случаях признавать, в других оспаривать «право на восстание». Он заявляет, что если правящие отступают от норм естественного права, то в принципе оправдано сопротивление им, но лишь при том условии, что сопротивление не повлечет за собой беспорядка более тяжелого, чем тот, против которого оно направлено.

5. Одним из наиболее видных идеологов и пропагандистов воинствующего католицизма является профессор католического университета в Вашингтоне Ж а к М а р и т э н, апологет капиталистического строя, признанный «философ порядка».

Маритэн объявляет философию Фомы Аквинского высшим достижением теоретической мысли. Он призывает следовать ему как непререкаемому авторитету. «Лучшее, — говорит он, — что мог бы сделать философ, это смирить философию перед мудростью святых».

Все зло, весь кризис, в котором пребывает буржуазная цивилизация, по Маритэну, проистекает от атеизма и рационализма, и источник обновления лежит в христианской религии, без которой невозможны моральное возрождение человечества и спасение цивилизации.

Маритэн насаждает мрачное религиозное мировоззрение, проникнутое стремлением принизить человеческий разум, внушить людям недоверие к силам человека, якобы неспособного ничего совершить без помощи сверхъестественных сил. Он объявляет грехом приписывание человеческому разуму свойств, которые могут иметь только сверхъестественные существа — ангелы. Отсюда — призыв к смирению, пассивности, безропотному перенесению гнета и насилий, к подчинению церкви.

Государственная власть происходит, по Маритэну, от бога. Стремясь оправдать существование современного империалистического государства и изобразить его как организацию, созданную в интересах всего общества, Маритэн вслед за Фомой Аквинским объявляет, что государство служит общему благу и имеет своей целью обеспечение права, приумножение общественной собственности, поддержание «публичного порядка».

Следуя Фоме Аквинскому, Маритэн объявляет, что права человека покоятся на установленном богом, вечном, естественном законе.

Но Маритэн считает вместе с тем, что естественный закон нелегко распознать. Он познается не разумом, а в итоге «внутренних склонностей» и влечений человека, таится «в скрытых глубинах сердца» и постигается лишь при посредстве истин христианского вероучения и при содействии церкви.

Заявляя, что естественное право вытекает из сущности человека, что оно выражает «идеальный порядок человеческих действий», Маритэн пытается ссылками на естественное право дать оправдание институтам буржуазного права.

Так, частная собственность, по Маритэну, «коренится в естественном законе» и вытекает «из общего закона цивилизации». Право частной собственности освящено самим богом. Оно «расширяет человеческую личность» и гарантирует «охрану свободы личности»¹. Маритэн, таким образом, защищает буржуазную частную собственность, являющуюся основой капиталистической эксплуатации.

Проповедуя философию смирения и покорности, стремясь к подчинению всей общественной и политической жизни католической церкви, Маритэн именуется тем не менее свое учение, опирающееся на учение Фомы Аквинского, «новой демократической философией человека и общества». Он объявляет христианство призванным укрепить «демократию» и «свободу», вкладывая в эти понятия совершенно произвольное содержание.

Маритэн враждебно относится к принципу равенства. Он заявляет, что равенство нарушает «естественную иерархию», что оно осуществимо лишь в «сверхъестественном строе», но не в «земном граде». В земной жизни уместно говорить лишь о «единстве человеческого рода» и о равенстве, которое проистекает из этого единства, из общего происхождения всех людей.

«Свобода» Маритэна оказывается не чем иным, как строгим послушанием католической церкви, а «демократия» — признанием и сохранением «естественной иерархии».

Маритэн считает вполне совместимым с демократией передачу власти невыборным «народным пророкам», миссия которых «коренится в их собственном сердце и в их собственном выборе». Эти «народные пророки», в которых нетрудно узнать единоличных руководителей фашистских государств, объявляются совершенно необходимыми для нормального функционирования демократического общества.

Фоме Аквинскому, пытавшемуся оправдать феодальную эксплуатацию и насилия князей и помещиков, Маритэн приписывает «гуманизм» и находит у него защиту «достоинства человеческой личности».

Проповедуя подчинение личности церкви, Маритэн предлагает различать в человеке его «индивидуальность» и его «личность». Он объявляет, что индивидуальность связана с материей и составляет низшее в человеке, личность же связана с душой и является ценностью, которая выше всех материальных благ. Однако ее развитие, «свобода духовного расцвета» личности, достигается только при условии ее подчинения католической церкви.

¹ Жак Маритэн, Человек и государство, Париж, 1953 (на французском языке).

Объявляя миссией католичества укрепление демократии, Маритэн демагогически заигрывает с массами, заявляя, что наступило время, когда трудящиеся должны взять на себя руководящую роль.

В действительности маритэндовская демократия вдохновляется стремлением сковать активность масс, она призвана укрепить империалистическую олигархию. Организациям трудящихся Маритэн отводит консультативную роль, сохраняя за буржуазным правительством всю полноту власти, а суверенные права народа ограничивает его подчинением естественному закону и справедливости, истолкователями которых провозглашаются служители католической церкви.

Фальшиво звучит и «антикапиталистическая» фразеология, встречающаяся подчас на страницах произведений Маритэна. Она содержит призывы осуществить план мирного объединения предпринимателей и рабочих, установления между ними удобных для капиталистов «патриархальных» отношений. Подобный прием «объединения» широко использовался фашизмом. Маритэн требует от рабочих отказа от права забастовок и подчинения их диктату предпринимателей под флагом «совместного управления предприятиями».

Маритэн высказывается за организацию мирового государства с отказом государств от их суверенитета. Он заявляет, что государство — это только часть целого, якобы только часть мировой политической организации.

§ 7. Социологическое направление в учениях о праве («прагматисты», «социологи», «реалисты»)

1. Характерный для эпохи империализма поворот от демократии к реакции обнаруживается, в частности, в усилении судебного и административного произвола.

В теории делаются разнообразными попытки оправдать стремление империалистической буржуазии избавиться от собственной законности, ставшей для нее неприемлемой в условиях обострившейся классовой борьбы.

В странах Западной Европы в начале XX века и позднее появляются различные учения, стремящиеся обосновать широкое усмотрение судьи и органов администрации и тем самым подорвать принцип буржуазной законности. Все эти учения буржуазной юриспруденцией принято объединять общим наименованием «школы свободного права» (Freirechtbewegung).

Юристы призывают к «живому праву народа» (Эрлих), к правосознанию, правовому чувству судьи для того, чтобы оправдать его отступление от закона.

Судья, утверждают они, должен производить «взвешивание интересов» (Филипп Гек), выводить право из «социологического» исследования (Вюстендёрфер), прибегать к «индуктивному

нахождению права» (Эрих Юнг), производить свободное научное разыскание (*libre recherche scientifique* — Жени) и т. п.

Право, говорят эти буржуазные юристы, не тождественно закону, это — не приказы государства, а скорее определенный распорядок жизни, складывающийся в значительной мере помимо государства (Шпигель, Зинцгеймер, Аффолтер и др.).

Буржуазные юристы этого направления откровенно призывают судью выносить решения, опираясь не на закон, а на иные основания, в одних случаях в порядке восполнения закона, в других случаях — прямо отступая от содержащихся в законе требований.

2. С аналогичными учениями выступают в настоящее время американские реакционные юристы.

Стремясь обосновать произвол судей и других лиц, применяющих право, они объявляют наиболее существенным не нормативный момент в праве, а процесс применения права.

Современные буржуазные юристы США в своем большинстве отправляются при этом от реакционной философии «прагматизма», получившей особенно широкое распространение в США. Сторонники этой философии, близкой к махизму, выдвигают утверждение об относительности истины, отвергают представление об истине как об отражении объективной действительности. Они объявляют критерием истины опыт, практику, понимая под последней практическую пользу, выгоду индивида. Ссылаясь на опыт и практику в указанном смысле слова, отрицая способность разума к объективному познанию, прагматисты дают место в своей философии религиозным представлениям, идее бога, которая якобы соответствует опыту, практике, признается полезной.

Философия прагматизма является идейной основой наиболее распространенных реакционных учений буржуазных юристов в США — юристов «социологической» школы и «реалистов».

В духе философии прагматизма глава «социологического» направления профессор Гарвардской школы права Р о с к о э П а у н д заявляет, что задачей права является примирить между собой интересы, выраженные в различных выдвинутых фактически требованиях, и оказать защиту тем из них, которые заслуживают покровительства со стороны права.

Паунд призывает толковать и применять право, стремясь обеспечить интересы, заслуживающие, с его точки зрения, защиты, изучать для этого столкновение отдельных интересов в отдельных конкретных случаях, давать объяснение всем существенным притязаниям. Однако, разрабатывая свою «схему интересов», Паунд не отводит в ней особого места интересам классов, речь идет у него главным образом об интересах отдельных индивидов. Притом интересами «существенными» и «заслуживающими защиты права» признаются, конечно, интересы собственников. Напрасно Паунд пытается представить дело так, будто принципы, которыми руководствуются юристы, извлекаются из рассмотрения фактов путем своего рода индукции. «Опыт» и «практика» заранее подсказывают

Паунду верное служение империалистической буржуазии и ее интересам.

Паунд учит приспособлять право к этим интересам, не считаясь с буквой закона. Право — это более, чем совокупность норм, заявляет он, это нормы в их действии, в процессе их осуществления, нормы в их социальных последствиях. Лучшее право, заявляет он, то, которое находится в гармонии с условиями времени. Принципы, которыми руководствуется юрист в качестве своих «рабочих гипотез», выражают не то, чем право является, а то, каким люди в данном обществе хотят его видеть.

Паунд характеризует право как компромисс между интересами общества и индивида. «Общество» в этой формулировке взято без указания на классы, из которых оно состоит; абстрактно берется и понятие индивида, тогда как на самом деле в антагонистическом обществе нет индивида вообще, а имеются индивиды господствующего класса и индивиды класса угнетенного.

Игнорируя классовую сущность права, а также стремясь подчеркнуть значение процесса его применения, Паунд определяет право в следующей, совершенно абстрактной формулировке, не раскрывающей сущности явления: «Право есть режим упорядочения человеческих взаимоотношений, приведение в порядок поведения в согласии с совокупностью правил, надлежаще установленных».

«Режим» и «порядок» — вот на чем делают ударение «социологи». Но самый этот порядок и режим создаются, по их утверждению, при активном участии судебных органов.

Основная мысль «социологического» направления — что право нужно изучать в действии, что важным является процесс применения права — имеет совершенно определенный смысл. Это как раз и есть выражение того стремления буржуазии избавиться от своей собственной законности, которое характерно для буржуазии эпохи империализма и которое было отмечено Лениным.

«Социологи» говорят о суде и процессе применения права потому, что в эпоху империализма буржуазия делает ставку не столько на свои законы, сколько на своих судей, которые должны «исправлять» законы, приспособлять их в возможно большей степени к интересам империалистической буржуазии.

Буржуазный суд обычно по своему составу реакционен, реакционнее многих других органов буржуазного государства. Поэтому в условиях империализма расширение роли суда и установление судейского произвола являются одной из задач, которую ставит перед собой буржуазия.

Именно поэтому Паунд считает необходимым признать «важность индивидуализированного применения юридических норм, разумного и справедливого решения индивидуальных случаев», то есть допускает правомерность отступления судьи от закона.

Проявлением стремления буржуазии избавиться от ею же созданной законности и является вся эта линия, взятая буржуазными

юристами США и отразившаяся в «социологических» концепциях. Империалисты ломают свою законность в суде, который применяет нормы права так, как это нужно в данный момент в интересах монополий, внося поправки в законы, решая дела помимо закона, вопреки закону.

3. Обоснование отказа от законности является основной задачей также и американских «реалистов», выполняющих эту задачу с еще большей прямолинейностью, чем «социологическая» школа.

«Реалисты» — Джером Фрэнк, Луоллин (Llewellyn) и др. заявляют, что право — это не нормы, не правила, а решения, принятые в каждом отдельном случае, ряд судебных решений.

Американский юрист Грей говорил, что право состоит из норм, которые устанавливает суд, определяя права и обязанности сторон. Всякое право, утверждал он, есть право, созданное судьей. «Реалисты» считают, что взгляд Грея недостаточно «реалистичен». Пытаясь обосновать произвол судьи, они утверждают, что право — это не общее правило, а серия конкретных решений.

Правила, изложенные в статутах, кодексах и т. п., — это только источники, своего рода материал, из которого судья создает право, разбирая отдельные случаи жизни.

Закон при таком понимании права теряет значение неизбежного правила, обязательного для судьи. В своих атаках на закон «реалисты» стремятся всячески умалить его значение. Они сочувственно комментируют и используют положение, выдвинутое юристом Холмсом в книге «Путь права» (1920), что закон — это лишь предсказание о том, что в действительности сделает суд, и ничего больше. Закон, говорят они, — это лишь мнение законодателя о праве, относящемся к данному лицу и данному факту. Это мнение не есть подлинное право, это лишь предположение по тому вопросу, о котором решение примет суд.

«Реалист» Бингэм, выражая те же мысли, говорит, что не законы управляют, а люди. Право состоит не в правилах и не в принципах. Стремясь обосновать усмотрение судьи, он утверждает, что судьи не связаны ни законами, ни даже судебными прецедентами.

Опираясь на реакционную философию прагматизма с ее отрицанием возможности объективного знания, «реалист» Фрэнк заявляет, что абсолютной истины нет ни в физике, ни в химии. То же самое относится и к области права. Здесь также, по его словам, не может быть абсолютной истины, а имеется лишь некоторая степень вероятности, достоверности. «Реалисты» атакуют и формальную логику, считая ее «средневековой схоластикой», от которой следует избавиться при применении права.

Они открыто оправдывают беззаконие, отступление от закона на практике. Так, Луоллин взывает к фактам общественной жизни и приглашает отдавать им предпочтение перед нормами права.

Общество, заявляет он, меняется быстрее, чем право. Нужно брать существующие правовые институты, отправляться от фактически сложившегося положения.

Задача права, по его словам, состоит в том, чтобы сделать общественный строй возможно более устойчивым. Исходя из этого, Луоллин рекомендует не стремиться к точному следованию нормам права. Он призывает вывести юриспруденцию за пределы правил, императивов, норм, руководствоваться теми результатами, которые получаются в практике применения норм и подтверждаются жизнью, фактическим положением вещей.

Реакционный смысл этого предпочтения «фактического» совершенно ясен. Грубейшие нарушения конституции США, безнаказанное поправание других законов—все это может быть объявлено «правом в его действии» и, таким образом, получить видимость правомерных поступков. Под предлогом изучения существующих институтов «реалисты» призывают преклоняться перед фактическим положением, перед фактами жизни. Факты, с их точки зрения, имеют более важное значение, чем принципы права, чем моральное оправдание.

4. Аналогичны взгляды сторонников «инструментализма», представляющего собой некоторую разновидность прагматизма.

Глава «инструменталистов» Джон Дьюи, враг демократии и социализма, утверждает, что норма права должна оцениваться по ее последствиям, по ее практической полезности как средства, инструмента для достижения определенных целей. Под тем предлогом, что общественная практика должна служить критерием для оценки норм права, «инструменталисты» объявляют, что судья может не считаться с такой нормой права, которая будет признана им не отвечающей требованиям общественной пользы, то есть пользы господствующего класса, интересам которого служит судья.

Смысл нормы права впервые раскрывается в ее применении. Только уясняя себе, какое влияние оказывает норма права на общественную жизнь, можно судить о том, каково содержащееся в ней требование.

«Без применения,— говорит Дьюи,— закон — клочок бумаги или звук в воздухе, но нет ничего, что можно было бы назвать законом».

Дьюи распространяет представление об относительности истины также и на моральные оценки и принципы, которыми руководствуется человек в своих действиях. Его прагматизм исходит из множественности моральных оценок, из того, что эти оценки определяются «ситуацией», в которой находится отдельный индивид. Он отрицает цели, общие для целого класса, цели, вытекающие из познания закономерностей общественного развития. Практическая полезность должна быть критерием пригодности той или иной нормы для индивида, утверждает Дьюи.

Дьюи стремится вместе с тем изобразить все противоречия капиталистического общества как результат конфликтов между индивидами и их различными оценками действительности. Он игнорирует борьбу классов, пытаясь представить противоречия империализма как противоречия между индивидами или даже как противоречия в сознании индивидов.

Дьюи настойчиво говорит о необходимости устранения и примирения противоречий, об установлении «порядка» и «гармонии».

За этими формулировками скрываются страх перед растущим влиянием идей коммунизма, ненависть к рабочему классу и полное одобрение реакционной политики империалистической буржуазии. Распространение коммунизма воспринимается Дьюи как «опасность анархии и хаоса», которая в его глазах оправдывает ущемление демократических свобод. «Опасность анархии и хаоса,— заявляет он,— является не просто угрозой, а существующим фактом и настоятельно требует проявления принципа власти».

Прагматизм в лице Дьюи выступает, таким образом, с открытым призывом к борьбе против коммунизма силами империалистического государства.

§ 8. Национализм и расизм — оружие империалистической реакции

1. Стремясь затушевать роль классовой борьбы в истории человеческого общества и обосновать колониальное угнетение, реакционные буржуазные идеологи различных стран пытаются представить исторический процесс как результат борьбы рас. Не классовая борьба, а борьба одних народов с другими изображается ими в качестве важнейшего фактора общественного развития. Основное назначение расовых теорий — обосновать социальное неравенство и угнетение колониальных народов ссылками на психическую неравноценность, якобы свойственную различным классам и различным народам, будто бы зависящую от их различий в биологическом отношении. Странники расовых теорий стремятся доказать биологическую обусловленность исторического процесса.

Расистская идеология в своих основах сложилась еще задолго до вступления капитализма в империалистическую стадию. Но в эпоху империализма расизм получает особенное развитие.

В эпоху монополистического капитализма с характерными для него войнами за передел мира расистская концепция широко используется реакционными кругами империалистических держав для обоснования агрессии, колониальных захватов и угнетения колониальных народов, планов установления мирового господства.

Огромный размах пропаганда человеконенавистнической, шовинистической, расистской идеологии получила в Германии, когда

к власти пришла партия гитлеровцев и установился фашистский режим. Фашизм—это открытая террористическая диктатура наиболее реакционных и наиболее шовинистических агрессивных кругов империалистической буржуазии. Партия гитлеровцев была партией врагов демократических свобод, партией средневековой реакции и черносотенных погромов. Расизмом проникнута была вся реакционная, антинародная пропаганда, с которой цинично выступали гитлеровские молодчики.

С приходом гитлеровцев к власти расистская изуверская идеология вплоть до крушения гитлеровского государства являлась государственной идеологией, широко воплощавшейся во всей практической деятельности фашистского государства и в устанавливаемых им юридических нормах.

Проповедь расизма у идеологов германского фашизма служила одновременно трем целям: во-первых, попытке обосновать классовый мир ссылками на общность крови, на высокое историческое призвание нации, на решающее значение ее успехов для судеб всей страны и каждого индивида в отдельности; во-вторых, утверждению о превосходстве германской нации над другими, обоснованию шовинизма, национализма, агрессии, безудержной пропаганды войны; в-третьих, идеологическому обоснованию того подавления граждан, бесправия трудящихся масс, которые характеризовали гитлеровское фашистское государство.

Раса и народ, утверждали германские фашисты,— основа всей общественной и политической жизни. Принадлежность к той или иной «народной общности», заявляли гитлеровцы, важнее принадлежности индивида к тому или иному классу, ибо вся общественная жизнь и все культурное творчество народа представляют собой проявление мистического «народного духа», «народной души» и т. д.

Отсюда возвеличивание государства, которое объявляется «живой организацией народа», средством реализации целей народа.

Отсюда и требование безоговорочного подчинения индивида государству, попытки обосновать и оправдать подавление трудящихся фашистским государством и ликвидацию им всех демократических прав и свобод.

Стремясь оправдать открытый террор и насилие, бесправие и неравенство, гитлеровцы заявляли, что осуществляемое ими насильственное подавление производится в интересах могущества и процветания германской нации. Стремление индивида к свободе осуждалось как фактор, расслабляющий нацию. Под этим углом зрения гитлеровцы выступали с критикой буржуазной демократии, парламентаризма, выборности, буржуазно-демократических свобод.

Расизм использовался гитлеровцами также для попыток обосновать общественное неравенство внутри самой германской нации. Объявляя людей членами «народного содружества», гитлеровцы считали, что члены этого содружества не равны между собой. Каждый выполняет особую функцию, имеет свое особое место в качестве

части целого. Поэтому правоспособность индивида зависит от его общественного положения. Отсюда — отказ от выдвинутого в период борьбы буржуазии за власть принципа равной правоспособности и призыв вернуться к сословным делениям общества наподобие существовавших в средневековом феодальном обществе.

Но помимо этого неравенство предопределяется принадлежностью лица к негерманской национальности. Гитлеровцы заявляли, что вполне правоспособными лицами могут быть лишь члены народного содружества, а членами этого содружества являются лишь немцы по крови.

Так обосновывались чудовищная расовая и национальная дискриминация, ограничения и преследования всякого рода, которым подвергались в нацистской Германии неарийцы, порабощение последних либо массовое физическое уничтожение их на «фабриках смерти».

Расизм был широко использован гитлеровцами в целях оправдания агрессии. Германская нация объявлялась высшей нацией, призванной господствовать над другими народами. Это обосновывалось тем, будто в германской нации наиболее чисто представлена высшая, а именно арийская раса, в то время как другие народы, принадлежащие к арийской расе, потеряли расовую чистоту в силу смешения с другими расами. Все средства признавались пригодными для возвышения Германии, для расширения ее территории за счет территории других народов.

Захваты чужих земель, истребление и порабощение других, «низших» народов входили в программу действий, к которым призывали гитлеровцы во имя мнимого превосходства «высшей» расы над остальными расами и народами. Гитлеризм открыто призывал к войне и давал грубую и циничную апологию захватнической войны. Гитлеровцы переполняли свои писания откровенным культом силы, насилия одних народов над другими. Гитлеровская программа была программой людей, потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей ¹.

Мы знаем, чем должна была стать и стала «тотальная» война гитлеровской Германии против свободлюбивых народов, война, в которой гитлеровцы объявили дозволенными все средства и производили бесчеловечное истребление мирного населения. Человечество было избавлено от кровавого кошмара гитлеризма благодаря героической Советской Армии, разгромившей гитлеровскую Германию и водрузившей над Берлином знамя победы.

2. Расистская идеология имела и имеет до настоящего времени распространение в Англии и США.

В Англии, еще в самом начале текущего столетия, ярый защитник империалистической политики и протекционизма Д ж о з е ф Ч е м б е р л е н выдвинул программу колониальных захватов, обосновывая ее «превосходством» английского народа перед

¹ См. И. В. Сталлин, О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, 1952, стр. 30.

народами колоний, создал шовинистическое течение в политике, известное в свое время под названием «джингоизма».

В Соединенных Штатах Америки расизм пустил глубокие корни еще задолго до того, как появились гитлеровские расистские теории, задолго до начала эпохи империализма.

Он нашел свое выражение в учениях, пытавшихся обосновать массовое уничтожение колонизаторами коренного населения Америки — индейцев, а также порабощение негров, ввозившихся из Африки.

В период империализма расистские «теории» используются идеологами империалистической реакции для оправдания колониальных захватов, вмешательства во внутренние дела других стран, а также для обоснования дискриминации многомиллионного негритянского населения в США и других странах.

3. Для обоснования империалистической, захватнической политики идеологи империализма прибегают наряду с националистической пропагандой к географическим соображениям, которые преподносятся как выводы особой науки — «геополитики».

Еще немецкий географ конца XIX века Ратцель утверждал, будто в истории народов происходит постоянная борьба за пространство, что размеры и характер территории имеют решающее значение для судеб государств и народов. От территории зависит якобы могущество государства. Обширная территория и выход к морю — необходимые условия мощи государства. Ратцель делал отсюда вывод в духе оправдания агрессивной внешней политики, заявляя, что народы вправе «улучшить свое географическое положение путем завоевания соседних земель и приобретения колоний». Его взгляды были выражением настроений реакционных, агрессивных кругов правящих классов Германии.

Выдвинутые Ратцелем и его единомышленниками положения были использованы создателями «геополитики».

Возникновение этой лженауки связано с именем шведского географа и государствоведа Челлена, автора вышедшей в 1910 году книги «Великие державы». Челлен пытается доказать, что малые государства в силу своего географического положения должны быть поглощены великими державами, в результате чего должны образоваться большие географические и экономические комплексы, такие, как США, Британская империя, Россия. Германия призвана создать такого рода комплекс в Центральной Европе и на Ближнем Востоке.

Челлен выступал в роли идеолога германского империализма с защитой агрессивного плана подчинения империалистической Германии обширных территорий в Европе и Азии.

После первой мировой войны в роли поборника «геополитики» выступил генерал Гаусгофер, основавший в 1923 году специальный журнал для пропаганды идей «геополитики» — «Цейтшрифт фюр геополитик».

Немецкие геополитики учили, что политические события обусловлены земными пространствами, которые занимают государства.

Государство есть «политический пространственный организм», судьба которого связана с географическими условиями его существования. «Геополитика стремится и должна стать географической совестью государства», — такой замысловатой формулировкой они пытались обосновать наглую агрессию германских империалистов.

Следуя германским геополитикам, их американские продолжатели (Харрисон, Вейгарт и др.) пытаются доказать, будто малые страны экономически нежизнеспособны и должны добровольно отказаться от «экономического суверенитета», подчинившись руководству больших держав. Они говорят о целых комплексах стран, «интегрированных» в одно экономическое целое по плану, в котором господство отводится США, а роль поставщиков промышленного сырья — малым странам.

Американские геополитики настаивают на подвижности, изменчивости географических данных («динамическая география») и этими соображениями пытаются обосновать притязания на изменение американских границ. Они ссылаются при этом чаще всего на требования «безопасности». Весь земной шар оказывается теперь «сферой безопасности» США.

Указывая, что в основе исторического развития лежит география, что история якобы есть «география в движении», американские геополитики цепляются за развитие средств сообщения и, объявляя, что современность есть «век воздушных сообщений», пытаются отсюда сделать выводы в пользу своих притязаний.

Американские геополитики утверждают, будто США недостает многих важнейших видов сырья, и заявляют, что для «безопасности» США за ними должны быть закреплены важнейшие «центры силы», то есть места расположения важнейшего стратегического сырья.

Они объявляют, что в сферу «обороны западного полушария» входят Гренландия, Исландия и вся Арктика. Они «обосновывают» фактическое превращение Канады в один из штатов США, «доказывают» необходимость строительства Соединенными Штатами военных баз в Европе, подчинения американскому влиянию Ирана и арабских стран Ближнего Востока.

§ 9. Буржуазный космополитизм

Наряду с национализмом и шовинизмом империалистическая буржуазия для оправдания своих агрессивных стремлений широко использует космополитизм, призванный обосновать посягательства на независимость отдельных государств и народов. Космополитизм представляет собой оборотную сторону буржуазного национализма. Подобно последнему, он направлен на обоснование агрессии и планов мирового господства.

Лишенная патриотических чувств, готовая ради прибыли предать интересы своего народа империалистическая буржуазия,

подготавливая захваты, пытается распространением космополитизма подорвать присущие народам патриотизм и стремление к сохранению культурной и политической независимости.

Во время первой мировой войны оппортунисты, главным образом германские и австрийские, модифицируя буржуазный план создания «Срединной Европы», выдвинули космополитический лозунг образования Соединенных Штатов Европы. С этим лозунгом выступал в свое время и Троцкий.

После Великой Октябрьской социалистической революции идеологи буржуазного космополитизма носились с планом создания «европейской федерации», «пан-Европы» — организации, антисоветский характер которой ни у кого не вызывал никаких сомнений. Осуществление этого плана должно было обеспечить Великобритании и Франции гегемонию в Западной Европе, а Германии — положение младшего, а с течением времени и равного партнера этих стран.

Все эти планы были продиктованы стремлением объединить силы капиталистического лагеря против первого в мире социалистического государства.

Космополитические идеи объединения стран Европы вновь всплыли во время второй мировой войны и весьма усердно стали пропагандироваться идеологами империализма в послевоенное время.

Но особенно ревностно принялась империалистическая буржуазия за пропаганду «мирового правительства», «мирового права», «мирового гражданства».

Еще в 1945 и 1946 гг. в США группой реакционных юристов и государственных деятелей была развернута соответствующая пропаганда. При этом некоторые из них предлагали превратить Организацию Объединенных Наций в мировое правительство. Соответствующая резолюция была даже внесена на рассмотрение конгресса США. Аналогичные предложения были сделаны и в других империалистических странах.

С подробным изложением плана организации мирового государства с мировым правительством и судом выступил в США профессор М е р р и э м в своей «Системе политики» (1948).

«Мир движется к мировому правительству», — заявляет он. Ни демократия, ни суверенитет государств не могут воспрепятствовать этому движению. Мерриэм уверяет, что взаимоотношения государств с образованием мирового правительства будут покоиться на принципе равенства и что государства сохраняют полностью свою индивидуальность.

«Нация не потеряет своей индивидуальности с установлением мирового правопорядка, так же как отдельный индивид не теряет ее в демократическом обществе», — уверяет Мерриэм. Однако речь идет здесь о чисто формальном равенстве, которое должно на деле закрепить действительное неравенство государств, их подчинение американскому империализму.

Образовавшаяся в США организация «Федералисты объединенного мира» разработала проект конституции так называемого «мирового федерального правительства».

В Европе проект организации «Соединенных Штатов мира» был подробно разработан французским профессором Ж а н о м Л а р м е р у .

Во имя солидарности, которая, по словам Лармеру, должна сближать и объединять людей, он яростно атакует принцип суверенитета, предлагает отказаться от национального суверенитета или ограничить его во имя «международного суверенитета».

Затушевывая захватнические стремления империалистических хищников, Лармеру лицемерно играет словами о солидарности, которая якобы способна объединить капиталистические государства. Выдвигаемый им план организации «мировой федерации» на деле означает призыв к установлению мирового господства американо-английского империализма, которое должно осуществиться под благовидной вывеской «Соединенных Штатов мира».

«Мировое объединение», по плану Лармеру, должно быть федерацией государств, при котором отдельные государства сохраняют свое особое существование. Однако создается единое гражданство федерации, образуются единые вооруженные силы федерации, предназначенные для ведения войны с государствами, не вошедшими в нее, а также для охраны порядка, то есть для подавления восстаний внутри отдельных стран, входящих в федерацию, вводятся единая монетная система и даже единый язык, пользующийся преимущественным положением по сравнению с языками отдельных членов федерации.

Лармеру предусматривает и органы «мировой федерации». Это — двухпалатный парламент, в котором нижняя палата состоит из депутатов, избранных населением, а верхняя — из представителей отдельных государств; президент и правительство, ответственные перед парламентом, и, наконец, верховный суд, который контролирует конституционность законов.

Подготовка таких планов сопровождается яростными атаками на принцип суверенитета государств. Так, профессор Колумбийского университета в США Д ж е с с е п в книге «Современное международное право» (1948) объявляет, что суверенитет государств является источником войн, и требует ликвидации принципа суверенитета. Он выдвигает проект создания «мирового правительства», наделенного законодательными полномочиями. Чтобы подорвать значение принципа национального суверенитета, он заявляет при этом, что субъектом международного права в настоящее время должны быть признаны не государства, а отдельные личности.

Английский международник Л а у т е р п а х т в книге «Международное право и права человека», вышедшей в Лондоне в 1950 году, выдвигает требование о создании особого европейского суда для охраны прав человека, причем под предлогом защиты естественных прав личности имеется в виду открыть дорогу для широкого

вмешательства империалистических держав во внутренние дела других государств. Он заявляет, что государство не должно считаться единственным гарантом интересов человека, и на этом основании пропагандирует вмешательство международной организации в законодательство и судебные решения отдельных государств.

Все эти планы на деле представляют программу осуществления мирового господства крупнейших империалистических держав. «Мировое правительство» должно стать на деле средством осуществления их политики.

§ 10. Социал-оппортунисты и ревизионисты — проводники влияния буржуазной идеологии на пролетариат

1. Реформизм и оппортунизм есть не что иное, как буржуазный обман рабочих, орудие буржуазного развращения и обессиления рабочих¹.

Реформисты — это агенты буржуазии в рядах рабочего класса, старающиеся разделить рабочих и отвлечь их от классовой борьбы и тем помогающие буржуазии удерживать в своих руках политическую власть. Практически доказано, говорит В. И. Ленин, что деятели внутри рабочего движения, принадлежащие к оппортунистическому направлению, — лучшие защитники буржуазии, чем сами буржуа. Еще в 1913 году в труде «Исторические судьбы учения Карла Маркса» Ленин указал на прямую связь между социал-оппортунизмом и буржуазным либерализмом. «Диалектика истории, — писал он, — такова, что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его *переодеваться* марксистами. Внутренне-сгнивший либерализм пробует оживить себя в виде социалистического *оппортунизма*»². Задолго до Великой Октябрьской социалистической революции Ленин, подвергнув сокрушительной критике социал-оппортунистов, указывал, что оппортунисты в эпоху кризисов сразу оказываются открытыми союзниками в с е й объединенной буржуазии, от консервативной до самой радикальной и демократической, от свободомыслящей до религиозной и клерикальной.

Ленин, таким образом, предвидел, что оппортунисты вступят открыто в союз с буржуазией против страны победившей диктатуры пролетариата.

Октябрьская революция отбросила правых социал-демократов в лагерь прямых защитников капитализма против первой в мире пролетарской диктатуры. Правые социалисты отмежевываются от марксизма.

«Раньше, до победы диктатуры пролетариата в СССР, с.-д. и реформисты могли щеголять знаменем марксизма, кокетничать с Марксом и Энгельсом и т. д., так как это не было опасно для буржуазии и люди еще не знали, к чему может привести победа марксизма.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 334.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 546.

Теперь, после победы диктатуры пролетариата в СССР, когда все поняли, к чему ведет марксизм и что может означать его победа, с.-д. и реформисты, учуяв опасность для буржуазии такого щеголянья и кокетничанья с марксизмом, предпочли отмежеваться от марксизма¹.

Если ранее виднейшие представители социал-оппортунизма вроде Каутского и других делали вид, что они борются с открытыми ревизионистами марксизма типа Бернштейна и ему подобных, продолжая выдавать себя за марксистов, ограничивались более или менее тонкой фальсификацией марксизма, то после Октябрьской революции тот же Каутский и другие идеологи и вожди социал-оппортунизма вынуждены были раскрыть свои карты, ибо они не могли уже вести ожесточенную борьбу против установившейся и развивающейся диктатуры пролетариата в России, продолжая клясться в верности марксизму. Они полностью изобличили себя как «социал-империалисты», проводники империалистической идеологии в рабочем классе, как идейная опора капитализма.

Чем ожесточеннее вели социал-империалисты борьбу против марксизма, тем более стиралась грань между ними и буржуазными партиями.

2. Наиболее многочисленным и влиятельным отрядом современных правых социалистов является английская лейбористская партия.

Лейбористы никогда не причисляли себя к сторонникам марксизма и открыто отмежевывались от него еще задолго до Октябрьской революции.

Сложившийся уже в эпоху империализма лейборизм, вобрав в себя идейные ресурсы буржуазного социализма, возникшего на английской почве, и соединив их с идеями международного ревизионизма, выработал такую идеологию, которая как нельзя более соответствует интересам империалистической буржуазии, помогает ей удерживать в узде рабочие массы и колониальные народы.

Официальной идеологией лейбористов была и осталась идеология тред-юнионизма и фабианства. Как известно, тред-юнизм, сложившийся в 50-х годах XIX века в Англии, в своей основе имеет признание незыблемости капиталистического строя и отказ от классовой борьбы, пропагандирует общность интересов труда и капитала и видит задачи рабочего движения исключительно в улучшении экономических и правовых условий жизни рабочих (главным образом, квалифицированных и объединенных в профсоюзы рабочих). Фабианство же представляет собой мелкобуржуазное, формирующееся из интеллигенции движение, имеющее своей целью борьбу с идеями революционного социализма и пропаганду «теории» постепенного преобразования капиталистического общества в социалистическое при помощи реформ.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 170.

Энгельс еще в 1893 году в письме к Зорге дал уничтожающую характеристику фабианцев: «...Фабианцы здесь, в Лондоне,— говорит он,— шайка карьеристов... Их основной принцип — страх перед революцией». «Из-за классовой борьбы они фанатически ненавидят Маркса и всех нас»¹.

В официальной истории фабианского общества (оно было основано в 1864 году) прямо указывается как его главная заслуга, что оно «освободило британский социализм от интеллектуального плена марксизма». Естественно поэтому, что лейборизм, руководство которого формировалось именно из фабианцев и наиболее оппортунистических лидеров тред-юнионов, не мог не унаследовать в качестве своих важнейших идейных основ вражду к марксизму, смертельный страх перед революцией, апологетику капиталистического строя, идеи примирения классов и постепенного, мирного преобразования капитализма в социализм.

Ленин характеризовал фабианство как самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики. Это, разумеется, в силу сказанного выше полностью относится и к лейборизму, черпавшему свои идеологические основы именно у фабианцев.

Говоря о предательской в отношении рабочего класса линии лидера английского лейборизма Рамсея Макдональда, Ленин в 1919 году писал: «Буржуазии *нужны* такие прислужники, которым бы доверяла часть рабочего класса и которые бы прихорашивали, подкрашивали буржуазию разговорами о возможности реформистского пути, засоряли народу глаза этими разговорами, *отвлекали* народ от революции размалевыванием прелестей и возможностей реформистского пути»².

Лейбористы апеллируют не к науке, а к морали, нравственности, выводя свой социализм из нравственных понятий человека (человека вообще). Не случайно лидеры лейбористов многократно указывали и указывают, что христианство является идейным источником их идеологии. Этический социализм лейбористов есть не что иное, как ханжеское приспособление христианской морали к запросам империалистической буржуазии, со страхом наблюдающей рост сознания рабочим классом своих интересов и симптомы приближающегося конца капитализма.

Христианское ханжество и союз с поповщиной ярко проявляется в писаниях и публичных выступлениях лейбористских лидеров, которым христианской моралью удобно обосновывать главный лозунг лейборизма о сотрудничестве классов, классовой гармонии.

Отстаивая этот лозунг, английские лейбористы активно пропагандировали и пропагандируют мысль о том, что якобы в Англии

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные письма, Госполитиздаг, 1948, стр. 459.

² В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 470.

осуществляется опыт сотрудничества классов, открывающего некий средний путь — ни капиталистический, ни социалистический, ведущий к установлению совершенного общества, которое, сохраняя частную собственность, будет в то же время лишено язв капитализма — кризисов, безработицы и т. п. и в котором будет осуществлена гармония классов.

С восторгом лейбористские лидеры подхватили утверждения некоторых буржуазных экономистов о возможности планирования при капитализме.

3. Чтобы обрисовать позицию английских социал-реформистов в вопросе о государстве и праве после Великой Октябрьской социалистической революции, остановимся на взглядах недавно умершего Г а р о л ь д а Л а с к и (1893—1950), профессора государственного права, председателя фабианского общества, одно время бывшего членом исполкома лейбористской партии.

Стремясь представить свою идеологию как надклассовую, Ласки говорит о необходимости найти «общую истину».

Взгляды Ласки — это типичная идеология оппортунизма, предательства интересов рабочего класса, проповеди беспринципного соглашения с империалистической буржуазией. Это — апология империалистического государства, призыв к примирению с капитализмом вместо борьбы с ним.

Стремясь обелить империалистическое государство, Ласки выдвигает свою «плюралистическую» теорию, согласно которой капиталисты не обладают полновластием в государстве, а делят власть с другими организациями, в частности с профсоюзами.

Извращая действительное положение вещей и пытаясь представить дело так, будто империалисты в буржуазном государстве допускают трудящихся к осуществлению власти, Ласки заявляет, что государство есть «только одна из форм человеческих ассоциаций среди многих других», что государство не имеет более высоких прав на повиновение индивида, чем другие ассоциации. Ласки уверяет, что наряду с государством существуют другие, независимые от государства ассоциации, выполняющие существенные социальные функции и лучше государства приспособленные, благодаря специальным формам организации и способу действия, к удовлетворению различных общественных нужд.

Ласки заявляет, что буржуазное государство вовсе не монополизирует силу в своих руках и, следовательно, общественные организации также могут участвовать и участвуют в разрешении общественных дел.

Общественные группы наряду с государством и помимо него имеют реальную власть в различных вопросах. Государство — лишь одна из групп, с которой связан индивид. Пытаясь обосновать свой тезис об участии общественных организаций в осуществлении государственной власти, Ласки обрушивается на понятие суверенитета в его внутригосударственном аспекте и выдвигает упомянутую выше «плюралистическую» концепцию.

Указывая вместе с тем на внешнеполитический аспект суверенитета, Ласки предлагает отказаться от «отравы» национального суверенитета, который «несовместим с мировым рынком».

Ласки уверяет, что, отбросив этот «устарелый принцип XIX века», можно будет построить лучший мир, чем существующий теперь.

Все эти рассуждения Ласки показывают, что национальный суверенитет стоит поперек дороги защитникам империалистической политики.

В книгах «Демократия на перепутье» и «Размышления о революции нашего времени» (1943) он полностью обнаруживает свое лицо врага коммунизма и подлинной демократии.

Стремясь к сохранению капитализма, Ласки выступает против насильственной революции. Он призывает к «мирной» революции, «революции с согласия» (*revolution by consent*), которая будто бы осуществляется при посредстве завоевания «абсолютного парламентского большинства» лейбористами. Ласки обманывает рабочих, уверяя, что парламентская борьба и избирательные успехи лейбористов могут означать не укрепление капитализма, а переход от капитализма к социализму.

Восхваляя буржуазную демократию и запутывая вопрос о сущности государства, Ласки заявляет, что революция якобы препятствует развитию демократических институтов.

Ласки расхваливает английскую и американскую демократии, которые он хочет обезопасить от угрожающих им революций. Он отстаивает легальные способы борьбы, объявляя себя сторонником «оппозиции», но такой, которая признает незыблемыми устои капитализма. Право на оппозицию, заявляет Ласки, эффективно, поскольку оно совместимо с фундаментальными принципами общества.

Свои взгляды Ласки характеризует как «демократический социализм», подчеркивая этим свое преклонение перед буржуазной демократией. Для характеристики Ласки важно отметить, что в последнее десятилетие своей жизни, особенно в 30-х годах, он весьма охотно использовал по ряду вопросов марксистскую терминологию и даже отдельные марксистские формулировки. Его учение крайне эклектично и обнаруживает на себе следы многих влияний; особенно сильно сказывается на нем влияние прудонизма и дюгизма.

4. «Демократический социализм», изобретенный современными лейбористами и ставший официальной идеологией современных правооппортунистических партий, направлен своим острием против марксизма, против коммунистического движения. Он представляет собою не что иное, как современную форму буржуазной реакционной идеологии, замаскированную лейбористами социалистической фразеологией и пропагандируемую ими в рядах рабочего класса в целях защиты агрессивной политики американского и английского империализма.

В основе учения «демократического социализма» лежат отрицание классовой борьбы, проповедь гармонического сочетания интересов буржуазии и пролетариата, оправдание и защита капиталистического строя. Основной тезис «демократического социализма» — совмещение социализма с капитализмом — есть в действительности предательство интересов рабочего класса и всех трудящихся в интересах сохранения капитализма.

Идеи «демократического социализма» нашли свое выражение в декларации конференции правых социалистов, созванной в 1951 году во Франкфурте-на-Майне. Эта конференция оформила создание современного «социалистического интернационала», объединившего правосоциалистических деятелей различных стран. Декларация франкфуртского «интернационала», озаглавленная «Цели и задачи демократического социализма», открыто объявила основной задачей этого международного объединения современных правых социалистов борьбу против коммунизма.

5. Во Франции ярким проповедником концепции «демократического социализма» был Л е о н Б л ю м (1872—1950). С 1920 года Блюм был председателем французской социалистической партии и редактором печатного органа партии — газеты «Попюлер». Это — один из наиболее угодливых защитников американского империализма, откровенный противник марксизма.

В написанной во время второй мировой войны книге «В масштабе человечества» Блюм выступил с враждебной пролетарскому коммунизму идеей «гуманистического социализма».

Взгляды Блюма — это эклектическая мешанина положений, заимствованных из различных буржуазных концепций (из учений Канта, Конта, Прудона и др.).

Обнаруживая и как бы подчеркивая буржуазный, соглашательский характер своих взглядов, Блюм заявлял, что социализм — это не специфическое мировоззрение пролетариата, а мировоззрение, которого может придерживаться всякий, что все могут быть социалистами «во имя любви к человечеству». Блюм прибегает при этом к расплывчатым формулировкам, призывая к «справедливости, человечности и милосердию».

В страхе перед революцией Блюм пытается внушить массам мысль, будто развитие общества протекает мирно, в результате эволюции, которая является «неизменным законом человечества». Эта эволюция, по Блюму, есть эволюция духовная, интеллектуальная.

Отвергая классовую борьбу пролетариата против капиталистов, Блюм призывал к «сотрудничеству» и «солидарности».

Закрывая глаза на ожесточенную классовую борьбу в капиталистическом обществе, Блюм утверждал, будто «классовые противоречия» далеки от обострения, имеют скорее тенденцию к смягчению. Блюм договаривался до того, что классовая борьба пролетариата «препятствует триумфальному шествию социализма».

Писания Блюма — это откровенная защита буржуазного государства. «Современная форма демократии», как он именует буржуазную демократию, позволяет, по его словам, осуществлять борьбу за социализм в рамках капитализма без какого-либо нарушения или потрясения буржуазной законности. Капитализм, по словам Блюма, создал такую форму демократии, которая все более и более отдаляется от него, становится над ним. Блюм уверяет, что в силу этих свойств буржуазной демократии социалисты, придя к власти в буржуазном государстве, могут управлять, «не подчиняясь капиталистам» и даже используя государственную власть как инструмент борьбы «против капитализма», с целью создания благоприятных условий для наступления социализма.

Буржуазная демократия изображается, таким образом, как надклассовая организация, независимая от капиталистов, не имеющая отношения к эксплуатации рабочего класса и даже открывающая возможность борьбы за социализм без насильственной революции.

Вместо завоевания власти пролетариатом Блюм рекомендует «осуществление власти» социалистической партией, то есть использование существующей государственной власти в рамках капитализма.

Блюм гарантировал капиталистам «добросовестное» использование власти социалистами, обещал, что они будут «верными и лояльными управляющими». Социалисты, по его словам, претендуют лишь на то, чтобы быть представителями, управляющими того самого капиталистического общества, которое они осуждают. Буржуазный общественный и правовой порядок должен в своих основах остаться нетронутым. Чтобы подчеркнуть отсутствие у правых социалистов какого-либо намерения отступить от буржуазной легальности, Блюм выдвигал положение о «непрерывности порядка», своего рода квинтэссенцию оппортунизма, и объявлял, что может осуществляться лишь «законная, прогрессивная экспроприация» и что право собственности промышленника-предпринимателя на его завод является, конечно, «священной вещью».

Разговорами о «социальной демократии» Блюм пытался отвлечь внимание рабочих от задач революционной борьбы за овладение властью, удержать пролетариат от революции. Он уверял, что все общественные бедствия можно вырвать с корнем, основываясь на «социальной демократии», то есть сохраняя империалистическое государство, в котором, по Блюму, якобы достигаются сотрудничество и гармония классов, находит осуществление «социальная демократия».

Проводя линию на соглашение с реакционными силами внутри страны и за рубежом и в то же время стремясь замаскировать свое сотрудничество с реакцией, Блюм выдвинул концепцию «третьей силы», утверждая, будто социалистическая партия (во Франции вместе с католической — МРП) занимает «промежуточное положение между коммунистами и крайней реакцией» и что она в

силах предотвратить установление как личной диктатуры, так и коммунизма во Франции.

Как и другие правосоциалистические лидеры, Блюм, ведя непримиримую борьбу против коммунистов, сотрудничал с реакционными силами Франции.

Блюм более чем благосклонно относился к католицизму. Он заявлял, что католическая церковь в течение последнего пятидесятилетия встала на точку зрения, имеющую чрезвычайно много общего с его собственной точкой зрения и, как он полагает, даже совпадающую с ней в такой степени, которая исключает все реальные противоречия.

Блюм утверждал, что «социальная демократия» делается прочной, когда становится частью мировой политической организации. Он выступал сторонником международной организации — «сверх-государства», в состав которого в качестве его частей должны войти отдельные буржуазные государства. Блюм не мог не понимать, что осуществление его плана создания «мирового государства» будет означать подчинение европейских государств империалистическим кругам США, но его не смущает потеря независимости Францией, как за несколько лет до этого не смущало многих идеологов буржуазии предательство интересов французского народа в дни его борьбы за свою независимость с гитлеровской Германией.

Не гнушаясь никакими приемами в своей пропаганде проамериканского плана установления мирового правительства, Блюм уверял, что если французская нация «актом свободным и добровольным» откажется от своего суверенитета, согласится на план установления мирового государства, то если не по форме, так по существу она останется независимой. Более того, Блюм обосновывал необходимость отказа от национального суверенитета уверениями, что, когда «нация станет частью целого» и волеет свои действия в «деятельность мирового государства», социализм установится сам собою, так сказать, автоматически.

На примере Леона Блюма и его единомышленников и преемников ясно видно, что социал-демократизм есть идеология измены и капитуляции. Продолжая черное дело Блюма, ряд идеологов и руководителей французских правых социалистов стремятся распространить в среде рабочих дух прислужничества перед капиталистами, сделать их покорным орудием в руках империалистов.

6. Такого же рода идеи развивают многие правые социалисты в Австрии и Западной Германии. Так, идеолог «австро-марксизма», впоследствии открыто отмежевавшийся от марксизма, К. Реннер (1870—1950), в своих последних сочинениях, подобно английским лейбористам и французским правым социалистам, выступал против марксистской теории классовой борьбы, ратовал за «демократический социализм», проповедовал «слияние» социализма и капитализма. В своей работе «Новый мир и социализм» (1946) Реннер уверял, что марксизм неприменим к условиям нашего времени уже потому, что

современный рабочий класс совсем непохож на тот пролетариат, который имел в виду Маркс. Рабочий класс в существующих капиталистических странах, по уверению Реннера, на три четверти является «социализированным», «социализируется» и класс капиталистов. Оба эти класса в современных условиях, как заявляет Реннер, перестают быть врагами, а государство в капиталистических странах уже не является буржуазным, так как рабочий класс широко использует его в своих интересах.

Отсюда вывод Реннера: для полного осуществления социализма нужна не борьба за социализм, ибо он и так вступает в фазу своего осуществления и имеет своих сторонников не только среди рабочих, но и среди буржуазии, а сотрудничество пролетариата и буржуазии, не свержение буржуазного государства, а содействие ему. По сравнению со «всеобъемлющей общностью интересов» все противоречия между рабочими и предпринимателями имеют «только второстепенное значение», писал Реннер, уговаривая рабочих не отпугнуть какими-либо неосторожными действиями капиталистов от социализма.

Та же мысль об исчезновении классовой противоположности между пролетариатом и буржуазией проходит красной нитью через работы ряда немецких правых социалистов. Так, один из них — Шульц в своем «труде» под красноречивым заглавием «Перерождение социалистической идеи» пытается опровергнуть необходимость классовой борьбы и доказать ее «вред». Он заявляет, что защищаемая им и его единомышленниками концепция демократического социализма исходит из того, что современный социализм, появившись как дело одного определенного класса, сегодня стал делом якобы всех классов.

Автор разрекламированной в правосоциалистических кругах книги «По ту сторону капитализма», западногерманский правый социалист Зеринг утверждает вслед за Реннером, что капитализм и капиталистическое государство по сути дела уже исчезли и имеет место становление без революционных взрывов и потрясений нового общественного строя, где главенствующая роль принадлежит классу «управляющих», «новых директоров», не имеющих собственности. Не только Реннер и Зеринг, но и многие другие правосоциалистические теоретики, усердно подкрашивая и идеализируя современный капиталистический мир, как якобы уже не являющийся капиталистическим, с жаром пропагандируют буржуазные идеи о «технократии», принадлежности господствующей роли технической интеллигенции в лице директоров, инженеров и прочих «управляющих», доктрину «общества управляющих». Эта лжегеория используется для доказательства ненужности и бесплодности борьбы за социализм, для убеждения рабочих в том, что капитализм якобы сам перерастает в социализм, что революция против капитала уже совершилась незаметным образом, что все те пороки и бедствия капитализма, которые разоблачены Марксом, уже отошли в прошлое, и капиталистическое государство якобы заменено «государством

директоров», содействующим развитию хозяйства в интересах всего общества.

Насколько далеки современные правосоциалистические партии от марксизма, ярко показывает новая программа австрийской социалистической партии, разработанная сыном Карла Каутского — Бенедиктом Каутским и принятая съездом социалистической партии Австрии в конце 1957 года. В программе прямо заявляется о «неприменимости» марксистской критики капитализма и буржуазного государства к современному капитализму и буржуазному государству. По своей враждебности к диктатуре пролетариата, к социалистическому лагерю программа превосходит даже многие буржуазные описи. В то же время программа сохраняет традиции австромарксизма, являвшегося всегда самым утонченным демагогическим обманом рабочих масс.

Глубокий кризис характеризует ныне правосоциалистические партии, в которых происходит все больший отход рядовых членов от этих партий, раскол в среде самой верхушки многих правосоциалистических партий.

Успешная борьба коммунистических и рабочих партий во всех капиталистических странах против реакционной идеологии и практики правых социалистов есть важная составная часть борьбы за освобождение трудящихся масс от капиталистического рабства, борьбы за мир и прогресс во всем мире.

7. Современный ревизионизм является прямым продолжателем черного дела старого ревизионизма — конца XIX и первых десятилетий XX вв. «Ревизионизм Бернштейна возник в последние годы XIX века, когда империализм еще был целостной системой, господствующей над миром, когда в мире еще не было страны диктатуры пролетариата»¹. Новый ревизионизм является продуктом современной классовой борьбы, он сложился в отличающейся от старой международной обстановке, в условиях раскола мира на два противостоящих лагеря — лагерь социализма и лагерь империализма, в условиях, когда истина марксизма-ленинизма подтверждена на опыте создания и успешного развития мировой системы социализма. Это не могло не придать известного своеобразия современному ревизионизму. В отличие от старого ревизионизма современный ревизионизм выступает в период не только теоретической, но и практической победы научного коммунизма. Однако как цели, так и методы и сама идейная основа одинаковы у старого и нового ревизионизма в главном и основном. И тот и другой представляют собою попытку буржуазии взорвать марксизм и международное рабочее движение изнутри под видом пересмотра (ревизии) «устарелых» положений марксизма, под видом «улучшения» марксизма. По меткому выражению Н. С. Хрущева, ревизионизм является своего рода «троянским конем».

¹ «Коммунист» 1958 г. № 8, стр. 132.

Современный ревизионизм, как и старый ревизионизм Бернштейна, Каутского, Кунова, Реннера и др., представляет собою международное явление. Он выступает почти одновременно в целом ряде стран Европы, Америки, Азии. Эта новая волна ревизионизма представляет собою прямой результат усиления идеологической борьбы империалистического лагеря против лагеря социализма, результат влияния буржуазной и правосоциалистической идеологии на неустойчивые элементы в рядах коммунистических и рабочих партий. В подавляющем большинстве случаев ревизионисты повторяют зады старого социал-демократизма, то есть идеи Бернштейна, Каутского и Гильфердинга, и более позднего, то есть идеи Блюма, Эттли, Ги Молле.

Значительное распространение ревизионистские взгляды получили в Югославии. Принятая VII съездом СКЮ (1958) программа содержит немало ревизионистских ошибок, отступая от основных положений марксизма-ленинизма и перекликаясь в ряде случаев с таким враждебным марксизму-ленинизму и социалистическому лагерю правосоциалистическим документом, как упоминавшаяся выше новая программа австрийской социалистической партии.

Отступление от марксизма нашло свое проявление в программе СКЮ по таким основным вопросам, как вопросы о характеристике современного капитализма и современного капиталистического государства, о путях перехода к социализму, о соотношении диктатуры пролетариата и социалистической демократии, об отмирании государства, о руководящей роли коммунистической партии, о принципе пролетарского интернационализма. Это именно те вопросы, по которым выступают и ревизионисты других стран.

Современное империалистическое государство изображается ревизионистами как утратившее свой классовый характер, свою эксплуататорскую сущность, как превратившееся уже или по крайней мере превращающееся в «государство общего благоденствия», назначение которого состоит в достижении общего блага. Подчинение государственного аппарата капиталистическим монополиям изображается ревизионистами как процесс подчинения монополий государству, как ограничение капиталистических монополий, планирование их деятельности, контроль над ними со стороны буржуазного государства.

Как и правые социалисты, ревизионисты в наше время всячески восхваляют буржуазную демократию, отрицая ее классовый характер, противопоставляют демократию диктатуре, считая, что демократия исключает всякую классовую диктатуру, что диктатура предполагает только насилие.

И старые и новые ревизионисты не оригинальны в своих теоретических положениях, так как по общему правилу заимствуют их от буржуазной профессуры, плетутся в хвосте за нею. Это, в частности, ясно можно проследить на вопросе об отмирании государства.

Задолго до того, как появился проект новой программы СКЮ, выставивший в качестве программного требования ускорение отмирания государства диктатуры пролетариата и усматривающий в укреплении диктатуры пролетариата в СССР и других странах социалистического лагеря «отход от марксизма», утверждение «этатизма» и усиление бюрократии,—все это можно было встретить уже в старых работах 20—40-х годов таких реакционных буржуазных профессоров, как, например, Ганс Кельзен или как белоэмигрантский профессор Тимашев.

Откровенно или стыдливо полужамаскированное отречение ревизионистов от диктатуры пролетариата и их попытки ликвидировать компартии, заменить их какими-либо аморфными организациями с чисто просветительскими задачами или даже неклассовыми, беспартийными организациями вроде предлагаемой американским ревизионистом Гейтсом «ассоциации политических действий» достаточно ясно разоблачают роль ревизионистов как лазутчиков империалистической буржуазии в современном международном коммунистическом движении.

Как указывается в принятой Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве в 1957 году Декларации, «наличие буржуазного влияния является внутренним источником ревизионизма, а капитулянство перед давлением со стороны империализма его внешним источником».

В борьбе против современного ревизионизма поворотным пунктом явилось указанное Совещание братских компартий в Москве. Критика современных ревизионистов, широко развернутая братскими компартиями, уже дала свои плоды. Лидеры и идеологи ревизионизма как в компартиях капиталистических стран, так и в компартиях стран народной демократии в основном изгнаны из партий либо сами были вынуждены уйти из них. Влияние ревизионистов стремительно падает всюду. Лишь в Югославии ревизионисты удерживают свои позиции.

Отвергая товарищескую критику со стороны всех других компартий проекта программы СКЮ, превратно изображая эту критику как вмешательство во внутренние дела Югославии, югославские ревизионисты провозглашают данную программу документом, якобы восполняющим пробелы марксизма.

Полный идейный и политический разгром ревизионизма, как об этом сказано в упомянутой Декларации, является необходимой, насущной задачей всех коммунистических и рабочих партий. Борьба за чистоту марксизма-ленинизма против любых его извращений была и остается необходимым условием развития коммунистического международного движения. Борясь против ревизионизма как главной опасности на данном этапе рабочего движения, коммунистические партии одновременно ведут борьбу и против догматизма. В борьбе за чистоту марксистско-ленинской теории укрепляется единство коммунистических и рабочих партий, растут и крепнут силы социализма.

ЛИТЕРАТУРА

Руководящая

- Ленин В. И., Материализм и эмпириокритицизм, Соч., т. 14.
Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, Соч., т. 22, с. 173—290.
Ленин В. И., Детская болезнь «левизны» в коммунизме, Соч., т. 31, с. 1—97.
Ленин В. И., Два мира, Соч., т. 16, с. 278—285.
Ленин В. И., Марксизм и ревизионизм, Соч., т. 15, с. 15—25.
Ленин В. И., Марксизм и реформизм, Соч., т. 19, с. 334—337.
Ленин В. И., О некоторых особенностях исторического развития марксизма, Соч., т. 17, с. 20—24.
Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, состоявшихся в Москве в ноябре 1957 года, Госполитиздат, 1957.
Н. С. Хрущев, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, М., Госполитиздат, 1959.

Дополнительная

- Зивс С. Л., Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах, Издательство Академии наук СССР, М., 1959.
Сайдлер Г. Л., Юридические доктрины империализма, перевод с польского, М., 1958.
Туманов В. А., Критика современной буржуазной теории права, М., 1957.
В. Чхиквадзе, С. Зивс, Против современного реформизма и ревизионизма в вопросе о государстве, Госполитиздат, М., 1959.
-

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История возникновения и развития марксистско-ленинского учения, и в первую очередь учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, ясно свидетельствует о том, что в этом учении нашел свое обобщение опыт всемирного пролетарского революционного движения.

Возникнув на том этапе, когда на арену классовой борьбы вышел новый класс — класс пролетариев, давая ответ на насущные, жизненно важные для этого класса вопросы, марксистско-ленинское учение вбирало и вбирает в себя опыт борьбы этого класса за свои интересы, за прогрессивное развитие общества, обогащаясь новыми выводами и положениями на основе анализа этого опыта.

Неразрывно связанное с практикой революционной борьбы пролетариата марксистско-ленинское учение является передовой наукой, служащей народу, отстаивающей интересы народных масс. Трудящиеся массы капиталистических стран все глубже и глубже чувствуют, видят, как сама жизнь утверждает правоту марксистско-ленинской теории в целом и ее главной части — учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата, теории, отражающей коренные интересы рабочего класса, всех трудящихся и эксплуатируемых. Именно этим и объясняется неуклонное распространение марксистских идей во всем мире.

Идеи научного коммунизма уже до Великой Октябрьской революции стали достоянием широких слоев рабочего класса. Без усвоения идей марксизма-ленинизма о социалистической революции, о диктатуре пролетариата немислима была бы победа Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей собой новую эпоху в истории человечества — эпоху пролетарских революций и диктатуры пролетариата.

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила коренной перелом в истории человечества, в освободительном

движении мирового пролетариата, в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира.

Особенно важное значение в победоносном распространении марксистско-ленинских идей во всем мире имеют создание, неуклонное развитие и великие достижения Советского социалистического государства, ныне вступившего в период развернутого строительства коммунизма, а также успехи социалистического строительства в Народном Китае и в других странах социалистического лагеря. Грандиозные достижения социалистических стран убеждают трудящихся всего мира в великой силе и жизненности марксизма-ленинизма, в особенности, его учения о государстве.

Всепобеждающие идеи марксизма-ленинизма служат незаменимым руководством к действию для всех коммунистических партий рабочего класса капиталистических стран в их борьбе за мир, демократию и социализм.

Вооруженные марксистско-ленинской теорией, творчески применяя ее положения к конкретным историческим условиям, коммунистические партии Франции, Италии, США, Англии и других капиталистических стран все в большей и большей мере объединяют вокруг себя миллионы трудящихся в борьбе против сил реакции, фашизма и войны, за национальную независимость, мир, демократию, социализм.

Империалистическая буржуазия всеми средствами стремится воспрепятствовать распространению идей марксизма-ленинизма, взорвать марксизм изнутри при помощи ревизионистов.

Однако усилия империалистической буржуазии и ее агентуры — социал-оппортунистов и ревизионистов — уничтожить марксизм тщетны, обречены на провал. Марксизм есть научное выражение коренных интересов рабочего класса. «Чтобы уничтожить марксизм, надо уничтожить рабочий класс. А уничтожить рабочий класс невозможно»¹.

Жизнь полностью подтвердила положение марксизма о том, что идеи, овладевшие массами, становятся материальной силой. «Идеи коммунизма стали ведущей силой современности»². Каждый день приносит новые доказательства великой силы марксизма-ленинизма.

¹ И. В. Сталин, Соч., т. 13, стр. 377—378.

² Резолюция по докладу товарища Н. С. Хрущева, О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», Госполитиздат, 1959, стр. 165.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-----------------------	---

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Задача и значение курса истории политических учений	7
§ 2. Предмет истории политических учений	10
§ 3. Метод изучения истории политических учений	15
§ 4. Периодизация истории политических учений. Структура курса . . .	24

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя стран древнего Востока	29
§ 2. Политическая идеология древнего Египта	30
§ 3. Политическая идеология древнего Вавилона	35
§ 4. Политическая идеология древней Индии	37
§ 5. Политическая идеология древнего Китая	40

ГЛАВА II

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

§ 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Греции	48
§ 2. Политическая мысль в древней Греции в период образования полисов и их первоначального развития	51

§ 3. Борьба аристократических и демократических идей в Греции в период расцвета древнегреческих государств	56
§ 4. Политическое учение Аристотеля	74
§ 5. Политические учения в период упадка древнегреческих государств	83
§ 6. Учение Полибия о государстве	86

Г Л А В А III

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

§ 1. Общая характеристика учений о государстве и праве в древнем Риме и основные этапы их развития	89
§ 2. Воззрения на государство и право в период формирования рабовладельческого общества и государства древнего Рима	91
§ 3. Учения о государстве и праве в период наивысшего развития рабовладельческого общества и превращения римского государства в обширную империю (III в. до н. э.— III в. н. э.)	92
§ 4. Политические и правовые учения в период разложения и гибели римского рабовладельческого общества (III в. н. э.— V в. н. э.)	105

Г Л А В А IV

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

§ 1. Характерные черты учений о государстве и праве в эпоху феодализма в Западной Европе	110
§ 2. Учения о государстве и праве в период образования и первой стадии развития феодального общества в Западной Европе	113
§ 3. Ереси в XI—XIII вв.	116
§ 4. Учения о государстве и праве в период развития товарно-денежных отношений и роста городов (общая характеристика)	119
§ 5. Учение о государстве и праве Фомы Аквинского	120
§ 6. Идея мировой монархии Данте	123
§ 7. Вильям Оккам, Марсилиус Падуанский и средневековые юристы	124
§ 8. Ереси в XIV—XV вв.	127

ГЛАВА V

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РАННЕГО ФЕОДАЛИЗМА

- § 1. Краткая характеристика общественного и политического строя древней Руси 131
- § 2. Идея равноправия и независимости русского государства в «Слове о законе и благодати» Иллариона и русских летописях 134
- § 3. «Поучение» Владимира Мономаха 139
- § 4. Идея общерусского единства в «Слове о полку Игореве» 140
- § 5. Идея сильной княжеской власти и протест против боярства в «Мелении Даниила Заточника» 141
- § 6. Отражение борьбы русского народа против монгольского ига в политической литературе XIII—XV вв. 142

ГЛАВА VI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ЗАКАВКАЗЬЕ, СРЕДНЕЙ АЗИИ И СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

- § 1. Политические учения в странах Закавказья 146
- § 2. Политические учения в странах Средней Азии 150
- § 3. Политические учения арабского Востока 152

ГЛАВА VII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА (XV—XVII вв.)

- § 1. Общая характеристика общественно-политического строя русского централизованного государства в XV—XVII вв. 154
- § 2. Вопрос о независимости русского государства; теории суверенитета государственной власти в политической литературе XV—XVI вв. 157
- § 3. Средневековые ереси XV—XVI вв. в России как выражение протеста против усиления феодальной эксплуатации 161
- § 4. Политические учения сторонников централизованного государства 165
- § 5. Политические учения сторонников феодальной реакции 171
- § 6. Политическая идеология времени шведско-польской интервенции . . 173
- § 7. Прогрессивная идея воссоединения украинского народа с русским в едином централизованном государстве 175
- § 8. Теории нарождающегося абсолютизма конца XVII века в России . . 176
- § 9. Политическая идеология крестьянских восстаний в XVII веке . . . 179

ГЛАВА VIII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРИОД НАЧАВШЕГОСЯ РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА

- § 1. Зарождение капиталистических отношений в недрах феодального общества. Общая характеристика идеологии Возрождения 182
- § 2. Политические взгляды Макиавелли 184
- § 3. Политические идеи деятелей Реформации и Крестьянской войны в Германии 191
- § 4. «Тираноборцы» 196
- § 5. Политическое учение Бодена 201
- § 6. Общественно-политические воззрения Томаса Мора 205
- § 7. Общественно-политические воззрения Томазо Кампанеллы 210

ГЛАВА IX

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД РАННИХ БУРЖУАЗНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

- § 1. Предпосылки ранних буржуазных революций в странах Западной Европы. Естественноправовые теории XVII—XVIII вв.— идеологическое оружие буржуазии в борьбе за власть 213
- § 2. Учение о государстве и праве Гуго Гроция 215
- § 3. Политические воззрения Спинозы 218
- § 4. Политическая идеология в Англии в период буржуазной революции XVII века 223

ГЛАВА X

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ В ГЕРМАНИИ XVII—XVIII вв.

- § 1. Учения о естественном праве в Германии XVII—XVIII вв. 233
- § 2. Немецкое просветительство XVIII века 245
- § 3. Немецкие демократы XVIII века 246

ГЛАВА XI

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД УКРЕПЛЕНИЯ АБСОЛЮТНОЙ ДВОРЯНСКОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ

- § 1. Государственные реформы первой четверти XVIII века и укрепление абсолютизма в России 249
- § 2. Защита «просвещенного абсолютизма» в произведениях членов «ученой дружины» Петра I (Феофан Прокопович, В. Н. Татищев) 253
- § 3. И. Т. Посошков — идеолог нарождающегося класса торговцев 259
- § 4. Политическая идеология народных движений первой половины XVIII века 264

ГЛАВА XII

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ В ПЕРИОД КРИЗИСА АБСОЛЮТИЗМА И БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII ВЕКА

§ 1. Краткая характеристика общественного и государственного строя Франции накануне революции	269
§ 2. Вольтер	271
§ 3. Монтескье	274
§ 4. Руссо	282
§ 5. Гельвеций	291
§ 6. Дидро	293
§ 7. Поль Гольбах	296
§ 8. Утопические социалисты: Мелье, Морелли, Мабли	301
§ 9. Политические воззрения деятелей французской буржуазной революции XVIII века	314
§ 10. Утопический социализм Бабефа	320

ГЛАВА XIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В США В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

§ 1. Война американских колоний за независимость и образование Соединенных Штатов Америки	327
§ 2. Александр Гамильтон	330
§ 3. Томас Джефферсон	331
§ 4. Томас Пэн	334

ГЛАВА XIV

ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД ЗАРОЖДЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА И НАЧАЛА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ

§ 1. Возникновение капиталистического уклада и начало разложения феодально-крепостнического строя в России	337
§ 2. Идея просвещенного абсолютизма и доктрина полицейского государства в «Наказе» Екатерины II	339
§ 3. Программа реакционного дворянства в произведениях М. М. Щербатова	344
§ 4. Просветительство XVIII века. Н. И. Новиков, С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков, Я. П. Козельский	345
§ 5. Политическая идеология восстания под предводительством Е. И. Пугачева	352
§ 6. Критика абсолютистского государства и крепостного права в конце XVIII века А. Н. Радищевым	355

РЕАКЦИОННЫЕ УЧЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ
(Конец XVIII — середина XIX века)

§ 1. Реставрация Бурбонов и феодальная реакция во Франции. Теократическая школа (Жозеф де Местр, де Бональд)	366
§ 2. Историческая школа права	371
§ 3. Расистская «теория» Гобино	376

Г Л А В А XVI

УЧЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
НЕМЕЦКОГО ИДЕАЛИЗМА КОНЦА XVIII
И НАЧАЛА XIX ВЕКА

§ 1. Краткая характеристика общественно-политического строя Германии в конце XVIII и начале XIX века	379
§ 2. Кант	380
§ 3. Фихте	388
§ 4. Гегель	393

Г Л А В А XVII

УЧЕНИЯ УТОПИЧЕСКИХ СОЦИАЛИСТОВ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

§ 1. Идеи утопических социалистов начала XIX века — отражение протеста трудящихся масс против капиталистического гнета	407
§ 2. Сен-Симон	408
§ 3. Фурье	415
§ 4. Оуэн	421

Г Л А В А XVIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ БУРЖУАЗИИ
В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX ВЕКА

§ 1. Развитие капитализма после французской буржуазной революции конца XVIII века и особенности буржуазных политических учений первой половины XIX века	427
§ 2. Буржуазный либерализм во Франции (Бенжамен Констан)	430
§ 3. Либеральные учения в Англии (Иеремия Бентам)	437
§ 4. Позитивизм и учение об общественной «солидарности» (Огюст Конт)	442
§ 5. Апология конституционной монархии как «надклассового» государства (Лоренц Штейн)	449

Г Л А В А Х I X
**ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В РОССИИ В ПЕРИОД
РАЗЛОЖЕНИЯ И НАЧАЛА КРИЗИСА
ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ**

§ 1.	Краткая характеристика общественно-политического строя России в начале XIX века	452
§ 2.	Политические взгляды и проекты реформ М. М. Сперанского	454
§ 3.	Политическая программа реакционного дворянства	463
§ 4.	Политические взгляды дворянских революционеров (декабристов)	465
§ 5.	Реакционные учения 30—40-х годов. Славянофилы	478
§ 6.	Просветители 30—40-х годов. П. Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский	481

Г Л А В А Х X

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ РУССКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ДЕМОКРАТОВ XIX ВЕКА**

§ 1.	Кризис феодально-крепостнического строя и революционная ситуация 1859—1861 гг.	487
§ 2.	А. И. Герцен	491
§ 3.	Н. П. Огарев	499
§ 4.	В. Г. Белинский	502
§ 5.	Политические и правовые взгляды Н. Г. Чернышевского	507
§ 6.	Политические и правовые взгляды Н. А. Добролюбова	521
§ 7.	Заключение	525

Г Л А В А Х X I

**ПЕРЕДОВАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ
НАРОДОВ РОССИИ В XIX ВЕКЕ**

§ 1.	Значение идей великих русских революционеров-демократов в формировании передовой общественно-политической мысли народов России	528
§ 2.	Развитие революционно-демократических идей на Украине. Т. Г. Шевченко и И. Я. Франко	529
§ 3.	Революционный демократ Белоруссии К. С. Калиновский	539
§ 4.	Передовая общественно-политическая мысль в Грузии, Армении и Азербайджане в XIX веке. И. Чавчавадзе, А. Церетели, Э. Ниношвили, Хачатур Абовян, Микаэль Налбандян Мирза Фатали Ахундов	540
§ 5.	Политические взгляды казахских просветителей XIX века	547
§ 6.	Политические взгляды просветителей народов Средней Азии. Муками. Фуркат. Дониш. Шахин. Бердах	552
§ 7.	Прогрессивная общественно-политическая мысль в Латвии, Эстонии и Литве	560

ГЛАВА XXI

ПЕРЕДОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН В XIX ВЕКЕ

§ 1. Исторические особенности развития политической мысли западных и южных славян в XIX веке	536
§ 2. Передовая политическая мысль в Болгарии	537
§ 3. Политические взгляды Светозара Марковича — выражение идеологии угнетенного крестьянства Сербии	570
§ 4. Развитие передовой политической мысли в Польше	575
§ 5. Национально-освободительное направление передовой политической мысли в Чехии	580

ГЛАВА XXIII

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МАРКСИЗМА — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРЕВОРОТ В ОБЛАСТИ ФИЛОСОФИИ И ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ. УЧЕНИЕ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА — ГЛАВНОЕ В МАРКСИЗМЕ

§ 1. Исторические условия возникновения марксизма	583
§ 2. Возникновение марксизма — революционный переворот в области философии и общественной науки	586
§ 3. Формирование политических взглядов Маркса и Энгельса	590
§ 4. «Манифест Коммунистической партии» — научно обоснованная программа борьбы пролетариата за свое освобождение. Идея пролетарской революции и диктатуры пролетариата в «Манифесте Коммунистической партии»	606

ГЛАВА XXIV

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОГО УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1851 ГГ. ДО ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

§ 1. Общая характеристика периода	613
§ 2. Политическая деятельность Маркса и Энгельса в революциях 1848—1851 гг.	616
§ 3. Развитие марксистского учения о государстве и праве на основе опыта революций 1848—1851 гг. Вывод о сломе буржуазной государственной машины как предварительном условии всякой подлинно народной революции	617
§ 4. Обоснование неизбежности пролетарской революции и диктатуры пролетариата в экономических трудах Маркса	623
§ 5. Маркс и Энгельс — организаторы и руководители I Интернационала. Их борьба с антимарксистскими течениями в рабочем движении	629
§ 6. Маркс и Энгельс о международных отношениях	630

ГЛАВА XXV

РАЗРАБОТКА МАРКСОМ И ЭНГЕЛЬСОМ УЧЕНИЯ О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА ПОСЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

- § 1. Общая характеристика периода 643
- § 2. Изучение и обобщение Марксом и Энгельсом опыта Парижской Коммуны.
Вывод Маркса о Парижской Коммуне как политической форме диктатуры пролетариата 645
- § 3. Значение труда Маркса «Критика Готской программы» 649
- § 4. Борьба Маркса и Энгельса против анархизма 653
- § 5. Вопросы государства и права в трудах Энгельса «Анти-Дюринг» и «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» 660
- § 6. Значение труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» в развитии и систематизации марксистского учения о государстве и праве 666
- § 7. Борьба Энгельса против оппортунизма и ревизионизма в защиту идеи диктатуры пролетариата 668

ГЛАВА XXVI

БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

- § 1. Учение Иеринга о государстве и праве 675
- § 2. «Органическое» учение о государстве и «социальный дарвинизм» 679
- § 3. Националистические и расистские теории 683
- § 4. Политические идеи неокантианства 691
- § 5. Политические учения либеральных государствоведов 693

ГЛАВА XXVII

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА В РОССИИ И БОРЬБА ПЕРВЫХ РУССКИХ МАРКСИСТОВ С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ НАРОДНИЧЕСТВА И РЕВИЗИОНИЗМОМ В 90-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

- § 1. Развитие капитализма и обострение классовой борьбы в России после крестьянской реформы 1861 года 697
- § 2. Распространение трудов Маркса и Энгельса в России 703
- § 3. Идеология либеральных народников 90-х годов 708
- § 4. Роль Плеханова в пропаганде марксизма и его борьба с народничеством 710
- § 5. Критика Плехановым государственно-правовых взглядов современных ему ревизионистов 713

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЛЕНИНИЗМА. РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ
О ДИКТАТУРЕ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРИОД БОРЬБЫ
ЗА ПОБЕДУ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
В РОССИИ**

§ 1. Россия — родина ленинизма	720
§ 2. Разработка В. И. Лениным вопроса о партии нового типа и ее роли в борьбе за победу диктатуры пролетариата. В. И. Ленин о диктатуре пролетариата как важнейшем и определяющем пункте программы партии нового типа	722
§ 3. Развитие В. И. Лениным марксистского учения о социалистической революции и диктатуре пролетариата в период первой русской революции	727
§ 4. Разработка В. И. Лениным вопроса об использовании буржуазной законности в интересах революционной борьбы рабочего класса	731
§ 5. Разработка В. И. Лениным национального вопроса как составной части теории социалистической революции	733
§ 6. Развитие теории социалистической революции в трудах В. И. Ленина периода первой мировой войны	736
§ 7. Развитие марксистско-ленинской теории социалистической революции и диктатуры пролетариата в период февраля — октября 1917 года	742
§ 8. Победа Великой Октябрьской социалистической революции — торжество марксистско-ленинской теории пролетарской революции	751

**РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ
О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ
В ПЕРИОД БОРЬБЫ ЗА ПОСТРОЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА
В СССР**

§ 1. В. И. Ленин о сущности, основных задачах и функциях диктатуры пролетариата в переходный период от капитализма к коммунизму.	756
§ 2. В. И. Ленин о соотношении диктатуры пролетариата и социалистической демократии	761

§ 3. В. И. Ленин о системе диктатуры пролетариата и о руководящей роли Коммунистической партии в этой системе	764
§ 4. Ленинский принцип демократического централизма в организации и деятельности советского государственного аппарата	769
§ 5. Ленинские принципы устройства Советского многонационального государства	775
§ 6. В. И. Ленин о роли советского права и советской законности в укреплении социалистического общественного и государственного строя	778
§ 7. Дальнейшее творческое развитие Коммунистической партией Советского Союза марксистско-ленинской теории государства и права	783

Г Л А В А Х Х Х

**РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ
О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И ПРАВЕ
В ПЕРИОД ЗАВЕРШЕНИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА
И ПОСТЕПЕННОГО ПЕРЕХОДА К КОММУНИЗМУ
В СССР**

§ 1. Победа социализма в СССР — торжество марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата	788
§ 2. Развитие учения о социалистическом государстве в решениях XVIII съезда ВКП(б)	790
§ 3. Развитие марксистско-ленинской теории диктатуры пролетариата и социалистического государства в период после второй мировой войны в решениях XX съезда КПСС и в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран	793
§ 4. Решения XXI съезда КПСС — новый выдающийся вклад в марксистско-ленинскую теорию	800

Г Л А В А Х Х Х I

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ В ИНДИИ И КИТАЕ В ЭПОХУ
ИМПЕРИАЛИЗМА**

§ 1. Общая характеристика	809
§ 2. Политическая идеология национально-освободительного движения в Индии. Ганди	810
§ 3. Политическая идеология антиимпериалистического и антифеодального движения в Китае. Сунь Ят-сен	814

БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ В ПЕРИОД
ИМПЕРИАЛИЗМА

§ 1. Общая характеристика	826
§ 2. Биологические учения о государстве и праве	830
§ 3. Нормативистские теории	831
§ 4. Психологические концепции государства и права	835
§ 5. «Солидаризм» и «институционализм»	840
§ 6. Естественноправовые учения	847
§ 7. Социологическое направление в учениях о праве («прагматисты» «социологи», «реалисты»)	855
§ 8. Национализм и расизм — оружие империалистической реакции	861
§ 9. Буржуазный космополитизм	865
§ 10. Социал-оппортунисты и ревизионисты — проводники влияния буржуазной идеологии на пролетариат	868
З а к л ю ч е н и е	881

Коллектив авторов
«История политических учений»

*

Редактор *О. Э. Лейст*
Художник-оформитель *Е. Б. Бельская*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *А. Н. Макарова*

Сдано в набор 12/XII 1959 г. Подписано к печати
23/VI 1960 г. Формат бумаги 60 × 92¹/₁₆. Объем:
физ. печ. л. 56,0; условн. печ. л. 56,0; учетно-изд. л.
60,96. Тираж 25 000 экз. А-05761. Цена 20 р. 30 к.
Заказ № 3847.

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, ЖС-54, Валуевая, 28.